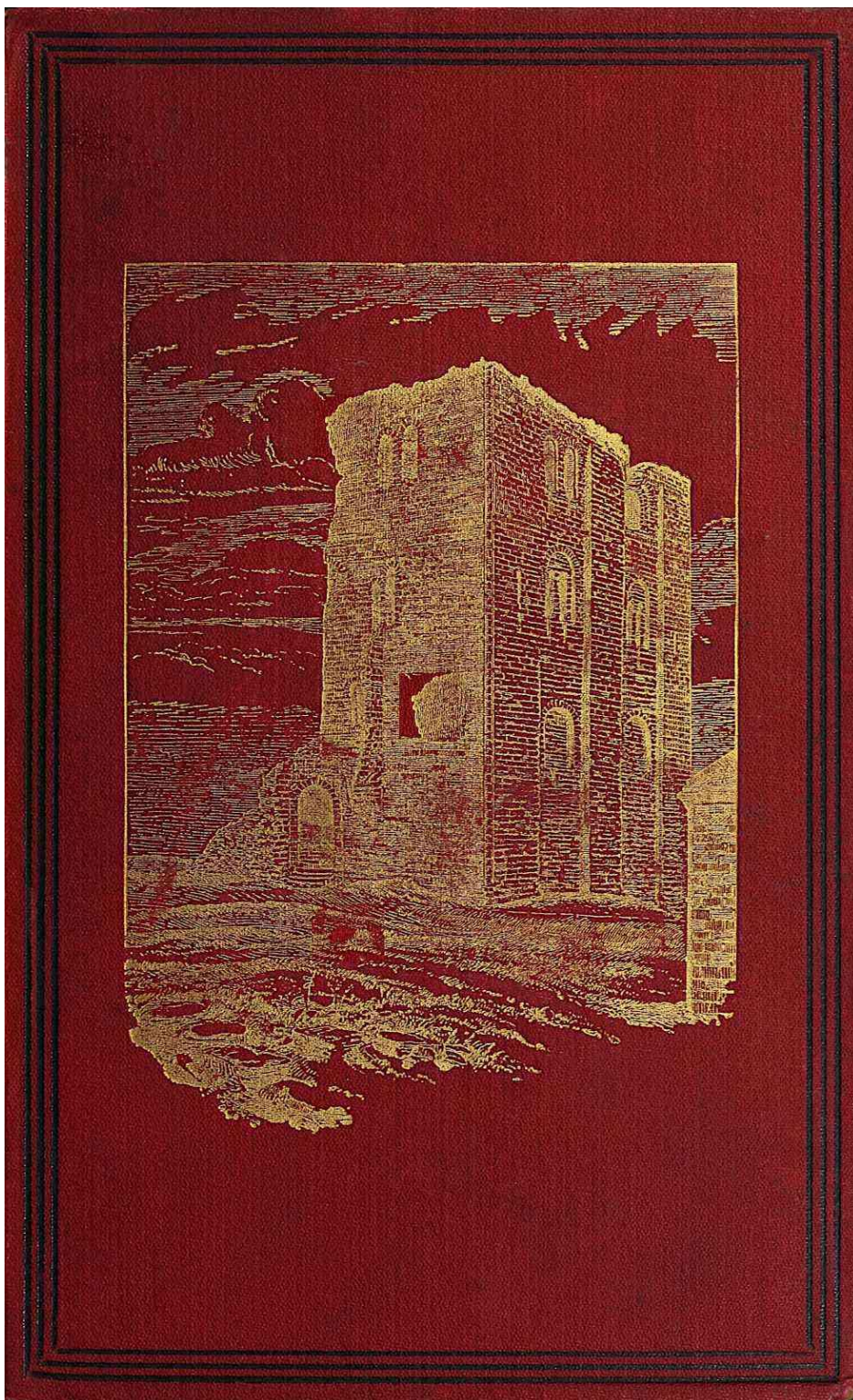

Средневековая военная архитектура в Англии, Том 2 (из 2)

Джордж Томас Кларк

Электронная книга проекта Гутенберга по средневековой военной архитектуре Англии, том 2 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Средневековая военная архитектура в Англии, Том 2 (из 2)

Автор: Джордж Томас Кларк

Дата выхода: 5 мая 2021 г. [Электронная книга № 65261]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен MWS, Робертом Тонсингом и командой онлайн-корректоров (<https://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА В АНГЛИИ", ТОМ 2 (ИЗ 2) ***

Электронная книга проекта Гутенберга "Средневековая военная архитектура в Англии", том II (из 2), Джордж Томас Кларк

Примечание:

Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Смотрите <https://archive.org/details/medievalmilitarya02clarУ>

проекта "Гутенберг" есть другой том этой работы.

Том I: смотрите

<http://www.gutenberg.org/files/64187/64187-h/64187-h.htm>

Некоторые символы могут не отображаться в этой HTML-версии (*например*, пустые квадраты). Если это так, читателю следует ознакомиться с оригинальными изображениями страниц, указанными выше.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА В АНГЛИИ.

Автор: ГЕО. Т. КЛАРК.

ТОМ II.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

. Время

Придал красоту многим башням,

Который, когда он хмурится всеми своими зубчатыми стенами,

Было только ужасно. —Мейсон.

ЛОНДОН:

WYMAN & SONS, 74-76, ГРЕЙТ-КУИН-СТРИТ,
ЛИНКОЛЬНС-ИНН-ФИЛДС, ВАШИНГТОН

1884.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II.

- Замок Долфорвин, Монтгомери
- Дуврский замок, Кент
- Замок Данстер, Сомерсет
- Крепость Дарем
- Замок Итон-Сокон, Бедфордшир

- Замок Эвиас Гарольд, Херефордшир
- Эксетерский замок
- Замок Филлонгли, Уорикшир
- Замок Фонмон, Гламорган
- Замок Фотерингей, Нортгемптоншир
- Замок Гросмонт, Монмутшир
- Замок Гилфорд, Суррей
- Замок Харлех, Мерионет
- Замок Гастингс, Сассекс
- Замок Хаварден, Флинтшир
- Замок Хелмсли, Йоркшир
- Херефордский замок
- Хартфордский замок
- Замок Хоптон, Шропшир
- Замок Хантингдон
- Замок Хантингтон, Херефордшир
- Замок Кенилворт, Уорикшир
- Замок Кидвелли, Кермартеншир
- Замок Килпек
- Замок Нэрсборо, Йоркшир
- Лидс, или Ледес, Касл, Кент
- Лестерский замок
- Замок Лейборн, Кент
- Замок линкольна
- Башня Лланки, Гламорган
- Лондон, Тауэр
- Замок Ладлоу, Шропшир
- Башня Святого леонарда, Уэст-Маллинг
- Замок Миддлхэм, Йоркшир
- Замок Митфорд, Нортумберленд
- Замок Монтгомери
- Замок Морле, Гламорган
- Замок Норэм, Дарем
- Ноттингемский замок
- Замок Одихам, Хантс
- Освестри, Шропшир
- Замок Пенмарк
- Замок Пенрис в Гауэре
- Замок Пенрит, Камберленд
- Замок Певенси, Сассекс
- Замок Пикеринг, Йоркшир
- Замок Понтефракт, Йоркшир

- Порчестерский замок, Хантс
 - Замок Ричарда, Херефордшир
 - Рочестерский замок
 - Замок Рокингем, Нортгемптоншир
 - Олд-Сарум, Уилтшир
 - Замок Скарборо
 - Замок Скенфрит
 - Саутгемптон, древние укрепления
 - Замок Тэмворт, Уорикшир
 - Замок Тонтон
 - Замок Тернхэм, Кент
 - Замок Тикхилл, Йоркшир
 - Замки Третауэр, Блен-Ллифни и Крикхауэл
 - Замок Татбери, Стаффордшир
 - Замок Уркварт, графство Инвернесс
 - Уэйрхэм, Дорсетшир
 - Белый замок, Монмутшир
 - Уиттингтон, Шропшир
 - Вигмор, Херефордшир
 - Йорк, Оборона
-

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ТОМУ II.

- Замок Долфорвин, План и разрезы
- Вид на Дуврский замок
- Замок Дувр, Планы первого этажа и подвала
- То же самое Планы Второго этажа и галереи Второго этажа
- Замок Данстер, План местности
- Замок Итон-Сокон, План местности
- Замок Филлонгли, План местности
- Замок Фонмон, План местности и высота над уровнем моря
- Гилдфордский замок
- Замок Харлех, вид с высоты птичьего полета
- То же самое с Генеральным планом
- Замок Гастингс, План местности
- Замок Хаварден, План местности
- То же самое со шпорами, ограждающими главный вход
- Замок Хелмсли, План местности

- То же самое с планами и разделом Содержания
- [Хартфордский замок, План местности](#)
- [Замок Хоптон, План местности](#)
- [Замок Хантингтон, План местности](#)
- [Замок Кенилворт, Планы башни Мортимера, Первого и цокольного этажей Крепости](#)
- То же самое с Генеральным планом
- [Замок Кидвелли, вид с высоты птичьего полета](#)
- То же с [планом местности](#)
- То же самое с Генеральным планом
- То же самое с высотой и сечением
- То же самое с [Воротами и Главным входом](#)
- То же самое с интерьером часовни
- [Крепость Кнарсборо, План подземелья и высота крепости](#)
- То же самое с планами первого этажа и подвала
- [Замок линкольна, План местности](#)
- [Лондон, Тауэр, План местности 1866 года](#)
- То же самое [С Замком, Третья стадия](#)
- То же самое с камином в Сохранности
- То же самое [Часовня Святого Иоанна—Южный придел](#)
- То Же самое [С Крепостью, Верхней Ступенью](#)
- То Же самое [Вертикальный разрез, Восточный и Западный](#)
- То же самое с башнями Блади и Уэйкфилд, План подвала
- То же самое с Башней Уэйкфилд, Входом Во дворец и Ораторией
- То же самое с колокольной. План подвала
- То Же Самое [Первый этаж](#)
- То же самое [С Занавесом, Планом Местности](#)
- То же самое с Башней Деверо, План подвала
- То же самое [С Соляной башней—План подвала](#)
- То Же Самое [Первый этаж](#)
- То же самое с [планом башни—колодца](#)
- То Же самое с башней-колыбелью, Планом подвала
- То Же самое [Окно](#)
- То же самое с башней Святого Томаса, Планом подвала
- То Же [То же самое с кольцевыми камнями](#)
- Ditto Ditto Piscina
- То Же самое с Байвордской башней и Задним входом, План
- То же самое с башней Байвард, План первого этажа
- То же самое со Средней башней, План местности
- То Же Самое [Первый этаж](#)
- [Замок Ладлоу, План местности](#)
- То Же самое [С Замком, Первый этаж](#)
- То Же Самое [Первый этаж](#)

- [Замок Монтгомери, План местности](#)
- [Замок Морле, План местности и разрезы](#)
- [Замок Норем, План местности](#)
- [То же самое с Планом подвала, Сохраняйте](#)
- [Ноттингемский замок шестнадцатого века, вид с высоты птичьего полета](#)
- [Замок Одихам, План местности](#)
- [Старый Сарум, План местности](#)
- [Замок Пенмарк, План местности](#)
- [Замок Пенрис, План местности](#)
- [Замок Пенрит, План местности](#)
- [Замок Пикеринг, План местности и разрезы](#)
- [Порчестерский замок, Планы](#)
- [Замок Ричарда, План местности и разрез](#)
- [Крепость Рочестерского замка, Планы подвала и Первого этажа](#)
- [То Же самое Планы первого этажа и галереи Первого этажа](#)
- [То же самое с секциями молдингов](#)
- [Замок Рокингем, План местности](#)
- [Замок Скарборо, План местности](#)
- [То же самое Заком](#)
- [То Же самое Южное лицо](#)
- [То Же самое Интерьер](#)
- [Замок Скенфрит, План местности](#)
- [Замок Третауэр, Высота и план местности](#)
- [Уэйрхэм, План местности и разрез](#)
- [Белый замок, План местности](#)
- [Замок Уиттингтон, План местности](#)

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА.

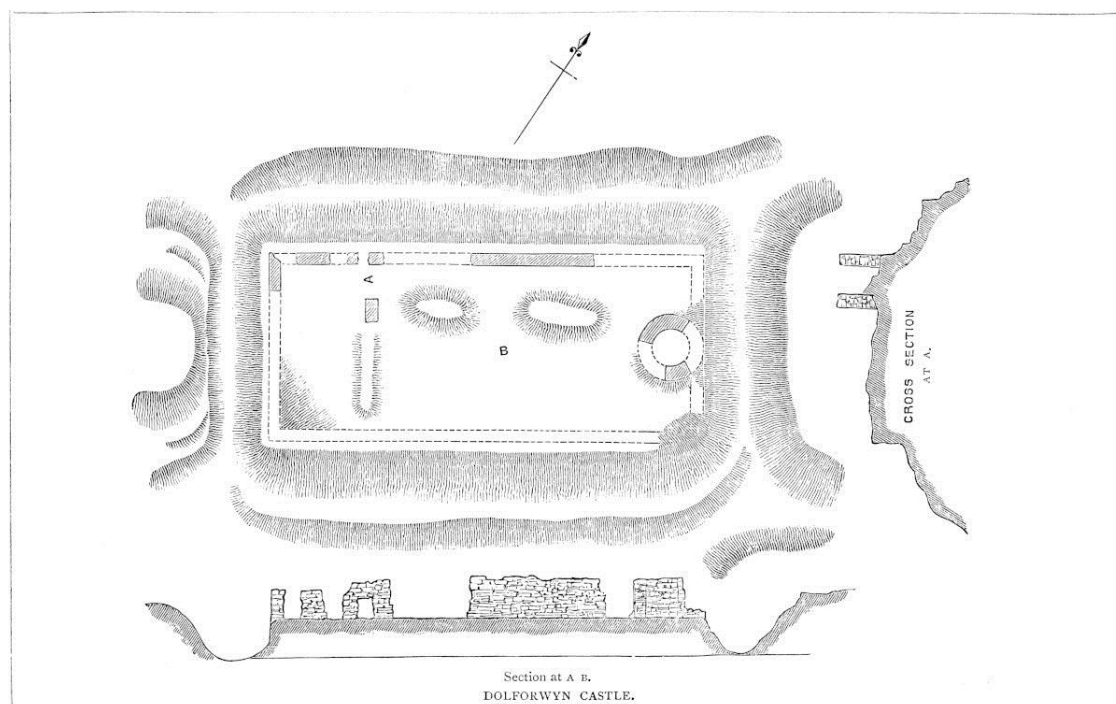
ОПИСАНИЯ.

“ Время

Превратил в красоту многие башни,

Который, нахмурившись всеми своими зубчатыми стенами,

Было только ужасно. —Мейсон.

ЗАМОК ДОЛФОРВИН.

ЗАМОК ДОЛФОРВИН, МОНТГОМЕРИ.

ДОЛФОРВИН, или “Девичий луг”, - название, очевидно, перенесенное с лугов соседнего Северна на горный хребет, занятый замком, который возвышается на 500 или 600 футов над рекой и в полумиле к западу от нее, от которой он отделен промежуточным холмом. Подъехать к замку можно по крутой дороге, которая становится еще круче ближе к вершине хребта и, наконец, огибает укрепления замка и находится под их контролем.

Эти сооружения очень просты по плану и грубой конструкции. Платформа длиной около 200 ярдов и шириной 100 ярдов занимает центр гребня. Его скалистые склоны обрывисты и облицованы со всех сторон на высоту около 10 футов, и на этой стене был построен занавес высотой еще от 20 до 30 футов и толщиной около 5 футов. На каждом конце в скале был вырыт поперечный ров, чтобы изолировать замок от такой же возвышенности за ним. Вероятно, мостов через эти рвы не было, и вход, по-видимому, был через простой дверной проем в занавесе на северной стороне сооружения. Занавес, по-видимому, был довольно простым, без контрфорса, пилястры или фланкирующей башни, за исключением восточного конца площади, недалеко от центра, где находятся остатки круглой башни диаметром около 30 футов со стенами толщиной 5 футов. Занавеска с южной, или наиболее открытой, стороны отодвинута; с противоположной стороны она более совершенна и содержит дверной проем, сломанный и теперь представляющий собой просто дыру в стене. Внутри находится фрагмент здания, в которое, вероятно, вели ворота. Платформа очень неправильной формы, частично естественная, в основном из-за кучи мусора, покрывающей фундаменты домашних построек. Здание мало чем отличается от Динас Бран и Динас Поуис и, вероятно, относится к эпохе Генриха III. или Эдуарда I., в начале правления. Материал - деревенский плиточный камень, уложенный курсами. Нет никаких признаков тесака.

У Долфорвина нет истории. Все, что известно, это то, что он был пожалован Эдуардом I. [7 Эдуард I.] Роджеру Мортимеру из Вигмора как “замок Долворон” с территориями Кеддьюи и Кери, который должен был принадлежать службе трех рыцарских орденов. В 14 веке Эдуарда I. замок все еще принадлежал Мортимеру, поскольку Ричард Лабаунк находился в тюрьме в Вигморе из-за задолженности по его счету перед Эдмундом де Мортимером, когда он был констеблем своего замка Дольфнован. Он был освобожден под залог. В 18 веке Эдуард I, Бого де Кновилл, будучи констеблем замка Монтгомери, получил помилование на сумму 90 фунтов стерлингов, причитающихся за его ферму на землях Кери и Кидгевенни. Это, однако, было от короля, который, похоже, возобновил свое владение. Дагдейл говорит, что замок был построен Дэвидом ап Ллевелином, который процветал в 1240-46 годах, но валлийцы приписывают его Бледдину ап Синфину между 1065 и 1073 годами. Возможно, у Бледдина здесь была какая-то крепость, как место, очень удобное для набега на равнинную местность, тогда удерживаемую англичанами; но он определенно не строил существующие стены. Вполне вероятно, что это была работа Роджера Мортимера, и их уничтожение, вероятно, последовало при первой же удобной возможности. Название замка не было найдено в документах инквизиции Мортимера, и оно не упоминается, за исключением приведенного выше, среди их владений или владений какого-либо другого землевладельца. После заселения Уэльса он перестал бы иметь какую-либо ценность.

ДУВРСКИЙ ЗАМОК, КЕНТ.

“Est ibi mons altus, strictum mare, litus opacum,

Hinc hostes citius Anglica regna petunt,

Sed castrum Doveræ, pendens a vertice montis,

Hostes rejiciens, litora tuta facit.”

—De Bello Hastingsi Carmen, i. 603.

Меловая полоса, которая образует и придает характер острову Танет и юго-восточной части графства Кент, поднимается к морю до линии утесов, на которых наиболее заметны мысы Северный и Южный Форленд, а также Дувр. Линия обрыва, однако, не является непрерывной. Через определенные промежутки времени он прерывается различными долинами и ущельями, по которым воды из внутренних районов находят свой путь к морю, создавая гавани, которые в прежние времена были очень востребованы для судов небольшой грузоподъемности. Из этих вод главной является река Стаур, которая в не очень отдаленный период, недалеко от нынешнего Кентербери, впадала в устье значительного устья, воды которого, охраняемые древними крепостями Регулбиум, Рутупия и Леманис, сохраняли Танет как остров и давали торговле того периода свободный доступ во внутренние районы округа. Это устье реки не было исключением из общей тенденции к заиливанию. Перед нормандским завоеванием воды отступили от Кентербери к тамошнему приходу под названием Стормут, и Танет из острова превратился в полуостров. С тех пор процесс заиливания продолжался, и устье Стаура опустилось на много миль ниже. Река, после очень извилистого течения, впадает в то, что осталось от древнего английского порта Сэндвич, напротив якорной стоянки, известной как Смолл-Даунс, и частично образует ее.

Примерно в трех милях к западу от Южного Форленда другой, гораздо меньший ручей, берущий начало из нижнего мелового слоя и зеленых песков, течет по глубокой долине и, достигая моря между двумя значительными возвышенностями, дает начало порту, городу и замку Дувр, названному так, без сомнения, по происхождению от британского названия, представленного во времена римской империи именем Дубрис. Город и порт расположены глубоко в долине. Что касается высот, то часть их к западу была прославлена Шекспиром и долгое время носила его имя. То, что находится к востоку, известно как Замковая гора, названная так из-за крепости, которой в той или иной форме она была увенчана с очень отдаленного периода. Столь удобная и способная к обороне позиция на любом берегу привлекла бы внимание самых первых обитателей; ибо не только высота была большой, а порт удобным, но и эти преимущества были обнаружены в том месте, где остров ближе всего подходил к Континенту, и в котором те, кто пересекал пролив, будь то друзья или враги, сначала высаживались на сушу и, если не было препятствий, сходили на берег. Таким образом, эта позиция имела гораздо большее значение, чем местное, и, несомненно, привлекла бы внимание не только вождей кантий, но и правителей, если бы таковые существовали, всей Британии. Поэтому вполне вероятно, что гавань, город и крепость относятся практически к первому поселению страны.

Хотя Западный утес, или Утес Шекспира, является частью более крупного хребта, Замковая гора лучше подходит для обороны. Фактически это изолированный холм примерно в 1000 ярдах к северу и югу и в 500 ярдах к востоку и западу, вершина которого представляет собой крутой и узкий гребень. На юге его границей является морской утес высотой 320 футов, а на западе - глубокая долина города. К востоку и северу тянутся другие долины, менее глубокие, но отнюдь не незначительные, с крутыми склонами. Более того, весь холм сделан из мела, то есть из материала, который легко скребется и способен сохранять любые общие очертания, до которых его можно вырезать.

Но хотя, по общему мнению, городу и крепости можно смело приписать очень отдаленную древность, трудно найти какие-либо точные или особые свидетельства, на которых можно было бы основывать это утверждение. Здесь, как и в Дюроверне или Кентербери, римская форма указывает на британское происхождение, и, если древнее название ручья действительно, как утверждает, "Суровый", вполне может происходить от него, а Замковая гора - как раз то место, на котором, вероятно, находится британский лагерь. Торговля британцев, которая, как известно, активно велась через порты Корнуолла и остров Уайт, также была заявлена на маршрут через Дувр. Фактические нынешние следы британской оккупации в этой южной стране действительно очень скудны и ограничиваются несколькими названиями рек и холмов, очень небольшим количеством городов или деревень и случайными укреплениями на возвышенностях неправильной формы. Большие дороги, каким бы отдаленным ни было их происхождение, в их нынешнем виде несут на себе печать Рима на каждой миле своего пути, и старейшие известные работы в области каменной кладки принадлежат одним и тем же людям, в то время как общая топография, все, что относится к собственности и самоуправлению, сотням, станкам, изнасилованиям и тираниям, приходам и деревням, грейнджам и фермам, а также скопище бернов, притонов, окороков, вешалок, херстов, ингов, тонн, вольдов и уортов с подавляющей силой указывают на английских поселенцев. Даже владение гавелкиндоном, утверждаемое как британский обычай и известное в Уэльсе под выразительным названием "Рандир" или "разделяемая" земля, большинством юристов-антикваров рассматривается как тевтонское.

Хотя цезарь не упоминает Дувр по имени, не может быть сомнений в том, что его флот находился перед ним в августе 55 года до н.э., в период его первого вторжения в Британию.

Доктор Гест ясно продемонстрировал, что порт Ициус, откуда он отплыл, был небольшой, ныне заиленной гаванью между мысом Грис-Нез, Ицианским мысом и Виссантом, откуда десятичасовой курс привел его утром к Дувру. Здесь он обнаружил туземцев, в большом количестве вооруженных, выстроившихся, чтобы воспротивиться его высадке. Поэтому он бросил якорь в Дувр-Уике, на рейде к востоку от города, чтобы дать время своим более медленным кораблям прибыть, а оттуда направился в Дилл, где, вероятно, высадился с двумя легионами, или от восьми до десяти тысяч человек. Доктор Гест указал, что слово Icius близко совпадает с ирландским названием Ла-Манша “Muir n'Icht”, “ледяное море”, “icht” является формой “uch” или “ucha”, “верхний по высоте”, которое играет столь важную роль в названиях мест в Уэльсе и на Ближнем Востоке. к северу от Шотландии. Естественно, что канал был назван по его самой примечательной особенности, и по сей день его название на голландском языке - “Де Хофден”, или “высоты”.

Цезарь пробыл в стране всего три недели и, возможно, не посетил Дувр; но поскольку, когда он вернулся в следующем году с гораздо большим войском, он, по-видимому, сел на корабль и высадился в тех же местах, он, должно быть, был знаком с видом порта с моря. Поскольку в этом случае он пересек Кент и переправился через Темзу, он, вероятно, не оставил позади себя никаких опасных сил в Дувре, о которых он не упоминает и которые явно не были тогда объединяющим фактором британцев. Если бы высоты удерживались в силе, он, вероятно, в первую очередь уменьшил бы их или, во всяком случае, упомянул бы этот факт в своем повествовании. В течение столетия, последовавшего за появлением Цезаря, Рим не принимал активного участия в делах Британии, но вполне вероятно, что между островом и Континентом возникла значительная торговля, и бритты добились больших успехов в торговле и цивилизации. Были основаны города и отчеканены монеты. Следующее военное вторжение произошло в 43 году н.э., через девяносто восемь лет после первого появления Цезаря, в правление Клавдиана под командованием Авла Плавтия, высадившегося с четырьмя легионами. Кантии тогда владели участком, почти соответствующим нынешнему графству Кент. Дуроверн был основан среди местной ольхи, а Камалодунум, расположенный за Темзой, был главным городом тринобантов. Где Плавтий высадился, точно неизвестно. Вероятно, в нескольких местах на открытом пляже между Богатым районом и мирянами. Собирались ли бритты к северу или к югу от Темзы, также неизвестно; но когда Клавдиан последовал за своим наместником, путь к этой реке был открыт, и он сразу же двинулся на Камалодунум, где тринобанты были обращены в бегство. Плавтий, вероятно, покорил страну на западе до рек Акс и Тамар, и считается, что его продвижение можно проследить по остаткам его прямоугольных лагерей, противопоставленных лагерям большей площади и неправильных очертаний, разбитым отступающими бриттами. Поскольку в 40 году нашей эры Калигула приказал установить маяк на высотах Булони, не исключено, что Плавтий был строителем соответствующей башни в Дувре.

Говорят, что Осторий Скапула разбил лагерь на Замковой горе. Он, Светоний Паулинус и Агрикола были заняты в основном срединной и северной частями острова, а в южной провинции, Британии Прима, похоже, царил мир. Прокладывались дороги, строились города, выплавлялись металлы, процветало сельское хозяйство. Дубрис (Дувр), Дуробривис (Рочестер), Рутупия (Ричборо), Леманис (Лимн), Регульбиум (Рекулвер) и Андерида (Певенси) впоследствии стали известны как города-убежища. Уотлинг-стрит, которая проходила от Кентербери мимо Рочестера на север, по-видимому, была начата в Дувре. Действительно, из Кентербери в Лимн и в Ричборо велись дороги, но до Дувра можно было добраться, проложив дорогу по прямой из Кентербери. В правление Валентиниана, 364-7 гг. н.э., когорта Второго легиона численностью 1100 человек была расквартирована в Дубрисе, где чеканные плитки показывают, что они построили баню, и который упоминается как порт во времена

Антонина и как город (*civitas*) географом Равенны. Во времена Константина Дубрис был одним из шести портов к югу от Танета, подчинявшихся графу Саксонского побережья, другими были Рутупия, Регулбий, Леманис, Андерида и Адурнус (Портсмут). Однако он не включен в список двадцати восьми городов, существовавших на момент ухода римлян из Британии, одним из которых была Рутупия. Тем не менее, даже если Дубрис был всего лишь одним из трех глав Уотлинг-стрит, его значение под римским владычеством было значительным.

К римскому периоду следует отнести могильник, открытый у края утеса в 1797 году, и купальню, обнаруженную у ручья к западу от церкви Святой Марии. Нигде не упоминается о римской крепости, и это не соответствовало обычаю этого народа размещать постоянный лагерь, тем более военную станцию, на такой недоступной высоте, как Замковая гора. На существующих земляных валах нет следов римских очертаний, и, когда они владели всей округой, не было никакой необходимости укреплять маяк. Один только маяк из построек на холме можно с уверенностью назвать римским, но это, конечно, подразумевает существование и использование порта. Все, что может подтвердить топограф, это то, что земляные сооружения в настоящее время не представляют и, насколько можно полагаться на описание, по-видимому, никогда не представляли ничего римского характера.

Кент, вероятно, был частью Британии, в которую впервые вторглись северяне, и, конечно же, первой по-настоящему покоренной и заселенной. Это было единственное независимое государство, созданное и поддерживаемое последователями Хенгиста, ютами, народом, который не внес большого вклада в завоевание Британии и не оккупировал сколько-нибудь значительной части завоеванной страны; но то, что они сохранили, стало и до сих пор остается в значительной степени тевтонским, и их раннее господство во время обращения англичан в христианство отмечено тем фактом, что их главный город стал, как и с тех пор, церковной метрополией острова. Дувр был значительным южным портом и вскоре стал считаться ключом к Англии. Весьма вероятно, что внутренние земляные укрепления, которые все еще можно увидеть, хотя и слишком сильно измененные, чтобы их можно было распознать, были работой этих людей, а коллегиальная церковь Святого Мартина, основанная в городе Винтредом, королем Кента (690-725), как говорят, была перенесена им с Замковой горы. Во времена Альфреда Дувр входил в состав округа Стаутинг, а токарный станок - в округ Святого Августина. Августин. Его история, однако, в собственном смысле этого слова, начинается не ранее правления Исповедника, чья хартия на порты Чинкве, которую, как говорят, проверял Иоанн, была подтверждена многими более поздними королями.

В сентябре 1051 года Юстас, граф Булонский, шурином короля Эдуарда, нанес визит английскому двору в Глостере и, возвращаясь через Кентербери, там дал отдых своему эскорту, а оттуда отправился в Дувр по пути домой. Прежде чем войти в город, он и его люди надели кольчуги и попытались бесплатно разместиться в домах горожан. Это привело к драке, в ходе которой было пролито много крови, и граф, в конце концов, будучи изгнан из города, вернулся в Глостер со своей жалобой. Последующую историю часто пересказывали. Годвин, в то время граф Кентский, встал на сторону своих обиженных соотечественников, воспротивился сильному интересу норманнов к королю и, как следствие, был изгнан. Годвин предложил, говорит Малмсбери, "Назначить магнатов иллиуса кастелли бланде в курии регис де крамольник *convenientur*". Можно ли считать "кастеллум" чем-то большим, чем просто укрепленный город, неизвестно. Маловероятно, что Юстас поднялся бы в замок, поскольку он искал пристанища в городе. В целом этот отрывок вряд ли можно считать доказательством существования в то время обычного замка на холме. Тем не менее,

существование такого замка в то время чрезвычайно вероятно, поскольку в 1064-65 годах Гарольд, по словам Вильгельма Пуатье, поклялся герцогу Вильгельму, что после смерти Исповедника “се ... traditurum interim ipsius militum custodiæ castrum Doveram, studio atque sumptu suo communitum, item per diversa loca illius terræ alia castra.” Идмер более точен. In his account Duke William insists, “et insuper castellum Dofris cum puteo aquæ ad opus meum te facturum.” Malmesbury says, “Castellum Doroberniæ (Dubris) quod ad jus suum pertineret.” Здесь не может быть никакой ошибки относительно того, что имеется в виду. Колодец в городе не мог представлять особой ценности, но колодец на меловом холме в 290 футах над источниками был дополнением к замку, достойным особого внимания. Кроме того, сооружение такого колодца было очень трудоемкой работой, и, должно быть, на ее завершение ушло некоторое время. Клятва Гарольда, несомненно, сопряжена с большим количеством сомнений и неуверенности, но рассказ, по крайней мере, можно использовать для того, чтобы показать, что до нормандского завоевания на холме стоял замок, ныне увенчанный нормандской крепостью, и что он был укреплен Гарольдом. Малмсбери здесь, как и в его рассказе о схватке с графом Юстасом, ибо Довер, очевидно, ошибочно указывает на Кентербери.

"Книга страшного суда" начинается с Дувра. “Временное правительство Эдуарда” и проч. Этот король получал две части от половины арендной платы, а граф Годвин - другую треть, то есть графский пенни. Горожане ежегодно предоставляли королю двадцать кораблей на пятнадцать дней, на каждом из которых находился двадцать один человек. Королевские гонцы также имели определенные ценные привилегии, свидетельствующие о том, что порт находился на обычном пути на Континент. У входа в порт стояла мельница, сильно мешавшая судоходству. Замок не упоминается, но мы читаем о Гилдхалле, или Зале гильдий, горожан. Город, хотя и процветающий, недавно был сожжен, и в результате арендная плата снизилась.

Норманны высадились, как их тевтонские предки высадились за столетия до них, под древними стенами римской Андериды, которая под названием Певенси стала английской и вскоре должна была стать нормандской крепостью. Певенси больше не является убежищем, но в его окрестностях все еще можно увидеть огромные фрагменты римской и нормандской каменной кладки и более простой, но, по крайней мере, не менее прочный курган его английских обитателей, грандиозную и поразительную композицию, которая для опытного наблюдателя красноречиво свидетельствует о великих событиях. Уильям овладел развалинами и на следующий день выступил на поле боя, поспешно укрепив деревом и землей холм Гастингс в поддержку своей позиции. После битвы Ромни впервые почувствовал тяжесть руки Победителя, а затем повернулся к Дувру. Замок был, по словам Вильгельма Пуатье, неприступен, а город уже тогда был значительным; но у людей, хотя и собравшихся в огромном количестве, не было вождей, и город и замок были сразу сданы, хотя при переносе, намеренно или случайно, большая часть города была сожжена. Вильгельм пробыл здесь восемь дней, задержанный болезнью среди своих солдат. Он относился к людям с большой снисходительностью, разместил в замке нормандский гарнизон, к обороне которого добавил дополнительные средства, а затем направился к Темзе, по пути получив в подчинение Кентербери и Рочестер. Кент был передан под командование епископа Одо, который считал Дувр своим военным центром. Это продолжало оставаться его позицией, и в 1074 году, когда вспыхнула ожесточенная ютйская война и жители Кента во главе с Юстасом Булонским восстали против Вильгельма, их первой целью было овладеть замком Дувр, который они осадили. Его оборона, будь то английская или нормандская, была сильной, но атака была острой. Епископ Одо и Хью де Монфор, отвечавшие за замок, отсутствовали, но они проявили себя в графстве, и замок был

освобожден. Говорят, что ближе к концу правления город был обнесен стеной и имел десять ворот. Его положение, как самого важного из портов Чинкве, похоже, утвердилось, чему во многом способствовал его замок. Пятью портами были Гастингс, Ромни, Хайт, Дувр и Сэндвич. Среди членов были Уинчелси и Рай. Их служба заключалась в предоставлении пятидесяти семи кораблей ежегодно, из которых двадцать один был предоставлен Дувром.

Важно отметить, что замок продолжал находиться под властью королей Плантагенетов и Тюдоров, поэтому его история не представляет особого интереса. Это не было ареной каких-либо особо примечательных событий, и, хотя оно считалось ключом к королевству, не было каким-либо особо тесным образом связано с его историей. Он всегда принадлежал короне и управлялся констеблем, обычно человеком высокопоставленным, список которых чиновники Лайона приводят из 138 человек. Три барона из дома Файнсов занимали этот пост при Завоевателе Руфусе и Генрихе I. И в их время, по-видимому, были построены внешний занавес и многие из его башен. Валчелин Магминот, назначенный Стефаном на этот пост, удерживал это место против него в 1137 году, а в 1138 году сдал его королеве, как раз перед битвой при Штандарте. Стивен умер в Дувре, вероятно, в замке, и мистер Пакл доблестно боролся за недавнее обнаружение его останков. Генрих II. предполагается, что крепость и стена внутреннего прихода были построены в 1154 году, вскоре после его восшествия на престол, и, если это так, то, вероятно, это была настоящая работа одного из баронов Файнсов, который занимал должность констебля в то царствование. Из этих лордов последний, Джеймс Файнс, был констеблем при восшествии на престол Ричарда I. И в 1191 году получил в качестве пленника в замке Джеффри, побочного сына Генриха II, направлявшегося занять архиепископство Йоркское. Он был взят из святыни церкви Святого Мартина и заключен в тюрьму по приказу епископа Элийского, канцлера. За это безобразие Файнс был отстранен от должности, а в конечном итоге канцлер был отлучен от церкви и сослан. В 1198 году констебль был одним из пяти офицеров, назначенных для осмотра сокровищ Кентерберийской церкви. Во времена правления Иоанна констеблем был Хьюберт де Бург, на долю которого выпала защита замка от принца Людовика и французских захватчиков. Людовик предпринимал большие попытки привлечь Де Бурга на свою сторону, но безуспешно, и после его окончательного отказа он осадил замок. *Требушеты и петрарии*, а также большая часть осадной артиллерии были доставлены из Франции, и вдоль склона за пределами крепостного рва в северо-западной части был проложен крытый путь. Деревянные башни (*Мальвуазены*) также были возведены на краю рва, чтобы подавить огонь со стен, которые фактически сотрясались от ударов тарана. Также была основана небольшая колония во временных хижинах, чтобы придать осаде вид блокады. Хьюберт, однако, был истинным и лояльным подданным Англии. Он считал, что его подопечные находятся под властью его суверена, кем бы этот суверен ни был, а его замок - "clavis Angliæ et regnulum". Он отражал атаку за атакой, камень за камнем, пока смерть Джона, устранив большую часть причин недовольства, не привела к уходу французов из страны. Грандиозное сооружение перед северными воротами, которое сохранилось до сих пор, хотя и в сильно измененном виде, вероятно, является работой Де Бурга, без сомнения подсказанной ему направлением французской атаки. Генрих III. был здесь государственным деятелем в 1255 году, по пути из Испании, а в 1259 году замок оказался в руках баронов, которые отказались впустить его брата Ричарда, короля римлян, до тех пор, пока он не поклялся принять их дело. Генрих отвоевал замок в 1261 году у Хью ле Биге, но не смог удержать его, и ему было отказано во въезде, когда вместе со своим братом и графом Марешалем он предстал перед воротами в 1263 году. В великой борьбе Генрих удержал Лондонский Тауэр, а бароны - Дуврский замок. После Льюиса принцы Эдуард и Генрих некоторое время содержались в дюрансе в Дувре. В 1265 году, когда принц одержал верх и Кенилворт пал, четырнадцать дворян королевской свиты были заключены в Дуврскую крепость. Здесь они защищались,

поменявшись ролями со своими похитителями, которые, подвергшись нападению извне со стороны принца Эдуарда и оказавшись таким образом между двух огней, сдали замок. Графине Лестерской, находившейся в нем, разрешили удалиться во Францию.

По возвращении из Палестины, после смерти своего отца, летом 1274 года Эдуард I. высадился в Дувре. Он снова посетил замок в 1278, 1296 и 1299 годах. Дувр был его обычным портом, когда он посещал Континент или возвращался с него, и в его время замок содержался в порядке и укреплялся, и некоторые из его наиболее значительных частей, такие как ворота Констебля и задняя дверь Святого Иоанна, относятся к концу правления Генриха или к началу правления Эдуарда, и, скорее всего, к последнему.

Эдуард II. был здесь в январе после смерти своего отца, и здесь он отплыл в Булонь по случаю своей свадьбы в 1308 году, и здесь он принимал королеву. Эдуард III. нередко бывал в Дувре, но, скорее всего, останавливался в Мезон-Дье, чем в замке. Вероятно, он привлек войска отсюда, когда отплыл из порта в свою знаменитую тайную экспедицию в Кале в 1348 году. В царствование Генриха V. Император Сигизмунд был принят в замке в качестве гостя, и отсюда король отправил свою армию во Францию в 1421 году, как и Генрих VII в 1491 году.

Генрих VIII. был закрыт Мезон-Дье, знаменитое учреждение Хьюберта де Бурга, в котором принимали участие очень многие короли и принцы, но замок был объектом его особой заботы, его отремонтировали и разместили гарнизон. Генри также построил блокгаузы в Сандауне, Диле, Уолмере и Сэндгейте и передал их в ведение констебля Дувра. Три фальшборта также были сооружены под скалой и на пирсе гавани. Позже замок пришел в запустение, а в царствование Карла I. Поскольку в нем располагался небольшой гарнизон и о нем мало заботились, он был захвачен врасплох и удерживался до заседания парламента. В 1648 году кентские роялисты предприняли энергичные попытки вернуть его, но были отбиты Алджерноном Сиднеем, тогдашним губернатором.

Описание.

Дуврский замок назван Мэтью Пэрисом “самой парадной дверью Англии”, а Вильгельм Пуату описал его как “Место, где находится замок, в рупе марийской границы требует естественного острого разреза, специального ферментативного разреза, в особом смысле слова направленной высоты, квантовой стреловидности, перметирующей силу консурга, кво в будущем и во всей красе”. Он представляет собой хорошее сочетание оборонительных сооружений нескольких архитектурных периодов, общим результатом является концентрическая крепость, которая росла много веков и которая столетие назад представляла собой как земляные, так и каменные сооружения, представляющие большой и несомненный антикварный интерес. Однако совсем недавно работы были переданы военным властям страны, и результатом стал ряд изменений, пристроек и перемещений, необходимых, надо полагать, из вежливости для обороны страны, но очень разрушительных для древних черт крепости. Древние земляные укрепления были скрыты, расширены, укреплены траншеи и проложены туннели, были построены казармы и склады, крепость была переоборудована в складские помещения и резервуары для воды, а в ее подвале находятся два пороховых склада. В его нынешнем состоянии и с учетом строгих правил, запрещающих даже пользоваться карандашом, которым все это написано, точное исследование того, что осталось от древних произведений, будь то земляные или каменные, практически невозможно.

Британский лагерь имел продолговатую форму, повторяющую очертания холма. Он представлял собой глубокую и широкую канаву, содержимое которой было частично выброшено внутрь и вверх, образуя насыпь. Площадь, огороженная таким образом, имела размеры в пределах берега примерно 875 на 350 ярдов, причем последнее равнялось его диаметру у обрыва, которым он обрывается, северный конец которого заканчивался точкой. Этот главный ров, вероятно, был углублен и более или менее изменен в нормандский период, и сейчас он соединен с различными бастионами, роговыми укреплениями и капонирами, но его общие очертания достаточно ясны, и, исходя из внутренних свидетельств, можно предположить, что он был британским. В пределах этого района, довольно ближе к его северной оконечности, было возведено второе земляное сооружение, также состоящее из насыпи и рва. Сюда входит башня маяка, и поэтому ее называют римским рвом, но в ней нет ничего римского характера, и гораздо более вероятно, что это была работа англичан, и она служила внутренней защитой замка, который Гарольд обязался сдать. Пространство между этим и большим земляным валом образует внешнюю часть нормандского замка; внутренняя часть была разделена на две части. Тот, что к югу, где находится маяк, образует среднюю стражу; тот, что к северу, содержит цитадель и является внутренней стражей. Маяк использовался в качестве колокольни при соседней церкви Святой Марии, которая является предметом превосходных мемуаров мистера Пакла, хотя он вряд ли может быть допущен к установлению его связи с британской церковью. Эти два здания, несомненно, являются самыми старыми на территории замка.

The Замок и Внутренний двор выполнены в нормандском стиле времен правления Генриха II, но занавес и большинство его башен были заново облицованы или перестроены, большая часть недавно, но более или менее в старом стиле. План представляет собой неправильный многоугольник, примерно 120 ярдов в каждую сторону, с четырнадцатью прямоугольными башнями-фресками, не имеющими внутреннего выступа и не возвышающимися над занавесом, который, однако, высок. Два из них на юго-западе получили свое название от Магминота, а один - от Гора. Стены были сложены из кремнистого щебня, облицованного тесаным деревом, и обваливались снаружи у основания, вершина которого отмечена жирным каменным кордоном. По бокам некоторых башен расположены смелые отверстия в виде машинок от *garderobes*. Цитадель стоит отдельно в центре квартала, а на территории, примыкающей к стенам, находятся несколько зданий, таких как Зал Артура, караульное помещение и офицерские казармы, некоторые в раннеанглийском стиле, другие современные.

Есть два входа: северный, или Королевские ворота, и южный, у герцога Саффолкского, или Дворцовые ворота. Ворота представляют собой сводчатые проходы с плоской сегментарной аркой, открывающиеся наружу между двумя квадратными фланговыми башнями. Имеется паз для опускной решетки, а своды выполнены в раннеанглийском стиле. Каждые из этих ворот защищены дополнительной работой. Заранее выкладывается нечто вроде рога, обнесенного стеной с башнями, и вторые ворота расположены наклонно к первым, чтобы можно было контролировать подход. Северные, называемые Королевскими воротами, относительно идеальны. Южный флигель почти разрушен. В нем было двое ворот: одни на юге, с которыми соединялась башня с колодцем, и другие на востоке, называемые Воротами короля Артура, рядом с которыми находилась Башня Оружейника, а рядом с ней - Задняя дверь графа Годвина. Каменная кладка этого внутреннего двора, вероятно, датировалась постройкой крепости. Он был встроен в широкий и глубокий ров, ныне недостроенный, на южном фасаде.

The *Средний округ* включает в себя южную половину того, что, вероятно, было английским земляным валом. Его южная часть на две трети закруглена, но у его основания есть или были стены и башни, соединяющие его справа и слева с занавесом внешнего квартала, который, таким образом, разделен на две части. Перед этой работой стояли три башни: две, восточная и западная, Клинтон и Мортимер, были квадратными. Обе, по-видимому, нормандской постройки. Центральная башня на юге была круглой и называлась Валанс. Это было, без сомнения, позже, вероятно, во времена правления Генриха III. Фундамент башни Клинтон был вскрыт и демонтирован в 1794 году. Сохранился фрагмент башни Мортимера. Башня Валанс была разрушена в прошлом веке. Сторожка прихода называется Колтон-Гейт. Это нормандский дом, но к квадратному основанию был добавлен восьмиугольный этаж. Занавес, соединяющий эти башни, исчез, а высокий южный берег был обрывист, и его очертания изменились. В этом приходе есть колодец глубиной 380 футов, когда-то перекрытый башней.

The *Внешняя палата* находится внутри занавеса, большая часть которого сведена внутренним пандусом к стене-парапету. С трех сторон, обращенных к суше, он узкий и в основном занят рвом среднего и внутреннего дворов. С оставшейся, или южной, стороны он расширяется и включает в себя большое пространство между средним двором и утесом. Его контур неполон только потому, что его стены с обоих концов упираются в скалу. План стены неправильный, со случайными углами или уступами для рытья рва. Снаружи он возвышается над внешним сухим рвом, и на нем расположены двадцать семь башен различных дат, цифр и размеров, квадратных, круглых и многоугольных. Большинство из тех, что расположены на западной стороне, представляют собой просто пустотелые бастионы, не имеющие внутреннего выступа. Те, что расположены на восточной стороне, в основном представляют собой простые сторожевые будки или бартизанские башенки небольших размеров. На обращенном к морю фасаде, где утес перпендикулярен, стены нет. Изобретательность инженера проявилась на обращенных к суше и более слабых сторонах. Пять башен соединены воротами. Этими башнями, начинающимися в юго-западном углу прихода, недалеко от утеса, являются: 1. Ворота каноника или монаха, ныне разрушенные; в них был колодец. 2. Башня Роксли, полукруглая. 3. Башня Фулберта де Дувра, площадь; рядом с которой долгое время находилась контора “бодара”, или сержанта по вооружению, которому направлялись все гражданские ордера на арест за долги или нарушение налогового законодательства. Башня Фулберта была также его тюрьмой. 4. Башня Херста, полукруглая; она возвышается над уступом или углом входа в стену. 5. Башня Арсика, полукруглая. 6. Башня Гаттон. 7. Башня Певерилла, Бошана или Маршалла. Это также сторожка между двумя отделениями внешнего участка, которая была укрепленной, со рвом на южном фасаде и подъемным мостом. Это также была тюрьма маршала. 8. Порт, Гослинг или Башня королевы Марии, отремонтированная этим сувереном. 9. Башня Файнса, или Ворота Констебля. Это одни из самых величественных ворот в Англии. В плане они представляют собой треугольник, обращенный тупым углом к полю. Углы у основания находятся в пределах линии занавеса и увенчаны двумя большими барабанными башнями. Выступающий угол аналогичным образом увенчан продолговатой башней, закругленной с обоих концов и плоской в центре, через которую проходит вход. Эти три башни большие и возвышенные и соединены между собой укрепленным занавесом. Внутри треугольника центральная башня поднимается на еще большую высоту и господствует над всем. Входной проход широкий, сводчатый, снабжен воротами и опускной решеткой. Внутри он открывается на уровне внешнего ограждения; снаружи он резко обрывается на откосе рва глубиной около 50 футов. От этих ворот мост сообщается с противоположным берегом. Единственный высокий пирс

возвышается из центра рва, и от него к внешнему устью ведет арка, несущая обычную проезжую часть и парапеты. В противоположном направлении только парапеты в виде двух арок поднимаются от пирса к воротам и служат для устойчивости пирса, но проезжая часть опущена, и ее место занимает подъемный мост. Такое расположение не является чем-то необычным, но здесь оно особенно необходимо из-за высоты и, как следствие, слабости пирса. На противоположном склоне канавы находится *тет-де-пон*, от которого крутая дорога спускается траверсом к городу. Эти ворота, хотя и открыты, используются мало. Обычные ворота современные и находятся рядом с воротами Каноника. Ворота констебля украшены той эпохой. Говорят, что его интерьер очень любопытен, но его не показывают.

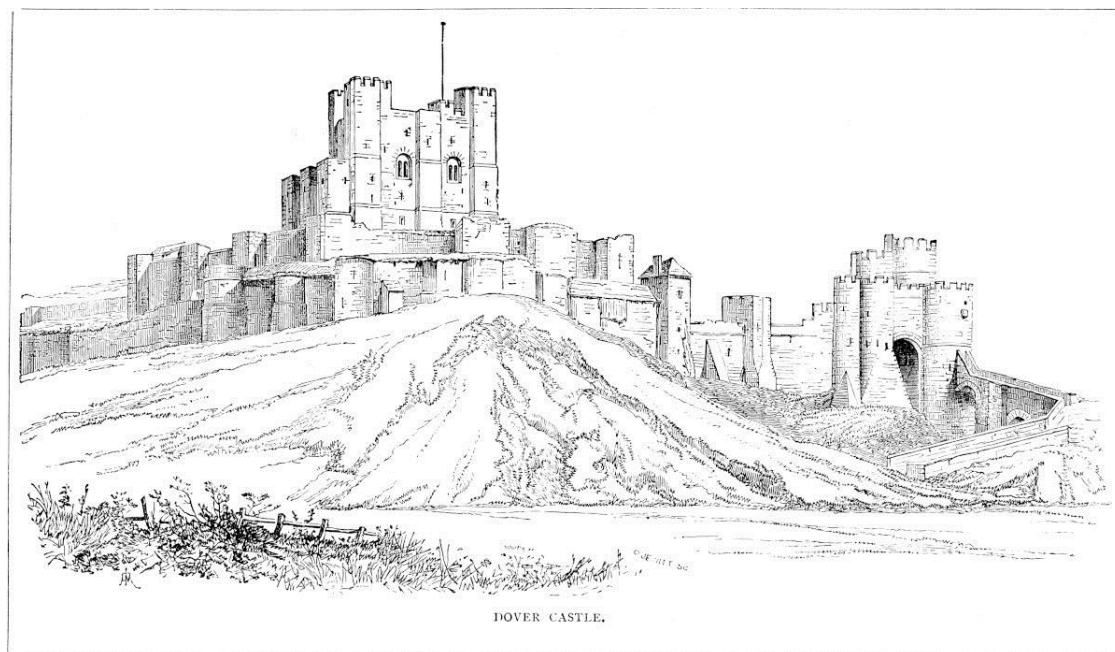
Шестнадцать башен, включая Клоптон, Годсфо, Магминот (4) и башни Кревекера (2), защищают северо-западный фасад. Клоптон - это шестиугольник; название Магминот носят четыре башни. Две башни, носящие название Кревекер, отмечают положение большого заднего входа, очень любопытного сооружения. Проходя от северных ворот внутреннего двора, ряд арок пересекает ров и внешний двор и резко обрывается большим низким пирсом с выступающими углами вправо и влево. Напротив пирса и, без сомнения, когда-то соединенного с ним подъемным мостом, возвышается пара круглых башен (*Crevequer*), соединенных тяжелым занавесом и на небольшом расстоянии обрамленных меньшими башнями (*Magminot*), образующими часть *ограждения* внешнего подворья. По направлению к полю занавес имеет выступающий угол, и от его основания крытая галерея спускается во внешний ров, а оттуда доходит до собора Святого Иоанна, барабанной башни, построенной посередине. Галерея проходит через первый этаж башни и заканчивается в контрэскарпе, в круглом помещении, вырубленном в мелу, и из этого помещения расходятся лучами три туннеля в разные части гласиса, из которых один раньше вел в дальний задний двор, а другой все еще сообщается со старым ответвлением, приписываемым Хьюберту де Бургу и преобразованным в современный равелин. Два других туннеля, по-видимому, эдвардианской эпохи, отходят от главной галереи под стеной замка, а в цокольном этаже собора Святого Иоанна есть два люка, выходящих на дно рва. Современный доступ к этим галереям осуществляется через шахту, вырытую в опоре старого подъемного моста, но старый вход находился ближе к занавесу. Французская осада 1216 года была направлена именно на этот квартал. Подходы были сделаны с запада, ниже ворот Констебля, под прикрытием траншеи и бруствера. Пока готовилась атака, сэр Стивен де Пенсестер ввел подкрепление в замок через заднюю дверь под башней Годвина. Де Бург, наученный опытом, отказался от передовых работ, которые до сих пор, в измененном виде, покрывают северную оконечность замка, и именно для того, чтобы безопасно добраться до нее, была построена галерея из башни Святого Иоанна.

Башня Фицуильяма (18), расположенная примерно в 80 ярдах к востоку от северных ворот, была соединена со вторым задним входом, мало чем отличающимся от предыдущего, а теперь соединенным с капониром. За ней находятся 19 и 20, две сторожевые башенки, а дальше 21 - башня Альбринчи или Авренша. Здесь есть третья задняя дверь необычного устройства. Это низкое многоугольное сооружение, расположенное на обочине канавы таким образом, чтобы расчистить ее продолжение в южном направлении. К нему вела крытая галерея от южных ворот внутреннего двора, которая продолжается через его подвал так, чтобы выходить на противоположный край главного рва. С этой галереей соединялась башня Вевилля, или Пенчестера, расположенная на занавесе, который с этой стороны закрывал соединение между двумя отделениями внешнего двора. Из оставшихся башен, которых насчитывается пять, три называются башнями Эшфорда, и рядом с одной из них был еще один колодец. Эта часть обороны была полностью реконструирована. Названия нескольких башен даны в честь рыцарей, которыми они были построены, или чьей

обязанностью было защищать их, ибо ни в одном замке Британии, даже в Ричмонде, практика владения замковой охраной не применялась так широко, как в Дувре, и очень многочисленными и ценными были удерживаемые таким образом поместья в Кентише, которые составляли 230 с половиной рыцарских взносов, из которых 115 с четвертью были связаны с должностью констебля.

Тhe Крепость. — Это очень прекрасный образец поздней нормандской крепости. Он почти квадратный, у основания над цоколем имеет размеры 98 футов к северу и югу на 96 футов к востоку и западу, с передней частью шириной 15 футов и длиной 115 футов, которая охватывает восточную сторону и юго-восточный угол основного сооружения. Углы увенчаны пилястрами шириной 19 футов и выступом в 5 футов, которые сходятся, образуя сплошной угол, и, поднимаясь к вершине, становятся внешними гранями четырех квадратных башенок. На каждой из трех свободных граней находится промежуточная пилястра шириной 15 футов и выступом 5 футов, которая поднимается на ту же высоту, что и парапет, и образует залив по своей линии. Здесь есть выступающий цоколь высотой 6 футов, от которого поднимаются пилястры, а общая высота стены составляет 83 фута, а башенок еще на 12 футов больше, или 95 футов. Основание крепости находится на высоте 373 фута над отметкой прилива. Верхняя часть цоколя отмечена на лицевой стороне пилястр жирным бордюром или валиком, и есть два отступа в 6 дюймов, общие для обеих стен и пилястр, один на уровне первого, а другой на уровне второго этажа. Стены необычной толщины даже для нормандской крепости. Высота к западу, между пилястрами, составляет 21 фут, уменьшенный до 19 футов на первом и до 18 футов на втором этаже. Северная стена имеет высоту 17 футов, южная - 19 футов, а восточная - 18 футов. Поперечная стена, которая проходит с севера на юг, и разделяет здание почти поровну, составляет 11 футов у основания и уменьшается до 7 футов и 6 футов на верхнем этаже.

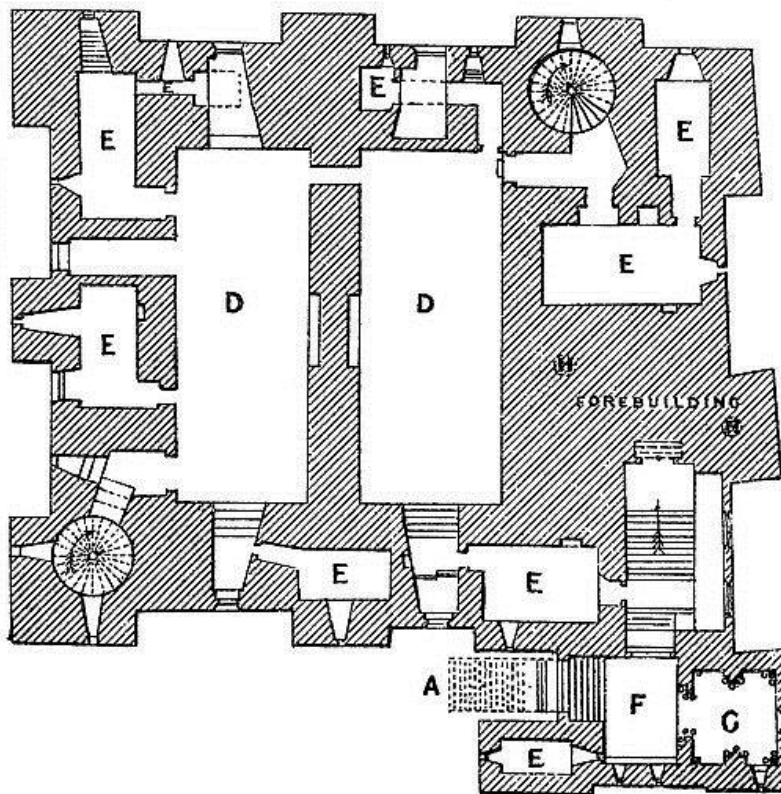
Главный вход находится с восточной стороны, недалеко от его северного конца, на уровне второго этажа. Прикрывающее его переднее здание - лучшее в Англии. Он хорошо сохранился, все, кроме его крыш и части восточной стены, современные. Как и в Рочестере, он уступает по кладке башне, по крайней мере снаружи, и у основания его пилястр нет ограждения, но внутри он содержит больше декоративных элементов, чем башня, с которой он настолько тесно связан, что не может быть дополнением. В северо-восточном и юго-западном углах башни расположены лестничные колодцы, удивительно просторные и хорошо освещенные. Они имеют диаметр 14 футов 6 дюймов, лестница - 6 футов 6 дюймов, а крыльцо - 1 фут 6 дюймов. Они поднимаются из подвала на крышу по 114 ступеням и сообщаются с каждым этажом: два нижних вестибюлями, верхний и верхняя галерея ответвляющимися проходами. Из северо-восточных вестибюлей двери открываются в два яруса сводчатых помещений под верхней частью переднего корпуса. Необычайная толщина стен предназначена для того, чтобы позволить построить очень необычное количество камер с фресками, которых всего насчитывается двадцать семь. Помимо главного входа, по-видимому, был еще один на уровне первого этажа, также со стороны передней части здания. С тех пор были сделаны другие, один, вероятно, в четырнадцатом веке, прямо в подвал, а другой совсем недавно - в основание юго-западной лестницы. Кроме того, бойницы для дайверов были преобразованы в двери, чтобы обеспечить внешний вход в подвальные фресковые камеры, которые используются в качестве резервуаров для воды и пороховых погребов.

ДУВРСКИЙ ЗАМОК.

КРЕПОСТЬ ДУВР.

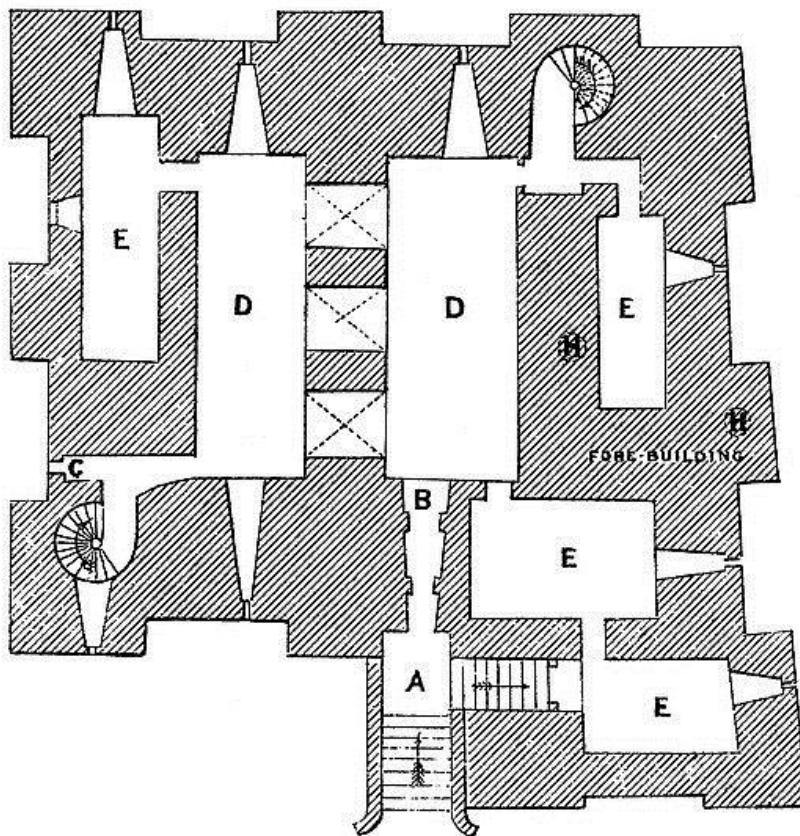
DOVER KEEP.

GENERAL REFERENCES.

- A Main Entrance,
- B Inserted Door,
- C Modern Door,
- D Main Chambers,
- E Vaults,
- F Lower Vestibule,
- G Lower Chapel,
- H Wells.

FIRST FLOOR.

BASEMENT.

Wyman & Sons, Нью-Йорк^t. Queen St. Лондон.

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.

1. *Главный вход,*
2. *Вставленная Дверь,*
3. *Современная дверь,*
4. *Главные камеры,*
5. *Хранилища,*
6. *Нижний Вестибюль,*
7. *Нижняя часовня,*
8. *Уэллс.*

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

ПОДВАЛ.

В подвале.—Есть некоторые сомнения относительно первоначального уровня этого этажа. В настоящее время он находится на высоте 9 футов над землей снаружи, но в нем есть две двери, подоконники которых находятся на 6 или 8 футов ниже пола, и при вскрытии грунта недалеко от центра крепости на том же уровне была обнаружена мостовая, так что пол, возможно, был засыпан землей и приподнят. Однако, если это так, то здесь должна была быть какая-то лестница в дополнение к лестницам колодцев, поскольку пол в их вестибюлях, безусловно, находится на своем первоначальном уровне. Поперечная стена между двумя камерами пронизана тремя простыми круглыми арками высотой 11 футов.

Восточная камера размером 50 на 20 футов имеет в своем северном конце глубокое углубление и петлю, до которой поднимается подоконник, в то время как арка над головой поднимается по мере сужения углубления. Очевидно, что ниша в южном конце была аналогичной, но была преобразована в дверной проем. Это проем общего пользования, начиная с первой площадки внешней лестницы. Толщина стены здесь составляет 24 фута, а для двух дверей предусмотрены откосы с решетками внутри каждой. Арки сегментарные, а углы закруглены. Изменение, по-видимому, было произведено в Украшенный период, со следами более поздней работы. Близко к востоку от этой двери и на 6 футов ниже нее находится еще одна дверь, теперь частично скрытая, которая вела в хранилище размером 28 на 15 футов, занимающее юго-восточный угол здания. В его южной стене дверь ведет во второе хранилище размером 23 на 15 футов, расположенное под нижним вестибюлем и часовней. Каждое хранилище имело петлю, направленную на восток. Сейчас они используются как резервуары для воды, и к ним можно попасть через внешние отверстия. Возвращаясь к восточной камере, в ее восточной стене есть две двери, одна в северном конце и одна ближе к середине, которые сейчас завалены. Северная дверь открывается в вестибюль северо-восточной лестницы, а из нее дверь вела в хранилище размером 28 на 12 футов в передней части здания, которое сейчас используется как склад, и в него можно было попасть через внешнюю стену. Средняя дверь, вероятно, вела в другое хранилище, о котором ничего не известно. Таким образом, на уровне земли переднего здания есть три, если не четыре хранилища, и все они изначально находились в замке. Они достигают около 6 футов в высоту до подпружиненной арки.

Западная камера размером 50 на 16 футов имеет большую выемку и петли на каждом конце, а в западной стене две двери, одна из которых ведет в вестибюль юго-западной лестницы,

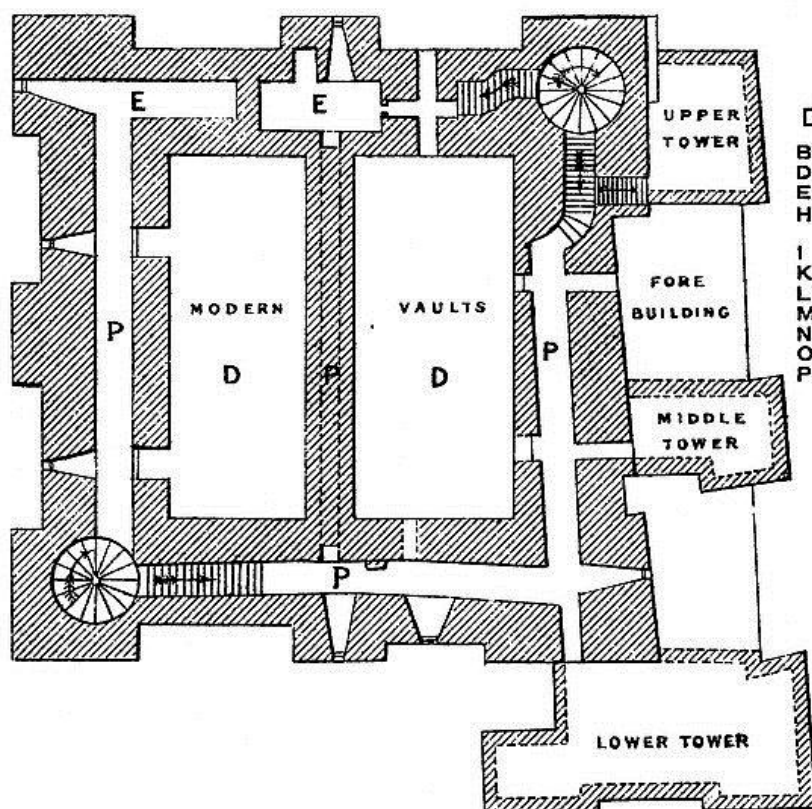
где находится современная дверь, а другая, ныне заваленная, вела в камеру с фресками 39 футов в длину и 12 футов в ширину, ныне пороховой склад, и в нее входили снаружи.

На первом этаже также есть две основные комнаты, которые сообщаются между собой небольшой дверью у северного конца поперечной стены.

Восточная камера размером 53 на 22 фута имеет углубление шириной 7 футов в южном конце, которое заканчивалось петлей, теперь превращенной в окно. В его правом, или западном, косяке находится камин; в левом - дверь, ведущая в комнату с фресками размером 18 на 11 футов, с петлей на юге, с восточного конца которой дверь открывается на лестницу переднего корпуса. Эта дверь и окно над ней датированы эпохой Тюдоров, но есть признаки того, что здесь была оригинальная дверь, заменой которой является рама эпохи тюдоров. На внешней стене изображена рельефная арка из тонкого ясеня, которая по размеру совпадает со сводом внутри и выглядит так, как будто предназначена для защиты оригинальной двери. В восточной стене большого зала находится дверь, ведущая в вестибюль, из которого шесть ступеней спускаются к северо-восточной лестнице. Из этого вестибюля дверь ведет в хранилище размером 24 на 12 футов с углублением в северной и южной стенах и петлей в восточном конце. Отсюда короткий проход ведет во второе хранилище размером 17 на 2 фута, с петлей на север. Эти два хранилища расположены под верхним вестибюлем и большим караульным помещением переднего здания. В северной стене большой камеры, в восточном конце, небольшая дверь открывается в галерею фресок размером 16 на 4 фута, с петлей на севере, которая заканчивается в камере размером 5 на 6 футов, также с петлей на севере. Над этой галереей есть ниша шириной 7 футов, приподнятая примерно на 10 футов над полом, чтобы освободить галерею. Ее контур заменен современным окном.

В западной камере размером 52 на 20 футов также есть 7-футовое углубление в южном конце с современным окном, а в восточном косяке дверь, ведущая в комнату с фресками размером 13 на 9 футов с южной петлей, и камин в восточной стене. Этот, как и уже упомянутый камин, расположены вплотную друг к другу и, хотя и с фурнитурой в стиле Тюдор, возможно, являются оригинальными. В северной стене большого зала есть высокое углубление и окно, подобное тому, что было в восточном зале. В западной стене есть четыре отверстия; то, что на ее северном конце, открывается в камеру в северо-западном углу, размером 23 на 10 футов, с петлями на запад и юг. От него ответвляется проход 18 футов на 4 фута в северной стене, который ведет под высоким оконным проемом в камеру 7 футов на 6 футов. И проход, и камера имеют петли на север. Далее следует оконная ниша высотой 6 футов, открывающаяся на уровне пола и поднимающаяся на четыре ступеньки к современному окну; затем дверь, ведущая в комнату с фресками размером 20 на 9 футов, с камином в восточной стене и двумя петлями на западной. Наконец, есть дверь, ведущая в вестибюль, которая ведет на юго-западную лестницу, поднимающуюся на три ступеньки и имеющую петлю на запад. Помимо трех каминов в комнатах с фресками, были еще два под арками шириной 12 футов, по одному в центре каждой грани поперечной стены. Они, однако, закрыты. В той же стене, в северном конце, есть дверь между двумя камерами.

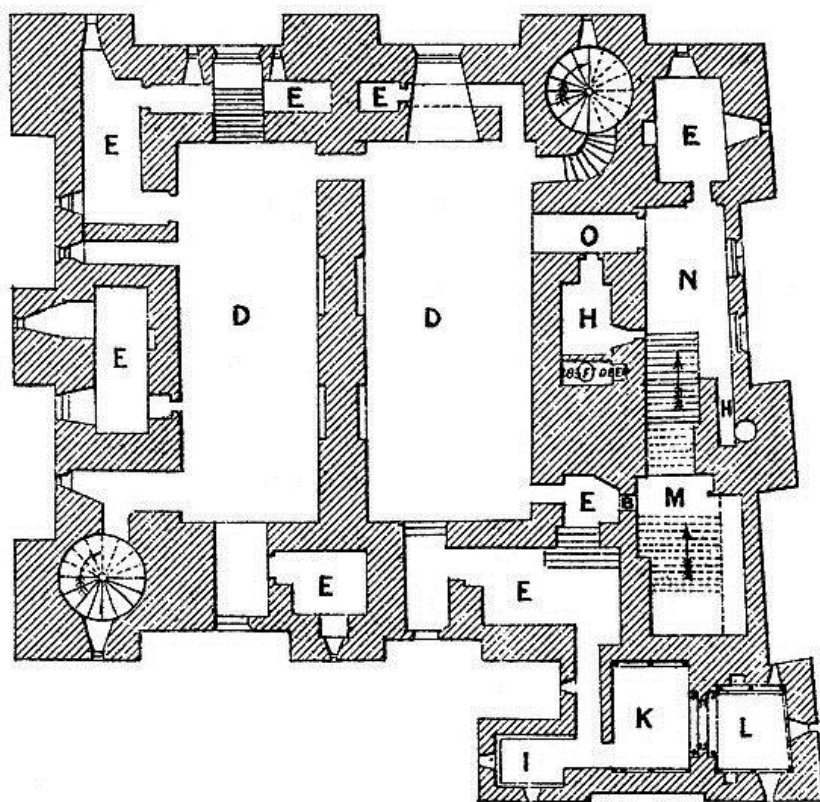
КРЕПОСТЬ ДУВР.

DOVER KEEP.

- B Inserted Door.
- D Main Chambers.
- E Vaults.
- H Well Chambers and Wells.
- I Robing Room.
- K Ante Chapel.
- L Chapel.
- M Middle Vestibule.
- N Upper Vestibule.
- O Main Entrance.
- P Vaulted Gallery.

SECOND FLOOR GALLERY.

SECOND FLOOR.

Wyman & Sons, Gt. Queen St. Лондон.

- Запертая дверь.

- Главные покои.
- Уклоняется.
- Скважинные камеры и колодцы.
- Туалетная комната.
- Часовня Канте.
- Часовня.
- Средний вестибюль.
- Нижний вестибюль.
- У входа.
- Фотогалерея с фотографиями.

ГАЛЕРЕЯ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ.

ВТОРОЙ ЭТАЖ.

Второй этаж - это главный или парадный этаж здания, на который открывается главный вход. Как и в замках Лондона, Рочестера и Хедингема, здесь было два яруса окон, верхний из которых проходил через галерею фресок. В начале нынешнего столетия этот этаж был перекрыт двумя большими кирпичными сводами, слегка заостренными. Целью было превратить крепостные стены в платформу для пушек. Это неуклюжее дополнение полностью скрывает верхнюю половину стен и разрушает эффект двух очень тонких камер.

В восточную камеру размером 55 на 24 фута можно попасть с восточной стороны, недалеко от северного конца, через большой дверной проем во весь центр, обрамленный снаружи угловыми шахтами. Отсюда сводчатый проход шириной 5 футов пересекает стену, толщина которой здесь составляет 16 футов, и спускается по восьми ступеням в главное помещение. Эта неудобная высота, очевидно, была дана для того, чтобы обеспечить проход к своду под вестибюлем. Во входном проходе, с левой или южной стороны, дверь открывается в камеру-колодец, хранилище размером 16 на 8 футов, с петлей на востоке, ведущей к большой лестнице. В южном конце хранилища, на ступеньке, находится колодец диаметром 4 фута и глубиной 289 футов, облицованный, насколько можно видеть, тесаным деревом. В восточной стене есть углубление для запасного ведра. Рядом с входом, в северном конце восточной стены большого зала, дверь ведет в изогнутый проход, который спускается на одиннадцать ступеней к северо-восточной лестнице. На южном конце той же стены большая арка, в 5 футах над полом, открывается в комнату с фресками размером 8 на 7 футов. Эта арка была уменьшена за счет современной кирпичной кладки, чтобы поддерживать большой свод. В том же зале петля ведет на парадную лестницу, а в южной стене есть дверь и спуск на восемь ступеней к часовне. Возможно, что первоначально петля была маленькой дверью, ведущей на верхний этаж средней башни переднего здания, и что оттуда, во времена тюдоров, небольшая деревянная галерея вела к северной двери передней часовни. В южном конце большой комнаты находится оконная ниша высотой 7 футов, открывающаяся почти плоскими сторонами. В его западном косяке находится камин, на востоке - дверь, ведущая в свод с фресками размером 18 на 12 футов, расположенный над тем, через который можно попасть на первый этаж. Это хранилище имеет петлю на востоке, ведущую к большой лестнице, на севере - уже упомянутые восемь ступеней, а в южной стене - узкую дверь и фресковый проход, ведущие в гардеробную и прихожую. В северном конце большой комнаты, недалеко от северо-восточного угла, дверь открывается в комнату размером 7 на 5 футов, которая находится в северной стене под оконной нишей, здесь проем 8 футов.

Западная камера размером 55 на 21 фут имеет в своем южном конце оконную нишу шириной 7 футов, в восточной стене которой дверь открывается в камеру с фресками размером 14 на 9 футов, с петлей на юге и камином в восточной стене. В западной стене большого зала есть оконная ниша шириной 5 футов, начинающаяся на уровне пола, и три двери. Тот, что на северном конце, открывается в камеру размером 22 на 9 футов, расположенную под западным углом, с петлями на запад и север. Отсюда открывается проход в северной стене длиной 17 футов, который заканчивается камерой размером 11 на 5 футов; камеры и проход имеют петли на север. Недалеко от центра западной стены большого зала дверь открывается в другую комнату с фресками размером 22 на 14 футов, с двумя петлями на западе и камином в восточной стене. Другая дверь ведет по изогнутому коридору с петлей на запад, к юго-западной лестнице. В большой поперечной стене есть дверь у ее северного торца, а на каждой из ее граней по два больших камина, ныне замурованных. В северной стене есть высокое окно или ниша высотой 8 футов.

Главная галерея, хотя и тянется вдоль стены почти по всей окружности, находится на разных уровнях и в одном месте обрывается. В нее ведут две лестницы. Та, что на северо-востоке, дает два ответвления, одно из которых поднимается на четырнадцать ступеней, петляя на север, и входит в проход в северной стене длиной 16 футов, имеющий петлю на севере, а на юге - отверстие, сейчас заделанное, в большую комнату. Проход заканчивается в помещении размером 18 на 8 футов, в северной стене которого есть петля, а рядом с ней глубокое углубление для гардеробной; а в южной стене находится то, что, по-видимому, является входом в галерею, идущую вдоль поперечной стены, где, однако, она была бы перекрыта или сильно уменьшена шахтами каминов. Другое ответвление от северо-восточной лестницы поднимается на шесть ступеней, когда оно дает ответвление к востоку из девяти ступеней, которые ведут на крышу верхней башни переднего корпуса. Затем главный проход изгибается и поднимается еще на десять ступеней, всего на шестнадцать ступеней, когда он входит в сечь восточной стены, где он имеет 60 футов в длину и 4 фута 7 дюймов в ширину, и имеет дверь на восток, открывающуюся в средней башне переднего здания, и петлю, а напротив них находятся два отверстия в западной стене, которые раньше вели в большую комнату, а теперь перекрыты кирпичным сводом. Затем проход поворачивает и проходит 67 футов в южной стене. В его восточном конце есть петля; в южной стене толщиной 10 футов есть дверь, ведущая на крышу нижней башни переднего здания. В той же стене есть две, а возможно, и три петли, напротив двух из которых, по-видимому, были отверстиями в большую камеру. Третья сильно разрушена. Во внутренней стене есть ниша, вероятно, вход в галерею поперечной стены. В ее западном конце главная галерея спускается на двадцать ступеней к юго-восточной лестнице. С этой лестницы, на двадцать ступенек выше, открывается дверь в галерею, которая продолжается вдоль западной стены на 68 футов. У него есть три петли во внешней стене, напротив двух из которых находятся отверстия, сейчас закрытые, которые смотрели в большую камеру. Эта галерея продолжается 15 футами, шириной 6 футов, в северной стене.

Крыша цитадели теперь представляет собой артиллерийскую платформу, прорезанную с юга шестью, а с запада пятью амбразурами, вершины пилястр образуют ниши в центре каждой грани. Две другие грани сплошные и защищены пушками "en barbette". Из четырех башенок площадью 21 квадратный фут с двумя входами с каждой стороны, в двух южных есть входные лестницы, а двери из верхней части лестницы открываются в сторону тех, что расположены под северо-восточным и юго-западными углами. В северо-западную башню, по-видимому, можно попасть через отверстие в ее восточной стене. Хотя эти башенки сильно потрепали, их конструкция кажется оригинальной.

Передняя постройка занимает всю восточную часть и около 45 футов прилегающей южной стены крепости. Ее ширина колеблется от 15 до 23 футов. Он был укреплен тремя башнями: одной над северным концом или верхом лестницы, одной над юго-восточным углом или низом и одной на восточном фасаде над серединой лестницы. Средняя башня, в которой находился средний дверной проем, необычна. Они возвышались примерно на четыре пятых высоты главного здания, и на их зубчатые стены, как было показано, вели двери с верхней галереи. Целью этого сооружения было содержать и защищать главную лестницу, и в ней есть три вестибюля, нижняя и верхняя часовни, а также прихожая, несколько комнат с фресками и колодец. Вход в это время начинается с земли на южном фасаде по открытой лестнице из десяти ступеней, вероятно, современной, поскольку первоначальный подъем, по-видимому, был уперт в стену крепости и параллелен ей. На вершине этих ступеней находится лестничная площадка, за которой открывается нынешний вход в цокольный этаж. Затем лестница поворачивает направо и поднимается на одиннадцать ступеней, все еще открытых, имея слева крепость, а справа фланговый выступ передней постройки, в которой находится ложа, а над ней раздевалка. Впереди находится высокий дверной проем шириной 7 футов с сегментарной аркой, довольно простой, а над ней петля, которая открывается из коридора часовни. Это был нижний вход, и он был закрыт зарешеченной дверью. Войдя в дверной проем, одиннадцать ступенек под прикрытием ведут в нижний вестибюль, который находится на высоте тридцати двух ступеней, или 20 футов, над землей. Этот вестибюль представляет собой красивую комнату размером 15 на 12 футов, с аркадой из двух арок в южной стене, в каждой из которых проделана петля. В западной стене, недалеко от входа, находится дверь сторожки, простой камеры с бочкообразными сводами размером 13 на 6 футов, имеющей петлю на западе. В восточной стене вестибюля находится открывающаяся арка высотой 7 футов, опирающаяся на соединенные колонны и обрамленная по бокам двумя другими. Голова украшена шевронным узором. Эта арка открывается в нижнюю часовню размером 14 на 13 футов, которая занимает юго-восточный угол здания и расположена таким образом, чтобы алтарь мог быть виден при желании каждому входящему в крепость. На его северной и южной стенах расположены аркады из двух арок, разделенные опорой, несущей две угловые шахты и третью шахту в центре. В юго-восточной арке находится петля, а напротив нее шкаф. В восточном конце также есть петля, расположенная в углублении, обрамленном двумя шахтами. Пол этой часовни находится на одну ступеньку выше вестибюля. Потолки обоих были плоскими и деревянными. Под часовней и вестибюлем находится уже описанное хранилище. Толщина стен этой части переднего здания составляет от 2 футов 6 дюймов до 5 футов.

Из вестибюля открывается вторая дверь в северной стене. Он имеет сегментарную головку и является оригинальным, но его ширина была уменьшена, вероятно, когда открывали дверь в подвал, вставив новые косяки. Она открывается в сводчатый проход шириной 6 футов и длиной 5 футов, что соответствует толщине северной стены нижней башни. Он состоит из трех ступеней и лестничной площадки, с которой четыре ступеньки ведут в средний вестибюль. Это помещение длиной 25 футов и шириной 15 футов, с современной крышей и двумя современными окнами в восточной стене, которая была частично перестроена. Слева, при входе, находится дверной проем в стиле тудоров, а над ним квадратное окно с двумя лампочками той же даты. Она ведет в уже описанную комнату с фресками, а оттуда - на первый этаж цитадели. Вверху в стене видна большая рельефная арка, и вполне вероятно, что здесь всегда была дверь.

За этой дверью лестница поднимается на двенадцать ступеней к широкой площадке в конце вестибюля. Помимо дверного проема и окна в стиле тудоров, на той же стороне, выше, находятся петли из двух настенных камер второго этажа цитадели, а в южной стене над

лестницей небольшая дверь, которая сейчас не используется, которая открывается в прихожую. В северной стене этого вестибюля имеется дверной проем длиной 5 футов, третий по порядку на лестнице, ведущий в проход шириной 6 футов, который пронизывает стену средней башни, здесь толщиной 6 футов, при этом вся башня имеет высоту 14 футов. От этого дверного проема пролет из двадцати ступеней шириной 8 футов ведет в верхний вестибюль, к большой площадке размером 19 на 14 футов. Сам вестибюль имеет размеры 25 на 14 футов и находится между средней и верхней башнями переднего корпуса. В восточной стене, которая была восстановлена вместе с крышей, есть два современных окна. В южной стене узкий проход длиной 10 футов и шириной 3 фута ведет к внешнему колодцу, труба которого из ясеня имеет диаметр 4 фута. Похоже, в наше время его использовали как выгребную яму, и он засорился. Колодец расположен в центре башни, которая, по-видимому, представляла собой массив каменной кладки. В настоящее время стена вокруг колодца была разрушена, образовав грубую камеру. В настоящее время невозможно установить, заканчивался ли колодец на этом уровне, как это вполне вероятно, или его поднимали на крышу башни. В северном конце вестибюля, выходящая на лестницу, дверь ведет в сводчатое помещение для охраны размером 16 на 10 футов, с петлями на севере и востоке и глубоким углублением в западной стене. В западной стене вестибюля находится большая дверь крепости и петля, ведущая в камеру-колодец. На этой стене из тесаного дерева есть следы, как будто изначально она предназначалась для перекрытия этого вестибюля.

В переднем здании, на уровне второго этажа цитадели, следует упомянуть гардеробную, прихожую и часовню. Они расположены в нижней башне переднего здания над сторожкой, вестибюлем и нижней часовней, и попасть в них можно было только из крепости, через уже описанную комнату с фресками. Из этой камеры в стене над внешним дверным проемом пролегает проход шириной всего 2 фута 5 дюймов, и от него наружу открывается петля над лестницей. Этот проход длиной 17 футов заканчивается двумя маленькими дверями, правой и левой, одна из которых ведет в гардеробную, другая - в прихожую. Первоначально это был единственный вход в часовню, и очень полный человек вряд ли смог бы туда добраться. Принцы Плантагенеты, хотя в основном были крупными в кости, редко отличались полнотой. Гардеробная находится над ложей. Он имеет размеры 10 на 7 футов, сводчатый, рифленый; ребра имеют простое поперечное сечение и не имеют выступов. Они выходят из угловых стержней под четырьмя углами. Здесь есть петли, или, скорее, маленькие окошки, открывающиеся на запад и юг, по бокам от которых стоят небольшие колонны. Передняя часовня размером 16 на 13 футов имеет аркаду из двух арок в северной и южной стенах и петлю в северо-восточном пространстве, преобразованную в небольшую дверь, чтобы обеспечить отдельный вход. В восточной стене в часовню ведет арка шириной 8 футов. Она опирается на соединенные колонны, по бокам каждой из которых расположены две другие, а арка украшена шевронной лепниной. Пол был деревянным и опирался на пять балок. Крыша сводчатая, рифленая и ребристая, а молдинг выполнен в виде рулона с полосой из собачьего зуба. Часовня имеет размеры 14 на 13 футов. Необычно ее расположение: она расположена над основанием входной лестницы, а не в ее изголовье, как в Миддлхэме. Он также имеет аркаду из двух арок в северной и южной стенах, с парами угловых стволов по углам, за которыми из капителя-козырька выступают ребра сводчатой крыши. Они имеют рулонную форму с полосой в виде орнамента в виде собачьих зубов и центральным выступом в виде цветка. Здесь есть небольшое восточное окно, а также к югу от него изображена рыба с головой в виде трилистника и выступающей чашей, которая сейчас отломана. Это кажется украшенным дополнением. В южной стене есть две петли, и одна на севере, у восточного торца, а в другом северном отсеке находится шкаф. Пол был деревянным, опирающимся на четыре балки.

Материалом для постройки этой крепости служит в основном деревенский тряпичный камень, обработанный как щебень и не очень регулярно обрабатываемый. Тесан, в основном из канского камня, свободно используется для отделки дверей, окон и наличников. Стыки плотные. Пилястры необычной ширины и выступа. Часовни и нижний вестибюль очень богато украшены, с большим количеством шевронов и рулонной лепнины, а иногда и с изображением собачьего зуба. Арки иногда сегментарные, но чаще полностью центрированные. В здании нет опускной решетки; входы были закрыты только дверьми, запертыми деревянными прутьями. Ни одна из петель, открывающихся на лестницу, не могла быть использована для ее защиты. За исключением главной двери, в самом замке нет никаких украшений. Двери, окна и камин, похоже, были довольно простыми. Это единственная известная крепость, в которой есть второй колодец, и трудно понять, почему их должно быть два так близко друг к другу, затраты на сооружение которых, должно быть, были столь велики. Верхняя галерея действительно имеет очень грубую каменную кладку; линии проходов не совпадают с общим направлением стен, и исполнение очень низкое. Прискорбно, что власти, окруженные просторными зданиями, извратили это очень любопытное убежище для вульгарных и опасных целей. Склады следует хранить в другом месте, а кирпичные своды и пристройки убрать. Внешние проломы и двери в стенах должны быть закрыты, второй колодец расчищен, а все здание, насколько это возможно, восстановлено в его первоначальном состоянии. Затем его можно было бы превратить в музей оружия, и сделать доступной каждую часть, включая палату. Предполагаемая дата постройки этой крепости - 1153 год, когда, как говорят, фундамент был заложен Генрихом, внуком Генриха I. Незадолго до того, как он взошел на престол. Это достаточно хорошо совпадает со свидетельствами самого здания, построенного в позднем нормандском стиле.

Добавленный здесь общий вид сделан с севера и показывает ворота констебля и мост, а на переднем плане башни и занавесы внешнего прихода с этой стороны. Сразу за ними видны квадратные башни и занавес внутреннего, или нормандского, прихода, а внутри всего возвышается цитадель, с восточной стороны которой видны три башни переднего корпуса.

ЗАМОК ДАНСТЕР, СОМЕРСЕТ.

Замок Данстер очень древний и на протяжении многих веков пользовался большим военным вниманием в западных графствах. Это была *капут* огромной Чести и главная резиденция рода очень могущественных баронов. Холм, на котором он стоит, является северо-восточной, или обращенной к морю, оконечностью значительного хребта, от которого он отделен естественной впадиной и, таким образом, образует то, что в западносаксонской терминологии известно как тор. Тор занимает более десяти акров земли и имеет высоту около 200 футов, а столешница занимает площадь около четверти акра. Он стоит на западном краю глубокой и широкой долины, в которой расположен парк, а ниже замка простирается луг шириной около мили, огибающий море от Майнхеда до Кархэмптона. Парк пересекает значительный ручей Авилл, один исток которого берет начало с Кройдон-Хилл, а другой, протекающий мимо Вуттон-Кортни, берет начало примерно в шести милях от него под маяком Данкери. Вид на дом, отличающийся необычайным богатством, ограничен и защищен с юга и запада холмами Брендон и возвышенностью, поднимающейся в сторону Эксмур. На востоке он включает в себя долины Клив и Уиллитон, ограниченные Квантоками. В направлении моря на север око простирается от залива Бриджуотер до мыса Брин-Даун и

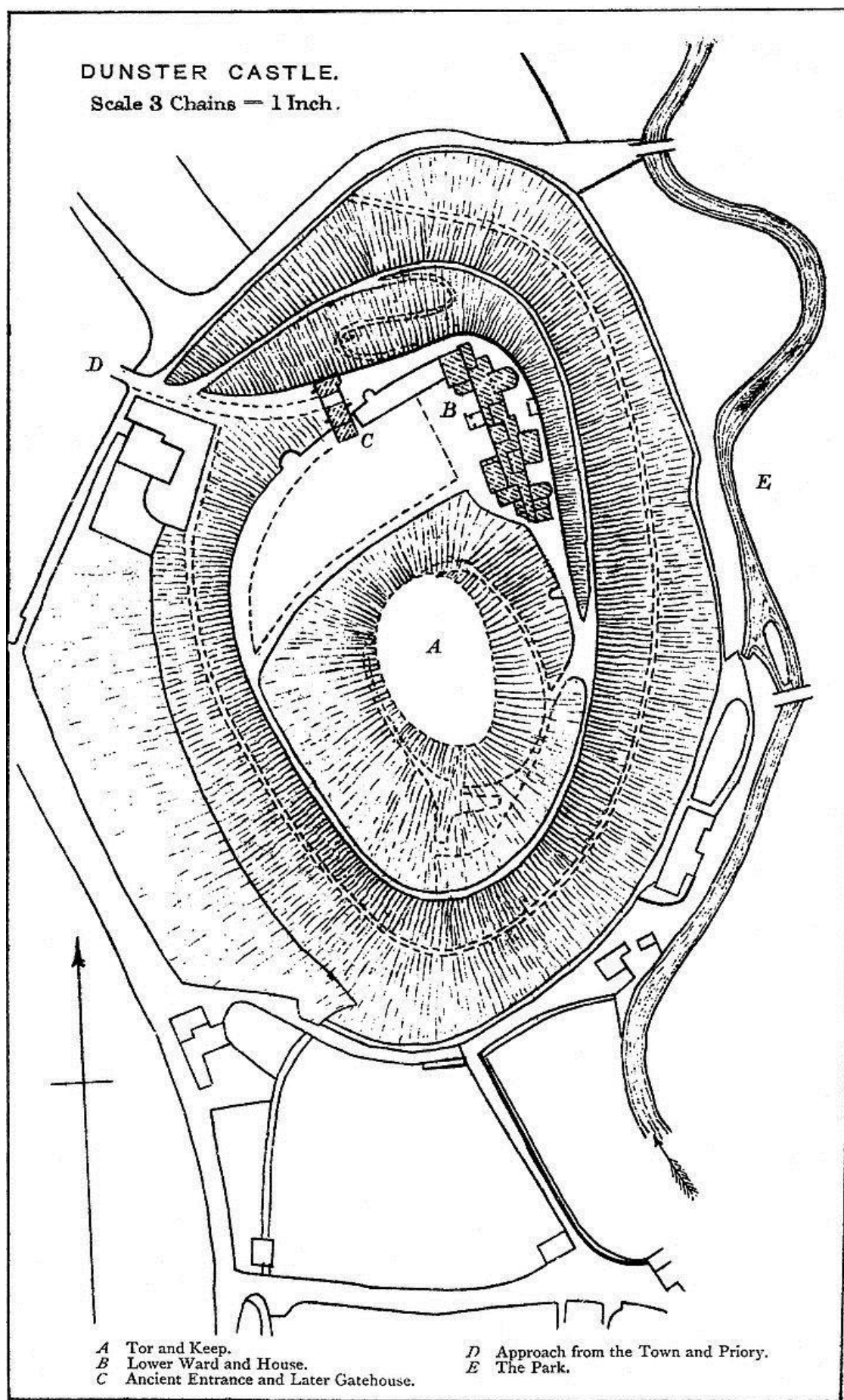
Уорла и господствует над западным или противоположным побережьем от Пенарт-Пойнт до Аберавана и Суонси.

К западу, у подножия замкового холма, под непосредственным контролем и защитой старой крепости, находится городок Данстер, небольшое и компактное скопление старомодных домов, многие с деревянными фасадами, посреди которых находится приходская церковь, когда-то связанная с монастырем, фундаментом одного из первых нормандских лордов. Восточная, или монастырская, часть здания сейчас образует частную часовню Латтреллов и содержит несколько их гробниц.

ЗАМОК ДАНСТЕР.

DUNSTER CASTLE.

Scale 3 Chains — 1 Inch.

A Tor and Keep.
B Lower Ward and House.
C Ancient Entrance and Later Gatehouse.

D Approach from the Town and Priory.
E The Park.

9. Тор и храни.
10. Нижняя палата и дом.
11. Древний вход и более поздняя сторожка.
12. Подход со стороны Города и монастыря.
13. В парке.

Модные ткани, когда-то известные как “Данстеры”, давно перестали изготавливаться, а от валяльных фабрик остались руины, от которых почти ничего не осталось. Гавань, в которой находили отгрузку эти изделия, также заилена, а привилегии, предоставленные горожанам, которые теперь разделяются сообществом в целом, больше не отмечаются и известны только потому, что сохранились хартии, предоставляющие их. Из соседних холмов “Гэллокс”, как полагают, назван так потому, что там высокие судебные полномочия лордов осуществлялись на глазах у всех людей, а “Грейбхерст”, замковый хребет, как говорят, назван по укрепленному лесу, хотя такое употребление слова “графф” неизвестно или необычно в английской терминологии, а “Херст” или “Hurst” принадлежит скорее Сассексу и Кенту, чем Сомерсету. Дело в том, что холм в “олд Дидс” пишется как “Гробефаст”, а в настоящее время в просторечии называется “Граббист”. Рядом с ним находится высокий отдельно стоящий холм, известный как “Конигер”, увенчанный башней прошлого века. В настоящее время он густо засажен, но там не обнаружено лагеря, на что могло бы указывать название. Сохранилась замковая мельница. Он расположен на краю парка, у ручья, скрыт и защищен замком.

Замок состоит из двух частей, благодаря естественному расположению местности; это тор, или цитадель, и нижняя палата. Тор имеет овальную форму, а его вершина, естественно плоская, была дополнительно выровнена с помощью искусства, поскольку склоны также были подрезаны и стали практически непригодными для прямого восхождения. Высота вершины составляет около 35 ярдов к востоку и западу, по 70 ярдов к северу и югу. Крепость, которая стояла здесь, исчезла, и о ее существовании, которое долгое время было делом традиции, теперь можно догадаться по канализации и нескольким фундаментам в юго-западном углу, заложенным несколько лет назад. Нынешняя поверхность была заложена как площадка для боулинга в прошлом веке, а в северо-восточном углу был построен летний домик, в котором есть окно в перпендикулярном стиле, позаимствованное из какого-то более раннего сооружения.

Искусственное ограждение склонов холма ограничено верхними 80 или 100 футами. На этом уровне находятся две платформы или стеллажи, одна, небольшая, обращена к югу, другая, гораздо большая, также в основном натуральная, обращена к северу и образует нижнюю палату. Нижняя палата имеет полулунную или полуовальную форму, при этом полая сторона образована и занята частью юбок туловища. Он имеет размеры около 33 ярдов к северу и югу, на 126 ярдов к востоку и западу и занимает около половины акра земли. Внешний или выпуклый край, крутой по своей природе, был врезан в невысокий утес, поддерживаемый подпорной стеной, которая с ее фланкирующими башнями и надстройкой из парапета защищала этот участок. У подножия этой стены, часть которой поддерживает нынешний дом, склон возобновляется, и, хотя теперь он испещрен террасами дорог и тропинок, раньше он непрерывно спускался к подножию холма.

Цитадель, вероятно, была круглой или многоугольной формы, к ней, как и в Линкольне, вел прямой лестничный пролет из нижнего помещения. Его ворота, по-видимому, были защищены опускающейся решеткой, как упоминается в записях, которой не могло быть ни в более ранних воротах, ни в более поздней сторожке. Здания и жилая часть старого замка

находились в нижнем приходе или его северо-восточной четверти, на *ограждении* или навесной стене, и, как правило, на месте нынешнего дома. Стена была укреплена и обрамлена полукруглыми башнями, нижняя часть некоторых из которых остается частью более позднего здания и соединена с фрагментами стены, которые теперь являются частью дома и которые выдает их чрезмерная толщина. Одна из этих стен имеет сердцевину из натурального красного песчаника, заключенную в каменную кладку, но время от времени выделяющуюся влагу. Ворота этого прихода находятся между двумя из этих боковых башен. Они имеют ширину 9 футов, с простыми скошенными косяками и низкой жесткой аркой. Не было ни опускной решетки, ни, вероятно, подъемного моста, единственной защитой была дверь, составленная из дубовых брусьев площадью 4 квадратных дюйма и на расстоянии 4 дюймов друг от друга, образующих решетку, обшитую снаружи вертикально дубовой доской толщиной в полтора дюйма. На каждую дубовую перекладину была наложена железная перекладина, и вся ткань была скреплена железными скрепками с ромбовидными головками. Линия соединения двух клапанов была защищена железной перекладиной. В правом клапане при входе находится калитка высотой 3 фута 8 дюймов и шириной 2 фута 6 дюймов, запертая на огромный железный замок в деревянной раме. Этот очень любопытный образец плотницкой и кузнечной работы, хотя и более поздний, чем ворота, является старым, мало чем отличающимся от замка Чепстоу, и, вероятно, относится ко временам Генриха VIII. или Елизаветы. Сами ворота принадлежат воротам Генриха III. или его сына. В прошлом веке ворота были постоянно закрыты, а за ними была возведена земляная стена. Ворота недавно были восстановлены, насколько это возможно, до их первоначального состояния, и теперь по ступенькам можно попасть в нижнюю палату.

Фресковые башни по бокам от ворот представляют собой части кругов, внешний диаметр которых составляет 16 футов 6 дюймов, а нижние 12 футов являются оригинальными. В одном из них находится любопытный сводчатый подвал с обычными тремя петлями, а в задней части - дверной проем, который вел в палату. Другой, или восточный фланкер, до недавнего времени имел подвальную камеру, заполненную землей, а также три петли, две из которых все еще видны снаружи. Эта башня была соединена со зданием в ее задней части, фундамент которого является оригинальным и сейчас является частью офисов. Также на подпорной стене, но примерно в 20 ярдах дальше и к юго-западу от старых ворот, находится еще одна подобная фланговая башня, от которой сохранился верхний этаж и часть дверного проема. Эта башня открыта сзади. Башни, занавес и входные ворота, по сути, все одного образца, а то, что осталось от тесаного дерева, хорошего качества и с хорошими соединениями. Надстройка была недавно обновлена.

Подъезд к замку был крутым, как и сейчас, от города до старых ворот, при въезде в которые дорога делала крутой поворот. Сразу под воротами, при таком подходе, была построена сторожка, которая выступает из занавеса и соединена с ним, будучи встроенной в башню, примыкая к старому занавесу с западной стороны. Это сооружение, большая сторожка, все еще остается совершенным и, хотя, очевидно, предназначено больше для украшения, чем для защиты, является наиболее подходящим подходом к замку и придает всему сооружению во многом средневековый и отчасти военный характер. Это здание прямоугольной формы, 63 фута в ширину, 23 фута в глубину и около 45 футов в высоту, к его зубчатым стенам ведут шестьдесят две ступени. В нем есть проход шириной 10 футов 6 дюймов, имеющий простой заостренный свод для телеги и на каждом конце не очень заостренную арку с хорошо отлитыми косяками, продолжающимися вокруг изголовья. Здесь нет дверей сторожки, ведущих в арку, нет ни опускной решетки, ни подъемного моста. Фасады простые, за исключением того, что снаружи есть два выступающих по бокам контрфорса, а над входом находится прямоугольная панель, содержащая девять гербов в три ряда — один, четыре и

четвертый. Внутренний фасад окружен двумя полугексагональными башенками, из которых та, что на внешнем конце, содержит лестницу-колодец, в которую можно попасть снаружи через небольшой четырехцентровый дверной проем и которая сообщается с каждым этажом и зубчатыми стенами. Соответствующая башенка построена на одной из старых башен-фресок, примыкающих к воротам нижнего отделения. На каждом этаже находится небольшая комната, вероятно, гардеробная. У внешнего торца здания находятся два контрфорса, большой и маленький, вероятно, пристроенные для поддержки стены, которая тогда стояла на крутом склоне и имела признаки заселения. Сторожка состоит из трех ступеней. В подвале есть камеры по обе стороны от главного прохода, в которые можно попасть: в одну - по лестнице-колодцу, в другую - через наружную дверь. Что следующая за колодцем лестница имеет размеры 14 футов 6 дюймов на 9 футов 8 дюймов и имеет окно спереди. То, что находится по другую сторону арки, имеет размеры 21 фут 6 дюймов на 16 футов 3 дюйма, и в него можно попасть снаружи через небольшой дверной проем, вероятно, вставку. Из этой комнаты ведут два шкафа, а лестница-колодец ведет на два этажа выше.

На первом этаже расположены две комнаты размером 22 фута 10 дюймов на 16 футов 6 дюймов, 21 фут 6 дюймов на 16 футов 6 дюймов и высотой 13 футов. В его внутреннем конце находятся два шкафа.

Второй, верхний, или главный этаж, раньше состоял из двух комнат, но недавно был преобразован в красивый холл размером 47 футов на 16 футов 6 дюймов с открытой крышей. В нем пять окон и камин, и в него можно попасть из нижней палаты через дверной проем, который, по-видимому, является вставкой с датой правления Генриха VIII., и с одной стороны которого находится начало лестницы-колодца, а за ней, с каждой стороны, чулан. Окна сторожки в основном состоят из двух фонарей, разделенных фрамугой на четыре, причем верхние фонари закрыты подпругой, а в головной части - четырьмя крыльями. Вершина зубчатая, и по четырем углам расположены башенки, из которых видны только две с внешней, или передней стороны.

Щиты на внешней панели в верхней строке обозначены цифрой 1. Латтрелл с гербом и опорами. Ниже, в следующей строке, 2. Латтрелл, пронзающий Кортни; 3. Латтрелл, пронзающий Бомонта из Шеруэлла; 4. Латтрелл, пронзающий Одли; 5. Латтрелл, пронзающий Кортни из Паудерхэма. В нижнем ряду 6. Холм для накалывания Латтрелла; 7. Заготовка для накалывания Латтрелла; 8 и 9 заготовки. Сторонники Латтрелла были двумя лебедями в цепях и ошейниках, происходящими от Богуна через Кортни. Дата постройки этого сторожки неизвестна. Считалось, что это “новый особняк кастри де Данстер”, строительство которого, согласно отчетам, поручили Генри Стоуну в 9 веке Генриха V. Но нижняя часть выполнена в стиле, преобладавшем при Ричарде II. Дверь из нижней палаты в вестибюль была открыта едва ли раньше, чем при Генрихе VII. или VIII.

Вероятно, что сторожка некоторое время использовалась в сочетании с соседними воротами, пока последние не были закрыты. Подход и въезд, какими бы неудобными они ни были, были надежными и почти исключали любые регулярные атаки с помощью таранных машин или даже *escalade*.

История Данстера начинается со дня Страшного суда, в котором записано, что Уильям де Мохун владеет Торре, и там находится его замок. Алурик владел им во времена короля Эдуарда. “Ipse [Willielmus de Moion] tenet Torre. Ibi est castellum ejus. Алурик тенуит Т.Р.Э.” Эти слова очень уместно вывешены над большим камином в холле. Судный день в Эксетере также подтверждает задержание как Мохана, так и Алурика. Кем был Алурик, неизвестно. В том, что он был выдающимся англичанином, сомневаться не приходится, но имя это было

распространенным и встречалось в "Судном дне" шестьдесят четыре раза, как и Алрик, вероятно, с тем же именем, двадцать шесть раз.

Мохан, без сомнения, нашел тор сильно укрепленным на английский манер, поскольку он не только был пограничной крепостью против западных кельтов, но и, должно быть, подвергался пиратскому вторжению норманнов, которые дали название противоположным островам Холмс и не очень отдаленному порту Суонси. Это место было, по сути, естественным городом большого масштаба, таким, какой Этельфлэд и Эдвард Старший имели обыкновение искусственно возводить в меньших масштабах в начале десятого века. Там был конический холм с плоской вершиной для *аулы* или *дома обороны*, и внутренний двор внизу для хижин и сараев для иждивенцев и скота.

Уильям де Мохан был не просто авантюристом. Он был великим бароном Котантена, владевшим замком Муайон в ла-Манше. Он сражался при Гастингсе с рыцарскими приверженцами и получил от Завоевателя от шестидесяти до семидесяти поместий в Сомерсете, Девоне, Дорсете и Уилтсе. Эти поместья были в его время или при его преемнике объединены в Чест, как это было в случае с теми, что были прикреплены к главным городам Плимптона, Тотнеса и Барнстейпла. Данстер стал *почетным капютом*.

Честь Данстера была одной из примерно восьмидесяти шести в Англии, хотя в чем они отличались от баронств, точно не выяснено. Ядром любого из них почти всегда было поместье, принадлежавшее до завоевания, к которому в значительной степени добавились завоевавшие его норманны. Во всех случаях она распространялась более чем на одно графство и принадлежала королю *in capite* благодаря дани уважения, верности и военной службе. По законам Генриха I, каждый лорд мог вызвать своих подданных в суд “,и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, и так далее, и так далее. eum.” Честь не является юрисдикцией, упомянутой в Domesday, если только это не в отрывке, относящемся к Корнуоллу, где это записано: “Территория, относящаяся к чести чи;” чи - это место. Говорят, что этот термин впервые был использован Завоевателем в его грамоте аббату Рэмси. Большинство почестей, похоже, вышли из употребления из-за отчуждения составляющих их поместий, как это было в случае с Данстером, хотя записи показывают, что на протяжении многих веков права на них неукоснительно соблюдались хозяином замка.

Неизвестно, до какой степени Мохуны были довольны более ранними укреплениями замка, но примечательно, что ни в здании, ни вокруг него не было найдено ни лепнины, ни фрагментов нормандского орнамента, хотя в приходской церкви есть оригинальные работы норманнов. Судя по конфигурации грунта, очертания старой крепости должны были находиться там, где они находятся до сих пор, так что не было бы причин сносить более ранние сооружения для увеличения площади; и все же трудно предположить, что такие долговечные сооружения, какими были сооружения нормандского периода, могли прийти в упадок во время правления Генриха III. или Эдуард I., дата самой старой из дошедших до нас частей. Как бы то ни было, несомненно, что замок Мохунов был одной из важнейших западных крепостей; и в беззаконные дни Стефана он защищал императрицу от короля во время великого восстания 1138 года, его хозяином тогда был Уильям де Мохун, второй барон.

Уильям, действительно, не довольствовался пассивным сопротивлением. Его описывают как “Бич Запада”, разоряющий страну вплоть до ворот Барнстейпла, где его держал в узде Генри де Трейси. Говорят, что императрица в 1140 году присвоила ему титул графа либо Дорсета, либо Сомерсета, либо и того и другого вместе; но это создание основано на очень сомнительных авторитетных источниках и никогда не признавалось действительным.

Графства того периода были очень нерегулярными, и некоторые из них впоследствии были отложены. Этот лорд основал приорат августинцев в Брютоне, в Сомерсете, и, согласно Черной книге казначейства, у него было сорок четыре рыцарских звания. Не исключено, что ему обязана круглая или многоугольная крепость, которая была распространена в то время там, где у замка был курган, и которая, как известно, стояла на вершине тора.

Никаких упоминаний о замке не встречается вплоть до правления Джона, который владел замком и Честью во время несовершеннолетия лорда Реджинальда, когда королевские чиновники взимали штрафы и т. Д. За Честь. В списке канцелярии за 1201-2 годы на Николаса Пуинца приходится 15 шилл. 2½ д., полугодовое жалованье, полагающееся привратнику замка и столько же сторожу; и эти выплаты повторяет Реджинальд де Клифтон, которому в 1204 году было приказано передать Реджинальду де Мойону замок Данстер и наследие, находившееся тогда под его опекой. Незадолго до этого, до совершеннолетия Реджинальда, Хьюберт де Бург был ответственным за “de finibus militum” этой чести; и 25 февраля 1202 года Джон призвал рыцарей и свободных арендаторов внести свой вклад через Де Бурга в укрепление замка. “Наш замок”, - называет его король, вероятно, не просто потому, что держит его под опекой, но и потому, что утверждает общие права короны на все замки. Второй Реджинальд, похоже, учредил мессу во благо своих предков, которую ежедневно читал монах или светский священник, которую обеспечивал приор, в верхней часовне или часовне Святого Стефана в замке, или во время войны в часовне Святого Лаврентия в монастыре. Если этим пренебрегали, оставалась возможность наложить арест на имущество настоятеля. Лиланд упоминает часовню Святого Стефана как связанную с крепостью. По-видимому, также была вторая часовня, как обычно, в нижнем приходе. После смерти лорда Реджинальда, около 1213 года, Честь снова перешла в руки короны на время длительного меньшинства. Ответственным был назначен Генри Фиц граф, а вдове Алисе было предоставлено приданое и “maritagium”. Любопытно, что Джон, похоже, не посещал Данстер, хотя и был в Сток-Корси.

Генрих III в 1220 году передал Данстерский лес во владение Питеру де Моле. Он сохранил замок в своих руках, и было несколько случаев, когда приходилось платить Роджеру и Уильяму де Вилерсам, как “балистариям регис”, которые жили в королевском замке Данстер. Особым приказом 1222 года земли Мохунов в Кархэмптоне передаются Уильяму Брайверу, вероятно, ближайшему родственнику вдовы, но замок и виллу Данстер остаются в руках короля. Вскоре после этого Watchet market, будучи нелегализованным и наносящим ущерб Данстеру, был закрыт (Закреть список I., 137, 418, 605). Вышеперечисленные были не единственными людьми, которым время от времени поручалась эта ценная опека.

О состоянии замка на момент окончания этого опеки ничего не известно; но богатство семьи значительно увеличилось благодаря браку Реджинальда, подопечного короля Джона, с сонаследницей Бривера, и либо его сын Реджинальд, основатель Ньюенхемского аббатства в 1246 году, умерший 41-м Генрихом III в 1256 году, либо его внук Джон, умерший 7-м Эдуардом I. В 1278 году, последний барон по праву владения, возможно, построил занавес и фресковые башни, содержащие нижний приход, от которых сохранились основания. Цитадель, вероятно, осталась неизменной, и действительно, из-за большой и неудобной высоты, на которой она стояла, могла использоваться лишь незначительно. О чисто оборонительных частях замков, когда в них не жил владелец, обычно заботились мало, и содержание привратника и единственного сторожа показывает, что в этом отношении Данстер не был исключением.

В 1376 году Джон де Мохун, восьмой барон и десятый по прямой линии от основателя семьи, умер, оставив только дочерей, и продажа замка и остального имущества была осуществлена

его вдовой Джоан Бюргерш. Покупательницей была другая вдова, Элизабет, дочь Хью Кортни, графа Девона, и вдова сначала сэра Джона де Вера, а затем сэра Эндрю Латтрелла из Чилтона, кадета баронов Латтреллов из Ирнхэма. Елизавета была дамой высокого положения, родственницей Эдуарда III через Богунов и обладала огромным состоянием. Ее сын, сэр Хью Латтрелл, стал новым лордом замка и, вероятно, построил большую сторожку у ворот.

Латтреллы были стойкими ланкастерцами, и их представитель, сэр Джеймс, был посвящен в рыцари на поле Уэйкфилда и пал во второй битве при Сент-Луисе. Олбана, когда его поместья были конфискованы, 1-го Эдуарда IV, хотя только для того, чтобы быть восстановленным, 1-го Генриха VII в лице его сына, сэра Хью. Сэр Хью Латтрелл пользовался большим расположением Генриха VII и, по-видимому, жил в Данстере в большом великолепии. Второму сэру Хью Лиланд приписывает большую сторожку у ворот, и он, возможно, достроил или отремонтировал ее и открыл южную дверь, ведущую в нижний двор. Вероятно, он также вставил гербовые панели над входным порталом, на последней из которых, завершенной, изображен его герб, пронзающий герб Маргарет Хилл, его жены. Он также отремонтировал часовню Святого Стефана. Лиланд описывает донжон, или крепость, как “полную красивых зданий”, которые, однако, исчезли еще до него. Жилая часть замка находилась тогда, как и сейчас, в северо-восточном углу нижнего подворья. Сэр Эндрю, сын и преемник сэра Хью, “построил новый участок стены замка с восточной стороны”.

Следующим владельцем, оставившим свой след в замке, был Джордж Латтрелл, шериф Сомерсета в 1593 году. Он построил рыночный дом в городе и более старую часть нынешнего жилого дома, который датирован 1589 годом, включив в него большую часть навесной стены, башен и стен более старого и явно военного здания. Вход в палату, похоже, остался таким же, как и раньше, через ворота между боковыми башнями.

Во время войн между Карлом и парламентом Латтреллы горячо поддерживали ни одну из сторон и были в немилости у обеих. Его владельцами в то время были Томас Латтрелл, умерший в 1644 году, и Джордж, умерший в 1655 году. В 1643 году гарнизон роялистов под командованием полковника Уиндхэма вступил во владение замком, и его посетил принц Чарльз, на покои которого до сих пор указывают. В 1646 году Блейк осадил замок парламента и атаковал его с северо-запада, за Латтрелл Армз. Он был сдан Уиндхемом в апреле 1646 года. Было найдено несколько железных пушечных ядер, свидетельствующих об этой осаде.

Правительство, хотя и принесло извинения за военную оккупацию замка, взимало местную пошлину за его снос. Вероятно, это относилось только к верхней части навесной стены по обе стороны от сторожки. Говорят, что сторожка была повреждена, но ее нынешнее состояние показывает, что травма не могла быть очень серьезного характера.

Столетие спустя отчеты показывают, что Латтреллы подняли поверхность нижнего уорда, вероятно, примерно на четырнадцать футов, очевидно, с помощью земли, полученной при соскабливании с прилегающего склона горы тор. Это, включавшее закрытие старых ворот, вероятно, было объединено со строительством нового подхода, который проходил ниже и снаружи сторожки, огибал замок и тор и вел в нижний двор на новом уровне. Таким образом, дела оставались до восшествия на престол мистера Джорджа Латтрелла в 1869 году, когда по разумному совету мистера Салвина к елизаветинскому дому было сделано большое дополнение, на западном фасаде была построена новая башня, а фундамент и тротуары зданий вдоль северного фасада, соединенных с въездными воротами и сторожкой, были открыты, стены восстановлены и перестроены заново, и вдоль части занавеса образовалась

терраса. Подъезд для экипажей также был значительно улучшен, хотя, как и прежде, за счет того, что удалось избежать больших ворот.

Древние стены, примыкавшие к более поздней резиденции, доказывают, что на территории, которую она сейчас занимает, должны были быть очень значительные постройки, но есть некоторые основания предполагать, что и холл, и часовня стояли недалеко от места более поздней сторожки и, следовательно, справа или к западу от первоначального входа. Если это так, то протяженность зданий в нижнем квартале, должно быть, действительно была очень значительной, поскольку в другом направлении они, несомненно, простирались, как и нынешний дом, до подножия горы тор и были примыкали к ней по бокам. Тем не менее, какими бы значительными ни были изменения, какими бы красивыми и удобными ни были комнаты нынешнего особняка, он вполне представляет собой первоначальную крепость и, подобно ей, защищен холмом и возвышается над парком, городом и морским побережьем, откуда открывается очень обширный вид, и, как и подобает представителю столь важного военного поста, сам виден с участка местности, для которого он иногда был ужасом, но чаще защитой.

КРЕПОСТЬ ДАРЕМА.

Замок Дарем в настоящее время передан в пользование Северному университету и по большей части занят студентами. Для посетителей открыта только его часть, и любое описание его деталей при существующих ограничениях не имело бы особой ценности.

В недавнем выпуске публикаций Общества Сертис мистер Джеймс Рейн, достойный сын выдающегося отца, представил миру археологии очень любопытное стихотворение, которое сейчас печатается впервые, озаглавленное “Диалоги Лаврентия Дюнельменсиса Монахи по преимуществу”, произведение того времени, в котором рассказывается о вторжении Уильяма Камина в Даремский престол. Это был период чрезвычайного интереса к этому важному престолу, когда-то включавшему город Карлайл и территорию Тевингдейл, а на момент написания стихотворения в нем все еще находились замки Дарем и Норман, крепости первого ранга, даже в районе, в котором находился Бамборо.

Борьба между Стивеном и Мод, разгоревшаяся по всей Англии, нигде не велась с большей жестокостью, чем на Тайне, в Тисе и Уэре. Дэвид Шотландский, дядя Мод и активный сторонник, не сломленный своим поражением при Норталлертоне, заявил права на графство Камберленд по своему собственному праву и на графство Нортумберленд по праву своей жены. Только Дарем стоял на его пути, и его епископ Джеффри Руфус, сильный в своем неприступном замке, непоколебимо придерживался Стефана. Его смерть в 1140-41 годах позволила некоему Уильяму Камину, приверженцу Дэвида, силой и обманом завладеть замком и временными владениями престола, хотя ему и не удалось добиться своего избрания на епископство. Результатом стало ожесточенное противостояние между Кумином и законным епископом Уильямом де Сен-Барбе, в ходе которого собор был занят солдатами, а его монахи подверглись жестокому обращению и были убиты. Только в 1144 году Тмин был усмирен, и мир восстановился в доме и вотчине святого Катберта.

Лоуренс, родившийся в Уолтеме и воспитанный в его святом доме, приехал в Дарем во времена епископства Фламбарда, который, вероятно, достроил замок, кладка которого, по крайней мере, была начата во времена правления Завоевателя. Как обычный монах, он

прославился своими способностями к метрическому сочинению. Он стал сначала регентом, а затем капелланом епископа. Епископальная резиденция и церковь Дарема были описаны как

“Наполовину церковь Божья, наполовину крепость”гейнст Шотландец”,

и сами епископы в значительной степени разделяли этот двойной характер. В доме епископа Лоуренс видел большую часть светской жизни. Он стал охотником на волков и кабанов, рыбаком и знатоком конины; и если на самом деле он не был воином, то уж точно понимал принципы военной обороны. Со смертью епископа Руфа его связь с епископальным двором оборвалась, и он принял активное участие в борьбе против вторжения Тмина и в избрании святого Варба. Он был на некоторое время изгнан из монастыря, но после возвращения в 1149 году стал настоятелем. После смерти святого Барба в 1152 году он возглавил выборы Де Пюизе, племянника Стефана, и поддержал его против архиепископа Йоркского, которым он был отлучен от церкви и приговорен к покаянному бичеванию у дверей Беверли. Тем не менее, он твердо стоял на своем избрании и был одним из тех, кто сопровождал Де Пюизе в Рим и был свидетелем его посвящения папой. Однако он не дожид до возвращения в Англию, а умер во Франции, и кости его были похоронены только в Дареме.

Эти диалоги - всего лишь одно из нескольких его стихотворений. Их можно отнести к первой половине двенадцатого века, когда их автор, вероятно, проживал в замке вместе с епископом Руфом и, должно быть, был хорошо знаком с этим почти завершенным сооружением.

Замок до сих пор сохраняет многие черты и некоторые здания, описанные в стихотворении. Ров, отделяющий крепость от собора, действительно, засыпан, а пастбищный участок к востоку застроен и затемнен, но южные ворота, хотя и перестроены, стоят на старом месте и по-прежнему являются главным входом; и стена справа от входа по-прежнему тянется к крепости. Сама цитадель - поздняя работа; но холм, на котором она стоит, является частью первоначальной крепости, и каменная кладка проложена по старым линиям, и в очертаниях башня, без сомнения, довольно четко представляет работу Фламбара. Крепкая стена все еще соединяет цитадель с жилыми помещениями замка и образует фасад, обращенный к реке. Часовня также сохранилась, но с небольшими изменениями, а стены и арки общежития сохранились в первоначальном виде. Колодец все еще можно увидеть на открытом дворе, и он используется или использовался недавно. Несмотря на различные ремонты, перестройки и пристройки, не может быть никаких сомнений в том, что замок Дарем в своем общем виде напоминает крепости Завоевателя и Фламбарда; в Англии нет более замечательного примера нормандского замка типа shell-keep. Таким образом, публикация его описания Лоуренсом обладает особым очарованием; и это должно служить оправданием для следующей попытки его перевода. Стихотворение местами очень неясное и иногда вызывает у Присциана недоумение; и, возможно, я неправильно понял одну или две строки в оригинале:

DESCRIPTIO ARCIS DUNELMENSIS, “LAUR. ДЮНЕЛЬМ., I.L., 367.

Arx in eo regina sedens sublimis minatur,

Quodque videt totum iudicat esse suum.

Murus et a porta tumulo surgente severus

Surgit, et exsurgens arcis amœna petit.

Arx autem tenues condensa resurgit in auras,
Intus sive foris fortis et apta satis.
Intus enim cubitis tribus altius area surgit,
Area de solido facta fidelis humo.
Desuper hanc solidata domus sublimior arce
Eminet insigni tota decore nitens.
Postibus inniti bis cernitur ipsa duobus,
Postem quippe potens angulus omnis habet.
Cingitur et pulchra paries sibi quilibet ala,
Omnis et in muro desinit ala fero.
At pons emergens ad propugnacula promptos
Et scandi faciles præbet ab æde gradus.
Cumque venit eo via lata cacumina muri
Ambit, et arcis ita sæpe meatur apex.
Arx vero formam prætendit amœna rotundam,
Arte, nitore, statu, fortis, amœna, placens.
Hinc in castellum pons despicit, atque recursus
Huc et eo faciles pons adhibere solet:
Largus enim gradibus spatiat ubique minutis,
Nec se præcipitat sed procul ima petit.
At prope murus eum descendit ab arce reflectens
In zephyrum faciem flumen ad usque suam.
Cujus ab æra largo sinuamine ripa
Se referens arvum grande recurvus obit.
Obditus et siccis aquilonis hiatibus arcem
Exsurgens repetit fortis ubique feram.
Nec sterilis vacat aede locus quem circinat alti
Ambitus hic muri; tecta decora tenet.
Consita porticibus duo magna palatia præfert
In quibus artifices ars satis ipsa probat,
Fulget et hic senis suffulta capella columnis,

Non spatiosa nimis, sed speciosa satis.

Hic thalami thalamis sociantur, et aedibus aedes,

Et datur officio quælibet apta suo.

Hic vestes, ibi vasa nitent, hic arma coruscant,

Hic (*sic*) æra latent, hic caro, panis ibi.

Hic fruges, ibi vina jacent, hic potus avenæ,

Hic et habet propriam munda farina domum.

Cumque sic hinc domus atque domus jungantur, et aedes

Ædibus, inde tamen pars ibi nulla vacat.

Castelli medium vacat æde, sed exhibet altum

Ille locus puteum sufficientis aquæ.

Подобно королеве, величественно восседает замок и хмурится

Обо всем, что она видит, и считает все своим.

Прямо от ворот поднимается мрачная стена

Холм, и таким образом достигается величественная крепость.

Плотно построенная цитадель, пронзающая чистый воздух,

Снаружи и внутри прочный, хорошо приспособленный для его использования.

Его основание из насыпанной земли высотой в три локтя,

Твердый и незыблемый пол, таким образом, поддерживает;

На каком прочном основании держатся выдающиеся люди

Поднимается, не имея себе равных в своем сверкающем блеске.

Дважды два бревна останавливались, видно, что они покоятся

Здания там, для каждого главного угла по одному:

В то время как по каждой половине окружности расположены крылья,

Каждый заканчивается огромной стеной.

Спрыгнув с них на мост, легкими шагами,

К высоким зубчатым стенам образуется доступ,

Где широкая стена со всех сторон дает широкий путь,

И таким образом достигнута вершина крепости.

Величавая эта крепость! круг по форме,

Великолепен и силен искусством и справедливым положением.

Оттуда вниз, к замку, ведет мост,
И обеспечивает легкий доступ туда и обратно;
Ибо широк ее путь со многими мелкими шагами,
К основанию ведет постепенный уклон.
Совсем рядом - стена, отброшенная назад от крепости,
Обращен лицом на запад, к огибающему его ручью,
На чьем высоком берегу продолжалась, она обволакивает
Смелым взмахом открываю там обширное пастбище;
От обжигающих северных порывов, защищенных таким образом,
И так снова поворачиваем к кормовому замку.
Равно как и пространство внутри стены , охватываемое
Стоят без построек: такие есть, и хорошие.
Два подъезда принадлежат двум дворцам,
За работу которого художнику не стыдно.
Здесь тоже есть часовня с шестью колоннами,
Ни большой, ни маленький, но приспособленный к его потребностям.
Здесь кровати стоят рядом с кроватями, и залы рядом с залами,
Каждый для своей провинции соответствующим образом расположен:
Одежды здесь, яркие сосуды там, сверкающее оружие здесь,
Здесь хлеб, там мясо и спрятанная заманчивая монета,
И кукуруза, и вино приготовлены, и ячменное пиво,
И чистая мука здесь находит свое место в нужном бункере.
Таким образом, с одной стороны дом соединяется с жилым домом и залом
В зал. Другой тоже занят.
Свободен только суд, и там видно
Колодец, очень глубокий, с хорошей подачей воды.

ЗАМОК ИТОН-СОКОН, БЕДФОРДШИР.

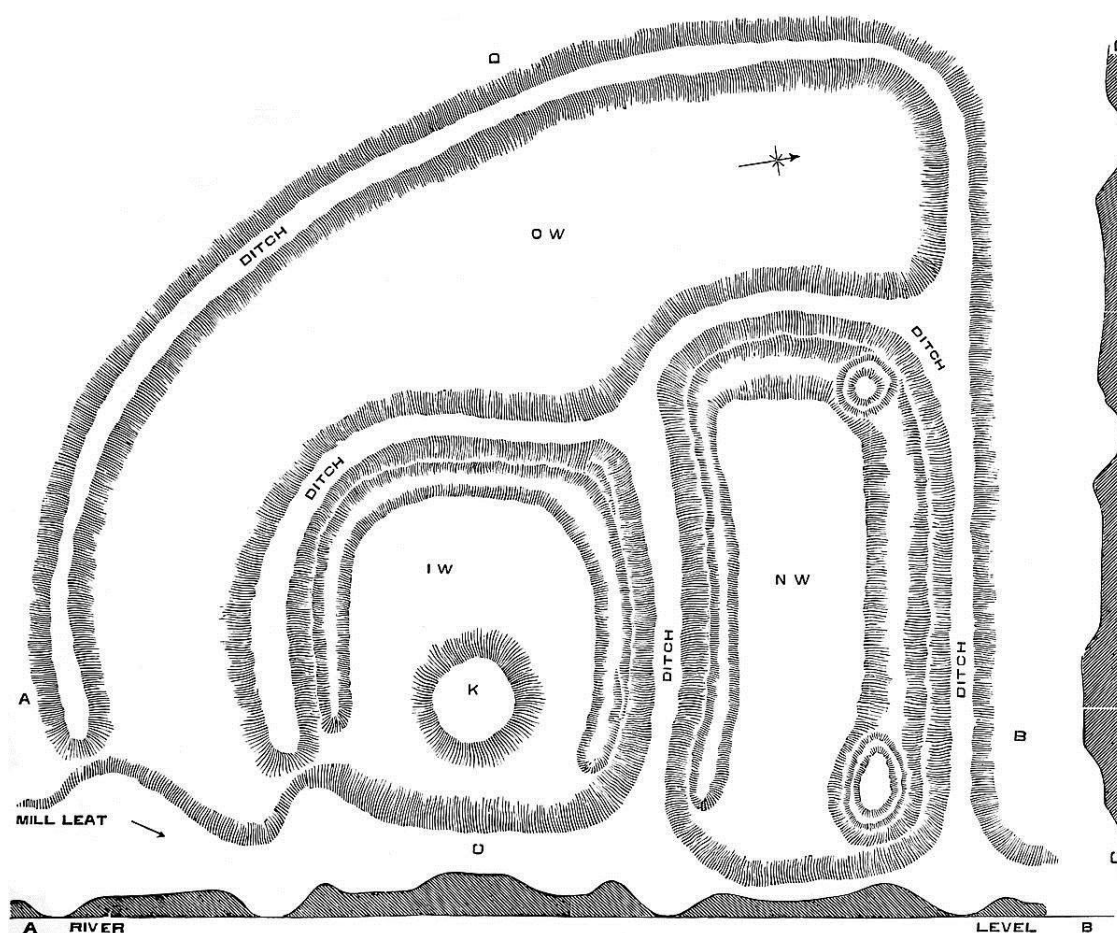
Уз, берущий начало в графствах Нортгемптон и Бакс и, наконец, впадающий в Кингс-Линн в верховьях Уоша, течет глубоко и неторопливо мимо Бедфорда, Сент-Неотса и Хантингдона, пересекая широкие участки низменной земли, ныне плодородные луга, но ранее почти непроходимые болота, что создает большие трудности для продвижения войск вторжения, особенно если они наступают с восточного побережья. В Итон-Соконе, между Бедфордом и Хантингдоном, и немного выше города Сент-Неотс, Уз упирается в возвышенность на западе, на которой стоят Итонская церковь и Деревня, и которая предоставила возможности для строительства большого и возвышенного земляного вала.

Это земляное укрепление, известное как Замковая гора, расположено на западном, или левом, берегу реки, примерно в 30 ярдах от ее нынешнего берега и примерно в фарлонге от прекрасной приходской церкви. Вполне возможно, что когда земляной вал только формировался, русло ручья пролегалo у подножия берегов. В настоящее время на реке, в нескольких ярдах выше замка, находится большая мельница, берег которой соединяется со своим истоком напротив юго-восточной окраины крепости.

Прилагаемый эскиз показывает общий план этого места. Грубо говоря, это треугольник, восточная сторона которого в 160 ярдов упирается в реку, а северная сторона в 140 ярдов выступает из нее под прямым углом. Третья сторона, или гипотенуза, выпуклая и неправильная; измеренная по кривой, она имеет длину около 220 ярдов. Общая площадь составляет около 3½ акров.

Сооружение состоит из трех частей — Внутренней, северной и Внешней. Внутренняя и северная палаты расположены бок о бок на берегу реки, разделенные поперечным рвом. Эти двое содержатся в другом рву, который с обоих концов сообщался с рекой. За ним, охватывая юго-западный фронт, находится внешняя защита, а за ней снова внешний ров, который начинается в юго-восточном углу мельничного участка, охватывает юго-западный фронт, а под северо-западным углом огибает, соединяясь с уже упомянутым рвом и, таким образом, через него сообщается с рекой в северо-восточном углу сооружения.

The *Внутренний двор* находится примерно в 45 ярдах к северу и югу, или вдоль берега реки, на 54 ярда к востоку и западу. Его фигура представляет собой прямоугольник с углами, настолько закругленными, что по своим очертаниям он почти такой же круг, как и квадрат. К реке ведет крутой склон высотой около 20 футов. С других сторон аналогичный склон спускается к канаве. На гребне склона с этих трех внутренних сторон находится земляной вал высотой от 8 до 12 футов, особенно сильный в северо-западном углу. Вход находился в юго-восточном углу. Внутренняя зона или платформа отделения находится примерно в 15 футах над уровнем внешней почвы. На этой платформе, примерно в 8 ярдах от северо-восточного угла, находится невысокая круглая насыпь высотой около 5 футов и диаметром 40 футов на столешнице. Возможно, он был несколько выше. У него нет собственного рва. Ширина рва в этом приходе составляет от 40 до 50 футов, и в нем все еще есть вода.

ИТОН СОКОН, КРОВАТИ.

К северу от этого находится *Северный округ*, на расстоянии более 35 ярдов к северу и югу, на 80 ярдов к востоку и западу. Здесь также есть ров шириной около 40 футов на западном и северном фронтах. От внутреннего двора он отделен поперечным рвом, общим для обоих, а к реке ведет крутой склон высотой около 20 футов. Помимо этих оборонительных сооружений, склон на западе и севере увенчан крутым земляным валом, а ближе к югу, или внутренней обороне, он несколько пологий.

The *Внешний обсерватор* на рисунке длинный и изогнутый. Его ширина колеблется от 29 ярдов у северной оконечности до 22 ярдов у юго-восточной оконечности, за которой он заканчивается на мельничном выступе в мысе. Этот участок отделен от двух других общим рвом, который сообщается с поперечным рвом и, таким образом, в трех точках, прямо или косвенно, с рекой. Юго-восточная оконечность открывается на стыке лата с рекой. Выступ покрывает этот конец участка, и от выступа берет начало внешний ров шириной от 40 до 50 футов, который охватывает внешний фасад участка, а на его северном конце огибается под острым углом и продолжается до тех пор, пока не соединится с северным рвом, частью которого он, таким образом, является. Вход находился в юго-восточном углу, где современную дамбу пересекает этот внешний ров. Дорога оттуда огибает край внешнего заграждения по краю обрыва, а оттуда по второй дамбе пересекает внутренний ров и, поднимаясь по склону, достигает внутреннего заграждения. Несомненно, эти дамбы представляют собой разводные мосты. Непонятно, как сообщались внутренняя и северная палаты. Мост между последней и внешней палатой, вероятно, находился в юго-западном углу северной. Глубина канав местами уменьшена, и, очевидно, первоначально они питались из реки. Здесь нет и следа каменной кладки, но углубления на берегу северного квартала, по-видимому, указывают на башни в его северо-восточном и северо-западном углах. Удобно

использовать термин "угол", но линии более или менее изогнуты и неправильной формы и в значительной степени закруглены там, где они пересекаются. На самом деле в плане нет ничего от прямоугольности римских работ, и закругление углов совершенно иное. Вероятно, тенденция к резкости его очертаний связана со стенами и башнями каменной кладки, которые, хотя сейчас и исчезли, как сообщается, когда-то присутствовали.

Итон, или Эйтон, появляется в "Судном дне" как удерживаемый *в капите* епископом Байе, но там нет упоминания о замке ни тогда, ни в какое-либо более позднее время. Бошаны, его более поздние лорды, там не фигурируют как бедфордширские землевладельцы. Однако в "Liber Niger", около 1165 года, Симон де Бошан владел баронством, при котором Хью де Бошан получал один рыцарский гонорар.

Этот Хью был из Итона. Он был старшим сыном Оливера, курсанта Мило де Бошана из Бедфорда. Оливер и Хью были основателями монастыря Бисмид в приходе Итон. Хью был значительным бароном. Он был кастосом замка Руддлан 3 Генриха II и, 22 Генриха II, одним из тех, кто перевез дочь Генриха в Палермо после ее брака с королем Сицилии. Он был убит в Палестине 33 Генрихом II., и ему наследовал Роджер, его брат, а ему - третий брат, Уильям, чей сын Джон унаследовал, и 6 Генрихом III были захвачены фамильные поместья Итон и Сэнди. Его сыном был Уильям, живший при Генрихе III, отце Ральфа, призванного как лорд Бошан Итонский и умершего 21 Эдуарда I. Ему принадлежал один гонорар в Сэнди и Итоне, без сомнения, принадлежавший Хью, его предку. Он держал Итон *в плену* "за барониама". Его сын, Роджер де Бошан из Итона, был вызван последним. На момент смерти отца ему был 21 год, и за его потомками никто не следил.

44 Эдуард III, Джон де Голдингтон и Джокоза, его жена, Джон Хеммингфорд и другие, были захвачены третьей частью Итон-юкста-Сент-Неотс и половиной Сэнди. 1 Генрих IV, Сэнди, принадлежал Кэтрин, жене сэра Томаса Энгейна; а 1 Эдуард IV, лорд Зух, владел Итоном. Долгое время после исчезновения баронов баронство сохранялось, и помещьем Вайболдестон владел сэр Джон де Грейсток. В правление Генриха VIII. и Элизабет, Итон принадлежал лордам Вокс из Харроудена, которые продали его в 1624 году. Они были кадетами Вокса из Гиллсленда и, как говорят, унаследовали Итон от Бошамов.

Хотя поместье Итон нередко упоминается в записях, мы никогда не слышим об этом замке, и никогда не используется добавление "Сокон". Леланд пишет об "Эйтоне, хорошей деревне в глубине рипы" [в Узе] ... "где можно увидеть *vestigia castelli* между церковью и рипе, почти вплотную к рипе.... Руины замка Эйтон принадлежат лорду Воксу". На вольном языке Лиланда эти термины применимы только к земляным работам. Однако, судя по нынешнему виду и по тому, что это место на протяжении шести спусков было главной, если не единственной резиденцией баронов королевства, вероятно, что там был замок, и Спид, написавший немного позже, называет Вудхилл, Темпсфорд, Итон и Амптхилл замками Бедфордшира. Вполне возможно, что при очень умеренных раскопках обнажился бы фундамент, хотя, без сомнения, поскольку в этих краях не хватало строительных материалов, те, кто разбирал замок, произвели бы чистую зачистку каменной кладки.

Позиция очень прочная, а земляные укрепления во многом напоминают укрепления Хантингдона и, вероятно, того же возраста. Мельница, без сомнения, очень старая, хотя это не относится к нынешнему строению.

ЗАМОК ЭВИАС ГАРОЛЬД, ХЕРЕФОРДШИР.

“Castellaria Aluredi Ewias” из Domesday была участком, подробности которого неизвестны, но который, без сомнения, находился среди тех линий холмов и долин, которые сходятся, как пальцы одной руки, на Уорме и Монноу, между Золотой долиной и Черной горой и образуют юго-западную часть графства Херефорд. Настоящий замок, “Castellum Ewias”, находится примерно в шести милях от границы и примерно в трех милях от предполагаемой линии дамбы Оффы в этом месте или к западу от нее. Местность холмистая, но плодородная, ее вполне стоит защищать, для чего она предоставляет множество природных преимуществ. Ближайшая позиция выбрана с большим мастерством, хотя потребовалось огромное приложение человеческого труда, чтобы превратить ее в почти неприступную крепость против свирепых и активных орд валлийцев, чье отчужденное наследие она намеревалась захватить. В то время как курган Билт остается свидетельством английского владычества, курган Эвиас едва ли можно рассматривать как передовой пост, “Опасный замок” на британской территории; но, тем не менее, он, должно быть, во все времена был очень опасным постом и вместе с Килпеком принимал на себя основную тяжесть обычных и частых нападений жителей Южного и Западного Уэльса на Херефорд.

При выборе позиции было использовано преимущество возвышенности, широкой к западу и северу, но которая быстро переходила в узкую и почти обрывистую точку в точке примерно в 300 футах выше и в пределах слияния двух соседних ручьев. Из них большая течет вдоль северного фронта позиции, а меньшая - вниз по глубокой долине вдоль ее южного фронта. Они встречаются в нескольких десятках ярдов ниже возвышенности; а на левом или дальнем берегу более крупного ручья, на небольшом расстоянии выше места слияния, находится церковь и примыкающая к ней деревня, которой замок и его английский лорд дали характерное название.

Было решено превратить острое, или восточную оконечность возвышенности, в предполагаемое укрепленное место и сформировать таким образом, на северный манер, изолированную насыпь. С этой целью поперек гребня был прорублен широкий и глубокий ров, изогнутый так, чтобы охватывать примерно половину будущего возвышения. На своем северном конце канава спускалась прямо по склону холма к ручью. На своем южном конце она заканчивалась довольно резко, выходя на естественный берег и склон. Здесь, однако, она в некотором роде возобновлялась на более низком уровне и заканчивалась неглубоким ровом у южного, или главного, входа в замок. Часть, изолированная таким образом ровом, образовывала круглое основание насыпи диаметром около 120 ярдов и высотой около 30 футов. Это добавление почвы из канавы подняло ее примерно на 70 футов и, таким образом, дало ей, в военном смысле, контроль над прилегающей частью первоначального гребня. На противоположной, или восточной стороне, курган не сразу спускается к месту слияния вод, но у его подножия находится широкая полукруглая платформа, которая охватывает его восточный, северо-восточный и юго-восточный фасады и от внешнего или выпуклого края которой к воде спускается крутой склон, за которым снова следуют уклоны гораздо более пологого характера, не включенные в военные сооружения.

Хорошее общее представление об этой крепости можно дать, предположив, что круглая платформа диаметром 200 ярдов ограничена с восточной и прилегающих сторон крутым естественным откосом, спадающим с ее края, а с западной и прилегающих сторон - крутым искусственным откосом, спадающим с ее края. Затем на западном краю насыпается конический стол высотой 60 или 70 футов и диаметром около 120 ярдов у основания, который

обязательно превращает западный склон в дальнюю сторону или контрэскарп рва, а восточную сторону превращает в открытую платформу в форме полумесяца. Таков первоначальный план замка Эвиас и таков его нынешний вид после полного удаления каменной кладки, которая около 600 лет украшала или загромождала его земляные укрепления.

Вершина кургана овальная, примерно 34 ярда к северу и югу на 40 ярдов к востоку и западу. На ней стояла крепость-ракушечник, круглая или многогранная, диаметром около 30 ярдов. Хотя каменной кладки не сохранилось, очертания крепости четко обозначены траншеей, которая была вырыта во время заделки фундамента. Судя по этому, крепость стояла не в центре, а ближе к восточному краю насыпи, вероятно, чтобы освободить место для пары внешних башен или, возможно, сторожки, которая, по-видимому, стояла там, где сейчас находятся несколько круглых ям. Башни хорошо было бы разместить на этой самой слабой стороне, чтобы дать еще больший контроль над подходом по возвышенности. Здесь нет никаких следов какого-либо регулярного подъема в крепость, никаких следов первоначальной извилистой тропинки вверх по насыпи, которая сейчас используется, очевидно, очень современно. Склон настолько крут, что ни одна колесная повозка не смогла бы взобраться по нему, и вряд ли какая-нибудь тяжело нагруженная лошадь. Вероятно, путь вверх лежал по прямой лестнице, как в Хавардене и Кэрисбруке.

От колодца не осталось и следа. Материалом для постройки крепости, очевидно, был твердый сланцеватый слой старого красного песчаника, фрагменты которого видны при раскопках.

Внешняя защита или платформа в форме полумесяца, расположенная ниже и к западу от цитадели, заканчивается точкой, ведущей к южной оконечности, но к северу или северо-западу она обрывается на ширине около 42 ярдов из-за продолжения рва вокруг цитадели. Наибольшая ширина отделения составляет около 60 ярдов. Вдоль северо-западного фронта он укреплен большими земляными валами, выброшенными из прилегающего рва, но в других местах естественный склон от 30 до 40 футов с крутым обрывом не нуждался ни в канаве, ни в насыпи. По внешнему краю этого отделения проходила навесная стена, котлованы под фундамент которой остаются открытыми. Северо-западный конец был продолжен вверх по насыпи, и, вероятно, кольцо на противоположной стороне было завершено аналогичным образом, чтобы сделать насыпь и сохранить, как в Тэмворте и Дареме, частью общего *ограждения*. Группа раскопок показывает, что в этом приходе находилось значительное количество хозяйственных построек, расположенных в его северо-восточной части, рядом с навесной стеной. У подножия кургана к северу есть что-то вроде выемки в линии берега, возможно, указывающей на задний ход. Главный подъезд, очевидно, постепенно поднимался от деревянного моста и огибал подножие восточного склона внешнего квартала почти до его южного конца, где поворачивал внутрь и входил в этот квартал по дороге или небольшому проселку.

Внутри замка или вокруг него не видно никаких следов каменной кладки *ограждения*; материал, по-видимому, использовался в качестве строительного камня, и его повсюду собирали и даже копали с особой тщательностью. На южной стороне, недалеко от входа, есть печь для обжига извести, без сомнения, построенная из материалов, использовавшихся в замке, и что-то вроде дома, ныне сарая, между ним и ручьем, но на материале нет ни следов инструмента, ни старого раствора.

Между замком и ручьями есть несколько курганов, возможно, насыпанных по случаю какого-то нападения врага. С другой, или высокой, стороны нет никаких внешних сооружений и никаких признаков нападения или обороны.

От монастыря не осталось ничего, кроме того, что находится в приходской церкви. Это здание хорошего размера, недавно отремонтированное и в отличном состоянии. Он состоит из башни, нефа, южного крыльца и алтаря. Неф был настолько полностью отреставрирован, что на его стенах и крыше мало что сохранилось от старых работ. Судя по контрфорсам на южной стороне, оно, вероятно, датировано по существу. Крыльцо новое. В северной стене алтаря есть украшенное узором надгробное углубление, закрывающее оригинальную лежащую фигуру женщины с молитвенными руками, держащей что-то похожее на закрытую чашу. В южной стене находятся два стрельчатых окна с одним светом, расположенные в заостренных нишах, а между ними оформленное в поздний период окно с двумя огнями, украшенное трилистником, с простым четырехсторонним отверстием в изголовье. Все это находится в круглом углублении. Арка в неф новая.

Башня - лучшая часть церкви. Она большого размера, квадратная и невысокая для своих размеров, вероятно, у нее была другая история. Он опирается на массивный постамент высотой около 5 футов 6 дюймов, в верхней части которого находится рельефный полукруглый кордон с лентой. Юго-западный угол перекрыт пилястрами-контрфорсами шириной 8 футов 6 дюймов и футовым выступом, которые переходят в башню, недалеко от нынешней вершины. В этом углу находится лестница-колодец. На южной стороне находится необычно большая дверь, открывающаяся на 8 футов, с высокой стрельчатой аркой. В центре плоского косяка с каждой стороны расположены полуколонны диаметром 2 фута с водонасыщенным литьем и что-то вроде колпака-колокола с несколькими полосами лепнины над ним. Арка явно скошена, и ограждение башни опоясывает ее как колпак. Над ней находится неуклюжее окно с двумя стрельчатыми фонарями под заостренной головкой, очень простое. Над ним снова маленькое широкое окно с трилистником, а над всем этим раннеанглийское окно с тремя фонарями, с трехчетвертными стволами перед каждой серединой и колпаками-раструбами. В углублениях каждого косяка расположены две одинаковые шахты, всего их семь. Верхушка представляет собой заостренную арку с четкой фаской. В северной стене есть окно, похожее на это. В церкви нет ничего более раннего, чем эта смесь раннеанглийского стиля с оформленным стилем. Судя по плану, каменная кладка замка была, вероятно, поздненормандской, или переходной эпохи. Земляные сооружения относятся к обычному херефордширскому типу; их приписывают англичанам начала десятого века. В целом, по наличию насыпи, они напоминают памятники Килпека и Билта, Казрлеона и Кардиффа, Брекона, Абергавенни и многих других мест в этом графстве. Без сомнения, это и подобные сооружения были возведены, когда в Уэльс совершались первые набеги саксов, и были оплотом вождей-захватчиков.

Эвиас Гарольд, конечно, не носит имени своего основателя, и этот основатель, вероятно, был так же полностью забыт в одиннадцатом веке, как и сейчас.

В Херефордшире есть два места под названием Эвиас, которые отличаются по именам их владельцев одиннадцатого века - Эвиас Лейси и Эвиас Гарольд. Оба упоминаются в "Страшном суде", и оба как резиденции кастелри, своего рода Почести или высшей светлости, прикрепленной к замку. В разделе "Земли Херефордской церкви" нам сказано, что "в поместьях Доделеги и Стейн есть десять хайдов, все пустыри, кроме одного в Доделеги. Из девяти одна часть находится "в кастелларии Алуреди Эвиас", а другая - на огороженных землях короля.

В другой записи объясняется, что Алуред был Алуредом де Мерлеберж, или из Марлеборо, крупным арендатором, особенно в Уилтшире. Мы читаем: “Алуред де М. владеет замком Эвиас короля Вильгельма. За то, что король уступил ему земли, которые Уильям граф [Фитцосберн Херефордский] подарил ему. Который укрепил [переоборудовал] этот замок”. В нем находились семь рыцарей, чьи христианские имена указаны, помимо других лиц. Замок тогда оценивался в 10 фунтов стерлингов. Агнес, дочь Алуред, вышла замуж за Турстана из Вигмора.

Как и когда Алуред отказался от замка, не указано; но в 1100 году им владел некий Гарольд, также крупный арендатор в Домуднее, хотя и не в Херефордшире. Его называют “Heraldus filius comitis Radulphi”, и в качестве такового он занимал Судли в Глостершире. Граф Ральф, прозванный Робким, был графом Херефордом, который был разбит валлийскими и английскими войсками в 1055 году, когда его сын был совсем ребенком. Ральф был выдающимся человеком по происхождению, будучи правнуком Этельреда и внучатым племянником Исповедника. Гарольд, вероятно, получил что-то из имущества своего отца, когда достиг совершеннолетия, и Эвиас, возможно, был частью этого. Он и его потомки были щедрыми пожертвователями церкви Святого Петра в Глостере, основав от ее имени монастырь недалеко от замка Эвиас.

Имена и порядок следования сыновей Гарольда сохранены в Глостерском справочнике, и они исправляют Дагдейла и все другие авторитетные источники. Ими были Роберт, Роджер, Джон (которому его отец подарил Судли, и чьи потомки были баронами), Александр и Уильям. Роберт де Эвиас, старший, описан в “Гесте Стефани” как “изначальный”. Согласно “Liber Niger”, он держал в *капитале* свыше сорока семи сборов, основными арендаторами которых были двадцать рыцарей. Дагдейл упоминает только двадцать два гонорара и путает его со вторым Робертом, своим сыном, также лордом Эвиаса. У старшего Роберта были жена Сибилла, Роберт и Ричард де Эвиас, которые оставили дочь и наследницу Сибиллу, которая вышла замуж за Филипа Спенсера и оставила потомство.

Роберт де Эвиас, третий владелец замка и второй барон, женился на Петронилле. Он жил в 1194-6 годах. Он также оставил Сибиллу, дочь и наследницу Эвиаса. Она вышла замуж, во-первых, за Роберта де Трегоза; во-вторых, за Уильяма де Ньюмарча, за которого она вышла замуж при жизни своего отца, в царствование Ричарда I. Он жил 11 лет Назад. Третий - Роджер де Клиффорд, вероятно, второй брат Уильяма де Клиффорда. От этого брака произошли графы Камберленд. У Ньюмарча не было детей. Сибилла умерла 20 Генриха III, и за ней последовал ее сын, Роберт де Трегоз, убитый при Ившеме в 1265 году. Он был отцом Джона и Генри, отцом рода баронов, который закончился около 1405 года.

Джон де Трегоз умер в 1300 году, оставив двух сонаследниц, Кларису и Сибиллу. Клариса, умершая 29 Эдуарда I, вышла замуж за Роджера ла Варра и родила Джона в возрасте 23 лет в 1300 году; а Сибилла вышла замуж за сэра Уильяма де Грандисона, предка по женской линии Сент-Джонсов, виконтов Грандисонов. При разделе у Джона ла Варра было “тело замка”, из которых 4 Эдуарда III., он лишил Джона де Клейдона власти. Он умер 21 Эдуарда III. Джон, его старший сын, умер раньше него, а еще в 12 лет умер Эдуард III. Он лишил своего внука, Роджера ла Варра, и свою жену Элизабет замка и поместья Эвиас.

Роджер ла Варр умер в 44 году при Эдуарде III, захватив власть Эвиаса Гарольда, и ему наследовал Джон, его сын. 13 Ричард II, сэр Джон де Монтакут, сенатор, конфискован в пользу Эвиаса Гарольда и трех уилтширских земель в честь Эвиаса и Теффонт-Эвиаса в Уилтшире, помимо других земель Эвиаса в Херефордшире. 18 Ричард II., эти же земли

принадлежали Маргарет, жене сэра Джона Монтакута, барона; и 10 Генрих IV., Томас де Монтакут, граф Солсбери.

Природа этого отчуждения неясна, ибо в разгар его 22 Ричарда II, сэра Джона де ла Варра и его жены Елизаветы захватывают замок Эвиас Гарольд. Однако, похоже, между Монтакутами произошло фактическое и постоянное отчуждение; 7 У Генриха VI Томаса, графа Солсбери, есть Эвиас Гарольд. Оттуда оно перешло к Бошам, у которых Джоан, вдовы сэра Уильяма Бошама из Бергавенни, были замок, воля и светлость в 14 году Генриха VI.; и, наконец, наследник Бошампа, Эдвард Невил, лорд Абергавенни, умер, завладев замком и проч. в Херефордшире и Теффонт-Эвиасом в Уилтшире.

ЭКСЕТЕРСКИЙ ЗАМОК.

Эксетерский замок - это не только крепость глубокой древности, но и во многих отношениях своеобразная. Он занимает северный угол города, являясь частью его *окружения*, и венчает вершину естественного холма, образованного выступом плутонической породы красного цвета, откуда и произошло его нормандское название Ружмон. Холм круто поднимается на северо-востоке и северо-западе из глубокой долины, но с двух других сторон склон, хотя и все еще значительный, более пологий. Склоны холма были обнесены уступом, а у подножия его верхней части был выкопан глубокий и широкий ров, за которым, к северу, второй уступ спускается на дно долины. Ближе к югу, там, где почва позволяла и требовала этого, был второй, внешний ров. Содержимое внутреннего рва было перенесено вверх и внутрь, образовав высокий вал вокруг первоначальной вершины холма, центральная часть которого таким образом была превращена в яму и стала внутренней и действительно единственной защитой замка. На рисунке эта палата, сделанная на уровне окружающего банка, представляет собой нечто среднее между квадратом и кругом. Вероятно, его очертания определялись естественным рельефом земли, и такие углы, какие он имеет сейчас, обусловлены более поздними модификациями работ.

Первоначально крепость представляла собой лагерь на холме, состоящий из насыпи высотой около 30 футов, поднимающейся по краю холма, а снаружи спускающейся глубиной от 60 до 80 футов на дно широкого рва, который снова был укреплен на менее крутой стороне вторым рвом. Главный ров, ведущий на северо-восток и северо-запад, был засыпан и превращен в широкую общественную аллею и сад, но внешний, или второй, уступ все еще сохранился и спускается в долину, которую сейчас занимают станции Лондонской и Юго-Западной железных дорог. К юго-востоку и югу ров остается неизменным и представляет собой прекрасный пример древнего земляного сооружения. К востоку он, похоже, засыпан.

Описанный таким образом лагерь, вероятно, старше города и представлял собой обычное земляное сооружение, построенное обычным способом бриттов, с одним главным рвом, укрепленным частями других, где это было необходимо. Главный вход, вероятно, всегда находился на юго-восточной стороне, где грунт менее крутой, чем в других местах. Здесь, без сомнения, берег пересекала просека, а канавы были пересечены узкими дамбами, как в Старом Саруме и в других местах. Эти оригинальные сооружения, вероятно, принадлежали бриттам и, без сомнения, были заняты и слегка изменены римлянами. Когда город Кэрвиск, если таковой существовал, был основан бриттами, они, вероятно, сделали его

придатком к южной стороне лагеря, на месте нынешнего города, поскольку место было указано природой для такой цели. Город занимает продолговатую возвышенную платформу, расположенную между рекой Эксе на юго-западе и ее притоками с их долинами на северо-западе и юго-востоке и соединенную с более высокой и отдаленной местностью на северо-востоке длинным узким перешейком, недавно прорезанным туннелем Лондонской и Юго-Западной железной дороги.

Иска Дамнониорум римлян, безусловно, была этой оградой, хотя, без сомнения, они придали своему *ограждению* более прямоугольную форму, чем оно было сохранено впоследствии, и проложили крестообразные дороги, по которым проходят две главные улицы нынешнего города. Лагерь был их цитаделью, и они, конечно же, продолжат оборону города, чтобы сделать его частью общего *окружения*. Саксы, прибыв на место, без сомнения, удовлетворились этими предыдущими приготовлениями и наилучшим образом использовали их в боях с датчанами в 876 и 894 годах. Несколько позже Этельстан обнес город и замок стеной, и среди множества древних каменных кладок, которые все еще можно увидеть по всему городу, мистер Фримен считает вполне возможным увидеть кое-что из работ этого великого короля. Это были стены, которые позволили горожанам сдерживать Свенда Датского в 1001 году, когда он возвел земляные укрепления в Пенхоу к северу от города и одержал победу в открытом поле. Когда нормандский завоеватель появился перед Эксетером в 1068 году, он приблизился с северо-востока и вызвал город у восточных ворот, прямо под замком. Стены Этельстана были тогда в хорошем состоянии, и именно в них была проделана брешь. Вероятно, однако, ни городские стены, ни оборона замка не соответствовали нормандским стандартам, поскольку Болдуин Окхэмптонский был оставлен командовать с обычными инструкциями по строительству замка, как норманны понимали это грозное сооружение. Как долго Болдуин довольствовался ремонтом существующих оборонительных сооружений и в каком порядке он их заменял, неизвестно, но сохранилось достаточно нормандской работы, чтобы показать общий план, по которому действовал он или его непосредственный преемник. У поверхности верхнего берега была возведена мощная подпорная стена. Эта стена опиралась и до сих пор опирается на естественный край холма, и она поддерживает в качестве облицовки подготовленную площадку за ней, будучи высотой около 30 футов и имея парапет еще примерно на 4 фута. Вероятно, эта стена возводилась медленно, поскольку старые внешние укрепления были прочными.

Самая ранняя каменная кладка, обнаруженная в настоящее время, вероятно, раньше, чем стена, - это сторожка у ворот, которую можно смело отнести ко второй половине одиннадцатого века. На западном углу, где городская стена соединялась с замком, была построена прямоугольная башня, основание которой сохранилось до сих пор, и, как говорят, на северном углу была такая же башня, две из которых, таким образом, обрамляли северо-западную сторону. Стена имела высокое основание или цоколь, который несколько обрушивался и нес вертикальную надстройку. На нем сохранились два полукруглых прочных бастиона; один на северном конце юго-западной стороны имеет три плоские пилястры, поднимающиеся от цоколя, и, очевидно, выполнен в чистом нормандском стиле; другой, ближе к центру северо-восточной стороны, похож по рисунку, но пилястры несколько более узкие и со скосами, и, вероятно, очень поздние, или переходные нормандские. Большая часть стены представляет собой щебень, но часть северо-восточного фасада, недалеко от замковой часовни, сложена из хороших блоков тесаного камня, возможно, эпохи Ричарда II. Насыпь и стена были снесены в центре северо-западного фасада, чтобы освободить место для Дома заседаний, неуклюжего сооружения, уродливого где угодно, но здесь особенно неуместного. Часовня стояла во дворе, недалеко от западного угла.

Сторожка определенно оригинальна и является хорошим примером грубой нормандской сторожки. Ее площадь составляет около 30 квадратных футов, а толщина стен - 6 футов. На каждом конце находится арка по центру, шириной 12 футов, очень простая, с квадратным ребром шириной 2 фута, с глубокими углублениями или "укромными уголками" по 2 фута с каждой стороны. Южная капитель внутренней арки демонстрирует следы нормандской резьбы. Там не было опускной решетки, у каждого портала были двери; пространство между порталами было обшито деревом. На каждой из двух внешних сторон расположены по две широкие плоские пилястры. Надстройка высокая и, кажется, состоит из двух этажей. Над каждым порталом расположены два окна шириной 2 фута 6 дюймов, разделенные промежутком примерно в 2 фута. Косяки квадратные, с простой нормандской крышкой или счетами. Нынешнее покрытие каждого из них образовано из двух наклонных камней или перемычек, которые могут быть оригинальными, но, скорее всего, являются поздними вставками. Над каждой парой находится одно окно большего размера. Внутренний портал открывается на уровне корта. Снаружи земля находится примерно на 10 футов ниже этого уровня. Без сомнения, там был подъемный мост, опадающий на отдельно стоящий пирс, откуда вела дамба, вероятно, с одним или двумя мостами, пересекавшая канавы и обеспечивавшая подход. *Ограждающая* стена примыкает к воротам заподлицо с их внутренней поверхностью, так что она выступает наружу примерно на 24 фута, примыкая к соседнему занавесу. В более поздние времена, вероятно, во времена Ричарда II, на внутренней стороне были возведены два контрфорса, или, скорее, пилястры шириной 4 фута и глубиной 5 футов, по одному с каждой стороны портала; а на другом конце - аналогичная пара, но выступом в 14 футов. Эти последние, на уровне зубчатой стены, снаружи, соединены плоской сегментарной аркой; и своего рода барбакан, или переднее здание, сформированное таким образом, содержало подъемный мост, прикрывало ворота, а сверху имело плоскую крышу, где могли быть размещены лучники для защиты подхода. Старый вход замурован и прорезан двумя петлями, которые выглядят ранними, но вряд ли таковыми являются. В восточной части сторожки был проделан небольшой дверной проем в украшенном стиле, возможно, в качестве заднего хода, поскольку любая сторожка, соединенная с ней, находилась бы за пределами замка. Нынешний вход находится и находился в течение очень многих лет недалеко к западу от главной сторожки и за ее пределами. Очевидно, это было связано с желанием сохранить сторожку, но при этом избежать неудобств, связанных с входом на столь высоком уровне. Вероятно, когда был сделан новый вход, ров в этом месте был засыпан полностью, за исключением узкой канавы, через которую перекинут подъемный мост, показанный на более поздних рисунках замка. Когда с этим покончили, все стало гладким, и Касл-стрит приняла свой нынешний вид.

Нет никаких свидетельств того, какие здания, за исключением часовни, находились во дворе замка. Здесь обязательно должны были быть холл, кухня, жилые помещения, конюшни и казармы; и, вероятно, большинство этих зданий стояло рядом с Домом Заседаний или на его месте, где, по-видимому, были задние ворота. Нет никаких свидетельств того, что здесь была крепость, да и на такой большой высоте в ней и не было необходимости. Прямоугольные башни, хотя и были найдены в Корфе, Шерборне и Тонтоне, не были обычным явлением на западе. Артиллерийская крепость, как в ТрEMATоне, Лонсестоне, Данстере, Рестормеле или Труро, в таком месте была бы обычным сооружением; но предыдущие земляные работы превратили единственное место для артиллерийской крепости в яму такой глубины, что на нее можно было бы смотреть с крепостных валов. Вероятно, норманны считали весь двор крепостью-ракушкой.

Были ли городские стены построены одновременно с замком, неизвестно. Вероятно, так оно и было, поскольку водяные ворота, снятые в 1815 году, несомненно, имели нормандскую

арку, как и, хотя и позже и в переходном стиле, Широкие ворота, вид которых также показывает Лайсонс. Эти стены пересекали рвы и примыкали к стене замка. Та, что от восточных ворот, которую можно увидеть в Клубном саду, была перестроена; но северо-западная стена очень совершенна, и хотя контрфорсы с внешней стороны украшены по последнему слову техники, как и большинство городских ворот, материал стены оригинальный и очень прочный. В его основании, там, где он пересекает ров, находится углубление, сильно увеличенное и, как говорят, бывшее подземельем, что абсурдно. Вероятно, это была водопропускная труба или шлюзовой затвор, позволявший осушать и расчищать канаву, поскольку, хотя в этих канавах вряд ли могла постоянно содержаться вода, сезон дождей превратил бы их в пруд.

ЗАМОК ФИЛЛОНГЛИ, ГРАФСТВО УОРИК.

ДВОР ЗАМКА.

Скудные остатки этого места, резиденции семьи Гастингс до того, как они получили свое графство Пембрук, и ныне известного как Касл-Ярд, расположены примерно в четверти мили к югу от церкви Филлонгли, на небольшом треугольном участке земли, образованном руслами и слиянием двух ручьев, которые стекают с юга и юго-востока, чтобы встретиться и сформировать точку треугольника на севере.

На защищенном таким образом пространстве с севера, запада и востока была построена грубо овальная оболочка каменной кладки примерно 50 футов к востоку и западу на 80 футов к северу и югу, следы которой видны в пяти грудах каменных обломков, из которых четыре разрушены, а пятый остается на своем месте. Светлый гребень соединяет эти отделенные друг от друга массы и указывает на линию занавеса, частью которого они являлись. Фрагмент, стоящий на своем месте, по-видимому, был соединен с изогнутым углублением или, возможно, с колодезной лестницей, но остальные были разрушены порохом. Все это было сделано в небольшом масштабе, и здесь нет видимых следов башен или сторожки. Земля и мусор, наваленные в глубине участка, могут покрывать фундаменты, и, без сомнения, легкие раскопки здесь раскрыли бы план всего сооружения и место входа, который, вероятно, находился на востоке.

За пределами обнесенной стеной территории земля слегка понижается, и примерно в 30 ярдах к югу видны следы рва и внутреннего откоса, защищающего эту, по своей природе, самую слабую сторону. Долина к востоку занята одним из ручьев, который протекает всего в нескольких футах от стены и ниже нее. Нет никаких следов какого-либо второго или внешнего круга каменной кладки, так что, вероятно, замок состоял из одной кольцевой стены, возможно, с башенками, но если это так, то небольшого размера.

Весь замок, должно быть, представлял собой очень незначительное сооружение, хотя из-за крутизны небольших долин, между которыми он стоит, и болотистого характера почвы, орошаемой ручьями, он, очевидно, обладал большой пассивной силой, и при наличии гарнизона из решительных людей мог продержаться некоторое время.

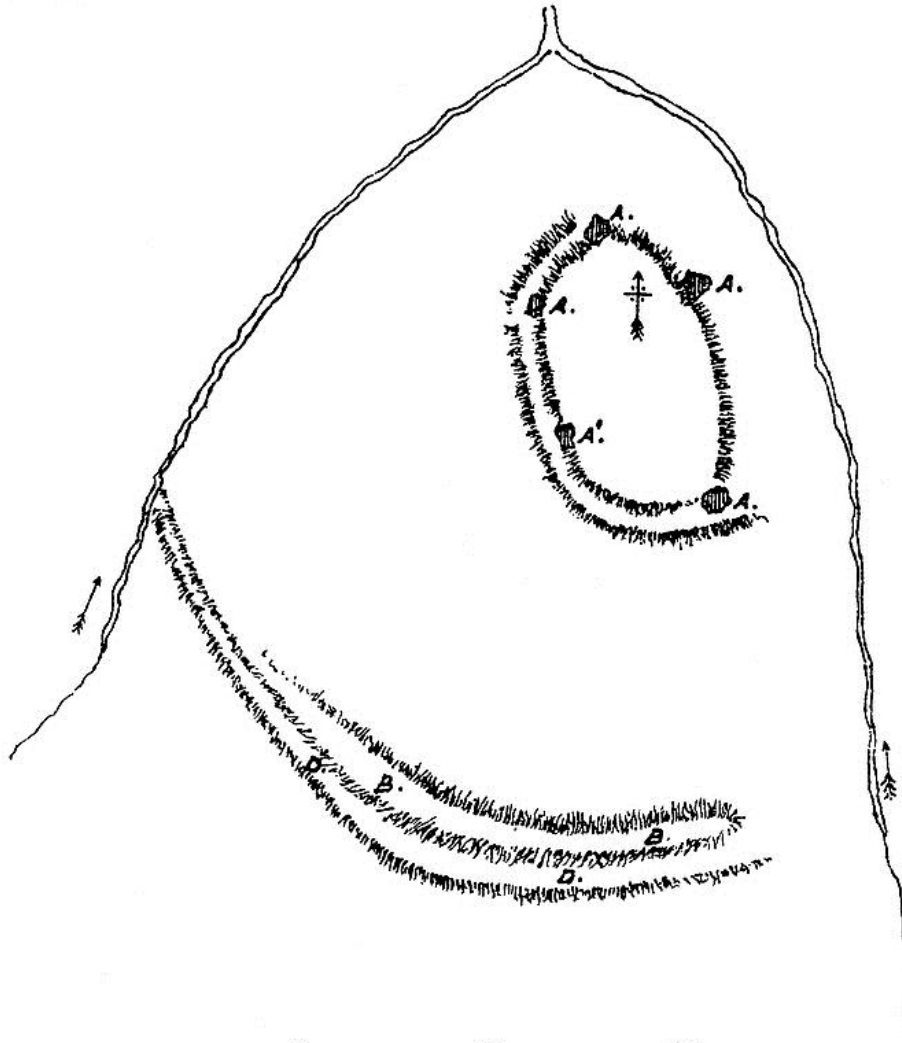
Филлонгли не упоминается ни в одной записи, более древней, чем исследование Завоевателя. Из "Судного дня" мы узнаем, что "Филунгелей" содержал два участка земли, из которых одна половина принадлежала епископу Кутанса и находилась во владении Левина;

вторая принадлежала монахам Ковентри; третья принадлежала некоему Алси, который владел ею еще до завоевания; и четвертая принадлежала Роберту ле Деспенсеру, которая, хотя и имела меньшую ценность, принадлежала церкви. Возможно, Алси жила на Замковой горе. Полуподвал, которым владеют монахи, отождествляется со Старым Филлонгли, на западной стороне прихода, и принадлежал им во времена правления Генриха III. Джерарду де Олспату, чье имя сохранилось в Олспат-холле, в юго-западной четверти прихода. Он считал это четвертой частью рыцарского гонорара. Часть этого владения каким-то образом перешла из собственности монахов, которые во времена Эдуарда III удерживали в нем одну восьмую часть гонорара лорда Гастингса. Часть доли Ле Деспенсера перешла к Мармионам, а оттуда, по-видимому, к графам Лестерским, один из которых, вероятно, отказался от нее либо Уолтеру, либо Хью де Гастингсу, одному из первых членов этой семьи, который долгое время продолжал владеть ею у Мармионов и Ле Деспенсеров. Таким образом, семья Гастингсов была родом из Филлонгли в царствование Генриха I. И он быстро стал их главной резиденцией в Уорикшире и ядром значительного поместья. Джон де Гастингс, 29-летний Эдуард I., имел лицензию на зубчатые стены “manerium suum et villam de ... Филунгелейе”, хотя замок, вероятно, значительно старше. Вместе с церковью находился дом адвоката, который в правление Эдуарда III Лоуренс Гастингс, граф Пембрук, продал Клинтону, графу Хантингдону. Филлонгли, хотя и фигурирует в документах инквизиции семьи Гастингс, не упоминается как замок, поскольку на самом деле он слишком незначителен, чтобы претендовать на него короне, и поэтому попал в публичные записи, но, похоже, он оставался главной, если не единственной резиденцией семьи, пока Генри де Гастингс в царствование Генриха III не женился на Джоан де Кантелуп, которая стала очень богатой наследницей, так что Джон, их сын, получивший вышеуказанную лицензию, унаследовал замок Абергавенни. , проживал там, как и иногда его потомки. После смерти последнего Гастингса, графа Пембрука, Филлонгли перешел со значительной частью своего имущества к Бошам, а затем и к Невиллам, которые владели им, когда Дагдейл писал свою очень ценную историю.

ЗАМОК ФИЛЛОНГЛИ.

FILLONGLEY CASTLE.

- A Masses of overthrown Masonry, showing the outline of the Building.
- A' Masonry in place.
- B Bank of Earth.
- D Ditch.

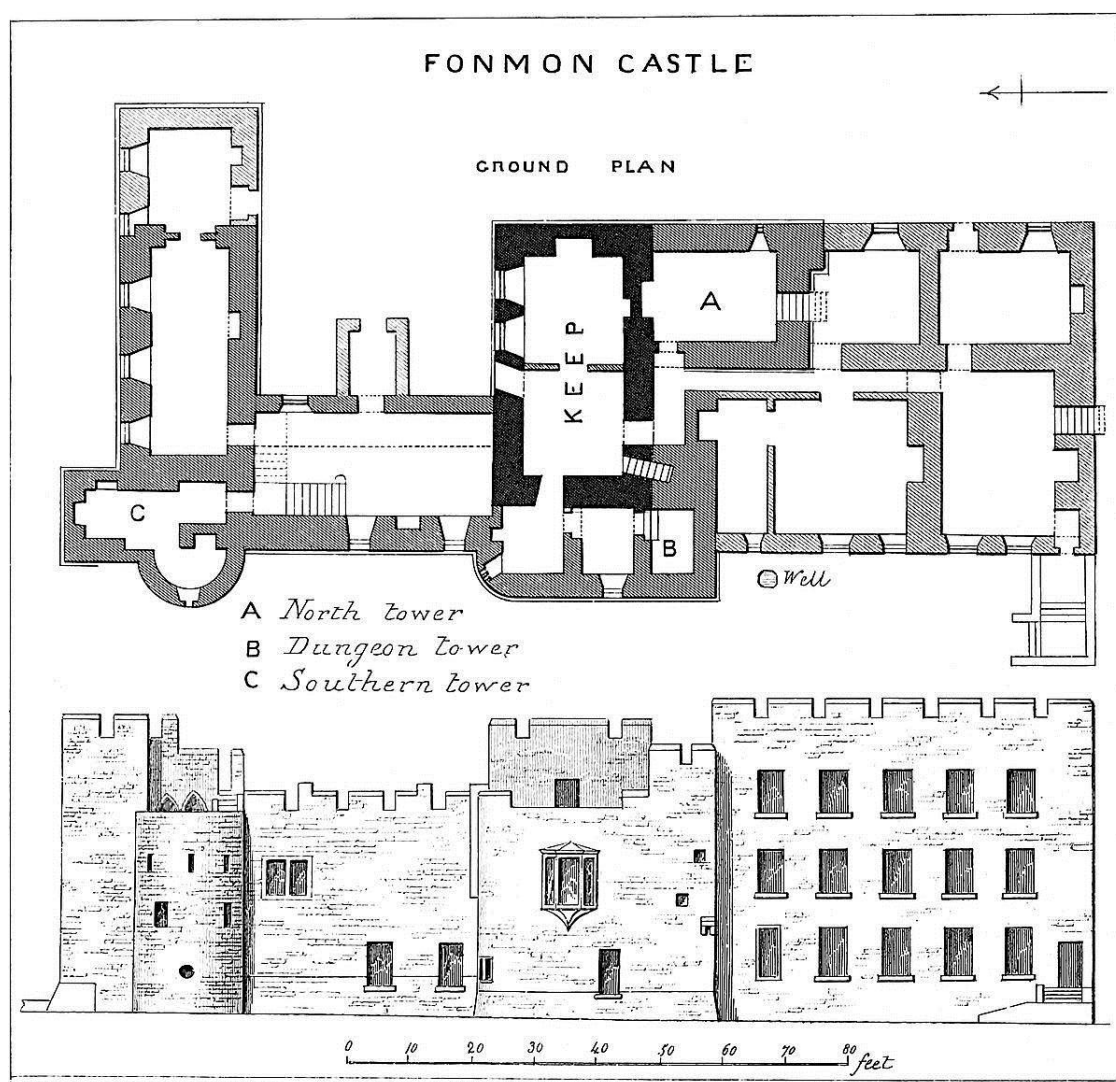

0. 50. 100.
SCALE.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

- Скопления разрушенной каменной кладки, показывающие очертания здания.
- МASONСТВО на месте.
- Банк Земли.
- Сдвиг.

ПЛАН ЗАМКА ФОНМОН

- 14. Северная башня
- 15. Башня-подземелье
- 16. Южная башня

В церкви Филлонгли нет памятников семье Гастингсов, похороненных в Поулсуорте и вместе с Грей Фрайарз в Ковентри.

ЗАМОК ФОНМОН, ГЛАМОРГАН.

Замок ФОНМОН, без сомнения, был построен сэром Джоном де Сент-Джоном вскоре после завоевания Гламоргана; и часть нынешнего здания является оригинальной.

Замок возвышается на западном краю узкого и глубокого оврага, по которому протекает ручей из деревни Фонмон в Кенсон.

На его северном фасаде, но на некотором расстоянии от замка, такой же крутой берег спускается прямо к реке Кенсон, которая там пересекает луг, в прежние времена, вероятно,

представлявший собой непроходимое болото. С западной и южной сторон замок стоит на плоскогорье и, без сомнения, был окружен рвом и внешней стеной. Цитадель, прямоугольное здание высотой 45 футов и шириной 25 футов к северу и югу, на 43 фута к востоку и западу, включая ее стены толщиной 5 футов, по-видимому, поздненормандской постройки, и можно предположить, что это работа сэра Джона де Сент-Джона. Пристройки, вероятно, раннеанглийского периода и с ранним декором, окружают его с северной, восточной и частично южной сторон; с последней стороны образуется значительное крыло, частью которого является квадратная башня, венчающая юго-восточный угол и являющаяся главной особенностью общего вида здания. Две носовые башни той же даты выступают с восточного фасада. Основные пристройки на севере относятся к семнадцатому веку и были возведены без учета обороны.

Внешние укрепления, за исключением одной башни, которая одиноко стоит на юго-восточном фасаде, примерно в 140 ярдах от замка, давно уступили место конюшням, амбарам и садам с террасами, большинство из которых, в свою очередь, исчезло. Сохранившаяся башня, по-видимому, была юго-восточным завершением оборонительных сооружений внешнего двора.

Сент-Джонсы проживали, более или менее, в Фонмоне до XIV века, когда, вступив в смешанные браки с наследницами Павли, Поулета и, наконец, Бошана из Блетсо, они стали могущественными английскими лордами и перенесли свою штаб-квартиру в Бедфордшир. Фонмон, вероятно, был оставлен на попечение судебного пристава, хотя некоторые кадеты из семьи поселились в Хайлайте и остались там после продажи имущества полковнику Джонсу примерно в 1655 году. С того периода в нем регулярно проживала семья Джонс, как и сейчас - их потомок и представитель, Роберт Оливер Джонс, эсквайр.

В замке хранятся портреты Кромвеля и Айртона, а также прекрасный портрет мистера Роберта Джонса, дедушки нынешнего владельца, работы Рейнольдса.

ЗАМОК ФОТЕРИНГЕЙ, НОРТГЕМПТОНШИР.

Каменная кладка этого замка была полностью демонтирована, но первоначальная насыпь со рвом и земляные насыпи сохранились, и линии каменной кладки можно проследить по траншеям, вырытым при заделке фундамента. Курган стоит на левом берегу реки Нене, и из зданий главным, расположенным почти с востока на запад, был, очевидно, большой зал, в котором судили и казнили Марию Шотландскую.

В "Письмах Эллиса" (Первая серия, том II) есть набросок зала, сделанный рукой Берли, в том виде, в каком его было приказано подготовить к судебному разбирательству.

"Большая комната" была 23 ярда в длину с окном и 7 ярдов в ширину. Длина без окна составляла 21 ярд. Следовательно, окно, вероятно, представляло собой эркер с выступом внутрь в 6 футов. Чертежный план был отправлен вместе с незаполненными цифрами, которые необходимо было заполнить путем специальных измерений.

В верхнем, вероятно, восточном конце, перед окном, стояло кресло для английской королевы. У стены слева от нее стояла скамья для тринадцати баронов; справа, оставляя пространство для прохода между ней и стеной, стояла скамья для двенадцати графов. Напротив зала, в 13 ярдах от верхнего (восточного) конца и в 8 ярдах от нижнего, находилась

барная стойка, доходившая со стороны баронов почти до стены, но со стороны графов оставлявшая пространство для прохода. Внутри, рядом с баром и напротив места Элизабет, стоял стул для Мэри.

Стороны света на плане не отмечены, но из расположения прохода ясно, что дверь находилась на той или северной стороне и, скорее всего, недалеко от его западного конца. Дверь зала замка открывалась бы никогда не в сторону укреплений замка, а во внутренний двор.

Плаха для казни была установлена в верхнем конце зала; вероятно, поэтому там, где во время суда стояло кресло Элизабет.

Камин, в котором после казни сожгли плаху и окровавленную драпировку, вероятно, находился в центре южной стены.

Возможно, в сезон засухи какому-нибудь местному антиквару удастся установить фактическое расположение двери, эркера и камина.

ЗАМОК ГРОСМОНТ, МОНМУТШИР.

ГРОСМОНТ - одно из пяти укрепленных мест, расположенных вдоль правого или юго-западного берега реки Мунноу, остальные - ниже него, Скенфрит, а выше него Олдкасл, Лонгтаун и укрепленный дом Пертир; замок Монмут и находящийся под его защитой город занимали место слияния рек Мунноу и Уай. Это некоторые из укрепленных зданий, разбросанных по валлийским болотам и особенно многочисленных в графстве Монмут, остатки которых, всегда живописные, часто довольно совершенны.

Позади этих замков на реке Мунноу находились замки Брекнок, Третауэр, Крикхауэлл и Абергавенни в Верховьях Уска; и во всей этой стране едва ли найдется вершина холма или выгодная точка, которая не была бы занята каким-нибудь оборонительным земляным укреплением, что показывает важность, придаваемую им каждой из нескольких рас - кельтами, римлянами, саксами и норманнами, которые, в свою очередь, либо нападали, либо защищали эту преданную землю.

Гросмонт, расположенный примерно в четырех милях выше Скенфрита и в пяти ниже Олдкасла, расположен, подобно бывшей крепости, на высокой вогнутости крутого изгиба реки, примерно в ста ярдах от ее берега. Совсем рядом с ним находится прекрасная старая крестовоздвиженская церковь, которая, разделив процветание замка, избежала упадка и до сих пор находится в сносном состоянии, хотя и требует нескольких переделок под руководством опытного архитектора.

Замок состоит из двора или палаты неправильной планировки, более или менее прямоугольной формы, с выступами на южной стороне, стена которой занимает пространство размером 110 на 70 футов, укрепленное на юге большей и меньшей трехчетвертной фресковой башней, имеющей ворота на восточной стороне, а на западной - следы здания снаружи навесной стены. Северная сторона занята залом, также расположенным снаружи или, скорее, заменяющим линию занавеса, три из его четырех стен являются частью внешней защиты здания.

Все сооружение находится во рву большой глубины, и, действительно, земляные работы обычно носят настолько мощный характер, что вполне вероятно, что они были построены раньше, чем нынешнее здание, или чем любые другие работы в каменной кладке. Фактическая платформа, занимаемая стенами и расположенная на гребне рва, имеет около 150 футов в диаметре.

За рвом, к востоку и югу, прикрывающим вход в замок, находится большой полукруг, или земляная платформа, выступающая к полю, на которой видны следы стен и защитные сооружения, напоминающие барбакан. Главный ров, ныне пересеченный современной насыпью, очевидно, когда-то был пересечен обычным мостом, часть которого поднята. Сторожка, если ее так можно назвать, представляет собой два боковых выступа стены, выступающих по обе стороны моста и образующих, таким образом, крытый проход, с каждой стороны которого крестообразная петля направлена вдоль рва. Остроконечный свод входа разрушен, но сохранились неровные пазы для опускной решетки и два отверстия, в которые был вставлен большой деревянный брус, скрепляющий ворота.

При входе справа находится оболочка зала, 80 футов в длину и 27 футов в ширину, совершенно непропорциональная площади оборонительных сооружений. Деревянный пол был уложен на высоте 6 футов над уровнем двора, чтобы придать высоту просторной подвальной кладовой или погребу, в восточной стене которого, однако, есть большой камин. В холле есть окна в каждом конце и по четыре с каждой стороны; но, вероятно, только шесть окон на востоке принадлежали залу, а два других освещали гостиную. Расположение камина на северной стороне, по-видимому, указывает на центр зала.

Слева от входа занавес простирается до юго-восточной или меньшей барабанной башни и, вероятно, поддерживал просторную односкатную крышу, отмеченную карнизами или опорами для верхней настенной плиты. Эта юго-восточная башня, по-видимому, была массивной, но низкой и была изменена и расширена в ущелье, со стороны двора, который теперь выступает внутрь в прямоугольной форме. Когда было сделано это дополнение, башня, кажется, была поднята до трех или, возможно, четырех этажей, и рядом с ее вершиной находится смелый кордон.

Прочная завеса тянется от нее к юго-западной барабанной башне больших размеров и разбита по направлению ко двору. Полы этих двух башен были деревянными. Между ними, параллельно занавесу, по-видимому, располагались какие-то здания, вероятно, казармы.

Здания, расположенные за пределами западного выступа и напротив него, смело выступали в ров. Они в большом упадке. Здесь был камин, дымоход которого, выполненный из материала занавеса, возвышается над ним в виде элегантной восьмиугольной шахты дымохода, вершину которой венчает элегантный фонарь или спираль, которые так часто рисуют и которые так хорошо известны.

Гросмонт, каким он кажется сейчас, среднего размера и сильно изуродован; но его башни и стены, хотя и лишенные тесаного камня, все еще стоят, а земляные укрепления большие, смелые и четко очерченные.

Какой бы ни была его древняя история, нынешнее здание представляет собой не что иное, как правление Генриха III. Пристройки, по-видимому, были выполнены в том же стиле и, вероятно, относятся к одной дате, правлению Эдуарда I. После завоевания Южного Уэльса Гросмонт был одним из многочисленных замков Де Браозе и перешел по наследству к Кантелупам. Затем он перешел во владение Генриха III, который пожаловал его Хьюберту де Бургу. В хорошо известной войне, которую вели валлийцы и Ричард Марешаль, граф

Пембрук, против Генриха III., он был осажден Ллевелином и освобожден королем, который использовал его в качестве штаб-квартиры во время последней части кампании. После падения Де Бурга Генрих передал замок графу Ланкастеру, и с тех пор он, вместе с несколькими более ранними замками Скенфрит и Уайткэсл, оставался присоединенным к герцогству. Генри, внук Краучбека, родился здесь, и поэтому его называли Генри Гросмонтским. Вероятно, он был автором основных дополнений.

В соседней церкви находится поздненормандская купель с цилиндрическим основанием и восьмиугольной чашей; арки опор центральной башни также заострены в нормандском стиле. Большая часть оставшейся части церкви относится к раннеанглийскому периоду и, вероятно, к тому времени, когда был построен замок; но есть украшенное северное крыльцо, а также некоторые другие части в том же стиле, которые, возможно, были работой художника, который завершил пристройки к замку и спроектировал его элегантную дымовую трубу и наверху.

ЗАМОК ГИЛДФОРД, графство СУРРЕЙ.

ГИЛДФОРДСКИЙ замок, из которых цитадель всегда была самой заметной, а сейчас является главной сохранившейся достопримечательностью, по своему положению, возрасту, структуре и размерам является весьма примечательной крепостью.

Действительно, несмотря на преклонный возраст, ни город, ни замок не сыграли большой роли в английской истории. Город никогда не был обнесен стеной; замок никогда не выдерживал осады. С его башен никогда не наблюдалось ни одного значительного сражения; в его зале никогда не проводился парламент или большой совет. Хотя это всегда было королевское поместье и долгое время использовалось как королевская резиденция, оно использовалось также как тюрьма и редко упоминается ни в записях, ни летописцами. Во время великой гражданской войны в замке не было гарнизона, и поэтому он избежал демонтажа и взрыва ни королем, ни парламентом. Его ветхое состояние вызвано воздействием времени, которому в немалой степени способствовала местная жадность к строительным материалам. Тем не менее, несмотря на отсутствие многих достопримечательностей, часто присущих английским военным сооружениям, Гилдфордский замок имеет определенные особенности, достойные внимания, изложить и объяснить которые и является целью настоящего уведомления.

Великий меловой хребет, образующий оплот Лондона и южную границу долины Темзы, от ее устья до границы Хэмпшира, сужается к западу в узкий, но возвышенный хребет, который простирается от Рейгейта почти до Фарнхэма и, опираясь на огненный камень и голт Вельд Кента и Суррея, поддерживает глину и гравий Лондонского бассейна.

Этот горный хребет, обычно непрерывный, пересекают два хорошо известных ущелья на расстоянии примерно двенадцати миль друг от друга, восточное из которых занято Молом в Доркинге и Миклхэме, а западное -

“Меловой поток, который катит молочную волну”.

Уэй, притоки которого широко разливаются по большей части Суррея и восточной части Хэмпшира, представляет собой там, где он рассекает мел, значительный поток, гораздо

менее молочный, чем во времена или, вернее, в стихах Поупа; двенадцатью милями ниже перевала он впадает в Темзу у Уэйбриджа.

Город Гилфорд расположен на правом, или восточном, берегу реки, значительно внутри, то есть к северо-востоку от ущелья, а внутри города и немного выше него находится замок. Поскольку горный хребет здесь крутой и возвышенный, а ущелье глубокое и умеренно узкое, можно предположить, что этот перевал во все времена был важен для тех, кто хотел защитить Лондон и Темзу от захватчиков с юга. По своему положению он находится к югу от Лондона так же, как замок Беркхэмпстед на севере; оба расположены в меловых ущельях, оба на притоках Темзы; оба являются поздненормандскими замками, основанными на более ранних английских земляных укреплениях; и оба на протяжении веков находились непосредственно в ведении короны. Однако Гилфорд, в отличие от Беркхэмпстеда, хотя и является центром большого города, не имеет военной истории. Хотя Суррей и Сассекс отнюдь не лишены следов раннего заселения, ближайшие окрестности Гилфорда в этом отношении практически пусты. Говорили, что ранняя тропа проходила по гребню холмов Даунс, и, как говорят, следы нерегулярного, а следовательно, британского лагеря ранее наблюдались на холме Святой Марты; но на длинном меловом гребне и склонах холмов, столь стойких к малейшим работам, когда-либо выполнявшимся на их поверхности, не обнаружено никаких следов лагерей, ям или других работ, обычно приписываемых британцам, что, учитывая густой лес, который, несомненно, простирался до подножия возвышенности с южной стороны и, вероятно, с северной, является весьма необычным. Антиквары, действительно, помещали столицу британского королевства в Гилфорд, а город Виндомис - в Фарнхэм, но ничего, выходящего за рамки общих вероятностей, не было выдвинуто в пользу ни того, ни другого предположения. Любопытно также наблюдать, насколько полностью кельтские названия исчезли из окрестностей. Даже реки, первыми получившие и последними изменившие свои названия — Вей, Уандл и Мол — являются саксонскими, как и названия Гилфорда, главного города графства, Фарнхэма, древней епископальной резиденции, и деревень вокруг них.

В Гилфорде также нет никаких явных следов римской оккупации. Говорят, что Замковый холм в Хескомбе, Хилбери в Путтенхэме и Холмбери в Окли имеют прямоугольную форму и, следовательно, являются римскими земляными укреплениями; но ни одна из двух великих римских дорог с юга не проходит через Гилфорд. Уотлинг-стрит ведет из Кентербери мимо Рочестера в Саутуорк; а Икнилд-стрит из Чичестера ведет через перевал Миклхэм по пути к тому же пункту назначения. Очень любопытно, что город, столь примечательный по своему положению, так сильно укрепленный и находящийся прямо на пути с юго-запада в Лондон, и при этом столь защищенный и расположенный рядом со столь плодородными пастбищами, не имеет никаких следов оккупации римлянами или более ранними или поздними бриттами.

Ранняя история Гилфорда, как и его название, саксонская и, как и само название, полностью пропитана искусством мира. О “гильдии”, или торговом сообществе, которое в древние времена, должно быть, было основано на “Броду” Уэй, ничего не сохранилось; но из-за сохраняющегося присутствия таких названий, как Бург-роуд, Бург-Филд и Бери, было высказано предположение, что самый ранний саксонский муниципалитет располагался на западном, а не, как сейчас, на восточном берегу реки. Было сказано, что причиной этого стало основание крепости на восточном берегу и, как следствие, нехватка места для частных жилищ. Но на самом деле, вероятно, все как раз наоборот. Крепость, будь то саксонская или нормандская, как правило, привлекала жителей к тому, чтобы они находились под ее защитой; и какой бы просторной ни была огороженная территория — а немногим менее шести акров — это самое большее, что когда-либо отводилось под нее, - между стенами и

рекой на севере, где расположен нынешний город, всегда должно было быть достаточно места. Если город когда-либо стоял на западном берегу, то баланс вероятностей в пользу того, что его перенесли за реку, как только там был основан самый ранний опорный пункт.

Есть основания полагать, что главная магистраль нынешнего города - Хай—стрит - существовала в тринадцатом веке, а возможно, и несколькими столетиями ранее. Гилфорд является районом по давности, и поэтому может быть любого английского происхождения, каким бы ранним оно ни было. Он сделал замку достойный комплимент, поместив его на гербовый щит городка, на котором написано “на горе верт, замок”. Город состоит из трех приходов: Святой Марии, в который входит замок; Троицы; и на западном берегу реки Святого Николая.

Записанная история Гилфорда не имеет неблагородного начала. Он принадлежал Альфреду и впервые упоминается в его завещании между 872 и 885 годами. “Этельвальду, сыну моего брата, “ говорит великий король, - я завещаю поместья в Годалминге, Гилдефорде и Стейнинге”. После смерти бездетного Этельвальда Гилфорд вернулся к западносаксонской короне. В следующем столетии, в 1036 году, Гилфорд стал местом пленения Альфреда, старшего брата Исповедника, и расправы над его норманнскими слугами. Что касается подробностей этого события и ролей, сыгранных в нем Годвином, королевой Эммой и Гарольдом Харфутом, свидетельства расходятся, но все сходится в упоминании Гилфорда как места, куда был доставлен Ательинг.

Когда Завоеватель двинулся из Кентербери на север, он прошел по Уотлинг-стрит через Рочестер в Саутуорк, а оттуда поднялся к Уоллингфорду, обогнул позиции Гилфорда и расположился между ним и Темзой. Его название даже не встречается до конца правления, и то только в Общем обзоре. Из этого обзора следует, что он оставался собственностью короны. Замок там не упоминается, но то, что в нем находилась резиденция, более чем вероятно, как потому, что он так долго был королевским владением, так и из того, что говорится о приеме, оказанном там Ательингу.

В Книге Страшного суда, как и сейчас, Гилфорд был в Сотне жителей Уокинга. Главным из королевских арендаторов был Ранульф Фламбард, впоследствии столь прославившийся своей алчностью и великолепием. Он был настоятелем Годалминга и как таковой владел землями в Гилфорде, которые впоследствии были присоединены к его каноничеству в Солсбери, чтобы в конечном итоге быть восстановленными Генрихом II и присоединенными вместе с замком к короне. Во 2-й главе "Генрих II". король передал сотню Годалминг и поместье церкви Сарум в обмен на замок Девизес и Рюлес, или Эрлсток, который в то время принадлежал епископу этого престола.

Завоеватель предоставил большой участок земли, на котором сейчас стоит большая часть современного города к северу от замка и к югу от Хай-стрит, семье по фамилии Тестард, которая владела им в течение нескольких поколений благодаря исключительному землевладению, зарегистрированному в Блаунте, и, как считается, построила две церкви Святой Марии и Троицы для использования их арендаторами — факт, который показал бы, что город уже стоял в пределах удобной досягаемости от этих церквей, из которых одна до сих пор в основном нормандская, и имеет большую площадь; и, кроме того, делает маловероятным, что замок окружение всегда простиралось далеко на север, поскольку Завоеватель вряд ли отдал бы какую-либо часть более древней территории. Историки Суррея оценивают население Гилфорда, зарегистрированное во время Судного дня, в 700 человек.

Внутренние свидетельства строений замка делают наиболее вероятным, что весь он, крепость, холл и хозяйственные постройки, с *ограждающей* стеной, занимающей более пяти акров, был построен Генрихом II. очень рано в царствование; но замок не упоминается ни в его правление, ни в правление Ричарда I. В "Рулонах труб" город время от времени появляется как вносящий свой вклад в подсчет урожая и другие сборы, а в "1 Ричарде I." парк назван в связи с канонами Сарума. Также из Rot. Curiae Regis, 6 Ричарда I. следует, что там проводился судебный процесс. Генрих II, вероятно, когда строил замок, похоже, разбил королевский парк на противоположном берегу реки, к северу от Боровой спины, на месте которого до сих пор обозначены такие названия, как Гилфорд-парк, Уайлдернесс, Олений холм и ферма Мэнор, последняя, вероятно, является местом расположения королевской ложи.

Капитан Джеймс, который проводил артиллерийскую съемку округа и уделял большое внимание древним границам, и чьим исследованиям обязано многое из того, что касается замка, придерживается мнения, что территория парка с севера, запада и востока совпадала с приходом Святого Николая, а с юга была ограничена гребнем на спине свиньи. Говорят, что в древности на этом участке было четыре поместья, но в настоящее время он состоит из трех очень древних ферм, расположенных в пределах одного поместья.

Король Иоанн, чья подозрительная натура и лихорадочная активность заставляли его постоянно находиться в движении, бывал в Гилфорде девятнадцать раз за одиннадцать разных лет. В 1200 году он провел здесь Рождество и нарядил своих домохозяев в новые ливреи, которые, к великому, но скрываемому отвращению короля, архиепископ Кентерберийский превзошел по великолепию. В 1202 году его здесь не было; но за работы, выполненные в королевских домах, взимается плата в размере 6,5. 8 фунтов стерлингов, за перевозку вина - 1. 6. 6 фунтов стерлингов, и 4. 4 доллара за ремонт тюрьмы в замке. Это первое упоминание о замке, и любопытно, что оно связано с его использованием в качестве тюрьмы.

В 1204 году Джон был здесь 9 октября и 7, 8, 9 ноября; и в этом году на ремонт королевских покоев было выплачено 10 фунтов стерлингов, а на расходы по его покоем - 40 фунтов стерлингов. Джон Фиц-Хью, шериф Суррея и Сассекса в 1208, 1210-11-12-13 и 1214 годах, затем был назначен смотрителем парка. В 1205 году король был здесь 9, 10, 11 апреля, 1 августа и 30, 31 октября. 7 февраля сюда были отправлены два бочонка вина, королевский приз, а 15 мая отсюда в Саутгемптон отправились двести свиней, запас мяса - в Лондон, а сети - в Саутуорк.

Король Иоанн был здесь 28, 29, 30 декабря 1206 года, а в 1207 году - 27, 28 декабря. В этом году, 28 августа, шериф Хантса должен был забрать некоторых заключенных из замка Сарум и доставить их констеблю замка Гилфорд. Это второе упоминание крепости, причем тоже как тюрьмы. В 1208 году Иоанн был здесь 25, 26, 27 января; и 5, 6, 7 апреля; а в 1210 году - 1, 2, 3 января; и 8 марта. Также в 1212 году, 12, 13 и 14 мая.

В 1213 году, 14, 15, 16, 17 декабря, здесь был король Иоанн. 3 января опека над графством Суррей вместе с замком Гилфорд была передана Реджинальду, сыну Реджинальда де Корнхилла, для содержания во время увеселений, и Джону Фиц-Хью было приказано передать его ему. Корнхиллы были семьей фермеров, возглавлявших налоговые органы графств к югу от Лондона, и между 1164 и 1215 годами Джерваз, Генри, Ральф и Реджинальд де Корнхиллы фигурируют в качестве шерифов Суррея и Сассекса, тогда объединенных.

В этом 1213 году также сто оленей "дамос и дамас" были переданы из Гилфорда архиепископу Кентерберийскому для пополнения его парка. В 1214 году, 24 августа 53 года,

был допущен для развлечения папского легата, который затем направлялся отменять интердикт. Замки Рочестер и Гилфорд упоминаются вместе в этом году как находящиеся на ремонте.

В 1215 году король Иоанн пробыл здесь целую неделю с 15 по 21 января. Его войска были разбиты при Бовайнсе в июле прошлого года, и он прибыл в Гилфорд из Лондона после получения требований баронов-конфедератов, согласованных и приведенных к присяге в Бери. Вероятно, в то время он был активно занят получением поддержки от духовенства в надежде обойти великую хартию, с которой, тем не менее, он был вынужден согласиться в июне следующего года. 18 ноября Джону Фиц-Хью, который снова был шерифом, было приказано передать замок тому, кого назовет Питер Бишоп Винчестерский, чтобы получить его. Вероятно, оно было передано Реджинальду де Корнхиллу.

В 1216 году Джон нанес свой последний визит в Гилфорд и оставался там 20, 21 и 22 апреля. В июне следующего года дофин Людовик был здесь по пути из Сандвича. Вместе с Гилдфордом он владел Рейгейтом, затем замком Уорренов и Фарнхэмом.

Гилфорд, как замок, так и парк, нередко упоминаются в правление Генриха III. В 1222 году, 19 ноября, было выплачено 200 фунтов стерлингов на королевские расходы по пути туда из Лондона. В 1223 году, 19 января, король Генрих был в Гилфорде. 18 апреля было выделено пособие на строительство дома милостыни при тамошнем королевском дворе. Вероятно, это была контора для получения деодандов, штрафов, конфискации имущества преступников и других денежных средств, полученных в результате случаев феодального владения, и, как предполагалось, предназначенных на благотворительные цели. 14 мая продолжались работы над королевскими домами, а 27 мая Ричард Дейл выделил десять площадей для ремонта парка; и снова, в октябре, были выплачены деньги за его ограждение. В 1224 году в королевских домах был произведен ремонт, и половина марки была потрачена на изготовление двери. Продолжалось огораживание парка. В 10 веке Генриха III Уильям де Конье был губернатором короля, как и в 30 и 53 годах Генриха III, Элиаса Мэнсела и Уильяма д'Агийона.

В 24 году правления Генриха III, 4 апреля, шерифу Суррея было приказано отремонтировать стеклянные окна королевских домов и часовни в Гилдфорде, разбитые бурей, и восстановить дома, с которых в результате этого не были сняты крыши. В книге 29 Генриха III упоминается, что Гилдфордская вилла принадлежит королю; шериф должен был огородить территорию рядом с кухней, которую купил король, стеной, которая удобно примыкает к другой стене, которой огорожен упомянутый двор; и он должен отремонтировать две опоры королевского зала, которые нуждаются в ремонте, потому что они не перпендикулярны. В " 30 Генриха III ", 3 февраля, шериф Суррея и Сассекса должен построить "определенную комнату в Гилфорде для использования Эдуардом, сыном короля, с надлежащими окнами, хорошо зарешеченными, которая должна быть 50 футов в длину и 26 футов в ширину ... с личной комнатой ... таким образом, комната того же Эдуарда должна быть наверху, а комната благородных камердинеров короля внизу, с соответствующими окнами, и личной комнатой, и дымоходом в каждой комнате. И он должен сделать под восточной стеной, напротив восточной части королевского зала, некий пентхаус, который, хотя и узкий, должен быть достаточно длинным, с камином и отдельной комнатой для гардероба королевы; и сделать в комнате королевы некое окно, равное по ширине двум окнам, которые есть там сейчас, и настолько широкое, насколько это возможно, между двумя стенами, и настолько высокое, насколько это приличествует, с двумя мраморными колоннами; и обшить это окно наверху деревянными панелями и закрыть его стеклянными окнами между колоннами, с панелями, которые можно открывать и закрывать, и большими деревянными ставнями, закрывающими

стеклянные окна изнутри; и чтобы верхнее окно в королевском зале, выходящее на запад, рядом с помостом, было оборудовано светильниками из белого стекла, так что в одной половине этого стеклянного окна будет изображен некий король, сидящий на троне, а в другой половине некая королева, также сидящая на троне”.

В 40 году правления Генриха III эти украшения и переделки все еще продолжались, поскольку 3 января король, находясь в Гилфорде, приказал шерифу Сассекса передать 100 фунтов стерлингов зрителям королевских мастерских в Гилфорде, “чтобы погасить некоторые долги, причитающиеся за те же работы, и за облицовку панелями королевской часовни, часовни королевы, королевских покоев и других недавно построенных там покоев; и за изготовление больших окон в королевской часовне; за заграждение окон новых королевских покоев железом; изготовление деревянных панелей”. каменное крыльцо в зал; для росписи там, в зале, напротив королевского трона, истории о Дайвсе и Лазаре; для создания определенной фигуры со зверями на том же троне; и для удлинения комнаты королевского капеллана там”.

Также 5 мая следующего года шерифу Суррея и Сассекса приказано побелить королевский зал в Гилфорде изнутри и снаружи. 17 июня 45 года Генриха III 1261 года король посетил Гилфорд и, несомненно, осмотрел различные улучшения и украшения, которые он заказал, и остался доволен ими. Вся эта роскошь, вероятно, ограничивалась залом и королевскими апартаментами в среднем округе, поскольку запись в Сотне списков в начале правления показывает, что заключенные графства Сассекс содержались в Гилфорде и, без сомнения, в крепости.

В 50 году правления Генриха III принц Эдуард был в Гилфорде, участвовал в расправе с сэром Адамом Гордоном, солдатом, который, будучи объявлен вне закона после битвы при Ившеме, стал флибустьером и сделал леса Суррея очень небезопасными. Эдуард догнал и атаковал его между Фарнхэмом и Олтоном, взял в плен в единоборстве, добился помилования и представил королеве в Гилфорде. В конце правления Генриха III “Королевские мельницы” были перенесены дальше по течению, вероятно, на место, которое сейчас занимают их современные преемники.

Эдуард I. со временем Гилдфордом завладел Эдуард I. В 27 году Эдуарда I 1299 года парк, замок и ферма города были переданы как часть приданого Маргарет, второй жены короля, а после ее смерти, 10 года Эдуарда II, они вернулись к короне. Эдуард был здесь 20 января 31 года правления Эдуарда I 1303 года, отдыхая по пути из Одишэма в Виндзор.

В 35 году правления Эдуарда I, 1306 г., Генри де Сэй, смотритель заключенных, которым были предъявлены обвинения на судебных заседаниях в Сассексе и которые содержались в замке Гилфорд, подал прошение о том, чтобы мог быть отправлен офицер для получения их штрафов и движимого имущества в соответствии с их преступлениями, и что может быть предоставлена более прочная тюрьма, поскольку замок небезопасен для такого количества заключенных. The answer, recorded on the rolls of Parliament, is terse:—“Si carcer sit nimis debilis, faciat, Custos, emendari; si nimis strictus, faciat elargari; quia Rex non est avisatus mutare locum prisonarum suarum: vel saltem teneat eos in vinculis fortioribus.” “Двойное железо для заключенных” когда-то было обычным и, безусловно, экономичным способом обеспечения их безопасности. Вполне вероятно, что именно в этих условиях большого давления фреска-оратория в цитадели была использована в качестве тюрьмы.

В королевском циркуляре шерифу от 1 Эдуарда II, 1307 г., 15 декабря, за которым последовал указ о конфискации имущества тамплиеров, шерифу Суррея и Сассекса было приказано отправиться в Гилфорд. В 15 году правления Эдуарда II Оливер де Бурдегала, губернатор,

получил распоряжение с личной печатью, предписывающее снабдить замок продовольствием и разместить гарнизон.

Гилфорд, 2 Эдуарда III, 1328 год, был штаб-квартирой шерифа Суррея, которому было приказано отправиться туда, чтобы предотвратить проведение турниров. 8 марта 1329 года король находился в Гилфорде; также 28 февраля и 26 декабря 1330 года; 18-20 ноября 1331 года; 2 сентября 1334 года; и 18-24 апреля 1336 года; так что замок нередко использовался в качестве королевской резиденции. В этом последнем году король передал корпорации город в фи-фарм, сохранив за собой только парк и замок. 23 апреля 1337 года король Эдуард III распорядился, чтобы Роберт д'Артуа имел право на гостеприимный прием, если посетит королевские замки Гилфорд, Уоллингфорд или Сомертон, и мог заниматься спортом в парке Гилфорда.

В том же году, 24 декабря, Эдвард сам находился в Гилдфорде, как и в 1340 году, и снова 27-28 декабря 1347 года, когда община Сассекса подала петицию о том, что Чичестер вместо Гилфорда может быть тюрьмой графства. Ходатайство было отклонено, и в 41 году Эдуард III. шериф по-прежнему занимал свою официальную резиденцию в замке, который, как и прежде, был тюрьмой для двух графств. 42 Эдуард III., 1368, 28 июля, король был здесь. 43 Эдуард III., пожизненная опека над замком и парком была передана Хелмингу легату. Эдуард снова был здесь, в 45 году правления Эдуарда III, 1371 г., 12 мая, вероятно, в последний раз.

В 1 главе "Ричард II". Констеблем замка был сэр Саймон Берли, а впоследствии сэр Хью Уотертон, после смерти которого 10 Генриха IV сэр Джон Стэнли также занимал эту должность пожизненно, и его назначение было подтверждено Генрихом V. К тому времени охрана парка, очевидно, была более желанной должностью, чем охрана замка.

Что происходило в замке во время войн Йорка и Ланкастера, неизвестно, за исключением того, что это не было ареной каких-либо важных событий, и он, безусловно, продолжал по-прежнему играть постыдную роль обычной тюрьмы, поскольку в 3 Генриха VII 1487 года старая жалоба возобновлена, и графство Сассекс снова ходатайствует о создании собственной тюрьмы под руководством собственного шерифа, предлагая Льюис в качестве подходящего места. На этот раз молитва была удовлетворена, и, вероятно, заключенные Суррея либо тогда, либо вскоре после этого были распределены по другим местам, хотя два графства еще долго после этого находились под властью одного шерифа. Еще в 1620 году джентльмен из Сассекса, Николас Эверсфилд, был шерифом двух графств, и юрисдикция, по-видимому, была окончательно разделена только в 1637 году.

Наконец, в 1611-12 годах, после того, как замок был присоединен к короне по крайней мере со времен Альфреда, или 700 лет назад, он и его *окружение* были пожалованы Джеймсом I. Фрэнсису Картеру из Гилфорда, который умер в 1617 году, и чей сын, Джон Картер, по описанию, жил в замке в 1623 году. Его старший сын Фрэнсис умер в 1668 году, оставив единственную дочь, и это его брат, второй сын, Джон Картер, чьи инициалы "Дж. К., 1699" стоят на табличке внутри и над большими воротами на Куорри-стрит. С тех пор замок оставался в частных руках и теперь является собственностью лорда Грантли.

Приведенные выше выдержки, в основном взятые из тех, что были приведены мистером Паркером в его ценных томах о домашней архитектуре в средние века, показывают, что оснащением и украшениями замок был обязан главным образом Генриху III. Этот принц, который был великим покровителем искусств, особенно архитектуры и живописи, уделял большое внимание королевским резиденциям. К сожалению, его украшения по большей части ограничивались залом и главными домашними помещениями, но мало что из них где-либо сохранилось. В Гилфорде разрушения были особенно масштабными, и единственное

сохранившееся сооружение, цитадель, похоже, не участвовало в королевском уходе. Крепости нормандских замков, заселяемые, но редко и только во время осады, даже теми, кто их строил, по-видимому, очень скоро совсем опустели в поисках более удобных помещений в нижних и более просторных палатах. В то время крепость использовалась как склад или казарма, или, как в Гилфорде, как тюрьма, и на ее ремонт тратилось очень мало, а на украшение - ничего. Однако именно вследствие этого пренебрежения норманнские крепости там, где они не были снесены, остаются в значительной степени такими, какими они были изначально построены, или только с такими пристройками, которые легко обнаружить, или с такими уменьшениями, которые легко можно представить. Это особенно относится к замку в Гилфорде, дополнения или изменения в котором носят грубейший характер и могут быть легко обнаружены, в то время как в каменной кладке первоначального сооружения мало чего недостает, за исключением парапетов и угловых башенок и некоторых деталей, связанных с подходом и входом.

Замок Гилфорд занимал естественную платформу площадью почти шесть акров на склоне мелового холма, намного ниже его вершины и на высоте от 40 до 80 футов над рекой. Платформа, плавно наклоняющаяся к ручью, заканчивается примерно в 80 ярдах от его берега невысоким утесом высотой от 10 до 12 футов, частично заменяемым, а частично опирающимся на крутой естественный склон или осыпь, который заканчивается на 40 футов ниже, в лугах, пересекаемых рекой. Гребень этого утеса или осыпи занят улицей Куорри и образует западный фасад замка. К северу река более удалена, а склон платформы гораздо более пологий. С этой стороны между замком и рекой проходит Хай-стрит и нынешний город Гилфорд.

Цитадель стоит в восточной и самой высокой части платформы и возвышается над остальной частью замка, так же как замок возвышается над городом; а вот то, что кажется остатками английской резиденции. У подножия кручи была насыпана насыпь, полностью искусственная, но опирающаяся на наклонное естественное основание, сложенная из мела, конической, усеченной формы с ровной вершиной, несомненно, первоначально круглой, и до сих пор почти такой, и диаметром около 90 футов. Высота основания около 200 футов. Между насыпью и прилегающим крутым склоном холма находится главный и, возможно, след второго, внешнего, рва. Этот внутренний ров, шириной около 60 футов и глубиной от 12 до 20 футов, огибает подножие насыпи с восточной, северной и южной сторон, концы его обрываются, когда достигают платформы на западе внизу. Канава, всегда сухая, издавна возделывалась как сад и, без сомнения, когда-то была значительно глубже. Его северная оконечность частично застроена домами на Касл-стрит и, как следствие, почти стерта с лица земли. В северо-восточной части его пересекает узкая земляная дамба, которая, без сомнения, представляет собой более старую каменную дамбу, снабженную подъемным мостом и образующую прямой вход в крепость для пеших пассажиров и, возможно, лошадей. Помимо этого, на востоке и юго-востоке, на участке за пределами прихода, называемом "Боулинг-Грин", есть очень слабые следы того, что, возможно, было вторым и внешним рвом - не маловероятной защитой, которую обеспечивали жители кургана от нападения с этой самой слабой, потому что контролируемой, стороны.

Высота насыпи на восточной стороне, измеряемая от края рва, составляет около 30 футов, но на западной стороне, где она поднимается с более низкого уровня, она составляет около 50 футов, или 92 фута над рекой. Холм и ров, очевидно, поддерживали и защищали жилище английского лорда, и вполне вероятно, что на платформе внизу, где нормандский король впоследствии разместил свой зал и служебные помещения, жили крепостные и иждивенцы прежнего семейства. Судя по близкой аналогии с Лестером, Тэмвортом, Татбери и другими

земляными сооружениями известной даты, земляные работы Гилфорда с большой вероятностью можно отнести к более ранней части десятого века.

Крепость, прямоугольное сооружение, занимает восточный склон насыпи, но расположена немного южнее ее центральной линии, чтобы обеспечить доступ к воротам (ныне исчезнувшим) под ее северо-восточным углом и проход вверх по насыпи за пределами северной стены. Восточная или нижняя стена опирается на нетронутую землю, немного выше уровня откоса рва, а западная или верхняя стена - на край ровной вершины насыпи, которая, таким образом, почти вся нетронутая простирается к западу и северо-западу от здания. Разница в уровне основания двух сторон крепости составляет около 15 футов. Чрезвычайно редко можно встретить прямоугольную крепость, расположенную на искусственном холме. Гилфорд, Крайстчерч и Клан - единственные зарегистрированные примеры.

Крепость расположена почти по сторонам света, ее размеры составляют 46 футов к северу и югу и 52 фута к востоку и западу. Стена идеально подходит к основанию парапета, высота которого на западном фасаде составляет около 63 футов. Каменная кладка нижней стороны содержит больше ясеня и имеет лучшее качество, чем остальные, чтобы предотвратить скольжение конструкции. О глубине фундамента ничего не известно, но толщина стены — не менее 11 футов у видимого основания — послужила бы для распределения нагрузки, а мел, даже будучи нанесенным на грунт, не создает плохого фундамента. Несомненно, было рискованно возводить столь тяжелое сооружение на искусственном холме, пусть и двухсотлетней давности, но результат оправдал затраченные средства, поскольку во всем здании нет ни трещины, ни следов оседания. Гроуз изображает несколько наполовину погребенных арок на южной стороне, сейчас их не видно, но которые, если они когда-либо существовали, что более чем сомнительно, могли бы указывать на то, что части здания опирались на опоры, опущенные в твердую землю. Однако обнажена достаточная часть стены, чтобы показать, что это не так. То, что Гроуз принял за арку, вероятно, было низким ходом наклонной кладки из кости сельди. Другие описывали отверстие с этой стороны, которое, как предполагается, ведет в подземное хранилище, предполагать существование которого нет никаких оснований. Механизмы, упомянутые в качестве доказательств защиты этого сказочного дверного проема, представляют собой вентиляционные отверстия гардеробной на верхнем этаже.

Четыре фасада крепости в целом похожи друг на друга. Каждая из них обрамлена двумя пилястрами шириной 4 фута 6 дюймов с выступом 9 футов, расположенными таким образом, чтобы не перекрывать угол, а превратить его в полый или возвращающийся обратно. Это углубление было оставлено открытым, а не заполнено, как в Скарборо и других местах, смелым выступом или зацепленной колонной. В центре каждой грани находится третья аналогичная пилястра, но шириной 5 футов. Вероятно, они опирались внизу на цоколь, общий для всего здания; но если это так, то его больше нет. Каждая пилястра имеет одинаковую ширину и выступ на всем протяжении, не имеет выступов. Центральные пилястры доходят до основания парапета, которого сейчас нет. Те, что располагались по углам, были продолжены в виде обычных квадратных башенок, некоторые небольшие, но четкие остатки которых все еще возвышаются над занавесом.

Материалом, используемым для отделки экстерьера, является в основном баргейтский камень из пласта, представляющего собой меловой мергель непосредственно под мелом. Он обработан в виде щебня, неравномерно пересыпанного рядами из того же камня,

выложенного в виде селечной кости, для чего были выбраны камни покрупнее и более плоские. Работа очень грубая. Полосы из селечных костей проложены на всех высотах и расстояниях; некоторые из них сломаны, некоторые представляют собой просто отдельные наклонные камни, и кое-где, особенно у вершины, встречаются редкие полосы из кремней, некоторые из которых выглядят как вставки. Выступающие и возвращающиеся назад углы пилястр сделаны из того же камня, обтесанного как тесаный и хорошо заделанного; но между этими углами пилястры обычно сложены из щебня, иногда с селечными косточками. Угловые башенки над парапетами, по-видимому, были сделаны из тесаного дерева. На лицевой стороне стены нет ни струнного хода, ни выступа, ни отступа. Западно-центральная пилястра, пронизанная входом, сделана в основном из тесаного камня, как и пилястра и прилегающая стена около северо-восточного угла здания, где, судя по следам в каменной кладке, примыкали ворота прихода. Здесь также очень широкие швы хорошо заделываются одинарными или двойными рядами обычной тонкой ярко-красной кровельной черепицы. Основание восточного фасада было отремонтировано около сорока лет назад, и теперь на нем установлен современный цоколь из ясеня высотой около 15 футов. Тесаный камень, до которого можно дотянуться с других сторон, был разграблен, а основание стены, как правило, очень пустое и неровное. Сердцевина стен повсюду, кажется, сложена из мела и баргейтового камня, очень грубо уложенного и заделанного цементным раствором.

Стены повсюду пробиты отверстиями для шпаклевки, площадью около 4 квадратных дюймов, что указывает на метод строительства и, вероятно, изначально, но неплотно заделано, чтобы дать работе высохнуть и для удобства будущего ремонта. Наверху нет больших отверстий, и никаких признаков того, что здесь применялся бретах. Четыре двойных окна на верхнем этаже и одно на восточной стороне среднего этажа, хотя и оригинальные, были украшены резными кирпичными средниками и арками, возможно, двухсотлетней давности, работы, без сомнения, первого покупателя. Все более ранние изменения, по-видимому, были сделаны в камне.

Описав таким образом общий внешний вид замка, следующим шагом будет описание его внутренних деталей. С учетом снятого цоколя или наличника толщина трех граней составляет около 11 футов, а четвертой, или восточной, - около 14, так что внутренние размеры составляют 24 фута к северу и югу и 27 футов к востоку и западу. Здание состоит из подвала и двух верхних этажей, а полы и крыша были деревянными. Нет никаких свидетельств существования какой-либо подземной камеры, и нет оснований предполагать таковую.

Высота подвала на уровне вершины насыпи составляет около 12 футов. Стены прорезаны в центре северной и южной сторон круглым углублением шириной 5 футов и примерно такой же высоты до выступа. Боковые стороны и крыша сходятся к внешней петле, а основание сделано ступенчатым. Для работы используется хороший обычный щебень. Восточная и западная стены изначально были сплошными, и единственным входом на этот этаж, должно быть, были лестница и люк этажом выше. Конечно, это был магазин или подвал, как обычно.

Позже в западной стене у северного конца был прорублен дверной проем шириной 4 фута 6 дюймов и шириной 8 футов до пружины. У него слегка заостренная арка. Его каменная кладка сложена из мелкого слабого щебня без каких-либо перевязок; и это, а также отсутствие связи с более старой работой, указывают на то, что это вставка. В северо-восточном углу стена была грубо срезана на некоторую глубину, чтобы образовались камин и печь. Кирпичи, из которых они были сложены, были удалены, и недавняя кладка поддерживает стену сверху. Шахта дымохода этого дома и камин этажом выше были образованы путем срезания внутренней поверхности стены, которая была грубо

отреставрирована. Без сомнения, все это работа покупателя, который, похоже, жил в замке и превратил подвал в кухню. В юго-западном углу находится небольшая каменная платформа, на которую, как говорят, вела деревянная лестница, соединявшаяся с этажом выше, и которая указывает на дату постройки кухни. Это достаточно вероятно. Один из камней - поздненормандская заглушка, привезенная из какой-то другой части замка. Весь интерьер этого подвала представляет собой щебень. В нем не было ни камина, ни гардеробной. Две петли, его единственные легкие, имеют высоту около 18 дюймов и, вероятно, были 4 дюйма в ширину, хотя теперь увеличены из-за непогоды до 6 дюймов.

Первый, или парадный, этаж имел высоту около 30 футов, был достаточно освещен и содержал различные помещения с фресками. В центре западной стороны находился вход снаружи, а в каждой из трех остальных сторон - по окну. Они состояли из двух светильников, или, скорее, состояли из двух высоких, узких круглых окон, соединенных под одним круглым окном снаружи и таким же углублением внутри. Эти углубления начинались примерно на фут выше уровня пола и имели ширину 4 фута 4 дюйма и высоту до пружины около 12 футов. Их стороны параллельны, а не сходятся, и в каждой по четыре ступеньки, ведущие к окну. Здесь нет лепнины или украшений, но куоины сделаны из ясеня. Окно, арки, выступы и косяки простые и добротные. Центральные оконные проемы или средники исчезли, но в двух случаях небольшие выступы остались. В третьем случае, на восточной стороне, окно было удалено и заменено другим, выложенным кирпичом, но ниша осталась нетронутой.

Вход имеет ширину 3 фута 4 дюйма, высоту 9 футов и высоту около 14 футов от земли. Он облицован хорошим тесаным деревом; но с бочкообразным сводом, круглым, из щебня. Внешний портал занимает всю ширину центральной пилястры и имеет ширину около 5 футов. Она слегка, но определенно заострена. Паза для опускной решетки нет, а есть только одна, наружная, дверь, хорошо укрепленная отверстиями для перекладин. Под пружиной находятся два небольших отверстия, теперь заделанных для железной перекладины, довольно низких для центрирования и, возможно, соединенных с легким подъемным мостом. Дверь находится в центре западной стороны, как и противоположное окно восточной стороны; но северное окно находится на западном конце ее фасада, примерно в 3 футах от угла, а южное окно расположено по диагонали к нему на таком же расстоянии от юго-восточного угла. Все три окна были выполнены в одном стиле.

Помимо этих отверстий, на том же уровне находятся три камеры с фресками и лестница. Основная камера занимает юго-западный угол и представляет собой в плане прямой угол с двумя ответвлениями, похожий на заглавную букву L. Что у западной стены составляет 5 футов 6 дюймов в ширину и 14 футов в длину; что у южной стены 4 фута 10 дюймов в ширину и 23 фута в длину; но поскольку каждая измеряется по ширине другой, общая длина камеры, измеренная по внешней стене, составляет 37 футов, а измеренная вдоль внутренней стены - всего 26 футов 8 дюймов. Камера частично облицована меловым тесаным деревом, частично - щебнем, а свод, бочкообразный и с круглой головкой, сложен из щебня. Свод сделан из простых нормандских счетов. Высота пружины составляет около 7 футов. Внешняя стена этого помещения была на всем протяжении обрамлена аркадой, первоначально состоявшей из десяти арок, из которых шесть сохранились совершенно, а от большинства других сохранились следы. Аркада выполнена в позднем нормандском стиле, опоры изящные, колпаки с очень высокой резьбой, арки округлые. Все это утоплено в стене, доходит до выступа свода и опирается на низкий постамент или дадо. В западной стене у северного торца камеры есть петля, а в южной - еще одна. Есть также третья, более длинная и низкая петля на другом конце южной ветви, рядом со священником, стоящим перед алтарем, и справа от него, место которой на восточном конце отмечено скамьей или ступенькой в стене.

Одна оригинальная дверь находилась в западном крыле, недалеко от главного входа. Во времена Кинга он был идеальным, с круглой головкой, шириной 2 фута 4 дюйма и высотой 7 футов 7 дюймов, но с тех пор его откололи. В южной части есть более крупное грубое отверстие, которое может представлять собой место для другой двери. То, что это необычное и богато украшенное помещение изначально было молельней, очевидно как по тому, как за ним ухаживали, так и по следам алтаря в восточной стене и по окну рядом с алтарем.

Во времена Тюдоров южная стена была проломлена и в нее было вставлено неуклюжее окно с плоским верхом и тремя светильниками, для чего большая часть аркады была срезана; а поперек южной оконечности была пристроена грубая стена с дверью в ней, вероятно, для того, чтобы превратить молельню в два спальных места. На меловом камне этой комнаты было вырезано значительное количество грубых изображений, по-видимому, работы одного периода. Некоторые из них просто вырезаны, другие выполнены рельефно. Есть одно очень наглядное Распятие, на котором солдат пронзает бок нашего Господа, присутствующие ученики и что-то вроде женской фигуры в вуали, готовой упасть в обморок. Здесь также изображен святой Христофор, епископ, лежащий под короной, и другие фигуры, как церковные, так и военные. Очевидно, что это работа людей, содержащихся в этом помещении, и поскольку они грубые, неграмотные и без каких-либо следов геральдических эмблем, они, вероятно, являются работой обычных заключенных тюрьмы и, скорее всего, относятся к началу тринадцатого века, когда тюрьма была переполнена и наверняка было занято все свободное место. Конечно, в нижнем приходе была часовня побольше, не говоря уже о приходской церкви Святой Марии, расположенной неподалеку. Эти фигурки были выгравированы, но не с необходимой точностью. То, что их не фотографируют, мало что говорит об общественном настрое Гилфорда.

С другой, или северной, стороны от главного входа, также в западной стене, находится вторая фресковая камера, в которую ведет узкая оригинальная дверь с круглой головкой шириной 2 фута 4 дюйма и высотой 7 футов 7 дюймов, довольно простая, из ясеня. Эта камера имеет грубый бочкообразный свод с круглой головкой и имеет длину 9 футов 2 дюйма и ширину 5 футов 1 дюйм. В западной стене есть одна петля. Стены сложены из щебня, но внутренний косяк двери, сделанный из мелового тесана, украшен резьбой в стиле описанных выше.

Третья камера находится в северной стене, в ее восточном конце. Её дверь и большая часть внутренней стены и пола были сняты, чтобы можно было установить камин и дымоходную шахту, но сохранилось достаточно, чтобы показать, что камера была 14 футов в длину и 3 фута 2 дюйма в ширину и имела петлю в северной стене. Восточная треть этого помещения не пострадала. Углубление в полу, расположенное совсем в восточном конце, выглядит так, как будто это была гардеробная для парадного этажа, и эта идея усиливается за счет отделки углов в этом конце тесаными деревом. Брейли расширяет это помещение под прямым углом к восточной стене. Это чистый вымысел. Загнутость торца показывает, что дальше ничего не было, а паз в стене предназначен только для опоры концов досок, на которые опирался свод. Камин, расположенный к западу от этой камеры, от которого сохранился дымоход, является вставкой. Расположение комнаты с фресками и окна, однако, показывает, что здесь, возможно, был оригинальный камин.

Остается упомянуть лестницу-колодец, которая занимает северо-западный угол крепости, начинаясь на уровне первого этажа и поднимаясь на крышу. Эта лестница не сообщается напрямую с главной комнатой, но открывается маленькой круглой дверью в косяке соседнего северного окна, откуда три ступеньки в коротком узком проходе ведут к основанию лестницы-колодца. Лестницы исчезли, но сохранился цилиндр колодезной

лестницы диаметром 8 футов. На высоте второго этажа она облицована превосходным меловым тесом и освещена двумя петлями с западной стороны. Дверь и коридор, подобные приведенным ниже, ведут по четырем ступеням в нишу, а не в окно, в северной стене верхнего этажа. Эта боковая дверь заостренная, но это, по-видимому, эффект современной булыжной мостовой. Далее следует упомянуть, что четыре полых угла первого, или парадного, этажа облицованы меловым тесом. Пол не опирался ни на какие выступы, стены были толщиной с подвал.

Высота второго, или верхнего, этажа составляла около 15 футов. На уровне пола имеется выступ, уменьшающий восточную и западную стены примерно на 2 фута. На этом этаже четыре окна в широких нишах. Центральными являются окна на западной, восточной и южной сторонах. Четвертое окно расположено в восточном конце северной стены, центр этой стороны занят камином, значительно модернизированным, но, судя по смещению окна, оригинальным. В южной стене, недалеко от юго-восточного угла, дверь ведет в небольшую настенную кладовку с двумя вентиляционными отверстиями, выступающими над внешней стеной, и петель над ними. За этим исключением, на этом этаже нет комнат с фресками, что странно, учитывая, что стена достаточно толстая, чтобы выдержать их. Однако в западной стене, у ее северного конца, есть один косяк замурованной двери, которая, возможно, предназначалась для сообщения с лестницей или с комнатой с фресками. Кажется, его так и не достроили. Четыре угла этой комнаты отделаны меловым тесаным деревом, как и в комнате внизу, а в оконных нишах были, а в одной до сих пор есть, круглые арки. Этот этаж очень неприступен, но на него можно было подняться по лестнице, когда были записаны эти замечания. Стены, очевидно, в основном оригинальные, хотя семья Картер сильно потрепала их, когда они жили здесь. Ниши тоже оригинальные, но сами окна вырезаны - кирпичные вставки из двух фонарей, арочные.

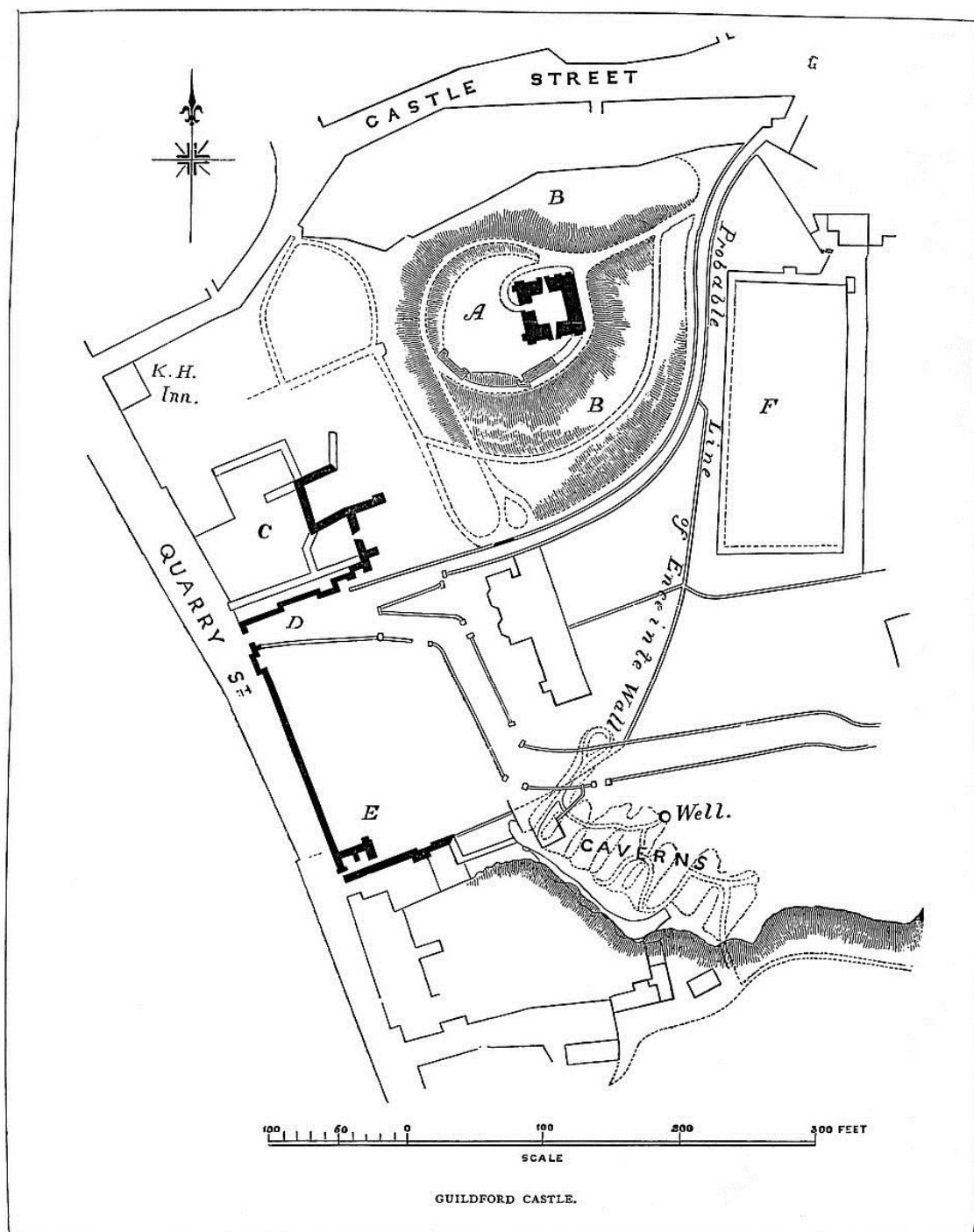
Следует заметить, что восточная стена, хотя и очень толстая, не пронизана галереями и, за исключением двух окон, абсолютно сплошная от основания до вершины. Вероятно, цель состояла в том, чтобы, поместив эту массу прочной каменной кладки на твердый грунт, придать опору трем другим сторонам и таким образом предотвратить их сползание вниз по склону насыпи, как это было в случае с некоторыми гораздо более легкими и более поздними зданиями в аналогичном месте в Кардиффе.

Было указано, что крепость стоит на юго-восточном склоне кургана, следовательно, к западу и перед ее входом находится почти вся вершина стола. Это было окружено круглой стеной, похожей на крепость-ракушку, высотой около 25 футов, которая, начинаясь с юго-восточного угла крепости, по-видимому, огибала насыпь, начиная примерно с половины ее высоты, пока не доходила до северо-восточного угла крепости, на пересечении которого, по-видимому, были ворота. От этой круглой стены осталось примерно половина, либо действующая, либо находящаяся в фундаменте. Фрагмент стены толщиной около 5 футов и высотой 20 футов, очевидно, датируется постройкой крепости, такие же тонкие красные плитки использовались в ее меловой кладке. Также в этой стене находится оригинальная гардеробная, по-видимому, состоящая из трех ступеней: одна на уровне палаты, одна на полпути вверх и одна на зубчатых стенах; все три, по-видимому, объединились в общую шахту, вентиляционное отверстие которой видно у основания стены.

Пространство, таким образом огороженное крепостью и круглым занавесом, было внутренним отделением. Как был достигнут главный вход в крепость, не указано. Здесь не было обычного переднего здания, как в Норвиче или Рочестере; ограничивающая стена и высокое расположение башни делали это ненужным. Ряд небольших отверстий на уровне двери, возможно, принадлежал к своего рода деревянной площадке, на которую можно

было подняться по ступенькам из того же материала. Говорят, в этом приходе был колодец, примерно в 6 футах от западной стены крепости, к югу от двери.

Осталось описать две палаты. Линия *ограждения* замка, по-видимому, была примерно следующей: начинаясь на углу Касл-стрит и Куорри-стрит, где место нынешней гостиницы “Голова короля”, вероятно, было отмечено башней, западный фронт проходил по линии Куорри-стрит, мимо больших ворот, к башне с задним ходом, которая до сих пор отмечает юго-западный угол ограды. Оттуда стена проходила на восток, пока не достигла границы земель за пределами прихода, откуда, по линии этой границы, она, вероятно, шла по изгибу главного рва в направлении коттеджей Боулинг-Грин. Там, на платформе в конце дамбы, без сомнения, находился барбакан, прикрывавший прямой подход к замку. Оттуда стена, по-видимому, продолжалась вдоль линии рва, обозначенной изгибом Касл-стрит, пока снова не достигла Куорри-стрит, таким образом огораживая то, что сносно соответствует площади замка на распродаже 1612 года, которая описана как 5 акров, 3 руда, 10 насестов; или почти шесть акров. В этой области часть к северу от больших ворот была отгорожена занавесом, части которого сохранились и который, по-видимому, поднимался по насыпи к *ограждению* внутреннего двора. В этом, среднем дворе, находились холл и основные здания, как видно из значительных, хотя и фрагментарных нормандских стен, которые все еще можно увидеть, две из которых, образующие две стороны большого зала, очень совершенны, а одна пронизана очень совершенной нормандской оконной нишей и петлей.

ГИЛДФОРДСКИЙ ЗАМОК.

Что находилось в районе к югу от ворот, в которые вел задний ход, неизвестно. Долгое время здесь располагались сады начальника тюрьмы, когда замок использовался для этого неблагородного использования, и в нем находится знаменитый колодец, соединенный с пещерами.

Большие ворота на Куорри-стрит, хотя и большие, в настоящее время представляют собой всего лишь проем, возможно, эпохи Генриха III, в более старой и, вероятно, нормандской занавеске. Было ли это связано с сторожкой, неизвестно, но, как уже говорилось, в каменной кладке есть указание на то, что так оно и было. Кроме того, паз опускной решетки большой, и такая тяжелая решетка не могла быть установлена без камеры наверху, в которой установлена лебедка. За воротами находятся два контрфорса, выполненных в

поздненормандском стиле. Один из них почти идеален, другой был заменен кирпичным, но, вероятно, на старом основании. Юго-западный угол фасада на Куорри-стрит отмечен немалыми остатками задней башни, прилегающей стены и большого контрфорса, все явно поздненормандского типа. К северу и востоку стены полностью сняты, но в этих кварталах линия рва дает ключ к первоначальной границе. Установленная таким образом *ограда* имеет размеры около 535 ярдов; ее наибольший северный и южный диаметр - 170 ярдов; а восточный и западный - 140 ярдов. Фасад Куорри-стрит прямой, длиной 138 ярдов, ворота расположены почти посередине. От задней башни до конца дамбы крепости 213 ярдов, а оттуда до угла "Королевская голова" - 184 ярда.

Капитан Джеймс обнаружил следы линии стены, параллельной Хай-стрит и находящейся примерно в 30 ярдах к югу от нее, которая, вполне вероятно, была границей огороженной территории, пристроенной к замку, как и земли за пределами прихода на востоке и юго-востоке, но фактически защищаемая территория замка, похоже, была такой, как описано выше.

Далее можно заметить, что Куорри-стрит, которая проходит вдоль подножия западной стены замка и лежит между ней и рекой, по-видимому, была защищена с этой стороны уже упомянутыми невысоким утесом и осыпью, поддерживаемыми, вероятно, подпорной стеной, следы которой и косяк ворот сохранились; в то время как существует традиция о воротах, пересекающих улицу у задней части замка, которые, вероятно, охраняли подход к городу с юга, единственному кварталу, с которого можно было бы ожидать приближения врага.

Не только остатки внутренних построек имеют поздненормандский характер, но и среди ремонтных работ холла во времена правления Генриха III упоминаются две опоры как выходящие за пределы перпендикуляра, что является достаточно убедительным доказательством того, что холл напоминал Окхэм и Лестер и был нормандского происхождения. В целом, достаточно очевидно, что вся территория замка была огорожена его первоначальным основателем не позднее середины двенадцатого века, а отдельные фрагменты стен и зданий, по существу, датируются той же датой, что и крепость. Замок находится в приходе Святой Марии, граничащем на северо-востоке с Тринити, а на востоке - с внепарахиальным участком, происхождение которого неизвестно. Вероятно, *ограда* занимала всю резиденцию саксонских королевских владельцев.

Те, кто предполагал, что *ограда* замка простиралась до нынешней Хай-стрит, рассматривали два хорошо известных склепа, оставшихся там, как доказательства этой протяженности. Один из них, на южной стороне, автору не удалось посетить; но другой, точно напротив первого и примерно в 160 ярдах от крепости, он осмотрел, и говорят, что они одного возраста и размеров и очень похожи.

Северный склеп, расположенный под отелем Angel, представляет собой прямоугольную камеру, 31 фут к северу и югу, на 19 футов к востоку и западу, разделенную на два прохода и шесть отсеков двумя центральными опорами. Опоры представляют собой простые цилиндры диаметром 18 дюймов и высотой 5 футов 6 дюймов. Основания теперь скрыты; опоры без заглушек и довольно простые. Крыша сводчатая, от пола до карниза 10 футов 3 дюйма, рифленая и ребристая. Арки ниспадающие и заостренные, ребра скошены и выступают из резных выступов в стене. В южном конце каждого прохода находится оконная ниша, сходящаяся и поднимающаяся в виде петли на уровне улицы. Вход осуществляется через узкую арочную дверь, открывающуюся из поднимающегося сводчатого прохода с нависающими ребрами жесткости. Она ведет в небольшую камеру, расположенную к северу от хранилища и на высоте 4-5 футов над ним, откуда, вероятно, на уровень земли вела еще

одна узкая дверь. Датировка склепа, по-видимому, относится к тринадцатому веку, и совершенно ясно, что он никогда не был продлен на юг, к другому склепу, и всегда освещался, как сейчас, только с уровня улицы. По всей вероятности, это был подвал какого-нибудь значительного общежития, расположенного, как и сейчас, на Хай-стрит, которая в двенадцатом и тринадцатом веках, как и сейчас, вероятно, была главной магистралью города.

В непосредственной близости от замка и, действительно, под южным краем его *окружения* находятся знаменитые пещеры, которые были недавно исследованы и впервые правильно спланированы капитаном Дж. Джеймс, чей превосходный отчет о них хорошо известен. Эти пещеры вырыты в мелу, который образует утес к югу от города, и с подножия которого в них можно попасть. Мел здесь наклоняется к северу примерно на десять градусов, и самый твердый слой, наиболее подходящий для строительных целей, лежит у основания утеса и имеет толщину около 6-7 футов. Этот пласт был в основном вырыт путем открытого “ямочного ремонта” в разрушенном грунте к югу от утеса, который, по-видимому, действительно искусственный и образовался в результате этих раскопок, и только когда пласт стал слишком глубоким для такого способа работы, каменщики прибегли к горным работам. Эти более поздние работы в общем плане состоят из галереи, параллельной поверхности утеса на расстоянии нескольких футов вглубь, от которой под прямым углом на северо-восток отходят восемь параллельных прилавок. Крайние точки раскопок находятся чуть более чем в 55 ярдах к северо-западу и юго-востоку, на 32 ярда к северо-востоку и юго-западу; но фактически раскопанная площадь составляет всего около 1150 ярдов, а кубическое содержимое - около 2330 ярдов. Один только план показал бы, что они были открыты для добычи полезных ископаемых. Но, помимо этого, несмотря на то, что было удалено много твердого мела, раскопки почти забиты огромным количеством “мелочей”, образовавшихся в результате неумелой работы, и через которые оставлены узкие тропинки, ведущие к месту проведения работ. Очевидно, что это не *обломки*, занесенные внутрь, и не вызвано падением крыши, которая на удивление прочная. Это просто битый мел, который был выброшен по мере продвижения шахтеров и остается нетронутым. Характер и присутствие этого мусора не только показывает, что раскопки проводились в каменоломне, но и то, что он никогда не использовался ни для чего другого, ни как зернохранилище, ни как погреб, ни как жилище человека, поскольку нигде не было расчищено, чтобы освободить какую-либо часть полостей для этих целей.

Почти в самой глубокой части выработки, примерно на глубине 60 футов под поверхностью, пещеры были прорезаны колодезем, вырытым, как говорят, в саду начальника старой тюрьмы. Этот колодезь был проведен через пещеры для полива, вероятно, на глубину еще ста футов, но впоследствии он был перекрыт досками на уровне пола пещеры, и таким он остается и сейчас. Труба колодца наверху очень изрезана, как будто ее прорыли неквалифицированные рабочие — возможно, каторжники, — и покрыта пятнами, как будто использовалась как выгребная яма. Кроме того, на много ярдов вокруг мусор, в других местах чисто белый, темный и вонючий, как будто колодезь, не имевший доступа к воде или впоследствии не использовавшийся для этой цели, использовался как вместилище всей тюремной нечистоты.

Что касается возраста этих карьеров, то составить обоснованное мнение непросто. Предполагалось, что они британские, и для них были найдены различные применения, совершенно не соответствующие внешнему виду, который они представляют. Единственный аргумент в пользу такого происхождения был упущен. Город находится в сотне Уокинг, и Уокинг, как и Уоки в Мендипе, возможно, является искажением британского “Ogof” (ямка),

пещера. Но Уокинг никогда не был названием города, и материальные свидетельства пещер не подтверждают эту теорию. Они определенно не британцы: план выработок исключает эту точку зрения. Несомненно, они могли быть римскими, но по соседству нет никаких следов римских построек, а мел, даже твердый, слишком распространен по всему хребту, чтобы его можно было унести отсюда на сколь-нибудь большое расстояние. Наиболее вероятным мне кажется предположение, что они были открыты строителями нормандского замка, которые в основном использовали мел для своих внутренних и, более того, для большей части своих открытых работ. Каменоломни не имеют сообщения ни с какой частью замка. Там, где они вторгаются в его границы, они залегают слишком глубоко, чтобы их можно было использовать против него во время средневековой осады.

ЗАМОК ХАРЛЕХ, МЕРИОНЕТ.

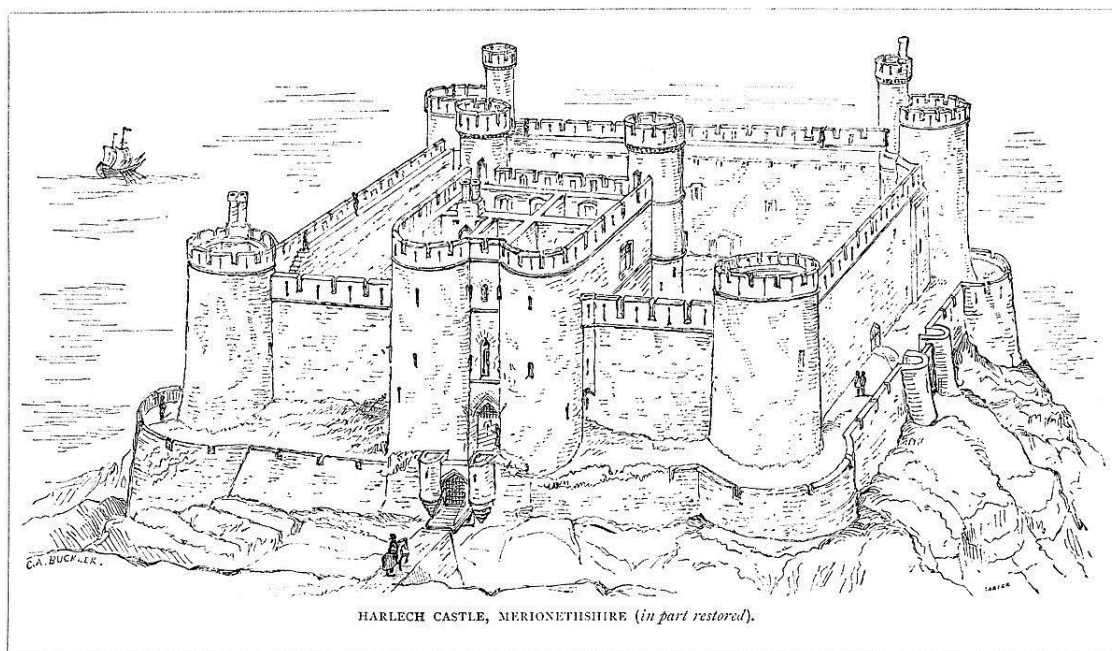
Описание.

Замок Харлех занимает крутой скалистый мыс, который выступает вперед на береговой линии Мерионета над широкой аллювиальной равниной, известной как Морфа Харлех, недалеко от ее южной и более узкой оконечности. Шесть столетий назад, когда Трает был устьем и волны, возможно, омывали подножие скалы, в Харлех, как и нынешний Криккайт, вероятно, можно было добраться по воде — обстоятельство, вероятно, определившее выбор этого места его основателем. Несмотря на то, что скала Харлех находится всего в 200 футах над уровнем моря и соединена с гораздо более высоким фоном, она, тем не менее, является очень ярким объектом, и своей чрезвычайной смелостью очертаний и почти изолированным положением оправдывает свое очень значимое название. Это одна из самых замечательных перспектив в Британии. Перед ним находится залив Кернарвон с его обширным песчаным берегом, ограниченным справа Сноудоном и подчиненными ему пиками; откуда возвышенность, поднявшись до возвышенностей Карн Мадрин, Карн Бодфуан и Ир Эйфл, постепенно переходит в залив Абердарон, пролив Саунд и остров Бардси. Карнарвон и Конвей - крепости более богато украшенные по характеру и большей площади; но они не равны Харлеху по природной силе и величию положения; и в этом отношении сам Бьюмарис, хотя и находится в самом центре Сноудонской группы, никоим образом не превосходит его.

Харлех - концентрический замок эдвардианского типа, простой и превосходный пример этого типа. Он состоит из центрального четырехстороннего зала, заключенного в четыре высоких занавеса и увенчанного под каждым углом барабанной башней с выступом в три четверти. В центре обращенной к суше, или восточной, стороны находится большая сторожка у ворот; напротив которой, у занавеса, находятся остатки холла и хозяйственных построек; а рядом с ними, у северной стороны, находится часовня.

Главный или *Внутренний двор*, составленный таким образом и занятый, находится внутри второго или среднего квартала, который в целом напоминает его в плане, за исключением того, что четыре угла не симметричны: один просто закруглен, два других увенчаны более или менее трехчетвертными бастионами, а четвертый закруглен с одной стороны и выполнен в виде бастиона с другой. В центре южной стороны находится полукруглый бастион меньшего размера, выступающий из подпорной стены вниз; а в центре северной стороны

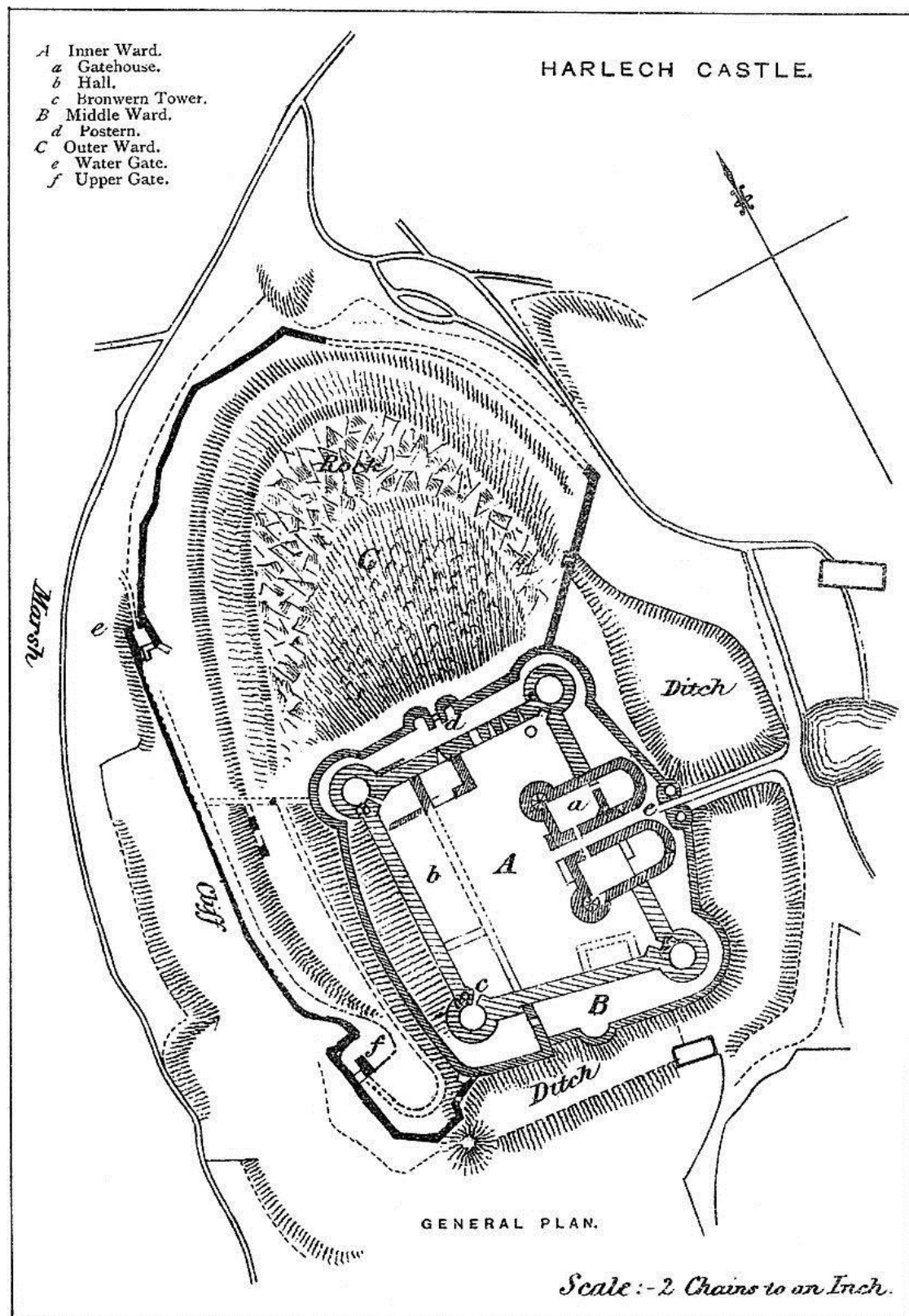
находятся два других, тоже небольших, между которыми находится задняя часть этого среднего квартала. На восточной стороне, напротив большой сторожки, находятся две “турели”, или круглые бартизанские башенки, выступающие из стены; и части небольшой низкой сторожки, в которой находились внешние ворота.

HARLECH CASTLE, MERIONETHSHIRE (in part restored).

ЗАМОК ХАРЛЕХ, МЕРИОНЕТШИР (частично отреставрирован).

ЗАМОК ХАРЛЕХ.

Wyman & Sons, Gt. Queen St. Лондон.

- АВнутренняя палата.
- этосторожка.
- бЗал.
- сБашней Бронверн.
- ВСредняя палата.

- dЗадний.
- CВнешняя палата.
- eВодяные ворота.
- fВерхние ворота.

Эта средняя палата узкая и неодинаковой ширины, варьирующейся от 8 до 30 футов. Он находится несколько ниже уровня внутренней палаты, а земля за его пределами еще на 10-15 футов ниже; и его стены представляют собой облицовку, увенчанную парапетом, высота которого, по-видимому, варьировалась от 6 до 12 футов; в последнем случае к крепостному валу ведут открытые ступени. Несколько бастioned, по-видимому, поднимались немного выше парапета, и в каждом из них было по низкой камере, вероятно, с плоской крышей. Этот участок защищен с восточной и южной сторон широким и глубоким сухим рвом, вырытым в скале и заканчивающимся на утесе. Две другие стороны покрыты внешним барьером значительной ширины, но состоящим по большей части из крутых склонов и обрывистых скальных выступов. Часть этого участка, обращенная к западу или к морю, содержит длинный проход, который поднимается по нижней траверсе от водяных ворот у подножия скалы, частично опирающихся на скальную полку, и который по второй и верхней траверсе достигает задней части среднего участка.

Переходя к деталям, отметим, что внутренний двор находится примерно в 164 футах к северу и югу и в 132 футах к востоку и западу. Противоположные стороны не совсем равны, и углы не прямые, хотя и почти. Высота занавеса около 40 футов; толщина западного занавеса 10 футов, остальных - 11 футов. Парапет был толщиной 3 фута, а задняя стена - 2 фута, оставляя для прохода 5-6 футов. Две западные башни круглые, диаметром 34 фута, три четверти их окружности выставлены наружу. Внутри стена ущелья заполняет угол соприкосновения занавесей и содержит входную дверь. Подвальная камера расположена ниже уровня внутреннего отделения и имеет круглую форму. Первый этаж, на уровне отделения, имеет многоугольную форму, как и два верхних этажа. Ни одна из них не имеет сводов, и в подвал нет ни петель, ни лестниц для доступа. Каждая из этих двух башен имеет лестничный колодец на стыке с западным занавесом, освещаемый пятью петлями, расположенными одна над другой в углублении между башней и занавесом снаружи. Лестница поднимается на 20 футов над башней в круглой башенке, укрепленной на небольших выступах. В каждой башенке есть дверь на крыше башни. Лестницы начинаются на первом этаже, на внутреннем дворе или вровень с ним, и выходят на каждый этаж, но не на крепостные стены занавеса. На верхнем этаже есть камин с вытяжками.

Снаружи эти башни возвышаются над землей без уклона или ограждения; однако две струнные дорожки отмечают уровень двух верхних этажей. Лестница разрушена, и верхние комнаты недоступны; но некоторые внешние петли указывают на существование двух ярусов небольших комнат (без сомнения, гардеробных) в северной и южной частях, где они соединяются с башнями. Более того, с внешней стороны каждой из этих завес, рядом с башней, находится широкий плоский контрфорс, выдвинутый для того, чтобы дать пространство и опору этим камерам и сдерживать выходящую из них канализационную шахту. Контрфорс на северной стене сделан из добротного тесаного дерева того же возраста, что и башня. На южной стене он грубой, некачественной работы, словно пристройка. Возможно, его перестроили. За северным занавесом, по-видимому, есть третья камера на более низком уровне. Сток здесь не виден; на южной стороне он открыт. Там, где эти башни

соприкасаются с дорожкой к валу, они загораживают ее; поэтому поперек угла проложено нечто вроде галереи на карнизах, и таким образом, как в Конвее, дорожка к валу продолжается.

Две восточные башни похожи на остальные по общим чертам и размерам, но отличаются в деталях. Их подвалы имеют одну петлю, ведущую к среднему отделению, а их первый этаж, на уровне внутреннего отделения, представляет собой неправильный пятиугольник в плане, один угол которого квадратный. Двери находятся в стене ущелья, но ведут не прямо в башню, а только на лестницу. В юго-восточной башне лестница поднимается по северной стене, изгибаясь вместе с ней, и разветвляется, правое ответвление ведет на второй этаж башни, откуда только по ловушке и нисходящей лестнице можно было попасть на первый этаж и в подвал. Этот этаж, как и все остальные, был деревянным, и от него, с западной стороны, начинается вторая лестница, которая, изгибаясь вместе со стеной и, кстати, имея небольшую гардеробную, поднимается к крепостным валам южного занавеса. Возвращаясь к нижней лестнице, ответвление слева выходит на внутреннюю сторону восточного занавеса и поднимается по узкой открытой лестнице, опирающейся на карнизы, через стену ущелья башни и вверх по внутренней стороне южного занавеса к его крепостным валам. На крышу и крепостные валы башни ведет внешняя лестница с крепостного вала восточного занавеса. Петля в углублении между стыком этой башни с южным занавесом отмечает место уже упомянутого гардероба. Над ним был второй, на зубчатой стене башни, а у основания стены - большой водосток с плоским верхом, спускающийся из этих двух. Юго-восточная башня носит имя Мортимера, юго-западная - Бронвен, прекрасногрудой, сестры Брана Благословенного.

В северо-восточной башне должников, или оружейников, есть дверь в ущелье, открывающаяся слева на лестницу-колодец диаметром 8 футов, которая поднимается только на второй этаж, откуда на первый этаж и в подвал можно попасть по ловушке и приставной лестнице. Второй этаж семисторонний, те, что ниже, цилиндрические. Как и в юго-восточной башне, отдельная лестница вела со второго этажа к бастиянам занавеса, и на этой изогнутой лестнице находится гардеробная, петля которой видна на стыке башни с северным занавесом, а также устье или вентиляционное отверстие на уровне земли. На крышу этой башни, как и на другую, со стен ведет внешняя лестница. Эти две башни, не имеющие лестниц-колодцев, ведущих на крышу, не имеют второстепенных башенок. То, что все эти четыре башни имели плоские крыши, довольно ясно из положения двух карнизов в каждой, очевидно предназначенных для крепления ударных балок или подкосов к одной главной балке, которая пересекала проем и, таким образом, была способна выдерживать большой вес.

Большая сторожка имеет ширину 80 футов и глубину 54 фута, кроме того, она имеет два полукруглых выступа спереди и две выступающие в три четверти лестничные башенки диаметром 24 фута по внешним углам задней части, первые по бокам от входа, вторые сообщаются с каждым этажом и крепостными валами. Входной проход, 54 фута в длину и 8 футов в ширину, сильно изуродован, но, похоже, имел внешний подъемный мост, две решетки, складные двери и решетку с внутренней стороны фасада. Входной портал имеет внутри себя "мачекуль", или *мертриер*, то есть отверстие из камеры наверху, а за ним опускающую решетку. Затем следует проход длиной 11 футов, пересеченный двумя ребрами, второй опускающей решеткой и порталной аркой, на которую опирается западная стена часовни. Затем следует другой проход, длиной 20 футов, в который ведут ворота, открывающиеся во внутренний двор, и пересекаемый пятью широкими ребрами, с четырьмя открытыми пространствами. В конце этого находится третья опускающая решетка, паз для

которой теперь закрыт наверху на уровне, слишком низком, чтобы позволить поднять решетку на высоту тележки, в то время как в арке вверху находится квадратное углубление, или “machecoule”. По-видимому, пока стена поднималась, было решено не использовать эти пазы, и отверстие предназначалось для того, чтобы заменить решетку в качестве защиты. За ним находится внутренний портал, который, как и внешний, не имеет уступа вместо двери. В передней части этого длинного входа, между двумя наружными решетками, находятся две петли от боковых лож, в которые входят две двери, расположенные ближе к внутреннему концу. Этот проход был перекрыт досками, которыми был покрыт пол в комнатах наверху, и которые опирались на каменные ребра. Здесь, как это часто бывает, паз опускной решетки заканчивается на высоте от 1 фута до 18 дюймов над дверным порогом, показывая, что шипы на нижнем конце решетки были именно такой длины. Этот длинный входной проход еще больше удлиняется за счет добавления двух неравных опор к его внутренней поверхности. Они представляют собой блоки каменной кладки толщиной 10 футов. В той, что находилась с южной стороны или слева, была дверь, из которой узкая лестница в два пролета поднималась на первый этаж. Пирс справа меньше по ширине и был всего лишь опорой для поддержки арки, которая соединяла их и содержала и продолжала входной проход, и на которой находилась площадка у начала лестницы.

Подвал сторожки находится на уровне земли. По обе стороны от прохода расположены две камеры, те, что спереди, занимают полукруглый выступ и соединены петлей с полем. В них можно попасть из комнат в задней части, которые имеют прямоугольную форму, с дверями в виде плеч, ведущими из коридора в колодец-лестницу. В северной камере есть камин в юго-восточном углу. Две южные камеры сообщаются через большую арку, северная - только через дверной проем. Есть также два верхних этажа, разделенных так же, как эти ниже, на которые можно подняться по двум большим лестницам-колодцам. Здесь есть просторные и красивые комнаты, по две на каждом этаже, с большими окнами на два света в западных или более просторных комнатах, и во всех есть камин с каменными вытяжками. Восточные комнаты внизу в плане представляют собой полукруги, а вверху - многоугольные. Между боковыми комнатами и над входным проходом расположены две узкие камеры, неравномерно разделенные поперечной стеной. Восточная часть - это молельня с маленьким заостренным восточным окном над входными воротами замка, а рядом с ней, в южной стене, находится писцина, которая находится на подоконнике небольшого окна, открывающегося в небольшую комнату с фресками, ризницу. В северной стене есть похожая комната, но без окна. В обе комнаты можно попасть из молельни. Как и в Йорке, Чепстоу и других местах, эта молельня служила также помещением с опускной решеткой, а пол был деревянным, с ловушками для прохода решеток при поднятии. Решетки были подвешены к своду наверху, как видно до сих пор. Другая, более крупная камера, расположенная над западной частью прохода, также имела деревянный пол. В нем было западное окно с двумя лампочками над внутренним порталом, а к северу от него - дверной проем с круглой головкой. Опускная решетка, если бы ее подняли, заблокировала бы этот вход, и поэтому, когда дверь открыли, она была остановлена. Мачекуль виден на подоконнике. В верхние покои нельзя попасть, но они кажутся похожими на нижние, а над первым находится вторая молельня с меньшим восточным окном — очень необычное расположение. Этот этаж сообщается с боковинами занавеса, и на стыке с каждой стороны находится фреска *garderobe*. С южной стороны лестница с фресками спускается в две комнаты на разных уровнях, обе расположены во внешней стене. С северной стороны расположение несколько иное. Там стенные гардеробные частично поддерживаются выступом на уровне первого этажа, выступающим под углом между сторожкой и занавеской снаружи, и вентиляционное отверстие, вероятно, находилось между выступами. Выше, на уровне крепостного вала, половину толщины стены занимает кладовая, одна сторона которой разрушена. Несколько

шахт дымохода собраны в центральную группу, каждая шахта имеет рельефную капитель с простым рулонным формованием.

Хозяйственные постройки располагались напротив занавеса с западной стороны внутреннего двора. Считается, что кухня находилась в северной части, включая в ее пределах подвал северо-западной башни. Однако более вероятно, что это была гостиная, расположенная между залом и часовней. Без сомнения, это был мрачный угол, но парадные комнаты, очевидно, находились в сторожке у ворот. Кухня вряд ли изначально была спроектирована между залом и часовней. Поперечная стена, все еще сохранившаяся, но выглядящая либо современной, либо перестроенной, образовывала северный конец зала, а в нишах западной стены занавеса находились косозубые балки его открытой крыши. В этой стене сохранились остатки большого камина, от которого не осталось вытяжки, а нижняя часть недавно была восстановлена. По обе стороны разбиты проемы для двух окон, а в стене, у ее южного конца, дверь с сегментарной головкой, ныне замурованная, но, очевидно, задняя. Рядом с этим также есть два маленьких окна, одно из которых, кажется, освещает галерею, а другое - пространство под ней. В расположении галереи сомнений быть не может, но стена за ней, образующая южный конец зала, и теперь убранный, не имела соединения ни с занавесом, ни с восточной стеной. Большая часть восточной стены, внутренней стены зала, исчезла. Зал был шириной 30 футов. Крыша, по-видимому, была высокой, и часть ее водосточного желоба сохранилась вдоль западной стены. На полу, в северо-западном углу зала, была построена большая каменная печь, облицовка которой сильно обгорела. Вероятно, его вставили, когда замок использовался как тюрьма.

К югу от зала находится значительное пространство, простирающееся до стены ущелья башни Бронвен, и в восточной стене этого пространства сохранились остатки двери и двух окон. Вероятно, кухня находилась здесь, в задней части галереи, и что за рядом карнизов снаружи восточной стены к ней и рядом с ней была пристроена пристройка; у южной стены находится прямоугольная яма, подземный этаж какого-то здания, ныне снесенного. Если кухня находилась в этом конце, то камин в холле находился немного ниже помоста, что было весьма вероятным положением.

Часовня, более позднее здание, располагалась у северной стены. Сохранились ее восточная стена и стрельчатое окно. Южной стены нет. В центре северного занавеса находится дверной проем с сегментарной аркой, очевидно, задний, почти противоположный дверному проему средней палаты. Он сильно изуродован, и, похоже, на нем не было опускной решетки. Стена к востоку от него прорезана тремя петлями на высоте 4 футов над уровнем земли. К западу от задней двери была по крайней мере одна петля. Колодец находился в северо-восточном углу двора. Недавно его открыли несколькими футами ниже.

В *Средней палате* мало что интересного. С северной стороны он имеет ширину 15 футов, и, следовательно, между двумя его кольцами, на расстоянии 10 футов друг от друга, открывался задний ход шириной 8 футов, ныне замурованный. На западном фасаде палата имеет ширину 27 футов и образует величественную террасу с видом на море, откуда открывается вид на подход со стороны водных ворот. В холле были окна, выходящие в эту сторону, и за ним открывался задний вход в холл. Ближе к южному концу несколько ступеней спускались примерно на 10 футов в юго-западный бастион. Вероятно, здесь была поперечная стена с дверным проемом. Поворачивая за юго-западный угол, земля снова поднимается к двери в стене, которая пересекает южную террасу у ее западного конца. На этой стороне стены есть центральный полукруглый бастион, на сломанном парапете которого видны следы петли и гардеробной. На оставшейся, или восточной, стороне находится большой вход. Здесь ворота, венчающие невысокий выступ, обрамлены двумя кругляшами. Портал разрушен, и

сейчас непонятно, как он был соединен с внутренней сторожкой. Вероятно, небольшое расстояние между ними было изогнуто и имело боковые дверные проемы в среднюю палату. От внутренних ворот к мосту вели двадцать ступенек, так что ни одна лошадь или экипаж не могли въехать этим путем.

Оборонительными сооружениями за средней защитой являются ров, внешняя защита, а также водные ворота и проход. Ров прикрывает только восток и юг, две стороны, обращенные к суше. Он добыт в скале, имеет около 60 футов в ширину и 20 футов в глубину, с вертикальными бортами. Его уступ - это облицовочная стена среднего прихода, а контрэскарп, где была разбита скала, также облицован каменной кладкой. Ров с обоих концов выходит на пологую поверхность скалы. Через него к главному входу вел мост, на котором, как говорят, было два прохода с подъемными мостами. Теперь все это превратилось в сплошную дамбу.

Хотя замок стоит на скальном выступе, между его стеной и настоящим утесом, в котором скала заканчивается внизу, есть разбитое пространство для стеллажей, и именно это пространство, лежащее к западу и северу, было огорожено как внешняя защита, внутренняя стена которой венчает утес и при необходимости поддерживается облицовкой. Эта внешняя стена начинается под северо-восточным бастионом среднего квартала, откуда дверь со ступенями, по-видимому, вела вниз примерно на 10 футов к его крепостным валам. В этом месте это очень прочная стена, высотой около 14 футов, с парапетом на западной стороне, защищающая таким образом ров и главный мост от врага, который может овладеть внешней защитой и быть готов обойти восточный фланг. Однако вполне вероятно, что стена имела двойной парапет, поскольку ниже, там, где стена обращена на север, парапет находится с этой стороны. Рядом с бастионом, по-видимому, в этой стене была дверь, ведущая из внешнего двора во ров. Ниже, там, где стена стоит на утесе, она тоньше и местами сильно откололась. Еще ниже он более совершенен и гораздо прочнее, и там, где он огибает северо-западный угол скалы, напротив железнодорожной станции, он большой толщины и имеет крепостную стену и парапет в сторону моря, над уровнем которого он находится примерно на 30 футов; недалеко от этого места находятся нижние водяные ворота, обычный задний ход, в небольшом прямоугольном уступе в стене. Дорога длиной около 5 или 6 ярдов, вырубленная в скале, поднимается из болота на 10 или 12 футов, и на ней, перед порталом, был подъемный мост с ямой глубиной 12 футов, а внутри портала короткий проход с выступом, закрытый, по-видимому, дверью, но без какой-либо опускной решетки. За этим пролет открытой лестницы, вделанной в занавес, вел к укрепленной платформе над воротами. От нижних ворот дорога ведет вверх по довольно крутому проходу, образованному частично за счет использования уступа, а частично за счет добычи камня в карьере, внешняя сторона которого защищена стеной высотой от 8 до 10 футов и толщиной от 2 до 3 футов, с петлями примерно через каждые 20 футов. Поскольку внутренняя сторона проезжей части представляет собой неровную поверхность утеса, она сильно варьируется в ширину - от 6 до 12 футов и более. Эта дорога, постоянно поднимающаяся, таким образом, охватывает всю обращенную к морю поверхность замковой скалы и на высоте около 70 или 80 футов заканчивается у средних ворот, которые находятся примерно на 20 футов ниже основания юго-западного бастиона среднего квартала. Здесь выступ в скале занят второй сторожкой, укрепленной так же, как и первая, с подъемным мостом и глубокой ямой, которая внизу имеет две арки, одну для отвода воды из ямы, а другую, которая может быть просто для поддержки боковой стены сторожки, но которая также может быть канализационным стоком из замка. За этими воротами находится платформа, которая подпирает стену прохода внизу, в то время как над воротами и внутри них находится широкий бастион, откуда начинается

второй проход. В этом месте конец главного рва находится прямо под стеной бастиона, и к нему вела маленькая дверь и несколько ступенек, которых сейчас нет.

Теперь дорога делает полный поворот и начинается новый вираж, который поднимается гораздо более плавно, чем тот, что внизу. Находясь на одном уровне с серединой фасада замка, он опирается на подпорную стену и две небольшие квадратные контрфорсы или башенки-контрфорсы, следы которых видны на выступе скалы. Проходя мимо них, там, где дорога выходит напротив северо-западного бастиона среднего квартала, ее пересекали стена и дверной проем, от которых сохранились следы, разделявшие внешний квартал на две части. Выше этого прохода дорога поворачивала на восток и поднималась к центру северного фасада, где доходила до задней части среднего квартала и там заканчивалась.

Вот и все сооружения, относящиеся к замку, но в нескольких ярдах к северу от скалы была прорублена крутая дорога, по которой людей и лошадей можно было вести от пристани замка к деревне, не заходя в *оцепление*, хотя с него и можно было подняться.

Никто, знакомый с Кэрфилли, не может посетить Харлеч, не заметив близкого сходства между двумя замками в том, что касается планировки внутренних и средних помещений. Прямоугольный или почти прямоугольный двор, отсутствие крепости, барабанные башни, венчающие четыре угла, общий характер сторожки и ее расположение в центре одной стороны, а также хозяйственные постройки, расположенные у стены внутреннего двора, являются общими для обоих. В каждом также есть сторожка, которая является главной особенностью здания. Кроме того, следует отметить чрезмерную узость средней палаты, ее облицовку, делающую ненужным нечто большее, чем парапет, ее тонкую и второстепенную сторожку, а также боковое заднее отверстие, ведущее прямо через обе палаты. Поскольку Харлечу не нужны были ни внешние укрепления и ворота Кэрфилли, ни водные ворота Кэрфилли в Харлече, на этом сходство заканчивается, но оно таково, что оправдывает вывод о том, что Генри Элфретонский, который был архитектором Харлеча, изучал Кэрфилли, если на самом деле он не был также и его архитектором.

Оборона Харлеча, похоже, рассчитана на защиту от неожиданности со стороны валлийцев, которые, вероятно, были столь же активны, сколь и бесстрашны. Отсюда очень высокие завесы, длинный входной мост, поднимающиеся ступени к главному входу и размеры среднего квартала, слишком узкого, чтобы позволить сколь-нибудь значительному отряду людей расположиться там для атаки на внутренний квартал, а также водяные ворота и крытый путь, при строительстве которых естественная прочность скалы была увеличена за счет использования различных наблюдательных точек. Был ли во времена правления Эдуарда I. Морфа Харлех чем-то большим, чем болото, - это вопрос, который предстоит решить геологу; но либо из-за мелководья, либо из-за канала, прорезанного через низину, кажется несомненным, что при планировании замка Эдуард рассчитывал добраться до него через квартал, совершенно независимый от валлийцев.

Хотя общий план Харлеча, очевидно, является работой одного ума и его выполнение в целом относится к одной дате, в работе есть некоторые моменты, которые показывают, что были внесены изменения и дополнения, затрагивающие не общий план, а определенные его части. Очевидно, что части занавеса были утолщены примерно на 2 фута — северная и южная стены за счет пристроек внутри; западная - снаружи. Также это утолщение, по-видимому, было решено, когда стены были высотой 30 футов, поскольку выше этого уровня они имеют одинаковую массу и дату постройки. Внешняя лестница на внутренней стороне большой сторожки ворот также была придумана позже, и дверной проем в ее начале явно изначально не был предусмотрен. Кроме того, шесть окон на фасаде сторожки на двух

верхних этажах были уменьшены в высоту за счет установки сегментарной арки на 2-3 фута ниже первоначального выступа; но рисунок тот же, и каменная кладка, заполняющая пространство, кажется, датируется окном или очень близко к нему. Эти окна имеют своеобразный узор. Два их фонаря украшены трилистниками; в шпандрелях также прорезаны трилистники. Лепнина вогнутая, а одна представляет собой небольшую впадину, как в раннем перпендикулярном стиле. Однако они должны быть оригинальными.

Из этих изменений, по-видимому, следует вывод, что Эдуард посетил замок, когда работы были далеко продвинуты и были построены холл, сторожка у ворот и нижняя часть северной, южной и западной штор. Занавес над воротами, вероятно, всегда предназначался для того, чтобы быть на его нынешней высоте, как в Кэрфилли. Он приказал утолщить остальные три занавеса и поднять их на всю высоту занавеса надвратной башни; повинувшись этому приказу, утолщение было применено там, где это было возможно, изнутри, но там, где этому препятствовал холл, - снаружи. Верхняя часть стен, возведенных таким образом, была бы, конечно, однотонной и цельной. В то же время было решено сделать комнаты на верхних этажах сторожки государственными; и поскольку пути наверх по лестницам-колодцам были сочтены неподходящими, была построена новая, более прямая лестница, а в стене открылась новая дверь. Часовня во внутреннем дворе, по-видимому, была пристроена еще позже.

Характер кладки повсюду чрезвычайно грубый, как будто выполненный наспех. Это щебень, и некоторые из них действительно очень некачественный. Башни сделаны гораздо лучше, чем занавесы. Камни крупнее, а их промежутки заполнены с большей тщательностью. Ясень очень хорош, но используется редко и используется только для облицовки, оконных наличников, вытяжек и днищ каминов, а также нескольких наиболее важных дверных проемов. Обычные двери представляют собой простые проемы в стенах, без фальцев или фаски, с грубыми выступами на плечах; а канализационные отверстия, видимые под гардеробными, имеют просто длинные камни вместо перемычек. Каменная кладка крытого хода и водяных ворот также очень плохая, и, как следствие, большая часть боковой стены отошла от скалы.

Башенки сторожки и двух западных башен имеют парапеты, выступающие на выступ около 6 дюймов. Нет никаких следов отверстий для решеток; но на внешней стороне этих двух башен отверстия для кладки бревен расположены по спирали, восходящей с востока на север. В северо-западной башне, на ее восточной стороне, на высоте старого занавеса, находится ряд круглых отверстий примерно в футах друг от друга, и с этого уровня начинается спираль. Совершенно ясно, что, построив завесу, каменщики выкинули здесь платформу, и что здесь начинался спиральный виток, по которому поднимались материалы для верхней части башни. Башня Куси была возведена таким же образом. Во всем здании наблюдается поразительное отсутствие сводов. Он был ограничен молельней и частями входного прохода.

Приведенный здесь вид с высоты птичьего полета сделан с восточной, или обращенной к суше, стороны и показывает вход с его большой сторожкой, здесь, как и в Кэрфилли, пересекающий и закрывающий узкий внешний двор. Также показана северная задняя дверь.

Замок, похоже, избежал обычного демонтажа, последовавшего за гражданскими войнами, и ни одна его часть не была взорвана. Однако местные жители свободно использовали его в качестве каменоломни; и вместе с его железом и древесиной большая часть тесаного камня была грубо оторвана и украдена. Существует весьма мало свидетельств о каких-либо

существенных дополнениях или изменениях в работе Эдуарда I., что является странным, учитывая, что это место долгое время было резиденцией суда присяжных, и судьи селились здесь. Тогда это тоже была тюрьма, и окна были забраны тяжелыми решетками, прутья которых образовывали неглубокие клетки перед окнами, как в некоторых итальянских дворцах. Все более поздние работы, применявшиеся для устройства судебных или тюремных учреждений, либо обвалились, либо были убраны. Карьер, в котором был построен замок, указан на склоне холма, недалеко к юго-востоку. Хотя нынешний замок, безусловно, не старше правления Эдуарда I. Вероятно, около 1280 года, валлийцы утверждают, что были основателями более древней крепости на том же месте, названной ими Кэр Голлуин, по имени Коллвина аб Тангно, валлийского вождя, жившего в 877 году нашей эры. Возможно, столь привлекательное место могло быть занято лагерем; но все, что мы сейчас видим, будь то земляные укрепления или каменная кладка, очевидно, не старше тринадцатого века. Говорят, что в 1404 году замок был взят Оуэном Глиндуром; а Маргарита Анжуйская была приючена здесь в 1460 году, в память об этом событии юго-восточная башня некоторое время носила ее имя. Кажется, нет никакого подробного отчета об осаде 1468 года, когда губернатором был Дэффидд аб Иеван аб Эйнион, тот самый, который принимал королеву Маргарет и который хвастался, что как он владел замком во Франции до тех пор, пока о нем не услышали все старухи Уэльса, так и он будет сохранять свое уэльское доверие до тех пор, пока оно не станет столь же хорошо известно во Франции. Похоже, он выполнил свое обещание, выдержав долгую осаду и, наконец, уступив на почетных условиях сэру Ричарду Герберту, командующему войсками Эдуарда IV. Харлех удерживался Карлом I. и сдался по договору генералу Миттону в 1647 году. Герб округа представляет собой замок с тремя башнями, но дизайн, очевидно, традиционный. Первым констеблем был Хью де Вонкслоу, назначенный около 1283 года Эдуардом I.; последним был покойный У. У. Э. Уинн, эсквайр из Пеннарта, столь же хороший человек, сколь и выдающийся антиквар.

ЗАМОК ГАСТИНГС, САССЕКС.

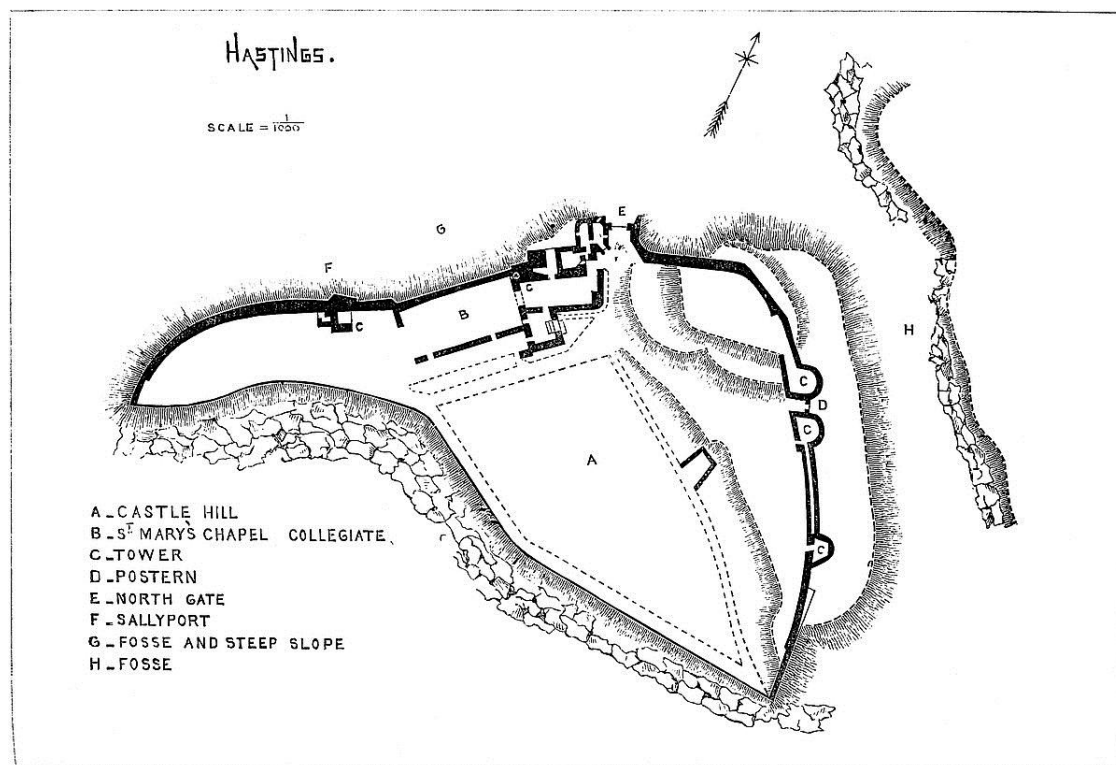
Грабеж Гастингса - самая восточная из шести частей графства Сассекс, которая, как предполагается, получила свое несколько своеобразное название из-за раннего заселения округа эмигрантами из Ютландии. Похищение Гастингса, вероятно, названо так из-за его главного города, который также был резиденцией его лордов как до, так и после Нормандского завоевания. Как и у других случаев изнасилования, у него были своя река и свой лес, свой замок и своя крепость, которые часто почитались за Честь. Река Ротер является общей границей Кента и Сассекса и впадает в море в районе Рая. Лес, давно лишенный лесов и огороженный, представлен частыми участками редколесья, разбросанными по наименее плодородным частям округа, и многочисленными лесопарками, которыми он характеризуется. Когда-то в городе был небольшой порт, ныне заросший илом. Он располагался в устье ручья, который до сих пор приносит свою незначительную дань, протекая у подножия замковой горы к западу от нее.

Происхождение и этимология фамилии Гастингс теряются в неизвестности. Это настолько необычно, что предполагалось, что оно произошло от Хэстена, знаменитого пирата и датского викинга, наводнившего южное побережье Англии и долину Сены в девятом веке, — периода, когда воины северного происхождения давали свои названия своим владениям,

вместо того, чтобы, как их потомки двумя столетиями позже, изменить эту практику. М-р Лоуэр, знакомый с топографией Сассекса, предположил, что небольшой ручей Астен, расположенный в нескольких милях к западу от Гастингса, может играть определенную роль в его этимологии, и что Хастинг, или Хэстен-Честер по-английски, возможно, находился на его берегу. Он также считался резиденцией Гастингсов, племени, которое, как говорят, подверглось войне со стороны Оффы Мерсийского в 792 году. Другим не менее интересным моментом, связанным с этим местом, является тот факт, что оно дало название древней семье, которая давным-давно носила титул Пембрук и до сих пор носит титул Хантингдон.

Замок занимает узкую, острую и очень крутую оконечность хребта формации Уилден, которая здесь резко обрывается к морю на высоте около 180 футов над берегом и, кажется, предназначена природой для обороны. Хребет представляет собой отрог хребта более крупного и возвышенного характера, который простирается от возвышенности Баттл, у Руда, на юго-восток к морю, и имеет к западу и югу от себя большой участок неровной и очень плодородной живописной земли, известной как хмелевые сады Сассекса, и в пределах которой находятся хорошо известные поселения Херстмонсо, Эшбернхэм, Баттл и Кроухерст, - участок, который представляет собой открытую границу со стороны моря примерно в двадцати двух милях от Гастингса до болота Певенси, защищенную в древности хмелевыми садами. два замка с такими названиями, а совсем недавно - двадцать или тридцать башен мартелло, которым наши отцы три четверти века назад оказали дорогостоящее доверие.

Гастингс.

1. ЗАМКОВАЯ ГОРА
2. ST КОЛЛЕДЖ ЧАСОВНИ МАРИИ
3. БАШНЯ
4. ЗАДНИЙ ВХОД
5. СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА
6. САЛЛИПОРТ

7. POB И КРУТОЙ СКЛОН

8. FOSSE

Горный хребет и мыс Гастингс остаются незагроможденными современными зданиями и заняты только замком и его пристройками. Старая часть города с ее двумя приходскими церквями Святого Климента и Всех Святых занимает глубокую долину к востоку от замка, в то время как вокруг выступа скалы остатки старого порта были заменены новым городом, модным местом отдыха на воде. Большая часть этого города находится в приходе Святой Марии де Кастро, приходская церковь была часовней замка и коллегиальной. Город, похоже, был частично обнесен стеной и, безусловно, имел четыре ворот. Гастингс, хотя сейчас и не предоставляет возможности для судоходства, все еще является портом чинкве, и о его древности свидетельствует тот факт, что в 1229 году Сифорд, Певенси, Булверхит, Хидни, Айэм, Биксборн, Гринхит и Нортхай входили в его состав, а *тамкуам мембра* были Рай и Уинчелси.

Замок состоит из двух укреплений, разделенных огромным рвом, прорубленным в скале из песчаника примерно на 400 футов поперек хребта, шириной 60 футов и глубиной 30-40 футов. Внутренний двор находится к западу от этого рва, между ним и оконечностью мыса. Внешняя защита находится на востоке и снова защищена внешним и значительным, хотя и менее четко очерченным рвом большей длины, чем первый, и также пересекающим горный хребет. Был также еще один ров, вырубленный в виде своего рода ступени на крутом северном склоне и охватывавший эту сторону местности и предназначавшийся главным образом для обороны внутреннего рубежа. Между восточным концом этого рва и северным концом большого поперечного рва находился первоначальный вход во внутренний двор, подход к которому вел по крутому северо-западному склону скалы.

The *Внутреннее отделение* на рисунке представляет собой почти прямоугольный треугольник площадью около 1½ акров, северная сторона 154 ярда, а восточная сторона 87 ярдов в длину, в то время как гипотенуза изгибается внутрь, уменьшая ширину отделения в одной точке до 16 ярдов. Утес, образующий границу, был либо обрывист, либо обвалился, так что в настоящее время он обрывистый, а его поверхность залатана современной каменной кладкой. Говорят, что эта сторона когда-то была прямой и была срезана, чтобы освободить место для газового завода и серповидных домов внизу, чтобы уменьшить площадь замка. Возможно, это так, но вторжение не могло быть значительным. Стена для обороны на этом фронте никогда бы не понадобилась: вероятно, это был всего лишь низкий парапет.

Вдоль северного фасада местность, хотя и очень крутая, не является абсолютно обрывистой, а вдоль гребня склона находятся остатки навесной стены толщиной от 6 до 9 футов и местами высотой от 20 до 30 футов. На этой стене находится прямоугольная башня размером примерно 12 на 20 футов, имеющая цокольный и верхний этажи, в которых находятся части трех окон нормандской постройки. Говорят, что с этой башней связаны следы небольшого заднего хода, и, несомненно, здесь есть настенный проход длиной 18 футов, заканчивающийся гардеробной. К востоку от этой башни находится квадратная у основания башенка, но вверху она, по-видимому, была цилиндрической формы. В ней есть лестница-колодец, соединенная с часовней. Стена продолжается по восточному фасаду до самого утеса. Под углом ее высота по-прежнему составляет от 20 до 25 футов, но в дальнейшем она уменьшилась до 10 футов. На этом фасаде, выходящем на ров, находятся основания трех полукруглых башен-контрфорсов диаметром 20 футов. Их первые этажи были сводчатыми; все, что выше, убрано. Между двумя самыми северными из них до сих пор видны косяки ворот в эдвардианском стиле, открывающиеся на 9 футов, с квадратным пазом для опускаемой

решетки и перекладинами для двери сразу за ней. В этой части занавеса сохранились остатки нескольких ячеек фрески. Ворота, должно быть, сообщались с внешним кварталом мостом через ров, вероятно, деревянным, поскольку в скале нет следов каменной кладки. Этот вход сейчас не используется, а используемый находится на северной стороне между башней часовни и северо-восточным углом, защищенный поздней башней площадью около 20 квадратных футов с очень тонкими стенами и фланкирующей стеной, тоже небольшой, выступающей примерно на 20 футов. Считается, что это были первоначальные ворота прихода, и, возможно, так оно и было, хотя другой вход между двумя фланговыми полукруглыми башнями в настоящее время больше похож на главный вход.

Восточная, естественно, самая слабая сторона внутренней стены дополнительно защищена широкой искусственной насыпью или земляным откосом шириной от 20 до 30 футов и высотой от 8 до 10 футов, насыпанным с обратной стороны стены, которая, по сути, является облицовкой. В северо-восточном углу прихода этот берег расширяется в холм высотой около 20 футов над внутренней территорией. Занавес пересекает этот холм, около двух третей которого находится в пределах его окружности.

Без сомнения, этот холм был оплотом английской крепости, а берег и ров - ее основными оборонительными сооружениями со стороны суши, но, за исключением занавеса, на нем нет следов какой-либо каменной кладки, и нормандский замок, по-видимому, не был снабжен какой-либо регулярной крепостью, будь то раковинной или прямоугольной формы. Вероятно, как и в Эксетере, весь внутренний двор был крепостью.

В настоящее время в замке не сохранилось следов холла, кухни или обычных жилых помещений, но у северной стены находятся остатки часовни, или, скорее, свободной коллегиальной церкви, состоящей из нефа и алтаря. Неф имел размеры 30 на 64 фута, занавес образовывал северную стену. Похоже, что здесь была западная дверь и одна или, возможно, две южные двери. В его восточном конце красивая остроконечная арка открывалась в алтарь и до сих пор остается очень совершенной. Косяки квадратные, углы заменены изящными стержнями, зацепленными на четверть, с заглушками и основаниями нормандского типа. Счеты представляют собой часть литой струны, а арка, хотя и квадратного сечения, как в нормандском стиле, богато отлита. Центральным элементом арки является рельефное ребро, выступающее из двух кронштейнов или карнизов, вырезанных в листе. Общий характер всего очень поздненормандский, переходящий в раннеанглийский. В северной стене, на ее восточном конце, находятся остатки арок трех сиделий, а ближе к середине стены, в качестве своего рода контрфорса, находится писцина, вероятно, перпендикулярная вставка. Рядом с северо-западным углом находится цилиндрическое основание купели. В восточной стене, по обе стороны от арки алтаря, находятся дверные проемы с плоским верхом грубой работы, как будто предназначенные для того, чтобы быть скрытыми портьерами. Северная дверь ведет на лестничный колодец башни, южная - в ризницу.

Алтарь был примерно 18 футов в ширину и 28 футов в длину. От его стен сохранилось лишь несколько следов. С северной стороны она сообщалась с небольшой комнатой, возможно, гардеробной, а с южной - с ризницей. Ризница, называемая также капитулом, представляет собой небольшое, почти квадратное помещение размером 12 на 15 футов, с простой нормандской нишей в восточной стене и косяками двери, очевидно нормандской, открывающейся в нечто вроде пристройки, опирающейся на южную стену нефа. Самого монастыря больше нет, но в стене нефа сохранились следы аркады. Здесь находятся три могилы, окруженные каменными глыбами, расположенными по краям, и сильно потертая *дощатая* крышка гроба. Ширина нефа достаточна для одного пролета, но если там и были

проходы, то их должно было быть два, поскольку арки были центральными и в этом случае очень узкими даже для нормандской церкви. Пол алтаря находится на три ступени выше пола нефа.

Навесная стена вдоль северного фасада и над курганом, по-видимому, датируется нормандией, как и большая часть восточной стены; но ее башни-контрфорсы и ворота, вероятно, являются вставками времен правления Генриха III. или Эдуард. Часовня может быть более поздней, чем северная стена, вероятно, времен правления Генриха II. или Джона.

Старая часть кладки представляет собой обкатанный щебень с редкими галечниками, облицованный массивным ясенем с открытыми швами, блоки грубо обработаны. В одной части, рядом с церковью, есть небольшая поделка из селедочной кости, хотя, вероятно, не старше, чем все остальные, если вообще такая древняя. Куойны и украшения витрин, там, где они сохранились, сделаны из хорошего тесаного дерева. Собраны и сложены в кучи различные фрагменты ограненного камня; из них несколько поздненормандских, несколько хороших раннеанглийских, некоторые перпендикулярные. В городе был обнаружен поздненормандский склеп.

Можно усомниться в том, что Вильгельм или его приближенные, граф Эу или де Тильоль, добавили защитные сооружения в каменной кладке к уже существующим сооружениям. По крайней мере, нет никаких свидетельств того, что они это делали, и самая древняя каменная кладка, которую мы сейчас видим, определенно относится к не очень раннему норманнскому периоду, хотя и слишком раннему, чтобы дать время для разрушения какой-либо предыдущей каменной кладке того же архитектурного периода.

Часовня, вероятно, была основана во времена правления Генриха I. И хотя замок был возведен и некоторое время находился под властью короны могущественных графов Ю, он никогда не был большой баронской резиденцией, поскольку в этом отношении намного уступал Арунделу или Льюису, а, вероятно, использовался только как надежный, хотя и небольшой пост для прикрытия отправок в Нормандию или высадки из нее.

The Внешняя защита находится между внутренней и внешней линиями рва; внутри последней находится значительный земляной вал, который поднимается под северо-восточным углом и продолжается через северный конец, что, естественно, является самой слабой частью ограждения. Не указано, где находился вход в это отделение, но, возможно, недалеко от юго-восточного угла. Здесь нет следов каменной кладки, так что защита внешней стены, возможно, представляла собой всего лишь частокол.

Исходя из расположения этой крепости, наиболее вероятно, что, как и Дувр, первоначально она могла быть британским сооружением, поскольку укрепления, включая мыс и южные рвы, были укреплениями с суши. Однако насыпь, расположенная под углом к внутренней стене, на берегу и прикрывающая подход, почти наверняка является более поздней и, без сомнения, английской работой.

Каким бы ни было происхождение Гастингса как оборонительного сооружения, его известная история начинается ближе к концу VI-началу VIII веков, во времена Оффы и Ательстана, когда это было довольно значимое место и в нем находился монетный двор. Монеты, действительно, чеканились здесь еще во времена правления Генриха I.

Окончание "ceaster", которое он тогда носил, показывает, что он был укреплен. Ближе к середине одиннадцатого века он был разграблен датчанами, а ближе к середине того же столетия именно жители Гастингса после убийства Беорна Свегеном захватили его корабли и

убили его сообщников в убийстве, хотя самому Свегену удалось спастись бегством. Гастингс также сыграл свою роль в Нормандском завоевании, хотя в народе его не называли местом битвы. Уильям высадился в Певенси, а оттуда быстро двинулся в Гастингс в поисках продовольствия. Там Одо из Байе, как один из его лейтенантов, приказал построить крепость, “*ut foderetur castellum*”, и оттуда, согласно тому же источнику, “гобелену Байе”, Вильгельм выступил против Гарольда. Нам рассказывают, что Уильям, добравшись до порта, выбрал подходящее место и быстро укрепил его, построив деревянный замок, “*ligneum castellum*”. Мы должны предположить, что это замена или реставрация того, что стояло на старом месте. Вряд ли это был частокол на низине под замковой скалой. Затем он поручил Хамфри де Тиллиолу, шурина Хью де Грантманила, выполнять его приказы: “*qui Hastings a prima die constructionis ad custodiendum suscepit*.” Описание Уэйса больше применимо к Гастингсу, чем к Певенси, который уже был обнесен стеной: -

“Un chastel ì ont fermé

De bretesches è de fossé.”

Занятие де Тиллиоля ограничивалось строительством или восстановлением оборонительных сооружений: замок и кастельри, поместье и превосходство во всем Раппе были дарованы Вильгельмом Роберту, графу Эу, одному из самых могущественных его нормандских приверженцев. Это пожалование кастельри зафиксировано в книге “Судный день”, а кастельри предполагает существование замка. Графы Ес владели им в течение пяти поколений по мужской линии. Несомненно, либо граф Уильям, унаследовавший престол в 1090 году, либо граф Генри, умерший в 1139 году, выполнили какие-то работы по каменной кладке в замке, - вероятно, стена *ограды*, большая часть которой сохранилась до сих пор. Либо первый, либо второй графы основали в замке бесплатную часовню и колледж со своим деканом и светскими канонами, и к этому Генрих, третий граф, добавил значительное пожертвование по хартии в правление Генриха I. Колледж пережил замок и процветал, когда тот превратился в руины. Томас Бекет возглавлял деканат, а Уильям Уайкемский - один из пребендов. Колледж просуществовал до 38 года правления Генриха VIII, когда он был распущен, а имущество отчуждено сэру Энтони Брауну. После исчезновения графства Ес покровительство перешло к короне. Хартия графа Генри зачитывается в конфирмации 22 Эдуарда I.

В 1088 году замок, вероятно, был укреплен, поскольку Уильям Сент-Кале, епископ Дарема, хвастался, что он обеспечил Гастингс для Уильяма Руфуса. Это было место сбора мощной военной силы, с которой этот король предполагал вторгнуться в Нормандию. В то время Ансельм и многие епископы и бароны находились в замке и его окрестностях и были задержаны там с Сретения Господня в 1094 году на шесть недель встречными ветрами, в течение которых король присутствовал на завершении строительства и освящении Баттл-аббатства своего отца. Сразу после этого Роберт Блут был рукоположен в епископа Линкольнского в часовне замка, и здесь же епископ Герберт Тетфордский был лишен своего престола. Именно в замке Гастингс по этому случаю Руфус снова отказался прислушаться к разумным увещаниям Ансельма, который не позволил ему отправиться в свой нормандский поход. Графы Ю, отнюдь не всегда верные вассалы английской короны, похоже, в последнее время пренебрегли замком, который уступал Певенси в качестве места сбора войск и приобрел лишь умеренную ценность. Генрих, пятый граф, умерший в правление Ричарда I. У него осталась единственная дочь Алиса, которая вышла замуж за Ральфа де Эссудена, который по праву стал графом Эу и так умер в 1211 году. Их сын Уильям решил стать подданным Франции, и 29 декабря Генрих III передал свои владения в Англии короне и передал их принцу Эдуарду. Еще в 1227 году король Генрих разрешил Роберту де

Обевиллю 10 марок, половину своего жалованья, в качестве зрителя замка. Колледж был оставлен Генрихом в его собственных руках. В 5 веке Эдуарда III декан и каноники подали прошение о восстановлении стены замка, поскольку она была повреждена морем. В 1372 году замок был передан Джону Гонту, а в правление Ричарда II. это были руины, и, вероятно, так и осталось. Ранняя английская работа, особенно связанная с часовней, вероятно, была выполнена Генрихом III. при приобретении им баронства.

Генрихом IV. замок был передан Рейфу Невиллу, графу Уэстморленду, с возвратом к сэру Джону Пелхэму, который снова передал его в 1412 году сэру Томасу Ху, получившему титул барона Ху и Гастингса в 1447 году. Он умер, не оставив потомства мужского пола, около 1453 года. Родственники сэра Томаса продали замок и другую собственность в 1461 году сэру Уильяму Гастингсу, который в том же году был вызван в парламент в качестве лорда Гастингса Гастингского. Его потомок Генри, граф Хантингдон, продал замок и его пристройки в 1591 году сэру Томасу Пелхэму, потомку которого, ныне графу Чичестеру, они по-прежнему принадлежат. Тем, кто желает досконально понять позицию Гастингса в отношении высадки, первых передвижений и последующего продвижения герцога Вильгельма по английской земле, не мешало бы обратиться к очень ясному и весьма оригинальному отчету о битве при Сенлаке, приведенному в “Истории завоеваний” мистера Фримена.

ЗАМОК ХАВАРДЕН, ФЛИНТШИР.

Сотня Атискросса, в которой Хаварден является важным приходом, в Domesday включена в графство Честер; и в этой Сотне, как и во многих частях границы с Уэльсом, саксы, как хорошо известно из истории и все еще очевидно из преобладающих названий мест, утвердились рано и в большом количестве. Но хотя власть графов Честерских и совершенно саксонизированный полуостров Западный Честер давали захватчикам надежную власть над открытой местностью на западном берегу Ди, их господство оспаривалось на более возвышенных и пересеченных землях, и хотя такие названия, как Хоуп, Нортон, Холиуэлл, Уитфорд, Ньюмаркет, Соутон и Райден, показывают, что у них были поселения в центральной и северной частях Флинтшира, присутствие еще большего числа валлийских имен показывает, что их оккупация активно оспаривалась и была обратной безопасной. .

Продолжительность и ожесточенность борьбы также становятся очевидными по количеству и размаху различных военных земляных работ, которые все еще привлекают внимание. Те из них, что расположены на вершинах холмов, имеют неправильную форму и носят валлийские названия, могут быть с уверенностью отнесены к валлийцам; в то время как те, что английского происхождения, обычно на более доступной местности, имеют тенденцию к круглой форме, а в некоторых очень заметных случаях характеризуются насыпью или *моттом*.

Хаварден, Хаордайн Судного дня, по-валлийски называемый “Пенард Халавг”, что, как говорят, означает “крутая вершина болота”, является, как следует из его названия, саксонским поселением, и его крепость, сохранившаяся так долго, в значительной степени отражает черты хорошо известного класса земляных сооружений, встречающихся как в Англии, так и в Нормандии. Приход, занимающий около 16 000 акров, занимает восточную, или английскую, оконечность первой возвышенности, возвышающейся к западу от реки Ди. Он включает в себя начало лесистого хребта, который проходит некоторое время

параллельно устью реки, а затем уходит вглубь страны и теряется в более высокой местности вокруг Нортоба.

Замок стоит на юго-западной оконечности значительной площади ровного газона, на котором позже построен дом Хавардена, и который, с оврагом, ограничивающим его с юга и запада, включен в парк.

Земля, занимаемая замком и его земляными укреплениями, охватывает неправильной формы круг диаметром около 150 ярдов. Он круто поднимается примерно на 50 футов над уровнем моря и почти резко обрывается на 150-200 футов от оврага, который защищает его с юга, юго-востока и запада.

В центральной и самой высокой точке этого участка, состоящего частично из скал, а частично из красной песчаной почвы района, был образован путем насыпи, возможно, с небольшим увеличением высоты, конический холм, плоская вершина которого имеет около 70 футов в диаметре, со всех сторон имеющий крутые склоны. С северо-восточной стороны, или той, что ближе к дому, спуск составляет около 30 футов, на уровне которой находится платформа, занятая главным укреплением крепости, а за ней, у подножия следующего, но пологого склона, широкий и глубокий ров, сухой и полностью искусственный, который огибает эту самую слабую сторону и отрезает ее от уже упомянутой местности.

Примерно на двух других третях своей окружности, к югу и западу, насыпь быстро спускается к оврагу, но на своем пути склон прерывается концентрическими насыпями, канавами и уступами несколько неправильной высоты, глубины и конфигурации, что, без сомнения, объясняется тем, что они изначально были естественными, но преобразованы и укреплены искусством.

Этот вид укрепления из насыпи, насыпи и рва хорошо известен как в Англии, так и в Нормандии и использовался в девятом, десятом и даже в одиннадцатом веках, до того, как масонство получило широкое распространение. Курган был увенчан прочным деревянным домом круглой формы, вероятно, построенным наподобие стен Гринстедского храма и таким, как на гобелене из Байе, который солдаты пытаются поджечь. Двор внизу и берега за рвами были огорожены частоколом и подобными защитными сооружениями.

Норманны в Нормандии ближе к середине XI века и в Англии немного позже, и далее в правление Генриха II., обычно заменяли эти защитные сооружения более прочными стенами из каменной кладки, которые, будучи большой толщины и монолитности, часто сохранялись до наших дней, хотя чаще их убрали в правление более ранних Эдвардсов, чтобы заменить сооружениями более научного, хотя и менее прочного дизайна, обеспечивающими большее размещение в *окружении*. В Хавардене, похоже, порядок действий был другим. Здесь нет следов нормандской работы или нормандского стиля, и хотя крепость необычайно солидна, она свидетельствует о том, что была построена в один период, в конце правления Генриха III. или в начале жизни Эдварда, его неотразимого сына из Уэльса. Если это так, то следует сделать вывод, что нормандские бароны, которые, как известно, владели Хаварденом в двенадцатом веке, были довольны тем, что его укрепления были построены из дерева, поскольку любая каменная кладка, возведенная ими, вряд ли понадобилась бы так скоро для демонтажа.

The *Крепость* (А на плане) почти закрывает вершину насыпи. Он круглый, 61 фут в поперечнике у основания и первоначально около 40 футов в высоту. Основание сужается

внутри на высоту 5 футов, где диаметр цилиндра составляет 59 футов, а отсюда до вершины он еще больше уменьшается до 57 футов. Внутреннее убранство вертикальное, диаметром 31 фут по всей длине; следовательно, стена, толщина которой у основания составляет 15 футов, а чуть выше - 14 футов, составляет 13 футов на уровне дорожки rampart walk; размеры необычной прочности даже в нормандский период и очень редкие в Англии при Генрихе III. или Эдвардсы.

Внешний вид очень простой, без ограждений, нишевых дорожек, ни оконных надписей. Немного выше над землей находится двойной ряд больших тесаных блоков светло-желтого песчаника, прочно скрепляющих работу друг с другом, а выше - другие связующие элементы менее прочного характера. Обычный материал - голубоватый камень, уложенный в виде щебня, с промежутками и стыками, аккуратно заполненными отростками и фрагментами. Зубчатые стены были заменены современной стеной, но перекресток на валу можно легко обнаружить.

Вход находится на уровне земли с северо-восточной стороны, со стороны главного отделения. Он отмечен широким плоским контрфорсом, скорее нормандского характера, который поднимается вертикально от общего основания примерно на 18 дюймов и уходит в стену примерно на 5 футов ниже зубчатых стен. В его центре находятся ворота, а над ними окно камеры с опускной решеткой. Оно расширено в стороны двумя крыльями, поднимающимися примерно на половину своей высоты и также переходящими в стену наверху. Они предназначены для укрепления стены, ослабленной лестницей-колодцем и домиком. Поскольку этот контрфорс покрывает значительный сегмент круга и является плоским, он разделен на три плоскости двумя вертикальными углами. Современная стена из кирпича и камня, заменяющая зубчатую стену, неровная и разрушенная, но местами высотой около 12 футов, и предназначена для придания возвышенности крепости. Здание, ставшее таким образом широко видимым, стало своего рода достопримечательностью прихода, и, каким бы необычным ни был его внешний вид, вряд ли было бы с хорошей стороны убрать пристройку.

В крепости два этажа. Нижний имеет цилиндрическую форму диаметром 31 фут, со стенами толщиной от 14 до 15 футов. Он был около 14 футов высотой, с потолком из бревен, который опирался примерно на сорок простых выступов, из которых сохранилось около семнадцати. В двух противоположных точках, примерно на полпути вверх по стене, находятся два выступа большего размера, которые, очевидно, поддерживали распорки, предназначенные для придания жесткости центральной и самой длинной балке.

В эту комнату, без сомнения, служившую складом, за исключением случаев, когда во время осады в ней могли разместиться солдаты, входили прямо из ворот и скорее вентилировали, чем освещали, через три равноудаленных отверстия, примерно в 4 футах от пола, шириной 4 фута и высотой 5 футов, с надвинутыми на плечи головами и покрывалом. Стороны сходятся, и пол поднимается к небольшой квадратной петле с отверстием в 4 дюйма. Здесь нет ни камина, ни сиденья, ни ниши. Пол убран. Здесь нет подземной камеры.

Верхняя камера внутри представляет собой восьмиугольник, вписанный в цилиндр под ним, со стенами толщиной от 13 до 14 футов и протяженностью от края до края 31 фут. Высота карнизов, на которых держалась его плоская крыша, составляет около 15 футов, а ряд карнизов большего размера вдоль одной из оставшихся граней, по-видимому, поддерживали распорки, необходимые для того, чтобы превратить крышу в безопасную платформу для военных двигателей и каменных боеприпасов. Это помещение, которое было парадной комнатой, освещалось тремя нишами на неравном расстоянии друг от друга. Они

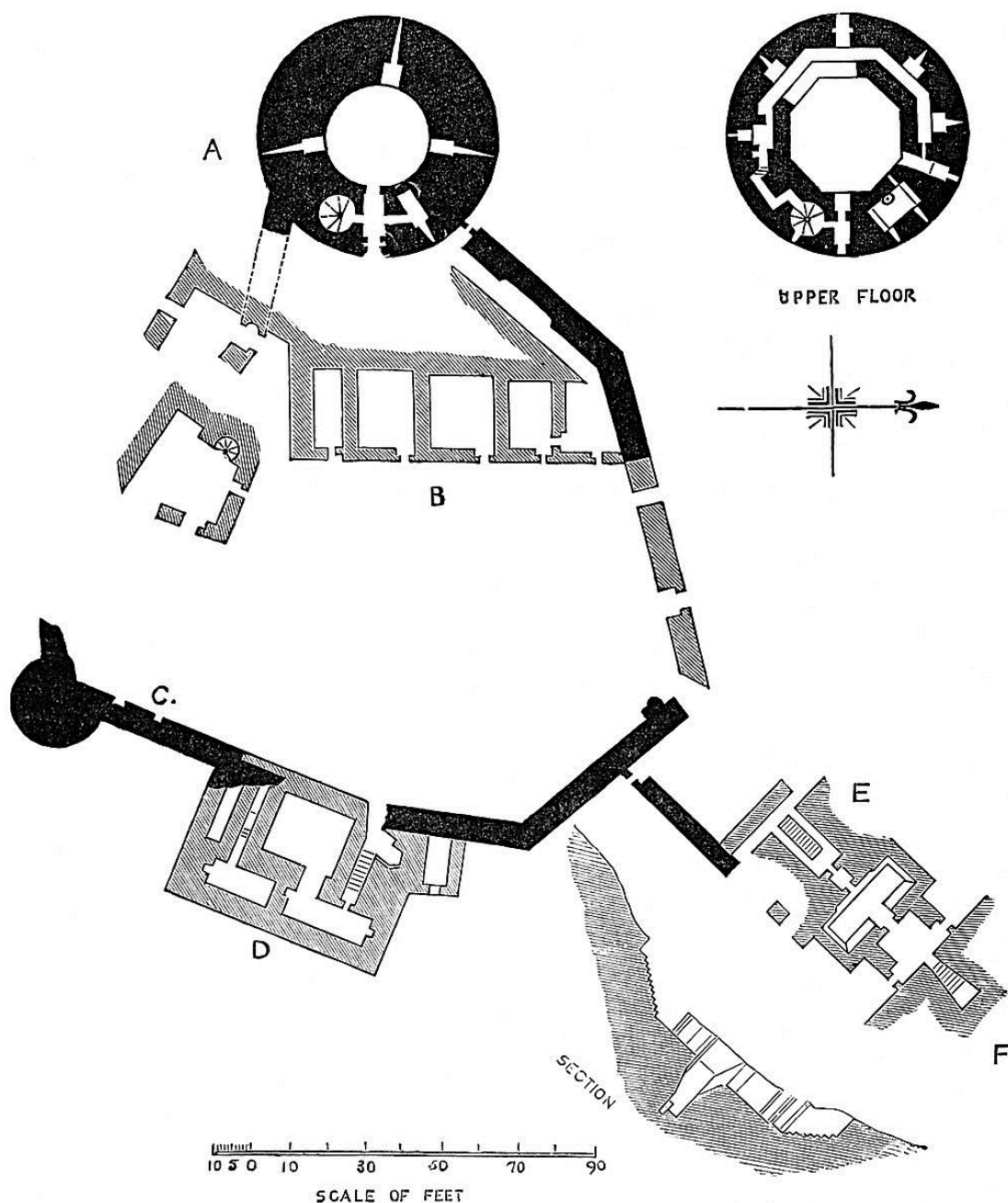
имеют ширину 6 футов 6 дюймов и возвышаются над полом на 8 футов, будучи перекрыты слегка заостренными сводчатыми арками. Каждый из них имеет сводчатую крышу и параллельные стороны, которые впоследствии сходятся к квадратному окну шириной 2 фута и высотой 5 футов 6 дюймов с простой фаской снаружи. С каждой стороны ниш находится простой дверной проем шириной 3 фута 9 дюймов и высотой 10 футов, ведущий в галерею фресок.

На этом этаже есть главный вход через камеру с опускающей решеткой, а рядом к северо-западу от этого входа находится часовня. Это помещение с фресками размером 14 на 7 футов, но не совсем прямоугольное. Оно имеет плоские своды, и его ось направлена на юго-восток к алтарю, который находится на реставрации. Дверной проем рядом с вест-эндом имеет всего 2 фута в ширину и 7 футов в высоту, с головой в виде подпруги и простой лепниной с характерным орнаментом. Дверь открывалась внутрь, и внутри часовни ее можно было запереть на засов. С той же стороны, но рядом с алтарем, находится небольшое углубление в виде подпруги для писцины с выступающей скобой и рифленой ножкой. В противоположной стене, в сводчатых нишах, находятся два окна, одно рядом с алтарем квадратное, другое стрельчатое. У западной стены стоит каменная скамья, а над ней грубый прищур, через который любой человек в соседней оконной нише мог увидеть алтарь.

Вход в крепость осуществляется через ворота шириной 5 футов и высотой 6 футов 6 дюймов, с аркой, поднимающейся еще примерно на 3 фута. Косяки имеют одинарную, а арка - двойную фаску. В двух футах от них находится паз для опускающей решетки площадью 4 квадратных дюйма, а рядом - фальц для двери с отверстиями для перекладин. За ней находится сводчатый проход шириной 6 футов, ведущий на первый этаж, с дверным проемом, закрывающим вход в эту комнату; внутри, однако, есть узкая щель, как бы для более легкой двери, открывающейся внутрь. Пазы опускающей решетки заканчиваются на высоте 3 футов над полом, так что либо решетка должна была быть непроходимо высокой, либо решетка заканчивалась рядом длинных шипов. С каждой стороны входного прохода находится дверной проем с заплечиками. Та, что справа, шириной 2 фута 9 дюймов, открывается в сводчатую комнату с фресками размером 6 на 9 футов, с стрельчатой петлей, ведущей к полю. Слева дверь шириной 3 фута 3 дюйма открывается на лестницу-колодец, которая, освещенная с поля петлями, поднимается на верхний этаж и зубчатые стены.

Двадцать одна ступенька ведет в камеру с опускающей решеткой, которая также является вестибюлем парадной каюты. Он сводчатый, шириной 6 футов и длиной 10 футов, с квадратным окном высотой 2 фута, выходящим в поле, а внутри него - проход для прохода опускающей решетки. На другом конце большой дверной проем с простой лепниной декорированного типа и аркой, очень почти, если не совсем, круглой формы, открывающейся в нишу такой же арочной формы, ведущую в парадную комнату. Дверь была заперта изнутри на засов, чтобы не касаться лестницы.

ЗАМОК ХАВАРДЕН, ФЛИНТШИР, 1870 год.

9. Крепость.
10. Главное отделение.
11. Расположение зала.
12. Офисы.
13. Вход, под которым находится его секция.
14. Место барбакана.

План местности, составленный мистером Джеймсом Харрисоном из Честера в 1857 году.

Возвращаясь к лестнице-колодцу, верхняя часть которой отломана, на двадцати девяти ступенях от основания находится маленькая дверь со стрельчатой головкой. Она открывается в настенный проход шириной 2 фута 6 дюймов и высотой 7 футов, который делает два поворота под прямым углом. В одном из них, слева, находится углубление глубиной 3 фута и шириной 1 фут 9 дюймов, гардероб, в задней части которого, вероятно, оторванной, находилась шахта из аналогичного углубления на крепостном валу. За вторым

поворотом коридор спускается на семь ступеней к ближайшему оконному проему в главном зале, пересекая который, противоположный дверной проем ведет в галерею фресок. Подъем и спуск по узкому проходу обусловлен уровнем ступеней лестницы-колодца.

Галерея фресок на уровне главного зала продолжается в толще стены до ниши рядом с часовней. В плане это многоугольник, параллельный внутренним граням стены. Он 10 футов в высоту и 3 фута 9 дюймов в ширину, имеет мощеную крышу, опирающуюся на двойной ярус карнизов, и в нем есть три больших углубления, каждое из которых выходит на поле длинной петлей с ласточкиными хвостами на каждом конце. Эти углубления и петли не видны из основного помещения. Двери и оконные рамы, которые являются оригинальными, выполнены из песчаника соломенного цвета. Дверной проем часовни, писцина и боковые дверцы оконных ниш кажутся украшенными позже, чем остальные, и могут быть вставками, хотя это маловероятно.

Цитадель, как и в Тэмворте, Дареме, Беркхэмпстеде, Уорике и Кардиффе, стоит в *окружности* главного двора и составляет его часть, примерно две трети ее окружности находятся снаружи, а одна треть, включая дверной проем, внутри занавеса. Этот занавес был около 460 футов в длину и окружал главный двор, примыкая к крепости в двух точках: одна в 24 футах к югу, а другая в 18 футах к северу от входа. С каждой стороны он спускается по склону и, сходясь ниже, таким образом, окружает несколько веерообразную территорию, примерно 170 футов к северо-востоку и юго-западу на 142 фута к северо-западу и юго-востоку, в пределах которой находились основные здания крепости. Южная часть этого занавеса может быть прослежена, но только по его основанию; та, что находится к северу, достаточно совершенна. Его толщина составляет 7 футов, а высота - около 25 футов. Он не поднимается на холм так высоко, как в Тамворте, что его крепостные валы заканчиваются на уровне основания крепости, но упирается в крепость на высоте 12 или 14 футов и таким образом продолжается вниз по склону. На насыпь, бастион занавеса, как и в Виндзоре, вела лестница, но поскольку бастионы примыкали только к замку и не имели дверного проема внутрь, ступени предназначались только для того, чтобы защитники могли занять эту часть стены. С северной стороны, помимо этих ступеней, был второй пролет, проложенный на поверхности насыпи, позади и у подножия занавеса, и, вероятно, засыпанный сверху, поскольку остались следы второй стены. Они вели ко входу в крепость и служили сообщением между ней и главной палатой.

На стыке этой завесы с крепостью находится задний ход, небольшой дверной проем с засовом изнутри, где враг, добравшийся до подножия крепости, может быть атакован. Примерно на 90 футов ниже находятся следы аналогичного дверного проема, откуда можно было добраться до основания кургана. От южного занавеса сохранился фрагмент, прикрепленный к башне; у него не было задней двери и, вероятно, за ней не было ступенек.

The *Главное отделение* (В на плане) разделено на две части: одна представляет собой ровную платформу, на которой стоял зал и другие здания, вокруг двора размером примерно 125 на 92 фута, и в которую был главный вход; а другая, гораздо меньшая часть, представляет собой крутой склон насыпи шириной около 50 футов, который, вероятно, остался неровным и пустынным, каким мы его сейчас видим. У подножия этого склона находятся остатки четырех помещений глубиной около 18 футов от поверхности, вероятно, для складов, в каждом из которых есть дверной проем во двор; в стене одного из них есть что-то вроде грубого стока, как от раковины или желоба. Этот ряд, очевидно, продолжался вдоль южного конца двора, был выстроен у занавеса и продолжался до зала. От этих пристроек сохранились только раскопанный цокольный этаж, несколько низких стен и основание лестницы-колодца. Судя по характеру лестницы, похоже, что она имела какое-то значение, и это показывает, что

здесь был верхний этаж, вероятно, с комнатами, сообщающимися с залом и, возможно, соединяющими его с замком.

На противоположном, или северном конце кладовой находится дверной проем у подножия лестницы, ведущей в крепость, а за ним, во внешней стене, дверь, которая, по-видимому, вела в колодец-лестницу, дающую доступ к ступенчатому крепостному валу. Опять же, в нескольких футах за этим, под углом к ограде, находятся фрагменты больших ворот, за которыми, примерно на 100 футов вокруг северного угла двора, находится занавес во всю высоту и очень совершенный, с угловыми выступами из того же желтого тесана, что использовался в крепости.

The Зал (C) располагался на восточной стороне палаты, в ее южном конце, и занимал более половины этой стороны. Занавес образовывал его внешнюю стену, был пронизан окнами и укреплен под юго-восточным углом массивным полукруглым контрфорсом диаметром 22 фута, вероятно, пристройкой. Зал находился на втором этаже, низкий цокольный этаж, вероятно, был погребом, и в него можно было попасть через сводчатый проход в его южном конце. Высота зала от деревянного пола до настенной плиты составляла около 30 футов. Сохранились два высоких окна и следы третьего, а между ними - простые скошенные выступы, из которых выступала открытая крыша. Оконные ниши имеют низкую заостренную арку и рельефную лепнину из бисера. Окна однотонные, трехстворчатые, с работающими торцевыми светильниками. Экетки нет. В нише находятся боковые сиденья.

К северу от зала и соединен с ним прямоугольным выступом (D) глубиной 36 футов и шириной 60 футов спереди, нижние этажи которого расположены на откосе рва, значительно ниже уровня отделения. Несомненно, это были кабинеты, но поскольку не сохранилось ничего, кроме нижних стен, об их деталях можно узнать очень мало. Однако в занавеске сохранился косяк большого дверного проема, откуда спускается лестница футов на 20, вероятно, к задней двери, следов которой, однако, нет, на краю рва. Эти ступени вели в одну из двух квартир, в одном конце каждой из которых находилось то, что, вероятно, было камином, хотя они больше напоминают вентиляционное отверстие шахты гардероба, которым, однако, они быть не могли, поскольку камеры определенно не были выгребными ямами. Стены этого выступа массивные и, безусловно, занимали верхний этаж, вероятно, занятый комнатами отдыха и частными апартаментами, примыкающими к холлу. Не было обнаружено ни колодца, ни печи, ни каких-либо признаков гарнизонной часовни, которые, вероятно, находились в этом приходе.

Большие ворота открывались на северо-западной стороне занавеса, и, судя по сохранившемуся фрагменту косяка с рельефной переключиной, они были около 8 футов в высоту и пропорционально широки. Проекция внутрь от занавеса показывает, что там было что-то вроде маленькой сторожки у ворот.

Эти ворота открывались в ответвление, образованное двумя занавесками на расстоянии 32 футов друг от друга, выступающими от основной занавески вниз по откосу рва так, чтобы образовать параллелограмм шириной 40 футов и длиной 68 футов. Шторы были толщиной 4 фута и высотой около 24 футов. Западная часть разрушена, но восточная находится в сносном состоянии, и на ее стыке с главной шторой находится подпружиненная задняя дверь шириной 2 фута 9 дюймов, которая выходила на обрыв рва.

На дальнем и нижнем конце ответвления стены поворачивают внутрь (E на плане) и снова идут параллельно на протяжении 14 футов на расстоянии 27 футов друг от друга, и там находятся ворота и яма подъемного моста, за которыми второе сужение сокращает расстояние до 21 фута, при этом они продолжают еще на 14 футов, когда стены упираются

в противоположный откосу ров, в этом месте облицованный тесом. Таким образом, вся длина ответвления, от главного занавеса до контрэскарпа, составляет 96 футов, а его ширина в целом составляет 40 футов, 25 футов и 21 фут.

Примерно в 34 футах перед большими воротами находилась поперечная стена, вероятно, содержащая вторые ворота, а за ней - пролет из пятнадцати ступеней шириной 6 футов, ведущий вниз, в прямоугольное помещение с плоской деревянной крышей, в противоположной стене которого находится дверной проем без уступа для двери, шириной 2 фута 9 дюймов и высотой 7 футов. Он открывается в низкий, узкий проход с плоским верхом, шириной 3 фута и длиной 10 футов, но расширенный в центре до 3 футов 6 дюймов, так что два человека могли пройти, протиснувшись; и в этом месте в крыше есть отверстие площадью 8 дюймов, очевидно, с целью нападения на них в случае необходимости. Проход заканчивается вторым небольшим дверным проемом, зарешеченным изнутри, который выходит на мостовую яму длиной около 27 футов справа и слева, глубиной 12 футов и шириной 10 футов, ведущую к аналогичному дверному проему напротив. Яма выложена щебнем под дверными косяками и тесаным деревом сверху, а на ее западном конце есть отверстие, вероятно, для его очистки и сообщения с основным рвом, изолированной частью которого является яма.

Переходя по узкому дощатому мостику, следующая дверь ведет через короткий узкий проход в помещение площадью 13 квадратных футов, полностью выложенное тесом и имеющее справа и слева небольшие двери шириной 2 фута 9 дюймов, выходящие на противоположный склон рва. В дверном проеме, ведущем с мостика, не было дверей, кроме боковых иллюминаторов, открывавшихся внутрь. В дальней, или северной, стене находится еще один дверной проем, также с выступами, шириной 3 фута и высотой 8 футов, дверь которого также открывалась внутрь и открывала очень крутой пролет из одиннадцати ступеней, поднимающийся примерно на 8 футов в камеру в форме ласточкиного хвоста, начинающийся в ширину 3 фута и расширяющийся до 8 футов. Его длина 14 футов. Ступени упираются в пол, но стены, нижние из которых 6 футов 6 дюймов из ясеня, совершенно идеальны, в них пока нет отверстий. Это уникальное помещение расположено в нише в откосе рва и фактически находится внутри барбакана.

Остатки *Барбакана* (F) представляют собой значительный земляной холм с собственным рвом, а на его неровной поверхности видны следы старых построек. Он закрывает верхнюю часть моста, и, по-видимому, к нему вела извилистая дорога, а въехали на него с западной стороны.

Эта работа была предметом многочисленных спекуляций. То, что это был главный вход, достаточно достоверно. Это могло быть только в одном конце главного корпуса, а оставшийся косяк слишком велик для задней двери, а площадка на противоположном конце слишком крутая для подхода.

Отрог с боковыми занавесками полностью закрывал вход. Ступени, ведущие на мост, современные, но, должно быть, чем-то похожи на другие. Двери и проход были рассчитаны только на одиночные группы, со специальным устройством для контроля над единственной точкой, через которую могли пройти двое вооруженных людей. В помещении за мостом перед вылазкой у боковых дверей могли собраться 80 или 100 человек.

По возвращении, если их будут преследовать, и враг войдет вместе с ними, узкие проходы сделают почти невозможным внезапное нападение как на саму площадь, так и на барбакан.

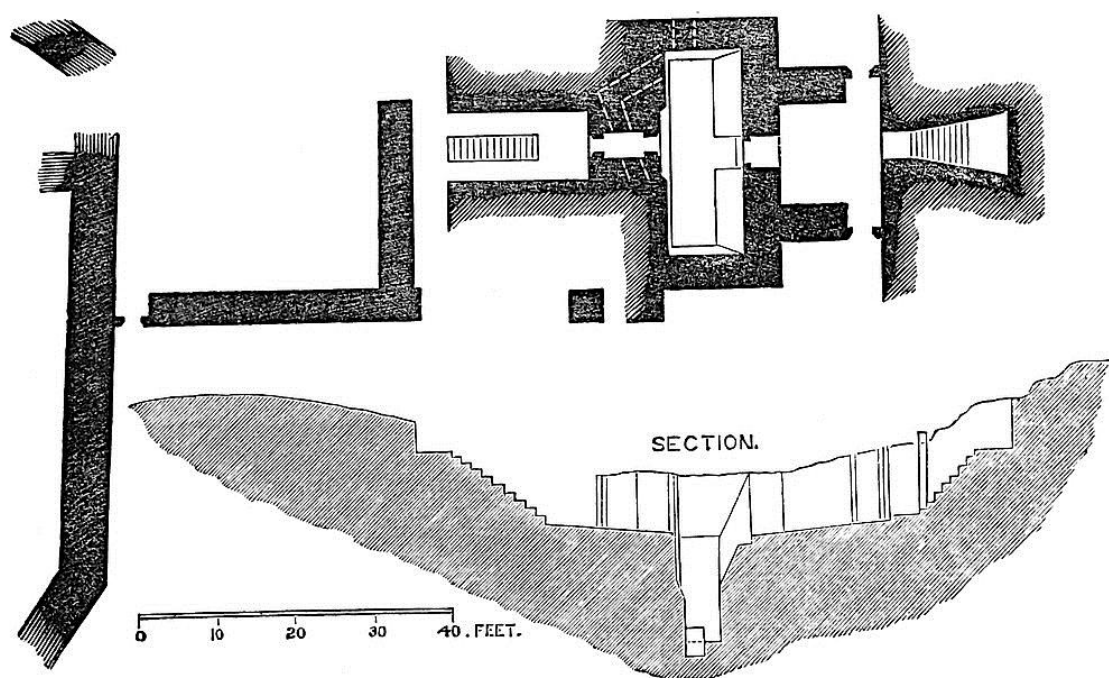
Далее, если посмотреть на боковое пространство между стенами и большую длину ямы для моста, становится совершенно ясно, что над пешеходным переходом была проезжая часть для колесных экипажей, по крайней мере, с одним подъемным мостом. Большинство проходов внизу, по-видимому, были выложены камнем. Один подъемный мост явно находился над оставшейся ямой; другой, возможно, перекрывал помещение, в то время занимаемое современным лестничным пролетом. Толщина (4 фута) и прочность существующих стен показывают, что они, должно быть, были намного выше, чтобы образовать боковые парапеты, скрывающие проход по мосту. Для этого к существующей стене можно добавить около 15 футов.

Веерообразное помещение, вероятно, служило выходом для тех, кто, воспользовавшись пешеходным мостиком, хотел выйти не через люки, а подняться в барбакан. Ступеньки, без сомнения, неудобны, но весь проход, безусловно, предназначался лишь для случайного использования и ни в какой части не является особенно удобным. Вероятно, средством выхода с верхней лестницы в барбакан были деревянные ступени. Вся эта схема очень своеобразна, и можно усомниться в том, что предложенная безопасность стоила тех значительных затрат, которые на нее были затрачены. Поскольку вся конструкция этого моста явно является дополнением, вполне вероятно, что, хотя первоначальный вход находился в этом месте, это был обычный подъемный мост, защитой которого могли служить боковые занавески отрога, которые являются старыми.

О внешних земляных укреплениях мало что можно сказать. С юго-восточной стороны крепости внешний берег прорезан, как будто для входа. Если это так, то его, должно быть, несли сбоку по канавам этого места, пока он не достиг барбакана.

В Хавардене, по-видимому, сохранились следы по крайней мере трех периодов строительства, самым старым из которых является земляной вал, который, как и некоторые аналогичные сооружения в Англии, может датироваться десятым веком.

Башня, занавес главного помещения, холл и, возможно, занавеси отрога, по-видимому, относятся к одному времени, использованный материал практически одинаков, а качество изготовления не отличается.

Отрог, ограждающий главный вход.
Замок Хаварден. Северо-восточная сторона.

Ряд складских помещений в главном корпусе, офисы, выступающие из него на северо-восток, и все здания у нижнего входа относятся к более позднему времени и отличаются дизайном, материалами и качеством изготовления. Материал - зеленоватый песчаник и тесаный камень самой дорогой выделки, обработанный с каждой стороны и уложенный тонкими швами с небольшим количеством строительного раствора. Это совершенство оказалось фатальным для сооружения; поскольку камни нужно было только поднять с места и уложить без какой-либо адаптации в какую-либо новую работу, искушение оказалось слишком сильным, и большая часть этой более поздней работы была аккуратно удалена вручную, а не разрушена порохом, как более старая работа. На самом деле, сохранившиеся нижние стены гораздо больше напоминают недостроенное, чем частично разрушенное здание.

В пятнадцатом томе "Археологического журнала" есть статья покойного мистера Хартсхорна, которая, хотя и затрагивает лишь слегка топографию замка, довольно подробно описывает историю баронов Монтальт, давних его владельцев. Отсюда и из других источников следует, что Хаварден с очень раннего периода принадлежал графам Честерским, некоторые из которых, вероятно, построили его, но, без сомнения, занимали до завершения строительства. В их роду он оставался до смерти Ранульфа де Блундевилля, последнего графа, в 1231 году, когда после восстания замка и "Графской половины" в Ковентри он перешел к его второй сестре и сонаследнице Мейбл, которая вышла замуж за Уильяма д'Альбини, третьего графа Арундела. Их второй сын, Хью, ставший наследником, умер в 1243 году, когда поместья перешли к его второй сестре и сонаследнице Сесилии, которая вышла замуж за Роберта де Монтальта.

Бароны де Монте-Альто, которых иногда называли де Моалдис или Мухоут (Плесень, где сохранился курган замка), были наследственными сенешалями Честера и лордами Плесени. Роджер де Монтальт, внук Роберта и Сесилии, унаследовал Хаварден, Ковентри и замок Райзинг. Он женился на Джулиане, дочери Роджера де Клиффорда, судьи Северного Уэльса, но умер бездетным в 1297 году, его земли перешли к его брату Роберту, седьмому и последнему лорду, который умер бездетным в 1329 году, когда баронство вымерло. Роберт де Монтальт подписал знаменитое письмо папе римскому в 1300 году как Dominus de Hawardyn. [P. Writs, I. 743.] Он завещал свои поместья Изабелле, королеве Эдуарда II.

Записей, касающихся Хавардена, в публичных архивах немного. В 1265 г. 49 Генрих III., король даровал Ллевелину-ап-Гриффиту, принцу Уэльскому, замок Хавардин, ему и наследникам его тела, Херефорд, 22 июня [N. F. D. I. 457], но в 1267 г. 51 Генрих III., письмом легата Оттобони, принц Ллевелин должен немедленно вернуть Роберту де Отто Монте земли Хавардин, но Роберт не должен строить там замок в течение тридцати лет. Монтгомери, 3 Кал. Октябрь. [Там же, стр. 474.]

В Inquisitions и Escheats также есть несколько записей. От инквизиции, 3 Эдуарда I. У Роберта де Монте-Альто конфисковано поместье Хавардин, Колорадо. Его владения были обширными. Они занимают девяносто одну запись в тринадцати округах. [Inq. p.m. I. 55.] В следующем году, 4 Эдуарда I., проводится инквизиция, из которой следует, что поместье так и не было заселено в дауэр. Ни Леука, жена Роберта де Монтальта Черного, ни Матильда, жена Ральфа де Монтальта, ни Николя, жена Роджера де Монтальта старшего, ни Сесилия, жена Роджера младшего — все Знатные дамы Хавирдина — никогда не были так одарены. [Ib. 60, Кал. Генеал. I. 247.] 10 Эдуард I., 25 марта, является записью в валлийском списке о

преследовании и поимке неких валлийских злоумышленников, которые взяли в плен Роджера де Клиффорда в королевских замках Хаварден и Флинт [Эйлофф, стр. 76], и из самого королевского указа от той даты, адресованного Роджеру де Мортимеру и подробно приведенного мистером Хартсхорном, следует, что валлийцы напали ночью на Хаварден, убили нескольких домочадцев де Клиффорда, сожгли дома в замке, а также сделал почти то же самое во Флинте. Это безобразие повторилось в следующем году, когда (6 ноября 1282 г.) был убит старший сын судьи, также Роджер Клиффорд. [“Судьи” Фосса, III. 76.] Следующая запись в “инквизиции” - одна из 25 статей Эдуарда I. о Роджере де Монтальте, откуда явствует, что в то время, хотя он владел замком Райзинг и т. Д., поместье Хаувертин принадлежало Томасу де Оффелье. Это могло бы, однако, быть доверенным лицом. [См. п.м. I. 134.]

Из всего этого можно сделать вывод, что здесь находился замок, который принц Ллевелин разрушил и который Роберт де Монтальт обязался не восстанавливать. Такие обещания тогда имели такое же значение, как и между народами в наши дни, и замок, который валлийцы захватили 10 августа 1282 года при Эдуарде II, был, конечно, построен или отреставрирован в этот период. Если бы Ллевелин нашел цитадель, хоть сколько-нибудь приближающуюся по содержанию к настоящему, он вряд ли смог бы ее разрушить; и, судя по внутренним признакам здания, не кажется вероятным, что стоящая сейчас цитадель была работой валлийца Эдуарда I. Его лепнина и план верхнего этажа указывают на более позднюю дату; и, вероятно, это была работа последнего барона де Монтальта между 1297 и 1329 годами. Цилиндрические башни крепости, по образцу мало чем отличающиеся от башен Хавардена, хотя обычно, как и в Куси, в гораздо большем масштабе, использовались во Франции в начале XIII века; и хотя необычная толщина стен в данном примере, как можно было бы подумать, больше соответствует нормандскому периоду, общие детали, многоугольная галерея с фресками, интерьер и вход, очевидно, части оригинальной работы, очень определенно относятся к эпохе Эдуарда.

Хаварден был окончательно демонтирован по приказу парламента во времена Содружества, и крепость сильно пострадала от взрыва мины, заложенной, вероятно, под дверь. Так оно и оставалось до самого недавнего времени, когда было отреставрировано сэром Стивеном Глинном, покойным владельцем, по совету мистера Шоу из Честера. Задача была чрезвычайно деликатной, но была выполнена с изумительным мастерством и полным успехом, пока работа продолжалась. От каждой части сохранилось достаточно, чтобы дать ключ к ее воспроизведению, и, таким образом, ворота, камера с опускающей решеткой, большая часть лестницы-колодца, большая часть часовни и часть большой галереи фресок были восстановлены в том виде, в каком они, должно быть, были оставлены первоначальным строителем. В то же время используемый камень и способ его обработки всегда укажут опытному наблюдателю, какие части работы были заменены.

Нынешний доступ к крепостному валу представляет собой пристройку из кирпича прошлого века и вполне может быть восстановлен из камня. Отсюда открывается обширный вид, на переднем плане - парк, который по дикости и красоте лесов вполне может сравниться с любой местностью даже на границе Уэльса; а за ним простираются широкие и плодородные равнины Чешира и Шропшира, включая город Честер, скалу и хребет Бистон, а в ясную погоду - Рекин. В противоположном направлении открываются менее обширные виды на устье реки Ди и полуостров Вест-Честер. Вид на Уэльс невелик, поскольку его закрывает возвышенность.

ЗАМОК ХЕЛМСЛИ, ЙОРКШИР.

ХЕЛМСЛИ, Элмесли Судного дня и Хэмлейк специалистов по генеалогии, - это название обширного участка дикой вересковой пустоши, расположенного на южном склоне Кливлендских холмов, в северо-восточном углу Северного Райдинга Йоркшира. Холмы возвышаются на 1400 футов над уровнем моря, но Хелмсли-Мур едва достигает 1100 футов, а город Хелмсли, расположенный там, где возвышенности переходят в равнину, едва достигает 200 футов.

Настоящей рекой Хелмсли, спускающейся с вересковых пустошей, является Сеф; но после ее слияния с рекой Рай ручей и долина носят название последней воды, получившей известность благодаря аббатству Риво, примерно в четырех милях ниже которого, огибая поросший лесом мыс Данкомб, ручей, несколько возвращаясь в свое прежнее русло, образует южную границу замка и города.

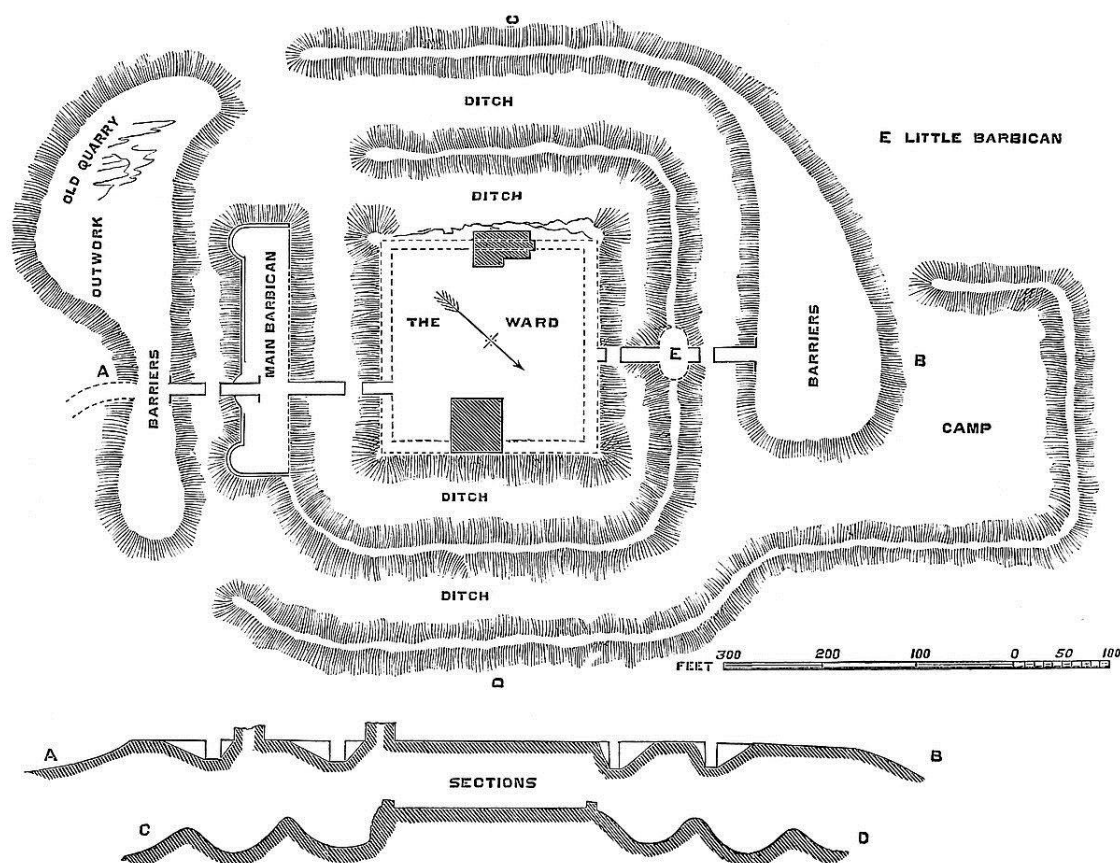
Замок едва входит в состав Данкомб-парка, часть его восточной окраины проходит по границе. Его положение, если и не особенно поразительное, то все же прочное и благоприятное для работ, которые делали его в прежние дни почти неприступным. Низкая платформа, на которой он стоит, сложена в основном из камня, и труд, затраченный на его удаление, заключался скорее в рытье, чем в рытье грунта, так как канавы были полностью искусственными.

Помимо Ржи, которая в том месте, где она протекает примерно в фарлонге к югу от замка, имеет низкие и заболоченные берега, Эттон-бек, протекающий недалеко на востоке, между городом и замком, спускается по пути к Ржи на уровне, который позволял использовать ее воды для затопления крепостных рвов.

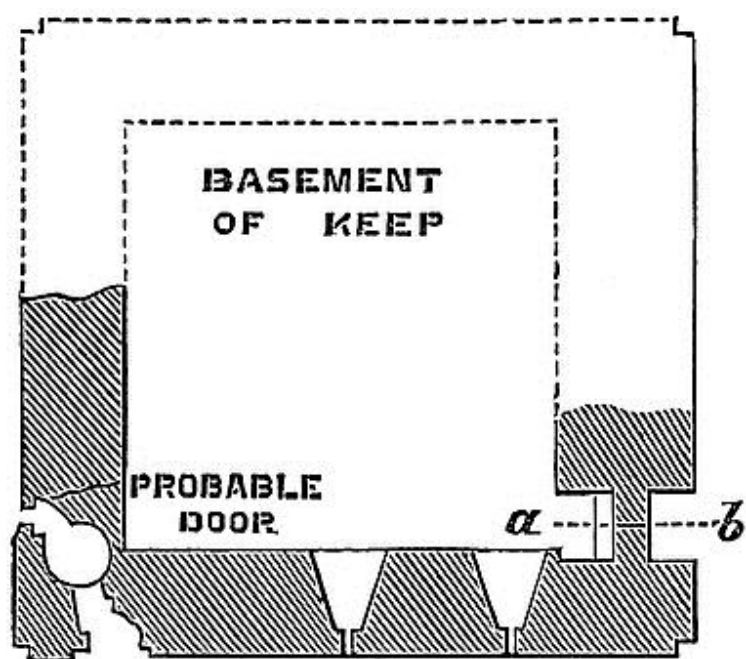
План замка прямоугольный, а его земляные укрепления имеют масштабы, необычные для замков чисто нормандского происхождения, и, несмотря на их форму, наводят на мысль, что они могут быть гораздо более раннего возраста.

Главный двор замка имеет площадь около 200 квадратных футов, ровный, находится в глубоком и широком рву, полностью окружающем его. Умеренный земляной вал венчает край склона, частично, без сомнения, первоначальный, но частично состоящий из руин занавеса.

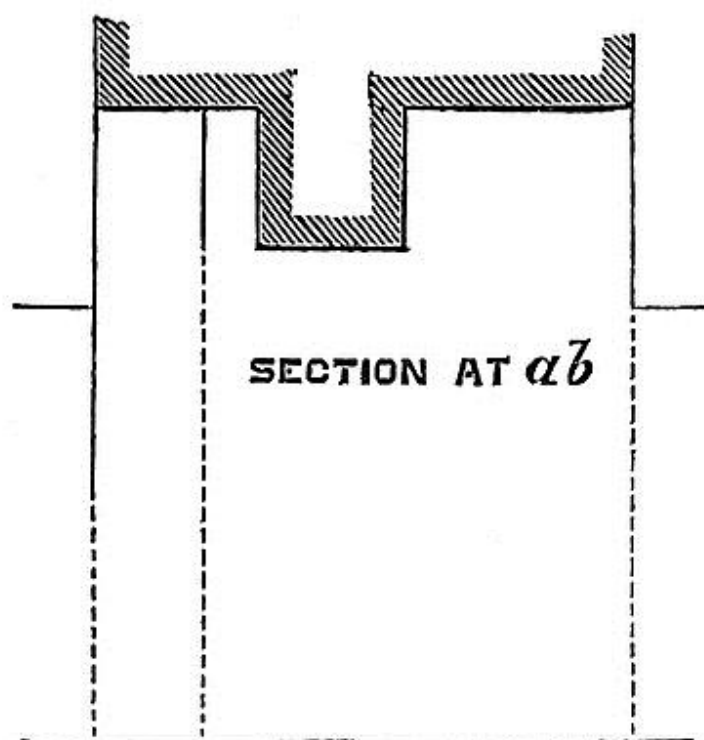
За рвом, образующим его контрэскарп, находится гребень или земляная насыпь на несколько футов ниже уровня участка и, следовательно, возвышающаяся над ним. Этот гребень, прерывающийся под южным углом, чтобы сообщаться с раскопками за его пределами, расширяется на северо-западном фронте и еще более значительно на противоположном или юго-восточном фронте, образуя меньший и больший барбаканы, прикрывающие два входа в это место.

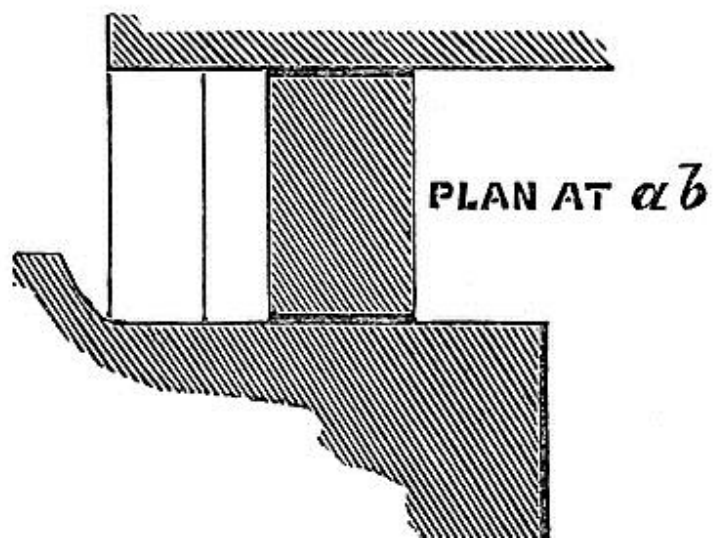
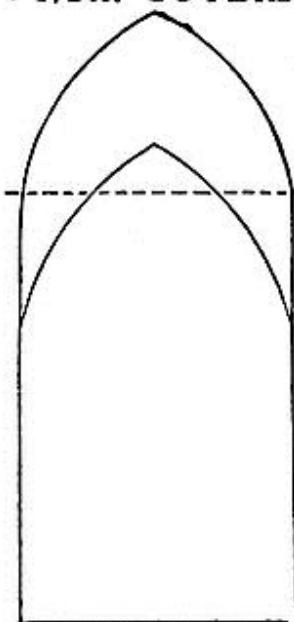
Опять же, за гребнем находится второй ров, также опоясывающий все место и проходящий, следовательно, перед барбиканами. За ним, в свою очередь, следует второй, или внешний, берег, также прерывающийся, и в трех местах, под северным, южным и восточным углами. Он также имеет переменную ширину: где-то это просто гребень; в других местах, как и перед двумя фронтами, расширяется в широкие платформы, прикрывающие входы и подходы к ним. Предположим, что в этих рвах есть либо вода, либо грязь, прерывание берегов значительно увеличило бы трудности осаждающих это место, нарушив коммуникации и не позволив им атаковать барбикан с флангов. За пределами этого второго берега есть следы третьего рва, который, однако, по-видимому, был ограничен такими местами, которые, как предполагалось, особенно нуждались в дополнительной защите.

0 10 20 30 40 FEET

ELEVATION FROM OUTSIDE

Очевидно, что земляной вал, подобный описанному, занимающий более десяти акров земли и имеющий рвы шириной от 60 до 70 футов и пропорциональной глубины, в решительных руках и должным образом обнесенный частоколом, был бы самой грозной твердыней. То, что такова была природа предполагаемых оборонительных сооружений, кажется несомненным, поскольку берега не поддерживали каменную кладку; и хотя край внутреннего рва имел твердую почву, насыпь или гребень, возвышающийся над ним, таковой не был, и если бы предполагалась каменная кладка, она была бы излишней.

Когда нормандский инженер взялся укрепить это место, он, по-видимому, ограничился возведением завесы толщиной 10 футов вокруг внутренней территории, установив ее на твердом грунте и используя земляной вал в качестве пандуса у стены; к этому он добавил сторожки на каждом конце и сооружение некоторой прочности в виде барбакана за внутренним рвом; затем вторую сторожку, расположенную на барбакане; и, наконец, второй или внешний мост. На западной стороне внутренней территории, где скала была твердой, склон рва был заменен невысоким утесом высотой от 20 до 25 футов.

Помимо *ограждения*, или навесной стены, четырех разводных мостов и, вероятно, четырех сторожек, по-видимому, было четыре барабанные башни - по одной на каждом углу здания. Это правда, что их больше не видно; но круглая куча мусора под каждым углом, по-видимому, представляет такие башни, которые действительно были обычными и необходимыми составляющими такого сооружения, хотя можно усомниться в том, относились ли эти башни к нормандскому периоду: вероятно, они появились позже.

В дополнение к этим сооружениям высоко над всеми ними возвышалась прямоугольная крепость, расположенная недалеко от центра восточной, или городской, стороны, и являющаяся частью *окружения*. Напротив крепости, также входившей в *оцепление*, но с западной стороны и, следовательно, построенной на краю утеса, находились хозяйственные постройки, некоторые части которых сохранились вперемешку с более поздними постройками. Можно также видеть, что поперечный занавес между башней и хозяйственными постройками разделял двор на северный и южный, и, по-видимому, фрагмент, сохранившийся сейчас и во многом напоминающий часть часовни, был соединен, как и в Кнарсборо, с этой стеной.

Крепость, по-видимому, имела площадь 53 фута, и хотя около 9 футов из нее засыпаны землей и мусором, она все еще возвышается примерно на 90 футов. Гораздо больше, чем внешняя или восточная половина, было взорвано и упало в ров, а то, что осталось, сильно пострадало от переделок и пристроек. Он построен из обломков самого обычного камня, но с обшивкой из тесаного дерева. Цоколь, если он там есть, конечно, скрыт. Стены простые, толщиной 9 футов, без ниток и выступов, с одной низкой пилястровой опорой, которая поднимается только до первого этажа и расположена на западном конце северной стены, чтобы придать прочность внутренней лестнице. На двух оставшихся углах имеются уголки, но они не предназначены для крепления стержней или вышивания бисером.

Первоначальная башня состояла из подвала и первого этажа высотой около 70 футов, или, как сейчас видно, 60 футов. Внутри, у западной стены, сохранилась не очень высокая таблица погоды, которая показывает, как в Порчестере и Ричмонде, где крыша примыкала к стене фронтоном. Стена была возведена по всей окружности, достаточно высоко, чтобы скрыть крышу. В западном углу находится лестница-колодец, которая поднималась из подвала на второй этаж. Дверь в подвал заглублена, но линия ступеней в стене указывает вниз. В западной стене была проделана брешь, обнажающая лестницу, и, по-видимому, она занимает место петли.

В западной стене подвала есть два заостренных углубления, заканчивающихся петлями с квадратными головками; а в южной стене находится дверной проем размером 5 футов 6 дюймов, открывающийся также под острой аркой. Вполне возможно, что этот подвал был сводчатым, хотя более вероятно, что перекрытие было деревянным.

Первый этаж первоначально освещался тремя окнами в ранних заостренных нишах разного размера и высоты, а над центральной нишей, которая была расположена ниже, чтобы освободить для нее место, находятся ниша с круглым выступом и окно, расположенное в углу фронтона. Три нижних окна были заменены на три стрельчатых, а ниши уменьшены по высоте и пропорциям соответственно. Более поздняя арка имеет красивые ребра. Неясно, каким образом был покрыт первый и главный этажи. На северной стене видны подпружиненные камни трех ребер, очевидно, часть свода; но рядом с ними находится короткий столик с четырьмя выступами, возможно, каким-то образом связанный со входом на лестницу. Также есть фрагменты двух ребер в западной стене, так что расположение сводов неясно. Упомянутые ребра явно скошены и могут быть раннеанглийскими или более поздними. К первоначальному замку была сделана пристройка примерно на 30 футов, придавшая ему верхний или второй этаж. В западной стене этой пристройки находится стрельчатое окно в сегментном углублении, опирающееся на старую каменную кладку. В северной стене есть еще одно стрельчатое окно и камин. На юге есть петля; но эта часть стены, как внутри, так и снаружи, скрыта плющом. В стене этого этажа, пересекающей линию окон, находится угловой столик, выступы которого несколько вырезаны в форме щитков обогревателя. Это, должно быть, поддерживало крышу, но серьезно мешало окнам. Как была достигнута эта история, не сообщается; вероятно, по лестнице-колодцу в стене, ныне разрушенной, что, без сомнения, можно было установить, обнаружив фрагменты во рву. Верхняя стена кажется такой же толстой, как и нижняя; и любопытно, что здесь не видно следов настенных галерей или камер.

Зубчатые стены остаются идеальными, по крайней мере, пока, как и стены, которые они венчают. Амбразуры среднего размера, зубцы широкие, а ходовая лепнина выполнена по всему периметру. Под каждым углом находится квадратная башенка, возвышающаяся примерно на 10 футов над завесой. Эти башенки опираются снаружи на легкий кронштейн, и каждая из внешних граней обрамлена по бокам двумя легкими, стройными контрфорсами скинийной работы, опирающимися снизу на кронштейны и, без сомнения, когда-то заканчивавшимися сверху изящными наверху. В каждой грани есть по одной амбразуре. Конечно, все это дополнения.

Вопрос о входе в эту крепость неясен. Остаются три двери, любая из которых может служить. Та, что на первом этаже к югу; маленькая дверь с круглой головкой на уровне первого этажа к северу; и третья дверь в той же стене, немного ниже, ведущая в колодец-лестницу. Однако есть указания на то, что ни один из них не был настоящим входом. У южной стены видны следы пристроенной каменной кладки, вероятно, переднего здания, содержащего и прикрывающего вход, который в этом случае находился бы в южной стене у восточного конца, часть которой сейчас разрушена. Лестница, по-видимому, начиналась у юго-западного конца этой стены и проходила над нынешней дверью, которая, вероятно, как и в Рочестере, вела в камеру под лестницей переднего здания. Этот вывод подкрепляется наличием семи отверстий в стене крепости на уровне крепостного вала, очевидно, предназначенных для проведения перемычки, ведущей к лестнице вниз. Кроме того, высоко в той же стене выступает массив ясеня, который вполне мог быть частью конструкции, нависающей над дверью в начале лестницы: подобные конструкции не редкость в замках такого типа. Из других дверей маленькая, с круглой головкой, вполне

могла открываться на крепостной вал, как в Клитеро; а та, что ведет на лестницу-колодец, теперь закрытую и превращенную в петлю, выглядит скорее украшенной и, возможно, является вставкой и, возможно, вела в какое-то пристроенное здание, ныне разрушенное. В то время, когда была построена эта башня, уже не соблюдалась такая крайняя осторожность, чтобы допускать в крепость не более одного входа.

Похоже, что первоначальная крепость была позднепереходной или заостренной норманнской, и поэтому вполне могла быть построена, как предполагается, Робертом де Роз по фамилии Фурсан, который правил с 1184 по 1226 год и, вероятно, завершил работу до 1200 года. Затем последовала переделка первого этажа в наиболее решительном раннеанглийском стиле, и поэтому, вероятно, ее осуществил Роберт де Рос, внук Фурсана, который женился на наследнице Бельвуара и процветал между 1257 и 1285 годами. Затем последовала пристройка верхнего этажа, а также зубчатых стен и башенок, украшенных довольно поздно. Это вполне может быть работой Уильяма де Роса, который владел Хелмсли с 1317 по 1342 год, которому в 1337 году была дарована башня, построенная Эдуардом II в Лондоне, недалеко от замка Байнард, и которая, по-видимому, стояла на берегу Флит-дитч, где недавно были заложены некоторые древние фундаменты при формировании новой улицы. Это он должен был держать в качестве придатка к своему замку Хелмсли.

Хозяйственные постройки, стоящие напротив крепости, состоят из двух блоков. Одно квадратное сооружение большой высоты со стенами значительной толщины имеет следы переходной нормандской или раннеанглийской работы, но претерпело изменения в украшенный период и, наконец, в шестнадцатом веке. Другое, северное здание, возможно, стоит на раннем фундаменте, и, вероятно, так оно и есть, но его отделка относится к шестнадцатому веку и, вероятно, работы графа Ратленда, чьи гербы выбиты штукатуркой на глубоком карнизе и на обшитом панелями потолке, которые сейчас находятся на последней стадии разрушения.

Северная сторожка и любое строение, которое могло стоять на меньшем барбакане, полностью исчезли из виду, хотя, вероятно, их фундамент мог быть заложен открытым способом. На юге есть на что посмотреть. Внутренняя сторожка действительно разрушена, и над мусором ничего не видно, кроме очертаний западного косяка, на котором виден паз для опускной решетки и фальц для откидных ворот.

Внешняя сторожка и примыкающий к ней барбакан представляют собой весьма примечательное сооружение. Этот барбакан, как уже говорилось, является продолжением насыпи, окружающей внутренний ров. Здесь она имеет ширину более 80 футов и достаточную длину, чтобы полностью закрывать южный фасад здания. Сторожка, как и та, что за ней, находится гораздо ближе к востоку, чем к западному концу сооружения. Он состоит из двух маленьких круглых башенок и двух больших барабанных башен по бокам портала. По обе стороны от них тянутся занавесы, которые заканчиваются парой больших барабанных башен, обрамляющих и закрывающих наружную кладовую.

Сторожка у ворот на первом этаже выглядит вполне сносно. Верхний этаж находится в руинах. Портал глубиной около 32 футов на всем протяжении перекрыт сводами разной высоты и с арками разной кривизны. Его защищали опускная решетка и пара ворот. Внешний портал красив и своеобразен. Он имеет отверстие около 10 футов и форму плеч, причем плечи представляют собой обработанные кронштейны. Вверху находится остроконечная рельефная арка, а тимпан между ними сложен из камней, подогнанных друг к другу с большой аккуратностью. Вверху находится хорошее окно с плоским верхом, украшенное двумя фонарями, обрамленными трилистником. В шпангоутах портала видны

следы отверстий для цепей для моста. Сторожка, очевидно, относится к двум периодам. Все, что находится за пазом опускной решетки, является оригинальным, либо поздненормандским, либо раннеанглийским. Паз со всем, что было до него, украшен поздно, вероятно, того же возраста, что и верхний этаж крепости.

Несмотря на то, что здания этого замка сильно пострадали, любопытно, что опоры, контрпространства и перемычки четырех мостов сохранились в полном совершенстве, и все из отличного тесаного дерева. Внутренний, или пирс, с которого упал мост, имеет длину от 9 до 12 футов, а отверстие в яму, через которую он упал, составляет 12 футов. Опора, на которую опускался мост, намного длиннее, от 40 до 45 футов, и поскольку эта длинная и открытая дамба имела ширину всего 12 футов, любая группа врагов, приближающаяся по ней, была бы поставлена в крайне невыгодное положение.

Трудно составить мнение о возрасте земляных укреплений этого замка. Либо римляне, либо норманны могли проложить земляное сооружение по прямоугольному плану, но когда один из народов хотел построить сооружение чрезмерной прочности, они использовали каменную кладку, а не земляные работы. С другой стороны, саксы и ранние англичане, хотя и уделяли много внимания использованию земляных укреплений, и часто в огромных масштабах, как известно, никогда не делали их прямоугольными. Какова была практика романизированных бриттов, которые, унаследовав кое-что от римских искусств и военных правил, также вполне могли унаследовать от своих кельтских предков вкус к земным работам, неизвестно. Такое укрепление, как нынешнее, возможно, отчасти является их работой. Конечно, возможно, что все это было работой Роберта Фурсана, тем более что, какой бы замечательной она ни была, она не названа ни в "Страшном суде", ни в каких-либо ранних записях.

Хелмсли появляется, как уже говорилось, в "Страшном дне" как "Элмеслай из вапентакс Лангеберга". Сейчас он находится в Райдейле; но то, что имеется в виду именно это место, кажется несомненным, поскольку оно упоминается вместе со Спрост-Туном, ныне Спрокстоном, одним из его поселков, и Харуном, ныне Гаромом, приходской часовней. Записи имеют самое обычное описание. Арендаторы: "В Спростуне, Турлоге, Нормандии и Сортколфе; в Элмесле, трес—Тайни; в Харум-Сортколе". Когда эти держатели были сметены и кто им наследовал, неизвестно; но, по словам Дагдейла, Хелмсли принадлежал в царствование Генриха I. Уолтеру Л'Эспеку, очень известному барону. Он фигурирует как связанный с Йоркширом, Бедфордширом и Карлайлом в свитке 31 Генриха I., 1130-1; и потеряв своего единственного сына в результате падения с лошади, он основал аббатства Киркхэм и Риво в Йоркшире и Уордон в Бедфордшире. Л'Эспек был нормандцем и владел поместьями в Нормандии, но когда и как он переехал сюда, не записано. Некий Уильям Шпех упоминается в "Судном дне" как крупный арендатор в Бедфордшире, и он, возможно, является отцом Уолтера, у которого там были земли. Он умер в 1153 году, а в 1157-8 годах Уолтер де Бюсси выступил против Роберта де Роса за раздел этого поместья. Кем был этот Роберт де Рос, неизвестно. Аделина, дочь и сонаследница Уолтера, вышла замуж за Питера де Роса, который по праву ее происхождения был из Хелмсли, или, как его всегда называли, Хэмлейка.

Питер де Рос, чье имя произошло от его светлости Роса в Холдернессе, был, по словам Аделины, отцом Эверарда де Роса, который фигурирует в Liber Niger как арендатор в *капитале* нескольких йоркширских сборов, в число которых, без сомнения, входил Хелмсли, поскольку многие фамилии арендаторов местные, такие как Хайран, Споустон и Стейнсгрейв. Эверард, будучи несовершеннолетним, находился тогда под опекой Ранульфа де Гланвилля. Он умер до 1186 года, и ему наследовал его сын Роберт, третий лорд Хэмлейк

по фамилии Фурсан, один из баронов Великой хартии вольностей и известный строитель замка Хелмсли. Он умер как тамплиер, и его изображение до сих пор выставлено в их церкви в Лондоне.

Робер де Рос, его внук, который, вероятно, выполнил самые ранние дополнения к творчеству своего деда, женился на Изабель д'Альбини, наследнице Бельвуара.

От них произошел Уильям де Рос, седьмой лорд Хэмлейка, который умер в 1342-1323 годах и, вероятно, достроил крепость, внешнюю сторожку и барбакан в Хелмсли. С его потомком Эдмундом, пятнадцатым лордом, мужская линия оборвалась, и Хелмсли вместе со своей сестрой и сонаследницей Элеонорой перешел к сэру Роберту Мэннерсу, или, скорее, к их сыну Джорджу Мэннерсу.

Его потомок, Фрэнсис Мэннерс, шестой граф Ратленд, стал лордом Розом Хэмлейком по патенту, который, однако, умер вместе с ним, поскольку у него осталась только дочь Кэтрин, вышедшая замуж за Джорджа Вильерса, герцога Бекингема, сын которого растратил поместье, которое после его смерти было продано предку нынешнего владельца. Баронство Рос, или Роос из Хэмлейка, было названо из-за бездействия, но существует совершенно отдельно от замка или поместья.

ЗАМОК ХЕРЕФОРД.

Жители границ Англии, будь то на севере или на западе, были смелыми, выносливыми и агрессивными расами людей, их вотчиной были вересковые пустоши и трясины, дикие унылые возвышенности, которые встречаются на границе с Шотландией, или крутые скалы и неровные ущелья, которые давали силу и, в обычных случаях, безнаказанность валлийцам. Шотландцы, действительно, происходили из одного племени с англичанами и недавно вошли в состав того же королевства под властью тех же лордов; и земли непосредственно к югу от Тайна или Твида не были существенно богаче земель непосредственно к северу от них. Но у валлийцев были другие, более веские причины для их постоянных и свирепых преступлений. Они были прежними владельцами всей страны, о владении которой до сих пор свидетельствуют названия холмов и рек, а также многих главных городов Англии. Они были совершенно иной крови и говорили на совершенно ином языке, чем саксы или норманны: первые постепенно вытеснили их в западные и менее плодородные районы острова, а другие держали их взаперти в их горных крепостях и отвечали на их непрерывную партизанскую войну случайными вторжениями в больших и, по тем временам, непреодолимых масштабах.

Прямо перед валлийскими горами раскинулись одни из самых плодородных земель Британии — возделанные, заселенные и укрепленные захватчиками, которые, не довольствуясь склонами Коттсволда и бархатными лугами на левом берегу Северна, продвинули свои завоевания далеко за пределы правого берега, удерживая величественный хребет Малверн и богатые пастбища Тем, Луг, Фром, Уорм и Уай, вплоть до дамбы Оффа. Эта дамба, которую до сих пор можно проследить на большей части ее протяженности, между устьями рек Северн и Ди, считалась вечным знаком неполноценности, непреходящим оскорблением патриотических чувств каждого валлийца. Поэтому неудивительно, что валлийцы всегда были мятежниками, постоянно вторгались с огнем и мечом на английскую

территорию, и особенно в самый богатый и, по своей природе, наименее защищенный ее участок, прекрасное графство Херефорд.

Херефордшир был впервые покорен римлянами. В трех милях к северу от города находятся остатки лагеря, вероятно, британского, занимавшего около тридцати акров земли и ныне известного как Саттон-Уоллс, немного южнее которого проходит линия дороги, которая вела к римскому городу Магна-Кастра, в четырех милях к западу, и продолжалась дальше в том же направлении.

В какой именно период Херефордшир перешел под саксонское иго и был присоединен к Мерсии, неизвестно — вероятно, при Креоде, в начале седьмого века. Престол был основан в 680 году, когда здесь проходил синод под руководством Путты, первого епископа. Саттон, или Сауттон, названный так из-за своего расположения недалеко к югу от римского лагеря, которому он дал свое название, в очень ранний период был резиденцией мерсийских королей. Здесь, в середине восьмого века, проживал знаменитый Оффа, вероятно, во время строительства своей дамбы, которая проходит примерно в шести милях к западу; и здесь в 794 году было совершено убийство Этельберта, его предполагаемого зятя, деяние, которое привело к расширению соборной церкви, на которую были в значительной степени выплачены покаянные пожертвования Оффы. В хартии короля Кунульфа, 799 г. н.э., упоминается Херефорд, как и в других документах Денеберхта, в 802 и 803 годах, последняя запись о некоем “монастыре олим в античных диктатах и Херефордском церковном престоле”. Саттон оставался мерсийским дворцом до объединения семи королевств при Эгберте Уэссекском в 827 году.

Эдуард Старший, великий строитель укреплений, который отремонтировал цитадель и стены Честера в 909 году, по словам Графтона, также укрепил Херефорд, возведя там крепкий замок. Его сестра Этельфледа, еще более великая строительница замков, чем он, и которой обязаны курганами Татбери, Тэмворт, Лестер и некоторые другие, была вдовой Этельреда, герцога Мерсии, в 915 году, когда датчане продвинулись по реке Уай и взяли в плен епископа Арченфилда. Она атаковала и разгромила их перед Херефордом, без сомнения, воспользовавшись новыми укреплениями. Вскоре после этого она умерла.

В начале XI века саксонское владычество распространилось так далеко, что Плотина осталась позади, а Уэльс считался частью Англии, и была предпринята попытка заставить его вносить взносы в общий налог для защиты острова от датчан. С этой целью Эдвин, старейшина Мерсии, повел армию до Сент-Дэвидса, наказав людей за их отказ. В тот период и во время правления Исповедника валлийцами руководил Гриффит-ап-Ллевелин, способнейший из их принцев и, по сути, единственный, кто когда-либо объединял валлийцев или давал англичанам повод для чего-либо похожего на серьезные опасения. Иногда ему помогали датчане из Ирландии, иногда предательские саксонские вожди, а иногда даже недовольные норманны. В течение первой половины XI века он вел в целом успешную войну против Херефордшира. Судя по количеству, размаху и характеру существующих земляных укреплений, несомненно, что Ирчен, или Архенфилд, называемый валлийцами из-за его буковых деревьев “Трефаврх”, а иногда англичанами “Фернли”, с самого раннего периода был заселен англичанами; но либо не доверяя им, либо потому, что он хотел держаться подальше от посетителей, которых он привлекал, но которых он боялся, исповедник предоставил большие наделы земли в этом районе своим нормандским придворным, с которыми, следовательно, Гриффиту нередко приходилось встречаться. договорились.

Самое раннее из этих пожалований, по-видимому, было предоставлено Ричарду Фиц-Скробу, чья крепость, построенная по неизвестному до тех пор в Англии способу, вызвала

большое и всеобщее возмущение. Его первоначальный замок был заменен более поздними постройками, ныне также находящимися в руинах, но земляные валы, вероятно, оригинальные; и название замка Ричарда показывает, насколько глубоко страх его строителей был внушен людям; и, более того, это очень редкий пример прихода, носящего чисто нормандское название.

Граф Годвин и его сыновья воспротивились этим пожалованиям, и именно для того, чтобы усилить свои протесты против них, английский тан вывел войска из Беверстона и призвал Исповедника отказаться от своих чужеземных фаворитов — борьба, которая в конце концов закончилась временным изгнанием этого истинно английского аристократа.

В 1052 году, во время изгнания Годвина, Гриффит вторгся в Херефордшир и продвинулся до Леоминстера, прежде чем Фиц-Скроб и его норманны вышли ему навстречу. Они были разбиты в решительном сражении на открытой местности.

В 1055 году графство Херефорд оказалось в руках Ральфа по прозвищу “Робкий”. Гриффит, объединившись с Эльфгаром, саксонским лордом Восточных Английских, которого сопровождал ирландский отряд, ворвался в Арченфилд и снова опустошил границу. В двух милях от Херефорда Гриффит и Эльфгар были встречены графом Ральфом, который, похоже, с присущим норманнам презрением к пехоте придал чрезмерное значение своей кавалерии, результатом чего стало полное поражение. Гриффит вошел в Херефорд, который был незащищен, разграбил и сжег город, с чрезмерной суровостью обошелся с собором и духовенством и разрушил то, что “Брут” называет гаер, то есть каструм или форт. Судя по всему, этот отчет подразумевает, что город тогда не был укреплен. Мистер Фримен считает, что гаер был произведением каменной кладки. Как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что это было сооружение на месте более позднего замка, поскольку он, несомненно, располагался у реки в целях обороны; а поскольку расположение собора, несомненно, всегда было одинаковым, между его стенами и западным болотом едва ли нашлось бы место для крепости. Расположение моста тоже, вероятно, древнее, и он вел бы в город, а не в гаэр. Внешний вид земляных укреплений в том виде, в каком они существовали до сноса насыпи и засыпки соответствующего рва, во многом напоминал те, что были при Тамворте, и другие работы, приписываемые Эдварду и Этельфледе, и гаер вполне мог относиться к той дате, что касалась земляных работ. Это нашествие валлийцев в 1055 году было самым суровым и длительным по своим последствиям из всех известных. Пострадал весь Арченфилд, и следы спойлера были зафиксированы много позже в Domesday.

Хотя за возвращением Годвина из изгнания в 1052 году последовало изгнание большинства нормандских захватчиков, Ричард Фиц-Скроб, один из самых агрессивных, кажется, остался и долгое время спустя сверг Эдрика Дикого; и его сын Осборн, после короткого изгнания в Шотландии, вернулись в Херефордшир и занимали должности и достоинства как до, так и после Завоевания.

В 1055 году Годвин был мертв, и Гарольду, как графу Западных саксов, принадлежало искупить позор, навлеченный Ральфом Робким. Он не терял времени на подготовку. В течение того же года он собрал свои силы в Глостере и одним своим присутствием очистил Херефорд от валлийцев и эльфгарцев. Он сразу же укрепил Херефорд. Неизвестно, восстановил ли он замок, но он окружил город стеной, без сомнения, по образцу более поздней постройки. Мистер Фримен предполагает, что работа Гарольда была простой “насыпью из земли и россыпных камней”, Флоренс из Вустера описывает ее как “Валлум латум и алтум.” Судный день“, однако, отмечает, что “мурус” в Херефорде стоял во времена Исповедника, так что Гарольд, когда Херефорд перешел под его непосредственное

управление, возможно, как предполагает мистер Фримен, заменил свой валлум каменной стеной. Оборона Гарольда, вероятно, не включала предместье, которое уже тогда должно было существовать, поскольку во "Страшном суде" мы читаем о бюргерах внутри и бюргерах вне стен; хотя последние получили бы не полную защиту от широкого пояса болот, которые тогда окружали город.

Гриффит запросил и получил условия мира. Тем не менее, его не устраивало позволять Херефорду становиться сильным форпостом. В начале 1056 года он снова пересек границу. Ему противостоял Леофгар, новый епископ, который, однако, был убит в первом же бою. Его преемник Элдред — человек такой же решительности, но более удачливый, — держал валлийцев в узде, заключил мир, и укрепления Херефорда были завершены.

В 1062 году Гриффит снова появляется на сцене. Вероятно, он пересек Херефордшир, поскольку пересек Северн в епархии Вустера. В этом случае Гарольд, выступивший не как защитник той или иной провинции, а всего королевства, предпринял встречное движение и вторгся в Северный Уэльс. За этим последовало в 1063 году великое вторжение Гарольда, в ходе которого Гриффит был убит своими же соотечественниками, а Уэльс покорился, лишившись своего величайшего сына. Именно по окончании этой войны Гарольд занялся строительством своего рода охотничьего домика для своего государя в низменностях Гвента, в Порт-скивете, где до сих пор видны земляные укрепления. Сторожка была атакована и разрушена во время строительства Карадоком-ап-Гриффитом-ап-Риддерчем из Южного Уэльса.

Херефорд не играл никакой роли в Завоевании, но город и графство занимают почетное место в Обзоре Судного дня, где обычаи описаны в мельчайших деталях. У короля там было шесть ростовщиков, а у епископа - один. Из городских жителей 103 принадлежали королю, а двадцать семь - графу Гарольду. Все арендаторы бурга были призваны на военную службу против валлийцев.

Обычаи валлийцев на земле короля Эдуарда в Арсен-Фельде, или Ирченфилде, также записанные там, любопытны и показывают не только раннее существование местного ополчения для сопротивления валлийцам, но и то, что люди были в основном валлийской крови и использовались против своих соотечественников. Король владел там тремя церквями, и их священники должны были быть королевскими легатами или послами в Уэльсе, и когда армия выступала в поход против врага, людям Архенфилда поручался пост, сопряженный с доверием и опасностью. Во время наступления они должны были образовать "Ауантварде", а при отступлении - "Красную гвардию".

Таким образом, поскольку таковы были предки Херефордшира, не стоит удивляться тому, что он изобиловал укрепленными местами, почти все из которых имеют указания на раннюю датировку, и во многих можно проследить гору или ущелье, которые в Англии есть веские основания считать популярными в десятом веке. Судный день, обычно умалчивающий о крепостях и перечисляющий только сорок девять во всей Англии, упоминает в этом графстве восемь и два укрепленных дома. Однако их было гораздо больше, и по сей день сохранились более или менее значительные следы двадцати восьми, из которых на многих сохранилась гора и другие земляные сооружения раннего характера. Подобные сооружения найдены в Бреконе и Билте, местах, которые, как известно, принадлежали англичанам в ранний период. Без сомнения, эти крепости, первоначально укрепленные деревом, снова и снова сжигались восставшими валлийцами; но позиции большинства из них были выбраны удачно, и у каждой было свое окружающее поместье, так что, когда после завоевания великие нормандские бароны двинулись в Уэльс, они построили на этих местах каменные

замки по своему образцу, из которых немногие сохранились, хотя многие, будучи разрушенными, были отстроены заново в правление Генриха III или позже.

Прибытие Уильяма, без сомнения, подтвердило и расширило любую местную власть, которая могла быть предоставлена Ричарду Фиц-Скробу и его сыну при Гарольде. Осборн, как шериф, владел Херефордом, и либо он, либо первый нормандский граф, вероятно, перестроили замок на нормандский манер.

Уильям Фитцосборн, великий нормандский вождь, “магистр воинской славы”, граф Херефорд с 1067 по 1071 год, был страшным бичом валлийцев, которых он отбросил назад и победил на берегах далекого Рифни. Ему приписываются замки Стригвил, Клиффорд, Вигмор и Эвиас — то есть их нормандская часть, в некоторых из которых, по крайней мере, сохранились более старые земляные сооружения.

Роджер де Бретуй, третий сын Уильяма, наследовал ему графство. Он не играет никакой роли в истории графства или замка. Потерпев неудачу в восстании в восточных графствах, он закончил свои дни в тюрьме.

Когда умер Бретуйль, неизвестно, но в 1138 году Херефорд под командованием Уильяма Тэлбота успешно выстоял против Стефана во время длительной осады. Обороне во многом способствовал Майло, констебль Англии, который получил графство Херефорд от Мода в 1140 году, и оно оставалось в его семье до конца столетия. Патент Мило дал ему ров, вероятно, “молот”, и весь замок. Однако как графу ему не повезло. Стефан вернулся, захватил замок и торжественно надел свою корону в кафедральном соборе.

Роджер, сын Мило, был в оппозиции к Генриху II, но спасся благодаря мудрым советам Фолиота, епископа. В правление Иоанна менее сдержанный или более смелый прелат — Джайлс, барон де Броуз - объединился с Ллевелином; но, не сумев привлечь на свою сторону жителей Херефорда, умер в изгнании. После этого замок, по-видимому, перешел во владение короны и таким и остался. Принц Джон передал опеку над ним Роджеру Бигоду, и на шестом году своего правления в качестве короля и на седьмом - Генриха III Уильям, брат Томаса, лорда Кантелупе и шерифа, также был губернатором. Бурное правление Генриха III придало ценность замку Херефорд. 15 Генриху III, Джону Фиц-Террику и Уильяму де Стоу, инспекторам работ в Херефордском замке, было выделено 20 фунтов стерлингов на ремонт стен. 16 Генрих III, Террик и Роджер Карлтон были инспекторами мангонелей и петард в замке. 26 Генрих III, Джон и Роджер ле Веррур были землемерами и потратили 7,8 шилл. 6½ д. на артиллерию, и 12,1 шилл. 4д. фунтов стерлингов на изготовление требушета под названием “Блайт”, и 40,4 шилл. 4д. фунтов стерлингов на строительство башни в замке. 42 Генрих III., замок находился в руках шерифа Генри де Пембриджа, пока бароны не вынудили короля назначить Джона де Грея.

44 Генрих III, Роджер Мортимер был губернатором и проник в Уэльс до самого Билта. Однако он, в свою очередь, подвергся нападению и удерживал замок, хотя и всего несколько недель, против Саймона де Монфорда и принца Ллевелина. Епископ Аква Бланка был схвачен и заключен в тюрьму в Эрдесли. Питер де Монфорд, сын графа, управлял графством и использовал его представителей для ремонта замка. После битвы при Льюисе принц Эдуард был здесь пленником.

О побеге Эдварда отсюда часто рассказывали. Уайдмарш, откуда он ускакал, до сих пор носит это название и находится примерно в миле к северу от города.

В течение всего этого времени, начиная с 1199 года, титул графа Херефорда носил Генри де Богун, мать которого была сонаследницей предыдущего графа, но ни он, ни его знаменитые потомки, графы Херефорд и Эссекс, хотя они владели замком Хантингтон и графством Брекнок и построили замок Калдекот, похоже, никогда не были лишены того Херефорда, который оставался в короне.

Вскоре после бегства Эдуарда Джон ле Веррур и Уильям Валет были инспекторами работ для короля в Херефорде и взимали 45,6,10½ фунтов стерлингов. для ремонта стен и королевских домов. Уильям Капон также владел землями в Мардене благодаря тому, что охранял вход в замок, и это при Генрихе III было заменено военной службой в полевых условиях.

Возможно, замок использовался как местная сокровищница; во времена первого Эдуарда I. Генри Пигот владел 46 акрами *в капитале*, поскольку занимался перевозкой королевских сокровищ из Херефордского замка в Лондон. В том же году землемеры Ричард Портер и Ричард ле Паннер взяли 21,1 шиллинга 6 фунтов стерлингов на расходы и ремонт королевского дома в замке, а в следующем году им разрешили отремонтировать пятнадцать дубов из королевского леса Хейвуд, расположенного в миле к юго-западу от города.

2 Эдвард I., Джайлс Беркли, шериф, потратил на ремонт 4,15 миллиона фунтов стерлингов, а в 7-8 Эдвард I., Роджер Бургхалл, его преемник, потратил 2,5 миллиона фунтов стерлингов. 4. Хью Тербервилль, представитель очень неуправляемой расы, как оказалось, при шерифе сжег и уничтожил в замке королевский дом, а также некоторые боевые машины и военные склады на сумму 100 фунтов стерлингов. За это он был помилован 5 ноября 48 г. Генрихом III; но долг остался, и 9 ноября Эдуарда I. шерифу было приказано наложить арест на его имущество.

12 Эдуарда I. В замке была возведена новая часовня, и бароны казначейства, по распоряжению короля, выделили Роджеру де Бургхаллу 10,6,8 фунтов стерлингов на этот счет. 15 Эдуард I, Генри де Солерс, уроженец Херефордшира, отвечал за замок с оружием и припасами. 32 Эдвард I., Майлз Пичард взимал 40 марок за ремонт, который был запрещен из-за отсутствия сертификата геодезиста. Джон де Эктон был губернатором, 33 Эдвард I.

1 Эдуард II, Алан Плукенет, хранитель королевского леса Хейвуд, должен был выделить двенадцать дубов и камень для ремонта стен и башен замка. Ральф Фримен владел землями *в капите*, во Фромингтоне, благодаря тому, что обносил веревкой стены замка, когда их измеряли. 5 Эдуарда II, он заплатил полмарки за свое облегчение и заменил будущие выплаты на 7 шиллингов 7 пенсов в неделю. 10 Эдуард II., Хью де Хаклюит взял 5 фунтов стерлингов за ремонт.

13 Эдуард II, шериф Ричард Уолвин потребовал 6,13 шиллингов 6 долларов за ремонт. В конце правления королева созвала большой совет в Херефорде, и Хью ле Деспенсер-младший был повешен на высокой виселице за пределами Фрайарз-Гейт. Во время правления Эдуарда II Уэльс был лоялен, а Херефордом, следовательно, пренебрегали. Джон Гонт был его губернатором, 1 Ричард II., но даже его великая любовь к строительству не проявилась здесь. Еще в 8 веке Генриха VI город получил грант на поставку древесины для замены стены там, где это было необходимо.

Замок пролежал незамеченным и более или менее представлял собой руины в течение нескольких столетий, пока не стал ареной одной из схваток между Карлом и его народом. Впервые он был захвачен сэром Уильямом Уоллером для выборов в парламент в 1643 году вместе с городом, который тогда также был обнесен стеной и позиции которого, естественно, сильны. Он ушел из него раньше принца Мориса, но вскоре после этого, без

удара меча, вернул себе владение, чтобы снова уйти в отставку, так что в 1644 году им по-прежнему владел король. Однако в 1645 году его проблемы начались не на шутку. Лесли и шотландцы регулярно осаждали его, а с юга Уая открыли разрушительный огонь по замку, собору и епископскому дворцу. Сэр Барнабас Скудамор с одиннадцатью орудиями стойко держался, отбил попытку штурма и вынудил противника довольствоваться блокадой. Поскольку мельницы без стен были разрушены, другие были импровизированы внутри них. Затем шотландцы разбили лагерь на Бертоншоу Мидс, недалеко от замка, между ним и рекой. Скудамор, чья оборона вышла из строя, а его гарнизон ослаб, послал за деревенскими жителями в качестве рабочих. Враг узнал об этом и, проникнув под видом рабочих, преуспел в захвате этого места. Тогда общественным зданиям был нанесен значительный ущерб, и замок, как принадлежащий короне и превратившийся в руины, был продан примерно в 1652 году за стоимость материалов.

ОПИСАНИЕ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ.

Замок Херефорд был одной из самых сильных, передовых и важнейших крепостей на Валлийском марше, которая, будучи расположена в очень плодородной и открытой местности, была особенно опасна для валлийцев и очень подвержена нападениям с их стороны. Нынешние руины не так уж малы, но, как это часто бывает с крепостями до-нормандского времени, они ограничены в основном земляными укреплениями и включают лишь незначительные следы более поздней каменной защиты.

Замок располагался на левом или северном берегу реки Уай, к востоку от городского моста, кафедрального собора и, в некоторой степени, от города, юго-восточный угол которого он занимал. Несмотря на то, что он исключен из городских свобод, он, как и город, покрыт на некотором расстоянии крутым склоном, у подножия которого протекает ручей Язор, который, поднимаясь далеко на запад за Кентчестером, и остатки Великой Кастры, снабжали широкий участок низменности, до сих пор известный как Форстерс-Мур, Мурфилд, Кэнонс-Мур, Прайорс-Мур, Истерн-Мур, Мур-Барн и Вайдмарш, к северо-западу от города, и который, огибая его северным фасадом ниже Барон-Корт, образует обширную равнину. поворачивает на Монкмур и Скалт-Миллс и, наконец, впадает в реку Уай у Эйн-Милл, некоторые следы которой сохранились примерно в полумиле впереди и ниже замка. Земля, включенная таким образом, находится на северо-востоке, на широкой и сухой платформе из гравия, очень плодородной и, вероятно, используемой в качестве безопасного пастбища в дикие времена. Нижний тракт на северо-западе, ныне осушенный и либо возделанный, либо застроенный, в прежние времена, должно быть, представлял собой почти непроходимое болото.

Город Херефорд внутри своих стен был в плане примерно на три четверти неправильной окружности, расположенной на реке Уай, которая образует его вогнутую хорду. Его размеры составляли, с севера и юга, 600 ярдов; с востока и запада, 770 ярдов; и вдоль берега реки, около 600 ярдов; включая собор и замок. Общий обхват составлял около 2350 ярдов. Стены — без сомнения, нормандские — на более старых линиях были ограничены обращенными к суше сторонами, за исключением примерно 50 ярдов над городским мостом, и имели в длину около мили с четвертью. Их пересекали шесть ворот — мост Уай, снятый в 1782 году; Ворота Фрайарз и Эйн на западе, снятые в 1787 году; ворота Вайдмарш и Бай, или Бишопс Гейт, на севере, снятые в 1798 году; и ворота Святого Андрея или Святого Оуэна на востоке, снятые в 1786 году.

Стены были усилены пятнадцатью полыми фресковыми башнями, расположенными на расстоянии от 75 до 125 ярдов друг от друга, или на расстоянии “выстрела флайта”, — как

объяснили, в пределах 400 ярдов, а здесь гораздо меньше. Они были скорее полукруглыми, чем наполовину, то есть их боковые стенки были немного выпуклыми или сводчатыми в плане, и они были 34 фута в высоту, с крестообразной петлей спереди и, вероятно, двумя другими по бокам. По крайней мере, два из них сохранились и доступны, хотя их верхняя половина была удалена. Промежуточный занавес был высотой 16 футов с внутренней стороны, но он был построен напротив старого английского берега, который, таким образом, закрывал нижние 6 футов внутренней поверхности и служил пандусом. Помимо двух уже упомянутых башен, которые стояли на северо-западной стороне, стену можно проследить вдоль западной стороны от Бишопс-Гейт - ныне "Торговой дороги" - до берега реки. Там, где она была опущена, ступенька остается, и видна разница между уровнем внутри и снаружи. Часть этой стены от Монашеских ворот до реки открыта для просмотра из внешнего загона. Ров был частично засыпан, но стена осталась высотой около 12 футов без изменений, за исключением удаления ее верхних 4 или 6 футов. На равном расстоянии около 50 футов друг от друга расположены широкие пилястровые контрфорсы с небольшим выступом и без выступов. Они врезаны в стену ниже ее нынешнего верха. По-видимому, на этой части стены не было никаких настенных башен. Какая-то мануфактура скрывает окончание этой стены со стороны реки, где, вероятно, стояла башня; и от этого места до моста ряд современных домов эффективно скрывает любые уцелевшие фундаменты. Прокладка городской стены, или того, что от нее осталось, хотя и с параллельными улицами, представляющими собой вал внутри и ров снаружи, является деликатной операцией; ибо здесь находятся самые низкие дома города, и жители, по-видимому, занимаются ремеслом тех, кто в Иерихоне жил в аналогичной местности. Та часть стены, на которой видны пилястры, без сомнения, является первоначальной нормандской стеной. Часть за ней или, по крайней мере, башни на ней, вероятно, относятся ко временам Генриха III. Широкая современная улица, называемая Коммерсиал-роуд, которая занимает место старых Епископских ворот, конечно, привела к удалению всех следов стены рядом с воротами; но линию все еще можно проследить вокруг восточного квартала города до угла замка. Здесь, как и прежде, проходят две дороги — одна внутри, другая снаружи линии стены, — фактическое расположение которых обозначается иногда несколькими камнями, вделанными в стены более поздних домов, а иногда углублением почти на 6 футов в высоту. За воротами Сент-Оуэна на протяжении нескольких ярдов сохранилась настоящая стена, которую можно увидеть с внешней дороги. Она простирается до контрскарпа замкового рва, где резко обрывается, будучи частично снесенной.

Городской мост пересекает Уай шестью круглыми арками, и все они, по-видимому, старые. Одна укреплена тремя простыми квадратными ребрами жесткости, а на другой видны следы аналогичного дополнения. У моста смелые опоры, и этим воспользовались, чтобы расширить его, сделав дополнительную арку шириной около 5 футов с каждой стороны, так что старая конструкция частично скрыта. Не указано, где были расположены укрепленные ворота; вероятно, на последней узкой арке со стороны города. На самом деле, здесь нет никаких следов перфорации для подъемного моста, и традиция помещает ворота во внешнем конце.

Рядом с мостом и немного ниже него, недалеко от берега реки и немного южнее центра города, стоит кафедральный собор, а ниже и рядом с ним - замок.

Помимо кафедрального собора и пристройки к нему церкви Святого Иоанна, в крепостных стенах стояли четыре церкви — Святого Николая, Всех Святых, Святого Петра и Святого Оуэна. За Уаем также находился собор Святого Мартина, разрушенный во время

гражданских войн. Расположение улиц неправильное, никоим образом не крестообразное и не указывает на какое-либо римское устройство. Расположенный таким образом и защищенный, Херефорд был очень сильным местом, каким и должен был быть, поскольку подвергался ожесточенным и неоднократным нападениям валлийцев, которых особенно возмущало, что было естественно, завоевание их самых плодородных провинций захватчиками.

Замок, как уже было сказано, занимал юго-восточный квартал города. Он находился в приходе Святого Иоанна. Лиланд описывает его как один из самых красивых, больших и прочных замков Англии.

Он состоял из двух укреплений, расположенных бок о бок вдоль берега реки Уай, фактически не на ручье, который, если бы укрепления были земляными, мог бы их подорвать; но примерно в 7 ярдах от крутого пологого берега и на краю его, примерно в 8 футах над водой.

В общем плане восточный приход имел продолговатую форму, стороны были почти прямыми, а восточный конец более узким, чем западный. Восточная оконечность проходит под прямым углом к реке и имеет длину вдоль старой линии ее стены 100 ярдов. Южная сторона, или берег реки, имела длину 175 ярдов, как и северная сторона. Западный фронт, соединяющий эти два участка, имел длину 196 ярдов. Эта ограда образовывала восточный, или нижний, округ и насчитывала около 26 000 квадратных ярдов.

Верхняя, или западная, защита была нанесена на конец восточной и, подобно ей, упиралась в реку. По форме он был округлым, или, скорее, неправильной многоугольной формы, и состоял из большого конического кургана, полностью искусственного, с окружающим его рвом. Внутри рва он измерял с восточной и южной сторон каждые 100 ярдов, а с трех оставшихся сторон - по 60 ярдов с каждой. Следовательно, в обхвате он составлял около 380 ярдов, а в площади - около 14 000 ярдов. Таким образом, площадь всего замка, включая рвы, могла составлять около 8 с половиной акров. Утверждается, что восточный приход занимал около 5½ акров.

Земляные работы в нижнем приходе относительно безупречны. Они состоят из крутого берега вдоль северной и восточной сторон, высотой от 15 до 30 футов, причем самая высокая и широкая часть находится под северо-восточным углом, где, вероятно, стояла башня. Этот берег, очевидно, был насыпан из широкого и глубокого рва, который остается совершенным и полным воды с северной стороны; но недавно был засыпан на востоке до самой реки; не сохранилось также никаких следов замковой мельницы, стоявшей на ее слиянии с рекой. Земля приподнята вдоль берега реки примерно на 4 фута, а возможно, была и выше. С западной стороны или по направлению к верхнему кварталу берег был сброшен в канаву, и от них остались только следы. Лиланд говорит, что там был "большой мост с каменными арками и подъемным мостом посередине для входа в замок", но даже во времена Лиланда его не было.

Вход в это отделение, очевидно, находился под северо-западным углом, там, где ров пересекает дамба, и сейчас туда заходят люди. Во времена Спида здесь была сторожка, которую он поместил, вероятно, из-за ошибки при рисовании, примерно посередине этого лица. Но берег там слишком высок, а ров слишком глубокий и широкий, чтобы можно было устроить там вход.

Современный музей, построенный на берегу реки в юго-западном углу прихода, или, скорее, между двумя приходами, и над линией рва, содержит некоторые части более старого здания и дверной проем времен Генриха III. или Эдвард I. Это здание, вероятно, охраняло выход из

среднего рва в реку, а также было сторожкой между двумя приходами. Спид показывает здесь что-то вроде водяных ворот, что достаточно вероятно. Поверхность нижнего прихода ровная. В нем стояла часовня святого Кутберта с полукруглой апсидой, а во времена Спида также два небольших жилых дома. Лиланд говорит: “В замке есть веселый и обильный источник воды, и он, а также часть ручья, вытекающего из канавы, действительно приводили в движение мельницу внутри замка”. Это было в дополнение к мельнице снаружи и к северу от замка, и, вероятно, являлось частью нынешнего дома-музея.

Земляные сооружения верхнего квартала, к сожалению, были разрушены, насыпь и насыпи сброшены в канавы, и все выровнено, а многое застроено заново. Место кургана занято огороженным треугольным огородом. Сохранился колодец или источник, о котором говорят как о святом Этельреде. Он открывается за зданием музея, примерно в 50 футах от реки и на высоте 6 или 8 футов над ней. Поскольку он описан как находящийся дальше к северу, вполне вероятно, что при засыпке канавы была проложена труба для отвода воды на ее первоначальный уровень. В этом приходе находился курган, известный как Замковая гора, который, по-видимому, был убран в начале нынешнего столетия. У основания он был окружен многоугольной навесной стеной, за которой находился ров. Трудно четко понять, как был заселен курган. Лиланд говорит: “Во внутренней варде была одна большая башня”. Сэр Генри Слингсби в своем дневнике за 1645 год описывает Херефорд как город, мало чем отличающийся от Йорка, “поскольку в нем есть круглая башня, установленная на холме, похожая на Клиффордс-Тауэр, и мельницы рядом с ней, с некоторыми небольшими сооружениями, рядом протекает река Уай; но стены, хотя они и высокие, все же не установлены на склоне, как йоркские”. Это достаточно понятно, поскольку стены, о которых говорится, находились у подножия холма; но Лиланд говорит также о донжоне или цитадели, план которой неизвестен; но на его стене десять полукруглых башен, а внутри то, что, по-видимому, было квадратной башней значительной высоты, в основании которой находилась темница. Из очень четкого отчета сэра Генри Слингсби мы можем с уверенностью заключить, что на кургане, подобно Кардиффу и Килпеку, находилась артиллерийская крепость; но она едва ли могла быть оборудована десятью полукруглыми башнями. Вероятно, они принадлежали к *ограждающей* стене внизу. Судя по всему, в цитадель входили с юго-восточной стороны по крутым ступеням, поднимавшимся на насыпь. В кургане был колодец, выложенный камнем, как в Йорке.

Рвы замка были широкими, глубокими и наполнялись водой не из реки, или частично из нее, а из ручья, который, по-видимому, питал городской ров с этой стороны и, подойдя к замку под северо-восточным углом, разделялся: часть его текла прямо вдоль восточного фасада нижнего квартала к реке, а другая часть питала северный ров, и ров, который отделял верхний квартал от нижнего, и ров, который огибал восточную сторону квартала и отделял его от территории собора. Эта последняя канава также получила небольшой вклад от колодца Святого Этельреда, источника на северной стороне верхнего прихода, о котором уже упоминалось. Замковая мельница стояла на пересечении восточного рва с рекой Уай. Вода в канавах замка, конечно же, была загнана обратно для использования мельницей и для усиления обороны, и, похоже, она текла обратно по городскому рву до ворот Сент-Оуэна, таким образом укрепляя и соединяя город и замок.

Таким образом, мы должны кратко описать составные части Херефордского замка, продолговатое пространство с рекой с одной стороны и высокими берегами и рвами с трех других. Один конец был отрезан от остальных и имел надлежащий ров, более или менее круглую форму, а внутри него - коническую насыпь с вершиной в виде стола, а на ней -

крепость-ракушечник с какой-то центральной башней, вероятно, пристройкой. У основания кургана, внутри его рва, была вторая стена, многогранная в плане.

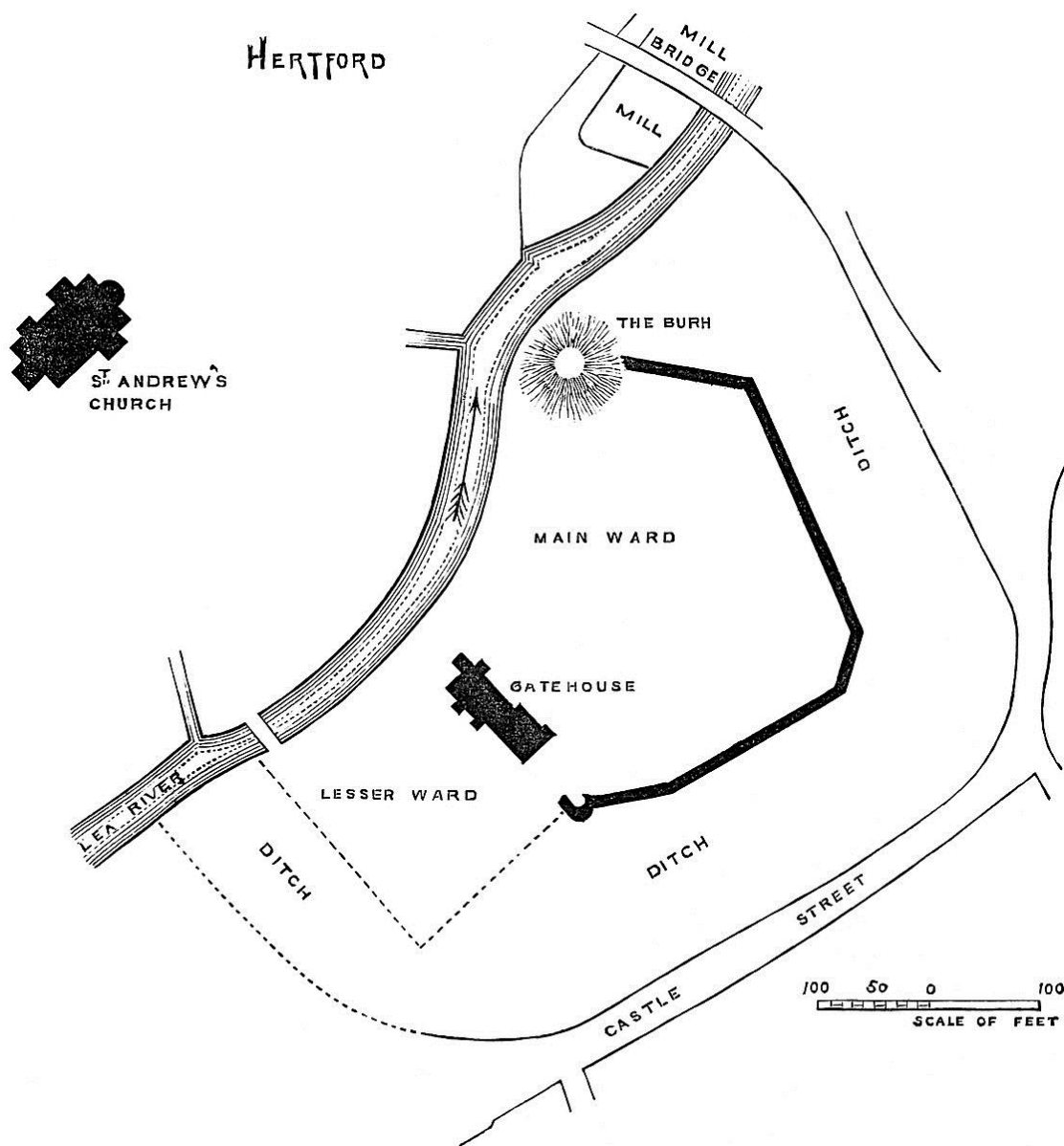
Нижний квартал, без сомнения, имел свои стены вдоль вершины земляного вала, и они, вероятно, были низкими из-за высоты берега и глубины рва за ним. У входа с суши под северо-западным углом находилась сторожка, а у водных ворот - под юго-западным, где также находился проход между двумя палатами. Весьма вероятно, что в юго-восточном углу, где сейчас проходит пешеходная дорожка, был задний ход.

В отношении насыпи и берега есть общее сходство между этими сооружениями и сооружениями в Уоллингфорде, Уэйрхеме и Тамворте, а также с тем, что связано с замком Вустер.

ЗАМОК ХАРТФОРД.

Замок Хартфорд не только очень древний, но и дата его основания зафиксирована. Саксонская хроника сообщает, что в 913 году Эдуард Старший, сын Альфреда, основал два бурга в Хартфорде, один в Мартинмассе, на северном берегу реки, и, позже, один на южном берегу, между тремя реками, которые здесь соединяются. Первое из этих сооружений уже давно заброшено, и от него не видно никаких следов, но второе было сохранено благодаря его включению в более поздний замок. Курган, стоящий на берегу реки Леа, действительно утратил свои первоначальные размеры, но он сохранился, и к нему примыкает внутренний двор с внешним рвом, некогда имевшим большую ширину и глубину, который неизменно сопровождал курган и вместе с ним составлял городище.

Хартфорд

Буркам Эдуарда, возможно, предшествовали более ранние земляные работы, поскольку считается, что Хартфорд стоит на месте главного города тринобантов, британских жителей района к северу от этой части Темзы. Бритты, однако, если они и основали здесь опорный пункт, то, скорее всего, разместили его на одной из соседних высот, где есть несколько превосходных позиций для укрепления. Вероятно, существование британского поселения в районе, столь хорошо защищенном своими водотоками, привлекло вторгшихся поселенцев, поскольку здесь, как говорят, жили восточносаксонские короли, и в этом месте архиепископ Теодор, рукоположенный в 668 году, созвал синод национальной церкви в 673 году.

Датчане не раз вторгались в эту часть Англии, и лагерь в Дейнсбери, вероятно, был их работой. Кроме того, считается, что у них был лагерь на Порт-Хилл, от которого, однако, говорят, что сейчас не видно никаких следов. Именно на реке Ли, между Хартфордом и Уолтемом, Альфред сделал датский флот бесполезным, заблокировав реку и таким образом предотвратив их возвращение. Официально зафиксировано, что это было достигнуто не путем возведения плотины поперек ручья, а с помощью гораздо более научного процесса - прорубания ряда каналов для отвода воды, каждый из которых слишком мелок, чтобы позволить судам плавать по нему. Таким образом, отступление датчан к Темзе было отрезано, и они были вынуждены двинуться вглубь страны к Северну у Бриджнорта.

В 913 году защита, предоставляемая Хартфордскими бургам, по-видимому, привлекла жителей, которые занимали оба берега реки Ли, и расположенный таким образом город был превращен Эдуардом в королевский город, принадлежащий короне на правах владения бургейджем. Хартфорд был так высоко оценен Исповедником и так принят Завоевателем, и в него вошли в "Страшный суд", в котором, однако, что не было редкостью, не упоминается ни о замке, ни, тем более, о церквях. Говорят, что Уильям укрепил замок и передал его в ведение Питера де Валуа, одного из своих последователей, который передал его своему сыну Роджеру, а тот - двум своим сыновьям по очереди, Питеру и Роберту. Мужская линия завершилась Робертом, чья дочь и наследница Гуннора де Валуань вышла замуж за Роберта Фиц-Уолтера. Похоже, что защита замка не прекратилась, а была возобновлена короной, возможно, в качестве мужского феода.

Король Джон, этот самый непостоянный из монархов, владел замком и посещал его в 1212, 1213 и 1216 годах. Однако в этом последнем году он был атакован Людовиком Французским, который осаждал его с 11 ноября по День Святого Мартина (6 декабря) и, наконец, захватил. Роберт Фиц-Уолтер, приверженец Льюиса, воспользовался возможностью, чтобы возродить иск своей жены, но безуспешно. В конце концов он был восстановлен Джоном и передан его сыну Генриху III, который назначил Ричарда де Аржантена ответственным за него и потратил 20 фунтов стерлингов и, вероятно, другие суммы на его ремонт. В 1226 году им владел Хьюберт де Бург, после падения которого Генрих передал его *в собственность* Уильяму де Валенсу, после чего им владел его сын Эймер, граф Пембрук.

Эдуард III. возобновил владение в 1327 году и передал замок Джону Гонту, своему сыну, от которого он окончательно перешел к герцогству Ланкастер, к которому номинально присоединен. Генрих IV. Праздновал здесь свою Пасху в 1429 году, а Генрих VII. продолжал назначать констебля и привратника. Он описывается как "castrum non immensum sed pulcherrimum". Хартфорду жилось лучше, чем большинству королевских замков, возможно, из-за его удобного положения по отношению к Лондону, поскольку в царствование Генриха VIII он находился в более выгодном положении. здесь были апартаменты, подходящие для короля, Эдуарда VI и принцессы Елизаветы. Последней, когда она стала королевой, он был передан сэру Уильяму Харрингтону, который построил большой кирпичный дом на месте внутренней сторожки, который сохранился до сих пор. Во времена Якова I. Описывается, что площадь замка составляла 7½ акра. Затем ров расширился до дорог или улиц, ныне известных как Милл-Бридж, Уош и Касл-стрит. Мельница находилась на берегу, чуть ниже замковых насыпей. Церковь Святого Андрея стоит примерно в 150 ярдах от оставшегося кургана, за рекой. Там была вторая мельница, вероятно, та, что на реке выше замка. В конце концов замок был сдан в аренду мистеру секретарю Сесилу, у потомка которого, маркиза Солсбери, он и остался. Примечательно, что замок Хартфорд никогда не принадлежал графам, носившим титул Хартфорд. Они, конечно же, были графами графства, хотя это и не указано в пэрских титулах. Их главной резиденцией на востоке был город Клэр в Саффолке, вокруг которого они владели значительной собственностью.

Сила Хартфорда как военной позиции была очень велика и зависела от низкой болотистой местности, которой он был почти окружен, и которая могла быть затоплена водами трех или, скорее, четырех значительных ручьев, "flumina non profunda sed clarissima". Из них Леа, текущая с запада, принимает, в нескольких ярдах выше замка, Мимрам с северо-запада, в то время как немного ниже замка объединенный поток наполняется водами Бина с севера и Рибса с северо-востока, объединенный объем течет вперед под названием Леа. Ниже, или к юго-западу от замка, вдоль течения реки Леа, раскинулась обширная низменность, которая даже сейчас иногда затопляется и которая в прежние времена, должно быть, представляла

собой непроходимое болото. В другом направлении земля, хотя и застроенная и составляющая часть города, находится на некотором расстоянии вокруг, но немного выше луга, хотя кое-где на высоте 4 или 5 футов видны небольшие отложения гравия. Замок стоит на правом берегу, к юго-востоку от реки, и его крайняя граница, в пределах контрскарпа или внешнего края главного рва, включала пространство в форме уха, река образовывала более короткую сторону или вогнутость. В длину, с северо-востока и юго-запада, это пространство имеет размеры 234 ярда; его ширина варьируется от 100 ярдов до 200 ярдов, в среднем 140 ярдов. Ров, теперь почти засыпанный и частично застроенный, имел ширину около 30 ярдов и, без сомнения, наполнялся из реки, с которой он сообщался с обоих концов. Внутри рва, проходящего по линии старого берега или нынешней стены, площадь составляет около трех с половиной или четырех акров. Курган расположен на берегу реки, у северного угла ограды. Берег не включает его в себя, но указывает на его центр, так что насыпь, что не было чем-то необычным, являлась частью ограждающей обороны. Надлежащий ров в насыпи был засыпан.

От средневекового замка сохранилась лишь значительная часть стены *окружения*, и, возможно, какая-то древняя каменная кладка, пристроенная к дому сэра Уильяма Харрингтона, который все еще заселен. Говорят, что это была сторожка у ворот; если это так, то она находилась в северном приходе и находилась на линии стены, отделяющей один приход от другого. Навесная стена имеет толщину около 7 футов и высоту от 25 до 30 футов и сложена из кремнистого щебня. Зубчатая стена исчезла или почти исчезла, и осталась лишь часть одной фресковой башни, круглой в плане, которая венчала юго-восточный угол стены северного прихода. Стена покрывает северную и большую часть восточной сторон района. Вдоль западной стороны или реки от нее не осталось и следа. Без сомнения, она была менее прочной с той стороны, где естественная защита была сильной. Южный или меньший по размеру приход, по-видимому, не был обнесен стеной. Он был окружен с трех сторон рекой и болотом и, возможно, был только обнесен частоколом. Стена, очевидно, пересекала ров кургана и упиралась в него или, возможно, в башню ракушечника, все остатки которой исчезли.

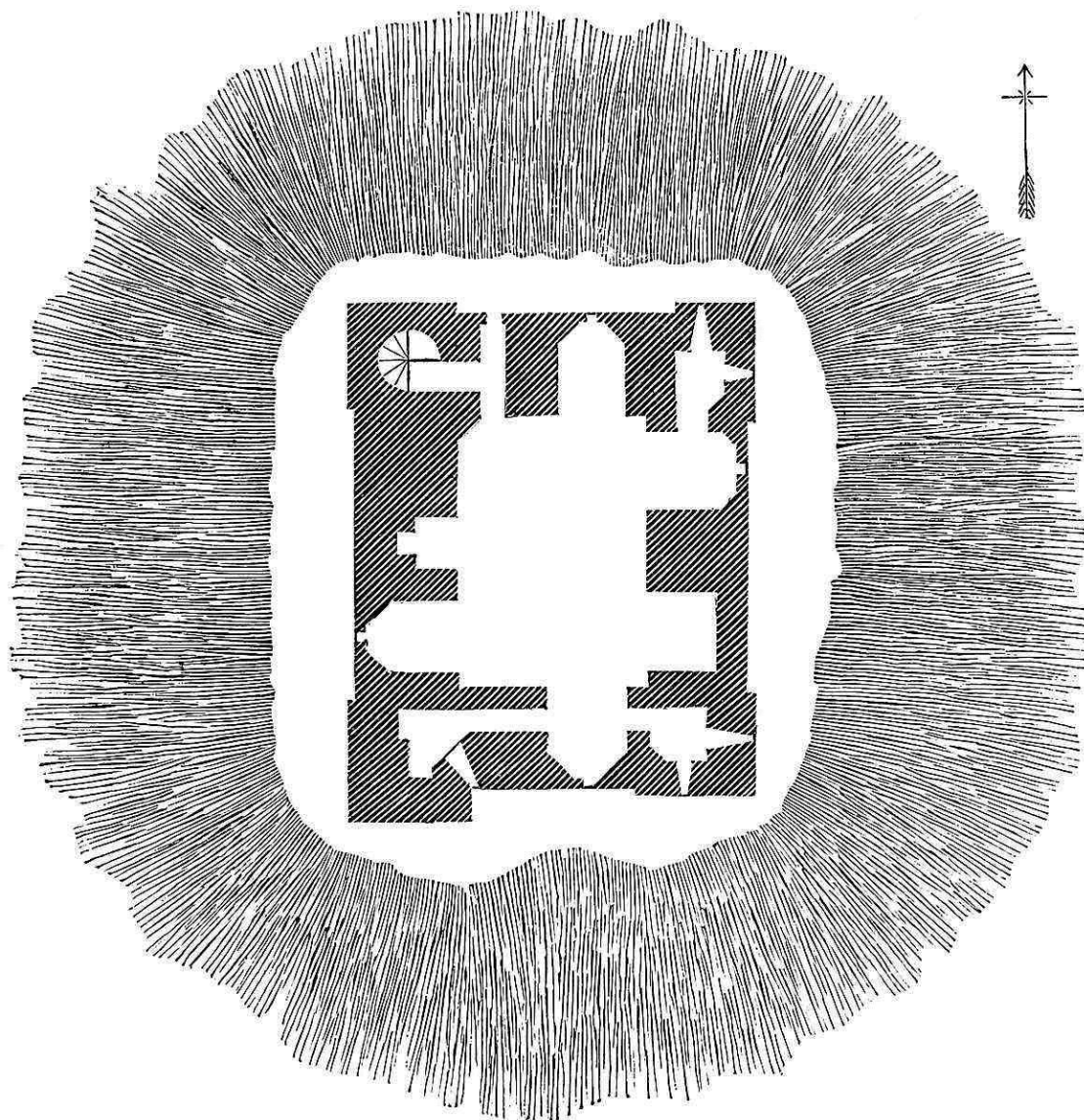
Нынешний вход в замок находится под восточным углом рва, который пересекает дорога, ведущая к небольшому и, по-видимому, современному дверному проему в стене. В этом направлении нет никаких следов главного входа, но следует признать, что если главный вход находился к югу от сторожки, то к нему, должно быть, было трудно подойти, разве что по воде.

ЗАМОК ХОПТОН, ШРОПШИР.

ПРИМЕРНО в пяти милях к юго-востоку от Клуна, на притоке Темы, расположен приход и замок Хоптон, опетунальщик Судного дня, когда им, как и Кланом, владел Пико как преемник Эдрика. Это было поместье Клун. В 1165 году им владел Уолтер де Оптон в качестве платы за двух рыцарей под руководством Джеффри де Вера, одного из трех мужей Изабель де Сэй; а Питер де Оптон владел им в 1201 году. Уильям де Хоптон, возможно, последовал за ним, но мистеру Эйтону неясно, не был ли он родом из Монк-Хоптона в том же графстве.

Как бы то ни было, Уолтер де Хоптон владел феодем в 1223 году, как и другой Уолтер в 1255-72 годах, и был обязан обеспечивать защиту замка Клюбн одним солдатом круглый год и вторым в течение сорока дней во время войны. В 1304-1305 годах, после смерти Уолтера де Хоптона,

на него был наложен арест на виллу Хоптон с ее деревушками и значительную собственность вокруг нее, в основном находящуюся под контролем, как и в первоначальных двух сборах, сэра Джона де Хоптона в 21 веке Ричарда II. Семья, по-видимому, оставалась в Хоптоне до воцарения Елизаветы, но замок все еще стоял и обладал достаточной прочностью, чтобы удержаться для короля Карла в семнадцатом веке. Он был взят после доблестного сопротивления и демонтирован.

ЗАМОК ХОПТОН.—*План местности.*

Масштаб — $1/20$ дюйма = 1 фут.

Хоптонский замок или башня стоит примерно в полумиле к югу от приходской церкви. Он занимает холм или участок гравия, который поднимается с болотистого дна, образованного водами ручьев, которые здесь впадают в основной поток. Там есть центральная насыпь, низкая, но хорошо очерченная, которая окружена круглым рвом, а за этим рвом видны следы двух или трех платформ, но слегка приподнятых, которые были укреплены рвами, питаемыми водой из ручья с запада. Несомненно, это место занимал какой-нибудь арендатор Эдрика, поскольку его земляные сооружения, несомненно, относятся к доно-нормандскому периоду и, возможно, относятся к десятому веку. Вполне вероятно, что его норманнский арендатор и его потомки, которые получили свои названия от этого места, в течение нескольких столетий довольствовались теми оборонительными сооружениями, которые были у них под рукой,

поскольку здесь нет никаких следов каменной кладки ни одиннадцатого, ни двенадцатого веков.

Замок состоит из единственной четырехугольной башни размером 48 на 50 футов, со стенами толщиной 10 футов. Он стоит на насыпи высотой не более 6 футов, через которую, без сомнения, пролегает фундамент. У него есть подвал на уровне земли, первый или основной этаж и чердак на крыше. Внешний вид простой, струнный ход с двойной спиралью находится на высоте от 4 до 6 футов от земли. Каждый угол увенчан парой широких пилястр небольшого выступа, которые поднимаются на вершину и, вероятно, несут четыре квадратные башенки. Дверной проем находится на северной стороне, недалеко от его западного конца, и почти на уровне первого этажа, к нему снаружи ведут три или четыре ступеньки. Южный фасад имеет квадратный выступ на западном конце, в котором находится гардеробная. Дверной проем, единственный вход, имеет ширину 6 футов и равностороннюю арку. Его молдинги представляют собой два выпуклых четверти круга, разделенных ступенью. Их характер прост, но отлично декорирован. Над дверным проемом был треугольный колпак, сейчас отколотый. Здесь нет опускной решетки, только прочная дверь.

При входе в сводчатый проход, ведущий в подвал, справа есть небольшая дверь, которая ведет на лестничный колодец диаметром 6 футов, занимающий северо-западный угол здания и поднимающийся на крышу. На первом этаже находится вестибюль с небольшим окном над внешней дверью. Это единственная лестница. Подвальное помещение имеет размеры 29 на 21 фут. В северной стене есть глубокое углубление шириной 7 футов, содержащее небольшую петлю с квадратной головкой. Напротив, в южной стене, находится аналогичная ниша и окно, но в косяках находятся две двери, которые короткими проходами ведут в две камеры в двух южных углах. Тот, что в юго-восточном углу, размером 7 на 6 футов, с двумя петлями. Другой - гардеробный, с одной петлей. Оба перекрыты нависающими плитами. На западной стороне находится еще одно окно в нише, похожее на описанные выше, и камин с вертикальным туннелем. В восточной стене есть два углубления, одно глухое и одно, прорезанное петлей. За косяком этой последней дверь открывается в небольшую комнату в северо-восточном углу.

Первый этаж высокий. Балки и доски исчезли, а стены и оконные ниши так густо заросли ежевикой и настолько недоступны, что деталей не разглядеть. Этот этаж, кажется, напоминает подвал, за исключением того, что он выше, а окна больше.

Остатки двух фронтонов на северном и южном фасадах показывают, что здесь была коньковая крыша с небольшими окнами на каждом конце. В целом это очень своеобразное здание, гораздо больше похожее на шотландский, чем на английский замок. Все это датировано одной датой, вероятно, работой Уолтера де Хоптона, который умер в 1304-1305 годах и, по-видимому, был человеком значительного богатства и власти.

ЗАМОК ХАНТИНГДОН.

Обычно предполагалось, что город Годманчестер, расположенный на правом берегу Уза, представляет собой римскую станцию Дуролипонс. Его пересекает Эрмин-стрит, на которую здесь выходит Виа Девана из Кембриджа, и еще одна римская дорога от станции в Салене,

или Сэнди. Однако римский город, по-видимому, как это часто бывало, был разрушен в ходе многовековой войны, последовавшей за уходом римских армий, и память о нем в основном сохранилась в окончании “Честер”, приставленном к его более позднему названию. Северные захватчики не очень заботились о том, чтобы строить на римских фундаментах или использовать их, и в этом случае они перешли с низкой и заболоченной стороны старой станции и обосновались на более высоком месте Охотников, или Охотничьих Угодий, на противоположном, или левом и северном, берегу реки. Кем и когда именно была основана столица будущего графства, неизвестно. Первое упоминание о нем, или, скорее, о Хантингдонском порту, в истории относится к 657 году нашей эры, когда он находится в пределах основания Медехампстида (Питерборо). Как военный пост он назван в 918 году н.э., когда, согласно "Саксонской хронике", датская армия из Хантингдона и Восточной Англии бросила работу в Темпсфорде и ради этого бросила другую в Хантингдоне. Этим сооружением обязательно должны быть сохранившиеся ныне земляные валы, которые, возможно, были возведены либо датчанами, либо более ранними саксами. Позже в том же году король Эдвард со своими западными саксами привел датчан Нортгемптона и Велланда к повиновению, “разрушил город Хантингдон и отремонтировал его там, где он раньше находился в состоянии руин.... И все оставшиеся там крестьяне подчинились королю Эдварду и искали у него мира и защиты”.

Генри, архидиакон Хантингдона, писавший в конце XI века, упоминает три бургы (*tria castra*) Бекингема, Бедфорда и Хантингдона. Замок упоминается несколько раз в Domesday . Он находился в районе Хантингдон. Епископ Линкольнский имел резиденцию (*мансио*) на месте замка (*на месте кастры*). На месте замка было двадцать резиденций (*mansiones*). “Кроме того, это были и остаются пустыри LX. ‘mansiones’... и на счету этих людей VIII. ‘Пустыня мансионов’. Вильгельм Завоеватель был в Хантингдоне в 1068 году, когда он приказал построить замок, очевидно, на месте старой крепости, восстановленной Эдуардом Старшим в 918 году. Имена, приведенные в "Страшном суде", показывают, насколько полным было изгнание крупных английских землевладельцев. Новый замок, вероятно, был построен Юстасом, одним из самых алчных нормандских шерифов, и находился в его руках; но графство было передано Джудит, племяннице короля, и перешло по наследству к Мод, ее дочери, от графа Уолтхофа. Сначала Мод вышла замуж за Саймона де Сен-Лиза, в законном праве графа Хантингдона. Графство после его смерти перешло к Дэвиду, впоследствии королю Шотландии, второму мужу Мод, и вместе с замком долгое время было предметом раздора между двумя семьями, пока Дэвид, третий сын Генриха, сына Мод и Дэвида, не осадил и не взял замок, после чего Симон де Сен-Лиз, сын Мод, отвоевал его. Результатом стало то, что Генрих II. замок был снесен, и, похоже, он никогда не восстанавливался. Город время от времени упоминается в публичных записях, и честь по-прежнему принадлежала графству. У короля там тоже была тюрьма, но нигде нет никаких упоминаний о замке. В 1205 году король Иоанн пожаловал Роберту Руфусу владения и мельницу в Хантингдоне, а в 1218 и 1219 годах шериф приказал передать сейзин, с определенными ограничениями, Александру, королю Шотландии, в качестве обладателя этой чести. Младшая ветвь дома Гастингсов приняла титул Хантингдонов в ознаменование происхождения старшей линии от шотландских графов.

Трудно представить, что Генрих смог бы в течение столетия после его строительства разрушить первоклассный замок, возвышающийся над городом графства и расположенный на краю очень укрепленного и труднодоступного участка местности. Обычным ходом для важного сооружения было прикрепить его к Короне. И все же, что бы там ни стояло, наверняка было затем снесено, и о замке Хантингдон больше ничего не слышно. Действительно ли там был построен замок, или это, как это часто бывало, просто усиленная

форма более старой английской постройки из дерева? По прошествии такого времени трудно сказать, хотя разумно проведенные раскопки, без сомнения, сняли бы этот вопрос.

По-видимому, не существует никакого плана Хантингдонского замка, то есть земляных укреплений, известных как Замковая гора, которые все еще видны; а поскольку они обширны и частично расположены в пределах частного сада, простой набросок от руки вряд ли осуществим. Позиция у нас прекрасная. Уз, здесь глубокий, широкий и полноводный, на своем пути от Бедфорда и Итона к Болотам, отступает от возвышенности к северу и делает между Хантингдоном и Годманчестером крутой изгиб к югу; таким образом, он охватывает большой круг лугов диаметром около полумили, который сейчас используется как ипподром. Вдоль северного края этой обширной лужайки протекает Олконбери-брук, значительный водоток, который огибает подножие возвышенности и впадает в Уз напротив Замковой горы, как раз над мостом, по которому Эрмин-стрит пересекает реку. Здесь, на краю возвышенности, защищенной с юга рекой и ручьем, а также низкими и ранее непроходимыми уровнями за ними, находятся древние земляные валы, которые, хотя и частично выровнены и уменьшены как в высоту, так и в глубину, а также пересечены дорогой и железной дорогой, все еще очень значительны и образуют замечательную особенность вида города с юга. В общих чертах работа представляет собой скорее круг, чем квадрат, и имеет около 180 ярдов в диаметре. Внешняя канава, которая включена в это измерение, опоясывает две трети всего участка, сообщаясь на каждом конце с ручьем, который, таким образом, завершает инвестиции. На западной окраине огороженной таким образом территории находится большой холм, плоская вершина которого, ныне увенчанная заброшенной мельницей, имеет 100 футов в диаметре и около 30 футов в высоту над внутренней платформой и 40 футов или более над окружающей местностью. Этот курган, который был цитаделью сооружения, имел свой собственный окружающий ров, который с внешней стороны был отождествлен с главным рвом, но в другом месте отделял курган от общей территории крепости. Этот остаток, который за счет углубления насыпи и рва, образовавшего огромный выступ, был преобразован в нечто вроде полумесяца, был защищен вдоль своего внешнего края широкими и высокими земляными насыпями, примерно на 20 футов выше огражденной территории и на 30 или 40 футов выше окружающего рва. Железная дорога проходит на восток и запад, вплотную к югу от насыпи, и отсекает часть работ; дорога проходит к северу от насыпи; а к северу от этого плотный забор закрывает от посетителей часть земляных работ.

Вход находился с восточной, или городской, стороны. К западу, за рвом, находится естественная возвышенная платформа, которая на расстоянии 100 ярдов заканчивается крутым склоном и которая, возможно, была частью оборонительных сооружений или, возможно, безопасным загонem для скота. В "Страшном суде" на реке ниже замка упоминалась мельница. Сейчас на поверхности земли нет и следа каменной кладки, но земляные валы выглядят так, как будто на них когда-то строили.

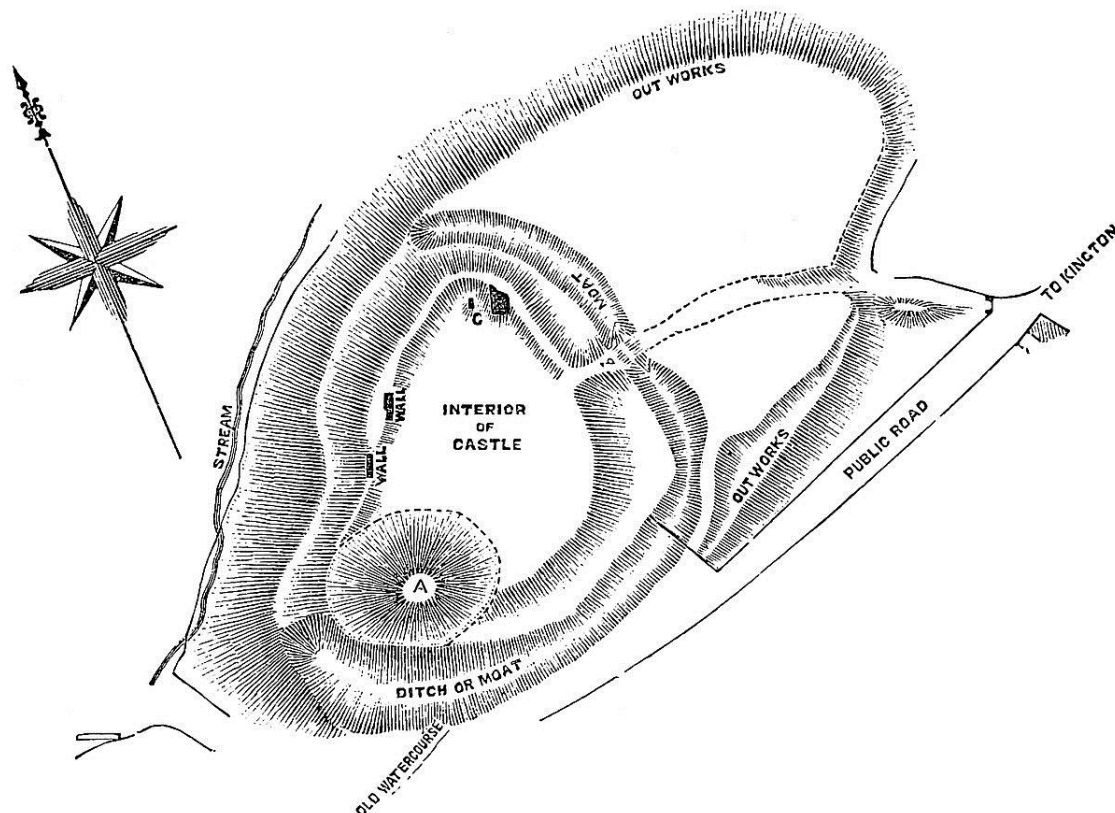
Две городские церкви очень красивы. Один из них, за исключением, возможно, башни, кажется полностью перпендикулярным; в другом находятся какие-то нормандские или раннеанглийские работы, с большим количеством декоративных работ и некоторыми датами эпохи Тюдоров. Рядом с отелем George находятся две большие арки с круглыми головками, поднимающиеся из трех прекрасных нормандских опор. Здание, к которому они принадлежат, было перестроено, или почти перестроено, из кирпича. Говорят, здесь когда-то была больница.

Хотя свидетельства, в целом, свидетельствуют в пользу английского происхождения этих земляных сооружений и сооружений в Итон-Соконе, курган в Итоне не является столь

важной достопримечательностью, как обычно в бургах десятого века, хотя, тем не менее, присутствует. Но обе эти работы обладают особенностью, которая, независимо от кургана, очень распространена в произведениях их класса и очень необычна в произведениях признанного британского или римского происхождения. Здесь есть не только насыпь, но и уровень территории, содержащейся во внутренних канавах, как правило, выше, чем непосредственно вокруг. Это примечательно в Билте и Килпеке, среди многих других мест, и, по-видимому, было предназначено для обеспечения большей безопасности внутренних зданий и преимущества при фактическом нападении. На это различие, по-видимому, никто не указывал, и вполне возможно, что от него зависит идентификация многих земляных сооружений, дата которых в настоящее время неизвестна.

ЗАМОК ХАНТИНГТОН, ХЕРЕФОРДШИР.

ЭТО один из обнесенных рвом холмов с пристроенными дворами, которых так много в графствах Херефорд и Салоп, и здесь, как обычно, проводились земляные работы для поддержки и защиты каменной кладки нормандского замка. От этих пристроек осталось совсем немного; но земляные работы удивительно совершенны и с большой полнотой показывают насыпь, внутреннюю обитель и соответствующий ей ров, а также внешнюю обитель, также с ее рвом. Прилагаемый план взят со страниц “Археологии Кембриджа”, где также есть ценный документ о замке.

ЗАМОК КЕНИЛВОРТ, УОРИКШИР.

Три срединных графства Англии, к счастью для тех, кто в них жил, не были богаты замками, а те, что сохранились, редко отличались выдающимся характером. Положение Бельвуара, действительно, очень благородное, и Уорик не имеет соперников; но это блестящие исключения, и первые строители замков в графствах Лестер, Уорик и Нортгемптон, за отсутствием тех более диких природных особенностей, которым многие валлийские и шотландские крепости во многом обязаны своей славой, были вынуждены довольствоваться оборонительными сооружениями, часто полностью искусственными, а там, где они были естественными, редко отличались смелым характером, хотя иногда и внушительной силой.

Замок Кенилворт - прекрасный пример крепости Мидленда. Обычному наблюдателю его расположение во многом напоминает о тихой лесной красоте, но не о навязчивой военной мощи; и все же в руках умелых инженеров он стал, с точки зрения размера, прочности и размещения, одним из самых важных военных постов в Англии. У него были стены, способные к большому пассивному сопротивлению, способные вместить многочисленный гарнизон и огромные запасы провизии, а также фронт, защищенный большим водным покровом, который опять же был прикрыт мощным укреплением. Более того, районы средней полосы с раннего периода пересекались главными дорогами и перекрестками, благоприятствующими сосредоточению войск и переброске припасов, что редко оказывалось напрасным в столь плодородной стране. Благодаря всем этим качествам, силе, возможностям, центральному положению и удобствам для сбора и прокормления гарнизона, во времена его расцвета в Англии не было крепости, превосходящей Кенилворт, а возможно, и равной ему; и теперь, когда его травянистые лужайки и увитые плющом стены благоухают миром и процветанием, а также английской сельской жизнью, вдумчивый посетитель не может не почувствовать, что это место было подходящим для завершения того знаменитого состязания между монархической властью и гражданской свободой, в котором, хотя честь и номинальная победа были за короной, реальное и постоянное приобретение было за ней. остался с английским народом.

На полпути между Уориком и Ковентри, где воздействие воды на мягкую породу нового красного песчаника превратило поверхность страны в огромную сеть низких холмов с круглыми вершинами и широкими и пологими долинами, ручей Инчфорд, один из многочисленных притоков реки Соу, принимает на своем левом, или северном, берегу ручеек поменьше и без названия. В месте, где воды и соответствующие им долины соединяются, холм, частично из камня, частично из гравия, выступает с северо-востока как своего рода низкий мыс между ними, и несколько дальше изолирован расширением долины ниже по течению, общий эффект которого заключается в том, что возвышенность окружена болотистой границей на ее западных, южных и юго-восточных склонах, оставляя ее на севере и северо-востоке соединенной с более крупными участками столь же возвышенной земли.

Таково было место, выбранное в отдаленные времена, вероятно, каким-нибудь богатым англичанином Франклином, для своей резиденции и принятое его нормандскими преемниками. Тем или иным способом, а возможно, и обоими, была вырыта глубокая траншея поперек горловины возвышенности, на севере и северо-востоке, а склоны были сделаны круче с других сторон. Центральный участок, изолированный таким образом, был искусственно поднят примерно на 15 футов, вероятно, над окружающими раскопками, и

таким образом были сформированы сооружения, которые до сих пор можно проследить среди дополнений и изменений, произведенных многими поколениями жителей. Как обычно при таких концентрических земляных сооружениях, внутренняя и более высокая часть, в которой находилась резиденция господ, была расположена не по центру с внешней и нижней областью. Это было задумано не только как внешняя защита цитадели, но и как безопасное место для иждивенцев, а также во времена опасности для стад. Было важно, чтобы все это располагалось близко друг к другу, поэтому одна или две стороны основного корта были большой площади, в то время как остальная часть была узкой и использовалась только для обороны. Таково устройство в Беркхэмпстеде, Кэрлеоне, Вигморе, замке Ричарда, Тонбридже, Эвиас-Гарольде, Килпеке, Шрусбери и во многих других крепостях, где нормандские инженеры строили по более ранним линиям, и так обстоит дело в Кенилуорте, где восточная и северо-восточная стороны внешнего укрепления намного просторнее.

Насыпь, столь обычная в английских укреплениях и обнаруженная в соседней крепости Уорик, здесь отчетливо не видна; вопрос в том, занята ли на ее месте нормандская крепость или на нее посягнул Джон из Гонтс-Холла, оба из которых связаны с древними земляными валами. Часть одного из этих берегов видна на западном фасаде внутреннего квартала и, хотя и изуродована, вполне может представлять собой первоначальный город. Нормандская крепость также связана с искусственной землей. Он включает в свои стены явно искусственный холм высотой от 10 до 15 футов, на котором построены его стены. Кенилворт в его нынешнем виде представляет собой замок нескольких периодов, но его общий план оригинален и концентричен, основными дополнениями были озеро и флигель за ним. Он состоит из крепости, внутренней и внешней охраны, озера, ныне осушенного, большого флигеля за озером и плотины, которая поддерживала озеро и через которую пролегал главный подход к замку.

The *Внутренняя палата* имеет размеры около 80 ярдов к северу и югу и по 84 ярда к востоку и западу. Его северо-восточный угол прямой, а восточная и большая часть северной сторон представляют собой прямые линии, но южная и западная стороны неправильные. Крепость формирует и заполняет северо-восточный угол. К западу от него, на северном фасаде, находятся кухни, а в северо-западном углу - крепкая башня. Западный фасад занимает холл, а вдоль южной стороны стоят другие домашние и государственные здания. Здания Лестера образуют юго-восточный угол, а апартаменты Генриха VIII и занавес, которого теперь нет, прикрывали оставшуюся часть восточной стороны. В центре располагался открытый корт, примерно в 40 ярдах к северу и югу и в 50 ярдах к востоку и западу.

The *Крепость*, известная как "Цезарская", а с большей справедливостью - как "Башня Клинтон", по величине, общим пропорциям, а также совершенству материалов и изготовления является прекрасным примером первоклассной поздненормандской крепости прямоугольного типа. Он образует северо-восточный угол внутреннего двора и построен в основном на скале, здесь, у поверхности. Земля находится ниже всего на восточной и южной сторонах, так что на них основание состоит из отвесной стены высотой от 8 до 12 футов, разделенной на восемь или десять ступеней, и выступа от 6 до 8 футов от линии земли. В верхней части этого основания, которое соответствует уровню первого этажа, крепость имеет размеры от занавеса до занавеса 58 футов к северу и югу, на 87 футов к востоку и западу и находится на высоте около 80 футов от уровня. Его западная сторона закрыта передней постройкой, которая выступает еще на 38 футов и имеет длину, равную ширине крепости, или 73 фута от передней грани башен. Углы крепости увенчаны четырьмя башенками, выступающими на 7 футов 6 дюймов, а грани которых составляют 26 футов и 22 фута, причем последние обращены на восток и запад. Между ними на южной стороне

расположены четыре, а на восточной - три пилястры шириной от 5 до 7 футов и выступом в 1 фут. Они поднимаются от общего цоколя и поднимаются на вершину нынешней стены, которая разрушена, но включает в себя 5 или 6 футов парапета. Примечательно, что у этого парапета нет внешнего выступа, нет даже ниточки, обозначающей уровень его основания.

Башенки разрушены почти до уровня занавесей, но части их помещений сохранились. Западная сторона изменена за счет передней постройки. На нем есть две пилястры, но они заканчиваются на уровне первого этажа. Башенки имеют смещение в 6 дюймов на две трети своей высоты, а занавески - на более низком уровне. Это единственное внешнее уменьшение толщины вертикальной стены. Стены на уровне пола имеют толщину от 13 до 14 футов, и в доме было всего два этажа — подвал и верхний, или главный, этаж. Помещение в подвале имеет размеры 60 на 30 футов и высоту 20 футов; верхний этаж примерно на 4 фута больше, стена уменьшена на 2 фута, на полку которой опирался пол. Эта основная камера была высотой около 40 футов. Подвал недавно исследовали и вскрыли. Он заполнен искусственным грунтом глубиной от 6 до 15 футов. Стены, очевидно, проходят сквозь обработанный грунт и опираются либо на скалу, либо на первоначальную черную растительную почву. Любопытно, что в столь дорогостоящем сооружении было пожертвовано так много места. Очевидно, это сделано намеренно, поскольку характер кладки показывает, что она не предназначалась для того, чтобы ее видели.

В северо-восточной башне находилась лестница-колодец диаметром 10 футов, которая поднималась из подвала к зубчатым стенам, сообщаясь со вторым этажом. Он освещался шестью круглыми петлями, из которых сохранились три на юго-востоке и открываются на фаске, которая заполняет углубление между башенкой и восточным занавесом. Лестница, по-видимому, открывалась снизу коротким изогнутым проходом в северной стене, хотя при реставрации ее сделали открытой в камеру в восточной стене. Вся северная завеса исчезла, от цоколя и выше, и была снята с некоторой осторожностью, ее стык с северо-западной башенкой был срезан гладко. С другой стороны, его удаление неизбежно унесло половину лестницы, основание которой было полностью восстановлено. Это подвальное помещение окружено низким, узким постаментом или ступенью высотой 2 фута и шириной 1 фут. Пол был вымощен камнем. В южной стене есть три больших оконных ниши круглой формы, каждая из которых расположена в углублении шириной и глубиной около 1 фута с квадратной головкой. Арки возникают из простых счетов. Они имеют ширину 8 футов и высоту 12 футов до пружины. В настоящее время эти углубления имеют параллельные стороны и открыты повсюду. Очевидно, что когда-то они были глубоко растопырены и содержали небольшие фонари или петли, но растопырки были срезаны, а петли заменены большими окнами с тяжелыми сводами периода Тюдоров, которые снова были удалены. В восточной стене есть такое же углубление, шириной 6 футов, без изменений. Здесь перекладина снаружи и изнутри сужается наподобие песочных часов, образуя петлю в центре стены с небольшим выступом для перехвата стрелки. Поскольку параллельные стороны петли имеют толщину 2 фута, а она находится в 6 футах от поверхности стены, ясно, что никакая стрела не могла быть выпущена, следовательно, кроме как почти прямо вперед. Как обычно, эти петли предназначались для воздуха и света, а не для защиты. Между этой петлей и южным углом находится дверь с квадратной головкой, открывающаяся на 3 фута, под любопытной круглой аркой, тимпан которой частично образован камнями свода. Он ведет к колодцу, который находится в центре стены. Он имеет 4 фута в диаметре и сильно засорен. Он поднимается на верхний этаж. В северном конце этой стороны стена была разрушена, и открылась небольшая фресковая камера шириной 5 футов и длиной 8 футов с простым бочкообразным сводом. В нее вела дверь из большой комнаты, и она освещалась через петлю, теперь превращенную в своего рода окно. Внутренняя стена вокруг дверного

проема была укреплена пилястрой с выступом в 1 фут, которая заканчивается на первом этаже. В ходе недавней реставрации эта комната была превращена в вестибюль у подножия лестницы.

В западной стене находится простой дверной проем с круглой головкой, шириной 6 футов и выложенный кольцевыми камнями из ясеня глубиной 2 фута. Это отверстие прямого прохода в стене толщиной 12 футов 9 дюймов. В проходе предусмотрены откосы для двух дверей, открывающихся навстречу друг другу. В Рочестере маленькая дверь в таком положении вела только в своего рода тюрьму в основании переднего здания, и, возможно, так было и здесь; но размер двери, как и в Корфе, позволяет, по крайней мере, предположить, что это был обычный вход, к которому можно было попасть через переднее здание через общую наружную дверь. В небольших крепостях в подвал часто входили только с первого этажа, как в Клитеро, через люк, а в больших крепостях - по лестнице-колодцу, как в Миддлхэме. К сожалению, поскольку передняя часть здания почти всегда более или менее повреждена, в большинстве случаев при наличии большой двери в подвал невозможно с уверенностью сказать, был ли это отдельный вход. Есть также дополнительные сомнения, как и в Лондонском Тауэре, Гилфорде и Маллинге, не является ли дверной проем в подвале более поздним введением. Выступ этого дверного проема находится примерно в 10 футах над внешним или главным входом в переднее здание, пол которого поднимается к нему. Ближе к северу от большого дверного проема находится небольшой проем размером 2 фута 6 дюймов, который ведет в гардеробную, сиденье которой выгнуто внутрь северо-западной башенки. Этот интерьер площадью 10 футов 6 дюймов, похоже, был огромной выгребной ямой, в которую стекало содержимое гардеробов с каждого этажа и с зубчатых стен. Внизу нет дренажа, а в нижней части ямы был песок, который недавно убрали. В замке Ладлоу есть несколько похожая яма, а в Шерборне - еще одна, похожая на них. Какой бы большой ни была эта яма для такой цели, она намного меньше башни, стена которой с западной стороны, если она прочная, должна иметь толщину 11 футов. Может ли быть вторая шахта меньшего размера в той части башни, которая сейчас недоступна? С этого этажа не было пути ни к одной из южных башенок, обе из которых на этом уровне были засыпаны землей.

Главный или верхний этаж имеет размеры 34 на 64 фута и был около 40 футов в высоту. Поскольку пролет одиночных балок большой, возможно, что они опирались на центральную балку, а она - на стойки; или, поскольку оснований обнаружено не было, возможно, что они были усилены распорками из боковых стен. Некоторые следы на каменной кладке сломанной лестницы в северо-восточном углу, по-видимому, указывают на вход с лестницы через северную стену, подобный тому, который предполагается ниже. В южной стене есть три оконных ниши, соответствующие нижним, но открывающиеся на 6 футов, с сегментарными выступами. Они опираются на пол и имеют высоту 12 футов. Над одним из этих отверстий, снаружи, можно проследить верхушку одного из оригинальных нормандских окон, что показывает, что оно было небольшого размера — вероятно, с проемом в 2 фута. Они были заменены, без особого внимания к сочетаемости, окнами в стиле позднего тюдора с тремя светильниками, разделенными в центре фрамугой. В восточной стене есть два таких же окна, а над колодезной трубой находится колодезная камера площадью 7 квадратных футов с грубыми сводами и выступами. Его пол был восстановлен, но очевидно, что труба поднималась в это помещение и что с центра свода свисал блок для приведения в действие ковша. В юго-восточном углу находится шкафчик для запасной веревки или инструментов. Вход в эту комнату был через косяк соседнего окна, но второй дверной проем был пробит прямо из большой комнаты. Рядом с этим проломом дверь и изогнутый проход ведут в юго-восточную башню, где находится камера размером 12 футов 6 дюймов на 15 футов. Пол земляной, которым башня заполнена до этого уровня. Вверху видны следы верхней камеры, в

которую, вероятно, вела лестница и люк. Камина здесь нет, но петля высоко в южной стене была превращена в окно, а вторая петля осталась в восточной стене.

В западной стене большого зала есть два окна, похожие на другую сторону, за исключением того, что они не спускаются до пола, а начинаются примерно на высоте 8 футов, чтобы не мешать постройке снаружи. К северу от этих окон, в той части северо-западной башенки, которая примыкала к северному занавесу, находится дверь шириной 3 фута и высотой 8 или 10 футов. Это поперечный разрез настенного прохода, ведущего из большой камеры. Ближе к югу от нее, в западной стене, и над такой же дверью на первом этаже, маленькая дверь с круглой головкой ведет в башенку гардероба. Другой проем в западной стене находится на ее южном конце и является главным входом в цитадель. Это простой дверной проем длиной 6 футов с плоским сегментарным выступом под рельефной аркой, расположенной по центру. Проход имеет сегментарный бочкообразный свод. Он проходит прямо через занавес толщиной 12 футов. У него нет опускной решетки. В южной стене прохода боковая дверь открывается в юго-западную башню. Здесь также была оригинальная верхняя камера, но ниже входа или уровня первого этажа она была засыпана землей; ее убрали, а нижнюю часть обустроили, открыли окна в южной стене и грубую дверь в основании, но грубый характер каменной кладки показывает, что первоначально башенка была засыпана до уровня первого этажа. Переделки Дадли превратили интерьер этой башни в пять ярусов комнат, окна которых видны в южной стене. Говорят, что он также был приспособлен в качестве лестницы.

Большая камера имела открытую крышу, отверстия для балок которой видны в южной стене. Уклон был низким, почти плоским, о чем свидетельствует оригинальная лепнина на восточной и западной стенах, которая была замаскирована тонкой внутренней облицовкой, несущей лепнину для крыши с довольно большим уклоном, которая, однако, исчезла в результате недавнего ремонта. Это отличается от Порчестера, Рочестера и Бриджнорта, где изначально поле было крутым. Снаружи, над окнами, но намного ниже основания парапета, виден ряд петель с квадратной головкой и простой фаской, расширяющихся вниз в широкий веерообразный хвост. Таких башенок три на южной стене и две на восточной и западной, и, кроме того, каждая башенка имеет по одной на каждой из двух своих внешних сторон. Петли башенок расположены на более высоком уровне, и это показывает, что сами башенки возвышались прямо над занавесами. Эти отверстия любопытны. Петля поднималась в стене и открывалась в основании парапета под плоской трехцентровой аркой. Петли, вероятно, оригинальные, но парапет, похоже, был перестроен либо при изменении наклона крыши, либо во времена Дадли. Стены увиты плющом и находятся в опасном состоянии, так что даже с помощью длинных лестниц до их верхней части не очень-то легко добраться. Сохранились следы дверных проемов, ведущих с крепостного вала в верхние части башен, полы в которых были деревянными.

Передняя постройка, прикрывающая вход, является здесь почти такой же примечательной особенностью, как в Рочестере или Миддлхэме, хотя и сильно пострадала от перестроек. Это была прямоугольная башня, построенная у западной стены крепости и выступающая на 38 футов. Ее стены имеют толщину 6 футов, скреплены с крепостью и датированы ее постройкой. Западная стена была частично демонтирована до цоколя, но две другие стены в относительно идеальном состоянии. Она состояла из двух ступеней и имела высоту около 40 футов. Дверь находилась в южной стене, открываясь из внутреннего помещения. Ее можно проследить, но она была частично заменена входом с перпендикулярной датой, теперь также разрушенным. Над старой дверью, на высоте 12 футов от земли, натянута обычная нормандская веревка. От двери прямая лестница, поменявшаяся вторым пролетом, должна подниматься на 25 футов, чтобы достичь первого этажа. На этом уровне, над входом,

находилась комната, от которой сохранилась часть нормандской стены, но которая была перестроена Дадли и почти полностью разрушена. Возможно, здесь была часовня, как в Миддлхэме. Вход на первый этаж цитадели открывается с этого уровня, через занавес, рядом с юго-западной башней. Дверной проем, как и тот, что внутри, довольно простой, с плоской сегментарной головкой под рельефной аркой, тоже сегментарной, но менее плоской. Это выглядит так, как будто нижняя арка была вставлена для крепления балок крыши, но это действительно оригинально. Уклон крыши носовой части был трижды изменен, о чем свидетельствуют пазы, вырезанные в стене башни. Самый плоский - самый последний. Крыши, по-видимому, были односкатными. Было ли под лестницей какое-то помещение или у основания лестницы был ход на нижний этаж цитадели, как уже указывалось, сейчас установить невозможно.

Кажется, что в перпендикулярный период это переднее здание было сильно изменено, его вход немного сместился, и в нем были размещены несколько опор площадью 3 квадратных фута, поддерживающих арки с полным центром и пролетом 9 футов, на которые были уложены бревна верхнего этажа. В занавесе, образующем северный конец, был прорезан простой дверной проем длиной 6 футов, а на внешней стороне стены была образована ниша шириной 13 футов и глубиной 6 футов, имеющая сегментарную арку и поддерживаемая тремя простыми ребрами с полкой фаской. Эта ниша выходила на террасу, которая выходила на северную часть внешнего двора и образовывала своего рода площадку и лестницу, спускавшуюся на четыре или пять ступенек от двери на террасу. Цель, по-видимому, состояла в том, чтобы проложить красивый путь из внутреннего двора в сад к северу от крепости. Опоры и арки могли быть возведены при Елизавете или Якове, но их лепнина и части прилегающих стен явно более ранние и, без сомнения, работы владельцев-ланкастеров, которые в таком случае, должно быть, разбивали сад. Дадли внес дальнейшие изменения, и часть южного фасада переднего здания до сих пор датирована 1575 годом и украшена итальянскими орнаментами.

В этой цитадели следует отметить отсутствие поперечной стены, подвал, засыпанный землей, необычный выступ четырех башенок, вероятно, отдельные входы из передней части здания на цокольный и второй этажи, а также лестницу-колодец, почти такую же большую, как в Лондонском тауэре. Кроме того, здесь нет опускной решетки, и есть лишь несколько залов с фресками или галерей. Это тем более примечательно, что стены необычайно толстые, а материал превосходный. Кроме того, в трех оставшихся стенах нет каминов, и нет никаких украшений ни внутри, ни снаружи. Цитадель - единственное явно нормандское здание, сохранившееся во внутреннем дворе, хотя большая часть занавеса выполнена в нормандском стиле, а большая часть опирается на нормандские линии.

Было указано, что цитадель образует северо-восточный угол внутреннего двора. Занавес, примыкающий к ней с обеих сторон, имеет свою дату. В северо-западном углу занавес образует северную стену переднего здания и на протяжении нескольких ярдов является оригинальным. В юго-восточном углу крепости сохранились остатки входа во внутренний двор. Это, как и в Бриджнорте, был дверной проем в восточном занавесе, рядом с замком, и, как и в Бриджнорте, хотя занавес был снят, часть дверного проема сохранилась. Завеса была здесь толщиной 11 футов и высотой 21 фут до крепостной стены, над которой были парапет и задняя стена еще примерно на 5 футов выше. Сохранился один целый косяк и подпружиненные камни портала. Там не было сторожки, только проем в стене, как в Огморе и, вероятно, в Ладлоу. Защитными сооружениями были: —Сначала портал глубиной 3 фута и в нем квадратная канавка для опускной решетки; затем фальц для двери, открывающейся

внутри; и, наконец, арочный проход на 3 фута выше портала и глубиной 6 футов. Вход, по-видимому, был только пешеходным, так что экипажи не могли въезжать во внутренний двор.

Так называемые здания Ланкастера занимают большую часть внутреннего квартала. Они начинаются в передней части здания и тянутся вдоль остальной части северной стороны, всего запада и большей части южной стороны. Они, очевидно, заменили аналогичные здания нормандского периода и были построены ближе к концу четырнадцатого века. К западу от передней постройки находятся остатки кухни и кладовой, ныне превратившиеся в груды руин, большая часть которых засыпана землей. В стену передней пристройки был встроен огромный камин с двумя очень совершенными печами, облицованными тонким кирпичом; еще один камин образован в соседнем помещении; задники каминов также сделаны из тонкого кирпича, выложенного в виде селедочной кости. Далее, любопытный треугольный контрфорс за пределами занавеса содержит шахту гардероба, сток из которой представляет собой квадратное отверстие в скале внизу, около 6 футов в высоту и 4 фута в ширину. Есть второй слив, который проходит через кухню и устье которого, снабженное канавкой для слива, видно во внутреннем отделении, рядом с дверью в холл. Вероятно, если бы мусор был убран, был бы виден план этих зданий. За ними северо-западный угол прихода увенчан мощной четырехугольной башней размером 50 на 40 футов с восьмиугольными башенками на двух западных углах, а между ними - довольно примечательным треугольным контрфорсом. Башня состоит из трех ярусов, все сводчатые, каждый свод состоит из четырех пролетов, выступающих из центрального пирса. Это дата постройки зала и кухонь, начиная с фундамента. Вероятно, эта башня получила свое название "Крепкая башня" из-за того, что ее использовали в качестве тюрьмы, хотя, очевидно, для важных персон. Окна представляют собой простые отверстия с плоским верхом. По бокам одного из выступающих углублений, обращенных на запад, нацарапаны на камне несколько гербов. Тех, что удалось разглядеть, четыре.

1. Шесть поперечных крестиков флори, расположенных на изгибе в три фиона по направлению к зловещему.

2. ежеквартально, в зависимости от состояния боевой готовности.

3. На четверть ладу (или фретти).

4. Квартальные, 1 и 4, перекрестные ботонны.

- 2 и 3, три перевернутых полумесяца.

Рядом с этой башней находится Зал, который занимает почти всю западную сторону прихода. По размерам, пропорциям, материалу и мастерству исполнения это был, вероятно, лучший зал в королевстве, полностью относящийся к раннему перпендикулярному периоду. Он имел размеры 90 на 45 футов и стоял на цоколе того же размера, крыша которого состояла из восемнадцати квадратных пролетов, выступающих из десяти опор, расположенных вдоль стен в трех равных проходах, в то время как у стены расположены четырнадцать ответвлений, кроме одного на каждом из четырех углов. Между каждой парой находится арочное углубление. Этот обширный и красивый подвал проветривался только с восточной стороны. Поперечный проход в северном конце был перегороден каменной ширмой в качестве прохода, который пересекал подвал, имея в восточном конце дверь из внутреннего отделения, а на западе задний проем во внешнее отделение. Этот задний вход представляет собой дверной проем с квадратным изгибом и рельефной канавкой для

опускной решетки, а непосредственно над ним находится маленькое квадратное окошко, перекрытое решеткой, а в подоконнике окна холла над ним - круглое отверстие для цепи, с помощью которой поднималась решетка. Эта опускаемая решетка скорее дань военному характеру здания, чем для обеспечения какой-либо особой безопасности, поскольку большие окна зала наверху впустили бы целую армию. В подвал можно было попасть через боковую дверь из коридора, а в его юго-западном углу находилось небольшое помещение - подвал, откуда небольшая лестница-колодец вела в “буфет” наверху. Холл, опирающийся на сводчатый пол, находится на один этаж выше уровня внутреннего отделения. К нему вела широкая прямая лестница, которая вела к крыльцу в северном конце восточной части помещения. Крыльцо опиралось на свод, само по себе было сводчатым, рифленным и богато обшитым панелями. Зал освещался четырьмя большими окнами, выходящими на запад, или внешний двор, и тремя - на внутренний двор. В верхних двух третях комнаты, напротив друг друга и между двумя парами окон, расположены два больших камина. У них перемычки слегка приподняты, нет капюшонов или выступов, а их спинки обшиты панелями.

В верхнем или южном конце зала, на восточной стороне, находится большой эркер в половину восьмиугольника, открывающийся аркой в 15 футах от помоста, обшитый панелями и отделанный в паху, с тремя большими окнами с двумя светильниками с фрамугами и листовыми наличниками, и небольшим камином. Напротив этого, в западной стене, находится ниша шириной 10 футов, крыша которой перекрыта и которая предназначена для “буфета” или серванта. Он окружен двумя небольшими восьмиугольными башенками, в одной из которых находится лестница, спускающаяся в подвал и поднимающаяся на крышу. Отсюда проход вел в гостиные в южном конце зала. Выступ буфета с его башенками соответствует мощной башне, которая венчает дальний конец этого фасада. Северная стена холла исчезла, но сохранился косяк большой двери, вероятно, ведущей в кладовую. В северо-западном углу, в оконном косяке, маленькая дверца открывается в колодец-лестницу, ведущую на крышу. Южная стена за помостом также исчезла, но одно окно музыкальной галереи сохранилось. Окна широкие и высокие, расположены в глубоких нишах, обшиты панелями и оснащены сиденьями. Арки, хотя и четырехцентровые, довольно сильно заострены. Край каждой выемки заменен жирным изгибом. Окна соединены, в каждом по два светильника, разделенных двумя фрамугами, и образованные таким образом верхушки проемов богато отделаны листьями. Крыша была открытой, деревянной, поддерживаемой пятью парами опор, помимо тех, что были прислонены к стене с каждого конца, а шпангоуты оконных арок в главной стене обшиты панелями. Внешние контрфорсы имеют квадратную форму, но имеют диагональные грани. Дверь установлена в виде низкой арки. Все здание выполнено в чистейшем перпендикулярном стиле, в раннем стиле.

С верхнего конца зала вдоль южной стороны двора располагалась анфилада комнат, от которых сохранились только руины. За холлом находился Белый зал, ныне полностью исчезнувший; а за ним прекрасное эркерное окно, выходящее во двор, как говорят, принадлежало залу для приемов. За ним, за занавесом, находится низкая башенка смелого выступа, 30 футов на 20 футов, разделенная поперечной перегородкой на две общественные гардеробные с большими выгребными ямами внизу, очень любопытный довесок к анфиладе парадных комнат. Основание занавески на этой лицевой стороне имеет следы нормандской работы и кажется оригинальным. Из-за большей высоты внутренней палаты нижние 8 или 10 футов занавески с этой стороны являются облицовкой.

Здания Ланкастера заканчиваются остатками восьмиугольной башни на занавесе, и за ними следуют так называемые здания Лестера, хотя стыдно использовать это название в Кенилворте по отношению к кому-либо другому, кроме великого графа, которому Англия

столь многим обязана. Они образуют юго-восточный угол прихода. Они занимают участок размером 50 на 90 футов и имеют высоту 80 или 90 футов. Они не обладают архитектурными достоинствами, и хотя построены из добротного ясеня, стены тонкие для их высоты, они потрескались и сильно разрушились. Всех этажей и крыш нет. Без сомнения, эти здания заменяют какую-то нормандскую башню, но они, вероятно, выступают гораздо дальше, чем та, во внешний двор. За ними, вдоль восточного фасада прихода, почти до входа простирались апартаменты Генриха VIII и вестибюль Дадли; теперь их убрали, а вместе с ними и нормандский занавес, на котором они покоились.

Этот внутренний двор сам по себе был очень сносной крепостью, цитадель господствовала над всем и, благодаря своей чрезмерной пассивной прочности и скалистому основанию, была практически неприступна. К занавесам, по-видимому, почти со всех сторон были приставлены здания; они, безусловно, были высокими, и благодаря этому обстоятельству и выгодному расположению земли, на которой они стояли, внутренняя стена возвышалась над всеми внешними укреплениями этого места. Земля быстро оседает на северном, южном и западном фронтах. Вдоль восточного фронта, где естественный уклон был пологим, был выкопан широкий и глубокий ров, который завершил оборону подопечного. Более того, не исключено, что этот ров продолжался вдоль северного фасада, занимая место сада, и заканчивался в низине возле Лебединой башни.

Далее следует описать *Внешнюю палату*. Это примерно овал в плане, 270 ярдов к востоку и западу, по 174 ярда к северу и югу. Внутренний приход занимает примерно шестую часть его площади и расположен примерно в 54 ярдах и 30 ярдах от его западной и южной границ и в 67 ярдах и 130 ярдах от границ с севера и востока, что дает большое пространство в последнем направлении, в котором, по-видимому, находились различные хозяйственные постройки, входы и часовня. Этот участок был разделен уже упомянутым поперечным рвом, который тянулся от внешнего северного рва на 150 ярдов почти до озера. Следы его сохранились с обоих концов, но большая его часть была полностью засыпана, вероятно, Дадли после визита королевы Елизаветы. Он был 70 футов в ширину, и через него мост вел ко входу во внутреннюю палату. На северном конце этот ров, должно быть, был очень глубоким; к югу, перед зданиями Лестера, где часть его сохранилась, земля осыпается и становится неглубокой. Вероятно, в качестве дополнительной защиты в задней части этого рва была построена поперечная стена от юго-восточного угла внутреннего двора до противоположного занавеса. Часть этой стены была снесена, когда строились здания Лестера, но внешний конец сохранился и часть дверного проема в нем. Этот двор пересекает другая стена более позднего времени, которая простирается от Крепкой башни до западного занавеса примерно на 34 ярда. В его центре находится дверной проем шириной 10 футов, который вместе со стеной, кажется, датируется перпендикулярно. "Plaisance" Генриха VIII был построен по обе стороны от этих ворот на севере. Первая стена, без сомнения, оригинальная и предназначалась для того, чтобы помешать врагу, который пересек ров там, где он был неглубоким, продвигаться на запад вдоль внешнего ограждения; вторая, вероятно, была построена, чтобы отгородить сад с северной стороны, в ланкастерский период. В этом внешнем дворе находится то, что, по-видимому, является частью первоначального земляного сооружения раннего жилища. Перед залом, примерно на уровне его пола, так что стена подвала представляет собой облицовку, находится треугольная платформа длиной около 72 футов у основания вдоль стены и выступом около 63 футов на вершине. Он находится примерно на 30 футов выше остальной части палаты и имеет уклон один к одному. Проход от заднего входа в зал отделяет его от насыпи поменьше к северу, и все это кажется искусственным, или почти искусственным. Эта платформа возвышается над внешним занавесом. Странно, что его не включили во внутреннюю палату.

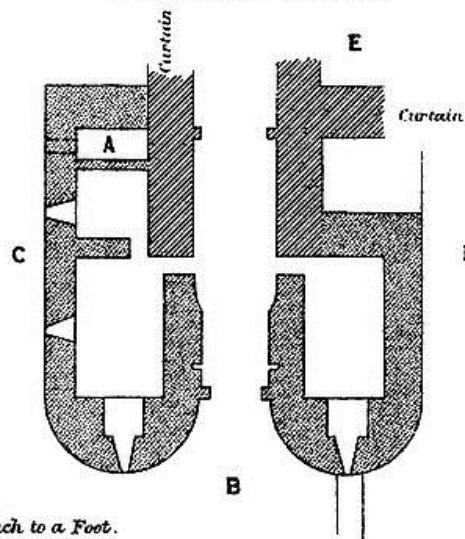
Обширное пространство к северу, называвшееся во времена Дадли садом, а сейчас большим огородом, вероятно, частично образовалось из руин крепости и северного занавеса. Как он был первоначально заселен, неизвестно; возможно, здесь был ров. Если ланкастерские лорды проложили проход через переднюю постройку и нишу в занавесе, они, должно быть, разбили пространство внутри рва как сад. Из множества отдельно стоящих зданий, которые в разное время, должно быть, стояли во внешнем приходе, и особенно в восточной его части, известно только одно - часовня. Это был продолговатый неф без проходов, имеющий восточным концом три стороны шестиугольника, поперек которого шел фундамент стены. Внутренняя ширина составляла 33 фута; длина еще не была раскопана. Вероятно, здесь всегда была часовня, поскольку в ней была найдена капитель нормандской работы гораздо более ранней, чем крепость, но здание, от которого сохранился фундамент, украшено или датируется ранним перпендикуляром, как видно из плана и из раскопанных частей седилии.

ЗАМОК КЕНИЛВОРТ.

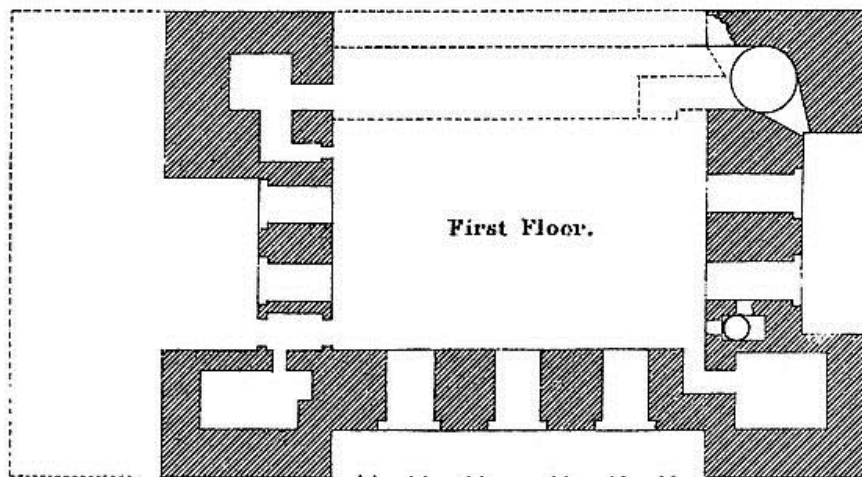
KENILWORTH CASTLE.

MORTIMER'S TOWER.

- A Garderobe and Sewer.
- B The Dam.
- C The Lake.
- D Water below the Dam.
- E Outer Ward.

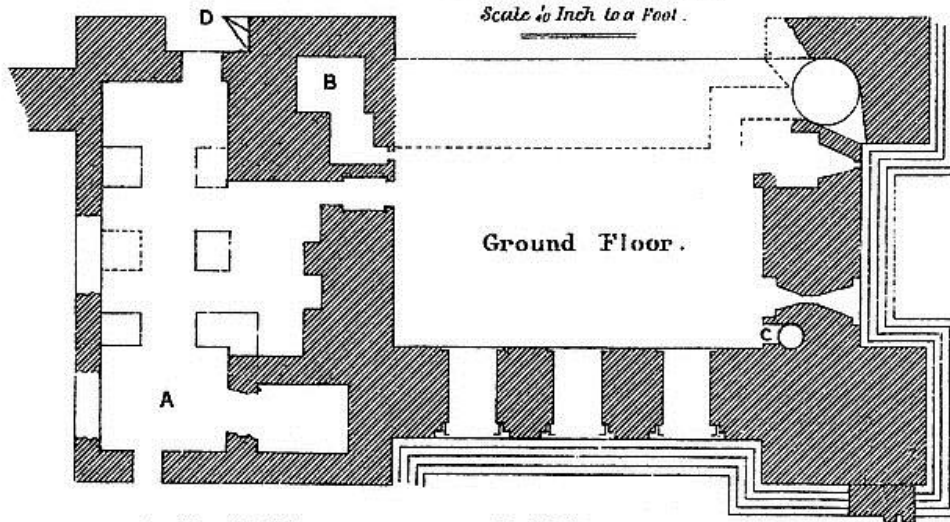

Scale $\frac{1}{16}$ Inch to a Foot.

KENILWORTH KEEP.

Scale $\frac{1}{16}$ Inch to a Foot.

- A Fore Building.
- B Garderobe Tower.

- C Well.
- D Garden Door and Alcove.

БАШНЯ МОРТИМЕРА.

- 17. Гардероб и канализация.
- 18. Плотина.
- 19. Озеро
- 20. Вода ниже плотины.
- 21. Внешняя палата.

КРЕПОСТЬ КЕНИЛВОРТ.

- 22. Переднее здание.
- 23. Гардероб в башне.
- 24. Чтож.
- 25. Садовая дверь и альков.

The *Окружение* этого внешнего квартала, длиной около 750 ярдов и включающее в себя более девяти акров, в основном состоит из навесной стены, на которой расположены шесть довольно важных зданий. Это башни Мортимера и Суона, Сторожка Лестера, Башня Ланна, Конюшни и Водонапорная башня. Башня Мортимера получила свое название либо в честь лорда Мортимера из Вигмора, который руководил здесь турниром во времена правления Эдуарда III, либо в честь сэра Джона Мортимера, заключенного здесь Генрихом V. Это сторожка у ворот, она стоит на внутренней оконечности плотины и занимает выступ занавеса на юго-востоке. В плане он имеет глубину 60 футов и ширину 55 футов; в задней части, на одном уровне со шторой и выступающий из нее, 54 фута. Входной проход находится в центре его длины, а внешний портал открывается между двумя полукруглыми башнями диаметром 18 и 20 футов. Внутри арки находилась опускаемая решетка в квадратном пазу размером с деревянную решетку, а за ней - откидная планка для складных дверей. Затем проход немного расширяется за счет изогнутой перекладины, и с каждой стороны двери шириной 2 фута открываются в домик, соединенный петлями спереди и снаружи. В задней части восточной сторожки находится сплошная стена толщиной 7 футов; но к западной сторожке пристроена гардеробная, а за ней находится шахта второй гардеробной с верхнего этажа, а под ними канализационный коллектор, выходящий в озеро. Все петли крестообразные. Здесь была вторая опускаемая решетка, паз для которой заделан, а на внутренней поверхности - фальц для второй пары дверей. Верхний этаж этой сторожки был снесен. Очевидно, что он был сильно изменен. Первоначально он состоял всего из пары параллельных стен, как в Беркхэмпстеде и Конингсборо, толщиной 7 футов и на расстоянии 12 футов друг от друга, и они образуют заднюю часть нынешнего здания. От верхнего этажа за пределами западной стены сохранился фрагмент, несущий на карнизах нависающее вентиляционное отверстие гардеробной. К простой прямоугольной башне были добавлены передние барабаны и боковая камера. Лепнина оригинального сооружения выполнена в раннем стиле, а более поздние, более совершенные по оформлению; но работа носит второстепенный характер. Кажется, что все сооружение было изначально построено и дополнено в спешке.

С восточной стороны к этой сторожке примыкал тюремный занавес толщиной 6 футов, из которого было убрано несколько ярдов. На западе занавес проходит прямо назад, а затем поворачивает на запад под прямым углом, образуя плечо, что означает, что длинная южная сторона обрамлена по бокам. Рядом с углом находится задняя дверь, спускающаяся по ступенькам к озеру. В задней части сторожки находится шахта водопропускной трубы, которая, по-видимому, подавала воду из озера на нижний этаж Водонапорной башни. Возможно, во внешнем дворе была мельница, питавшаяся таким образом. Спереди

восточный барабан сторожки соединен с длинной навесной стеной, которая венчала край плотины с востока и упиралась в сторожку, закрывая одну из ее петель. В этом занавесе, ближе к тому концу, был небольшой Украшенный дверной проем, ведущий к нижнему озеру.

Проходя к западу от башни Мортимера, занавес, как видно, покоится на земле в нескольких футах над уровнем озера и в нескольких ярдах от его края. Он всех времен от нормандского до Перпендикулярного, снаружи имеет высоту от 20 до 30 футов, а внутри меньше на 6-8 футов. Напротив зданий Лестера, где стена имеет толщину 5 футов 6 дюймов, расположены три петли с отверстием в 1 фут, расположенные в углублениях по центру на расстоянии 5 футов. Они подождли какое-то оригинальное нормандское здание, ныне разрушенное. Некоторые из контрфорсов за пределами занавеса представляют собой оригинальные пилястровые планки, другие имеют ширину от 6 до 14 футов и выступ от 2 до 4 футов, со множеством выступов и явно украшенного характера. На южной стороне всего четырнадцать контрфорсов. С двух юго-западных углов стена увенчана двумя широкими плоскими контрфорсами шириной 10 футов и выступом в 2 фута. Возможно, они поздненормандские. На расстоянии 30 ярдов между ними находится окно в форме плеча, открывающееся на 2 фута, и поздне декорированная задняя дверь, которая соответствует задней двери под большим залом. За этим углублением в земле стена достигает 40 футов в высоту. Эта западная часть имеет длину около 112 ярдов и заканчивается Лебединой башней. В нем находится большая арка с перпендикулярной датой и отверстием в 18 футов, соответствующая “Плезансу” Генриха VIII., и, возможно, предназначенная для того, чтобы оттуда можно было спускать лодку на озеро.

Лебединая башня венчает северо-западный угол прихода. Она представляет собой восьмиугольник, но опирается на основание высотой 12 футов и площадью 40 футов. Верхняя часть была удалена. Основание прочное, а внутренний пол находится примерно в 10 футах над землей снаружи. Дверь на оставшийся этаж находится в ущелье. Основание этой башни может быть либо перпендикулярным, либо украшенным. Говорят, что он был реконструирован Дадли. От Лебединой башни северная стена тянулась почти по прямой на 150 ярдов до сторожки Лестера, и на ней были две башни, одна прямоугольная и одна многоугольная. Они исчезли, как и стена, за исключением одного очень толстого фрагмента, который, по-видимому, закрывал поперечный ров на его северном конце и, вероятно, снабжен шлюзом. Небольшое исследование и расчистка здесь могли бы подтвердить это и определить ширину поперечного рва. Перед этой стеной находится большой северный внешний ров замка, которым этот фасад защищен от Клинтон-Грин.

Сторожка Лестера, построенная около 1570 года, представляет собой прямоугольное здание размером 56 на 28 футов, со смелыми восьмиугольными башенками по углам, которые немного возвышаются над крышей. В подвале находился входной проход и шлюз, а над ним - два этажа. Окна квадратные, с двумя фонарями и фрамугой; и в целом здание является ярким примером своего периода. Проход был закрыт и переоборудован в две комнаты, в которые ведет любопытная боковая веранда итальянского дизайна, которая была пристроена позже. Снаружи вырезан герб Бошана, а обшарпанный посох используется так, как будто он принадлежал перу Дадли. Любопытны панели в интерьере и камин, которые были привезены из замка. В нескольких ярдах к востоку от этой сторожки находятся остатки укрепленной дамбы, пересекающей ров, здесь почти засыпанной. Это выглядит старым и, вероятно, является частью первоначального входа. За этим ров углубляется и достигает башни Ланна, которая венчает восточный угол квартала.

Башня Ланна цилиндрическая, диаметром 36 футов и высотой около 40 футов, и стоит на три четверти за пределами занавеса. На внешней стороне расположены четыре пилястровые

планки шириной 5 футов и выступом 6 дюймов, которые, вероятно, поднимались до основания парапета, ныне исчезнувшего. Они покоятся на постаменте, и башня имеет два отделения, в которых они участвуют. К задней части башни было пристроено что-то вроде полуосьмиугольной башенки с лестницей-колодцем — раннее дополнение. Подвал находится на уровне палаты, и есть два верхних этажа с каминами под сегментными головками. Полы были деревянными. Единственными отверстиями являются петли: отверстия на двух нижних этажах имеют квадратную форму, расположены снаружи в прямоугольных нишах, заканчивающихся внизу широкими веерообразными хвостами, как в замке. Внутри они размещены в расширенных нишах с сегментарными арками. В подвал есть дверь из палаты, но на верхние этажи можно попасть по лестнице-колодцу, которая также выходит на смежную занавеску. Эта завеса с обеих сторон на протяжении нескольких ярдов была снята; но сохранились фрагменты, которые показывают, что с каждой стороны от башни к завесе тянулись небольшие арки с круглой головкой, которые поддерживали гардероб на уровне вала над углублением. В задней части этой башни находится колодец, облицованный тесаным деревом, диаметром 4 фута. Занавес к югу от башни Ланна был пробит примерно на 50 футов, а за его пределами он старый и поддерживает ряд конюшен и хозяйственных построек длиной 170 футов и шириной 25 футов с квадратными контрфорсами, в центре которых находится большое крыльцо с диагональными контрфорсами и широкий вход, как для сарая, с круглой аркой. Нижняя ступень сделана из камня, а верхняя - из кирпича и дерева. Говорят, что он был построен Томасом, графом Ланкастером, во времена правления Эдуарда II.; но большая его часть, безусловно, относится к гораздо более позднему времени — в стиле позднего перпендикуляра. Занавес, на фоне которого он построен, выполнен в раннеанглийском стиле или декорирован, а надстройка сарая, по-видимому, является пристройкой, размещенной там, когда было решено построить верхний этаж. Арки округлые и выглядят украшенными, но есть два окна в стиле позднего тюдора. Часовня находилась в нескольких ярдах от этого здания.

Недалеко к югу от сарая находится Водонапорная башня, очень любопытное и законченное здание, выполненное в раннем стиле декора. Это фресковая башня без внутреннего выступа, имеющая основание шириной 50 футов и глубиной 30 футов, от которого она поднимается в виде половины восьмиугольника, углы которого разделены двумя диагональными контрфорсами, между которыми в выступе находится петля, которая освещает гардеробную. В нем есть подвал и верхний этаж, и водопропускная труба из озера протекает под ним и промывает канализацию в гардеробе. На первом этаже находится большой камин, над которым находится красивая дымовая труба. Кажется, это была кухня. Здесь также есть настенная роспись "Гардероб". Лестница-колодец со шпилем над головой ведет на верхний этаж, пол которого был деревянным, а также к зубчатым стенам башни и занавеса. На верхнем этаже есть небольшая комната, пристроенная с западной стороны петель в сторону поля. Окна с двумя фонарями в форме трилистника. Крыша наклонная с умеренным уклоном. Оно находилось внутри зубчатых стен. За ним находится камера надзирателя, в основном в стене, но с небольшим выступом наружу. В нем есть большой камин и гардеробная, построенная, по-видимому, в раннеанглийском стиле или в раннем декоре. Следовательно, толщина занавеса составляла 6 футов, а то, что осталось, поддерживается тремя украшенными контрфорсами. За ними пролом в 30 ярдов простирается до башни Мортимера.

Стены этого квартала, хотя и сильно отремонтированные, по-видимому, соответствуют первоначальным нормандским линиям и, вероятно, сохранились во многих местах того времени, когда была построена крепость. Защитные сооружения за стеной внушительны. На севере находится ров, вырубленный в скале, большой глубины и ширины, очень

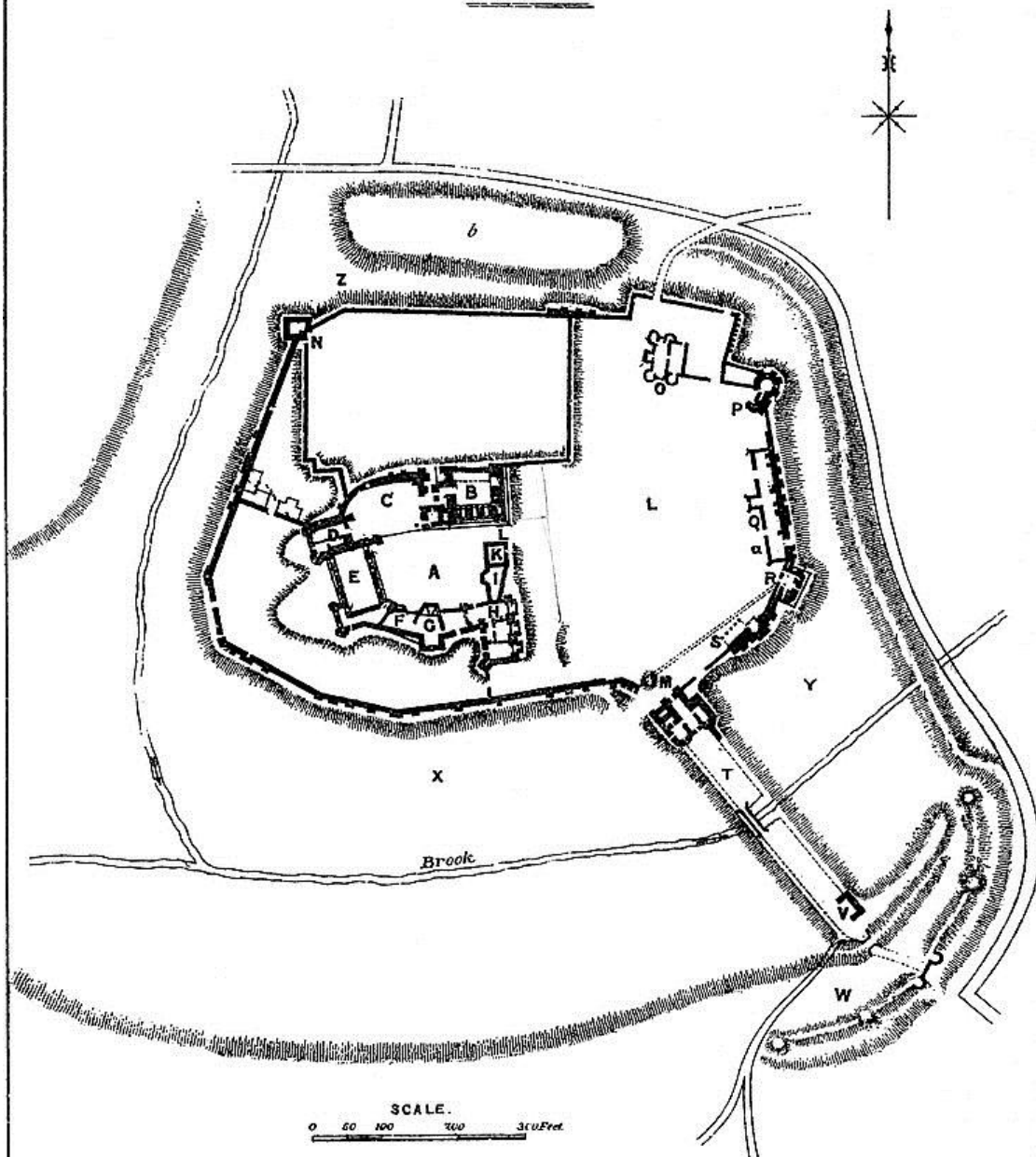
необходимая защита, поскольку за ним земля по крайней мере на высоте основания крепости. Это Клинтон-Энд или Клинтон-Грин, на котором есть несколько земляных насыпей, возможно, это следы великой осады Генриха III, который, вероятно, расположился лагерем на этой стороне. Любопытно, что не было предпринято никаких попыток засыпать ров, без чего ни один двигатель не смог бы эффективно работать в цитадели. Вероятно, сила гарнизона и частые вылазки, которые, как известно, они совершали, предотвратили это, или же, возможно, использовались хворост. От башни Ланна до Водонапорной башни ров все еще заполнен водой, а оттуда до башни Мортимера канава не понадобилась, так как земля была низкой и влажной, а временами и под водой. Затем следует плотина, выше которой озеро покрывало южный фасад, как его рукав покрывал западный фасад, вплоть до Лебединой башни. Север был слабой стороной, так как местность там была высокая; но этому противостояли крепость и очень внушительный ров. Говорят, что этот ров мог быть заполнен из озера, и таким образом замок был окружен водой. Если это так, то там должна была быть небольшая плотина, вероятно, у моста перед старым входом к западу от башни Ланна.

Оборонительные сооружения на юге требуют особого внимания. Из башни Мортимера прямо через долину насыпан земляной вал. Он имеет 80 ярдов в длину, 15 ярдов в ширину и около 20 футов в высоту с верхней или западной стороны. Нижняя сторона укреплена пандусом в склоне. Примерно на трети пути глубокий и широкий разрез, теперь перекрытый мостом, выпускает воду и осушает озеро; но было ли это расположение шлюза сомнительным. Башня Мортимера закрывала внутренний конец этой плотины, а навесная стена толщиной в 4 фута защищала ее восточную сторону. На дальнем его конце находятся остатки шлюзовой башни, или галереи, внешней сторожки, за которой поперек плотины проходит глубокий ров, который, очевидно, предназначался для отвода разлива озера и, возможно, для его осушения в случае необходимости. Его пересекал подъемный мост, опоры которого сохранились до сих пор. Эта сторожка приписывается лорду Лестеру, который, вероятно, переделал ее. По сути, она, безусловно, намного старше. При ремонте использовался большой каменный блок, украшенный лепниной, который, вероятно, является частью более старого здания, хотя также считается, что его привезли из часовни. Лестница из этой сторожки спускается к озеру, и ее заменяет современная фермерская дорога.

ЗАМОК КЕНИЛВОРТ.
ОБЩИЙ ПЛАН.

KENILWORTH CASTLE.

GENERAL PLAN.

A Inner Ward.	K Henry VIII's Lodgings.	T Dam.
B Keep.	L Outer Ward.	V Gallery Tower.
C Kitchen.	M Mortimer's Tower.	W The Brayz.
D Strong Tower.	N Swan Tower.	X The Lake.
E Hall.	O Leicester's Gatehouse.	Y Lower Lake.
F Whitehall.	P Lunn's Tower.	Z North Ditch.
G Garderobe Tower.	Q Barn.	a The Chapel.
H Leicester's Buildings.	R Water Tower.	b Clinton Green.
I Sir R. Dudley's Lobby.	S Warder's Tower.	

Wyman & Sons, Нью-Йорк^t. Queen St. Лондон.

- Эйнер Уорд.

- Продолжай.
- Кухня.
- Прочная башня.
- Привет.
- Уайтхолл.
- Башня ГГардеробе.
- Здания Хлейчестера.
- Это вестибюль мистера Р. Дадли.
- Жилище Хенри VIII.
- Палата Лоутера.
- Башня Мортимера.
- Башня НСван.
- Сторожка у ворот Олейчестера.
- Башня Плунна.
- QВarn.
- Водонапорная башня.
- Башня Свордера.
- TDam.
- Башня в галерее.
- С Блеянием.
- X Озеро.
- Озеро ИЛауэр.
- Северная канава.
- аЧасовня.
- бКлинтон Грин.

Именно через эти ворота, между Брейзом и тилт-ярдом, королева Елизавета совершила свой знаменитый въезд. На рисунке Дагдейла 1620 года, кажется, изображена стена на верхней стороне плотины, но сейчас от нее не осталось видимых следов. Широкая и ровная поверхность плотины хорошо подходила для наклонной площадки и, похоже, всегда использовалась именно так, как, без сомнения, и Брейз. Такие учения, в которых участвовало большое количество вооруженных людей, обычно проводились у заграждений или за главными воротами замка в качестве меры предосторожности на случай неожиданности. Результатом строительства плотины стало образование слоя воды от 90 до 100 ярдов в поперечнике, длиной в полмили, глубиной от 10 до 12 футов и площадью около 111 акров. Ниже плотины, где долина довольно широкая, а почва от природы низкая и болотистая, образовалось второе, более низкое и маленькое озеро, плотину которого небольшого характера можно увидеть вдоль верхней стороны дороги от станции к замку. Это нижнее озеро, должно быть, всегда было неглубоким, но оно служило для защиты большой плотины, прикрывавшей юго-восточный угол замка и охранявшей тыл и восточный фланг большого фортификационного сооружения. В Ледесе под плотиной озера был “Застойный период”, а в Кэрфилли сточные воды из озера были направлены на покрытие главного фасада замка.

Наконец, остается обратить внимание на огромную надворную постройку, которая завершала оборону замка с южной стороны и образовывала величественный *тет-де-пон* за

озером. Он носил название Брейз, возможно, от “Брейда”, пригородного поля или обширного места.

К югу от озера возвышенность отделяет его от более или менее параллельного ручья, который спускается из парка Ведгнок по долине, впадающей в реку Инчфорд немного ниже замка. Именно оконечность этого выступа, лежащая между двумя долинами, была использована для передовой обороны. Земля была расчерчена в виде подобия большого приплюснутого полумесяца с фронтом в 300 ярдов и занимала около восьми акров. Вдоль его фасада тянется насыпь высотой около 20 футов и такой же ширины вверху, и на ней находятся четыре кургана, которые в более поздние времена назывались “кавалерами” и из которых тот, что на юго-западном конце, имел 40 футов в диаметре наверху. Перед этим берегом был выкопан ров глубиной в некоторых местах 40 футов и шириной 100 футов, а местами двойной, а сзади, где работы велись на берегу озера, он был круто обрывист и огражден рвом глубиной около 20 футов, за которым, на краю нижнего озера, был берег высотой от 10 до 12 футов, так что было очень трудно обогнуть флигель и войти в него с тыла. Примерно в середине этого флигеля находился вход в замок с юга. Его расположение отмечено двумя мощными барабанными бастионами из ясеня диаметром 25 футов, расположенными на расстоянии 40 футов друг от друга. Они поднимаются из канавы с простого цоколя на высоту 14 футов, и такие высокие они прочные. Их надстройка исчезла. Здесь, без сомнения, был подъемный мост, и дорогу можно проследить через надворную постройку к Башне Шлюзовых ворот. Здесь стояла южная из четырех сторожек, упомянутых при посещении Елизаветы, и через нее она вошла в дом. Немного к западу от Брайза находится каменоломня, из которой, вероятно, поступали некоторые материалы для строительства замка.

Перед Брейзом, между ним и ручьем Ведгнок, есть следы легкого откоса и рва, или, возможно, двух рвов, с примыкающими к ним земляными бастионами, предназначенными для сдерживания продвижения врага с этой стороны. Линии пересекают дорогу и защищены ручьем, который протекает ниже и перед ними. Эта дорога — главный подъездной путь из Уорика и с юга — ведет прямо ко входу в Брейз, откуда делает резкий поворот направо и огибает контрэскарп рва, чтобы полностью контролироваться с крепостных валов.

Это многое изменило бы к внешнему виду замка и привлекло бы внимание к некоторым из его наиболее примечательных особенностей, если бы владелец сделал вход для посетителей через ворота Брейз и позволил им приблизиться к замку вдоль дамбы через башню Мортимера.

История строительства Кенилуорта написана с достаточной ясностью на его земляных валах и стенах. Английский основатель, вероятно, разместил свою резиденцию на том, что стало внутренним кварталом; он обнес себя там, как это было принято у его народа, насыпями, рвами и стенами из сухого камня или бревен, заняв самое высокое место и разместив свои стада и пастухов пониже, ближе к лугам и болотам на территории, которая сейчас является внешним кварталом. Неизвестно, счел ли он необходимым прорезать северный ров на всю глубину; вероятно, нет, поскольку для столь отдаленного периода его грани остры. Однако какая-то канава там, должно быть, была, так как без нее от других работ было бы мало толку. Возможно также, что затем на северной и восточной сторонах был вырыт внутренний ров, поскольку это было необходимо для полной защиты внутреннего двора, и по крайней мере от одного из них сохранились следы.

Нет никаких упоминаний о Кенилуорте как о лордстве до тех пор, пока оно не было пожаловано Генрихом I. Джеффри де Клинтону, который считается основателем Башни

Клинтон или цитадели; но это, более вероятно, работа его сына, другого Джеффри, между 1170 и 1180 годами, вскоре после чего поместье перешло к короне. Башня Ланна, вероятно, была построена королем Джоном около 1200 года; и первоначальная завеса над двумя палатами, по-видимому, располагалась между этими двумя датами. Если северный ров внешнего укрепления не был вырыт ранее, он должен был быть вырыт или, во всяком случае, углублен в этот период; и это относится также к северному и восточному рвам, которые, по-видимому, покрывали соответствующие стороны внутреннего ограждения.

Характер местности позволяет предположить, что в нормандской крепости был только один вход. Этого не могло быть ни на восточном, ни на западном, ни на южном фронтах, поскольку местность была низкой и болотистой; ни на северном, где ров широкий и глубокий и с какой стороны во внутреннем дворе не было соответствующих ворот. Очевидным местоположением было бы то место, где сейчас находится Сторожка Лестера, между возвышенностью Клинтон-Грин и болотами, и путь, с которого к воротам внутреннего квартала будет просматриваться со стороны крепости.

Генрих III потратил здесь большие суммы, и Водонапорная башня, соседняя башня Надзирателя и лестница башни Ланна, вероятно, являются его работой, наряду с масштабным ремонтом южного и восточного занавесей. Также совершенно очевидно, что ему следует приписать великую плотину и, следовательно, более старые части Мортимерс-Тауэрс и Галерейные башни. Из параллельных случаев озеро в Кэрфилли относится к концу этого правления; как и завершение его в Ледесе в Кенте, или к началу правления Эдуарда I. Брейз, являясь необходимым дополнением к плотине, должно быть, рассматривался в то время, когда она строилась, и поэтому, вероятно, относится к той же дате. Легкие земляные укрепления, пересекающие Уорик-роуд, вероятно, являются работой Симона де Монфора младшего, возведенной в спешке, чтобы остановить приближение королевских войск из Уорика. За исключением Галерейной башни, моста и внешней сторожки у ворот, за озером, по-видимому, не было никакой каменной кладки.

В замке очень мало чисто декорированных работ. Кухни, холл и комнаты на юго-востоке, называемые зданиями Ланкастера, вероятно, являются работой Джона Гонта в конце четырнадцатого века. Они, без сомнения, заменили другие, менее великолепные хозяйственные постройки нормандского времени. Часовня кажется несколько более ранней, чем холл, амбар - более поздним, а его верхний этаж - еще более поздним.

Более поздние правители Плантагенетов и более ранние правители Тюдоров делали немногим больше, чем просто поддерживали это место; и таким оно оставалось до тех пор, пока Елизавета не даровала его Роберту Дадли, графу Лестеру, который потратил на него большую сумму денег, построив здания и сады, большая часть которых исчезла. Он распотрошил крепость и фортификационные постройки и обустроил их в стиле Тюдоров; и возвел высокую, но непрочную грудку, известную как здания Лестера. Он также украсил вход со стороны башни Брайз и Галереи и построил сторожку, все еще стоящую на северо-востоке, - прекрасный пример периода упадка английской архитектуры. Вероятно, он засыпал восточный ров и внутренний северный ров, если таковой существовал. Похоже, что после смерти Лестера замок не был заселен. Принц Генрих и его брат использовали его больше для охоты, чем как резиденцию, а их преемники до недавнего времени разрешали использовать его как каменоломню. Во время парламентских войн северная сторона крепости была снесена, а ущелье башни Ланна взорвано. Вероятно, озеро осушили позже, когда земля стала ценной.

Кенилворт, очевидно, является ценностью или жилищем Кенелма; хотя кем был Кенелм и когда он жил, достоверно неизвестно. Он, безусловно, был значительной личностью, как потому, что дал название своему поместью, так и потому, что его жилище, очевидно, было обширным и прочным. Из "Судного дня" следует, что Кенилворт был членом королевского поместья Стэнли или Стоунли, считавшегося древним владением, арендатор которого ухаживал за мошкой, известной как Мотстоу Хилл. Этот моут, один из самых интересных английских памятников в графствах Мидленд, стоит, как и в день Страшного суда и, вероятно, на протяжении нескольких предыдущих столетий, на скалистом гребне, образующем левый берег Соу, напротив любопытной старой нормандской церкви Стоунли. Некоторые раскопки на его склонах несколько повредили его целостности; но это все еще очень заметная особенность долины и один из очень немногих холмов-пылинок в графствах Мидленд. От реки к нему ведет крутая пологая дорога. В реестре аббатства Стоунли упоминается замок в поместье, который был разрушен датчанами во время войн между королем Эдмундом и Канутом и который стоял в месте под названием Холм-Хилл, на Эйвоне, в лесу напротив места, где находилось покойное аббатство Стоунли. Поскольку разрушение, вероятно, относится только к деревянной надстройке, не исключено, что насыпь или холм сохранились. К сожалению, Холм-Хилл, как до сих пор называют местность в окрестностях, находится в одном из заповедников Стоунли и поэтому, что вполне обоснованно, закрыт для посторонних. Кенилворт во вторник состоял из двух частей: Оптон или Аптон, содержащий три шкуры, которые Альбертус Клерикус вручал непосредственно королю в качестве чистой милостыни; и Чайнуорд, принадлежавший Рикардусу Форестариусу. Оптон - верхний город, возвышенность к северу от нынешней церкви; Чайнуорт - собственно Кенилуорт. Дагдейл упоминает Ричарда Чинеу как одного и того же с Ricardus Forestarius и цитирует "Testa de Nevill"; но это имя не фигурирует в указателе к печатному изданию этой записи. Чайнуорт может быть случайным совпадением, или это может быть искажение Кенилуорта.

Эти два члена продолжали править короной до тех пор, пока Генрих I. не передал их Джеффри Клинтону, или Глинтону, в Оксфордшире, одному из своих камергеров и казначею, а возможно, впоследствии и судебному исполнителю Англии. Дагдейл говорит, что он построил замок, и один из его грантов показывает, что у него там была важная резиденция, хотя можно усомниться в том, что какая-либо из сохранившихся сейчас каменных кладок - его работа. Дата пожалования Генриха неизвестна, но, без сомнения, это было до 1122 года, примерно в этом году Джеффри де Клинтон основал приорат Кенилворт, из местных пожертвований которого он сохранил свой замок и парк. Спид относит строительство церкви к 1112 году, но Роберт, епископ Честерский, который был рукоположен в 1121 году, является одним из свидетелей устава фонда. Аббатство Стоунли было основано на этом месте только в 1154 году, когда Генрих II перевел его из Рэдмора в Стаффордшире. Джеффри де Клинтон, живший еще в 1129 году, наследовал Джеффри своему сыну, камергеру Генриха II, который получил десять рыцарских титулов в графстве, женившись на Агнес, дочери Роджера де Белломона, графа Уорика. Ими владел он, 12 Генрих II. Он был большим благотворителем монахов Кенилуорта, но он передал замок королю, который владел им, 12 Генрих II., в течение нескольких лет. Затем он был возвращен Джеффри, который в хартии приорату говорит: "Postquam castellum meum et Honorem meum recuperavi". Она оставалась в его руках около семи лет, когда снова была получена королем, который владел ею, 19 Генрихом II. и 27 Генрихом II., как и его преемники. Дата смерти Джеффри неизвестна, но это было после 1165 года. Король, очевидно, укрепил это место, поскольку записи о его правлении, относящиеся к нему, часты и важны. В 19 веке, при Генрихе II, он был снабжен продовольствием и гарнизоном: цены и количество припасов указаны в рулоне. В 27 году Генриха II шерифу были выплачены подопечные и денежная компенсация за охрану замка, а также арендная плата, вероятно, от проживающих там лиц за безопасность. В 30 году

Генриха II стены были отремонтированы. В нем тогда находилась тюрьма, которую отремонтировал 31 Генрих II. Замок содержался в порядке во время правления Ричарда и высоко ценился королем Джоном, который в начале своего правления взял в аренду у Генри, сына второго Джеффри де Клинтона, с которым или с его сыном, другим Генри, имя Кенилворт исчезло.

Король Джон нанес пять визитов в Кенилворт между 1204 и 1215 годами, и по его приказу на строительство замка были потрачены большие суммы денег, и туда было отправлено много вина. В "13 Иоанна" шерифу разрешены суммы в 361 и 102 фунта стерлингов, а в следующем году — 224 фунта стерлингов - все на строительство. В "17 Иоанна" таким образом было потрачено 402 фунта стерлингов. Несомненно, король Иоанн, возможно, построил крепость в те годы; однако более вероятно, что это было более раннее сооружение, работа второго Джеффри; но Джон вполне мог построить башню Ланна.

Генрих III. часто бывал в Кенилуорте, и отчеты шерифа свидетельствуют о крупных и частых расходах в самом начале его правления. В 3 веке Генриха III была построена часовня, вероятно, во внешнем дворе, и 150 фунтов стерлингов позволили восстановить рухнувшую башню. С каждым годом тратится больше или меньше. В 5-7 веке правления Генриха III был сильный ветер, который повалил несколько деревьев в парке и сильно повредил некоторые здания в замке. Вино иногда отправляли туда из Саутгемптона. В 13 веке Генриха III берег бассейна был отремонтирован, а два года спустя были проведены дополнительные ремонтные работы, и упоминается о доставке судей в тюрьму. Король Иоанн уже использовал замок в качестве тюрьмы. В 1919 году Генриху III было разрешено поставить у дверей больших покоев короля красивую лодку стоимостью 6 16 шилл. 4д. фунтов стерлингов. Без сомнения, король к тому времени построил плотину и образовал озеро. В 22 году Генриха III архиепископ Уолтер де Грей временно управлял замком, чтобы принять там папского легата Оттобони, который вскоре после этого сам был назначен его попечителем. В 26 году Генриха III было потрачено больше денег. Часовню должны были обшить деревянными панелями и покрасить, а также предусмотреть сиденья для короля и королевы. Башню, где висели колокола, предстояло отремонтировать, построить новую стену с южной стороны у бассейна и покрасить покои королевы. Без сомнения, Водонапорная башня и ранняя часть башни Мортимера, а возможно, и пристройки к ней, относились к этому периоду, так же как плотина и надворные сооружения за ней. Генри, похоже, завершил военные работы примерно в том виде, в каком они видны сейчас.

В 28 "Генрихе III" Симон де Монфор появляется в качестве наместника короля; а в 32 "Генрихе III" Алианора, дочь короля и жена графа Саймона, пожизненно управляет замком. В 34 году Генриха III состояние округа было таково, что констеблю замка было приказано вырубить лес шириной в шесть акров между Ковентри и Уориком. В 38 году Генрих III даровал графу Лестеру и его графине замок в обмен на их жизни - уступка, по которой Генрих передал своему самому опасному врагу самую сильную и центральную крепость в своих владениях. События, в результате которых король и граф сошлись с оружием в руках на поле боя, и последовательность великих событий, приведших к смерти графа и знаменитой осаде Кенилуорта, принадлежат скорее к истории Англии, чем к истории Кенилуорта, и составляют одну из ее самых интересных и ценных глав. Эта тема попала под перо мистера Грина и нашла место на страницах "Археологического журнала" (том xxi, стр. 277), где ход событий распутан и очень ясно изложен, а их политическое значение и влияние на конституционную историю нашей страны изложены блестящим и глубоким образом. Граф Саймон, очевидно, подготовил Кенилворт в качестве базы своих операций в предстоящей битве; и после его падения и смерти при Ившеме его сын сразу же завершил приготовления и принял меры к

длительной обороне. Именно под стенами Кенилуорта Саймон-младший был застигнут врасплох и чуть не попал в плен из-за превосходящей активности принца Эдуарда, и именно из Кенилуорта он шел маршем, когда его перехватил превосходящий полководческий состав принца накануне битвы при Ившеме.

Смерть графа и поражение его отряда со всей очевидностью продемонстрировали огромную военную ценность Кенилуорта. Туда бежали все, кто спасся с поля боя, и они были заняты прочесыванием местности и пополнением огромных запасов, уже накопленных там. Ричард, граф Корнуоллский, брат короля, был там пленником, и поведение сэра Саймона по отношению к нему свидетельствует о благоразумии и умеренности похитителя. Он освободил Ричарда, его сына и его сторонников и направил их в парламент, созванный в сентябре в Винчестере, в надежде, не совсем напрасной, что умеренные советы в конечном итоге восторжествуют.

Владение Кенилвортом было первой целью королевской партии; но замок был не только силен, а его ресурсы изобильны, но и народное дело находилось на подъеме, а в гарнизон входили одни из величайших дворян и храбрейших солдат Англии. Генрих за сорок лет до этого на опыте Бедфорда узнал, что осада хорошо оборудованной крепости - дело нелегкое, и его приготовления были очень тщательными. 8 декабря он созвал своих дворян на сбор в Нортгемптоне, чтобы выступить против Кенилуорта, а 26 декабря он вызвал "отряд" Уорика и Оксфорда, "объявив о могиле и изгнании illos qui se tenent в Кастро-де-Кенелворт". Гарнизон отказался сдать замок сэру Саймону, находившийся в то время в руках их врагов, и заявил, что они хранят его в доверии графини Лестерской и не могут передать никому другому. Это было 23 июня 1265 года, прежде чем осада была начата всерьез.

Королевские штаб-квартиры, по-видимому, находились на северной стороне замка, вероятно, на возвышенности между тем, что до сих пор называется Кэмп-Филд и Клинтон-Грин, и не исключено, что королевский павильон был разбит на прежнем месте, чтобы быть вне досягаемости вылазок гарнизона. В воскресенье после дня Святой Маргариты, 20 июля, государственный меч, называемый "Куртана", был доставлен в лагерь и в присутствии короля передан хранителю королевского шатра. В лагерь прибыл также легат Оттобони; и король был так увлечен осадой, что герцог Брауншвейгский, приехавший в Виндзор, чтобы жениться на племяннице Генриха, прибыл в лагерь, где и была совершена церемония бракосочетания. Однако гарнизон ни в коей мере не был обескуражен этими признаками решимости короля занять это место. Они сконструировали мощные двигатели и сбрасывали со стен огромные камни, некоторые из которых, вероятно, являются каменными шарами диаметром 18 дюймов, которые были найдены там и до сих пор хранятся в замке. К сожалению, политические события были настолько важными, что об осадных операциях не сохранилось никаких сведений.

Однако по мере того, как королевское дело набирало обороты, стало очевидно, что, каким бы прочным ни был замок, его падение было лишь вопросом времени, и советы принца Эдуарда, принца Ричарда и легата были направлены на то, чтобы ускорить это событие умеренными средствами. Был созван королевский совет, собравшийся в Ковентри, чтобы согласовать условия, которые должны были быть предложены "лишенным наследства"; и в ноябрьские календы (31 октября) знаменитое "Изречение", или "Запрет", было провозглашено в лагере, а на следующий день подтверждено и, наконец, в воскресенье, зачитано с кафедры Уорикской церкви легатом в присутствии короля. Условия, однако, были отвергнуты гарнизоном; на что король решил атаковать это место штурмом, и 20 ноября из Нортгемптона были отправлены каменщики, чернорабочие, пионеры и саперы.

Вероятно, гарнизон проявил неосмотрительность, поскольку припасов стало не хватать, вода испортилась, и начались болезни. После этого гарнизон попросил дать ему время, чтобы найти Симона де Монфора и посоветоваться с ним, который в то время должен был находиться на континенте. Это было удовлетворено, но поскольку болезнь стала смертельной, Гастингс согласился сдаться на определенных условиях. Гарнизону было отведено четыре дня на отступление с лошадьми, оружием и сброей. Необходимые охранные грамоты датированы 13 декабря, но замок был сдан 12-го числа. Осада длилась шесть месяцев, что стоило огромных затрат королевской казне, как вскоре после этого сообщил Генри шерифам, и серьезно ранило монахов Кенилуорта и Стоунли, а также жителей всего мидлендского округа, которые подвергались нападениям как со стороны осаждающих, так и со стороны осажденных. Генрих сразу же после этого уехал в Оксфорд, назначив Филипа Мармиона констеблем; но перед отъездом он по гранту, датированному Уориком 16 декабря, передал замок и светлость своему брату Эдмунду, графу Ланкастеру.

Эдмунд был назначен графом Лестером своим племянником Эдуардом I. в 1274 году; а четыре года спустя, 7 Эдуарда I., он провел в замке грандиозный турнир, на котором особенно отличился Роджер Мортимер, граф Марч. Сын и преемник Эдмунда, граф Томас, расширил парк при Эдуарде I. После его казни замок перешел к Эдуарду II., который впоследствии был доставлен сюда пленником Генри, братом и наследником графа Томаса, и содержался здесь до тех пор, пока его не отправили в Беркли. С новым правлением титул был отменен, и граф Генри владел замком до своей смерти, 19 Эдуарда III, как и его сын Генри, ставший герцогом Ланкастерским, 25 Эдуарда III. Десять лет спустя, после смерти Эдуарда III, Кенилворт перешел к его второй дочери и сонаследнице Бланч, которая вышла замуж за Джона Гонта, четвертого сына Эдуарда, ставшего герцогом Ланкастерским, 36 Эдуарда III.

После смерти Эдуарда III Джон Гонт, не доверяя новому королю, своему племяннику, поселился на некоторое время в Кенилуорте и, вероятно, начал там свои преобразования. Работы, без сомнения, продолжались много лет; и, конечно же, не были закончены 15 Ричарда II, 1391-2, когда в замке были наняты каменщики, каменоломщики, плотники и разнорабочие, результатом чего стала реконструкция внутреннего двора и строительство великолепного набора кухонь, холлов и парадных апартаментов, остатки которых видны до сих пор. Когда сын и преемник Джона Гонта стал Генрихом IV, Кенилворт вместе с другими владениями герцогства Ланкастер перешел к короне и таким и остался. Замок получил некоторые небольшие пристройки, не военного характера, и все они теперь сняты, начиная с Генриха VI. и Генриха VIII. Елизавета на пятом году своего правления, в 1563 году, пожаловала владения лорду Роберту Дадли, сделав его в следующем году графом Лестером. Работы Лестера были значительными. Он разрушил крепость и фортификационные постройки, приспособив их в стиле Тюдоров; возвел груды каменной кладки, ныне напоминающую о ее падении и носящую его имя, в юго-восточном углу внутреннего двора; он построил или отреставрировал Галерейную башню на внешнем конце плотины; вероятно, пристроил верхний этаж к большому амбару; и построил большую сторожку, очень прекрасный образец для своего времени.

Вероятно, также, в конце своей жизни, он засыпал ров во внутреннем дворе. Его каменная кладка, хотя и была сделана из тесаного дерева и неплохо выполнена, не была прочной; а после демонтажа полов и крыш стены стали небезопасными, и многое обрушилось и вот-вот обрушится. Без сомнения, его работы были выполнены с большой скоростью, поскольку его знаменитый прием Елизаветы здесь состоялся в 1575 году. Поведение Лестера поставило под сомнение законность его единственного сына, чем воспользовался король Яков, чтобы принудительно выкупить Кенилворт за незначительную сумму для принца Генриха; в честь

которого он перешел к принцу Чарльзу, вероятно, больше для охоты, чем в качестве резиденции. В то время озеро занимало 111 акров, и на нем было четыре сторожки; это, без сомнения, были сторожки Лестера, башни Мортимера и Галереи, а также входные ворота Брейза.

Нарисовано Дж. Х. Ле Ке по эскизу Х. Смита.

J. H. Le Keux sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.

ВИД С ВЫСОТЫ птичьего ПОЛЕТА.

Чарльз предоставил Кенилворт в 1621 году в пожизненную аренду Кэри, графу Монмутскому, который был преобразован во фригольд в 1626 году, и на который Кэри предъявили претензии при реставрации в 1660 году; полковник Хоксуорт и другие владели им, пока Кромвель был у власти. Наконец это было даровано Карлом II. Лоуренсу Хайду, графу Кларендону, от которого он перешел по женской линии к своему нынешнему владельцу, чье поведение свидетельствует об истинном понимании ценности останков.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ, КЕРМАРТЕНШИР.

Описание.

Читатель, который кладет перед собой два листа 37 и 41 Артиллерийской сводки, может заметить, что между хребтами Пенбре и Минидд-Сулен на востоке и Минидд-Гаррег и Ллангиндейрн на западе тянется долина длиной около десяти миль и шириной от полутора до трех. Верховья его ручья берут начало с хорошо известной возвышенности Минидд-мор, а

его устье открывается в Бристольский канал, между устьями рек Ллучвр и Тауи, в заливе Кэрмартен.

Это долина Гвендрет (уайт-страт)—

“Гвендра, которая с такой грацией изящно скользит”—

одна из самых крупных рек Каермартена. К западу от этой долины, между ней и Тауи, но гораздо меньших размеров, чем любая из них, находится вторая долина и ручей, приток первой и носящий, как и она, название Гвендрет (“фах“, или “меньшая”, является ее отличительной чертой). Реки сливаются в своего рода эстуарий, образованный в основном “Гвендрет-фор”.

Эти долины пересекают дороги, ведущие от пролива и башни Ллючвр к замкам Лланстефан и Каэрмартен, а также северная и первоначально римская дорога из Ллючвр в Каэрмартен, так что этот район находится на пути между Англией и Пембруком и Кардиганом, и, следовательно, в ранний период был известен нормандским захватчикам Южного Уэльса и часто пересекался ими, которые придавали большое значение его владению.

Замок и город Кидвелли расположены по обоим берегам Гвендрет-фах, на границе холмистой местности, отделенной здесь от моря болотом шириной в четверть мили.

Новый город, отдельные части которого относятся к глубокой древности, с его церковью и некоторыми остатками монастыря, стоит на левом берегу, и его пересекает старая дорога из Ллючвра в Кэрмартен. В миле к востоку от города дорога пересекает Гвендрет-фор по древнему и узкому мосту. Недалеко к западу от города похожий мост пересекает Гвендрет-фах, чуть ниже замка, с которым он соединен пригородом, по словам Лиланда, бывшим первоначальным городом и в его время обнесенным стеной с тремя воротами.

Замок возвышается на высоте от 80 до 100 футов над рекой, на правом берегу, здесь крутом и скалистом. Таким образом, он защищает и внушает благоговейный трепет городу и монастырю, которые находятся напротив него и ниже. Восточный фасад защищен естественным обрывом и рекой. С других сторон укрепления полностью искусственные. Замковая плотина и перекладина отводят воду от реки, срезая изгиб, к мельнице, которая расположена между замком и городским мостом.

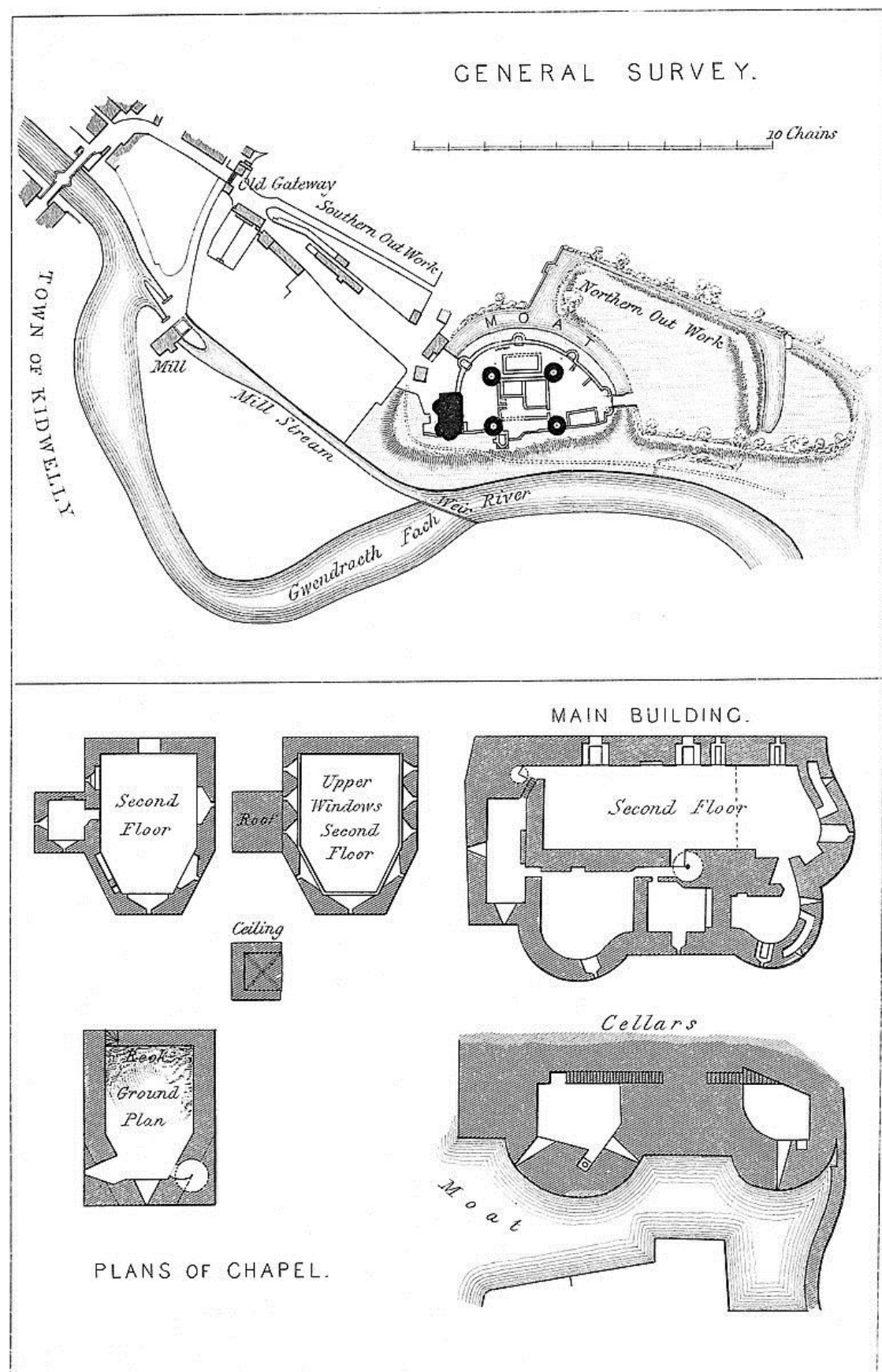
Кидвелли находится на расстоянии одиннадцати миль от башни Ллчвр; от замков Лланстефан и Кэрмартен - пяти и девяти миль; и от замков Драйслвин и Дайневор - тринадцати и восемнадцати миль.

Гвендрет, по-видимому, частично получила свое название от “трэта” или “страта” луговых угодий, встречающихся вдоль ее русла, плодородие которых, возможно, привело к основанию города и монастыря Кидвелли.

Сидвели - это название одного из трех общин Эгинока, одного из четырех кантрефов или сотен древнего графства Кэрмартен, в состав которого входил Гауэр. На соседнем участке Карнуиллион, к северу от Кидвелли, находился одноименный перевал стронг, который часто упоминается в местных источниках.

Владычество Кидвелли простирается от Lluchwr до Тауи и включает парламентский район Лланелли и муниципалитет Кидвелли. Считается, что привилегии корпорации распространяются за пределы города, вокруг территории замка. В рамках этой привилегии мэр является лордом, вершащим свои суды в городе. Суды лордства проходят в замке.

Кидвелли - это замок эдвардианского или концентрического типа, слегка модифицированный по сравнению с прекрасными образцами Бомариса и Керфилли. Он состоит из "собственно замка", содержащего внутренний и внешний двор, и "надворных построек", содержащих южную и северную платформы.

Х. Смит дэл.

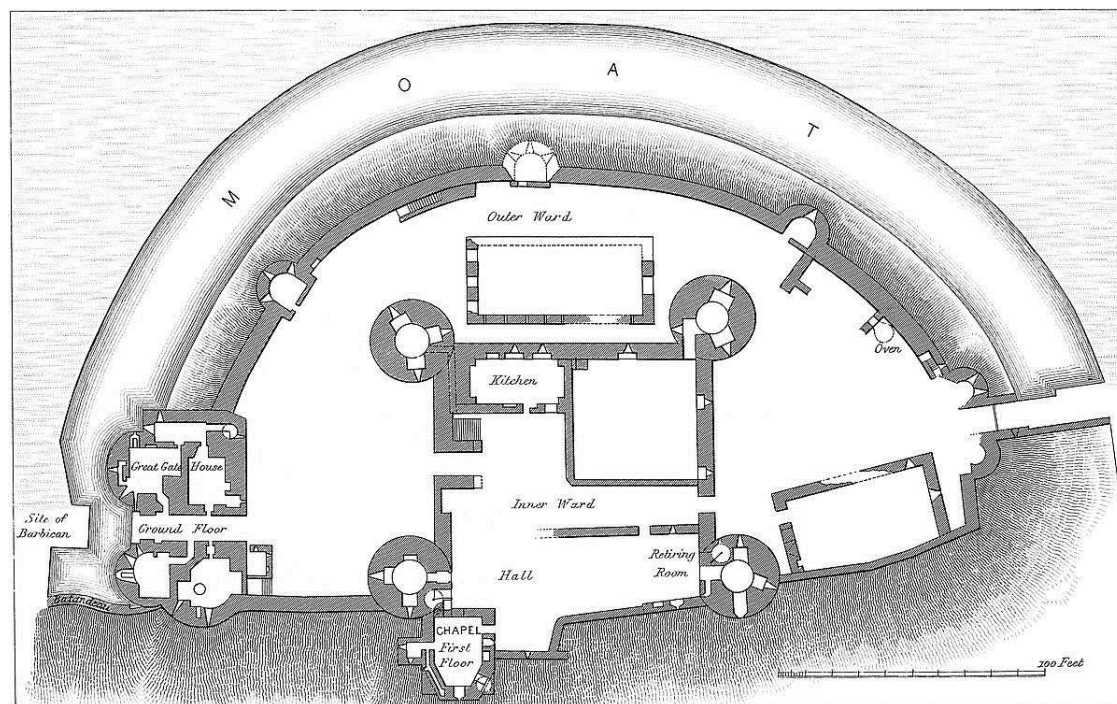
J. H. Le Keux sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.

ОБЩИЙ ОБЗОР

ПЛАНОВ

ГЛАВНОГО ЗДАНИЯ ЧАСОВНИ.

Х. Смит дэл.

J. H. Le Keux sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.

ОБЩИЙ ПЛАН

Замок имеет в плане форму почти полукруга, главный ров образует изгиб, а утес и река - хорду. Длинная ось проходит с севера на юг, а шлюзы находятся на противоположных концах. Общая протяженность работ составляет 440 ярдов, от 90 ярдов до 130 ярдов, и занимает около трех акров.

Во Внутреннем отделении находятся барабанные башни, занавеси, башня часовни, холл и кухня.

Барабанных башен четыре: северо-западная, или черная башня; юго-западная, или башня Астрагана; юго-восточная, или башня Маргарет Дан; и северо-восточная башня. Все они датированы одним годом и почти одного образца — цилиндрические, диаметром 30 футов, со стенками толщиной 9 футов. Они имеют высоту 44 фута, с зубчатой стеной, и у каждого есть лестница-колодец в ущелье, заканчивающаяся наверху квадратной башенкой, вершина которой имеет высоту 53 фута. Каждый из них содержит сутеррейн и три ступени круглых камер, выходящих наружу, обычно с тремя отверстиями. Есть также обычные камеры в стенах и двери, открывающиеся на выступах занавесей. Есть также некоторые отличия. Покои юго-

западной башни сводчатые, в остальных перекрытия деревянные. В этой башне в *южный коридор* ведет длинная галерея в стене, общая с южной занавеской и кухней, открывающаяся из будки привратника. Это “тюрьма привратника”, и, возможно, своды были сделаны для того, чтобы всю башню можно было использовать для этой цели. Северо-западная башня снизу цилиндрическая, но вверху переходит в план в форме сердца, представляя собой обращенную к ущелью двойную дугу с плоским углублением между ними. Эти две башни закрывают угол наклона их занавесок и составляют примерно одну пятую их окружности.

Северо-восточная и юго-восточная башни расположены не под углом, а на гранях северного и южного выступов, близко к их восточным концам и на краю речного обрыва. Помимо их соединения с занавесями внутреннего отделения, они соединены с севера и юга с той частью занавеса внешнего отделения, которая построена вдоль края утеса. Юго-восточная башня тесно соединена с башней часовни, а также имеет дверь, открывающуюся за занавесом внешнего двора и ведущую в большую сторожку.

Занавесов всего четыре. Тот, что на востоке, неправильной формы, низкий и непрочный; утес считался его защитой. Остальные три имеют толщину 6 футов и высоту 18 футов до верха парапета. Вдоль каждого из них проходит дорожка вдоль вала с парапетом, пронизанным петлями, и повторной стеной. Занавески закрывают четырехугольник площадью 80 квадратных ярдов.

Северный занавес пронизан воротами шириной 6 футов с низкой сводчатой аркой и пазом опускной решетки, проложенной со стороны вала; он находится недалеко от восточного конца стены и почти напротив северной сторожки. Эта занавеска прорезана двумя петлями, которые, по-видимому, были защищены с уровня земли. Западная занавеска имеет три петли, две из которых открываются со стороны кухни.

Южный занавес почти в центре прорезан воротами шириной 10 футов с низкой аркой и пазом для опускной решетки. Стена была утолщена, чтобы придать глубину воротам и, возможно, позволить возвести над ними невысокую башню. Это главный вход во внутренний, он ведет к большим воротам внешнего прихода.

Особого внимания заслуживает башня часовни, составляющая часть восточного занавеса. Это продолговатое здание, исходящее из прямоугольного основания; но, поскольку два внешних, или восточных, угла образованы контрфорсами, каждый из которых представляет собой полупирамиду, разрезанную по диагонали, план верхней части продолговатый, при этом два восточных угла удалены, образуя апсиду. Поскольку эта башня выступает несколько вниз по крутизне, ее внешняя сторона имеет высоту 56 футов, а внутренняя - всего 20 футов. Ее вершина на 24 фута ниже, чем у соседней юго-восточной башни.

На южной стороне башни часовни находится небольшой квадратный выступ с ризницей. Он не поднимается до верхнего этажа.

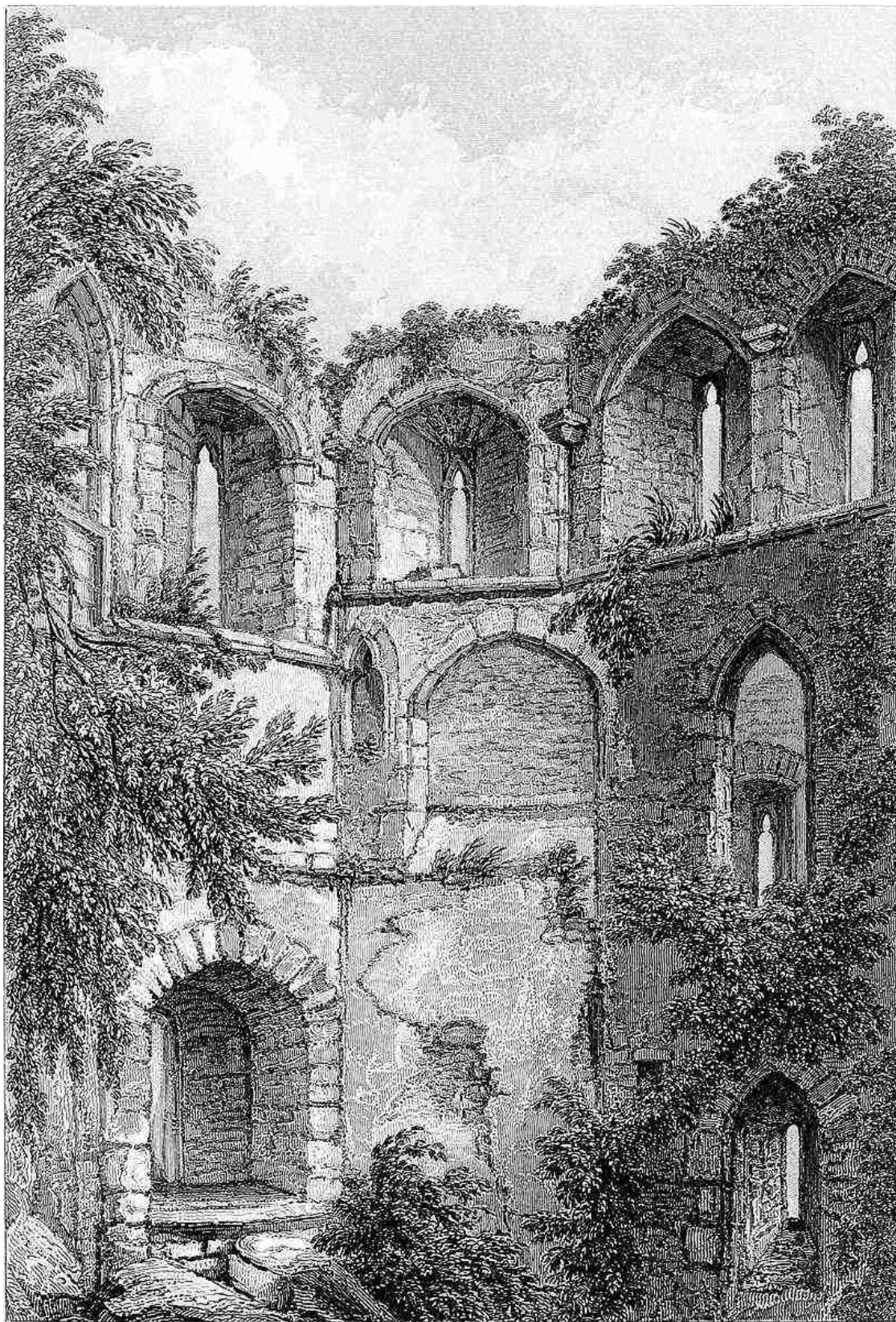
Башня часовни имеет три этажа, все обшиты деревом. Расстояние от алтаря до западного конца составляет 26 футов, а ширина - 18 футов. Восточная стена имеет толщину 6 футов; западная стена - 3 фута. В юго-восточном углу находится галерея фресок, ведущая в канализационную камеру под ризницей. В северо-восточном углу находится лестница-колодец. Первый этаж находится ниже уровня внутренней палаты, и на него ведет изогнутая лестница из соседнего зала. Следующий, или первый этаж, находится на уровне зала, и попасть в него можно прямо из него. Над ним, на уровне вала, находится часовня. Он включает в себя два яруса окон, верхний из которых является этажным, и в него можно

попасть через западную дверь. Восточное окно является общим для обоих ярусов. Это длинная, узкая петля с острым трилистником, расположенная в широком углублении, которое занимает почти весь восточный проем апсиды и имеет плоскую сводчатую арку с простым ребром.

На лицевой стороне, следующей к югу от алтарного места, находится небольшая трехлистная писцина, а рядом с ней широкое углубление или сидище под ниспадающей аркой. С южной стороны в ризницу ведет маленькая дверь с острым заострением, а к западу от нее находится еще одно углубление с плоской ниспадающей аркой, и в нем, недалеко от его восточной стороны, давно заделанная петля, предназначенная для защиты уголка между ризницей и юго-восточной башней, а также для поднятия прилегающей занавески. В северной стене также есть петля с трилистником и давно закрытая дверь.

Верхний этаж освещен девятью окнами, по три с каждой стороны и три, включая восточное, в апсиде. Все они одинаковы — длинные, узкие, с острыми трилистниками, внутри широких углублений, явно ребристые и с плоскими ниспадающими дугами. Все опирается внутри на веревку, скругленный полукруг, который опускается, проходя под восточным окном. Между каждой парой окон находится простой карниз для балок крыши. Над часовней нет ничего, кроме зубчатых стен. Стены оштукатурены. Западная стена не имеет ни облицовки из ясеня, ни струнного ряда, она датируется другим временем и выполнена хуже, чем остальная часть башни.

Холл размером 60 на 25 футов вместе с комнатой отдыха занимал всю восточную сторону внутреннего отделения. Его южный конец образован юго-восточной башней, круглая поверхность которой была залатана и оштукатурена, чтобы создать плоскую поверхность по направлению к залу, и это дополнение все еще показывает высоту и уклон крыши зала. Западная стена часовни образует часть восточной стены зала; а в другой ее части, которая также была внешней стеной, обращенной к реке, сохранились следы оконной ниши, похожей на те, что были в часовне. Рядом с ним, также соединенным с часовней, находится выступающее из-за занавеса пространство, которое, возможно, было своего рода эркером или небольшой комнатой, пристроенной к залу. В западной стене, в южном конце, находится дверной или оконный косяк из ясеня. Западная стена разрушена.

M^{rs}. Трахерн-дель-^t.

J. H. Le Keux sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.
ИНТЕРЬЕР ЧАСОВНИ.

Комната отдыха имеет ширину зала и 30 футов в длину. Она сообщается с северо-восточной башней. Ее западная стена довольно идеальна. Он был оштукатурен и включает дверной проем. Можно проследить поперечную стену и, возможно, место, где находится дверь, ведущая в холл. На восточной стороне занавески сохранилась петля с углублением в виде трилистника, аналогичная тем, что находятся в часовне; а ближе к югу от нее находится камин с резным основанием для дымохода. Весь восточный занавес, по-видимому, использовался для крепления крыш холла и комнаты отдыха и, вероятно, был защищен зубчатой стеной, доступ к которой осуществлялся через водосточный желоб на крыше. Господствующее положение северо-восточной башни и часовни, а также крутой подъем от реки сделали бы эту сторону замка наименее доступной.

Кухня расположена напротив зала, в юго-западном углу площадки. Его размеры 30 на 17 футов, и судя по сохранившемуся фронту, у него была крыша с высокой скаткой. На каждом конце, северном и южном, находится большой камин с великолепными туннелями. С западной стороны, образованной занавеской, окно с узким отверстием, но широкой нишей выходит во внешнюю палату. Ближе к южному торцу находится третий очаг меньших размеров, очевидно, предназначенный для тушения и подобных операций, наподобие современного жарочного шкафа.

В восточной стене есть узкий дверной проем, расположенный внутри и с одной стороны более широкой арки, которая на уровне груди открывается во всю ширину. Похоже, это было придумано для того, чтобы позволить слугам выносить большие блюда, не открывая дверной проем излишней ширины. По обе стороны от этой двери низкие широкие отверстия, очевидно, предназначенные для люков с маслом.

Северо-западный угол этого отделения занят ограждением площадью 45 квадратных футов, две стороны которого образуют две занавески. Он обнесен стеной и, возможно, в нем располагались офисы или казармы.

The *Внешний корпус* имеет почти полукруглую форму, внутренний корпус построен на середине его хорды. Его частями являются большая и малая сторожки у ворот, занавесы, башни с фресками и офисы. Во внутреннем отделении нет рва, а расстояние между стенами двух отделений составляет с северной стороны 90 футов; с западной стороны 60 футов; и с южной стороны 80 футов.

Большая сторожка - прекрасное сооружение. Это продолговатая масса шириной 80 футов, глубиной 50 футов и высотой 62 фута. Путь ворот имеет высоту 11 футов и ширину 8 футов и имеет высокую арку для спуска. Он расположен в очень плоском, сегментированном, арочном углублении высотой 20 футов. Подоконник дверного проема находится на высоте 12 футов над дном рва, и с обеих сторон он окружен круглой конической башней диаметром 24 фута внизу и 20 футов вверху. Над воротами, между верхушками башен и на одном уровне с ними, проходит смелый орнамент из трех плоских арок на двух карнизах.

Сторожка имеет круглый выступ на восток, в сторону реки; а под ее северо-западным углом квадратная башенка заканчивается сторожевой башней, которая возвышается на 93 фута над двором и известна как "Башня Пигин" [Pigwn, Маяк].

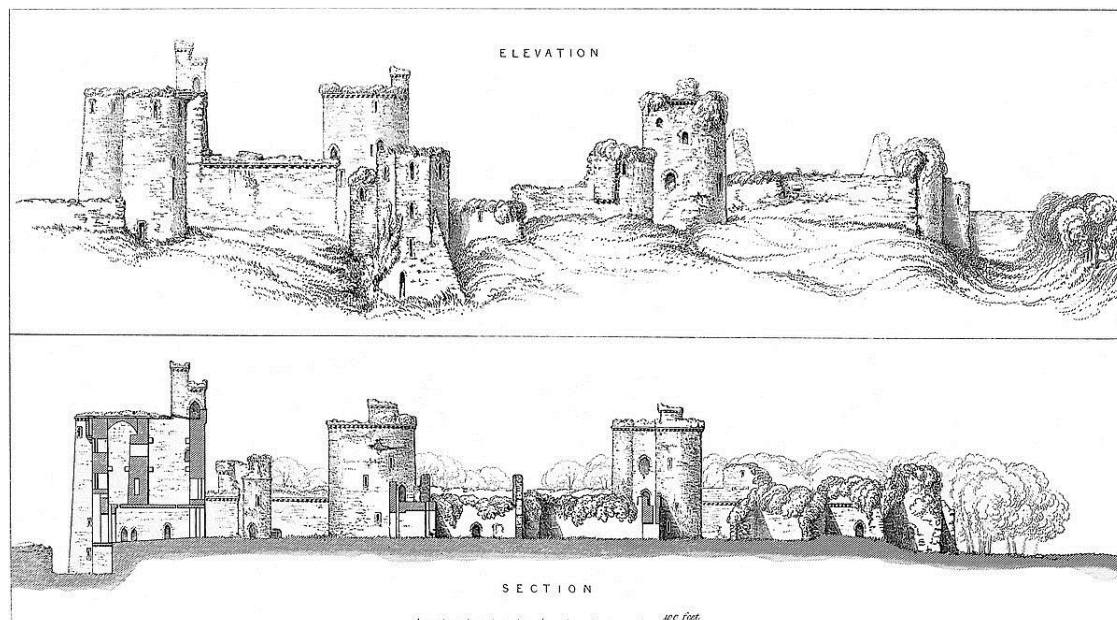
Порталы, как ведущие к полю, так и к корту, имеют простые скошенные ребра из ясеня; свод портала превращен в щебень, с пазами для опускной решетки на обоих концах. Ворота открываются внутрь, так что сторожку можно защищать с любой стороны. В своде также есть три проема, предназначенные для прохода решеток. Средняя, похоже, была давно закрыта.

Подъемный мост, перекинутый через ров, здесь уменьшенный на 16 футов, лежал на пирсе, соединенном с барбиканом.

Вход через большие ворота, справа и слева находятся подземелья и камеры охраны с петлями, контролирующими подход. Дверные проемы небольшие, с арками, почти полукруглыми или очень слегка заостренными. В одной камере справа находится большой куполообразный резервуар для воды под полом, два необычных углубления в стене и гардеробная. Лестница-колодец в северо-западном углу ведет на второй этаж, на который также ведет внешняя парадная лестница со двора, под которой находится будка привратника. Подземные помещения и помещения на первом этаже имеют своды.

На первом, или главном, этаже находится парадная комната размером 40 на 17 футов с двумя большими окнами, выходящими во двор, и камином между ними. Окна, по-видимому, были двухстворчатыми, с трилистниками, и располагались в больших плоских сегментарных нишах. Крыша была деревянной, плоской и довольно низкой. На том же этаже находятся три комнаты поменьше и камера с опускающей решеткой; а на восточной стороне, над резервуаром, находится сводчатая кухня с большим камином и духовкой. Из кухни маленькая дверь ведет на восточный вал, а вдоль него - к юго-восточной барабанной башне. Две лестницы-колодца ведут на второй этаж, где также находится большая комната с окнами в два света, украшенными трилистником, выходящими во двор, и камином. Здесь также находятся несколько спален с дверными проемами из резного ясеня. Этот этаж, по-видимому, предназначен для проживания состоятельных людей. Лестница-колодец под северо-западным углом продолжается вверх, к сторожевой башне; и рядом с этой лестницей узкая дверь ведет на крепостной вал изогнутого занавеса, а значит, к настенным башням внешнего квартала.

Со сторожевой башни значительно выше, чем с любой другой части замка, и открывается обширный вид как на море, так и на сушу.

Х. Смит дель^t.

J. H. Le Keux sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ.

Малая, или северная, сторожка ворот в значительной степени разрушена и, по-видимому, была построена наспех. Он имеет небольшой масштаб и состоит всего из двух полукруглых башен, задняя стена или ущелье которых, а также часть портала были разрушены. По-видимому, там был верхний этаж, на который вела лестница в соседнем западном занавесе. Портальная арка исчезла, но сохранились следы подъемного моста, который соединял две боковые стены и был перекинут через ров. Сохранился тот, что на востоке. Портал был шириной 10 футов, а мост с пролетом около 18 футов опускался на все еще сохранившийся пирс, выступающий из контрскарпа рва. Стены моста появились позже, чем башни, а они, вероятно, позже, чем занавес. Эти ворота расположены на северной оконечности внешнего квартала, всего в нескольких ярдах от берега реки. Похоже, это дополнение.

Занавес внешнего подопечного состоит из трех частей: одна, длиной 330 футов, изогнутая, окружает подопечную с западной, или обращенной к суше, стороны и соединяет сторожки с башнями-фресками. Эта стена имеет толщину 6 футов и высоту 20 футов и защищена главным рвом. Помимо отверстий в сторожках, со двора есть прямой доступ на этот вал по настенной лестнице, встроенной в стену. Дорожка с крепостным валом защищена парапетом и каменной стеной, которые для расширения дорожки опираются на карнизы или фальшивые ограждения.

Вторая часть занавеса прямая, или почти прямая, и простирается на 50 футов в длину вдоль речного обрыва, от большой сторожки до юго-восточной барабанной башни. Его крепостной вал доступен с каждого конца. Эта стена имеет высоту 30 футов и толщину 7 футов.

Третья часть занавеса также проходит вдоль речного обрыва и простирается на 90 футов от северо-восточной барабанной башни до северной сторожки, возле которой он образует заметный угол. Между этим углом и воротами толщина стены составляет 5 футов; в других местах - всего 2 фута. Возможно, на этом углу стояла башня.

Настенных башен всего три, и все они расположены у западного занавеса. Они полукруглые, высотой 30 футов, диаметром 22 фута, с внешним выступом в 8 футов и небольшим квадратным выступом внутри, образованным стеной ущелья. У них есть цокольный этаж, закольцованный, второй этаж с камином и помещением, расположенное на уровне крепостного вала и составляющее его часть. Стены толщиной 5 футов. Средняя башня из трех провалилась в ров. Каменная кладка этих башен грубая, и они плохо закреплены в стене.

Офисы в этом отделении представлены стенами отдельно стоящего здания размером 65 на 30 футов с высокими фронтонами, расположенного к западу от внутреннего отделения; еще одно помещение размером 60 на 35 футов, построенное напротив речного занавеса, рядом с северной сторожкой; и несколько хозяйственных построек, вероятно, кухни и пекарня, построенные напротив изогнутого занавеса, близко к западу от той же сторожки. Эти здания, вероятно, предназначались для размещения гарнизона.

Главный ров огибает северную, западную и южную стороны внешнего ограждения, выходя на речной утес и поднимаясь к каждому концу. Проход в юго-восточном конце, рядом с большой сторожкой, закрыт *батареей*, которая, по-видимому, была выдвинута к реке и к которой можно было подойти со стороны барбакана. Есть несколько следов похожей стены на другом конце, рядом с северной сторожкой. Этот ров находится высоко над рекой, но питается наземными водами, и часть его все еще влажная. Он имеет около 30 футов в ширину и значительную глубину. К западу от нее отходит ответвление, которое разделяет северную и южную надворные постройки и сообщается со рвами первой.

Судя по следам его фундамента, барбакан представлял собой небольшую круглую башню. Он занимал скалистый холм на отшибе главного рва, напротив больших ворот и на краю крутого берега реки. Очевидно, он предназначался для прикрытия подъемного моста и для того, чтобы вынудить тех, кто прибудет через этот вход, проходить незащищенными от огня с прилегающей западной стены. Это сооружение, по-видимому, было отрезано от других надворных построек сухим рвом или крытым ходом, ведущим от реки к юго-западу от барбакана к главному рву.

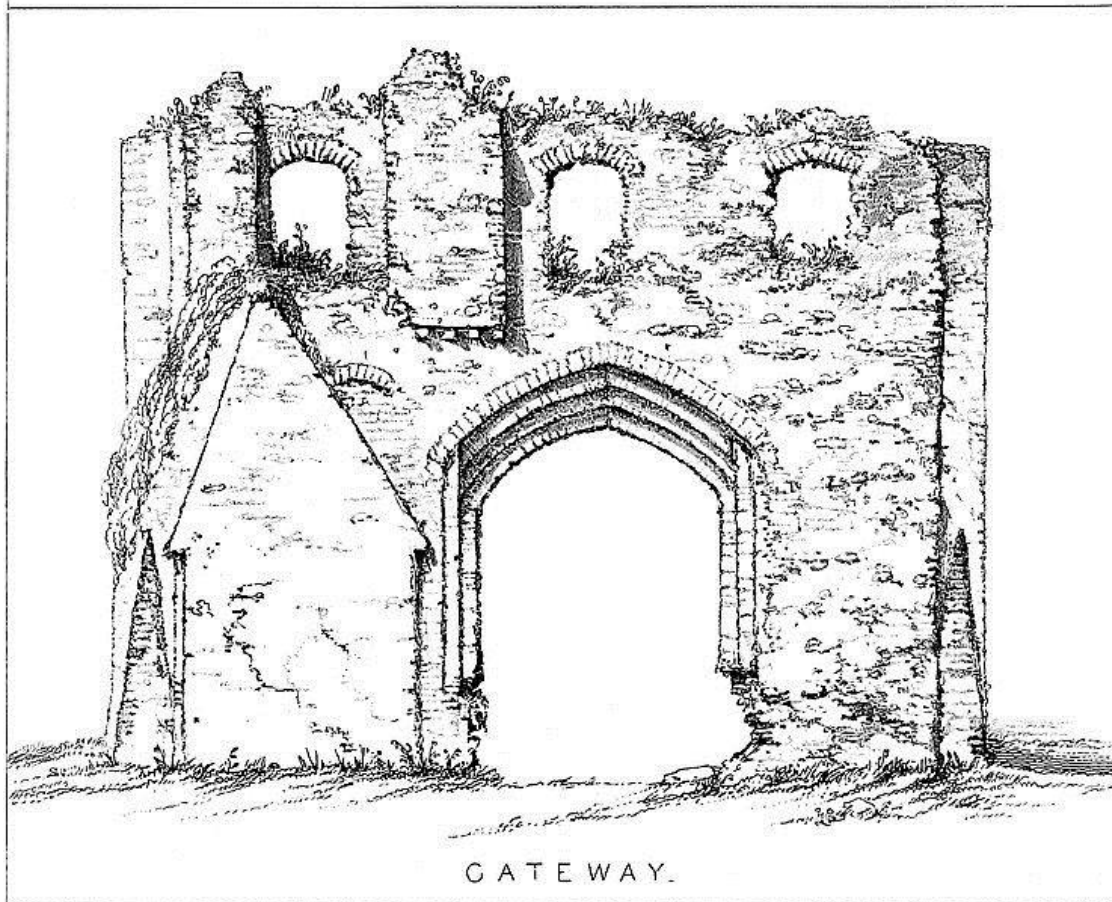
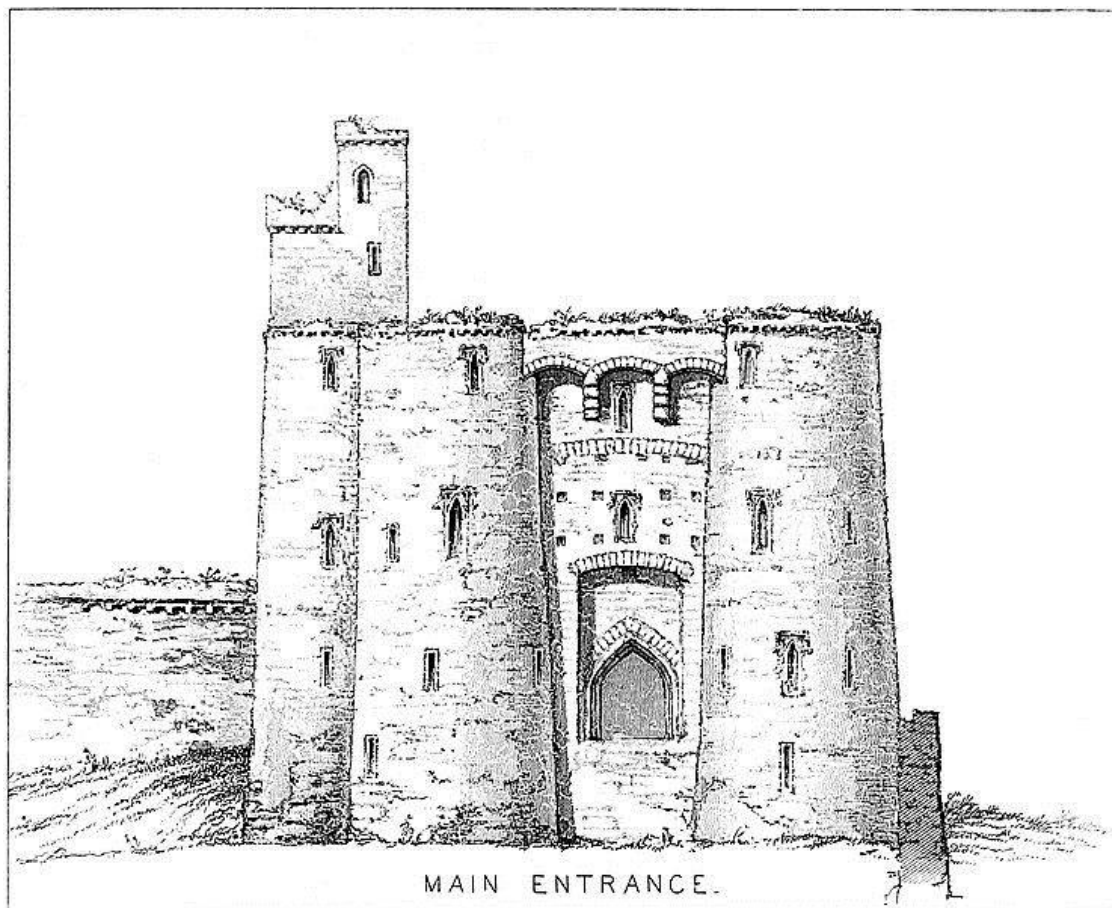
Надворные сооружения разделены на северную и южную платформы уже упомянутым ответвлением главного рва.

Южная платформа защищена с востока мельничным леером. Она была обнесена стеной и, по-видимому, имела около 170 ярдов в длину и 130 ярдов в ширину. Часть стены сохранилась с западной стороны и с северной, вдоль края ответвления рва. С южной стороны подход по-прежнему лежит через внешнюю сторожку, разрушена только часть которой. Сохранился портал, представляющий собой опускную арку с пазами для опускной решетки; над ним расположены три окна с плоскими сегментарными арками. С подоконника центрального окна на внешнюю сторону портала открывается отверстие, вероятно, для прохода ракет. В здании есть цокольный и верхний этажи. Следов рва или подъемного моста нет. Работа выполнена из щебня. Похоже, что здесь не было никакого тесаного дерева. Стиль перпендикулярен — возможно, того времени, когда была построена большая сторожка, вероятно, позже. Гроуз приводит рисунок этой сторожки 1786 года, на котором она во многом видна в своем нынешнем состоянии.

Северная платформа охватывает северную и западную части замка. Он имеет размеры около 130 ярдов в длину и 90 ярдов в ширину и окружен заболоченным рвом, ответвление которого почти отрезает его северную часть, оставляя узкую горловину в сторону реки, через которую пролегал подход к южному входу. Внутри рвов этого сооружения есть высокие берега и признаки небольшой стены и, возможно, башни возле входного прохода.

Этот замок пострадал меньше, чем можно было ожидать. Он был разобран, железные конструкции и древесина вывезены, но ни одна из его башен или стен, похоже, не была взорвана. Фресковая башня, отсутствующая во внешнем дворе, вероятно, соскользнула в ров из-за какого-то дефекта в ее фундаменте.

К замку легко добраться и осмотреть, поскольку он не зарос плющом или хворостом.

Х. Смит дэл.

J. H. Le Keux. sc.

ЗАМОК КИДВЕЛЛИ. ГЛАВНЫЙ ВХОД. ВОРОТА.

Сведения о Kidwelly дают некоторые общие указания на возраст нескольких его частей. Нет ничего, что можно было бы с уверенностью назвать работой в нормандском стиле, хотя, без сомнения, настоящему предшествовала структура, присущая как этому, так и раннему английскому стилю.

Общий план или обустройство замка, судя по его стилю, относится к одной дате — вероятно, ко времени правления Генриха III. или в начале правления Эдуарда I. Часовня относится к этому возрасту. Однако его западная стена, судя по особенностям ее соединения, датируется более ранней датой, чем остальные, и той же датой, что и юго-восточная барабанная башня, скажем, 1260-80 годами, что соответствует дате постройки всех башен и занавесей внутреннего двора, поскольку все они выполнены в одном стиле.

Большой зал кажется немного более поздним, чем юго-восточная башня, фасад которой был выровнен в соответствии с ее фронтоном.

Стены и фресковые башни внешнего прихода могут быть немного позже, чем внутреннего. О том, что они являются частью первоначального плана, можно заключить по недостатку прочности внутренних сторожевых постов.

Большая сторожка ворот построена, но рано, перпендикулярно, возможно, во времена правления Ричарда II. или Генриха IV., 1388-1400. Башня Пигин - более позднее дополнение.

история.

Имя Кидвелли, или Сидвелхи, валлийское. Лиланд, этимология которого не безошибочна, получил свое название от “Катвелли”, или “Катталектус”, потому что Каттас устраивал там свою кровать из дуба. Другие объясняют, что “сид” означает “абер”, или слияние вод. Катгуэли были кельтским племенем. Город, без сомнения, валлийского происхождения и очень древний.

Это не относится к замку, который, по крайней мере в его нынешнем виде, относится к более позднему времени и место для которого, хотя и было от природы прочным, не было выбрано кельтским инженером.

Предполагается, что замок был основан неким Уильямом де Лондресом, одним из нормандских рыцарей, который в 1091 году помогал Фитцхамону в завоевании Гламоргана, и который, как впоследствии записано, вторгся в Кермартен, без сомнения, когда в 1093 году норманны разорили Гвир, Кидвелли и Истрад Тайви, а затем отвоевал у валлийцев лордства “Кидвелли и Карнуилтион”.—[Пауэл, 32.] В Гламоргане этот Уильям известен как основатель замка Огмор, нормандская крепость которого, хотя и пострадала, все еще стоит. Вполне вероятно, что его работы в Кидвелли носили менее солидный характер, иначе все следы от них вряд ли могли исчезнуть.

Возможно, что завоевания Де Лондреса были ограничены городом и пригородом Кидвелли, поскольку в 1100 году Генрих I. отнял у Йорверта ап Блетина его земли и передал Хауэлу ап Гроно районы Страт-Тайви, Кидвелли и Гауэр. Хауэл, однако, был в 1102 году убит норманнами, которые уже отняли у него замок Ридкорс.—[Пауэл, 124.]

В 1113 году Гриффит ап Рис, принц Южного Уэльса, взял Кермартен и отступил в свою крепость Страт-Тайви, откуда двинулся на Гауэр. Уильям де Лондрес покинул Кидвелли и бежал. Валлийцы разорили земли и сожгли замок [Powel, 145], который тогда вряд ли мог быть обычной нормандской крепостью. После этого последовал период спокойствия, и у Мориса де Лондра был парк в Кидвелли, где он строго берег оленину. С одной стороны парка, рядом с морем, располагались большие пастбища для овец. Его жена, желая уничтожить часть оленей, заставила насыпать шерсти в кишки некоторых оленей, а затем показала это в доказательство того, что они уничтожили овец; после чего Морис позволил напасть на оленей с собаками. —[“Giraldus Cambrensis”, i. 168.] После смерти Генриха I в 1135 году, пока Гриффит ап Рис отсутствовал в Северном Уэльсе, его жена Гвенллиан повела армию в Кидвелли. Она была побеждена и предана смерти Морисом де Лондром, ее лордом, и Джеффри, констеблем епископа. Ее старший сын, Морган, был убит, а его брат, Мэлгон, взят в плен. [“Giraldus Cambrensis”, i. 168.] “Поле битвы, - говорит редактор ”Хиральдуса“, - до сих пор называется ”Мэс Гвенлиан“, а башня в замке - ”Твр Гвенлиан“." В 1145 году уже существовали замки в Лланстефане и Дайневоре, а в 1150 году - в Ллучвре.

Из семьи Де Лондрес Кидвелли перешел по наследству к семье Де Кадурси, или Шаворт, наследница которой вышла замуж за Генриха Ланкастерского, внука Генриха III. Генрих, его сын и его внук владели замком до тех пор, пока их род также не закончился дочерью, которая вышла замуж за Джона Гонта и была матерью Генриха IV., с тех пор поместья герцогства Ланкастер, включая Кидвелли, оставались в короне. Теперь он в руках графа Коудора.

ЗАМОК КИЛПЕК.

Приход Килпек в графстве Херефорд занимает участок холмистой пересеченной местности, который находится между грядой холмов Минде, Оркоп и Гарвей и рекой Уорм, ручьем, который получает дренаж из значительной долины и, наконец, впадает в Монноу, недалеко от Кентчерча. Железная дорога из Абергавенни в Херефорд проходит по этой долине, которая является прекрасным примером плодородия и живописной красоты старого графства Херефордшир из красного песчаника.

Замок, церковь и место давно разрушенного монастыря расположены рядом друг с другом около деревни Килпек, в двух милях к северу от хребта и в короткой миле к югу от церкви и железнодорожной станции Сент-Деверо.

Местность быстро понижается к северу и пересечена глубокими выбоинами, в каждой из которых протекает свой ручеек. Живые изгороди и более крутые берега покрыты лесом, а травянистые холмы и гряды переходят в широкие ровные луга с непревзойденной зеленью, среди которых плуг мало известен.

Замок Килпек, как видно сейчас, почти полностью состоит из земляных валов. Он состоит из насыпи и окружающего ее рва, за которым на севере находится треугольная платформа, на юге - ограждение в виде подковы, а за ним снова южная платформа, гораздо более обширная, но тоже несколько треугольная по очертаниям. На самом краю и к востоку от этих оград стоят древняя нормандская церковь и фермерский дом, части которого относятся к

некоторой старине; на западе, примерно в 200 ярдах от замка, земля быстро обрывается в глубокую яму, поперек нижней части которой насыпан мощный земляной вал, в то время как остатки других насыпей видны выше. Таким образом, становится очевидным, что здесь образовалась цепь длинных и глубоких озер, возможно, на двух или даже трех уровнях, что, должно быть, делало любой подход с запада или с валлийской стороны чрезвычайно трудным и опасным.

Насыпь полностью искусственная. Она коническая, усеченная и овальной формы. Его вершина имеет размеры, к северу и югу, около 25 ярдов, к востоку и западу - около 40 ярдов, а его высота составляет от 20 до 40 футов, в зависимости от глубины его рва, которая наибольшая с северной стороны. Склоны крутые, красная земля практически не склонна к скольжению.

Вершину венчала башня-ракушка, расположенная примерно в 3 футах от края склона, и, следовательно, примерно в 23 ярдах к северу и югу, и в 38 ярдах к востоку и западу. Он был многоугольным в плане, с гранями от 14 до 15 футов в длину. От этого снаряда сохранилось всего два фрагмента, один с северной, а другой с западной стороны, примерно в 20 ярдах друг от друга. Они показывают, что стена была многоугольной снаружи и круглой, или почти такой, внутри, также в пределах вертикали, но снаружи имела толщину от 7 футов у основания до 4 футов при высоте 6 футов, выше которой она продолжалась на 4 фута. Северный фрагмент имеет длину около 40 футов, синусоиду около 2 футов и высоту около 18 футов; вероятно, вместе с парапетом он был около 25 футов. В нем находится камин с круглой спинкой шириной 3 фута и глубиной 2 фута, который сверху собирается в цилиндрическую шахту диаметром 12 дюймов. С каждой стороны есть слив воды, как из раковин, проходящий через стену. Другой, или западный фрагмент, имеет 30 футов в длину и около 14 футов в высоту. Здесь также есть камин, похожий на предыдущий, но шириной 5 футов и глубиной 3 фута; с северной стороны от него есть водосток. С южной стороны сохранился фрагмент поперечной стены толщиной 3 фута, принадлежавший внутреннему зданию; он того же возраста, что и внешняя стена. Эта внешняя стена, по-видимому, была немного снесена взорвавшейся изнутри миной. Вершина насыпи слегка выпуклая из-за скопления мусора, глубина которого, как показывают камин, составляет около 4 футов. Говорят, что здесь был обнаружен глубокий колодец, но сейчас от него не осталось и следа. Эти стены - единственные остатки каменной кладки, видимые во всем замке. Судя по их общему виду и каминам, они относятся к раннеанглийскому периоду. Ясно, что снаряд располагался у стены в зданиях, которые, судя по водосточным трубам, могли быть кухнями.

Курган окружен глубоким рвом, за которым на севере следует северная платформа, на северо-востоке, востоке и юге - платформа в виде подковы, или внешняя защита, а на западе - узкий берег, от основания которого естественный склон быстро обрывается.

Внешняя защита представляет собой платформу подковообразной или лунатической формы, шириной от 90 до 180 ярдов и занимающую полную половину насыпи. Его вогнутый край образует контрэскарп внутренней канавы. Его выпуклость ограничена рвом глубиной от 10 до 30 футов, который на востоке граничит с церковным двором, а на юге за ним следует южная платформа, общий уровень которой находится на 10-12 футов ниже вершины насыпи. Внешний край этого участка был приподнят насыпью, которая вдоль южной стороны и на западном конце возвышается на 10-20 футов, без сомнения, была насыпана из внешнего рва. Поверхность покрыта шрамами, как при демонтаже фундамента, но не видно ни следа настоящей каменной кладки, и даже там, где берег был прорезан, не видно камней.

Остается южная платформа. Она находится почти на уровне внешнего квартала, хотя и ниже его приподнятого края. Площадь значительная, вероятно, более четырех акров. Он отделен от внешнего двора общим для обоих рвом шириной около 30 футов. К западу и востоку от него есть ров, но к югу - обрыв высотой около 12 футов, за которым земля ровная и находится на более низком уровне. Нынешний вход на эту платформу, ныне находящуюся под обработкой, ведет по пологому ходу на восточную сторону возле северного конца, который, возможно, старый.

Главный вход в замок, то есть во внешнюю охрану, вел через ворота в южной оконечности, отмеченные глубокой ложбиной, вырубленной в насыпи, и по бокам земляными кучами, которые могут скрывать фундамент небольших башен. К этому входу ведет дорога с востока, идущая вдоль канавы под внешним двором и южной платформой.

Путь из внешнего двора в крепость находится не напротив внешнего входа, а восточнее; узкая дамба пересекает ров, а тропинка поднимается на насыпь. Вероятно, все это современное, и здесь был наклонный мост, делавший подъем на насыпь менее крутым. В юго-западном углу канава кургана заканчивается в одном месте на склоне холма, так что отсюда путь, возможно, пролегал вдоль канавы до моста через курган.

Вывод, на который наводят нынешние земляные работы, примерно следующий: Первоначально в качестве преимущества был использован естественный холм неправильной формы, но примерно в 300 ярдах к северу и югу и в 125 ярдах к востоку и западу, который был окружен единственным рвом или, где позволяла почва, только уступом. Возможно, что здесь, как частично в Малверне, и в других примерах, эта длинная ограда была разделена двумя поперечными прорезями на три части, центральная из которых образовывала цитадель. Вероятно, это была бы работа британцев.

Тогда, по-видимому, более поздний народ, англичане, вступили во владение и насыпали насыпь в одном углу цитадели, изолировав ее соответствующим круглым рвом, основное жилище которого находилось на насыпи, а остальная часть в виде подковы ниже содержала основной двор для иждивенцев, в то время как северная и южная части служили защищенными загонами для скота.

Когда норманны вступили во владение, они, по-видимому, построили на холме крепость-ракушку и использовали нижний двор в качестве внешней защиты, вероятно, окружив все это каменной стеной, которая сейчас снесена и заменяет английский частокол. Это представляло бы собой собственно замок, к которому северная и южная платформы были бы пристройками, без сомнения, огороженными частоколом для скота.

История Kilpeck начинается с "Domesday", в котором записано: "Эта вилла, большая территория, подписана и находится под солнцем в прекрасном Арсен-Фельде. Виллиус филиус Норманни тенет Чипсете. Cadiand tenuit tempore Regis Edwardi."

Церковь определенно старше каменной кладки крепости, и поэтому вполне возможно, что ранние норманнские лорды довольствовались резиденцией и защитными сооружениями из дерева и не строили в течение столетия или около того после их оккупации, когда была построена башня шелл. Маловероятно, что этому предшествовали какие-либо более ранние работы по каменной кладке, поскольку нормандские здания были основательными и долговечными.

Церковь стала предметом "монографии". Монастырь, от которого не осталось и следа, стоял в поле к юго-востоку от замка и деревни.

Чипсете в Ирченфилде - это нынешний Килпек, где Уильям Фиц Норман сидел в кресле Кадиана, обездоленного англичанина. За эти земли не платили гельд или военную службу, что в этом пограничном округе примечательно. Уильям был крупным землевладельцем в Херефордшире. В 1134 году Генрих I, Хью, сын Уильяма Фиц Нормана, подарил собору Святого Петра в Глостере церковь Святого Давида в Килпекке и часовню Богоматери Ор в замке. О часовне больше ничего не говорится, но церковь включена в конфирмационную грамоту Стефана Глостеру в 1138 году, а также во многие более поздние конфирмации и хартии *Inspeximus*.

Согласно Дагдейлу, монастырь был основан в Килпекке в 1134 году и посвящен святому Давиду Генри де Килпеком. Основателем, скорее всего, был Хью Фитц Норман, который, безусловно, обеспечил это. Это была келья бенедиктинского аббатства Святого Петра в Глостере, просуществовавшая до его упразднения в 1422-48 годах, во время епископства Томаса Споффорда из Херефорда. Приоры были вызваны для участия в выборах аббатов Глостера.

Хью сменил Генрих по прозвищу "Де Килпек", которому пришлось выплатить штраф в размере 100 марок королю Стефану за вторжение в королевский лес Хейвуд. Генрих также упоминается в свитке Ричарда I. как и в случае с задолженностью в 13 марок в 1189 году за уплату королю пошлин из леса Тривель.

Джон де Килпек, сын Генриха, купил баронство Пурбек или Пульвербах, Салоп, короны, в 1193 году за 100 фунтов стерлингов. В начале правления Иоанна он, по-видимому, владел в своей юрисдикции лесами Херефордшира, вероятно, в качестве шерифа этого графства, за что и отчитался в третьем периоде правления Иоанна. Он также заплатил две марки выкупа за свои земли в Салоппе. Он умер в 1204 году, и Джулиана, его вдова, заплатила 60 марок королю Иоанну, чтобы тот женился на ком ей заблагорассудится. По словам Мэдокса, в следующем году она получила в приданое Рокслег и Ла-Тему.

От Джулиана Джона ушел Хью де Килпек, который был подопечным Уильяма де Кантелупе, крупного пограничного барона. В это время король время от времени посещал Килпек, находясь там в 1211 году, 11 марта, по пути из Херефорда в Абергавенни, без сомнения, в обоих местах в качестве гостя Кантелупа. Также в 1213 году, 27 и 28 ноября, он был здесь между Херефордом и Сент-Бриавелем и, наконец, 18 и 19 декабря 1214 года, направляясь из Монмута в Херефорд.

Хью де Килпек, достигнув совершеннолетия, унаследовал должность смотрителя королевских лесов в Херефордшире, а в 1248 году он владел Литтл-Тейнтоном в Глостершире благодаря тому, что содержание Хейвудского леса также было передано по наследству. Леса Хей, Килпек и Акорнбери, судя по патентным спискам, находились в его руках 3 Генриха III. В 1231 году 16 Генриха III Хью де Килпек и Уильям Фиц Уорин были двумя из восьми лордов, нанятых для переговоров о перемирии с Ллевелином. Это кажется положительным; но Дагдейл говорит, что он умер около 1207 года. В отношении него возбуждено дело инквизиции 28 Генриха III., 1243-4; но из точных списков явствует, что он умер до этого. Он женился на Эгидии, которая впоследствии, по словам Дагдейла, вышла замуж за Уильяма Фитц Уорина. Джон был третьим и последним бароном Килпеком. Он оставил двух дочерей, сонаследниц, Изабеллу и Джоан. Джоан, младшей, которой на момент смерти отца было семнадцать лет, была первой женой Филиппа де Мармиона. Ей принадлежала половина баронства Килпек, и она оставила трех дочерей-сонаследниц. Филипп, который был чемпионом Англии и большим сторонником Генриха III, оставил от второй жены четвертую дочь. Каждому из них принадлежала четверть баронства Мармион, а трем старшим - по трети

владения Килпек. Фревиллы из Тэмворта произошли от Мазеры, второго ребенка, а Ладлоу и Даймокс, чемпионы, от Джоан, четвертой.

Изабелла, старшая сонаследница, похоже, получила в свою долю замок Килпек. 28 января она вышла замуж за Генриха III Уильяма Уолерана. Ее печать, недавно найденная в Юшоте, недалеко от Крондалла, выгравирована в "Top. and Geneal.", i., стр. 28, где приводится превосходный отчет о ее семье. Изабелла оставила Роберта, Уильяма и Элис.

Роберт Уолеран владел Килпеком. Он был шерифом Глостершира 30-35 Генриха III. Он сражался на стороне Генриха при Ившеме, был губернатором замков Кардиган и Кэрмартен и бароном. В 1262 году он сочинил спор между епископом, капитулом и жителями Херефорда, касающийся выдачи хлеба в суд. Он умер с.л. 1 Эдуарда I., 1273, оставив, по-видимому, Матильду, свою вдову, без сомнения, его вторую жену, у которой было приданое в Килпек-мэноре.

Уильям, брат Хью, умер раньше него, оставив Роберта, который унаследовал Килпек, но, по-видимому, умер 2 Эдуарда II либо бездетным, либо оставив сына, который не унаследовал Килпек из-за наследства своего двоюродного деда; поскольку, похоже, что в 1269 году Роберт Уолеран передал Алану де Планкенету, сыну своей сестры, возврат замка Килпек и парков Тревиль и Койтмор, поместье Хэй и поместье Хэмптон. Алан перешел к Роберту на всю жизнь, а после смерти Роберта земли вернулись к Алану, который засвидетельствовал почтение. На какой срок Роберт, племянник и последний барон, владел Килпеком, не указано.

Элис Уолеран, сестра первого Роберта, вышла замуж за Ошью де ла Бера. Их сын Алан носил имя Плукенет или Плугенет, и стал лордом замка и поместья Килпек, и был вызван в парламент 23 Эдуарда I. Он умер 27 Эдуарда I., 1299. Он был похоронен в Доре. Он был великим земледельцем и отвоевал участок, названный в его честь "Алановы пустоши". В свое время, 13 Эдуарда I., Уильям Батлер владел участком земли в Килпеке, поместьем и двором там; также, 20 Эдуарда I., Филип де Мармион из Скривельсби имел гонорар в Килпеке. Похоже, что замок принадлежал нескольким феодальным владениям; 2 Эдуард III и Александр де Фревилль таким образом удерживали одну шестую часть гонорара.

Преемником стал Алан Плугенет, сын Алана. Он отличился в шотландских войнах, а также был вызван в парламент. Он получил еженедельный рынок и ежегодную ярмарку в Килпеке и умер с.л. около 1311 года, оставив наследницей свою сестру Джоан.

Джоан Плугене, которую звали Джоан де Богун де Килпек, владела баронством. Она вышла замуж за Эдварда де Богун, но умерла с.л. 20 Эдуарда II или 1 Эдуарда III 1327 года.

Ее наследником был Ричард, сын Ричарда и внук сэра Ричарда де ла Бер. Он умер 19 Эдуарда III, оставив Томаса, своего сына и наследника, в возрасте 30 лет, 27 Эдуарда III; но Эдвард де Богун, который пережил свою жену и, вероятно, был арендатором Килпека из вежливости, получил разрешение от Эдуарда III. передать Килпек, Тревиль и бейливик Хейвуд Джеймсу Батлеру, первому графу Ормонду.

Тем временем старшая семья продолжала владеть своими акциями. Томас де Юзефлет, 5 Эдуард III, вероятно, доверенное лицо, лишил свободы Ричарда де ла Бера из Манестока в Килпеке, который, по словам Эдуарда III, принадлежал Николасу де Юзефлету. 17 Эдуард III, Болдуин де Фревилл владел поместьем Килпек; и, наконец, 18 Ричард II, Кинар де ла Бер, владел поместьем и сотней Килпек для церкви Святой Марии Мэдли.

Однако дворецкие, по-видимому, были в основном владельцами. 12 Эдуард III, Джеймс, первый граф Ормонд, владел поместьем и его территорией благодаря владению Хэй-Форест, и 13 Эдуард III. Элеонора, его вдова, владела замком и поместьем.

В качестве владельцев замка или поместья, или и того, и другого, фигурируют—37 Эдуард III, сэр Томас Мойн; 6 Ричард II, Джеймс, граф Ормонд, и, 13 Ричард II, Елизавета, его вдова. 20 Ричард II, сэр Ричард Тэлбот и Анкареда, его жена, владели замком и поместьем в качестве одного из наследников Джеймса, графа Ормонда, на земле Ирченфилд. Батлеры, однако, удерживали замок до прихода к власти пятого графа, Ланкастера, который был обезглавлен после Таутона в 1467 году.

На пятнадцатом году правления Эдуарда IV король пожаловал Килпек в tail special наследникам мужского пола сэра У. Герберта, лорду Герберту (графу Пембруку), за плату в размере одного рыцаря, и, 6 Эдуарда IV, этот грант был продлен в tail general для несостоявшихся наследников мужского пола. После смерти графа, в 1469 году, Эдвард вернул Килпек Батлерам в лице Джона, шестого графа Ормонда, и он перешел к его старшей дочери и сонаследнице, сын которой, сэр Джордж Сент-Леджер, владел им в 1545 году.

После этого он был продан и перешел во владение семьи Пай, замком и парком которой владел сэр Уолтер. Он был роялистом, и после падения Карла I. парламент сначала разместил в замке гарнизон, а в 1645 году разобрал его. Пайсы последовали за Яковом II в изгнание, и один из них носил титул барона Килпека. Вероятно, материалы для постройки замка были ценными, поскольку их вывоз, за упомянутыми незначительными исключениями, был завершен, и все же замок, должно быть, представлял собой значительное сооружение.

ЗАМОК НЭРСБОРО, ЙОРКШИР.

СРЕДИ различных изгибов, по которым река Нидд, все еще носящая свое первоначальное британское название, прокладывает свой путь от истоков в Ниддердейле и на склонах Уэрнсайда до слияния с Узом в нескольких милях выше Йорка, нет более примечательных, чем те, по которым она пересекает древний лес Кнарсборо, где она лежит в глубоком ущелье, известном даже в Йоркшире своим удачным сочетанием леса, камня и воды.

Примерно в середине этой части ее течения скальный выступ, выступающий в виде скалистого утеса навстречу ручью, поднимается на его восточном берегу на высоту около 230 футов. Два впадающих в скалу оврага, к северу и югу от нее, изолируют ее от прилегающей возвышенности и становятся шире и глубже по мере спуска к реке, так что скала сильно укреплена природой на своем северном, южном и западном фронтах. Для усиления позиции не хватало ничего, кроме рва, соединяющего вершины оврагов и пересекающего горловину полуострова, и это было сделано уже давно, а вместе с этим верхние части оврагов были также сделаны глубже и шире, так что позиция до применения пороха должна была быть почти неприступной.

Кем или какими людьми эта грозная платформа была впервые задействована, неизвестно, но ни один житель района, для которого безопасность была главной целью, не мог не заметить ее преимуществ. Однако нет никаких фактических свидетельств ни британской, ни римской оккупации, если только прямоугольная территория, укрепленная насыпью и рвом, которые все еще можно проследить по улицам более позднего города, не может быть принята, как в

Тамворте и Уоллингфорде, за работу полуроманизированных британцев; народа, который, получив некоторые знания о принципах римского кастрационного строительства, все же не захотел или не смог включить свои опорные пункты в стены из каменной кладки.

Поместье Кнаресбург упоминается во "Дне господнем" как частное владение Завоевателя, как и Исповедника. Ничего не говорится об "Ауле" или тамошнем замке; но, поскольку от него зависели одиннадцать Береуиков, ясно, что во времена Эдуарда и, вероятно, задолго до него он был центром значительного поместья, и если, как обычно, у его первого лорда была там укрепленная резиденция, она, естественно, располагалась на неровной и узловатой платформе, носившей описательное название Кнаресбург.

Уильям даровал поместные земли, возвращенные во вторник под названием "васта", Серло де Бургу, который, вероятно, является поместьем, ныне называемым Боро-Бридж. Бург был территориальным обозначением, а не обычной фамилией, и, похоже, семья им не пользовалась. В Свитке 31 Генриха I., 1130 г., упоминается, что Серло владел землями в Ноттсе и Дерби, и приводятся имена Осберта, его сына, и другого Осберта, его "непоса" или племянника, оба из которых, похоже, умерли раньше своих отцов. Преемником и наследницей Серло был Джон Одноглазый, чей сын, Юстас Фиц-Джон, был йоркширским судьей. Он фигурирует в том же списке, что и фермерский Бург и Ченардесбург, и ему тогда было выделено 11 фунтов стерлингов на работы короля, очевидно, над замком, в последнем месте. Юстас женился на Беатрис, наследнице рода Де Весси, и их сын Уильям принял это имя. Ричард Фицюстас, другой сын, женился на Альбрете, дочери и наследнице Роберта де Лизура, от Альбреты, сестры Илберта и Генри де Лейси, тети и наследницы Роберта де Лейси из Понтефракта, который умер бездетным в 1193 году. В результате Роджер, констебль Честера, сын Ричарда Фитцустаса и Альбреты, взял и передал фамилию Лейси. У Юстаса также был брат Пейн Фиц-Джон, крупный землевладелец из Херефордшира и предок баронов Фитцпейн. С Юстасом, павшим в войнах с Уэльсом в 1159 году, семейное владение замком прекратилось, и время от времени корона предоставляла его различным кастелянам. Один из них, Хью де Морвиль, укрылся здесь после убийства Беккета. Он также принадлежал Эстотевиллям, а во времена правления Джона - Брайану де Лайлу, который, как считается, раскопал замковый ров и отремонтировал или пристроил здания. Генрих III пожаловал замок Хьюберту де Бургу в фи. До этого времени поместье было возведено в Почетное звание, а "Честь", "Особняк" и лес Кнарсборо время от времени становятся предметом королевских пожалований. В 1257 году Генрих III подарил их своему брату Ричарду, который основал монастырь на берегу реки ниже замка. Эдуард II. повторил грант Гавестону, примерно в это время появляются Слингсби в качестве хранителей леса. В 1327 году замок был передан графу Ланкастеру, но только для того, чтобы быть восстановленным Эдуардом III, который в 1371 году подарил его Джону Гонту, и с тех пор он является частью герцогства Ланкастер. Ричард II. был заключен здесь в тюрьму в 1399 году, и, как говорят, с тех пор крепость носит название королевской башни. В 1642 году замок принадлежал королю и был штаб-квартирой активной и несколько беспринципной армии. В результате он был осажден и взят Фэрфаксом в 1644 году, а в 1648 году Государственный совет приказал пренебречь им, что, по-видимому, было осуществлено путем демонтажа навесной стены и сноса одного угла крепости.

Замок занимал всю площадь платформы вплоть до края рва, гребня оврагов и речного обрыва. На рисунке план представляет собой неправильный овал, состоящий примерно из трех частей к востоку и западу и двух частей к северу и югу и содержащий около 2½ акров. Недалеко к югу от замка находился город, зависевший от него. Территория в пределах линии городского рва имеет размеры около 500 ярдов к северо-востоку и юго-западу и 850 ярдов к

северо-западу и юго-востоку и включает в себя всю старую часть города. Около 170 ярдов рва, отделявшего замок от города, было засыпано с момента демонтажа замка. Замок был окружен огромной навесной стеной толщиной от 7 до 8 футов и необычной высотой в некоторых местах от 30 до 40 футов. Крепость является частью *окружения* построена на гребне и склоне северного оврага, недалеко от центра этого фасада. Занавес примыкал двумя своими концами, так что здание находилось частично внутри, а частично за пределами этого района. С его южным углом связаны некоторые фрагменты каменной кладки, показывающие, что территория была разделена поперечной стеной на восточную и западную части, одна из которых была внешней, а другая - внутренней, и крепость расположена таким образом, что ее юго-восточная сторона обращена к внешней, а юго-западная и северо-западная - к внутренней.

Почти вся завеса и поперечная стена исчезли, но проекция с северного угла крепости показывает, что завеса, по крайней мере в этом месте, была около 40 футов в высоту и не менее 11 футов в толщину. Может показаться, что первоначально у занавеса не было настенных башен, поскольку они были добавлены в форме полукруглых или сегментарных цельных контрфорсов, пристроенных к лицевой стороне занавеса, снятие которых обнажило грубую поверхность нанесенной работы. Лиланд говорит об одиннадцати или двенадцати таких башнях-контрфорсах. В настоящее время их осталось только шесть. Все они были облицованы тесаным камнем. На одной из них виден хороший курс перпендикулярных дат, а на другой виден стержень гардероба, верхняя часть которого, должно быть, находилась на зубчатой стене. Два самых больших контрфорса расположены напротив города, примерно в 21 футе друг от друга, образуя своего рода прочную сторожку и обрамляя главный вход в замок через внешний двор. Ворота были 18 футов в ширину и не менее 18 футов в высоту до подпружинивания. Арка исчезла. Сохранился квадратный паз для опускающей решетки, а внутри - откид для двери. Снаружи в северном косяке есть отверстие, как для основания подъемного моста, но с другой стороны соответствующего отверстия нет, так что указание, вероятно, обманчиво. Там, должно быть, был подъемный мост, но, возможно, он был более совершенным. Лиланд также упоминает подземный ход, выходящий на склон канавы, но это, о котором сейчас ничего не известно, вероятно, был канализационный коллектор. Во внутреннем дворе находится дом, в котором до сих пор проводятся суды Чести. Это современное здание, но в нем есть оригинально украшенный дверной проем и большой камин, простой, но, вероятно, того же времени. Говорят, рядом с этим местом был колодец, ныне утраченный, а местная традиция описывает часовню, стоявшую рядом со зданием суда.

А.

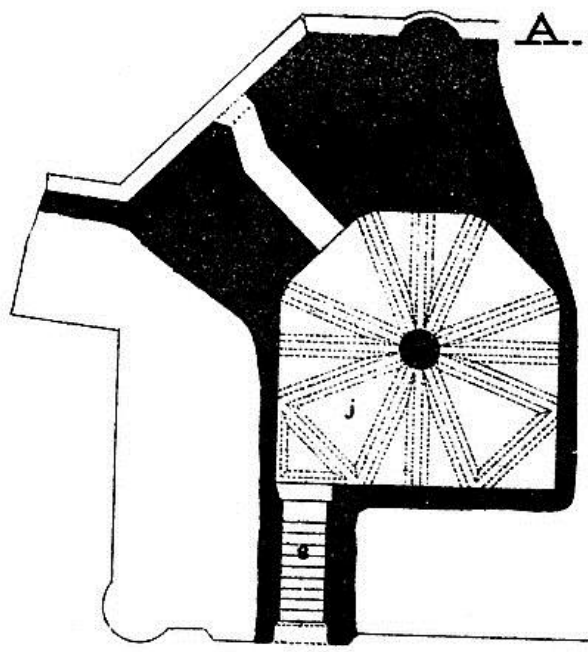

Fig. a.
g Steps to Dungeon.
j Dungeon.

PLAN OF DUNGEON.

SCALE OF FEET
0 10 20

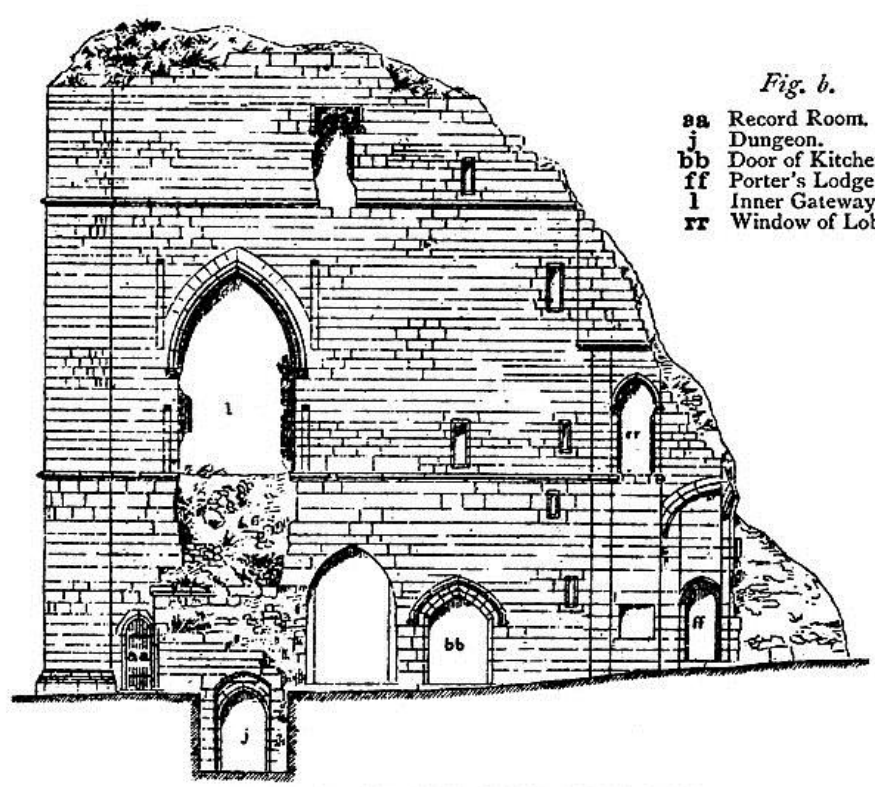

Fig. b.
aa Record Room.
j Dungeon.
bb Door of Kitchen.
ff Porter's Lodge.
l Inner Gateway.
rr Window of Lobby.

ELEVATION OF KEEP FROM INNER WARD.

SCALE OF FEET
0 10 20

Wyman & Sons, Нью-Йорк^t. Queen St. Лондон.

Рис. а.

- Шаги в подземелье.
- жДунджон.

ПЛАН ПОДЗЕМЕЛЬЯ.

Рис. б.

- Комната записей.
- жДунджон.
- Входная дверь кухни.
- Домик портера.
- Ворота Линнера.
- Окно лобби.

ВОЗВЫШЕНИЕ КРЕПОСТИ СО СТОРОНЫ ВНУТРЕННЕЙ ПАЛАТЫ.

Основной интерес здания представляет Королевская башня, или цитадель, от которой сохранились значительные остатки. Его можно описать как прямоугольное в плане, 64 фута к северо-западу и юго-востоку на 52 фута к северо-востоку и юго-западу, или почти квадратное. Его симметрия, однако, нарушается из-за среза северного угла. Также исчез весь восточный угол, и вопрос в том, насколько далеко он простирается, и большая часть северо-восточной стороны, весь юго-восточный конец и угол между ними исчезли, но осталось достаточно двух других сторон, чтобы показать общий план и детали здания. [Б. Рис. а.]

Западный угол увенчан цилиндрической башенкой из цельного камня диаметром 6 футов и высотой в настоящее время 52 фута. Вероятно, вместе с главным зданием она была примерно на 10 футов выше. Это была высота от уровня внутренней палаты; абсолютная высота крепости, измеренная от пола подземелья, была примерно на 16 футов больше, или около 78 футов или 80 футов.

Главный, или юго-западный, фасад также является самым совершенным фасадом и тем, который выходит во внутренний двор. Здесь видно, что цитадель состояла из подвала под уровнем двора; подвала на уровне здания; первого или главного этажа; и верхнего этажа: линии пола обозначены двумя стропилами или лепниной.

Подвал состоит только из подземелья. [А. Рис. а.] Вход осуществляется через утопленный дверной проем, к которому ведет спускающаяся лестница. Он расположен в 14 футах от западной башни, а верхняя часть арки дверного проема находится чуть выше уровня земли. Дверной проем открывается в сводчатый коридор, вниз по которому двенадцать ступенек ведут ко второму дверному проему, ведущему в подземелье. Это можно описать как квадрат в 23 фута, два северо-восточных угла которого срезаны, превращая один конец в нечто вроде апсиды с тремя гранями по 9 футов 6 дюймов каждая. В центре находится простой цилиндрический стержень диаметром 3 фута со скошенным основанием, но без крышки, от головки которого отходят двенадцать ребер, простых и прочных, со слегка полый скосом. Они расположены группами по три, разделенные четырьмя довольно широкими отверстиями, два из которых, включая два прямых угла, пересекаются диагональными ребрами, так что в плане свод представляет собой восьмиугольник. В северной стене есть вентиляционное отверстие площадью 3 квадратных фута, откуда ведет слегка зигзагообразный проход длиной 14 футов, заканчивающийся петлей, ныне разрушенной. Похоже, здесь также был

гардероб, поскольку снаружи, у подножия стены, на 10 футов ниже петли, виден вход в канализацию.

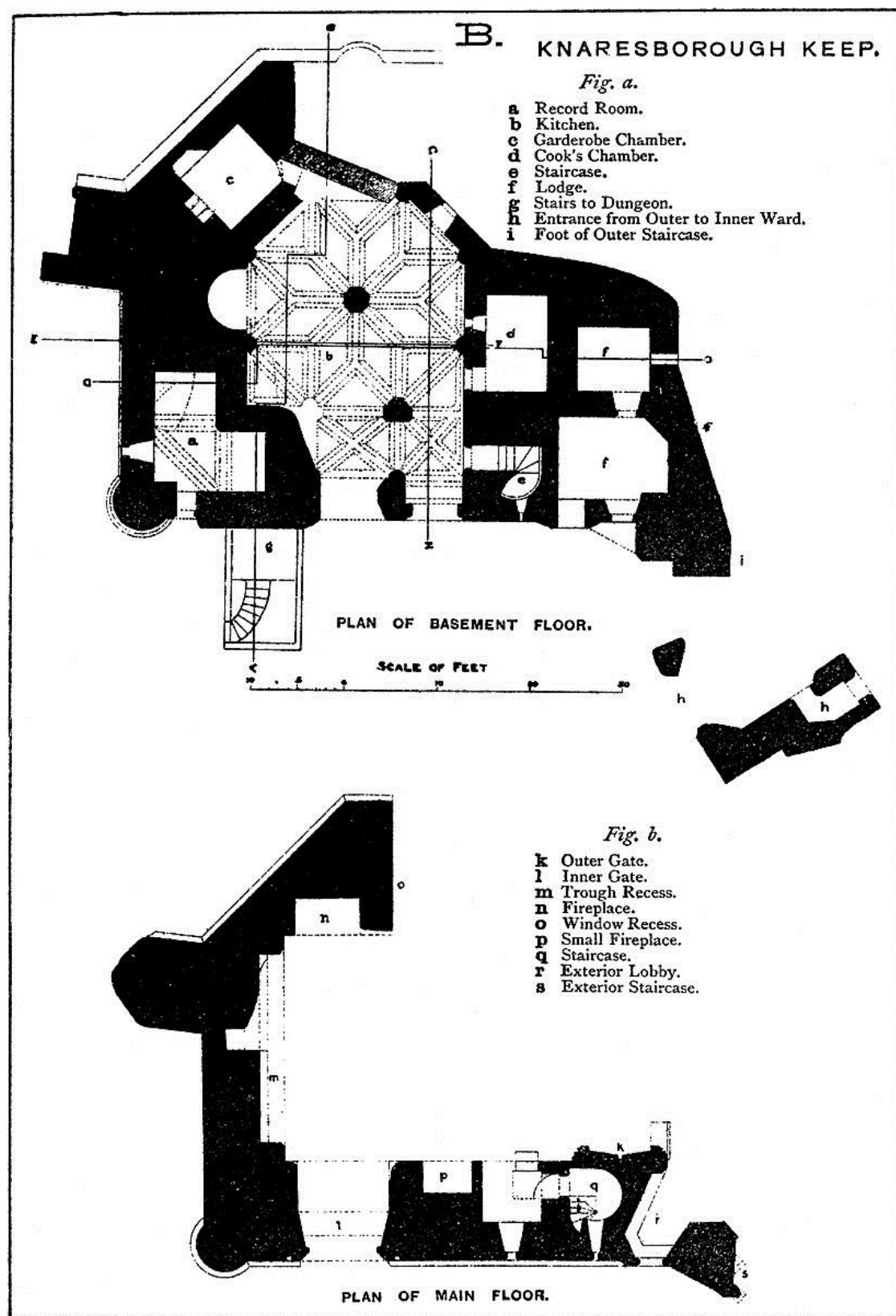
На цокольном этаже расположены три камеры, в которые можно попасть из внутреннего отделения через три двери. [А. Рис. б.] Из них узкая, в 2 фута, дверь, расположенная рядом с башенкой, ведет по сводчатому проходу длиной 3 фута в архивную комнату. [Б. Рис. а.] Это Г-образная камера, рукава которой имеют ширину 6 футов 6 дюймов, а с более длинных сторон 12 футов, а с более коротких 5 футов 6 дюймов, причем один конец на несколько дюймов больше. В северо-западной стене есть петля для воздуха. Каждую ветвь пересекает простое ребро со скошенной поверхностью, и образованное таким образом квадратное пространство, общее для двух ветвей, пересекается по диагонали одним ребром. Эта камера недавно использовалась как тюрьма для должников.

Рядом с архивной комнатой, ближе к центру фасада, находится большое окно, с которого сняли облицовку из ясеня и ажурную отделку, а подоконник срезали, превратив его в дверь. В настоящее время проем имеет ширину 6 футов и 13 футов до вершины арки. Рядом с ним, но за ним, находится первоначальный дверной проем, сейчас заваленный, но вполне совершенный. Она имела проем в 5 футов с низкой аркой, а над ней - хорошо декорированный капельный камень или лепнина вытяжки. Эта дверь вела на кухню. [Б. Рис. а.]

Кухню можно описать как квадрат площадью 24 фута с нанесенной на его северо-восточную сторону апсидой из трех граней по 8 футов каждая; или ее можно назвать прямоугольником размером 24 на 30 футов с двумя обрезанными углами, образующими апсиду.

Эта камера также имеет своеобразный сводчатый потолок. В двенадцати футах от апсидального конца находится восьмиугольная опора, от вершины которой отходят восемь ребер под равными углами. На расстоянии 6 футов от опоры, то есть в верхней части свода, каждое ребро соединяется с двумя другими, числом шестнадцать, которые отходят от восьми половинных опор или ответвляются по углам стены. Однако на самом деле таких стенных опор всего шесть, две из которых заменены другим расположением, что стало необходимым из-за продолговатой формы камеры, которая оставляет пространство размером 6 на 24 фута для перекрытия. Треть этого пространства, составляющая западный угол, является сплошной и фактически включает в себя одну часть архивного помещения. Остальная часть разделена на два квадратных отсека со сводчатыми перекрытиями по диагонали. Между этим отсеком и отсеком большего размера находится вторая опора, которая получает толчок от трех ребер жесткости от основной опоры и имеет еще пять ребер жесткости помимо своих собственных. Общий результат не является неприятным, но свод чрезвычайно сложный, состоящий из восьми ромбов и восемнадцати треугольников, больших и малых. Высота до верха хранилища составляет 12 футов. Помимо большого окна, ведущего во внутреннюю палату, есть небольшое отверстие, вероятно, петля, хотя теперь увеличенная, ведущая ко рву. Камин занимает один из северо-западных отсеков. Его ширина составляет 7 футов, а решетка расположена в полукруглом углублении радиусом 3 фута 6 дюймов с вертикальным дымоходом в стене. Из кухни ведут две комнаты поменьше и лестница-колодец. Одна из них, с простыми сводами, размером 11 на 7 футов, расположена в юго-восточной стене. В нее можно попасть через маленькую дверь со стороны кухни, а рядом с дверью есть петля, также ведущая на кухню. Вероятно, это была спальня повара.

Б.
КРЕПОСТЬ КНАРСБОРО.

Wyman & Sons, Нью-Йорк^t. Queen St. Лондон.

Рис. а.

- 27. Кухня.
- 28. Гардеробная комната.
- 29. Комната повара.
- 30. Лестница
- 31. Лоджия.
- 32. Лестница в подzemелье.
- 33. Вход из Внешней палаты во Внутреннюю.
- 34. Подножие Внешней лестницы.

ПЛАН ЦОКОЛЬНОГО ЭТАЖА.

Рис. б.

- 35. Внешние ворота.
- 36. Внутренние ворота.
- 37. Углубление в желобе.
- 38. Камин.
- 39. Оконная ниша.
- 40. Небольшой камин.
- 41. Лестница.
- 42. Внешний вестибюль.
- 43. Внешняя лестница.

ПЛАН ПЕРВОГО ЭТАЖА.

Вторая камера, 8 на 9 футов, также сводчатая, расположена в северной стене, в нее можно попасть через небольшой и сильно изуродованный дверной проем и короткий наклонный проход. В этой камере есть петля, ведущая ко рву, и гардеробная, выход из которой, по-видимому, соединяется с выходом из подzemелья.

Лестница находится в стене в южном углу камеры и освещается двумя петлями из внутренней палаты. В нее можно попасть из кухни через маленькую дверь, ведущую в прямой коридор, откуда поднимается лестница-колодец. Она ведет как на первый, так и на второй этаж, и имеет каменные перила, вырезанные в стене. Его радиус составляет 2 фута 6 дюймов.

Остается упомянуть только о Домике привратника в подвале. [Б. Рис. а.] Он состоит из пары камер, в настоящее время занятых смотрителем замка. Во внешнюю камеру можно попасть через маленькую дверь, расположенную совсем рядом с проходом между внешней и внутренней палатами. Полый угол, образованный соединением поперечной стены с крепостной башней, пересекается кривой аркой, которая поддерживает бартизанскую башенку наверху и создает своего рода колпак над дверью. Внешняя камера со сводчатым потолком имеет размеры 12 на 9 футов. Один угол засыпан. Во внутреннюю палату ведет маленькое двухсветное окно. Из этой камеры дверь открывается во внутреннюю камеру размером 7 на 8 футов, также сводчатую, и с небольшим окошком или чем-то вроде петли, теперь разрушенной, которое образовалось в юго-восточной стене и, по-видимому, открывалось под первой аркой моста, который вел по восходящей дороге из внешней палаты на уровень первого этажа цитадели.

Первый, или главный, этаж крепости представляет ее главные особенности. [Б. Рис. 6.] Это прямоугольная камера размером 24 фута 6 дюймов на 31 фут и высотой 19 футов до дощатого пола комнаты наверху. Северо-западный конец, который является относительно совершенным, полностью занят сегментарной арочной нишей с красивой лепниной. Он имеет глубину 2 фута 9 дюймов и содержит что-то вроде стола или полки высотой 2 фута и выступом в 1 фут, верхняя часть которого выдолблена в виде узкого желоба, как если бы оно было немного шире, чтобы животные могли пить. Он сильно разбит, поэтому не видно, был ли он снабжен подводящей трубой и сливом. Для чего он предназначался, трудно даже догадаться. Стена сломана, и внутри нее виден дымоход от кухонного камина внизу. Видневшаяся вверху от непогоды лепнина в стене показывает, что когда-то здесь была низкая крыша.

От прилегающей северо-восточной стороны осталось всего около 12 футов. В основном ее занимает большой камин шириной 7 футов и глубиной 4 фута. Он был плоским и довольно простым. Стена была разрушена, и дымоход раскрыт. Далее к югу от этого находится выступ смелой арочной ниши, проходящей через стену, глубиной 14 футов, в которой, должно быть, было большое окно, выходящее над рвом.

Вместе с восточным углом исчезла и юго-восточная сторона. Большая часть этого помещения, должно быть, была занята большим дверным проемом, от которого сохранился юго-западный косяк, а также его внешняя и внутренняя лепнина, выполненная в том же стиле и имеющая очень сложный характер. Толщина стены составляла 10 футов 6 дюймов, а в ее центре, на полпути между двумя лепными арками, находился прямоугольный паз для опускной решетки. Очевидно, что это были обычные ворота, укрепленные обычным способом и, как показывают остатки арки, больших размеров.

Юго-западная стена, которая является относительно совершенной, содержит в своем северном конце дверь того же размера, что и только что описанная, за исключением отсутствия опускной решетки, которая, поскольку это внутренние ворота, была не нужна. Толщина стены здесь составляет 11 футов, что дает очень глубокое углубление шириной 10 футов, в котором был расположен дверной проем. Он обшит панелями и достигает 15 футов в высоту до венца арки; ниша сужается до ширины 7 футов 6 дюймов, которая была у дверного проема. Дверной проем богато отделан, и лепнина продолжается вплоть до подоконника, показывая, что это была дверь, а не, как некоторые предполагают, окно. Однако на голове был узор, от которого сохранился фрагмент, но недостаточный, чтобы показать рисунок. В косяках есть ряд отверстий для стоек, слишком больших для прутьев, с помощью которых обычно поддерживалось оконное стекло, и которые, очевидно, являются остатками решеток, вставленных, когда цитадель использовалась как тюрьма. В самой внешней впадине молдингов находится лента из нежных шаровидных цветов. Также имеется красивый капельник, поддерживаемый двумя головками в виде карнизов.

За дверным проемом, в стене по обе стороны, есть два квадратных углубления шириной 7 дюймов и глубиной около 6 дюймов, расположенные на расстоянии 11 футов друг от друга. Они начинаются в струнном канате, который соответствует выступу дверного проема, и имеют высоту 6 футов. Над этим, в 10 футах 6 дюймах от каната и на расстоянии 12 футов друг от друга, находятся два похожих углубления длиной 7 футов 6 дюймов, которые, следовательно, выходят немного выше уровня верхней части арки дверного проема. Очевидно, что эти две пары пазов были соединены с подъемным мостом, причем нижняя пара, вероятно, принимала концы перил парапета, а верхняя - распорки, поддерживающие балки моста.

Рядом с этой дверной нишей, внутри камеры, находится небольшой простой камин, расположенный в высоком заостренном углублении, похожем на дверной проем, а за ним снова находится более низкое углубление, но более широкое и также заостренное, в котором находится простое квадратное окно высотой 4 фута и шириной 1 фут, выходящее во внутреннюю палату. В косяке ниши находится боковая дверь, ведущая коротким проходом к лестнице-колодцу из кухни, которая также на этом уровне имеет петлю, ведущую во внутреннюю палату.

Пол этой камеры в настоящее время возвышается примерно на 2 фута, или 1 к 26, от внешних ворот до внутренних. Это, однако, может быть современное устройство, предназначенное для отвода воды с асфальта, которым был вымощен пол.

За внешними воротами этой камеры, к югу, находится небольшая фресковая камера, освещенная очень красивым окном шириной 2 фута 6 дюймов с ажурным изголовьем и красивым капельным камнем наверху, выходящим во внутреннюю палату. Эта комната выходит в своего рода вестибюль, ныне в основном разрушенный, за большими воротами, и снабжен собственным небольшим дверным проемом, снабженным опускной решеткой, а от него спускается небольшая лестница с ребристой и сводчатой крышей, которая сообщалась с ложей, соединенной с входом из внешнего во внутренний двор. Очевидно, это был задний ход для тех пеших пассажиров, которые приходили после того, как большие ворота закрывались, и которые не желали входить в главное помещение крепости, или караульное помещение. Из этого вестибюля вела лестница-колодец на верхний этаж, несколько больший, чем другой, который находился рядом с ним в стене. Расположение большой лестницы отмечено чем-то вроде бартизана, или выступающей круглой башенки, которая начиналась на уровне первого этажа и освещалась из внутреннего помещения. Большая часть этого откололась, и от нее остались только следы.

От верхнего этажа мало что осталось, кроме стены, ведущей во внутреннюю палату. В этой стене находится превосходное окно в виде трилистника с одним светом под квадратной головкой. Он помещается в углубление в стене, сводчатое и ребристое.

Рядом с ним маленькая дверь, ведущая на лестницу с нижнего этажа и кухни. Другая лестница, ведущая с заднего входа, разрушена.

Из того, что было описано, следует, что главный этаж цитадели на самом деле представлял собой проход, по которому главный вход вел из внешнего помещения во внутреннее. Поскольку уровень первого этажа на 17 футов выше уровня внутреннего отделения и несколько выше уровня внешнего, подходы проходили по аркам, ведущим к воротам. Внешний мост, без сомнения, был построен против внешнего ограждения и защищен им. То, что дорога опиралась на арки, видно по следу от наклонного камня под воротами и по расположению окна внутренней камеры сторожки привратника. Существуют аналогичные свидетельства существования другого моста, ведущего от внутренних ворот вниз до уровня внутренней палаты, и раскопки там, вероятно, показали бы основания пирсов. Как получилось, что в помещении, которое, должно быть, было караульным помещением, оказалось два камина и для чего использовалось корыто, - вопросы пока без ответа. Насколько я знаю, это единственный пример главного входа, поднятого таким образом и перенесенного через крепость. Эта крепость, по сути, является сторожкой.

Остается заметить фрагмент здания, пристроенного к южному углу цитадели и из которого, очевидно, выросла стена, разделявшая внешний и внутренний двор. [Б. Рис. а.] По-видимому, это был продолговатый предмет, разделенный на два отделения. Один, от которого сохранилась большая часть двух сторон, был площадью 11 квадратных футов,

сводчатый и ребристый, с веерами, расходящимися с четырех углов. Сюда входили с одной стороны через маленькую Украшенную дверь размером 2 фута 3 дюйма, которая вела в изогнутый проход. Выходящий во внутреннюю палату фасад, по-видимому, содержал вторую маленькую дверь, расположенную сбоку либо от окна, либо от двери побольше. Из этой камеры дверь, вероятно, вела через вторую камеру, ныне удаленную, к основанию винтовых ступеней, уже упомянутых как ведущие к восточному входу в цитадель. Узоры лепнины этого пристроенного здания особенно нежны, изящны и хорошо выполнены.

Эта крепость, вероятно, является последним примером прямоугольной крепости, а также единственным образцом крепости, главный этаж которой используется как сторожка. Его орнаменты и детали, как правило, выполнены в стиле позднего декора и, вероятно, времен правления Эдуарда II., хотя ни в коем случае не вероятно, что работа была выполнена Гавестоном. Снаружи и внутри здания свободно используется тесаная кладка, а детали повсюду вызывают восхищение. Вполне вероятно, что добавление массивных контрфорсов к занавесу было работой строителя крепости. Каменная кладка и материал соответствуют друг другу. Пазы опускной решетки похожи друг на друга, а единственный ход струн на одном из бастионов почти, если не совсем, повторяет тот, что использовался в цитадели. Очень хотелось бы, чтобы жители Кнарсборо превратили замок в прогулочный блок, вновь открыли ров или его часть, восстановили мост, ведущий к внешним воротам, раскопали фундамент северо-восточного угла башни и моста, перекрывающего вход в тюрьму, и проверили, как меняется погода и подвержены воздействию верхних частей башни. За умеренную сумму можно было бы выполнить все, что требуется, а результат повысил бы комфорт и приумножил достопримечательности города.

ЛИДС, ИЛИ ЛЕДЕС, КАСЛ, КЕНТ.

Замок ЛИДС - очень своеобразное сооружение. Он стоит на трех скалистых холмах, два из которых являются островами в озере площадью 15 акров, а третий занимает центральную часть искусственного берега, с помощью которого, как в Кенилуорте и Кэрфилли, и в некоторой степени во Фрамлингеме и Рэглэнде, удерживается вода.

Центральный и более крупный остров окружен облицовочной стеной с полукруглыми бастионами, возвышающейся примерно на 15 футов над водой. Это была стена внешней палаты. Примерно в 40 футах вглубь и концентрично с ней расположены указания на стену внутренней палаты, которая была около 8 футов толщиной и 20 футов высотой. На каждом конце, соединяя две стены и занимая пространство между ними, находились сторожки, от которых сохранилась та, что к югу, и представляет собой очень любопытное сооружение. Вероятно, он представляет собой позднюю нормандскую работу; но его старейшая узнаваемая часть - дверной проем времен Генриха III, окруженный, однако, каменной кладкой, по-видимому, времен Эдуарда, его сына. Бреташ упоминается в Топографической съемке 1314 года, но нынешние карнизы, нависающие над воротами и на которые опирались деревянные конструкции, по-видимому, относятся к эпохе Ричарда II и, вероятно, датируются 1386 годом. В комнату констебля, расположенную сзади, на уровне камеры с опускной решеткой, можно попасть через дверной проем, клапан которого является оригинальным и своеобразным, поскольку состоит из досок конического сечения, узкий край одной из которых входит в паз в задней части или широкий край следующей.

Хозяйственные постройки занимали северную часть двух палат и заменены современным домом, за исключением только сводчатого подвала, который, возможно, поздненормандский и, безусловно, является старейшей известной каменной кладкой в этом месте, и кронштейна, который поддерживал древнюю печь, и находится рядом с тем, что (17 Генриха VI.) описано как “Una coquina juxta pedem pontis de la Gloriet”, кухня которого не так давно была демонтирована.

Также в этом приходе, или, скорее, частично в этом и частично во внешнем приходе, рядом со зданием эпохи Генриха VIII, находится очень примечательная купальня — “balnea domini regis apud Ledes”, как ее обозначают, которая была построена для использования Эдуардом I. в 1291-2 годах. Сейчас это здание используется как эллинг. Он сообщается с озером проходом, в котором до сих пор видны пазы для опускной решетки и углубления для наклонных ворот, с помощью которых удерживалась или отводилась вода. Расследование мистером Уайкемом Мартином отчетов, относящихся к этой бане, очень любопытно. Указанные там сто камней Рейгейта площадью 2 квадратных фута как раз соответствуют площади камеры.

До сих пор замок представляет собой или был концентрическим сооружением по плану, широко использовавшемуся во второй половине правления Генриха III. и на протяжении всего правления Эдуарда I. Его особенности обусловлены обстоятельствами его положения и еще предстоит описать. Главной из них является цитадель, или Глориетта, стена-панцирь, поднимающаяся из окружающей ее глубокой воды на значительную высоту и содержащая жилые помещения вокруг центрального двора - обычное расположение в нормандских башнях-ракушках. В этой раковине находится часовня, без сомнения, “главная капелла” из архивов, кухня и множество работ, датируемых, по крайней мере, Эдуардом I, еще больше - Генрихом VIII, и даже более поздних. Считается, что этот остров был первоначальной цитаделью тех, кто первым занял это место, но самая старая из ныне видимых работ датируется Эдуардом I. А стиль часовни указывает примерно на 1280 год. Однако в нем есть превосходное низкое боковое окно, открытое на высоте 17 футов над водой, вероятно, вставленное Ричардом II. На уровне воды также есть задняя дверь, часть которой кажется старой, как и соседний гардероб. Подвал, с помощью которого первый этаж приподнимается примерно на 12 футов над водой, является прочным и, вероятно, очень старым, поскольку ни один обитатель этих островов в целях безопасности не мог пренебречь этим местом. Эдвард, без сомнения, переделал это сооружение вместе с остальной частью замка и, возможно, перестроил всю внешнюю стену. Сэр Генри Гилфорд, управляющий зданием Генриха VIII, похоже, убрал часть более раннего здания и построил просторный холл, большим фрагментом которого является нынешняя кухня. Во времена правления Карла II. эти пристройки сильно пострадали от пожара, так что большинство зданий рядом со двором современные. Тем не менее общий тип и расположение, очевидно, сохранились; и нет никаких сомнений в том, что это строение представляет собой поздненормандскую постройку, если не более ранний саксонский деревянный дом. Красивая башня с часами, к которой иногда приурочен термин Gloriette, содержит очень ранние часы, датируемые Генрихом VIII. Они охраняют крытый мост, соединяющий крепость с большим островом. Этот мост состоит из двух проемов, имеет два этажа и первоначально был подъемным мостом, поскольку яма находилась между боковыми стенами и спускалась в воду. В отчетах это называется “мост славы”.

Термин “Глориетта” встречается нечасто, и его значение точно не определено.^[1] Впервые об этом было упомянуто в старинном сборнике Казначейства, касающемся замка Корф, среди которых г-н Бонд цитирует документ, датированный 8 Эдуарда I. В нем упоминается

“Камера для воката Славы”. [2] Вероятно, это было похоже на “Бутаван” и “Кокаин”, одну из башен *ограждения* замка, и, возможно, имело несколько большую высоту. От него почти ничего не осталось. Иногда кажется, что это название обозначает все здания рядом с башней и залом королевы; в этой части замка существовала часовня, называвшаяся часовней Глориетты. Похоже, что башня Глориетт в Корфе была недавно построена Ричардом II., около 1379 года. [3] Среди монастырских зданий Крайст-Черч, Кентербери, было “Новое жилище, сопоставимое с антикварным особняком *Priorum mansionem vocatam Le Gloriet*”. Профессор Уиллис сообщает нам, что это была верхняя палата в северном конце ряда зданий, известная как “Частная камера” или “Особняк прайора”. [4] Здание на возвышенности на территории дворца в Шенбрунне, откуда открывается обширный вид на Вену, называется “La Gloriette”.

Третьим большим подразделением замка, также очень своеобразным, является барбакан, или тет-де-пон, который расположен на противоположном берегу озера, здесь уменьшенного до 50 футов в ширину, и на внешнем конце моста, который ведет подъездную дорогу к большому острову. Он состоит из трех частей, которые были изолированы тремя заболоченными канавами, одной из которых является река Лен, и имеющими три входа, по одному с каждого крыла плотины, и один, главный, центральный, с юга. Каждый подход имел свой подъемный мост, ворота и опускающую решетку, и все трое сходились на небольшом центральном участке, открытом в сторону крепости, откуда начинался мост, ведущий к большим воротам. Это мост, который был разрушен огромными лошадьми и тяжелыми повозками Аймера де Валенса. Он состоит из двух арок, внутренняя из которых была открыта между парапетами для ямы подъемного моста. В одном отделении барбакана находится мельница, сильно укрепленное здание, перед которым были возведены заграждения, которые, как известно, прикрывали южный подход и стояли в 1385 году. Несомненно, они были в основном деревянными, хотя в каменной кладке сохранились следы фундамента. Такая тройная композиция барбакана нигде не наблюдалась. Целью его боковых ворот была защита плотины, которая в противном случае могла бы быть заминирована и прорублена. Кроме того, те, кто приходил либо с востока, либо с запада, могли добраться до южных ворот только широким обходом, поскольку дамба вдоль плотины была защищена водой как снаружи, так и изнутри, озеро на юго-востоке имело большую площадь и было известно как “*stagnum exterius*”, в то время как на юго-западе был глубокий водоток и болото, образованное рекой Лен.

Покойный мистер Уайкхэм Мартин, чьи исследования его наследственной крепости были делом любви, по-видимому, твердо установил, на веских критических основаниях, дату выхода нескольких частей книги. Он показывает высокую вероятность его оккупации по крайней мере саксонским лордом и изменения, которые он претерпел от Кревекуров, Лейбернов, а также монархов Плантагенетов и Тюдоров, которые от Эдуарда I до Эдуарда VI владели им.

Как и многие саксонские крепости, Лидс, как полагают, датируется девятым веком. Он удерживался, вероятно, по соглашению норманнов, замковой охраной под Дувром. Епископу Одо, который получил его во время Конкисты, приписываются некоторые нормандские работы в церкви, но самая ранняя каменная кладка в замке, вероятно, представленная любопытным сводчатым подвалом, считается работой Роберта де Кревекера, который основал монастырь Лидс в 1119 году, а затем перенес трех каноников в часовню своего замка. Более поздний Роберт участвовал в поражении при Льюисе и, как следствие, был вынужден уступить Лидс в обмен на Роджера де Лейберна, могущественного

барона из Кента, отца того Уильяма, чья беспринципная смелость хорошо описана в списке Кэрлаверока, который называет его “Доблестным человеком без ‘но’ или ‘если’”.

В результате споров между обездоленными и тем, кто лишил их собственности, Эдвард, похоже, установил титул сильной рукой. Он придал поместью характер королевского поместья, был частым гостем в замке и, похоже, полностью реконструировал крепость Кревекур, придав ей тот вид, который во многих отношениях она представляет и по сей день. Эдуард возложил это на королеву, часть расходов на похороны которой была понесена здесь в 1291 году. Здесь же король основал часовню в замковой часовне для упокоения ее души, и примерно в это же время он приказал построить баню.

После второй женитьбы Эдуарда Лидс снова перешел к его королеве, и в течение нескольких царствований так продолжалось, за некоторыми исключениями. Он также часто использовался для приема выдающихся гостей, которые останавливались здесь по пути из Дувра в Лондон.

В 1321 году защита короля предстала перед их судом. Замок, по-видимому, перешел по обмену к Бартоломею де Бадлесмеру, знатному лорду, который в 1321 году был далеко на Севере, замышляя с другими баронами падение Деспенсера, в то время как его жена и дети оставались в замке, констеблем был некий Уолтер Коулпепер.

Однажды ночью в разгар лета королева Изабелла с большой свитой появилась у ворот, требуя гостеприимства. Констебль, испугавшись ее замыслов, смело отказался. “Ни королева, ни кто-либо другой не должен входить без приказа его господина”. “Французская волчица” приказала немедленно атаковать, в результате чего были убиты несколько ее людей, чьи скелеты со следами насилия недавно были обнаружены перед барбаканом. Атака провалилась, и ее светлости пришлось, насколько это было возможно, укрыться снаружи. Конечно, это событие имело свои последствия. Король объявил *массовый* сбор в четырех графствах и, кроме того, ввел “отрядный комитет” в Кенте. Местом сбора был замок Лидс, в тот день, 23 октября. Туда в назначенное время прибыли король, его брат и большое войско, командование которым было поручено Аймеру де Валенсу, который энергично вел осаду. Бэдлесмер попытался отвлечь внимание, также выставив силы, значительно уступавшие, однако, по численности, у Кингстона, где он был 28 октября. Все попытки переговоров между Бадлсмиром и королем провалились. Замок продержался до 1 ноября, когда эта, единственная известная осада, закончилась капитуляцией, по-видимому, лично королю. Храбрый констебль и еще двенадцать человек были повешены, а леди Бэдлесмер и ее семья заключены в Тауэр. Считалось, что казнь самого Бэдлсмира, совершенная впоследствии в Боро-Бридж, была отчасти мстью за то, что он в письменной форме санкционировал сопротивление Коулпепера.

Эдуард, вернув себе замок, часто бывал там, его последний визит состоялся 15 июня 1326 года.

Эдуард III передал замок своей королеве, и он был размещен вместе с другими королевскими постройками под руководством Уильяма Уайкхемского, который в 1359 году, по-видимому, выделил на него 16,68,8 фунтов стерлингов, из которых 5 фунтов стерлингов пошли на замену стеклянных окон, выбитых ураганом, 24 шиллинга - на ремонт повреждений моста, полученных Аймером де Валенсом, и 70 шиллингов - на старую часовню. В 1367 году происходит любопытный сбор за галантерейные изделия, плетенки и другую сбрую для отряда лучников, за материалы для изготовления доспехов и за перевозку двух кроватей из Лидса в Кентербери для графа Фландрского и шести в Лидс из Ситтингборна. Замок не может похвастаться каким-либо вниманием со стороны Эдуарда III. лично.

Лидс был частью поселения Анны Богемской, королевы Ричарда II, который сам часто бывал здесь. Сохранился список военных складов этого места за 1385 год, который включает следующие любопытные предметы, относящиеся к обороне великих ворот или барбакана: — “Два обнаженных порта, вокатные ворота, ворота колис, пикинеры с вигинти платис-де-ферро, кватуордецем платас-де-ферро лонгас, viij platas de ferro curtas, centum sexaginta и квинке клавос-де-ферро, защищающие диктаторские ворота колис-ново-феррандо, unum circulum ферреум про баррерис рядом с молендином, унум магнум кроу, унум парвум кроу де ферро, унум магнум слегге, унум парвум слегге, унам магнам катенам, унам парвам катенам, секс-насилъники, унум вертинуэль, секс-вайлы, унум кабель, уну найлтол,” и т.д.

“Обнаженные портьеры” представляли собой, конечно, открытые деревянные решетки, на которые должно было быть нанесено железо. Заграждения возле мельницы показывают, что они были установлены перед центральным входом, и вороны, кувалды, цепи и напильники были необходимы для установки опускной решетки или подъемного моста.

Десять лет спустя, 15 июля 1395 года, Ричард отсюда отправил доверенных лиц, которые должны были передать его верность дочери французского короля, и в то же время принял Фруассара, который был большим фаворитом, и сопровождал короля в Элтем, где он должен был обсудить французский брак с магнатами королевства.

Также в Лидсе, и в то же время, Ричард подписал два указа: один об изгнании Лоллардов из Оксфорда, а другой предписывал университету судить “Триалог” Уиклиффа. Лидс также был одним из мест, куда доставили Ричарда после его дачи показаний.

Генрих IV. был в Лидсе в 1401 году, но, похоже, передал замок архиепископу Арунделу, который оттуда последовал указам Ричарда против новой ереси, попросив в 1413 году сэра Джона Олдкасла предстать перед ним в “большой часовне замка Лидс”, где также, после его неявки, он вынес ему за неповиновение приговор, который привел к его мученической смерти в следующее царствование.

В то царствование, 4 Генриха V, 1416 г., Лидс оказал гостеприимство императору Сигизмунду по его возвращении из Лондона в Дувр, когда его ресурсы, должно быть, были обложены налогом, чтобы разместить предоставленную для него великолепную свиту. Два года спустя королевской, но вынужденной гостьей здесь стала Жанна, мать герцога Бретани и мачеха короля. Ее пребывание в то время в качестве пленницы было коротким, но она жила здесь после своего освобождения в следующее царствование.

После восшествия на престол Генриха VI Екатерина Валуа получила во владение Лидс, но Генрих находился там в 1436-1438 годах и распорядился провести определенный ремонт крыши крепости. В 1441 году архиепископ Чичеле судил герцогиню Элеонору Глостерскую за колдовство в часовне.

При Эдуарде IV. Лидс перестал принадлежать королеве-консорт и остался во владении короля, но замок больше не посещали члены королевской семьи, и, похоже, ему было позволено приходить в упадок вплоть до правления Генриха VIII., при котором здесь проживал сэр Генри Гилфорд, и, похоже, были произведены значительные изменения, особенно в замке.

Эдуард VI. отчужден Лидс от короны в пользу сэра Энтони Сент-Леджера около 1550 года, потомки которого после 1618 года продали его Ричарду Смиту из рода Стрэнджфордов, чей наследник после 1631 года перепродал его Томасу Коулпеперу из семьи бывшего констебля. Род занятий Смита озаглаивался строительством красивого особняка елизаветинской эпохи на северной оконечности большого острова. Колепеперы, получившие титул баронов

в 1644 году, в 1655 году передали замок правительству для безопасного содержания около 600 французских и голландских пленных под общим руководством Джона Эвелина, который, по его словам, “осушил ров, соорудил новый подъемный мост и подвел родниковую воду во двор замка к старому фонтану”. Заключенные, однако, сильно повредили здание и подожгли часть крепости.

Наследница Коулпепера передала поместье своему мужу Томасу, пятому лорду Фэрфаксу. Роберт, седьмой лорд, отремонтировал жилой дом и разбил парк, и здесь в 1778 году принимал Георга III. и его королева, последний из очень многих королевских визитов в это место.

Лорд Фэрфакс оставил замок сыну своей сестры, доктору Мартину, известному позже как доктор Фэрфакс, который умер в 1800 году, и ему наследовал его брат, генерал Мартин, после смерти которого в 1821 году он перешел к Файнсу Уайкхему, представителю младшей ветви Уайкхемов из Суонклиффа, где они владели землями еще во время обследования Судного дня, и чей сын, Чарльз Уайкхем Мартин, был автором истории замка.

ЛЕСТЕРСКИЙ ЗАМОК.

Город Лестер стоит на умеренно возвышенной местности и с западной стороны отделен узкой долиной от противоположных возвышенностей Гленфилд и Браунстоун. Эта долина впадает в Соар, реку графства, которая, протекая на север, извивается по лугам аббатства Святой Марии де Пратис, и, таким образом, до того, как сельское хозяйство осушило эти земли, надежно прикрывала западный и северный и, в определенной степени, южный фасы этого очень древнего и когда-то хорошо укрепленного места.

Вниз по западной долине, но за пределами ручья и по краю возвышенности, вела дорога Фоссуэй, которая, таким образом, на своем пути от Беннонеса, или Хай-Кросса, к Линкольну оставляла древнеримскую “Ратэ Коританорум”, известную нам как Лестер, примерно на фарлонг восточнее.

Неизвестно, является ли Рата оригинальным римским названием или латинизированным британским названием. В округе встречаются Рэтклифф и Рэтби, а в последнем находится большой лагерь сомнительного происхождения. От языка, к которому относится “Крыса”, зависит вопрос о британском происхождении города.

Рата, если и не была основана, то была оккупирована и укреплена римлянами. Линия стены на обычном прямоугольном плане прослежена с северной, южной и восточной сторон, западная защита образована рекой, и как город, так и пригород изобилуют тротуарами и другими римскими развалинами. Однако существуют некоторые сомнения относительно того, действительно ли стена доходила до воды под юго-западным углом. Если, как предполагается, хотя и на основании весьма недостаточных доказательств, фрагмент римской каменной кладки, известный как еврейская стена, действительно был частью городской стены, то из этого следует, что стена существовала с западной стороны, и между этой защитой и рекой было пространство, и что замок, занимающий юго-западный угол, находился за пределами города.

Рате, под названием Лестер, также был городом большого значения у саксов и занимал почти центральное место в королевстве Мерсия. Он упоминается в саксонской хартии 819

года и, как говорят, дал титул графа Леофрику в 716 году н.э., Алгару в 838 году и другим алгарам и другим леофрикам, а также Леофвину, саксонской линии, заканчивающейся графом Эдвином, который был убит в 1071 году. Город во время датского междуцарствия был одним из пяти бургов; и говорят, что замок, как и замки Тамворт и Татбери, был либо основан, либо восстановлен Этельфлед в 913-4 годах, хотя для этого отсутствуют веские доказательства. Тем не менее, совершенно очевидно, что саксонский Лестер был резиденцией очень важного графства, и резиденцией лордов, скорее всего, был замок.

Город и замок были переданы Завоевателем во владение Хью де Грентманилу, лорду соседнего графства и замка Хинкли, где также находится прекрасный курган; и чей сын Иво был вице-губернатором графства при Генрихе I. Фактическая собственность Грентманилов в Лестере составляла четвертую часть города; но не ясно, каким образом эта и многие другие части были приобретены Робертом де Бельмоном, графом Меллентом, который стал графом Лестером и умер в 1118 году, унаследовав замок и честь. “Juxta et infra castellum”, что удобно перевести как “снаружи, но сразу под стеной замка”, была коллегиальной церковью саксонского основания, посвященной святой Марии. Этот Роберт, вероятно, был строителем между 1106 и 1118 годами замка, включая холл, часовню и башню на кургане.

Роберт Боссу, второй граф, принял сторону Генриха I. Он укрепил и расширил замок. Он был основателем церкви Святой Марии де Пратис за пределами города; и, чтобы пожертвовать этим, он сократил церковный штат и выделил часть земель из фонда своего отца под замок. Он умер в 1167 году.

Роберт Бланчмейнс, его сын, третий граф, женился на Петронилле, наследнице Грентмайснилов, его предшественницы в Лестере, и вместе с ней получил Хинкли, Гроби (где также находится курган) и другие владения. Считается, что он расширил и укрепил замок, а его констебль Анкет Мэллори удерживал его против Генриха II, пока тот не сдал его по приказу графа. Кроме того, в тот же день Мэллори сдал замки Гроуби и Маунтсоррелл. И замок, и город были взяты, городская стена разрушена, и говорят, что часть между северными и восточными воротами так и не была восстановлена.

Роберт Фитцпарнелл, четвертый граф, умер бездетным в 1204 году, когда замок Лестер, а в 1206 году графство перешло к Саймону де Монфорду, который женился на Амиции, своей сестре и сонаследнице. После смерти в Ившеме их сына Саймона в 1264 году и его наследника графство и замок были переданы Эдмонду, второму сыну Генриха III., графу Лестеру и Ланкастеру, и с тех пор замок перешел к собственности Ланкастеров и до сих пор является частью одноименного герцогства.

Генри, граф Ланкастерский и Лестерский, основал больницу в Ньюарке, примыкающую к замку, в 1322 году, а работы были завершены Генри, его сыном, герцогом Ланкастерским, в 1354 году. Территория больницы составляла четыре акра. Она доходила до реки и охватывала замок с южной стороны, и в настоящее время к замку можно подойти только через Ньюарк, через его красивую сторожку.

Графы и герцоги Ланкастерские, должно быть, отреставрировали замок, поскольку они проживали здесь очень часто и со своей обычной демонстрацией. Когда Джон Гонт предоставил городу определенные привилегии в 1376 году, он сохранил за собой замок и его мельницу, а также арендную плату и услуги замкового двора и должность привратника. В 1390 году он с большой пышностью принимал в замке Ричарда II и его королеву.

В 1414 году, когда Генрих V созывал парламент в зале Серых монахов, он проживал в замке, и именно в большом зале замка проходил парламент 1425-6 годов, собрание Палаты общин в

апартаментах под ним, что, однако, вряд ли могло иметь место в буквальном смысле, поскольку зал находится на первом этаже. Вполне возможно, что современные кирпичные своды и камеры, построенные под полами зала для нужд полиции, могут заменить более старую подвальную конструкцию, в которую вел существующий подвал.

Генрих VI. был здесь в 1426 году, а в 1444 году замок и честь были включены в его брачное соглашение. В 1450 году в Лестере состоялся третий парламент, но проводился ли он в замковом зале, не указано. Эдуард IV. находился здесь в 1463 и 1464 годах, но с этого периода замок, похоже, был заброшен и пришел в сильный упадок.

Лиланд, посетивший Лестер около 1512 года, говорит: “Каменный замок на западном мосту в наши дни не имеет большого значения, и здесь нет ничего, кроме высоких валов или дамб. Так что я думаю, что апартаменты, которые сейчас там находятся, были возведены во времена войны баронов при Генрихе III. тайм, и есть большая вероятность, что замок был сильно разрушен во времена Генриха II. тайм, когда у валлов Лирчестера не было сырости”. (Итин., i, стр. 16.)

Скорость дает приблизительный перспективный вид замка и города, который, однако, очень нечеткий по отношению к первому. В 1633 году король приказал мистеру Херрику из Боманора убрать разрушенные части и продать их материалы; отремонтировать здание замка, в котором хранились записи о чести Ланкастера, и сохранить своды и лестницу, ведущие к нему, для использования в замковой башне. По этому поводу в 1633-4 годах была проведена инквизиция, и была зафиксирована ценность материалов, “за исключением зала заседаний и хранилища под старым замком, а также лестницы, ведущей к нему”. В этой инквизиции приводится несколько деталей, в основном о частях, которые сейчас удалены; и упоминаются как подлежащие ремонту “Кухня Джона из Грота”, несколько пристроек, принадлежащих Большому залу заседаний, и обломки в южном конце того же зала; также южные ворота и стена от этих ворот до Соар, которая отделяет замок от Ньюарка; также здание, которое должно быть отремонтировано “стена рядом с папертью церкви.” Под “крепостью”, без сомнения, подразумевается зал. Южные ворота и стена, ведущая к Парению, сохранились, как и стена рядом с (южным) крыльцом церкви.

Во время гражданских войн замок принадлежал королю. Затем он перешел к парламенту; был отвоеван королем в 1645 году и, наконец, уступил парламенту после Нэйсби. В ходе боев южные ворота, вероятно, были приведены в их нынешнее разрушенное состояние.

В 1781 году мистер Роджерс Радинг получил от герцогства договор аренды помещения, в котором указаны южные ворота, очевидно, оставшиеся в сторону Ньюарка, касл-хаус, несколько многоквартирных домов, гора и пристройки к замку, а также предусмотрено проведение заседаний в большом зале.

Замок стоит на юго-западной окраине города, недалеко от правого берега реки Соар, три канала которой соединяются под замком, и примерно в 20 футах над ним. Ближайший из этих ручьев - искусственный водоем, который снабжал касл-милл и до сих пор снабжает ее современного представителя. От линии замковой стены местность быстро идет под уклон и заканчивается полоской ровной земли, которая образует границу мельничного леата, в этом плане очень напоминающего по тону речной фасад замка Тонтон.

Замок, по-видимому, состоял из насыпи в его юго-западной части; зала и других зданий на западе или берегу реки; церкви Святой Марии де Кастро напротив зала; и с восточной стороны сторожки между церковью и насыпью; еще одной сторожки к северу от церкви и

стены, которая проходит к востоку от церкви и образует часть восточной границы ее погоста. Есть также мельница, которая, хотя и современная, находится на древнем месте.

Территория, в пределах которой находятся эти останки, известна как “Вид на замок”. Это, очевидно, представляет собой территорию нормандского и, вероятно, саксонского замка и сохранилось как отдельный и, частично, внепастошественный округ, принадлежащий герцогству Ланкастер. Вид на замок имеет почти квадратную форму и может включать четыре или, возможно, пять акров. В 1861 году ему вернули название “Либерти оф Касл Вью”, в нем проживало 29 домов и 131 человек. Границами являются линии древнего окружающего рва, или почти так. На юге они отделяют замок от Ньюарка, включая только насыпь. На востоке они проходят по линии от нынешней южной сторожки у старой стены, а оттуда по краю дороги вниз к мельнице, включая дом и сад, пристроенные к Дому Заседаний. Ров везде засыпан, но в саду к северу от Зала линия стены отмечена ступенью от 8 до 10 футов.

Эта линия включает церковь Святой Марии, которая когда-то была коллегиальной церковью или часовней замка. Если дело в том, что замок был расширен Робертом Боссу, то вполне вероятно, что более старая защита просто исключила церковь и заняла линию нынешней верхней сторожки, отрезав погост и церковь и поместив последнюю “вплотную и под” стеной замка. Церковь Святой Марии стала приходской в 1400 году, остальная часть Вида оставалась вне прихода, и не исключено, что это было восстановление церкви ее церковного положения до того, как она была включена в состав нормандского военного округа.

Курган, хотя и широкий, в настоящее время менее высокий, чем обычно в более важных саксонских замках, поскольку 40 лет назад он был понижен на 12 или 15 футов. Сейчас он имеет около 30 футов в высоту и 100 футов в диаметре на своей круглой вершине, которая довольно плоская, без следов старой постройки на ней. Сейчас у него нет рва, и он не соединен с древней стеной; но, хотя, вероятно, он находится внутри древнего *оцепления*, он, возможно, как в Уорике и Тамворте, действительно составлял его часть. Первоначальный колодец все еще находится в насыпи и используется.

Нынешний зал был частью собственно замка. Это продолговатое сооружение, похожее на Окхэм и Винчестер, состоящее из нефа и двух узких проходов. Неф расположен с севера на юг и имеет размеры примерно 60 на 25 футов, имеет фронтоны с обоих концов и открытую скатную крышу. С 1633 года, а возможно, и раньше, он использовался в судебных целях и был разделен на три части: гражданский и уголовный суд, а между ними вестибюль, а над ним комната для заседаний большого жюри. Чтобы расширить дворы, старые дубовые столбы или опоры с резными нормандскими колпаками были сняты, восточный проход перестроен или облицован, а западный проход отгорожен стеной для комнаты отдыха и проходов. Его старые части также скрыты панелями и перегородками. Сохранилась первоначальная южная стена нефа. В нем два окна с круглыми выступами, опирающиеся на ниточку, или врезку в стену, с простой лепниной со скошенными углами. Окна маленькие и простые, а в нишах почти нет выступов. По бокам от них расположены два тонких отдельных восьмиугольных стержня, возможно заменяющих цилиндрические, с нормандскими капителями, а верхняя часть каждого углубления окружена единственной яркой полосой шевронного литья. Вверху, у вершины фронтона, есть третье маленькое окошко с отверстием примерно в 2 фута, все довольно простое. Внизу небольшая нормандская дверь, но, по-видимому, вставлена совсем недавно. Однако это может означать проход на кухню, который находился в этом конце.

Противоположная, или северная, торцевая стена, образующая боковую часть гражданского суда, тоже кажется старой, но настолько оштукатурена и заострена, что изнутри ее

невозможно разглядеть. В нем есть большое круглое окно, вероятно, современная вставка. Снаружи основание стены кажется оригинальным, а в конце восточного прохода виден оконный косяк.

Стена западного прохода, обращенная к реке, оригинальна и с обоих концов обрамлена контрфорсами, вероятно, датированными временем. На рисунках прошлого века это здание показано в виде прохода, но его подняли, и теперь оно образует комнату отдыха судьи позади каждого суда и лестницу между ними. В подвале расположены офисы. В этом проходе есть одно оригинальное окно у южного торца, плоское, заостренное, с простыми косяками, а голова украшена единственной шевронной лентой. Косяки были облицованы кирпичом.

Пол зала находится на уровне земли, но он был в значительной степени раскопан и теперь содержит несколько камер и сводчатые проходы к ним под двором. В этих хранилищах нет ничего древнего.

До недавнего времени в южной части суда находилось несколько небольших зданий более низкого качества. Теперь их заменила комната для адвокатов. Кухня простояла здесь до 1715 года, когда ее убрали. Под кухней находится очень красивое хранилище, возможно, 40 футов в длину и 15 футов в ширину, западная стена которого является первоначальной внешней стеной замка. Свод сделан из превосходного тесаного дерева, слегка четырехцентровой и явно перпендикулярной работы. В северном конце находится дверь, ныне замурованная, ступени за которой вели в холл. В другом конце тоже дверь. Очевидно, это был подвал, и прекрасный.

В саду к северу от холла, без сомнения, располагались главные апартаменты старого замка. Здесь находился замковый дом семнадцатого века. Нормандской прямоугольной крепости там, конечно, не было.

Сторожка, ведущая в Ньюарк, выходит из замка фасадом наружу. Он небольшой, с порталным проходом, сторожкой и поворотной лестницей, а на верхнем этаже, ныне превратившемся в руины, находится камера с опускной решеткой и две другие комнаты. Его арки четырехцентровые. Он имеет широкую пустотелую лепнину перпендикулярного периода и квадратную канавку для опускной решетки за внешним входом. Внутри была дверь, открывающаяся внутрь. Центральная часть портала была заколочена досками. Структура хорошая, очень ранняя, перпендикулярная, работа, без сомнения, графа Ланкастера.

Верхняя, или северная, сторожка построена из дерева и, вероятно, датируется эпохой Тюдоров. Он стоит недалеко к северу от западной оконечности церкви, с которой до недавнего времени был соединен несколькими деревянными домами, использовавшимися пребендариями. Они были снесены.

Части церкви выполнены в нормандском стиле, а северный придел, по-видимому, датируется временем постройки зала замка и, следовательно, является частью работы Роберта де Белломона. В западной стене прохода есть небольшая дверь, которая вполне могла открываться со двора замка.

В этом дворе, перед залом, находится небольшой холмик, на котором недавно были найдены два скелета без голов, голова каждого лежала на груди. Таким образом, это было место казни перед залом суда.

Если суды графства Лестер когда-нибудь разместятся в более центральном или удобном здании, следует надеяться, что зал замка будет лишен своих неподобающих пристроек и восстановлен в своем первоначальном виде, когда, вероятно, будет обнаружена какая-то правильная информация о сводах и фундаментах зданий одиннадцатого века.

Лестерский замок, каким бы изуродованным он ни был, все же является прекрасным образцом нормандской крепости на более раннем месте. Последнее, представленное насыпью, первое - залом и часовней, в совокупности представляют собой хороший пример нормандской практики размещения собственно замка на ровном месте и обращения с насыпью как с частью внешней обороны.

Нельзя не похвалить мистера Уильяма Нейпира Рива, заместителя констебля замка, за его заботу о зале, вверенном его попечению. Батон, которым констебль или он сам пользовался во всех торжественных случаях, является частью одного из первоначальных нормандских столбов, поддерживавших крышу нефа; и столб, судя по его огромным размерам, несомненно, был старым деревом, когда строился замок, и, следовательно, находился в росте, когда был возведен курган, работа Этельфлед.

ЗАМОК ЛЕЙБОРН, ГРАФСТВО КЕНТ.

ЭТОТ замок, владельцы которого сыграли значительную роль в более ранних смутах XIII века, когда двое из этой фамилии были призваны в качестве баронов, стоит на обочине дороги, рядом с одноименной приходской церковью, между Снодлендом и Уэст-Маллингом, в графстве Кент, и недалеко от древнего поместья Невиллов Бирлинга.

Здание, судя по его нынешним остаткам, едва ли соответствует богатству его покойных хозяев и, кажется, никогда не было более обширным. Часть стен может быть датирована Нормандией, но общий вид относится к эпохе Генриха III, а ворота могут принадлежать Эдуарду III.

Самая совершенная часть - это ворота, остроконечная ребристая арка, которая открывается между двумя смелыми барабанными башнями, расположенными необычно близко друг к другу. Над порталом находится прорезь шириной около 3 футов и глубиной 6 дюймов, направленная вниз и наружу и очень напоминающая большое отверстие почтового отделения. Узкие размеры этого отверстия, его прямые стороны и толщина стенки не позволили бы использовать его для сбрасывания снарядов, и даже в горизонтальном положении дальность его действия была бы очень ограничена. Возможно, они предназначались для проливания воды, предположив, что внешние ворота подверглись нападению огня.

Немного впереди этой стены, по обе стороны от дверного проема, находится паз для опускной решетки, прямоугольный, а не полукруглый, как обычно; и эти пазы, вместо того чтобы подниматься вверх в виде выступа или щели во входном своде, из-за чего решетка при поднятии почти не видна, поднимаются перед дверью примерно на двойную высоту, так что решетка всегда будет полностью видна, как снизу, так и сверху. Цепи, на которых он висел, также видны, они поднимались через механизм на уровне крепостного вала, образованный путем перекидывания плоской сегментарной арки от башни к башне параллельно воротам и

стене над ними примерно на 18 дюймов впереди. Это устройство, замеченное в Ните и других местах, позволяло сбрасывать камни или тяжелые снаряды с минимальным риском для тех, кто их использует.

Перед пазами опускной решетки два боковых отверстия на уровне дверного порога показывают, где находились оси подъемного моста. Яма для моста и ров теперь засыпаны. Задняя часть сторожки и входное хранилище разрушены.

Можно проследить неправильные очертания замка, сохранились две отдельные группы руин с парой барабанных башен; но нет ничего, представляющего какой-либо особый интерес, за исключением ворот и их укреплений.

ЗАМОК ЛИНКОЛЬНА.

Говорят, что когда “дьявол взглянул вверх Линкольна”, он улыбнулся дорогостоящей преданности человека. Но если улыбка заклятого врага человечества была, как и следовало ожидать, насмешкой над попытками человека добиться прогресса, то повод для нее был выбран на редкость неудачно, поскольку во всей Британии было бы трудно найти участок, ради благополучия которого человек прилагал бы столько усилий и с таким успехом. Две тысячи лет назад эта широкая, но не непрерывная равнина, простирающаяся от Уоша до Хамбера, от Трента и возвышенностей Ноттингема и Дерби до Германского океана, состояла из засушливой пустоши и мавританских болот, что мало способствовало материальной поддержке человека и, вероятно, ничего не способствовало его моральной культуре. Охотничьи животные, рыбы и водоплавающие птицы делили территорию с дикими ордами, но мало отличались от животных, на которых они охотились. Постепенно, многими поколениями людей, трудясь на протяжении многих веков, были достигнуты великие свершения. Болото было перекопано и осушено, а вересковая пустошь возвращена, так что все пространство теперь покрыто зелеными пастбищами и богатыми корнеплодами, и год за годом осеннее солнце отражается от широких полей, колышущихся золотыми зернами.

Мораль также не стояла за материальным прогрессом. От покрытого замками холма Бельуар до скал Ньюарка и Ноттингема и увенчанного короной мыса Линкольн земля изобилует творениями человека. Конструктивный вкус и мастерство многих поколений, а также их глубокое религиозное чувство представлены богатым разнообразием церковной архитектуры, от грубой и примитивной башни Бартон до величественных шпилей Лаута и Ньюарка и великолепного фонаря Бостона; церкви и школы, особняки и усадьбы, “башня и деревня, купол и ферма” - безошибочные свидетельства мира, процветания и цивилизации. Здесь также можно увидеть небрежно разбросанные провалившиеся арки и разрушенный проход, увитые плющом руины и богато украшенные резьбой фрагменты многих религиозных зданий, которые делают приятным изучение глубокой древности и напоминают нам, что было время, когда каждое из них было центром евангельской истины и ранней и благотворной цивилизации, обителью людей, которые в свое время хорошо трудились, и основали те, кто...

“Так сильно любил Церковь и так много отдавал ей,

Они думали , что это должно было укрыть их кости

До вторника”.

Кое-что из всего этого доступно пониманию простого смертного, и гораздо больше тому, кто добавляет к материальной перспективе знания о прошлом и отдаленном будущем. Верно, что видение, открывшееся таким образом с охраняемой горы Линкольна, не идет ни в какое сравнение с тем гораздо более широким и благородным взглядом с более возвышенной вершины, на описание которой Мильтон одним сверкающим свитком излил весь поток своей учености, озаренный огнем своего гения, но, тем не менее, это то, от чего исследователь прошлого вполне может получить удовольствие.

Сам линкольн густо испещрен следами прошлого. Британец, римлянин, саксонец, датчанин, англичанин и норманн последовательно были хозяевами земли, и каждый оставил свой след либо в материальных следах, либо в номенклатуре, еще менее подверженной разложению. Великий историк, наш главный авторитет также в вопросах топографии, заявил, что земляные укрепления к северу от города имеют британское происхождение. Если это так, то они должны быть работой тех романизированных бриттов, которые пытались, хотя и тщетно, отстоять свою страну от пиктов и скоттов, а также от скандинавских орд из-за Германского океана, и которые, прилагая такие усилия, продемонстрировали некоторое значительное знакомство с римскими правилами кастрации, хотя, казалось бы, они не соответствуют работам в масонстве, которыми так славился этот народ. Вывод о том, что эти земляные сооружения принадлежат если не римлянам, то ранним постримским британцам, основывается на том факте, что их очертания прямоугольные и что ограждение разделено почти поровну римским способом.

Следы более ранних бриттов, изгнанных римлянами, действительно незначительны и, вероятно, ограничиваются несколькими почти стершимися укреплениями и корнями таких имен собственных, как “Дурномагус”, “Сегелокум”, “Бановаллум” на реке Бэйн и “Линдум”, названий, которые, вероятно, подобно “Эборакуму” и “Лондину”, представляют собой более раннее название. Курган в Райзхольме, если он является захоронением, может, конечно, быть любого возраста; но этот район, обладающий лишь немногими из тех величественных черт, которые обычно первыми получают свои названия и последними теряют их, не сохранил явных следов своих первобытных обитателей.

Останки их преемников носят совершенно иной характер. Императорская владычица мира повсюду оставляла следы своего влияния, которые нелегко было стереть. Ее военные действия также были рассчитаны — “мирный ход важнее всего”. От станции в Линдуме большие дороги расходились в нескольких направлениях и сохраняли ту легкость сообщения, которую обычно стремятся установить цивилизованные завоеватели.

В современном городе Линкольн хорошо представлен римский Линдум. Римские стены толщиной от 10 до 12 футов и высотой от 20 до 25 футов включали в себя почти прямоугольную территорию, внутри которой находилась возвышенность верхнего города. Северный, или верхний, конец этого ограждения был отрезан поперечной стеной и образовывал военный квартал протяженностью 385 ярдов к северу и югу, в среднем на 517 ярдов к востоку и западу. Из четырех ворот вокзала те, что к северу, на Эрмин-стрит, до сих пор носят название, которое, должно быть, пошло от того времени, когда оно было впервые возведено, и когда оно, вероятно, заменило более раннее сооружение, и называется Нью-порт. От противоположных, или южных, ворот сохранился только один косяк. Что касается восточных ворот, то место известно, и несколько их очень своеобразных камней встроены в прилегающие ограждения. Западные ворота были открыты несколько лет назад, но, поскольку арка поддалась в процессе строительства, ее убрали. От стен, соединявших эти ворота, сохранились некоторые фрагменты. Один расположен к западу, а другой к востоку от северных ворот, и к югу от северо-восточного угла есть значительный массив,

увенчивающий который, были обнаружены фундаменты круглой башни внутреннего диаметра 9 футов. Есть также фрагмент стены на склоне так называемого кургана обсерватории, немного западнее остатков южных ворот. Внешний ров, также более или менее римский, местами очень совершенный, широкий и глубокий вдоль северного фасада и, хотя и более узкий, глубокий и хорошо сохранившийся около северо-восточного угла. На территории также находятся боковая стена и часть фасада значительного здания, известного, вероятно, по его средневековому использованию, как Монетный двор. Внешние римские стены возведены на естественном грунте, хотя земля насыпана к их внутренней поверхности в виде ската или террасы.

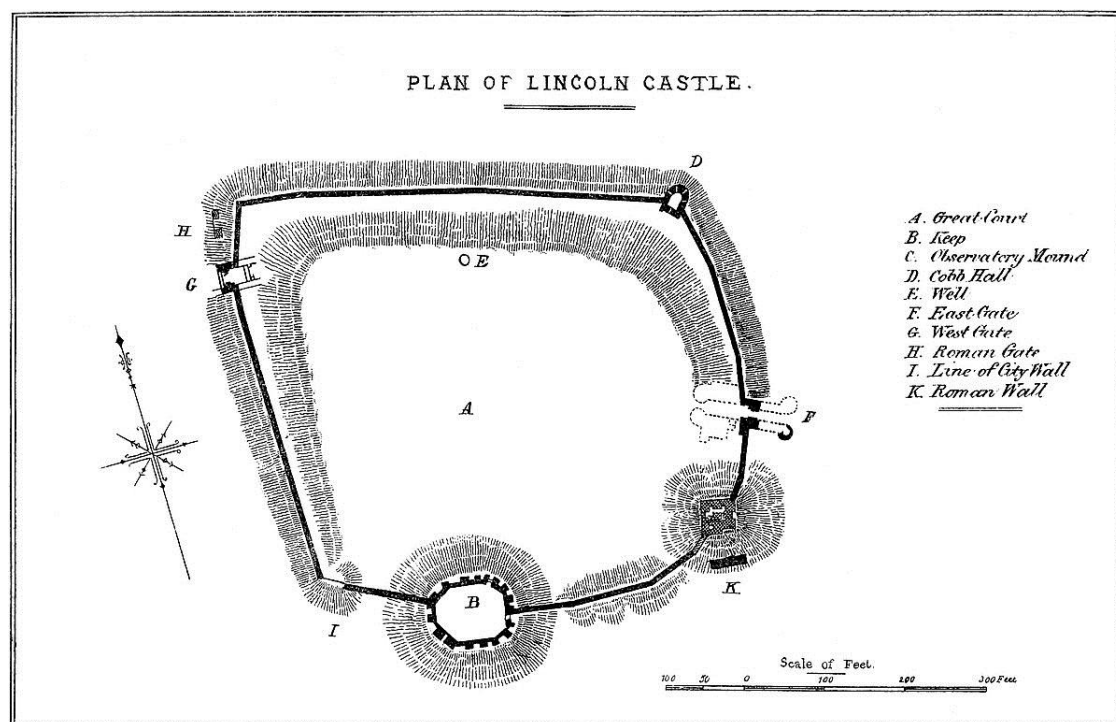
Южная половина римского вокзала разделена между кафедральным собором и замком, церковь, хотя и более поздний владелец, занимает большую половину. Однако между уходом римлян и возведением земляных укреплений замка, должно быть, прошло несколько столетий, в течение которых римские стены были разрушены, а находившиеся на них постройки опустошены, о чем свидетельствует полуразрушенное состояние тех оставшихся частей, которые были найдены погребенными под сооружениями замка.

Английская крепость расположена в юго-западной части римского вокзала, и ее очертания, примерно четырехсторонние, без сомнения, определялись линиями двух соседних римских стен. Он стоит на гребне крутого склона, покрытого, как во времена римской империи, городом, и спускающегося примерно на 200 футов к реке. Он находится внутри массивного земляного вала шириной от 50 до 80 ярдов и высотой от 20 до 30 футов, с легким внутренним уклоном, внешне крутым, и который, хотя по существу находится на территории Рима, выходит своими краями за линию стены, так что римские западные ворота были найдены погребенными под его основанием, а фрагмент южной стены все еще виден выступающим через ее склон. Этот берег имеет размеры на северной стороне 180 ярдов, на южной - 170 ярдов, на восточной - 134 ярда и на западной - 163 ярда. Здесь, как и в Йорке, очевидно не только то, что эти земляные укрепления относятся к послеримскому периоду, но и то, что римские стены были полностью разрушены до того, как были возведены земляные валы. Площадь ограждения может составлять от 6 до 7 акров. Под юго-восточным углом берег переходит в большую коническую насыпь высотой около 40 футов и диаметром 50 футов наверху. Кроме этого, есть второй, более крупный курган, высотой около 40 футов и диаметром 100 футов на вершине, который был цитаделью или крепостной башней этого места и местом расположения зала его английского лорда. Этот курган, хотя и находился недалеко от центра южного фронта, не был непрерывной частью регулярного земляного вала, который он здесь заменил. У него был свой собственный круговой ров, сообщающийся снаружи с обычным рвом этого места и составляющий его часть, что все же очевидно, несмотря на значительное засыпание.

Таким образом, будет видно, что замок Линкольн, что касается его земляных укреплений, относится к тому типу английских крепостей, в которых насыпь имеет надлежащий ров и расположена с одной стороны прилегающей территории, также с ее берегом и рвом. Общая площадь, которая в Виндзоре, Арунделе и Беркхэмпстеде имеет продолговатую форму, соответствующую контуру земли, здесь, как и в Тонбридже, Тикхилле и Клэре, где земля не сильно обозначена, ближе к более плотной фигуре, две стороны которой и ограниченный угол определяются линией старой римской стены. В целом, эти крепости во многом похожи, и все они принадлежат к тому классу крепостей, которые, как известно, были построены англичанами в девятом и десятом веках и примерно в то же время скандинавскими поселенцами в Нормандии. Два холма, хотя и небезызвестных, встречаются редко. В Льюисе их два, по одному на каждом конце продолговатого ограждения. В Херефорде, помимо

сторожевой насыпи, ныне снесенной, есть земляная насыпь в северо-восточном углу внешней территории, являющаяся частью насыпи, а в Кардиффе также, помимо сторожевой насыпи, есть две земляные насыпи в северо-восточном и юго-восточном углах ограды, образующие, чего там нет у сторожевой насыпи, часть насыпи. Такие второстепенные насыпи не редкость на земляных работах всех эпох и полностью отличаются от большого изолированного кургана со рвом, который придает характер земляным работам девятого и десятого веков, как в Англии, так и в Нормандии.

ПЛАН ЗАМКА ЛИНКОЛЬН.

Wyman & Sons, G^t. Queen St^l. Лондон.

- А. Великий Суд
- Б. Продолжать
- Курган С. Обсерватории
- Д. Кобб - Холл
- Э. Ну
- F. Восточные ворота
- Г. Западные ворота
- X. Римские ворота
- I. Линия городской стены
- K. Римская стена

Когда в 1068 году Завоеватель прошел маршем из Йорка в Кембридж, он остановился в Линкольне, уже тогда очень важном месте, огороженном забором и густонаселенном, еще не имевшем кафедрального собора, но насчитывавшем 1150 жилых домов, ведущем члене знаменитой датской гражданской конфедерации, которым управляли двенадцать представителей закона, которые в других местах обладали полномочиями, осуществляемыми территориальными лордами. Когда он пересек укрепление, прикрывавшее северный фронт, и вошел в город через мощные римские ворота, которые все

еще использовались, он не мог не оценить силу и важность этого места, которым ему, по-видимому, было позволено мирно завладеть. Здесь, как и в Йорке и Кембридже, он сразу же приказал превратить английскую крепость в нормандский замок. Каково было точное состояние существующих работ или что было немедленно выполнено по приказу Вильгельма, мы не знаем; были, конечно, защитные сооружения, вероятно, из дерева, вдоль гребня берега и на вершине насыпи, но приказал ли Вильгельм просто укрепить их или заменить их стенами, подобными тем, которые использовались в Нормандии, не сообщается; вероятно, первое: поскольку время поджимало, а подобных работ предстояло выполнить по всей Англии, было важно немедленно обеспечить убежище для нормандского гарнизона. Несомненно, что 166 домов, которые, как мы узнаем из "Судного дня", были разрушены, чтобы освободить место для замка Линкольн, не были снесены для расширения его территории, поскольку нормандские стены стоят на английских берегах. Вполне вероятно, что во время долгого и процветающего правления Исповедника было разрешено строить дома на склонах и ледниках рва и, возможно, фактически внутри крепости. С этим, конечно, нельзя было мириться, и, вероятно, удаление было зафиксировано. Но если и использовалась древесина, то, конечно, только до тех пор, пока не были произведены каменные работы, и, что бы ни выполняли офицеры Завоевателя на самом деле, не может быть никаких сомнений в том, что они или их непосредственные преемники спроектировали ворота, стены и башни замков в том виде, в каком они стоят сейчас.

Замок расположен в юго-западной части римского вокзала, высоко над городом и долиной реки Уитам, которые лежат к югу и востоку от него, и несколько искусственно приподнят над плоскогорьем к северу и западу. Его обнесенный стеной *корпус* находится как раз в пределах римской территории, к прилегающим границам которой его южный и западный фронты примерно параллельны. Навесная стена, весьма примечательное и, в целом, очень совершенное сооружение, построена на гребне или центральной линии земляного вала и, следовательно, занимает то же пространство и имеет в окружности около 650 ярдов; ее толщина составляет от 8 до 10 футов, а высота от 30 до 35 футов или даже 40 футов, на ней много изделий из селедочной кости, и, несомненно, нормандского, а возможно, и ранненормандского времени. Напротив большого кургана, там, где заканчиваются земляные валы, стена продолжается поперек рва и вверх по склону кургана, как в Тамворте и Тонбридже. Чтобы он мог достигать уровня зубчатых стен крепости, его поднимают по ступенькам до точки соединения, и там находятся камеры, которые удобнее описать с помощью замка.

В стене есть двое главных ворот: одни на востоке, ведущие в верхний город, напротив Казначейских ворот Закрытия, а другие на западе, ведущие прямо в поле. Кроме них, есть небольшая дверь, ведущая на юг, в нижний город, и дверь в цитадели в том же направлении.

Главный вход расположен в восточной стене примерно в 40 ярдах от ее юго-восточного угла. Западные ворота находятся в западной стене, примерно в 30 ярдах от северо-западного угла, который по длине откинут назад под очень тупым углом, вероятно, чтобы избежать остатков римских западных ворот, которые стояли примерно в четырех ярдах перед ними. И восточные, и западные ворота датируются Нормандией и изначально были очень похожи, каждый из них представлял собой простую арку, расположенную в прямоугольном проеме или нише в стене шириной 18 футов и глубиной 10 футов, а не, как это было более обычно, в обычной квадратной сторожке, как в Тикхилле, Порчестере и Шерборне. Отсек, возможно, был закрыт сзади поперечной стеной со вторым арочным проходом, указание на который есть у западных ворот. Там была верхняя комната с деревянным полом. У восточных ворот арка полностью центрирована, имеет проем в 14 футов, без фаски, фальца или какого-либо

орнамента. Вероятно, там есть паз для опускной решетки, но если это так, то он загроможден и полностью скрыт деревянной обшивкой современных дверей. Несомненно, что главный вход в нормандский замок никогда не мог быть устроен так, чтобы не было перекладки, на которую нажималась бы дверь при закрытии, и, вероятно, фитинг состоял из кольца из камней, вставленных, как в дверном проеме в поперечной стене Рочестерского замка, без скрепления, во внешнюю арку. Над дверью находится стрельчатое окно, вероятно, раннеанглийское или с ранним декором. Позже, в украшенный период, эти ворота были замаскированы фасадом, содержащим смелую равностороннюю арку, исходящую из двух угловых выступов, за которыми виден нормандский дверной проем. Вверху два внешних угла увенчаны двумя круглыми башенками, выступающими из угла и возвышающимися примерно на 6 футов, а между ними под небольшим углом выступает занавес, выступающий над входом. Расположение необычное, но эффект хороший. Говорят, что в башнях были лестницы, поднимающиеся с верхнего этажа на зубчатые стены, но сейчас к ним нет доступа. С каждой стороны от входа выступали боковые стены. Через ров, и между ними, был подъемный мост, следы выемок для работы которого сохранились до сих пор. Вход обрамляли два каменных льва, фрагмент одного из которых сохранился в замке; внутренние пристройки к этим воротам полностью современные.

Западные ворота того же возраста и рисунка, к счастью, давно были замурованы и поэтому избежали переделок. Здесь виден паз опускной решетки и имеется откид для двери, хотя и скрытый поперечной стеной. Здесь также есть то, что выглядит как перекидывающаяся через внутреннюю поверхность залива арка, хотя нормандские фресковые башни иногда, как в Ладлоу, оставляли открытыми, чтобы их закрывали только ручной работой. На верхнем этаже есть два маленьких нормандских окна спереди и маленькая дверь с плоским верхом, но с круглой рельефной аркой; она выходила на зубчатые стены барбакана. От этого барбакана, который состоял из двух боковых стен и внешних ворот, сохранились северная стена и часть южной. Стена поднимается до уровня верхнего этажа сторожки, выступает примерно на 30 футов и имеет толщину 7 футов. Каменная кладка, очевидно, датируется постройкой ворот и содержит некоторые изделия из селедочной кости. Подъезд, должно быть, был очень крутым, так как подоконник ворот находился на несколько футов выше уровня откоса.

Еще одно произведение нормандского времени - прямоугольная башня размером примерно 25 на 40 футов, расположенная на вершине юго-восточного кургана; она двухэтажная, сводчатая и построена в основном из тесаного камня; в ней есть хорошая прямая лестница с фресками. В украшенный период к нормандской работе был добавлен фасад на восточной стороне, также двухэтажный, по бокам от которого расположены две квадратные башенки, в результате чего вся башня достигает площади 40 футов. Особенность этой башни в том, что вместо того, чтобы примыкать к занавесу, она немного отодвинута от его линии. Наверху была пристроена современная беседка, и все это носит название Обсерватории.

В занавесе, у подножия горы обсерватории, и между ней и башней, находится остроконечная рельефная арка, а под ней, под грубой плоской перемычкой, сложенной из двух больших камней, находится маленькая дверца, либо никогда не открывавшаяся, либо закрытая в очень ранний период. Эта арка, несомненно, поздненормандская и, похоже, датируется той же датой, что и та часть занавеса, в которую она встроена.

Крепость, также нормандская, является необычайно совершенным примером крепости-ракушки. В плане это несколько неправильный многоугольник, 64 фута к северу и югу на 74 фута к востоку и западу внутри стен, толщина которых около 8 футов. Внутри он имеет двенадцать сторон неправильной длины. Снаружи их пятнадцать, и каждый угол увенчан

широкой плоской пилястрой, все они поднимаются от общего постамента. Примерно на двух третях высоты имеется выступ, общий для стены и пилястры; последняя также имеет рельефную рулонную лепнину. Стена имеет высоту 20 футов до прохода к крепостному валу. Парапета больше нет. Крепость стоит на линии занавеса, который примыкает к ней с противоположных сторон; разделяя ее таким образом, что снаружи стены восемь граней, а внутри семь. Главный вход представляет собой арку высотой 7 футов по центру, установленную в широком выступающем контрфорсе или пилястре, обращенном на северо-восток. Арка самого дверного проема и его внутренней ниши состоит из сегментов. Опускной решетки не было, а на двери был прочный деревянный засов. Над внешней аркой находится молдинг капота со светлым нормандским орнаментом, который, как говорят, является реставрацией с оригинала. В настоящее время к двери ведет прямая крутая лестница, и они, хотя и современные, вероятно, представляют собой первоначальный способ подхода. Есть еще одна дверь, поменьше, по диагонали напротив главной двери, на юго-западе; она довольно простая, арки сегментарные, внешняя сильно растопырена. Ширина проема 5 футов 6 дюймов. На восточной стороне за занавеской есть следы чего-то вроде третьей двери, открывающейся из ниши в стене. Напротив этого, в западной стене, есть еще один проем, также шириной 12 футов, но без следов отверстия. В стене крепости нет петель, никаких следов каких-либо зданий на ее территории, также там не было обнаружено никаких фундаментов. Совершенно ясно, что любое жилое помещение там было предусмотрено с помощью деревянных конструкций, установленных у стены, оставляя открытый двор в центре. На каменной кладке есть указания на верхний этаж. Там, где две завесы соединяются с крепостной стеной, каждая из них содержит на уровне крепостного вала камеру с фресками, примерно 6 футов в ширину и 12 футов в длину, пол которой находится примерно в 10 или 12 футах от земли. Эти комнаты заросли ежевикой и недоступны, но в них нет двери, ведущей к крепостным валам занавеса, и, по-видимому, в них входили из верхней части башни; та, что к западу, представляет собой гардеробную, с петлей и выступом на северной или внутренней стороне; в другой есть только петля, и та выходит наружу: говорят, что одна из них была сводчатой, своды опирались на колонны по углам. Вероятно, это то, что ближе к востоку, и, возможно, это была оратория, как в Арунде.

Вышеупомянутые сооружения, занавес, ворота, башня обсерватории и цитадель содержат единственную нормандскую каменную кладку, сохранившуюся до наших дней. Занавес, из-за своей большой длины, на редкость лишен фланкирующих башен. Под юго-западным углом стена была открыта широким проломом и застроена, и там, возможно, стояла башня, но более вероятно, что здесь было соединение с городской стеной.

Как правило, нижние две трети занавески выглядят намного старше верхней части, а линия соединения очень неровная, как будто стена долгое время находилась в аварийном состоянии. Возможно, это было так; но, поскольку чрезмерная толщина не уменьшается, представляется более вероятным, что новая работа ограничится облицовкой. Без сомнения, когда замок был взят графством, со стенами многое было сделано; но в то время они вряд ли могли быть намного ниже, чем сейчас, поскольку восстановление их нынешней толщины потребовало бы больших и совершенно ненужных затрат.

Работа из селечной кости носит поверхностный характер и ограничивается облицовкой, а не, как в римской работе, проходит сквозь толщу стены. Мистер Уилсон в своей статье об этом замке утверждает, что, когда во время какого-то ремонта были открыты основания занавеса, было обнаружено, что они снабжены чем-то вроде деревянного каркаса, скрепляющего все вместе. Такая мера предосторожности часто принималась нормандскими строителями, вплоть до установки стяжек в надстройке, особенно там, где работы велись на

подготовленном грунте. Полости, оставленные распадом таких шпал, видны в Рочестере и других местах.

Есть фланговая башня, венчающая северо-восточный угол этого места, вставка, хотя неизвестно, заменила ли она нормандское сооружение. Он называется “Кобб-холл” и в плане имеет слегка подковообразную форму, с удлиненными сторонами и квадратной задней частью. Его ширина 25 футов, а длина 40 футов. В нем есть подвал и первый этаж, оба перекрыты остроконечными сводами с глубоко загнутыми петлями в сторону поля. В подвал ведет люк и лестница, а на верхний этаж и зубчатые стены - каменная лестница. Судя по кольцам, врезанным в стену, когда-то это была тюрьма. Его называли часовней, вероятно, потому, что его круглый или апсидальный конец обращен на северо-восток.

На северной стороне большого ограждения есть глубокий колодец, который все еще используется, и дно которого недавно было расширено до цистерны. Замок стоит на оолитовой скале и построен в основном из этого материала, выложенного в виде грубо обработанного щебня, но крепость, башня обсерватории и декоративные элементы выполнены в основном из тесаного камня.

Трудно составить однозначное мнение относительно возраста нескольких каменных работ, сохранившихся в этом замке. Два прохода и большая часть занавеса, особенно его северная и западная стороны, вероятно, выполнены в ранненормандском стиле. Крепость и башня-обсерватория позже были выполнены в том же стиле. Судя по небольшому заднему входу, занавеса между обсерваторией и крепостью и, вероятно, часть за ней, также поздненормандская; то есть английская защита крепости была заменена последней, и прошло столетие, прежде чем изоляция ее насыпи была нарушена переносом занавесы через рвы и завершением ее общего *окружения*. В целом представляется вероятным, что нижняя ступень двух ворот и более старая часть занавеса были построены во время правления Завоевателя или, во всяком случае, до конца одиннадцатого века. Сторожевая башня и обсерватория, вероятно, были построены, верхний этаж надстроен над воротами, а занавес поднят и достроен во времена правления Стефана, который предоставил Джернонсу, графу Честерскому, вместе с замком и городом Линкольн разрешение укрепить башню в замке и удерживать ее до тех пор, пока он не вернет себе свой собственный замок Тикхилл, — и даже тогда, когда он сдал Линкольн, он должен был сохранить свою собственную башню, которую его мать, графиня Люсия, укрепила в замке, в котором он также должен был сохранить наследственную должность констебля. Поскольку цитадель была единственной частью замка, которой можно было пользоваться независимо от остальных, хартия, должно быть, относилась именно к ней. Любопытно, что в Тикхилле также должны быть насыпь и многоугольная крепость.

Что касается более поздних работ, Кобб-холл и пристройки к башне обсерватории и восточным воротам, вероятно, являются работой Томаса Ланкастера, графа Линкольна, который владел замком с 1312 по 1322 год. В Свитке от 2 Иоанна, 1200 г. н.э., зафиксирована плата констебля замка Линкольн в размере 20 фунтов стерлингов за ремонт новой башни, вероятно, цитадели.

Пристройки, предпринятые Завоевателем для укрепления холма, и без того сильного как по своей природе, так и благодаря искусству, сделали Линкольн при нормандской династии еще более важным городом, чем он был при прежних правительствах. Его замок был почти неприступной крепостью, удерживаемой сувереном или для него в очень важном подразделении Англии; но это было подразделение, сильное своими реками и болотистой местностью, своими чувствами англичан и полного недовольства ими, и открытое для

визитов датчан, уже не как врагов, а как союзников в деле народа. Его положение, господствующее над всем графством, бросало вызов сравнению с Бельвуаром, который получил такое же усиление, и Ноттингемом, на склоне которого в то время возводилась первоклассная прямоугольная крепость; но что подтверждало его центральную власть и ставило его намного выше любых замковых возвышенностей графств Мидленда, так это признание холма центром важного епископства и основание Ремигиусом величественного здания, которому многие последующие столетия придавали красоту и величие.

Замок долгое время оставался частью королевских владений, но управлялся констеблями, чьи должности иногда считались наследственными, а в одном очень важном случае их занимала леди. Всегда занимавший сильную позицию, он стал особенно ценным после смерти Генриха I. Когда между его дочерью и племянником разразилась долгая гражданская война, и той или иной стороной были укреплены все существующие замки и построено огромное количество новых. В таком состоянии анархии замок стал жизненной необходимостью, и епископы соперничали с баронами-мирянами и даже превосходили их в образцах военной архитектуры. Шерборн, Малмсбери и сильные и великолепные Девизы были работой епископа Роджера Солсберийского, так же как Ньюарк и Слифорд - его племянника Александра Линкольнского, а замок Эли - Джайлса, другого племянника и прелата этого престола. Дарем также удерживался своим епископом, и Окрестности Личфилда были сильно укреплены.

Из мирян-приверженцев Матильды Роберт граф Глостерский, ее мудрый и верный брат, построил замки Кардифф, Бристоль и Глостер; Фиц-Алан владел Шрусбери; Д'Альбини - Арунделом; Тэлбот - Херефордом; Паганель - Ладлоу; Брайан Фиц-Каунт - Уоллингфордом; Д'Ойли - Оксфордом; Роберт Линкольнский - Уэйрхемом; Мохан - Данстером; Ловел - замком Кэри; Мандевиль - Уолденом и Плесси; и Фиц-Джон - Мелтоном. Дувр, значительно укрепленный Мамино, был сдан королеве. Любопытно, что из всех этих замков достоверно известно, что только в шести - Шерборне, Бристоле, Ладлоу, Уолдене и Дувре, а также в Хедингеме, удерживаемом Де Вером для Стефана, - были квадратные крепости; из остальных семи сомнительны, но в тринадцати были башни из ракушек на курганах.

Среди тех, кто поначалу примкнул к делу Стефана, были два сводных брата, Уильям де Румар и Ранульф, граф Честерский, которые имели наследственные права на обширные владения в Линкольншире и, в некотором роде, на замок Линкольн. Они, что касается замка, осуществлялись главным образом графом Честерским, младшим, но, по крайней мере, в Англии, самым могущественным из них двоих.

Их претензии относились к периоду, предшествовавшему завоеванию, и, без сомнения, были связаны с владением английской крепостью. Эльфгар, граф Мерсии, сын графа Леофрика и лорд многих линкольнширских лордств, был отцом хорошо известных графов Эдвина и Моркера, а также Элдгит, вдовы Гриффида Уэльского, а впоследствии Гарольда, и Люсии, или Люси, возможной наследницы семьи, и как таковая претендующей не только на земли Линкольншира, но, как представляется, и на наследственную должность констебля замка. Мистер Николс, в очень ценном документе о графах Уэльских Линкольн показал, что Люси вышла замуж за Иво Тайллебуа, одного из баронов Завоевателя, героя как истории, так и романа, и, по праву его жены, крупного землевладельца в Линкольншире. Ее имя встречается в его хартии 1085 года, касающейся церкви Сполдинга. Иво умер в 1114 году, и их дочь, другая Люси, наследница или сонаследница, которая претендовала на должность констебля замка Линкольн и укрепила одну из его башен, вышла замуж, во-первых, за Роджера де Румара, а во-вторых, за Ранульфа де Бриксара, по прозвищу Ле Мешин, графа Честерского, который умер в 1129 году. От каждого из них у нее было по сыну. (1) Уильям де

Румар, впоследствии граф Линкольн; и (2) Ранульф, по имени Джернонс, граф Честер. Эти два сводных брата, неуравновешенные и жадные политики и солдаты, сыграли значительную роль в войне за наследство, и им было что сказать замку Линкольн.

В начале борьбы в 1140 году Стефан признал притязания Де Румара и сделал его одним из своих графов, которых в насмешку называли “псевдокомитами”, потому что у них не было обычной трети пенни от графства. Однако, несмотря на эту милость, братья через несколько дней или недель захватили Линкольнский замок врасплох, выгнали королевских солдат и удержали его для Матильды. Стефан, крайне разгневанный, немедленно двинулся к Линкольну и, поддержанный горожанами, осадил замок с западного фронта, который примыкал к городу, но на котором местность была менее крутой, чем в самом городе. После этого граф Ранульф сбежал из этого места, оставив его со своей женой и детьми на попечение Де Румара, а сам отправился убеждать своего шурина Роберта, графа Глостерского, прийти им на помощь. Соответственно, Роберт повел отряд в 10 000 человек в этом направлении, и два графа, перейдя вброд или вплавь Трент и болотистые земли на его берегу, были лично встречены королем. Результатом стала битва, или “Рыцарский турнир при Линкольне”, состоявшийся 2 февраля 1141 года, в котором Стефан был взят в плен, чтобы вскоре быть обмененным на графа Роберта. Мистер Николс указал, что некий Гилберт де Гант, молодой линкольнширский дворянин, был взят в плен в битве, был женат графом Честерским на своей племяннице Роэзии, а также получил титул графа Линкольна, который он сохранял до своей смерти в 1156 году. Мистер Николс предполагает, что Роэзия, вероятно, была дочерью сестры и соученицей. наследница Люси Тайллебуа первой и, следовательно, сонаследница графа Эльфгара.

Уильям де Румар оставил сына, который умер раньше него, а внук, хотя и владел большим поместьем в Линкольншире и был графом, так и не принял титул Линкольна. Он умер бездетным в 1198 году, и титул Линкольна, похоже, на какое-то время был утрачен, Элис, дочь и наследница графа Гилберта, именовалась только “графиня Элис, дочь графа Гилберта”.

Также в 1144 году, на Рождество, граф Ранульф был вторично осажден в замке Линкольн королем Стефаном, и также безуспешно; но два года спустя он, находясь при королевском дворе, попал в плен и был вынужден отказаться от замка в качестве выкупа. Овладев им по праву, Стивен добился того, чтобы его короновали в Линкольне.

В 1147 году их позиции поменялись местами, и граф атаковал город, но безуспешно; а в 1151 году он во второй раз стал пленником Стефана, и так продолжалось несколько месяцев, пока при умиротворении Уоллингфорда в 1151 году он не был освобожден, включен во всеобщую амнистию и получил от Стефана уже отмеченное пожалование города и замка, которые будут удерживаться до тех пор, пока Тикхилл не будет возвращен ему.

Во время правления Генриха II. корона восстановила большую часть своей власти, и замок Линкольн, по-видимому, был отделен от графства, хотя граф Честерский сохранил над ним контроль. Ричард де Хэй занимал должность констебля в Фи, и она перешла к его дочери и наследнице Николае, которая вышла замуж за Джеральда де Камвилля, получившего от Ричарда I. опеку над замком и фермой из доходов графства. Джеральд, однако, был сторонником принца Джона и выдержал осаду замка со стороны Лонгчемпа, канцлера отсутствующего Ричарда. Замок был освобожден Джоном; но Джерард потерял свой офис и ферму в 1194 году, пока Джон не стал королем. Его вдова, Николя, защищала замок от короля против мятежных лордов. После войны король Иоанн посетил Линкольн, и Николя, тогда уже преклонного возраста, встретила его у восточных ворот замка и вручила ему ключи, желая,

чтобы ее освободили из-за ее возраста. Джон любезно попросил ее оставить ключи у себя, и она продолжала командовать на протяжении всего правления Джона и его сына Генри. Николя была шерифом округа и очень замечательным человеком. В последние дни ее жизни к ней был приставлен помощник и поместье для содержания ее офиса. В конце концов она вышла на пенсию и умерла в 1231 году.

В 1216 году, ближе к концу правления Джона, Гилберт де Гант, племянник бывшего графа Линкольна с тем же именем, снизошел до принятия титула из рук вторгшегося французского принца Людовика и взял город, но не замок. Он сражался и был взят в плен на “Ярмарке Линкольна” в мае 1217 года Ранульфом де Блондвилем, графом Честерским, человеком небольшого роста, но великим воином, который добавил титул Линкольна к титулу Честера через четыре дня после битвы и сохранял его до тех пор, пока не передал его своей сестре Хавиз де Куинси в 1232 году. Фактическое подкрепление, введенное в замок перед битвой, возглавлял печально известный Фульк де Бреоте.

Происхождение должности констебля замка на данный момент довольно неясно. По-видимому, вероятно, во время несовершеннолетия дочери и наследницы де Камвиля, Идонии, ею последовательно управляли Филипп де Ласселль, Уолтер Эверму, а в 1224 году Уильям де Лонгспи, граф Солсбери, вероятно, женившийся на Идонии, дочери и наследнице Жерара де Камвиля. Обладал ли ими их сын Уильям, умерший в 1257 году, неизвестно, но какими бы правами он ни обладал, они были объединены с правами графов Линкольн благодаря браку его дочери и наследницы Маргарет Лонгспи с Генри де Лейси. Генрих происходил от Хавиза де Куинси, чья дочь Маргарет передала графство своему мужу Джону де Лейси, который умер в 1240 году. Их сын, Эдмонд, не дожил до наследования, но его сын, Генри де Лейси, был графом Линкольном, а от брака с Маргарет Лонгспи - также графом Солсбери. В списке освобожденных, 4 Эдуарда II, он указан как констебль замка Линкольн.

Алиса, дочь и наследница Генри де Лейси, вышла замуж за Томаса, графа Ланкастера, и, по праву, за Линкольна, внука Генриха III., и, таким образом, как должность констебля, так и плата за содержание замка перешли к герцогству Ланкастер, а значит, и к короне. Во время войн Карла и парламента замок использовался как военный пост короля. В 1644 году он вместе с городом перешел в руки парламента и, наконец, в 1832 году был продан графству.

Свитки с трубками и закрытием содержат множество записей времен правления Генриха II, Ричарда I, Джона и Генриха III, относящихся к замку, иногда о ремонте, иногда о кандалах для заключенных, иногда о пропитании солдат. Поступили заказы на хранение кукурузы для “баллист *ad strumum*” и “*ad turnum*”, первое выполняется вручную, второе - лебедкой. В 1225 году мы читаем о ремонте ворот замка, “Тур де Люс” и барбакана. Даже в Domesday у нас есть Уолдин, изобретатель; Хеппо, балистариус; и Оди, арбалистариус.

БАШНЯ ЛЛАНКИАНА, ГЛАМОРГАН.

ПРИМЕРНО в двух милях к востоку от Каубриджа и примерно в полумиле к северу от старой римской дороги, ведущей из этого города в Кардифф, ручей Сент-Хилари-Даун пересекает дорогу и спускается в глубокое и узкое ущелье, чтобы впасть в широкую долину Абертин, примерно в двух милях выше ее слияния с Каубридж-Тау, недалеко от деревни Абертин. Местность по обоим берегам оврага очень прочная и с давних пор использовалась в целях обороны. На правом берегу находится большое и неправильной формы, и, следовательно,

вероятно, британское, ограждение или лагерь; защита которого на верхней или восточной стороне представляет собой два берега, каждый с внешним рвом; а на нижней, или северной и западной сторонах, один берег, причем местность внизу достаточно крутая, чтобы сделать ров неосуществимым и ненужным. Этот лагерь известен в округе как *Впв Грон*, или круглый акр (если не указано иное, акр, вероятно, представляет собой прямоугольную площадку).

На левом, или западном, берегу, почти напротив лагеря, находится скалистый холм, немного возвышающийся над землей, непосредственно примыкающей к западу и югу, но который к востоку и северу быстро спускается к ручью и долине Абертин, примерно в сотне футов ниже. За впадиной на западе и юге земля расширяется, превращаясь в платформу с умеренно ровным, но неровным грунтом, за которой снова начинается значительный подъем. Таким образом, холм одновременно уединен от наблюдения и естественно укреплен, по крайней мере, с северной и восточной сторон, и очень удобен для обороны с остальных. Подход был с юго-запада, со стороны Каубридж-роуд, в направлении которой находятся здания и остатки построек, частично современных, но частично, очевидно, принадлежавших к надворным постройкам Тауэра.

Башня, или собственно замок, представлял собой каменную оболочку, круглую или почти круглую, диаметром около 64 футов, расположенную на вершине холма и покрывающую его, склоны которого были сужены до сухого рва диаметром около 30 футов, а теперь глубиной около 8 футов. На этой раковине прослеживаются очертания всего фундамента, а к северо-западу расположены фрагменты стены и разрушенных помещений; а к северо-востоку небольшой невысокий холмик, вероятно, скрывает фундамент фресковой башни.

Здесь находятся руины прямоугольного здания площадью около 28 квадратных футов, со стенами толщиной около 4 футов, части которых сохранили свою первоначальную облицовку из обработанного известняка (по-видимому, лиас), грубо обработанного молотком. Стены имеют высоту от 10 до 12 футов, и одна из них является частью *ограждения*. Эти фрагменты, вероятно, могут быть частями небольшой сторожки, прикрывающей узкий дверной проем, и этого было бы достаточно для столь маленького помещения. Каменная кладка, очевидно, оригинальная; и башня, вероятно, относится к периоду правления Генриха III., который, по-видимому, был датой строительства несколько похожего, но превосходящего его сооружения в Уитчерче. В то время Лланкиан принадлежал могущественной семье Нербер из Каслтона в Сент-Атане, при которой им, вероятно, владела семья Де Винтония или Де Винчестрия, впоследствии Уилкинс, сохранившаяся до наших дней, чье местонахождение сохранилось в нижеприведенном меде, обозначенном на карте боеприпасов как “Пант Уилкин”.

Поперек территории башни и лагеря на одной и той же карте черными буквами написаны слова *Твр Грон*, которые, по-видимому, являются новым названием, составленным из названий двух совершенно разных останков. Также странно, что на карте, обычно такой очень правильной, название Лланкиан не встречается.

Примерно в полумиле к юго-востоку от Тауэра часть Каубридж-роуд до сих пор известна как “Пант-и-лладрон”, то есть *via latronum*, или путь грабителей: название, указывающее на прежний дурной характер этого места и наводящее на подозрение, что обитатели крепости либо потворствовали грабегам, либо совершали их сами.

ЛОНДОНСКИЙ ТАУЭР.

ХОТЯ Британия представляет многочисленные примеры военного строительства, а ее границы с Уэльсом и Шотландией очень густо застроены замками, обстоятельства страны не были благоприятными для производства военных сооружений первого класса. Наше островное положение позволило нам полностью обойтись без крупных пограничных крепостей; и наша знатная знать, хотя она часто выступала против короны и даже посягала на ее законную власть, черпала свои ресурсы из поместий, более или менее разбросанных по территории, и редко владела целыми провинциями или правила территорией, достаточно компактной и обширной, чтобы оправдать строительство большого замка-дворца, подобного французским, для защиты светлости и резиденции барона. Крепости Арк, Этамп, Провен и Вез; башни Куси и Бокер; стены Авиньона; и крепости Шато-Гайар, Каркассон, Вильнев-ле-Авиньон и Пьерфон, подробности о которых знакомы читателям исчерпывающего труда г-на Виоле-ле-Дюка, относятся к периоду, когда Франция была разделена на провинции, правители которых едва ли подчинялись своей короне и были либо действительными монархами в других местах, либо обладали значительной властью. о государственных привилегиях и власти независимых суверенов.

Случается, однако, что в том конкретном классе крепостей, прообразом которого является четырехугольная нормандская крепость, нам меньше всего стоит бояться сравнения, поскольку замки такого типа ограничены, или почти ограничены, нашей собственной страной и Нормандией. В то время как на европейском континенте, в Италии, Испании, Франции и Германии, более ранние замки, по-видимому, возникли непосредственно по римским или устаревшим римским образцам, в Нормандии преобладал более простой и оригинальный тип, в отличие от того, что можно увидеть в других частях Франции, и который есть некоторые основания рассматривать как изобретение самих норманнов. Эти крепости, столь замечательные своей простой четырехугольной формой и огромной прочностью каменной кладки, были возведены в Нормандии в одиннадцатом веке и хорошо известны по таким примерам, как Арки близ Дьеппа, Фалеза и Кана. Норманны завезли их в Англию.

Сохранившийся нормандский замок - большая редкость, если таковой вообще существует. Тем не менее, несомненно, что в крепости были *ограждающая* защита и ров, последний иногда был частью более ранних земляных работ; а во внутреннем дворе, образованном таким образом, находились конюшни, казармы и другие вспомогательные помещения. Сначала эти здания часто были деревянными, а *обнесены* прочным частоколом, целью которого было как можно быстрее обеспечить защиту гарнизону. Как в Дувре, так и в Виндзоре *ограждающая* стена, часть которой относится к позднему нормандскому времени, стоит на откосе рва более раннего земляного сооружения, твердый меловой слой которого, как и в Арке, пересекают подземные галереи. Там, где, как в Кардиффе и Тауэре, стена очень прочная и относится к двенадцатому веку, вполне вероятно, что частокол сохранялся дольше обычного, и стена сейчас считается первой построенной. Никакая обычная нормандская стена не потребовала бы так скоро реконструкции.

Там, где нормандская стена была легкой конструкции или недостаточной площади, ее приходилось убирать, а при более крупных сооружениях заменять двойным и концентрическим кольцом оборонительных сооружений. Эти дополнения, обычно связанные с правлением Генриха III. и Эдуарда I., показывают, что военная инженерия достигла большого прогресса и что меньше зависела от пассивной силы, а больше от умелого распределения материалов. Принимая во внимание состояние военного искусства

того периода, а также перекрестные и длинные луки, катапульты, тараны, скорпионы и подвижные башни, которые составляли оружие нападения, было бы трудно улучшить эти концентрические сооружения либо в общем плане, либо в деталях конструкции, или продемонстрировать большее мастерство в фланговой обороне, чем в Корфе, Керфилли, Конвее или Бьюмарисе, или в других замках, построенных в правление Генриха и его сына. Эта наука, столь успешно привитая к чисто нормандским сооружениям, несомненно, в значительной степени была заимствована с Востока, где лионский кер, по-видимому, приобрел мастерство, продемонстрированное при строительстве Шато-Гайяра, и которое, по мнению месье Ле Дюка, ставит его во главе военных инженеров своего времени.

Когда, переправившись через Темзу, Завоеватель лично выступил маршем, чтобы завершить осаду Лондона, он обнаружил, что этот древний город покоится на левом берегу реки, защищенный со стороны суши мощной стеной римской постройки с настенными башнями и внешним рвом.

Огороженное пространство площадью около 370 акров в целом имело форму полукруга; река образовывала хорду. Оборонительные сооружения, начинавшиеся на Темзе у Блэкфрайарса, на восточном берегу Флита, тянулись неровной дугой на север и восток, мимо Ладгейта, Олдерсгейта, Крипплгейта и линии Лондонского вала до того места, где, простираясь на восток и юг, они занимали линию Хаундсдитч и, по-видимому, упирались в Темзу немного восточнее Биллингсгейта или ниже его. На западе Флит образовывал респектабельную естественную защиту, а на востоке линия проходила по гребню возвышенности как раз там, где она начинает переходить в низменность, долгое время занятую больницей Святой Екатерины, а теперь, что более уместно, доками с таким названием. К северу оборона, должно быть, была полностью искусственной и, как считается, представляла собой ров, который в более позднее царствование короля Иоанна углубили и сделали шириной 204 фута, но который, должно быть, был достаточной защитой даже во времена Завоевателя. Ладгейт, как и более поздние Ньюгейтские ворота, располагался под углом к стене, так что дорога, приближающаяся к нему с запада, проходила на небольшом расстоянии параллельно крепостным валам и контролировалась ими.

Следовательно, Лондон—

“A laeva muris, dextris in flumine tuta,”

напоминал по плану и способу входа те большие полукруглые кельтские земляные укрепления, которые иногда находят на берегах ручьев; также неизвестно, чтобы к нему или внутри него было пристроено что-либо похожее на преторий или цитадель.

Рассказывают, что перед тем, как Завоеватель вступил в Лондон, он приказал построить крепость, которая должна была господствовать над городом. Это, конечно, был временный лагерь, и, вероятно, находясь в Вестминстере или в лагере в Баркинге, он изучил местность и выбрал в качестве места для своей будущей цитадели точку на восточном фланге городских укреплений, переместив для этой цели, как нам сказали, часть римской стены, включая две башни рядом с Темзой. Недавние раскопки фактически обнажили часть этой стены в нескольких ярдах к востоку от башни Уильяма.

Вильгельм был коронован в 1066 году, и именно из Баркинга, сразу после церемонии, он руководил фактическим началом работ, которые, без сомнения, сначала представляли собой глубокий ров и крепкий частокол; ибо возведение крепости, вероятно, самого раннего сооружения в каменной кладке, по-видимому, началось только двенадцать или четырнадцать лет спустя.

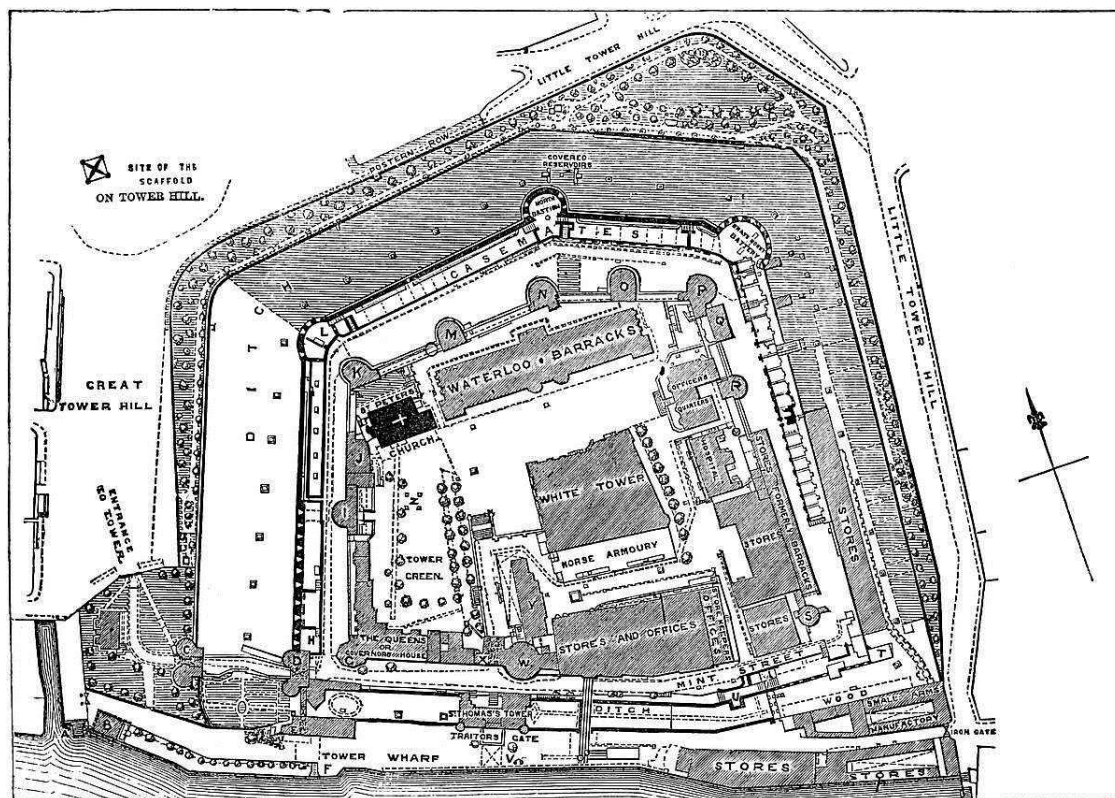
Таким образом, новый замок с лихвой заменял место снятых работ, поскольку мог не только защитить город, но и внушить ему благоговейный страх, а при необходимости перекрыть его торговлю и снабжение водой.

Таково было происхождение этой величественной старой крепости, главная и центральная часть которой придает массивность и характер группе, и с самых ранних времен все это называлось “Башня”.

Новая крепость опиралась на два других значительных сооружения в черте города: замок Байнард на берегу Темзы, построенный примерно в то же время Байнардом, кастеляном и знаменосцем города, и замок Монфише неподалеку от него, построенный рыцарем с таким именем. У более поздних королей был “Королевский тауэр” в Винтри-Уорде, где жил Стивен и куда переехала мать Ричарда II. бежал из Тауэра во время восстания Уота Тайлера. Эдуард II. также построил укрепленное место недалеко от Блэкфрайарса.

Башня, хотя все, за исключением замка, построено позже, и большая ее часть значительно позже одиннадцатого века, хорошо дополняет первоначальный дизайн. Огороженная территория и прочность стен и ворот соответствуют размерам и неприступному характеру крепости; а окружающий ее ров, хотя и необычайно широкий и глубокий, ни в коем случае не был слишком надежной защитой от буйных и общеизвестно храбрых горожан.

ПЛАН ЛОНДОНСКОГО ТАУЭРА 1866 ГОДА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А.Лестница в тауэре и Маленький Уэльс.
- Каюта Б.Портового служащего.
- С.Средняя башня.
- Башня Д.Байуорд.

- Э.Байурд Сзади.
- Лестница Ф.Куинса.
- Г.Колокольня.
- Полицейское помещение Х.
- Башня И.Бошан.
- Апартаменты Дж. Капеллана.
- Башня К.Деверо.
- Лошадь Л.Легга.
- М.Флинт, Н. Бойер, О, Брик и П. Башня Мартина.
- Вопрос: Ювелирный дом.
- Дом Р.Констебля и С. в Соляной башне.
- Башня Т.Галлеймана и У, колыбель.
- Против Врат предателя.
- У.Уэйкфилд и Икс, Кровавая башня.
- Y.Главный охранник.
- З.Эшафот.

Между R и S находится башня Броуд Эрроу, а между T и U - башня Уэллса.

(Из "Воспоминаний о башне" лорда Де Роса.)

Башня в ее нынешнем виде представляет собой прекрасный пример концентрического замка со смешанной композицией, но общей гармонией дизайна и занимает, с опоясывающим ее рвом, около двенадцати акров земли.

Почти в центре, но теперь отдельно стоящая башня “Ла бланш Тур” Эдуарда III, старейшая и наиболее стабильная часть крепости. Вокруг него находится внутренний двор, в плане обычно четырехсторонний, но с выступом на северном фасаде, окруженный стеной, усиленной сторожкой и двенадцатью башнями-фресками.

Его окружает внешняя защита, выполненная по тому же общему плану и заключенная в стену, поднимающуюся из рва и образующую уступ рва. На нем расположены мощные барабанные бастионы по углам северного фасада; а южный, или фасад Темзы, защищен пятью фресковыми башнями, из которых одна прикрывает сушу, другая - водные ворота, а две другие соединены задними дверями.

Ров, который полностью опоясывает крепость, отделен от реки узкой полоской земли, используемой в качестве пристани, но также изобретательно приспособленной для отсечения воды рва от приливного потока.

Пространство за рвом, образующее эспланаду крепости, известно как Тауэр-Хилл. Когда-то он был разделен Городской стеной, которая тянулась с севера до края рва, имея задний ход на перекрестке, который до сих пор дает название ряду домов, и к востоку от которого находится Литтл-Тауэр-Хилл. Земля, покрытая Башней, поднимается от реки, так что части внутреннего двора находятся на высоте 40 футов над водой, а земля к северу от рва и за его пределами находится на 8-10 футов выше. Этот недостаток был нейтрализован шириной рва, в то время как спуск на юг, или со стороны входа, имел существенное преимущество при отражении атаки с этой стороны. Цель состояла в том, чтобы контролировать реку и

заполнить ров, поэтому крепость была расположена настолько высоко, насколько это соответствовало этим точкам.

Сэр Ф. Пэлгрейв отметил, что Уильям, устанавливая юрисдикцию своей новой крепости, соблюдал, насколько это было возможно, границы Лондонского сити. Только меньшая половина ограды находилась в пределах линии старой стены; и, в то время как свободы Тауэра (если включить в их число церковь Святой Екатерины) простираются на некоторое расстояние на восток или в графство Миддлсекс, на западной границе, власть констебля простирается лишь немного дальше контрэскарпа рва. Площадь собственно либертис составляет около 26 акров, западная часть которых находится в Тауэрском приходе и приходе Всех Святых Баркинг, а восточная - в графстве Мидлсекс.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ.

The Белая, или Башня Цезаря, является главной башней крепости. Он расположен немного к юго-востоку от центра внутреннего квартала, на площадке, которая на севере находится на высоте 40 футов, а на юге - на 15 футов выше уровня воды, установленного для боеприпасов, так что с одной стороны подвал находится на уровне земли, а с другой - над ней. Он четырехугольный, 107 футов к северу и югу на 118 футов к востоку и западу. Два его западных угла квадратные. Та, что на северо-востоке, увенчана круглой лестничной башенкой диаметром 22 фута, загнутой примерно на треть и имеющей на север выступ на 3 фута больше, чем на восток. Южная стена заканчивается на востоке жирной полукруглой дугой диаметром 42 фута, выступающей на восточную стену. Это отмечает апсиду часовни и является большой особенностью этой башни.

Крепость возвышается на 90 футов от пола до гребня нынешней зубчатой стены. Она состоит из трех этажей, или четырех ступеней. Стены укреплены обычными пилястрами; на восточной стороне их две, на северной - три, на западной и южной - по четыре на каждой. Круглая башенка имеет четыре пилястры, две из которых находятся на стыке со стенами, а носовая - четыре. Их ширина варьируется от 3 до 6 футов, и все они имеют выступ 18 дюймов. Они уменьшаются на два зачета, на высоте 50 футов и 75 футов от земли, и затухают на 8 футов ниже зубчатой стены. Также на боковой стороне каждого фасада, содержащего два квадратных угла, есть полоса шириной 12 футов, по две на каждый угол, но расположенная так, чтобы не полностью закрывать его, так что в каждом из двух углов появляются три выступающих угла. Эти четыре пилястры поднимаются от цоколя целыми на 16 футов над зубчатой стеной, образуя квадратные башенки. Третья башня, также квадратная, расположена на крыше, где, если бы не носовая часть, находился бы юго-восточный угол. Таким образом, крепость увенчана тремя квадратными башенками и одной круглой.

Видно, что петли подвала открываются как раз под теми, которые теперь являются окнами второго этажа. Появляются проемы третьего яруса, когда-то, вероятно, односветные окна среднего размера, но теперь увеличенные, по одному между каждой парой пилястр и каждое под большой простой круглой и слегка углубленной разгрузочной аркой, выступающей из полосы стены, оставленной в качестве своего рода опоры против каждой пилястры. Основанием этой аркады является выступ в стене, заканчивающийся пилястрами.

Светильники четвертой или верхней ступени могут иметь примерно их первоначальный размер. На южной стене, между двумя западными пилястрами, окна шириной в 2 фута расположены парами, имеют общую простую балясину, и каждая пара находится в неглубоком круглом углублении, так что восемь окон образуют короткую аркаду. Одна пара окон, вероятно, являются единственными в замке, которые сохранили свой первоначальный

вид; поскольку балясина, которую давно сняли, была найдена замурованной в соседней стене и теперь находится на своем положенном месте. Считается, что именно из одного из этих окон спустился епископ Фламбард, находящийся здесь в заключении. Внешний вид был испорчен при помощи кремневой крошки и строительного раствора, а также заменой старой облицовки из ясеня портландцементом, но окна, хотя и увеличены в виде створок, представляют собой старые проемы.

Лестница диаметром 11 футов, расположенная внутри круглой или северо-восточной башенки, поднимается от пола до вершины и сообщается с каждым этажом и с ведущими.

Подвал находится немного ниже уровня земли с северной стороны и на уровне земли с южной. Толщина стен от 12 до 15 футов, а внутренняя площадь примерно 91 на 73 фута. Ее пересекает стена толщиной 10 футов, построенная с большим пренебрежением к линии отвеса. Она поднимается на вершину и делит здание на большую западную и меньшую восточную части. Последний снова разделен на большую северную и меньшую южную части другой стеной, также проходящей насквозь, так что каждый этаж разделен на три камеры. Все большие помещения обшиты деревом; все меньшие имеют сводчатые перекрытия. В подвал можно было попасть только сверху по большой лестнице-колодцу. Западная камера имеет размеры 91 на 35 футов; восточная - 67 на 28 футов; а свод, нижний или подклепочный придел часовни, известный в тауэрской фразе как "Little Ease", имеет размеры 15 на 47 футов, при этом восточный конец имеет полукруглую форму. Дверь ведет с востока в западную комнату, а из первой - в Литтл-Эйз. Смелые углубления в стенах поднимаются к линии петель, давая воздух, но очень мало света.

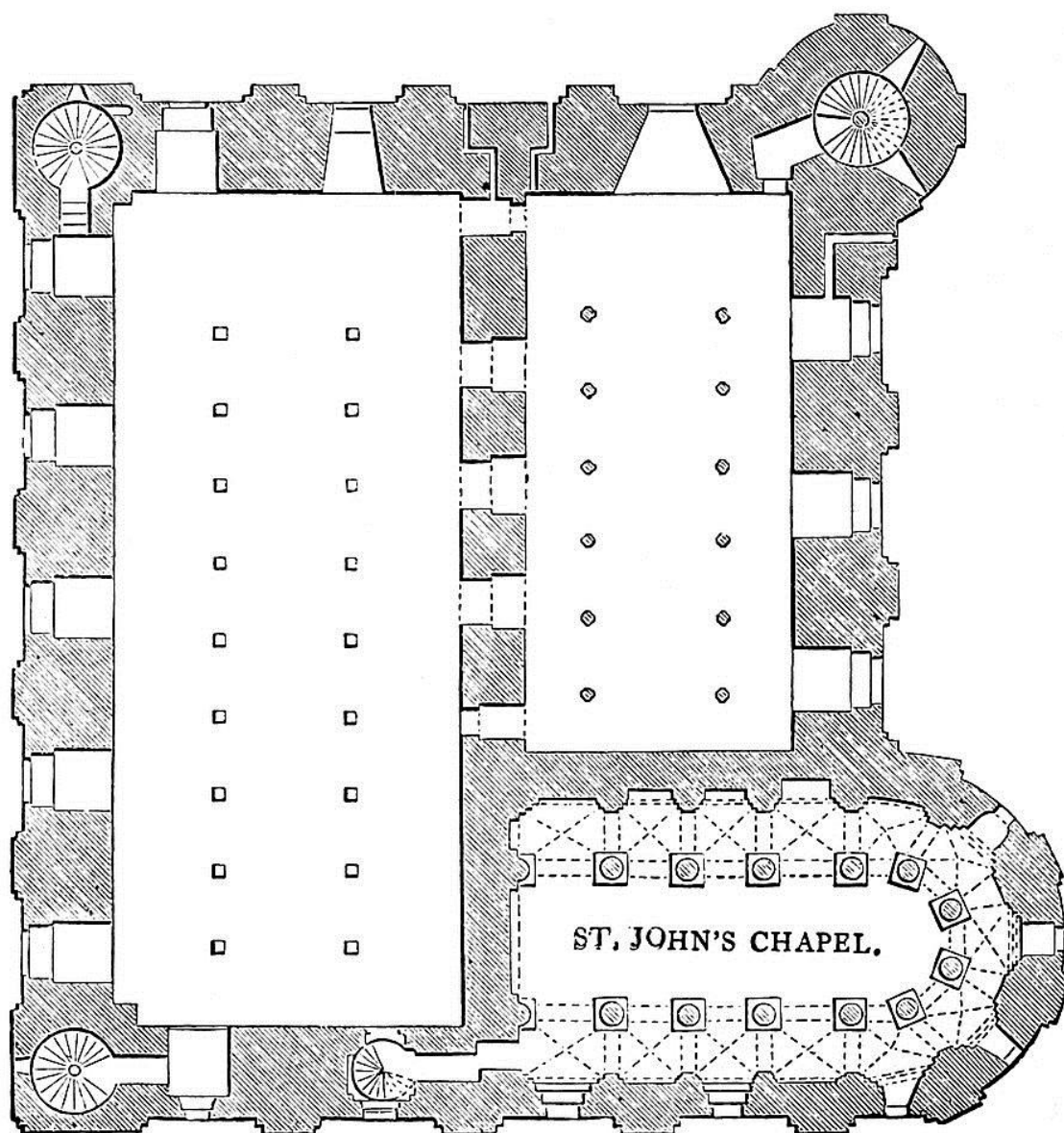
В наше время шахта была углублена на 10 футов в юго-западном углу этого этажа, и туннель прорезал 24 фута фундамента в направлении набережной реки, а еще одна дверь на другой стороне угла была прорезана на уровне земли. Две большие камеры были облицованы современным кирпичом. Литтл Эаси до недавнего времени был приспособлен под пороховой склад, и проходы проходили через его восточный и западный концы. Сейчас они тщательно заделаны старым камнем, а свод расчищен. Недавно был обнаружен колодец. Это простая труба диаметром 6 футов, облицованная тесаным деревом. Он находится в полу крепости, в нескольких футах от ее юго-западного угла.

Второй этаж во многом напоминает подвал. Толщина стен около 13 футов, поперечная стена - 8 футов. В последнем есть три отверстия шириной 6 футов и высотой 15 футов, округлые и довольно простые, между дверным проемом на северном конце шириной 4 фута 6 дюймов и высотой 12 футов и одним на южном конце шириной 4 фута и высотой 9 футов. Эти пять отверстий соединяют восточную и западную камеры. Западная комната размером 92 на 37 футов имеет в западной стене пять простых круглых углублений, когда-то сходящихся в петли, но теперь увеличенных в окна. В южной стене есть похожее углубление, а в северной - два. Между одним из них и западным углом находится небольшой проход для настенной росписи шириной 2 фута 10 дюймов, изогнутый под прямым углом. Оно сводчатое, четырехстороннее, с прямыми бедрами, очень грубое, но хорошее. Под внешней петлей находилась шахта гардероба.

Восточная комната размером 68 на 30 футов имеет в восточной стене три углубления для петель. В его северной стене есть ниша, теперь превращенная в дверь и сообщаемая с внешней стороной двойным пролетом современных каменных ступеней. Существует также оригинальная дверь шириной 3 фута, ведущая по короткому настенному проходу шириной 5 футов к лестнице-колодцу, которая снабжает каждую ступеньку. В южной стене дверь ведет в

склеп часовни шириной 13 футов 6 дюймов и длиной 39 футов, с апсидальным восточным концом и высотой 17 футов до вершины ее очень простого свода. В северной стене склепа, рядом с апсидой, проход шириной 2 фута ведет в довольно темную сводчатую камеру размером 8 на 10 футов, образованную в стене. В южной стене три круглых углубления шириной 6 футов и высотой 13 футов, заканчивающиеся петлями, как и одно в восточном конце. Этот склеп был оборудован как оружейный склад, но был расчищен, а поврежденные своды восстановлены с хорошим вкусом.

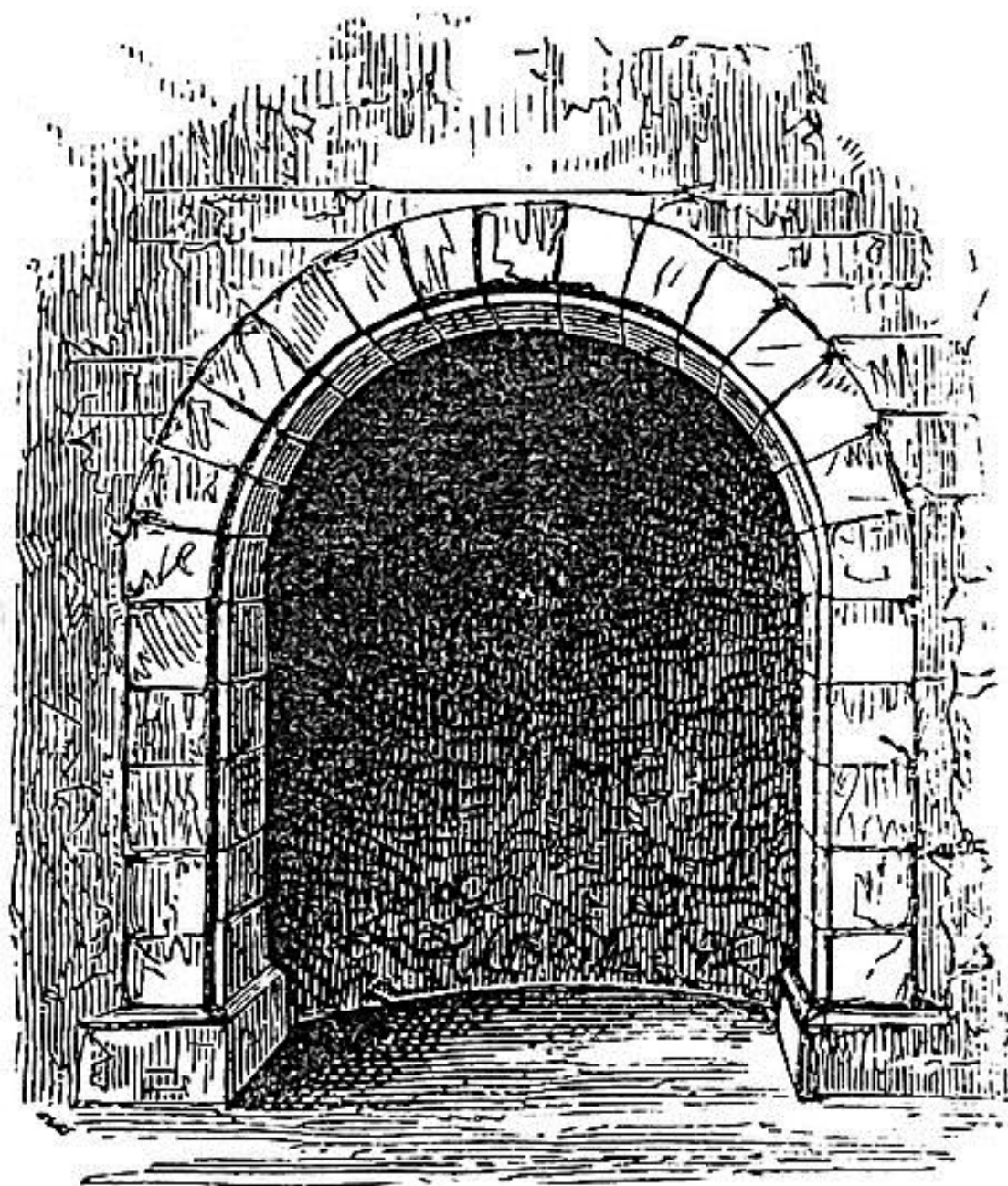
Две большие комнаты на этой сцене имеют высоту 15 футов, и недавно их соответствующие открытые потолки поддерживались восемнадцатью и двенадцатью большими стойками в два ряда. Они, без сомнения, были установлены, когда помещения были отданы под склады и записи. Сейчас их убрали, а балки укрепили железом, чтобы выдержать вес хранящегося здесь стрелкового оружия. Возможно, изначально здесь был один ряд стоек, поскольку 30 футов и 37 футов - это большие пролеты для одиночных необтянутых балок. Недавно в восточной стене были обнаружены два простых оригинальных камина. Дым из них выходил, как и в Колчестере, через два небольших отверстия в стене.

КРЕПОСТЬ.—ТРЕТИЙ ЭТАП.

Поднимаясь по лестнице-колодцу с этой ступени, можно увидеть дверь в стиле тюдоров, вырезанную в обшивке лестницы и ведущую в соседние оружейные мастерские. Аналогичная дверь, расположенная ниже этой, была прорезана на уровне земли.

На третьем ярусе, или втором этаже, также есть три камеры: западная, 95 футов на 40 футов; восточная, 64 фута на 32 фута; обе высотой 15 футов и до недавнего времени подпирались столбами. Крестовая камера - это часовня, которая занимает эту и верхнюю ступени до крыши. Наружные стены здесь от 10 до 11 футов, а боковая стена толщиной 6 футов. В последнем есть пять отверстий, как показано ниже, все, по-видимому, дверные проемы. Откосы показывают, что двери четырех южных комнат открывались в восточную камеру, а северная дверь - в другую. На северной стене, рядом с этой дверью, находятся две настенные гардеробные, похожие на уже описанные, одна служит для западной, а другая - для восточной комнаты.

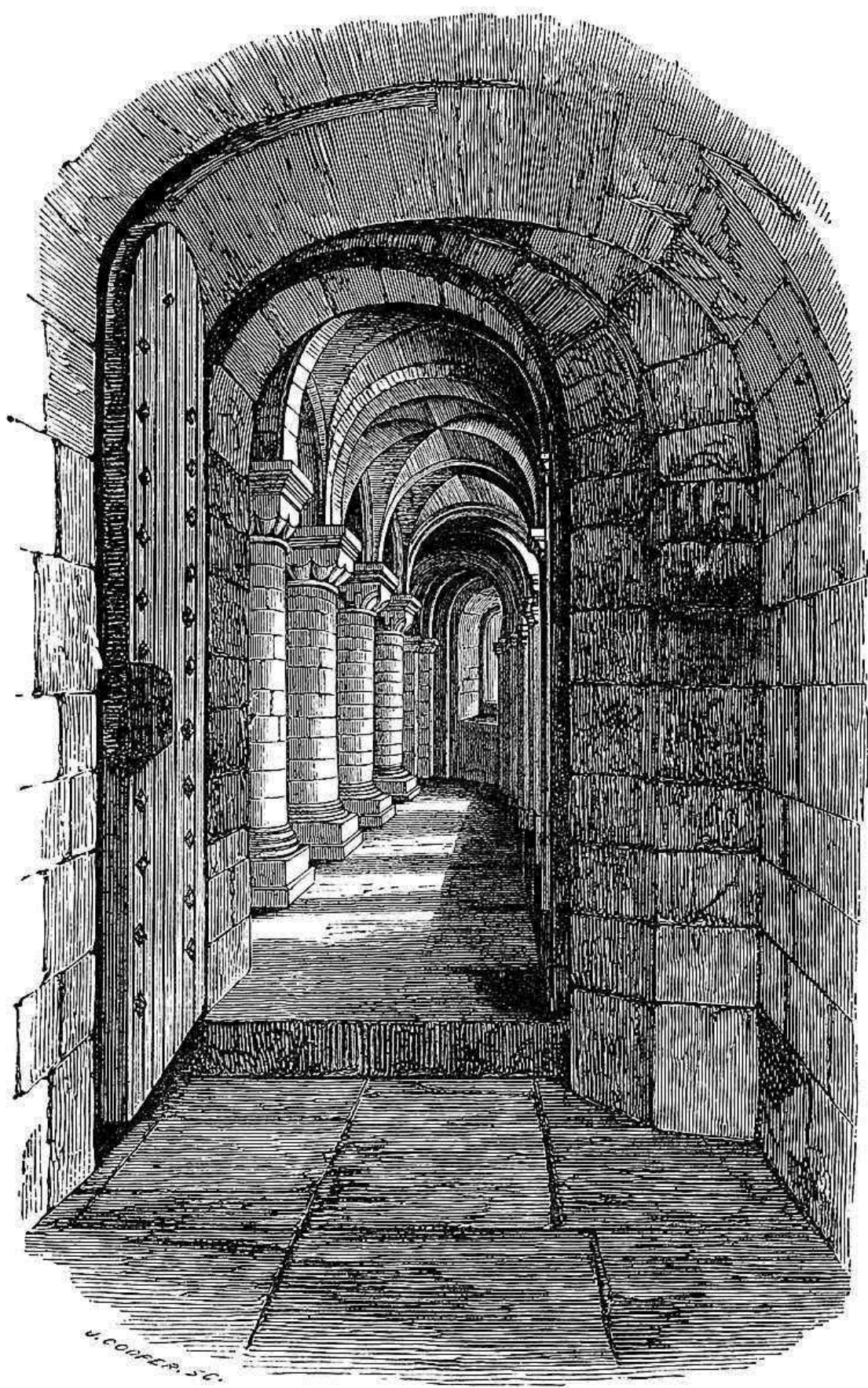

КАМИН В СОХРАННОСТИ.

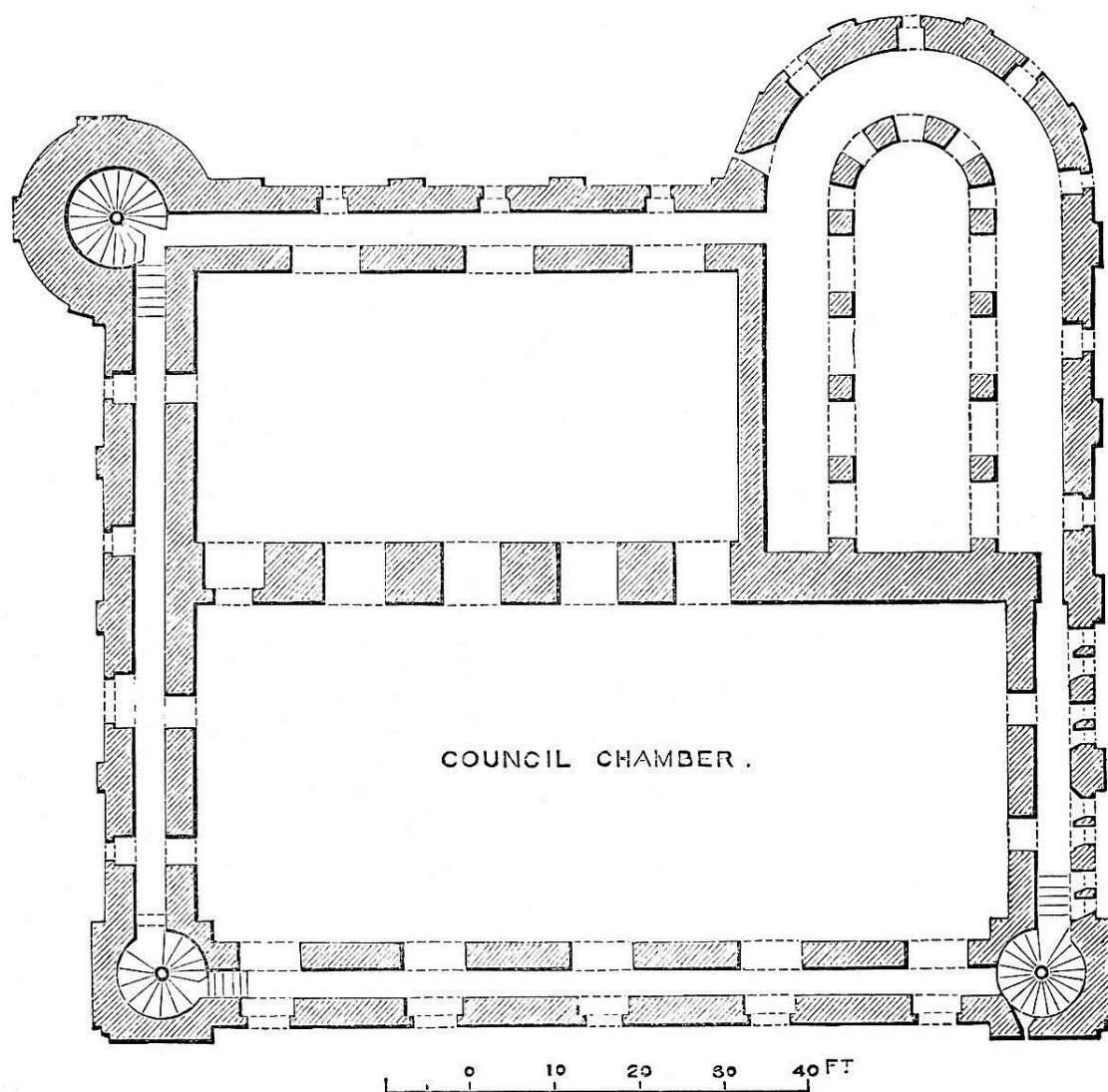
В северо-западном и юго-западном углах этой сцены начинаются колодезные лестницы диаметром 9 футов, которые поднимаются на крышу. Они открываются, как обычно, не прямо в комнату, а короткими проходами в косяк ближайшего петлевого углубления. В восточную камеру можно попасть с главной лестницы аналогичным образом, через проход шириной 3 фута в северной стене. В южной стене этой комнаты есть только небольшая дверь, ведущая в северный придел часовни. В его восточной стене есть три ниши-петли, а из косяка одной открывается гардеробная, похожая на описанные. В этой стене также находится простое круглое отверстие камина с наклонной спинкой и вертикальным дымоходом, выход из которого не был прослежен. Это чем-то напоминает камин в замке Колчестер. Эта комната называется "Банкетный зал".

Помимо обычных углублений для петель шириной 7 футов и высотой 14 футов, которых пять на западной стороне, два на северной и одно на южной, в южной стене западной комнаты есть круглое отверстие, представляющее собой вершину и площадку лестницы-колодца, которая начинается примерно в 15 футах над уровнем земли у внешней двери и оттуда ведет на третью ступень. В его начале также есть настенный проход, ведущий в западный конец южного придела часовни. Это, без сомнения, был частный путь из дворца в часовню и парадные покои цитадели. Именно у подножия этой лестницы, в стене, были найдены кости, предположительно принадлежавшие детям Эдуарда IV, а ныне находящиеся в Вестминстерском аббатстве.

Четвертая, или верхняя ступень, - это "государственный этаж". Его трехстороннее расположение напоминает приведенное ниже, а две большие камеры имеют открытые потолки высотой 21 фут, которые до недавнего времени поддерживались стойками, как показано ниже. Толщина внешних стен составляет от 10 до 11 футов, боковой стены - 6 футов, а короткой поперечной стены, которая отгораживает трифорий часовни, - 4 фута. Западная, или большая палата совета, имеет размеры 95 на 40 футов; восточная - 65 на 32 фута. Между ними находятся три простых проема шириной 7 футов и высотой 14 футов, а по бокам от них - два дверных проема меньших размеров. Можно отметить, что квадрат двух западных башенок сохранился в зале совета. Углы выступают примерно на 7 футов вглубь помещения. Северо-восточный угол, как обычно, полый. Внешняя стена этих двух камер пронизана сводчатой галереей фресок высотой 13 футов и шириной от 3 футов до 3 футов 6 дюймов. Один его конец выходит в западный конец южного придела трифориальной часовни, а другой - в северный придел рядом с шеветом. Она соединяется с главной лестницей в северо-восточной башне и с лестницами в двух западных башнях. Он пронзает косяки каждой из оконных ниш, которых в западной комнате пять в западной стене, две в северной и две в южной стене; а в восточной комнате три в восточной стене и одна в северной. Там, где галерея пересекает оконные проемы, свод приподнимается на ступеньку. В этой галерее, в южной стене гостиной, находятся соединенные окна, которые Фламбард уже описал как уцелевшие. Это была палата королевского совета, по крайней мере, до правления Ричарда III. Здесь были заключены Карл Орлеанский и, вероятно, Иоанн Французский. И поэтому Эдуарда, лорда Гастингса, знаменитого камергера, увели из совета на казнь.

ЧАСОВНЯ СВЯТОГО Иоанна.—ЮЖНЫЙ ПРИДЕЛ.
(Из Мемориалов лорда де Роса.)

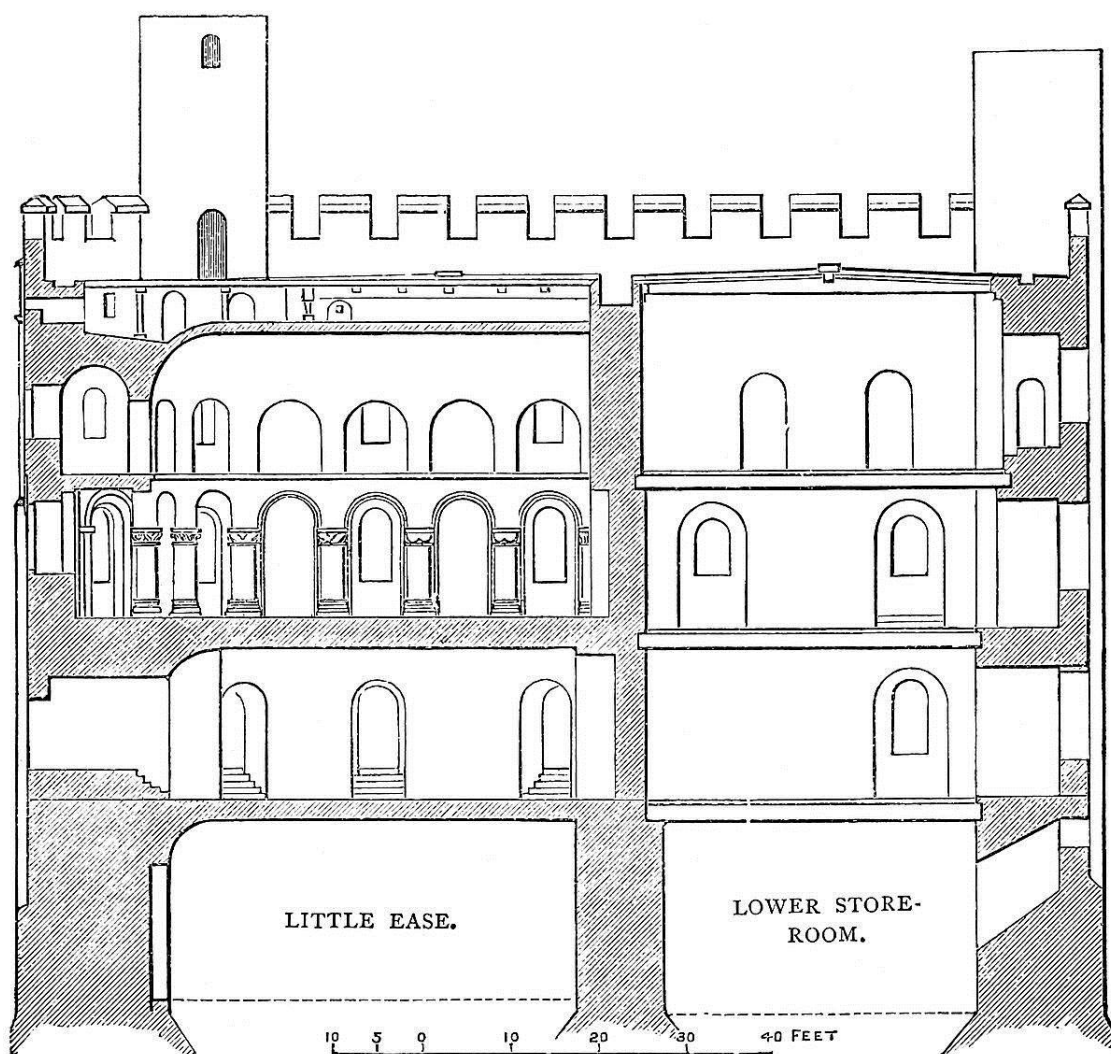

КРЕПОСТЬ.—ВЕРХНЯЯ СТУПЕНЬ.

Вертикальный разрез башни, расположенный на линии восток-запад и обращенный на юг, и приведенный здесь, показывает на первом этаже "Маленький уголок" и нижнюю кладовую; на втором этаже - склеп часовни и верхнюю кладовую. На втором этаже находится неф и проход часовни, а также нижняя оружейная палата; на третьем этаже - трифорий часовни и пространство над сводом, а также верхняя оружейная палата или зал совета.

Часовня, посвященная святому Иоанну Евангелисту, является редким, если не единственным примером подобного помещения, такого большого и завершенного, в оригинальном оформлении нормандской крепости. В плане это прямоугольник размером 40 на 31 фут, заканчивающийся на востоке полукруглой апсидой во всю ее ширину; следовательно, его крайняя длина с учетом этого дополнения составляет 55 футов 6 дюймов.

Он разделен на неф и проходы, последний продолжается в виде шевета вокруг апсиды.

КРЕПОСТЬ. — ВЕРТИКАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ, ВОСТОЧНЫЙ И ЗАПАДНЫЙ.

Неф шириной 14 футов 6 дюймов и длиной 40 футов имеет восточную апсиду, что дает еще 7 футов 3 дюйма для алтаря. Он отделен от нефов четырьмя колоннами и западным ответвлением, или полуколонной, с каждой стороны; и четырьмя колоннами, которые содержат апсиду. Все здание поддерживает тринадцать арок. Колонны представляют собой цилиндры диаметром 2 фута 6 дюймов и высотой 6 футов 6 дюймов с простыми торовидными основаниями, опирающимися на квадратный камень в два яруса, что дает, вместе с основанием, дополнительные 20 дюймов. Капители различаются по рисунку: некоторые представляют собой простую подушку, другие представляют собой комбинацию из четырех подушек, придающих фасаду зубчатый или вдавленный контур; другие, опять же, скошены по углам; а третьи завершены жесткой грубой спиралью ионического вида.

Капители восьми восточных колонн незакончены, на каждой грани имеется блок в форме Тау, или крестообразного креста, который, очевидно, предназначался для вырезания в виде обычного центрального цветка коринфской капители; астрагал обрамлен рядом жестких торчащих перьев, похожих на плюмаж. Каждая капитель имеет простые счеты с различными полукруглыми, круглыми и полыми вырезами, за исключением западных абakov, на гранях которых вырезан звездчатый узор, встречающийся в ранних нормандских работах. Под ним находится световой тросик. Эти капители имеют площадь от 34 до 40 квадратных дюймов и высоту 22 дюйма, так что от пола до верха каждой из них 10 футов. Каждая заглавная буква представляет собой отдельный блок, а каждый счет - отдельную плиту.

Диаметр тринадцати арок, отходящих от этих капителей в нефе, составляет 7 футов, а в апсиде - 2 фута 9 дюймов. Пять апсидальных арок расположены на сваях, остальные полукруглые, венцы всех ровные. Все они представляют собой идеально ровные отверстия в 22-дюймовой стене, без фаски или ребра.

В двадцати дюймах над этими венцами находится ровный скошенный струнный ход, а над ним аркада трифория, каждая арка которого находится точно над аркой и имеет тот же диаметр, что и арка внизу. Эти арки вырастают из опор площадью 30 дюймов и высотой 4 фута 3 дюйма, без основания или колпака. Поскольку апсидальные арки не свайные, опоры более высокие, так что короны все еще колеблются.

Крыша нефа представляет собой бочкообразный свод, незаметно начинающийся на уровне короны трехстворчатых арок и заканчивающийся на востоке полукуполом. Высота до венцов арок нефа составляет 13 футов 6 дюймов, до трифория - 23 фута 9 дюймов, а до венца свода - 32 фута. Хранилище примыкает к западной стене, в которой находится простое углубление с круглой головкой глубиной 18 дюймов, диаметром 12 футов и высотой 13 футов 6 дюймов.

Ширина прохода составляет 6 футов 6 дюймов. Напротив каждой колонны нефа находится плоская пилястра, выступающая на три ступени от поверхности стены и имеющая простые скошенные счеты, или колпачок для струн, и от каждой пружины отходящее широкое плоское ребро. Таким образом, проход разделен на тринадцать отсеков, по четыре с каждой стороны и пять в шевете, причем стороны этих последних сходятся. Каждый отсек имеет тазобедренный свод, своды отделаны между собой и полностью выложены щебнем. Высота прохода составляет 13 футов 6 дюймов. Стена каждого пролета углублена, и ниши образуют аркаду. В южных нишах расположены четыре окна, два из которых открываются между ними, а два - на внешних пилястрах. В четырех из пяти апсидальных отсеков также есть окна, одно из которых выходит на восток. Здесь есть две двери: одна в северном проходе, ведущая в восточную комнату на третьем ярусе цитадели, и одна в западной стене южного прохода, ведущая через короткую галерею фресок к колодцу-лестнице в южной стене и в большую, или западную, камеру цитадели.

Диаметр трифориума составляет 7 футов 6 дюймов. Это простая галерея, без пилястр, струн или какой-либо лепнины, высотой 8 футов до пружины бокового бочкообразного свода, что дает на 3 фута 9 дюймов больше.

В его южной стене находятся три окна, одно из которых открывается на внешней пилястре, а в апсиде - пять. В северной стене и на западном конце южного крыла находятся проемы галереи фресок, которая окружает крепость на этом уровне, на уровне зала совета; часовня, как уже говорилось, поднимается через два верхних этажа на крышу. Стены прохода имеют толщину 4 фута; с западного и восточного концов - 5 футов. Толщина северной, южной и восточной стен трифориума составляет 4 фута, а западной - 5 футов 6 дюймов.

Эта самая ранняя и простая, а также наиболее законченная нормандская часовня в Британии, должно быть, была свидетельницей богослужений Завоевателя и его непосредственных потомков; церковь, построенная впоследствии, очевидно, предназначалась скорее для всего гарнизона, чем для монарха. Верхняя галерея, сообщавшаяся с парадными покоями, несомненно, как это часто бывает в домашних часовнях, предназначалась для главных персон, а домочадцы занимали этаж ниже. Всегда незамысловатые с архитектурной точки зрения, стены, вероятно, были расписаны и увешаны гобеленами, а в восточных окнах были витражи, размещенные там вместе с другими украшениями благодаря благочестию Генриха III.

Генрих также в 1261 году, после смерти своей невестки Сончии, графини Корнуоллской, жены его брата Ричарда, взимал с казны в пользу соседнего госпиталя Святой Екатерины пятьдесят шиллингов в год на содержание капеллана, который будет здесь молиться за ее душу; он уже в 1240-1121 годах выделил аналогичный взнос на содержание тамошнего постоянного священника, а также облачение, потир и все необходимое для его службы. Вероятно, произошла просрочка с выплатой некролога, поскольку в 1290 году (18 Эдуарда I.) братья и сестры Святой Екатерины подали прошение о выплате пятидесяти шиллингов, данных Генрихом III. для духовного блага Сончии. Эта часовня была демонтирована Постановлением Совета от 22 августа 1550 года, предписывавшим переплавить как в церкви, так и в часовне все сохранившиеся кресты, изображения и золотые пластины. Оскверненная таким образом часовня долгое время использовалась как хранилище записей. Совсем недавно их убрали, стенам вернули их первобытную простоту, и все они были выложены простой плиткой подходящего качества. Именно благодаря вмешательству покойного лорда де Роса эта часовня не превратилась в портновский склад.

Над четвертым ярусом крепости находится плоская оцинкованная крыша, обеспечивающая пространство между парапетной стеной в 100 футов к востоку и западу и в 113 футов к северу и югу. Башенки возвышаются примерно на 16 футов над платформой, на которую они выходят дверями, венчающими колодец-лестницу на северо-запад, юго-запад и северо-восток. Четвертая, или юго-восточная башенка, пристроена над стеной часовни и содержит камеру, в которую можно попасть с торцов. Большая круглая, или северо-восточная, башня с внутренним диаметром 16 футов и двумя этажами использовалась Флемстидом в качестве обсерватории до строительства нынешнего здания в Гринвиче. На его верхний этаж, по-видимому, вела внешняя лестница с южной стороны, для поддержки которой парапет, как можно видеть, имеет внешний выступ. Эти башенки были облицованы, но все еще можно обнаружить старую нормандскую каменную кладку.

Между сводом часовни и крышей есть своего рода “входная дверь”, которая над проходами имеет высоту около 7 футов и может быть использована по назначению. На некоторых старых рисунках изображены бойницы, пробитые в южной стене, а в юго-западной башне есть следы дверного проема, который, судя по его уровню, вел в это пустое пространство.

Место и способ первоначального входа в крепость неизвестны. Одно из предположений состоит в том, что это было на северной стороне, на втором ярусе, или уровне первого этажа, недалеко от восточного конца стены, где в настоящее время есть вход по каменным ступеням, на высоте 12 футов над землей. Однако это, безусловно, увеличенная петля, при этом внутренняя арка углубления остается. Внимательный осмотр внешнего вида показывает, что нынешняя дверь была прорезана в каменной кладке, не предназначенной для перекрытия большого проема, поскольку швы расположены горизонтально и нет разгрузочной арки. К западу от этого, на следующем или этаже выше, где также была прорублена современная дверь, через которую склады поднимаются в оружейные, есть следы рельефной арки, предназначенной для перекрытия отверстия необычных размеров, и это также считалось оригинальным входом. Но это только кажется увеличенной петлей; углубление было увеличено за счет срезания стенки, которая по бокам была заново облицована. В этом не было бы необходимости, если бы ниша предназначалась для дверного проема. Более вероятно, что вход находился с южной стороны, недалеко от западного конца, где на этом уровне этажа находится большой и оригинальный проем с параллельными сторонами и нишами по бокам. Очевидно, это был главный вход. Каменная кладка показывает, где были срезаны дверные косяки и арка и вставлено окно.

Совсем рядом с этим дверным проемом, на востоке, находится небольшая, но оригинальная дверь, ведущая в основание небольшой лестницы-колодца. Эти две двери, находясь на некоторой высоте над землей, почти наверняка вели в переднюю постройку, которая прикрывала южную сторону крепости, имея внешний вход в восточном конце. Оружейная палата сейчас демонтируется, и, возможно, под ней можно найти фундаменты нормандской постройки.

Несмотря на значительные повреждения и затемнение в результате неразумного ремонта, части первоначальной поверхности могут быть обнаружены. Основание, выступы и пилястры, очевидно, были сделаны из тесаного дерева с очень открытыми швами. Остальная часть стены была сложена из щебня, грубо обработанного, но с большим преобладанием строительного раствора, что очень напоминало самые ранние работы в аббатстве Маллинг и башне Святого Леонарда. Арки повсюду полукруглые и довольно простые. Своды, хотя иногда и с выступами, никогда не бывают ребристыми. Можно также отметить, что ни в цитадели, ни где-либо еще по всей крепости нет подземного помещения.

Устройство внутри цитадели очень своеобразно и свидетельствует о предвидении неожиданностей, доведенных, если не до крайности, то до степени, пагубной для удобства королевских особ и высших государственных чиновников, для совещаний и случайного проживания которых было спроектировано здание.

Главная дверь, если предположить, что она была такой, как указано, открывалась на очень мрачный первый этаж, откуда торцевая лестница вела вниз, в подвал, и вверх, на второй этаж. На этот этаж от лестницы можно было попасть по изогнутому и узкому настенному коридору, а из внутренней комнаты - по двум лестницам на верхний этаж и зубчатые стены. Поднявшись на верхний этаж, вход в парадные покои снова был только по галереям с фресками, пропускавшим только по одному человеку в ряд.

Для чисто военных целей все это было выгодно. Предположим, что двадцать решительных людей разместили гарнизон в замке, они могли бы удерживать главную дверь и задний вход против целой армии; или предположим, что они, застигнутые врасплох, потеряли нижние этажи, они все еще могли бы защищать проход на второй этаж, не опасаясь быть обойденными с фланга; в то время как наверху был легкий доступ с парадного этажа к зубчатым стенам, откуда враг мог быть атакован с наибольшим преимуществом. Действительно, у осаждающих оставался последний и самый ужасный способ обстрела крепости, и, оказавшись внутри стен, это было бы легко и непреодолимо. Даже эта чрезвычайно прочная каменная кладка не устояла бы перед пожаром, который наверняка разожгли бы факелы, брошенные на деревянные полы здания.

Для государственных целей большая высота зала заседаний, его чрезмерный холод, труднодоступность, неудобство из-за частых стоек, вероятно, необходимых для поддержания его крыши, и, наконец, полное отсутствие уединения в таком большом помещении с таким количеством боковых отверстий, должно быть, были серьезными недостатками. Несомненно, комнаты были разделены на комнаты поменьше и увешаны гобеленами, но даже тогда наличие полов, потолков и перегородок, должно быть, делало использование печей и дымоходов с решеткой очень опасным.

Также нелегко понять назначение арок в стене для вечеринок. Там, где, как в Рочестере, эти проемы были большого пролета, камеры допускали, в торжественных случаях, слияние в одно целое. Здесь, однако, хотя они и были неудобно большими для дверных проемов, они были слишком малы, чтобы сделать комнаты общими. Вряд ли они были предназначены для экономии материала, иначе толщину стены можно было бы безопасно значительно

уменьшить, не пронизывая ее полностью насквозь; а внизу у них нет фальцев или углублений для дверей или деревянных перегородок. На третьем этаже, где двери сдвинуты, видно, что они открывались в противоположные стороны, так что одна, если не обе камеры, были разделены. Однако скидки могут быть не оригинальными.

Отсутствие каких-либо украшений, очень бережное использование тесаного дерева и общая грубость работы, особенно нижнего этажа этой крепости, приводят к выводу, что она была выполнена в спешке и при недостаточном владении хорошим материалом. Особенно грубые своды, и отпечатки, оставшиеся на растворе, а также случайные фрагменты дуба, вставленные в него, показывают, что центральная часть была сложена из небольших грубых дубовых плит, даже не разрезанных по длине, а перекрывающих друг друга, и что иногда форма арки сохранялась за счет нанесения грубого слоя раствора. Раньше это было заметно даже в сводах часовни, и до сих пор можно увидеть на галереях с фресками и лестницах.

У восточной стены крепости большое прямоугольное здание, ныне снесенное, было построено, как говорят, Эдуардом III. Нижние стены были толстыми, а сохранившийся юго-восточный угол, по-видимому, был закруглен, возможно, в виде башенки. Очевидно, это пристройка, и она не имела никакого отношения к какому-либо приподнятому или закрытому входу в крепость.

Внутренний двор окружен навесной стеной с четырьмя сторонами, двенадцатью башнями-фресками и сторожкой у ворот. Нижняя, или самая длинная, сторона обращена к реке. Восточная и западная стороны наклонены внутрь, так что северная грань уже основания. Эта грань разбита тупым углом, имеющим выступ в центре.

Уровень большей части этого ограждения на 15-20 футов выше уровня внешней палаты. Возможно, здесь была сложена часть глины из канавы, выкопанной Лонгчемпом во времена правления Ричарда I. Из-за этого различия нижняя часть этой приходской стены представляет собой облицовку, удерживающую землю вдоль западного и северного, а также часть южного и восточного фасадов. Неравенство видно у сторожки, проход через которую поднимается на один фут из десяти до середины палаты, и у лестницы Святого Мартина в северо-восточном углу. Там, где стоял дворец, от Уэйкфилда до Соляной башни, уровни почти одинаковы. Этот район сильно загроможден зданиями, некоторые из которых относятся к эпохе Генриха VIII, некоторые позже, а другие были недавно снесены. Без сомнения, этот приход всегда был таким образом занят, поскольку Башня служила складом всевозможных военных припасов и резиденцией для младших офицеров двора и гарнизона. В 1213 году король Иоанн приказал засолить и развесить “беконы, которые нужно приготовить заранее”; а в 1224 году он потратил на Тауэр тридцать долей вина; так что свиные коржи и винные склады составляли часть его содержимого. Здесь же хранились свинец и более дорогие строительные материалы.

Церковь Святого Петра ад Винкула, упомянутая во времена правления Иоанна и перестроенная в поздний перпендикулярный период, до сих пор занимает северо-западную четверть прихода. В юго-восточном квартале стоял Королевский дворец, разрушенный в разное время Джеймсом, Кромвелем или после Реставрации. Цитадель в нормандских замках предназначалась скорее для случайного, чем для постоянного проживания лорда, чьи обычные покои удобнее было размещать во внутреннем дворе. Так было в Рочестере в 1281 году, в Бамборо, Карлайле, Порчестере и в других местах. Здесь дворец стоял между крепостной башней и городской стеной, и, кроме того, имел собственные стены; одна вела от башни Уэйкфилд к крепостной башне, где были барабанные башни и ворота, известные

как Холодная гавань, а другая называлась Галереей Гардероба, она вела от башни Брод-Эрроу к крепостной башне и имела на ней Гардеробную башню, тоже круглую, с круглой башенкой. Галерея Королевы простиралась от Солт-Тауэр до Лантхорн-Тауэр по линии занавеса, а большой зал соединялся с Уэйкфилд-Тауэр. Все это пространство было занято небольшими дворами и садами, жилыми домами и офисами, а также зданиями времен правления Генриха III. похоже, они вторглись во внешний двор, где были два боковых входа для обслуживания дворца. Эти здания, построенные на манер королевских домов, постоянно ремонтировались; и, похоже, на них ушла большая часть денег, затраченных на строительство Башни. Главное караульное помещение стоит на месте Колд-Харбора. Недавно был открыт фундамент Королевской галереи и большого зала. Также была обнаружена нормандская каменная кладка, часть стены прихода. В более ранних обзорах дворцовый квартал называется "Внутренним кварталом". Колд-Харбор, вероятно, был очень возвышенным; поскольку в 1572 году была подана жалоба на то, что сэр Оуэн Хоптон, лейтенант, разрешил своим заключенным встречаться и гулять по "выходам из Колд-Харбора"; и примерно в то же время граф Саутгемптон остался прыгать на башню, а его жена находилась на противоположной стороне рва.

Из двенадцати настенных башен этого прихода по одной венчают каждый из пяти углов. Две были промежуточными на южной стороне, как и две до сих пор на восточной, и две на северной, по одной с каждой стороны выступа. На западной, или самой короткой стороне, есть одна большая промежуточная башня. Сторожка, называемая Кровавой башней, находится значительно западнее центра южного фасада и напротив Ворот Предателя. Он примыкает к Уэйкфилд-Тауэр, которая примыкает к нему с востока и, вероятно, определила его положение и положение Ворот Предателя.

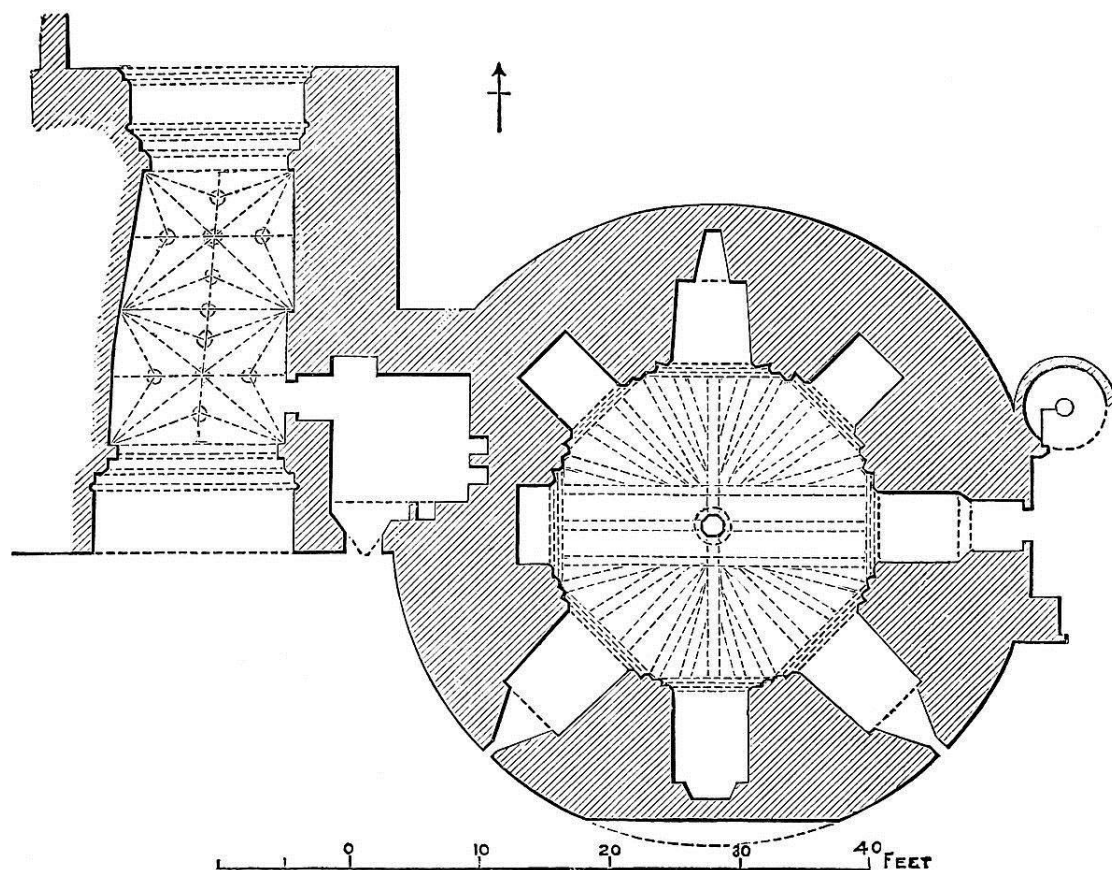
Начиная с Уэйкфилда и направляясь на запад, расположены башни Блади, Белл, Бошан, Деверо, Флинт, Бауэр, Брик, Сент-Мартин или Джуэл, Констеблз, Броуд-Эрроу, Солт и Лантхорн-Тауэр, ныне разрушенные.

Башня Уэйкфилд Тауэр заслуживает самого пристального внимания, поскольку ее нижний этаж находится рядом с замком в древности. Он также известен как Башня рекордов, поскольку записи хранились там с раннего периода до недавнего времени. В "Обзоре Елизаветы" он называется Холл-Тауэр из-за его близости к королевскому залу, разрушенному во времена Содружества.

В плане это цилиндр диаметром 50 футов и высотой около 50 футов. Его проекция от линии южного занавеса составляет около 22 футов. Был ли он изначально предназначен для перекрытия угла, неизвестно. Несомненно, завесы из башни Лантхорн с востока и Колд-Харбор с севера примыкали к ней с двух сторон и были ровесниками ей; но неизвестно, была ли третья завеса с запада, которую теперь заменила сторожка у ворот, той же даты; и, фактически, включал ли первоначальный проект нынешнюю внутреннюю палату.

Эта башня состоит из двух, а раньше имела три ступени. Подвал, пол которого находится на уровне земли, содержит восьмиугольную камеру, 23 фута от лица к лицу, со стенами толщиной 13 футов 6 дюймов. На каждой грани имеется углубление шириной 6 футов, имеющее полукруглую головку, край которой имеет двойную фаску с угловой выемкой между ними. Северное и три южных углубления имеют глубину 8 футов и плоский конец также 6 футов в поперечнике, так что в них нет перекосов. В конце находится отверстие с круглой головкой и около 4 футов в поперечнике, которое быстро сужается, превращаясь в лазейку. Северо-восточные и северо-западные углубления имеют глубину 7 футов и 6 футов и являются пустыми, без петель. Западная ниша имеет глубину всего 2 фута 6 дюймов и,

вероятно, была закрыта, когда строилась Кровавая башня. Нынешним входом является восточная ниша, но занавес, должно быть, примыкал с этой стороны, так что не исключено, что первоначальный вход находился в северо-восточной нише. В помещении, однако, так темно, а ниши так затемнены и загромождены запасами и кирпичными стенами, что их трудно детально рассмотреть.

БАШНИ БЛАДИ И УЭЙКФИЛД.—ПОДВАЛ.

Камера имеет высоту 10 футов. У нее плоская деревянная обшивка, которая, если и не оригинальна, то очень старая и вполне может представлять оригинал. Вероятно, на самом деле он был построен при перестройке верхнего этажа во время правления Генриха III. В центре камеры, на простой каменной подставке, похожей на сыр, установлен дубовый столб площадью 18 квадратных дюймов со снятыми углами. На нем покоятся две балки площадью 11 квадратных дюймов под прямым углом, пересекающие камеру с востока на запад, а также с севера на юг. Параллельно первой, на расстоянии 2 футов от нее с каждой стороны, расположены две другие подобные балки, также пересекающие камеру. Таким образом, за пределами этих балок остаются и разделяются северной и южной балками четыре квадранта, и они заполнены каждый пятью балками, также площадью 11 квадратных дюймов, которые веерообразно расходятся к стенам, где все, по-видимому, опираются на каменный выступ или стенную плиту. Расходящиеся балки врезаны в основные балки. Вся эта работа оригинальна. Эти бревна сгнили на концах стен, и для их поддержки, а также для груза записей над ними, под ними были установлены две восьмиугольные рамы, одна вплотную к стене, а другая на полпути между стенами и центральной стойкой, и каждая из них поддерживается восемью подпорками, так что внутреннее убранство камеры обезображено обычным лесом из семнадцати стоек. К востоку от этой башни был заложен фундамент старого занавеса.

С тех пор, как были написаны эти строки, все эти деревянные работы были сметены, а башня превращена в ювелирное бюро. На северо-восточной стороне башни находится более поздняя лестница-колодец диаметром 6 футов 6 дюймов, которая поднимается на второй этаж и зубчатые стены.

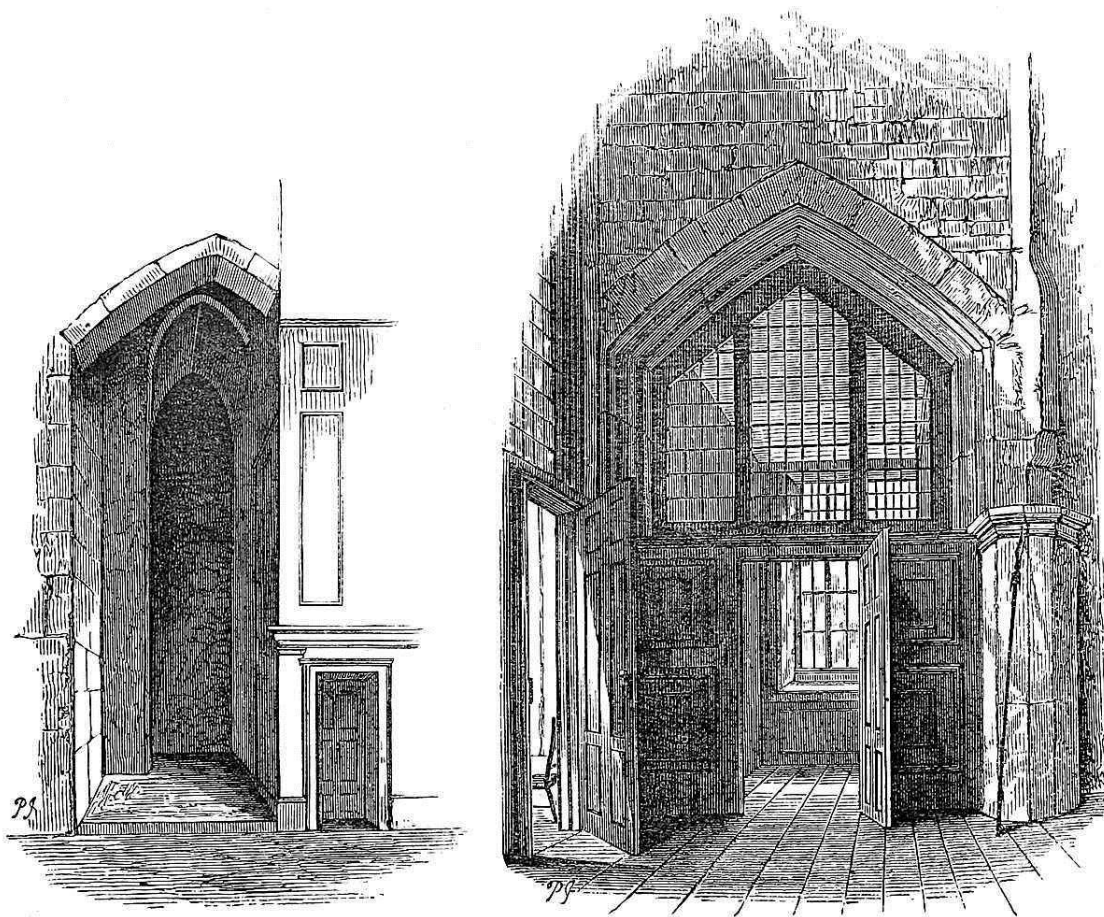
Этот верхний или первый этаж, также восьмиугольная камера, имеет диаметр 30 футов и имеет углубления на семи из восьми граней. Три из этих окон на юге и то, что на северо-западе, заканчиваются современными увеличенными старыми окнами, как и западное, проем в котором скошен, чтобы не видеть Кровавую башню. На северной стороне находится камин, вероятно, представляющий собой оригинал. Северо-восточная ниша закрыта на глубине 4 фута, а та, что к востоку, занята двумя отверстиями; одно - нынешняя дверь, очевидно, не оригинальная; ближе к северу от которой, под ниспадающей аркой, находится первоначальный вход из дворца шириной 5 футов 5 дюймов и глубиной 2 фута 6 дюймов, уменьшенный до 4 футов в ширину, где он образует высокий дверной проем, ныне закрытый. Каждое из этих углублений имеет дугообразную форму, поддерживаемую простым ребром со скошенной кромкой.

Юго-восточная ниша предназначалась для молельни, и ее стороны переходят внутрь двумя стенами, выполненными в виде дарохранительниц на их западных концах и соединенными сверху смелой простой аркой, довольно легкой и более плоской, чем остальные. Это, без сомнения, часовня, упомянутая в 1238 году. Возможно, что ниша на северо-востоке была царской дверью, и что узкий восточный проем вел к лестнице и к опоре занавеса.

Южная ниша также отличается от остальных наличием внутри второго ребра с отверстием в 3 фута, как бы над дверным проемом, и отверстие изогнуто, чтобы расположить его напротив двери башни Святого Фомы, между отверстиями которой, на расстоянии 18 футов друг от друга, очевидно, была либо поперечная стена, либо легкий мост, дающий короткий путь от дворца к крепостным валам водяных ворот.

Намерение состояло в том, чтобы сделать сводчатым это помещение, и в каждом углу находится полуосьмиугольная опора с грубым основанием и без заглушки. Общая высота потолка, ныне плоского, составляет 25 футов, так что свод должен был иметь высокий уклон с восемью ячейками. Ясно, что это так и не было выполнено.

Эта башня в настоящее время подверглась полной реставрации, вся внутренняя отделка была убрана, каменная кладка обнажена, два этажа перекрыты, а мост, который, как предполагалось, вел к башне Святого Томаса, действительно построен.

ВХОД ВО ДВОРЕЦ.

БАШНЯ УЭЙКФИЛД.

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО.

Ряд перекрытых арок во внешней стене показывает, что рассматривался и, вероятно, был построен самый верхний этаж, поскольку в башне Святого Томаса есть вторая или верхняя дверь, очевидно, предназначенная для второго моста или прохода вдоль поперечного вала, выше уже упомянутого.

Арочные кольца внутри и весь цокольный этаж снаружи этой башни сделаны из тонко обработанного тесаного дерева, и по разрушению некоторых камней и по другим признакам видно, что стыки были не просто лицевыми, но были одинаково точными по всей глубине каждого внешнего камня, степень точности, не распространенная сейчас и редкая в любом возрасте. Верхний этаж сложен из неубранного щебня. Он был заострен и заклеен осколками кремня, но видны острые выступающие арки над окнами как первого, так и второго этажа. Парапет сделан из кирпича и венчает более старую каменную стену.

Фундамент башни Уэйкфилд, вероятно, поздненормандский, возможно, времен правления Стефана или Генриха II, хотя это, без сомнения, рано для кладки с такими тонкими соединениями. Надстройка относится к началу правления Генриха III, возможно, в 1220-30 годах, поскольку в 1238 году упоминается часовня в новой башне рядом с холлом, обращенная к Темзе. Летописи королевства были помещены в Новый храм еще в 20 веке Эдуарда I., но в 33 году Эдуарда I. они находились в Тауэре, без сомнения, в замке, откуда “дополнительный магнам туррим”, чтобы освободить место для короля Франции Иоанна, они были перенесены в 1360 году, вероятно, в эту башню. В августе того же года управляющий работами должен был отремонтировать крышу, двери и окна дома, предоставленного для ведения записей, и в следующем году это повторяется для башни, в которой находятся списки канцелярии.

Башня Уэйкфилд Тауэр была предметом реставрации в 1867 году, когда были удалены все ее современные уродства и обнажена первоначальная каменная кладка. Кирпичная обшивка была снята с парапета, крыша снесена, внутренняя отделка убрана, а кирпичная и каменная кладка, с помощью которой были исправлены петли, увеличенные в окна, была удалена.

Расчистка включала в себя некоторые общественные гардеробные, построенные у северного фасада башни, и частную гардеробную, расположенную в нише на стыке с Кровавой башней, и, таким образом, было показано первоначальное основание последней и остатки мощного кордона, окружающего ее на высоте 6 футов от земли. Здесь также обнаружилась петля и любопытное отверстие диаметром около 3 футов и глубиной 3 или 4 фута, сомнительного назначения. Помимо удаления этих пристроек, была расчищена деревянная кладка первого этажа, и двойной круг столбов, которые, как показано, относятся к современному времени, был вставлен, чтобы выдержать дополнительный вес записей. Балки потолка были оригинальными. Основные балки из дуба размером 6 на 6 футов уходили глубоко в стену и, очевидно, были заложены при надстройке верхнего этажа Генрихом III. Они покоились на фрагментах древней кровельной черепицы.

Было обнаружено, что центральная стойка, также из дуба, стоит на простом каменном цилиндре диаметром 2 фута 6 дюймов и высотой 3 фута 6 дюймов. Он снова покоился на толстой квадратной дубовой плите, которая была положена на вершину невысокой штабеля, лишь частично сгнившего. Под полом было уложено 2 фута битой плитки, а под ней гравий, настолько насыщенный влагой, что в яме глубиной 5 футов стояло 2 фута воды.

В арочных нишах каменная кладка была прочной, за исключением трещины в шпангоутах той, что на западе. Было ясно, что три южных углубления содержали первоначальные петли. То, что на западе, похоже, было замуровано, когда строили Кровавую башню. Северная ниша была другой, как будто петлю подняли из-за того, что был поднят внешний грунт.

Ребра свода первого этажа, по-видимому, еще не были достроены. Северо-западная ниша была камином, который, как показала первоначальная топка из селедочной кости, был очень неглубоким, так что требовалась вытяжка, которая, как указывали два отверстия в стене, была деревянной. Юго-восточный проем был двойным. Там было маленькое окошко с ниспадающей аркой и полой фаской, к нему вели ступеньки, а сбоку от него был дверной проем, указывающий на Водонапорную башню и, без сомнения, предназначенный для выхода на небольшой мост.

В восточной нише теперь находится молельня. Первоначальное окно было узким и заостренным. На стене сохранились следы фресковой живописи. Здесь также есть писцина и шкафчик, а с каждой стороны - углубление для сидения. Оно в северной стене было вырезано как бы для дверного проема. Первоначальная дверь на этот этаж, по-видимому, находилась на северо-восточной стороне.

Очевидно, над этим был этаж. Во внешней стене есть несколько цилиндрических отверстий глубиной около 2 футов и диаметром 2 дюйма. Их назначение неясно. Под амбразурами парапета были горгульи. Мост, ведущий к Водонапорной башне, было бы неплохо перестроить, но сводить первый этаж было бы ошибкой. Покрытие нижнего этажа всегда было деревянным с необычным рисунком. Его следует заменить.

Кровавая башня - это сторожка внутреннего квартала. Он стоит на южном фасаде, к западу от центра, напротив более ранних ворот Предателя, и примыкает к также более ранней башне Уэйкфилд Тауэр. Внешняя сторона отделена занавеской. Его положение, без

сомнения, определялось Воротами Предателя и преимуществами, которые давала фланговая защита башни Уэйкфилд снаружи и стены Холодной гавани внутри.

Он прямоугольный или почти прямоугольный в плане, 25 футов шириной и 38 футов глубиной, и пронизан сводчатым проходом, ось которого поворачивает на восток. Он состоит из трех ступеней и имеет высоту 47 футов от выступа внешних ворот до парапета, который современный и сделан из кирпича.

Портал шириной 15 футов открывается под сводчатой аркой с низкими сводами, высотой 8 футов у источника и 14 футов в верхней части; на расстоянии 3 футов 6 дюймов от входа находится 6-дюймовая канавка для опускной решетки, проходящая через свод в углублении шириной 2 фута 6 дюймов, чтобы пропустить тяжелую деревянную раму. Затем следует шлюз с двойной фаской, сокращающий проход до 11 футов 8 дюймов. Далее находится корпус сторожки, 21 фут в длину и сводчатый, с парой ворот на каждом конце, а справа - будка привратника. За внутренней парой ворот следуют еще одни ворота со скошенными краями, открывающиеся на 11 футов, а за ними вторая опускная решетка с проемом шириной всего 1 фут 4 дюйма, за которой открывается портал шириной 15 футов. Проход поднимается примерно на один фут из десяти, и этот подъем, дающий большое преимущество защитникам, продолжается до точки, противоположной Белой башне, где заканчивается коротким лестничным пролетом.

Сводчатое пространство, занимающее центральную часть прохода, имеет около 22 футов в длину и 13 футов в ширину и разделено на два не совсем равных отсека. Ребра свода опираются на четыре угловых и два промежуточных выступа, представляющих львиные головы, каждый из которых поддерживает восьмиугольную скобу.

Каждый отсек разделен четырьмя основными ребрами бедра на четыре ячейки, и вдоль оси каждой ячейки расположено ребро гребня, продольное и поперечное. Каждая из этих ячеек разделена вторичным ребром, также отходящим от шести выступов, и ребром гребня, разделяющим каждую ячейку на четыре отсека. Таким образом, помимо двух настенных полуребер, от каждого промежуточного пояса отходят семь ребер, а от каждого углового пояса - по три ребра.

Здесь нет правильных выступов, но в каждой точке пересечения ребра упираются в открытый круг, центр которого занимает львиная морда, опущенная сверху. Таким образом, имеется три основных и восемь меньших кругов, помимо шести полукругов на стыке гребня и ребер стенки. Ребра и круги, хотя и имеют один рисунок, имеют два размера. Все они были неуклюже вымощены римским цементом.

Домик привратника, расположенный с восточной стороны от входа, представляет собой сводчатую комнату площадью 10 квадратных футов с окном в два света, без сомнения заменяющим петлю, обращенную к югу или фасаду. Дверь, сейчас закрытая, на ее северной стороне, по-видимому, вела на лестницу, ведущую на верхние этажи. В толще стены Уэйкфилд-Тауэр раскопано около 4 футов этого домика.

Вход, проходящий мимо сторожки, находится между подпорной стеной слева, или с запада, и главным ограждением, которое заменяет стену Холодной гавани, справа. Современная лестница, без сомнения представляющая собой старинную, поднимается по западной стене и выходит на площадку перед домом констебля, а также здесь находится вход на второй этаж сторожки.

Это украшенная или ранняя Перпендикулярная дверь, ведущая в комнату размером 28 на 18 футов, с большим двухсветным окном в западной стене у двери, а в восточной стене петля в сторону Колд-Харбор и проход, который через дверь в виде Карнарвона ведет в небольшую сводчатую и ребристую гардеробную слева и далее к тому, что, без сомнения, является лестницей-колодцем снизу, сейчас закрытой; и которая, кажется, поднимается на крышу.

Эта камера, которая была камерой с опускающей решеткой, также имеет окна по обоим концам над порталами, а поперек ее южного конца - низкую четырехцентровую арку, в которой закреплены две балки, несущие опускающую решетку, которая поднимается через прорезь в полу и поднимается с помощью грубой длинной деревянной лебедки, приводимой в действие тремя наборами стержней.

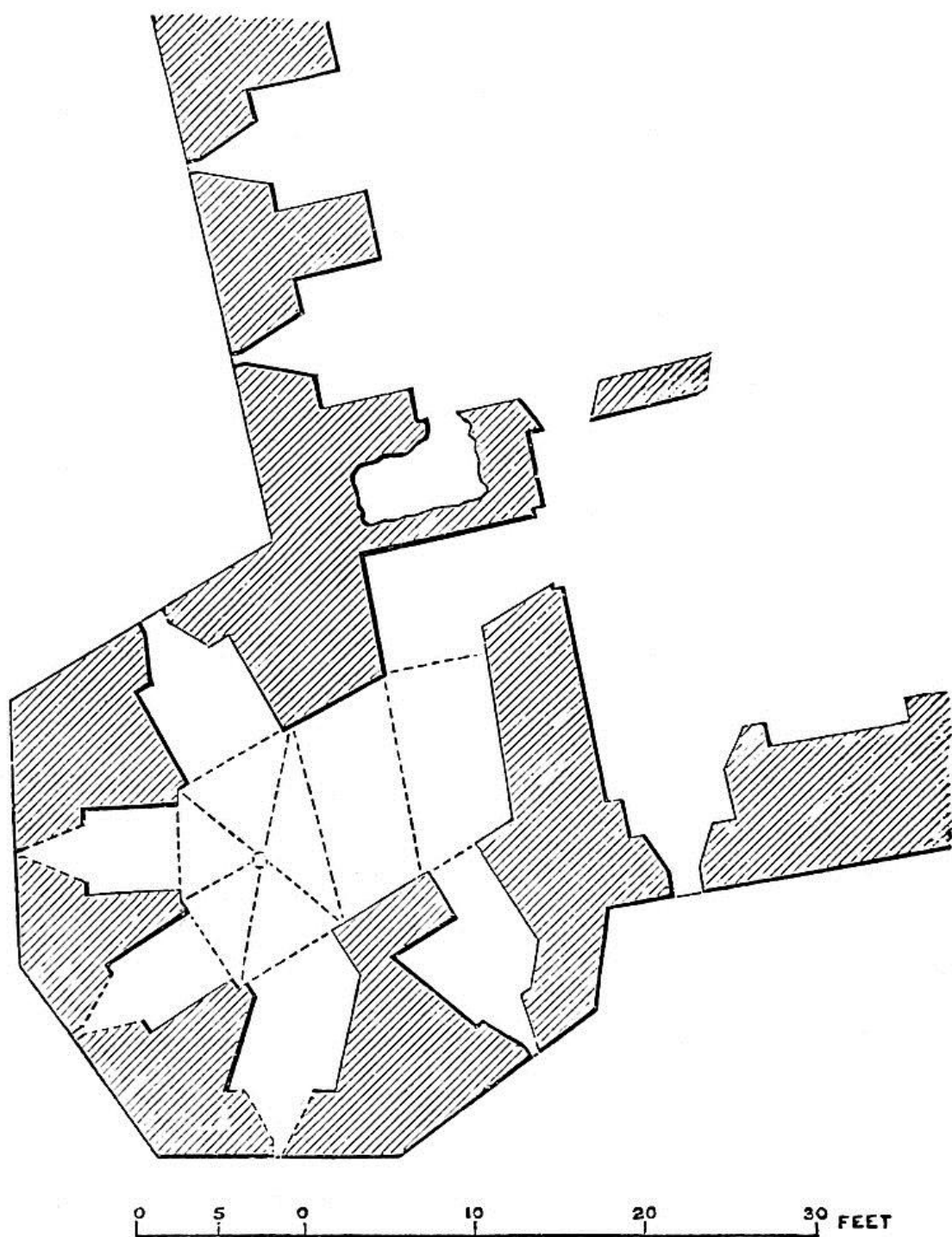
Северная опускающая решетка была легче и, возможно, вообще никогда не устанавливалась. Единственный след от его рабочего устройства - это часть углубления с плоским верхом, к которому он, возможно, был подвешен.

Верхний этаж, на который ведет лестница, вырубленная в стене между этим зданием и башней Уэйкфилд, содержит комнату длиной 25 футов и шириной 18 футов, в южном конце которой отгорожен проход длиной 26 футов и шириной 4 фута, в западном конце которого дверь, ныне замурованная, выходила на крепостной вал, показывая, что этот любопытный проход был частью крепостного вала, что объясняет наличие двери и петли, которые открываются на него с верхнего этажа сторожки. Лестница-колодец продолжается до самого верха башни, на высоте 10 футов над занавесом.

Двери, окно и арка опускающей решетки на первом этаже имеют глубокое углубление в виде четверти круга, заменяющее угол вместо обычной фаски.

Эта сторожка обычно приписывается Эдуарду III, который, возможно, построил ее в более поздний период своего правления; или это может быть работа Ричарда II. Своды и арка с опускающей решеткой кажутся более поздними, чем стены, но в целом они, вероятно, относятся к переходному периоду между декорированными и перпендикулярными.

В обзоре Генриха VIII. это называется Садовой башней, так как находится недалеко от сада констебля, ныне парадного. В "Обзоре 1597 года" он назван своим нынешним именем; и народное предубеждение, а не традиция Тауэра, приписало это название убийству сыновей Эдуарда IV, которое, по легенде, было совершено здесь.

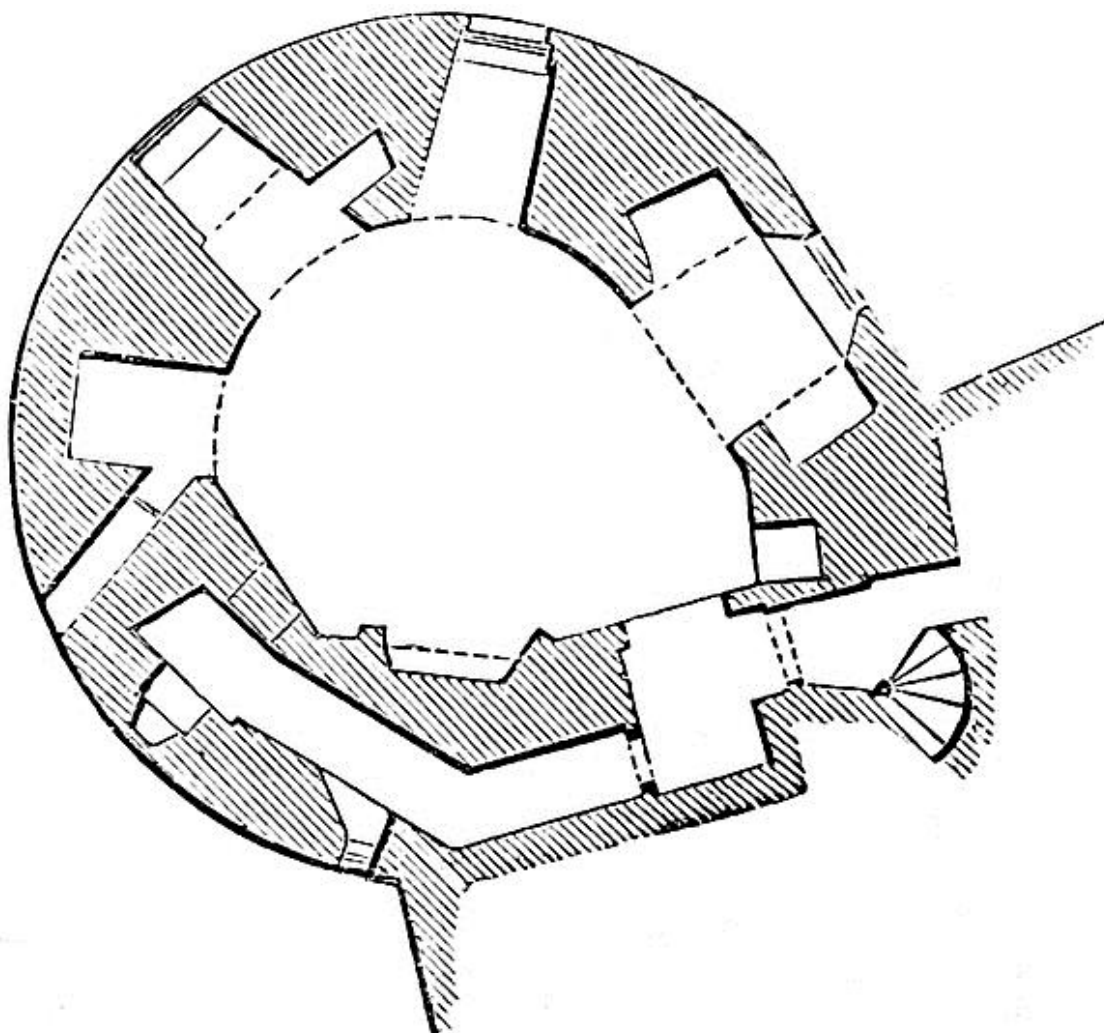
КОЛОКОЛЬНЯ.—ПОДВАЛ.

Как и Гарден-Тауэр, это здание было хорошо известной тюдоровской тюрьмой. Отсюда до Колокольни, на расстоянии 150 футов, сохранился первоначальный занавес, его полная высота составляла около 40 футов, а толщина основания - около 10 футов. Однако снаружи он настолько обветшал, а внутри так застроен домами тюдоровского периода, что почти ничего не видно из его деталей. Совершенно ясно, что в его содержании нет множества лазеек. Камера, недавно служившая конюшней, на самом деле представляет собой кирпичное хранилище в стиле тудоров, построенное напротив нее.

Рядом с Колокольней находится оригинальная фресковая камера, вероятно, гардеробная, освещенная нишей и петлей. В этом углублении видна оригинальная стена толщиной около 7 футов; и внутренняя пристройка еще на 3 фута. Оригинальное углубление имеет острую, а

дополнение - ниспадающую арку. Одно может быть раннеанглийским, а другое - датированным датой. Над этим в большом современном окне, прорубленном в квартире констебля, видна стена во всю толщину.

Колокольня названа так из-за набатного колокола, когда-то подвешенного на ее вершине. Колокол теперь выполняет менее волнующую обязанность созыва гарнизона в церковь Святого Петра, а колокольню заменили на *беседку*. Башня венчает юго-западный угол прихода и находится в 40 футах от Внешних ворот, над которыми она возвышается. В плане это неправильный восьмиугольник, средний диаметр которого составляет около 35 футов, а высота - 60 футов от уровня внешней палаты. Пять с половиной его сторон выступают за занавески. Вверху углы грубо скруглены, а верхние 20 футов имеют цилиндрическую форму и могут быть ранним дополнением. Две южные грани имеют скошенный цоколь высотой 6 футов. Стены были обклеены кремневыми осколками, а парапет представляет собой кирпичную пристройку; но очевидно, что изначально цоколь был сложен из тонкого тесаного камня, почти такого же, как Уэйкфилд. Пять крестообразных петель отмечают линию внутреннего подвала, примерно в 14 футах над поверхностью земли.

КОЛОКОЛЬНЯ.—ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Нижние 10 футов этой башни сплошные, а над ними расположены две ступени. Подвал, ныне являющийся погребом и кладовой, имеет неправильную планировку и может быть назван прямоугольной фигурой с наклонными концами. Стены имеют толщину от 9 до 13 футов и

содержат четыре заостренных арочных углубления с петлями и камеру с фресками, также с петлями. Входной проход из ущелья изгибается под прямым углом.

Эта камера сводчатая и ребристая, ее внешний конец заканчивается грубым пятиугольником, пересеченным пятью боковыми ребрами простого прямоугольного сечения, которые соединяются высокой аркой в центральном выступе. Этот выступ и капители, из которых выходят три ребра, имеют раннеанглийский характер. Отсутствуют стержни.

Верхняя камера имеет грубую круглую форму и около 18 футов в поперечнике. Толщина стен - 8 футов. С лестницы-колодца, которая начинается на этом уровне, короткий проход ведет в прямоугольный вестибюль, также сводчатый, размером 4 фута на 5 футов 6 дюймов, из которого дверь ведет в камеру, а другая - в небольшую галерею с настенными росписями, которая тянется вдоль южной стены на 22 фута и имеет две петли, одна из которых закрывает южную занавеску, другая освещает гардеробную, у которой, похоже, есть еще одно отверстие прямо в башню.

Главная камера освещалась четырьмя петлями, из которых две были превращены в окна, а две заделаны. Эти углубления неправильной ширины, с высокими ниспадающими арками, их верхушки находятся на высоте 10 футов 3 дюйма от земли, со следами широкой лепнины над каждым. Северная петля прикрывает западный занавес, справа и слева под плоскими сводчатыми арками расположены шкафы для инструментов лучников. Другой имеет боковой наклон к югу, а другой, с отверстием в арке, расширенным за счет трения о старую веревку звонка, очевидно, использовался как дверной проем. Без сомнения, она открывалась на сторожку, ныне снятую, которая в этом месте пересекала внешний двор, недалеко к северу от байвордских ворот. Это помещение имеет грубый купол с нависающими рядами плиточного камня и плоского щебня, похожее на древнюю голубятню. Несомненно, предполагалось создать надлежащее хранилище. До пружины купола 14 футов, до его венца 22 фута.

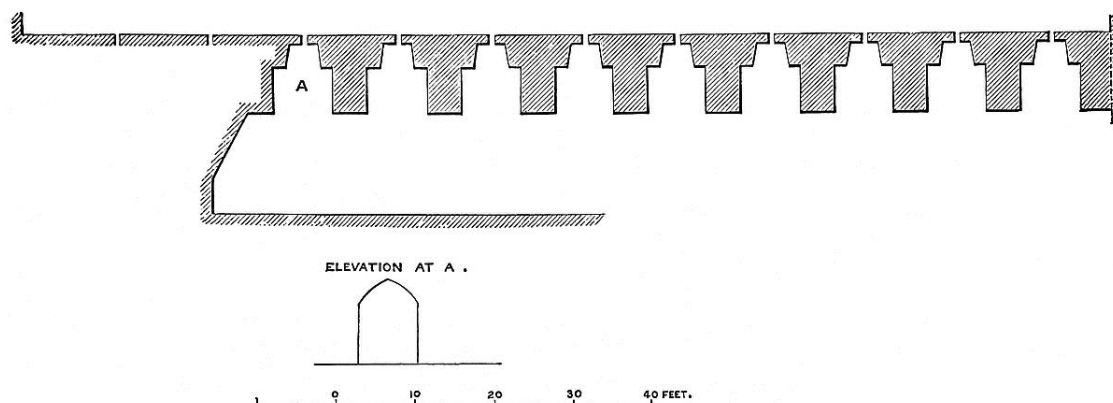
Именно в этой комнате в 1830 году была обнаружена надпись, посвященная заключению здесь 20 июня 1565 года леди Мэри Дуглас, графини Леннокс, в связи с женитьбой ее сына, лорда Дарнли, на королеве Шотландии.

Лестница-колодец поднимается с этого этажа на зубчатую стену; и у ее подножия узкая дверь, расположенная в квадратной нише, выходит на крепостную стену западного выступа, ведущую к башне Бошан. Колокольня была предметом интересного доклада преподобного Томаса Хьюго, прочитанного на Саффолк-стрит в 1858 году. Его можно смело отнести ко времени правления Джона или даже Ричарда I. То есть к последним двадцати годам двенадцатого века.

Занавес от Колокола до башни Бошан, длиной 138 футов, высотой 37 футов над внешней и 18 футов над внутренней частью и толщиной 10 футов, очень совершенен, но все еще сильно покрыт жилами домами. Снаружи на этой стене изображены одиннадцать петель примерно в 12 футах от земли и на расстоянии 12 футов друг от друга, и они находятся внутри и представляют собой одиннадцать открывающихся углублений шириной 7 футов 4 дюйма с откидными арками высотой 3 фута 4 дюйма, так что занавес был прорезан аркадой, предназначенной для защиты его основания от внешнего ограждения, но которая была бы фатальной для безопасности тяжелой надстройки, если бы на нее была пущена самая обычная отбойная машина. Ниша рядом с башней Бошан, похоже, была замурована, когда строилась эта башня. У основания парапета была струнная дорожка, ныне сильно изуродованная. Дорожка к крепостному валу остается открытой, но часть ее проходит между крышами домов. Петли выполнены по одному шаблону, с отверстием около четырех дюймов

и крестообразной формы. Три верхних конца квадратные, нижний расширяется в круглую масленку.

ЗАНАВЕС.—ПЛАН МЕСТНОСТИ.

Эта настенная аркада очень необычна. Обнаруживается, что те ниши, которые доступны, облицованы кирпичом и в их нынешнем виде вряд ли могут быть датированы более ранними временами правления Эдуарда IV или Ричарда III, если они и были столь ранними. На самом деле, они очень напоминают работы Генриха VIII. Однако сами дебюты оригинальны. Они, очевидно, существуют и за пределами Бошана, вплоть до башни Деверо, поскольку видны петли, хотя задняя часть стены настолько закрыта жилыми домами и сводами церкви, что недоступна. Ничего подобного не было обнаружено между Колокольной и Кровавой башней, а также во фрагментах оригинального занавеса на восточной стороне башни Брод-Эрроу. В коротких низких поперечных занавесах, соединенных с Соляной башней, можно увидеть нечто подобное этим углублениям, и, по-видимому, они относятся к более раннему времени. При восстановлении занавеса рядом с башней Брод-Эрроу эти углубления были очень разумно скопированы.

Башня Бошан, или Кобэм-Тауэр, возвышается ближе к центру западной стены, в которую она была встроена либо в качестве пристройки, либо, что более вероятно, на месте более ранней башни. В плане он представляет собой полукруг с внешним диаметром 36 футов и выступом за занавес на 18 футов. Внешняя стена имеет толщину 8 футов, а стена ущелья - 4 фута и простирается до внутренней стороны занавеса.

Эта башня состоит из трех ступеней, не сводчатая, средняя находится на уровне крепостного вала. Лестница-колодец диаметром 9 футов в занавесе, расположенная к югу от башни, открывается из внутреннего помещения и сообщается с каждым этажом, крепостными стенами занавеса и зубчатыми стенами башни. Лестница ведет к полю, а в проходе есть небольшое окошко, ведущее во внутреннюю палату.

Наибольший интерес представляет средняя камера, судя по количеству и качеству мемориалов, вырезанных на ее стенах выдающимися заключенными. Его план прямоугольный, с западной дугой из трех сторон восьмиугольника. В стене ущелья находится большое отреставрированное окно, а в носовой части - две петли и одно центральное окно, несомненно, когда-то бывшее петель, обращенное к полю. Одну сторону занимает камин, возможно, современного образца. Хотя он использовался как тюрьма, очевидно, был построен только для обороны, как *плацдарм* на крепостном валу. Следовательно, прогулка по крепостному валу продолжается прямо через него, и из прохода открывается небольшая фресковая камера размером 6 на 8 футов с петлей, ведущей в поле, а рядом с ней небольшая

фресковая гардеробная размером 5 на 4 фута. Лестница на юге и эти покои на севере занимают две квадратные башенки, примыкающие к башне Бошан.

Башня Бошан выполнена в украшенном стиле и является работой четырнадцатого века, вероятно, Эдуарда III. Она явно более поздняя, чем смежный занавес, в который она была вставлена. Его название Бошан, вероятно, происходит от имени Томаса графа Уорика, который был заключен здесь в тюрьму в конце четырнадцатого века, и он также назывался “Кобхэм”, в честь хорошо известного узника с таким именем, который был помещен сюда в результате заговора Уайатта. Он построен из необработанного щебня, очень напоминает собор Святого Томаса и Соляную башню и сильно отличается от подвалов Уэйкфилд-тауэрс, Белл-Тауэрс и Мартин-Тауэрс. Щебень разбит на вертикальные отсеки рядами тесаного камня или отдельными камнями, уложенными наподобие чеканных, хотя и на ровной поверхности.

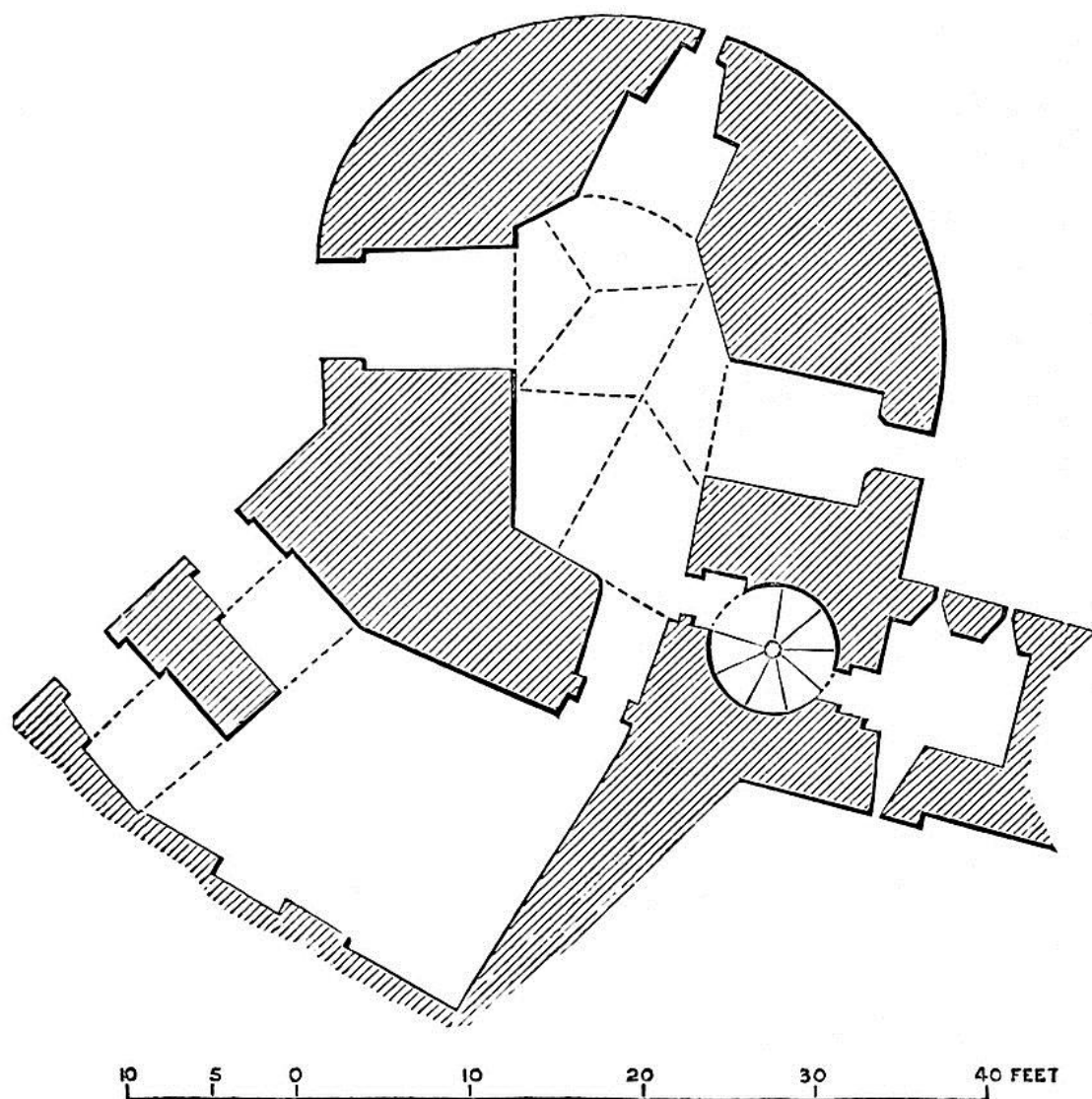
Занавес от Бошана до башни Деверо имеет 148 футов в длину и около 30 футов в высоту снаружи, вал ровный, а земля поднимается. Он оригинальный и имеет толщину около 10 футов, за исключением того места, где он расширяется до 14 футов при соединении с башней Бошан. Ячейки в его основании обозначены их внешними петлями. Рядом с башней Деверо этот занавес был изменен и обновлен, а напротив него была пристроена приподнятая платформа, закрывающая церковные своды, и кирпичная камера, пристроенная к башне.

Башня Деверо венчает северо-западный угол прихода. В плане она составляет около трех четвертей неправильного круга, 35 футов в поперечнике у ущелья и имеет выступ около 30 футов. Он состоит из двух ступеней; нижние 10 футов или 12 футов являются твердыми. Лестница-колодец на стыке с северным занавесом ведет вниз с церковной платформы в подвал и в сводчатую гардеробную размером 7 футов 10 дюймов на 6 футов 7 дюймов с двумя наружными петлями и одной, ведущей во внутреннюю палату. Это скрыто за занавеской.

Основание имеет неправильную форму, что-то вроде многоугольника с четырьмя очень неравными сторонами и изогнутым внешним концом. Он сводчатый, и его внешняя часть имеет три, а внутренняя - четыре тазобедренных ребра, простые, со скосом и шириной 13 дюймов, выступающие из стены без опоры или пояса и нерегулярно сходящиеся в митрообразных соединениях в верхней части. Толщина стены около 12 футов, а по двум сторонам и на изогнутом конце имеются три круглых углубления размером 7 футов 6 дюймов, предназначенные для петель, но теперь снабженные окнами. Кольцевые камни в этих углублениях выглядят оригинально и во многом напоминают камни в Уэйкфилд-Тауэр.

Входная дверь с лестницы имеет слегка опускающуюся арку, а рядом с ней другая такая же, но большего размера дверь, расположенная в глубокой нише, открывается в свод размером примерно 22 на 16 футов, закругленный наружу. Это хранилище представляет собой кирпичный каземат эпохи Тюдоров, но половина его закрыта старым занавесом и, вероятно, старым, хотя и облицованным. Поскольку дверь, безусловно, старая, возможно, это была оригинальная фресковая камера, или же она открылась на “терре-плейн” еще до того, как были построены церковные своды. Своды башни отделаны мелом, ребра и выступы - из более твердого материала. Возможно, стены и ниши этой башни поздненормандские, эпохи Уэйкфилдов, а ребра и своды раннеанглийские, или более поздние пристройки, или, что более вероятно, все здание датировано одним годом - Ричардом I или Джоном. Это очень любопытное сооружение. Бейли говорит, что в каменной кладке были видны ряды плиток, похожих на те, что были найдены в соседней городской стене, из фрагментов которой она, несомненно, могла быть построена. Если бы побелку сняли и исследовали обнаженную

каменную кладку, мы, вероятно, узнали бы, является ли основание башни частью древнего *ограждения* крепости, работы Генриха II. или его сын.

БАШНЯ ДЕВЕРО.—ПОДВАЛ.

На топографической съемке 1597 года видны две круглые башенки на ее стыке с занавесями, и она называется “Башня Робин Девилл”, или, позже, “Башня Девелин”. Его нынешнее название происходит от имени Роберта графа Эссекса, заключенного здесь в 1601 году. Надстройка современная.

Кремневая башня была снесена в прошлом веке и перестроена из кирпича, а несколько лет назад снова была отстроена из камня. В своем нынешнем виде это прямоугольник площадью 40 квадратных футов, имеющий небольшой внутренний и смелый внешний выступ, а его внешняя поверхность закруглена. Съемка 1597 года показывает внутренний выступ и обычные фланговые башенки, но вся нынешняя башня выглядит новой, и даже внешнее основание либо новое, либо было облицовано. За занавесом, ближе к западу, в стене есть современная лестница.

Занавес от Деверо до Флинт-Тауэр длиной 90 футов, хотя и перекрыт современным парапетом и казематирован изнутри, по сути своей кажется старым; как и занавес, также длиной 90 футов, от Флинт-Тауэр до Бауэр.

Башня Бауэр Тауэр венчает выступ в 160 градусов, который пересекает северный фасад этого прихода. В плане он полукруглый, с плоскими сторонами, диаметром 45 футов, выступающий на 28 футов от внешней стороны занавеса и совпадающий с его внутренней стороной, здесь утолщенный за счет добавления современных казематов. В 1597 году у него была одна круглая башенка на стыке с восточным занавесом. Цокольный этаж является оригинальным и изменен только заменой петель на окна. В плане он прямоугольный, с дугой из трех граней, в каждой из которых есть углубление для петли, стены толщиной 10 футов. В западной стене также есть глухое углубление. Входная дверь находится на южной стороне, а ближе к востоку от нее находится дверь поменьше, сообщающаяся с помещением в восточной стене. Над входной дверью виден след большой заделанной арки в стене. Все арки имеют заостренную форму. Помещение сводчатое, и из его углов, без опор или выступов, выходят четыре простых тяжелых скошенных набедренных ребра, которые сходятся в короне без выступа или орнамента. Они по образцу тех, что находятся в башне Деверо, и, без сомнения, украшены довольно рано и, вероятно, относятся к правлению Эдуарда III.

Верхний этаж совершенно новый, как и вся внешняя отделка.

Башня Бауэр с незапамятных времен была резиденцией и, вероятно, мастерской королевского изготовителя луков. В 1223 году Грийо делал “роговые баллисты”, а в качестве поощрения в 1224 году он купил халат для своей жены. Вскоре после этого архиепископ Йоркский получил приказ отправить Роджера Балистариуса со всем его инвентарем в Тауэр, оплатив его расходы. Бейли дает хороший перспективный рисунок интерьера.

От Бойера до Кирпичной башни, 62 фута, занавес облицован современными казематами, но по существу кажется оригинальным, хотя и перекрыт новым парапетом и облицован у своего внешнего основания.

Кирпичная башня в 1532 году, Бербидж-Тауэр, в 1597 году была показана в виде полукруга с круглой башенкой на восточном фланге, в основании которой находилась фресковая камера и, без сомнения, лестница. Похоже, он был недавно перестроен с фундамента и теперь представляет собой подковообразную башню диаметром 44 фута и высотой 42 фута в ущелье, предназначенную для очень неблагородных целей. Его выступ от занавеса составляет 36 футов.

Занавес, ведущий отсюда к башне Мартина, высотой 65 футов, похоже, был перестроен. Он казематирован и, рядом с последней башней, прорублен для лестницы из двадцати семи ступеней, которая поднимается из внешнего во внутренний двор и показывает точку наибольшей разницы уровней между ними.

Башня Мартина, или Драгоценность, ранее Кирпичная, до недавнего времени была резиденцией хранителя драгоценностей. Он венчает северо-восточный угол прихода и представляет собой в плане неправильной формы круг диаметром 40 футов. Его основание длиной 12 или 14 футов, видимое с внешней стороны, прочное; но, в отличие от других башен, это всего лишь грубый фундамент, очевидно предназначенный для того, чтобы его замаскировали. Возможно, Латунная гора, бастион внешней защиты, прямо перед этой башней, представляла собой небольшой холмик или кавалер, простиравшийся назад к башне. Но, как бы то ни было, внешняя палата у основания этой башни определенно была на 10-12 футов выше, чем сейчас.

Стена башни над фундаментом, немного выше цокольного этажа, сделана из тонкого тесаного ясеня, как у Колокольни. Еще выше стена из щебня с вертикальными линиями из тесаного дерева, как описано в башне Бошан.

Интерьер этой башни настолько изуродован перегородками из рейки и штукатурки и деревянной обшивкой, и настолько разделен на небольшие бытовые помещения, что практически ничего нельзя сделать из ее первоначальных деталей, которые, вероятно, остались, но слегка изменены. Цокольный этаж, до недавнего времени служивший ювелирным магазином, а теперь кухней, имеет круглую форму или почти круглую в плане, с тремя петлями, открывающимися под заостренными арочными нишами. Ребра этого пола имеют простые скосы. Вход находился в ущелье; справа, или на юге, находится лестница в колодец, а слева следы камеры с фресками. Они, без сомнения, занимали две круглые башенки, показанные прилагаемыми к этой башне на снимке 1597 года. Первый этаж, очевидно, оригинальный, хотя еще более затемненный, чем нижний. Эта башня, вероятно, относится к периоду правления Генриха III.

Драгоценности, по-видимому, были перенесены сюда вскоре после 1641 года с южной стороны Белой башни, затем использовались как пороховой склад, которому, как опасались, могли угрожать соседние дымоходы.

Драгоценности короны, регалии и общественные сокровища первоначально хранились в Новом Храме. Однако король Иоанн использовал Тауэр в качестве сокровищницы и отправил туда 4000 марок в 1212 году. Епископ Винчестерский был его казначеем там в 1215 году. В 1218 году, когда казначеем был де Фаукенберг, деньги хранились как здесь, так и в Храме. 37 Генрих III. (1252-3), королевские драгоценности и сокровища хранились в обоих местах. Но в тот год регалии были отправлены запечатанными в Тауэр; и с тех пор казначейство находилось здесь. Таким образом (14 Эдуарда III.) некоторые драгоценности описаны как “Роскошная экскурсия по Лондру”. И (18 Эдуарда III.) упоминаются: “*Claves interioris cameræ juxta аулам ниграм в башне Лонда^s. ubi jocalia Regis privata reponuntur.*” И (30 Эдуарда III.) мы слышим о “Трезории по поводу верхнего Лондона”. Долгое время спустя, возможно, было два надежных места; ибо (20 Джеймс I.) встречается: “Тайный ювелирный дом Его Величества в Тауэре”. — [“Кал. из Exch.,” iii. 197, 208, 225, 424.] И таких записей множество.

Это было в 1673 году, когда регалии находились в башне Мартина, на них было совершено покушение со стороны печально известного полковника Блада.

Башня Констебля находится в 102 футах к югу от башни Мартина. По рисунку и размерам она, похоже, напоминала башню Броуд-Эрроу, но, судя по всему, ее недавно отстроили заново с фундамента. Сейчас это полукруглая башня диаметром 32 фута, возвышающаяся на этаж выше занавеса, который, похоже, тоже был перестроен. Свое нынешнее название он носил при Генрихе VIII и был тюрьмой по крайней мере еще в 1641 году. — [Харл. ср., 1326.]

Отсюда до башни Броуд-Эрроу занавес длиной 102 фута по большей части кажется старым; но с обеих сторон он полностью окружен домами.

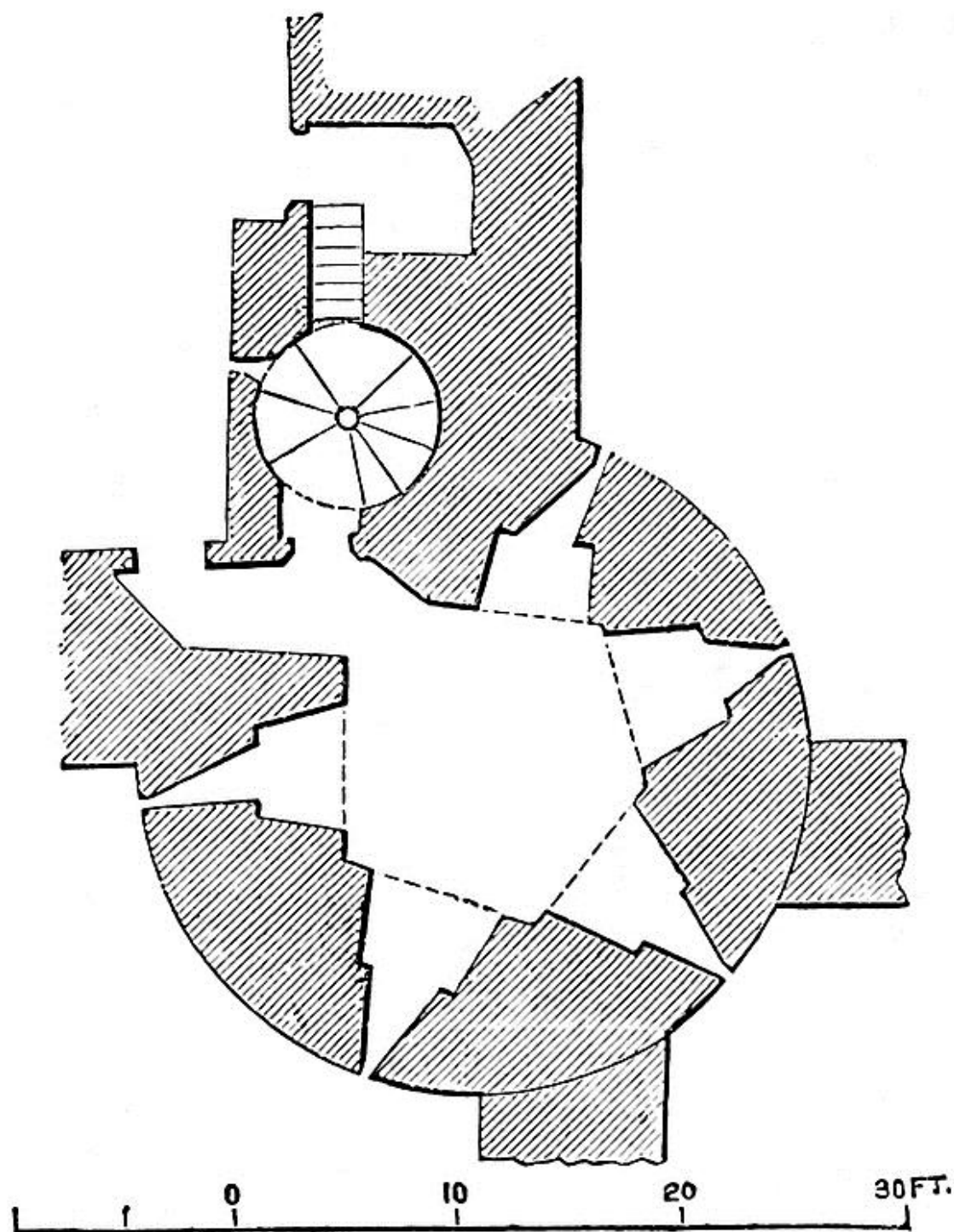
Башня Брод-Эрроу, хотя и скрыта современными зданиями, похоже, не сильно изменилась. В общем виде он напоминает башню Бошан, но имеет только две ступени и намного меньше, его диаметр составляет 26 футов, а выступ на занавесе составляет 13 футов. Его внутренняя поверхность находится на одном уровне с занавесом. На каждом фланге находится небольшая квадратная башенка. В северной части находится крутая узкая лестница, а не колодец, куда ведет дверь из Карнарвона. В той, что на юге, находится небольшая комната,

вероятно, гардеробная. На первый этаж можно попасть из ущелья, и он представляет собой грубую полукруглую камеру с тремя петлями под сводчатыми арками.

Верхняя камера, по-видимому, имела четыре внешних фасада и по петле в каждом; и еще одна в стене ущелья. Камера с фресками размером 6 на 4 фута имеет стрельчатый свод и дверь, а также петлю, обращенную занавесом на юг. Проход с крепостного вала пересекает верхний этаж, превращая его в *военную площадь*. Лестница продолжается до зубчатых стен. В 1532 году это была “башня на восточном конце гардероба”, и уже во времена правления Елизаветы к этой башне примыкала галерея гардероба, простиравшаяся от нее к замку.

Занавес от Бруд-Эрроу до Соляной башни высотой 156 футов настолько полностью перекрыт высокими зданиями с каждой стороны, что его проходная часть служит водосточным желобом между двумя рядами крыш. Он явно оригинальный, около 30 футов в высоту и 12 футов толщиной у основания. Похоже, что в нем нет ячеек, подобных тем, что на западном занавесе.

Соляная башня, построенная в 1532 году в башне Юлия Цезаря, венчает юго-восточный угол прихода. Он круглый в плане, 30 футов в диаметре и 62 фута в высоту. Он построен из необработанного щебня с вертикальными линиями из тесаного дерева, напоминающими чеканки, как в башне Бошан.

СОЛЯНАЯ БАШНЯ.—ПОДВАЛ.

Первый этаж, куда можно попасть из внутреннего помещения между двумя занавесками, представляет собой неправильный пятиугольник с пятью петлями под ниспадающими арочными нишами. Дверь открывается в короткий проход в северном конце западной стены под сегментарной аркой, к которой примыкает аналогичная, но наполовину арка в северной стене, под которой небольшая дверь с откидной аркой ведет на восходящую лестницу-колодец. Все арочные кольца сделаны из хорошего ясеня, но в комнате нет сводов.

Лестница-колодец, которая находится между башней и ее северным занавесом на высоте около 10 футов, ведет узким ответвлением к нише или углублению в занавесе, имеющему ниспадающую арку, усиленную простым скошенным ребром. Это углубление открыто сзади

и имеет петлю, охватывающую внешнюю сторону башни и поперечную стенку внешнего отделения.

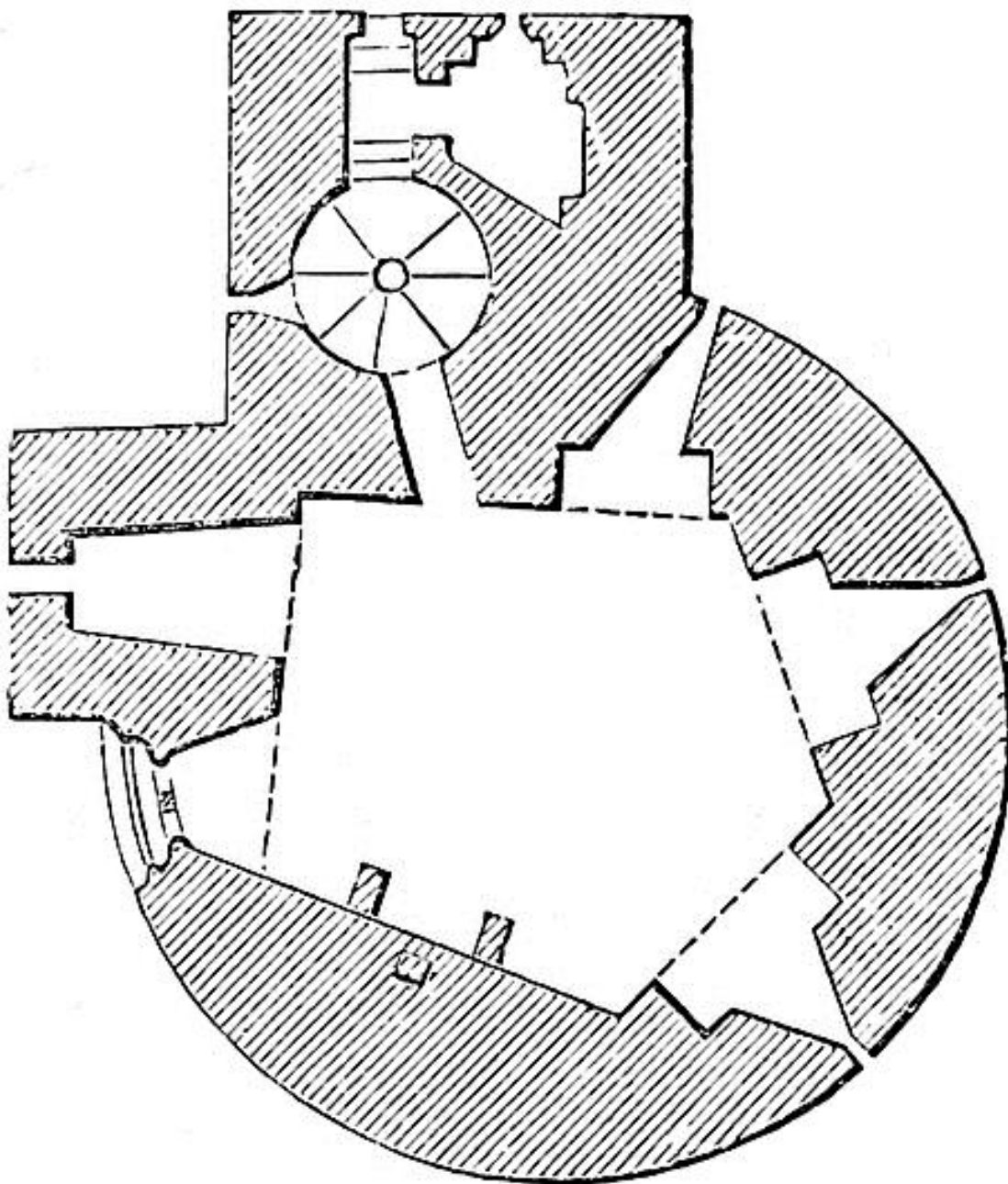
Лестница ведет на первый и второй этажи. Первый этаж, также пятиугольный, имеет на южной стороне хорошую, но простую каменную вытяжку, украшенную ранним орнаментом, со спиральной лепниной и простыми карнизами. На двух восточных гранях расположены петли. На западе находится большое двухсветное окно, современная реставрация, а рядом с ним стрельчатый проем, без сомнения, когда-то служивший дверью, ведущей к южному занавесу. Дверь на лестницу ведет с северной стороны, и рядом с ней находится петля, указывающая на север вдоль лицевой стороны занавески. С этого этажа проход ведет вдоль занавеса к башне с Широкой Стрелой; из нее открывается небольшая гардеробная.

Там есть третья ступень, а над ней зубчатые стены.

Соляная башня была местом встречи четырех занавесей. Это были восточная и южная стены внутреннего отделения одинаковой высоты и толщины, а также две стены меньших размеров, из которых одна шла на восток и пересекала восточную часть внешнего отделения, а другая шла на юг к Уэлл-Тауэру и пересекала южную часть. В каждом из них были ворота, открывающиеся в пространство между ними и ведущие к задним Железным воротам. Из пяти петель на первом этаже Соляной башни две выходили на северо-восток, во внешнюю палату, две - на юго-запад, к башне Колыбели, и одна - на юго-восток, к башне Галлимана и заднему входу.

Соляная башня недавно подверглась полной реставрации. Однако ее первоначальные черты, похоже, сохранились.

Участок занавеса между Соляной башней и башней Фонарей, видимый на стене первой, показывает, что он был толщиной 10 футов и высотой около 20 футов, но остальная его часть, вероятно, была убрана до 1532 года, чтобы освободить место для Галереи королевы. Этот занавес заканчивался Фонарной башней.

СОЛЯНАЯ БАШНЯ.—ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Башню Фонарей давным-давно снесли, но недавно был обнаружен ее фундамент. Он составлял часть дворца и содержал королевскую спальню и личный гардероб. Он был круглым и, вероятно, изначально соответствовал возрасту, размерам и стилю Уэйкфилд-Тауэр. Поскольку в 1532 году она называлась Новой башней, возможно, ее перестроили в том или предыдущем столетии. Он пострадал от пожара в 1788 году и был снесен вместе со смежными воротами, которые в этом месте пересекали внешний двор.

В обзоре 1532 года указано, что башня Лантхорн находилась на расстоянии 106 футов от башни Уэйкфилд. Фактическое расстояние, занимаемое башней Лантхорн и ее занавесами, то есть от Солта до башни Уэйкфилд, составляло 343 фута.

The *Внешняя защита* представляет собой полосу шириной от 20 до 110 футов, которая полностью окружает внутреннюю защиту и сама находится внутри рва, стена которого образует уступ. Эта стена, хотя и не является строго параллельной внутреннему занавесу. Как

и она, ее восточная и западная стороны прямые, а северная сторона имеет заметный угол около центра. Берег реки тоже изогнут, хотя и слегка.

С южной стороны ширина этого участка варьируется от 20 до 80 футов; с восточной - от 60 до 90 футов; с западной - от 60 до 70 футов; а с северной, выступ которой несколько более рельефный, чем за ним, и немного ближе к восточной оконечности, ширина колеблется от 90 до 110 футов. Длины сторон рва в том же порядке равны 750 футам, 580 футам, 460 футам и 620 футам, что составляет 800 ярдов в обхвате.

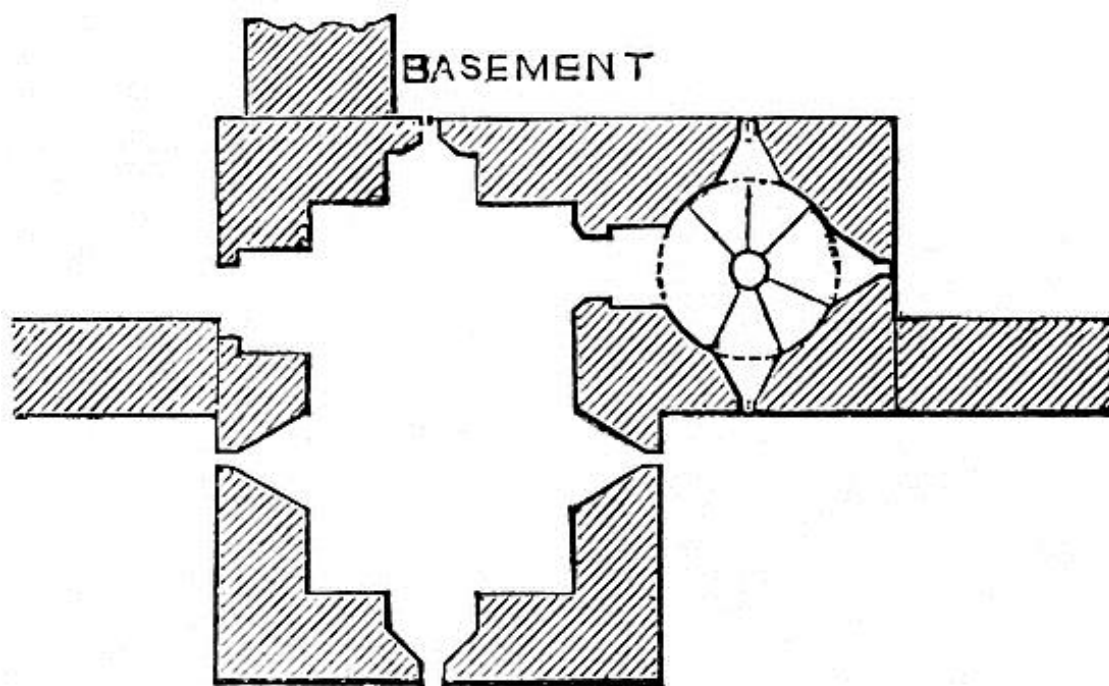
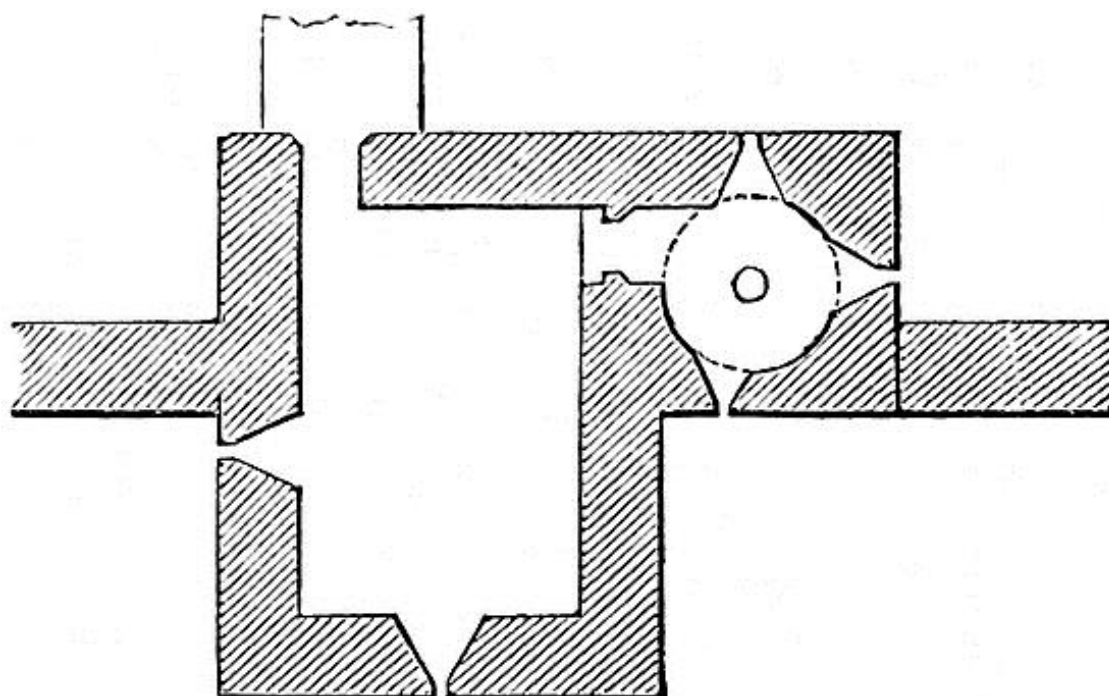
Стена была настолько изменена и укреплена современными казематами и настолько инкрустирована зданиями, что трудно определить ее первоначальные размеры. Высота варьируется от 15 до 20 футов внутри и примерно на 12 футов больше до дна нынешнего рва. Обычная толщина составляет около 6 футов. На берегу реки стена была всего 10 футов в высоту и, по-видимому, средней толщины.

Северо-восточный и северо-западный углы увенчаны барабанными бастионами, частями кругов диаметром около 80 футов. Они называются Brass Mount и Legge's Mount, вероятно, из-за того, что на них когда-то были кавалеры. Крепление Legge's Mount имеет меньший выступ и кажется прочным. Нижняя часть его внешней стены выглядит такой же старой, как и соседние шторы, но верхняя часть новая и содержит каземат, рассчитанный на шесть орудий. Латунная гора, ведущая к холму Литтл-Тауэр, сверху пронизана лестницей-колодцем, а снизу - поперечной галереей. Она ведет от двери в ущелье к середине круглой галереи с кирпичными сводами, которая окружает бастион и имеет множество петель для стрельбы из ружей, а другие переделаны под небольшие пушки. Эта галерея, вероятно, является пристройкой периода Тюдоров, раскопанной в старых подпорных стенах. Выступ между этими двумя горами недавно был перекрыт северным бастионом, дополнительным и совершенно новым сооружением, представляющим собой две трети круга диаметром около 60 футов, со сплюснутыми сторонами и содержащим три яруса казематов, каждый из которых рассчитан на пять орудий.

Единственные правильные башни внешнего квартала находятся на южном фасаде, где ров узкий и дворцовые постройки были наиболее открыты. Это пять из них: Девелин, Колодец, Колыбель, собор Святого Томаса и Байворд-Тауэр.

Башня Девелин, в 4-й части Ричарда II. "Башня Галигмайес", когда ни одна телега или подвода не должна была подъезжать к церкви Святой Екатерины, пока братья не заплатят штраф констеблю, была в 1549 году Галеименом, а в 1641 году - башней Железных ворот. До недавнего времени это был пороховой склад, и входить в него со светом было запрещено. Эти условия не благоприятствуют изучению его внутреннего убранства. Это длинная прямоугольная башня размером 18 на 32 фута, полностью построенная во рву, один конец которой примыкает к лицевой стороне занавеса, так что она выступает как контрфорс из южного конца восточного занавеса, в то время как ее южная сторона является продолжением набережной. Снаружи здание было частично облицовано, но, очевидно, оно старое и по существу такое же, как и изначально построенное. Его фундамент прочный, но примерно в 10 футах над канавой проходит линия петель на северной и южной сторонах, или две более длинные грани. Когда-то был верхний этаж, стены которого сохранились, но кажутся более поздними, чем нижний. На этом уровне, на восточной стороне, видны очертания двери, которая, будучи задней, открывалась на высоте 20 футов над рвом. На виде 1597 года изображена двойная стена, вероятно, укрепленная плотина, служащая мостом, протянувшаяся от этой башни через ров и увенчанная на контрэскарпе небольшим сооружением, называемым "Железными воротами". Если этот рисунок верен, дорога

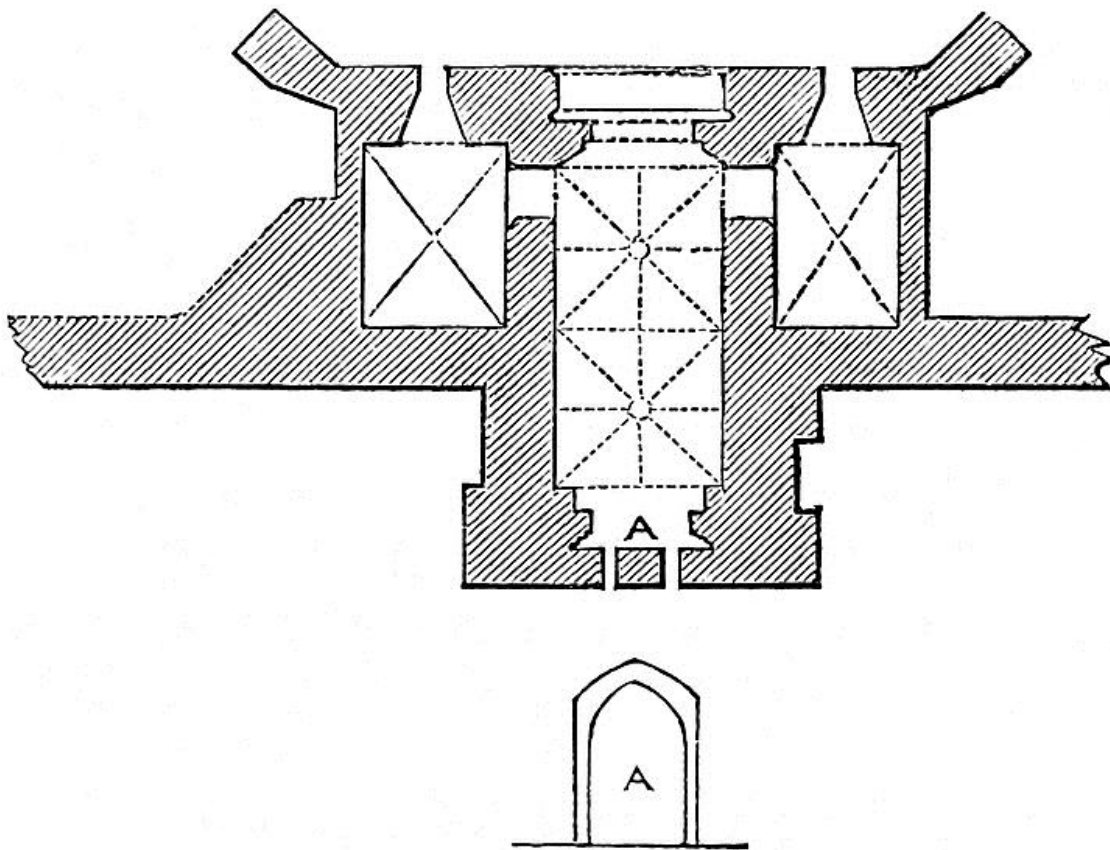
проходила через подвальное помещение, а верхний этаж вел к крепостному валу стены. Эти ворота вели на территорию церкви Святой Екатерины. Башня, вероятно, является работой Генриха III и соединена с оригинальной плотиной для поддержания уровня воды во рву. В сорока футах к западу от Девелина находится Уэлл-Тауэр.

КОЛОДЕЗНАЯ БАШНЯ.

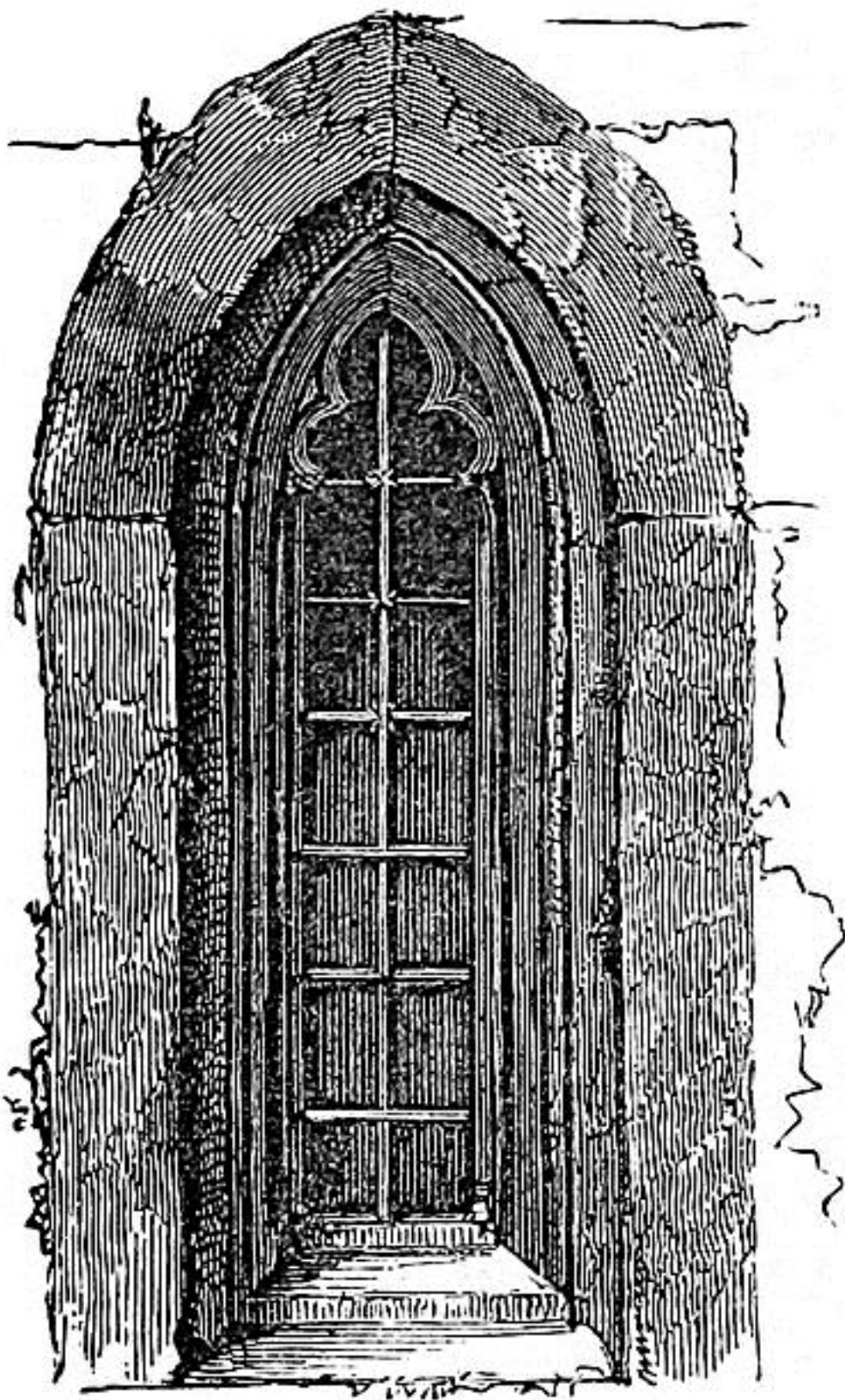
Колодезная башня, также прямоугольная, образует часть завесы и имеет выступ в ров шириной 10 на 16 футов. В его подвале, ниже нынешнего уровня внутренней палаты и едва ли выше уровня воды в канаве, находится камера размером 14 на 10 футов, имеющая высокие своды в двух неравных отсеках, северный больше, разделенных поперечным ребром. Каждый пролет состоит из четырех ячеек, с четырьмя ребрами жесткости, сходящимися в простом митрообразном соединении. На фронте каждой ячейки есть половинка или стеновое ребро. Ребра имеют ширину $7\frac{1}{2}$ дюйма и глубину $6\frac{1}{2}$ дюйма, с простой фаской и исходят из четырех угловых и двух промежуточных круглых выступов, вершины которых находятся на высоте 3 фута 4 дюйма от пола. Высота камеры составляет 11 футов 6 дюймов. В ней четыре петли, одна из которых направлена на север, в отделение, а остальные открываются в сторону канавы. Все они находятся под подвесными арками. На западной стороне находится дверь высотой 3 фута, открывающаяся в нише с ниспадающей аркой, которая, возможно, вела в камеру с фреской на занавеске или была входом из палаты. На восточной стороне прямоугольный пристрой, в который ведет дверь с квадратной головкой, содержит лестницу-колодец диаметром 6 футов 3 дюйма, закрепленную петлей на внутренней стороне занавеса и канавы. Эта лестница ведет в верхнюю комнату на уровне крепостного вала, без сводов, размером 15 на 10 футов, выходящую петлей на поле боя и выходящую на западную завесу. В его северной стене есть оригинальная дверь шириной 2 фута 3 дюйма, ведущая на крепостной вал. Второй этаж современный. Уэлл-тауэр - хороший пример раннего английского стиля.

Колодезная башня стоит прямо к югу от Соляной башни, и их соединял короткий занавес с воротами. Часть его сохранилась, 12 футов высотой и 6 футов толщиной, пронизанная петлями на уровне земли и защищенная от нападения с востока. На этот вал можно было попасть из Колодезной башни, и он не сообщался с Соляной башней. Похожий поперечный занавес соединял Соляную башню с внешней сторожевой стеной на западе. Он также был зациклен, имел центральные ворота и был защищен от атаки с юга. Таким образом, эти две завесы перекрывали подход к задним Железным воротам и не позволяли врасплох проникнуть в любую часть внешнего двора. Эти порядки, очевидно, возникли еще во времена Генриха III и показаны на снимке 1597 года.

БАШНЯ—КОЛЫБЕЛЬ.-ПОДВАЛ.

Башня-колыбель находится рядом с западом, на расстоянии 118 футов. Она стоит на внешней стене и выступает на 9 футов в ров шириной 16 футов. Это сторожка, и, хотя она небольшого размера, очень законченная по своему дизайну и отличной конструкции. Он находился почти напротив боковых ворот королевского квартала, и оттуда можно было напрямую выйти на набережную.

БАШНЯ-КОЛЫБЕЛЬ,
ОКНО.

В плане он имеет Т-образную форму, портал проходит через главную ветвь, которая выступает в ров, и боковые крылья, каждое из которых содержит сторожку, образующую ущелье или главный фасад шириной 26 футов и окруженный двумя диагональными контрфорсами, которые перекрывают углы и выступают внутрь палаты. Между ними -

дверной проем, а по обе стороны от него - маленькие стрельчатые окна, увенчанные сабельником. Одно из этих окон совершенно не изменилось.

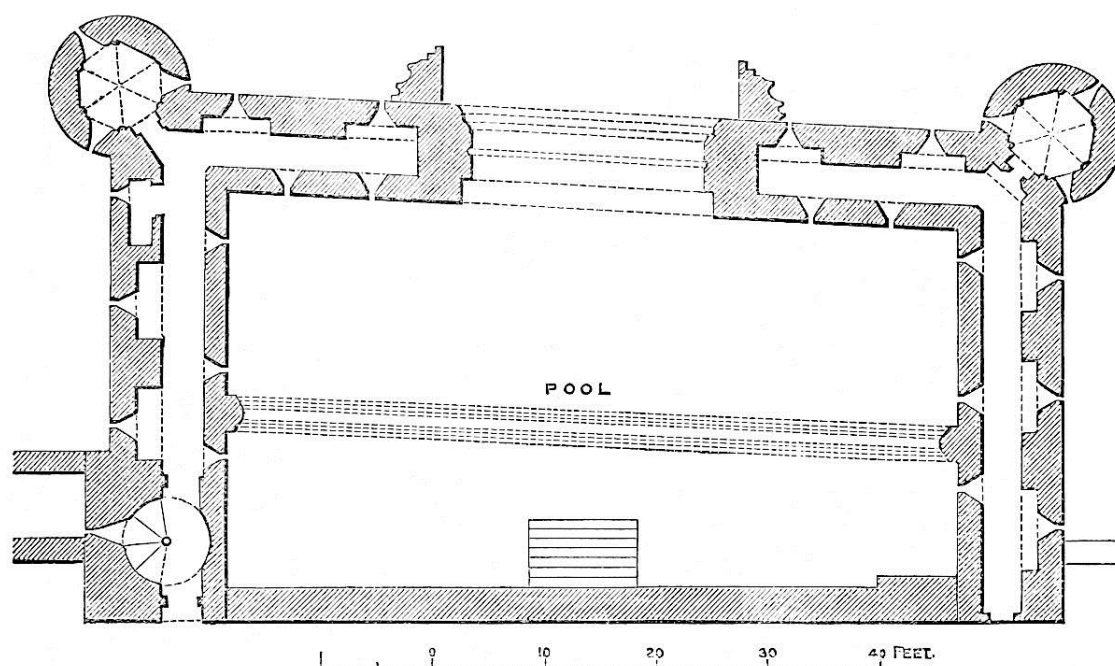
Дверной проем шириной 7 футов 2 дюйма с ниспадающей аркой и легкой фаской. На глубине двух футов находится паз для опускной решетки, за которым следует дверной проем в 5 футов, из которого клапаны перемещаются внутрь. Толщина стены 4 фута 7 дюймов. Проход представляет собой камеру из двух квадратов шириной 7 футов и высотой 12 футов 6 дюймов. Он состоит из двух равных пролетов, разделенных поперечным ребром. Каждый отсек имеет четыре ребра жесткости, и прямое ребро проходит по линии вершины каждой ячейки свода, так что восемь ребер сходятся в центре каждого отсека, а точка соединения представляет собой полый круг. Кроме того, в каждом фронте имеется ребро стенки. Ребро, разделяющее два пролета, и продольное ребро имеют простое митрообразное соединение. Ребро и круглые молдинги одинаковы. Они легкие и жирные, шириной 5 дюймов и глубиной 7 дюймов. Основание ребра имеет полую фаску, а его вершина представляет собой выступ. Ребра опираются на четыре угловых и два промежуточных выступа, вершины которых находятся на высоте 7 футов от земли. Они восьмиугольные и зубчатые. Скобка ниже сильно испорчена.

В дверном проеме в южном конце, открывающемся на 4 фута 6 дюймов, были ворота, открывающиеся внутрь, а снаружи - второй паз для опускной решетки.

Ложы открываются из центрального прохода рядом со входом в палату дверьми шириной 2 фута 10 дюймов, у одной из которых в головке сохранились острия сабельника. Они имеют ширину 12 футов, длину 8 футов 9 дюймов и высоту 12 футов, с уже замеченными маленькими окнами в сторону палаты. Они выполнены мелом в виде тазобедренных сводов, с четырьмя ячейками, с четырьмя ребрами шириной 7 дюймов и глубиной 7 дюймов, выступающими из карнизов, которые сейчас сбиты, но вершины которых находились на высоте 7 футов над полом. Стеновых ребер нет. Портальные арки главного прохода представляют собой ниши, одна из которых настолько низкая, что почти равна, а другая совсем сегментарная. Сводчатые арки равносторонние или почти таковые.

С каждой стороны той части этой башни, которая выступает в ров, снаружи есть углубление, на западной стороне 4 фута 6 дюймов, а на восточной стороне 3 фута шириной и 1 фут 4 дюйма глубиной. Возможно, это были побеги гардеробных с верхнего этажа и зубчатых стен, которые сейчас убраны. С каждой стороны, на старом уровне воды, есть полудуги, впускающие воду из рва под подъемным мостом или люлькой.

ВРАТА ПРЕДАТЕЛЕЙ.

БАШНЯ СВЯТОГО ФОМЫ.—ПОДВАЛ.

За занавесом, к западу от этой башни, есть лестница-колодец, ведущая из западного домика на крышу.

Говорят, что надстройка башни-колыбели составляла часть дворцового квартала, и на снимке 1597 года она изображена как водяные ворота с квадратной башенкой на западном фланге, где предполагалась лестница. На нем также изображена к западу от этого значительная башня, протянувшаяся через двор, здесь очень узкий, к Башне Фонаря, и в которой, без сомнения, находились Ворота Фонаря.

Детали башни Колыбели скорее украшены, чем раннеанглийские; и если, как исторически вероятно, это работа Генриха III, то она должна быть в конце его правления и, возможно, была завершена его сыном. Из-за громоздкости шлюзов и ворот башни Святого Томаса государственных заключенных иногда пропускали через эти ворота, которые затем оснащались люлькой или подъемным мостом.

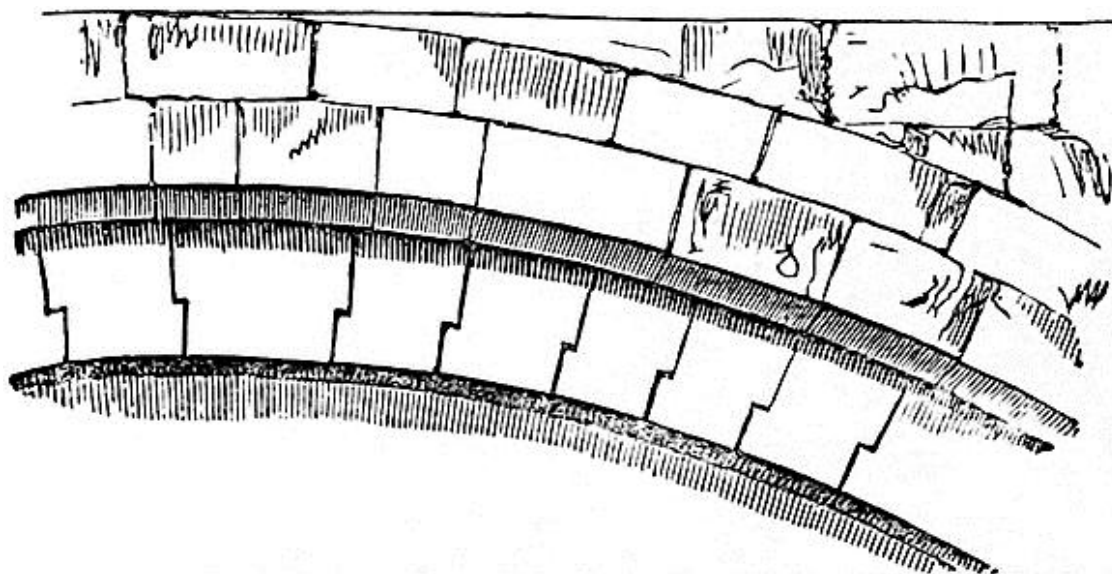
Башня Святого Фомы, более известная по своему древнему назначению как Ворота предателей, является водяными воротами Тауэра, а также содержит сообщение между Темзой и главным рвом и контролировала его. На самом деле это барбакан, и очень необычный, расположенный верхом на канаве, шириной здесь 40 футов, и пробитый проходом, ведущим от реки. Он расположен значительно западнее южного фасада, на 30 футов впереди Кровавой башни, что в этом месте соответствует ширине внешнего рубежа.

Набережную перед этой башней пересекает канал шириной 28 футов и глубиной 13 футов 6 дюймов, частично перекрытый аркой и недавно облицованный гранитом, который выходит из Темзы через арку шириной 21 фут в прямоугольный бассейн, 66 футов на 40 футов и глубиной 18 футов, облицованный и вымощенный камнем, и содержащий, когда ворота открыты, около 8 футов воды при высокой воде. Лестница, ведущая от воды, на внутренней или северной стороне этого бассейна, позволяла заключенному приземляться в пределах 30 футов от входа во внутреннюю камеру.

Сама башня расположена над внешними 18 футами этого бассейна, но ее боковые стенки вытянуты назад, так что защищены как передняя, так и боковые стенки бассейна. Южная

стена толщиной 9 футов снизу пронизана уже упомянутым водным порталом с низкими сводами под сводчатой аркой, ребристой и со скосом. Между ребрами имеется канавка шириной 6 дюймов для железного шлюза или опускной решетки, сделанная в здании выше; а в косяках имеются два отверстия диаметром 6 дюймов, облицованные железом, для прохода цепи. Внутри него, на внутренней стороне портала, находились откидные ворота, открывающиеся внутрь.

БАШНЯ СВЯТОГО ФОМЫ.

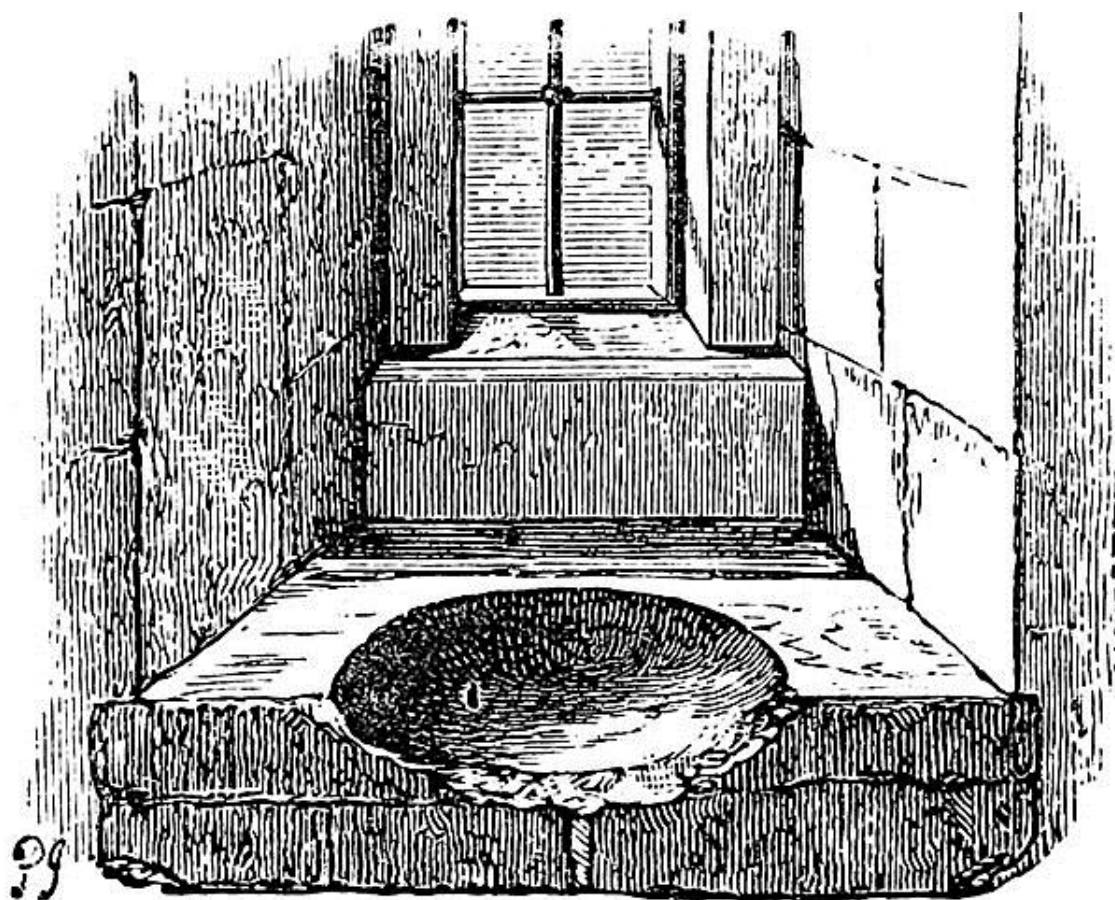
ДЕТАЛЬ ИЗ КОЛЬЦЕВЫХ КАМНЕЙ.

На глубине семнадцати футов в пределах этой внешней стены бассейн пересекает арка, поддерживающая легкую стену из кирпича и дерева, которая была задней стеной башни. Эта арка - очень примечательное сооружение. Она опирается на две полуосьмиугольные опоры и является сегментарной, с размахом 61 фут и высотой 15½ футов. Вуссуары образуют два ребра, а внутреннее состоит из семидесяти пяти камней, соединенных простым выступом или фальцем. Прямоугольная башня, которая, таким образом, возвышается над стенами внешней половины бассейна, имеет высоту 86 футов к востоку и западу на 18 футов к северу и югу и увенчана в двух своих углах, обращенных к Темзе, легкими цилиндрическими башенками, занятыми на три четверти и возвышающимися над парапетом башни. Боковые стены, вытянутые назад еще на 30 футов, заканчиваются двумя квадратными башенками, которые занимают северные углы и также возвышаются над зубчатыми стенами.

Две двери на северной стороне этих башен, на уровне земли, открываются в галерею фресок в каждой стене, обращенную одной стороной ко рву, а другой - к бассейну. Эти галереи сообщаются с южными башенками и продолжаются внутри южной стены, каждая из которых имеет две петли в сторону Темзы и две в сторону бассейна. Они не сходятся, так как их останавливают косяки шлюзовых ворот. Они также использовались для ослабления цепи при натяжении.

На полу башни, который находится выше уровня этих галерей, располагалось оборудование для подъема шлюза, которое, должно быть, было тяжелым. Стены этого этажа также пронизаны петлями и содержат две гардеробные. На фасаде, выходящем на реку, расположены два старинных окна с двумя светильниками в каждом. Две верхние комнаты в

южных башнях открываются на этот этаж, куда ведет винтовая лестница в северо-восточной башне и внешняя каменная лестница в северо-западной башне.

БАШНЯ СВЯТОГО ФОМЫ.—ПИСЦИНА.

Четыре камеры в двух цилиндрических башенках имеют превосходный дизайн и тонкую работу, как видно из таблички “Памятник Ветусте”. Они представляют собой восьмиугольники в плане, с тонкими колоннами, с высокими основаниями и колпаками-раструбами, все цилиндрические, слегка зацепленные в каждом углу, из каждого из которых выходит легкое скошенное ребро, сходящееся в гладком стыке в центре. Таким образом, имеется восемь ячеек, каждая со стрельчатым фронтоном, поддерживаемым двумя полурембрами. На трех гранях есть окна или петли, а еще одна занята дверью. В нижних комнатах петли имеют скошенные углубления под ниспадающими арками. В верхних петли большего размера, но все еще с квадратной головкой, а их углубления имеют дугообразное ребро с полой фаской. Юго-восточная верхняя палата была ораторским залом. Подоконники с каждой стороны восточных окон представляют собой плиты Пурбека, выдолбленные в виде чаш, — на юге для писцины, на севере для святой воды. Обе плиты выступали и были отломаны, когда стены обшивали деревянными панелями.

Есть второй этаж, на который ведет лестница-колодец в квадратных башенках, которые поднимаются еще выше, на крышу, но там нет ничего интересного. Лестница-колодец в северо-восточной башенке ведет к двери, которая открывается на северной стене, в 20 футах от земли, которая открывалась наружу и была заперта снаружи. Значение этого можно объяснить только при предположении, что мост или, возможно, укрепленная поперечная стена соединяли эту дверь с соответствующим отверстием в башне Уэйкфилд, расположенной на расстоянии 18 футов. Таким образом, человек, покидающий башню Святого Томаса и запирающий за собой дверь, достигнет башни Уэйкфилд, а следовательно,

и дворца, и оторвет преследование. На втором этаже башни Святого Фомы есть еще одна дверь, расположенная выше и похожая на первую, которая аналогичным образом сообщалась с верхним этажом башни Уэйкфилд; так что либо там были два разводных моста, либо стена, пронизанная галереей с фресками высотой 20 футов и с дорожкой для валов на вершине.

В башне Святого Томаса до недавнего времени стояла водяная машина, что сильно повредило ее стены. Верхние комнаты были разделены на жилые с помощью деревянных панелей, рейки и штукатурки. Недавно все было расчищено, а башня отреставрирована с хорошим вкусом.

Башню Святого Томаса приписывают, и, без сомнения, справедливо, Генриху III; но, хотя восьмиугольные покои имеют раннеанглийский вид, большая арка, лестничные двери и окна, выходящие на реку, явно украшены, хотя, вероятно, и в раннем этом стиле. Следовательно, если эта башня датируется одним годом, то она должна быть построена очень поздно, в правление Генриха, но, что более вероятно, она была достроена, а величественная арка переделана в арку его сына. Материал - тряпичный камень, уложенный в необработанную бутовую кладку, как в Beauchamp и Salt Towers, с облицовкой из ясеня. Бассейн внизу был капитально отремонтирован Генрихом VIII. Есть некоторые основания предполагать, что это была та самая башня, которая дважды падала во время строительства.

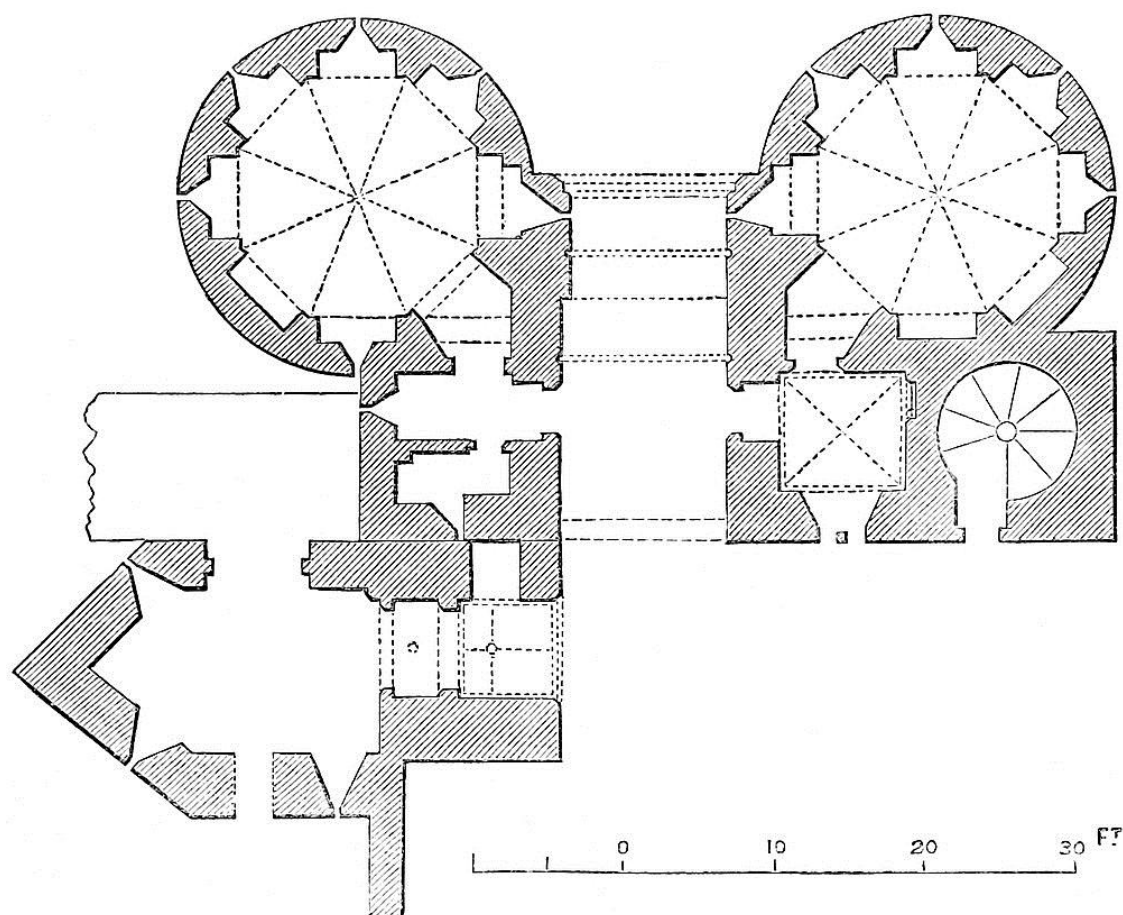
Занавеска вдоль этого фасада оригинальная, хотя и заштопанная в наше время. По-видимому, он находился примерно в 20 футах над водой и от 12 до 14 футов с внутренней стороны. Местами толщина его составляла 12 футов; но добавление кирпичных створок во времена Тюдоров, чтобы на крепостных стенах можно было разместить пушки, препятствует точному исследованию. Это, без сомнения, работа Генриха III. От собора Святого Томаса до Байворд-Тауэр 160 футов.

Байвордская башня - это большая сторожевая башня внешнего квартала, расположенная на откосе западного рва, на его стыке с южным рвом. В плане он прямоугольный, шириной 50 футов и глубиной 24 фута, а два его внешних угла увенчаны барабанными башнями диаметром 23 фута, зацепленными на четверть, которые возвышаются над рвом. Между ними находится занавес высотой 14 футов, прорезанный главным входом. Башни, расположенные ниже проезжей части, прочные; над ней они состоят из трех ступеней и достигают 49 футов в высоту до гребня парапета, который, как и большая часть обшивки, является современным.

Портал открывается с моста низкой аркой шириной 12 футов и высотой 12 футов, уменьшенной двумя глубокими фасками до отверстия в 10 футов, за которым следует широкий косяк, в котором расположены отверстия-петли для лож. За ним следует 6-дюймовый паз для опускной решетки с углублением в своде 16 дюймов, обеспечивающее проход тяжелой деревянной решетки. Затем следует тяжелое ребро, пробитое тремя круглыми отверстиями, которые слегка сходятся и, вероятно, предназначены для балок частокола, предполагающих, что ворота будут взломаны; а позади находится перекладина с петлями для створок двери, открывающимися внутрь. Средняя часть портала, которая начинается здесь, имеет плоскую деревянную крышу высотой 18 футов. В ней находится второе углубление для опускной решетки и двери домиков надзирателей. Наконец, это внутренняя арка без косяков, но со смелым тройным ребром, образующим арку.

Южная дверь ложи ведет в вестибюль размером 8 на 4 фута, с меловыми сводами, с южной петлей, огибающей заднюю дверь. Стрельчатая дверь на левой, или восточной, стороне ведет в гардеробную с петлей на востоке, которая сейчас закрыта. Напротив короткий проход, также сводчатый и с поперечным ребром, ведет на юг, в сторожку надзирателей.

Это восьмиугольник, 15 футов 9 дюймов от лица к лицу. В каждом углу находится тонкая восьмиугольная опора, зацепленная за грань и две половинки граней, со своего рода колпаком-колоколом и основанием на ходулях, оба восьмиугольные. От каждой опоры отходят основное ребро и две половинки ребер. Первые сходятся в центре в гладком соединении; вторые образуют стрельчатые арки на фронте каждой ячейки. Все они узкие и с явными скосами. Из восьми сводчатых ячеек линии гребня горизонтальные и не имеют ребер. Ребра и опоры сделаны из свободного камня, своды - из мела. От пола до опор 6 футов 11 дюймов. Общая высота - 17 футов.

БАЙВОРДСКАЯ БАШНЯ И ЗАДНИЙ ВХОД.

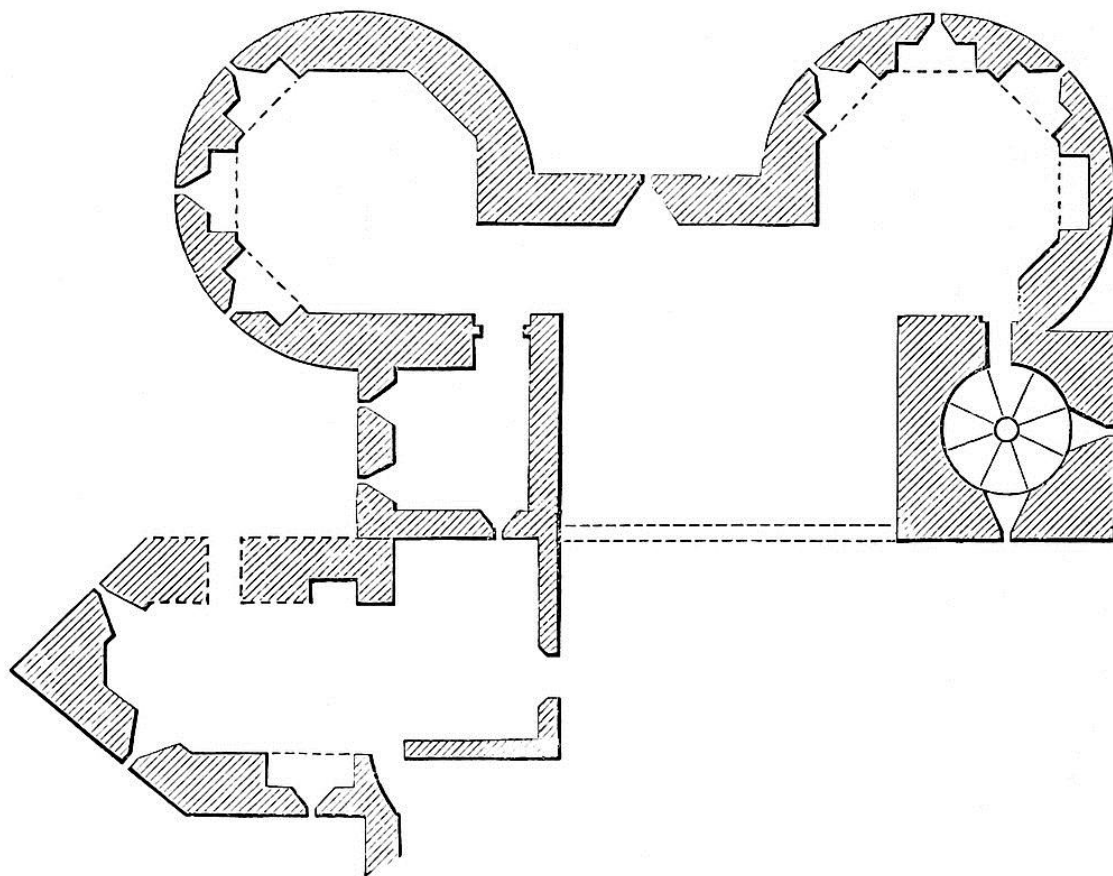
В каждой из граней есть углубление. То, что на северо-востоке, является входом. Юго-восточную часть занимает камин, без сомнения, представляющий собой оригинал; остальные шесть выполнены в виде петель.

В северную ложу входят через вестибюль площадью 7 футов 9 дюймов и высотой 15 футов, состоящий из четырех ячеек, со сводчатыми потолками, с четырьмя тонкими скошенными ребрами жесткости, отходящими от восьмиугольных выступов, по одному под каждым углом. Выступа нет. На фронте каждой ячейки имеется полуребро профиля.

На восточной стороне находится длинное двухсветное окно под сегментарным углублением, которое кажется оригинальным. Это окно, а также пропорции и общая элегантность этого помещения указывают на его возможное использование в качестве ораторского зала. Те, кто входил в Башню, вполне могли нуждаться в духовной поддержке на пороге.

В его северной стене есть небольшой стрельчатый дверной проем, ведущий к лестнице-колодцу, но, вероятно, всегда закрытый. Западная дверь ведет через короткий коридор в

сторожку, ныне полицейскую казарму. Этот домик очень похож на тот, что находится на южной стороне, за исключением того, что восточная ниша заделана, а камин, кронштейны которого оригинальные, занимает северо-восточную сторону. Верхняя часть этого помещения, обращенная ко рву, была пробита, вероятно, для стрельбы из мушкетов, чтобы контролировать подход со стороны Тауэр-стрит. В северо-восточном углу этой сторожки находится лестница-колодец, на которую ведет отдельная дверь с восточной и внешней стороны.

БАЙВОРДСКАЯ БАШНЯ.—ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

На первом этаже расположены две большие восьмиугольные камеры в башнях. Лестница ведет в один из них в северо-восточном углу, а юго-восточный угол занимает помещение площадью 8 квадратных футов. Задняя стена между этими двумя башенками отсутствует, так что эта сторожка с опускной решеткой должна была открываться сзади или была закрыта, как сейчас, решеткой из рейки и штукатурки. На западе, над въездными воротами, было маленькое окошко, выходившее на мост.

Устройство второго этажа еще более простое. Сохранилась лестница и две восьмиугольные комнаты, но не хватает небольшой юго-восточной комнаты. Задняя дверь открыта.

На уровне зубчатой стены лестница и ее башенка заканчиваются. Над парапетом теперь ничего нет.

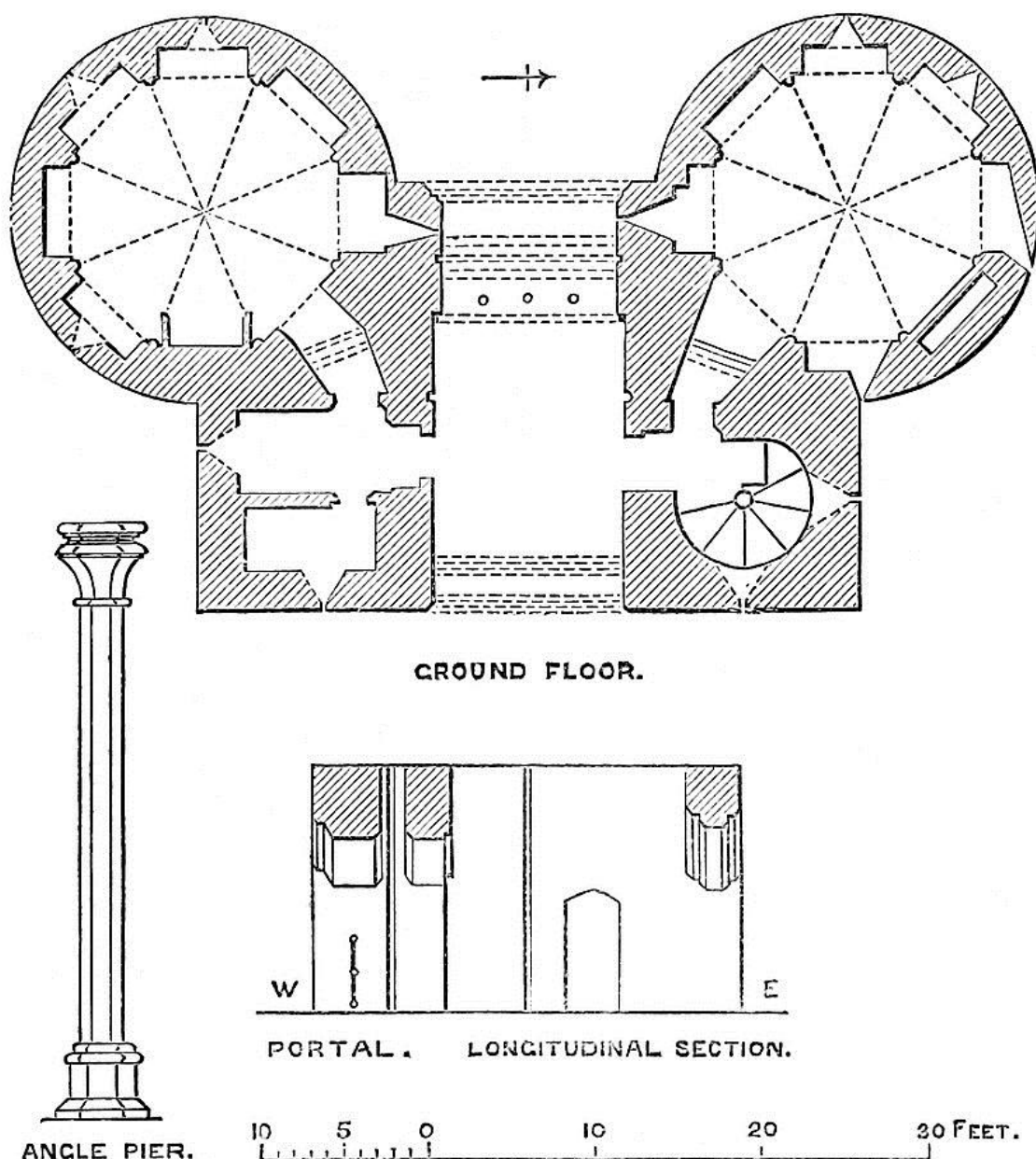
В задней части и пристроенной к юго-восточной части этой сторожки находится низкая башня более позднего времени, предназначенная для перекрытия заднего моста, пересекающего южный ров и спускающегося на набережную. Башня прямоугольная в плане, шириной 14 футов и длиной 29 футов, кроме острого выступа еще на 12 футов, который выступает в южный ров и предотвращает его зачистку.

Он пронизан с севера на юг порталом шириной 6 футов 9 дюймов, который начинается с квадратной ячейки, сводчатой, с поперечным и продольным ребром, скошенной и пронизанной на пересечении восьмиугольной полостью. Затем два дверных косяка

уменьшают проем на фут, а между ними, в своде, находится отверстие диаметром 9 дюймов, по-видимому, предназначенное для цепи, которая проходила через ребро следующей двери и образовывала, все еще внутри башни, легкий мост, выемка для которого видна снаружи двери. Помещение здесь расширяется на 3 фута, чтобы освободить место для тех, кто защищает восточную стену. Когда этот мост был опущен, открылся путь к двери в западной стене, за которой находилась платформа, откуда второй мост спускался на юг через ров. Верхний этаж этой задней башни представлял собой одно большое помещение для работы с внутренним мостом. Из него дверь ведет на дорожку, ведущую к крепостному валу восточного занавеса. Над ним располагались зубчатые стены заднего хода, на две ступени ниже зубцов примыкающей башни. Во времена правления Тюдоров эти здания были обременены пристройками из кирпича, дерева и штукатурки, которые сохранились до сих пор и во многом скрывают первоначальные детали. Эта задняя башня расположена перпендикулярно, возможно, работы Ричарда II.

Помимо только что описанных бастионов и башен, внутренняя защита была укреплена от внезапности несколькими поперечными стенами и воротами, разделившими ее на независимые секции. Одни из этих ворот пересекали Белл-Тауэр - Байворд, а другие, как говорят, пересекали Бошамп-Тауэр к северу. Поперек палаты, по обе стороны от Ворот Предателей, были стены с воротами, так что заключенных можно было доставлять по воде и вести через ворота Кровавой Башни, без каких-либо шансов на спасение во внешней камере, да и вообще незамеченными. Другие ворота более строгого описания и с башнями простирались от Фонаря до ближней башни Колыбели; и еще одни, уже упомянутые, открывались в небольшом занавесе между Соляной башней и Башней Колодца. За коротким занавесом к востоку от Соляной башни был по крайней мере еще один шлюз. Квартал между всеми этими воротами, должно быть, предполагался открытым; но, по крайней мере, со времен правления Тюдоров, он был застроен частными домами. Здесь деятельность Монетного двора велась с большими неудобствами; северная и западная части прихода до сих пор носят название Минт-стрит, а восточная - Айриш-Минт-стрит.

Занавес или откосная стена этого прихода, без сомнения, была работой Генриха III, и большая часть стены до сих пор оригинальна. В западной стене, недалеко от входа, под современной батареей из двух орудий, есть шесть петель, вероятно, старых, но освещающих современные казематы, и под каждой - отверстие для воздуха. Кроме того, на северном фасаде, близко к западу от нового бастиона в стене, находится стрельчатая арочная дверь, давно закрытая, но, вероятно, первоначально служившая водяными воротами. К западу от этого также находится оригинальная петля, без сомнения, отмечающая место, где находилась камера с фресками, доступ к которой сейчас недоступен.

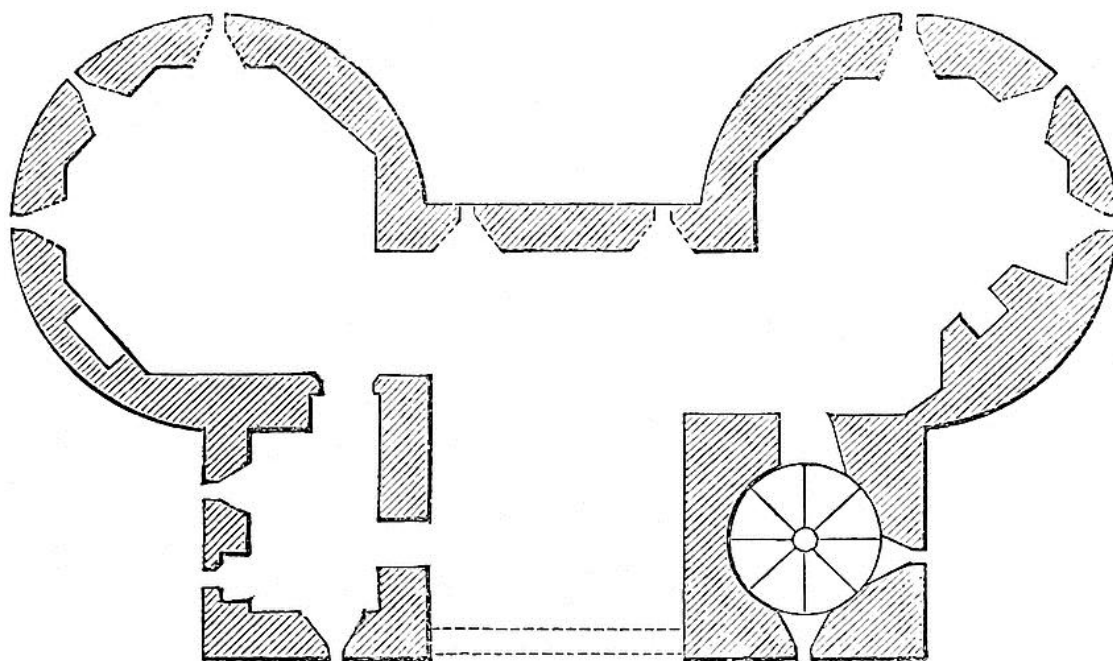
СРЕДНЯЯ БАШНЯ.

Современные дополнения к этому занавесу состоят из ряда казематов, складов, столовых, складских помещений и мастерских, построенных напротив его внутренней стороны и скрывающих ее, образуя вал или платформу шириной 30 футов.

Эта внешняя стена была возведена с большой тщательностью на широком и глубоком фундаменте, поскольку на ней нет никаких признаков заселения, хотя и построена в том, что до недавнего времени было глубоким и илистым рвом. Действительно, в одной части, недалеко к югу от Брасс-Маунт, он был укреплен тремя очень неуклюжими контрфорсами шириной 12 футов и выступом 22 фута. Один закрывает внутренний угол бастиона; следующий находится на расстоянии около 40 футов; а третий, примерно на том же пространстве, на самом деле представляет собой прямоугольную башню-фреску, напоминающую Галерную, и содержит небольшую камеру с двумя петлями на каждой из трех свободных граней. Его бруствер новый и пробит для двух орудий.

Средняя башня - это надстройка Байворд-тауэра и барбакан, прикрывающий вход в крепость со стороны суши. Он стоит на откосе рва, на внешнем конце моста, и

первоначально был окружен собственной специальной канавой, петлей от главной канавы этого места, засыпанной в восемнадцатом веке. По дизайну и исполнению он очень напоминает Байворд Тауэр, хотя и несколько меньше: его ширина составляет 40 футов, а высота над проезжей частью - 30 футов. Очевидно, он датирован Байвордом и, как будто, был открыт сзади. Он также был облицован портлендским камнем. Его портал имеет двойную опускную решетку, ворота, вертикальные отверстия, боковые петли и ложи, а его центральная часть обшита деревом. Ни в одной из башен сейчас нет и следа подъемного моста. Ложи в довольно хорошем состоянии; лестница в северо-восточном углу используется и соответствует молельне Байуорд; а в юго-восточной башенке находятся вестибюль и гардеробная, а над ними комната размером 7 футов на 8 футов 6 дюймов, и снова по лестнице другая комната размером 7 футов 4 дюйма на 10 футов 10 дюймов.

СРЕДНЯЯ БАШНЯ.—ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Между двумя сторожками через ров перекинут каменный мост длиной 130 футов и шириной в самом узком месте 20 футов. Поскольку башни расположены не совсем напротив, линия моста изломана небольшим зигзагом. В центре, по-видимому, было отверстие высотой 20 футов, ныне представляющее собой каменную арку, когда-то служившую подъемным мостом, как показано на старых рисунках.

Похоже, что у набережной не было какой-либо постоянной парапетной стены, которая действительно мешала бы ее использованию. Она находилась под достаточным контролем защитников внешнего квартала. Вероятно, это была работа Генриха III., на двенадцатый год правления которого она впервые упоминается и называется “Кайя Регис”; и Джон де Крамбвелл, 8-9 Эдуард III., тогда получил заказ на 300 ольховых шестов из Виндзорского леса для ее ремонта. Набережная имеет длину около 1130 футов, что составляет полный фасад Башни.

Канавы.— Это, безусловно, самое грозное из оборонительных сооружений Башни, ширина которого варьируется от 100 футов на востоке до 110 футов на севере и 120 футов на западе или со стороны Города. Вдоль южной стороны, или берега реки, он имеет ширину всего 40 футов, вероятно, потому, что с этой стороны его прикрывал причал, узкие границы которого не позволяли подтянуть к нему большие силы нападающих; кроме того, башня,

прикрывающая ворота предателей, и два небольших боковых моста, которые было удобно проложить к причалу и реке, не позволяли сделать ров большой ширины.

Ров был не только широким, но и большой глубины, так что, когда он наполнялся до уровня прилива, его с трудом можно было перейти, и действительно, когда вода была низкой, грязь, которая скапливалась там и которая в последние годы делала его нездоровой помехой, должна была быть столь же грозной, как защита. Тем не менее, были предприняты меры по его очистке, и “Liber Albus” сообщает нам, что во времена правления Эдуарда III наказанием за купание в Тауэрском рву или в Темзе рядом с Тауэром была смерть! (том i, стр. xlix.) Его внешняя схема рассчитана на 3156 футов.

Кроме того, из-за большой высоты местности к западу и северу контрэскарп настолько высок, что сам по себе является значительным препятствием для пересечения рва, хотя, без сомнения, в других отношениях это было выгодно осаждающим. Помимо главного моста, ров пересекали башня Святого Томаса и плотина между Галлиманом и Железными воротами, которые служили для удержания воды. Здесь также были задние двери Айрон Гейт, Байвард и Колыбельная башня.

Несомненно, ров Завоевателя, даже когда его углубил Лонгчамп, питался Темзой; и вода поднималась и опускалась вместе с приливом. Вмешательство пристани и шлюзовых ворот Сент-Томаса было задумано для того, чтобы сделать воду во рву независимой от прилива и, таким образом, существенно повысить прочность оборонительных сооружений. Ров был осушен, а его дно поднято и выровнено герцогом Веллингтоном во время его пребывания в должности констебля. В современной кирпичной облицовке контрскарпа можно увидеть ряд замурованных арок, напоминающих канализационные люки, которые, по-видимому, были предназначены для облегчения минирования гласиса в случае осады.

Надворная постройка перед Средней Башней, хотя ее ров засыпан, а другие постройки сняты, все еще обозначена линией частоколов, за которыми находятся билетная касса и небольшое машинное отделение. Здесь стояли Львиная башня и Королевский зверинец; и весь этот *тет-де-пон* был дополнительно защищен небольшой башней и подъемным мостом, показанными на некоторых ранних рисунках.

Львы были частью королевского государства и обитали в бастиионе Тауэра во времена правления Генриха I. Император Фридрих в 1235 году отправил Генриха II. три леопарда; а в 1252 году - Генрих III. получил белого медведя из Норвегии, на содержание которого лондонские шерифы ежедневно выделяли четыре пенса вместе с его сторожем, а также намордник и железную цепь, чтобы удерживать его, когда “лишний аквамарин”, и прочную веревку, чтобы удерживать его, когда он ловит рыбу в Темзе. В 1254 году Людовик Французский прислал королю слона. Его привезли из Сандвича в Тауэр, где шерифы должны были построить для него прочный и подходящий дом размером 40 на 20 футов и содержать его и его сторожа. Эдуард I и Эдуард II держали здесь львов. В то время, когда пособие эсквайра составляло один пенни в день, лев получал четверть баранины и три с половиной пенса для сторожа; а впоследствии пособие льва составляло шесть пенсов; столько же для леопарда и три с половиной пенса для сторожа. В 16 веке при Эдуарде III здесь были лев и львица, леопард и две кошки-львы. В 1543 году герцог Наджарский видел здесь четырех больших и свирепых львов и двух леопардов. Зверинец был окончательно закрыт примерно в 1830 году. Его создание на этом конкретном месте, вероятно, было связано с Генрихом III.

В 1597 году все внешнее пространство называлось Бастионом, а иногда и Форпостом.

история.

Решив построить “Arx Palatina” и имея многолетний опыт использования предлагаемого места для временного лагеря, Завоеватель, наконец, решил возвести обычный замок и поручил эту работу Гундульф, монаху из Бека, который в 1077 году, вскоре после своего прибытия в Англию, был рукоположен в епископа Рочестерского.

Гундульф привез с собой из Нормандии некоторую репутацию архитектора, призванию которого он и посвятил в этой стране. Крепость Рочестер, эта мощная, но изящная башня, столь предусмотрительно расположенная над древним проливом Медуэй и долгое время приписывавшаяся епископу, теперь известна как более поздняя; и единственными существующими зданиями, помимо Белой башни, которые можно смело приписать ему, являются северная башня Рочестерского собора, части старого склепа и, возможно, небольшая часть его западного фасада; также очень совершенная и неизменная оболочка крепости Маллинг, известная как башня Святого Леонарда; возможно, широкая, массивная башня соседней церкви и, возможно, нормандские части здания. из того, что было в Дартфорде. Однако эти остатки Белой башни и свидетельства многих поколений можно считать достаточными для подтверждения его славы.

Прямое доказательство того, что Гундульф служил в Белой башне, дает “Роффенсис Текстус”, написанный около 1143 года, то есть в течение восьмидесяти лет после Завоевания, и напечатанный Хирном. В этой записи, между прочим, сохранился тот факт, что Гундульф, работая таким образом, жил в доме Эдмера Энде, лондонского горожанина и жертвователя епископской церкви в Рочестере, где он распорядился похоронить свое тело и тело своей жены и составить ежегодный некролог.^[5]

Гундульф был назначен епископом в 1077 году, и, вероятно, его первое внимание было уделено своему собору, так что предполагается, что он не начинал строительство Башни до 1078 года, до этого времени территория была занята определенными временными укреплениями.

Гундульфу исполнилось восемьдесят четыре года, и он дожил до 1108 года, то есть до правления Завоевателя и Руфуса, и до девятого года правления Генриха I. Следовательно, несомненно, что он дожил до завершения строительства крепости, возможно, Руфусом; и он, скорее всего, добился некоторого прогресса в возведении стен *окружения*, а также зданий дворца и, возможно, башни Уэйкфилд.

Крепость, спроектированная Завоевателем, без сомнения, занимала большую часть пространства внутри нынешних стен. Меньшего едва ли хватило бы, чтобы содержать цитадель, дворец и арсенал; а свободы, очевидно, занимали площадь не большую, чем было необходимо.

Западная пограничная линия проходит всего в нескольких ярдах от края рва и включает в себя только то, что можно назвать узким гласисом, и ничего из открытого пространства или эспланады, обычно отводимых вокруг крепости. Однако, вероятно, что Завоеватель не проводил постоянных внешних оборонительных сооружений, и что первыми были начаты работы по возведению занавеса от Уэйкфилда до нынешней башни Брод-Эрроу и поперечных стен Гардероб-галереи и Холодной гавани, которые вместе с крепостью включали пространство, отведенное для дворца. На протяжении многих веков это место было известно как внутренний двор; а башни Гардероба и Фонаря, а также сторожка у ворот Колд-Харбор, все ныне разрушенные, представлены в царствование Елизаветы цилиндрической формы и напоминают по дизайну башню Уэйкфилд, построенную в

поздненормандском стиле. Следовательно, вероятно, что старая внутренняя или дворцовая палата была достроена первой.

Остальная часть *ограды*, образующей то, что сейчас известно как внутренний двор, однако, не могла быть намного более поздней. Согласно “Англосаксонской хронике” Жерваза и Левра, в 1097 году Руфус возводил вокруг Тауэра стену достаточной величины с новым Вестминстерским залом, что стало причиной высоких налогов и предметом всеобщего недовольства, усиленного, без сомнения, неприступным характером его работы. Существующий занавес внутреннего двора толщиной от 9 до 12 футов, высотой от 39 до 40 футов и прочной, но грубой каменной кладки не может быть более поздним, чем Иоанн, при правлении которого стена Руфа не могла прийти в упадок. Гораздо более вероятно и вполне согласуется с размерами и характером работ, что это была настоящая стена, начатая Руфом и над которой он работал в 1097 году.

Колокольня, которая, кажется, соединяется с занавесом и основание которой представляет собой каменную кладку, очень похожую на Уэйкфилдскую, действительно восьмиугольная, и ее своды вряд ли могут быть более ранними, чем своды Джона; но башня Деверо, которая снаружи цилиндрическая, а в многоугольном подвале имеет закругленные углубления, может быть такой же древней, как Уэйкфилд, и, следовательно, по существу, является работой Руфуса. Своды появились позже, но оба они, возможно, были, как и в Уэйкфилде, снесены на первый этаж в более поздний период, к которому могут относиться своды. Бошан, Бойер и все остальные башни на этой стене, очевидно, являются более поздними вставками; но сама стена, где она сохранилась, как на западном, так и на части восточного и южного фронтов, имеет очень ранний характер и мало чем отличается от стены Джона в Корфе и более ранней, приписываемой Роберту Консулу в Кардиффе.

Большинство хронистов описывают сильную бурю, которая пронеслась над Лондоном в конце одиннадцатого века. Ливер датирует это пятницей 27 октября, а Малмсбери - 28 ноября 1091 года, и говорит, что с Сент-Мэри-ле-Боу сорвало крыши и разрушило 600 домов, какими они были в то время.

Стоу добавляет, что Белая башня была повреждена “бурей и ветер сильно потряс” и что ее отремонтировали Руфус и Генрих I. Но он не приводит никаких оснований для этого утверждения, которое чрезвычайная прочность здания делает крайне невероятным. Однако внешние сооружения, как стена, так и башни, если бы в ходе строительства были подняты строительные леса, вполне могли серьезно пострадать.

Таким образом, башня конца правления Руфа, а также Генриха I и Стефана, вероятно, состояла из Белой башни с дворцовой оградой на ее юго-восточной стороне и стены, вероятно, которую мы сейчас видим, и, безусловно, вдоль ее общего хода, включая то, что сейчас известно как внутренняя ограда. Без сомнения, там был ров, но, вероятно, не очень серьезный.

Ральф Фламбард, епископ Дарема и верный и алчный министр Руфуса, — “умиротворитель Ранульфус, вир пессимус”, — своими суровыми требованиями значительно способствовал строительству Тауэра. Как ни странно, он первый известный человек, который был заключен там в тюрьму. Генрих, после своего восшествия на престол и по совету своего совета, 15 августа 1100 года, заключил Фламбарда в Тауэр. Пэлгрейв говорит, что он был помещен в самый верхний зал совета Белой башни под стражу Уолтера де Магनावилля, наследственного констебля. Вероятно, его заключение было предназначено только для того, чтобы удовлетворить всеобщий крик, поскольку на его ежедневное пропитание было выделено два шиллинга, что в то время было значительной суммой. Он использовал его, как

сказано, для угощения своих сторожей; и, получив веревку в бутылки, воспользовался их пьяным состоянием, чтобы спуститься из окна южной галереи в ночь на 4 февраля 1101 года, прихватив с собой свой пастырский посох. Веревка оказалась слишком короткой для спуска на 65 футов, и он получил травму при падении, но благополучно добрался до Нормандии и, как хорошо известно, дожил до восстановления своего престола в Дареме, где достроил кафедральный собор, пристроил ров к Палатинскому замку, основал Норхэм на реке Твид, построил мост Фрамвелл-Гейт и пожертвовал средства больнице Кепьера. Вероятно, изначально Тауэр был государственной тюрьмой, поскольку в 1106 году граф Мортень, захваченный Генрихом I вместе с Робертом герцогом Нормандским, был, по словам Эдмера, заключен там. На бумажном рулоне “21 Генри I.” записано: “17,0 шиллингов 6 фунтов стерлингов, в нерабочем состоянии в течение длительного времени”.

Во времена Стефана Башня считалась неприступной. Джеффри, внук Джеффри де Магналия, сподвижника Завоевателя и третьего наследственного констебля, был назначен королем графом Эссексом, который в 1140 году праздновал Пятидесятницу в Тауэре. “Eodem anno, 1140, in Pentecoste resedit Rex Londiniæ in Turri, tantum modo Episcopo Sagiensi presente: cæteri vel fastidierunt, vel timuerunt venire.” [R. de Hoveden.] Новый граф оказался лжецом и перешел на сторону императрицы, которая хартией 1141 года утвердила его в графском титуле и должности констебля.

Когда власть Мод пришла в упадок, горожане, для которых Джеффри был так же ненавистен, как и его крепость, осадили ее. Их усилия были настолько безуспешны, что однажды граф совершил набег до самого Фулхэма и захватил епископа.

В 1143 году граф доверился королевскому присутствию в Сент-Олбанс, полагаясь на слово короля. Альбанс. Испытание заполучить Башню было слишком велико, — “magis ex necessitate quam honestate”, — его задержали, и Башня была его выкупом. Стефан владел им до 1153 года, незадолго до окончания своего правления, когда по Винчестерскому мирному договору он передал его Ричарду де Лейси, судье, который должен был владеть им до смерти Стефана, когда оно должно было перейти к Генриху, что, соответственно, и было сделано в 1154 году. Таким образом, ясно, что в то время укрепления Башни были законченными и мощными; и это, в отсутствие мокрого рва, которого, как будет показано, тогда не существовало, едва ли могло иметь место со стенами меньшей прочности, чем те, что видны сейчас.

Генрих II. говорят, что Бекет назначил командующим Тауэром, правление которым перестало быть наследственным. Но нет никаких доказательств этого или того, что Бекет отремонтировал его; хотя в более поздний период действительно одним из его требований, как архиепископа, была опека над Рочестерским замком и Тауэром. К этому времени “вечный позор Лондона” приобрел свою мрачную репутацию, и Фиц-Стивен описывает “Палатинский Аркс” как “большой и крепкий, с окружающими стенами, поднимающимися из глубокого фундамента и построенными из строительного раствора, пропитанного кровью животных”.

Сводки документов этого правления содержат частые записи о крупных суммах, выделенных на ремонт домов короля в тауэре, его часовни и тюрьмы. Во 2 веке правления Генриха II за доставку королевских нагрудных знаков в Тауэр было выплачено 6 млн. 1 день; но обычная серия счетов начинается не ранее 13 года правления Генриха II и заканчивается 34 годом. Записи о Вестминстере и Тауэре также сильно перепутаны, хотя иногда и различаются. Так, в 13 году Генрих II. королевские дома в этих двух местах и покои королевы стоили 64 фунта стерлингов, а в 19 веке Генриху II было выплачено 60 фунтов стерлингов на

ремонт Башни и домов в ней. В предыдущем году королевские дома во дворе Тауэра стоили 21 фунт стерлингов. В 20 веке Генриха II у инженера Алнода было 6,13 шиллингов. 4 миллиона фунтов стерлингов на работы в Тауэре, а затем 100 шиллингов. Подобные платежи происходят постоянно, иногда за свинец для ремонта часовни, иногда за перевозку леса и досок, иногда за кухню, ворота тюрьмы, ремонт домов, а иногда и за саму Башню.

Необходимость каждой траты часто подтверждается мнением двух должностных лиц, Эдварда Блунда и Уильяма Магнуса; работы были выполнены инженером Алнодом; а акт, санкционирующий оплату, был подписан либо самим королем, либо Ричардом де Люси, либо Ранульфом де Гланвиллем, без сомнения, в качестве судей. Выплаченные суммы варьировались от 1 шилл. 4 до 64 фунтов стерлингов, а общая сумма за тринадцать лет, в течение которых хранятся рулоны, составляет 215 шилл. 15 и 50 марок.

Когда в феврале 1190 года Львиный кер отправился из Нормандии на Восток, он поручил Тауэр Уильяму Лонгчемпу, епископу Эли и канцлеру, разделив полномочия главного судьи с Падси, епископом Дарема, к которым папа добавил должность легата. Эти объединенные почести, похоже, вскружили Лонгчемпу голову. Всегда отличавшийся бурной деятельностью, он с презрением относился ко всем коллегам, находившимся в его власти. Его первым действием по прибытии в Англию, по-видимому, было обеспечение своей личной безопасности путем окружения Тауэра стеной и глубоким рвом, который он предложил заполнить из Темзы. Однако в этом он потерпел неудачу, потратив крупную сумму денег.^[6]

Вероятно, это была стена внешнего ограждения, которая была бы необходима для удержания берегов рва и начала того, что еще сохранилось. Неудача едва ли могла заключаться в впуске в Темзу, для чего требовалась лишь определенная глубина раскопок, но скорее заключалась в том, что во время отлива она оставалась полной, чтобы превратить ее в действительно заболоченную канаву. Эта важная цель была достигнута в более позднее царствование с помощью нового и остроумного устройства. В ходе своих раскопок Лонгчамп вторгся на землю, принадлежащую церкви Святой Троицы в Восточном Смитфилде, и забрал мельницу у больницы Святой Екатерины. На эти нарушения было много жалоб, и, по-видимому, это было то самое, из-за чего Эдуард I впоследствии выплатил компенсацию за арендную плату. На восточном гласисе Башни до сих пор сохранилось небольшое кладбище, которое, как говорят, является частью захваченной тогда земли. Ранее констебли также вторглись на церковные земли, поскольку Джеффри, граф Эссекс, силой отобрал у Тринити-Прайората в Ист-Смитфилде землю рядом с Тауэром для создания виноградника, который был возвращен этой церкви только в 1137 году.

Лонгчамп, чей патент предписывал подданным повиноваться ему, как самому королю, начал с того, что заключил в тюрьму епископа Падси, своего соперника-судьи. Его непопулярности способствовал принц Джон, который возглавлял партию против него и воспользовался его жестоким обращением с архиепископом Йоркским, чтобы вызвать Лонгчемпа предстать перед советом в Лоддоне в Рединге. Лонгчамп отказался подчиниться, но отступил перед превосходящими силами Джона в Лондон, где вошел в Тауэр со всей своей свитой, теснимый горожанами, которые выступили против него и блокировали крепость с суши и воды. Джон со многими баронами и епископами прибыл в Лондон 8 октября 1191 года и 9-го провел совет в здании капитула на кладбище церкви Святого Павла, созвав народ звоном колокола. Здесь архиепископ Руанский и Вильгельм Марешаль представили декларацию Ричарда из Мессины, ограничивающую независимые полномочия судьи, которого собрание затем низложило путем аккламации. Четыре графа и столько же епископов передали этот приговор Лонгчемпу, который без чувств рухнул на пол. На следующее утро, рано утром, Джон собрал огромное войско в Восточном Смитфилде, огромной зеленой равнине

недалеко от Тауэра, и вызвал юстициария на переговоры. Он сразу сдался на определенных условиях, слишком быстро для своей чести, и выступил со своими сторонниками и домашним скарбом в Бермондси, откуда с большим трудом и через различные опасности добрался до Нормандии.^[7] Затем во главе Тауэра встал архиепископ Руанский; но канцлер, как хорошо известно, сохранил или возобновил свою должность, и 21 ноября 1194 года хорошо известный Уильям Фиц-Осберт привлечен к ответственности своего брата Ричарда в Curia Regis ("Pot. Regis. xi., xvii.) за то, что сказал: "В награду за деньги, взятые у меня канцлером в Лондонском Тауэре, я бы выложил сорок марок на покупку цепи, на которой можно было бы повесить и короля, и канцлера".

Различные записи в свитках труб Ричарда показывают, что обычный ремонт Башни, и особенно королевских апартаментов в ней, все еще продолжался. К сожалению, хотя суммы указаны, подробности их расходов, как правило, опускаются.

Записи относятся к периоду с первого по десятый период правления и относятся к девяти годам, в течение которых на строительство Башни и ее домов было потрачено около 610 фунтов стерлингов. Иногда получателем был У.М. Пьюнселл, констебль; в других случаях - Джордан де Турри, Ричард ле Дюк, Джон Фитц-Эрлекам и другие. Иногда по поручению короля, иногда канцлера. За один год лайм стоил 46,9 шиллингов 6 фунтов стерлингов. В начале правления короля 50 марок было потрачено на "Королевскую часовню в Тауэре". Рвы упоминаются при Ричарде I.

Правление Лонгчемпа было настолько коротким, что трудно понять, как ему удалось выполнить так много, как он, несомненно, сделал. Списки первых лет правления Ричарда I. на самом деле показывают не более ста-двухсот фунтов расходов, но канцлер располагал и другими фондами; и одной из причин его чрезмерной непопулярности среди граждан была жадность, с которой он взялся облагать их налогами.

Принц Джон, взойдя на престол в 1199 году, не был невнимателен к нуждам Тауэра. В течение двух первых лет своей жизни Элиас, инженер, работал в королевских домах и на заводах, и аналогичные записи появляются в пятом, десятом, шестнадцатом и семнадцатом годах. В шестнадцатом году сумма была значительной — 117,15 шилл. 8 д.; а в семнадцатом году плата в размере 12 фунтов стерлингов была потрачена на строительство глиняной стены между Тауэром [участком] и городом", которая часто упоминается в более поздних обзорах. В целом, архивы времен правления скудны в том, что касается Башни, но они в некоторой степени заменены записями на Мизансцене, Закрывании и Патентных списках, которые показывают, что она использовалась как королевская резиденция и что король иногда останавливался там.

В 1209 и 1210 годах 9 с. 4d. были розданы в качестве милостыни сотне тамошних бедняков; а в последний год Осмунд, рыцарь, направлявшийся в Пуату, получил в подарок от короля десять марок и сто шиллингов на покупку лошади. Это было приведено в "Церкви Святого Петра в Лондонском Тауэре"; и это самое раннее известное упоминание об этом здании. Здесь же, в воскресенье, на следующий день после дня святых Филиппа и Иакова, Стефан, посланец императора, получил полмарки по возвращении к своему господину, и здесь же были произведены другие выплаты.

В 1212 году архидьякону Дарема и Филипу де Улекоту приказано со всей поспешностью отправить в Лондон тридцать карратов (телег) свинца для покрытия Тауэра; а в 1213 году среди заказов на ремонт замков Рочестер, Кентербери и Гилфорд упоминается перевозка леса и "буска" (хвороста) для работ в Дуврском замке и Лондонском Тауэре. Примерно в это же время городской ров был углублен и расширен до 200 футов в ширину. В 1215 году Генри

де Невилл должен был поставить десять дубов для работ в Тауэре, пять из Хаверинг-парка и пять из-за его пределов.

Также в 1215 году бароны захватили Лондон, и Тауэр был передан архиепископу Кентерберийскому на хранение до Дня Успения Пресвятой Богородицы в качестве залога выполнения королем определенных обязательств. Права любой из сторон на Тауэр были приостановлены, и король не должен был усиливать гарнизон. Великая хартия была подписана 15 июня. Бароны, однако, фактически оставались во владении до прибытия дофина, которому оно было передано в 1216 году и удерживалось им до тех пор, пока он не покинул королевство.

Мистер Харди в своем ценном “Маршруте короля Джона” показывает, что за семнадцать с половиной лет своего правления он семьдесят два дня исполнял музыкальные инструменты в Тауэре. В 1204 году он был там 28-30 января, 27-30 мая, 2-3 ноября. В 1205 году 28 апреля и 13-16 августа. В 1207 году 2 июля. В 1208 году, 21 января, 10, 19-21 февраля. В 1209 году, 9 октября. В 1210 году, 2, 3, 5, 6, 19 февраля, 2 мая и 27 октября. В 1211 году, 1-3 и 18 апреля. В 1212 году, 18-20 мая; 2-4 июня; и 20-22 сентября. В 1213 году, 16 и 17 апреля; и 21-23, 26-29 декабря. В 1214 году, 2-5, 12, 13 января; и 29-31 октября. В 1215 году, 1-6 и 14-18 марта; и 19 апреля.

В роли Генриха III. обычно считался строителем большей части Башни в том виде, в каком она стоит сейчас, и, несомненно, выполнил там значительные работы, поэтому здесь будет удобно изучить вероятное состояние крепости на момент его восшествия на престол.

На основании структурных данных было показано, что Уэйкфилд-Тауэр и, вероятно, остов Деверо-Тауэр и, возможно, остов Белл-Тауэр, по крайней мере, ровесники правления Джона; и что есть веские основания считать первоначальный Гардероб и башню с Фонарями и ее занавеси, а также стену Холодной гавани и Надвратные башни, а также находящийся в них дворец, ныне разрушенные, возрастом Уэйкфилд-Тауэр. Кроме того, поскольку церковь Святого Петра существовала во времена правления Иоанна и была “апуд Туррим”, или внутри стен, они, между башнями Белл и Деверо, где они проходят рядом с церковью, также существовали тогда. Таким образом, у нас должна быть стена *окружения* нынешнего внутреннего квартала, от башни Лантхорн до башен Уэйкфилд, Белл и Деверо, как протяженность крепости на южном и западном фронтах. Северный занавес, ныне в основном разрушенный, по-видимому, датируется тем же временем, что и восточный занавес, хотя, вероятно, некоторые из башен на них — Лучница, Драгоценный камень, Широкая стрела Констебля и Соляная — относятся к более позднему периоду правления.

Затем был ров, углубленный и расширенный Лонгчемпом, со стеной на линии нынешней внешней стены. Набережная и набережная у реки, от Айрон Гейт до Байварда, с башней Святого Томаса, тогда еще не были построены, как и Кровавая башня или Привратническая башня. Вероятно, внутренняя стена палаты примыкала прямо к берегу реки.

Генрих III. его правление началось в 1216 году, и внимание его благоразумного опекуна, “ректора regis et regni”, похоже, сразу же было обращено к Тауэру. В 1217 году шериф Эссекса и Хертса должен выплатить Николасу Роуленду 10 фунтов стерлингов на ремонт королевских домов в Тауэре; к этому добавляется в следующем году 8,9 шилл. 11долларов и 19,9 шилл. 11долларов тому же Николасу. Примерно в то же время (2 Генрих III.) 6,1 шиллингов уплачено за транспортировку королевских нагрудных знаков (loricas) в Тауэр; 3 Генрих III., 9,13 шиллингов. 1 шиллингов уплачено за ремонт королевского зала и

разрушенной стены палаты; и дома в баллиуме Тауэра должны быть отремонтированы по представлению и свидетельству определенных законных лиц; и (5 Генрих III.), стоимостью 17 шиллингов, четыре стола “ad mensam” для использования королем. , должны быть помещены в Башню. За год до этого (4 июля, Генрих III) Мольбы короны в Лондонском сити были заслушаны судьями в Тауэре.

В 1221 году Питер, епископ Винчестерский, должен был получить 11,10 фунтов стерлингов на ремонт королевского дома, выполненный, когда Тауэр был в его руках; а Ричард де Манфише должен был снабдить Стивена де Сегрейва, констебля, древесиной лучшего качества из Хаверинга для досок для завершения “яреллума” [яролиума, барьера] вокруг Тауэра.

Король лично побывал там в эти годы, поскольку его расходы за пять дней пребывания там в 1219 году составили 19,1 шилл. 7 ден.; а в следующем году 100 марок были выплачены на покрытие его расходов там во время Великого поста, и 200 марок были выплачены Пандульфу, легату, тогдашнему епископу Норфолка, авансом по тому же счету. В том же году у короля в Тауэре был запас 10 миног - часть долга города Глостера его отцу, любившему миног.

1221 год был напряженным годом в Тауэре. Много военного снаряжения и припасов, а также семь повозок с пленными были доставлены Алексом де Сабрихтсвортом из Бихама, сдавшего замок Уильяма де Фортибуса, за 5 долларов 10 центов. Генри был там 28 февраля и 5 марта. В следующем году также появилось несколько отчетов, связанных с осадой Бихама. Работы также были продолжены. Стивен де Сегрейв получил 30 марок на ремонт стены баллиума, а Питер де Сент-Эдуард вместе с камергером Эндрю Бакереллом - 70 марок американского налога, взимаемого с лондонских виноделов за работы в Тауэре. 8 декабря 1221 года Николас Мэйзон, построивший колодец, имел пять марок. Древесину и материалы прислали шерифы Эссекса и Бакса.

В 1222 году 8 шилл. 1 доллар было выплачено за ремонт гардероба в королевских покоях в Тауэре и за изготовление дымохода в нем же, а также 10 шилл. за мантию для Роберта ле Шампени, рабочего завода. Дымоходы в те дни не всегда представляли собой дымоходы в стене, а были сделаны из дерева или другого временного материала, прислоненного к ней.

7 Генрих III, 1222-3. Итоговый список показывает, что Ричард Бенгер и Томас Ламберд получили 10,12 шиллингов 1 доллар, которые они заплатили по указанию короля Питеру из Пуату и его компаньонам, зрителям “Новой башни” Лондонского Тауэра, за работу над указанной башней. Мистер Хьюго относит эту запись к Колокольне; с равной или большей вероятностью она может быть применена к надстройке башни Уэйкфилд.

Легат Пандульф, по-видимому, был *custos* в 1223 году и в этом качестве принимал в Тауэре Джона де Бриенна, титулованного короля Иерусалима и великого магистра Госпиталя, который в то время находился в Англии для организации крестового похода. В этом году король подтвердил получение “*unum austurcum*” (ястреба-тетеревятника) в Тауэре. Джон де Монмут и продавцы “*cableicium*”, или “андервуда”, в Дин Форесте, из королевского дара приорату Ллантони, должны найти 40 шевронов для ремонта Тауэра; а шерифы Лондона должны восстановить “*palum coram postico*”, или “виселицу перед задней дверью” Тауэра, и виселицу за пределами Тауэра. 26 мая 1224 года королевская корона была передана казначею в Тауэр.

Труба рулон 9 Генриха III., 1224-5, содержит различные элементы, связанные с башней:— 34С. 1д. было оплачено “*pro husciis-де-милло и feltrio* [корпуса для кожи и войлока или сжатого шерсти, или гамбезон], объявление баллистами Реджис, и т. д. *соопериendas*,” для

жилья короля *balistæ* которые находятся в башне; а для железа и стали (*ascero*) доставляется констебль для работы есть, 2 марок. Также за древесный уголь (*carbo*), за работу королевских кузнецов там, 8 шилл. 6долларов.; и Томасу де Бланвиллю, 50 марок за работы короля; и за древесный уголь для изготовления королевских “куареллов” (стрел для арбалета) и т. Д., “Томасом Фабером” (кузнецом), в Тауэре, 8 шилл. 7долларов.; и за починку королевских домов в Тауэре, 29 шилл. 7долларов.

На десятый год, помимо суммы в 42 шилл. и 3 шилл. 11долларов на древесный уголь для работ, т. е. де Бланвилл получил 12,3 шилл. фунтов стерлингов за шесть карет, или тележек, свинца “для новых турелей в Лондоне: сотрудничество,” и четыре груза стоимостью 8,0 шилл. 19долларов для той же цели; таким образом, свинец на крышу новой башни стоил не менее 20,4. 7долларов. В то время Бланвилл получал 40 фунтов стерлингов в год в качестве *custos*.

В течение двух следующих лет, 1226-8, 96 шилл. 11долларов было заплачено за древесный уголь, причем мастером был Томас Фабер, а Генри Фиц-Алчи получил 100 марок за работы в Башне. В течение трех следующих лет “роллс-ройсы” молчат. В 1232 году Хьюберт де Бург получал гонорар в размере 50 фунтов стерлингов в год в качестве констебля; а в 16 году Генриху III за 113 шилл. 10долларов было заплачено за железо, сталь и древесный уголь, купленные и доставленные Роджеру ле Смиту в Тауэр для изготовления куареллов и другой работы.

В 1233 году Тауэр стал вынужденной резиденцией Изабеллы, сестры короля, до ее брака с императором Фредериком в 1235 году; а 28 апреля 1236 года Генрих избрал необычный курс, перенесся совет своих магнатов в Тауэр. На собрании, как и следовало ожидать, присутствовало очень мало людей, и, как следствие, оно было перенесено в Вестминстер.

2 марта 1238 года, 22 Генриха III, Список Освобожденных содержит запись, которая повторяется следующим образом в соответствующем списке: “И в Королевской камере в Турри Лонде: репарандис и чимени, Опера Регине, совершенная, спиро де бордис, боно и приличные лица между камерами и капеллами, новая тюррель и туррисская пропасть аулам Регис против тамисиам *xvili. iijc. viijd.* за бревне и т.д.” “И за ремонт королевских покоев в Лондонском Тауэре, и за завершение дымохода в покоях королевы, и за изготовление хорошего и подходящего выступа [перегородки] из досок между покоем и часовой новой башенки той же башни, недалеко от Королевского зала, в сторону Темзы, 16,3 шилл. 8долларов., от *brief, & c.*” Это одно из немногих уведомлений о ремонте, точное место которого можно определить. Новая башенка, несомненно, является первым этажом башни Уэйкфилд, которая, как известно, находилась рядом с Королевским залом и обращена к Темзе, и от которой до сих пор сохранилась часовня, или молельня.

В том же 1238 году, 23 ноября, Список Освобожденных показывает, что король приказал констеблю побелить стены покоев королевы, “которые находятся в наших покоях в Тауэре, и сделать их остроконечными”, а внутри остриев расписать цветами; “и сделать водосток в личной комнате в виде полый колонны, о чем наш возлюбленный слуга Джон из Или более подробно сообщит тебе”.

В 24 веке Генрих III. взымается плата в размере 30,16 шилл. 4д. за покупку и доставку в Тауэр “*una navata*”, или груза мрамора, и четырех партий мрамора Пурбек, для работ в Тауэре. Только в наличниках двух окон сакрариума башни Святого Фомы был обнаружен пербекский камень на своем месте; но большая часть этого материала остается на дорожках крепостного вала и в других местах крепости, куда, без сомнения, большая его часть была завезена в это царствование, и особенно в это время, для ведущихся тогда работ, которые в 1239 году были

значительными. Использовалось много кентского тряпья, а для изготовления тесаного камня использовались как райгейтский, так и канский камень. Часто материал для строительства привозили издалека. Генрих II и Эдуард III. использовался Эгремонтский камень для Виндзора. Мэтт. Пэрис описывает сокровищницу как хорошо заполненную, необычное состояние которой и надвигающиеся проблемы королевства, вероятно, побудили Генриха усилить безопасность своей крепости. Новые работы были непопулярны в городе, горожане опасались, и не без оснований, что их каким-то образом наймут во вред им. По этому поводу они обратились с протестом к королю, который заверил их, что работы не предназначались для использования во вред им. “Я всего лишь, - сказал он, - подражаю своему брату, считающемуся более мудрым человеком, чем я, в восстановлении своих замков”.

Похоже, что прекрасные ворота и стена были достроены, но внезапно рухнули в ночь Святого Георгия (23 апреля) 1240 года и были немедленно восстановлены королем. Год спустя, в 1241 году, те же сооружения, или та их часть, которая была восстановлена, снова обрушились, и на этот раз горожане нашли сверхъестественную причину этого события. "В ночь второго падения", - говорит Мэтт. В Париже некий серьезный и преподобный священник увидел облаченного в рясу архиепископа с крестом в руке, который сурово посмотрел на стены, которыми король тогда опоясывал башню, и, резко ударив по ним, спросил: “Зачем вы это строите?” - на что только что построенное сооружение рухнуло, как будто разрушенное землетрясением. Священник, слишком встревоженный, чтобы заговорить с прелатом, обратился к тени служащего: “Кто же тогда архиепископ?” “Св. Фома Мученик, ” последовал ответ, “ по рождению гражданин, который возмущается этими работами, предпринятыми с презрением и в ущерб гражданам, и разрушает их так, что восстановить их уже невозможно”. На что священник заметил: “Какие затраты и труд рук он погубил!” “Если бы дело было просто в том, - сказал клерк, - что голодающие и нуждающиеся ремесленники оттуда обещали себе пропитание, это было бы терпимо; но, поскольку работы велись не для защиты королевства, а во вред гражданам, даже если бы Святой Фома не уничтожил их, они были полностью сметены святым Эдмундом, его преемником”.

В ту ночь священник рассказал свою историю, а на следующее утро стены вокруг башни, построенные ценой затрат около 12 000 марок, были замечены на земле, к удивлению, но ни в коем случае не к горю горожан, для которых они были бельмом на глазу. Несмотря на предсказание святого Фомы, работы были немедленно возобновлены, и на этот раз с полным успехом.

Несомненно, стена и ворота были Водяными воротами Сент-Томаса и прилегающей к ним завесой вдоль южного фаса крепости и на берегу реки, где влажная почва и коварный характер лондонской глины, более или менее обнажившейся в старом городском рву и в рву Лонгчемпа, облегчили бы задачу архиепископа. Эту историю можно использовать, чтобы показать, что в 1239-40 годах Генрих был занят обширными работами по возведению Тауэра, включая внешнюю защитную стену и башню, набережную и нынешний ров; и нынешние работы показывают, что они были достаточно важны, чтобы их можно было заменить любой ценой, если они были разрушены в результате несчастного случая. Вероятно, архитектор приобрел опыт благодаря этому событию; ибо примечательно, что никаких серьезных следов оседания из-за дефектного фундамента не было замечено ни во внешней стене, ни в какой-либо другой части крепости, и это еще более странно, потому что часть каменной кладки, должно быть, пересекала линию старого городского рва. Такая устойчивость, вероятно, объясняется большой шириной фундамента и тем фактом, что в крепости нет подземных помещений, а башни расположены ниже уровня земли, а иногда и намного выше ее, будучи прочными.

Возобновление работ на стене и западных воротах не привело к заброшенности королевской резиденции внутри. 24 февраля 1240 г. Генрих III, король, согласно Списку Освободителей, таким образом обратился к заказчикам работ: “Мы приказываем вам без промедления отделать комнату королевы в вышеупомянутой башне деревянными панелями, тщательно побелить изнутри и заново выкрасить розами; и сделать стену [перегородку] на манер деревянной между комнатой и гардеробом той же самой, и пусть она будет полностью покрыта снаружи плиткой; а также полностью отделать одну большую комнату в той же башне деревянными панелями”. побеленные и заново покрашенные, и все окна одной и той же комнаты должны быть сделаны заново из нового дерева, с засовами и петлями, и разрисованы нашим гербом, и забраны железными засовами там, где это необходимо. Более того, отремонтируйте все стеклянные окна в часовне Святого Иоанна Крестителя в упомянутой башне, где это необходимо; и отремонтируйте все окна в большом зале, выходящие к Темзе, новым деревом, новыми засовами и петлями, и хорошо запирайте их железом; и в углу того же зала сделайте большую круглую башенку, обращенную к Темзе, чтобы сток из последнего помещения мог спускаться в Темзу; и сделайте новый колпак на крыше кухни в большой башне”.

Свиток Освобождения от января того же 1240 года предписывает нарисовать в Башне “каминную доску” с олицетворением Зимы с печальным выражением лица и жалкими искривлениями тела.

А 10 декабря следующего года (25 декабря Генриха III.) смотрителю далее приказано “Отремонтировать зернохранилище в той же башне и т. Д. И сделать так, чтобы все свинцовые желоба большой башни, по которым дождевая вода должна падать с вершины той же башни, были спущены на землю; так, чтобы стена указанной башни, *недавно побеленная*, никоим образом не пострадала от капель дождевой воды и не была легко ослаблена”. И сделайте на той же башне с южной стороны, наверху, глубокие отверстия из хорошей и прочной древесины, полностью и хорошо покрытые свинцом, через которые люди смогут смотреть даже на подножие указанной башни, и подниматься, и лучше защищать ее, если возникнет необходимость. А также побелить всю часовню святого Иоанна Богослова в той же башне и сделать в той же часовне три стеклянных окна, одно, а именно, в северной части, с небольшой фигуркой Марии, держащей на руках своего ребенка; другое, на южной стороне, с изображением Троицы; и третье на той же южной стороне, со святым Иоанном Апостолом и Евангелистом; и покрасить крест и балку за алтарями той же часовни хорошими красками. И сделай так, чтобы были сделаны и раскрашены два прекрасных изображения, где они могли бы быть лучше всего и пристойнее всего выполнены в одной и той же часовне, на одном из которых святой Эдуард держит кольцо и дарит его святому Иоанну Евангелисту. И побелите всю старую стену вокруг нашей вышеупомянутой башни”.

Из этих распоряжений мы узнаем, что часовня в Белой башне была побелена, застеклена, имела три расписных окна и расписную балку и свод за алтарем, помимо нарисованных фигур, несомненно, фресковых, на стене, Святого Эдуарда и Святого Иоанна Евангелиста. Большое помещение, обращенное к Темзе, перечисленное вместе с часовней, можно было бы принять за парадную комнату в Белой башне; но “большая круглая башня, обращенная к Темзе, с замкнутым водостоком” не могло относиться ни к Белой башне, ни к какой-либо другой из существующих башен на берегу Темзы. Возможно, это была Башня Фонарей.

О Белой башне говорят как о недавно побеленной. Это, без сомнения, делалось для того, чтобы устранить любые неровности в каменной кладке, поскольку 28 Генриха III башню в

Корфе было приказано при необходимости обмазать известковым раствором и побелить весь фасад. Не совсем ясно, что это были за рисунки, столь детально прорисованные на вершине южного фасада Белой башни; вероятно, это была брештаска или оградка, поскольку никакие другие работы не позволили бы защитникам увидеть подножие стены. Можно было бы предположить, что на такой большой высоте не потребовалось бы дополнительной защиты от метательных снарядов, и, предположив, что внутренняя защита будет взята, наибольший эффект стрельбы из лука или боевых машин был бы достигнут с возвышенности на северной, а не на южной стороне.

В том же 25 году Генрих III. У Питера Бакана и Ричарда де Фрезингфельда и их товарищей, смотрителей тауэрских работ, было 36 фунтов стерлингов; также 24,40 фунтов стерлингов было выплачено за двадцать нагрудных знаков и двадцать алебард, купленных для защиты Тауэра и доставленных констеблю. Работы в то время были настолько важными, что был издан приказ, согласно которому “перед закрытием Казначейства бароны должны были провести ревизию счетов заказчиков работ в Лондонском королевском Тауэре”. В 26 году Генрих III. капеллан, служивший в часовне Тауэра, получал 50 долларов в год.

Среди действующих примерно в это время правил было несколько, касающихся правового положения Башни, зафиксированных в Liber Albus. Таким образом, когда Казначейство было закрыто, мэр должен был быть представлен в Тауэре, и там иногда рассматривались обращения города к короне; и в этом случае городские бароны должны были выставлять своих собственных “дворников” за воротами Тауэра, а королевский дворник должен был находиться внутри. Кроме того, у них был “остиарий” за дверью зала, где проходили слушания, чтобы представить баронов, а у короля был “остиарий внутри”. Холл, без сомнения, был зданием, впоследствии замененным управлением боеприпасов, вход в которое, как полагают, находился через модернизированный дверной проем к востоку от башни Уэйкфилд.

Следующая обнаруженная запись находится в Списке Освобожденных, 29 Генриха III, 3 декабря 1244 года, согласно которому констеблю Тауэра приказано доставить Эдварду Фиц-Ото столько свинца, сколько потребуется для выполнения определенных работ в Вестминстере. Именно в этом году Гриффит-ап-Ллевелин, пытаясь сбежать по веревке из своей тюрьмы в Тауэре, упал и сломал шею. Гриффит был тучен, а Белая башня, с которой он спустился, была высокой. Его веревка была сделана из постельного белья и тому подобного и оборвалась. 30 апреля король публично заявляет об этом прискорбном происшествии и приписывает халатность слугам, в чьи обязанности входило заботиться о заключенном.

31 Генрих III., 1246-7 гг., констебль получил шестьдесят марок за строительство “quandam turrellam”, определенной башенки; а в следующем году еще сорок марок было заплачено за изготовление определенной башенки, личной комнаты и других работ. 33 Генрих III, четырнадцать повозок свинца были куплены за 32,9 шиллинга 10 фунтов стерлингов и доставлены Питеру Бланду, констеблю.

В 34 году Генрих III. на Свитке показано, что Эдуард Вестминстерский и констебль получили шестьдесят марок на работы в башне, а смотрители - тридцать марок на ремонт и покрытие королевских домов, а также на свинец для работ. В следующем, 1250-1250 годах, десять марок ушло на ремонт и обшивку стен и башенок, а также 4,8 шиллингов 6 фунтов стерлингов на две партии свинца для той же операции с королевскими домами.

37 Генрих III, Адам де Ламберн, мастер тауэрских работ, получил 10 фунтов стерлингов, а смотрители, также за работы, 30 фунтов стерлингов, и Адам снова 12 фунтов стерлингов, а в следующем году смотрители за работы получили на пятьдесят марок больше. 39 Генрих III, 1254-125 гг., 22,20 фунтов стерлингов было заплачено за дом для королевского слона длиной 40 футов и шириной 20 футов. Это был подарок от короля Франции, и, по словам Матфея. Парис был первым слоном, которого видели к северу от Альп. Также было заплачено за ремонт домов и башенок, 59,69,250 фунтов стерлингов в следующем году, 52,11 шекелей в 3-м году было заплачено за работы, начатые шерифом в предыдущем году, и за недостатки башни, 37,2 шекелей в 9-м году; и 41 Генрих III, 90,14 шекелей в 9-м году за камни для завершения уже начатой набережной Башни, а также за Большой гардероб и другие недостатки.

42 Генриху III, 1257-8 гг., были выплачены две суммы в 101 шилл. 8долларов и £ 4,12 шилл. 6долларов за свинцовые желоба и другой ремонт; и 43 Генриху III, £ 36,3 шилл. 8долларов за ремонт королевских домов, а также за строительство новой конюшни и ремонт старой, водосточных желобов и “клаустуры”, или перегородки, для той же башни, £ 17,15 шилл. 7долларов.

Это был 1258 год, когда, согласно Оксфордским положениям, бароны захватили Тауэр и поместили в него Хью ле Биго в качестве настоятеля. В этом году было краткое изложение — “В исправлении планов[8] туррис Лонд: и туррелла в борьбе за туррис против аквама куперинда и т. Д.” Вскоре после этого Генрих, с разрешения папы, нарушил верность своим подданным и вернул себе Тауэр, где он проживал в феврале 1261 года, и заказал Теодору де Кастеллу 40 фунтов железа для королевских башенных работ, отобранных у него.

Обстоятельства страны вынудили короля принять активные меры по сохранению крепости. Он провел там Рождество 1260 года со своей королевой и потратил имеющиеся в его распоряжении деньги на завершение обороны. Вероятно, примерно в это же время были готовы водяные ворота и приливная канава превратилась в мокрый ров. Мф. Парис упоминает об усилиях, предпринимаемых в настоящее время для укрепления этого места, и о том, как король в это время предложил горожанам присягнуть ему на верность и поступить на службу в его армию, которая тогда собиралась за пределами города. Он также снова назвал Тауэр местом заседания парламента, который будет созван 21 февраля 1261 года Генрихом III.

Члены совета не ответили на вызов. Король провел Пасху в крепости, куда судебным приставам Глостера было приказано 18 марта присылать ежедневно столько миног, сколько они смогут унести; а 17 апреля судебным приставам Уолтема было предписано поставлять 60 особей. купить хорошего тонкого хлеба и буханок по четыре штуки за пенни и отправить их королевскому пантелею в Тауэр за обычным пособием в канун Пасхи. Аналогичные запросы были адресованы судебным приставам Баркинга и Дартфорда, Кингстона и Уотфорда на сумму 40 фунтов стерлингов, а также мэру и шерифам Лондона на сумму 20 фунтов стерлингов. Всего должно было быть роздано хлеба на 33 фунта стерлингов. Были также заказы на 164 туники для короля и королевы, которые должны были быть доставлены в королевский благотворительный фонд, и 21 тунику для королевских детей; все они должны были быть розданы бедным в соответствии с обычаем. Генрих оставался в Тауэре примерно до 20 апреля.

Принц Эдуард вернулся в Англию в том же году, но не стал действовать вместе со своим отцом, советникам которого он не доверял. Однако король, по-видимому, удерживал Тауэр и провел Рождество 1261 года в его стенах. Оттуда, оставив Джона Мэнселла за главного, он

отправился в Дувр, а оттуда через Рочестер в Винчестер на Троицу. Там, однако, бароны приготовились схватить его, и он удалился в Тауэр, где оставался до октября. Рождество 1262 года он снова провел в Тауэре.

Спустя некоторое время, проведенное за морем, и Рождество в Кентербери, Генриху III не удалось встретиться со своими врагами в Вустере, и он вернулся в Тауэр, где вместе со своей королевой, принцем Эдуардом и королем римлян он консультировался с мэром и олдерменами Лондона по поводу де Монфора, а вскоре после этого и с самим этим дворянином. Одним из результатов стало назначение Хью ле Деспенсера ответственным за Башню. Именно в этом году королева, покидавшая Тауэр по воде, чтобы присоединиться к принцу в Виндзоре, подверглась освистыванию и забрасыванию толпой на мосту и была вынуждена отступить. В том же году Джон Сперлинг за 7 фунтов стерлингов возвел “palicium”, или частокол, между Башней и городской стеной; а два года спустя у него в общей сложности было 25,10 шилл. 3 фунта стерлингов на покрытие королевских домов, ремонт королевской гардеробной и т.д.

Генрих снова был в Тауэре в 1265 году, после битвы при Ившеме; а в 1268 году крепость, которой тогда командовал Хью Фиц-Отон и в которой находился папский легат Оттобон, была осаждена Гилбертом, графом Глостерским. Евреи, которые вместе со своими семьями были укрыты в Тауэре, лично внесли свой вклад в его защиту. Глостер возвел земляные укрепления и предпринял попытку блокады; но в мае и июне Генрих, приблизившись к Виндзору и Стратфорду, разбил там лагерь на два месяца и, перебросив подкрепление, вывел легата через южные ворота к реке и разместил его с армией в Стратфорде, вынудив Глостера просить мира.^[9]

Ремонт Тауэрского зала и других зданий обошелся в 20 фунтов стерлингов в 1268-9 годах, а в других ремонтных работах - в 12 фунтов стерлингов в следующем году; но ничего не записано о следующем и двух заключительных годах долгого правления Генриха III.

Со смертью Генриха и ранними годами жизни его сына история Тауэра как образца военной архитектуры, можно сказать, пришла в упадок, а его история как государственной тюрьмы, если не началась, то приобрела преобладающий характер. Эдвард сразу же продолжил и завершил работы, начатые его отцом, и, вероятно, таким образом проработал десять или двенадцать лет. В 1274 году, 2 Эдуарда II, казначей должен был заплатить 200 марок на строительство рва, который тогда был почти построен, вокруг бастиона. Это был кольцевой ров, окружавший барбакан, спланированный Генрихом III, но, без сомнения, тогда его впервые раскопали. Кроме того, в 1287 году главный ров, по-видимому, был расширен, и его вторжение на землю Святой Екатерины оценивалось в 1302 году в 73 шиллинга в год. Вынутая глина была продана констеблем плиточникам, работавшим в Ист-Смитфилде. В 1289 году за нее давали 20 шиллингов, но в среднем она стоила 7 фунтов стерлингов — около 100 фунтов стерлингов в наши дни. Бейли рассказывает, что когда-то Эдвард 1281-2 заключил здесь в тюрьму 600 евреев в качестве чеканщиков монет. 8 октября 1303 года король, находившийся тогда в Кинлоссе, приказал заключить Вестминстерского настоятеля и его 80 монахов в Тауэр по обвинению в краже королевских сокровищ на сумму 100 000 фунтов стерлингов. Следующий мандат, датированный тремя годами позже, показывает форму, в которой заключенные были переданы. Он относится к шотландскому джентльмену высокого ранга. “Mons: P: de Graham et vadletz, soient enveez, par bon conduyt, a Londres, et livrez au Conestable de la Tour illueques: et q’il les face garder en fers, en bon et sur lieu, denz meisme la Tour, si sauvement, et si surement, come le Conestable voudra respondre de eux, corps pour corps; et q’il lor face trouver lor sustenance meanement.”

В 1307 году появляется любопытный санитарный приказ. “Принимая во внимание, что Маргарет, королева Англии, собирается некоторое время пожить в Тауэре, мэр и шерифы, чтобы предотвратить заражение воздуха, “согласно предписанию суда”, должны запретить и наказать любого, кто “разжигает костры” или делает что-либо, что может испортить воздух”.
Датировано: Карлайл, 28 июня.

Эдуард II. личная безопасность Тауэра зависела от него больше, чем от тюрьмы. Здесь родилась его старшая дочь, которую поэтому называли “Джейн де ла Тур”. В 1312 году он привел Тауэр в состояние защиты от своих баронов, а в 1324 году запер здесь двух лордов, Роджера Мортимера из Вигмора и его тезку из Чирка. Их побег описан в “Opus Chronicorum”. Их заперли “в высшей степени и арктической местности”, что должно означать “Белая башня”. Они подсыпали снотворное в питье своих сторожей и в бурную ночь сбежали, сломав стену, и таким образом добрались до пристроенной дворцовой кухни, с вершины которой по веревочной лестнице и с помощью изнутри стен добрались до Темзы и таким образом бежали из страны.

Два года спустя Мортимер Вигморский вернулся с королевой и поднял оружие против Эдуарда, который навел порядок в Тауэре, отправив туда 100 кольчуг (Pell Rolls, 158), и там, 20 июня, он принял городские власти. 2 октября он бежал, оставив своего сына Джона Элтемского в Тауэре, а Стэплтона, епископа Эксетерского, во главе города. Горожане, как хорошо известно, восстали и обезглавили епископа, а на следующий день, встретившись с Джоном де Уэстоном, констеблем, они вымогали у него ключи и проникли в крепость. Однако, похоже, они освободили только заключенных, выгнали чиновников и назначили своих людей под номинальной властью принца Джона.

Первые годы правления Эдуарда III волей-неволей были проведены в Тауэре, пока он не сверг Мортимера и не принял правительство. Вероятно, Бошан и Соляные башни, а возможно, и Бауэр - его работа. На девятом году своего правления по распоряжению, датированному Бервиком 16 октября 1336 года, он приказал произвести обследование дефектов Башни и сформировать жюри присяжных для определения того, какой ремонт необходим. Это возвращение было сделано без промедления и напечатано Бейли. В нем упоминаются ворота, ведущие к церкви Святой Екатерины, ступени и проходы на стене, помещение над водяными воротами; башни “Коранде” и “Ле Монеи”; часовня при Тауэре; часовня короля и королевы; две башенки над старыми воротами, одна называется “Ла Пламмери”; и набережная напротив Темзы с маленьким задним входом на одном конце и “Петивейлс” на другом. Бошан, Бойер и большинство других башен не названы, — вероятно, потому, что некоторые из них тогда не были построены, а другие, работы его деда, не нуждались в ремонте. “Ле Бланш Тур”, похоже, не является крепостью, называвшейся тогда “Альта Туррис”. Другие названные части многочисленны, но, очевидно, принадлежали дворцовому кварталу, ныне разрушенному. Результатом возвращения стало то, что в следующем году башня была приведена в порядок и в ней разместился гарнизон. В конце списка (10 Эдуарда III.) упоминается, что в 1337 году лондонские шерифы должны были выплатить 40 фунтов стерлингов с городской фермы, которые были потрачены на “великую башню”, тогда остро нуждавшуюся в ремонте; а шериф Кента должен был привезти дуб из Хаверинга для работ. Шерифы Суррея и Сассекса также должны были предоставить 20 фунтов стерлингов за ту же услугу.

Башня была главным арсеналом Эдуарда. Туда в 1337-8 годах лондонские шерифы должны были отправить “5 миллионов ферри и 200 бордов Эстляндии [балтийских досок], примерно четверть морского углерода” (морского угля) для изготовления якорей для “Кристофера” и “Когге Эдварда”, а также для определенных работ на Тауэре. (“Abb. Rot. Ориг. II.”, стр. 116).

Эдуард в это время был сильно занят подготовкой к иностранным войнам, и именно в Тауэр он внезапно вернулся из Турне ближе к полуночи 30 ноября 1340 года и наказал констебля за халатность. Также между 1340 и 1342 годами он часто бывал в Тауэре, и здесь родилась одна из его дочерей. Записи также показывают, что Монетный двор пользовался значительной долей королевского внимания.

Мистер Хантер показал ("Arch.", xxxii, 380), что еще в 1347 году были оплачены счета за изготовление, вероятно, двумя или тремя годами ранее, "pulvis pro ingeniis"; а в 1346 году "ad opus ipsius Regis pro gunnis suis" было получено 9 тонн 12 фунтов селитры и 886 фунтов быстрорастворимой серы; так что порох, без сомнения, производился в Тауэре.

Примерно в то же время в Тауэр были доставлены первые из серии выдающихся иностранных военнопленных. Дэвид, король Шотландии, схваченный на Невиллс-Кросс, был доставлен сюда в январе 1347 года и оставался здесь одиннадцать лет; еще в 1357-8 годах ему было выплачено 2,12 шилл. 9д. за поставленные ему лекарства. Позже, в том же году, что и Давид, прибыл Карл Блуа, племянник Филиппа Французского, а еще позже Иоанн де Вьен, губернатор Кале, и двенадцать отважных горожан этого города. Наконец, в 1350 году здесь был поселен Иоанн, король Франции, и взятая с ним знать, а также в том же надежном месте 47 171,1 шилл. 4д. фунтов стерлингов, первая часть его выкупа.

В 24 Эдуарда III, 1350-1 гг., Джону де Алкешаллу было поручено вывозить по всему королевству "петрам, бускам, карбоны, маремиум, свинец, витрум, железо и тегулам"; то есть камень, дерево, уголь, древесина, свинец, стекло, железо и гальку, а также все необходимое для королевских работ в Вестминстере, Виндзоре и Тауэре. Как были разделены эти материалы, неизвестно. Виндзор, вероятно, получил основную их долю.

В 1354 году король предложил изменить структуру часовни Святого Петра ад Винкула в Тауэре и преобразовать ее в колледж с деканом и тремя канониками вместо ректора и капелланов. Это, однако, кажется, не то, чтобы были снижены, как "Ричард II". и Генрих IV. назначили ректора "Свободная церковь Святого Петра". Фактическая инкорпорация произошла только в последний год правления Эдуарда IV. В 1354 году было предложено хранить эталоны веса и меры в Тауэре; а в этом году король приказал очистить городской ров и не допустить перелива воды в Тауэрский ров. Во времена Стоу грязь удалялась канализацией из городской канавы.

Назначения оружейников, лучников, инженеров боевых пращей и т. Д. Показывают, что запасы боевого оружия продолжали оставаться значительными. В 33 году эдуард III. всем лукам, тетивам, стрелам, "hancipes [двуручным лебедкам] pro balistis tendendis", [10] находящимся на хранении У. Ротерэла в Тауэре, приказано быть упакованными в сундуки, колчаны, приклады, трубки и бочки и отправленными в Сэндвич, чтобы пересечь реку с королем. В 1360-2 годах различные суммы были потрачены на ремонт королевской архивной палаты в Тауэре, где хранились списки канцелярии: вероятно, в Уэйкфилдской башне.

Ричард II. выполнил обычный обычай - ненадолго поселился в тауэре перед своей коронацией, чтобы в торжественной обстановке отправиться на эту церемонию через Город. Здесь же он нашел убежище во время восстания Уота Тайлера, после чего Арнольду Брокасу заплатили 3,6. 6.8 фунтов стерлингов за починку двери, выломанной обычными повстанцами в Тауэре. В 1380-1 годах был составлен свод правил для улучшения управления этим местом. В 1385-6 годах пушки были отправлены отсюда в Порчестер. В 1387 году Ричард приехал

сюда, спасаясь от своего дяди, герцога Глостерского, и на Рождество того же года он попал в блокаду мятежных лордов, которым он дал аудиенцию в крепости.

Два года спустя, в 1389 году, именно из Тауэра король отправился устраивать большой пир и турнир в Лондоне; и здесь, в 1396 году, его новая королева, Изабелла Французская, была поселена перед своей коронацией. Здесь, наконец, Ричард подписал свое отречение в пользу Генриха Ланкастерского. Никакие работы в Тауэре нельзя однозначно отнести к этому правлению или к следующему за Генрихом IV.

Из списка выпусков и записей Пелла о 1 Генрихе V. следует, что в Тауэре был накрыт завтрак стоимостью 2. 16s. 8d. для Томаса, графа Арундела, Генри ле Скропа, лорда де Рооса и мэра Лондона, уполномоченных по суду над предателями. Этим лордом де Роосом был Уильям, седьмой барон, предок покойного вице-губернатора, чьи предки по мужской линии — Фицджеральды — также часто пользовались гостеприимством Тауэра, хотя и в менее приятном качестве заключенных.

Генрих V возродил былую славу тюрьмы, отправив сюда Карла, герцога Орлеанского, схваченного при Азенкуре. Освещение того периода, данное лордом де Роз, показывает, что герцог был поселен в парадных покоях Белой башни, а также показывает четыре окна большого зала, который примыкал к Уэйкфилд-Тауэр с востока.

Сильные монархи использовали Тауэр как тюрьму, слабые - как крепость; и при Генрихе VI. он появляется в этом последнем качестве. В 1460 году лорд Скейлс, королевский наместник, был осажден графом Солсбери, лордом Кобэмом и сэром Джоном Уэнлоком. Горожане атаковали западный фронт; Уэнлок - со стороны Сент-Кэтрин; а Кобхэм с артиллерией - с берега Саутуорка, стреляя через реку. Когда южный ров был расчищен и выровнен в 1842-3 годах, было найдено несколько железных дробей и около тридцати кусков кентского тряпичного камня диаметром от 4½ дюймов до 10 дюймов, а в одном случае и 17 дюймов в диаметре, которые, как предполагается, упали туда по этому случаю.

Эдуард IV. считается, что он построил бастион за западными воротами у Львиной башни. На одиннадцатом году его правления были произведены выплаты за оружие и боеприпасы для обороны и за работы по укреплению Башни. Рабочих привезли из Кале. В том же году были выделены деньги на расходы Генриха VI, в то время заключенного в Тауэр. Ричард III во время своего короткого правления настаивал на том, чтобы каменщики завершили некоторые ремонтные работы в Тауэре.

Вероятно, Генрих VII позволил стенам и башням разрушиться, поскольку Генрих VIII в 1532 году приказал провести обследование с целью общего ремонта, который был выполнен вскоре после этого. Ремонт был очень значительным, каменная кладка была выполнена из канского камня, подкрепленного кирпичом, и, к сожалению, большая часть Башни, похоже, была облицована таким образом или обсажена, а в остальном очень серьезно изменена. Исследование очень тщательное и проливает свет на многое из того, что сейчас разрушено. Упоминается “Башня Бербедрж” на стене между башнями Бауэр и Брик, очевидно, нынешняя Кирпичная башня, а тогдашним “Кирпичом” была нынешняя башня Мартин “. Башня Мартина была тогда внешними воротами, а теперь “Средней” башней. Нынешняя Соляная башня была тогда башней Юлия Цезаря, а старая башня с Фонарями называлась Новой Башней. Уэйкфилд называют “башней, где хранятся королевские архивы”, а “Кровавой” тогда была Гарден-Тауэр. “Байвард” был “вратами Вардинга”. Два деревянных моста, очевидно, разводных, должны были быть обновлены у западного входа. Тогда, как и сейчас, цитадель называлась Белой башней, отличавшейся четырьмя башенками.

В 1548 году из Байвордской башни едва удалось выбраться. Француз, поселившийся в “круглом бастионе, называемом Воротами Смотрителя, между западными воротами и задним, или подъемным мостом”, взорвал бастион и себя порохом. Он был перестроен. Также существовал в правление Эдуарда VI. подъемный мост между Айрон и Воротами предателей, очевидно, Колыбельная башня. Это помещение использовалось для приема знатных заключенных, поскольку прочные железные ворота (Сент-Томас) почти вышли из употребления.

Здания дворца, вероятно, пришли в упадок во времена правления Елизаветы, которой или Джеймсом был снесен Большой зал. За ним последовали другие здания. Многие из них были разрушены Кромвелем, а многие - Яковом II. чтобы освободить место для нового управления боеприпасов, в конце прошлого века были снесены остатки башни Фонарей. Белая башня подверглась окончательному обезображиванию руками сэра К. Рена в 1663 году, который переделал ее проемы в итальянский стиль, частично обшил фасад и перестроил две башенки. Работу сэра Кристофера можно проследить по всей крепости по представленному им портлендскому камню, как и по работе Генриха VIII. на это указывает использование кирпичной кладки и чернового литья, а также практика заделывания швов каменной кладки щепками и отростками кремня. Ров был расчищен в 1663 году, а набережная перестроена.

Тауэр в начале нынешнего столетия представлял собой необычайное нагромождение древних и более поздних построек, башни и стены были почти полностью покрыты небольшими официальными жилыми домами, которыми была плотно занята эта территория. Сильный пожар в 1841 году уничтожил неприглядную оружейную Якова II. и Вильгельма III. к северу от внутреннего двора, но власти в то время не созрели для пожара. Оружейная палата была заменена чрезвычайно прочной казармой в стиле Тюдор, а ремонт и пристройки были сделаны без особого учета характера крепости. Совсем недавно общее улучшение общественного вкуса коснулось даже Тауэра. мистер Салвин работал над ним до своей смерти, и совсем недавно многие современные здания были снесены, многие древние фундаменты вскрыты, а также был произведен очень капитальный ремонт и некоторые абсолютно необходимые реставрации под умелой и очень рассудительной заботой сержант-майора Эндрюса.

Таким образом, большая часть Башни является древним и очень любопытным военным сооружением, которое, несмотря на дополнения, переделки и сокращения на протяжении восьми столетий, все еще сохраняет характер ранней крепости и очень много оригинальной и своеобразной работы. Возможно, в некоторых отношениях Тауэр нельзя сравнить с другими великими феодальными замками Англии. Он не стоит, как Дувр и Бамбро, на краю высокого утеса, возвышающегося над равным пространством суши и воды. В нем нет ни уединенного величия Корфа, ни его старых ассоциаций с англосаксонскими временами. В отличие от Кануэя, Кернарвона, Бьюмариса и Харлеча, он не несет на себе отпечатка единого ума в своем замысле, единой руки в его исполнении; он также не может похвастаться богатыми окрестностями Ладлоу, Уорика или Кенилуорта, ни гордым превосходством Виндзора, нынешней резиденции монарха, резиденции старейшего и наиболее прославленного ордена христианского рыцарства, центром четырех прекрасных графств, возвышающихся среди пышной лесной зелени, разнообразимой серебряными извилами Темзы и почтенные стены и дворы Итона.

Лондонский Тауэр не может предъявить ни одной из этих претензий к нашему вниманию, но тем не менее это самая интересная крепость в Британии. Это работа великого норманнского завоевателя Англии, основанная основателем ее монархии. Это цитадель метрополии Британии, которая долгое время была самой безопасной резиденцией ее величайшей расы

королей. Здесь они хранили сокровища империи, драгоценности и регалии своей короны. Здесь они обеспечивали безопасность своих пленников, чеканили и хранили свою монету. Здесь нередко проводились судебные заседания и казначейство; здесь хранились наиболее ценные документы; и здесь изготавливались и сохранялись длинные луки и арбалеты, мечи, копья и пики, прочные доспехи, балисты, скорпионы и катапульты, а затем артиллерия и амуниция феодальной войны. Здесь же, когда эти старые машины были отложены в сторону, впервые было изготовлено то “тонкое зерно”, то “главное оружие”, и эти “боевые гонимы и бомбарды”, которым предстояло произвести революцию в военном искусстве, пока они сами не будут вытеснены более поздними изобретениями, из которых древняя крепость по-прежнему является главным хранилищем оружия страны.

Но у Башни есть воспоминания, превосходящие даже ее ассоциации с военной славой государства. Это была тюрьма и эшафот для многих представителей лучшей и храбрейшей английской крови. Перси и Мортимер, Гастингс и Клинтон, Невилл и Бошан, Арундел, Деверо, Стаффорд и Ховард — эти “старые друзья, которые так долго противостояли волнам и непогоде времени”, — нашли здесь могилу. Здесь процветал великий дом Плантагенетов, который был срублен. Здесь английская Елизавета узнала, как использовать невзгоды; и здесь Рэли утешал свое заточение сочинением той Истории, которая прославила его имя как в литературе, так и в военно-морских предприятиях.

Здесь также, плененные в этих стенах и через эти ворота ведущие на смерть, были Мор и Фишер, мученики за древнюю веру, и Энн Эскью за более чистую веру; леди Джейн Грей, самая невинная и совершенная из жертв; Страффорд и Лауд, непоколебимые сторонники старой тирании; сэр Джон Эллиот, умерший с разбитым сердцем в тюрьме за новую свободу.

Ни одна другая крепость, ни бастилия во Франции, ни барджелло в Италии, ни тюремный замок в Испании или Германии, не имеют столь глубокой связи с историей своей нации или с прогрессом гражданских и религиозных свобод.

ЗАМОК ЛАДЛОУ, ШРОПШИР.

ЗАМОК ЛАДЛОУ - это слава средних границ Уэльса, и он занимает первое место среди многих военных сооружений, которыми было украшено и защищено великое графство Салоп. Это благородный образец военной, дворцовой и даже церковной архитектуры глубокой древности и исторической славы. Вероятно, ему нет равных в Британии по лесной красоте его расположения, в котором лес, вода и широкие луга с редким плодородием сочетаются с суровыми и высокими утесами, стены и башни которых, кажется, являются составной частью, настолько естественны оттенки их лишайников, настолько густа листва и так плотно обвит плющ. И его ассоциации с прошлым также не недостойны столь яркой сцены. Здесь, в эпоху рыцарства, Лейси и Мортимеры совершили многие из тех ратных подвигов, которые прославили их приграничные графства. Здесь Стефан проявил свою огромную личную силу в защиту наследника шотландского престола, которого вот-вот должна была втащить в осажденный замок несколько грубая и необычная военная машина; и против этих грозных стен дикие племена Уэльса бились в течение двух столетий только для

того, чтобы отступить, подобно морской волне, разбитые и рассеянные. Замок Ладлоу был ранней резиденцией Эдуарда IV и колыбелью его малолетних сыновей; и здесь умер принц Артур, старший брат Генриха VIII. В более поздние времена в этих стенах заседал знаменитый Совет Уэльса, председателем которого долгое время был Генри Сидней и который, как показывают помещения здания, какими бы разрушенными и без крыши они ни были, был обставлен так великолепно. Здесь же, ближе к закрытию этого блестящего, но порочного провинциального двора, привлекательность которого ощутил даже суровый Бакстер, Батлер написал часть своей бессмертной сатиры, и маска *Комуса* была впервые представлена миру. Однако история Ладлоу, как замка, так и района, уже была написана — для его раннего периода со скрупулезной точностью мистером Эйтоном и более подробно, вплоть до более позднего периода мистером Райтом; и целью настоящей статьи является только описание особенностей замка или, по крайней мере, его военной части, и, таким образом, восполнение допущенного недостатка.

Замок Ладлоу венчает скалистый мыс, который на высоте более ста футов возвышается над слиянием Корве с Темой. К востоку, в непосредственной близости от него, и немного ниже замка, но намного выше прилегающей равнины, возвышается величественная крестообразная церковь с ее высокой центральной башней, а вокруг и под ней раскинулся причудливый старый город. На севере, далеко под стенами, реки Корве и Тема извиваются над лугами, которые они удобряют, в то время как на западе открывается глубокое и узкое ущелье, по которому их объединенные воды текут к далекому Северну. Раньше, когда мед представлял собой болото, а овраг был забит упавшим бревном и неровностями засоренного дренажа, оборона на этих двух наиболее открытых участках, должно быть, была особенно прочной и отнюдь не лишней добавкой к безопасности марша.

Мыс имеет в плане скорее больше, чем прямой угол, и две его стороны защищены природой. В радиусе примерно двухсот футов от угла была вырыта широкая и глубокая канава от утеса к утесу, и таким образом, как и в Норхэме, она охватывает территорию в плане квадрант а, хотя и не очень правильной формы. Это образует среднюю часть замка, а внутренняя часть вырезана в его юго-западном углу. Внешняя часть расположена на востоке и юге, охватывая среднюю часть со стороны города. Чтобы сформировать его, северная и западная стороны были выдвинуты вдоль утесов еще примерно на двести футов и были соединены вторым ровом, теперь засыпанным, и который образовывал внешнюю защиту места с его самых слабых, но наименее открытых сторон. Этот ров, линию которого можно определить по его выступающей стене, не был точно концентричен внутреннему рву, а пролегал двумя неправильными линиями почти под прямым углом друг к другу, так что вся площадь замка имеет форму примерно прямоугольника, примерно 130 ярдов к востоку и западу и 150 ярдов к северу и югу; включая, следовательно, около четырех акров.

Город также был обнесен стеной, и ее стены примыкали к замку, который, таким образом, как обычно в подобных обстоятельствах, хотя и был снабжен собственными оборонительными сооружениями, составлял часть общего *окружения*. Городскую стену все еще можно проследить от юго-западного угла замка, над рекой, до южной сторожки у ворот, которая, хотя и инкрустирована поздними постройками и изуродована в манере, характерной для прошлого и предшествующих столетий, сохранила канавку для опускной решетки и арку, выполненную, по-видимому, в раннеанглийском стиле и, вероятно, времен Генриха III.

Замок состоит из внутреннего, среднего и внешнего кварталов. Внутреннее отделение занимает юго-западный угол среднего отделения и имеет примерно прямоугольную форму, 32 ярда к востоку и западу и 16 ярдов к северу и югу. Южная стена отделяет его от внешнего подворья, а западная является частью общего *ограждения*. Две другие стены отделяют его от

среднего квартала. В этом квартале есть три башни: цитадель, пекарня и задняя дверь, расположенные в юго-восточном, юго-западном и северо-западном углах. В нем находится колодец.

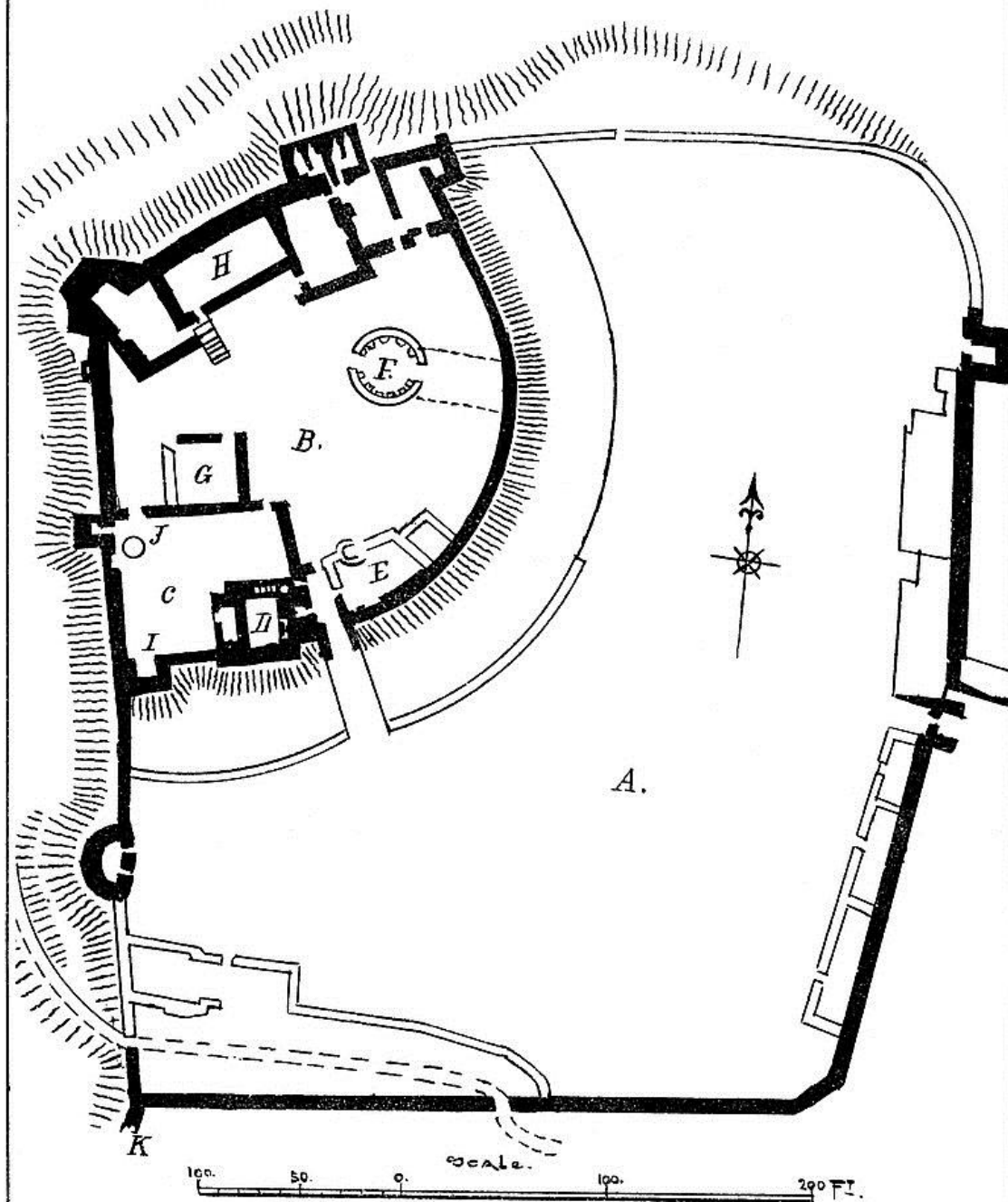
В среднем дворе находится куча зданий эпохи тюдоров над воротами и вокруг них, построенных напротив южного занавеса, который датируется нормандией. Они также примыкают к замку. Вдоль северного занавеса находится грандиозная масса государственных и бытовых зданий, состоящая из масляной башни, холла, парадных и частных комнат и квадратной башни, которая занимает северо-восточный угол прихода. Эта группа образует величественную особенность замка, построенного в смешанном нормандском стиле и украшенного в разное время, большой высоты и величественных размеров. С одной стороны палаты находится кухня, пристроенная к внутренней стене палаты; а напротив нее - хорошо известная нормандская часовня, круглый неф которой стоит отдельно, но в которой раньше был алтарь, примыкающий к занавесу.

ЗАМОК ЛАДЛОУ.

ПЛАН МЕСТНОСТИ.

LUDLOW CASTLE.

GROUND PLAN.

A Outer Ward.
B Middle Ward.
C Inner Ward.
D Keep.
E Gatehouse.
F Chapel.

G Kitchen.
H Hall.
I Oven Tower.
J Postern Tower and Well.
K Junction of Town Wall.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

44. Внешняя палата.

45. Средняя палата.

46. Внутренняя палата.
47. Сохранить.
48. Сторожка.
49. Часовня.
50. Кухня.
51. Зал.
52. Башня духовки.
53. Задняя башня и колодец.
54. Перекресток Городской стены.

Во внешнем дворе в настоящее время находится всего несколько зданий. Недалеко от центра его занавеса находится внешняя сторожка, а с южной стороны - ряд зданий в стиле тюдор, вероятно, конюшни. Одна квадратная башня раннего периода стоит на восточной стене и указывает на границу нормандского замка; а другая, более поздняя и полукруглая, на западной стене над рекой, носит имя Мортимера. В юго-западном углу этого прихода было несколько более поздних построек, включая, вероятно, часовню; но они частично снесены, и эта четверть прихода огорожена стеной, а через нее проложен общественный пешеходный переход. Этот проход проходит через два современных дверных проема во внешней завесе, толщина которых видна таким образом. Ров, перекрывающий середину, на самом деле, конечно, находится внутри внешней палаты. Он вырублен в скале шириной 13 ярдов, глубиной 4 ярда, длиной 150 ярдов и частично облицован; облицовка, без сомнения, была долгим последующим дополнением. Она пересекается и закрывается с обоих концов занавеской и, должно быть, всегда была сухой или почти сухой. Общее расположение Ладлоу и частично сохранившийся план наводят на мысль о сравнении с замком Барнард, очертания которого также нормандские.

Прежде чем рассматривать интерьер замка, будет удобно сказать несколько слов о стенах, которые видны снаружи, особенно вдоль дороги и северного фасада. Начиная с юго-западного угла, где передняя стена ответвляется к мосту через реку, первой идет башня Мортимера, полукруглая в плане и выполненная в раннеанглийском стиле, в которой, как говорят, Хью Мортимер был заключен примерно в 1150 году, но которая, по-видимому, датируется более поздним временем. У него тесная стена ущелья, подвал на уровне земли и три верхних этажа. Подвал сводчатый, с пазом и ребристый, но ребра и большое окно являются вставками. В северо-восточном углу есть лестница-колодец, а верхний этаж сообщается сбоку с высоким занавесом. Чуть ниже линии парапета находится ряд карнизов, предназначенных для поддержки деревянной галереи или *решетки*. Эта башня относится к раннеанглийскому периоду или украшена ранними украшениями, с пристройками перпендикулярного и тюдоровского периодов. Рядом с этим, на стене, находится башня пекарни, расположенная на стыке внешней завесы и средней палаты и описываемая вместе с крепостной башней. За этой башней первоначальная нормандская стена была поднята на 40 футов. В ней находится то, что, по-видимому, было входом в канализацию. Далее следует задняя башня, небольшая нормандская башня, квадратная, со смелым внешним выступом и без внутреннего, с нормандской дверью в ущелье; и еще одна, задняя, с отверстием в 4 фута на северной стороне. Эта башня закрыта и недоступна. Верхняя часть кажется дополнением. Она отмечает стык внутренней и средней палат. От него занавес продолжается на север на той же высоте; по крайней мере, нижняя часть остается оригинальной. Внутри к этой стене были прислонены различные здания, которые сейчас снесены, а сама стена пронизана камерами и галереями, которые сейчас недоступны. На нем вырезано отверстие настенного

шкафа, которое было дополнено добавлением полый шахты, расположенной в качестве опоры под карнизами.

Под северо-западным углом находится группа башен, образующих угол, в которых находится кладовая. Первый имеет прямоугольный выступ, в основании которого находится канализационный коллектор с круглой головкой и отверстием в 2 фута. С ней соединена вторая башня, наполовину восьмиугольная в плане, сильно исправленная и дополненная, но нижняя часть которой выполнена в нормандском стиле, а верхняя украшена раньше. Эта группа очень высокая и имеет отбивающее основание, так что вес отбрасывается назад в пределах края обрыва. Поперек полого угла, между этой последней башней и северным занавесом, повернута нормандская косая арка, в потолке которой находится вентиляционное отверстие, а над ним - петлевое окно гардеробной. Этот занавес образует стену большого зала и прилегающего здания. Большой каменный желоб отмечает кладовую, а за ним находятся три наружных окна зала. Эта стена венчает утес высотой около 40 футов, под которым в наше время была вырублена широкая платформа, и от которой второй крутой склон высотой 50 или 60 футов спускается к лугам. Стена холла заканчивается полукруглым восьмиугольником, внутри которого находится лестница, ведущая в частные апартаменты; а за ней снова находится башня гардеробе — большое прямоугольное сооружение огромной высоты и ширины, с очень смелым выступом и полностью украшенное по последнему слову техники. На каждой из трех граней, у основания, есть два больших углубления с заплечиками, каждое из которых содержит вентиляционное отверстие, наклонный побег из которого достигает 6 футов в длину. На верхних этажах расположены несколько окон, из которых одностворчатые с трилистниками, а выше возвышается нижняя часть красивой восьмиугольной шахты дымохода.

За башней гардеробе находится стена части частных апартаментов, в основном устаревшей отделки, но сильно измененной. В его основании расположены три больших ранних перпендикулярных двухстворчатых окна, украшенных трилистником, с ажурными украшениями в головах; а над ними - различные вставки в стиле тюдор, выполненные с низким вкусом, и деревянные балки двух балконов. Этот фасад среднего прихода заканчивается квадратной башней нормандского времени, которая стоит на стыке стен внешнего и среднего прихода. Отсюда видно, что стена относится к внешнему двору и, по-видимому, была частично перестроена в царствование Елизаветы, к которой относится небольшая дверь с квадратной головкой, снаружи которой находятся какие-то руины на скальной платформе шириной около 30 футов. Отсюда стена современная, почти до нормандской башни, от которой до сторожки, вероятно, нормандская. За сторожкой у ворот, до самого речного обрыва, стена имеет толщину от 5 до 6 футов и высоту от 40 до 50 футов. Она старая, но, вероятно, не оригинальная. Ров засыпан, и вдоль его линии выросли деревья, двум или трем из которых, должно быть, больше ста лет.

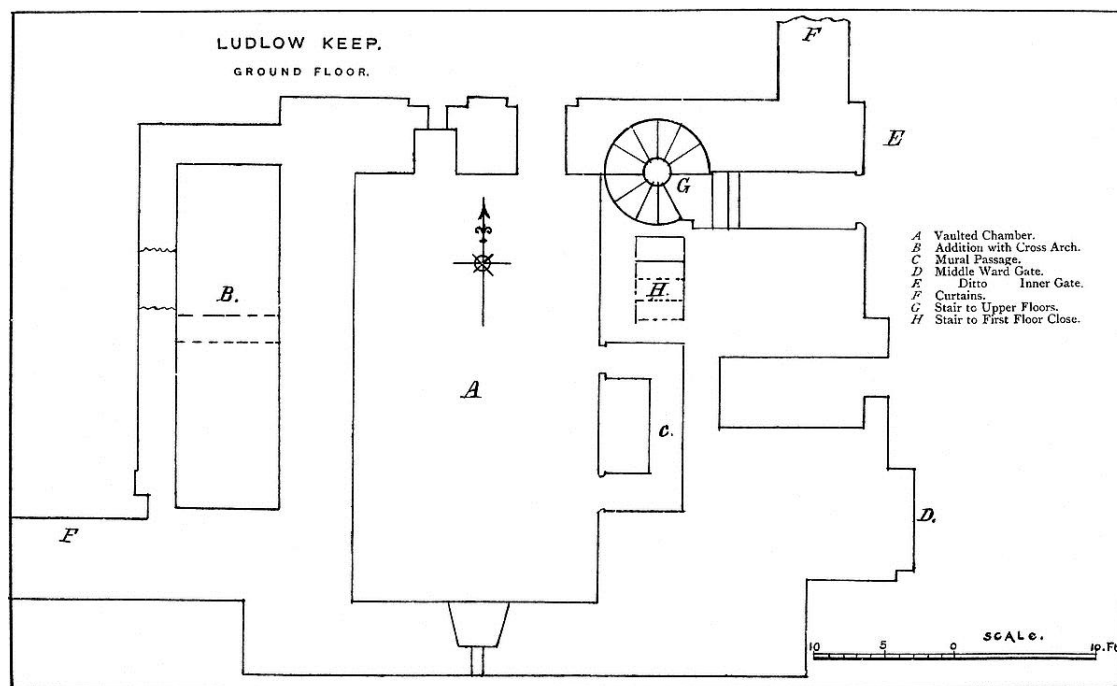
The Внутренняя палата.— Цитадель находится в более высокой части ограждения, но на некотором расстоянии от речного обрыва, и у нее нет никаких естественных преимуществ для обороны. Он не предназначался для того, чтобы стоять отдельно, но, как это часто бывает с крепостями того времени, был расположен на *ограждении* и, таким образом, является частью общей линии обороны. Он необычен тем, что его первоначальный план, хотя и прямоугольный, имел два небольших ушка или выступа, и на самом деле он имел

Т слегка Т изогнутую форму и имел сообщения справа и слева через кронштейны с навесной стеной, на которой он стоял. Это очень необычно и является исключением из той ревности, с которой обычно охраняются входы в нормандские крепости. В этом отношении

это скорее большая башня с фресками, чем цитадель. Он подвергался значительным изменениям в разные периоды, как внутри, так и снаружи, и историю этих последовательных изменений отнюдь не легко разгадать. Крепость имеет 40 футов в длину с южной стороны, которая выступает примерно на 7 футов за занавес во внешний двор. Это поперечный выступ

Т. Стержень выступает из занавески во внутреннюю комнату примерно на 30 футов и имеет ширину 31 фут.

КРЕПОСТЬ ЛАДЛОУ. ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

55. Сводчатая комната.
56. Пристройка с поперечной аркой.
57. Отрывок из фрески.
58. Ворота Средней палаты.
59. То же самое касается Внутренних ворот.
60. Занавески.
61. Лестница на верхние этажи.
62. Лестница на первый этаж закрыта.

В первоначальном здании был подвал почти на уровне земли и высокий верхний этаж с открытой крышей. Внешний вид был простым. У него был низкий цоколь, но не было пилястровых полос, за исключением того, что в конце восточной стены есть что-то вроде пилястры шириной 6 футов и глубиной 1 фут. На южной стороне полоса полугексагонального сечения проходит немного выше уровня первого этажа, а на восточной и западной сторонах, немного выше, имеются отступы в 5 дюймов. Верхний этаж отмечен аналогичным выступом по всей окружности. Северная, южная и западная стены у основания имеют толщину 7 футов 6 дюймов, а над ней 5 футов. Толщина восточной стены, к которой ведет лестница, составляет 9 футов 6 дюймов. Были сделаны два дополнения, которые сильно повлияли на

Т планировку помещения. С западной стороны полый угол был заполнен зданием шириной 11 футов и длиной 24 фута, которое доведено до самого верха и частично входит в композицию северо-западной башни. Толщина стены этого здания всего 3 фута. Соответствующий углублению угол на восточной стороне также заполнен массой каменной кладки толщиной 9 футов, но она поднимается не выше первого этажа. В нем находится камера, тюрьма привратника, и проход, ведущий от главных ворот к лестнице-колодцу в цитадели. Тюрьма привратника имеет бочкообразные своды, не соединена с крепостью и, вероятно, относится к очень позднему норманнскому периоду. В стене крепости, частично видимой из хранилища, есть петля или окно, хотя внутри нет никаких указаний на то, откуда оно открывалось.

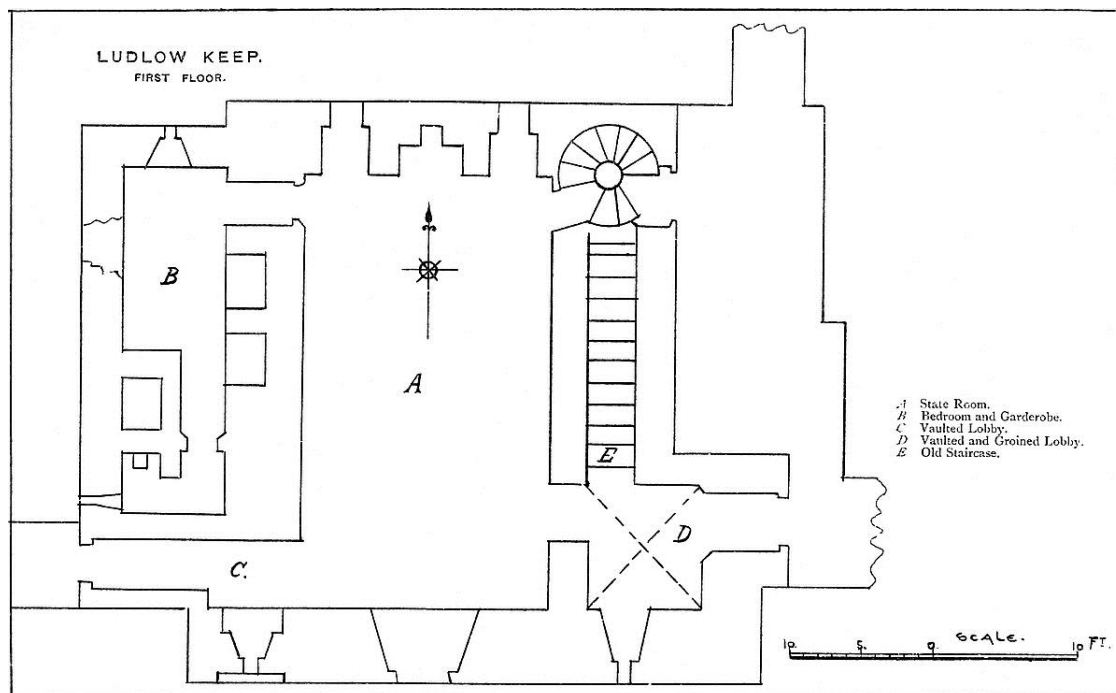
Существующее здание состоит из подвала и трех этажей. В настоящее время в подвальную камеру можно попасть через дверь в северной стене из внутренней палаты, на первый и другие этажи - по лестнице-колодцу в восточном углу, вход через главные ворота. Подвал находится на три ступеньки ниже уровня земли. Он имеет 31 фут к северу и югу и 14 футов 5 дюймов в ширину. Он имеет высокий остроконечный свод, петлю на южном или внешнем конце, и на северном конце петлю, а над ней окно, а рядом с ними дверь из внутренней палаты. Оконная ниша слегка заострена, дверная - более резко, но внешняя облицовка как двери, так и окна в конце перпендикулярна, расположена по четырем центрам в плоской головке. В боковых стенах, на их северном конце, с каждой стороны находится нормандская аркада из двух арок, простых и неглубоких, проистекающих из простых отдельно стоящих колонн с рифлеными капителями и подушечками, вся она покоится на низкой скамье. Аркады начинаются в футах от северной стены, а арки расположены по центру, но имеют неравный пролет, 4 фута 3 дюйма и 5 футов 11 дюймов. Западная аркада была замурована и видна лишь частично. С восточной стороны, у южной арки, колонны больше нет, а нижнюю половину ее угла занимает что-то вроде алтаря из квадратных камней с большим плоским камнем наверху. Вся работа грубая. Здесь нет потеков или молдингов на капоте, а просто попытка создания резного орнамента. Аркада углублена примерно на фут. В восточной стене, недалеко от ее южного конца, находятся две двери с квадратными головками, открывающиеся на 2 фута и расположенные на расстоянии 7 футов 6 дюймов друг от друга. Каждый открывается в проход длиной 3 фута 7 дюймов и шириной 2 фута 7 дюймов, и они заканчиваются и соединяются поперечной галереей длиной 12 футов и шириной 2 фута 6 дюймов. Эти проходы облицованы тесаным деревом, имеют высоту 6 футов 7 дюймов и плоский верх. Крыша сложена из щебня, плотно пригнана и оштукатурена. Кроме того, в каждом дверном проеме есть переключатель и засовное отверстие, показывающие, что дверь открывалась внутрь и была заперта с внутренней стороны или со стороны прохода, в который, однако, не было другого выхода. Похоже также, что большая камера раньше была разделена поперечной стеной, расположенной таким образом, что одна из этих дверей открывалась в каждую камеру, а ступенька в каменном своде показывает, где эта стена пересекалась, и что была небольшая разница в высоте свода с двух сторон. Южный из двух дверных проемов был изуродован и была вставлена нормандская опора, но это кажется современным и неуклюжим приспособлением для поддержки крыши. Трудно понять, с какой целью был построен этот очень любопытный проход. Он позволял пройти из внешней комнаты во внутреннюю, но это не объясняет расположение отверстий для переключателей. Более того, что касается большого зала, то аркада кажется странно неуместной. Она, несомненно, была ограничена двумя арками с каждой стороны; а поскольку помещение расположено с севера на юг, оно вряд ли могло быть часовней, равно как и маловероятно, что это было парадное помещение. Когда-то стена, по-видимому, была облицована тесаным

деревом, и в своде есть тесаные полосы, часть которых сложена из обработанного молотком камня, а часть - из самого обычного щебня. Аркада и, вероятно, сама суть здания довольно ранненормандские, а свод и северная стена кажутся пристройками раннего английского периода. Эта палата не имеет связи с подразделениями ни на восточном, ни на западном фронте.

Первый этаж находится точно над подвалом и имеет размеры 30 футов на 17 футов 6 дюймов. В его южной части находится окно в стиле тюдор, без сомнения, заменившее нормандскую петлю; а в северной части - два окна в нишах в стиле тюдор, а между ними камин в стиле тюдор. В западной стене, северный конец, круглая дверь открывается в боковую камеру размером 8 на 13 футов, сводчатую, но с деревянным полом, с окнами на север и запад, а на восточной или внутренней стороне открываются два круглых углубления размером 3 фута 8 дюймов и глубиной 3 фута. В южном конце этой комнаты узкий проход ведет в гардеробную размером 7 футов 6 дюймов на 5 футов, с петлей на запад. Между двумя комнатами находится каменный блок, в котором находятся шахты гардеробных с верхнего этажа. В другом или южном конце западной стороны главного зала открывается высокая арка во весь центр высотой 5 футов 10 дюймов, представляющая собой вход в сводчатый вестибюль длиной 13 футов 7 дюймов; сначала 5 футов 10 дюймов в ширину, а затем уменьшается до 3 футов 2 дюймов. Она выходит на южный занавес, к западу от цитадели. В южной стене вестибюля находится маленькое круглое окошко в простой нише, а снаружи, по бокам от угловых стволов, единственное орнаментированное нормандское окно в замке. Напротив, в восточной стене, находится дверь с отверстием 4 фута 3 дюйма, которая ведет в сводчатую камеру с пахом площадью 8 квадратных футов с петлей на юге, а на востоке - короткий проход шириной 4 фута, который открывается за южным занавесом и ведет на верхний этаж сторожки. В северной стене камеры находится начало прямой лестницы, которая тянется вдоль восточной стены цитадели и была первоначальным входом с уровня земли на второй этаж. Лестница из тесаного дерева с бочкообразным сводом, и до сих пор видны пятнадцать ступенек. Возвращаясь в главное помещение, остается заметить дверь в северном конце восточной стены, которая ведет на лестницу-колодец, а из нее через внешнюю дверь - в помещение, бывшее первым этажом сторожки. Эта лестница-колодец занимает северо-восточный угол крепости. В него можно попасть по сводчатому проходу в восточной стене от главных ворот на уровне земли, а лестница поднимается на крепостной вал, ведущий на первый и два верхних этажа. В настоящее время его дверные и оконные проемы выполнены в стиле тюдор, но сама лестница, вероятно, намного старше. Очевидно, что здесь был первоначальный вход в цитадель, как в Чепстоу и Карлайле, откуда прямая лестница вела по центру стены на второй этаж; но когда была вставлена нижняя часть лестницы-колодца, прямая лестница была замурована и такой и осталась. На Чепстоу и Карлайл, помимо лестницы, была дверь, ведущая на цокольный этаж. Здесь этого не могло быть, поскольку это перерезало бы аркаду. Выступ юго-восточной двери показывает, что пол камеры первого этажа был слегка приподнят, что, без сомнения, было сделано при установке свода. В полу есть два квадратных отверстия, предназначенных для подачи воздуха в главную комнату внизу, и, вероятно, поздние вставки. Высота этого этажа составляла 12 футов 6 дюймов. Из него семнадцать ступенек лестницы-колодца ведут к двери в стиле тудоров на второй этаж.

ЗАМОК ЛАДЛОУ.

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

63. Парадная комната.

64. Спальня и гардеробная.

65. Сводчатый вестибюль.

66. Вестибюль со сводчатым потолком.

67. Старая лестница.

Второй этаж имеет те же размеры, что и первый. В его южной стене есть окно эпохи тюдоров, без сомнения, заменившее одно из нормандских; а в северной стене два окна, с квадратными головками, но в круглых, хотя и не нормандских нишах. В восточной стене, рядом с дверью на лестницу, находится камин в стиле тюдор, возможно, только облицованный в этом стиле. Эта стена была сильно изменена и залатана, и камин, вероятно, является вставкой. В западной стене, на ее северном конце, дверь открывается в боковую комнату, расположенную над пристройкой к первому этажу, и в ней находятся две гардеробные. У него есть квадратная петля на севере и три на западе, центральная в круглом углублении. На одном уровне с этим залом и, вероятно, ведущая из него, находится небольшая комната над западным вестибюлем. Она ведет на запад, но туда невозможно попасть. Над восточным вестибюлем есть похожая комната, но способ входа не указан. Высота этого второго этажа составляет 11 футов 10 дюймов, и с него девятнадцать ступенек ведут на этаж выше.

Третий этаж, на который также ведет дверь в стиле тюдоров с лестницы, имеет те же размеры, что и этаж ниже. В восточной стене находится камин, тоже в стиле Тюдор, а в западной стене, в северном конце, дверь с квадратной головкой, ведущая на третий этаж пристроенной комнаты. Эта комната с украшенным окном в северной стене, деревянным полом и потолком пересекается круглой аркой, которая поддерживает южную стену северо-западной башни. Лепнина на южной стене показывает, что сначала у этого пристройки была односкатная крыша.

На южной стене главного помещения также есть лепнина, свидетельствующая о том, что эта стена когда-то была двускатной и что изначально у крепости была высокая крыша с

центральный коньком. В стену было вставлено окно в стиле тюдор, которое прорезает лепнину. Северная стена пронизана двумя круглыми нишами, в которых расположены окна в виде трехлистников с одним светом и, по-видимому, датированными датой. На этом конце нет лепнины от непогоды, что является одним из многих признаков того, что эта стена была перестроена. Этот этаж, как и тот, что под ним, имеет высоту 11 футов 10 дюймов, и с него девятнадцать ступеней поднимаются к зубчатым стенам, открываясь дверью в стиле тюдор на верхней площадке лестницы. Лестница заканчивается прямоугольной башенкой размером 15 на 9 футов. Северо-западная башня размером 8 на 10 футов не имеет выхода с крепостной стены. Две южные башенки больше, и обе имеют наружные лестницы из двенадцати ступеней, ведущие на их плоские крыши. Юго-западная башня имеет размеры 15 на 14 футов, а юго-восточная, недоступная сейчас, имеет площадь около 15 квадратных футов. Северная и южная стены здесь имеют толщину 5 футов, две из них заняты укрепленным парапетом. Восточная стена имеет толщину 9 футов и содержит двойной дымоход. Западная стена двойная, внутренняя толщиной 4 фута - стена крепости, а внешняя - 3 фута до стены пристройки. Пространство между ними шириной 5 футов 8 дюймов было покрыто плоской крышей, так что вал здесь имел ширину 12 футов 8 дюймов внутри парапета. На каждой грани башни было по две амбразуры, и крыша, которую укладывали последней, была плоской.

Крепость, по-видимому, первоначально была построена Роджером де Лейси с 1086 по 1096

Т год в виде башни простой формы, расположенной на внешней стене и являющейся ее частью. В нем был подвальный этаж на уровне земли и один верхний этаж значительной высоты с открытой, высокой крышей, северная и южная стены которой, почти, если не совсем, достигавшие их нынешней высоты, образовывали фронтоны, точно так же, как в нормандской сторожке замка Шерборн. Вероятно, боковые стены были почти такой же высоты, как фронтоны, чтобы скрыть крышу. В подвал можно было попасть на уровне земли через дверь в северной стене. Он имел по меньшей мере две арки аркады в каждой из своих боковых стен и, вероятно, был разделен поперечной стеной на две камеры, во внутреннюю из которых можно было попасть через проход в восточной стене. Вход на верхний этаж находился также на уровне земли, но у восточной стены, а следовательно, в средней палате. Это было через маленькую дверь и короткий коридор, из которого на юге или слева вдоль восточной стены вела лестница, ведущая в сводчатый вестибюль на уровне первого этажа. Этот вестибюль и еще один напротив него выходили за занавеску. Как можно было попасть на зубчатые стены крепости, неизвестно, возможно, по нынешней лестнице-колодцу, которая в таком случае начиналась на уровне первого этажа.

Первая переделка, произведенная в нормандский период, была, вероятно, на столетие позже первоначального здания. Это заключалось в пристройке здания на западном фасаде,

Т заполняющего полый угол . В нем был подвал, который, похоже, когда-то был выгребной ямой, а теперь в него можно попасть через пролом и он сводчатый. Крыша была односкатной. Чтобы попасть на первый этаж этого здания, в стене крепости была открыта

Т дверь. Также на противоположной, или восточной, стороне в углубление был встроен массив каменной кладки. Это, однако, заканчивалось на уровне первого этажа и, вероятно, предназначалось для создания второго прохода между первым этажом и сторожкой. В блоке была сводчатая тюремная камера для привратника и проход, который вел в крепость и прикрывал вход в нее.

Позже, в раннеанглийский период, были внесены еще большие изменения. Северная стена была либо перестроена, либо заново облицована, подвал был сводчатым, а северо-восточный угол был снесен и перестроен заново, вероятно, в него была встроена лестница-колодец. В то же время были подняты боковые стены и западный пристрой, на первом этаже был установлен плоский потолок, а над ним - два этажа с дверями в западный пристрой, и две башенки были возведены в двух северных углах здания.

Следующее и окончательное изменение произошло в период правления Тюдоров, когда свод восточного входа был перестроен и облицован наружной дверью, лестница-колодец снабжена дверьми и петлями, старая прямая лестница замурована, а в стены встроены камин. Также были переделаны северная дверь и окно подвала. Конечно, все это лишь вопрос мнения, поскольку изменения были настолько значительными и носили столь полный характер, что трудно сформировать даже теорию относительно них. Это одна из самых любопытных и сбивающих с толку вещей, которые Норман сохранил до сих пор. Очень хотелось бы, чтобы его владелец распорядился составить и опубликовать точный план и разделы на каждом этаже.

Занавес, соединяющий цитадель с *башней пекарни*, имеет длину 36 футов на 38 футов, толщину 7 футов и высоту около 20 футов до крепостных валов, но у него был крытый проход, который поднимался к башне, вероятно, по узкой лестнице, сообщающейся со вторым этажом, в то время как главная галерея вела на первый этаж. Башня имеет прямоугольную форму, примерно 23 на 27 футов. Она выступает на 16 футов в ров, а ее внутренние размеры 15 на 11 футов. Первоначально он был открыт через ущелье во внутренний двор, каменная кладка была заменена, как в Кельне и Авиньоне, и как в более поздней сторожке Лондонского Тауэра, деревянной перегородкой. На уровне земли была построена большая печь, занимающая всю площадь, а на уровне первого этажа была повернута арка, поддерживающая стену, которая заменяет деревянные конструкции на верхних этажах. В этой стене расположены камин, небольшая печь и окно. Дверь в восточной стене открывается из-за занавески, а в западной стене другая дверь открывается в фресковый проход на западе или внешнюю занавеску, в которой у нее есть петля. Слева, или на юге, находится гардеробная размером 6 на 5 футов, с петлей на юг, а в противоположном направлении проход тянется на 11 футов, спускаясь на четыре ступеньки. Вероятно, он был продолжен в виде занавеса, ведущего к задней башне, но теперь замурован. Верхняя, или вторая, стена башни недоступна. Кажется, что он повторяет схему первого этажа, и на него ведет внешняя лестница со стороны южного занавеса, а с другой стороны есть гардеробная и проход, выходящий на крепостной вал западного занавеса, к задней башне. Башня пекарни выполнена в нормандском стиле и относится к эпохе замка. Ее полы были деревянными.

The *Задняя башня* заострена и недоступна. Он примерно такого же размера и высоты, как башня пекарни, и датируется тем же временем, но его ущелье всегда было закрыто. На уровне земли небольшая дверь открывается из внутреннего помещения, и есть похожая дверь на северной и внешней стороне башни, которая является задней дверью. Обе расположены по центру и простые. У этой башни нет внутреннего выступа. В палате, рядом с дверью в башню, в самом неудобном месте находится колодец с грубо вырубленной в скале шахтой диаметром 8 футов. Сейчас он частично засорен.

Поперечная завеса из задней двери ведет прямо к северо-восточному углу палаты, а оттуда поворачивает на юг, пока не упирается в крепость. Эта стена, хотя, вероятно, и нормандская, не такая старая, как цитадель или главный занавес, так что в первоначальном замке внутренний и средний двор, по-видимому, были единым целым. В занавесе рядом с его

северо-восточным углом есть дверь с круглой головкой, которая открывается между внутренней и средней палатами.

Средняя палата - самое важное подразделение замка. В нем находятся домашние и государственные здания, часовня, кухня и большая сторожка у ворот. Основные здания занимают его северную сторону, опираясь на внешнюю навесную стену и частично формируя ее. Ближе к центру находится холл. Это было благородное помещение, 60 футов в длину, 30 футов в ширину и 35 футов в высоту до пружинящих выступов открытой деревянной крыши. Сохранились углубления для переключателей молотков и выступы, на которых покоились главные элементы. Из-за низкой упругости основных балок крыша изнутри имела очень высокий уклон, что, как показывает уровень грунтовых вод, на самом деле было не так. Холл находится на втором этаже, и к нему со двора ведет широкая внешняя лестница, открывающаяся в южной стене у ее западного или нижнего конца. В северной стене три длинных узких окна с одним светом в каждом, обрамленных трилистником и пересеченных тяжелой фрамугой, а в восточном конце этой стороны маленькая дверь ведет, вероятно, в гардеробную. Из этих окон открывается вид на Тем и Корведейл. В южной стене три больших окна, выходящих во двор; они двухстворчатые, обрамленные трилистником и пересеченные фрамугой. Их углубления имеют равнобедренные арочные выступы, а углы заменены скругленными бусинами. Только в одном окне есть каменная подставка. Большая дверь, расположенная в западном конце этой стороны, совпадает с оконными нишами, хотя и немного ниже. В западном конце находятся две масляные двери разного размера, а в северо-западном углу дверь открывается, как и в Пембруке, на лестницу-колодец, ведущую на крышу. В восточном конце зала, недалеко от северо-восточного угла и высоко наверху, находится совмещенная дверь и окно — своего рода люк, с помощью которого находящиеся в верхнем парадном зале могли либо заглянуть в зал, либо спуститься на галерею, проходившую над помостом. Центральное южное окно было заделано и превращено в камин эпохи позднего тюдора. Несомненно, оригинальная решетка, как и в Пенсхерсте, стояла посреди холла.

К западу от зала находится масляная башня, очень красивая группа, занимавшая северо-западный угол палаты. Часть его выступает вперед и закрывает северо-западный угол занавеса. Часть внутри палаты также прямоугольная. Часть, соединенная с занавесом, является нормандской и представляла собой большую прямоугольную башню с открытым ущельем. В его основании находятся два дверных проема с круглыми головками, ныне почти зарытых, откуда настенные переходы вели к гардеробным в занавеске. Более старая часть была приподнята, повернута остроконечная арка, а над ней возведена стена, закрывающая ущелье на втором этаже. У этой башни были большие пристройки с внутренней стороны, и теперь она является частью только здания, в подвале которого, по-видимому, был склад, а на первом этаже, 33 на 27 футов, - столовая и кладовая, примыкающие к холлу. В эту комнату входили через боковую дверь на лестнице большого зала, так что посуду приносили из кухни вверх по большой лестнице, а не через большую дверь в холл. В кладовой есть большой камин.

В другом, или восточном, конце зала находятся парадные залы, расположенные в грандиозном и возвышенном здании, прямоугольном в плане и выступающем за пределы зала. Является ли фундамент нормандским, или же, как и надстройка, все здание датировано временем, сомнительно. Материал - превосходный ясень. Есть подвал и два верхних этажа. В первом - большой камин; но основные апартаменты находились на втором этаже. Дверные и оконные проемы многочисленны и разнообразны. Некоторые из них превосходно украшены стрельчатыми и сегментарными арками; другие представляют собой

витиеватые перпендикулярные вставки; а третьи, отличающиеся убогим вкусом, базовыми материалами и мастерством исполнения, датируются эпохой Тюдоров. В верхней комнате также есть большой камин, а опоры вытяжки представляют собой две резные головки. Северное окно с одним светом, большой длины, разделено фрамугами. Южное окно аналогичного характера, но имеет два источника света. В этой верхней комнате была открытая крыша с низким уклоном, поддерживаемая тремя парами опор.

Рядом с этими комнатами, на восточной стороне, находится группа зданий поменьше, также прямоугольной формы, которая заполняет пространство между парадными залами и северо-восточной башней. Это, вероятно, было отведено внизу под апартаменты для прислуги, а наверху - под главные спальни. В подвале есть три прекрасных ранних перпендикулярных окна с двумя светильниками, обрамленных трилистником, с центральной стойкой, проходящей через головку. Окна такого размера, расположенные так низко во внешней стене, встречаются редко, и, что также любопытно, они открываются из двух комнат, никоим образом не примечательных ни размерами, ни орнаментом. Эта часть люкса, первоначально оформленная, возможно, на нормандском фундаменте, по-видимому, была реконструирована в перпендикулярный период. Соединенная с этими зданиями и с парадными апартаментами и примыкающая к обоим, находится башня гардероб — грандиозное прямоугольное сооружение, выступающее из занавеса, полностью из ясеня и украшенное датами. Он состоит из подвала и четырех верхних этажей. Подвал занимают несколько гардеробных, просторные выходы из которых уже были описаны. Верхние этажи, по-видимому, соединены с парадными комнатами, а в стенах много маленьких комнат, куда нет доступа. Окна однотонные, трехстворчатые, обычно с фрамугой. Между этим зданием и залом, выступающим за пределы занавеса, находится многоугольная башенка с лестницей.

Северо-восточная башня венчает угол прихода. Она прямоугольная в плане и построена в нормандском стиле. Он образует часть двух занавесей средней и внешней палат, стоящих на каждой. В его основании дверь ведет в фресковый проход в восточном занавесе, ныне заваленный мусором, а на первом этаже находится гардеробная в северной стене.

Кухня, полностью оформленная по последнему слову техники, представляет собой большое прямоугольное здание, расположенное у стены внутреннего помещения, но свободное с трех других сторон. В нем есть два больших окна на восток и отличная дверь в северной стене напротив лестницы в холл. Сохранилась плитка на полу и части большого камина на западной стороне с парой небольших боковых печей. У него были разные перпендикулярные пристройки. Задняя кухня находилась на западе, и вполне вероятно, что пролом в прилегающей стене внутреннего помещения представляет собой поздний дверной проем, сообщающийся с колодцем и большой печью.

К сторожке со средней стороны ведет мост через ров, внутренний конец которого был разбит подъемным мостом, окруженным стенами с петлями. Ворота имеют низкую стрельчатую арку, на табличке над которой изображены гербы Елизаветы и сэра Генри Сиднея с датой 1581. Поскольку штора имеет толщину 7 футов и прикреплена к стене, она, очевидно, оригинальная, а дверная фурнитура является вставкой. Опускной решетки нет. Входная дверь открывалась в коридор, где слева находились тюрьма привратника и вход в цитадель, а справа - привратнические помещения. Здание построено в эпоху Елизаветы Петровны и сильно уступает более старым постройкам. Вероятно, первоначально вход был через простую арку в занавесе, как в Кенилуорте и Бриджнорте.

The Часовня, посвященная Святой Марии Магдалине, является самой примечательной частью замка. Он выделяется в центре среднего прихода, между сторожкой у ворот и залом.

Все, что от него осталось, - это круглый неф. Внутренний диаметр храма 28 футов, толщина стен 4 фута. На западе есть входная дверь, а на востоке - большая алтарная арка. Остальную часть интерьера занимает фресковая аркада из четырнадцати арок, по семь с каждой стороны, опирающаяся на низкую каменную скамью. Арки поочередно украшены шевронами и бисером, капители имеют форму подушки и грубо орнаментированы. Над аркадой располагалась деревянная галерея, опирающаяся на двенадцать карнизов, один из которых, как принято считать, нормандский, а другой раннеанглийский. Свет проникал через три окна, на западе, севере и юге. Окно над дверью было круглым, с простыми выступающими по бокам отдельными стволами, а вокруг головки - шеврон и двойная лепнина. Снаружи эти окна опираются на гирлянду, боковые стержни зацеплены маленькими плоскими заглушками и основаниями, а кольцевые камни значительной ширины опираются на счеты и украшены шевронами и лепниной в виде заготовок. Северное и южное окна довольно простые.

Западная дверь - прекрасный пример обогащенной поздненормандской работы. Снаружи он стоит в двойном углублении, имеющем отдельные изогнутые фланговые стержни, по два с каждой стороны, с рифлеными капителями, а полукруглые пространства над канавками покрыты небольшим вдавленным рисунком, что-то вроде полый шляпки гвоздя. Из четырех сохранились все заглушки и одна шахта. Сам дверной проем имеет простые квадратные косяки. Вверху - смелые простые счеты, нижняя фаска которых полая, на лицевой стороне вырезан рудиментарный орнамент в виде собачьих зубов. Над дверцей - глубокий шевронный орнамент. Следующее кольцо, над внутренними стержнями, украшено ярким бисером, а внешнее и самое широкое кольцо имеет дублированный шевронный рисунок, а над ним двойную капельницу.

Арка алтаря большая, округлая, с тремя ребрами, под двойной лепниной. Стиль орнамента в целом напоминает стиль западных дверей. На западной стороне расположены по две угловые шахты с каждой стороны, и, кроме того, две полуоси размещены в качестве пилястр в самом арочном проеме, поддерживающем среднее ребро. Эта арка и арка двери слегка сплюснулись в результате оседания, о чем свидетельствуют зияющие стыки софита возле венца. Восточная сторона этой арки довольно простая, за исключением того, что на место возвращены счеты. Первоначальный алтарь длиной 42 фута имел высокую крышу, и есть отметка о втором, а позже и о менее крутом. Боковые стены исчезли. Занавес образовывал восточную стену и не имел окна. Снаружи неф разделен на два яруса проволоочной сеткой, на которую опираются окна и которая находится значительно выше верхней части двери. Вверху - простая зубчатая стена без выступов, с амбразурами в половину ширины зубцов.

Две арки аркады нефа были прорезаны для окон в стиле тюдор, а третья, расположенная к северу, была преобразована в дверной проем. Северное окно также было превращено в дверной проем, и очевидно, что от внутренних покоев к часовне была проложена светлая галерея из двух ступеней, верхняя из которых выходит на круглую галерею. Первоначально к этой круглой галерее, должно быть, вела деревянная лестница внутри здания. Алтарь стоял во времена правления Карла II и имел два окна эпохи Тюдоров в северной стене и окна в крыше, также у нефа была двухскатная крыша, фронтоны которой были восточными и западными. Материалом для постройки часовни послужил щебень. К юго-западу от часовни во времена Елизаветы был фонтан. Эта часовня, с большой долей вероятности, приписывается Джослин де Динан в правление Генриха I. (1100-1135), церковь Темпл, на которую она похожа, датируется 1127 годом.

The Внешняя охрана.—Сторожка у ворот была сильно изменена и изуродована. Спереди он представляет собой ворота с низкой остроконечной аркой в занавесе толщиной около 6

футов и высотой 35 футов, зубцы которого пронизаны простыми петлями. С каждой стороны ворота представляют собой фланговую стену толщиной 3 фута и выступающую на 8 футов, которая, без сомнения, прикрывала подъемный мост. Арка выглядит украшенной, как, вероятно, и занавес, хотя зубчатые стены, вероятно, современные. Ров засыпан, и вдоль него растут большие деревья. Единственные здания в этом приходе расположены напротив занавеса и уже были замечены.

Нет никаких свидетельств, материальных или документальных, существования здесь какого-либо замка до нормандского завоевания. “Низина”, или курган, который, как известно, был убран с церковного двора и память о котором сохранилась в названии города, является единственным древним земляным сооружением, связанным с этим местом, и, без сомнения, был могильным. Первоначальный нормандский замок, по-видимому, стоял на нынешних рубежах. Он состоял из башни, расположенной недалеко от входа и образующей часть *окружения*. На западе цитадель соединялась короткой занавеской с юго-западной башней, или пекарней, прямоугольной, средних размеров, с открытой внутренней стороной или ущельем. Оттуда занавес шел под прямым углом на север вдоль края скалы ко второй башне, также прямоугольной, с боковым входом. Оттуда, все еще вдоль края скалы, занавес, вероятно, высотой 25 футов, достигал северо-западного угла, где он был увенчан башней, почти прямоугольной формы, но расположенной по диагонали, чтобы перекрыть угол, и которая была открыта сзади. Оттуда занавес тянулся на восток, вдоль северного фасада, к северо-восточному углу, где находилась башня, квадратная или почти квадратная. Без сомнения, на этом занавесе располагались нормандские хозяйственные постройки, и, вероятно, на стене рядом с нынешней башней гардероб была центральная башня. От северо-восточной башни до цитадели тянулся изогнутый занавес, вероятно, тогда, как и сейчас, свободный от построек, а за его пределами все еще сохранился ров, протянувшийся от утеса к утесу. От этого первоначального замка в настоящее время сохранились цитадель, пекарня и боковые башни, основание маслобойни, большая часть северо-восточной башни и более или менее занавес.

Позже, в нормандский период, были внесены определенные изменения. Цитадель была поднята и расширена, был построен занавес, образующий внутренний двор, и, вероятно, был затоплен колодец, а в среднем дворе была построена часовня. Внешний двор, возможно, был частью оригинального проекта, или это могла быть поздняя нормандская пристройка; о том, что он был не более позднего времени, свидетельствует квадратная фреска на башне. Все остальное, занавес, сторожка и башня Мортимера, будут позже.

Следующие изменения произошли в период оформления, когда в старых частях были внесены очень важные изменения, что практически сравнялось с реконструкцией крепости. Очень рано в тот период, возможно, еще до него, были вставлены северная дверь и окно в подвале цитадели, превращен свод и, вероятно, реконструированы ворота. Позже, но все еще в начале периода Декорирования, холл, кладовая и жилые помещения были построены вдоль северного фасада и кухни.

Работ в перпендикулярном стиле немного, и они ограничиваются переделками во внутренних помещениях, а также во входном коридоре в замок и на кухне.

Затем наступил период правления Тюдоров, когда замок пришлось переоборудовать во дворец для президентов Маршей. Основание крепости превратилось в тюрьму, вероятно, была проложена лестница-колодец, в комнатах были установлены окна в стиле тюдор и камин, а также была построена сторожка. Многое было сделано по обустройству холла и внутренних помещений, хотя и в легкой и непрочной манере, так что большая часть этой

работы исчезла, а во внешнем дворе были построены конюшни. Упразднение Совета Уэльса и гражданские войны положили конец любым затратам на это место, и в течение некоторого времени оно, по-видимому, свободно разграблялось, пока не превратилось в полные руины, без полов, или крыш, или какой-либо фурнитуры из свинца, железа или дерева. В последние годы о нем позаботились настолько, чтобы он был защищен от любых травм, за исключением травм от времени и непогоды, и в то же время он свободно открыт для всех посетителей. Что требуется для антикварных целей, так это расчистить проходы между фресками и составить план каждого этажа.

история.

Ладлоу, по-видимому, чисто нормандская крепость. Его земляные укрепления, какими они являются или были, не имеют ничего общего ни по расположению, ни по характеру с горными фортами британского происхождения, столь распространенными в этом районе; они также совсем не похожи на более поздние английские сооружения, приписываемые Этельфлед и ее соотечественникам в девятом или десятом веках, соседними типами которых являются Вигмор, замок Ричарда и Шрусбери. Действительно, по плану Ладлоу мало чем отличается от тех укреплений, с помощью которых, как предполагается, скандинавские морские короли часто защищали мысы на морском побережье, и лучшим примером которых является укрепление у Фламборо-Хед; но они редко, если вообще когда-либо, встречаются далеко в глубине страны, и в двух концентрических сегментах рвов, которые составляют или раньше составляли земляные укрепления Ладлоу, нет ничего, что противоречило бы представлению о том, что это нормандские укрепления.

В "Судном дне" нет упоминания о Ладлоу; но в этом отчете указаны три места в округе, носящие название Луд, из которых одно, принадлежавшее тогда Осберну Фиц Ричарду, как доказывает мистер Эйтон, является более поздним Ладлоу. Окончание, необходимое для его различения, было получено от большого "низкого" кургана, вероятно, могильного, который простоял до 1190 года на том месте, которое впоследствии стало кладбищем приходской церкви. "Люд" или "lud", по мнению того же автора, означает брод, как, согласно распространенному плеоназму, в соседнем "Ludford". Два других луда отличались именами своих лордов и были известны как Луд-Мучгрос и Луд-Санси.

Далее мистер Эйтон показал, почти демонстративно, что арендатором Фиц Ричарда в Люде был гораздо более значительный Роджер де Лейси, и что когда он решил построить здесь замок, он получил титул лорда от Фиц Ричарда и основал замок в течение десяти лет после обследования, или примерно в 1086-1096 годах. Роджер был хорошим типом лорда-маршала. В 1088 году он участвовал в восстании против Уильяма Руфуса от имени Кортоса, и снова в 1095 году, когда он принял участие в восстании Моубрея, был сослан и так умер.

Руфус разрешил передать свои поместья своему следующему брату, Хью, который, однако, умер бездетным между 1108-1121 годами, когда поместья перешли к короне в результате отчуждения. Генрих I. пожаловал Ладлоу язычнику Фиц Джону, который также владел Эвиасом Лейси и который был убит валлийцами в 1136 году, не оставив потомства мужского пола. Стивен, по-видимому, захватил его земли и назначил кастеляном в Ладлоу некоего сэра Джойса или Гоцо де Динана, очевидно, бретонского рыцаря. Вскоре после этого Джойс поднял восстание, поскольку в апреле 1139 года Стефан в сопровождении принца Шотландии Генриха осадил замок и построил против него два "контрфорса". Именно во время этой осады Стефан своей личной силой спас принца Генриха из хватки абордажного железа, наброшенного на него, когда они подошли слишком близко к стенам. Казалось бы, замок не был взят.

Самым опасным врагом Джойса был его сосед, Хью де Мортимер из Вигмора, которым он завладел с помощью засады и держал его пленником в замке, башня которого, как предполагается, получила свое название в память об этом событии. Джойс умерла, также не оставив потомства мужского пола, около 1166 года, после чего Генрих II передал или восстановил Ладлоу Хью де Лейси, потому что, хотя и не по мужской линии, из прежней семьи; Эмма, сестра Роджера и Хью де Лейси, была матерью некоего Гилберта, который взял фамилию своей матери и умер в 1135 году, оставив Хью де Лейси новым наследником Ладлоу. Этот Хью, который был очень могущественным лордом в Ирландии, владел как Ладлоу, так и Эвиасом и был настоятелем Дублина. Генрих II испугался его власти и в 1181 году захватил Ладлоу. Хью был убит в Ирландии в 1185 году и оставил Уолтера, своего сына и наследника, которому Генрих в 1189 году вернул земли его отца; но, по-видимому, сохранил замок и башню Ладлоу, которые оттуда перешли к королю Иоанну, которому в 1206 году Уолтер де Лейси заплатил 400 марок за восстановление в Ладлоу.

Однако Джон снова захватил замок в 1207 году и передал его во владение Уильяму де Браозе, затем на некоторое время Филиппу де Альбини, а затем Томасу де Эрдингтону. Король также не восстанавливал его до 1214 года, когда Ингельраму де Сигойну было приказано восстановить его, что он и сделал, хотя и неохотно. Уолтер, как и его отец, был в основном занят в Ирландии. В 1224 году он уступил Ладлоу Уильяму де Гаммажу; без сомнения, в качестве залога своего хорошего поведения. Он умер в 1241 году, оставив своим наследником Уолтера, своего внука, который умер в несовершеннолетнем возрасте. Уолтер оставил двух сестер, за которых Матильда вышла замуж, сначала за Питера де Женеву, одного из провансальских фаворитов Генриха III, и который находился под опекой Ладлоу. Питер умер бездетным, но в 1234 году он передал Уильяму де Лейси должность констебля замка в Фи. Лейси должен был содержать его в ремонте и содержать там капеллана, привратника и двух часовых, причем расходы должны были быть разрешены. Во время войны лорд должен был поставить гарнизон в этом месте и жить во внутреннем, а арендатор - во внешнем приходе. Питер де Женева умер в 1249 году. Затем его вдова вышла замуж за Джеффри де Женвиля, пуатевина, жившего в 1283 году и владевшего замком и половиной поместья, другая половина принадлежала Марджери де Лейси, сестре и сонаследнице Матильды, которая вышла замуж за Джона де Вердона. В этот период и сразу после битвы при Льюисе, когда Симон де Монфор посетил Уэльс в 1264 году, он взял замок Ладлоу, который, однако, мог удерживать лишь короткое время.

Хотя Питер де Женвиль, сын Джеффри и Матильды, умер раньше своих отца и матери, все же замок принадлежал ему после его смерти в 1292 году. Его дочь и наследница, Джоанна де Женвиль, вышла замуж за Роджера де Мортимера, графа Марча, который в 1316 году был совместным лордом Ладлоу с Теобальдом де Вердоном, внуком Джона де Вердона и Маргарет де Лейси.

Мортимеры владели тем, что, вероятно, составляло львиную долю Ладлоу в течение пяти поколений, в одни из самых беспокойных периодов в истории Англии; но под их правлением Ладлоу уступил место Вигмору, их главной резиденции, центру их старейших поместий и главной власти. Роджер, любовник французской волчицы, с большой пышностью принял юного Эдуарда III. в Ладлоу вскоре после смерти его отца и незадолго до его собственного падения, ареста и казни. Эдмунд, его сын, вернул себе этот и другие свои замки в 1354 году, за шесть лет до своей смерти. Его внук Роджер, четвертый граф Марч, получил давно разделенную часть Кружевной собственности путем обмена с Уильямом де Феррарсом, который унаследовал ее от Вердонов, и таким образом передал весь Ладлоу своему сыну Эдмунду, пятому графу, при котором сэр Томас Бофорт, впоследствии герцог Эксетерский,

удерживал замок от восставших валлийцев. Пятый граф умер бездетным в 1424 году, когда замок Ладлоу и графство Марч перешли к его племяннику Ричарду Плантагенету, герцогу Йоркскому, который владел им во время войны Алой и Белой розы и передал своему сыну, королю Эдуарду IV. Район Ладлоу извлек выгоду из того, что замок перешел к короне. Горожане были убежденными сторонниками Йорка, и если они иногда страдали, и притом серьезно, от военных невзгод, то в целом они были в выигрыше. Их древние привилегии, датируемые, по крайней мере, началом XIII века, были подтверждены в правление Генриха VI Ричардом, герцогом Йоркским, а в 1461 и 1478 годах Эдуард IV дал им расширенную хартию, согласно которой они были выведены из-под зависимости от замка. В 1472 году король отправил двух своих сыновей остаться в замке, где заседал учрежденный им Совет Уэльса от имени старшего, принца Уэльского, тогда еще грудного младенца. Они оставались в Ладлоу до 1483 года, когда их перевели в тюрьму и похоронили в Тауэре. Генрих VII. также отправил принца Артура, своего малолетнего сына, родившегося в 1486 году, в Ладлоу и сам был частым гостем здесь до безвременной кончины принца в 1502 году. После этого события Совет Уэльса был учрежден на более регулярной основе и передан под управление лорда-президента, который сначала был епископом. Деньги были выделены на ремонт и содержание замка, который, как явствует из отчета епископа Ли, в 1535 году находился в разрушенном состоянии.

В 1559 году королева Елизавета назначила сэра Генри Сидни лордом-президентом. Он занимал этот пост двадцать семь лет, держа значительное состояние в замке, где по возвращении из Ирландии провел последние годы своей жизни. Он построил сторожку в среднем приходе, которая, как показывают надписи на воротах, была завершена в 1581 году. Он построил также мост, ведущий в замок, вероятно, к внешним воротам, поскольку описание не соответствует тому, что стоит сейчас, и который ведет к средним воротам. Кроме того, он отремонтировал часовню, провел воду в замок и многое сделал для общего ремонта зданий и оград, чтобы облегчить работу совета и содержание под стражей его заключенных. Крепость, называвшаяся тогда сторожкой привратника, была их тюрьмой, а внутренний двор - тренировочным залом. Сэр Генри умер в мае 1586 года. Каким бы ни был Совет в его время, в царствование Джеймса он стал источником больших расходов и скандалов, и Ричард Бакстер официально зафиксировал состояние, моральное и социальное, в котором пребывали члены этого провинциального суда во времена его молодости. Он пал, и пришло время, когда замок был сдан парламентской армии в 1646 году. Дом был разобран, а в 1651 году мебель и фурнитура были инвентаризированы и выставлены на продажу. Во время реставрации была предпринята попытка возродить Совет, но фактическое возрождение было лишь номинальным, и даже это было отменено с приходом короля Вильгельма. Корона назначила управляющего замком, и, судя по описи находившихся там вещей в 1708 году, эта его часть, во всяком случае, находилась в очень сносном состоянии, особенно парадные покои. Окончательное разрушение было начато по приказу Георга I. Когда с крыш сняли свинец. Бак, чей отчет был опубликован в 1774 году, говорит о том, что многие квартиры все еще были целыми, и, вероятно, они не были полностью лишены крыши до конца века. В 1811 году арендный договор, принадлежавший семье Поуис, был преобразован путем покупки у короны в право собственности.

БАШНЯ СВЯТОГО ЛЕОНАРДА, ЗАПАДНЫЙ МАЛЛИНГ.

ЭТА башня, по-видимому, самая ранняя из построенных и последняя сохранившаяся часть резиденции епископа Гундульфа, вероятно, является одной из первых нормандских крепостей, возможно, одной из самых ранних военных башен, построенных каменщиками в Англии после ухода римлян. С такими претензиями она заслуживает большего внимания, чем ей уделяли до сих пор.

Он стоит примерно в четверти мили к юго-западу от приходской церкви Тауна, или Западного Маллинга, в Кенте, простая тяжелая башня которой также приписывается епископу; и немного дальше от развалин религиозного дома, основанного тем же искусным и великолепным прелатом, и сохранившаяся часть которого, по-видимому, также была его работой.

Башня стоит на выступе горизонтально залегающей скалы из песчаника рыхлого характера, который выступает и образует восточную сторону короткого узкого выступа, служащего защитой замка на его западном фасаде, и который выходит на ручей, впадающий в Медуэй, который получает дополнительное пополнение из источника, который берет начало из-под скалы примерно в 100 ярдах к югу от башни, и использовался для укрепления обороны этого места с этой стороны.

Башня представляет собой очень простое прямоугольное сооружение ранненормандского типа, площадью около 32 квадратных футов у основания, высотой около 60 футов с северной и восточной сторон и около 70 футов с двух других сторон; разница обусловлена большей глубиной скалистого выступа. Стены поднимаются от простого цоколя, вершина которого находится на уровне земли с восточной стороны и северо-восточного угла и на 10 футов выше уровня с южной и западной сторон, так что высота цоколя с этих сторон составляет 10 футов. Башня обрамлена в конце каждой грани полосой пилястры, которая поднимается от цоколя, и каждая соседняя пара встречается и перекрывает заключенный в ней угол. Под тремя углами эти полосы имеют 6-дюймовый выступ и ширину 3 фута 6 дюймов, уменьшенную двумя отступами до 2 футов 6 дюймов у основания парапета, в который они, вероятно, врезались. Пилястры, закрывающие четвертый, или северо-восточный угол, имеют ширину 7 футов и выступ 18 дюймов. Они также имеют два выступа. Эта увеличенная ширина и выступ предназначались для размещения поворотной лестницы, которая поднимается от основания к крыше и, очевидно, была увенчана квадратной башенкой, но были ли башенки на других углах, сомнительно, хотя, если они и имелись, они должны были быть гораздо меньших размеров. В центре западной стороны находится еще одна пилястра шириной 3 фута с выступом в 6 дюймов. Он также поднимается от цоколя, но останавливается на уровне самого верхнего этажа, у основания окна, на котором образует подоконник. Из выделений то, что на уровне первого этажа обнесено вокруг башни; верхнее ограничено пилястрами. Парапет исчез, а стена наверху лестницы, ослабленная им, несколько разрушена. Стена башни описывается как выступающая или наклоненная внутрь; если это так, то уклон должен быть очень небольшим, поскольку она выглядит вертикальной, а отклонение уменьшает ее примерно на 6 или 8 дюймов, так что на вершине размеры не могут быть меньше 30 квадратных футов, а снизу стена кажется толщиной около 6 футов.

В подвале нет окон, но на южной стороне, недалеко от восточного торца, был дверной проем с круглой головкой, довольно простой, без опускной решетки или какой-либо лепнины, с отверстием около 3 футов 6 дюймов. Сейчас она, и, очевидно, уже давно, замурована, так что любая скидка, которую она может содержать для двери, скрыта. Она открывалась на вершине скалы, и, вероятно, к ней вела деревянная наружная лестница высотой, должно

быть, 10 футов. Нынешний вход находится напротив него на том же уровне, который там находится на земле. По-видимому, это был более поздний проем, пробитый там, где толщина стены была уменьшена за счет своего рода вестибюля у подножия лестницы. Это очень распространенное обращение с Норманом Кипсом, обычный дверной проем становится неудобным, а времена перестают требовать экстраординарных мер предосторожности.

Первый этаж имеет простой округлый проем с плоскими сторонами, то есть без выступа, или того, что на Севере называется фланкированием, расположенный в центре северной, южной и восточной сторон. На южной стороне это окно находится в центре простой аркады, имеющей с каждой стороны по две одинаковые арки шириной около 3 футов и глубиной 2 фута. Необычно то, что эти ниши находятся на внешней стороне стены, а не на внутренней, как это могло бы показаться естественным и как это происходит в Чепстоу. В западной стене есть четыре похожие ниши, но центральное пространство сплошное, занятое пилястрой. На северной стороне есть две узкие круглые петли, освещающие лестницу на двух уровнях.

На втором и верхнем этажах есть четыре окна, по одному на каждую сторону. Они округлые, довольно простые, с плоскими сторонами, раскрываются примерно на 4 фута и достигают 8 футов в высоту до пружинения. Кажется, что было три этажа— подвал высотой 15 футов; первый или основной этаж высотой 30 футов; и верхний этаж высотой 15 футов. Все полы были деревянными. Здесь нет видимого камина, и, похоже, нет никаких настенных камер или галерей. Стены у основания имеют толщину 8 футов. Лестница вела на каждый этаж и на крышу. Линия нижнего этажа отсекала начало первоначального входного дверного проема, как в Чепстоу.

Каменная кладка повсюду очень прочная, хотя и поддается грубому описанию. Она явно оригинальная и, похоже, никогда не ремонтировалась и даже не заострялась. Он сложен из щебня, камни в значительной степени такие, какими их добыли в карьере, всех форм, но редко содержат куб размером более фута. Работа выполнена грубо, но решительно, с небольшой тенденцией к рисунку "селедочная косточка". Швы очень открытые, а раствор использовался очень свободно. Наличники и оконные рамы сделаны из тесаного дерева с широкими швами.

Трудно сделать какой-либо надежный вывод относительно плана или площади замка, опорой которого, несомненно, была эта башня. Без сомнения, он лежал на северо-востоке, где земля образует плоскогорье немного выше уровня крепости, и где есть следы каких-то довольно обширных земляных работ. В нескольких ярдах от юго-восточного угла крепости есть короткий участок навесной стены, выступающий на восток. Похоже на раннюю каменную кладку, но датируется она несколько позже, чем крепость, к которой она пристроена без скрепления. Ее высота составляет около 25 футов. Согласно этим свидетельствам, южная и западная стороны, по крайней мере, должны были быть внешними, что, учитывая аркады на их фасадах и расположение входной двери, любопытно. Вероятно, другой конец занавеса упирался в северо-восточный угол, но если это так, то он не скреплялся и был разрушен, не оставив никаких следов своего присутствия. Эта цитадель находится в трех отдельных помещениях, два из которых тщательно закрыты, или, вернее, были таковыми, когда были сделаны эти заметки. Единственный вход - через современную дверь, которая была заперта, а ключ предусмотрительно затерялся; в то время в пределах досягаемости башни не было лестницы. Сад с земляными валами, в пределах которого, вероятно, находились холл и жилые помещения, был пристроен к частному сумасшедшему дому. Очень хотелось бы, чтобы Кентское археологическое общество взяло эту любопытную башню в свои руки и получило надлежащие планы и фасады столь замечательного здания с хорошей фотографией его каменной кладки.

ЦИТАДЕЛЬ ЗАМКА МИДДЛХЭМ, ЙОРКШИР.

ХОТЯ размеры и протяженность Миддлхэмского замка весьма скромны по сравнению с той фигурой, которую он сыграл в местной истории, а также с рангом и властью череды великих баронов, которые построили, расширили и заселили его, само по себе это замечательное здание представляет большой антикварный интерес. Он расположен на южной окраине города Миддлхэм и немного выше его. Его непосредственное положение не представляет больших естественных преимуществ, но для общей обороны Уэнсли-Дейл оно выбрано неплохо, поскольку находится между Истоком и Укрытием, примерно в полутора милях выше слияния двух ручьев.

В плане Миддлхэм прямоугольный, состоит из крепости примерно в 100 футах к северу и югу, на 80 футов к востоку и западу и до основания ее парапета высотой около 55 футов, который расположен в центре *ограждения*, также прямоугольного, в 240 футах к северу и югу, на 190 футах к востоку и западу, так что площадь его единственного прихода ограничена.

Ограждение представляет собой навесную стену высотой около 30 футов. Под северо-западным и юго-восточным углами он имеет прямоугольные башни небольшого внешнего выступа, которые возвышаются над занавесом. Его юго-западный угол увенчан трехъярусной барабанной башней, а на северной стороне, но под северо-восточным углом, находится сторожка у ворот, прямоугольная, с небольшим выступом, но высотой в четыре ступени, включая подвал. Восточный занавес разрушен. На южном и западном занавесах множество внешних выступов, контрфорсов, и около центра каждого - прямоугольная башня. Хозяйственные постройки располагались в основном напротив занавесей с северной, западной и южной сторон, и, таким образом, палата превратилась в простой проход между этими зданиями и замком.

Сторожка имеет около 25 футов в глубину и 50 футов в ширину. Снаружи у нее есть центральный портал круглой формы под стрельчатой рельефной аркой. Он окружен контрфорсами шириной 2 фута и глубиной 1 фут, а прилегающие углы здания поддерживаются аналогичными контрфорсами, по два на каждом. На первом этаже они переходят в единую опору, которая венчает угол, — приятное расположение, придающее разнообразие очертаниям. Входное хранилище, как и ворота, имеет круглую форму, с ребрами вместо дверей, и на внутреннем конце у него есть единственный паз для опускной решетки. Все это датировано одним годом и оформлено в едином стиле. Эта сторожка у ворот и здания прихода в целом украшены и требуют гораздо большего изучения, чем автор смог уделить им.

The *Цитадель* укреплена с четырех сторон широкими контрфорсами с плоской вершиной переменной ширины и выступа, которые, без сомнения, возвышались над зубчатой стеной в виде прямоугольных башенок. Контрфорс на северо-восточном углу имеет ширину 26 футов на севере и выступ 7 футов, а на востоке - ширину 16 футов и выступ 1 фут. Он содержит камеру, сообщающуюся с зубчатой стеной внешних ворот переднего здания, и ниже является сплошным. Контрфорс на северо-западном углу имеет к северу ширину 22 фута и выступ 3 фута, а к западу ширину 12 футов и глубину 1 фут. На юго-западном углу ширина западной грани составляет 14 футов, южной - 11 футов, а глубина каждой - по 1 футу.

В юго-восточном углу, как и в Рочестере, находится лестница. Она не выступает на восточную сторону, будучи закрытой фасадом. На юге его ширина составляет 20 футов, а

глубина 6 футов. Только здесь сохранились остатки башни над зубчатыми стенами. За исключением лестничной башенки, углы башни внизу кажутся цельными, хотя и обработаны в виде камер на втором этаже.

На западной и южной стене также есть выступы. Стена на западе имеет глубину 12 футов и ширину 18 футов. Нижний этаж разрушен; он был полым и, похоже, предназначался для гигантской выгребной ямы. Верхняя часть висит без опоры, за исключением сцепления цемента, и очень нуждается в консервации. Эта башенка находится примерно в 51 футе от северного конца и в 31 футе от южного. Выступ на южной стене имеет ширину 12 футов и глубину 8 футов. Она расположена в 24 футах от западного и в 44 футах от восточного угла, совпадая с внутренней перегородкой. Эта башенка полая и образует большую шахту для гардеробных на верхних этажах. Перед ним, на уровне земли, находится арка с круглой головкой, открывающаяся на 3 фута и высотой 4 фута - выход канализации, но над землей. Эти две башенки в настоящее время заканчиваются на уровне парапета, но, вероятно, достаточно возвышаются над ним, чтобы прикрывать гардеробную. Крепость имеет цоколь с северной, западной и южной сторон. Восточная сторона перекрыта передним зданием. Толщина стен около 9 футов.

В замке есть подвальный этаж на уровне земли и первый, или парадный, этаж, а с восточной стороны - верхний этаж. Он разделен стеной толщиной 9 футов на две неравные части, ширина которой на востоке составляет 29 футов, а на западе - 24 фута, каждая из которых имеет около 84 футов в длину. Лестница-колодец диаметром 12 футов, ведущая под юго-восточным углом от подвала к зубчатым стенам, освещенная петлями и с дверями на каждый этаж.

Восточная камера, в которую эта лестница ведет через большую и, по-видимому, круглую дверь, ныне сломанную, была перекрыта в два ряда, каждый из которых опирался на пять цилиндрических опор, диаметром около 3 футов 6 дюймов каждая и длиной в среднем 14 футов от центра до центра. Свод, по-видимому, представлял собой бочонок с углублениями. На каждом конце были две петли с квадратными головками, высоко над полом, со ступенчатыми углублениями. В восточной стене находятся только три квадратных шкафчика и дверь, ведущая на лестницу. Западная сторона, или перегородка, пронизана пятью отверстиями шириной около 4 футов с круглыми головками, тремя к северу и двумя к югу от толстой сплошной центральной части. Вероятно, они были введены для облегчения работы, и все, кроме одного или двух, были замурованы тонкими стенками. Один из них, должно быть, был дверным проемом, поскольку с восточной стороны находилось единственное сообщение с западной комнатой.

Западная камера, по-видимому, была перекрыта единственным сводом, по-видимому, слегка заостренным и разделенным на шесть отсеков. На каждом конце по одной петле с квадратной головкой. На западной стороне расположены семь петель, центральную часть которых занимает неразрезанная задняя стенка уже описанной башенки.

Первый этаж, восточная сторона. Очевидно, это был холл. Он очень высокий, и в его северном конце есть круглое окно, открывающееся на 2 фута и высотой до пружины 7 футов. В южном конце есть два похожих окна, но около 14 футов в длину, и любопытный водосток между ними и дверью. Эта дверь с лестницы имеет обычную круглую форму и открывается на 6 футов. Ближе к северу от нее находится такая же дверь, открывающаяся на 7 футов, довольно простая и без опускной решетки. Это главный вход, который открывается с башни барбакан. За ним находится короткое окно, а затем три длинных, похожих на те, что в северном конце, расположенных так, чтобы они не выходили на внешнюю лестницу

барбакана. Западная стена имеет отверстия на каждом конце, основная часть стены сплошная. Северный из двух проемов, вероятно, был большой дверью между комнатами; южный сообщался с гардеробной в южной стене. В северо-восточном углу находится очень любопытная фресковая камера, размером 12 футов к востоку и западу, на 9 футов к северу и югу, сводчатая в виде единого проема с пазом, округлая и выступающая из кронштейнов в форме половины восьмиугольника по углам, каждый из которых представляет собой крышку отдельной шахты, сейчас удаленной. В северной стене их две, а в восточной - одна петля. Дверь в южной стене открывается в северный конец зала, а еще одна в восточной стене проходит наискось сквозь стену и, очевидно, ведет к зубцам внешних ворот барбакана, над подножием лестницы. Эта комната сильно разрушена, но ее отделка оригинальная, поздненормандская. Если в зале и был каменный камин, то он находился в западной стене, в недавно отремонтированной части. Неясно, как была перекрыта крыша зала; возможно, первоначальным покрытием была высокая крыша с зубчатыми стенами наверху, но в настоящее время на боковых стенах установлен стол с карнизами из простой лепнины, на котором верхняя стена высотой около 12 футов выдвинута на 6 дюймов. В этих стенах есть большие оконные проемы с сегментарными арками, по три с каждой стороны, которые, должно быть, выходили прямо на крышу западной камеры и на зубчатые стены с восточной стороны. В южной части, над упомянутыми двумя узкими окнами, находится третье, поменьше, как бы для освещения высокой крыши. Здесь нет карнизов для основных элементов и отверстий для главных балок, но над столом для карнизов с каждой стороны есть ряд отверстий площадью около 9 квадратных дюймов и на таком же расстоянии друг от друга, аккуратно перекрытых тесаным деревом, как будто первоначальную плоскую крышу убрали и установили крышу с высоким уклоном. Как бы то ни было, окна боковых стен явно являются дополнительными и принадлежали второму этажу. В целом история этой крыши очень неясна и требует тщательного изучения на месте. Верхняя дверь в лестничном колодце находится не на том уровне, который подходит для второго этажа, и не соответствует высокой крыше.

Первый этаж, западная сторона. В северном конце находится круглое окно, открывающееся на 2 фута на 7 футов в высоту, и дверь в ныне недоступную комнату с фресками в северо-западном углу. В южном конце есть два таких же окна и дверь в комнату в юго-западном углу. В восточной стене находятся два уже упомянутых сломанных дверных проема и разрушенные туннели двух, если не трех больших каминов, шахты которых, сильно разрушенные, все еще возвышаются над крышей. Каминны исчезли, а стену недавно сильно подлатали, чтобы придать ей устойчивость. В этой стене есть два довольно любопытных шкафчика. В западной стене, по-видимому, были четыре круглых окна шириной 2 фута и высотой 7 футов, а ближе к середине находится дверь, ведущая в среднюю башню-контрфорс, которая содержит две камеры неодинакового размера. Они недоступны, но один, вероятно, был большой гардеробной, а другой, возможно, был путем к небольшому подъемному мосту, ведущему из замка на прямоугольную башню в палате, на расстоянии не более 12 футов, чтобы обеспечить прямой проход из замка к внешним стенам. В стене крепости, к северу от этой башни, находится большое сегментарно-арочное окно, очевидно, вставка, вероятно, работы Ричарда III. В северо-западном и юго-западном углах, как уже упоминалось, находятся недоступные камеры с фресками. В стене, похоже, нет никаких галерей.

Эта западная комната, вероятно, была разделена перегородкой, а северная часть использовалась как выход из зала. Похоже, что с этой стороны не было второго этажа. Однако любопытно, что здесь не должно быть ни выступов, ни каких-либо обычных указаний

на принцип действия обычной открытой крыши. В каждой боковой стене, высоко вверху, есть ряд отверстий площадью около 9 квадратных дюймов и 18 дюймов от центра к центру, так что, вероятно, крыша была плоской или, во всяком случае, состояла из тяжелых стропил без опор.

Восточная сторона крепости была занята передним зданием, или барбаканом, в котором, что не было редкостью, находилась часовня.

Подход, по-видимому, осуществлялся, как и в Рочестере, Скарборо и других местах, по каменным ступеням, пристроенным к стене, начинающимся, в данном случае, примерно в 10 футах от ее северного конца и поднимающимся примерно на 20 футов к вестибюлю, в который справа и слева открывались большие двери башни и часовни. Лестница была около 9 футов в ширину и 45 или 50 футов в длину до вестибюля. Похоже, что он был защищен боковой стеной, уменьшив фактическую ширину лестницы до (скажем) 5 футов или 6 футов, и был либо сводчатым, либо покрыт деревянной крышей. Его нижние ворота, должно быть, открывались под небольшой башней, на зубчатые стены которой можно было попасть из помещения в северо-восточном углу цитадели. Примерно на полпути вверх по лестнице за тем, что, судя по внешнему виду стены, было вторыми воротами в стене крепости, находится большое углубление, способное с комфортом вместить двадцать человек, очевидно, в качестве охраны на случай, если вход придется взламывать. Выше, там, где лестница выходила в вестибюль, по-видимому, была третья дверь.

Вестибюль является частью второго этажа обычной прямоугольной башни-барбакана, построенной напротив крепости, примерно в 12 футах от южного конца восточной стены. Эта башня имеет размеры около 33 футов к северу и югу и около 48 футов к востоку и западу. Он возвышался примерно на две трети высоты крепости и разделен на подвал или подклет, верхний склеп, а также часовню и вестибюль.

Подвал находится на уровне земли. Следующим за крепостью, или, скорее, за сплошной массой каменной кладки, которая поддерживает лестницу и вестибюль, находится подземный склеп, расположенный на расстоянии 20 футов к северу и югу, на 24 фута к востоку и западу. За ним, то есть к востоку от него, прямо через здание проходит проход шириной 5 футов с дверью на каждом конце; а за ним находятся руины небольшой камеры, которая, вероятно, доходила до внешней навесной стены. Проход сообщал северную и южную части палаты, разделенные с этой стороны башней-барбаканом, и из этого прохода дверь вела в подземный склеп. Эта комната была перекрыта в два ряда восемью нишами, исходящими из центральной линии из трех колонн, которых сейчас нет. Фронтоны арок показывают, что свод был круглым. В южной стене на западном конце есть лестница-колодец, ведущая в верхний склеп, и это единственный путь к нему. Подземный склеп освещается двумя маленькими круглыми нормандскими окнами в каждой из двух открытых граней, по одному с каждой стороны внешнего простого пилястрового контрфорса шириной 3 фута и глубиной 3 фута.

Первый этаж, или верхний склеп, простирался на восток над проходом по всей длине барбакана и имел 20 футов в ширину и, вероятно, 40 футов в длину внутри. Он также был сводчатым, но свод простирался по всей ширине и образовывал только два пролета. Ребра перекрытия выступали из полукруглых пилястр фрески. В северной стене, недалеко от восточного торца, находится камин. Этот этаж не имеет сообщения с тем, что над ним. Не было ничего необычного в том, что подвал барбакана находился совершенно независимо от крепости и в него можно было попасть, как и сюда, через отдельную внешнюю дверь.

На втором этаже барбакана располагались часовня и вестибюль, причем этот этаж находился на уровне главного входа в цитадель. Был ли вестибюль сводчатым, неизвестно, вероятно, так оно и было. Он находится примерно в 20 футах к северу и югу, на 9 футов к востоку и западу, входная лестница ведет в северный конец, дверь замка находится на западе, а дверь часовни - на восточной стороне. Часовня была более высокой и со сводами в более светлом стиле, чем склепы внизу. Толщина ее стен составляла 7 футов, а площадь - примерно 20 на 40 футов. Он был двухскатным в светлом стиле, вероятно, раннеанглийском. Большая дверь замка была простой нормандской, но с фаской вокруг выступа и косяков. Есть следы колпачков, и, вероятно, там были два фланкирующих ствола, но нет ни лепнины, ни кафельного камня. Стены барбакана, без сомнения, в основном оригинальные, хотя своды подземелья и крипты, возможно, были обновлены. Часовня, вероятно, заменяет более раннее здание.

В Миддлхэме, похоже, никогда не было никаких сооружений за пределами *ограждающей* стены, за исключением небольшого рва, следы которого сохранились только с южной стороны. На востоке канаву заменила полевая дорога, как и некоторые современные здания на западной стороне. В настоящее время нет никаких следов ни рва, ни подъемного моста ни на северной стороне, ни на фасаде города.

Крепость построена из обтесанного щебня, с облицовкой из ясеня. Украшенные и более поздние работы выполнены в основном из превосходного ясеня.

Что касается возраста нескольких частей замка, то цитадель явно построена в поздненормандский период и, вполне вероятно, была создана Робертом Фиц-Ранульфом, лордом Миддлхэма, в 1190 году; и его непосредственным потомкам, безусловно, принадлежат более ранние перестройки, особенно часовне, до исчезновения мужской линии в 1271 году.

Без сомнения, внешний двор построен на месте нормандской *ограды*, и некоторые оригинальные работы могут сохраниться; но эта часть крепости была полностью переделана Невайлами, которые женились на наследнице Фиц-Ранульфов, и, без сомнения, либо Робертом по прозвищу Северный Павлин, которому Миддлхэм и др. достались от его бабушки и который умер до 5 Эдуарда II., 1331, или Ральфом, лордом Невиллом из Раби, его братом и преемником, который умер 41 Эдуарда III. , 1367 год.

От более поздней резиденции Ричарда, герцога Йоркского (Ричард III.) остались следы большого оконного проема на западной стороне башни и, возможно, верхнего этажа на восточной стороне того же здания, а также некоторых деталей, добавленных к палате.

Миддлхэм был частью обширной территории, пожалованной Завоевателем Алану Фергонту, основателю замка Ричмонд, и лорду этой обширной чести, заняв, таким образом, место английского графа Эдвина, которое он перенес из соседнего Гиллинга. Его младший сын, Риболд, получил Миддлхэм в свое особое лордство благодаря подарку второго Алана, своего брата. За Рибальдом последовал Ральф, его сын, а за ним Роберт Фицральф, или Ранульф, который женился на Берте, племяннице Ранульфа де Гланвилл, и является известным строителем крепости Миддлхэм в 1191 году, 2 и 3 Ричарда I.

Ранульф Фицроберт был основателем Коверхэмского аббатства, "Недалеко от своего поместья Миддлхэм", и был похоронен там в 1251 году (31 Генрих III.), оставив Ральфа Фиц Ранульфа, своего сына, который, по-видимому, был лордом Миддлхэм Мэнор в инквизиции за раздел его земель (55 Генрих III.), в год его смерти. Он оставил трех дочерей, сонаследниц, из которых Мария, старшая, вышла замуж за Роберта де Невилля и унаследовала Миддлхэм.

Ральф умер (55 лет Генриху III.) в 1271 году. Инквизицией под именем Питера Савойского установлено, что Миддлхэм был предметом судебного разбирательства в защиту чести Ричмонда. 18 Эдуард I, Мария де Невиль носит титул госпожи де Миддлхэм, и 13 Эдуард II. у нее было поместье. Она прожила до 14 лет Эдуарда II (1320), всю жизнь владея Миддлхэмом.

Их сыном был Ральф Невил, который умер 5 Эдуарда III (1331) и который фигурирует в расследовании инквизиции (1 Эдуарда III) как владелец поместья и замка Миддлхэм. Его сын, Роберт Невил, Северный Павлин, унаследовал от своей бабушки замок и поместье Миддлхэм. Он умер, не оставив потомства, раньше своего отца, оставив Ральфа своим братом и наследником, который умер в 41 год Эдуарда III. Этот Ральф, лорд Невил из Рэби, принимал очень активное участие во всех общественных делах своего времени, как во время войны, так и в мирное время. Он умер, завладев замком и поместьем Миддлхэм, и был первым мирянином, похороненным в кафедральном соборе Дарема.

Следующим лордом был Джон, его сын, также великий солдат и дипломат. Он умер 12 Ричарда II 1388 года, оставив Ральфа, своего сына и наследника, который приумножил богатство и могущество семьи, а также владел замком, поместьем и графством Миддлхэм после своей смерти в 4 году Генриха VI 1425 года. Джон, сын Ральфа, умер раньше своего отца в 1423 году, которому наследовал его внук Ральф, граф Уэстморленд, умерший 2 Ричарда III. Миддлхэм, однако, перешел к Ричарду Невилу, графу Солсбери, сыну графа Ральфа, умершего 4 Генриха VI, от его второй жены, дочери Джона Гонта. Граф Солсбери, по решению инквизиции 12 Ричарда II, владел тогда Миддлхэмом. Это граф, который в 37 году правления Генриха VI выступил маршем с 4000 человек из Миддлхэма в Ланкашир по пути в Лондон, чтобы добиться от короля и королевы возмещения ущерба, причиненного его сыну. После конфискации этого графа, до 38 года правления Генриха VI, его родственник-ланкастер, сэр Джон Невил, был назначен констеблем замка Миддлхэм, находившегося тогда в короне. Сэр Джон пал при Таутоне при 1 Эдуарде IV, а его сын Ральф стал графом Уэстморлендом. Но Миддлхэм остался в короне.

В Миддлхэме, затем под началом Невила, архиепископа Йоркского, Эдуарда IV. был заключен Ричардом, графом Уориком, братом прелата. Эдвард сбежал во время охоты в парке. После Барнета замок был передан Ричарду, герцогу Глостерскому, за исключением наследников мужского пола маркиза Монтегю, брата Уорика. Ричард часто бывал здесь; возвел дом священника в ранг благочиния с целью основания колледжа; и здесь родился его сын Эдуард, принц Уэльский. После смерти Ричарда Миддлхэм перешел к короне и был сдан в аренду разным лицам. В конце концов он был продан мистеру Вуду из Литтлтона, предку нынешнего владельца. Недавно цитадель была частично очищена от мусора, и некоторые из наиболее опасных участков были заасфальтированы; но крайне необходима еще немного помощи того же характера, чтобы спасти некоторые из наиболее выдающихся элементов руин от разрушения.

ЗАМОК МИТФОРД, НОРТУМБЕРЛЕНД.

ЭТО один из самых замечательных замков Нортумбрии. Он расположен примерно в двух милях выше и западнее Морпета, на правом берегу Вансбека, который здесь делает два очень крутых изгиба, более крупный и высокий из которых включает замок, церковь Святого Андрея, новый зал и руины старого. Церковь, неф которой долгое время был без крыши, была отремонтирована и сейчас находится в хорошем состоянии. Это место захоронения древних

баронов и современных лордов Митфорда. Алтарь выполнен в раннеанглийском стиле; неф грубый, но хороший нормандский, с заостренной южной дверью в том же стиле. Старый холл, над которым возвышается башня, был зданием эпохи Тюдоров, построенным Митфордами частично из материалов замка. Нынешний зал, резиденция Митфорда, современный.

То, что осталось от замка, занимает вершину холма из песчаника, возвышающегося примерно на 70 футов, с северной стороны резко, а в других местах более или менее круто, над болотистым лугом, который с севера, востока и запада окружен складками Вансбека, а с юга изгибом притока, который впадает в реку прямо под замком. Каждый ручей протекает под крутым и высоким вогнутым берегом, густо поросшим лесом, и в результате получается лесной амфитеатр, очень уединенный и красивый.

Замковый холм на вершине имеет около восьмидесяти ярдов в поперечнике, неправильной формы. Вдоль его выступа проходит *ограждающая* стена этого места, сильно разрушенная, но, по-видимому, имевшая около 20 футов в высоту и 7 футов в толщину. Его можно проследить по всему периметру, за исключением одного места на южной стене, где к нему примыкает карьер, открытый для материалов нового зала в 1810 году. К северу стена довольно совершенная, хотя и более или менее расколота и без зубцов. На территории сейчас фруктовый сад.

Северная часть помещения несколько выше остальных и отделена поперечной стеной, создающей внутренний двор небольшого размера, полукруглой планировки и значительной прочности. В этом приходе стоит нормандская крепость, квадрат площадью около 36 футов, но имеющая своей северной стороной две наклонные грани, образующие выступ. Таким образом, у него пять сторон, что является редким и, безусловно, оригинальным отклонением от обычной нормандской планировки. Толщина стен около 7 футов, а внутренняя площадь 22 квадратных фута 6 дюймов. Это пространство разделено поперечной стеной, северной и южной, на две равные части, каждая с бочкообразными сводами, с простой круглой аркой, исходящей из простого скошенного абака. Северная сторона каждой камеры наклонена, чтобы соответствовать внешнему выступу. Из этих камер одна имеет петлю на северном фронте, а другая, в соответствующем месте, два небольших каменных желоба, примерно в 3 футах от пола, как бы для впуска воды. Обе палаты разрушены в южном конце.

Вся опора над стенами первого этажа разрушена, и мусор скрывает внешнюю сторону стены, но в целом она явно сделана из превосходного ясеня. От западной стены и внутри нее спускается небольшая настенная лестница, поворачивающаяся под юго-западным углом к двери в южной стене, ведущей в западный свод. Эта дверь имеет плоскую сегментарную арку. Внешний вход, по-видимому, находился в западной стене на этаже над подвалом. Говорят, что внешняя каменная лестница скрыта мусором. Эта крепость стоит на скале, здесь, возможно, на 20 футов выше остальной территории. Она загораживает треугольный или, скорее, сегментированный внутренний двор, расположенный примерно в 50 футах от одного угла и в 30 футах от другого. Его выступ простирается на расстоянии не более 10 футов от северного или соответствующего выступа прихода, а его южная сторона находится примерно в 6 футах от поперечной стены. В изогнутой внешней стене этого прихода, обращенной к северо-западу, есть очень примечательная оконная ниша шириной 8 футов и такой же высоты, ведущая к простым нормандским счетам, откуда берет начало его круглая арка, над которой находится лепнина того же узора - единственная попытка украшения.

Толщина стены здесь 8 футов, но поскольку внешние 2 фута не являются оригинальными, витрина исчезла. Вероятно, в ней было два светильника, и она выходила на утес.

Близко к югу от этого окна, на внутренней стороне той же стены, есть несколько любопытных отверстий, расположенных неровно, более или менее округлой формы, как будто в зеленую ступку воткнули половину бутылки из-под содовой. Они возникают на стыках, и лучше всего заметны там, где сходятся три стыка. Это, конечно, не отверстия для шпаклевки, поскольку они слишком неправильные и неглубокие.

Во внутреннюю палату можно было попасть из внешней через небольшую прочную дверь в поперечной стене, ныне сильно разрушенной, в нескольких футах к западу от крепости.

Во внешнем приходе, вероятно, была часовня на южной стороне; многие могилы, некоторые покрытые плитами, а в одной находился каменный гроб, были вскрыты при раскопках каменоломни. В западной стене находится хорошая простая задняя дверь в виде головы Карнарвона, открывающаяся на 5 футов, под заостренной разгрузочной аркой. Главный вход в это отделение находился с восточной стороны, рядом с внутренней стеной отделения, и находился под контролем цитадели. Ворота, которые, как говорят, были глубиной 15 футов, сейчас превратились в руины, но они выходили на небольшую платформу, немного ниже палаты, и были защищены стеной, под прикрытием которой снизу вилась дорога. Говорят, что некоторые неровности на этой стороне указывают на древнюю каменоломню, вероятно, использовавшуюся при строительстве замка.

С северо-западной стороны от холма тоже был отрог, но более низкий и узкий, чем первый. Он был преобразован в тонкий соколиный выступ, вогнутый к замку, путем вырубки глубокого рва в его задней части, вероятно, чтобы обеспечить крытый проход к задней двери, по которому можно было безопасно перегонять скот.

Замковая гора, по-видимому, была опоясана, в нескольких ярдах от своего основания, влажным рвом, частично искусственным, который покрывал ее северо-западную и южную стороны и сообщался с каждого конца с Вансбеком, который завершал круг с восточной стороны. Была ли стена внутри рва, неизвестно, вероятно, нет, но с северо-востока он был огражден сторожкой и огороженным пространством, перед которым, под нынешним мостом, находился старый мост фосс, на правах охраны которого Уолтер де Свинхоу в правление Эдуарда III владел сорока акрами земли.

Холм, названный Митфордом, такой уединенный и защищенный рекой и болотистой местностью, вероятно, был британским лагерем, а также саксонским или английским жилищем, и существует высокая вероятность правдивости предания, утверждающего, что баронство Митфорд принадлежало в правление Исповедника Джону Митфордскому, чья дочь Сибилла, как говорят, получила его в браке с Ричардом Бертрамом, последователем Завоевателя и из рода Балиол. Однако первым зарегистрированным лордом является Роджер Бертрам, который владел баронством в 1155 году и подтвердил, что оно принадлежало его отцу и деду. В то время баронство простиралось на пять приходов и получало плату за охрану замка от девяти поместий, само выплачивая гонорар замку Ньюкасл.

Бертрамы, которые, как и Балиолы, носили герб Орла, удерживали Митфорд в течение восьми поколений, когда Агнес, их наследница, продала поместье в 1275 году Александру де Балиолу, от которого оно с различными изменениями перешло к де Валенсу, а оттуда вместе с частью его имущества графу Атолу, одному из его генеральных наследников. Однако в округе оставалась семья, носившая фамилию Митфорд и утверждавшая, что происходит от

брата Джона, дочь которого вышла замуж за Бертрама. Их представитель, Уильям, в десятом поколении владел землями в, а его сын на самом деле был из Митфорда и, похоже, вернул себе замок и является прямым предком по мужской линии нынешнего мистера Митфорда из Митфорда и его дальнего родственника, лорда Редесдейла.

Замок, хотя и не имел большого значения, играл, судя по своему положению и силе, довольно важную роль в Пограничных войнах. Вильгельм Лев, правивший с 1165 по 1214 год, датировал хартию 28 декабря 1215 года. Говорят, что король Иоанн сжег деревню, хотя неизвестно, захватил ли он замок. Публичные записи, однако, свидетельствуют о том, что он посетил Митфорд из Бервика в 1216 году и оставался там 24, 25 и 26 января, отправившись в последний день в Ньюкасл. Александру, королю Шотландии, не удалось занять это место в мае 1217 года, когда он семь дней простоял перед ним в лиге чемпионов. Местная история умалчивает об этом во времена активного правления Эдуарда I. Но в дикие времена, последовавшие за Бэннокберном, печально известный пограничный флибустьер сэра Гилберт Миддлтон сделал Митфорд своей цитаделью и заточил здесь Генри, лорда Бомонта, в то время как его брат Льюис, епископ Дарема, был заключен в замок Морпет.

Нынешнее состояние замка свидетельствует о тех превратностях, которым он подвергся. И все же, каким бы разрушенным оно ни было, тщательное наблюдение позволяет обнаружить многое из того, что позволяет установить его первоначальный план и даже часть его деталей. Его общий план, крепость и большая часть *ограждающей* стены, очевидно, оригинальные и поздненормандские, вероятно, работы Ричарда Бертрама в начале правления Генриха II. Задняя дверь, конечно, более поздняя, либо эпохи раннего Эдуарда, либо правления Генриха III. Необычно найти такую маленькую крепость, разделенную поперечной стеной, или найти какую-либо нормандскую крепость с оригинальным сводчатым цоколем, хотя, по-видимому, пример этого есть в поздней нормандской крепости Норхэм. Выступ на одной стороне неизвестен в других местах.

Крайне необходимы хороший план местности и фотографии каменной кладки в крупном масштабе, а очень умеренные раскопки во внутреннем дворе, вероятно, пролили бы свет на первоначальную структуру крепости. Что касается исторических записей, то очень полный отчет о Митфорде, приведенный в "Нортумберленде" Ходжсона, не оставляет желать лучшего; остается только сожалеть, что к его архитектурным остаткам не приложили соответствующих усилий и критической проницательности.

ЗАМОК МОНТГОМЕРИ.

По исключительной случайности грубый искусственный земляной холм в малоизвестной части иностранной провинции дал название британскому графству и городу, составляющему его столицу. Собственные названия мест в Великобритании обычно являются либо британскими, либо английскими. Однажды данные на последнем языке, они редко менялись. Новые творения, такие как Баттл и Жерво, а также некоторые другие церковные дома, действительно, носят новые названия; но они, по-видимому, не вытеснили какие-либо уже существующие. Понтефрак - это название, вероятно, полученное в результате случайных обстоятельств; но Ричмонд и Монтгомери - единичные примеры графства или столицы, получивших свое название от наследства нормандского лорда.

Замок Монтгомери зарегистрирован под этим названием в журнале Domesday survey и внесен в сотню Уинтентру в графстве Салоп. “Ad castellum de Montgomery habet comes iiii carucas et vi libras denariorum. habet de uno fine de Walis pertinente ad ipsam castellariam. Rogerius [Corbet] habet ibi ij carucas, et de Walis, cum fratre suo habet xl. solidos.” И далее: “Отсюда следует толкование castrum, Muntgumeri vocatum. И далее по смежной лии. hidæ et dimidia quas tenuere Seuuar, Oslac, Azor, de rege Edwardo, quietas ab omni geldo; ad venandum eas habuere.” Итак, здесь у нас есть название замка, его включение в состав английского графства, его кастельри, его главный лорд, граф Роджер, и тот факт, что во времена Исповедника трое англичан держали в нем 52½ шкуры в качестве охотничьих угодий. Англичане указаны через несколько строк как таны. Сеуар, без сомнения, как и Сивард, был очень крупным землевладельцем, а Азор - значительным землевладельцем в том же графстве. “De fine de Walis” показывает, что территория графа Роджера включала валлийцев вместе с его английскими арендаторами, точно так же, как названия мест и особенно приходов в округе свидетельствуют о большом и раннем распространении там английского языка. Кастелри состоял из двадцати двух членов, расположенных недалеко от касл-рока, и замок был одним из примерно четырнадцати укрепленных мест, упомянутых в "Страшном суде" как существовавшие в то время в Херефорде, Монмуте и Салопе. Он отличался от большинства других, и особенно от таких, как Клан, Ладлоу, Каус, Освестри или Уиттингтон, только тем, что принадлежал самому графу, а не одному из его второстепенных баронов.

Граф Роджер, “выходец” из вышеупомянутой записи, после падения Моркера присоединил Шропшир к своему графству Сассекс, и ему, обладающему полномочиями, во многих отношениях равными королевским, была поручена безопасность миддл-Марча с его обширными, но находящимися там под угрозой английскими поселениями. На месте британского Пенгверна и саксонского Шробсбери, надежно укрытых в замечательном изгибе Северна, он установил свою главную резиденцию на английском кургане и у его основания, который до сих пор смотрит вниз на глубокую и широкую реку; и соединенный с ним фрагмент древней городской стены составляет разительный контраст с суетой и деятельностью, происходящими на железной дороге и в ее эфемерных зданиях у подножия склона. Существует традиция, основанная, однако, на ошибке, согласно которой наместником графа на более продвинутой границе его опасной территории был некий Болдуин, чье имя сохранилось в валлийском названии Тре-Фолдуин, обозначающем город и замок, и Фрайдд-Фолдуин, обозначающем замечательный лагерь на вершине соседнего холма. Но Болдуин, хотя и обычное имя у норманнов, не встречается в Шропшире ни среди главных арендаторов, ни среди младших арендаторов в Domesday. Во времена правления Руфуса действительно существовал Уильям Фиц-Болдуин, лорд Ридкорс, но он был уроженцем Южного Уэльса и никак не связан с графом Роджером. Но будь то Тре-Фолдуин или Монтгомери, будь то названный по имени руки или головы, ясно, что замок находился в положении, наиболее оскорбляющем гордость и патристические чувства валлийцев. Долина Северна от Уэльского бассейна до Лландлоуса на протяжении веков была полем ожесточенной борьбы. Римлянин, датчанин и англичанин совершили насилие над “девственной дочерью Локрина” и облили ее расплавленный кристалл кровью. Широкая полоса плоских и плодородных лугов делала Поуис-ленд ценным трофеем, а крутые и высокие холмы, между которыми он располагался, были в высшей степени благоприятны как для внезапного нападения, так и для безопасного отступления валлийцев. Равнина и ее нижние возвышенности, пересеченные дамбой Оффа, густо усеяны насыпями со рвами и земляными валами, возведенными в восьмом, девятом и десятом веках и которые показывают, насколько обширной была власть Мерсии и Англии даже в тот отдаленный период. Курган, насыпанный Этельфлед в 916 году в Чирбери, разрушен; но курганы на Моут-Лейн, в Ньютауне, в Хендоме, в Керри и Нант-криббе сохранились и такие же большие и

четко очерченные, как сам Шрусбери, и того же типа, что и более знаменитые королевские резиденции в Элмите и в Лоутон-ан-ле-Мортене, или сооружения близ Ливаро, откуда граф Роджер получил свое имя, и которые пережили все последующие пристройки в Шрусбери. камень и известь.

То, что граф Роджер в период между приобретением графства и годом проведения опроса Domesday построил замок, зафиксировано, но что это был за замок, может быть вопросом. Нормандские башни были простыми, прочными, долговечной конструкции и превосходной работы, слишком прочными и слишком полезными, чтобы их можно было сносить намеренно, и обычно, как в Уотлсборо, они переживали все более поздние пристройки; но, несомненно, сейчас нет никаких следов работы графа Роджера ни на замковой скале, ни где-либо поблизости от нее; поскольку без тени вероятности предполагалось, что его замок был построен не на скале, а где-то поблизости. Кажется, трудно избежать вывода о том, что замок графа Роджера имел менее прочный характер, чем обычно предполагается, и что это объясняет его быстрое разрушение в 1095 году, через два года после его смерти, валлийцами, сопровождавшееся резней гарнизона его преемника (графа Хью). Это было то событие, которое привело Руфуса в округ на помощь графу в 1096 году, когда, хотя он сделал совсем немного, он, кажется, восстановил расположение замка и дал графу возможность восстановить его. Говорят, что это сделал граф Хью, но как бы то ни было, Монтгомери не упоминается среди замков, которыми владел его старший брат, но преемник, Роберт де Белесм, злой граф, после его разорения и изгнания в 1102 году. Здесь, опять же, велика вероятность того, что любой из стоявших тогда замков имел легкий и не очень прочный характер, не заслуживающий упоминания вместе с Шрусбери или Бриджнортом.

С падением дома Монтгомери графство перешло к короне, а вместе с ним его замок и кастельри. Генрих I. после этого перестроил сотни Салопов и возвел Монтгомери в звание чести или баронства, передав ему большую часть соседней сеньории Чирбери и несколько других поместий. Ценная и, в целом, компактная территория, образованная таким образом, была немедленно дарована Генрихом некоему Болдуину де Боллерсу, который был мужем “Сибиллы непотис регис”, какие бы отношения, законные или незаконные, это слово ни обозначало. Эта леди также обозначена, возможно, от ее матери, как “Сибил де Фалейз”. Все, что известно о Болдуине, это то, что он уже получил пять рыцарских званий в чести Хранителя. Он пользовался новой Честью, *in capite* короля, *per baroniam*; его подчиненные владели им, большинство из них, как указано в Сотне Списков, принадлежали замковой страже. Болдуин начал свое правление с очень необходимого акта строительства замка, хотя что именно он построил на самом деле, неизвестно, поскольку не существует каменной кладки, которую можно было бы приписать ему или его непосредственным преемникам. Тем не менее, сообщается, что он построил замок, и то, что он это сделал, вероятно, столь же достоверно, как и то, что валлийцы отождествляют со скалой именно его имя, а не имя какого-либо лейтенанта графа Роджера. Также сообщается, что пока Болдуин готовил этот замок, он занял расположенный выше британский лагерь, известный, следовательно, как Ффрид-Фалдуин. Это крайне маловероятно. Лагерь, очень большой и очень прекрасный образец британской постройки, вмещал бы пять или шесть тысяч человек, и его не могли бы хорошо оборонять менее трети от этого числа, поскольку фронт его обширен, а склоны, хотя и крутые, ни в коем случае не настолько круты, чтобы остановить или существенно сдержать наступление племени легковооруженных горцев. Силы Болдуина, скорее всего, составляли 500, чем 5000 человек, и, без сомнения, их мощь гораздо больше зависела от вооружения и дисциплины, чем от численности. Замковая скала могла бы надежно удерживать такие силы, пока в замке шли работы, и, вероятно, так и было.

Потомки Де Боллерса, неверно приведенные Дагдейлом, были распутаны мистером Эйтоном, настоящим историком Монтгомери, с присущими ему терпением и мастерством, и, по—видимому, сводятся к следующему:

Болдуин де Боллерс, лорд Монтгомери, 1121 год, был женат (1) на Сибил де Фалейз, а также имел вторую жену. Сибилла родила ему Стивена де Боллерса, 1160 года рождения, лорда Монтгомери, который женился на Марии, и Роберта, который умер молодым. Матильда, дочь Сибиллы, вышла замуж за Ричарда Фиц-Урса, 1130-1158, и родила Реджинальда Фиц-Урса, одного из убийц Бекета, и Марджери.

После смерти Стефана эта честь, по-видимому, перешла к Алмерику де Боллерсу, вероятно, сыну или потомку Балдуина от его второй жены, который получил ее в 1162 году. Ему наследовал Роберт де Боллерс, 1176-1203, который умер бездетным, но оставил вдову, Хиларию Трасбут, у которой было приданое до 1241 года. Наследником был брат Роберта, Болдуин, 1203-7, который также умер бездетным, и вдова которого, Венллиан Тет, имела приданое до 1243 года. На этом закончилась мужская линия.

Следующими наследниками были Фитц-Урсы. У Реджинальда, убийцы Бекета, была дочь и наследница, которая вышла замуж за Роберта, и был Уильям де Куртенэ, лорд Монтгомери, который умер бездетным в 1214 году, оставив Аду вдовой с приданым, которая умерла в 1217 году. Следующим наследником был потомок Марджери, сестры Реджинальда Фиц-Урса, которая вышла замуж за Ричарда Энгейна в 1177-1185 годах и родила Ричарда 1185 года рождения, отца Виталиса Энгейна в 1217 году, который претендовал на эту честь после смерти Уильяма де Куртенэ, но получил только часть ее. Томас де Эрдингтон был соперником и более успешным претендентом. Он владел замком в 1215-18 годах, но большая часть почестей была предоставлена в 1216 году Уильяму де Кантилупе с определенными оговорками. В 1225 году король, который все это время относился к замку как к королевской крепости, заявил права на эту честь как на наследство, и все имущество перешло к короне, при этом было разрешено получение приданого. Эрдингтону, который был хранителем королевских замков Шрусбери, Уитчерча, Шавардина, Мортон, Клана, Монтгомери, Мортон и других крепостей Шропшира, возместили затраты, которые он на них потратил. Какой-то замок, несомненно, занимал скалу Монтгомери между 1102 и 1225 годами, и, как говорят, он дважды был взят и разрушен Ллевелином, который после смерти Джона получил некоторые преимущества в Уэльсе и получил право опеки над всеми землями, принадлежавшими Гвенонвин в “Уэльсе и Мунгумере”, от которых он отказался во время войны между Джоном и баронами. Это он должен был хранить до совершеннолетия Гвенонвин. Вероятно, результатом было то, что, когда Генри вошел, он обнаружил, что скала обнажена, поскольку с того времени отчеты шерифа показывают ежегодные и очень значительные выплаты за военные работы там в течение многих лет, и мы читаем о новом королевском замке Монтгомери. Уже в 1225 году, когда война в Уэльсе придала этому месту большое значение, было выплачено около 1000 фунтов стерлингов; 1100 фунтов стерлингов в 1224 году; и более 500 фунтов стерлингов в 1225 году. Мастеров-плотников посылают строить защитные сооружения из древесины, *плетенки* для укрепления замка, а рудокопов или каменоломен из леса Дин, без сомнения, для подготовки камня и вырубке поперечных рвов. Должен быть назначен подходящий капеллан для служения в замковой часовне под руководством пастора Монтгомери, и король должен решить вопрос о вознаграждении или “обязательствах” церкви. Впоследствии они были переданы материнской церкви, то есть приходской церкви Монтгомери, которая была материнской церковью часовни; материнской церковью всего округа был Чирбери. Пастору также был передан участок кукурузы с недавно обработанной земли, небольшой участок которой у него уже был. Также разрешены

денежные суммы для оказания помощи в очистке земель Андервуда и гаваней от грабителей; и в одном случае король ссылается на то время, “когда мы взяли в свои руки наш замок Монтгомери”. Сам Генрих был там в 1224 году, и вся каменная кладка, сохранившаяся сейчас, совершенно очевидно, является его работой и относится к этому периоду.

1223 год был годом подчинения Ллевелина, а Годескаль де Магелин был кастеляном и получал призывы шахтеров и плотников, а также ссоры из кузниц Сен-Бриавеля. Генрих, брат короля, и другие рыцари составляли гарнизон, и часовня использовалась.

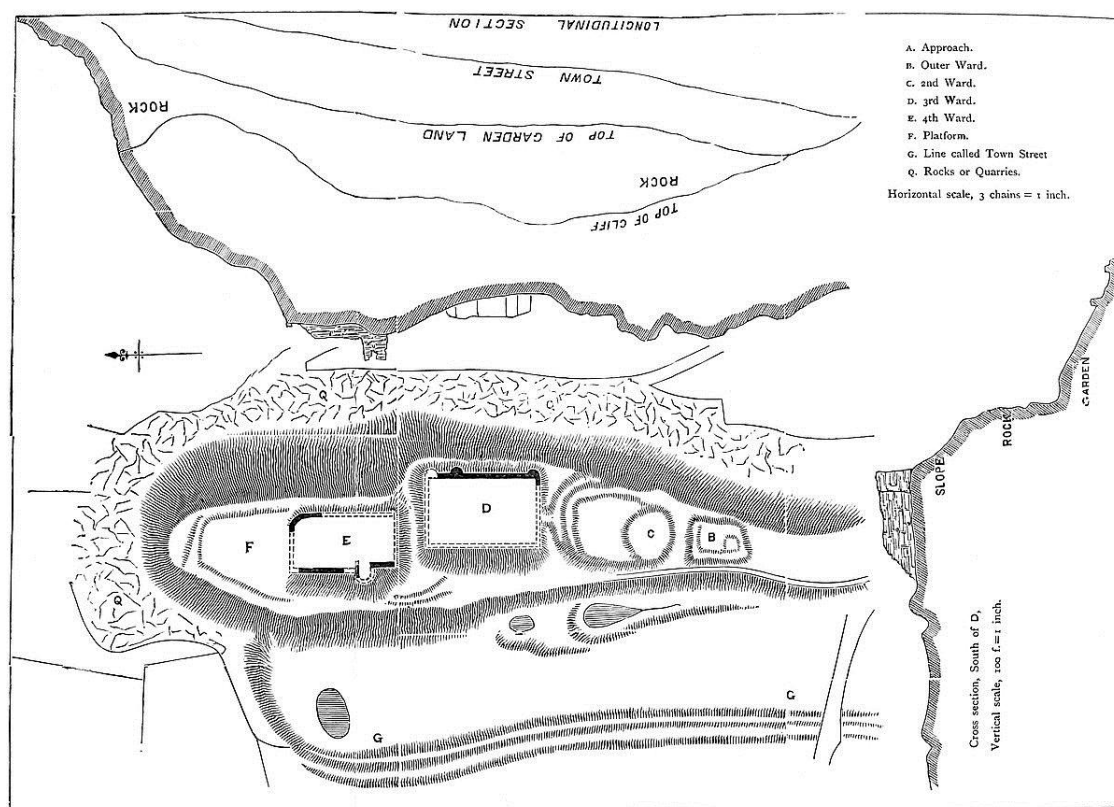
В 1224 году король разрешил проводить ежегодную ярмарку в “нашем поместье Монтгомери”, и Хьюберт де Хузе был объединен с Годескалем в качестве попечителей замка, оноре и долины Монтгомери, и вскоре после этого Болдуин де Ходнет стал сенешалем, а Уильям де Кантелупе конфисковал гонорары рыцарей и свободных арендаторов, присоединенных к Оноре. Также было объявлено, что под замком будет проводиться ярмарка, и присутствующим была предоставлена защита.

В 1227 году Генрих изменил свою политику и передал замок Хьюберту де Бургу с 200 марками в год за пожизненное хранение и увеличение в военное время, что произошло быстро; ибо в 1230 году Ллевелин, повесив Уильяма де Браоза, двинулся на Монтгомери, гарнизон которого пострадал от засады близ Керри, куда они отправились рубить большой лес. Валлийцы последовали за ними к замку и осадили его. Генрих пришел им на помощь. В 1233 году де Бург потерял благосклонность Генриха, а вместе с ним и Монтгомери, и король назначил констебля. Рядом с замком была возведена ветряная мельница для его использования. В 1235 году башня за крепостной стеной была отремонтирована, как и городские стены, для чего были предусмотрены девять деревянных башенок. Вино и различные припасы были отправлены в замок, который в 1245 году подвергся нападению валлийцев под предводительством Дэвида, и, несмотря на все недавно потраченные на него деньги, было обнаружено, что он находится в плохом состоянии, как явствует из расследования, проведенного инквизицией в 1249 году, в котором особо указаны донжон или крепость; комната и часовня; деревянная башенка или *бреташ*, и мост возле часовни; дом балистера; деревянная башенка рядом с городом; конюшня; деревянная башенка за внешними воротами; усадьба и стена вокруг нее; пятиэтажки, пентхаусы или пристройки с деревянными элементами, относящимися к пяти деревянным башенкам; маленькая башня или чердак за воротами; “барьер” (*jurullum*) возле часовни; и домик привратника. За их ремонт требуется 59,3 шиллинга 8 пенсов. В это время с замком также связана водяная мельница “Stanlawes Mill”, которая работала только зимой.

В 1254 году Генрих пожаловал Монтгомери принцу Эдуарду, который с согласия короля и совета назначил кастоса. В 1264 году, после Льюиса, Генрих, находившийся тогда в Дюрансе, приказал Адаму Фиц-Филиппу сдать замок. Адам, однако, отказался, если только приказ не был поддержан принцем Эдуардом. В 1267 году, 29 сентября, Генрих был здесь, принял оммаж Ллевелина и признал его княжество, за которое он должен был заплатить 30 000 марок.

Эдуард I. сдал замок на ферме Бого де Кновиллу за 40 фунтов стерлингов в год, арендная плата которых в основном расходовалась на оборону города, поскольку город был королевским районом в соответствии с хартией Генриха III в 1227 году, усиленной хартией Хьюберта де Бурга, согласно которой было дано разрешение обнести его стеной и рвом, четыре ворот которых сохранились во времена Лиланда. В 1274 году принц Ллевелин был

вызван на встречу с уполномоченными Эдуарда у брода Монтгомери, излюбленного места встреч в то время, но валлийский принц не присутствовал.

- А.Подходите.
- Б.Внешняя палата.
- С.2-я палата.
- Д.3-й округ.
- Е.4-я палата.
- Платформа F.
- Линия G. называется Таун-стрит.
- Вопрос: Скалы или карьеры.

ЗАМОК МОНТГОМЕРИ.

Сокращение княжества Эдуардом I. неизбежно уничтожило ценность замков вдоль марша как оплотов против валлийцев, а сильное внутреннее правительство этого суверена положило конец продолжающимся восстаниям баронов Марчер. При таких обстоятельствах пограничным замкам либо позволялось приходить в упадок, либо они использовались только в качестве окружных тюрем. В любом случае, они не имели большой военной ценности или вообще не имели ее; и, за исключением нескольких периодов правления Эдуарда II и некоторое время, во время восстания Глендауэра, они не считались пригодными для обороны или использовались таким образом. Действительно, долгое время спустя, во время войн Карла и его парламента, те из этих замков, которые оставались сносно совершенными, были снабжены гарнизонами, оборонялись, обычно брались и отвоевывались, и, наконец, проигнорированы или взорваны победившей партией. Монтгомери, похоже, получил свою долю этих несчастий, и, без сомнения, пострадали его

стены и башни; но, по всей вероятности, здесь, как и везде, гораздо больший ущерб был нанесен использованием руин в качестве каменоломни в современные мирные и процветающие времена, чем насилием, сопутствующим войне. Здесь, как и в большинстве других приграничных замков, военная история здания заканчивается правлением Эдуарда I. до этого момента, или почти до этого момента, все, что можно сказать о крепости, чести и происхождении замка, было собрано из оригинальных записей, объединено, переработано и записано мистером Эйтоном в его замечательной “Истории салопа”. Чтобы узнать о более поздней истории замка, можно с пользой прочитать статью преподобного Джорджа Сэнфорда, недавно напечатанную в Montgomery Transactions.

Расположение замка Монтгомери сформировано природой, и его достаточно увидеть, чтобы признать очень подходящим для пограничной крепости. Узкий и высокий скальный хребет, лежащий почти к северу и югу, резко поднимается между двумя долинами; та, что на востоке, очень подходит для города, который возник внутри нее; та, что на западе, более узкая и такая же крутая, но поднимающаяся на дальней стороне к гораздо более высоким возвышенностям, одно из которых увенчано лагерем Фридд-Фолдуин, а другое, несколько ниже и южнее, занято гораздо меньшим сооружением совсем другого и, вероятно, английского типа. Длина хребта составляет около 500 ярдов, а часть его вершины, занятая замком и его сооружениями, составляет около 330 ярдов. Его наибольшая ширина составляет около 60 ярдов, из которых замок может занимать около 40 ярдов. К хребту ведет крутая дорога с юго-востока, или из квартала города, но к северу он заканчивается острым выступом, откуда очень крутой склон обрывается к вершине скального утеса, общая высота которого составляет, возможно, 250 футов. Прилегающие склоны также очень крутые, настолько, что каменный набор, катящийся с вершины, не останавливается, пока не достигнет садов на 150 футов или более ниже. Приходская церковь стоит в черте города на возвышении напротив замка, но ниже его. Вид с хребта простирается на равнину Северн до валлийских гор в одном направлении и на Шропширские холмы в другом. Ниже, в направлении Чирбери, примерно в миле от нас можно различить дамбу Оффы, замок которой находится на ее внешней, или валлийской, стороне. Горный хребет пересекают три рва, вырытых в скале и разделяющих его на четыре платформы, которые образовали четыре подопечных замка, каждая из которых, по-видимому, была обнесена стенами или частоколом и соединена с другими деревянными мостами. Северный и самый сильный блокпост также на несколько футов выше блокапоста и образовывал донжон, или цитадель; крепости там, конечно, не было. Этот блокпост находился примерно в 52 ярдах к северу и югу, на 32 ярда к востоку и западу. Он почти прямоугольный, и его четыре стороны скошены и облицованы, эта часть стены имеет высоту около 15 футов. На ней возвышались занавес и внешние стены прилегающих зданий. На западной стороне стояло значительное здание, вдоль южной половины которого сохранилась стена толщиной около 9 мм, которая поддерживала подвал и два верхних этажа, в которых видны отверстия для балок. На первом этаже есть ниша с окном и двумя гардеробными, с шахтами в стене. Окно было заостренным, и это все, что можно установить. На верхнем этаже также находится гардеробная. К этому фрагменту стены примыкает половина подковообразной башни диаметром 30 футов, выступающая на 25 футов от стены. Здесь также был подвал и два верхних этажа, но сейчас от него мало что осталось. На внешней стороне его стены, к северу, находятся остатки другой шахты гардероба, а высоко наверху - часть прямой настенной лестницы. Отсюда, к северу, виден простой занавес. На трех других сторонах сохранилась только облицовка или ее следы. Куча мусора на южном конце может быть фундаментом сторожки. От колодца, зала или часовни не осталось и следа. Единственное, что осталось от тесаного камня, - это своего рода брусчатка в материале великой стены и в оконном проеме в подковообразной башне. Каменная кладка из грубого, но выщербленного щебня.

Между этим и третьим участком был ров шириной около 20 ярдов, перекрытый в нижнем или западном конце запрудой, образующей пруд, вероятно, для содержания скота в замке. Здесь нет и следа каменной перемычки. Третий приход имеет правильную продолговатую форму, тщательно огорожен и, вероятно, облицован со всех сторон. Виден только восточный фасад, и там стена высотой около 20 футов, с остатками трех полукруглых цельных контрфорсов диаметром 6 футов и чем-то вроде следов еще двух. Каменная кладка отсутствует над поверхностью платформы, которая находится примерно в 40 ярдах к северу и югу и в 35 ярдах к востоку и западу. Ров шириной около 8 ярдов отделял ее от второго квартала.

Второе отделение имеет примерно овальную форму, примерно 50 ярдов в длину и 30 ярдов в ширину, а его южный конец занят скалистой насыпью. Нет никаких следов каменной кладки, связанной с этим отделением, которое, возможно, было защищено деревом. Ров, отделяющий это место от первого участка, шириной не более 4 или 5 ярдов и очень неправильной формы, углубление, по-видимому, частично естественное.

Первый участок меньше остальных, неправильной формы и каменистый. На нем сохранились следы сухой кладки стен, а на его платформе - фундамент прямоугольного здания, а на южном конце - что-то вроде башни, обозначенной только кучей земли. Возможно, это было примерно 25 ярдов на 15 ярдов. Возможно, что первая и вторая палаты были просто естественными платформами, окруженными деревянными *решетками*, как их называют в рукописи, но третья и четвертая палаты определенно были обнесены стенами и, должно быть, были прочными. К северу, на расстоянии 20-30 футов дальше, под северным участком, находится ровная треугольная платформа из дерна примерно в 60 ярдах в сторону, защищенная легким откосом, на котором, возможно, был забор. Эта платформа, от природы такая прочная, вероятно, предназначалась для пастбища для крупного рогатого скота. На другом, или южном, конце также находится платформа, расположенная на 20 или 10 футов ниже уровня первого прихода и сейчас занятая коттеджем. Здесь находился вход, который, вероятно, был прикрыт чем-то вроде башни, заранее защищенной частоколом.

Какими бы скудными ни были остатки этого замка, можно с уверенностью заключить, что в них нет нормандской кладки, будь то ранней или поздней. План работ, конечно, продиктован естественными очертаниями скалы, и в этом она напоминает Бир, хотя это немного раньше, чем Генрих III., и Долфорвин, вероятно, произведение эпохи правления этого короля. У пограничных замков Генриха III не было крепости. В основном это были простые ограждения, за которыми были довольно толстые стены с башнями.

В целом этот замок в его нынешнем виде, по-видимому, является новым замком, упомянутым Генрихом III, и построен в начале его правления, и нет никаких следов каких-либо более ранних работ, хотя есть все основания полагать, что таковые существовали и что он или они стояли на этом месте. Более того, что касается этих более ранних работ, то, каким бы заманчивым ни было их расположение, в земляных работах на них нет ничего, что можно было бы с уверенностью приписать либо валлийцам, либо англичанам. То, что граф Роджер построил какой-то замок на нынешнем месте или поблизости от него, несомненно, и действительно очень маловероятно, что при таком удобном положении, созданном природой таким прочным, он выбрал бы какой-либо другой, и в непосредственной близости нет никаких следов каких-либо других работ, которые, вероятно, были построены позже Завоевания.

Упоминалось, что в правление Генриха III округ Монтгомери получил разрешение обнести город стеной и рвом, и хотя ворота и рвы не обязательно подразумевают более

дорогостоящее добавление каменной стены, несомненно, что город был укреплен, и на снимке мистера Сэндфорда 1610 года показана стена, охватывающая территорию, несколько более широкую, чем нынешний город, и, что очень необычно, эта стена включает в себя замок, а не замок, образующий часть окружности. Известно, что никаких следов каменной кладки стен не существует, но за ее пределами, к западу, у подножия склонов замка, находится насыпь со рвом, очень похожая на местную дамбу эпохи Оффы, но считающаяся тем, что осталось от городской стены. Любопытно то, что эта дамба, которая, находясь напротив замка, возвышается и, следовательно, укреплена замковой скалой, проходит на юг вдоль крутого склона противоположного холма, и там она возвышается снаружи, и была бы совершенно неприступной. Так часто бывает с дамбой Оффы, которая, хотя и была выложена насыпью и внешним рвом, на самом деле была скорее границей, чем предназначалась в каждом пункте для обороны. Его защита, очевидно, была вызвана общим страхом перед властью Мерсии, а не опасением появления вооруженных сил на каждом участке его линии. Возможно, на этом берегу была возведена городская стена, но сам берег кажется более старым и частью более ранней границы.

За план и сечение замка и касл-рока, которые сопровождают эту статью и существенно дополняют ту малую ценность, которой она может обладать, автор и его читатели в долгу перед мастерством и добротой мистера Миклберга из Монтгомери.

ЗАМОК МОРЛЕ, ГЛАМОРГАН.

На северных границах графства Гламорган, над восточным и меньшим из двух истоков Таффа, стоят руины замка Морле, названного так из-за небольшого ручья, который немного поднимается к северо-востоку от него и который, получив название Доули, впадает в Тафф в пределах соседнего города Мертир.

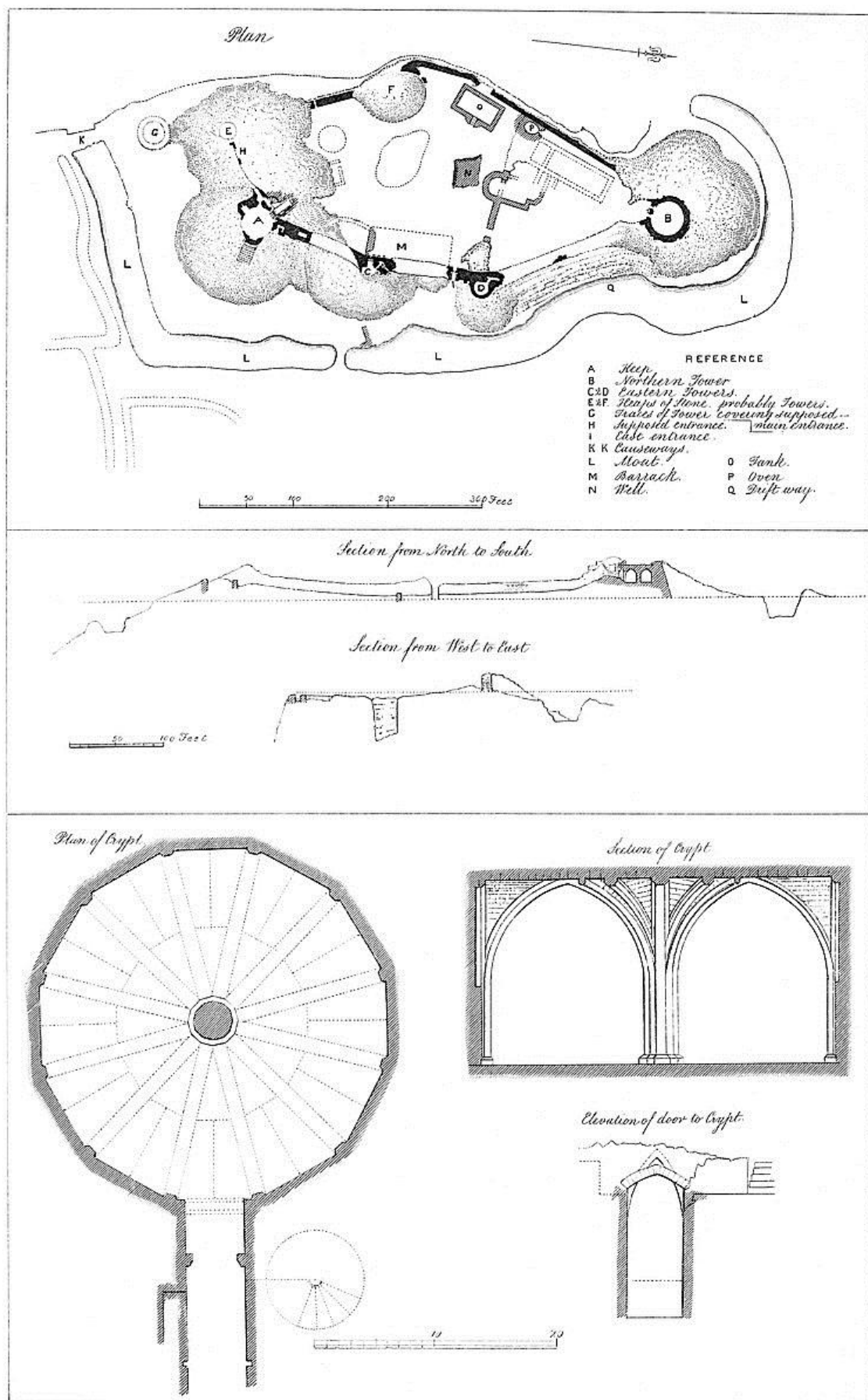
Замок расположен на краю значительной платформы из горного известняка, широко добываемого в течение нынешнего столетия для соседних металлургических заводов, и примерно в 470 футах над Тафф-Вечан, которая, спускаясь по крутому и узкому ущелью необычайной красоты, являющемуся границей древних районов Брехейниок и Моргануг, а также современных графств Брекнок и Гламорган, сбегает ниже замка, через ущелье и водопад Понт-Сарн, чтобы присоединиться к Таффу немного выше Мертира.

Позиция, сильная на севере и западе, открыта на востоке и юге; таким образом, из-за отсутствия полной естественной защиты она напоминает по расположению нормандские замки, а не кельтские или саксонские лагеря. Отсюда открывается обширный вид на большую часть верхнего Таффа и бассейн Мертира, и в целом он был хорошо приспособлен для охраны границы Гламоргана от внутренних племен, для оповещения гарнизонов равнины об их приближении и для отсечения любых разбойников, которые, вторгшись в долину, могли возвращаться этим путем в свои родные крепости.

Древняя тропа Хеол Адда, все еще приходская дорога, самый короткий и, насколько я помню, обычный путь из Геллигера и Мертира в Бреккон, проходит примерно в полумиле к северо-востоку от замка и полностью контролируется им.

Планировка Морле очень проста. Двор неправильной овальной формы, протяженностью 140 ярдов к северу и югу, на 60 ярдов к востоку и западу, окружен крепостной стеной,

увенчанной пятью или шестью круглыми башнями, и окружен с северной, восточной и южной сторон рвом, заканчивающимся с западной стороны, который всегда был крутым, хотя недавно был вырыт в скале. Единственный оставшийся вход во двор находится с восточной стороны, через узкую арку в занавесе, через которую могла пройти только пехота, и к которой ведет крутая тропинка и дамба через ров. Более широкая дамба через ров на его южном конце, по-видимому, вела к большим воротам, вероятно, над которыми возвышалась башня, соединенная занавесом с главной стеной; но эти ворота, если они когда-либо существовали, полностью погребены под руинами.

Дж.Т. Кларк. delt.

J H Le Keux Sc.

ССЫЛКА

- АКрепость.
- ВСеверная башня
- С & DВосточные башни,
- Е & FГруды камней, вероятно, Башни.
- GСледы Башни, прикрывающей предполагаемый главный вход.
- НПредполагаемый вход.
- IВосточный вход.
- KДамбам.
- LРвы.
- МБарак.
- НХорошо.
- ОБак.
- ППечь.
- Вопрос опуты дрейфа.

Замок Морле.

Двор, по-видимому, был разделен стеной на северную и южную части, в последней из которых находится колодец.

Переходя к деталям, отметим, что А - это южная башня, или сторожевая башня, состоящая из двух этажей. Нижний, многоугольник с двенадцатью сторонами диаметром 28 футов, имеет центральную колонну с соответствующими гранями, разветвляющуюся на двенадцать ребер-вееров, которые, образуя заостренные арки, поддерживают крышу и заканчиваются на вмещающей стене таким же количеством пилястр. Ребра сделаны из известняка, но заполнение свода выполнено из известкового туфа, легкого и очень прочного, и найдено *in situ* ниже известкового источника на дороге Хеол Адда, ведущей к Понт-Стичиллу. Вся комната, хотя и чрезвычайно элегантная, довольно простая, лепнина представляет собой простую фаску без каких-либо других украшений. Здесь нет ни окон, ни петель, а вход осуществляется через острый стрельчатый дверной проем шириной 5 футов и высотой 13 футов, который занимает северную фасад, и к нему со двора ведет спускающаяся лестница. Верхняя комната, вероятно, не была сводчатой. Как и в замке Кох, в ней, по-видимому, было несколько больших каминов, а также гардеробная. К нему вела винтовая лестница, которая, по-видимому, заканчивалась внизу чем-то вроде подъемного моста через лестницу, ведущую в склеп, и, таким образом, сообщалась с восточными стенами другой лестницей, внешней по отношению к башне и также ведущей к ее зубчатым стенам. Во внешней стене, недалеко к северо-востоку от крепости, есть особая полость, использование которой, если таковое и имелось, не обнаружено.

Противоположная, или северная, башня В была гораздо менее сложной конструкции. По-видимому, это была простая оболочка, 37 футов во внутреннем диаметре, двухэтажная, разделенная деревянным полом, в которую входили снизу со двора на уровне и наверху, вероятно, по винтовой лестнице на северо-восточной стороне, сообщаемой также с крепостными валами восточного занавеса.

Восточный вход, I, шириной 5 футов, который был снабжен опускной решеткой и имел остроконечную арку, разрушенную около двадцати лет назад, расположен между двумя меньшими барабанными башнями, C и D, диаметром около 16 футов, каждая со своей вспомогательной лестницей-колодцем. Северная башня, расположенная рядом с дверью, полностью контролировала ее внешний вид, а южная, расположенная на некотором расстоянии от двери, но почти напротив дамбы, K, контролировала этот проход и крутой подъем к воротам.

Западная стена, вероятно, толщиной 6 футов, была в целом слабее восточной, которая составляла около 12 футов, и вместо двух, по-видимому, содержала только одну башню, помещение или, возможно, сток из которой сохранился до сих пор. К юго-западу от цитадели находятся две кучи мусора, которые, очевидно, указывают на расположение двух башен, одной на занавесе, а другой несколько впереди, причем последняя, по-видимому, заканчивала своего рода отрог стены, выступающий на 60 футов от занавеса и предназначенный для прикрытия главного входа со стороны южной дамбы.

Колодец N представляет собой своеобразную выемку, грубую и без облицовки, площадью 27 квадратных футов, а сейчас глубиной около 44 футов. Несколько лет назад он был частично засыпан, и до этого говорили, что его глубина составляла 70 футов. Как бы то ни было, несомненно, что вода здесь не достигала бы глубины менее 400 футов, которая вряд ли была бы достигнута. Рядом с колодцем, в точке O, находится продолговатая камера размером 44 на 24 фута с широкими ступенями, которая, по-видимому, служила резервуаром, вероятно, для дождевой воды. Рядом с этим резервуаром находится овальная печь размером 11 на 15 футов, очень совершенная и, что довольно необычно, сделанная из известняка. Рядом с ней находится фундамент кухни. Стена, разделяющая двор, пересекалась чуть севернее колодца, напротив которого сохранились следы большого лука, и восточнее дверного проема. В южном дворе, у восточной стены, находились ряды, вероятно, казарм, крытых дранкой или черепицей со свинцовой отделкой, причем камни и свинец были найдены в руинах. Рядом с колодцем находится большая куча смешанного железного шлака, угля, древесного угля и клинкера, вероятно, из кузницы кузнеца, рядом с которой были найдены фрагменты железа. Куча, очевидно, старая, поскольку в ней содержатся кристаллы селенита. Он также содержит хлор и натрий в различных сочетаниях, что доказывает или считается доказывающим, что обычная соль использовалась в работе кузницы или, возможно, при выплавке здешней руды.

Ров, который простирается от 14 до 40 ярдов от стен, имеет ширину около 40 футов и глубину 14 футов, а его общая длина составляет около 370 ярдов. Он был добыт в скале, и его содержимое, без сомнения, использовалось при строительстве замка, который почти полностью состоит из известняка.

Во рву, у Q, есть просека, сейчас сильно разрушенная, но вполне возможно, что это был частный проход во двор. Площадь, занимаемая замком, начиная от внешнего края рва, составляет около четырех акров.

Снаружи от рва, на его южной стороне, находится что-то вроде полукруглого пространства, заключенного в насыпь и, вероятно, предназначенного для защиты скота. К востоку от рва находятся различные ямы и разрушенные ограды, первые, вероятно, старые места для выжигания извести, а вторые - пастушьи хижины и загоны.

Этот замок в 1833 году был частично раскопан леди К. Э. Гест, когда на соседнем поле была обнаружена металлическая печать. Легенда гласит: с. инон . fili . хауэл . гор .; но имена Эйнон и Хауэлл чрезвычайно распространены в родословных Гламоргана, и заключительная

аббревиатура, без сомнения, отличительный псевдоним, не была объяснена, если только ее можно прочесть как "Гох" или "Красный". Монеты также время от времени подбирались. Совсем недавно там были найдены вместе несколько серебряных пенни Эдуарда I и один Александра I Шотландского.

В настоящее время замок представляет собой руины, сохранились лишь очертания стен и обломки башен. Над землей находится только цитадель. Фундаменты, однако, довольно идеальны, они были раскопаны и прослежены совсем недавно в соответствии с прилагаемым планом. Судя по расположению мусора, есть основания сделать вывод, что стены и башни регулярно сносились сверху, а не взрывались, как обычно в более поздние времена; так что замок, вероятно, был заброшен и разобран в ранний период. Мистер Стивенс, чей авторитет в данном случае подкреплён точным знанием местности, придерживался мнения, что этот замок так и не был достроен; и это, безусловно, могло иметь место.

В ходе недавних раскопок было сделано несколько открытий. Печь раньше была неизвестна, как и лестницы двух восточных башен, а также помещения в стене верхнего этажа цитадели и в западной стене. Было выкопано очень много оградённых камней, частей дверных и оконных коробок, кронштейнов и т. Д., Но все они были совершенно простыми, с одной лишь фаской.

Братья Бак в прошлом веке запечатлели вид Морле с северо-запада, на котором изображён замок и небольшая часть занавеса в гораздо более совершенном состоянии, чем в настоящее время.

Детали Морле, хотя и хороши, но, как и подобает малоизвестному замку, настолько лишены украшений, что трудно отнести здание к какой-либо точной дате. Тем не менее, общие пропорции проёмов, характер склепа и, возможно, общий план здания с достаточной степенью уверенности указывают на поздний период раннего английского стиля или на конец тринадцатого века, что примерно соответствует времени его постройки.

История Морле скудна, но она подтверждает внутренние свидетельства, представленные его архитектурой, и связывает его с одной из самых замечательных судебных тяжб между короной и лордами уэльских границ.

Из открытых источников следует, что ближе к середине правления Эдуарда I. Возникла ссора между Гилбертом де Клэром, Рыжим графом Глостерским и Хартфордским, лордом Гламоргана, и Хамфри де Боуном, графом Херефордским и Эссекским, констеблем Англии и лордом Брекнока. Оба были могущественными пэрами, и де Клер во время ссоры женился 29 апреля 18 года Эдуарда I 1290 года на Джоан, дочери короля, в то время как жена Де Боуна, Мод де Фьенлес, приходилась королеве родственницей. Де Клер был старшим и находился под опекой Де Боуна.

Причиной ссоры стал замок, который Де Клер построил на своей границе и, как говорили, на земле, принадлежащей Де Боуну. То, что Морле был спорным замком, несомненно из общего характера свидетельств и из упоминания церкви Пендерин, которая не находится поблизости ни от какого другого укрепленного места, к которому могли бы относиться приведенные сведения.

Нарушение границы стало предметом судебного разбирательства, и король в парламенте за восемь дней до Очищения Пресвятой Богородицы 18 Эдуарда I. (25 января 1290 г.) отдал официальный приказ двум графам воздерживаться от военных действий. Этому приказу они

не подчинились, и новое преступление, гораздо более серьезного характера, чем первоначальное, было сразу же замечено королем, и разбирательство по нему с большой подробностью воспроизведено в парламентском протоколе, составленном по случаю вынесения приговора 7 января 20 Эдуарда I 1292 года.

Из жалобы де Боуна следовало, что слуги де Клера во главе с Уильямом де Валерсом, Ричардом де Флемингом и Стивеном де Каппенором, с конницей и пешими, с выставленным гербовым знаменем графа, совершили три набега на Брекнок.

В первый раз, в пятницу (3 февраля) после Очищения 1290 года, выйдя с оспариваемой территории, они прошли две лиги; во второй раз в понедельник (5 июня), перед Святым Варнавой, пять лиг; и в третий раз, в понедельник (27 ноября), перед Святым Андреем, они прошли семь лиг.

В ходе этих набегов они захватили и увезли домой 1070 голов крупного рогатого скота, 50 сельскохозяйственных лошадей и жеребят, а также бесчисленных овец, коз и свиней. Также они опустошили землю и убили нескольких человек. Ущерб был оценен жюри в 100 фунтов стерлингов. Из добычи Де Клер, согласно обычаю марчерской войны, получил одну треть.

В других случаях, следуя этому примеру, бродячие негодяи, “латроны и эскеторес” из этого района, возможно, некоторые из тех, кто дал название “Бульч-и-Лладрон” над Абердэром и “Райд-и-Милвр” над Раймни, повторяли набеги; и, помимо других бесчинств, сожгли дом “Тайрафа” и церковь Пендерина, забрав из последней чашу, некоторые украшения и другие предметы. Графу и его капитанам не было предъявлено никаких обвинений в том, что они знали об этих грабежах или святотатствах или участвовали в них.

Представляется вероятным, что численность лиги (leuca) составляла не более английской мили и что их грабежи ограничивались южной стороной Биконс. Если это так, то этот участок страны должен был быть, по крайней мере, так же хорошо заселен, как и сейчас. И можно усомниться в том, что современная церковь Пендерина с ее подушечками, рясами и старыми молитвенниками уступит в такой же степени любым современным “эскеторам”.

Получив эту жалобу, король патентными письмами назначил Уильяма де Люду епископом Эли, которого Николас называет лордом-канцлером (заявление, не подтвержденное очень точным Foss), Уильяма де Валенса, дядю короля, Джона де Меттингема, честного главного судью, и Роберта де Хартфорда, одного из судей Общей юрисдикции, для расследования этого дела, и особенно того, были ли безобразия совершены после королевского запрета. Они должны были вызвать свидетелей из графств Херефорд, Кэрмартен и Кардиган, а также из частей Гауэра, Эвиаса и Гросмонта, и они должны были доложить королю через пятнадцать дней после Пасхи (22 апреля) 1291 года.

Шериф Беркшира должен был вызвать графа Глостера, а Роберт де Тайпет, судья Западного Уэльса, должен был вызвать своих капитанов. Шериф Херефорда, судья, Джеффри де Женвиль и Теобальд де Верден, судебные приставы Эвиаса, и Эдмунд, судебный пристав брата короля Гросмонта, должны были представлять присяжных. Местом встречи должен был стать Стратуэлли в Брекноке, а в понедельник (12 марта) после Квадрагезимы - время встречи. Кроме того, чтобы предотвратить какой-либо сговор, расследование должно было продолжаться, даже в случае отказа одной из сторон.

Следующие магнаты также были вызваны королем в качестве присяжных: Джон де Гастингс, Джон Фитц-Реджинальд, Эдмунд и Роджер Мортимеры, Теобальд де Верден, Джон Трегоз, Уильям де Браоз, Джеффри де Каммилл (без сомнения, “Камвилл”) и Роджер Пайчворт, а

также сенешали короля Уэльса и сенешали его брата Монмута, Гросмонта, Скенфрита и Уайткасла. Также были вызваны шерифы Херефорда и Глостера и сенешаль Крикхауэла, чтобы представить жюри из двадцати четырех рыцарей и других лиц. Приготовления соответствовали рангу и могуществу преступников, а также тому, что, как ясно, наш английский Юстиниан считал чрезмерной тяжестью преступления.

В назначенный понедельник Гастингс, тогдашний лорд Абергавенни, и его спутники встретились с комиссарами в Брекноке, и заседание было отложено до среды, в Лондоне; но комиссары в тот же день отправились в Стратуэлли, куда прибыли около трех часов.

Граф Херефорд был пунктуален, но Глостер и его капитаны не явились, хотя шериф и Тайпет-Лофт доказали, что их вызывали. Возможно, именно вероятность этого противоречия привела к тому, что предыдущее заседание было перенесено на Прачечную, к месту проведения которой комиссары приступили в следующий раз.

Здесь, поскольку его оппоненты все еще отсутствовали, граф Херефорд изложил свою жалобу и потребовал расследования. После этого магнатов призвали к присяге, возложив руки на книгу. Гастингс и остальные единодушно отказались подчиниться. Они сказали, что их предки в тех краях никогда не слышали об обязательной присяге, за исключением некоторых мартовских событий, санкционированных обычаем. Их предупредили, что власть короля является высшей, но они все равно, каждый сам за себя, отказались, не посоветовавшись со своими коллегами.

Затем были оглашены оправдания некоторых присяжных. Де Браоз не явился, поскольку его земли находились в руках короля. Имя Пайчуорта было неизвестно; но Пайчарда, который приехал, не приняли. Дженвилл наделил своего сына Питера своими валлийскими землями. Сенешаль Абергавенни не получал повестки в суд. Некоторые присяжные из Крикхауэлла явились без приглашения, как свидетельствовал их сенешаль. Роджер де Мортимер держал свои валлийские земли под властью графа Херефорда и, конечно, не мог действовать; а земли Эдмунда находились далеко, так что никакой призыв туда не доходил. Из Трегоза и Камвилля не приехали ни присяжные, ни сенешаль.

Затем инквизиция продолжилась, и присяжные пришли к выводу, что три набега, грабежи и т. д. Имели место, Как указано; но что Джон де Креппинг, которому было предъявлено обвинение как капитану, не присутствовал лично, но послал своих людей и разделил добычу.

Прежде чем комиссия разошлась, было повторено обращение к графам с просьбой поддерживать мир.

Следующий шаг, о котором, по-видимому, доложила комиссия, был предпринят королем на совете, который вызвал двух графов явиться в Амбресбери в понедельник (3 сентября), предшествующий Рождеству Пресвятой Богородицы. Соответственно, они прибыли туда; и поскольку было хорошо известно, что имели место новые и неоднократные нарушения мира, дело стало еще более серьезным. С целью получения новых доказательств по этому вопросу король перенес расследование в Абергавенни, где он, его совет, присяжные заседатели и два графа наконец встретились по поводу Михайлова Дня.

Графа Херефорда спросили, нарушал ли он королевский приказ до или после собрания в Лэндоне; но граф Глостер, не явившийся на заседание, был признан виновным по первому обвинению и приглашен на встречу только по последнему. На это он не признал себя виновным; но ему было разрешено высказать возражения против прежнего судебного

решения и, благодаря особой милости, заслушать зачитанное предыдущее судебное разбирательство.

Поднятые им вопросы были остроумны, но довольно тонко закручены. Он возражал против судебного приказа *scire facias*, на основании которого он был вызван, поскольку он не был выдан через суд обычным способом. Это решение было отклонено на основании важности дела и настоятельной необходимости принятия мер. Затем он возразил против самой комиссии как процедуры *ex officio*, не имеющей для него обязательной силы. Затем он заявил, что его отец по приказу покойного и нынешнего короля убил или причинил различные увечья родителям и родственникам многих присяжных из Кэрмартена и Кардигана, что лишило их права участвовать в дознании. Они также были отклонены, последнее на том основании, что решение было вынесено из-за его неявки. Затем он сказал, что между датой первоначального запрета и первым набегом (с 25 января по 3 февраля) у него не было времени связаться с его далекими и рассеянными слугами. Это также было признано недействительным.

Что касается второго набега, граф заявил, что не несет за него ответственности, поскольку король в то время захватил его земли в Гламоргане. Это, без сомнения, было сделано по случаю его женитьбы, с целью чего он отказался от своих поместий 1818 года Эдуарда I. и после женитьбы передал их часть себе и своей жене на новых условиях. Однако из записей следовало, что граф получил сейзин за девять дней до второй вылазки; так что и эта попытка провалилась. Что касается третьей вылазки, он сослался на недавнее освобождение от должности, которое, будучи совершенно новым, отменяло действие любого запрета, наложенного на старое кафе. Это, однако, было встречено заявлением о том, что запрет носил не территориальный, а личный характер; следовательно, в отношении него и его капитанов был подтвержден обвинительный приговор.

Затем были расследованы нарушения общественного порядка после встречи в Лэндоне. Было доказано, что в четверг (29 июля) перед Святым Петром ад Винкула, когда люди графа Глостерского отправили некоторых *авериа*, или "волов-пахарей", пасти на спорной земле, судебный пристав графа Херефорда и его слуги явились в полном составе. После этого люди Де Клэра удалились со скотом на свои земли. Остальные последовали за ними, убили нескольких мужчин, захватили и угнали скот и поселили его в замке Брекнок. Де Богун не знал об этом, но, когда об этом стало известно, он приказал сохранить скот и выкупить его. На момент расследования некоторые из них были убиты, а другие находились под стражей в Брекноке.

Далее, в понедельник (9 августа) после Успения Пресвятой Богородицы люди графа Глостерского ночью, как разбойники, проникли на территорию Богунов. Встревоженные вассалы Богуна отогнали их на три лиги назад в их собственные земли, вернули весь украденный ими скот и, кроме того, забрали еще нескольких животных, которых они привели домой и до сих пор хранят. Граф Глостерский ничего не знал об этих экспедициях. Лидерами богунов были Джон Перпойнт, сенешаль замка Брекнок, и бейлиф графа Джон Дьюкройс, или Эверойс, Филип Сейс, Хауэлл Воган и Хауэлл ап Трахерн. Однако их граф не только не одобрил эту вторую экспедицию, но, услышав о ней, взял своих капитанов на поруки, под которыми они все еще оставались. Кроме того, было показано, что, получив королевский приказ, граф Херефорд приказал провозгласить его в церкви, на рынке и в других общественных местах. Тем не менее, поскольку он санкционировал удержание захваченного скота, его также признали виновным.

Однако граф Херефорд не оскорблял ни до встречи в Лэндоне, ни графа Глостера после нее.

В каждом случае присяжные с осуждением отмечают, что графы допустили в маршах разбирательство, которое в другом месте, как они знали, было бы наказано.

Оба графа и их сторонники были заключены в тюрьму, а их уэльские владения перешли в руки короля.

После этого Эдмунд, брат короля, Уильям де Валенс, его дядя Генри де Лейси, граф Линкольнский, и Джон де Гастингс внесли залог за Глостер; а Реджинальд де Грей, Роберт Тайптофт, Роберт Фиц-Уолтер и Уолтер де Бошан - за Херефорд; и, пока они были на свободе, им было разрешено владеть своими поместьями. Самим графам, освобожденным таким образом под залог, было разрешено стать залогом для своих последователей, и таким образом прошел 1291 год.

Стороны снова появились в Вестминстере на следующий день после Богоявления 1292 года, но приговор был окончательно вынесен только в четверг (17 января) после октавы Богоявления, когда стороны снова предстали перед королем в Вестминстере.

Что касается графа Глостера, вся его привилегия или королевская власть, *totum regale*, в Морганве была объявлена утраченной. Но поскольку он женился на дочери короля и имел от нее потомство; и поскольку у нее была равная доля избирательного права, а у графа был только пожизненный интерес, он не мог лишиться чего-либо, кроме своих собственных прав, и не было законным наказывать невиновного за виновного. Следовательно, его конфискация должна была быть только пожизненной. Кроме того, он должен был быть заключен в тюрьму во время удовольствия и возместить ущерб графу Херефорду в размере 100 фунтов стерлингов.

Валлийские владения графа Херефорда, которыми он владел неограниченно, были полностью аннулированы, и он также был отправлен в тюрьму. Но, поскольку его преступление *не является уголовными* не заслуживает такого сурового наказания, как его брат эрл, и поскольку он женился на родственнице королевы, которая заключила этот брак, чтобы дети графа и дети короля были родственниками, его конфискация также была ограничена его жизнью.

Очевидная несправедливость наказания, по-видимому, была в некоторой степени скорректирована штрафами, по которым графы были восстановлены в правах: Глостер заплатил 10 000 марок, а Херефорд - 1000 марок.

Ни один из графов надолго не пережил эту сделку. Глостер умер в замке Монмут в 1295 году, а Херефорд - в 1298 году, но не раньше, чем он неоднократно выступал в смелой, успешной и строго законной оппозиции своему суверену.

Слуг легко отпустили под предлогом того, что их лорды не предупреждали их о королевском запрете. Джон де Креппинг был оштрафован на пятьдесят марок; его ценные бумаги принадлежали Ричарду де Креппингу из ко. Йорк и Джону Вогану из Сомерсета.

Ричард ле Флеминг был оштрафован на 20 фунтов стерлингов; его ценными бумагами были Джон ле Уолейс из Сомерсета и Стивен Хокамб из Корнуолла.

Стивен де Каппенор был оштрафован на двадцать марок; его ценными бумагами были Роберт де Тайпет и Джон Ловел из со. Нортгемптон, по десять марок за штуку.

Уильям ле Валер был оштрафован на 10 фунтов стерлингов; его ценные бумаги принадлежали Джону де Креппингу из Линкольна и Роберту Филлиоту из Камберленда.

Перпойнта и его товарищей оставили на произвол судьбы, намекнув, что их наказание вряд ли будет очень суровым. Так завершилась одна из самых важных сделок в истории валлийских маршей; судебный процесс, очевидно, затеянный Эдуардом с целью сломить огромную, плохо определенную и неумело используемую власть лордов-маршалов, которая должна была регулироваться знаменитым статутом Руддлана.

Нет необходимости в извинениях за то, что я подробно описываю это событие в истории замка марч; кроме того, содержащиеся в нем имена показывают, кто были в то время великими лордами округа. Они также показывают, что, хотя капитаны Де Боуна были коренными валлийцами, поскольку Перпойнты, потомки Джайлса Перпойнта, натурализовались в Гилстоне поколением или двумя ранее, дела Де Клэра находились в руках чужаков на этой земле, людей, чьи имена, за исключением Флеминга, ни тогда, ни после не фигурируют в родословных Гламоргана. (“Булочки”, i., 70; Carte, “История Англии”, ii., 221; Dugd., “Bar.”, i., 182; Jones, “Brec.”, iii., 143; “Rot. Фин.”, 20 Эдуард I.)

Первоначальная причина спора, по-видимому, была упущена из виду в последствиях, поскольку больше ничего не слышно об оспариваемой границе. Примечательно, однако, что совсем рядом с Морле граница графства выходит за четко очерченный Тафф-Вечан и пересекает гору в направлении, не отмеченном никакими природными особенностями, так что, пока двадцать лет назад не было достигнуто мирное соглашение, фактические границы каждого графства продолжали быть предметом спора между лордами-манориалами с обеих сторон.

Морле, хотя и был основан таким образом среди раздоров, в целом, по-видимому, наслаждался мирным, если не сказать неблагородным существованием. Без сомнения, заселение страны во время долгого правления Эдуарда III. разрушило ее ценность как форпоста и привело к забвению или, возможно, разрушению. Никаких упоминаний об этом не было обнаружено до времен Лиланда, который говорит:

Замок Морлейс расположен в хорошей долине для выращивания кукурузы и травы, на берегу ручья Морле... созрел. Этот замок в руинах и давно принадлежит королю. — (“Итин.”, iv., 39.)

Лиланд, вероятно, не посещал место, которое он таким образом несколько неверно описывает, но его показания относительно права собственности, вероятно, верны.

Обстоятельства, приведшие к строительству Морле, достаточно очевидны из его общего положения. Нижняя часть графства была защищена не только замками лорда Кардиффа, Ллантриссанта и Кенфига, но и значительным количеством замков поменьше, принадлежащих частным лицам и предназначенных, в первую очередь, для защиты их поместий. Оставалось остерегаться внезапных вторжений валлийцев, которые, спускаясь с севера и двигаясь с большой скоростью, и имея, кроме того, преимущество того, что стратеги называют “внутренними линиями”, могли легко выбрать точку атаки и, отрезав отдельные отряды или разграбив случайную деревню или замок, могли отступать по тропам с такой скоростью, которая делала бесполезным любое преследование тяжеловооруженных норманнов.

Чтобы остановить таких мародеров или, по крайней мере, отрезать им путь к отступлению, участники марша построили другие замки, такие как Кастелл Кох на Таффе, башня Уитчерч немного ниже нее и, наконец, в начале двух больших долин Недд и Тафф и на вершине этого замкнутого треугольника гористой местности, Морле.

Кэрфилли относится к тому же классу оборонительных сооружений. Его строили наспех, и, вероятно, решение о нем принималось также наспех. Он никогда не имел значения, а поскольку Кардифф является главной резиденцией господ, можно усомниться в том, что он когда-либо мог иметь значение, соизмеримое с его масштабами и стоимостью. Напротив, Морле, по-видимому, был прочно построен и во всех отношениях соответствовал той цели, для которой он был предназначен.

Местная традиция, склонность которой, что вполне естественно, приписывать все значительные произведения местным лордам, приписывает это Айвору Баху, знаменитому вождю восточного Гламоргана конца XII века, который, как считается, пал в битве на соседнем участке, до сих пор называемом “Пант-Коэд-Айвор”.

То, что Морле, как Керфилли и Кастелл Кох, был построен на территории семьи Айвора Баха, несомненно, верно, поскольку он, его предки и его потомки, как лорды Сенгенида выше и ниже Кайаха, владели всей территорией между Таффом и Раймни, от Кардиффа на север до границы с Бреконом; но из расположения работы ясно, что она была построена не самими, а с целью обуздать агрессию тех буйных местных вождей, среди которых Айвор, его сын Гриффит и их сосед Ллевелин Брен (1315) сыграли в свое время заметную роль.

Более того, резиденции Айвора и его потомков, которые, как говорят, в древности находились в Кастелл-Кохе, но известно, что впоследствии они были в Бритдире, в Мертуре и, наконец, в Ване, никогда не были зарегистрированы как в Морле, и вообще маловероятно, что они построили бы такое дорогое жилище на самой границе своих владений и на месте, слишком высоком и скалистом для обычной обработки.

Могут возразить, что, если бы Морле был построен графами Глостерскими, он оставался бы, как и Кэрфилли, в руках главных лордов; поскольку участок Кэрфилли, захваченный Де Клером в царствование Генриха III, все еще остается изолированной частью кардиффского владения посреди поместья Ван; но вполне возможно, что, хотя размер и важность Кэрфилли и его более позднее использование в качестве тюрьмы побудили лордов Кардиффа сохранить его в своем владении, Морле, из-за его умеренных размеров и отдаленного положения, ускользнувшего от внимания, участок был бы демонтирован, и ему позволили бы вернуться к потомкам его первоначальных владельцев, которые все еще владели прилегающим поместьем. Вероятно, вскоре после смерти Лиланда корона позволила своему праву, как тогдашнего лорда Гламоргана, выйти из употребления.

Собственность Морле, включая замок, перешла от потомка Айвора Баха по мужской линии, Томаса Льюиса из Вана, от брака его дочери с графом Плимутом, к семье Виндзоров, в которой она находится до сих пор.

ЗАМОК НОРЭМ, ДАРЕМ.

Замок Норхэм-апон-Твид, “Старый Норхэм”, Королева пограничных крепостей и самый важный оплот между Карлайлом и Бервиком, долгое время был “Опасным замком” на этой спорной территории и самым сильным местом на Границе. Это непреходящий памятник епископального величия, основанный, отреставрированный и поддерживаемый Фламбардом, Падси и Беком, тремя самыми могущественными прелатами, занимавшими

кафедру святого Катберта, и как пример великой нормандской крепости не достоин называться вместе с самим Бамборо. Природная прочность местности привела к ее раннему заселению в целях обороны, и традиции Норхэма соответствуют его архитектурному величию. Здесь римские легионы приостановили свое продвижение на север и возвели земляные укрепления, которые все еще можно узнать и которые, вероятно, были заброшены, когда во время военной оккупации страны в нескольких милях к востоку, недалеко от устья реки, была проложена постоянная дорога. Раннее поселение саксонских королей Дейры, по-видимому, находилось на крутом склоне Иверинг-Белл, древнего Гебриума, отрога хребта Чевиот, примерно в двенадцати милях к югу от Норхэма, где до сих пор сохранились мощные земляные укрепления, которые мистер Рейн рассматривал как следы резиденции знаменитого Эдвина, короля Дейры (585-633), ученика и друга Паулинуса, но который получил свои знания о христианстве и, вероятно, вкус к горным резиденциям от Кадвана Гвинеддского, у которого он получил образование. Поэтому в более поздние времена его преемники перенесли свою резиденцию в Милфилд, местечко недалеко от Кассы и всего в девяти милях от Норхэма. Вероятно, именно отсюда саксонские короли охраняли перевал через Твид, тогда называвшийся Уббанфордом; и вполне возможно, что творение их рук сохранилось на берегах и во рвах, которые не следует путать с лагерем легионов, но которые были объединены с более поздним замком и которые очень напоминают своими очертаниями и мощью другие хорошо известные резиденции девятого века. Здесь, недалеко от этого “Северного дома” преемников святого Кутберта, епископ Линдисфарнский Экфрид в середине девятого века основал приходскую церковь, посвященную этому святому, и поместил в нее останки Кеолвульфа, короля и святого. Два смежных графства Норхэм и Айленд, вероятно, подаренные Освальдом Нортумберлендским Линдисфарну, считаются старейшими владениями Даремского престола и, отделенные от тела епископства, представляли шотландским захватчикам смелый и сильно укрепленный фронт протяженностью в двенадцать миль, от Колдстрима до Бервика. В начале двенадцатого века возник замок, руины которого до сих пор столь величественны и за обладание которым английские и шотландские короли веками боролись с переменным успехом. Великий Эдуард, “Malleus Scotorum”, широко использовал Норхэм в своих войнах, и здесь, как в церкви, так и в замке, перед ним собрались претенденты на шотландский трон, из которых он выбрал одного скорее из-за его раболепия, чем из-за его достоинства. Именно из Норхэма Суррей, Дакр и стражи средней границы руководили тем грозным набегом, который, последовав за Флодденом, пронес огонь и меч почти до ворот Эдинбурга. Но хотя широкий ручей Твид по-прежнему протекает у подножия касл-рок, а скалистые равнины и овраги, составлявшие крепость позиции, по-прежнему остаются неизменными на ее южной границе, все остальное сильно изменилось. Высокие, хотя и разрушенные, зубчатые стены, возвышающиеся далеко над кронами деревьев, все еще, действительно, остаются достопримечательностью местного графства, но с них больше не открывается вид на опустошенные земли и разрушенные деревни, по которым попеременно рыщут англичане и шотландцы, “терзая собранную землю горячими пробами”. Ни в одной части Британии нет полей, возделываемых более искусно, скотомогильников, более богатых хранилищ, хлебов, заполненных скотом высшей породы, фермерских домов, свидетельствующих о большей простоте, или сельскохозяйственных рабочих, лучше способных заботиться о своих собственных интересах. Все это ясно показывает опытному путешественнику, чего достигли крепкие северные земледельцы под бодрящим влиянием свободной торговли.

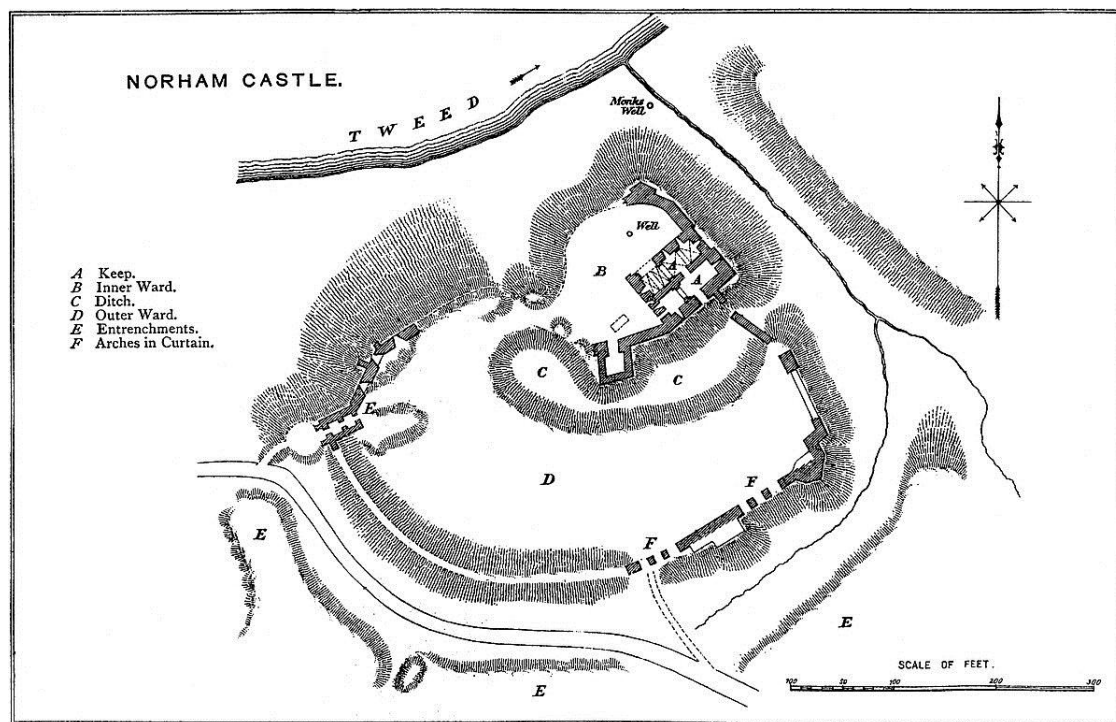
Норхэм занимает ложину большого изгиба реки Твид, которая здесь вырезает “огромный полумесяц, чудовищный выступ” из английского берега, чтобы передать его шотландскому берегу в виде широкого и плодородного луга. Замок стоит на скалистой платформе, юго-западной оконечности утеса, который образует берег реки на значительном расстоянии.

Глубокий овраг обрывает возвышенность на северо-востоке и соединяется с менее заметной впадиной, которая, углубленная искусно, огибает ее и образует южную оборону, пока не выходит на крутой склон, спускающийся к реке и образующий северный и северо-западный фасад замка. За этим рвом, который ограничивал подход из деревни Норхэм, и дальше к югу, находится широкая и ровная платформа, также защищенная глубокими оврагами, на которых можно проследить остатки римского лагеря и менее правильные насыпи и рвы некоторых осаждавших замок. Как в его выборе, так и в способе занятия позиции проявляется большое стратегическое мышление и инженерное мастерство. Он силен как на местном уровне, так и хорошо выбран для защиты Сент-Катберта и нортумбрийской границы от шотландских набегов, а также для отсечения тех захватчиков, которые, продвинувшись на юг, могут быть вынуждены отступить. Описание Симеона Даремского одновременно лаконично и точно. Writing of Flambard, he says: "Condidit castellum in excelso præruptæ rupis super Tuedam flumen, ut inde latronum incursus inhiberet et Scottorum irruptiones. Ibi enim, utpote in confinio regni Anglorum et Scottorum, creber predantibus ante patebat excursus, nullo ibidem, quo hujusmodi impetus repellerentur, præsidio locato."

Слава Норхэма, действительно, была достойно отмечена на каждом этапе его волнующего существования. Его осады, неудачи, репарации, их подробности и стоимость со значительной полнотой отражены в отчетах шерифов и в отчетах Палатинского престола, и, наконец, из-за своего запустения и упадка он был удостоен звания поэта Скотта и историка Рейна.

План замка неправильной формы, повторяющий общие очертания местности. Как и замок Барнард, его форма представляет собой своего рода квадрант, северная и восточная стороны 143 ярда и 108 ярдов в длину, расположенные почти под прямым углом и более или менее прямые, а граница на юго-западе представляет собой изгиб длиной 223 ярда, соединяющий две стороны. Из огороженной таким образом территории северо-восточная часть занята верхним, или внутренним, приходом, план которого примерно квадратный, 57 ярдов к востоку и западу на 47 ярдов к северу и югу, занимая, таким образом, в пределах своих стен 2680 квадратных ярдов. Северная и восточная стороны этого прихода образуют часть общего занавеса целого. Перед двумя другими сторонами находится широкий и глубокий ров, который простирается от восточного оврага до северного обрыва и полностью находится внутри внешнего ограждения, доступная площадь которого, таким образом, значительно сокращается. Все это заключалось в навесной стене, которая там, где она относилась к внутреннему участку, была высокой и прочной, но там, где она относилась к внешнему участку, была неравноценной, будучи высокой там, где она пересекала концы внутреннего рва и вдоль части северного фасада, но в других местах либо очень низкой, либо средней толщины. Большая часть забот инженера была возложена на внутреннюю палату.

ЗАМОК НОРЭМ.

Wyman & Sons, Gt. Queen St. Лондон.

- 68. Сохранить.
- 69. Внутренняя палата.
- 70. Канавы.
- 71. Внешняя палата.
- 72. Окопы.
- 73. Арки в занавесе.

Цитадель, великая и, хотя и представляющая собой всего лишь руины, наиболее хорошо сохранившаяся часть крепости, имеет прямоугольную форму и имеет размеры у основания около 64 футов к северу и югу на 86 футов к востоку и западу, а также имеет или была около 90 футов в высоту. Толщина стен колеблется от 12 до 15 футов, а на вершине, которая недоступна, они достигают 8-10 футов. Восточная оконечность является частью внешней линии обороны и примыкает к занавесу. Южная сторона выходит на внешнюю, две другие - на внутреннюю. Внешние стороны имеют определенные особенности. Юго-восточный угол увенчан двумя пилястрами шириной 11 футов с небольшим выступом, которые, как и аналогичные пилястры в Кенилуорте, поднимаются от грубого, смелого, наклонного цоколя высотой 12 футов, продолжающегося по всему восточному торцу. Эти пилястры имеют различные отступы, уменьшающие их высоту до 10 футов на вершине. Они сходятся под сплошным углом и перекрывают его. Ближе к центру ист-энда находится еще одна несколько похожая пилястра, всего 10 футов шириной, а за ней стена снесена до первого этажа. Левая часть, образующая северо-восточный угол башни, не имела пилястры, но соединена с северным занавесом, который имеет свой возраст. Южный занавес находится не на линии крепости, а выступал с ее южной стороны примерно в 25 футах к западу от юго-восточного угла, где, как видно, он имел толщину 7 футов и высоту первого этажа крепости, или около 30 футов. Это также относилось к эпохе замка. Южный фасад замка, по крайней мере, что касается его внешнего фасада, датируется двумя датами. В центре, но относящаяся к восточной или более древней части, находится пилястра шириной 8 футов, но без выступов. Между этим углом и юго-восточным, над занавесом, также без выступа, находится еще одна

пилястра, шириной всего 3 фута. Плоская стена без пилястр, но с двумя выступами у вершины, занимает следующие 36 футов к западу. Основание кажется старым, но верхняя часть, безусловно, более поздняя, в которую, вероятно, вставлены декорированные окна. Недалеко от западного конца, примерно в 16 футах от угла, находится простая пилястра шириной 3 фута и выступом 6 дюймов, которая поднимается до уровня второго этажа и заканчивается у порога небольшого стрельчатого дверного проема на втором этаже; над этим, на двух верхних этажах, находятся две похожие, но несколько меньших размеров двери. Вероятно, они открывались из вестибюлей с фресками в гардеробные из дерева, выступающие из стены: по крайней мере, трудно предположить какую-либо другую причину такого расположения дверных проемов.

Весь западный фасад здания датирован одним годом; двери и окна относятся к тому же периоду, но сама стена выполнена в нормандском стиле. Занавес внутреннего отделения примыкает к юго-западному углу и имеет около 30 футов в высоту и очень толстый, высоко внутри него находится стенной шкаф, который, возможно, является гардеробной, законченной, вероятно, вскоре после 1431-2 гг. Есть две стрельчатые двери, обе на уровне земли; одна ведет в южную камеру цитадели, другая, ближе к центру, в лестничный колодец диаметром 10 футов, который поднимается в стене на вершину и заканчивается приподнятой квадратной башенкой, характерной особенностью каждого вида на цитадель. Шесть петель, расположенных одна над другой, обозначают линию этой лестницы, а в нескольких футах от верха и над дверью находятся четыре или пять карнизов, которые, очевидно, поддерживали какую-то скобу из дерева, защищавшую дверной проем внизу. Вверху расположены различные витрины, три из двух светильников, с трилистниками, квадратными головками, но украшенные, и другие из одного светильника с квадратными надписями. Ближе к южному концу этого фасада, на уровне первого этажа, находится большой дверной проем с круглой головкой, очевидно, первоначальная главная дверь замка, внешняя лестница, ведущая к которой, убрана. Без сомнения, эта лестница поднималась с северного конца, а комната за занавесом, ныне недоступная, была либо молельней, либо гардеробом, открывавшимся из вестибюля перед дверью. Этот конец, как и юг, в целом идеален.

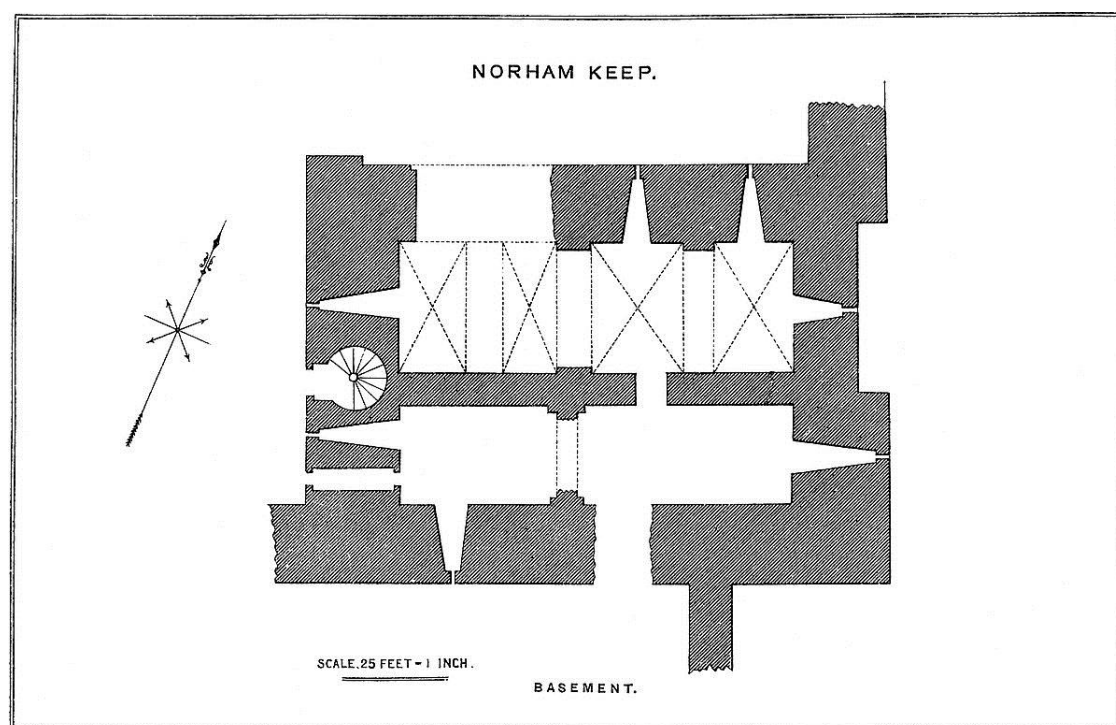
Северный фасад почти полностью демонтирован. Примерно в 15 футах от западного торца остается один дверной косяк на уровне земли. Помимо этого, около 26 футов находится на уровне земли. Остальная часть, около 45 футов, остается на уровне первого этажа и пронизана двумя петлями из подвала.

Внутреннее убранство крепости показывает, что в ней был подвал и четыре этажа, все это было разделено на восток и запад, или продольно, снизу доверху, боковой стеной толщиной 5 футов, от которой сохранилась только нижняя часть. Подвал, расположенный на уровне земли, состоит из северной и южной камер, каждая по 60 футов в длину, северная - 20 футов, а южная - 15 футов в ширину. Южная была разделена поперечной стеной на две камеры, обе с бочкообразными сводами, западная была длиннее. Восточная имеет петлю на востоке, высоко расположенную в растопыренном круглом углублении; а в северной стене есть дверь, ведущая в северную камеру. В южной стене, здесь толщиной 12 футов, на уровне земли есть пролом шириной 8 футов, который, вероятно, представляет собой петлю. Западная камера имеет петлю в южной стене, углубление которой переходит в ствол, образуя пах. В западном конце есть дверной проем и проход в стене толщиной здесь 15 футов, а сбоку от нее петля. Между этими южными помещениями, должно быть, была дверь в поперечной стене.

Северная камера, по-видимому, представляла собой всего одну комнату, разделенную на четыре отсека рифлеными сводами, между которыми каждый отсек представлял собой

широкую плоскую полосу. На восточном конце есть петля и две другие рядом с ней, в северной стене. Два западных пролета разбиты. В западной стене есть петля, а рядом с ней, в северной стене, косяк входной двери, вероятно, каменного проема в подземелье, сделанного в 1429-30 годах и снабженного железными воротами. Высота сводов в этом подвале составляет около 10 футов, и они оригинальные, как в Бэмборо, Митфорде и Ньюкасле, и стены и петли по всему периметру, если смотреть изнутри, тоже кажутся оригинальными, а их внутренняя облицовка выполнена из превосходного ясеня с открытыми или соединенными швами. Остатки поперечной стены показывают, что на первом этаже находились две комнаты, обе, вероятно, сводчатые; южная, безусловно, сводчатая. В каждую вела дверь с западной лестницы. Северная и большая часть восточной стены этой северной камеры исчезли. В западном конце находится украшенное окно в большой круглой нише с плоскими стенами, а рядом с ним вход с лестницы. В восточном конце была петля в расширенном углублении. Южная камера, вероятно, была более низким залом. В его восточном конце находится дверь, ведущая из колодца на лестницу, и еще одна дверь, большая и с круглой головкой, когда-то служившая главным входом. У южной стены видны остатки свода, состоящего из четырех отсеков, разделенных поперечными арками, выступающими из карнизов. В самом западном отсеке располагался камин; в каждом из трех восточных - круглое окно в расширенной нише. В восточном конце находится заостренная ниша и большое стрельчатое окно, все это, очевидно, является вставкой. Высота этого этажа составляла около 12 футов до основания свода.

КРЕПОСТЬ НОРЭМ.

Wyman & Sons, Нью-Йорк^t. Queen St. Лондон.

ПОДВАЛ.

Второй этаж был государственным, а в первоначальном замке - еще и самым верхним. В двух комнатах были низкие открытые крыши, на торцевых стенах которых, как и в Порчестере, видны выступы от непогоды. В эти комнаты входили, в каждую через отдельную дверь, с лестницы-колодца, но северная дверь была пристроена и в нее вделана петля. От северной камеры осталось только большое окно в западной стене, в ниспадающей арке, украшенная

вставка. Если здесь и был камин, то он, должно быть, находился в разделяющей стене. Южная комната, очевидно, была большим залом. В ее восточном конце находится большая нормандская ниша во весь центр с нормандским окном. В западной стене, помимо двери на лестницу, обозначенной здесь квадратной табличкой, есть заостренная ниша и окно. В южной стене есть два смелых круглых углубления, переходящих в маленькие стрельчатые окна, а к западу от них заостренная дверь, вероятно, ведущая в комнату с фресками и сообщающаяся с уже упомянутой дверью на внешней стороне стены.

Первоначально третьего этажа не было, и для обеспечения этого крышу зала сняли, а вместо нее установили плоский потолок, поддерживаемый девятью балками, отверстия для которых сохранились. На них были уложены доски третьего этажа. В западной части северной камеры имелось сегментированное арочное оконное углубление и дверь на лестницу, которая сейчас завалена. В северной камере, вест-энде, была такая же лестничная дверь и стрельчатая оконная ниша. Восточная стена не была прорезана, как и южная, за исключением одного окна и рядом с ним маленькой стрельчатой двери, недалеко от западного торца. Покрытие этого этажа также состояло из девяти балок, на которые опирались доски четвертого этажа.

От этого этажа сохранилось совсем немного. Он также состоял из двух комнат. С северной стороны сохранилась западная стена, но в ней нет ни окна, ни двери на лестницу. В южной комнате в западном конце есть окно, а в южной стене - камин. От этой стены осталось всего около 6 футов в высоту, так что, вероятно, от 4 футов до 6 футов ее верхней части не осталось. Учитывая толщину стен, примечательно отсутствие в этой крепости камер с фресками и галерей.

Первоначально крепость, несомненно, была построена Ральфом Фламбардом в 1121 году, а восточная оконечность и прилегающие половины северной и южной сторон, безусловно, датируются той же датой. Также совершенно очевидно, что крепость Фламбарда была того же размера, что и нынешняя, и весь подвал и своды первого этажа кажутся оригинальными. Вероятно, существовал только один вход, который находился в западном конце на уровне первого этажа, и в этом случае существовала бы внешняя башня или пристройка, прикрывающая лестницу, следы которой, по-видимому, видны на лицевой стороне занавеса, к которому, как и в Кенилворте, она, должно быть, примыкала. Вход довольно простой и без опускной решетки. Говорят, что епископ Падси, правивший с 1158 по 1174 год, восстановил западную половину разрушенной крепости. Возможно, он только восстановил его, поскольку едва ли половина столь солидного здания могла быть разрушена с помощью средств или времени, имевшихся в распоряжении какой-либо банды захватчиков; тем не менее, следует признать, что западная половина существенно отличается от восточной. В последнем цоколь смелый и высокий, а пилястры подчеркивают особенности. В западной части нет ни пилястр, ни какого-либо значимого цоколя, а выступы стены находятся на другой высоте. Если епископ Падси перестраивал западную половину, то он сделал это в поздненормандском стиле, так что внутри работа гармонирует с работой Фламбара. Падси, без сомнения, несколько поднял стены, превратил коньковые крыши второго этажа в плоское покрытие и на полученном и созданном таким образом пространстве пристроил еще два этажа, как это было сделано до уровня одного этажа в Порчестере, Кенилуорте и Ричмонде, а также во многих других нормандских замках.

В Украшенный период, безусловно, произошли большие изменения. На уровне земли в северной и западной стенах были открыты двери. Переднее здание было снесено, и вместо него в центр западной стены была вмонтирована лестница-колодец, чтобы обеспечить новый и удобный подход к каждому этажу; и она была доведена до конца в приподнятой

башенке, что несколько улучшало вид. Вход на эту лестницу находился на первом этаже снаружи, но в подвал она не вела. Вся западная стена и прилегающая половина южной стены были облицованы тесаным деревом, а в окна вставлены оконные переплеты того периода. Все это вполне могло быть работой Энтони Бека, “Пресула Великодушного”, которого в тот период называли “самым доблестным и мастерским автобусным магазином во всей Англии” —

Когда доблесть склоняется перед крестом и книгой,

И коленопреклоненное рыцарство служило лорду-прелату.

Оконные ниши по всему зданию в основном выполнены в нормандском стиле и поэтому почти в каждом случае намного старше окон, которые в них расположены.

Три конца занавески, примыкающие к башне, выполнены того же качества, что и она, и соединяются с ней, и имеют высоту около 30 футов. Проход, идущий на север, ограничен под северо-восточным углом крепким бастионом с выступающим углом 110 градусов, двумя гранями по 17 футов и уступами по 4 фута. Очевидно, это перестройка после введения артиллерии и, вероятно, работа сэра Джорджа Боуза. Эта завеса продолжается еще на 30 футов вдоль берега реки и оттуда разрушается. Кухня, по-видимому, находилась в углу, холл рядом с ней, а затем часовня, и все это было построено напротив северного занавеса. Стоящий сейчас занавес полностью соответствует тому, что в обзоре 1515 года называется длинной высокой стеной от Донжона до северо-западного конца кухни (44 ярда в длину и 30 футов в высоту, увеличенной таким образом, чтобы иметь толщину 28 футов). Нам говорят, что в 1551 году часовня имела размеры 30 на 18 футов, со стенами толщиной 8 футов и со склепом внизу, способным вместить 20 лошадей, и “чуланом” наверху, и что зубчатые стены над этим чуланом и длинной стеной были одинаковой высоты и, таким образом, простирались от северо-восточного угла крепости до ее юго-западного угла. В очень подробном отчете сэра Джорджа Боуза о замке он советует укрепить эту стену, засыпав холл и другие постройки землей и образовав холл на первом этаже цитадели, которая, по-видимому, тогда представляла собой такие же руины, как и в настоящее время. Переходя к юго-западному углу крепости, откуда начинается южный занавес этого внутреннего блока, также высотой 30 футов и очень толстый, он продолжается на 50 футов, а затем прерывается почти прямоугольной башней—бастионом с выступом в 40 футов и шириной в 30 футов, “маленьким бастионом” 1551 года; - украшенная вставка для обеспечения фланговой защиты там, где это было очень необходимо. В задней части этой башни, которая, вероятно, имела характер бастиона, то есть не выше занавеса, находятся остатки зданий. За ней высокий холм из земли и мусора отмечает линию, но скрывает остатки остальной части занавеса. В этом холме, к западу, проход отмечает положение сторожки. Колодец остается рядом с северо-восточным углом палаты и указывает на общее расположение кухни.

The *Внешний двор*, или та часть замка, которая находится за пределами рва внутреннего двора, имеет форму луны, 50 ярдов в самой широкой части. Эту канаву с обоих концов пересекал занавес. Нижняя часть стены на восточном конце все еще сохранилась и имеет толщину около 8 футов и высоту 30 футов, пронизанная нормандской аркой, вероятно, для задней двери, как в Карлайле. Занавес вдоль северного фасада исчез. Склон там очень крутой, и во времена сэра Джорджа Боуза этому доверяли, а стена представляла собой всего лишь низкий бруствер. Дальше к западу, до нижней сторожки, стена была перестроена. Ее толщина составляет около 15 футов, высота - 10 футов внутри и от 15 до 20 футов снаружи. Вероятно, частично он покоится на нормандском фундаменте, но надстройка выглядит украшенной или более поздней. Он был прорезан глубокими углублениями шириной 11

футов под плоской аркой, изогнутой в виде петли, и предназначался для того, чтобы прикрывать подход из города к внешним воротам. Сохранились три таких углубления, и, вероятно, там были еще два.

Нижняя сторожка представляет собой прямоугольный блок длиной 40 футов и шириной 20 футов с 30-футовым выступом внутри занавеса. Он пронизан проходом шириной 15 футов, уменьшенным на каждом конце и в центре опорами ворот до 12 футов. На этих опорах были установлены ребра жесткости для усиления бочкообразного свода прохода. Арки были круглыми. Опускной решетки не было. Перед воротами, как и в Тикхилле, находятся две выступающие стены, между которыми, вероятно, был подъемный мост. Там был верхний этаж. Эта сторожка, очевидно, нормандская, и, без сомнения, работы Фламбара.

От сторожки на восток примерно на 130 ярдов занавес представлен высоким и крутым валом земли и мусора, который, без сомнения, является ее основанием. Земля поднимается, и первоначальный берег, а также завеса над ним, очевидно, были подняты, чтобы контролировать платформу напротив рва и за ним, которая, по-видимому, была излюбленной позицией осаждающих. Занавес возобновляется и продолжается на протяжении 80 ярдов вдоль возвышенности, образуя восточную оконечность южного фасада. Эта часть занавеса очень любопытна, и ее не так уж трудно понять. На ней сохранились остатки одного или, возможно, двух многоугольных бастионов, но по линии стены, между ними, находятся шесть круглых арок с размахом около 12 футов, исходящих из квадратных опор шириной около 3 или 4 футов. Большая часть каменной кладки настолько груба, что, очевидно, предполагалось, как и в замке Саутгемптон, засыпать ее землей, хотя непонятно, почему, несмотря на превосходный фундамент, следовало использовать такой способ поддержки занавеса; но первая, то есть самая западная, из этих арок сделана из тесаного камня и, по-видимому, служила воротами, и, вероятно, это ворота, упомянутые в истории замка как ворота, неумело подвешенные на пескари, расположенные так, что их можно было поднять снаружи. За этими арками и бастионами занавес делает резкий поворот и проходит на север 60 ярдов, чтобы пересечь ров и присоединиться к крепости.

Перед нижними воротами, за рвом, находится небольшая площадка, которая, без сомнения, была обнесена частоколом, чтобы прикрывать вход и ограждать барьеры.

Арка, описанная, вероятно, как ворота, могла быть предназначена для облегчения входа жителям деревни и их скоту в случае набега. Говорят, что Фламбард предназначил внешнюю стену для обеспечения такого укрытия, и глубокий внешний ров также использовался таким образом. В последнее время появились жалобы на то, что, хотя раньше замковый ров при любых обстоятельствах был безопасным местом для жителей деревни и их имущества, теперь они подвергаются нападению и захватываются шотландскими риверами под самыми стенами крепости.

Говорят, что южный и внешний ров использовался как заводской бассейн, устье которого было закрыто плотиной. Считается, что этот ров был выкопан в 1495 году; но хотя затем его, возможно, углубили и соорудили плотину, он всегда должен был быть частью первоначальной обороны.

Хотя нет никаких упоминаний о какой-либо крепости или резиденции здесь до времен Фламбарда, наиболее вероятно, учитывая расположение и земляные укрепления, что именно так ее использовали саксонские короли Дейры. Эти земляные работы и общая обработка участка полностью английские, точно так же, как способ, которым они сочетаются с работами в каменной кладке, полностью нормандский.

Подлинная история замка начинается с 1121 года, когда епископ Фламбард, по свидетельству Ховедена, заложил его. Вероятно, крепость Фламбара во многом напоминала ее по очертаниям и размерам, за исключением того, что она была на 10-20 футов ниже той, которую мы сейчас видим, и его внутренняя и внешняя палата обязательно должны были соответствовать нынешней и по большей части находиться в пределах существующих стен. Пятнадцать лет спустя, в 1136 году, замок был взят Дэвидом, королем Шотландии, и несколько месяцев принадлежал его племяннице, императрице Мод, пока по договору со Стефаном он не был возвращен епископу. Давид, однако, снова атаковал и захватил его в 1138 году, когда, как говорят, он сильно пострадал и был разобран.

Епископ Хью Падси, или Пюизе, предположительно приходившийся племянником Стефану, унаследовал престол Дарема в 1153 году и, вероятно, по предложению Стефана восстановил крепость. Что он сделал, очень трудно определить, поскольку по прошествии сорока лет стиль архитектуры, использовавшийся в то время, существенно не изменился, но что бы это ни было, оно ограничивалось западной частью крепости и не затронуло восточную оконечность. Его средства были собраны путем отправки его архидьякона по стране с фрагментом намотки святого Катберта, предназначенной для показа только подписчикам. Труды Пюизе были слишком успешными, поскольку, будучи заподозренным в склонении к партии принца Генриха и шотландцев, он был призван Генрихом II. отказаться от Норхэма вместе с замками Дарем и Норталлертон, и сделал это в 1174-17 годах, когда его кастелян Роджер де Коньерс был заменен Уильямом де Невиллом. Вскоре после этого, после уплаты пошлины в размере 2000 марок, замки Дарем и Норм были возвращены престолу: Норталлертон был разрушен. После смерти епископа в 1195 году Норхэм снова перешел в руки короля, и на его содержание было выплачено 29 6,8 млн. фунтов стерлингов.

Предполагается, что король Иоанн бывал здесь четыре раза за время вакантности престола и последующего владения замком короной. Во-первых, 4 августа 1209 года, единственный визит, зафиксированный в его маршруте, когда он готовился вторгнуться в Шотландию. Он пробыл по меньшей мере три дня, поскольку, как указал мистер Рейн, документ, приведенный в "Fœdera", датированный 7 августа, Нортгемптон, явно из Нормеа. Немного позже он, по-видимому, заключил здесь договор с Вильгельмом Львом, который был подтвержден на другой встрече примерно в ноябре 1211 года, когда Вильгельм привел своего сына Александра, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Говорят также, что он нанес еще один визит. Все, что можно показать, это то, что в апреле 1210 года он был в Дареме, а в 1213 году - в Уоркуорте, местах, до которых легко добраться от Норхэма.

В 1215 году замок был безуспешно осажден в течение сорока дней Александром, королем Шотландии, который оттуда двинулся в Англию, оставив непокоренными Норхэм и Бамборо у себя в тылу. Он ушел в отставку раньше Джона, последователи которого форсировали шотландскую границу вплоть до Эдинбурга.

В начале правления Генриха II, в 1219 году, Норхэм посетил Пандульф, легат, который недавно посвятил епископа де Мариско в сан престола. С ним прибыли Стефан де Сегрейв со стороны Англии и король Александр, чтобы урегулировать споры между двумя королевствами. После смерти епископа в 1226 году и даже после хиротонии епископа Поэра в 1228 году Норхэм находился под властью короны. В 1258 году Роберт Невилл из Раби был констеблем короны. Епископ Энтони Беке унаследовал престол в 1283 году и занимал его до 1310 года. Он был скорее воином и государственным деятелем, чем священником, и сыграл заметную роль в северных операциях Эдуарда. В мае 1291 года Эдуард I. находился в Норме

в сопровождении большого собрания северных баронов, чтобы встретиться, выслушать и решить между претендентами на шотландскую корону. Эдуард жил в замке; шотландцы были расквартированы в Ледикирке, затем в Апсетлингтоне, за Твидом. Судебное разбирательство было открыто 10 мая с большой помпой в церкви Норхэма, и в той же церкви, которая существует сейчас, Эдвард 3 июня получил признание своих полномочий истцами. Затем заседание суда было перенесено в Бервик, и Балиол, который, как говорили, был обязан своим выбором интересам епископа, отдал дань уважения Шотландии в Ньюкасле. В 1296 году епископ Беке поднял знамя святого Кутберта и сопровождал своего государя в Шотландию во главе 140 рыцарей, 1000 пеших и 500 всадников, причем он сам вел их в доспехах. В свитке Кэрлаверока он описывается как...

Le noble eveske de Doureaume,

Le plus vaillant clerk de Roiaume.

Эти войска составляли авангард королевской армии и дошли до Абердина. Он участвовал и в более поздних кампаниях, и в одной из них был ранен. Его власть и высокомерие были, однако, слишком велики для подданного и вызвали недоброжелательство Эдуарда, которого, однако, он пережил, умерев в 1310 году. Беке был великолепным строителем, и, вероятно, именно ему следует приписать облицовку той части замка, которая была отреставрирована Падси, а также установку большой лестницы-колодца и украшенных оконных рам. В 1314 году епископ Келлоу передал замок короне и Эдуарду II. говорят, что там был проведен некоторый ремонт. В 1316 году он был возвращен престолу. Норхэм в полной мере испытал проблемы на границе во время слабого правления Эдуарда II. Его капитан, Томас Грей, дважды подвергался осаде со стороны шотландцев, один раз в течение двенадцати месяцев и один раз в течение семи месяцев. Однажды внешний рубеж был взят, но так как после трехдневного владения противник не смог произвести никакого впечатления на внутренний рубеж, они отступили со столь опасной близости. Позже, в 1322 году, он был взят, но восстановлен лично Эдуардом после десятидневной осады. В 1327 году, в ночь коронации нового монарха, он был близок к тому, чтобы быть захваченным предательством, но заговор был сорван Томасом Мэннерсом, тогдашним капитаном. Эдуард II. считается, что в замке были выполнены великие работы.

Эдуард III. нашел Льюиса Бомонта на престоле Дарема. Епископ вернул Норхэм, хотя и с некоторыми трудностями, но замок Барнард оставался отчужденным. В 1335 году его преемник, епископ Бери, провел рукоположение в Нореке.

В 1356 году, через десять лет после битвы при Невилл-Кросс, шотландцы сожгли Норхэм, вероятно, деревню, и захватили врасплох город, но не замок Бервик, который продержался до прибытия Эдуарда III из Кале, когда оскорбление было полностью отомщено, а епископ Хэтфилд засвидетельствовал отказ Балиола от короны в замке Роксбург в 1357 году. Во времена правления Генриха IV, V и VI Норхэм находился в хорошем состоянии и играл определенную роль во всех крупных сделках на Границе. Отчеты, которые ведут епископы Дарема, очень обширны и содержат много любопытных технических и местных слов. Внешний мост был отремонтирован из дерева в 1405 году, как и крыша Рех или Rox hall в замке. Для колодца было изготовлено колесо с осью, пескарями и ведром. Большая и другие комнаты, а также кухня были отделаны свинцом. Упоминается часовня и капеллан. Ночи были долгими и холодными, сторожам было выплачено дополнительное жалованье, в часовне было разрешено зажигать свет, а во всем замке, за исключением большой башни, был произведен ремонт. В 1408 году западные ворота были полностью перестроены за 298

дней и обошлись в 376,7 фунтов стерлингов. Вряд ли это нижние или внешние ворота на крайнем западе, которые намного старше, и, вероятно, были внутренними воротами, которые также находятся к западу от крепости. Упоминается “Лес скафальд” и деревянная ограда вокруг башни. В 1422 году была построена “новая башня внутри замка”, а в 1426-7 годах из кузниц епископа в Окленде были доставлены четыре железные двери.

В 1429-30 годах, во время епископата кардинала Лэнгли, “quædam nova latrina” была пристроена к западной стороне большой башни, работа не была завершена в 1431-2 годах. Также под сводом Донжона великой башни был проделан большой каменный дверной проем, вероятно, дверь в северной стене, от которой сохранился один косяк. Дверной проем был снабжен железной дверью. У колодца было новое колесо, а в замке была построена новая конная мельница.

До сих пор епископы, когда владели замком, занимали его своими собственными офицерами, но в 1435 году кардинал ввел практику сдачи его в аренду на определенный срок какому-нибудь могущественному капитану, который был обязан содержать и защищать его, и получал за это хорошую плату. Эта практика была признана удобной, и впоследствии к ней нередко прибегали. Иногда кажется, что епископ наделял арендатора должностями констебля замка, шерифа и попечителя престола. Епископ Фокс начал свое правление в 1495 году с углубления внешнего рва, и, действительно, веяние времени сделало разумными все возможные меры предосторожности для обороны.

В том же году Генрих VII, встревоженный приемом Уорбека в Шотландии, приготовился к войне: епископу был отдан приказ о подготовке к походу, и лорд Суррей принял командование к северу от Трента. Король Яков пересекал границу с Шотландией два года подряд, а во второй, 1497 году, лично предстал перед Норэмом. Он был сильным и с хорошим гарнизоном, и, по некоторым сведениям, епископ сам бросился в крепость, внутри которой укрылась вся окрестная местность. За шестнадцать дней ожесточенного штурма внешняя оборона сильно пострадала, но в город не вошли, и Суррей пришел им на помощь. Затем епископ сложил с себя мирскую власть и отлучил Редесдейл и Тиндейл от церкви. В сентябре 1498 года он был в Норэме и снял свое порицание с жителей границы, которые подчинились. Хамерлин и Гарт, его лейтенанты во время осады, были отправлены на пенсию за храбрость при обороне.

В 1513 году, 22 августа, в год Флоддена, король Яков форсировал Твид, и 29-го Норхэм с несовершенным гарнизоном был сдан ему и подвергся очень жестокому обращению. Значит, король

Потратил впустую свое время с дамой Херона,

в то время как его армия взяла Этал, Уорк и Хетон, а также небольшие владения Тилмут, Шорсвуд, Твизел, Даддо и Торнтон. За этим проблеском успеха последовало поражение при Флоддене, после которого в 1514 году лорд Дэйкр опустошил шотландскую границу вплоть до Бортвика. Если епископский гарнизон проявил недостаток храбрости во время атаки Джеймса, то основные силы епископства проявили себя во Флоддене, где они возглавили авангард под командованием сэра Уильяма Балмера. Это было последнее появление знамени святого Кутберта в открытом поле, и как бы часто оно ни демонстрировалось, оно ни разу не сопровождалось поражением. Епископ Рутал снова привел замок в порядок; внутренняя палата и цитадель были приведены в порядок, и много денег было потрачено каменщиками и плотниками на работы по возведению стен и крыш. Шотландцы называли замок “поверженным и разрушенным до основания”, фраза, которую, однако, не следует понимать буквально. Бишопс-Миддлхэм, как говорят, был разграблен ради материалов для

Норхэма. К 1515 году замок был приведен в порядок, снабжен продовольствием и гарнизоном. Стены были заминированы в качестве меры предосторожности против “распиливания” или взрыва. Внешние стены были укреплены и снабжены “Убийцами”, хорошо известными боеприпасами того времени. Когда все было сделано, каменщиков отправили сносить Домашний замок.

Кажется, ничто не продержалось в Норэме долго, потому что Уильям, лорд Грейсток, капитан, нашел внешнюю защиту настолько разрушенной, что она стала беззащитной. Его четыре башни были слишком низкими, но внутренний двор считался, “с Божьей помощью”, неприступным. В это время длинная стена между внутренними воротами и нижними воротами рядом с водой была готова к штурму. Четыре башни должны были быть возведены из тесаного дерева, и карьерный мусор был готов засыпать три из них. Уолси владел престолом с 1522 по 1528 год, но, похоже, не беспокоился о замке.

Около 1530 года шотландцы появились перед Норэмом, но замок был спасен доблестью архидьякона Франклина, у которого был особый герб, присвоенный ему Генрихом VIII. за эту услугу. В то время здесь были обычные конюшни на 60 лошадей, хлевы для крупного рогатого скота, которые при необходимости могли вместить еще 50 лошадей, а под часовней было место еще для 20, или всего для 130. Помимо запасов соленого мяса, рыбы и зерна, под стенами замка каждую ночь лежали 6 откормленных волов и 400 овец. Гарнизон состоял из 59 человек, не считая детей. Такое состояние обороны, вероятно, было вызвано слухами об измене, которые побудили Тайный совет дать указание герцогу Норфолку “позаботиться об этом”. Епископ Танстал, похоже, поддерживал оборону во время правления Марии.

Однако в последующие несколько лет произошли большие перемены. В 1542 году замок был окончательно приведен в порядок епископом Тунсталем; но в 1551 году епископ был лишен этого звания, и замок, как сообщалось, снова нуждался в ремонте. Стена внутреннего двора, ведущая к Твиду, прогнила, вода попала в нее при удалении свинца из соседних зданий, и была в таком состоянии, что очень легкой батареи на шотландском берегу хватило бы, чтобы снести ее вместе с прихожей и кухней. Половина крепости уже давно пала. Репортер, сэр Джордж Боуз, указывает на слабость этого места, а затем, очень подробно, на то, как старый замок можно было сделать обороняемым в условиях современной войны. Особенно он обращает внимание на отсутствие укреплений по флангам. Внешняя стена прихода с востока, запада и юга старая, тонкая и непрочная, а ее маленькие сторожевые башни плохо расположены по флангам. Северная стена представляла собой низкий парапет, а внешние ворота охраны висели так, что их можно было поднять снаружи. Он советует засыпать холл и кухню землей, чтобы поддержать стену ривер-урд, и построить зал на руинах крепости. Говорят, что он понизил крепость на один этаж, сохранив только лестничную башенку в качестве наблюдательного пункта. Вероятно, именно в это время был построен северо-восточный бастион и сделаны амбразуры во внешней сторожевой стене.

В 1557 году перед замком, на пространстве между мостом и железными воротами, произошла драка. В том месте находилось всего четверо мужчин. В 1559 году Танстал умер, и замок был окончательно и по закону отделен от престола Дарема и принадлежал короне, причем лорд Хансдон арендовал его у Елизаветы. Представители лорда Хансдона, Кэри, были уговорены Джеймсом расторгнуть договор аренды с Хоумом, графом Данбаром, в пользу которого собственность была преобразована в собственность *socage*, принадлежащую короне. Однако уже в 1583 году он использовался как место обороны, вероятно, для пограничной полиции, и в нем работали капитан конницы, прапорщик, трубач, привратник и помощник привратника, мастер-артиллерист, квартирмейстер-артиллерист, 16

артиллеристов, капеллан и хирург, что обходилось не менее чем в 1703,68,8 фунтов стерлингов в год.

История замка Норэм и графства будет изложена очень подробно и с большой точностью в книге преподобного Джеймса Рейна "История Северного Дарема".

НОТТИНГЕМСКИЙ ЗАМОК.

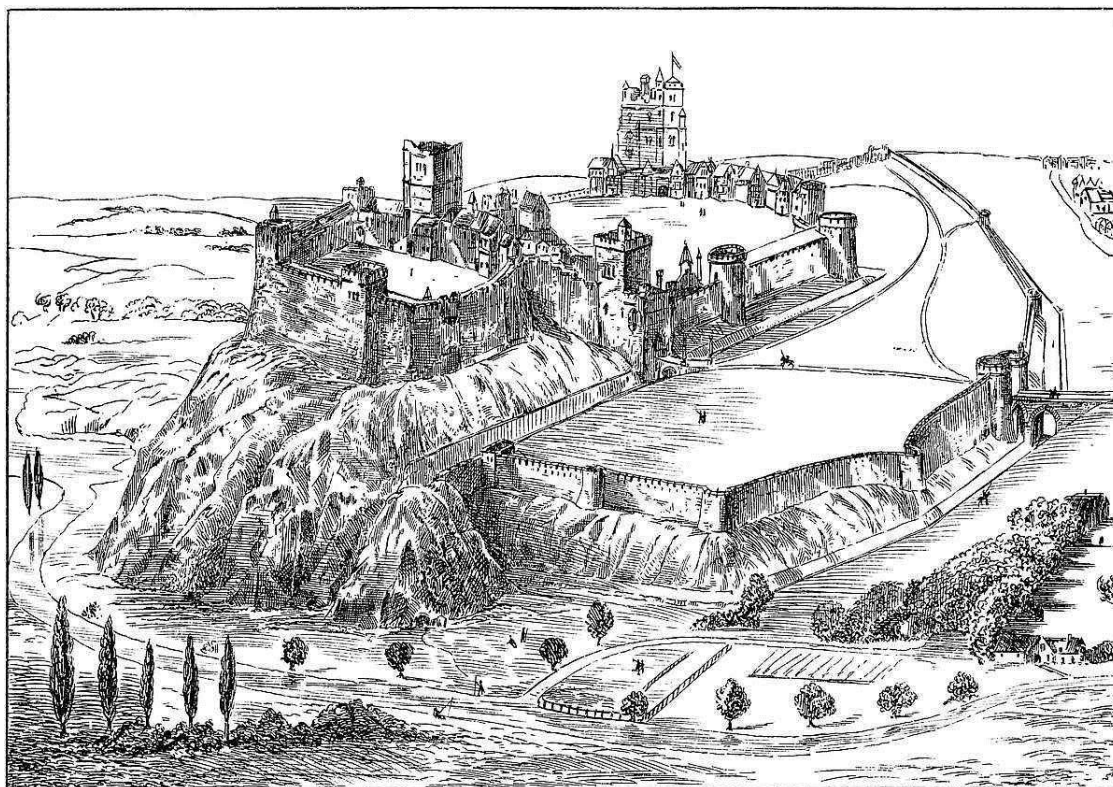
Прилагаемый рисунок, взятый из "Иллюстрированных лондонских новостей", превосходно отражает внешний вид совершенного замка первого класса в Ноттингеме в шестнадцатом веке. Нормандская крепость видна на занавесе между двумя палатами. Меньшая, или внутренняя, палата оригинальная, нормандская. Он был окружен высокой и прочной завесой, повторявшей очертания скалы, на которой он стоял, и укрепленной по трем наиболее открытым углам прямоугольными башнями, не выступающими наружу. По двум сторонам двора располагались жилые помещения, а в стене был задний ход с наружными ступенями. Главные ворота этого прихода располагались с лицевой стороны рядом с башней, рядом с крепостной башней, и были прикрыты средним входом. К первоначальному замку была пристроена, вероятно, в правление Иоанна или Генриха III, вторая или средняя палата, имеющая вход через основание квадратной башни, расположенной таким образом, чтобы закрывать наименее защищенный угол первоначального замка. Квадратная башня, служащая сторожкой, показывает, что это сооружение было ранним, вероятно, не позднее правления Иоанна. Эта палата была отгорожена прочным занавесом с цилиндрическими фресковыми башнями смелого выступа и располагалась таким образом, чтобы закрывать одну сторону внутренней палаты, и имела свой собственный ров. Опять же, за пределами двух предыдущих обсервов, расположенных таким образом, чтобы прикрывать их с двух сторон, а сторожевую башню - с одной стороны, находился большой внешний обсерв, рассчитанный на размещение небольшой армии. Этот квартал также был обнесен круглыми бастионными башнями, то есть башнями на стене, но не возвышающимися над ней. В нем также было две или, возможно, три сторожки и ров. Полное разрушение столь благородных остатков ранней военной архитектуры вызывает большое сожаление.

На рисунке изображены Трент и замковая мельница, но не два бурга, упомянутые в англосаксонской "Хронике" как охраняющие реку.

ЗАМОК ОДИХАМ, ХАНТС.

ПРИМЕРНО в миле к северо-западу от города Одихэм, в пригороде Норт-Уорнборо, стоит то, что осталось от этого древнего замка. Он расположен на левом берегу Уайтуотера, довольно полноводного ручья, который берет начало примерно в двух милях к югу и течет на север, впадая в Лоддон у Своллоуфилда. Вокруг замка земля низкая и ровная, и, как следствие, очень влажная. Бейзингстоукский канал был проложен через болото, и теперь он заброшен и зарос сорняками, что усугубляет унылость пейзажа. Это место, без сомнения, всегда было

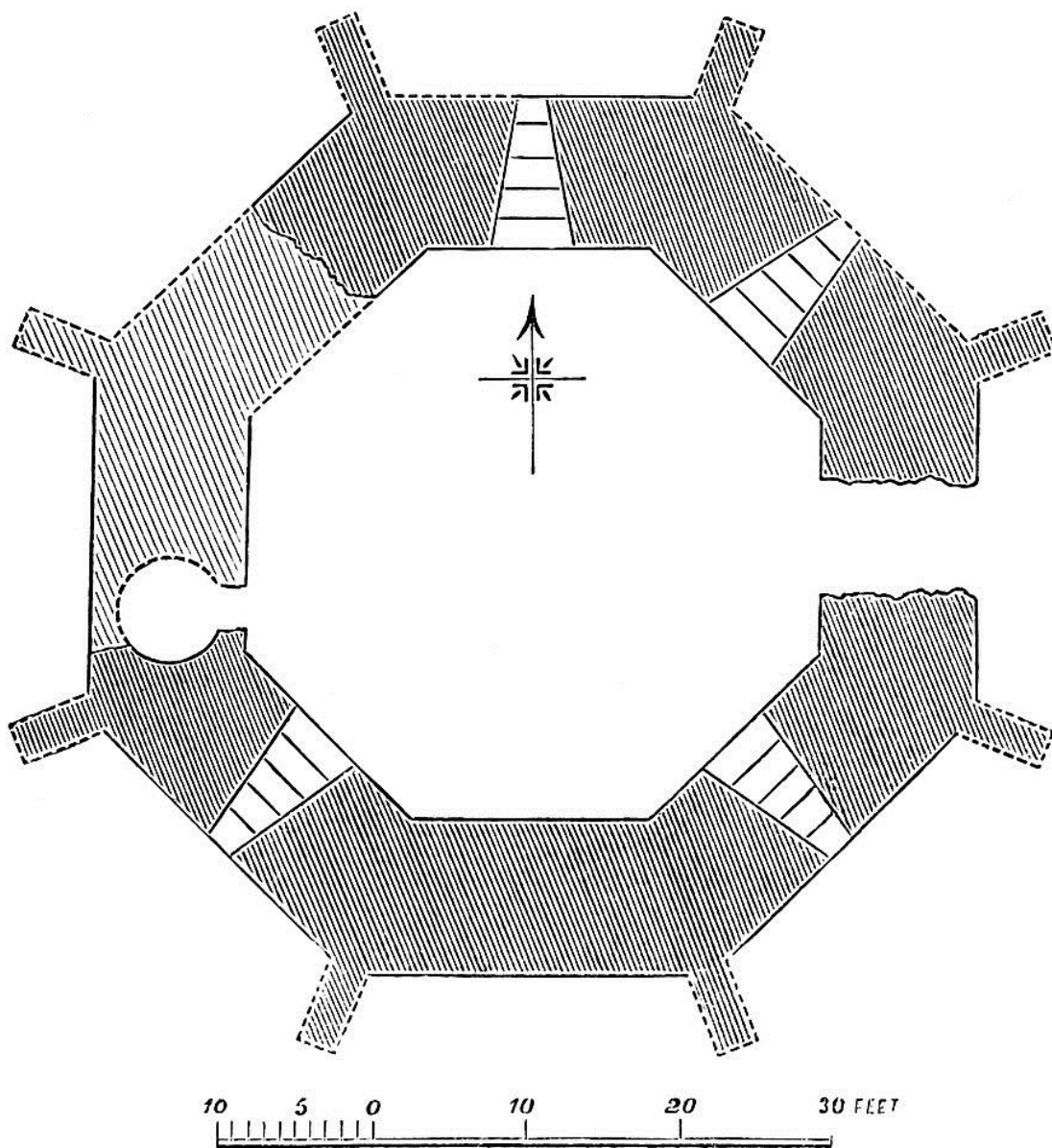
сильным, а открытый лес вокруг него благоприятствовал сохранению дичи и более диким видам спорта, которыми монархи Плантагенетов получали большое удовольствие.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

НОТТИНГЕМСКИЙ ЗАМОК В ШЕСТНАДЦАТОМ ВЕКЕ.

Какими бы ни были размеры замка в его великие дни, остатки каменной кладки ограничены единственной башней, которая сейчас находится в очень полуразрушенном состоянии. Эта башня представляет собой восьмиугольник, описанный внутри круга радиусом около 29 футов, грани которого не совсем равны и составляют в среднем 22 фута 6 дюймов. Толщина стен, включая обшивку, составляла 10 футов; таким образом, внутренние грани в среднем составляли 14 футов 9 дюймов, а внутренний диаметр от лицевой до лицевой стороны составлял 38 футов. Под каждым углом установлен контрфорс выступом в 4 фута и шириной в 2 фута, поднимающийся до вершины или почти до нее здания, которое сейчас имеет высоту около 60 футов и которое, поскольку парапет и часть стены исчезли, могло быть на 8 футов выше. Поскольку верхушки некоторых верхних окон сохранились, можно сделать вывод, что высота в завершенном виде не превышала 68 футов.

ПЛАН МЕСТНОСТИ ЗАМКА ОДИХАМ, ХАНТС.

Материал башни представляет собой конгломерат мелких кремневых конкреций, замешанных в большом количестве очень хорошего строительного раствора. Весь фасад, по-видимому, был облицован небольшими тесаными блоками, возможно, из канского камня. Оболочка исчезла, но строительный раствор сохранил более или менее идеальные очертания камня. Тот же камень использовался внутри для облицовки проемов, для полосы высотой около 4 футов у основания стены и для облицовки внутренних углов. В этих двух последних местах часть тесаного дерева была оставлена нетронутой. Примерно треть башни, включая большую часть двух западных фасадов, обрушилась; но хотя оставшаяся часть очень грубая и представляет собой просто массу кремневого конгломерата, скрепленного превосходным строительным раствором, сохранились ядра контрфорсов и достаточное количество углублений в оконных проемах, чтобы показать что-то от их первоначальной формы и размеров.

Башня состоит из подвала и двух этажей. Цокольный этаж находится примерно на 6 футов ниже внешнего уровня земли. Он был около 12 футов в высоту, и шесть из его восьми граней, по-видимому, были прорезаны. Из этих отверстий пять начинаются внутри на высоте 4 футов от пола. Они были круглыми и шириной 4 фута. Они сходились на обычной петле, и когда

выступ поднимался на шесть ступеней, основание петли находилось примерно на фут выше внешнего уровня земли. Три из этих ниш достаточно совершенны; еще одна, судя по внешнему виду в стене наверху, могла быть дверью в основание лестницы-колодца, поднимающейся в стене на вершину. Такая лестница, вероятно, там была, и углубление в стене больше похоже на лестницу, чем на дымоходную шахту или вентиляционное отверстие в гардеробе, и ослабление стены из-за такой лестницы могло бы объяснить ее падение с этой стороны. Лестница, если таковая имела, занимала южный конец юго-западной стены. Два проема в подвале были названы дверными проемами для входа извне. То, что осталось, вряд ли приводит к такому выводу, и крайне маловероятно, что на первом этаже должна была быть дверь, когда она определенно была на втором этаже. План сэра Э. Хоума, упомянутый ниже,^[11] показывает что-то вроде лестницы в центре башни, как бы спускающейся на цокольный этаж. От этого не видно и следа, и в такой влажной почве камера, расположенная намного ниже поверхности, обычно была бы заполнена водой. Что касается входа на первом этаже, то очень возможно, что здесь, как обычно, подвальное окно в наше время для удобства входа было преобразовано в дверь, и таким образом был создан нынешний вид.

Первый, или государственный, этаж имел высоту около 30 футов. Его южную сторону занимал очень вместительный камин с ярким колпаком и каминной доской из ясеня, ныне исчезнувшей, у него была круглая спинка и большая круглая шахта дымохода, вертикально уходящая в толщу стены. Из остальных семи граней две исчезли, а четыре пронизаны высокими круглыми арками, шириной около 8 футов и слегка изогнутыми. Они, без сомнения, заканчивались маленькими сдвоенными окнами. На восточной стороне есть проем без косяка, очевидно, дверной проем, и, без сомнения, главный вход с внешней лестницей, как в Брунлессе и Конингсбурге. В соседнем торце находится большой квадратный шкафчик.

На верхнем этаже также был камин, поменьше, над камином на парадном этаже и перед его дымовой трубой. Эта меньшая шахта, по-видимому, была сделана из ясеня. Свод камина состоит из трех колец, каждое из которых выложено большими тонкими красными изразцами и имеет очень римский вид. На этом этаже оконные ниши были расположены парами, по два с каждой стороны. Из них сохранилось три с половиной пары, или семь оконных арок. На восточной стороне находится небольшой шкафчик. Возможно, высота этого этажа составляла 18 футов.

Полы были деревянными и состояли из больших балок, уложенных примерно в 6 дюймах друг от друга. Поскольку стена на всем протяжении имеет одинаковую толщину, отступов нет, а в стенах проделаны квадратные углубления для балок. Поскольку эти углубления не параллельны, а расходятся лучами, ясно, что пол опирался, как в башне Уэйкфилд в Лондонском Тауэре, на центральную опору или столб.

Здесь нет никаких следов какой-либо настенной камеры любого рода.

История этой башни, характер ее облицовки, толщина стен и округлые очертания сохранившихся арок указывают на нормандский, или начало раннеанглийского, периода. Тем не менее, по плану он сильно отличается от обычных нормандских сооружений, а контрфорсы, явно оригинальные, характерны для гораздо более позднего периода. Если это нормандский или переходный стиль, то он действительно очень поздний по стилю; еще во времена правления Ричарда I. Но следует признать, что контрфорсы гораздо больше соответствуют эпохе правления Ричарда II.

Башня стоит почти в центре примерно круглой платформы диаметром около 38 ярдов, слегка приподнятой над болотом и окруженной рвом. За этим рвом, на северо-восточном фасаде,

есть еще одно ограждение со своим рвом, и канал, по-видимому, был проведен через что-то такого же характера. Все это выглядит так, как будто здесь раньше было укрепление из земли и дерева, возможно, резиденция саксонца Одо, о котором ничего не известно и не предполагается, кроме его имени.

Нет никаких следов какой-либо другой каменной кладки, кроме башни, и если бы она стояла отдельно, это объяснило бы чудесный подвиг замка, который тринадцать человек много дней удерживали против армии дофина. Конечно, протяженность стены, которую мог бы защитить такой маленький гарнизон, была бы очень ограничена; но с такой башней, как Одихам, хорошо снабженной продовольствием и несгораемой дверью, армия, особенно не обеспеченная рудничными инструментами или военными машинами, что не было бы невероятным в случае вторжения войск, могла бы сделать очень мало. Тем не менее, некоторые записи, относящиеся к замку, указывают на другие здания, помимо башни, хотя все следы от них сейчас исчезли.

У Одихама не было истории до времени Страшного суда. То, что это была резиденция саксонского лорда, следует из его названия, хотя некоторые авторитетные источники отвергают “Одо” и его “Хаме” и заменяют его Вудихамом, Удихамом, Одихамом - этимология, без сомнения, достаточно применимая к этому району.

В книге "Судный день" записано, что король Вильгельм удерживал Одихам во владениях; им владел граф Гарольд. Он дважды упоминается в этой записи и был в сотнях Эдефеле и Бермесплета, хотя также названа сотня Одихама. Ничего не говорится о замке, и имя епископа Винчестерского, которому это обычно приписывалось, не встречается ни тогда, ни впоследствии в связи с лордством, районом или замком. Среди королевских арендаторов встречаются некие “тайни регис”, которые были представлены в правление Эдуарда I. “Homines et sokemannī regis”, у которых тогда было общее пастбище в Одихаме.

Ричард I владел Одихамом. В первый год его правления определенные платежи вносятся в связанные с этим ведомости Казначейства. Роджер Фитц-Ренфрид потратил 20 шиллингов на тамошний коровник; Уильям де Бенд - 100 шиллингов; а шериф - 12 шиллингов за землю, принадлежащую Ричарду де Роллосу. Город также оштрафован на 20 долларов за убийство.

Одихам часто упоминается в одних и тех же списках во времена правления Иоанна, который был там девятнадцать раз за девять лет, всего по меньшей мере на сорок дней. В 3 Иоанна Уильям де Бенд, вероятно, представлен Адамом де Бендергесом, который появляется вместе с Ричардом де Ролло.

5 Иоанна. У жителей Одихама была хартия на поместье, и они удерживали виллу на ферме фи за штраф в размере 100 марок или 35,4 фунтов стерлингов арендной платы.

6 Иоанна, 1204. Король Иоанн был здесь 28 июля. Вероятно, у него здесь был дворец, поскольку такой определенно был немного позже в Одихеме, и говорят, что он представлен фермерским домом, до сих пор известным как “Палас” или “Плейс Гейт”. 11 марта Хью Фиц-Джон должен был получить свою кукурузу в Одихеме, которая тогда находилась в руках короля, и (26 мая, 8 июня 1206 г.) Джону Фиц-Хью разрешили включить в арендную плату стоимость его движимого имущества, которое забрал бейлиф Роберта де Випона, сохранив скот, проданный из того же поместья для использования королем по его приказу.

9 Иоанна, 1207 год. 23 июня король был в Одихаме, а 29-го Джон Фиц-Хью должен был захватить поместье и удерживать его до тех пор, пока тамошние люди не выплатят долг, причитающийся королю. 10 августа тому же Джону было приказано получить 20 марок из

королевской сокровищницы для работ в Одихэме; а 26 октября была заказана новая кровать для Вудстока и еще одна для Одихэма, в которой, без сомнения, король Джон спал там в декабре в течение трех дней. Также был приказ об оплате за прокладку там рвов по приказу короля (Закрывать список, стр. 94 b). В 11 году Иоанна на эти работы было заказано 50 фунтов стерлингов. В феврале, мае и октябре того же 1210 года Джон был в Одихаме; 14 июня 1212 года он отправился из Ламбета в Одихам и, прибыв в воскресенье, 6 мая, проверил там документы. В понедельник было выплачено 3 шиллинга за наем трех повозок, которые ехали два дня и отдыхали один, перевозя гардероб из Ламбета; также 13 шиллингов охотнику Ферлингу и остальным. де Поркеричи с собаками - на их расходы и за ночлег в дороге. Затем Джон уехал, но вернулся в Одихам 10-го. Отсутствуя 8-го числа во Фримантелле, он заплатил 6 долларов. за головы шести валлийцев — ужасные трофеи, присланные ему. 10-го, 5-го числа, были оплачены веревки, купленные в Винчестере для натягивания арбалетов, помимо расходов на наем повозок. Джон пробыл в Одихаме семь дней в мае этого года, а затем в декабре. 25 мая он заплатил 5 долларов Стивену де Гилдфорду за волка, пойманного собаками его хозяина во Фримантелле.

15 Июня 1214 года. Деньги были потрачены Джоном Фиц-Хью на ремонт королевских замков Виндзор и Одихэм. Король был в последнем месте в январе.

Великая хартия вольностей была утверждена 15 июня 1215 года, 17 Иоанна. В предыдущем мае царь находился в Одихаме с 21-го по 25-е и с 28-го по 30-е, семь дней. 29-го он направил письмо папе Иннокентию, в котором ссылаясь на упорство баронов как на причину, по которой он не мог отправиться в Святую Землю. В тот же день было приказано отремонтировать замок Девизес, и земли Хью де Бошана должны были перейти во владение, если он будет на стороне повстанцев. С 31 мая по 3 июня король находился в Виндзоре. 4 июня он был в Одихеме, откуда отправился в Винчестер и находился там с 5 по 8 число. Оттуда он поспешно нанес визит в Мертон, но, как говорят, 9-го числа был в Одихаме всего с семью рыцарями. 11-го он был в Виндзоре и остался там, посетив Раннимид, чтобы оттуда выдать чартер и вернуться в Виндзор до 21-го, когда он снова был в Раннимиде. И так туда-сюда до 26-го, когда он пробыл в Одихаме один день. В тот год также взималась плата за размещение гарнизонов в Одихаме и других замках.

В это время Джон, по-видимому, готовился к борьбе, собирая все, что у него было ценного. Приор Рединга привез ему в Одихам 26 июня серебряный шкаф и шкатулку из слоновой кости с драгоценными камнями и реликвиями, золотую чашу, подаренную ему папой, много серебра и серебряно-позолоченных тарелок, различные свитки королевской палаты и Казначейства и его печать, все это было сдано на хранение в аббатство Рединг. На следующий день он был в Винчестере и там получил от Адама, келаря Мертон, еще больше посуды и драгоценных камней, сапфиров, баласовых рубинов и т. Д., Которые хранились в тамошнем монастыре, и снова в тот же день гораздо большее количество посуды и драгоценных камней, привезенных Майклом, каноником Уолтема, из-под стражи тамошнего дома. Подробная информация обо всех этих ценностях подробно приведена на патентных бланках. Из Винчестера он отправился в различные места Уилтшира и юга Англии.

В следующем, 1216 году 17 Иоанна, король в последний раз был в Одихаме в течение пяти дней в апреле, а 15-го приказал отправить туда из Саутгемптона двадцать бочек ("dolia") своих вин prisage. Он выдал оттуда огромное количество инструментов и, наконец, 18-го числа уехал в Фарнхэм. 21 апреля Бартоломью Печ должен был передать поместье Одихам сенешалю Энгельраму де Сайгойну или его адвокату, которым, по-видимому, был Джон Фитц-Хью, которому оно было снова передано 29-го. Передача, однако, была ограничена

поместьем, поскольку по указу от 31 мая, предписывавшему передать сейсин Фиц-Хью, замок был специально сохранен в руках короля.

Насколько сильным было это место, видно из сопротивления, которое оно оказало в этом году дофину Людовику и армии вторжения. Мальборо, очень сильный замок, сдался, когда французы появились перед Одихамом. По словам Уэндовера, тауэр удерживали три рыцаря и десять солдат, которые были осаждены по форме. На третий день, когда все имевшиеся в армии машины были на месте, а штурм был предпринят и потерпел неудачу, гарнизон совершил вылазку и захватил в плен такое же количество людей, как и они сами. Через восемь, или, как говорят некоторые, через пятнадцать дней, тринадцать человек сдались на определенных условиях, сохранив своих лошадей, оружие и свободу. Уэндовер говорит, что башня принадлежала епископу Винчестерскому, но все свидетельства, похоже, показывают, что ни замок, ни владения никогда не были отчуждены от короны.

Первое упоминание об Одихаме относится к периоду правления Генриха III. это приказ де Сайгойну разрешить Бартоломею де Печу удерживать арендную плату за виллу для своего существования на королевской службе (18 апреля, 1 января Генриха III, 1217). Джон Фиц-Хью, по-видимому, был в оппозиции и был лишен собственности, поскольку 12 августа он возвращается к своей верности и ему разрешается управлять поместьем и сотней Одихама. Политика великого графа-маршала заключалась в том, чтобы помиловать и вознаградить всех, кто проявил преданность новому суверену. Замок содержался в порядке, вплоть до хранения канав с рыбой, поскольку Джону де Венузу было приказано (4 апреля 1222 г., 6 Генрих III.) разрешить де Сайгойну выловить двадцать лещей из королевского болота Вулмер для пополнения “наших канав в Одихаме”. 2 мая 1222 г., 6 Генрих III., две бочки “*dolia*”) королевских вин *prisage* были заказаны из Саутгемптона в Одихам. 16 ноября 1222 г. 7 Генрих III., король сдал поместье Одихам в аренду для ведения сельского хозяйства за 50 фунтов стерлингов в год, но при этом следовало учитывать права “Людей Одихама”. 15 января 1224 г. 8 Генриху III., архиепископу Кентерберийскому, которому принадлежит замок Одихам, предписано передать Ангельраму де Сайгойну все его движимое имущество и сельскохозяйственный инвентарь в замке (Полный список, стр. 581); и снова, 20 февраля, констеблю Одихама предписано разрешить Ангельраму де Сайгойну управлять замком. вывезти все его имущество, скот, кобыл и т. Д. из парка Одихама, а также то, что он купил на свои собственные деньги. Сделав это, король, по-видимому, занялся сельским хозяйством за свой счет, поскольку 23 февраля следующего года казначею предписано выплатить Уолтеру де Киркехаму и Уолтеру де Бракелю 100 фунтов стерлингов на покрытие их расходов, а Ральфу Брито - 50 марок на покупку быков для королевских плугов в Виндзоре и Одихаме и семян для тамошних земель. Далее, 5 мая, в соответствии с приказом, предписывающим распределять вино из Саутгемптона по некоторым королевским резиденциям, в Одихам была отправлена бочка (“*dolium*”)пряного вина. 4 июня вместо умершего Генри де Феслега Жильбер де ла Дене назначается вердером в лесу Одихам и должен принести обычную присягу.

В 18 веке Генрих III. королевские леса Виндзора и Одихама были переданы на попечение Ангельрама де Сайгойна — в то время очень старого слуги короны, и (20 Генриха III.) у него был также парк Одихам. В 21 году Генриха III замок принадлежал Алианоре, графине Пембрук, сестре короля, а впоследствии (33 года Генриха III), как графине Лестер, поместьем. Однако тем временем (28 Генриха III.) ее муж, Симон де Монфор, владел парком в качестве королевского арендатора. В том же году де Сайгойн получил судебный приказ о “выделении” 40 фунтов стерлингов, причитающихся королю за двухлетнюю аренду поместья

Одихам; однако также в том же году де Сайгойн был мертв, и шериф должен был получить от своих душеприказчиков все свои плуги и инвентарь и доставить их де Монфору.

В 30-е годы правления Генриха III поместьем владел Ричард ле Мале. Епископ Бата и Уэллса получил в дар три акра земли в Одихеме для расширения парка Догмерсфилд. В 34 году Генриха III Джон, представитель семьи де Бенингов, долгое время связанный с Одихамом, был объявлен вне закона, и было направлено расследование относительно того, что он там занимал главного, которым, по-видимому, были три виргата. В 35 году Генриха III Уильям де Синаго получил грант на Стапелег в приходе Одихам, и Гилберт де Эверсли фигурирует среди арендаторов, как и Уильям Вильерс (38 лет Генриха III) на два акра.

Из документа этого правления, напечатанного Раймером, явствует, что после того, как Уильям, сын Дюрандуса Нануса (карлика), предложил стать монахом, король разрешил передать свои земли своей двоюродной сестре Маргарет, жене Александра де Барентина. Земля находилась в Уорнберне (Warnborough) и Одихэме и была куплена Дюрандусом “де суффасио” во времена Генриха I. с согласия короля. Земля несла с собой определенные права на травостои, рубку дров, ограждение живой изгородью и т. Д., И все это, очевидно, принадлежало непосредственно Короне.

Главный интерес Одихама прекратился с воцарением Генриха III. Эдуард I был много занят на севере и западе, и ценность крепостей во внутренней части Англии была невелика при принце, чье влияние ни один англичанин не осмеливался оспаривать. Его визиты в Одихам были немногочисленны. Парк или лес, похоже, поддерживался в порядке, но только как место развлечения, а замку, вероятно, позволили прийти в упадок.

2 сентября 1274 года, 2 Эдуарда I. король находился в Одихаме. На третий год правления Джон де Лондон, королевский эскеатор, должен был управлять замком во время увеселений. Вероятно, он держал его недолго, потому что (10 Эдуарда I.) оно было передано Николасу ле Гра в качестве преемника Ральфа де Сандевича, а в 12 Эдуарда I. Оно было у Хью ле Деспенсера. В 27 году Эдуарда I. замок, парк, городок и сотня Одихама были включены в обширную собственность королевы Маргариты и описаны как “Castrum et villa de Odeham et appruamentum parci ibidem”; или, в другом списке, “Замок и деревня с парком, сотней и пристройками в графстве Хантс”. В 33 году Эдуарда I поместьем владел Джон де Бошан из Файфхеда.

Эдуард II. похоже, мало бывал в Одихаме. В 5 Эдуард II. замок, принадлежавший королеве Маргарет, был передан Роберту ле Эверу во время увеселений. В 9 году правления Эдуарда II Роберт Атте Бург получил разрешение на лишение прав на поместья Стапелег и Одихам в судебном порядке, и документ этой даты проливает некоторый свет на численность Одихамской сотни, которая, по-видимому, включала деревни Одихам, Грейвелл (ныне Гревелл), Монкс Хартли, Гельветан (ныне Элветхем), Винчесфельд, Догмерсфельд, Байнтворт (ныне Бентворт), Брочем (ныне Беркхем), Лассам, Шалдене (ныне Шалдон), Уэстон—Патрик, Хорелефельд и Лис - только два последних не были идентифицированы, если только Лис не является нынешней часовней Лисс-Терни. Из всех них Одихам принадлежал только королю. В следующем году (10 Эдуарда II) поместьем владел Томас де Уорблингтон, а (12 Эдуарда II) Юэр снова владел замком, поместьем, виллом, сотней и парком. Перемена была постоянной — вероятно, вызванной постоянным недоверием. В 13 году правления Эдуарда II замок и поместье принадлежали Хью ле Деспенсеру-младшему, а в 15 году правления Эдуарда II первый снова был передан Юэру. В этом году обстоятельства короля, вероятно, заставили его обратить внимание на свои сильные стороны, поскольку Уильям де Кингстон, клерк, назначен приемщиком и хранителем провизии, складов и т. Д. В замке. В 17 веке Эдуарда II

Марджери де Бург владела замком и судебным иском, как и (18 Эдуарда II) Джон де Локсл и Констанция, его жена. В этом году поступил приказ отремонтировать королевские дома в замке Одихам.

Эдуард III. похоже, что Одихам стал местом разведения лошадей, и он содержал замок в порядке. При его восшествии на престол поместьем владели Джон де Мэриет и Мария, его жена, и (4 Эдуарда III.) Им владел Джон де Мохан, и оно находилось в руках Джоан, вдовы Иоанна Генриха IV. Опека над замком тогда находилась у Джона Уodelока — он платил за него 60 фунтов стерлингов в год, а Николас де ла Беше получил его обратно после смерти королевы. В 5 веке правления Эдуарда III король поручил мастеру Уильяму Марешалю заботу о великолепных лошадях и присмотр за королевским конезаводом в парке в Одихаме. Сам король был там 25 октября. В 7 году правления Эдуарда III сэр Бернард Брокас получил пожизненный титул лорда. В 14 веке Эдуарда III Ричард де Рокеланд был хранителем жеребят (“пулланорум”) в королевском парке в Одихаме. В 1346 году (19-20 Эдуарда III) произошла битва при Невилл-Кросс, и король Дэвид Брюс был взят в плен и отправлен в Одихам, где пробыл большую часть пятнадцати лет. В 25 году Эдуарда III Джону атте Берве принадлежало двенадцать акров в Одихэме Винчестерского замка, а Уильяму Талемаху и другим принадлежало там четыре виргата земли; и (33 года Эдуарда III) шериф должен обеспечивать овсом, подстилкой и экипажами королевский конный завод в приходе Одихэм, и предусмотрено определенное пособие на конюхов, их одежду и обувь. В 38 году правления Эдуарда III жители Одихама бесплатно пользовались досками и пиломатериалами, закупленными для королевских работ в парке. Пять лет спустя (43 год Эдуарда III) Уолтер Уолш владеет замком, виллом и прочим, предоставляя плотника, смотрителя парка и плиточника для ремонта домов снаружи и внутри замка, за исключением покрытия большой башни и рабочего камня для стен замка. Он также должен был кормить зверей в парке. В 46 году Эдуард III., Елизавета, жена Джеймса де Виндесора, владела поместьем.

Из записи (2 Ричарда II) следует, что в Одихаме были места под названием Шепкоут, Сметес, Ромелес и Дантон. Мы читаем также о “кампусе Одихама” - вероятно, обычном поле. В 5 Ричарда II поместьем владел Генри Эстурми — вероятно, сын человека с таким именем, у которого оно было 33 Эдуарда I. В 15 Ричарда II Алианоре, жене Уильяма Фремелесворта, принадлежит Ле Потт и другие земли в приходе.

Замок, похоже, не привлекал внимания королевской семьи во времена правления Генриха IV. или V. При прежнем правлении лорд Бомон владел им пожизненно, вероятно, после смерти Джоан де Мохун. Домен все еще принадлежал короне. В 19-23 годах Генрих VI. Суд присяжных подтвердил, что в королевском поместье Одихам находился дом под названием “ле Шипп”, который Джоан, королева Англии, получила в приданое. Кроме того, в 1450 году (28 Генриха VI.) светлость, поместье и сотня Одихама, за которые Джон Баскет, эсквайр, заплатил 21,7 млн. фунтов стерлингов, были внесены в королевский гражданский список; а в 1454 году (32 Генриха VI.) “Каструм, доминиум, управление и сотня Одихама” являются частью совместного имущества королевы Маргарет, у которой, похоже, действительно было предыдущее поселение (22 Генриха VI.). Позже в царствование (35 Генрих VI.) Уильям Уорблтон получил стипендию в качестве констебля замка и парка Одихэм.

В 1467-8 годах (7 и 8 Эдуарда IV) Одихам снова был включен в состав королевского наследства в пользу королевы этого принца.

В 1 “Ричарде III” король воспользовался своей недолгой властью, чтобы назначить Ричарда Хансарда констеблем и привратником замка, Паркера и уорренера - светлостью и пожизненным управляющим. Какими бы ни были договоренности относительно его

основных лордов, главные должностные лица, по-видимому, всегда назначались короной, и в Акте о возобновлении 1485 года (1 Генрих VII.) есть оговорка в пользу права Николаса и Джона Гейнсфордов на должности управляющего поместьем, констебля и привратника замка, а также смотрителя парка и уоррена — все они были сохранены при жизни. Интерес короны окончательно угас только во время правления Якова I, который оттолкнул от себя все.

ОСВЕСТРИ, ШРОПШИР.

ОСВАЛЬДЕСТРЕ.

Сотня Освестри, хотя и небольшого размера, представляет собой участок местности, который на протяжении веков был полем соперничества между бриттами и жителями Мерсии, валлийцами и англичанами; ибо она располагалась в пределах старого валлийского округа Поуис-Фадог, в центре английского похода, и сама была лордством маршеров. Его название неоднократно менялось по мере преобладания того или иного языка или по мере того, как происходило какое-либо событие, которое казалось обладающей им стороне достойным увековечения.

Самое раннее известное название района - “Мэсдир”, составленное из валлийского *maes*, луг, и *tir*, земля, которая в руках англичан и, без сомнения, после того, как стала резиденцией *burh*, или укрепленного места, стала Мэсбери, а затем Мэзерфилдом, бессознательным, но нередким повторением одной и той же идеи в двух языках. Он был назван так, когда здесь произошла великая битва между христианином Освальдом и язычником Пендой, около 642 г. н.э., в которой Освальд пал; и говорят, что его члены были подвешены к кресту или дереву, в память о чем это место долгое время впоследствии было известно как “Крез Освальд” и “Освальдестре”, — не очень вероятная этимология. Несомненно, первое название на самом деле указывало на крест, воздвигнутый в память о короле-христианине; а второе, также наполовину валлийское, наполовину английское, означало “крепость Освальда”. Старый валлийский *maes* обладал большой жизнестойкостью и может быть узнаваем в “Мерсете”, названии сотни в “Страшном суде”, и, вероятно, в “Мересбери”, названии поместья.

Следующее изменение произошло в результате возведения красивой нормандской церкви, предшественницы нынешнего здания, когда Освальдестре превратился в Блан-Минстер, или, на языке записей, “Album Monasterium”. Однако позже, по мере того как слава Освальда как мученика набирала обороты, его имя набирало силу, и как город, так и сотня стали известны как Освестри. Церковь, вероятно, была передана из саксонского фонда Мейсбери.

Старейшим творением человека в округе, без сомнения, является британское укрепление, расположенное на возвышенности немного к северу от Освестри и известное как “Хенд Дина”, старая крепость, и которое в более поздние времена без достаточных на то оснований называли Старым Освестри. Однако “Хенд Дина”, хотя и принадлежал британцам, не стал центром Мерсии; вероятно, сначала это было в Мейсбери — название, найденное примерно в 3 милях к югу от Освестри, — но, насколько известно, не связанное с какими-либо земляными работами, обычным признаком раннего проживания. Эти

свидетельства найдены в большом количестве в Освестри, который, следовательно, есть основания предполагать, был центром Англии по крайней мере еще в десятом веке.

Борьба за владение районом, по-видимому, началась не во времена римской Империи - по крайней мере, в Хендинасе или очень близко к нему нет римских руин. Валлийцы утверждают, что перед уходом легионов округом владел Кунедда Вледиг, принц бриттов Стратклайда в 328-89 годах, который передал его своему сыну. Как бы то ни было, похоже, что в седьмом веке кимрские бритты ушли из Гендинаса, и он стал частью территории Мерсии, так что Пенда (635-55) удерживал его и сражался в битве при Мейзерфилде против нортумбрийского Освальда. Это было незадолго до того, как мерсийцы приняли христианство. То, что англичане владели этим районом во второй половине VIII века, очевидно из его положения в пределах дамбы Оффа (759-94); но поскольку он находится сразу за дамбой Уота или слегка пересекается с ней, обычно считается, что она на несколько лет раньше, чем дамба Оффы, возможно, что в то время это владение было заселено недавно. Без сомнения, после строительства большой дамбы граница, хотя и часто нарушалась обоими народами, в целом, в обычное время, служила своей цели и устанавливала то, что англичане, по крайней мере, стали считать своим правом. Величайшим и до прихода норманнов последним вторжением валлийцев было вторжение Гриффита ап Ллевелина в XI веке в союзе с Алгаром, мятежным графом Мерсии. Результатом их частых и жестоких нападений стало опустошение всей страны, которая, подобно Ирченфилду в Херефордшире, такой и осталась, и о ней так написано в "Страшном суде". Длительный период английской оккупации отмечен здесь, как и на всем протяжении границы, частыми и мощными земляными укреплениями по образцу, применявшемуся Эдуардом Старшим и Этельфлед в десятом веке, из которых те, что в Освестри и Уиттингтоне, являются одними из главных; и те, что в Уэст-Фелтоне, Астоне и Белан-Банках, хотя и меньших размеров, как говорят, имеют схожий рисунок. Мэйсбери, без сомнения, был одно время *капутом* английского владычества; но очевидно, судя по стилю и размерам даже жалких остатков земляных работ в Освестри, что он стал главным местом по крайней мере еще в начале десятого века и таким и остался, хотя на самом деле и не обозначен в "Страшном суде".

Сотня Страшного дня из Мерсете и более поздняя из Освестри почти идентичны, сложение - Рейтон, а вычитания - Кинллаэт и Эдейрнион. Мерсет простирался от Уэстон-Райна, на ручье Морле, на севере, до Мелверли, на слиянии Вирнуи с Северном, на юге; и от ручья Кинллаэт на западе или немного дальше, до Уики на реке Перри, на востоке; около 12 миль в каждую сторону.

Судный день называет Мересбери *столицей* светлости; но это, хотя и искаженное название Мейсбери, следует понимать как указание на Освестри. В нем было пять береуиков, которые не указаны, но которые, очевидно, включали около двадцати четырех поместий, почти все из которых носят английские названия. Два столетия спустя было проведено расследование, согласно которому лордство состоит из двух частей: собственно Освестри и Уэльса. В последнее были включены почти все сто пять поместий: Уэстон и Котон (ныне Уэстон Коттон), Месбери или Мэсбери, Миддлтон и Тревелет или Трефлах. Деревень было очень много: Блоднорвор, ныне Чефн-Блодвелл, Блодованан или Блодвелл, Бронгарт, Брен или Брин, Кланордаффе или Глин-ир-Афон, Кракет или Крикхит, Дадлстон, Фенчес и Джастон (ныне утрачены), Каэркохон или Карречова, Радионерс или Рандир, Свайн или Суини, Тибетон (ныне утрачен), Траверлейш или Трефар-Клаудд, Тревельтолнел или Трепренал, Тревенен или Трефонен, Уэстон или Уэстон-Райн, Вигетон или Виггинтон и Истон, ныне Ифтон-Райн. Советами Господа были часовня замка Блан-Минстер, а также церкви Блодвелла и

Лланменаха или Ллан-и-Минеха. В этом последнем приходе, хотя и на острове Денбишир, находился знаменитый замок Каррегова. Этот городок, однако, был более поздним дополнением к сотне и никогда не принадлежал своим лордам. Осбастон, кажется, одно время принадлежал лордству. В нем находился Нокин, знаменитый замок лордов Стрейндж, феодальное владение, косвенно принадлежащее Освестри. В Киннерли тоже был замок, тоже принадлежавший лордству.

Мерсете во времена правления Исповедника и, вероятно, намного раньше был королевским владением и под названиями "сотня Мерсете" и "манор Мэсбери" был включен в пожалование Завоевателя в 1071 году, после конфискации Моркара и Эдвина, графу Роджеру Монтгомери, который передал его Варину Лысому, своему шерифу и заместителю командующего, который владел семьюдесятью поместьями в Шропшире, а у племянницы графа Арниерии родился сын Хью. Варин умер в 1085 году, незадолго до составления "Страшного суда", и управление было передано Райнальду де Байолю, который женился на его вдове и построил замок. Запись в разделе Meresberie звучит так: "Иби фекит Райнальдус Кастеллум Луур", что объясняется как Luvre или "l'uvUvre", работа *по преимуществу* для района. Однако ясно, что, как обычно, замок Райнальда был построен на более раннем фундаменте и, что не маловероятно, представлял собой лишь адаптацию существующих работ. Райнальд жил в Освестри, и либо он, либо Варин передали его церковь Святого Освальда вместе с десятиной города, тогда впервые упомянутой, аббатству Шрусбери. Неизвестно, в какой срок Райнальд занимал свой пост, но, по-видимому, его пасынок Хью, сын Варина, занимал его в течение короткого времени до своей ранней смерти; а после смерти Хью Алану Фицфлаальду, предку последующих лордов, были дарованы права шрайвалта и феода незадолго до смерти Завоевателя.

Валлийцы утверждают, что примерно в это время они вернули себе титул и некоторое время владели им, и утверждают, что он был передан как часть Поуис-Фадоба Мередитом ап Бледдином своему племяннику или сыну Оуэну, который разрушил замок Райнальда и восстановил его в 1148 году; и что башня в память о Мередите была названа Тре-Фред. Как бы то ни было, валлийская оккупация, должно быть, была очень короткой, и Алан, должно быть, вернул себе власть. В это время дом Монтгомери в Англии вымер, и Освестри принадлежал непосредственно короне, как лордство марчера, на основании полномочий по защите и содержанию замка и обороне марча.

М-р Эйтон, объем сведений которого о ранней истории Шропшира сравним только по точности, пролил яркий свет на происхождение этого алана, который, как он показывает с более чем вероятностью, был сыном Флинса и внуком Банко, тана Лохаберского, убитого около 1048-1053 гг. Фланс, или Флаальд, по-видимому, женился на Гвенте, дочери Гриффита ап Ллевелина, принца Северного Уэльса, от Алдит, дочери Алгара, графа Мерсии. Алан, умерший в 1114 году, несомненно, был прямым предком домов Фиц-Алан из Освальдестре и королевского дома Стюартов.

Алан Фицфлаальд, лорд Освальдестре, был отцом 1, Уильяма; 2, Уолтера, наместника Шотландии, который умер в 1177 году, женившись на Эсхине, дочери Томаса Лондонского, "hostiarius" или "durward" короля Шотландии. Он был отцом "Алануса Дапифера", чей правнук Уолтер, умерший около 1320 года, женился на Марджори Брюс и родил Роберта Стюарта, короля Шотландии.

Уильям Фиц-Алан, глава дома, родившийся около 1105 года и умерший в 1160 году, приобрел вместе с Изабель де Сэй, своей второй женой, графство Клун, которое долгое время

оставалось объединенным с Освальдом, в лице их потомков, Фицаланов, графов Арундел, а впоследствии по женской линии Говардов.

После смерти Томаса Фиц-Алана, графа Арундела, в правление Генриха V. возник любопытный вопрос. Он умер бездетным, и его сестры, Джоан, леди Бергавенни, Элизабет, герцогиня Норфолкская, Маргарет, леди Лентхолл и Элис, леди Поуис, стали его главными наследниками; но его наследником мужского пола был Джон Фиц-Алан, по прозвищу Арундел, лорд Малтраверс. Герцог Норфолк, Джон Моубрей, претендовал на графство по праву своей матери; но когда графство было передано лорду Малтраверсу, ему были разрешены баронства Ключ и Освальдестре вместе с ним, и герцог на них не претендовал. Точно так же, когда потомок графа Джона, Хамфри, граф Арундел, лорд Малтраверс, Клан и Освальдестре, умер бездетным при Генрихе VI, на баронства не претендовала Амиция, леди Ормонд, его сестра и генеральный наследник, а перешли к Уильяму Фиц-Алану вместе с графством как наследнику мужского пола.

Большая часть конституционных, или, скорее, пэрских, знаний была применена к этим двум баронствам, которые носились в длинной череде титулов, которые в разное время присваивались домам Арундел и Говард, и поэтому фигурируют на подвязочных листах Томаса, графа Арундела, в 1611 году, и Генри, герцога Норфолка, в 1685 году, вместе с другими баронствами и парламентскими титулами. Тем не менее, они, похоже, не похожи на Фиц-Алан, Моубрей, Грейсток и остальные, на самом деле парламентские баронства, а всего лишь земельные баронства, которые, строго говоря, следует добавлять только к имени владельцев этих поместий. Однако после их отчуждения Томас Говард, граф Арундел, генерал-наследник Фицаланов, был, согласно Акту парламента от 1627 года, назначен бароном Фиц—Аланом и лордом Ключа и Освальдестре - по праву которого, с той даты и только с тогдашним ограничением, эти титулы носят герцоги Норфолк, его потомки.

ЗАМОК.

Видимые остатки этой древней крепости, столь прославленной в пограничных историях, очень скудны и ограничены центральным курганом и некоторыми фрагментами грубой, но прочной крепости, которая была возведена на нем. Замок стоял на земле, несколько более высокой, чем город, и на северо-западной окраине, полностью господствуя над ним; и только в последние годы его территория была почти окружена зданиями. Церковь находится примерно в полумиле к югу, а город находится между ними. С холма открывается очень обширный вид на восток и юг; на западе он ограничен лесистыми высотами на границе Денбишира, увенчанными дамбой Оффы, на расстоянии около двух миль. К северу, примерно в миле от нас, находится отдельно стоящий холм и лагерь Хен Динас, или Олд Освестри, который частично скрыт еще более близкой, но более низкой возвышенностью Ллуин. В ландшафт не проникает вода, и поблизости нет ни одного значительного ручья. Дамба Вата находится близко к востоку.

Замковая насыпь, хотя и стоит на возвышенности, полностью искусственная и довольно овальная на своей вершине, размером примерно 60 на 100 футов. Его высота составляет около 30 футов, а диаметр у его нынешнего основания, возможно, 200 футов. На его столешнице лежат несколько фрагментов каменной кладки, состоящей из больших обкатанных валунов, уложенных в толстый слой строительного раствора; очень грубая, но очень прочная работа. Один фрагмент, который местами имеет толщину около 8 футов, имеет высоту 9 или 10 футов; а рядом с ним находятся две другие большие массы, по крайней мере, одна из которых опрокинута. Крепость была построена в виде ракушки и, вероятно, имела многоугольную форму. Склоны покрыты кустарником, сильно скрывающим поверхность, но,

похоже, на юго-западной стороне есть еще следы каменной кладки. Ров, из которого высилась насыпь, был полностью засыпан, и все следы внешней защиты, ее канавы, насыпи или постройки были полностью удалены. О колодце ничего не известно. Вход, вероятно, находился с юго-западной стороны. Банк Гэллоутри — название, сохранившееся в южном пригороде, — хранит память о силе Господа, как и церковная легенда о колодце Освальда.

Вероятно, что сохранившаяся каменная кладка является работой Уильяма Фиц-Алана, который после 1155 года подтвердил предыдущий дар церкви Освестри аббатству Шрусбери. Он умер в 1160 году, и в этом году на свитке Труб Освестри обозначен как “Блан-Минстер”. После своей смерти Ги Л'Эстранж стал управляющим замками Ключ, Рутен и Блан-Минстер, и в последнем продолжались работы. Разрешенная для гарнизона ливрея составляла 18,5 фунтов стерлингов в год. В июле 1165 года Генрих II. стоял лагерем близ Освестри, но его продвижение было остановлено рекой Сириог, по которой он отступил в Честер.

Гай Л'Эстранж продолжал быть управляющим поместьями и замками Фиц-Алан до 1175 года, за это время корона потратила на Освестри очень большие суммы, по-видимому, около 2000 фунтов стерлингов. Колодец стоил 5,8 фунтов стерлингов, палисады - 40 фунтов стерлингов и 2,6. 8 фунтов стерлингов. В стенах был построен дом. Регулярный гарнизон состоял из рыцаря, двух носильщиков, двух сторожей и двадцати латников, что обходилось в 48,13 шиллингов 4,0 фунтов стерлингов в год. В 1188 году Уильям Фиц-Алан принял в замке архиепископа Болдуина и Гиральдуса. После его смерти в 1210 году вступил в должность король Иоанн, и Роберт де Випон был главным в 1212 году, а в 1213 и 1214 годах Джон Марешаль и Томас де Эрдингтон, которые приобрели опеку во время несовершеннолетия Уильяма Фиц-Алана, который, однако, умер несовершеннолетним в Ключе в 1215 году. В 1216 году король Иоанн был перед Ключом и (16 августа) сжег город Освестри и напал на замок, но, вероятно, безуспешно. В 1226 году Освестри был назван в честь места встречи между Ллевеллином и лордами-маршалами, но король, не доверяя Джону Фиц-Алану, послал Хьюберта де Хоза с девятью рыцарями присутствовать на ней. В 1240 году после смерти Джона Фиц-Алана замок снова перешел под опеку короны.

В 1257 году Освестри снова был назначен для проведения заседания валлийской и английской комиссии, и Джон Фиц-Алан, новый лорд, получил разрешение взимать таможенные сборы в течение пяти лет, чтобы оплатить строительство стены вокруг города. После его смерти в 1267 году замок оценивался в 44,12 шилл. 5½ д. в год, и упоминается “вальхерия”, или валлийский замок. Строительство стены, вероятно, продвигалось медленно, поскольку в 1283 году король Эдуард выдал патент, разрешающий судебным приставам взимать таможенные сборы в течение двадцати лет, чтобы завершить строительство стены. Вероятно, это произошло в результате нападения валлийцев, которые действительно удерживали город в течение короткого времени. В 1302 году, после смерти Ричарда, графа Арундела, было установлено, что он владел замком Освестри и его землями на основании двух с половиной рыцарских гонораров. Там было сто сорок акров поместной земли и четыре водяные мельницы, но замок ничего не стоил, а его содержание обходилось в 10 фунтов стерлингов в год. Фабриками были Бейли, Уэстон, Коттон и Кадоган.

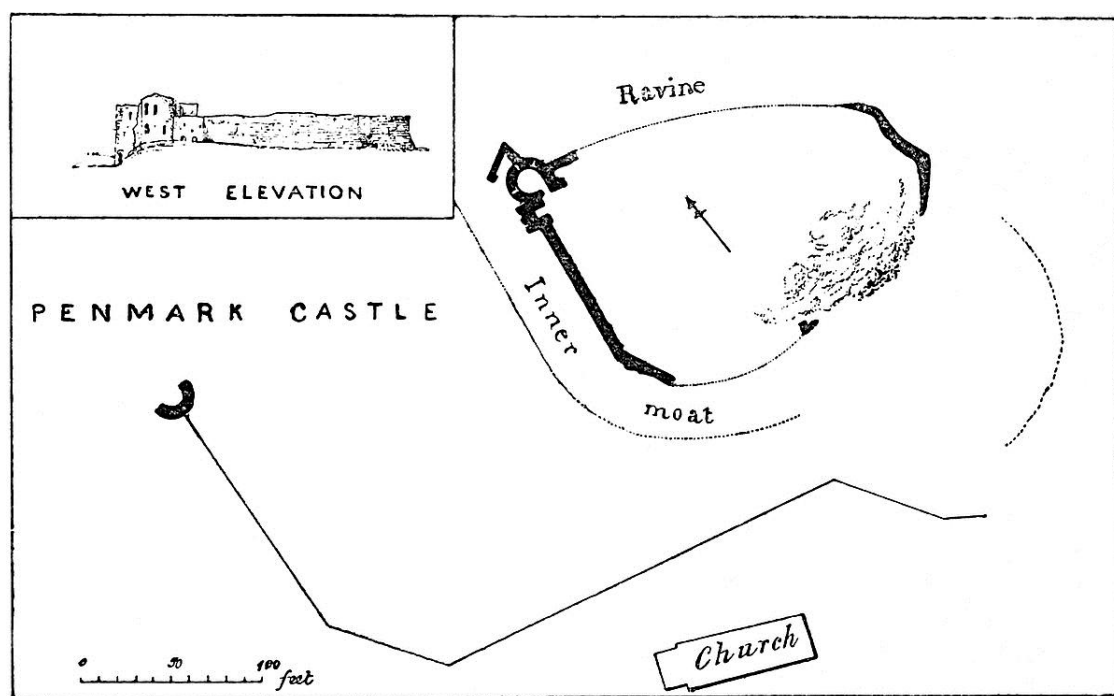
ЗАМОК ПЕНМАРК.

ЗАМОК ПЕНМАРК находится примерно в миле к востоку от Фонмона и в двух, трех и четырех милях от замков Ист-Орчард, Барри и Венвоу.

Первоначально он был построен сэром Гилбертом де Умфревиллем вскоре после завоевания Гламоргана, но нынешние руины едва ли старше тринадцатого века. Вероятно, это относится к периоду правления Генриха III. или Эдуард I, с некоторыми незначительными дополнениями более позднего времени; но в нем нет следов ни нормандской крепости, ни каких-либо обычных перпендикулярных или тюдоровских пристроек. Он находится в полном запустении на протяжении нескольких столетий.

Замок стоит на краю крутого берега, примерно в 100 футах над лугами ручья Даффрин, который с его болотистыми берегами служил отличной защитой на северном или валлийском фронте. Он состоит из двух судов.

Внутренний двор был продолговатым, примерно 70 на 50 ярдов, неправильной формы, с занавеской на северной стороне вдоль изгороди на берегу, часть которой на каждом конце сохранилась. С южной стороны стены больше нет, но ее линия обозначена внутренним рвом, который, простираясь от берега с одного конца до берега с другого, образовывал оборону на восточном, западном и южном фронтах.

ЗАМОК ПЕНМАРК

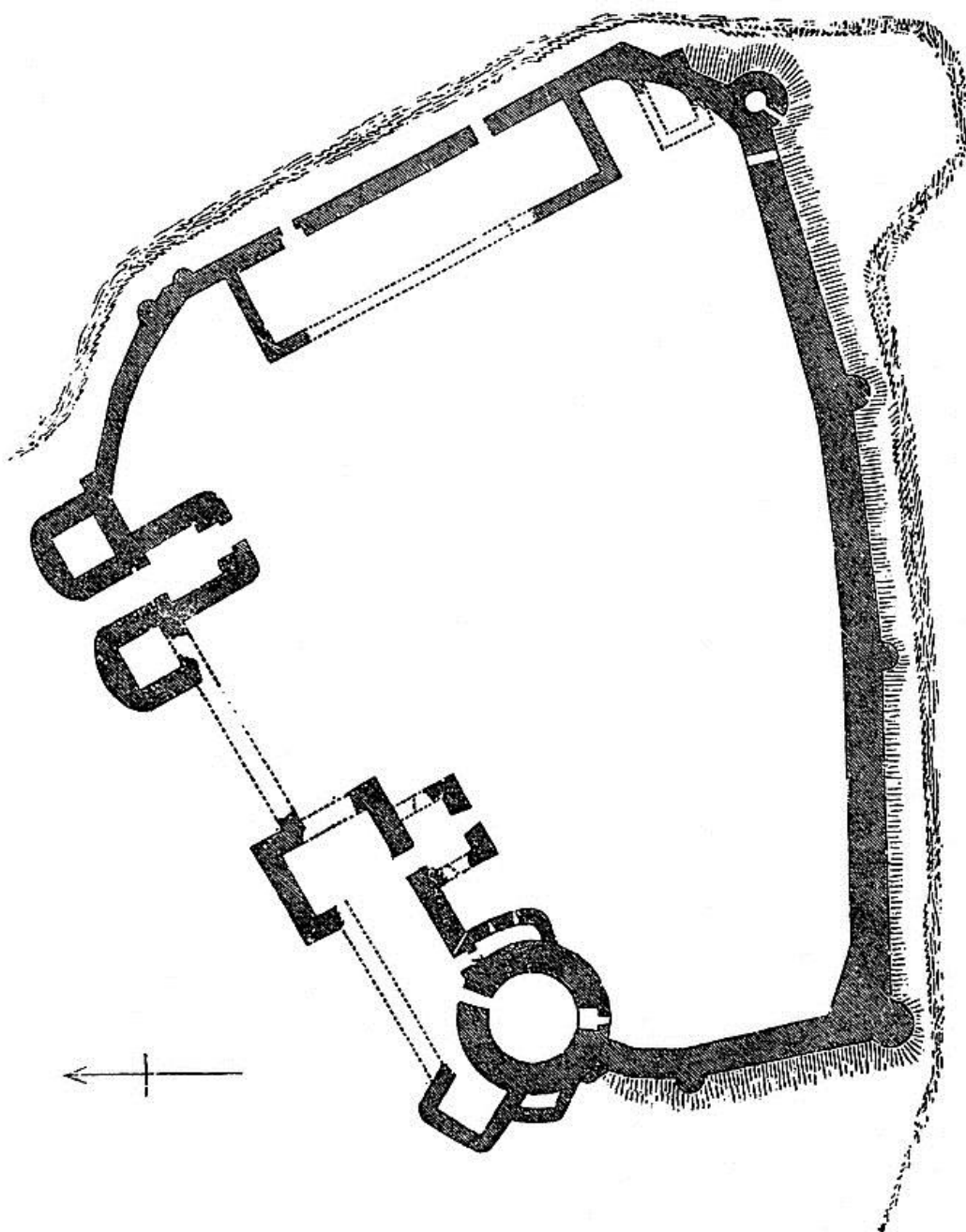
На восточном конце сохранилась стена высотой около 10 футов снаружи. Внутри находится масса земли, без сомнения, покрывающая руины. Под северо-восточным углом круглое углубление напоминает фундамент башни.

Западный конец наиболее совершенен. Здесь находится занавес высотой около 12 футов, от которого сохранился проход по валу со следами открытой лестницы, ведущей на зубчатые стены. На южном конце стена возвращается к квадрату; и здесь, вероятно, были простые ворота, ведущие к церкви. На северной оконечности северо-западный угол корта увенчан башней, полукруглой по отношению к полю, но угловой по отношению к корту. В нем есть две

петли и камин на первом этаже, а с северной стороны к нему примыкает квадратное двухэтажное здание с гардеробом на каждом этаже. Оно построено позже, чем башня. Также на западной стене, рядом с башней, находится полый контрфорс с двумя гардеробными. Башня выходит во двор.

ЗАМОК ПЕНРИС.

PENRICE CASTLE.

GROUND PLAN.

10 50 100 150 FEET

ПЛАН МЕСТНОСТИ.

Внешний двор включает в себя внутренний с восточной, южной и западной сторон, заканчивающийся с каждой стороны на крутом берегу.

Он содержит ров внутреннего двора и сам был окружен рвом и стеной, которые, вероятно, включали в себя церковь. Вдоль западной стены можно проследить ее окончание в пристроенной к ней башне, очевидно, построенной для голубятни.

Расположение замка смелое и поразительное, и хотя это всего лишь руины, без обычных украшений в виде плюща и деревьев, с севера он выглядит прекрасно.

Как и большинство крепостей округа, считается, что он был разрушен Оуэном Глиндуром.

От замка дорога спускается наискось к мельнице, расположенной примерно в полумиле вверх по ручью.

К западу от замка находится обширное плоскогорье, защищенное двумя долинами на севере и западе; отличное место для демонстрации любой кавалерии, которая может быть включена в состав гарнизона.

ЗАМОК ПЕНРИС В ГАУЭРЕ.

Замок Пенрис, или, как его называли в древности, Пенрис, в Вест-Гауэре, в графстве Гламорган, уступает только Кэрфилли, Кардиффу и Койти по площади, заключенной в его стенах, и не имеет себе равных по своему сильному, господствующему и живописному положению. Пенрис расположен на дне залива Оксвич, в миле от берега и примерно в 150 футах над уровнем моря. Он занимает скалистый гребень крутого зеленого склона, у подножия которого находится небольшое озеро, а за ним нечто вроде лагуны, сообщаемой с заливом, окаймленным здесь линией песчаных холмов.

Замок, хотя и высокий, с северо-востока подпирается длинным и еще более высоким хребтом Цефн-Брин, примерно в полумиле от него. Он стоит на юго-восточном конце платформы, образованной обрезанными краями горного известняка, который здесь почти вертикальный, поскольку был поднят старым красным песчаником из Цефн-Брина. С юга и востока замок, естественно, защищен утесом высотой от 10 до 40 футов; на западе земля неровная и прочная; на севере она ровная или почти ровная; и эта, естественно, самая слабая сторона, была превращена в результате работ в самый сильный и главный фасад здания.

Расположение и очертания крепости определялись расположением местности; общий проект прост, но ни в коем случае не относится к одной дате, и к первоначальному сооружению были сделаны значительные дополнения. В плане замок состоит из главного двора, или внутреннего двора неправильной формы, примерно в 60 ярдах к северо-востоку и юго-западу и в 80 ярдах к востоку и западу. Только три стороны занавешены; четвертая, или северная, состоит из сторожки у ворот и главных зданий, или *corps de logis*, и большой барабанной башни с ее пристройками. Занавес огибает край пропасти с восточной и южной сторон. Его высота снаружи составляет от 30 до 40 футов, внутри - около 25 футов, а толщина - от 8 до 9 футов. Снаружи он укреплен рядом полукруглых контрфорсов диаметром около 12 футов; они прочные и не имеют выступов внутри; они поднимаются на высоту стен или

немного выше них и образуют небольшие фланговые опорные пункты на крепостном валу. Из этих контрфорсов нет ни одного на востоке, двух на юге и одного на западной стороне; есть также один побольше и возвышеннее, но все еще прочный, венчающий юго-западный угол. Кроме того, у юго-восточного угла есть контрфорсная башня, больших размеров и пустотелая; но это, по крайней мере в ее нынешнем виде, вероятно, поздняя пристройка, построенная для голубятни, в качестве которой она до сих пор используется. Стена рядом с этой башней была проломлена и перестроена, и снова проломлена, чтобы освободить место для прямоугольного здания, один угол которого виден за пределами линии занавеса; крепостная стена или зубчатая стена сохранилась и, хотя более или менее разрушена, является оригинальной. Зубцы примерно в четыре раза шире амбразур, и в каждом прорезана петля; задняя стенка остается.

Северную, или верхнюю, сторону двора занимают основные здания и фасад замка протяженностью около 70 ярдов. На восточном конце находится сторожка, на западном - барабанная башня и ее пристройки. Между этими двумя помещалась большая квадратная фресковая башня, расположенная в середине фасада. На западе, между ним и барабаном, без сомнения, находился зал; на востоке единственная занавеска соединяла его с сторожкой у ворот. Сторожка, по-видимому, была дополнением к навесной стене; она содержит центральный проход и две боковые камеры, которые занимают две фланговые башни, резко выступающие на север или внешний фасад; они не прямоугольные и не полукруглые, но более близки к последнему рисунку, поскольку углы скруглены. Все полы были деревянными. Здесь есть только один паз, причем очень грубой конструкции, для опускной решетки, которая защищала внешние ворота; и, по-видимому, когда-то был подъемный мост, который опускался между боковыми башнями, вероятно, над ямой, поскольку нет следов обычного рва.

Барабанная башня венчает северо-западный угол замка и выступает во двор. Его чистый диаметр составляет около 36 футов, толщина стен - 8 футов, а пространство в пределах 20 футов в поперечнике. В нем три этажа; в подвал можно попасть со стороны холла; на первый этаж ведут две двери, одна из которых, по-видимому, изначально была окном. Из этих дверей одна открывается из холла, а другая - из пристройки на юго-востоке; есть также петля, ведущая во двор, и небольшая сводчатая комната и гардеробная на восточной или внешней стороне, возможно, пристройка. Верхний этаж башни примечателен; в нем вообще нет входа и нет отверстия в стенах; должно быть, на него можно было попасть через люк. Все полы были деревянными.

На юго-восточной стороне этой башни находится концентрическая пристройка, своего рода сорочка, или, скорее, шемизетка, занимающая менее четверти ее окружности и выступающая во двор; в нее можно попасть через дверь из-под зала, и она освещается двумя петлями, выходящими во двор; она резко заканчивается квадратной стеной. На верхнем этаже был проем в холл и на первый этаж барабана, а в косяке нижней двери есть любопытное изогнутое отверстие, очевидно, для прищура, с прорезью для деревянного ставня. С северной, или внешней, стороны барабана было пристроено прямоугольное трехэтажное здание с каминами и комнатами для гардеробных. Это здание выступает вперед и образует окончание северного фасада, обращенного несколько на северо-запад. От него на запад выступает подчиненное здание, также прямоугольное, с гардеробными. Пространство между этой группой зданий и центральной квадратной фресковой башней находилось между двумя стенами, одна из которых сохранилась до сих пор, она же стена двора, а другая, ныне разрушенная, образовывала внешнюю защиту с этой стороны. Поскольку квадратная башня также разрушена до основания, о том, каким образом было

занято это пространство, можно судить только по проемам в сохранившейся стене. Вероятно, здесь, на втором этаже, был холл, а под ним комнаты поменьше, возможно, подвалы; однако на первом этаже в стене есть дверь, ведущая в очень маленькое здание, выступающее во двор, и в котором, по-видимому, было два боковых и одно торцевое, или южное, более длинное окно. Возможно, это была часовня, но ее ось, без какой-либо необходимости в расположении, проходит почти с севера на юг. Внутри двора, пристроенного к его восточной стене, сохранился двускатный торец, который, без сомнения, принадлежал большому амбару, складу или казарме; это не было залом, поскольку в нем не было больших окон.

Руины замка, хотя и очень значительные, настолько лишены тесаного дерева и декоративных работ, а каменная кладка повсюду настолько однообразна грубого и неполноценного характера, что чрезвычайно трудно прийти к каким-либо определенным выводам относительно размеров первоначального здания или порядка возведения сохранившихся частей. Все, что можно сделать с абсолютной уверенностью, это то, что круглая башня и примыкающий к ней восточный занавес являются старейшими сохранившимися частями и, хотя и не связаны между собой, датируются почти одной и той же датой; что северо-западные жилые помещения намного позже обоих; что на северном фасаде были разрушены другие жилые помещения, и что *ограждающая* стена двора, включая сторожку, являются пристройками к первоначальному зданию, превратив то, что сначала было внешним занавесом, во внутреннюю стену, выходящую во внутренний двор.

Занавес, расположенный к востоку от башни, выглядит старше самой башни, но, вероятно, это не так. Башня, скорее всего, была первоначальным зданием, причем целиком. Это было бы убежище на случай нападения либо со стороны валлийцев, либо со стороны пиратов, способное продержаться до тех пор, пока гарнизоны Пеннарда, Лландремора, Уэбли или Ллучвра, или те, что находятся дальше от Суонси и Ойстермута, не смогут подойти на помощь. Башня, вероятно, очень позднего нормандского периода, в переходном или остроконечном стиле. Занавес, обращенный на восток, вероятно, был первой пристройкой к башне и является остатком прямоугольной пристройки на ее северо-восточной стороне. Эта занавеска была сильно разрезана и содержит несколько более поздних отверстий; но дверь на первом этаже рядом с башней, очевидно, оригинальная и относится к раннему английскому времени. Сейчас она ведет в ограду шемизетки, но, очевидно, когда-то была наружной дверью и, возможно, главным входом в прямоугольное здание. Следующим, вероятно, был огорожен двор, и к круглой башне пристроили концентрическое здание, или шемизетку, либо как тюрьму, либо как подвал, причем дверь, ведущая в него, была старым главным входом, упомянутым выше. Сторожка и северо-западная башня появились несколько позже. Недавно рядом с круглой башней были выкопаны три камня, очевидно, части оконного или дверного косяка; на них изображена простая полукруглая лепнина диаметром шесть дюймов, и они, очевидно, являются частями нормандского косяка, возможно, нижнего и остроконечного дверного проема круглой башни. В северо-западной башне есть небольшое окно в виде трилистника на третьем этаже, которое, возможно, датируется тем временем, хотя здание имеет скорее перпендикулярный вид. Каменная кладка в целом очень грубая; круглые окна башни внутри были облицованы тесаным деревом, но сторожка у ворот очень низкого качества изготовления, даже паз опускной решетки покрыт щебнем.

Это очень любопытные руины. Круглая башня столь ранней постройки - очень редкая особенность; шемизетку можно сравнить с более совершенной оболочкой в Третауэре и Лонсестоне, но она, очевидно, является дополнением. Размеры почти такие же, как у

Бронлли, который, однако, появился несколько позже и гораздо более совершенной работы. Удивительно, что первоначальный замок располагался так далеко от края утеса, который составлял часть его более поздних оборонительных сооружений. Ведущиеся сейчас раскопки, возможно, все же прольют свет на точный возраст некоторых деталей. Это нечто - найти лепнину нормандского периода.

Единственные полностью разрушенные части принадлежат северному фронту, где стена, несомненно, была разрушена порохом, вероятно, во время оккупации Гауэра Кромвелем.

Это не единственная крепость в приходе и поместье Пенрис. Примерно в полумиле к юго-западу от замка, к западу от приходской церкви и совсем рядом с ней находится круглое земляное сооружение, состоящее из одной насыпи с внешним рвом и входом с северо-западной стороны. Диаметр внутреннего пространства может составлять 100 футов, а высота насыпи - от 6 до 10 футов. Это очень совершенная и, очевидно, очень ранняя работа, и, без сомнения, она была обшита деревом.

Соседняя церковь, хотя и сильно измененная в последнее время, имеет нормандскую стену и арку, замаскированную штукатуркой, между нефом и алтарем, а также замечательное южное крыльцо с ранним декором и южную дверь раннего английского времени. За южными дверями церкви и на паперти, справа от входа, находится водосток, выдолбленный в виде каменного сиденья. Говорят, что верхняя часть башни и небольшой северный трансепт были перестроены в прошлом веке.

Церковь стоит на прочном месте, во многих отношениях превосходящем то, которое было выбрано для строительства замка. В соседней церкви Николастона есть грубо сколоченное восточное окно раннеанглийского времени.

Замок, руины которого были описаны, на протяжении многих поколений был резиденцией знатной семьи Гауэр, которая, без сомнения, получила свою фамилию от своего поместья, отличаясь этим от нескольких своих соседей, владельцев Николастона, Рейнолдстона, Лейсанстона и Скурледжа, чьи имена были присвоены и сохраняются в этих поместьях. Любой из этих обычаев был здесь распространен, и в долине Гламорган есть несколько примеров каждого из них.

Несомненно, лорды Пенриса были последователями Белломонтов и первых норманнских поселенцев в Гауэре, где они, вероятно, возвели до конца XII века ту часть замка, к которой можно отнести недавно обнаруженные норманнские фрагменты. Замок перешел по наследству к Мэнселама и в настоящее время является собственностью их потомка, мистера Тальбота.

ЗАМОК ПЕНРИТ, КАМБЕРЛЕНД.

ЗАМОК ПЕНРИТ стоит на небольшом возвышении из старого красного песчаника, примерно в фарлонге от церкви и старого города Пенрит и на высоте от 50 до 70 футов над ними, а также в нескольких ярдах к востоку от современного железнодорожного вокзала. Первоначально и всегда это было простое сооружение, не имевшее особой военной мощи или архитектурных достоинств, сейчас его остатки немногочисленны и в основном примечательны превосходством материалов и изготовления, а также хорошо известны благодаря своему расположению на виду у одной из главных магистралей страны.

Замок в плане прямоугольный, 130 футов к северу и югу и 153 фута к востоку и западу. Он состоит из прочной и высокой навесной стены, внутри и у которой были построены помещения, занимаемые гарнизоном, а снаружи находится искусственный и сухой ров, также прямоугольный по очертаниям и довольно своеобразный по пространству, оставленному между ним и крепостной стеной. С западной стороны эта канава была убрана, образовав глубокую дорогу, ведущую из города к станции. На юге он сохранился, а за ним есть несколько раскопок, которые кажутся старыми, но не очень понятны. На восточной стороне ров очень совершенный. Расстояние между его уступом и подножием выступающей стены составляет около 9 ярдов; а за ним, венчая контрэскарп, находится довольно высокий откос, выгодно расположенный для тех, кто намеревался атаковать стену с помощью оружия и машин средневековья. На северном фасаде находится значительная платформа, примерно в половину площади замка, и на том же уровне. Она защищена со стороны города естественным склоном, который был сделан несколько круче благодаря искусству, но канава продолжается позади нее, за северо-восточным углом, к западу от которого проходит проезжая часть, указывающая подход к этому месту. Этот подход был ограничен северо-восточным углом платформы и землей за рвом.

Земляные валы в этом квартале настолько крутые и свежие, что, по-видимому, их углубили и укрепили, чтобы противостоять современной атаке с этого квартала; и в этом случае насыпь за пределами восточного рва, возможно, была возведена, чтобы защитить основание завесы от пробития пушками. Возможно, целью было оказать сопротивление армии Самозванца в 1745 году.

Завеса, внешней частью которой является ров, имеет около 30 футов в высоту и 5 футов в толщину. Он построен из блоков красного песчаника, характерного для этого района, глубокого цвета и красивого внешнего вида. Они имеют квадратную форму и уложены рядами. Стена, по-видимому, полностью или частично была увенчана кокошником умеренного выступа, на котором покоились парапеты. В некоторых особых местах эти выступы более смелые и образуют мачикольции, но чаще всего их целью было увеличить дорожку rampart на 6 дюймов в ширину.

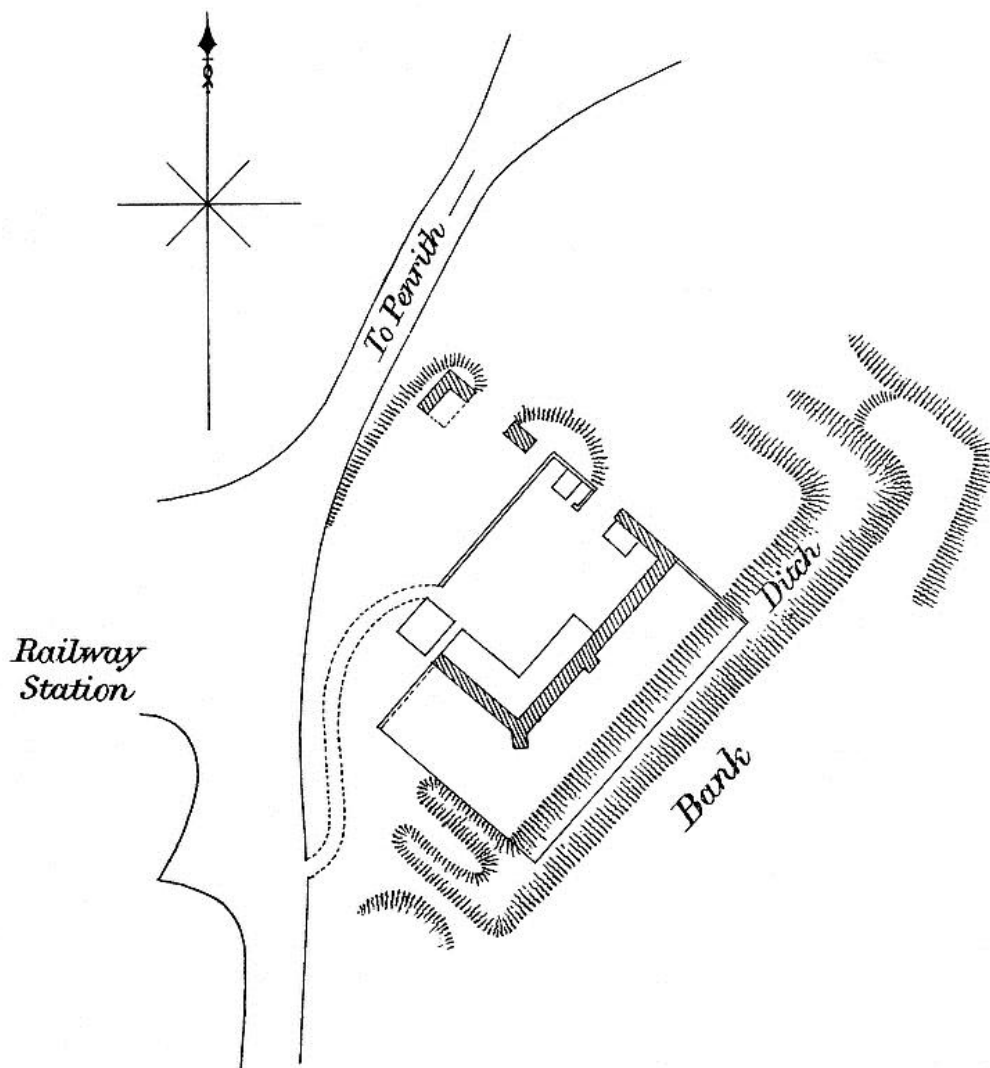
Вдоль восточной и прилегающей части северной и южной сторон занавес находится в относительно идеальном состоянии. С западной стороны сохранились несколько фундаментов и фрагмент стены в полный рост. Под юго-восточным углом квадратный контрфорс, оригинальный, шириной около 3 футов и выступом 3 фута 6 дюймов, установлен по диагонали и перекрывает угол. В середине восточной стены находится аналогичный контрфорс, но прямоугольный. У них нет оснований или выступов, они поднимаются до парапетов. Под северо-восточным углом, по-видимому, находилась бартизанская, или квадратная, башенка, опирающаяся на карнизы; стена внизу совершенно ровная. Два других угла исчезли, но на фундаменте нет и следа настенных башен. План Гроуза, хотя и очень неправильный, может быть использован для того, чтобы показать, что в конце прошлого века стены были довольно совершенными; и что в центре южной стены и под юго-западным углом были контрфорсы, подобные описанным выше.

Все следы ворот исчезли, но земляные работы показывают, что они находились на северном фасаде, довольно близко к восточной оконечности. К западу от него некоторые следы окон, по-видимому, указывают на расположение зала, а часть большого полукруглого бочкообразного свода, примыкающая к остаткам западной стены, по-видимому, принадлежала к его основанию. В восточной стене, недалеко от ее вершины, есть два больших оконных проема, шириной около 5 футов. Узор исчез, но арка углублений плоская, сегментарная, усиленная двумя простыми рельефными ребрами.

Нет никаких следов какой-либо крепости или отдельно стоящего центрального здания. Откопана и сохранена верхушка двухстворчатого окна с плоским верхом, украшенного трилистником. Кажется, это ранний Перпендикуляр. Общий план здания и то, что осталось от его свода и арок, указывают на украшенный период, в течение которого в этом районе в основном использовались как округлые, так и плоские сегментарные арки. То, что осталось, по-видимому, относится к одной дате. Артиллерийский лист lviii. 4. 24. содержит план этого замка в масштабе 10·56 футов на милю, или $1/_{300}$.

Замок Пенрит

PENRITH CASTLE

Scale:—135 Feet to an Inch.

Wyman & Sons, Gt. Queen St. Лондон.

При описании здания было сочтено удобным назвать башню обращенной на север, но на самом деле она выходит больше на северо-восток.

Судя по прямоугольному плану земляных валов и преобладанию римских руин в округе, было высказано предположение, что замок занимает место римского лагеря, и что его материал,

который, как утверждают некоторые, был взят из Мейбурга, был заимствован из какого-то римского здания. Последнее предположение, без сомнения, вполне возможно. Конечно, материал был взят не из Мейбурга, который никогда не смог бы поставлять ашлар в больших количествах.

Несомненно, что ни в ранние нормандские времена, ни в то время, когда поместье было наследием королей Шотландии, здесь не было замка. От них он перешел к Джону Балиолу и был конфискован вместе с другими его английскими владениями в конце тринадцатого века. Тогда им владели Невилы из Раби. Ричард, герцог Глостерский, владел замком и поместьем и, похоже, часто бывал здесь. Вероятно, он сделал какие-либо чисто перпендикулярные пристройки, о которых могут остаться свидетельства.

Сохранились две лицензии, одна на зубчатую застройку города Пенрит, выданная 20 Эдуардом III; а другая, 22 Ричардом II, Уильяму де Стрикленду, с разрешением изготовить каминную доску из камня и извести и обделать ее зубцами. Вероятно, нынешний замок и есть упомянутая каминная доска.

ЗАМОК ПЕВЕНСИ, САССЕКС.

ПЕВЕНСИ - в некоторых отношениях самое интересное место на юге Англии. Он не только тесно связан с историей Англии в одиннадцатом и двенадцатом веках, но и его древние и нынешние названия, а также часть материалов, сохранившихся в каменной кладке и земляных сооружениях, тесно связывают его с британской, римской и ранней английской оккупацией нашего острова.

Это было, без сомнения, главное место в великом лесу Андериды, который в отдаленные времена простирался по югу Сассекса и Уилду Кентскому, и остатки которого нередко можно увидеть в очень многочисленных диких парках, расположенных в этих районах. Британское название как леса, так и города сохранилось в его римской форме, и на местоположение последнего до сих пор указывают его римские стены и башни, которые, как и в Порчестере, были встроены в более позднюю крепость. Римляне, вероятно, оставили Андериду в хорошем состоянии. Вряд ли можно было пренебречь одним из главных оплотов "Comes littoris Saxonici", и из саксонских хроник явствует, что бритты хорошо осознавали его ценность и защищали его от своих пиратских захватчиков с яростью, но бесполезной доблестью. В конце пятого века он был осажден и взят Эллой, Циссой и их последователями, и каждый британец в нем был предан мечу.

Андредес-честер, или Andreceaster, от римского и британского, превратился в английскую крепость, и постепенно Лес Андредес-уилд стал объектом культивации. Смена хозяев также привела к смене названия, и предполагается, что остров или "глаз" на болоте перешел в собственность "Пеофна", откуда, как считается, и произошло его нынешнее название.

При английском правлении постепенно вводились подразделения и названия, обозначающие собственность, и Певенси стал главным городом штата, эту честь он поделил с Чичестером, Арунделом, Брамбером, Гастингсом и Льюисом, в каждом из которых город отличался ранними земляными работами, а в Чичестере - римскими стенами. Каждое из этих Изнасилований имело свой город и крепость, и каждый город был расположен на реке. Город Певенси поднимается на лесистом хребте около Пенсхерста и

Даллингтона рядом ручейков, которые извиляются поперек болотистой равнины Певенси, пока немного выше замка они не образуют то, что до сих пор известно как олд-Хейвен и использовалось в двенадцатом веке. Еще в 1317 году Эдуард II предоставил грант. упоминает болота как затопленные морем, и как ничейные. Тогда замок стоял на берегу моря, от которого сейчас его отделяет более мили, и вся равнина, протяженностью во много квадратных миль, по-видимому, представляла собой непроходимое болото, покрывавшее крепость с юга и востока и в некоторой степени с севера. Холм, должно быть, таким представлялся Юлию Цезарю, если, как обычно предполагается, он здесь высадился, и поэтому, с возведением римских стен, его, несомненно, видели Эллы и его последователи, а 500 лет спустя герцог Вильгельм, когда он высадился между Истборном и Гастингсом и выбрал возвышенность к востоку от этого замка для своего похода вглубь страны, чтобы дать сражение. “Mare transivit, - гласит гобелен из Байе, -et venit ad Pevensæ”, а в "хронике битвы" говорится, что он высадился на берег “prope castrum Pevensel dictum”, откуда солдаты отправились за провизией в Гастингс. Значит, именно здесь, под этими самыми стенами, Завоеватель захватил сейсин из своего еще непокоренного королевства.

Певенси при норманнах снова стал важным местом и одной из гаваней, через которые монархи поддерживали свои связи с Нормандией. Именно поэтому король предпринял свое возвращение в Нормандию в 1067 году. Вильгельм подарил его своему сводному брату Моретейну, который, как говорят, построил там замок. Что он на самом деле построил, неизвестно, и единственная существующая каменная кладка, которая, возможно, относится к его времени, - это сломанная надстройка одной или, возможно, двух римских башен и несколько грубых ремонтных работ, выполненных на фасаде одной из них. Но что бы он ни делал, он удерживал и продолжал удерживать римский замок до своей смерти, и так он удерживал его против Уильяма Руфуса в 1088 году, пользуясь поддержкой и ободрением епископа Байе Одо и надеждой, что герцог Роберт придет им на помощь из-за моря. Эта надежда была ошибочной. Руф, взяв штурмом холм Тонбридж, осадил Певенси. Гарнизон был храбрым, граф-епископ и его брат граф были искусными полководцами, стены были высокими и крепкими, и в течение шести недель король во главе многочисленной армии тщетно штурмовал это место. Запоздалый отряд, посланный герцогом Робертом, а не возглавляемый им, попытался высадиться под стенами замка, но, хотя английские солдаты короля, таким образом, оказались между двойной атакой из замка и кораблями, они одолели захватчиков и, по большей части, перебили их. Замок был сдан, и Одо, препровожденный под охраной в Рочестер, ухитрился проникнуть в этот замок и убедить его гарнизон держаться.

Следующий раз Певенси попадает в поле зрения в 1101 году как место сбора армии во главе с Генрихом I. для отражения ожидаемого вторжения герцога Роберта. Он был настолько успешен, что захватчики были вынуждены высадиться в Порчестере. Либо при графе Уильяме Моретейнском, который был взят в плен при Тенчбрэ и потерял свои земли, либо при его преемнике Гилберте де л'Эгле титул лорда Леви Певенси был возведен в ранг Почетного звания и, наконец, стал именоваться “Честь Аквилы”. В 1144 году замок подвергся нападению Стефана, и его защищал Жильбер де Клер, который затем удерживал его для императрицы, сыну которой Генриху он был пожалован Генрихом I. Затем он перешел к королю Стефану и около 1216 года стал собственностью Уильяма де Уоррена под властью короны и после различных конфискаций и реставраций был окончательно потерян семьей Де Аквила в правление Генриха III. Джон, граф Уоррен, укрылся здесь в 1264 году, после неудачного сражения при Льюисе, а в следующем году он был удержан Петром Савойским за короля против младшего де Монфора. Очень немногое из нынешней средневековой каменной кладки могло устоять во время этих различных осад. Крепость этого места, должно

быть, в основном зависела от римской внешней стены, снабженной, без сомнения, средневековым парапетом, над которой возвышался раннеанглийский холм, с, вероятно, деревянной или каменной кладкой на нем.

Около 1269 года он попал в руки принца Эдуарда и некоторое время оставался в короне. В 1309 году он находился в аварийном состоянии, “Confractum et male custoditum”, поскольку Эдуард I. отказался его ремонтировать. Должно быть, вскоре после этого, судя по свидетельствам существующей каменной кладки, были сделаны нынешние пристройки, то есть либо в конце тринадцатого, либо в самом начале четырнадцатого века. Башни приписываются Эдуарду II в 1309 году.

Песня Певенси “Жизнь и Леви народа” была включена в обширные гранты, предоставленные Эдуардом III. Джону Гонту, при котором Пелхэмы и герцогство Ланкастер стали наследственными констеблями. В 1399 году леди Пелхэм отличилась тем, что отстояла замок для Ричарда II. против объединенного *отряда* графств Кент, Сассекс и Суррей. После этого события он в основном использовался как государственная тюрьма. Эдмунд, герцог Йоркский, был заключен сюда в 1405 году и в своем завещании свидетельствует о хорошем обращении с ним; сюда же были заключены Джеймс I Шотландский в 1414 году и в 1419 году Жанна Наваррская, последняя королева Генриха IV. В 1650 году замку едва удалось вырваться из когтей парламента, поскольку материалы были фактически проданы для строительных целей.

История здания, хотя и подкрепляется отрывками из публичных архивов, в основном должна быть установлена путем изучения материальных остатков. Постройки римского периода попали под пристальное и очень точное внимание мистера Роуча Смита; настоящая статья посвящена главным образом средневековым пристройкам как в земляных работах, так и в каменной кладке.

Описание.

Римская крепость в плане имеет округлую форму, 220 ярдов к северо-востоку и юго-западу на 115 ярдов, и занимает площадь от 8 с половиной до 9 акров. Он окружен стеной, укрепленной башнями, и здесь, как и в Лайме, очертания плана, очевидно, определялись рельефом местности, на которой стоит замок и которая возвышается на 8-10 футов над уровнем моря, а также окружающим его болотом или лугом. Толщина стены на всем протяжении составляет от 10 до 11 футов, а в настоящее время - от 20 до 30 футов в высоту. Длина контура составляет около 580 ярдов. На изгибе ограды, направленном на юго-запад, находится главный вход, почти сохранивший свой первоначальный вид. Две полукруглые башни, расположенные на расстоянии 28 футов друг от друга и диаметром 20 футов, с плоскими сторонами, придающими им глубину 30 футов и высоту 30 футов, выступают на 20 футов от занавеса и были соединены поперечной стеной, от которой сохранился только фундамент, и в которой были внешние ворота. Эти башни не совсем параллельны, но их более длинные оси слегка расходятся наружу. Они цельные и не имеют внутреннего выступа, но от каждого из них стена отходила назад на 18 футов, заканчиваясь поперечной стеной, в которой находились вторые ворота, фундаменты которых показывают, что в основании было отверстие в 9 футов. Эта прямоугольная сторожка, должно быть, напоминала сторожки в Порчестере и, как и те, очевидно, была переделана в соответствии с нормандским входом, от которого сохранился один косяк внешних ворот.

Помимо башен по бокам от входа, на навесной стене есть еще одиннадцать. Они также цельные, такой же высоты и возраста, как занавес, и без внутреннего выступа. Ширина их

варьируется от 14 до 20 футов, а выступ от стены - от 14 до 16 футов. Они расположены на разном расстоянии от 14 до 35 ярдов. Помимо тринадцати стоящих башен, есть две смещенные и разрушенные, а также фрагменты двух других, всего их семнадцать. Они расположены ближе всего к северо-западному и северному фронтам, где площадка снаружи самая высокая. К югу и востоку их совсем немного, поскольку мелководное, илистое море и болото считаются достаточной защитой. Помимо главного входа, здесь было три боковых входа, из которых тот, что на северо-востоке, используется до сих пор. Та, что к северу, разрушена, но ее остатки показывают, что она проходила наискось, по небольшому изгибу, сквозь стену. Южный задний вход, вероятно, был водяными воротами. В южной стене было проложено отверстие для стока воды, площадью около 18 квадратных дюймов, выходящее в сторону моря. Хотя стена по большей части густо увита плющом, довольно очевидно, что местами она все еще увенчана более поздней зубчатой стеной, а одна из северных башен, первоначально высотой 32 фута, имеет 18-футовую надстройку, которая, судя по боковому окну, относится к нормандскому периоду.

Стена была проломлена с северной стороны на протяжении 65 ярдов, и ее масса, выброшенная вперед, все еще загромаждает землю снаружи. К югу находится гораздо более длинный пролом, по крайней мере, в 200 ярдов. Это, по-видимому, образовалось в результате просадки почвы, в результате которой фундамент был сдвинут вперед целиком на несколько футов. В восточном конце стена также была разрушена, но здесь ее фрагменты, которые имеют значительный объем, перемешаны с другими более поздними сооружениями в дикой, но не абсолютно неразрывной путанице. Большая часть северной стены была пробита на значительную глубину, на уровне земли, но фундамент остался целым. Считается, что это работа покупателя руин в 1650 году, но, возможно, это работа каких-то ранних нападавших, хотя более вероятно, что они работали под поверхностью земли и вставили деревянные подпорки под основание каменной кладки, которые при поджоге привели бы к разрушению всей надземной массы. Здесь не использовался порох.

Очевидно, что раньше у подножия стены на южном фасаде был ров, наполненный водой, где ее действительно можно проследить до сих пор. Вдоль северного, западного и восточного фронтов стена граничит с дорогой, для создания которой был засыпан ров, который, вероятно, никогда не был очень широким или глубоким. Не может быть никаких сомнений относительно авторов внешнего *ограждения*, как стены, так и башен. Все они датированы одним или почти одним годом и явно римские, и, что не всегда бывает, башни встроены в стены. Основа кладки - очень грубо обработанный кремневый щебень, состоящий в основном из кремней и гальки с соседнего морского пляжа, смешанных с угловатыми фрагментами камня, все это скреплено очень свободно применяемым строительным раствором. Этот раствор удивительно белого цвета и содержит множество мелких камешков, практически не битую плитку и преобладание песка. В целом строительный раствор прочно схватился и хорошо удерживает вместе довольно разнородную массу материалов. Облицовка работ, как внутри, так и снаружи, состоит в основном из прямоугольных камней из Истборна или Бичи-Хед. Обычно они имеют размер около 6 дюймов на 4 дюйма на лице, но иногда достигают размеров 12 дюймов на 6 дюймов. Нижние ярусы на уровне земли сложены из более темных и гораздо более крупных камней, а в стене над ними иногда встречаются двойные полосы черепицы, а иногда и из камня, почти такого же цвета, как черепица. Большая часть облицовки в нижней части стены была снята, но внутри эта отделка ограничена частью стены, расположенной чуть выше уровня земли, которая искусственно поднята выше уровня естественного грунта. В некоторых местах эта надстройка достаточно высока, чтобы превратить нижнюю часть каменной кладки в подпорную стенку. Считалось, что использованная таким образом земля была заимствована из "Внутренней канавы",

ранней английской работы. Возможно, это так, но более вероятно, что содержимое этого рва пошло на формирование насыпи, и не исключено, что поднятая почва может быть взята из рвов британского лагеря, существовавшего до римской оккупации.

Римляне, построившие внешние стены, по-видимому, довольствовались единственной линией обороны; но норманны обошлись со всей территорией по-другому. Внутри участка, на его восточном конце, был насыпан холмик высотой около 30 футов со столешницей; он, хотя и находился внутри участка, находился на его краю и упирался в восточную стену. Материал для насыпи, по-видимому, был взят из рва, который окружал примерно две трети его окружности, простираясь от стены к стене, и который, таким образом, изолировал его от остальной территории Рима. Эта канава была засыпана, вероятно, чтобы освободить место, но ее линия все еще отмечена небольшим углублением в почве. Таким образом, укрепленное место было бы сформировано почти в соответствии с ранней английской практикой, имея насыпь или берег с соответствующим рвом и пристроенным двором. Единственной особенностью было бы то, что двор был обнесен стеной, и, таким образом, ров насыпи был бы перекрыт каменной кладкой, а внешняя сторона насыпи поддерживалась бы ею.

Норманны, которые сразу поняли ценность Певенси и завладели им, вероятно, какое-то время довольствовались римскими стенами в том виде, в каком они стояли, и обнесенной частоколом цитаделью в кургане. По крайней мере, нет никаких определенных следов какой-либо очень ранней нормандской кладки. Действительно, единственная каменная кладка нормандского времени, которую сейчас вообще можно увидеть, - это фрагмент стены с окном, остатки надстройки на одной из северных башен, несколько лоскутных изделий из кремня и несколько каменных рядов, выложенных в виде селедочной кости, с помощью которых был отремонтирован фасад другой римской башни. Если бы норманны одиннадцатого или двенадцатого веков построили какие-либо восточные стены, сторожки или фресковые башни внутри двора, от них, вероятно, остались бы какие-то следы. Часовня, действительно, судя по ее размерам, была нормандской, и основание купели определенно нормандское; и вполне возможно, что бесформенные фрагменты бытовой кладки, которые загромаждают вершину и склоны насыпи, могут быть того же, то есть поздненормандского, времени. По правде говоря, замок, каким его нашли норманны, был очень сильным местом. Стенам нужна была только зубчатая стена, и даже если бы ее удалось преодолеть, укрепленный частоколом холм был бы вполне пригоден для обороны до тех пор, пока хватало провизии.

В настоящее время римская *ограда* содержит остатки крепкого и сносно совершенного средневекового замка. Это, как обычно в таких случаях, принимает форму дополнения к оборонительным сооружениям кургана, отделяя его как цитадель от остальных сооружений. Было использовано преимущество широкого и глубокого рва, протянувшегося с востока до южной стены, длиной 210 ярдов, изогнутого на запад или наружу, и который перекрывал насыпь и часть большой территории и, таким образом, образовывал внутренний двор площадью около акра с четвертью, вмещавший насыпь или крепость. Ров, который, вероятно, снабжался водой из моря на своем южном конце, дает ответвление на север, к римской башне, называемой сторожевой башней, и это отсекает северо-восточный угол площадки, который, таким образом, образует своего рода небольшую среднюю полосу между ответвлениями рва. За рвом находится навесная стена, в центре которой находится довольно претенциозная сторожка и три большие барабанные башни, две из которых примыкают к сторожке, а одна расположена к северу от нее.

Сторожка у ворот направлена на запад, напротив сторожки римского района, ныне внешнего подворья, на расстоянии 184 ярдов. Перед ним находятся две прочные опоры подъемного

моста шириной 14 футов, к которым можно подойти снаружи между изогнутыми стенами крыльев. Опоры были облицованы тесаным деревом, которое сейчас снято. Расстояние между ними составляет 12 футов, а возможно, и 10 футов. Сторожка состоит из двух полукруглых башен, возведенных задом наперед, чтобы вместить входной проход. Снаружи эти башни чем-то напоминают башни римских или внешних ворот, которые, возможно, послужили их образцом. Их петли необычной длины, одна из них 15 футов в длину. Видны вентиляционные отверстия двух гардеробных, открывающиеся заподлицо со стеной. Одно, похоже, является нижним концом петли. Они состоят из подвала, цокольного и верхнего этажей, обращенных к полю, без сводов и должным образом оборудованных гардеробными. Северная башня, облицованная прочным, хотя и довольно открытым тесаным деревом, все еще стоит, хотя и изуродованная. На ее первом этаже находится камин. Южная башня полностью разрушена. Входной проход находится в относительно идеальном состоянии, хотя ворота на каждом конце исчезли, как и верхняя камера для обработки опускающей решетки, на которой сохранилась часть пазов. Проход шириной 12 футов и длиной 35 футов был перекрыт сегментарным сводом, укрепленным простыми широкими скошенными ребрами, которые сейчас сломаны, а в своде, немного позади опускающей решетки, находится большое квадратное центральное отверстие или “мертриер” для защиты прохода. В каждой стене есть аркада из двух арок, большей и меньшей, с низкими заостренными концами. Большие арки закрыты, меньшие пронизаны дверями, ведущими на первые этажи сторожки.

По бокам сторожки, на расстоянии 33 ярдов к северу и 54 ярдов к югу, расположены две большие круглые башни, каждая из которых закрывает угол занавеса. Северный занавес имеет слегка выступающее основание или цоколь. Стена вертикальная. Между ними нет ограждения. Северо-западная башня имеет диаметр 30 футов и имеет подвал, цокольный и верхний этажи. Подвал, хотя и находится ниже уровня внутреннего отделения, находится на уровне земли снаружи. Он имеет аркаду с шестью арками по закругленным бокам и одной в плоском конце или ущелье. Эти арки имеют каплевидный узор с двойной спиралью, и между каждой парой пружин имеется формованное ребро, по одному от каждого из двух прямых углов, всего восемь. Они отколоты, но виден их профиль, и можно сделать вывод о плане хранилища. Вход в эту камеру осуществляется по прямой лестнице из внутренней палаты, а у подножия лестницы находится вестибюль на левой или западной стороне, ведущий к заднему дверному проему, расположенному на стыке башни с занавесом. В стене ущелья находится камин, колпак которого, по-видимому, был сделан из дерева. Трудно понять, для чего могла быть предназначена эта комната с ее богато украшенными деталями и камином, да еще наполовину находящаяся под землей.

На первый этаж можно попасть из внутренней палаты через отдельный вход, в правой или восточной стене которого есть отверстие, ведущее в продолговатую сводчатую комнату с фресками, скрытую за занавеской. В этой камере есть слив для воды, а над ним, в стене, три выступающих выступа, а над ними небольшой дверной проем с сегментарной головкой, который сейчас заделан. Это очень своеобразное сооружение, и оно выглядит так, как будто там было деревянное сооружение, возможно, гардеробное помещение, закрепленное в скобках на лицевой стороне стены, над рвом, примерно в 10 футах от земли. На верхний этаж башни можно было попасть с зубчатых стен, башня возвышалась над стеной. Сводчатым был только цокольный этаж. Каждая сцена освещается или, скорее, вентилируется петлями, выходящими на поле.

Южная фланговая башня почти соответствует образцу последней описанной, за исключением того, что цокольный этаж не имеет аркад и ни один из этажей не сводчатый.

Третья башня на северной стене, в 36 ярдах от северо-западного фланга, выполнена по тому же образцу, за теми же исключениями. Лестница, ведущая в подвал, имеет боковую дверь, выходящую на задний проход в восточной стене с сегментированным изголовьем, а от входа на первом этаже на запад открывается длинная фресковая камера, аналог той, что описана как пристроенная к северо-западному флангу, также имеющая кронштейны и карнизы, и небольшую дверь в стене на высоте 10 футов над землей, как будто для деревянного шкафа. Все это обычные башни, но в южной стене, где можно было бы ожидать появления башни, есть задний ход, который пронзает стену на стыке с римской стеной, а снаружи и перед ней находится фрагмент римской башни, который выдвинулся вперед на несколько ярдов и образует своего рода бастион, скрывающий и защищающий задний ход. Очевидно, что смещение башни старше нормандского периода, и более поздний строитель воспользовался этим преимуществом. В северной стене этого внутреннего двора, под северной и северо-западной башнями, находится большой камин, возможно, в зале. Кухня, вероятно, находилась в северо-западной башне, и к ней примыкал большой настенный водосток.

Курган, занимавший восточную оконечность замка и вмещавший в себя цитадель, сохранился в относительно идеальном состоянии, хотя и сильно загроможден руинами, образовавшимися, очевидно, от пороха. У его восточной стороны, поддерживая насыпь, возвышается римская башня, которая была встроена в крепость, а ее массивный верх был укреплен зубцами. У кургана есть выступ земли к северу, вероятно, соединяющий его с северной стеной, но в настоящее время ничего определенного установить невозможно, хотя фундамент на нем, если бы его вскрыли, вероятно, что-то обнаружил бы.

Поскольку средневековый замок расположен в восточной части римской территории, его восточная сторона соприкасалась с римской границей, которая здесь является общей для обеих областей. Примерно четыре пятых окружающей стены замка средневековые, но остальная часть, расположенная восточнее, римская, что, таким образом, является общим для обеих крепостей. Начиная с южной задней двери, где две стены соприкасаются, к большому недостатку более поздней каменной кладки, римская стена продолжается, частично подпираемая более поздним контрфорсом, пока не достигает римской башни, которая соединяла ее с насыпью крепости. За этим, проходя на юг и восток, туда, где средневековая стена берет начало от римского *ограждения*, римская стена была оставлена для поддержки насыпи, но примерно в 6 футах перед ней была построена средневековая стена толщиной 9 футов, вероятно, чтобы предоставить больше места наверху и помочь в поддержании земляных работ. Замок подвергся нападению с этой стороны, или же те, кто разбирал его, думая, что это самая прочная часть, заминировали и взорвали его, поскольку гласис на протяжении многих ярдов покрыт огромными массивами каменной кладки, которые, очевидно, были смещены взорванным в больших количествах порохом. В одной части, примыкающей к римской башне, видны две стены. Около 20 футов средневековой стены толщиной 9 футов и высотой 10 футов стоит нетронутой, хотя выше этой высоты ее надстройка была снесена. За ним находится римская стена примерно такой же высоты, не только уменьшенная в высоте взрывом, но и наклоненная вперед. Вот что произошло в этом квартале, и история этого ясна даже посреди такой большой неразберихи.

В средневековом или внутреннем дворе раскопки показывают расположение и план часовни с нефом 40 футов на 16 футов 8 дюймов в ширину и алтарем 12 футов 8 дюймов на 11 футов 6 дюймов. Сохранился фрагмент купели. Часовня, без сомнения, датируется Нормандией и, следовательно, старше замка в его нынешнем виде. Существует также грубая колонна *piscina*, подобная той, что время от времени встречается в нормандских зданиях. В

Гламорганшире есть одна или две. Бесплатная часовня в замке упоминается в пожаловании Джона Гонта. Колодец также был обнаружен у подножия кургана. Он цилиндрический, диаметром 7 футов и облицован тесаным деревом на глубину 52 фута, ниже которого он квадратный и облицован деревом.

Римские сооружения в Певенси были исследованы, как уже говорилось, мистером Роучем Смитом. К сожалению, средневековому замку повезло меньше, и он не был точно описан. Краткое, но полное и блестящее описание Певенси и указание на роль, которую он сыграл в кампании 1066 года, можно найти в книге мистера Фримена “Нормандское завоевание”. Это также играет заметную роль в его недавней жизни Красного Короля.

ЗАМОК ПИКЕРИНГ, ЙОРКШИР.

Замок и город Пикеринг стоят на южной окраине вересковых пустошей северо-восточного Йоркшира, где возвышенность переходит в широкую полосу лугов, которая под названиями Карр, Инг, Мариш и Боттом простирается на юг почти до Малтона, а также на восток и запад от Скарборо до Хелмсли. Это район, известный как Лит, или Долина Пикеринга, главной резиденцией которого был замок.

Один из главных перевалов, впадающих в Литу с севера, - это тот, который сейчас занимает железная дорога Малтон и Уитби, и по которому течет Пикеринг-Бек, приток (через Коста-Бек) рек Рай и Дервент. Перевал представляет собой скорее овраг, чем долину, он глубокий, каменистый, узкий и извилистый. Замок занимает скалистый холм недалеко от того места, где перевал выходит на равнину, и стоит в нескольких ярдах к востоку и на высоте 100 футов или более над ручьем, на обоих берегах которого построен город, ниже и под непосредственной защитой замка.

Позиция находится на скалистом мысу, примерно в 70 или 80 футах над городом, и резко выдается на север и запад в долину. Таким образом, две стороны, занимающие почти половину площади, естественно прочны. К югу и западу местность плавно поднимается, достигая высоты 200 и даже 300 футов на расстояниях от четверти мили до двух миль. Таким образом, с этих сторон оборона искусственная и состоит из глубокого и широкого рва, который выходит в долину с каждого из ее концов. Она довольно сухая, и, судя по ее положению и уровню, вероятно, всегда была такой: часть ее действительно вела к задней двери.

Защищаемая таким образом территория несколько отклоняется к западу. Она грушевидной формы, стебель направлен на юго-запад. Ее поперечные размеры составляют примерно 500 футов на 350 футов. Он заключен в навесную стену значительной высоты и прочности, обращенную к фасаду города, и имеющую на южной половине четыре башни. На северной половине раньше были две, обе из которых исчезли. Цитадель и внутренняя сторожка относятся к обоим подразделениям, находясь на общей для обеих линии. В пределах общей территории и довольно близко к ее северо-восточному или большему концу находится коническая насыпь с плоской вершиной, полностью искусственная и окруженная круглым рвом, часть которого к востоку вырублена в скале. На этом холме стояла цитадель, и от нее, почти с противоположных сторон, отходил поперечный занавес, который пересекал

площадь почти в самом большом диаметре и вместе с цитаделью делил ее на два почти равных участка, на север и юг. На внешнем или южном фасаде этой стены находится глубокий и широкий ров, который простирается от рва кургана в каждую сторону к *ограждению*, восточная часть которого выходит во внешний ров, а западная - на поверхность невысокого утеса. Однако каждое из этих отверстий пересекает главный занавес. На южной и более длинной стороне поперечной завесы находятся внутренние ворота, ведущие из одного прихода в другой, и напротив внешних ворот, которые находятся на южном фасаде.

Все четыре уже упомянутые фресковые башни находятся в южном приходе. Это Мельничная башня, Башня Розамонды, Башня Дьявола и Надвратная башня. В башне Дьявола есть задний вход. Помимо цитадели, Лиланд упоминает три башни в северном приходе. Внутренние ворота были одними из них, а два других, вероятно, закрывали два угла этого прихода. Домашние постройки во времена Лиланда были деревянными и исчезли. Сохранилась оскверненная часовня, дата нынешнего здания которой весьма сомнительна.

Насыпь имеет диаметр 76 футов на плоской вершине, высоту около 70 футов, а у ее основания на дне окружающего рва около 220 футов в диаметре.

Крепость, расположенная на ее вершине, представляла собой каменную оболочку толщиной от 6 до 7 футов; внутри она круглая, а снаружи, по крайней мере частично, многоугольная; и, возможно, первоначально была неугольником со сторонами 24 фута. От этой раковины сохранились два фрагмента, расположенные почти на противоположных сторонах участка, один длиной 35 футов и содержащий две петли, другой длиной 24 фута и содержащий полторы петли. Они находятся на уровне земли. Они 6 футов в высоту и открываются на 3 дюйма, с голубиным хвостом на нижнем конце и короткой поперечиной. Каждый помещен в круглое углубление диаметром 6 футов и растопырен. Высота фрагментов около 18 футов, и, возможно, до вала было 20 футов. Снаружи стена поднимается с низкого простого постамента. Стена сложена из грубого, грубо обтесанного щебня, с облицовкой из ясеня и куоинами по двум оставшимся углам. За пределами стены есть выступ или дорожка шириной около 2 футов.

С противоположных сторон насыпи поднимаются поперечные завесы под очень тупым углом, так что немного большая часть основания насыпи приходится на южную сторону, чем на северную. Эти завесы имеют толщину 7 футов и построены на склоне и поперек рва насыпи, самая глубокая из которых имеет высоту около 70 футов. В настоящее время они заканчиваются у верхнего края насыпи и, по-видимому, не были выше, если не считать парапета, или примыкали к крепости. Это то, что появляется в Тикхилле и Тамворте. Несомненно, парапет был продолжен у стены крепости, и там, возможно, был задний ход, как в Хавардене, где, однако, сама стена примыкает к крепости. Восточная оконечность относительно идеальна до противоположного края рва. Затем его разбивают на несколько футов, но в конце концов видно, что он упирается во внешний занавес, рядом с Башней Дьявола. Другой, или западный, ответвление простирается до башни внутренних ворот. Ближе к стыку занавес несколько утолщен и очень высок. Здесь прямой лестничный пролет поднимается от крепостного вала ко второму крепостному валу выше, так что получается два ряда петель, верхняя из которых находится на зубчатой стене. Возможно, здесь была деревянная галерея, чтобы расширить верхний вал.

Надвратная башня, у которой заканчивается занавес, была не сторожкой, а башней сбоку от ворот, но не имевшей с ними сообщения, как в Кардиффе и Огморе. Эта башня имеет 21 фут в ширину и 16 футов в глубину, подвал и два этажа. Ворота, восточную сторону которых она

образовывала, вероятно, были простым отверстием в занавесе. Дальняя сторона исчезла, но на стороне башни нет никаких следов сводов или опускной решетки, и есть только одна перекладина для дверей. Здесь был подъемный мост с пролетом 6 футов, от которого сохранился контрполотень. От ворот поперечная завеса продолжалась до тех пор, пока не уперлась в западную завесу. Вся эта часть исчезла, или почти вся. Перед поперечной завесой находится ров, пересеченный внешней завесой с каждого конца и уходящий в ров насыпи, как уже упоминалось. Именно из этого рва открывается внутренний вход в Башню Дьявола. Этот поперечный занавес сделан из грубой каменной кладки, и, по крайней мере, его нижняя часть вполне может быть нормандской работы.

Из башен во внешнем дворе первой обращает на себя внимание Мельничная башня. Она венчает восточный угол замка. Площадь дома 31 фут 6 дюймов, толщина стен 10 футов. В нем есть подвал и два верхних этажа, все когда-то обшитые деревом. Он построен из превосходного ясеня. Подвальная камера находится на уровне отделения, но на 20 футов или более выше рва. Ее площадь составляет 11 футов 6 дюймов, и с внутренней стороны в нее ведет остроконечный дверной проем. На его внешней грани находится довольно своеобразная петля. Углубление в форме плеча, шириной 4 фута 3 дюйма и глубиной 5 футов, сходится к отверстию в 4 дюйма, стороны которого параллельны на протяжении 5 футов. На сгибе петли, в ее скудном свете, какой-то заключенный вырезал круг с цифрами. Снаружи, в западной стене, находится устье небольшого стока из этой камеры, которая, очевидно, была тюрьмой. Первый этаж находится на уровне крепостного вала внешней завесы, и попасть туда можно по внешней каменной лестнице, защищенной парапетом высотой 6 футов 6 дюймов. Дверной проем имеет равностороннюю форму с глубокими молдингами, выступающими углами и поперечным ребристым проходом. Площадь камеры составляет 15 футов 6 дюймов в квадрате. В западной стене находится гардеробная комната шириной 2 фута 6 дюймов и длиной 10 футов, с петлей и внешним побегом, на одном уровне со стеной. В южной стене находится равносторонняя арочная ниша с ребристым бочкообразным сводом и каменными сиденьями, а в ней - двухсветное окно с плоским верхом, обрамленное трилистником. В восточной стене находится простой камин с квадратной головкой и дверь, тоже с квадратной головкой, ведущая на лестницу-колодец, которая отсюда поднимается на зубчатые стены и верхний этаж. Эта лестница находится в треугольном выступе башни. Она заканчивается наверху под ребристым и куполообразным покрытием.

Башня Розамонды венчает юго-западный угол занавеса. Она сделана из ясеня, 22 фута в ширину и 24 фута в глубину, и не имеет внутреннего выступа. Полы были деревянными. В нем есть подвал примерно в 5 футах над уровнем двора, а также первый и второй этажи. Подвал, в который можно попасть из палаты, имеет размеры 10 на 8 футов и имеет одну петлю. Стена ущелья на уровне вала пронизана галереей, ведущей к проходу по валу. Галерея спускается и снова поднимается на 4 фута, причем первый этаж находится намного ниже уровня вала. На этот этаж, по-видимому, также вела внешняя лестница, построенная над нижним дверным проемом.

Дьявольская, или Задняя башня, расположенная к северо-востоку от крепости, имеет прямоугольную форму и сделана из тесаного дерева и имеет только внешний выступ. Его ширина составляет 22 фута, глубина - 27 футов. Подвал сводчатый, в нем есть задний проход. Внутренняя дверь, заостренная, открывается на дне рва поперечной завесы; сейчас она почти засыпана. Внешняя дверь замурована. Он заостренный, с отверстием 3 фута 6 дюймов и помещен в углубление с квадратной головкой глубиной 6 дюймов, шириной 5 футов и высотой 10 футов, предназначенное для установки моста в поднятом состоянии. У подножия этой двери, снаружи, в двух больших камнях, есть два отверстия диаметром 6 дюймов и

глубиной 18 дюймов, в которых находилась деревянная ось подъемного моста. Вверху находится центральное отверстие для цепи для работы моста. Цепь, должно быть, несла хомут или что-то вроде перекладины длиной 4 или 5 футов с боковыми цепями, прикрепленными к бокам платформы, такими, какие использовались в Реглане и до сих пор используются в Веронском замке. У этого моста, должно быть, была специальная яма, поскольку путь к нему, внутри и снаружи, пролегал по дну обычных рвов. Над дверью расположена крестообразная петля, а еще выше - простая. Подход к этому заднему ходу лежал с луга к северу от замка, вверх по устью рва, примыкающего к этому месту. На первый этаж этой башни можно попасть через украшенную круглой головкой дверь с наружными ступенями, через настенный проход шириной 3 фута и длиной 20 футов, в одном конце которого находится гардеробная. Передний этаж размером 8 на 12 футов, с крестообразной петлей. На второй этаж можно попасть со стороны вала. Стена ущелья совпадает с занавесом и пробита для проведения дорожки по валу. Из занавеса, расположенного ближе к югу от башни, выступает очень красивая скошенная скоба, проткнутая, как древко гардероба, и достойная более благородного применения.

Примерно в 12 футах к северу от башни, на стыке креста и главного занавеса, находится прямоугольная башенка площадью около 12 квадратных футов, прорезанная для прохода по крепостному валу. Его использование, по-видимому, заключается в том, чтобы разорвать связь между крепостными валами креста и главными занавесами.

Башня внешних ворот, которая стоит на южной стороне города, между домом Розамонды и Мельничной башней, в целом построена так же, как и внутренние ворота. Строго говоря, это не сторожка. Занавес разорван и выходит наружу, образуя две параллельные стены толщиной 7 футов и выступом 20 футов. Они находятся на расстоянии 12 футов друг от друга, и между ними находится вход. По линии занавеса этот проход пересекает острая арка толщиной в 2 фута, высотой в 15 футов, а над ней занавес поднимается на 50 футов, образуя своего рода экран, придающий вид башни над воротами. Боковые стены высотой около 20 футов образуют нечто вроде барбакана и, без сомнения, защищают подъемный мост. Дверь наверху открывалась на эти зубчатые стены. Работа выполнена некачественно; нет опускной решетки или порталного свода. Вход совершенно недостоин замка.

Возвращаясь к внутреннему двору, без сомнения, три башни, упомянутые Лиландом, были башней внутренних ворот и двумя по двум углам двора; но их больше нет; хотя, вероятно, если убрать дерн и ежевику, можно было бы увидеть фундамент.

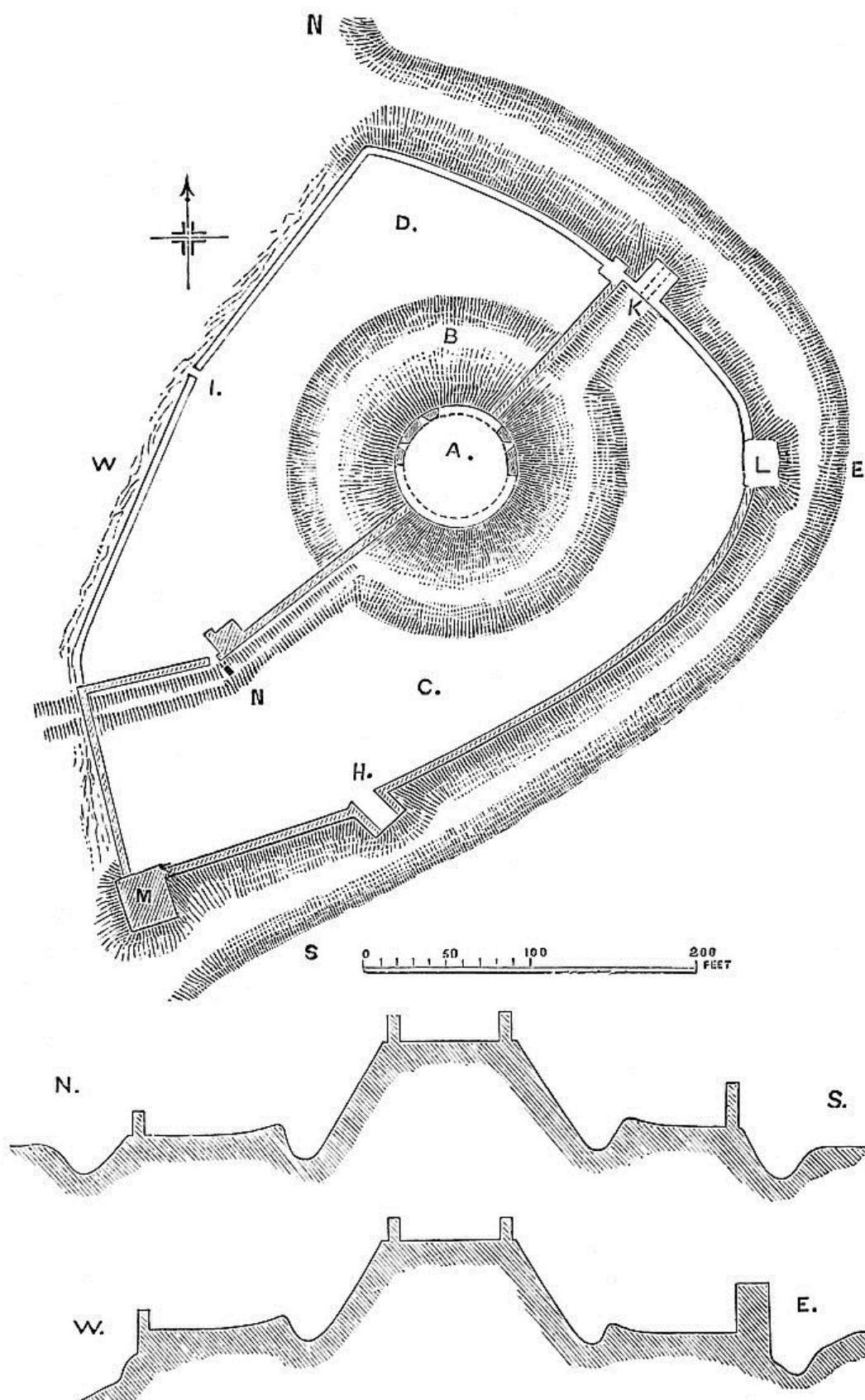
Нормандский дверной проем, возможно, вел в одну из этих башен. В настоящее время он выходит на углубление в занавесе шириной 6 футов, имеющее бочкообразный свод; и высотой 6 футов до *счетов* или веревки, которая отмечает спуск. Дверной проем обрамляли две угловые шахты, ныне исчезнувшие, стоявшие на квадратных постаментах с рифлеными капителями. Архитрав очень богато украшен, его угол украшен бисером, а лепнина в виде заостренных арок повторяется. Это похоже на довольно позднюю норманнскую архитектуру, и это единственная работа в замке, явно относящаяся к тому периоду. Капельница, если она когда-либо была, исчезла. Нет ни откоса, ни следов двери. Соседняя занавеска низкая и ветхая. Здесь есть несколько карнизов, как бы для поддержки ряда одноэтажных зданий. Рядом с этой дверью находится небольшое здание, выглядящее современно, с четырьмя старинными стрельчатыми окнами и дверью, которая, кажется, скопирована с более старой. Говорят, что это замковая часовня, которую видел Лиланд и в которой служил священник. Гроуз называет это маленьким, убогим зданием с несколькими старыми скамьями. Сейчас это картофельный склад.

Замок Пикеринг представляет собой один из великолепных типов англо-нормандской крепости, то есть замок нормандской кладки на английском земляном валу, поскольку нынешние стены, если и не нормандские, то, несомненно, возведены по нормандским линиям. Здесь насыпь не является, как это обычно бывает, частью *окружения*, а имеет концентрическую форму, хотя и расположена не по центру, подобно земляному валу в Барвике в Элмите.

Несомненно, земляные валы были захвачены и обнесены стеной либо в конце одиннадцатого, либо в начале двенадцатого века, в нормандский период, и масса занавесей, а также крепость и нормандская дверь, вероятно, являются остатками этой работы. Но вся крепость была перестроена в украшенный период, добавлены фресковые башни, подняты занавесы, а само место укреплено. Трудно определить возраст ворот. Они могут быть норманнами или принадлежать ко временам Ричарда II., вероятно, к первому.

Говорят, что внутренние постройки были деревянными. Они исчезли. Известного колодца нет. Замокская мельница находилась на реке немного ниже замка. Ров на юге и западе почти засыпан; за ним находится полый ход, ведущий к реке, который, возможно, старый и предназначался как вторая линия обороны.

В "Судном дне" говорится, что во времена короля Эдуарда Пикеринг (Pickeringa) принадлежал графу Моркару. Затем он находился во владении короля с четырьмя *береуиками*, или пристроенными поместьями, и несколькими часовнями или духовными пристройками приходской церкви. Замок и его территория, похоже, никогда не были отчуждены от нормандской короны. В Свитке от 31 года Генриха I. упоминается, что Роберт де Видвилл отчитался о "переписной арендной плате за Пикеринговый лес". В 31 году Генриха II были учтены запасы леса; и в 1 году Ричарда I. Арендная плата была учтена Уильямом Бои и Аланом Фиц-Джеффри, вероятно, тем же, кто встречается в том же году, что и Алан де Пикеринг. В 33 году Генрих II. люди Пикеринга были облагаемы *донумом* для королевской экспедиции, налогом, который время от времени повторялся. В 9 главе Ричарда I. упоминается вапентаке и город Пикеринг; а в 11 главе Иоанна было приказано установить границы между королевским лесом Пикеринга и лесом Н. де Стьютвилля.

- А.Продолжать.
- Б.Внутренняя канава.
- С.Внешняя палата.
- D.Внутренняя палата.

- Н.Внешние ворота.
- I.Нормандский дверной проем.
- К.Задняя башня.
- Башня Л.Милла.
- Башня мсьеРозамонды.
- N.Расположение Внутренних ворот.

ЗАМОК ПИКЕРИНГ.

Король Иоанн был здесь в феврале 1201 года, августе 1208 года и марте 1210 года; каждый раз по одному дню.

В 45 году Генрих III. замок удерживался Хью ле Бигодом против короля вместе со Скарборо, замок которого он получил по Булле Александра VI. сдаться.

Генрих III пожаловал Пикеринг своему сыну, Эдмунду графу Ланкастерскому, примерно в то же время упоминаются поместье, гонорар и лесное хозяйство Пикеринга. В 13 году Эдуарда I. граф получил подтверждение владения поместьем, замком и лесом. После казни графа Томаса замок принадлежал Генри, графу Нортумберлендскому, но после падения Эдуарда II граф Генри вернул его себе. Когда Генрих Ланкастерский высадился в Равенсберне в 1399 году, он двинулся дальше и отвоевал Пикеринг, который затем перешел к королю.

Король Ричард II. был здесь пленником до своего переселения в Понтефракт.

Пек перечисляет Пикеринг среди королевских замков и говорит, что там были управляющий светлости, констебль замка, мастер игры и лесной наездник.

Пикеринг защищал короля во время парламентской борьбы, был разгромлен в вест-Пойнте и демонтирован. Похоже, он никогда не был окончательно отчужден от королевских владений. Корона владела им с момента завоевания до тех пор, пока он не был пожалован Генрихом IV. графу Ланкастеру, с тех пор его история является историей поместий герцогства Ланкастер, частью которого он до сих пор является.

В связи с замком Пикеринг следует упомянуть очень любопытное, хотя и безымянное, но малоизвестное земляное сооружение в непосредственной близости от него. Это даже не обозначено как земляное сооружение на Карте боеприпасов, обычно такой точной, хотя и отмечено как место расположения станции. Он расположен на самой высокой части круглого, поросшего травой холма с пологими склонами, который возвышается на западном или правом берегу Бека, или реки Пикеринг, примерно в 200 футах над водой, напротив замка и немного ниже его. Позиция хорошая, отсюда нет ущелья, которое открывается прямо над городом и замком, и оттуда открывается богатый и обширный вид, особенно на юг и запад, на Рисдейл и в сторону Хелмсли. Труд, затраченный на это сооружение, невелик по сравнению с тем, что было затрачено на земляные работы замка, хотя насыпь является главной особенностью обоих сооружений и свидетельствует об их общем саксонском или раннеанглийском происхождении.

Центральная насыпь, 90 футов в диаметре наверху и 20 футов высотой, опоясана рвом, из которого она поднимается, и по внешнему краю которого находится низкий берег. Вершина кургана ровная, но окружена легкой круглой насыпью, которая, вероятно, была насыпана, чтобы прикрыть нижний край деревянной защиты или жилища, которое, без сомнения, было здесь размещено. Вход, по-видимому, находился с юго-восточной стороны, где есть следы перехода через внешний берег и, возможно, дамбы над рвом. Холм огорожен, и часть его

находится под плугом, так что не видно никаких следов каких-либо внешних или пристроенных ограждений. Работа, хотя ее общие очертания прослеживаются с определенностью, значительно сокращена, а ее детали ослаблены и стали неясными из-за времени и погоды. Однако это земляное сооружение того же общего класса, что и Лоутон, Барвик, Каслтон и другие подобные им в Йоркшире и других местах, и вместе с ними оно заслуживает внимания. Возможно, это более раннее, чем замковый холм Пикеринга, и, вероятно, был заброшен, когда его снесли; возможно, когда богатство и власть владельца позволили ему основать литу, или светлость Пикеринга.

ЗАМОК ПОНТЕФРАКТ, ЙОРКШИР.

“НАША ИСТОРИЯ, - говорит Свифт, - полна упоминаний о замке Помфрет”; и хотя этого давно не существует, и Помфрет сейчас знаменит разве что пирожными и выращиванием корня, используемого для успокоения простудных заболеваний, и фальсификацией кофе “рейлвейз”, когда-то это было очень известное и до сих пор остается очень интересным местом.

Откуда взялось название Понтефракт, и когда и где был разрушен его мост, - это вопросы, над которыми антиквары долгое время ломали голову, видя, что Эйр, единственная речка в округе, через которую нужно перебираться по мосту, находится в двух милях от города и совсем не имеет ширины.

Из нормандских хартий следует, что название этого места было Киркби, название, без сомнения, данное ему, когда церковь и деревушка были основаны как христианское поселение, в старые времена, когда король Освальд Нортумбрийский принял новую веру, событие, вероятно, озаглавленное крестом, который дал название вапентаке, до сих пор известному как Крест Освальда или Осгода. Киркби, однако, не назван в Domesday, хотя, вероятно, даже тогда это был город. Очевидно, он включен в состав поместья Тейтсхолл, или Таншелф, которое принадлежало королю и к которому были присоединены владения Мэйнсторпа, Барнеби и Силчестона. Тейтсхолл был и остается частью города Понтефракт.

Без сомнения, это “Скильф Тадденес”, где в 947 году король Эадред получил клятву верности от архиепископа Вульфстана и нортумбрийского Витана, как записано, с их быстрым нарушением, в англосаксонской хронике. Место, должно быть, уже тогда имело значение, и не может быть никаких сомнений в том, что витаны встречались на месте более позднего замка. Кроме того, он продолжал оставаться важным местом, поскольку во время Конкисты это были владения короны, и в “Судном дне” они были оценены в 20 фунтов стерлингов., с тремя мельницами и больницей для бедных. “Судный день”, без сомнения, означает замок Понтефракт, когда в нем записано: “Омнис торнур седет за пределами кастелли Ильберти, секундум первам менсурам и секундум новиссима менсурам седет дополнительно”. Мета здесь явно является гартom замка или границей его ближайших земель, а не военным *ограждением* или завесой вокруг позиции, относительно которой никакие измерения не могли быть ошибочными, и не Кастелри, который занимал гораздо большую площадь.

Большой приход Понтефракт состоит из шести поселков, одним из которых является собственно Понтефракт. Приход является одним из двадцати, составляющих вапентаке, или ста.

Лиланд, который называет крепость “замком Снорре”, говорит, что до завоевания она принадлежала Ричарду Ашенальду, а затем Эйлрику, Свейну и Адаму, его сыну, внуку и правнуку. У последнего было две дочери, вышедшие замуж за Алекса де Кревекера и Адама де Монбегона. Додсворт называет Ашеналда, Аске, все еще великим йоркширским именем и указывает на то, что действительно все еще очень очевидно, что нормандские сооружения частично стояли на искусственном холме, на котором, без сомнения, стоял дом английского лорда, разоренный Завоевателем.

Эйлрик - реальный человек и землевладелец Судного Дня, а до завоевания владел многими поместьями. Свейн был его сыном, унаследовал и передал церковь и часовню монахам церкви Святого Иоанна в Понтефракте. Эйлрик владел своими землями, значительно уменьшенными, под властью нормандского грантополучателя, как и Свейн, и его сын Адам Фиц Свейн, который основал Бреттон-приорат и умер около 1158 года, будучи очень значительной личностью. Хартии Свейна и Адама можно найти в картотеке Понтефракта.

Уильям I. был в Каслфорде на Эйре зимой 1069 года, и, пробыв там три недели, он, вероятно, нашел возможность осмотреть такое прочное место, как Английский дом в Киркби, и когда он предоставил округ Илберту де Лейси, можно разумно предположить, что он следовал своей обычной практике руководства строительством замка.

Мистер Фримен предполагает, что название Понтефракта, возможно, возникло в результате какого-то инцидента, связанного с этим течением Эйра; другие полагали, что, подобно Ричмонду и Монтгомери, это было импортированное название. Ордрик, однако, как отмечает мистер Фримен, называет его *Fractus-Pons*, а не *Понс-Фрактус* “Рекс”... *præpeditur ad fracti pontis vada*”, как будто слова находились в состоянии перехода от описания к имени собственному. Смена названия, безусловно, происходила медленно, поскольку, в то время как в ранней хартии Роберта де Лейси, второго лорда, есть отрывок “*de dominio suo de Kirkbi*”, в более поздней - “*Deo et S^{ti} Johanni et Monachis meis de Pontefract*”, в то время как Хью де Ланваль, навязчивый лорд, по крайней мере, с 1120 года, использует более старое имя. Роберт из Каслфорда, авторитетный местный авторитет, написавший примерно через столетие после этого события, говорит, что это название было создано в память о спасении множества людей от утопления, когда под ними обрушился мост. Однако в радиусе двух миль от Понтефракта нет реки, способной утопить множество людей.

Камден получил свое название из-за разрушения моста или дамбы, пересекавшей болотистую долину, все еще называемую Уош, источники которой берут начало недалеко к северо-западу от замка и пересекают подход к нему со стороны Ноттингли, у Бабвит-Хаусс, где во времена Эдуарда II Джон Бабвит владел землями *рядом с мостом понтем-де-Понтефракта*, примерно в четверти мили от замка, что, действительно, доказывает существование моста, хотя и не разрушенного. Как здесь оказалась собранная вода, будет объяснено, когда речь пойдет об обороне замка. Возможно, истинная правда заключается в предположении Хопкинсона, что замок был назван в честь места с таким названием, принадлежащего Де Лейси в Нормандии.

Здесь было обнаружено несколько следов римской оккупации, но совсем немного. Легеолиум, центральная станция округа, по-видимому, находилась в Каслфорде, в трех милях отсюда.

Но каким бы ни было происхождение крепости или ее явно доно-нормандских земляных сооружений, ее письменная история начинается с Илберта де Лейси, которому Вильгельм

пожаловал Ноттингли, значительную часть вапентейка и другие земли, включая около 150 поместий, в основном в Вест—Райдинге, где они занимают семь страниц "Книги Страшного суда", Ноттингем и Линкольн, из которых те, что в Йоркшире, были возведены в честь, а Понтефракт, самое сильное и важное место, естественно, стал главной резиденцией. Илберт, хотя, без сомнения, и приходился близким родственником херефордширскому лорду Эвиаса и Холм-Лейси, был совсем другим человеком. Считается, что он построил замок Понтефракт до 1080 года, начав строительство, вероятно, после визита Завоевателя в 1069 году. Если сэр Х. Эллис прав, и построенный тогда замок является тем, о чем говорится в записи о Страшном суде, то он был быстро достроен. Илберт также пожертвовал часовню Святого Климента в замке, которая в той или иной форме долго сохранялась. Он жил во времена правления Руфа, от которого получил подтверждение своих даров. Через свою жену Хавизу он оставил Роберта и Хью.

Роберт де Лейси, прозванный по месту своего рождения "из Понтефракта", утверждает, что построил Клитеро, который, действительно, приписывают его второму сыну. Он также получил подтверждение от Руфуса. От Мод, его жены, у него был Илберт, который вместе со своим отцом после смерти Руфуса присоединился к Кертозу против Генриха I. И сражался при Тенчбрэ. Оба были изгнаны, и Роберт лишился Понтефракта в пользу Уильяма Трансверсуса, а затем Хью де ла Валя, или Ланваля, который сохранил его до правления Стефана. Роберт наконец вернул себе эту Честь, но король Генрих потребовал 2000 марок, а де ла Валь получил 150 фунтов стерлингов. за вотчинные земли и 20 рыцарских сборов, которые внесены в Liber Niger в 1165 году как "de veteri feodo Pontisfracti". Роберт подтвердил некоторые из дарований де ла Валя Ностелю и основал Ключинский приорат Понтефракта.

Илберт де Лейси, следующий лорд ордена, сражался при Норталлертоне и был ревностным сторонником Стефана, после смерти которого он перешел на сторону Генриха II. Он женился на Алисе, дочери Гилберта де Ганта, но умер бездетным.

Преемником стал Генри де Лейси, следующий брат. Ему приписывается более поздняя нормандская работа в замке. Он фигурирует в Liber Niger как владелец 60 гонораров. Генрих II. утвердил его в чести Понтефракта и других английских и нормандских владений его семьи. 12 Генрих II. ему было назначено 79,5 гонорара. Он был значительным церковным благотворителем и передал церковь Святого Иоанна и больницу Святого Николая, обе в Понтефракте, тамошнему приорату. Он основал Киркстолл.

Роберт де Лейси, его сын и преемник этой чести, присутствовал на коронации Ричарда I. Он умер бездетным в 1193 году.

Наследницей, согласно Дагдейлу, и в нарушение общепринятых правил наследования, была Альбрета де Лизурес, сестра Роберта по материнской линии. Мистер Хантер, однако, в своем предисловии к "Свитку 31 Генриха I." показал, что, по всей вероятности, Альбрета была дочерью Роберта де Лизуреса от сестры Илберта де Лейси, второго носителя этого имени, и, следовательно, двоюродного брата Роберта и чистокровного наследника. Этот момент важен как исключение из того, что считалось исключительным исключением из принятого закона. Альбрета вышла замуж за Ричарда Фитцустейса, констебля Честера.

Джон, их сын, умерший раньше своей матери, лорда Понтефракта и констебля Честера, покинул свой дом Халтон, принял имя и герб де Лейси и умер в 1179 году, женившись на Алисе де Вер.

Роджер де Лейси, сын и наследник. 5 Ричард I. он получил от своей бабушки земли Лейси. Он посетил Святую Землю со своим отцом в свите короля Ричарда. 7 Ричард I. он заплатил 2000 марок, чтобы получить ливрею в честь Понтефракта, за исключением замка, который король сохранил в своих руках и в который он нанес по меньшей мере десять визитов в период с 1205 по 1216 год. 1 Иоанна он вновь поднял вопрос о сборах в де ла Валь 20, за ливрею из которых он заплатил 500 марок; и 4 Иоанна 1203 года король направил арендаторам письмо, в котором предписывал им признать Роджера де Лейси своим господином. Хотя Иоанн продолжал удерживать замок, он назначал Роджера на различные важные должности и назначил его губернатором мощной крепости Шато-Гайяр на Сене, в которой он выдержал очень знаменитую осаду, сдавшись только из-за нехватки продовольствия и покинутый королем. 13 Иоанну он уплатил пошлину в размере 47½ сборов со своей собственной земли, помимо других, которые находились у него под опекой. Кажется, он был тем бароном, который в отсутствие регулярных солдат повел честерских менестрелей на выручку графу Ранульф, когда его окружили валлийцы. Он был великим солдатом и бескорыстным благодетелем церкви и заслужил строчку, которой монахи Ханлау начали его эпитафию:

“Hic sepelitur Heros generosus in orbe Rogerus.”

Граф Роджер умер молодым человеком в 1211 году. Он женился на Мод де Клэр, и от нее родился Джон, его преемник. 14 декабря 1212 года Честь была в руках короля, и он, по-видимому, распорядился ее доходами; поскольку в 1213 году он распорядился потратить 300 марок из ее выпуска на работы в замке Корф.

Джон де Лейси захватил 20 сентября 1213 года и заплатил Джону 7000 марок за Почетную ливрею, за вычетом замков Понтефрак и Даррингтон, которые содержал король, и за расходы, на содержание которых у Питера Фицхерберта было распоряжение Казначейства. Джон, который в писании именуется Джоном де Честером, присоединился к баронам против короля Иоанна и был должным образом отлучен папой от церкви. Он женился на Маргарет, сонаследнице Сэра де Куинси, графа Винчестера, от Хавиза, графини Линкольн и сонаследницы Ранульфа, графа Честера и Линкольна. В начале правления Генриха III, в 1232 году, после смерти графа Ранульфа, Хавиза, по-видимому, передала свой графский титул мужу своей дочери, который носил этот титул до своей смерти в 1240 году.

Эдмунд де Лейси, сын графа Джона и Маргарет, был по воле Генриха III женат на одной из своих иностранных родственниц, Алисе, дочери маркиза де Салюс. Он унаследовал Понтефрак, но не принял титул Линкольна, поскольку не пережил свою мать. Он умер 42 Генриха III в 1258 году, построив Дом Белых монахов недалеко от Барбакана в Понтефракте.

Генри де Лейси, граф Линкольн, его сын, был величайшим представителем своего рода. Он женился на наследнице Лонгспи и по праву стал графом Солсбери. Он находился под опекой короля, а в 1272 году был посвящен в рыцари и назначен губернатором замка Кнаресборо. Он обнес город Денби стеной и начал строительство Замка, который, как говорят, оставил недостроенным, потому что его единственный оставшийся в живых сын утонул в колодце в тамошней Красной Башне. Другой его сын погиб, упав с башни в Понтефракте.

Не имея, таким образом, сына, граф Генрих передал свои владения королю, который передал их 28 декабря 21 года Эдуарду I. ему пожизненно, а остальное - Эдмунду, графу Ланкастеру, и наследникам его тела. 28 Эдуард I, королева Маргарита, гостил в замке Понтефрак и во время короткой охотничьей поездки в Бразертон был там внезапно уложен в постель Томасом, вызванным с места его рождения. Говорят, что дом, в котором она укрылась, с 20 акрами земли, был обнесен стеной и обрыт канавой, а также предоставлен в

пользование для ремонта стены. Граф Генри умер в Линкольнс-Инн в 1310 году, оставив дочь Алису, которая вышла замуж за Томаса, старшего сына и преемника Эдмунда, графа Ланкастера.

Наследовал Томас Плантагенет, граф Ланкастер, и, либо благодаря своей жене Алисе, либо благодаря гранту своего отца, граф Линкольн и лорд Понтефрак. Он часто бывал в замке и, вероятно, переделал нижнюю часть цитадели, построил Суиллингтонскую башню и, без сомнения, некоторые сооружения, основания которых сохранились в главном дворе. Он также в 1315 году построил Данстенборо и добавил здания Ланкастера к Кенилворту. История графа Томаса хорошо известна. С Боро-Бридж-Филд его доставили в замок Понтефрак, который тогда занимал слабый и мстительный король. Он был заключен в Суиллингтон-Тауэр, судим и осужден в большом зале, а в 1322 году казнен на холме, который до сих пор носит его канонизированное имя, в миле к северо-востоку. Он был похоронен в монастыре. Патент на создание Харклы, одного из его похитителей, графа Карлайла, был выдан в замке через три дня после казни графа.

Графиня Алиса, характер которой, к несчастью, был не так неприступен, как ее замок, вышла замуж, во-вторых, за Юболо Л'Эстранжа, который умер 9 Эдв. III. Ее третьим мужем был Хью де Френе, прозванный графом Линкольном. Ранее в списке был четвертый, чьи заявления сомнительны. Алиса умерла в 1348 году, но Понтефрак и другие владения уже перешли при регенте к брату ее мужа.

Генри Плантагенет, граф Ланкастер, унаследовал титул своего брата в 1324 году и умер в 1345 году. Эдуард III. вероятно, сохранил замок. Он был здесь в 1328 году. У Мод Шаворт у графа Генри был другой Генри.

Генри Плантагенет (деликтный кол, или Грисмондский), граф Дерби и ок., а в 1351 году герцог Ланкастер. Он умер в 1361 году. Бланш, его вторая дочь от Изабель Бомон и сонаследница, унаследовала замок Понтефрак и честь.

Джон Плантагенет Гонт, герцог Ланкастерский, женился на наследнице и стал лордом Понтефракта. Он много жил в Понтефракте и реставрировал работы. Когда Ричард II угрожал ему. он снабдил замок продовольствием и привел его в состояние обороны. 12 Ричард II. он получил по хартеру “регалии юры” в рамках почета. Части полузакрытых подвалов в главном отделении, по-видимому, относятся к его времени. Он умер в 1399 году.

Генри Плантагенет из Болингброка, герцог Херефорд, впоследствии Генрих IV, сын и наследник, наследовал престол, находясь в то время в изгнании. Ричард II, конфисковав поместья, спровоцировал репрессии, которые привели к его собственному низложению. Замок Понтефрак стал его первой тюрьмой и местом предполагаемого убийства. С тех пор замок перешел во владение короны. Ричард Скроуп, архиепископ Йоркский, был здесь приговорен к смерти в 1405 году, а в то время здесь находился Генрих IV. много бывал здесь, подавляя восстания северян. Следовательно, многие из его документов датированы 1405-1408 годами.

Генриху V, сильно занятому внешними войнами и стремящемуся к миру дома, не представилось случая воспользоваться Понтефрактом, который, по-видимому, был забыт в военном отношении; но здесь Карл, герцог Орлеанский, взятый в плен при Азенкуре, и Яков I шотландский, оба образованные люди и увлеченные литературой, долгое время находились в заключении.

В связи с гражданскими распрями, возникшими при Генрихе VI, замок снова приобрел важное значение. Герцог Эксетерский, взятый из убежища после Сент-Олбанс, был здесь заключен в тюрьму; а в 1460 году, после битвы при Уэйкфилде, Эдуард занял здесь пост, а его армия расположилась лагерем вокруг. Именно под стенами замка Уорик убил своего коня на глазах у солдат, сказав: “Пусть бежит тот, кто хочет бежать; я останусь с тем, кто останется со мной”. Именно в соответствии с этим заявлением король выступил из Понтефракта на следующий день и разбил ланкастеров при Таутоне. Отец Эдварда, Ричард, герцог Йоркский, и его брат, граф Ратленд, убитые при Уэйкфилде, были похоронены в Понтефракте. Теперь он присоединил голову своего отца к своему телу и перевез все это из церкви Святого Иоанна в Фотерингей. Во время неудач Эдуарда и его отсутствия в Голландии ланкастерцы использовали Понтефрак в качестве военной тюрьмы.

В 1463 году Эдуард снова был в Понтефракте, а в 1478 году, когда его сопровождали туда в большом почете, он пробыл там неделю.

Кровавая слава Понтефракта возросла во времена правления Ричарда, герцога Глостерского, который отправил сюда Риверса, Грея, Воана и Хоуза на казнь без суда и следствия. Вскоре после своего восшествия на престол он превратил город в муниципальный район.

Замок снова ненадолго привлек к себе внимание в 1536 году, когда Аске и повстанцы из Паломничества Благодати предстали перед ним и вынудили лорда Дарси и архиепископа Йоркского сдать его, более чем предполагая предательство. Генрих VIII. был здесь в 1540 году. Два года спустя сэр Генри Сэвил, как губернатор, отвечал за нескольких шотландских пленных, захваченных в Солуэй-Мосс.

Елизавета к концу своего правления отремонтировала замок и перестроила в нем часовню Святого Климента. Король Яков был здесь в 1603 году и сделал замок и почести частью приданого своей королевы. Он повторил свой визит в 1616 году и осмотрел недавно основанный колледж Святого Климента в замке. Король Карл был здесь в 1625 году, вскоре после своего восшествия на престол.

Понтефракту вновь предстояло стать местом, имеющим военное значение. Когда-то это был центр северного баронства, теперь он должен был стать местом сбора высшей аристократии Йоркшира и королевской партии. В 1642 году, когда Чарльз поднял свое знамя в Йорке, в замке Понтефрак находился очень сильный гарнизон из местной знати и добровольцев, губернатором которого был доблестный сэр Уильям Лоутер из Суиллингтона. Вскоре их мужество подверглось испытанию. После Марстон-Мура и сдачи Йорка сэр Т. Фэрфакс появился перед замком и в декабре 1644 года начал его осаду. Основная атака, по-видимому, была направлена на северо-западный угол, где была разрушена башня Пикс, которая упала, обрушив вместе с собой часть соседнего занавеса. Враг, однако, штурмовать не стал, и брешь заделали землей. Затем были опробованы мины, и одна из них сработала возле Королевской башни, под юго-восточным углом. Они были встречены контрминами, для которых грунт, мягкая порода, был очень благоприятен. Очень много шахт было вырыто у стен главного корпуса и, без сомнения, существует до сих пор. Как атака, так и оборона велись с большим воодушевлением, но, наконец, запасы начали подходить к концу, и положение гарнизона стало ухудшаться. Они были доведены до крайности, когда 1 марта сэр М. Лэнгдейл прибыл из Оксфорда с 2000 человек и вынудил Ламберта снять осаду, пока тот снабжал гарнизон продовольствием и усиливал его.

Однако парламент теперь набирал силу, и через несколько дней их силы были собраны и снова появились перед зданием парламента.

На этот раз были открыты регулярные траншеи, установлены батареи и проложена полная линия обхода. Это была овальная фигура, полностью охватывающая замок и его внешние укрепления. Огороженная территория от начала Миклгейт у больницы Ноллис на западе до Монк-хилла возле Нью-Холла на востоке составляла 900 ярдов; а от Бэгхилла на юге до середины Аббатских замков на севере - 700 ярдов и около 3000 ярдов в обхвате. На этой линии, которая частично господствовала над замком, были установлены двенадцать регулярных укреплений, реданов, или батарей, помимо флешей и более легких укреплений на промежуточных завесах для отражения частых вылазок гарнизона. Командовал генерал Сэндс, а генерал Овертон был губернатором города. Нью-Холл, большой особняк Талботов, расположенный к востоку от замка и за пределами линии обороны, был укреплен и занят сэром Джоном Сэвилем. Гарнизон удерживал Суиллингтон-тауэр, башню великой церкви, и Коня Невилла, кавалера, брошенного ими в барбакане и вооруженного большой железной пушкой. Эти передовые сооружения оказали большую услугу, поскольку они одновременно замедляли осадные работы и защищали гарнизон от повторных вылазок.

Траншеи были открыты в марте, но только 24 мая в крепости была открыта батарея. Затем генерал Пойнтц принял командование атакой. Однако это было в конце мая, прежде чем церковная башня была разрушена, а пост, следовательно, заброшен. Несмотря на катастрофические новости о Нейсби, Лоутер продолжал держаться, и только 20 июля, после четырех месяцев осады, без дальнейшего пополнения запасов или боеприпасов и без шанса на облегчение, он сдался на отличных условиях. За падением Понтефракта через три дня последовало падение замка Санда, расположенного в пределах видимости от его башен.

Парламент пощадил Понтефркт из-за его силы и поставил туда генерала Коттрелла с гарнизоном. Роялисты, однако, все еще были сильны в округе, и 6 июня 1648 года он был восстановлен в результате измены Мориса, ренегата, но храброго человека. Был быстро собран гарнизон, и замок снова стал центром роялистов.

Таким образом, возникла необходимость в третьей осаде, и крепость была такова, что, какими бы обескураженными ни были роялисты, она обещала быть трудной. Генерал Рейнсборо, который был назначен, встретил свою смерть прежде, чем принять командование, которое сначала перешло к сэру Х. Чолмли. Некоторое время присутствовал сам Кромвель, и работа на северном фронте носила его имя. Он оставил Ламберта командовать. Тем временем смерть короля расколола партию; и поскольку окончательный успех был невозможен, губернатор Морис согласился на условия. Он сам и некоторые другие не назывались по имени. Возникшая таким образом трудность была изобретательно устранена. Число исключенных сократилось до трех человек, их замуровали в одной из подземных камер, хорошо снабженных пищей и воздухом, и Ламберта заставили поверить, что они сбежали. Затем это место было сдано, Ламберт вошел 24 марта 1649 года, и поскольку он не удержал это место, трое преступников благополучно скрылись. Парламент теперь распорядился снести замок, и единственная запись о деталях его расположения сохранилась в графике его разрушения. Материалы — древесина, свинец, стекло и железо - были проданы за 1 779,17 шилл. 4d., из которых 777,4,6 шилл. составили расходы на снос, 1000 фунтов стерлингов было выплачено городу, а остаток в размере 2,12 шилл. 10d. достался Содружеству. Этот последний кредитор, однако, впоследствии получил некоторую задолженность в размере 145,11 шилл. 7 дирхамов, и таким образом, в отчете о прибылях и убытках была подведена итог истории одной из сильнейших крепостей на Севере.

Описание.

Расположение и размеры замка были достойны великих баронов, которыми он был построен, и слишком благородны для событий, с которыми связано его название. К северо-востоку от маркет-кросс в Понтефракте, в трети мили от него, виден очень примечательный каменный стол овальной формы, стороны которого частично представляют собой крутой склон, а частично - утес высотой от 30 до 40 футов, поднимающийся из осыпи, которая с северной, южной и восточной сторон спускается в две глубокие естественные долины, которые соединяются на северо-восточном фронте. На юго-западной оконечности также есть естественное углубление, отделяющее скалу от города, которое было несколько углублено с помощью искусства, так как скала была обнесена уступом и, при необходимости, облицована, так что в результате получилась почти неприступная крепость. Это описание, однако, требует, что касается восточного фронта, некоторого небольшого дополнения. Здесь, сразу за стеной, находится ров, почти полностью искусственный, а за ним почти ровная местность, за которой, опять же, находится естественная долина. Поскольку это было необходимо для покрытия земли, он был обнесен стеной и преобразован в то, что называлось барбаканом, но на самом деле представляло собой двойную защиту снаружи замка, прикрывавшую его главный вход. Таким образом, замок состоял из главного корпуса, занимавшего столовую скалу, и внешнего и внутреннего барбиканов, прикрывавших его юго-восточный фасад и вход.

Главный двор занимает всю вершину скалы. В плане он имеет форму неправильного овала, протяженностью 150 ярдов к северо-востоку и юго-западу и 103 ярда в поперечном диаметре. Сегмент этой территории на юго-западном конце, глубиной 37 ярдов, или на "сагитте", занят приподнятой платформой, содержащей крепость и остатки различных зданий, а меньший сегмент на северо-восточном конце занят фундаментами других зданий, включая часовню. Если сравнить устройство с палубой корабля, то опорным концом будет корма и т. Д., Другой конец - бак, а большое промежуточное пространство - шкафут.

Нынешний вид северо-восточной платформы представляет собой земляной вал неправильной формы, возвышающийся примерно на 20 футов над уровнем местности. В плане он скорее полулунный и, очевидно, состоит из подвалов и руин зданий, мягкий красный песчаник которых легко превращается в почву. На лицевой стороне, обращенной к палате, высотой от 2 до 6 футов, изображены молдинги и цоколи ряда зданий, которые поднимались над уровнем главного отделения и, по-видимому, включали в себя многоугольную башню или турель. Все, что видно, сделано из превосходного ясеня, с камнями большого размера, и выполнено в основном в перпендикулярном стиле. В задней части, вдоль края утеса, находится навесная стена, частью которой является облицовка, заполняющая неровности скалы. Эта платформа отодвигается на несколько ярдов вдоль восточного фасада против занавеса, и оттуда виден подвал часовни Святого Климента, неоднократно перестраивавшийся с момента ее первого основания норманнами.

Занавес вдоль гребня, где утес высокий, кажется, был простым парапетом. На северо-восточной оконечности, где есть только склон, завеса очень высокая и огромной толщины; многое разрушено, но то, что осталось, показывает, что она была толщиной 15 футов у основания и 11 футов при высоте 24 футов. Главные ворота находились в занавесе у южного конца. Судя по рисункам, они были перекрыты небольшой квадратной башней, внешний и внутренний порталы располагались не напротив.

Главный интерес замка представляет его юго-западная платформа. Это примерно на 20 футов выше главного прихода, и в его южном углу возвышается конический холм с плоской вершиной, поднимающийся примерно на такую же высоту.

По направлению к главному отделению эта платформа поддерживается облицовочной стеной высотой от 12 до 14 футов из хорошего необработанного ясеня, из крупных камней, с основанием 4 фута, а над ним цоколь еще примерно на 4 фута, два смещения представляют собой простые фаски. Это, без сомнения, была навесная стена. В стене, недалеко от ее центра, находится широкое сводчатое углубление, называемое “Королевским тронном”, вероятно, из-за традиции, согласно которой там восседал Ричард II, что вполне вероятно. В северном конце платформа возвращается примерно на 25 ярдов назад вдоль западного занавеса. Различные свидетельства показывают, что эта платформа была покрыта зданиями, большинство из которых, как и подпорная стена, были построены в нормандском стиле, и от них сохранились подвалы, хотя и сильно засыпанные. От *ограждения*, или навесной стены, которая поддерживает внешнюю поверхность этой платформы, остались только нижние 30 футов, или облицовка. Он начинается немного ниже по склону, необычайно прочный и построен на скале. В юго-западном углу находилась башня казначея, или Пикс, руины которой до сих пор загромождают склон. Продвигаясь на юг, стена поднимается и становится более совершенной. В его внешнем основании, примерно в 30 футах ниже крепостного вала, находится нормандская задняя дверь, очень совершенная, которая, вероятно, находилась в основании старой Красной башни. Затем, позади и на уровне верха стены, находятся остатки ранних построек. На одном изображен конец округлого свода длиной около 16 футов, сложенного из грубого щебня, но опирающегося на хорошие стены из тесаного дерева и имеющего вставленное позже окно. Это называется “Тюрьма короля Ричарда”. Рядом с ним находится прямоугольная шахта размером 8 футов на 4 фута, но которая несколькими футами ниже увеличивается до восьми квадратных футов, а верхняя половина имеет круглую арку, поддерживающую верхнюю половину. Сейчас глубина около 40 футов, и она сухая. Это называется колодцем, но, скорее всего, это шахта гардеробной.

За этим возвышается насыпь, вершина которой круглая, около 20 ярдов в поперечнике, и на 40-50 футов выше главного подопечного, и намного выше внешнего основания *ограды*, частью которой он является. Те, кто насыпал холм, без сомнения, придали ему естественный уклон со всех сторон, разместили свое сооружение на его вершине и, сделав его частью своей линии обороны, обнесли его с обеих сторон общим частоколом. Норманны, вступив во владение, поступили по-другому. Они вырубили мягкую породу, образующую сердцевину кургана, с внешних сторон в виде круглой фресковой башни в три четверти, а затем обнесли ее очень прочной стеной, так что, хотя на самом деле это был прочный бастион, он имел вид великолепной полукруглой башни диаметром 70 футов. Когда этот сегментарный бастион был поднят на высоту 50 или 60 футов, то есть до уровня вершины насыпи, стена была продолжена по всей окружности, а цилиндр завершен, так что насыпь была увенчана правильной башней-ракушечником диаметром 60 футов и, вероятно, высотой 25 футов, которая на самом деле была тем, чем только казалась ее основа, — башней из каменной кладки. Поскольку скала имела неправильную форму, этот процесс повторился, и к северу был сформирован второй бастион меньшего размера, а возможно, и третий. Лиланд говорит о донжоне как о состоящем из трех больших и трех маленьких круглых частей; из них сейчас сохранились только две. Эти величественные бастионы до сих пор составляют самую красивую часть замка, возвышаясь высоко над дорогой, ведущей от железнодорожной станции в город, на гребне крутого склона. Они облицованы большими блоками песчаника, выполненными из превосходного ясеня с открытыми швами, со смелым рельефом у основания. Был использован мягкий характер породы для проведения раскопок внутри в

виде камер и лестниц, некоторые из которых все еще открыты. В большом бастионе, у его внешнего основания, рядом с углом перекрытия, дверной проем с выступом, задний проход, открывается в закругленный проход, частично вырубленный в скале, а частично сводчатый. Отсюда один путь ведет в зал с фресками; другой ведет вверх по крутым ступеням, вырубленным в скале, но имеющим ряд выступающих арок, поддерживающих крышу. На высоте 30 футов эта лестница ведет на открытую галерею наверху, откуда открывается вид на задний двор, а оттуда снова поднимается, покрытая, к основанию собственно крепости. Бутройд приводит еще три раскопки, в одной из которых находился колодец, упомянутый Лиландом. Помимо этого, сохранившиеся фрагменты собственно крепости содержали основание лестницы-колодца, вероятно, поднимавшейся к зубчатым стенам, и шахту, вероятно, ведущую из кладовой примерно на том же уровне.

Главный вход в замок находился в нескольких ярдах к востоку от цитадели, у южного занавеса. От ворот узкая лестница поднималась по занавесу в крепость, и ее до сих пор видно. Другая, с другой стороны, все еще спускается из крепости в сторону тюрьмы короля Ричарда.

От крепости по склону спускается отроговая стена, которая была предназначена для прикрытия подхода, как в Хавардене и Конингсборо. Очевидно, он пересекал ров и составлял часть барбакана. Таким образом, в крепость можно было быстро и напрямую попасть тремя путями, все узкие и хорошо защищенные: один снаружи через задний ход, другой через главные ворота и третий с западного вала. По сути, каменная кладка и расположение этой крепости явно нормандские, но все здание было переоборудовано и, без сомнения, облицовано в перпендикулярный период.

Следует упомянуть об очень любопытных ранних раскопках в главном отделении. На поверхности, в нескольких футах от королевского трона, вырубленные в скале ступени спускаются почти на северо-запад, а на расстоянии 70 футов находится вход в квадратную шахту, освещающую проход внизу. Тридцать три ступеньки ведут круто вниз по галерее шириной 4 фута с нависающей крышей. Немного ниже, справа, видны следы цилиндрической лестницы, без сомнения, служившей первоначальным входом, но теперь разрушенной, вместе с башней, в основании которой она, без сомнения, находилась. У подножия лестницы находится простая дверная коробка с круглой головкой, очевидно, поздненормандской постройки. За ней лестница возобновляется, а десятью ступенями ниже спуск прекращается и проход разветвляется: короткое ответвление ведет на север, а другое, чуть длиннее, - на восток. Перед развилкой часть прохода перекрыта из тонкослойного ясеня с двумя простыми ребрами с круглыми головками. В стене, справа, есть круглое углубление для лампы и начало другого прохода, тоже круглого, но оставленного просто как углубление. Над развилкой открывается шахта, которая здесь выглядит как усеченная пирамида размером примерно 6 на 12 футов и глубиной 30 футов. На развилке выступ занимают две небольшие продолговатые кельи с остроконечными крышами. Они сообщаются друг с другом и проходами узкими стрельчатыми дверными проемами. Раскопки теперь называются магазином, и, без сомнения, именно так использовались при осаде; но они датируются нормандским и раннеанглийским периодом и, вероятно, предназначались для погребения. Расположение камер вряд ли подходит для тюрьмы. Нынешний вход, очевидно, является пристройкой, открытой, когда лестницей-колодцем не пользовались.

Остаются некоторые внешние моменты, на которые следует обратить внимание. Покидая крепость через задний вход и направляясь на северо-запад вдоль подножия западной стены, видно, что стена явно нормандская, и почти в центре этого фасада находится первоначальный нормандский задний вход. На лицевой стороне стены имеются две

широкие неглубокие пилястровые планки шириной 8 футов и выступом 6 дюймов, между которыми расположена простая арка с круглой головкой, а под ней дверной проем с сегментной головкой, открывающийся на 4 фута, без опускной решетки, но с фальцем для двери и отверстиями для двух прочных брусьев. Он открывается в прямой сводчатый проход, шириной около 5 футов, высокий, также с круглым изголовьем, из превосходного ясеня, явно нормандского. Он тянется примерно на 15 футов, а затем загромождается. Возможно, она заканчивается лестницей-колодцем, и ее можно легко выкопать. В более поздние, вероятно, перпендикулярные времена этим задним ходом не пользовались, а дверь превратили в петлю и заблокировали обычными подоконниками внутри.

Если следовать за основанием утеса вдоль северного фасада, видно, что он был тщательно обработан каменной кладкой; а под северо--западным углом, под тем, что раньше было Башней Королевы, большая трещина в скале была облицована тесаным деревом и перекрыта круглой аркой из хорошей каменной кладки. Это похоже на большую кавалерийскую заднюю дверь, но на самом деле это всего лишь ниша. У подножия осыпи на западном фасаде, примерно в 180 ярдах от стены, находятся остатки башни Суиллингтон, надворной постройки, построенной Томасом графом Ланкастером, в которой, как говорят, он был заключен в тюрьму. Сохранилось около половины подвала. Площадь башни составляла 46 квадратных футов, толщина стен - 10 футов 6 дюймов. Он предназначался для прикрытия подхода с севера и был очень полезен во время осады в качестве фланговой обороны. Несомненно, двойная стена соединяла его с главной палатой, но от нее не осталось и следа.

Похоже, что в Понтефракте, как и во многих замках внутри страны, через долину ниже этого места была перекинута плотина, и таким образом были созданы условия для обороны и работы мельницы. По-видимому, так было и здесь, ниже северного фронта. Долина была преобразована в озеро, использовавшееся для питания двух мельниц, следы одной из которых сохранились в 1806 году, а другая, нижняя мельница, была демонтирована в 1766 году, когда сровняли плотину, а бассейн превратили в луг. Мост Бабвит, без сомнения, пересекал этот бассейн в месте, которое до сих пор называется "Уош".

Почти все следы Барбакана исчезли, но память о нем и его месте сохранились в Барбакан-Хаусе, Роу и Саде, а также сохранился фрагмент, вероятно, нижних ворот, между Асс-Хилл и цепью замков. Было два подхода, один из города, а другой из большой церкви, которые сходились во внешнем дворе Барбакана. Перед северным входом до сих пор сохранился добротный дом в стиле поздних тюдоров, в фасад которого был вставлен большой старинный каменный щит-каменка с изображением трех английских львов и надписью из трех точек, вырезанной жирным рельефом, - реликвия, вероятно, времен королевской оккупации замка. Стил щита ранний, и герб указывает на старшего сына короля Англии, до того, как Эдуард III представил французские лилии.

Вид Бутройда с высоты птичьего полета дает общее представление о замке до того, как он был разрушен. Здесь было восемь башен с фресками— Цитадель, Красная башня, Башня Казначей или Пикса, башня Суиллингтон перед стеной, Башня королевы, Королевская башня, Башня констебля и Сторожка у Ворот. Все, кроме башни, были прямоугольными, возможно, нормандскими. Из них сохранились только крепость и руины Пикс-Тауэр: остальное, включая большой зал, кухни и жилые помещения, было тщательно демонтировано парламентским подрядчиком, хотя, вероятно, несколько фунтов, потраченных на раскопки, все равно позволили бы увидеть подвалы и составить общий план.

Глядя на общие свидетельства, представленные остатками этого замка, становится ясно, что в до-нормандские времена это было сильное место; те, кто укреплял его, разместили насыпь в том месте, которое, естественно, было его самым слабым местом.

Большая часть сохранившейся каменной кладки - нормандская, и, что не маловероятно, ранняя. *Ограждающая* стена, соединенные с ней здания на западной платформе, задняя стена платформы, старый задний вход, интерьер цитадели и магазин - все это, по сути, является нормандским. От раннего английского и украшенного периодов остались заметны очень слабые следы; но ясно, что при Доме Ланкастеров, в Перпендикулярный период, многое было добавлено. Вероятно, были построены здания на северо-восточной платформе. Часовня Святого Климента была перестроена, пристроена башня Суиллингтон, заново облицована крепость и многое сделано для ремонта помещений и лестниц внутри.

Бутройд, историю которого, при всех ее несовершенствах, следует упомянуть с уважением, приводит копию отчета о разрушении сооружений, план осадных операций и вид замка с высоты птичьего полета.

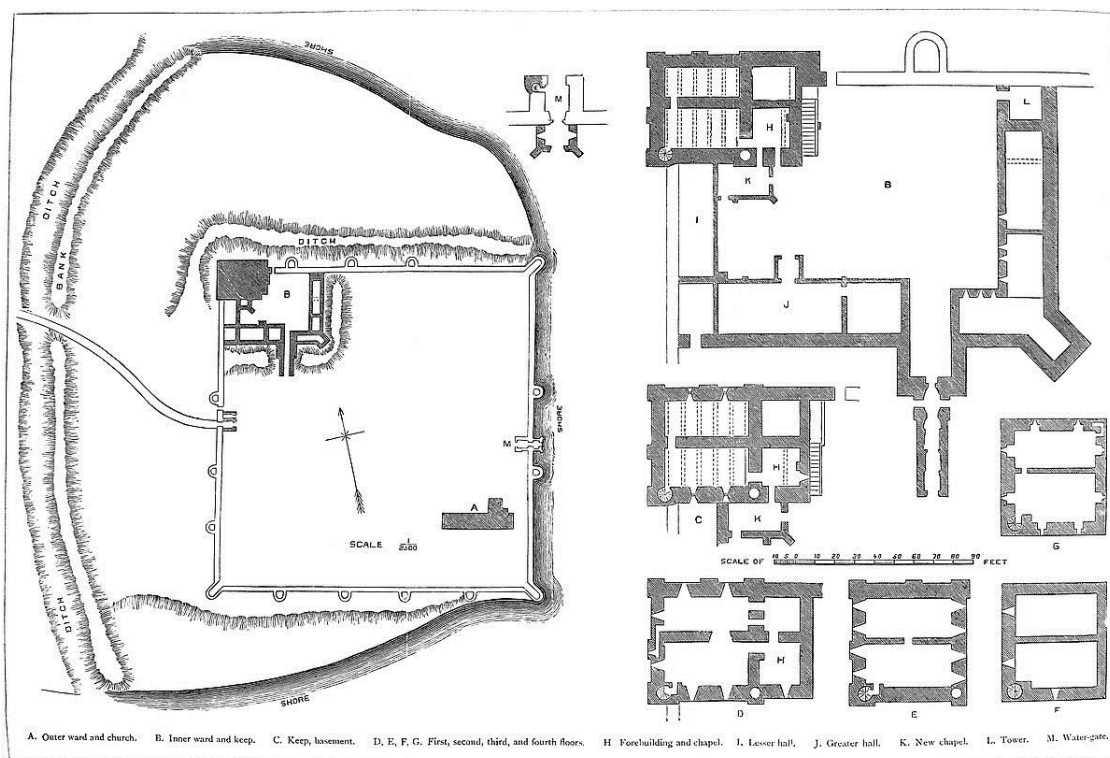
Несмотря на то, что это место было разрушено и на многие годы превратилось в обычный лакричный сад, сохранилось достаточно, чтобы заинтересовать тех, кто знаком с нашими древними военными сооружениями, и особенно с теми из них, которые построены на саксонском или английском фундаменте и были переделаны в соответствии с нормандскими методами обороны.

ПОРЧЕСТЕРСКИЙ ЗАМОК, ХАНТС.

ХОТЯ Англия богата римскими руинами и полна материальных следов всепроникающей энергии этой расы завоевателей и колонистов, такими руинами являются в основном дороги, лагеря, фундаменты домашних построек и реже крепости или военные сооружения каменной кладки. Из этих последних главными являются Бург, Кэрлеон, Кэрвент, Кейстор, Певенси, Ричборо и Силчестер; части Колчестера, Линкольна, Роксетера и Йорка и несколько следов в Честере и Лестере. Но из этих немалых останков ни один не может сравниться по полноте сохранности и лишь немногие по площади с Порчестером.

То, что Порчестер - римская постройка, не подлежит сомнению, хотя эта уверенность проистекает не из его ранней истории, о которой мало что сохранилось, а из свидетельств, предоставленных его планом, материалами и мастерством, подтверждаемых в некоторой степени отношением его стен к пристройкам нормандского периода; кроме того, несомненный римский путь соединяет Порчестер с Вентой Белгарум или Винчестером.

Эта знаменитая крепость построена на невысоком выступе, который выступает во внутреннюю или северную часть гавани Портсмута, разделяя этот просторный и уединенный залив на два устья и выражая в своем названии как его положение, так и его характер. Он расположен примерно в 3 милях над узким входом, который, окруженный городами Портсмут и Госпорт, является проходом от более крупного внешнего рейда Спитхед.

- А.Внешний приход и церковь.
- Б.Внутренняя охрана.
- С.Хранилище, подвал.
- D, E, F, G.Первый, второй, третий и четвертый этажи.
- Х.Фортификация и часовня.
- I.Малый зал.
- Дж.Грейтер-холл.
- К.Новая часовня.
- Л.тауэр.
- М.Водяныеворота.

ПОРЧЕСТЕРСКИЙ ЗАМОК.

В своем нынешнем и относительно идеальном состоянии Порчестер представляет собой огороженное пространство квадратной или почти квадратной формы, занимающее площадь около 9 акров. По данным более крупной артиллерийской службы, размеры ограждающих стен составляют 210 ярдов к северу и югу и 207 ярдов к востоку и западу. Их высота варьируется от 15 до 40 футов, а толщина - от 6 до 10 футов. Снаружи их поддерживали четыре настенных бастиона с каждой стороны и по одному под каждым углом, всего двадцать, из которых шесть в разное время были сняты: два с востока, по одному с севера и запада и два с северо-западного и юго-восточного углов. Те бастионы, которые остались, полукруглые, от 19 до 20 футов в диаметре, со слегка удлинненными и приплюснутыми сторонами. Угловые бастионы имеют тот же рисунок. Та, что на северо-западе, была снесена, чтобы освободить место для крепости; та, что на юго-востоке, пала, подорванная морем. Две оставшиеся открыты со стороны ущелья, как и две с восточной стороны. Остальные закрыты, и, вероятно, все они изначально были такими, поскольку внутренняя отделка действительно очень грубая и, по-видимому, должна была быть замаскирована землей и мусором, как это часто было принято в римских бастионах. Вероятно, некоторые из

тех, что сейчас открыты, были расчищены нормандским архитектором, чтобы использовать интерьер, но стена ущелья одного из тех, что на юге, недавно обвалилась, и интерьер выглядит грубым в том виде, в каком его оставили римские строители. Эти бастионы в настоящее время, за одним исключением, возвышаются не выше занавеса, без сомнения, в их первоначальном состоянии, но представляется вероятным, что норманны навесили на них легенду и таким образом превратили их в фресковые башни. Они стоят на расстоянии 41-42 ярдов друг от друга, от центра к центру, причем расстояния немного неравные. С западной стороны два бастиона, примыкающие к воротам, разделены 48 ярдами.

Стены сложены в основном из кремневых конкреций, уложенных рядами с таким же толстым или даже еще более толстым слоем раствора. Иногда встречаются одинарные и двойные плоские ряды из красной черепицы и плиточного камня, а иногда и работы из селечной кости - характерные особенности, особенно ярко выраженные в бастионах. Работа, по-видимому, относится к позднему римскому периоду. Стены были выложены канским камнем, более поздние строители - обработанным кремнем, а совсем недавно - кирпичом. Кое-где парапет может быть нормандским, но вряд ли это относится к большей его части, которая, должно быть, часто обновлялась. Два недостающих бастиона на востоке, судя по ремонту, вероятно, исчезли, когда ими завладели норманны. Один из них на западной стороне, очевидно, стоял в Перпендикулярный период; тот, что под юго-восточным углом, упал всего несколько лет назад. До сих пор существуют восток и запад, водные и сухопутные ворота, и, похоже, в римский период их больше не было.

Восточный склон омывается морем, здесь хорошая защита, потому что слишком мелко для лодок и слишком глубоко для сухопутных операций. С этой стороны занавес особенно высок, достигает 40 футов, а у основания его парапета есть ряд небольших отверстий, как будто для проведения деревянной галереи или *решетки*, без сомнения, постнорманнской пристройки. Между южной стороной и морем проходит треугольная полоса ровной земли, в самом широком месте шириной 60 ярдов. Чтобы командовать этим и защищать подножие стены, у стены была возведена насыпь или земляная платформа высотой около 6 футов и шириной 24 фута, перед которой находится небольшой ров, продолжающийся на запад до передового рва, чтобы перекрыть любой подход к месту за углом. Высота занавеса здесь около 30 футов.

На северном фасаде полоса суши намного шире и отрезана глубоким и широким рвом, сообщаясь с морем, который поворачивает под северо-западным углом и простирается вдоль западного, или главного, фасада почти до больших ворот; кажется, что первоначально этот ров покрывал весь фасад и простирался дальше, к морю, но подъемный мост ворот был заменен дамбой, а дальнейшие следы рва лишь слабые, поскольку к югу от дамбы его засыпали с некоторой тщательностью.

В дополнение к этим специальным защитным сооружениям вся крепость покрыта глубоким рвом с высоким внутренним земляным валом, который был прорезан от моря до моря прямо поперек выступа, на котором стоит замок. Он имеет около 300 ярдов в длину и от 50 ярдов до 100 ярдов к западу от западного фронта или впереди него, образуя ломаную кривую с выступом ближе к центру. По очертаниям он грубый, и, поскольку на нем нет следов каменной кладки, вероятно, был обнесен частоколом. Выемка для входа расположена значительно севернее главных ворот, так что подход к ним был наклонным и открывался со стороны замка. Это сооружение скорее похоже на английскую пристройку до прихода норманнов. Здесь нет никаких следов какого-либо прямоугольного лагеря или земляных укреплений более ранней эпохи, чем стены. Они построены на естественном грунте, и между внутренним и внешним уровнем практически нет разницы. В каком состоянии римляне

оставили или их преемники нашли описанные таким образом сооружения, неизвестно. Столь удобное ограждение, так хорошо размещенное, вряд ли могло быть оставлено без внимания кем-либо из людей. В "Судном дне" Порсестре - это поместье, и оно является предметом длинного и довольно подробного описания. Упоминается "халла", или особняк, или холл, но ни слова о замке. Возможно, он не использовался как крепость, хотя, вероятно, тогда и задолго до появления прихода с церковью в обхвате.

Какое-то время норманны довольствовались существующей стеной, ибо примерно в 1133 году Генрих I. здесь основал монастырь каноников Августина и построил небольшую и простую, но очень законченную церковь Святой Марии, которая также была приходской церковью, и большая часть которой до сих пор не пострадала. Вероятно, незадолго до этого, судя по внутренним признакам зданий, он приступил к преобразованию римской крепости в нормандскую. Это было достигнуто путем размещения прямоугольной крепости под северо-западным углом, примерно на 10 футов впереди линии стены, сняв для этой цели около 60 футов прилегающего занавеса с каждой стороны и закрывающий бастيون угла. Выступ замка направлен в основном внутрь. Кажется, что он покоится на естественной почве, в этом углу слегка приподнятом. Предполагалось, что он стоит на искусственном холме, но, что более вероятно, его основание было засыпано землей, извлеченной из рва, который здесь одновременно глубокий и широкий. Крепость требовала защиты со стороны большого внутреннего двора, а также с поля боя. Чтобы позволить себе это, а также отделить замок от церкви, Генрих дополнительно огородил внутренний двор площадью около 67 ярдов к востоку и западу, по 47 ярдов к северу и югу, или примерно одну четырнадцатую всей площади, на которой отдельно стояла цитадель и северную и западную стороны которой образовывал большой занавес. Вход находился на южной стороне, недалеко от юго-восточного угла, и эта внутренняя стена была перекрыта канавой с водой, питавшейся от водопропускной трубы в северном занавесе от внешней приливной канавы, и которая завершала изоляцию внутреннего помещения от внешнего.

Церковь располагалась в юго-восточном углу внешнего прихода, по диагонали напротив нового прихода, которому соответствовала его ограда. Монастырские постройки стояли напротив церкви с южной стороны и простирались до римского занавеса, который носит следы нормандской переделки. В Кейстере, в Норфолке, где приходская церковь стоит внутри аналогичного ограждения, она занимает юго-западный угол. Стена, которая, вероятно, отделяла монастырь от остальной внешней территории, исчезла. Западная, или выходящая к суше, сторожка внешнего прихода была перестроена по нормандской моде, но восточные, или водные, ворота остались неизменными.

Хранилище соответствует обычным условиям работы таких сооружений. Его размеры у внешнего основания составляют 65 футов к северу и югу, по 52 фута к востоку и западу; в первоначальном виде он имел высоту около 55 футов, а в завершенном - 100 футов. На его западном фасаде три широкие пилястровые полосы небольшого выступа поднимаются от земли, независимо от цоколя, примерно на половину нынешней высоты башни. На северном фасаде расположение такое же, за исключением того, что нижняя половина пилястры на востоке соединена со стеной передней части здания, которая прикрывала вход в цитадель с восточной стороны. На южной стороне есть только две пилястры, которые в центре опущены. Восточная сторона снова отличается; здесь цокольный этаж перекрыт фасадом, и есть только одна пилястра в северном конце. Эти пилястры на северной, западной и южной сторонах поднимаются прямо до уровня второго этажа, где и стена, и пилястры уменьшены за счет отступа. Стена больше не уменьшается, но пилястры имеют два или три быстрых выступа, прежде чем они уходят в стену. Рядом с этим был базовый уровень первоначального

парапета. Углы сплошные, то есть без закоулков. Две пилястры, прикрывающие юго-западный угол, имеют немного более смелый выступ, чем остальные, и содержат лестничный колодец, верх которого открывается в низкую башенку. На трех других углах нет ни башенок, ни их следов. Они были естественной отделкой пилястр, прикрывающих углы, и поскольку они не доведены до вершины, возможно, что обычные башенки также были опущены. Нынешняя зубчатая стена, вероятно, по существу датирована временем. Северный и южный парапеты горизонтальные, но те, что расположены на востоке и западе, поднимаются к центру, образуя очень низкий фронтон, что является весьма необычным очертанием для такого здания и за которое в устройстве крыши ничего не приходится отвечать. Внешний вид замка практически лишен украшений. Единственным исключением является блюдо для приготовления шпагата примерно в 12 футах над основанием на западной стене, с нижней стороны которого выполнена очень изящная лепнина. Эта веревка привязана к этой грани и к стене, ее останавливают пилястры.

Материал, из которого сделана крепость, внутри и снаружи, в основном облицован канским тесаным камнем с добавлением меловых кремней. Камни имеют квадратную форму от 4 до 6 дюймов на лицевой стороне; наверху они, возможно, немного крупнее, но разница между оригинальной работой и дополнениями невелика. Камни парапета еще крупнее и, судя по описаниям, привезены с острова Уайт.

Толщина стен у основания в среднем около 11 футов, а на первом этаже около 7 футов. На вершине они составляют около 6 футов, поэтому уменьшение толщины необычно мало. Внутреннее пространство разделено поперечной стеной, идущей с востока на запад, толщиной от 5 футов до 3 футов 6 дюймов. В доме есть подвал и четыре этажа. Вход находился на первом этаже, и винтовая лестница, единственная, занимала юго-западный угол и поднималась с первого этажа, а может быть, и от основания, к зубчатым стенам, сообщаясь, вероятно, с каждым этажом дверями, все из которых, кроме одной, замурованы. В юго-восточном углу находилась труба колодца с аналогичными коммуникациями. Полы повсюду были деревянными, балки опирались на отверстия в стене. Внутренние выступы, уменьшающие толщину стены, выполнены неравномерно.

Две подвальные камеры не совсем одинаковы, южная из них больше. Они около 12 футов в высоту, у каждого есть петля на западном конце и две на северной и южной стенах, всего шесть; они имеют отверстие в 6 дюймов, круглую головку и размещены в разрезах песочных часов, имеющих углубления внутри и снаружи отверстия в 2 фута. Дверь в колодезную трубу видна, хотя и заблокирована, но та, что ведет к лестнице, похоже, была закрыта и уничтожена. Каждая из этих камер перекрыта низкоострым стволом, идущим с востока на запад и укрепленным шестью очень глубокими тонкими ребрами жесткости с полыми фасками. Они были срезаны со свода, но двускатные ребра остаются прикрепленными к стене, а участки других ребер видны на их пружинах. Эта работа выглядит ранней перпендикулярной или, возможно, чуть более ранней. Оно превосходно и даже слишком хорошо для погреба, хотя, без сомнения, предназначалось специально для хранения вин *royal prisage*, которые составляли часть выручки и часто хранились здесь. Между сводами есть дверь, у западного конца поперечной стены, и наружная дверь в восточной стене южного свода, которая, вероятно, была открыта, когда своды были повернуты и винтовая лестница закрыта. Это, однако, может быть оригинальная дверь, ведущая из подвала в подземелье в основании переднего здания, или же она могла быть соединена с внешней дверью в самом переднем здании. Трудно быть уверенным на этот счет.

Первый этаж также состоит из двух комнат длиной 43 фута и шириной 21 фут и 18 футов 6 дюймов. На этих этажах располагались две парадные комнаты, высота которых до

деревянного потолка составляла 24 фута. В северной и южной стенах, в каждой по два окна круглой формы, с отверстием в 2 фута, в виде песочных часов, с проемами в 3 фута, открывающимися наружу, и в 5 футов внутрь. Подоконник ниши находится на высоте 4 футов над полом, а высота ниши - 12 футов. Его углы заняты жирным шариком или зацепленным стержнем с основаниями и слоистыми колпачками, откуда шарик обвивается вокруг головки. Помимо этих четырех окон, в каждом вест-энде есть еще одно, такого же характера, но с углублениями высотой 20 футов и без выступающих углов. Два южных окна, вероятно, были замурованы, когда был пристроен внешний меньший зал, и свет перестал быть объектом в замке. В северной камере западное окно также закрыто. Двери в шахту колодца и лестницу были закрыты в наше время. В поперечной стене есть большой современный пролом. Старая дверь находилась ближе к западному торцу; кроме того, в юго-западном углу северной комнаты была дверь, ведущая в небольшую гардеробную в западной стене. Он частично заложен кирпичом, но петля видна в центральной пилястре снаружи. Главный вход в замок находится на этом этаже, в восточной стене южного зала. У него круглая головка, отверстие 4 фута 6 дюймов, совершенно ровное, без фаски или фальца, которые, без сомнения, были срезаны. Это, очевидно, оригинал. В восточной стене северной камеры есть две двери, но это современные проемы.

Второй этаж высотой 13 футов был мансардой первоначального здания и представлял собой всего лишь серию чердаков. Крыша была очень необычной. Над поперечной стеной был центральный гребень, а над серединой каждой камеры - впадина или водосточный желоб, от которого крыши поднимались к внешним стенам. Таким образом, в поперечном сечении в качестве пристройки имелся центральный треугольник, разделенный поперечной стеной, и с каждой стороны по полутреугольнику, образованному внешней стеной; и в каждом из четырех полусконников, образованных таким образом в восточной и западной стенах, было по небольшому круглому окну, всего восемь. Окна сохранились, как и каменный флюгер, с помощью которого обозначается участок ранней крыши. Крыши были крутыми, и поэтому их нельзя было использовать в качестве платформы для оборонительных машин или для хранения ракет. В поперечной стене, здесь толщиной 3 фута, находится высокая, очень простая дверь с круглой головкой, открывающаяся на 2 фута 6 дюймов, соединяющаяся между половинами перегородки центральной крыши. На южный чердак можно было попасть по лестнице-колодцу, но как попасть на три северных чердака, не сообщается. В северной комнате, под самым южным из двух восточных окон, сохранились следы двери, которая, без сомнения, вела к зубчатым стенам переднего здания, прикрывая главную дверь, как это видно в Скарборо, Ричмонде и других местах. Расположение оригинальной крыши напоминает расположение Хелмсли, очень поздней крепости, которая также была возведена.

Вскоре после завершения строительства этой крыши, в нормандский период, было решено поднять крепость на два яруса, благодаря чему чердаки были преобразованы в обычный второй этаж. Нечто подобное было сделано в Ричмонде и Бриджнорте.

Высота построенного тогда третьего этажа составляет 18 футов. Он довольно простой, без проема в поперечной стене и с одним маленьким окном в каждой западной стене. Как попали в северную камеру, неизвестно. Нынешний пол на 3-4 фута выше первоначального. Следующий - четвертый, или верхний, этаж, высотой около 15 футов, с поперечной стеной толщиной 3 фута 6 дюймов из грубого щебня, в то время как наружные стены с обеих сторон сделаны из тесаного камня. В южной камере есть четыре окна; те, что в южной стене с двумя фонарями, с плоской головкой, но снаружи под рельефной аркой во весь центр, а внутри помещены в углубление, также во весь центр, с отверстием 5 футов 6 дюймов. Все это

довольно просто. Похожее окно есть в ист-энде. Окно в западном конце имеет аналогичный рисунок, но с единственным источником света; а в северной камере два окна на северной стороне и по одному в каждом конце также имеют один источник света. В восточной стене этой камеры небольшая дверь открывается через Г-образный фресковый проход, превращающий северо-восточный угол в гардеробную с петлей в восточной стене и вентиляционным отверстием прямо наружу на лицевой стороне северной стены. В Бруэме есть похожее сооружение для молельни. В южном косяке западного окна южной комнаты была выкопана небольшая печь. Поскольку сюда нельзя было добраться со старого этажа, это, вероятно, очень современно. Выведена ли труба колодца через новое сооружение, не сообщается, как и нет никаких следов первоначального отверстия на лестнице у магистрали, хотя, вероятно, оно там было. Дверь в поперечной стене, открывающаяся по центру на 4 фута 6 дюймов, расположена у западного торца. Здесь есть уступка, так что дверь открывалась в северную камеру и была заперта на засов с той стороны.

Первоначальная крыша нормандской пристройки была плоской, о чем свидетельствует яркая таблица погодных условий, проведенная вокруг стен; но фактически нынешняя крыша в точности противоположна той, что описана ниже, здесь есть центральный и два боковых желоба, а также гребень над центром каждой камеры, что является столь же непригодной крышей для оборонительной платформы. Плоская или почти плоская крыша очень напоминала ту, что сейчас на Белой башне в Лондоне. Парапет можно осмотреть сверху. Амбразуры расположены на больших расстояниях друг от друга и имеют глубину 4 фута 6 дюймов на 2 фута 3 дюйма. Никаких следов угловых башенок не видно, за исключением верхней части лестницы, и это всего лишь небольшая деталь. В замке не было обнаружено ни одного камина, и только две комнаты с фресками, обе очень маленькие, для гардеробных. Отсутствие орнамента или какой-либо очень хорошо обозначенной парадной комнаты с настенными шкафами, вероятно, связано со строительством одновременно с сохранением более удобных хозяйственных построек во внутреннем дворе.

Переднее здание было частью первоначального проекта крепости, продолжением нижней части которой оно является, такой же ширины и глубиной 25 футов в восточном направлении. Его стены, такие же толстые, как и в цитадели, также содержали две камеры, разделенные поперечной стеной, восточную и западную. Северная камера сейчас заполнена, а возможно, так было всегда. Южная камера, по-видимому, изначально не имела выхода, и если ее использовали как темницу или погреб, то, вероятно, в нее можно было попасть через люк в деревянном полу.

Первый этаж этого сооружения, на уровне того же этажа башни, также был разделен на две комнаты, между которыми был проход, ведущий от внешней лестницы к двери башни. Северная камера была осквернена из-за использования в качестве пыли и гардеробной для современных заключенных в крепости; но элегантное эркерное окно в позднем перпендикулярном стиле, вставленное в ее северную стену, показывает, что это было помещение с некоторой претензией. Южный зал был часовней цитадели. В его западной стене, стене крепости, есть большое углубление во весь центр, около 11 футов шириной и 2 фута глубиной, для сиденья, а в южной стене сохранилась половина нормандского окна, которое первоначально открывалось во внутреннюю палату.

Первоначальная крыша передней постройки имела довольно высокий уклон, от которого над часовней сохранился флюгер. Ее заменила более высокая крыша, но с очень низким уклоном, подходящая для свинца. Верх обеих крыш доходил почти до уровня пола второго этажа цитадели. Зубчатые стены этой вспомогательной башни были на 15-20 футов ниже, чем у первоначальной крепости. На первый этаж переднего здания вела внешняя лестница

из двадцати шести ступеней, расположенная у восточной стены таким образом, чтобы доходить до внешней двери в центре здания и ведущая также к северному занавесу. Нынешняя лестница современная, но тщательный осмотр покажет, что у ее основания сохранились норманнские руины. Похоже, что при возведении башни было решено сделать дверь в южной стене переднего здания в пространство под часовней. Когда это было сделано, стена снаружи была утолщена. Дверь все еще сохранилась, но открывается уже не в открытый двор, а в подвал более позднего здания. Часть добавленной облицовки отвалилась, и видна старая стена с натянутой бечевкой, соответствующей той, что на замке. В более поздние времена в стене часовни наверху было открыто Перпендикулярное окно и вторая Перпендикулярная дверь в помещение внизу. Это дверь, над которой высечен в камне герб королевы Елизаветы, и которая, вероятно, была сделана каким-то более ранним монархом, чтобы пропускать бочки с вином в хранилища замка.

Внутренний двор все еще ограничен с востока и юга первоначальной нормандской стеной из канского камня толщиной 6 футов. Первоначальные хозяйственные постройки располагались вдоль южной стороны к западу от входа, на чем до сих пор видны следы первоначальной ограды. Под юго-восточным углом находилась большая прямоугольная башня шириной 23 фута и выступом 25 футов, расположенная по диагонали, — необычное нормандское сооружение. Толщина стен 6 футов, а ущелье открыто. Он состоял из двух этажей, одним из которых был подвал, имел деревянные перекрытия и, без сомнения, походил на среднюю сторожку Лондонского Тауэра, заколоченную с тыла. Два внешних угла полые, или скошенные, хотя и без шахт. Верхний этаж освещался тремя узкими петлями с круглыми головками.

Какими бы ни были размеры офисов во времена нормандии, в настоящее время эти здания занимают три стороны двора, причем северная сторона открыта. Недалеко от центра двора находился колодец, а в северной стене, рядом со ступенями цитадели, небольшой задний ход; в северо-восточном углу, частично за двумя занавесами, находится прямоугольная башня большой прочности, примерно 26 футов на 30 футов, со стенами толщиной 6 футов. Его подвал, по-видимому, использовался как большая кухня, хотя изначально и не был построен для этой цели. Верхний этаж находится на уровне северного занавеса, и в него можно попасть с него; его северную и восточную стены пронизывает галерея фресок шириной 3 фута с двумя петлями на севере и тремя на востоке. На этой стороне также есть дверь, открывающаяся за главным занавесом. С этого этажа лестница-колодец возле северо-западного угла ведет на зубчатые стены. Основание этой башни похоже на нормандское, но верхний этаж и зубчатые стены изначально были перпендикулярны.

Из внутренних построек напротив башни и западного занавеса построен меньший зал шириной 18 футов и длиной 30 футов, одним концом примыкающий к башне, другим - к комнате отдыха, общей для нее с большим залом. Он состоит из двух этажей, нижний на уровне земли, с красивой дверью и окнами. Холл с деревянным полом и крышей занимает верхний этаж. Камин находится в середине западной стороны, за римским занавесом, который был поднят. На восточной стороне четыре окна, выходящих в палату, каждое из двух световых, разделенных фрамугой, с головками сабельника.

Напротив башни, а также примыкающее к этому залу, находится двухэтажное здание, самое верхнее из которых, по-видимому, было часовней, заменяющей ту часть башни, с которой оно сообщалось. В нем есть восточное окно, обрамленное двумя диагональными контрфорсами. Напротив него, за занавеской, находится большой зал. Он имеет 67 футов в длину и 28 футов в ширину, также двухэтажный, причем подвал, вероятно, был погребом. В его северной стене есть арки, как для кладовой, и некоторые остатки первоначальной

нормандской ограды, вероятно, более раннего зала. На северной стороне находятся четыре окна, три на западе и одно на востоке от большой двери, перед которой находится красивое перпендикулярное крыльцо со сводчатой крышей и ступеньками, ведущими в холл. С крыльца широкая лестница и короткая галерея вели в музыкальную галерею в восточном конце зала, и в этом конце также, у южной стены, находится большой камин. Если это был конец помоста, галерея, должно быть, находилась над ним, что было необычно. В холле был деревянный пол и низкая крыша. Крыльцо кажется более поздним, чем холл. К востоку от зала находятся другие комнаты поменьше, примыкающие к стене, обрамляющей входные ворота. За этими воротами остальная часть южной стены и вся восточная стена до кухонной башни заняты постройками эпохи Тюдоров — простыми оболочками, вероятно, жилыми помещениями для прислуги, кладовыми и комнатами, соединенными с кухонным отделом. Говорят, что за северным занавесом были здания, но сейчас от них не осталось и следа.

Неизвестно, как удалось добраться до крепостных валов западной, южной и восточной стен этого квартала. К ним нет доступа ни из крепости, ни из кухонной башни. К северному занавесу ведет короткая лестница из передней части здания. Толщина этого занавеса здесь составляет 10 футов, а высота вала составляет 6 футов, с высоким парапетом и перекладиной. В этой части занавеса находится один из старых римских бастионов. Внизу он сплошной и был приподнят, чтобы вместить небольшую камеру, пол которой находится немного ниже уровня крепостного вала, из которой в него открывается дверь. Здесь также есть хорошее западное окно с двумя фонарями, подвязанное саблями, выходящее на дорожку к крепостному валу, и небольшой камин; в целом, это слишком удобный пост для любого дежурного офицера. К востоку от этого бастиона полый угол между ним и занавесом пересекает наклонная арка из двух колец *вуссуаров* превосходной декорированной работы, которые поддерживают небольшую гардеробную, подобную тем, что можно увидеть на стенах Саутгемптона и в Ладлоу.

Остается описать сторожку, или вход в этот внутренний двор, — очень любопытное сооружение необычной длины, состоящее из трех периодов. Во-первых, снаружи приближаются две параллельные стены толщиной 5 футов и на расстоянии 9 футов друг от друга, изнутри концов которых свисал подъемный мост, по-видимому, без какой-либо специальной арки или ворот. В одной стене есть косая петля, контролирующая подход со стороны больших ворот внешнего квартала. От подъемного моста ведет проход, сначала 9 футов, а затем 10 футов в ширину и 15 футов в длину, заканчивающийся опускной решеткой и воротами, всего 2 фута глубиной и 9 футов шириной проема. За ним проход продолжается шириной 10 футов на протяжении 17 футов. До сих пор дорога была либо открытой, либо покрыта бревнами, и все они построены перпендикулярно.

Далее следует удивительно изящная арка того периода, украшенная глубокой лепниной и опускной решеткой, с откидной дверью. Она ведет в нечто вроде перистиля глубиной 8 футов, сводчатого и пахового, с ребрами жесткости и выступами, заканчивающегося вторым и довольно низким порталом. В этом перистиле есть два боковых дверных проема шириной 3 фута, выходящих на уступ рва между ним и навесной стеной, точно так же, как в Хавардене, только там они открываются из помещения на контрэскарпе. Арка, в которой заканчивается перистиль, заменена дверью, но не имеет пазов для опускной решетки. Украшенная работа здесь заканчивается, и видно, что портал маскирует оригинальный нормандский вход. Это идеальная, простая нормандская входная арка с квадратными выступами, расположенная спереди и в центре оригинальной сторожки, которая представляла собой простую прямоугольную башню, выступающую из занавеса на 23 фута и 28 футов шириной. Вход пролегает между двумя высокими стенами, разделенными 19 футами, которые на

протяжении 22 футов являются стенами старой нормандской сторожки с двумя боковыми петлями, поднимающими занавеску. Над этим проходом был деревянный пол. Затем стены продолжают еще на 28 футов, слева находятся комнаты, примыкающие к большому залу, справа - комнаты эпохи Тюдоров. Таким образом, вход в этот квартал имеет длину около 100 футов и защищен подъемным мостом, опускной решеткой и двумя парами ворот.

Далее внимания требуют две сторожки внешнего двора. Водяные ворота, по сути, римские. Сторожка имеет площадь 26 квадратных футов, стены толщиной 6 футов, не имеют выступов за пределы занавеса. Все совершенно простое, без подпорок, скошенных краев или лепнины. Путь лежит через два дверных проема, расположенных друг напротив друга, шириной 8 футов 6 дюймов. Внутренняя арка построена из белого известняка с несколькими блоками кроваво-красного железистого песчаника. *Вуссуары* тяжелые, состоят из одного кольца. Стены, как правило, из обработанного кремневого щебня с очень открытыми швами. В украшенный период на внешней стороне было пристроено нечто вроде крыльца с выступом 20 футов на 12 футов в ширину, в центре которого находятся внешние ворота с опускной решеткой, по бокам от которых пара контрфорсов, расположенных по диагонали. Над воротами есть небольшое окошко, а в боковых стенках две петли для задерживания занавески. Старый римский дверной проем по линии занавески также был изменен в тот же период, а для двери была добавлена скидка. Крыша была деревянной, и имелся верхний этаж, без сомнения, пристройка. Сюда вела лестница-колодец в юго-западном углу, перестроенная специально для этой цели, и в нее можно было попасть через внутреннюю дверь.

Изучение водных ворот прольет много света на то, что было сделано на сухопутных воротах, которые, очевидно, изначально строились по тому же образцу. Здесь римская постройка была либо снесена и восстановлена в тех же размерах, либо, что кажется более вероятным, сохранилась римская сердцевина и применена нормандская облицовка. Внутренние ворота совершенно простые, за исключением того, что арка образована простыми нормандскими *счетами*, которые тянутся за стеной в виде веревки. У внешних ворот нет даже *абака*; но снаружи они замаскированы красивым украшенным порталом с ниспадающей аркой и хорошими лепными косяками, а также наружным капотом. Здесь нет ни опускной решетки, ни средних ворот. Пространство между воротами площадью 14 футов было перекрыто четырьмя тяжелыми выступами по углам, из каждого из которых выступало по пять ребер, по два из которых были прислонены к стенам. Там была простая, но полая фаска, и они сходились в центральном открытом круге и четырех полукругах вдоль четырех стен, соединенных четырьмя ребрами жесткости. Все это имеет поздний Декоративный или ранний Перпендикулярный характер.

Здесь также был пристроен верхний этаж, который остается довольно совершенным. Камера имеет цилиндрический свод, оси проходят с востока на запад, и укреплена семью ребрами с ровной фаской, пружины которых сохранились; но тела ребер вместе со сводом исчезли. Свод, кажется, был заостренным и выглядит перпендикулярным. В этой комнате были окна над воротами. К нему вела прямая лестница, расположенная в выступе, параллельном северной стене, с северной стороны, и перекрытая сверху. Лестница вела слева в верхнюю комнату, а справа - за занавеску. На южной стороне комнаты есть еще одна дверь, открывающаяся за противоположной занавеской. Эта сторожка имеет совершенный и очень красивый парапет с зубцами и амбразурами одинакового размера, каждая из которых украшена смелой лепниной.

В нескольких ярдах к северу от этой сторожки в римском занавесе был открыт небольшой стрельчатый дверной проем, вероятно, служивший задней дверью. В настоящее время это

просто грубая дыра, но она выглядит старой, и если бы она была очень современной, то была бы облицована кирпичом.

История постройки замка довольно ясно написана на его стенах. Генрих I, вероятно, до 1133 года, по-видимому, построил крепость и огородил внутренний двор, отремонтировал римский занавес, перестроил или отреставрировал сторожку у ворот, а также разместил холл и другие хозяйственные постройки вдоль южной стороны внутреннего двора. Возможно, Генрих сам возвел крепость до завершения работ, или это могло быть сделано Генрихом II еще в 1160 году.

В винчестерском томе “Журнала Археологического института” есть статья мистера Хартсхорна о Порчестере, в которой приводятся некоторые любопытные подробности о его управлении и ремонте. Из них следует, что в 1220 году крыша крепости вышла из строя, поскольку у констебля было четыре *карраты* свинца для ее покрытия. Это показывает, что крыша в то время на нем была плоской, на что указывает атмосферная лепнина. Генрих III, получивший в свои второй, третий и четырнадцатый годы жизни свыше 10 фунтов стерлингов за постройку домов в городе или поместье Порчестер, привел замок в упадок, и в результатах обследования, заказанного Эдуардом I. в 1274 году говорится, что здания внутри замка старые, не ремонтировались и непригодны для жилья. Второй отчет был составлен двадцать лет спустя, после личного визита Эдуарда, и сразу же был заказан ремонт, который был очень обширным и продолжался на протяжении большей части правления Эдуарда II. Г-н Хартшорн приводит анализ отчета управляющего здешними работами в 1321 году.

После квитанций, которые в этом году составили 55,0 шекелей. 0½ д., подробно приводятся сведения о расходах. Во-первых, стоимость материалов, затем заработная плата нанятых людей, землекопов или “фундаторов”, каменщиков или “цементариев”, на уровне 4d. день; их рабочие, или “сервиенты”; собиратели камней, “*colligentes lapidum*”, большинство из которых были подобраны на пляже в 6 часов утра. в день; метатели песка “джактантес забулонис” во 2-м часу; плотники “каarpентарии”; пильщики “сарраторес” в 4-м часу; падальщики “простираторес”; чистильщики коры или “скапулаторес” в 3 с половиной дня; плиточники “латаморес”; водопроводчики “пламбаторес”; кузнецы “фабриканты”; чернорабочие, “лаборанты” и т. Д. Новый замок и ключ для восточных ворот стоили 4 доллара. Уильям Джайлс, тайлер, получал 4 доллара. в день, а Роберт, его сын, - 3 доллара, пока освещал комнату Эдуарда II. Два больших троса для подъема древесины и камня на вершину башни стоили 43,8 доллара; тридцать две сварные доски были приобретены в Havante по 4 доллара каждая. Компания Thomas le Piper поставила 157 камней по 10 шиллингов, а их перевозка с острова Уайт обошлась в 6 пенсов. Их наняли для строительства моста под замком: вероятно, того, что перед западными воротами. Питер де Пулфорд, как клерк и надсмотрщик, получал 12 пенсов в день. Все эти работы были выполнены в стиле декора, меняясь в деталях по мере развития стиля. Работа на вершине башни, вероятно, представляла собой нынешний парапет.

Около 12 Эдуарда III. ремонт был возобновлен. Были отремонтированы покои королевы и Найтона. Было приказано построить “стену фоса” и барбакан с *решеткой* и барьерами: сооружениями, очевидно, из дерева, и, вероятно, перед западными воротами.

Ричард II. возобновил работы и примерно в 1396-7 годах, как раз когда стиль оформления переходил в Перпендикулярный, похоже, с большой активностью продвинул их вперед. М-р Хартсхорн указывает, что для строительства замка использовался камень из Бончерча и Саут-Уика, свободный камень из Берестона для дверей, окон и каминов; а также кремень и

“тряпичный камень” из Биннерберга, также с острова. Кроме того, это были деревянные панели, ботинехолты для дверей и окон, каминная плитка или “хуртигель”, фламандская плитка из Биллингсгейта, и “реретигель”, или огнеупорный кирпич, для задних стен каминов. Это объясняет ранние Перпендикулярные работы, обнаруженные по всему замку. Вероятно, это сооружение в тюдоровском стиле было выполнено во времена правления Елизаветы, которая, по-видимому, дала свое имя кухонной башне, вероятно, вследствие произведенных в ней изменений.

Работы из современного кирпича были выполнены в настоящем и прошлых веках, когда корона арендовала замок и переоборудовала его под тюрьму; строились казармы, которые сейчас сняты, в большом дворе. Еще в 1761 году здесь находились испанские и французские военнопленные; в том году, как говорят, их было 4000. Здесь разместили голландских военнопленных, взятых в Кампердауне, и многих французов, взятых в плен на войне. Говорят, что когда-то здесь проживало до 8000 человек. Замок долгое время был собственностью семьи Тислтуэйт. Пара сотен фунтов, разумно потраченных на укрепление крепости, заделали бы бреши, восстановили старые дверные проемы и лестницы и вернули полы на надлежащий уровень. Некоторые из таких умеренных затрат также во многом помогли бы улучшить внутреннюю часть палаты.

История Порчестера весьма скудна. До сравнительно недавнего времени он всегда находился в руках короны и командовался констеблями, чьи имена время от времени встречаются в государственных архивах. Король Иоанн, самый беспокойный из монархов, был здесь восемнадцать раз с 1200 по 1214 год, всего на пятьдесят два дня. Много упоминается о хранящемся здесь вине; когда-то там было тридцать бочек. В 1205 году король отправил инженера и шестнадцать шахтеров погостить здесь двадцать дней, а констебль должен был найти двадцать отборных людей в помощь им. Также был послан Стивен Инглиш, ремесленник. Возможно, это было сделано для того, чтобы выкопать колодец во внутреннем дворе; колодец, должно быть, был выкопан тогда, когда крепость была основана, или до нее. Для гарнизона отправляются овцы, по шестьдесят штук за раз, а также петрария, мангонели и другие военные припасы. Арендаторы, которых удерживала охрана замка, были предупреждены. К замку были присоединены обширные владения и лес, находившиеся в ведении констебля, доход от которых был значительным.

Эдуард I., кажется, бывал здесь два или три раза, а Эдуард II. чаще, останавливался здесь на несколько дней в 1324-5-6 годах. Эдуард III. собрал здесь свою армию перед войнами с Францией, содержал сильный гарнизон и хорошие запасы пшеницы, ячменя и вина.

ЗАМОК РИЧАРДА, ХЕРЕФОРДШИР.

Местоположение замка Ричарда, хорошо известной и очень древней крепости в графстве Херефорд, но недалеко от Ладлоу и границ Шропшира, отличается одним из тех замечательных сооружений на земле, которые до сих пор в топографических книгах не описывались или были даны лишь в таких общих чертах, которые не помогают сделать сколько-нибудь обоснованных выводов относительно людей или периода, кем или при котором они были построены. И все же, если бы существовали правильные планы и точные описания земляных сооружений этой страны, вполне вероятно, что были бы сделаны какие-

то здравые общие выводы относительно их происхождения. Многие из них, вероятно, большинство, несомненно, относятся к доисторическим, но все же кое-что из их истории, вероятно, может быть установлено путем тщательного рассмотрения свидетельств, которые они сами предоставляют.

Замок Ричарда - одно из произведений, распространенных на границе Уэльса и в районе Миддл-Маршс. Таковы были Херефорд и Вустер, в наше время лишенные своих курганов; Шрусбери, все еще возвышающийся над глубоким и стремительным Северном; Тре-Фолдуин или Монтгомери, единственный пример города и графства, носящего имя захватчика; Килпек и Эвиас-Гарольд, уже описанные; Билт, крайняя граница на западе, которую англичане удерживали какое-то время: Кардифф, Каэрлеон, Вигмор и замок Ричарда.

Замок Ричарда, крепость и приход, названы в честь некоего Ричарда Фиц-Скроба, одного из норманнов, прикрепленных ко двору Исповедника, и который был расквартирован этим принцем, вероятно, в самом уязвимом районе на границе Уэльса; позиция, господствующая над одними из самых богатых и заброшенных земель, завоеванных англичанами, и, несомненно, подвергалась частым и сильным нападениям.

Какой захватчик первоначально возвел великолепный земляной вал, которым, должно быть, руководствовался Фиц-Скроб при выборе места жительства, неизвестно, но с его вершины открывается одна из самых благородных и обширных перспектив, которые можно найти даже в той части Англии, которая очень богата приятным сочетанием леса и воды, высоких холмов и широких плодородных долин. Когда новопоселенец пересекал луга Северна и оставлял позади себя травянистые луга Тима и Лагга и поднимался на возвышенность к месту, где его собственная преданность или преданность его сына впоследствии основали церковь, он, должно быть, благословлял судьбу, которая поместила его в такую богатую страну, и во владении которой обширные земляные работы непосредственно перед ним были бы гарантией большей, чем обычная безопасность.

Появление Фиц-Скроба, должно быть, было воспринято с глубокой неприязнью в противоположных кругах. В те дни, в самый канун прихода Вильгельма, валлийский принц Граффидд хорошо знал, каким грозным соседом был нормандский рыцарь; и англичане, знавшие, какими орудиями местной тирании были нормандские замки, не могли не с ужасом взирать на высокие стены и башни, которые делали неприступным и без того сильное место и превращали хорошо известный бурх в замок, о котором они с ужасом слышали, но никогда прежде не видели.

Какие именно работы были созданы Ричардом, сказать трудно. Возможно, что он превратил курган в свою крепость и обнес прилегающий к нему двор стеной, хотя каменная кладка, от которой до сих пор сохранились обширные фрагменты, по-видимому, относится к более позднему времени. Нет оснований предполагать, что он построил прямоугольную крепость. Там уже был курган. Его крепость должна была находиться на ее вершине, и, если при ее строительстве использовалась каменная кладка, это должна была быть раковина или низкая башня диаметром не более 30 или 35 футов, такая, какую можно увидеть на кургане Кардиффа.

Первая опасность для нового лорда исходила от графа Годвина и его сыновей, которые представляли англичан и, следовательно, антинормандские настроения. Одной из общепризнанных обид, для удовлетворения которой они сошлись с оружием в руках в Беверстоне в 1052 году, было присутствие Ричарда Фиц-Скроба на английской земле. То, что они потерпели неудачу и что их неудача привела к временному изгнанию графа Годвина, - это вопрос истории. Ричард остался цел и невредим и, несомненно, занялся тем, что укрепил

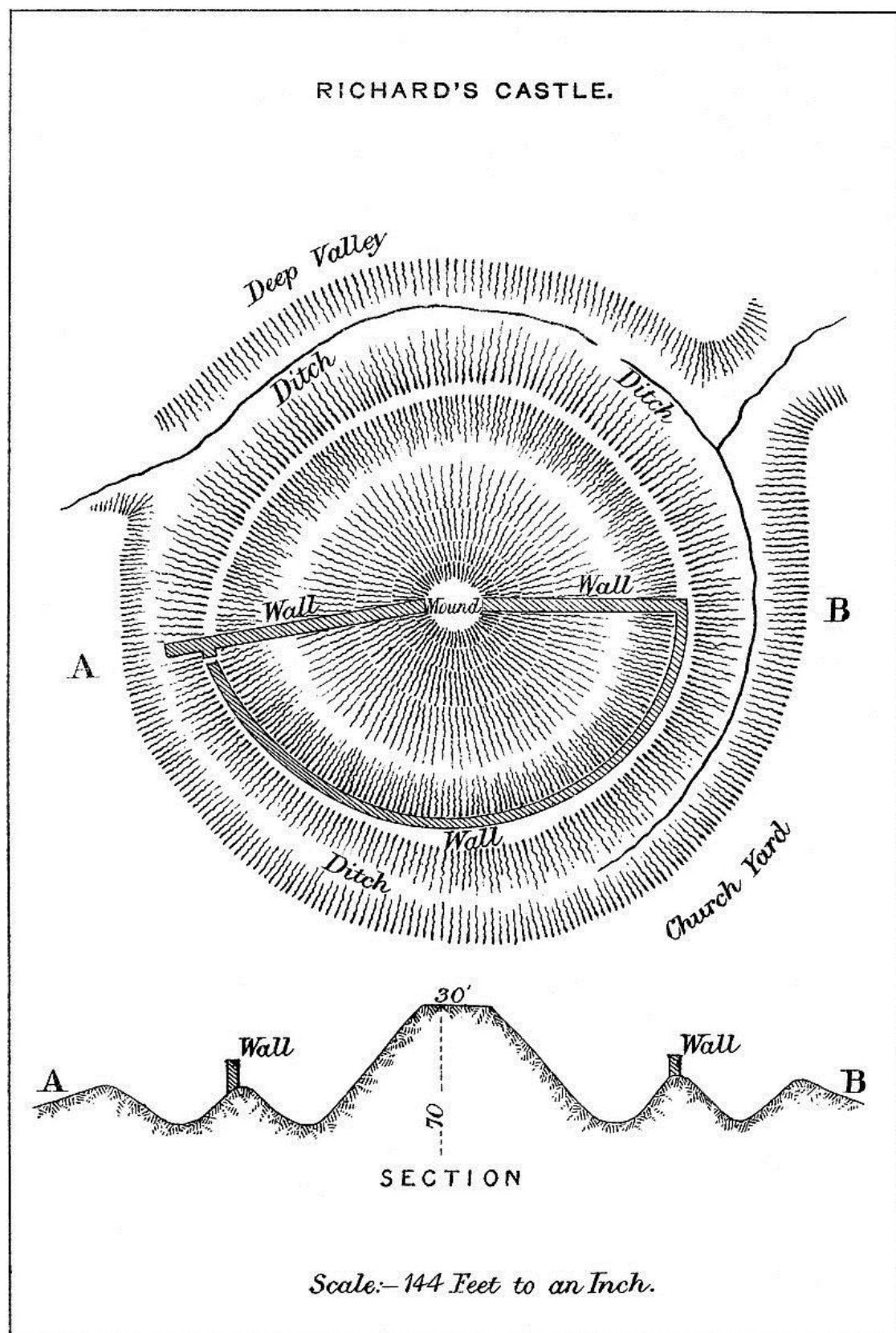
свой замок той мощью, которой у него едва ли могло быть в избытке. Не указано, что он участвовал в кампании и позорном поражении графа Ральфа Робкого от принца Граффиды, но, вероятно, он это сделал.

В 1056 году Гарольд, в то время граф Западных саксов, выступил в Поход против валлийцев и продвинулся в Арчерфилд, где его вероятный крестник Гарольд, сын Ральфа, владел замком Эвиас-Гарольд, земляные укрепления которого были построены по типу укреплений замка Ричарда, и который несколько лет спустя должен был получить пристройки каменной кладки по тому же образцу. Неизвестно, был ли Ричард в союзе с графом Гарольдом или с Гарольдом Эвиасским, но расположение его замка вряд ли позволяло ему быть нейтральным.

В 1062 году Граффидд снова перешел границу Херефордшира, и Гарольд, в то время владевший графством Херефорд, снова был на своем посту, и лорд Эвиас присоединился к нему. За этим последовала более крупная экспедиция, в ходе которой Гарольд вторгся в Уэльс морем из Бристоля вместе со своим братом Тостигом из Нортумберленда. Они встретились в Руддлане, и вскоре после этого валлийский принц был убит своим собственным народом. В течение этих беспокойных лет вся граница, должно быть, пребывала в постоянном смятении, и мы можем справедливо предположить, что Ричард, которому, по существу, противостояли обе стороны, должно быть, укрепил свой замок всеми имевшимися в то время средствами.

Прибытие Завоевателя избавило Ричарда от его самого грозного врага - английского народа, руководимого английским лидером. Он и его сын Осберт разделили господство своей расы и получили от Уильяма крупные гранты в Херефордшире и других местах, которые должным образом зарегистрированы в Domesday.

ЗАМОК РИЧАРДА.

Wyman & Sons, G^t. Queen St^l. Лондон.

Замок Ричардс-Касл занимает положение, одинаково замечательное как по красоте, так и по прочности. Он стоит на восточном склоне холма Виннолл, возвышенного хребта, который простирается сюда от Ладлоу, и немного к западу от замка рассечен двумя глубокими параллельными ущельями, за которыми возвышенность вновь переходит в два расходящихся хребта, из которых один тянется на запад в направлении Вигмора, а другой

южнее до реки Лагг у Мортимерс-Кросс, на гребне которого находится древнее британское земляное укрепление Крофт-Амбри, а под ним крепость Крофт-Касл, как сообщается, построенная на месте древней Англии. Таким образом, замок Ричарда защищен со стороны Уэльса двойной защитой холма и долины, помимо его более непосредственных и специальных сооружений.

Замок, хотя и находится намного ниже вершины Виннолла, стоит на очень высокой местности, быстро уходящей к востоку. Чрезвычайно глубокое и широкое ущелье, спускающееся с запада, ограничивает позицию с юга, в то время как меньшая по размеру долина с притоками, спускающаяся с севера, впадает в большую долину ниже замка и, таким образом, завершает свою мощь на северной, западной и южной сторонах. Оборона на востоке полностью искусственна.

На возвышенности, над местом слияния двух долин, был насыпан большой и высокий курган, основание которого находится примерно в 300 футах над долиной, а вершина на 60 футов выше, что является его надлежащей высотой. Вверху он имеет около 30 футов в диаметре, а склоны очень крутые. Он кажется полностью искусственным и стоит в собственном очень глубоком рву, за которым находится высокий берег. С западной стороны за этим рвом следует крутой естественный склон, спускающийся к реке, но к востоку ров, по-видимому, был укреплен вторым, который охватывает большую площадь, более или менее полукруглой формы, и который имеет насыпь внутри и на откосе внешнего рва, который здесь искусственный, и отрезает крепость от прилегающей возвышенности, ныне занятой церковным двором.

Это были оборонительные сооружения первоначальной крепости, и, как почти неизменно случалось, когда норманны превращали такое земляное сооружение в замок, на вершине холма была построена круглая башня или ракушка, составляющая цитадель. Отсюда, с северо-восточной и юго-западной сторон, мощная и высокая навесная стена спускалась по склону и, достигнув края рва, изгибалась на восток и закруглялась так, что включала в себя всю укрепленную территорию к юго-востоку от насыпи и половину самой насыпи, из которых другая, или западная половина, сильная своей огромной естественной мощью, усиленная рвом, была оставлена без какой-либо внешней или второй линии обороны в каменной кладке. Хозяйственные постройки находились в этом основном дворе или нижнем подворье, крепость занималась только во время осады или при исключительных обстоятельствах. Вход был через арку в занавесе с южной стороны. Таким образом, как и в Шрусбери, Беркхэмпстеде и Тэмворте, да и вообще в целом, курган и цитадель стояли на общем *ограждении* крепости, составляя часть ее внешней обороны. В нижний двор можно было попасть на колесных экипажах, но подняться в цитадель можно было только по ступенькам. В это время вершина кургана покрыта *обломками* и мусором, на котором буйно разрослись молодые древесные деревья и подлесок, а ограждение, недоступное естественным путем, строго охраняется. Занавес, спускающийся по склону с северо-востока, довольно идеален, как и прилегающая часть вдоль северо-западного фасада нижнего прихода. Дальше стена, по-видимому, была поднята с помощью пороха, и огромный фрагмент лежит во рву. За этим кое-где виднеются фундаменты; сама стена остается огибающей уступ рва вдоль восточного и южного фасадов, а ближе к последней стороне находится место, где входная арка пронзала стену, о чем свидетельствуют щель в каменной кладке и проход через берег. Сразу за этим занавес поднимается на холм и упирается в башню крепости, замыкая круг защитных сооружений из каменной кладки.

Из-за густоты и отвратительного характера растительности трудно получить хороший общий вид этого места или проследить за его деталями, но фрагменты каменной кладки лежат

повсюду, и, если очистить их от крапивы и удалить тонкий слой верхнего слоя почвы, без сомнения, можно было бы получить правильный план этого интереснейшего места и с некоторой степенью уверенности установить дату кладки. Каменная кладка над землей, вероятно, нормандская, но весь тесаный камень исчез. Большой интерес этого места обусловлен его весьма примечательными земляными укреплениями и тем фактом, что оно было занято и укреплено нормандским мастером до завоевания.

Соседняя церковь - большое и довольно красивое здание в украшенном стиле. Она стоит всего в нескольких ярдах от замкового рва, до которого простирается ее кладбище. Он примечателен тем, что имеет большую квадратную отдельно стоящую башню-колокольню, расположенную в нескольких ярдах к юго-востоку от алтаря.

РОЧЕСТЕРСКИЙ ЗАМОК.

РОЧЕСТЕР - Крепость, собор и Город - очень примечательное место - в некоторых отношениях самое примечательное место на Юге Англии. В каждом из своих тройных проявлений он претендует на высокую древность. Его церковная история начинается с Августина и Этельбир, основателей его кафедры, на которой Юстус, друг Августина, был первым, кто возглавил ее, и в пожертвования которой внесла свою лепту длинная череда князей Кента и Мерсии. Его светская история, хотя и часто неясная, восходит к еще более отдаленному периоду, и его материальные свидетельства все еще можно прочесть в виде работ по земле или мASONству, свидетельствующих о занятиях римлян, саксов, датчан и норманнов.

Рочестер построен на низком мысу, образованном большим изгибом реки Медуэй, центральную часть которого занимает город, а самую заметную и северную точку занимает замок. Великий римский путь из Кентербери в Лондон проходил по всей длине мыса и пересекал реку недалеко от его вершины, по линии древнего и почти нынешнего моста.

Расположение крепости очень благородное. Поднимаясь из твердого грунта высоко над ручьем, он образует величественный выступ на берегу Медуэя, достигающий здесь 1000 футов в ширину и почти соперничающий с Темзой по объему своих вод. С башен цитадели открывается вид огромной протяженности и необычайного разнообразия, включая крутые и зеленые склоны мела и широкие и плодородные луга, по которым изящными изгибами течет великая река, скрытая и выдаваемая неровностями холмов и разбросанными массивами лесных деревьев. Собор, действительно, едва ли достоин этих преимуществ. Далекий от утверждения, как в Дареме, Кентербери или Йорке, своего равенства или даже превосходства над своим временным соседом, кафедральный собор Рочестера, каким бы почтенным он ни был и почитаемый так же, как прах, покоящийся на его территории, имеет небольшие размеры и низкое расположение. Замок, с другой стороны, является шедевром нормандского мастерства и первым и последним объектом, который бросается в глаза посетителю.

Рочестерский замок занимает северную оконечность мелового хребта, который образует правый берег Медуэя на много миль выше города и находится между рекой и кафедральным собором, на окраине одной и совсем недалеко от другой. Таким образом, он занимает

примерно половину западного фасада города и простирается до юго-западного угла его обнесенной стеной ограды.

Несмотря на древность, самому замку, то есть каменному сооружению, очевидно, предшествовали земляные работы, в тесной связи с частью, на которой он был заложен. Они имеют большой масштаб и, хотя сильно разрушены со временем и скрыты зданиями и ограждениями, все еще достаточно заметны. Они, по-видимому, представляли собой продолговатое пространство, включенное в ров, который начинался у подножия моста и тянулся на восток примерно на 130 ярдов, затем поворачивал на юг и тянулся примерно на 270 ярдов примерно параллельно реке, к которой снова возвращался. Эта продолговатая территория была разделена на две неравные части, южная из которых была поменьше, поперечным рвом, а последняя часть была занята большим коническим курганом с плоской вершиной, известным как Болей-Хилл. В северной части находится замок. Со стороны востока, или собора, этот ров частично представляет собой естественное углубление. С западной стороны его заменяет река, здесь очень широкая, глубокая и быстрая. Площадь, включенная таким образом, составляет около 7 с половиной акров. Насыпь большого размера, хотя и уменьшена в результате современных работ. Частично она естественная, частично образована из прилегающих рвов. Подобно курганам в Йорке, Уоллингфорде и Уэйрхеме, а также тем, что ранее существовали в Херефорде, Букингеме, Вустере, Хартфорде, Ноттингеме и Стэмфорде, он расположен таким образом, чтобы наблюдать за рекой, которая, должно быть, всегда была открытой и опасной магистралью.

Эти линии земляных укреплений, хотя и являются основными и наиболее очевидными из прослеживаемых сейчас, ни в коем случае не являются самыми ранними среди оборонительных сооружений Рочестера. Хотя обнаруженные римские руины не указывают на крупный город, Уотлинг-стрит здесь пересекала Медуэй, и на месте средневекового города определенно был укрепленный пост. Его прямоугольная форма, примерно на треть длиннее своей ширины, крестообразное расположение его главных улиц, четыре ворот напротив друг друга и окончание его названия - все указывает на римское происхождение, и считается, что римские укрепления состояли из стены и рва, представленных линией более поздней стены, только предполагается, что они проходили от южных ворот к реке, примерно в 45 ярдах к западу от места нынешней крепости.

Площадь составляла примерно 470 ярдов на 160 ярдов и, следовательно, занимала около 15 с половиной акров, причем ворота Чайлдгейт находились к северу, а к югу были ворота, снятые только в 1770 году, дорога между ними проходила недалеко от западной оконечности собора. На территории замка были найдены римские монеты и гробницы, и то, что Рочестер был римским Дуробрисом, кажется общепринятым.

Римские укрепления были частично переняты более поздними жителями и укреплены на английский манер. Положение нового города сделало его открытым для частых и жестоких нападений как с суши, так и с воды, а его укрепления сильно пострадали от набегов датчан, особенно в конце девятого века, и этому народу, хотя, возможно, и без достаточных оснований, был приписан курган.

Земляные работы попали в руки норманнов во время завоевания, и возникла необходимость укрепить позицию более совершенным способом. Обычным обычаем норманнов, когда они имели дело с английской крепостью, было возводить на насыпи артиллерийскую крепость или, там, где насыпи не было, прямоугольную башню и окружать ее мощной навесной стеной, построенной на берегу в пределах уступа существующего рва. Вероятно, в этом случае для защиты более старого района потребовался бы слишком большой гарнизон, а

насыпь находилась на довольно неудобном расстоянии от моста или предшествующей ему переправы. Курган, таким образом, был исключен из новой *ограды*, как это было сначала в районе города. Вероятно, он был занят как подсобное помещение, или, возможно, его опустили на более низкий уровень. Новая завеса была построена на откосе рва северного участка земляного вала с трех сторон, обращенных к суше. На четвертом он был установлен на гребне невысокого утеса, примерно в 40 футах над рекой и чуть меньше над набережной, которая в наше время была расширена и частично пристроена к берегу.

Нормандский *массив*, общая структура которого, вероятно, относится к одиннадцатому веку, имеет примерно четыре стороны, около 130 ярдов к востоку и западу, 160 к северу и югу и включает в себя около 4½ акров. Восточный фасад находится напротив собора и примерно в 60 ярдах от него. Южный фасад обращен к старому кургану Боули-Хилл, а северный фасад, гораздо большей длины и расположенный наклонно, направлен в сторону моста. Вполне вероятно, что ров за южной стеной представляет собой ров римской постройки. Сторожка стояла под северо-восточным углом, и ведущая к ней крутая дамба, которая заменила подъемный мост, известна как “Веннелл”. Сторожки больше нет. В северо-западном углу находятся остатки бастионной башни, построенной в 1735 году и содержащей задний вход. В нем была шахта для подъема припасов из реки, устройство, видимое в другой форме над Уай в Чепстоу. Эта башня возвышалась над мостом. Юго-восточный угол по-прежнему увенчан смелой барабанной башней диаметром 30 футов и выступом в три четверти. В нем есть цокольный и верхний этажи, каждый из которых пронизан аркадой с петлями в узких стрельчатых нишах. Пол был деревянным. Ущелье разрушено, но, возможно, всегда было открытым. Эта башня не возвышается над занавесом и, по-видимому, является вставкой раннего английского периода. На восточной стене расположены две прямоугольные башни, одна шириной 35 футов и длиной 25 футов, полностью расположенная снаружи, а другая размером 30 на 25 футов и частично внутри стены. Они кажутся вставками перпендикулярного периода. Занавес сильно разрушен, а часть и вовсе снята; 40 футов от него осталось рядом с юго-восточным углом, на южном фасаде. Эта часть имеет толщину 7 футов, высоту 30 футов и, похоже, выполнена в нормандском стиле. На ее внешней стороне видны следы двух плоских пилястр. Внутри он пронизан тремя петлями с растопыренными круглыми углублениями шириной 3 фута и высотой 8 футов от земли. Следовательно, у стены должна была быть платформа. С того же ракурса, вдоль восточной стороны, занавеска выглядит вполне сносно на всем протяжении. Рядом с прямоугольной башней видно, что она построена на арках, предназначенных для прикрытия, как в стенах Йорка и замка Саутгемптон. Верхушка одной арки видна внутри стены, а две арки целиком снаружи. Сохранился длинный кусок северной стены, который является хорошим примером ранней каменной кладки, вероятно нормандской. Он очень толстый и построен из слоев грубого необработанного камня, уложенного в очень толстые слои строительного раствора. Как и в Кардиффе, здесь нет фундамента, стена проложена на поверхности земли, что не было редкостью при использовании очень толстых стен. Сохранилось около 260 футов берега реки. На его южной оконечности раньше можно было увидеть изделия из селедочной кости, а в других его частях прослеживается тенденция к такому способу строительства. Его высота составляет около 40 футов. На его внутренней стороне видны очертания двух заостренных арок, как будто два свода примыкали к стене, только камни арки не выступают для зазубрин. Там был верхний этаж, и в стене, но снаружи, видны очертания двух довольно больших круглых арок. Именно в этой стене подозревается римская каменная кладка. Многие в нем кажутся поздненормандским. Была поперечная стена, сейчас ее убрали, которая проходила близко к северу от крепости и разделяла нормандский замок на северную и южную части.

Как замок был связан с укреплениями города, не выясняется. Говорят, что городская стена была построена около 1225 года на римском участке, вплоть до южных ворот, от которых она, по-видимому, отходила от римской линии, и включала последующие земляные работы на Болей-Хилл. Когда это было сделано, старый ров в некоторых местах расширили до 85 футов и сделали глубже. Говорят, что часть этой стены стоит на арках, как и в замке; если это так, то, вероятно, здесь была более ранняя стена нормандского времени. Городская стена настолько загорожена, что обычному посетителю мало что видно. Считается, что в восточной стене сохранились следы римской каменной кладки, и есть небольшая дверь времен Генриха III, недалеко от восточного торца собора, где стена имеет толщину 4 фута и высоту 30 футов, и башня той же даты в северо-восточном углу, которая, как говорят, первоначально находилась на городской стене. Эта башня представляет собой очень тонкую работу, диаметром 30 футов, снаружи имеет форму цилиндра, а внутри восьмиугольника, с тремя петлями и дверью в ущелье, от которой отходят две галереи с фресками, одна из которых ведет к лестнице-колодцу, а другая - в гардеробную. Верхний этаж находится на уровне верха занавеса. Линия южной стороны городской стены была изменена монахами в 1290 году с разрешения короля. Они должны были перестроить его на 5 насестов и 5 футов южнее или за пределами старой линии, и он должен был быть 16 футов высотой и укрепленным. Более того, старый ров должен был быть засыпан до длины 54 насестов 14½ футов и ширины 5 насестов 5 футов. Поскольку для этого требовалось продлить восточную стену, они сделали арку над старым рвом. Это расширение старого района находилось к востоку от южных ворот города, немного восточнее которых находились ворота монастыря. Считается, что старая стена включала в себя Болей-Хилл.

Цитадель, которой по праву славится Рочестерский замок, расположена внутри и очень близко к юго-восточному углу территории замка, на самой высокой точке внутри него, примерно в 60 футах над рекой: точка, вероятно, выбранная специально, потому что она находится напротив холма Боули. Он не является, как Рочестер, частью *ограды*, но, как и Карлайл, стоит прямо внутри нее, находясь на расстоянии от 16 до 33 футов от восточной и от 10 до 15 футов от южной стены. Хотя Рочестер и не является одним из крупнейших, он является одной из самых величественных нормандских крепостей в Англии и одной из самых достойных внимания благодаря своей истории, расположению, смелости декораций и практически идеальному состоянию. От пристроек, за исключением ранней перестройки юго-восточного угла, не осталось и следа, а их ветхость не превышает возраста, который можно отнести к семи столетиям, из которых три последних были периодами забвения.

Крепость представляет собой квадрат площадью 70 футов у основания, а стены имеют толщину 12 футов, уменьшающуюся на вершине до 10 футов, так что ее внешние размеры составляют 66 футов. Это уменьшение достигается за счет очень слабого внешнего отбивания, не заметного глазу. Снаружи нет ни заделки, ни струнного покрытия, а внутри нет обычной полки для пола. Такая необычная толщина предназначена для создания, как в Дувре и Хедингеме, необычного количества камер с фресками и галерей. Высота составляет 113 футов от земли до выступа парапета, а башенки поднимаются на 12 футов выше. Два западных угла обрамлены широкими плоскими пилястрами с полыми углами или укромными уголками длиной 8 дюймов. Они поднимаются с общего цоколя, и каждый вынесен за пределы парапета, образуя внешнюю грань квадратной башенки, высота которой во многом подчеркивает внушительный вид здания. Северо-восточный угол увенчан аналогичным образом, за исключением того, что пилястры более смелые, без цоколя, а углы сплошные до тех пор, пока не выйдут за пределы фасада. Юго-восточный угол не имеет ни цоколя, ни пилястры, но увенчан закругленным выступом, который, хотя и ранний, не является оригинальным. Он также заканчивается башенкой, которая закруглена по направлению к

полю, но плоская на двух внутренних гранях. На каждой грани башни, недалеко от ее центра, находится по одной пилястре умеренной ширины и выступа. Они также поднимаются от постамента к парапету, причем два из них фактически ведут к его перекрытию. На северной стороне находится вторая, более узкая пилястра, образованная продолжением стены переднего корпуса вверх.

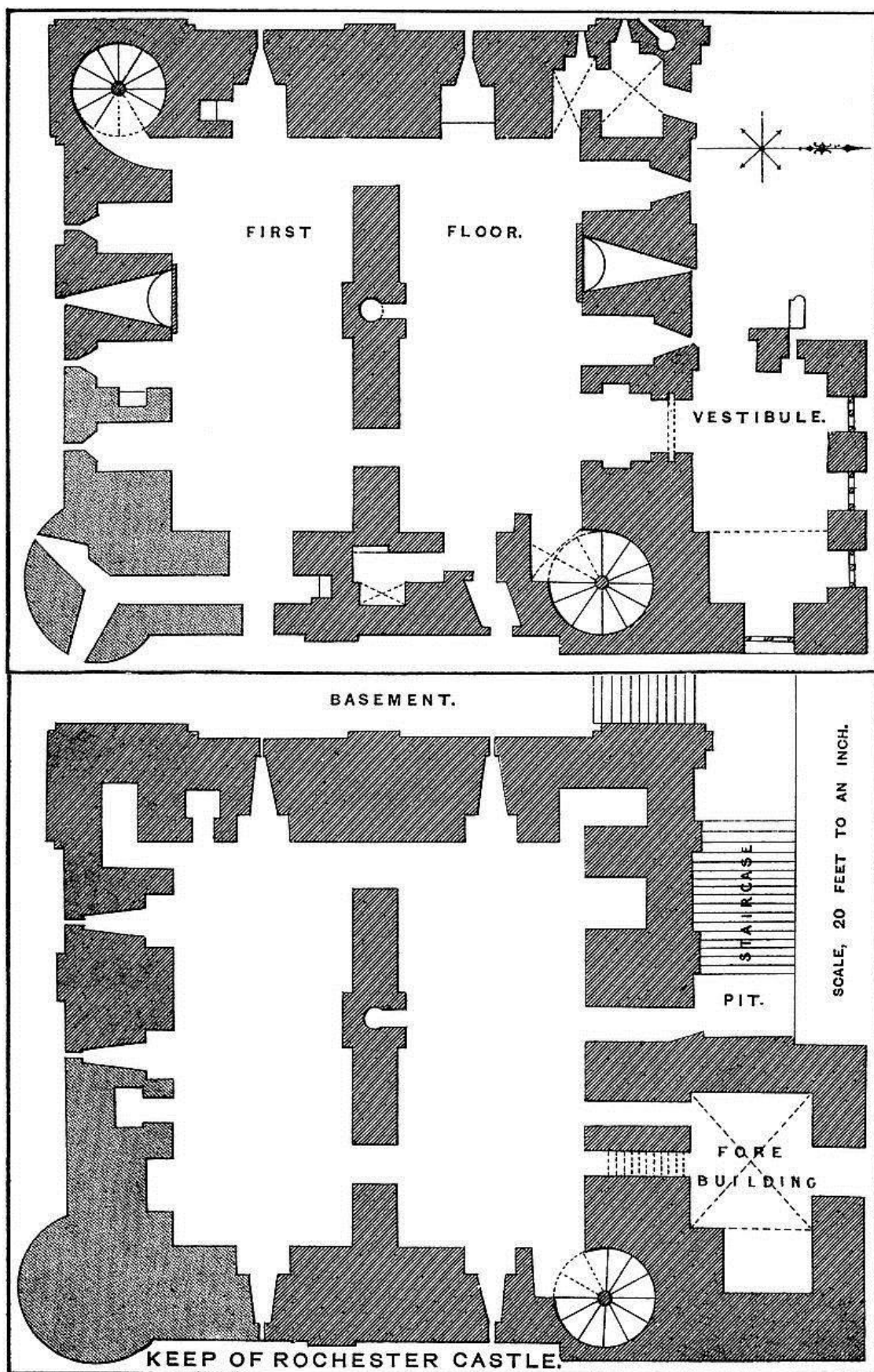
В замке много отверстий, в основном небольшого размера. Ряд петель с круглыми головками обозначает подвал, а несколько больших петель с квадратными головками - первый этаж. Следующий ряд маленьких круглых окон показывает уровень второго или главного этажа, а одно из больших окон - галерею того же этажа. Прежде всего, ряд довольно больших окон, также круглых, указывает на самый верхний этаж. Две верхние линии были украшены орнаментом и имели нормандские полуприщепы и лепнину, а в некоторых проемах окна были соединены, но отделка тесаным деревом была сильно нарушена. Кроме того, рядом с углами расположены несколько петель, обозначающих гардеробные, фресковые залы и лестницы, и каждая башенка имеет окно на каждой из своих внешних граней.

Внутри крепость разделена поперечной стеной на две почти равные камеры, восточную и западную, толщиной 5 футов 6 дюймов по всей длине и поднимающейся до крыши, где проходил главный водосток. Таким образом, каждый этаж состоял из северной и южной камер, одна шириной 21 фут и одна шириной 20 футов, и каждая длиной 46 футов. В поперечной стене, недалеко от ее центра, утолщенный пилястрами с каждой стороны, находится колодец, который, как говорят, имеет глубину 60 футов от уровня земли и обычно содержит 10 футов воды. В нем есть труба из ясеня диаметром 2 фута 9 дюймов, которая, по-видимому, поднималась на крышу, и доступ к ней осуществлялся через четыре маленькие двери с круглыми головками, по одной на каждом этаже. Необычно видеть колодезную трубу, проложенную выше первого этажа: в Дувре она достигает второго. К северной стене Крепости пристроено переднее здание, прикрывающее главный вход, который, как обычно, находился на уровне первого этажа.

В подвал можно попасть только по лестнице-колодцу в северо-восточном углу, которая, как и в Лондонском Тауэре, поднимается от основания к вершине. Эта лестница имеет диаметр 11 футов и состоит из 133 ступеней. Она сообщается с каждым этажом, несколькими галереями и фресковыми залами, с часовней и крышей переднего здания. Подвал находится на среднем уровне земли снаружи, и в нем нет подземного помещения.

В северную камеру можно попасть под северо-восточным углом по лестнице-колодцу сверху, и она скорее проветривается, чем освещается тремя круглыми петлями, расположенными на ее восточной, западной и северной сторонах. Они имеют отверстие 4 дюйма, расположены в растопыренных углублениях, а эти снова в углублениях с плоскими сторонами, шириной 6 футов и глубиной 3 фута, все с круглой головкой, а более крупные спускаются к полу. Северная петля, которая вела в яму для моста у главного входа, была преобразована в грубый дверной проем, но начало петли сохранилось. В этой стене есть две узкие двери, из которых одна спускается на 8 футов по девяти ступеням в подвал переднего здания, а другая поднимается по небольшому наклону на первый этаж того же здания. Кроме того, у западного конца этой стены есть углубление шириной 6 футов и глубиной 6 футов 9 дюймов. Это углубление, глубина которого серьезно ослабляет стену, здесь не может произвести плохого эффекта, поскольку стена снаружи опирается на прочные ступени и нижние ворота передней части здания. В западной стене, помимо петли, есть сломанный дверной проем, ведущий в комнату с фресками размером 4 фута 6 дюймов на 10 футов, которая занимает северо-западный угол здания. В поперечной стене, помимо отверстия в колодец, есть два дверных проема размером 4 фута 7 дюймов и 5 футов проема.

Южная камера имеет одиночные петли на востоке и западе и две в углублениях на южной стене - весь узор уже описан. В юго-западном углу также есть камера с фресками размером 3 фута 10 дюймов на 10 футов, куда ведет дверь в южной стене, а у восточного конца той же стены есть углубление шириной 6 футов и глубиной 3 фута, но без петли. Каменная кладка показывает, что этот угол был перестроен. Помимо этих полостей, есть еще две: одна в западной стене, размером 2 фута 10 дюймов на 3 фута 7 дюймов, в которую ведет неровное отверстие шириной 2 фута 7 дюймов, а другая в южной стене, размером 2 фута 10 дюймов на 4 фута 3 дюйма, с сильно разрушенным отверстием. Эти полости представляют собой шахты, которые вертикально поднимаются в стене, а выше разделяются, показывая, что это вентиляционные отверстия гардеробных на первом и втором этажах. Отверстия в них не являются оригинальными, и, вероятно, шахты были заглублены на несколько футов ниже пола и заканчивались либо выгребными ямами, либо водостоком. Поскольку на верхних этажах есть и другие гардеробные, там, без сомнения, есть и другие шахты, не взломанные. Их должно быть как минимум два, по одному на каждом конце поперечной стены в северной камере. Любопытно, что эти вентиляционные отверстия, которые в нормандских зданиях часто открываются, как в Ладлоу, на внешнюю сторону стены, должны иметь вертикальные шахты, в то время как башенки дымоходов выходят на лицевую сторону стены. В Кoningсборо все устроено наоборот: дымоходы вертикальные, вентиляционные отверстия в гардеробе горизонтальные. Подвал, очевидно, был кладовой. Он был около 15 футов в высоту, и от него 20 ступенек вели на второй этаж.

Wyman & Sons, Нью-Йорк[†]. Queen St. Лондон.

КРЕПОСТЬ РОЧЕСТЕРСКОГО ЗАМКА.

Первый этаж, также состоящий из двух комнат, был высоким, мрачным и совершенно простым. Вероятно, это было жилье солдат во время осады.

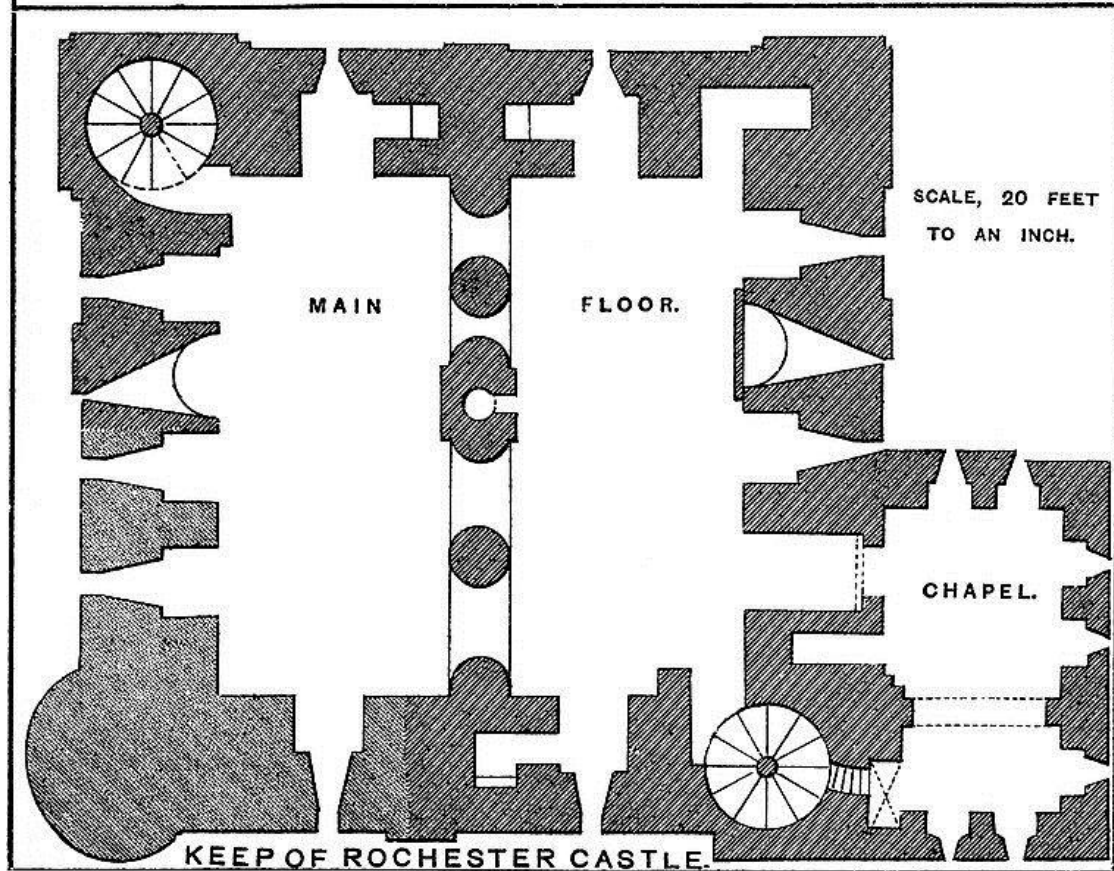
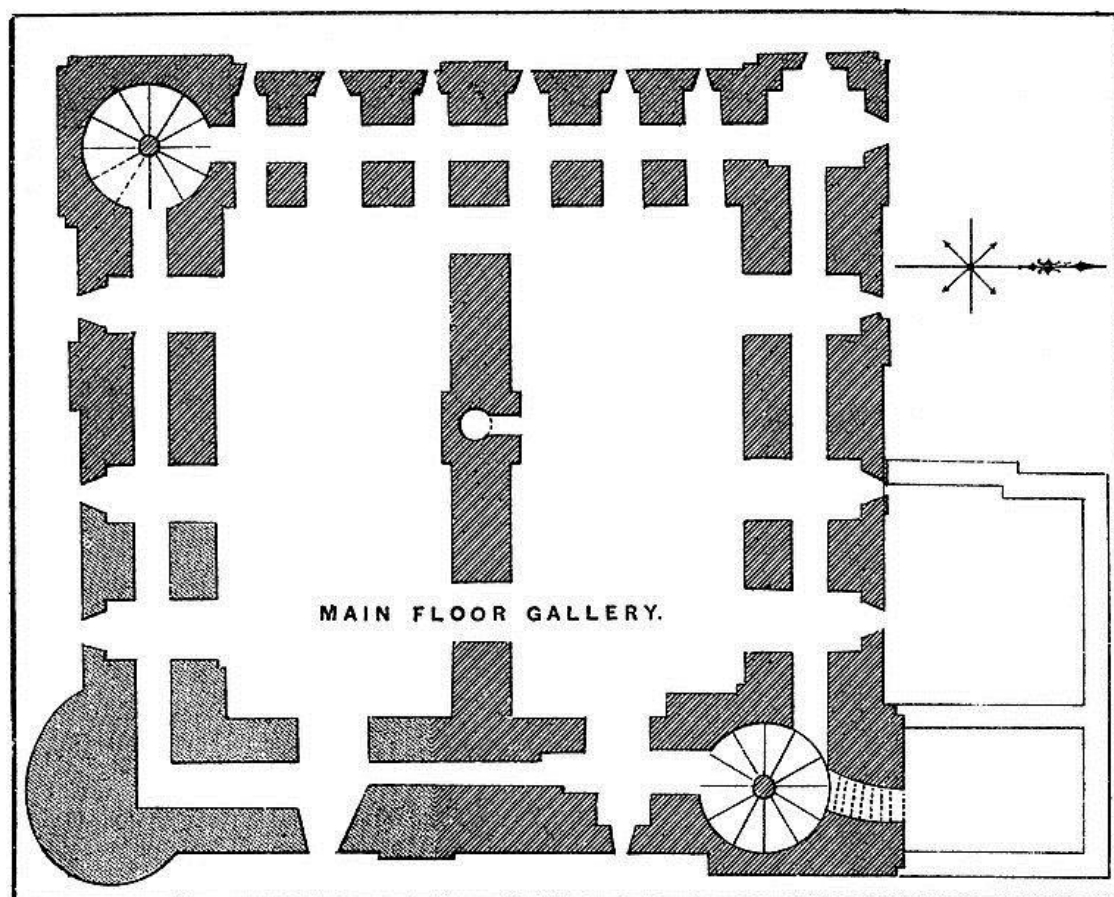
Северная камера. В северной стене, недалеко от восточного конца, находится главный вход, расположенный в 15 футах от земли и открывающийся из вестибюля переднего здания. Это смелая арка во весь центр, открывающаяся на 6 футов 2 дюйма, с плоскими сторонами, в стене толщиной 10 футов 6 дюймов. Внешняя сторона обрамлена выступами с углублениями, а наличник украшен рельефным шевроном. Внутренний наличник имеет аналогичную, но более простую форму, но косяки отломаны. Сразу за внешней гранью находится квадратная канавка для опускной решетки, а за ней откидная планка для двери, расширяющая проход до 7 футов. Рядом с внутренней поверхностью, с каждой стороны, есть небольшое углубление с круглой головкой шириной 2 фута 6 дюймов и глубиной 1 фут 4 дюйма, вероятно, для хранения ключей или лампы. Дверь была заперта толстым засовом, а решетка, которая, по-видимому, была железной, была сделана из настенного прохода наверху. Этот портал вел прямо в северную камеру, примерно в 7 футах от двери, ведущей на лестницу-колодец. В северо-западном углу находится фресковая камера, называемая “комнатой Гундульфа”, сводчатая, размером 10 футов 3 дюйма на 11 футов 7 дюймов, в которую ведет дверь в западной стене и которая освещается двумя петлями на западе. В его закругленном северо-западном углу находится камин с небольшой нормандской вытяжкой выступом 2 фута 6 дюймов, имеющей сегментарную арку. Туннель имеет коническую форму и заканчивается парой отверстий в углублении южного конца соседней пилястры, перед стеной, на высоте более 12 футов над очагом. Рядом с северо-восточным углом этой камеры находится небольшой замурованный дверной проем, который, как и в Миддлхэме, выходил на крышу внешних ворот переднего здания. Кольца из ясеня в углублениях для петель и колпак камина выполнены из превосходного материала. Помимо этих отверстий, в северной камере есть четыре окна, по одному с каждого торца и два с северной стороны. Они устанавливаются каждая в углубление с отверстием 5 футов 6 дюймов, глубиной 9 футов 6 дюймов, высотой 15 футов и круглой головкой, петли имеют квадратную форму, примерно 1 фут 6 дюймов в высоту и 12 дюймов в ширину. Эти углубления, учитывая их большую высоту, производят хороший эффект, но, вероятно, было обнаружено, что они ослабляют стену, поскольку они были частично застроены и уменьшены на нижних 6 футах до глубины 3 футов. Перекрытие выполнено из некачественной каменной кладки, выполненной на скорую руку. Между двумя северными петлями находится камин с отверстием 5 футов 6 дюймов, с круглой головкой, без вытяжки и с круглой спинкой. Он укреплен пилястрой с выступом в 9 дюймов и шириной в 10 футов, выступающей из внутренней стены. Туннель от камина имеет коническую форму и имеет боковое вентиляционное отверстие примерно на высоте 15 футов. В восточной стене, недалеко от входа со стороны лестницы-колодца, есть ниша, в которой, помимо петли, есть задняя дверь и гардеробная. Последняя представляет собой настенную камеру размером 5 футов 10 дюймов на 13 футов, которая открывается от южного косяка ниши: задняя дверь шириной 2 фута 6 дюймов наискось прорезана в стене и выходит на фасад крепости, на высоте 15 футов над землей и примерно в 30 футах от выступа занавеса, с которым она, должно быть, сообщалась легким дощатым мостом. Такая дверь есть в нормандской крепости в Адаре и в более позднем Уэйкфилдском тауэре в Лондоне, к которому недавно пристроили каменный мост. В поперечной стене, помимо отверстия для колодца, есть две двери, соответствующие нижеприведенным.

Южная камера имеет по петле на каждом конце и три в южной стене, все в углублениях, аналогичных тем, что были в северной камере, и они также были частично перекрыты для укрепления стены. В южной стене есть камин, соответствующий описанному выше, а в юго-западном углу дверь ведет на лестничный колодец диаметром 11 футов, который начинается

на этом уровне и сообщается с этажами выше и с зубчатыми стенами. В этой комнате есть четыре ниши для фресок. Одна из них, гардеробная, открывается в южном косяке ниши западного окна, а другая - в восточном косяке центрального окна в южной стене. Шахты из этих ниш спускаются в стену нижней камеры, как описано выше. Другие галереи открываются справа и слева от оконной ниши в восточном конце. Что к северу находится проход размером 3 фута 6 дюймов на 8 футов, в конце которого находится гардеробная. К югу находится галерея длиной 20 футов и шириной 3 фута, которая заканчивается в юго-восточном углу, где у нее есть два окна на юг и восток. Это в перестроенном углу. Этот пол опирался на деревянные балки. От него сорок ступенек ведут вверх по северо-восточной лестнице на 30 футов к главному этажу, а через тридцать шесть ступенек узкая лестница ведет к алтарю часовни.

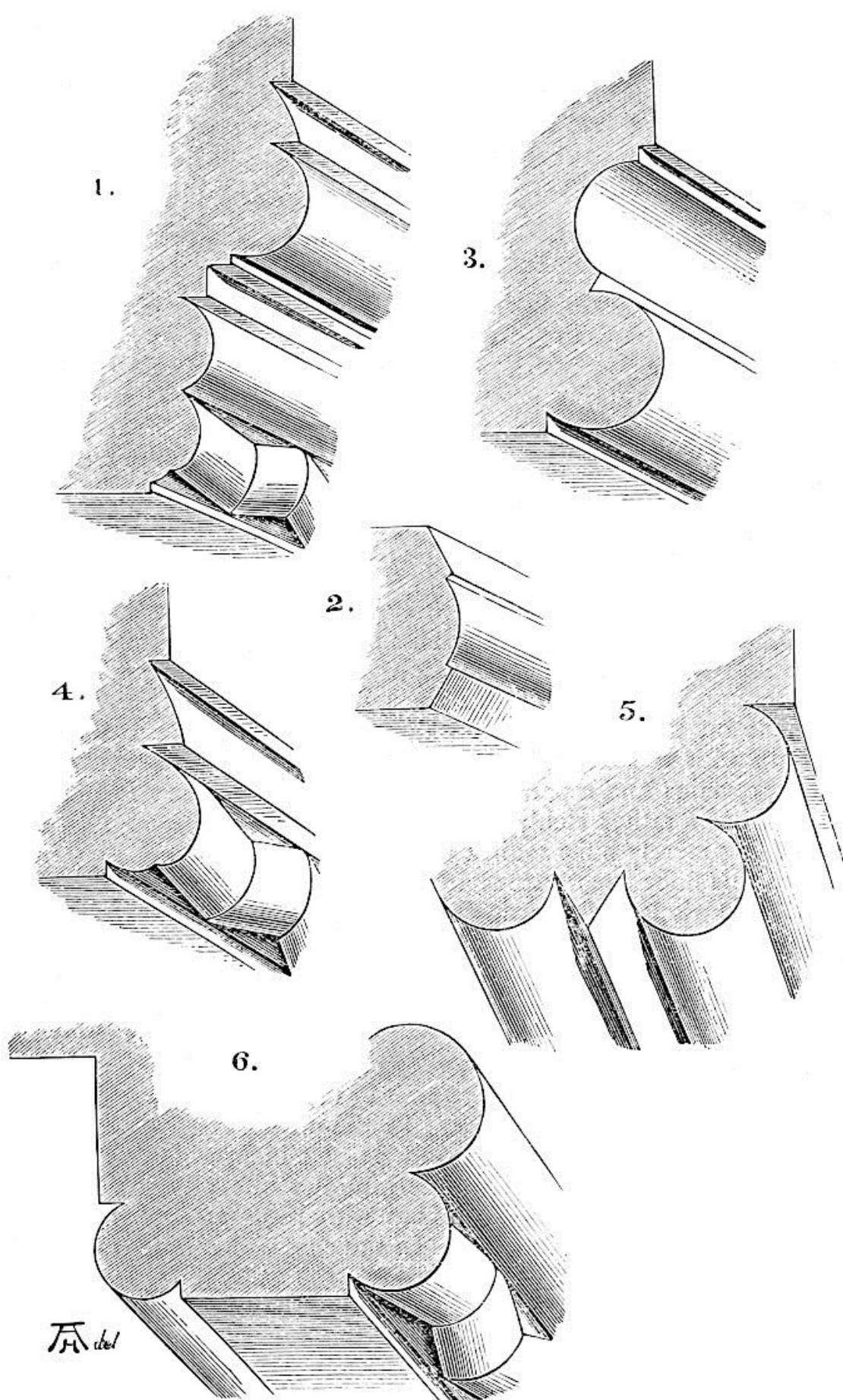
Главный, парадный, или второй этаж высотой 32 фута опирался с каждой стороны на восемнадцать балок, цельных досок. Он содержит два яруса окон, нижнее открывается непосредственно из камеры, верхнее - в виде галереи фресок. Между ними - простая нитка с нормандским рисунком. Крыша была плоской, представлявшей собой балки и доски верхнего этажа. Оконные проемы нижнего яруса варьируются от 3 футов 2 дюймов до 5 футов 10 дюймов, и проемы яруса галереи почти соответствуют им. Все они обрамлены угловыми балками, но нижние наличники имеют рельефный валик и полую лепнину, а верхние - шевронный узор. Тесаная отделка окон в основном исчезла. Нижний, кажется, был простым и маленьким, верхний - более богатым и довольно большим, но совсем не большим. Выступы перед колодцем, каминами и двумя лестницами украшены бисером по углам. Нет следов выступов для распорок, которые придавали бы жесткость балкам и поддерживали потолок.

В северную камеру вело нечто вроде вестибюля площадью 5 футов 6 дюймов с узким проходом, в который вела лестница. Ниши восточного и западного окон украшены настенными гардеробами, открывающимися от южных косяков. Две ниши в северной стене не имеют боковых отверстий. Между ними находится камин, похожий на тот, что изображен ниже, но с красивым шевронным архитравом. Над большим входом находится дверной проем высотой 7 футов, ведущий в часовню. В нем находится погоня за рабочей решеткой, а за ней - перекладина, уменьшающая проход до 3 футов и образующая дверь часовни. В северо-западном углу находится небольшая камера.

Wyman & Sons, Gt. Queen St. Лондон.

КРЕПОСТЬ РОЧЕСТЕРСКОГО ЗАМКА.

- 75. Струнное поле, второй этаж.
- 76. Оконная лепнина, второй этаж.
- 77. Оконная лепнина, третий этаж.
- 78. Каминная арка, второй этаж.
- 79. Каминная арка, четвертый этаж.

В южной камере есть три окна в южной стене, камин и дверь, ведущая в юго-западный колодец-лестницу. На каждом конце есть петли. В нише той, что к западу, на ее северной стороне, находится проход в гардеробную, и, вероятно, есть соответствующее место в противоположном, или восточном окне, но ниши для окон недоступны.

Поперечная стена вместо двух дверей пронизана четырьмя арками неодинакового размера, по две с каждой стороны колодезного причала, в котором есть маленькая и довольно богато украшенная дверь. Между каждой парой арок находится тяжелая нормандская опора, простой цилиндр с рифленой капителью, напротив которого расположены две полупериоды, или ответвления. Арка была ребристой и выполненной в виде рельефа и впадины, разнообразной в зависимости от шевронного рисунка, но центральное ребро отпало. Капители этой аркады совпадают с общим струнным ходом, а арки поднимаются в верхнюю часть помещения. На северной стороне орнамента гораздо больше, чем на южной. Аркада была завалена каменным экраном высотой около 10 футов, от которого сохранилась одна перегородка и часть дверного проема. Ширма оригинальная и была довольно богато обработана, но она не крепилась к опорам, а была просто пристроена к ним.

С этого этажа двадцать ступенек вели вверх на 17 футов к галерее. Она тянется вдоль всей стены, огибая все здание. Он имеет ширину от 3 футов до 3 футов 6 дюймов, бочкообразный свод, высоту от 8 футов до 9 футов и расположен в 4 футах от внутренней стороны стены и в 5 футах от внешней. Как правило, он ровный, за исключением того, что поднимается под юго-западным углом, чтобы приспособиться к лестнице, и в центре восточного фасада, чтобы освободить своды от гардеробных внизу и, возможно, встретить выступ арки в поперечной стене.

В северном отделении есть в западном конце три углубления, 3 фута 7 дюймов, 5 футов 10 дюймов и 4 фута 1 дюйм, которые открываются в галерею и соответствуют трем окнам на ее внешней стороне. В северной стене также есть три окна с соответствующими нишами, каждое шириной 5 футов 10 дюймов. В восточном конце открывается только одно углубление шириной 5 футов 9 дюймов. В этом месте ширина галереи составляет чуть более 3 футов, а у соответствующего окна есть ниша размером 5 на 4 фута. Большинство этих пристроек галереи напротив окон имеют выступы, как и в соответствующей галерее в Лондонском Тауэре.

Организация южного дивизиона очень похожа. В восточном конце есть одно углубление длиной 5 футов, а на западе три по 3 фута 2 дюйма, 5 футов и 3 фута 7 дюймов, центральное из которых самое большое. То, что находится в южном конце, представляет собой короткое окно, предназначенное для того, чтобы скрыть галерею, которая здесь поднимается к лестнице. В южной стене есть три ниши с соответствующими окнами. В юго-восточном углу нет камеры, галерея просто поворачивает под прямым углом, но в северо-западной башне есть холл площадью 6 квадратных футов, с которым сообщается галерея, и который имеет окна на двух внешних сторонах. Северо-восточный и юго-западный углы заняты лестницами. Из характера каменной кладки видно, что под юго-восточным углом были перестроены два соседних окна на южной стороне и одно на восточной. Новая работа уступает старой, и в ней нет попытки украсить ее. Устройство этого величественного этажа, как и соответствующих

помещений, называемых Залом Совета в Лондонском Тауэре, должно быть, было крайне неудобным. Комнаты, должно быть, были очень холодными и очень людными, с окнами, дверями и гардеробными со всех сторон, а также галереей, на которой весь дом мог бы незаметно прислушиваться к тому, что происходило внизу. Нет ничего, что делало бы различие между назначениями, для которых использовались эти две благородные палаты. Вероятно, северный, с более богато украшенным входом, был залом, а южный - комнатой более уединенного характера.

С уровня галереи двадцать три ступеньки ведут на высоту 17 футов на верхний этаж, и по пути небольшой проход выходит на зубчатые стены переднего здания. На этом этаже расположены две очень веселые и красивые комнаты высотой 25 футов, с окнами большего размера, чем на нижележащих этажах, и более прекрасным видом. Здесь также украшены оконные ниши и камины, и мы можем предположить, что на этом этаже расположены частные апартаменты. Крыши были открытыми и низкоскатными и, по-видимому, поддерживались стропилами, расположенными близко друг к другу и без опор. Расположение галерей с фресками здесь своеобразно. Они не огибают комнаты, а короткие, соединяют две, максимум три оконные ниши. Там, где стена была перестроена, их вообще не используют. Они не проходят за каминами, вентиляционные отверстия которых проходят горизонтально, и поэтому перекрывают путь.

В северную камеру, как и в остальные, входят с северо-восточного угла, и от лестницы начинается галерея, которая пронизывает восточную стену на 20 футов и пересекает ниши двух окон, которые освещают восточный конец комнаты. В западном конце также есть два окна, аналогичным образом пронизанные короткой галереей, в которую можно попасть только из зала. В северной стене, помимо камина, есть четыре окна, по два с каждой его стороны, каждая пара соединена короткой галереей, также ведущей из зала. В поперечной стене есть два дверных проема, а ближе к центру - маленькая дверца колодезной трубы.

Расположение южной камеры несколько иное. В западном конце находятся три оконных ниши, имеющие общую галерею фресок, но не сообщающиеся с лестницей. В восточном конце всего одно окно, косяки которого прочные. В южной стене находится дверь с юго-восточной лестницы, а также три окна, с камином. В этой стене нет галерей. Эта камера сильно пострадала от разрушения юго-восточного угла, который, очевидно, унес с собой около 28 футов южной и 15 футов восточной стены. В нетронутой части восточной стены сохранились половина опоры, капитель и половина архитрава большой оригинальной поздненормандской арки, занимающей примерно две трети пролета комнаты, более или менее украшенной орнаментом, и, очевидно, ниша для большого восточного окна. Вполне возможно, поскольку это была архиепископская крепость, что это была часовня. В южной стене, ближе к востоку от камина, находится косяк и половина арки оконной ниши, также богато украшенной, другая часть которой была удалена. Реставрация была произведена в очень поспешной и неряшливой манере. Каменная кладка низкого качества, а новые ниши совершенно простые, хотя старые на том же этаже довольно богато украшены. Какими бы ни были намерения строителя при проектировании этого помещения, совершенно очевидно, что при реконструкции он думал только о том, чтобы сделать башню обороноспособной самым дешевым и быстрым способом.

С этого этажа тридцать ступеней поднимаются на 25 футов к зубчатым стенам. По пути проход с северо-восточной лестницы ведет в галерею в восточной стене, 16 футов в длину и 5 футов в ширину. Ее пересекает окно, ниша которого шириной 4 фута выходит на фронтон северной комнаты верхнего этажа. Лестница ведет к основанию северо-восточной башни, в которой находятся два дверных проема, выходящих на крепостные валы северной и

восточной стен. Проход по крепостному валу имеет ширину 4 фута, с парапетом в 2 фута и повторной стеной, которой сейчас нет, в 3 фута. Прогулка осуществляется через северо-западную башню, которая содержит камеру площадью 9 квадратных футов, и через юго-восточную башню, которая также содержит камеру. Отсюда проход продолжается вдоль южной стены, но обрывается у стены юго-западной башни, лестница в которой выходит только на западную стену. Башенные помещения были высотой около 8 футов и имели плоские крыши, на которые, возможно, можно было попасть по деревянным ступеням. В каждой башне было два входа, по одному с каждой стороны. Парапеты занавесей между башенками были высотой 8 футов и имели по пять амбразур с каждой стороны. На этом уровне можно проследить профиль двойной крыши. Он состоял из двух выступов, по одному над каждой камерой, с центральным желобом, опирающимся на поперечную стену. Обе части были невысокими, и гребни не возвышались над зубчатыми стенами: северная часть была немного ниже и имела более крутой уклон. Южный, берущий начало выше, отводил половину своей воды с карниза, расположенного на высоте 2 футов над общим желобом, откуда ее уносил огромный каменный отросток, своего рода горгулья. Другой такой, забирающий содержимое северного желоба, пересекает верхнюю часть лестницы и выступает на восток. На уровне вала стены и башенки прорезаны рядом отверстий площадью 9 или 10 дюймов, предназначенных, очевидно, для горизонтальных балок козырька. Внизу, как обычно, нет выступов или полостей для установки стоек, поскольку балки, вероятно, достаточно прочны и без них. Эти отверстия кажутся не оригинальными и, будучи грубыми, вероятно, были сделаны в спешке при перестройке юго-восточного угла: они достаточно важны, чтобы их можно было увидеть на башне, которая изображена на гербе корпорации. Кроме того, на внутренней стороне северной стены, над водосточным желобом, расположены два ряда голубятен, вероятно, первоначальных, и даже сейчас в них гнездится несколько птиц.

К северному фасаду примыкает переднее здание, состоящее из сторожки, лестницы, подъемного моста и башни-вестибюля. Они образовывали и защищали вход в цитадель. Считается, что подход начинался с западного фасада, недалеко от северо-западного угла, с лестничного пролета, который поворачивал под углом, как в Дувре, и продолжался широкой лестницей у стены здания. Над ним, на одном уровне с западным фасадом, возвышалась небольшая низкая башня площадью около 12 квадратных футов, через которую проходила лестница. У этого портала была зарешеченная дверь, но решетки не было, и на его крышу можно было попасть из комнаты Гундульфа на первом этаже цитадели. От этих ворот ступени поднимались к мостовой яме, полости глубиной 15 футов и отверстием 9 футов. Ее пересекал подъемный мост, который спускался с ворот вестибюльной башни. Лестница была шириной 8 футов, защищена внешним парапетом толщиной 2 фута и высотой 6 футов и, вероятно, имела петлю. Парапет пересекал мостовую яму по арке, так что люди, поднимающиеся по лестнице или пересекающие мост, были защищены.

Вестибюльная башня имеет ширину 19 футов и длину 36 футов и составляет две трети высоты главного здания, у северной стены которого, в восточной части, она построена. Его стены имеют толщину 6 футов; на них нет цоколя или пилястровых ступеней, и, хотя, вероятно, они соответствуют возрасту крепости, их работа носит некачественный характер. Есть подвал, первый этаж, вестибюль и часовня. На каждый этаж можно попасть из башни. Подвал размером 14 на 23 фута, сводчатый, с паху, и у него есть два вентиляционных отверстия рядом со сводом, поднимающихся наискось через стену. Пол находится на уровне земли, здесь невысоко, и из него ведет проход шириной 2 фута 7 дюймов и длиной 12 футов, ведущий по девяти лестницам в подвал цитадели. Нынешняя дверь снаружи, очевидно, не оригинальна. Эта камера была тюрьмой.

Первый этаж имеет размеры 13 на 23 фута; в нем также есть два вентиляционных отверстия, несколько больших и менее наклонных, чем те, что внизу. В восточной стене была открыта ниша, возможно, дверной проем, возможно, шкаф, в который была вставлена дверца в стиле тюдор. Эта камера имела плоский деревянный потолок, образующий пол вестибюля. В нее вел проход шириной 2 фута 10 дюймов, слегка поднимающийся к ней из подвала крепости. Вероятно, это тоже была тюрьма, но менее сурового характера.

Второй этаж, или вестибюль, имеет те же размеры. В его западной стене находится внешняя дверь цитадели, открывающаяся на 6 футов, округлая, обрамленная изнутри и снаружи зацепленными колоннами с простыми колпаками, а вокруг арки - полоса из шевронной лепнины. В руинах внутри, над его головой, видна остроконечная рельефная арка. Портал был закрыт только зарешеченной дверью. Справа, при входе в вестибюль, находится дверь в цитадель. В вестибюле пять окон: маленькое в западной стене выходит на лестницу; в северной стене три окна, каждое по паре, соединенных между собой; в восточной стене одно. Все они круглоголовые, с норманнскими орнаментами: треть восточного торца этой камеры перекрыта бочкообразным сводом.

Третий, или верхний, этаж переднего здания занимает Часовня, размеры которой почти соответствуют помещениям внизу. Он разделен на две части, неф и алтарь, разделенные простой, смелой круглой аркой с размахом 12 футов. В неф можно попасть с главного этажа крепости через боковую дверь, рядом с которой в стене есть ниша, ныне недоступная. Алтарь имеет каменный пол, опирающийся на свод внизу, а его крыша представляет собой три стороны восьмиугольника, также сводчатого, своего рода апсиду, но охватывающую прямоугольное пространство. Здесь есть два восточных окна и большой каменный водосток, что навело на мысль, что эта комната была кухней, и, без сомнения, из нее получилась бы очень хорошая. Неф имел открытую крышу низкого ската, которая была заменена на идеально плоскую, но на уровне первоначального конька. Если бы большая верхняя комната в замке была часовней, вторая вряд ли была бы нужна. Вероятно, обе комнаты не использовались одновременно. Кухня - очень необычное дополнение к нормандскому замку, поскольку обитатели, похоже, жарили мясо на открытом огне, в то время как часовня не является редкостью; и в Миддлхэме, Дувре, Ньюкасле и, вероятно, в Корфе и Кенилуорте она находилась в переднем здании.

Материалом для постройки крепости служит в основном местный тряпичный камень с отделкой из тесаного камня и облицовкой из канского камня. Ясень используется довольно редко, но отличается прочностью и плотными соединениями. Щебень некачественный, неидеально обработанный и скрепляется благодаря превосходному составу раствора, или, скорее, извести, потому что раствор небрежно замешан и полон морских раковин, которые были принесены с песком и оставлены не измельченными. Судя по внешнему виду, как внутри, так и снаружи здания, юго-восточный угол в какой-то период, вскоре после его постройки, обвалился и вскоре был восстановлен неуклюже и в спешке. Ни простой таран, ни удары снарядов катапульты, какими бы тяжелыми они ни были, не смогли бы разрушить ни башню, ни стену. Такие разрушения, должно быть, были произведены миной, и это более вероятно, поскольку юго-восток является наиболее уязвимым углом для такой атаки, откос рва здесь крутой, почва мягкая, меловая порода, а крепость находится всего в нескольких футах от рва. Мина, открытая на уступе, сразу за углом завесы, и пробитая на 40 футов в мелу, достигла бы основания башни и, таким образом, подорванная, ее падение обрушило бы большую или меньшую часть прилегающих стен, а падение наружу разрушило бы угол завесы. Это могло бы объяснить большую массу упавшего угла и круглую башню бастиона, очевидно, вставленную под углом к завесе. Предположим, что крепость, построенная в 1126

году, была заминирована и прорвана во время памятной осады 1215 года, и вскоре после этого ущерб был восполнен, это объясняет нынешний вид. Это правда, что бастионная башня определенно принадлежит к раннеанглийскому периоду, в то время как восстановление цитадели - нормандскому, но это относится к периоду, когда использовались как круглые, так и стрельчатые арки, и когда характер старой части цитадели, естественно, привел бы к использованию первой; так что реставрация могла быть произведена не позднее 1225 года, через десять лет после ее вероятного разрушения, и когда запись в свитках труб показывает, что шериф Кента отремонтировал башню.

В характере переднего здания многое выглядит так, как будто оно было пристройкой к цитадели; и все же этого не может быть, учитывая, что разница в его кладке включает в себя и примыкающую лестничную башенку, которая вряд ли могла быть пристройкой. Кроме того, остатки нижней сторожки на северной стороне крепости явно такие же древние, как и сама крепость, частью которой они являются.

Долгое время существовал обычай приписывать эту крепость Гундульф, что делало ее современницей или почти современницей Лондонского Тауэра, на который она похожа некоторыми своими элементами, особенно галереей фресок и камином. Однако внимание к другим его деталям показывает, что этого не может быть и что его более вероятным строителем был архиепископ Уолтер Корбойл около 1126 года. Тем, кто желает увидеть образцы работ Гундульфа и сравнить его кладку с кладкой Рочестерского замка, следует осмотреть башню Святого Леонарда в Маллинге, некоторые части нефа и трансепта церкви аббатства Маллинг и северную башню Рочестерского собора. Белую башню в Лондоне так часто ремонтировали и переделывали фасад, что трудно быть уверенным в ее первоначальной каменной кладке. Часть занавеса *ограды* Рочестерского замка также может быть работой Гундульфа. Северная стена выглядит очень ранней, как и восточная стена, которая сложена из превосходного, хотя и грубо обработанного щебня, камни крупные, а стыки широкие, хотя здесь нет слоев плоских камней, как в Сент-Леонардсе.

Рочестер очень похож на Хедингем, очень чистую и совершенную нормандскую крепость с тремя этажами, остатками передней постройки и верхней галереей на первом этаже. В каждом из них эффективно применен орнамент, и широко используется шевронная лепнина. Эти два здания, вероятно, датируются примерно одним и тем же временем.

История замка Рочестер, в собственном смысле этого слова, начинается с нормандского завоевания, но следует кое-что сказать и о предшествующих земляных работах, последовавших за римским периодом. Епископство, метрополией которого является город, было основано в 600 году нашей эры, а Юстус, его первый епископ, был рукоположен в 604 году. Церковь, посвященная святому Андрею, была основана Этельбир, королем Кента, и в его хартии 604 года упоминается определенная земля, простирающаяся от западных ворот и стены города, одной из границ которой является “фрам Сутгете на запад и лангес уэллес”. Кроме того, говорят, что другая предоставленная земля называется “extra murum civitatis против aquilonem”. В 673 году здесь состоялся синод, говорит Беда, на котором присутствовал Путта, “Episcopus castelli Cantuariorum quod dicitur Hrofescæstir;” так что тогда это было укрепленное место и резиденция епископа, и это означает, относится ли “castellum” к городу или, что, по крайней мере, в равной степени вероятно, к соседней крепости.

В 765 году Эгберт, король Кента, пожаловал хартией Эрдульф Рочестерскому, своему верному министру и епископу: “*terram intra castelli mnia supranominati, то есть Hrofiscestri*”; а в 781 году Этельберт, король Западных саксов, говорит: “*Concedo Hrofensis ecclesia ... aliquantulum terræ juris mei intra mœnia supradictæ civitatis в аквилонской части*”; а в 788 году Оффа, король Мерсии, даровал “землю... *sex aratrorum*” at Trotescliff, “*ad ecclesiam beati Andræ apostoli et ad episcopium castelli quod nominatur Hrofescester*.” Кроме того, в 789 году король Оффа в другой грамоте тому же епископу Вермунду упоминает стену (murus) города и говорит: “*Ecclesia quæ sita est in castro quod nominatur Hrofesceaster*”. Далее, в 850 году Этельвульф, король Западных саксов, упоминает “*murum civitatis Hroffi*”; а в 855 году он даровал землю “*Данну министро мео ... in meridie castelli Hroffi*.”

В 839 и 885 годах город подвергался нападениям датчан. В первом случае они взяли и разграбили его, во втором его освободил Альфред. В 986 году город был атакован, но безуспешно, Этельредом, а в 998 году с еще большим успехом датчанами, которые подошли вверх по Медуэю. Говорят, что холм Боули был возведен датчанами в 884 году, но большая часть холма является естественной, хотя, без сомнения, с очень значительным пристроением; но даже пристройка потребовала бы больше времени, чем было отпущено им Альфредом, и работа такого характера была бы гораздо полезнее для обороны, чем для нападения. Башни, использовавшиеся при атаке, обычно были деревянными и сконструированы таким образом, чтобы их можно было придвинуть к стенам. Более вероятно, что гора была возведена как надежная резиденция епископа, чтобы обеспечить такую личную безопасность, какая была сочтена необходимой в Шерборне.

Неизвестно, в чьих руках находилась крепость Рочестер во времена, предшествовавшие завоеванию, но граф Годвин, несомненно, посягнул на епископские владения; и что могло быть более вероятным, чем то, что он прибрал к рукам место, которое вместе с Дувром давало ему контроль над большой дорогой с Юга на Лондон? В книге "Судный день" мы читаем о епископальном поместье Эстокс, или Стоук. “*Nos manerium fuit et est de Episcopatu Rofensi, после прихода Годвина T. R. E. продемонстрирует иллюзию того, что человек-двойник является тенью епископа и не знает о факте его вендетты.*” Итак, когда срок аренды истечет, епископ обнаружит, что вместо двух безымянных мужчин, готовых отказаться от владения, ему придется иметь дело с могущественным дворянином, претендующим на фригольд. Стоук перешел вместе с графством Кент Годвина при Конквесте епископу Одо из Байе и был возвращен архиепископом, как далее сообщает Domesday: “*Postmodum vero regnante W. Rege diratiocinavit illud Lanfrancus Archiepiscopus contra Baiocensem Episcopum et inde est modo saisita Rofensis Ecclesia.*”

Вероятно, что каким-то таким образом Одо получил город вместе с графством, а вместе с ним и крепость, которой епископ Рочестерский, однако, мог вернуть владение указанным способом и которую он, несомненно, впоследствии обменял у короля на землю в Эйлсфорде. “*Episcopus etiam de Rouecestria pro excambio terræ in qua castellum sedet tantum de hac terra tenet quod xvii solidos et iiij denarios valet.*” В Эйлсфорде никогда не было замка. Епископ отказался от участка с Рочестерским замком, получив за него столько земли, сколько стоило 174 шиллинга.

Гундульф, последователь и друг Ланфранка и рукоположенный епископом Рочестера в 1077 году, был великим архитектором и очень замечательным человеком, вполне заслуживающим панегирика, дарованного ему при его продвижении по службе: “*Эратке Гундульфус религиозный пленум, литературный неведение, в rebus forensibus acerrime elimatus et qui putatus sit divina potissimum electione hunc honorem meruisse.*” Что касается его архитектурного мастерства и его говорят, что он работает в Рочестерском замке “Гундульфус,

роль в опере "Наставник множества наук и эффективности", кастрация Сибири, Защита лапидума от сурового толкования.... Igitur, hoc pacto coram rege inito, fecit castrum Gundulfus Episcopus de suo ex integro totum costamine, ut reor, LX librarum." Эта сделка между епископом и королем произошла около 1076 года. Король должен был вернуть престолу поместье Хеденхэм в Баксе, а епископ применить свое мастерство и потратить 60 фунтов стерлингов на строительство замка, то есть какой-нибудь башни. Что Гундульф определенно построил, так это башню, которая до сих пор носит его имя и которая, по-видимому, изначально находилась на городской стене. После смерти Вильгельма замок был очень укрепленным местом, и Одо захватил его и удерживал для герцога Роберта. Одо (Иуда Искарот, как его называли друзья Руфа) объединился с Юстасом Булонским и Роже де Белесмом и разместил в замке гарнизон, храня там добычу, привезенную из соседней страны. Руфус, чья активность резко контрастировала с ленью его брата, напал на Роучестер, в то время как Одо удалился в Певенси ждать помощи из Нормандии, которая так и не пришла. Руфус захватил Танбридж и Певенси и вынудил Одо потребовать сдачи Роучестера его союзниками. Гарнизон понял искренность этого требования, предпринял вылазку, захватил в плен свой королевский эскорт и епископа и, несмотря ни на что, назначил его управляющим замком. Руф превратил осаду в блокаду как замка, так и города, и, наконец, под давлением эпидемии оба были сданы, а Одо был окончательно изгнан. Гундульф умер в 1108 году. Эта первая осада Роучестера - одно из величайших военных событий очень волнующего периода, заслуживающее гораздо большего внимания, чем ей уделялось до сих пор.

Замок, захваченный таким образом в 1088 году, по-видимому, оставался во владении короны тридцать восемь лет, когда в 1126 году Генрих II предоставил "архиепископу Уильяму де Корбуайлю и его преемникам бессрочное управление Роучестерским замком", таким образом оставив его в Церкви, но окончательно отделив от Роучестерского престола. Как нам сообщили, архиепископ построил, в результате, красивую башню "эгрегiam туррим", которая, без сомнения, является существующей крепостью. Уильям умер в 1139 году, следовательно, между этой датой и 1126 годом была построена крепость.

Генрих II., также ссылается на замок в своей грамоте о конфирмации церкви Роучестера: "volo etiam et ipsi et homines sui sint свободы и абсолютизма во всеобщей опере кастелли и экспедиционном архитектурном строительстве;" так что, вероятно, арх, или цитадель, тогда находилась в стадии разработки. Возможно, Башню Гундульфа снесли, чтобы освободить место для новой крепости, но в этом случае использовались бы ее материалы, и какие-то их следы были бы почти наверняка обнаружены. Но таких следов нет, так что, вероятно, новая крепость не вытеснила старую башню.

Замок, особенно с его великолепной и очень прочной крепостью, был слишком важным военным объектом, чтобы оставаться неоспоримым во владении Кентерберийского престола, и как тогда, когда престол пустовал, так и в другое время, когда им владела корона, и тогда его ремонт был внесен в список обязательных работ. В 1141 году Уильям Ипрский, фламандец, был его губернатором при Стефане, и когда граф Глостер был схвачен, его заключили здесь на короткое время — с сентября по ноябрь, — пока его не обменяли на Стефана. Между 1167 и 1202 годами на строительство замка были потрачены различные суммы, когда он снова был передан архиепископу, в то время Стивену Лэнгтону. Ближе к концу правления Джона Лэнгтон передал замок в руки Уильяма д'Альбини, чтобы тот удерживал его в интересах баронов, чья армия намеревалась выступить из Лондона на помощь. Иоанн, однако, вмешался, и в 1215 году, после тяжелой трехмесячной осады, он был сдан. Уэндовер прямо заявляет, что военные машины, использованные в этом случае,

произвели незначительный эффект, но это место было занято усилиями шахтеров, которые сначала подорвали и обрушили стены, а затем применили тот же метод атаки против башни. Без сомнения, именно в этом случае был разрушен юго-восточный угол. В мае 1216 года он был взят, по-видимому, без каких-либо трудностей, дофином, но после смерти Иоанна он перешел вместе с другими владениями короны в руки Генриха III. При Генрихе III. на его ремонт были потрачены значительные суммы, особенно в 1225 году, когда, вероятно, был исправлен сломанный угол. В 1226-7 годах были отремонтированы бреташ и подъемный мост, а также водосточные желоба зала в цитадели. К сожалению, здесь, как и везде, ремонтом обычно занимались здания во внутреннем дворе, все они сейчас разрушены. Крепость использовалась только для складов. В 24 году Генриха III было приказано побелить башню в тех местах, которые раньше не были так вымыты. В 31 году Генриха III было приказано обшить обе часовни деревянными панелями. По крайней мере, один из них наверняка находился во внешнем дворе, предназначенном для гарнизона.

В 1264 году замком руководил знаменитый Роджер де Лейборн, который только что принял участие в церемонии вместе с королем. Поскольку де Монфор, как предполагалось, планировал нападение на Рочестер, Лейборн защищал его сильным гарнизоном и запасся достаточным количеством провизии. В апреле, когда ожидалось нападение, Уоррен, граф Суррей, шурин Генри, прибыл в замок. Бароны осадили его незадолго до Пасхи и оставались перед ним почти неделю, но без какого-либо результата, и при отступлении большая часть гарнизона вместе с Лейборном присоединилась к королю в Льюисе и приняла участие в битве. За поражением в этой битве последовала капитуляция замка, но после смерти де Монфора и падения Кенилуорта Лейборн возобновил свое губернаторство. Столетие спустя, в 1367-1388 годах, Эдуард III предпринял масштабный ремонт под руководством приора Джона Рочестерского в качестве главного распорядителя работ. Камень импортировался из Беера, Кана и Рейгейта, с накладками и гребнями для зубчатых стен, вероятно, для зданий при дворе. С тех пор он не играл никакой роли в делах королевства, и его военная история не представляет какого-либо особого интереса. На сохранившемся рисунке, сделанном в 1588 году, изображены башенки, увенчанные куполами и лопастями, как у Белой башни.

Отличные статьи были написаны о Рочестерском замке господами Дж. Бил Пост, Блау, Хартсхорн и Бертт, последний в форме отчета о доле Роджера де Лейборна в войне баронов.

P.S. С момента написания вышеупомянутого отчета мистер Ирвин, очень способный и проникательный руководитель работ покойного сэра Гилберта Скотта в Рочестерском соборе, сделал открытие, которое не согласуется ни с одним из существующих мнений относительно особенностей римского поселения. Похоже, что южный трансепт построен поперек рва, который проходит с севера на юг и, без сомнения, проходит по всей ширине собора. Канава имеет ширину 12 футов вверху и 7 футов на дне котлована, сейчас глубина 14 футов, но, вероятно, была намного глубже. Он вырублен в крепком старом гравии и был засыпан черноземом, с редкими обработанными камнями римской работы, римскими изразцами и кусочками черной и красной керамики, один из которых имел чеканный внутренний орнамент. Мистер Ирвин, как говорят, в состоянии показать, что это был ров в стене, стоявшей к западу от нее или по направлению к реке. Если это так, то первоначальная станция, возможно, занимала место нынешнего замка, на западной оконечности общепринятого названия римского города, частью которого она, возможно, была цитадель.

ЗАМОК РОКИНГЕМ, НОРТГЕМПТОНШИР.

На северо-восточной границе Нортгемптоншира, к которому примыкают графства Лестер, Ратленд и Линкольн на севере и востоке, а также Хантингдон на юге, находится большой участок довольно возвышенной земли, известный как Рокингемский лес. Его естественными границами являются долины рек Нен и Велланд, общий параллелизм которых продолжается в их течении через Голландские болота до их общего окончания в Уош. На западе эта платформа далее обрывается рекой Исе, которая возвышается примерно в четырех милях от Велланда и впадает в Нен у Веллингборо. Участок, обозначенный таким образом природой и издавна известный как Лес, простирается на восток и запад на двадцать четыре мили от Оксендон-Бридж до Стэмфорда, а в самом широком месте - между Рокингемом и Трэпстоном, примерно на двенадцать миль. Позиция, когда луга Нена и Велланда были болотами, а топи едва судоходны, была очень сильной и в ранний период была занята захватчиками и колонистами датской крови, следы которых в значительной степени сохранились в топографической номенклатуре района. Почва, полученная главным образом из нижележащего оолита, не является плодородной от природы и долгое время оставалась лесной, которая даже сейчас, несмотря на огромный прогресс в возделывании, представлена обширными участками леса, такими как хорошо заросшие лесом парки Рокингем, Боутон, Блатервик, Берли, Дрейтон и Дин; дебри Морхей и Сулехей; Бедфордский парк; и Чейз в Геддингтоне.

Рокингем, давший название лесу и гораздо меньшему участку земли, все еще известному как Шир, расположен на правом или южном берегу реки Уэлланд, чуть выше точки, где приток Эй-брук отмечает слияние графств Нортгемптон, Лестер и Ратленд. Деревня стоит на возвышенности, поднимающейся от реки, а выше и южнее ее, сразу над приходской церковью, находится замок. Замок является заметной особенностью ландшафта, поскольку он расположен на своего рода мысе, который выступает из лесной равнины в сторону Колодца, и защищен с каждой стороны глубокими оврагами, двумя из многих, которыми пересекается крутой край долины. К юго-западу от замка и отделенный от него большим оврагом, находится парк, очень древняя ограда, в которой когда-то содержались благородные олени, которые, однако, исчезли еще до визита Лиланда; а позади, к югу от замка и парка, находится участок недавно огороженной земли под названием Шир.

Рокингем был описан как название английской формации, чисто описательное. Замок стоит на "Скале"; между ним и Колодцем раскинулся широкий и плодородный "Инг", или луг; а "Хам" обозначает деревню, окруженную берегом, рвом или живой изгородью. Другие авторитетные источники, возможно, с большим основанием, возражали против такого использования слова "инг" и предполагали, что это название является "хамом" или родиной "Рокингов". Как бы то ни было, каким бы древним ни было название и каким бы важным ни должно было быть положение, это место не встречается ни в каких записях, предшествовавших завоеванию, хотя похожее название встречается в Кенте как Роэрингем в хартии Кенульфа Мерсийского, 811 г. н.э. Возможно, это имя встречается в другом месте, поскольку среди последователей эрцгерцога Филиппа при его встрече с Генрихом VII в 1500 году встречается "Le Sieur de Rockingham de Flanders" ("Письма Генриха VII", стр. 88). Самое раннее упоминание об этом месте есть в книге "Судный день", где говорится, что Рокингем принадлежит королю. Бови владел им во времена короля Эдуарда с сас и сос. Это было расточительство, когда король Вильгельм приказал построить замок. Без сомнения, здесь, как и обычно в других местах, решение Вильгельма основывалось на существовании более ранней работы. Из осмотра сохранившихся земляных укреплений и сравнения их с другими, такими, например, как Бринклоу, становится очевидным, что они относятся к классу

окруженных рвом насыпей и, следовательно, намного старше Конкисты. Бови, без сомнения, жил здесь, и именно его крепкое жилище Завоеватель приказал превратить в замок.

Сохранилось достаточно, чтобы показать, что земляные укрепления представляли собой коническую насыпь с плоской вершиной или донжон, к основанию которого с одной стороны пристроен дворик. Курган, по-видимому, был около 100 футов в диаметре на вершине и не менее 30 футов в высоту. Он был ограничен соответствующим ему рвом, который, судя по указаниям на южной стороне, должен был быть широким и глубоким. К северу от насыпи находился внутренний двор неправильной, но округлой формы, занимавший около 3 с половиной акров. Очертания этого двора в целом соответствовали очертаниям местности, склон которой составлял часть обороны. Двор примыкал к северной стороне кургана, за пределами рва, и занимал примерно одну треть или пять двенадцатых его окружности. Таким образом, большая часть кургана, как и при Бринклоу, находилась за пределами общей линии обороны, частью которой он являлся. Кроме того, он был размещен на стороне, противоположной возвышенности, между вершинами оврагов, и, естественно, как и в Бринклоу, на самой слабой стороне. Перед насыпью, на расстоянии нескольких ярдов, находится насыпь и ров, пересекающий подход, и снова впереди, примерно в фарлонге от крепости, находится второй ров, даже сейчас содержащий воду и отделяющий территорию замка от удела. Вероятно, эти надворные постройки датируются более поздним временем, чем крепость. К востоку, за оврагом, есть и другие сооружения, особенно один большой берег, который сейчас образует центральную линию липовой аллеи. Эти сооружения нерегулярны и, возможно, были возведены во время осады замка. С этой стороны также есть несколько небольших курганов, расположенных по двое, которые, как говорят, прикрывают остатки коттеджей.

Изменения, внесенные нормандскими строителями и теми, кто, в свою очередь, разрушил нормандские стены, во многом стерли следы ранней крепости. Насыпь, которая, без сомнения, окружала корт, была откинута назад, чтобы поднять и выровнять внутреннюю платформу, а вместо главного рва была заменена обрывистая облицовка высотой около 8 футов, увенчанная парапетом, который представляет собой навесную стену. У подножия этого холма находятся остатки рва, а ниже по склону несколько террас, которые выглядят так, как будто их защищали частоколом для мушкетеров во время парламентской осады. Предполагалось, что эти неровности поверхности представляют собой британский лагерь, для которого ситуация, без сомнения, подходящая. От кургана остался только полулунный выступ, который образовывал его северный край. Центральная и южная части были сняты и выброшены в ров, линия которого обозначена небольшим, но четким и широким углублением. Очевидно, это было сделано, когда парламент получил это место, чтобы сделать его неоправданным. Также очевидно, что суд первой инстанции был разделен, как в Бринклоу. Об этом свидетельствуют уровни различных частей. Одно отделение проходило на север и юг, отрезая с востока входную палату с жилыми помещениями. Другой пролегал на восток и запад и делил западный квартал. Три корта расположены на разных уровнях, входная площадка самая низкая на 6 или 8 футов.

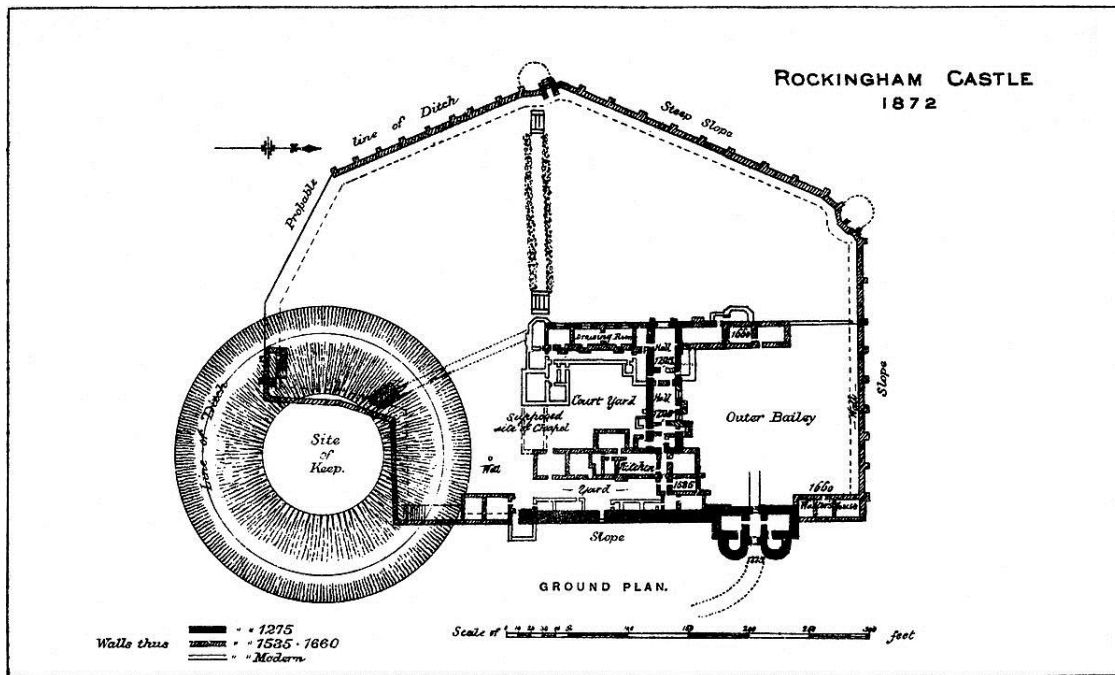
Неизвестно, построил ли Завоеватель каменное сооружение или просто укрепил существующую оборону. От того века не сохранилось ни одной каменной кладки. Но он или его преемники, несомненно, возвели на насыпи артиллерийскую крепость и окружили двор стеной. Эта стена, по-видимому, имела шесть граней и занимала в окружности около 490 ярдов. Она по-прежнему начинается на вершине холма крепости, спускается по склону, пересекает ров и тянется по прямой на 134 ярда, образуя восточный фасад замка. Нижние слои этой стены, толщина которой составляет 9 футов, могут быть поздненормандскими.

Верхняя часть, высотой от 25 до 30 футов, вероятно, украшена, как и сторожка, которая находится впереди. К северо-восточному углу стена была перестроена и поддерживает здание семнадцатого века. Здесь, под прямым углом, стена заменяется облицовкой более позднего времени и тянется на запад на 83 ярда, под ней и перед ней находится церковь и т. Д. Затем направление стены меняется на юго-запад под углом около 160 °, которое было увенчано круглой башней-фреской, от которой сохранился фундамент. Эта грань имеет длину 94 ярда и заканчивается под углом 130 °, где, без сомнения, находилась еще одна барабанная башня. Затем следует сторона в 64 ярда, заканчивающаяся углом в 140 °, за ней следует сторона в 40 ярдов, затем угол в 150 ° и короткая сторона в 25 ярдов, которая заканчивается насыпью в массиве каменной кладки, которая, если и не полностью оригинальна, то частично таковой и является, и сформирована из старого материала. Таким образом, общая протяженность стены двора от одной стороны крепости до другой составляет около 440 ярдов. Две западные стороны возвышаются прямо над ущельем. Те два, что к юго-западу, находятся на некотором расстоянии от его края, и здесь нет следов облицовки; и там, без сомнения, была канава. Стена сейчас демонтирована, но в сухую погоду на газоне видны следы ее фундамента. Расстояние от одного конца стены до другого, измеренное по всей крепости, составляет 50 ярдов, что, таким образом, завершает контур двора.

Между двумя массивами каменной кладки, которые отмечают примыкание двух концов внешней стены к замку, находится третий, который указывает на северо-запад и показывает линию поперечной стены, отделяющей вход от западных палат. За этой линией следуют более поздние здания и западный конец замкового зала. Место ответвления поперечной стены к западу от нее обозначено двойной тисовой изгородью и ступенькой около 4 футов.

Сторожка состоит из двух полукруглых башен диаметром 26 футов, обрамляющих ворота шириной 10 футов. Башни вырастают из блока шириной 60 футов и глубиной 30 футов, не имеющего внутреннего выступа, так что башни и часть блока выступают из стены на 47 футов, придавая входу изящный, смелый характер. Башни состоят из двух ступеней, разделенных снаружи струнным ходом и увенчанных сверху простым парапетом с боевыми опорами, опирающимся на вторую струну. Ворота имеют низкую заостренную арку, над которой продолжается и поднимается веревка, образуя квадратную головку. Входной проход шириной 10 футов и глубиной 30 футов. Внутри портала находится паз для опускной решетки, закругленный и узкий, как для железной решетки, а за ним фальц для складных дверей. На другом конце прохода находится второй портал, также с воротами. У каждого портала был смелый внутренний выступ, теперь срезанный ровно. Простой карниз показывает, что первоначальная крыша была деревянной и плоской. Нынешние и новые балки по недосмотру были уложены вдоль. С каждой стороны находится небольшая дверь тяжелой формы с равносторонним выступом, выполненная в превосходном стиле. Северная башня содержит две камеры, одна размером 16 на 18 футов, с петлей во внутренний двор, из которой небольшой украшенный дверной проем открывается в переднюю полукруглую камеру размером 12 футов, имеющую три петли спереди под глубокими арочными нишами. В южной башне также есть две комнаты. В передней части есть только две петли. В другой камере есть дверь в гардеробную в южной стене. Крыши были полностью деревянными, а внутренние дверные проемы тяжелыми, но превосходно отделанными. Сторожка была сильно отремонтирована. Цоколь новый. Внешний вид был обработан резцом, а молдинги косяка портала, по-видимому, вырезаны заново. До недавнего времени башни имели конические крыши, которые, однако, не были оригинальными, а парапет, хотя и выполнен в отличном вкусе, современен. Петли крестообразные, с короткими поперечными выступами и желобками внизу. Покойный преподобный Т. Джеймс относит эти ворота к 1200 году.

1872

Wyman & Sons, G^t. Queen St^t. Лондон.

На навесной стене, в нескольких ярдах к югу от сторожки, находится дверь, а рядом с ней петля, обе украшены датами и, очевидно, принадлежали башне с фресками, теперь замененной современной кладовой.

Входя в замок через ворота, слева и впереди находятся жилые дома, постройки самых разных эпох. Вход в дом слева, однако, старше, чем любая другая часть фасада. Это оригинальная дверь, оформленная в хорошем стиле, и открывается в то, что когда-то было холлом или ведущей в него прихожей. Напротив находится соответствующая дверь того же возраста, которая открывается во двор, окруженный зданиями всех возрастов. Зал давно переоборудован в двухэтажный, и его пересекают две перегородки, но боковые или наружные стены сохранились в первоначальном виде и содержат два камина, которые сейчас закрыты, но обозначены широкими внешними контрфорсами, и несколько окон, которые больше не используются и видны лишь частично. Это единственная часть нынешнего дома, которая, несомненно, принадлежала древнему замку, и строительство, вероятно, было начато около 1275 года. Место западного окна занято большой вставкой в стиле тюдоров или Стюартов.

Пространство внутри древних стен, от дверей до западного конца, имеет размеры примерно 20 на 85 футов, что слишком велико для пропорций зала, так что, вероятно, сам зал был ограничен его западной частью, в которой находится один из каминов и косяки четырех оригинальных окон.

Между восточным концом зала и навесной стеной находится прекрасное здание с датой постройки 1585 года, несомненно, работы Эдварда Уотсона. Здесь находятся кухня и различные офисы, и, вероятно, сюда входят части древнего здания. Еще одно здание на

северо-восточной стороне суда и длинный ряд зданий, обращенных на запад и содержащих конец зала, датированы 1660 годом. Здание на навесной стене между сторожкой и крепостной башней датировано 1669 годом.

Нынешние подвалы расположены между залом и замком и, хотя и являются современными, предположительно занимают место замковой часовни, а рядом с ними находится колодец, хотя, судя по старому плану, сомнительно, чтобы в замке не было колодца.

За исключением нижней части восточной навесной стены, не видно никакой каменной кладки, которая могла бы относиться к одиннадцатому и, вероятно, ни к одному из двенадцатого веков. На церковном дворе есть несколько фрагментов в нормандском стиле, но предполагается, что они пришли не из замка. Над внутренним порталом вставлен камень, вырезанный в виде тросовой лепнины, но он, по-видимому, не нормандского происхождения и в любом случае был помещен туда совсем недавно.

Труды Генриха III. и Эдуард I. представлены верхней частью занавеса, сторожкой, дверями, стенами и окнами зала и, вероятно, тремя блоками каменной кладки, примыкающими к насыпи крепости, хотя два из них, возможно, существовали ранее. Вся остальная часть замка является работой нескольких грантополучателей, и в основном, если не полностью, предков нынешнего владельца. Общий результат смешения зданий стольких стилей и эпох чрезвычайно радует. Комнаты, хотя и не высокие, удобны и живописны, они обставлены мебелью, гармонирующей с их возрастом и размерами, а также современной бытовой техникой. Стены из местного камня имеют почтенный вид и покрыты вьющимися растениями, а платформы нескольких палат и внутренняя часть сторожевого холма разбиты на лужайках и цветниках, откуда открывается очень обширный вид на деревню и за Колодец.

Лиланд, посетивший замок во времена правления Генриха VIII, когда он еще был военным сооружением, оставил его описание и то, что он тогда увидел: “Рокингемский замок стоит на вершине холма, прямолинейный, с мощным выступом, а буллефаркс возвышается без выступа. Абсолютные волны этого еще продолжают. Кепе необычайно красив и силен, и в волнах определенно есть крепкие башни. Жилища, находившиеся в районе замка, были обнаружены и разорены. Одна вещь в валах этого замка заслуживает особого внимания, а именно то, что они ведут бои по бокам, так что, если бы площадь замка была выиграна путем атаки у любых из двух больших ворот замка, стражи валов могли бы защитить замок. Я отметил, что в районе замка есть крепкая башня, а от нее через дамбу подземелья ведет подъемный мост к подземелью туре.” — “Итин.”, i. 14.

Мощный ров и бастионы за ним, вероятно, относятся к крепости и земле к югу от нее, где только и требовался ров. Цитадель представляла собой, конечно, круглую или многоугольную оболочку на насыпи. Мощные башни на стенах, без сомнения, представляли собой барабаны, подобные тем, что были в сторожке, ограничивающие углы внешней стены. Двойной парапет не был чем-то необычным, а при толщине стены в 9 футов его ни в коем случае нельзя было назвать невыполнимым. Где стояла крепкая башня, неизвестно, но она, должно быть, находилась во дворе, к северу от крепости, и за рвом крепости или донжона, к которому вел подъемный мост. О вторых великих воротах не сохранилось никаких преданий, но они не могли находиться нигде, кроме как на юге, поскольку с другой стороны к ним практически невозможно подойти. Последние работы - это две башни мистера Салвина, одна простая, квадратная и массивная, рядом с замком, другая восьмиугольная, легкая и возвышенная, расположенная в конце зала. Они являются отличным и разумным дополнением к зданию.

Так случилось, что существуют еще более поздние свидетельства состояния крепости на плане, вероятно, представляющем временные сооружения, возведенные во время нападения парламента для защиты крепости от нападения с внешнего или южного фронта. На нем изображена вершина крепости, покрытая зданиями, расположенными в виде многоугольника диаметром 80 футов с открытым кортом в центре. Снаружи от них, вдоль края горы, тянется линия частокола длиной 180 футов, опирающегося на стены двора и укрепленного двумя деревянными бастионами. Дно рва образует крытый путь, а вдоль контрэскарпа проложена вторая линия частоколов длиной 240 футов, которые также опираются с каждого конца на стены. Также показаны концы занавеса и промежуточной стены, примыкающей к крепости. На южном краю крепости находится колодец. Этот план особенно интересен, поскольку он не только показывает, что на кургане было здание, но и излагает план обороны, который, по всей вероятности, является именно тем, что использовал здесь Завоеватель, когда приказал построить замок.

Среди рулонов ткани в Государственном архиве есть несколько записей, относящихся к Рокингемскому замку, из которых покойным мистером Берттом были сделаны следующие выдержки.

Небольшой свиток, 4 Эдварда I., работы каменщиков и плотников, на сумму 37,6,6,5 фунтов стерлингов.

Фрагмент свитка без даты, но относящийся к началу того же царствования: Расходы каменщика “около башни на лицо и мурум туррис в части меридиональных знаков препинания и пятерых в муrome дебилес и фактас экстраординарный и псевдоним петрас иби понендас и пятерых до конца мурум скапуландас”. Был нанят плотник “около шевронов, лардарийных фасадов и окон, а также целариума (погреб) под ориоло репарандас и фасады”. Два каменщика работают над надписью “*murum castri ex parte orientali porte facientes*”; и другими работами на стенах в целом. Был также платеж “*plumbariis facientibus et cooperientibus parvam cloacam super murum castri против ecclesiam Rok*”, то есть за северный занавес.

Другой свиток, 4-5 Эдварда I., содержит в двух переплетах отчет о расходах “на освобождение детей франгендам апуд Пукесалтер”; также на двух мужчин “*operantes super gradus aule Regine*”; и на плотника “на гардероб Регине карпентандам, на таскам и сендуландам, 40 лет”.

5-6 Эдуарда I. приведены три записи: каменщик и другие мужчины были наняты “около нова иволга, враждебная магне камере и ветеранам аулам эригендам”. Другие были наняты “около мантеллам магни туррис фасьендам и эригендам”; а другие “около кумилум парве камера рядом с визом, фенестрамом и алией в гардеробе *Regis facienda*.”

5-8 "Эдвард I." представляет собой неполный свиток из пяти переплетов, написанных, но не вплотную, спереди и сзади. Записи относятся к работам над стенами, дымоходом и другими частями помещения “*ultra volticium (разводной мост) около креста и мурума против каминной башни*”. Также ремонт “порта де Дурр”. Также к окнам и прочим таким же, работы плотников, и двери новой башенки. Каменщикам: “*ad novam cameram faciendam de veteri aula*”; плотникам для дверей большого подвала и новой башни. Камень был добыт в карьере и перевезен из Уэлдона. Каменщики и т. Д. Были наняты “около великой региональной камеры исправления”; и плотники “около *claustrum faciendum et porcheam camere Regine соорериendam*”. В конце задней части одной из мембран находится благочестивое напутствие, адресованное либо бухгалтерии, либо зданию: “*Deus te comburet vel Diabolus*”!

что-то в стиле “Черт бы побрал этого человека”, как говорят, старый Кью обращался к тем, кто изучал отчеты о строительстве Драмланрига.

6 Эдуард I. в “Свитке из трех перепон” упоминает мужчин, занятых *“ad veterem aulam faciendam et emendam”*.

6-7 “Эдвард I.” представляет собой рулон из пяти перепон, написанных крупным шрифтом на лицевой стороне и частично на обратной. Записи таковы: “около нового фасада башни”; “около фасада ракушки”. Работа плотников над “януаом против барбекю и януаом против каминной полки в сравнении с великолепной башней.” Каменщики были задействованы “около фасада Регины” и резка камней “,по кругу с фенестрамом в *magna camera Regis.*” Фигурируют расходы мастера-живописца Ральфа *“circa parvas camers juxta camera Regine dealbandas”* (побелка); также каменщики, занятые “около химинеума в *magna camera Regis et muros ad cameram ultra volticium faciendos*”. Опять же, расходы художника Ральфа “примерно оператору Реджису деальбандаму” и “примерно оператору Реджине деальбандам”. Был нанят плотник “примерно из-за клауструма и враждебности к камере Реджин фасиендас”. Мастер Ричард “около камеры *ultra volticium faciendam* и *terram сопоставляет ракушки с удаляемыми.*” Из магазинов было: “Во II библиотеках, выставленных на продажу, были представлены кондитерские изделия *“ad opus cement”*, а также кодовые и графические изображения *ad cementum faciendum.*” Больше камня из Уэлдона; сланцы из Харингворта; “В витринах *fenestris emptis* для камеры *Regine*, 10 штук”.

7 Эдуард I. представляет собой рулон из двух мембран. Расходы каменщика “в великом ужасе”; людей “основателей в каменоломне, соединяющей замок с фундаментом всей когорты”. “Масонов” в мурисе ауле, солярии, капелле и гардеробе когорты и супер фундамента стабуле за каждую смерть”; также масона “в простернендаме капеллы в башне”.

Другой список, датированный той же датой, содержит профессии нанятых рабочих. Один мастер-каменщик, четыре сиссора (отделочника камня); четыре кубитора (постельничих); шесть сервиторов (помощников); два каменщика в Рокингеме; шесть плотников; два изготовителя досок и рейки; и два пильщика.

8-9 Эдуард I., шесть мембран. Полный список работ за год, от Михайлова дня до Михайлова Дня, с указанием, однако, лишь нескольких мест; только башня, зал возле новой часовни; люди, занятые *“circa capellam et camera domini Regis faciendam”*; также *“circa murum aule et fundamentum celarii”*. Камень привезли из Уэлдона и Хаверна.

9-10 Эдвард относится только к небольшим работам.

13-14 Эдвард I., полный список, от Михайлова Дня до Михайлова Дня: Каменщики заняты “суперкапиталами”; “супер ядрами”; плотники “супермагнамом капеллам Регис”; каменщики “около фенестрама Регина между дуэтами туриолос эригендам” и “около мурума и фенестрама селарий рефисиендам” и “около унум батерат для съёмок великолепной камеры, примерно изречения мурума и фенестрама”; также “около габуламской капеллы и около туриолума” и “супер туриолум и мурум против великолепного порта в сравнении с бовериамом”; также был нанят плотник “супер седем Регине и капеллам.” Общая сумма, таким образом, затраченная в соответствии с этим списком, составила 103,0 шиллингов 12 динаров.

15-16 Эдуард I., тоже полный список, от Михаила до Михаила. Каменщики наняли *“circa novum turiolum juxta coquinam”* плотника, делающего *“gistas ad turriolum de Holebrooke”*; каменщика *“cooperiens ij turiolos, muros aule, et in aliis locis emendans cohopenuram”*

murorum". Two masons "perimplentes warderobam Regine et viam de aula usque cameram Regis et domum Lawyte' juxta capellam, et facientes astr' (astra are fireplaces or hearths) in v caminis in turri et iiii caminis in castello ad tascham 8s.' ... circa murum versus turrim erigendum et turratum versus turrim."

В той же записи упоминается "stagnum", или олово, для припоя: фронтоны солнечного, или верхнего, этажа, рядом с солнцем. "Cintles или cindules" - это черепица для кровли. "Viz", от "vis", винт, представляет собой винтовую лестницу. "Vertevellis" - это петли, а "gumphis" - большие крючки, на которых они поворачивались: пескарь и пинтл.

В приведенных выше записях много внимания уделяется жилью короля и королевы и очень мало - жилищу кого-либо еще или укреплениям. Старый зал, вероятно, предшествовал нынешнему строению и, без сомнения, был нормандским. Упоминается подвал под эркером. Великая башня, вероятно, была крепостной башней, а подъемный мост - тем, что пересекал крепостной ров. Барбакан, без сомнения, был деревянным сооружением за одними из двух внешних ворот. Старая часовня, вероятно, та, в которой заседал совет, была разрушена и возведена новая. Строительство нового зала, похоже, шло полным ходом 8-9 Эдвард I.

История Рокингема тесно связана с историей леса, сенешалями которого почти всегда были его констебли или кастеляны. Было показано, что Завоеватель приказал построить здесь замок и, вероятно, поэтому посетил это место. В 1095 году Руфус выбрал его местом встречи знати и прелатов королевства, чтобы обсудить с архиепископом Ансельмом важный вопрос: "Utrum salvâ reverentia et obedientia Sedis apostolicæ posset Archiepiscopus fidem terreno Regi servare, annon"? Когда король прибыл из Нормандии 29 декабря 1094 года, он обнаружил, что Ансельм собирается принять покровительство Урбана II, которого король не признал папой, и возник вопрос, согласуется ли признание Урбана с верностью короне. Встреча состоялась в Рокингеме в пятое воскресенье Великого поста, 11 марта 1095 года. Они встретились в часовне, когда Ансельм обратился к прелатам за советом. Прелаты склонялись скорее к феодальному, чем к церковному взгляду на этот вопрос, которого они скорее избегали, и решили, что Ансельм обошелся с королем неуважительно. Заседание было перенесено на понедельник, когда прелаты согласились, что собрание является собранием вассалов короны, а не синодом, и они вместе с дворянами посоветовали Ансельму подчиниться королю. Во вторник депутация прелатов встретила Ансельма. Они настаивали на том, чтобы рассматривать разницу только со светской точки зрения, высказывая мнение, что архиепископ, как вассал короны, был неправ, но отказались идти дальше или выносить какое-либо порицание своему церковному настоятелю. Затем собрание было разогнано, Ансельм отказался уступить дорогу. Вскоре после этого король признал Урбана и принял его легата, но не посоветовался и не проинформировал Ансельма. Все это показывает, что Рокингем в то время был важным местом. Часовня, должно быть, была чем-то большим, чем просто молельней в замке, как в Арунде или Линкольне, и там должно было быть какое-то помещение для собрания, состоящего из мирян высокого ранга и епископов, в эпоху, когда люди этого ордена не отличались аскетизмом.

Говорят, что в древности лес простирался до Нортгемптона, но границы, установленные различными передвижениями от Эдуарда I до Карла I., ограничивают его Оксендонским и Стэмфорд-бриджес. Он был разделен на бейливики Рокингем, Клайв или Клифф и Бригсток, каждый из которых подчинялся бейлифу и зеленщикам, и в каждом из них была лесная сторожка, поддерживаемая в исправном состоянии короной. В Геддингтоне на Исе находилась более крупная резиденция, часто посещаемая монархами, где когда-то заседала великая Куриальная палата и где до сих пор стоит один, самый совершенный, из мемориальных крестов, установленных Эдуардом I в честь своей королевы. Многие поместья

также принадлежали замку благодаря замковой страже. Их регулярного списка нет, но известно, что среди них были Литтл-Биллинг, Коттингем, Олдвинкл, Когенхо, Харведон, Ханингтон, Хортон, Ишем, Апхолл, Уоттон и баронство Чиппинг-Уорден, арендаторы которого сами пользовались аналогичными услугами. Также расследование инквизиции, 18 февраля 18-го года правления Эдуарда I., показывает, что поместье Вахул принадлежало королю за Барониам в счет уплаты одного рыцарского взноса и шестидесяти девяти шиллингов на каждый Михайлов день для подопечных замка Рокингем. Суммы, на которые заменялась служба, варьировались от двадцати пенсов до семидесяти пяти шиллингов ежегодно и составляли рыцарский гонорар в размере пяти шиллингов. Сбором этих сумм занимался специальный чиновник, который владел половиной виргата земли на основании этого владения, помимо хаус-боте и эй-боте в Коттингем-вуд, правом пасти свою лошадь на лугах аббата Питерборо в Эстоне и своим рационом питания, когда король или его констебль находились в резиденции. Кажется, его называли судебным приставом замка, а во времена Генриха III, когда его занимал Джефффри де Рокингем, эта должность передавалась по наследству. Был также вейте, или сторож, который нес караул по ночам и получал плату вейте за владение замком-вейте. Симон де (ла) Вейте занимал пост Генриха III 36 лет.

В 1137 году в “Англосаксонской хронике” говорится, что аббатство Питерборо под руководством его неукротимого аббата Мартина, этого “доброго монаха и человека”, отвоевало у Уильяма Малдуита, который владел замком Рокингем, земли Коттингем и Истон. Малдуит был всего лишь констеблем, но в незаконное правление Стефана хранитель столь укрепленного места, должно быть, обладал очень независимыми полномочиями. Замок фактически никогда не был отчужден от короны, и его часто посещали короли вместе с Бригстоком и Геддингтоном, а законы о лесах очень строго соблюдались посредством правосудия “в итинере форестарум”. В 1139-40 годах (5 Стефана) у короля в Рокингеме был виноградарь, за ливрею которого полагалось тридцать шиллингов, и двадцать шиллингов было потрачено на закупку всего необходимого для виноградника. В 1188 году, 11 февраля, в Геддингтоне состоялось великое собрание “Curia Regis” для обсуждения вопроса о крестовом походе. В 1189-1190 годах на долю шерифа Нортгемптоншира приходилось сто шиллингов за аренду Рокингема.

В 1194 году здесь побывал король Ричард.

Генрих II и Ричард I. выделили 4. 11s. 3. фунтов стерлингов привратнику замка и двум сторожам. Custos, или констебль, купил его офис. В 1157-1158 годах Фульк де Лизорис насчитал двадцать фунтов старой арендной платы за леса Рокингема и Селвестона, и аналогичная сумма была учтена как новая арендная плата за те же леса. В 1199 году Роберт Малдуит заплатил за него сто фунтов четырьмя ежеквартальными платежами. Он уже владел им. Король Иоанн был здесь по меньшей мере четырнадцать раз в период с 1204 по 1216 год и датировал многие документы отсюда. В 1204 году, 5 мая, графство Ратленд и деревня Рокингем были переданы Джоном королеве Изабелле в приданое. Вероятно, он сохранил замок. В этом урегулировании он последовал прецеденту, поскольку в 1209 году папа Иннокентий призвал его вернуть Беренгарию, королеве Ричарда, ее имущество, среди которых указано “In Nordhantonscire Rokingham cum pertinenciis ejus” (Раймер). Приданое было подтверждено 5 мая 1215 года. В 1204 году Патентный список показывает, что король Иоанн пожаловал Самсону Уоселину, “нашему клерку”, Рокингемскую церковь с пристроенной к ней часовней Мэннтон в качестве пожизненной бесплатной милостыни. В 1205 году Скогернел, королевский гонец, получил девять пенсов за поездку в Рокингем. В октябре 1207 года граф Дэвид (Хантингдонский) заплатил королю в его покоях в Рокингеме через Питера де Стоука 100 фунтов стерлингов, причитающихся в качестве предоплаты, а в

1208 году Хью де Невиллю должны были быть оплачены его расходы, подсчитанные компетентными лицами, на королевские дома в Рокингеме и Клайве.

В 1209 и 1210 годах в Мизансцене встречаются разные записи, касающиеся Уильяма Водолея, который обеспечивал королевскую баню. Из восьми ванн он соорудил одну в Нортгемптоне. В Рокингеме нет бани. Поступила оплата за “рончины” [багажных пони] Томаса Марескала, который в течение шести дней останавливался в Нортгемптоне и Рокингеме с королевским гардеробом, пока король странствовал [‘пространственник’] среди лесов и рек. Таким образом, он посетил Геддингтон и Клайв, где проиграл 4,10 пенса за столом с графом Солсбери, а затем 4,11 пенса. Кроме того, содержание двадцати девяти лошадей и двадцати четырех камердинеров (garciones) на три дня в Рокингеме с мастерской (fabrica) обошлось в 24 5,5 шиллингов.

Частота королевских визитов была в какой-то мере обусловлена необходимостью содержать семью за счет местных ресурсов; однако вино, несмотря на наличие виноградника, импортировалось и хранилось в магазинах, особенно в Саутгемптоне, и там доставлялось королю при необходимости. Таким образом, в 1212 году было ввезено шестнадцать бочонков вина, из которых пять отправились в Рокингем, три - в Клифф и четыре - в Геддингтон; и Джон, находясь здесь 10 июля, подтверждает получение кольчуги, принадлежавшей констеблю Честера. Здесь также, согласно мизансцене, Джон приказал потратить 100 марок, предоставленных ему жителями Ноттингема, на строительство башни “в мота-де-Ноттингем”.

Замок был еще и тюрьмой. В 1213 году Гилберт де Гартингтон должен был быть освобожден оттуда вместе со своим имуществом под залог; также Роберт де Мара, схваченный в Каррикфергусе, был освобожден по просьбе легата. В 1214 году канцлеру было приказано закупить пять долей лучшего вина в Лондоне и отправить их в Клифф, Геддингтон, Рокингем и Селвестон. В этом году на работы по возведению новой башни и покоев в замке было выделено 127,8 шиллингов 6 фунтов стерлингов, и Питер де Барр и Николас де Хьюджвилл, пешие арбалетчики, были отправлены для участия в обороне замка за шесть пенсов в день каждому. В январе 1215 года канцлер должен был прислать еще красного вина. В марте король вернул Уильяму, графу Албемарлу, поместье Рокингем, которое принадлежало Элис, его тете по отцовской линии (Амите суэ). Это может быть либо Алиса де Ромели, мать его матери, либо Алиса Марешаль, его сестра. У него должны быть “родные, res, terras и все, чем он владеет”. В мае Уильяма де Харкорта должны хорошо принять в замке, если он нуждается в гостеприимстве. Похоже, что покойный кустос огораживал территорию, поскольку король дарит Роджеру де Невиллю всю округу Рокингем, которую Хью де Невил разбил или расчистил, и добавляет часть пастбищ в вилле для его скота, ежегодно получая в пользование пару позолоченных шпор.

1216, 4 марта, из заключенных, отправленных леди Николь де Хайя в Ноттингем, четверо должны быть переведены в Рокингем. Кастос замка, похоже, посягнул на полномочия шерифа, которые король исправляет. Вероятно, в Рокингеме произошли беспорядки, поскольку Джон приказал констеблю Ноттингема освободить за штраф захваченного там заключенного. Позже в том же году гарнизон, должно быть, был недоволен, поскольку кастосу было приказано немедленно выплатить задолженность по выплата ливреи людям, стоящим в гарнизонах замков Нортгемптон и Рокингем, чтобы у них не было оправдания дезертирству. Констебль должен сохранить за собой в пользование замка поместья Геддингтон, Клифф, Бригсток и Корби. Он должен выступить в роли эсхатора, чтобы передать управление Блостоном и Уэстоном Ральфу Фитц Питеру. Это один из первых приказов, сделанных в новое правление, и засвидетельствован графом маршалом “teste Comite”. Генрих III. вероятно, был в Рокингеме много раз, определенно в 1220, 1226 и 1229 годах.

1217 год, аббат Питерборо просит не привлекать к ответственности охрану его замка. Это разрешено, но службу должны выполнять рыцари, получающие гонорары аббата. В 1218 году Ричард Трасселл был оштрафован за то, что водил своих собак по лесу. В 1219 году Хью де Невилю было восстановлено владение лесом, а также Клайвом, Геттингтоном и Бригстоком. Поскольку офисы связаны с землей, констебль должен наложить арест. 25 Июня король отправил своего егеря Ричарда де ла Ханта поохотиться в лесу, и на время его пребывания шериф должен обеспечить его и двух его лошадей, двух камердинеров, фехтовальщика или “сикариуса” (bernarius), вигвама (veltarius), четырех борзых и четырнадцать собак *первой необходимости* (canes de mota necessaria). У него также должна быть соль для засолки оленины, которую он может взять с собой, и карета для доставки ее королю по мере необходимости. Иногда отдается приказ позволить какому-нибудь великому человеку взять три или четыре доллара, но очевидно, что названное количество не должно быть превышено. 19 июля Уолтера де Престона посылают взять сорок долларов для королевской кладовой. В ноябре Уильям, граф Албемарл, отвечающий за замки Рокингем, Сови и Бихам, отказался сдать их, на что шерифы были предупреждены, что легат отлучил его от церкви и никто не должен помогать ему удерживать замки. Граф, однако, оказал сопротивление, и этот замок был фактически осажден и захвачен врасплох 28 июня 1220 года (“Hist. Anglor.,” ii. 242). Генрих был здесь лично и разрешил Уильяму де Альбини три доллара, а Уильяму де Инсуле два. Уильяму де Престону и Ричарду де Уотервиллу также разрешили по двадцать каждому, вероятно, для нужд короля. Незадолго до этого, в мае 1220 года, Изабелла, мать короля, написала ему, чтобы сообщить, что скорее из-за него, чем из-за нее самой она вышла замуж за графа де ла Марша, и попросила, чтобы ее мужу было предоставлено ее приданое, которое включало замок Рокингем (“Письма Генриха III”, i. 115). В июле владения были возвращены Хью де Невилю, у которого была грамота от короля Иоанна, а в ноябре Фульк де Бреоте получил сто фунтов на свои расходы во время осады Рокингема, которую он, по-видимому, проводил. Когда Сауви и Рокингем были схвачены, оказалось, что у них совершенно не было провизии, причем в двух из них не было обнаружено и трех буханок хлеба.

Сначала Генрих, кажется, удовлетворил просьбу своей матери, но 2 сентября 1221 года Ричард де Рипарис получил под опеку всю землю, которой граф де ла Марш владел в Англии из приданого своей жены, и добрые люди Рокингема должны были отвечать перед Ричардом за аренду поместья, как они поступили с графом и его женой.

Другие записи относятся к тому же году. Констеблю разрешается использовать большие объемы древесины для ремонта королевских домов и “башни” в Рокингеме, а шериф должен выделить на это двадцать марок. Также Хью де Невил должен взять лесного садовода и добрых людей “де виснето” [из окрестностей; отсюда “место проведения” применительно к жюри] из Коттингема и Карлтона и измерить ассарт, на изготовление которого аббат Питерборо получил разрешение от короля Иоанна. Если площадь 100 акров или меньше, аббата следует оставить в покое; если она превышает эту площадь, Хью должен вступить во владение и отчитаться.

16 апреля 1222 года жителям Рокингема сообщают, что королеве Изабелле и ее мужу снова разрешены земли, полученные в качестве приданого. В мае граф Албемарл заключил мир, и в соответствии с хартией короля Джона, касающейся земель Хавиз, его матери, он освобожден от уплаты алиментов и других обвинений в отношении его фермы в поместьях Рокингем, Клифф и Бригсток, с того дня, как он принял на себя управление замком, по 18 ноября 1219 года. В этом месяце король прислал десять марок на ремонт своих домов и столько же на ремонт замка, насколько это возможно.

1223: согласно уставу Ричарда I. 13 сентября выясняется, что Алианор, тетя (бабушка) короля, бывшая королева Англии, получила Рокингемскую ярмарку в качестве части своего приданого, и, поскольку она умерла, Изабель и граф де ла Марч должны получить ее со всеми причитающимися взносами. 31 октября custos получил от шерифа пять марок на ремонт водосточного желоба королевских покоев. 1224: в этом году в Рокингем было отправлено десять бочонков вина, и шериф оплатил перевозку из Саутгемптона, а позже еще десять долий. У Мельника Уолтера есть дуб для ремонта моста; нужно выбрать тот, который удобно расположен. В 1225 году шериф должен был взять с собой подходящих людей, искусных в плотницком деле и каменной кладке, и проследить за ремонтом королевских покоев в замке, причем для этого должно было быть выделено достаточное количество древесины. У епископа Элийского был заказ на десять долларов из Эссекского леса, но поскольку их было трудно получить, у него был аналогичный заказ в Рокингеме, который должен был быть использован в случае неудачи первой попытки. Некий Иво де Дайен, схваченный в лесу, оштрафовал короля Иоанна на восемь марок и лошадь за свою свободу и выплатил ее констеблю, за что теперь уволен. У Уильяма де Кантилупе есть два доллара, и еще два он приносит из леса, чтобы вложить в свой парк в Эстоне. У Мартина де Патишулла есть десять долларов. Некоторое количество древесины, разрешенной для строительства замка, должно быть отобрано лесниками и озеленителями, которые должны получить за это квитанцию (таллиам) от шерифа.

В 1226 году в замок были отправлены десять долий вина. В этом году Ральф де Трублвиль должен был получить древесину из какого-нибудь удобного места, где лес не пострадал бы, для заливки королевского вивария в Стоуке и ремонта его домов. Кустос получил двадцать марок от шерифа за работы в часовне и других частях замка. Компания Sheriff of Beds также должна предоставить двадцать марок для этих работ; заказана партия свинца для водосточных желобов на крыше. 15 августа констебль должен получить два доллара в сезон [в хорисе]. 24 июля 1227 года констебль должен оплатить свои квитанции за прошлый и нынешний год с Рокингемской ярмарки Томасу де Сирену или его судебному исполнителю в этой деревне и оставлять их у него в будущем. Уильяму де Кантилупу разрешено брать два доллара в сезон. В 1230 году в замок из Бостона были отправлены три бочки вина.

По прошествии некоторого времени инквизиция 34 Генриха III, 1249-50 гг., утверждает, что замок был разрушен сэром Робертом Басселью, последним констеблем. В нем упоминаются башня, стены и зубчатые стены. В часовне не было никаких приспособлений для богослужения.

В 1250 году Джеффри де Рокингем, который, вероятно, держал плату Вейте *в капитале* под замком, умер, и его душеприказчиком было разрешено управлять предоставлением обеспечения по долгам, причитающимся королю. В 1284-6 годах поместье не было закрыто, и мастер Генри Сэмпсон представил баронам Казначейства фрагменты счета на 4 фунта стерлингов, взимаемого шерифом Ратленда, который по несчастному случаю был нарушен. Сэмпсон, похоже, был душеприказчиком. В 1251 году шерифу разрешается 8 ш. 2. за перевозку королевской оленины из Рокингема в Вестминстер, а Элиас де Ханвилл должен взять шестьдесят дубов из королевских лесов Клива, Бригстока и Коттингема для работ в замке.

В 1253-1254 годах Эрнальд де Боско, лесной судья к югу от Трента, отвечал за Рокингемский лес между мостами Стэмфорд и Оксендон, за исключением замка и его пристроек; и ему было приказано построить "Тренчейны" там, где это казалось наиболее целесообразным, в лесах Рокингема и Клайва. Два года спустя Хью де Голдингему предъявили такое же обвинение, и четверо мужчин были заключены в тюрьму в замке за незаконное

проникновение на чужую территорию. Они заплатили двум маркам, чтобы им разрешили выйти под залог до прихода правосудия в Эйре.

В 1260-1260 годах король передал Алану ла Зушу замок и лес от моста до моста, а Джон де Оксиндон и Уолтер ле Бутиллер были его поверенными, которые отвечали перед королем за вопросы графства и леса.

В 1269-70 годах Генри Энгейн получил лицензию на вырубку десяти акров леса, вероятно, недалеко от Блатервика. В 1271 году, в конце правления Генриха, Эдмунд, граф Корнуоллский, его племянник, получил поместье Рокингем и получил грант на проведение в городе пятничного рынка.

Эдуард I. был в Рокингеме в 1275, 1279, 1290 и 1300 годах, в последний раз в течение восьми дней в апреле.

3 Эдуард I., 1274-5, присяжные из Сотни установили, что, когда король приезжал в Рокингем и останавливался там, у него была трава (*herbagium*) во время выпаса для всех его лошадей на лугах аббата Питерборо на Уэлланде, и констебль утверждал то же самое, но оказалось, что со времен аббата де Кауза эти права были утрачены, так же как и право брать большие лесоматериалы для ремонта замка, а также древесину для сжигания и для заборов из леса аббата Коттингема. Кроме того, примерно за двадцать пять лет до этого аббат с помощью "rougpresture", или незаконного огораживания, посягнул на королевское пастбище в Эстибурге, в какой степени, неизвестно. Также Роберт Оливер присвоил себе участок королевского луга размером 20 прутьев на 2 фута, чтобы увеличить свое мельничное хозяйство, а Джеффри Фитцпитер построил стену на королевском шоссе в Рокингеме и огородил участок размером 80 на 8 футов. В другой записи говорится, что аббат, владевший поместьем Коттингем *в капите*, огородил там участок, на котором раньше было обычное пастбище, пристроенное к замку, стоимостью 40 шекелей за акр. Кроме того, на три года Беренджер ле Мойн и люди из Хенингтона перестали подавать иски в суд Сотни в Полбруке, что стоило 74,5 шиллинга в год, а страже замка - 20 шиллингов. Из тех же Ста свитков явствует также, что с древних времен существовал обычай совершать богослужения в часовне внутри замка, на которые шериф ежегодно разрешал 50 лет. Празднование прекратилось за восемь лет до 1268 года. Поместье Рокингем находилось в руках предшественников короля и было подарено королем Генрихом королю римлян, чей сын, Эдмунд, граф Корнуоллский, унаследовал его и получил поместье. Адвокат приходской церкви Святого Леонарда обычно выступал в Суде Короны, но присяжные были в неведении: "Utrum data esset domino Regi Alim' cum manerio de Rokingham an non". Мэнтонская часовня была пристроена к поместью, и Генри подарил ее последнему пастору, который был еще жив. Аббат, со своей стороны, но полвека спустя подал встречную жалобу ("Plac. in Parl.", ii. 22).

1276-1277 гг. настоятель Пайпвелла был освобожден от платы за чиминаж, или право проезда через лес. У Томаса де Блатерстоуна было 9d. на его расходы с королевскими борзыми и 2 доллара на хлеб для них, и еще 5 с половиной фунтов. на хлеб, когда мастер Ричард де Холброк останавливался в Рокингеме, и на борзых аббата Лонда в течение девятнадцати дней, 19 дней, всего 8 6½ дней. для борзых.

В 1279 году были произведены расходы на замок, подробности которых сохранились.

1279-80 гг. Лоуренс де Престон, член семьи, владевшей поместьем Греттон, пожаловался на Роджера де Олланда, констебля, за “эстоверы”, или древесину для использования в доме, взятую из лесов аббата Питерборо в Коттингеме, у Уильяма де Латимера в Корби и из собственного леса Престона в Греттоне, “в защиту угнетения”, взяв больше, чем ему причиталось. Ральфу Бассету разрешили разбирать и возделывать тридцать восемь акров земли в Уэлдоне, в лесу.

1280-1, король предоставил Роберту Фиц-Роджеру из Уэнтона ту часть байлевики Булай в лесу, которая находится в руках короля, и пожизненное управление Фернесским лесом, сохранив за королем права на верт и оленину. 1281, 8с. 2. шерифу разрешено перевозить королевскую оленину из Рокингема в Вестминстер. 1282, Ричард де Холбрук получил кастосшип замка и сенешальство над лесом с королевской арендной платой за Фернесский лес. Уайтел и поместья Сахам, Овестон и Сильвестон на три года, а в 1285 году Холбрук снова становится констеблем и имеет 637,17 шилл. 8½ фунтов стерлингов. за деньги, потраченные им на ремонт замка в течение последних семи лет. Следовательно, вероятно, что Холбрук занимал свой пост до 1282 года. Поскольку он был, безусловно, самым активным человеком, занимавшим этот пост, и поскольку большая часть старой части замка принадлежит ему, здесь будет удобно процитировать из Разных списков за 9 и 10 Эдуарда I. перевод документа, которым Холбрук был назначен констеблем, который можно принять за общую форму и таким образом передать:

“В отношении Рокингемского замка и управления сенешальства лесов и дайверских поместий совершено.

“Король поручает Ричарду де Холброку охрану королевского замка Рокингем и канцелярии сенешальства королевских лесов, между мостами Оксон и Стаунфорд, за счет королевской арендной платы от Уайтла, а также королевских поместий Сахам, Овестон и Сильвестон со всеми их принадлежностями, начиная с праздника Святого Михаила в год правления короля, девятый, до конца следующих полных трех лет, если тем временем короля не побудят отказаться от них". распорядитесь об ином в отношении вышеупомянутого замка. Ежегодно выплачивая оттуда королю в королевскую казну из эмиссии вышеупомянутого замка и сенешальства 80 фунтов стерлингов. Из поместья Сахам - 56 фунтов, а из поместья Селвестон - 15 фунтов, то есть одна часть на праздник Святой Троицы, а другая часть на следующий за ней праздник Святого Мартина. Итак, однако, вышеупомянутый Ричард ничего не должен брать в вышеупомянутых лесах или в королевском парке Сильвестона, за исключением разумного возмещения (того, что необходимо) для строительства домов вышеупомянутого замка и для содержания тех и других домов, которые находятся в вышеупомянутых поместьях короля, и, если это будет необходимо, для их ремонта. И он может выращивать траву в вышеупомянутом парке, сохраняя там достаточное пастбище для королевских зверей. И если случится так, что тем временем король вернет этот замок в свои руки, он сохранит вышеупомянутого Ричарда без потерь. В качестве свидетеля и т. Д. Засвидетельствуйте короля в Вестминстере, 16 ноября” [1282].

1288-9 гг. Уолтеру де Лэнгтону было разрешено заложить свой лес Эшли и двенадцать прилегающих акров, все в лесу. 1289-90 гг. Холброку, все еще констеблю, было выделено 8,11 шилл. 11 дирхамов на расходы на похороны Уолтера де Леви, одного из свиты Джона де Брабанта, который умер в замке и был похоронен в Пайпвелле. Его внутренности, однако, были оставлены в Рокингеме, и на его похоронах был устроен пир. В 1290-13 годах Элиас де Хамуль сменил Холбрука, заплатив ту же арендную плату. В этом году на поведение короля Холброка было подано много жалоб. Уильям де Латимер, который держал *Corby and a wood* в

капитале за 10 шиллингов в год, жаловался, что Холбрук вырубил огромные дубы без числа, уничтожив его лес, забрав возы подлеска и веток, и на шесть лет нанял углежогов по 10 фунтов стерлингов в год каждому. Также, что он держал там около восьмидесяти свиней и ста коз в течение года в любое время года и вопреки уставу. Лоуренс Престон из Греттона подал аналогичную жалобу. Оба обвинили его в том, что он превратил государственные средства в свою частную собственность. Холброк отверг обвинения, и король пообещал провести расследование (“Plac. in Parl.”, i. 36).

1291-2, Томасу де Лодингтону разрешили выделить пять акров земли в Мейлсвуде в лесу. 1293-4, Элиаса де Хамула отправили в Германию, а Томаса де Хамула назначили в его комнате. 1295-6, констебль должен взять на себя заботу об Уильяме, сыне сэра Джона де Моравиа, Герберта де Мирхэма, Александра де Фиц-Глея и Грегори Фиц-Оуэна, заключенных в замке Данбар. На их пропитание разрешены деньги. В 1296-7 годах Уильям Бошан, граф Уорик, владеет замком и лесом во время увеселений, а в 1298-9 годах ему наследовал Адам де Уэллс.

В июле 1299 года Эдуард I. распределил приданое сестры Маргарет и дочери короля Франции Изабеллы при заключении брака между ним и его сыном, и в тех местах, о которых договорились, последнее встречается: “Гейтингтон, Эстон, Торпейл, Бриксток, Клайв, а также замок и деревня Рокингем с ее лесами и т. Д.”, И в таблице приведены следующие интересные сведения об их стоимости: —Гейтингтон, ферма вилль, 48 фунтов стерлингов; оф маркет, 6 марки, всего 52 фунта стерлингов. Эстон - 40 фунтов. Торпель - 100 фунтов. Бриксток, с парком и лесом, 104 фунта стерлингов. 13s. 4d. Клайв, с лесом, 110 фунтов стерлингов. 6s. 3d. С. и V. Рокингем, с лесом и с., 80 фунтов стерлингов, являющийся фермой замка и сенешальством между Оксоном и Стэмфорд Бриджес. (Мизансцена, 27 Эдуарда I.) Приданое королевы Элеоноры, назначенное после ее замужества, составляло 4500 фунтов стерлингов в год (“Cal. Rot. Chartarum”).

В 1301 году Джону, сыну и наследнику Ричарда де Холброка, было выделено 614,106 фунтов стерлингов на капитальный ремонт замка во времена его отца.

Записи времен правления Эдуарда II. также довольно многочисленны. В 1307-8 годах Болдуин де Мэннерс стал констеблем на тех же условиях, что и Уэллс, как и Алан ла Зуш в 1311-12 годах. В следующем году Роджер де Норвич получил виллу Рокингем и поместье Литтл-Уэлдон. В 1313 году Эймер де Валенс, граф Пембрук, стал кустосом на обычных условиях, а Ричард Эдвард получил литтл-Уэлдон. Сам де Валенс или через своего заместителя должен был обеспечить замок боеприпасами за счет средств своего заказчика.

1314-15 гг. настоятелю Пайпвелла было навсегда разрешено 5 акров 3 прута 10 насестов на высоте 20 футов из королевских отходов в лесу за арендную плату в 2 шилл. 11 д. 1315 г. Поскольку король был лордом поместья Рокингем, субботний рынок был утвержден. 1319-20 гг. Джон Гиффорд, клерк, получил грант в 85 акров 3 прута 9½ насестов в лесу в фи на южной стороне, в Тоттенхоу, для расчистки и застройки. Также у него есть “общее” для своих животных. 1323-4, помимо ряда замков, вилль Рокингем передан Хамфри де Уолдену и Ричарду де Икену, а в следующем году Икену и Ричарду де Винфартингу. 1324-5, Джон де Мостейн был констеблем. Эдуард III. известно, что он был в Рокингеме четыре раза, и здесь он проверил множество документов, многие из которых являются дипломатическими документами огромной важности и составлены с большой тщательностью. Королева Филиппа, вероятно, получила замок в наследство после своего замужества в 1327 году, поскольку в 1329 году Эдуард подарил ей 60 акров леса в помощь на ремонт замка, который тогда был руинами. Уильяму ла Зуху разрешили совершить “сальтаторий”, или прыжок

оленья, в своем поместье Харингворт в лесу, а в следующем году Саймону де Дрейтону разрешили владеть Элсдейлом, Нойсдейлом и Лаппе, площадью 60 акров, а также Вайнскроссом площадью 10 акров, последний за пределами леса. Дрейтон также был констеблем и сенешалом, ежегодно выплачивая 80 фунтов стерлингов. Он был родом из Дрейтона, ныне одного из наиболее хорошо сохранившихся и очаровательных старинных поместий в лесу, которое никогда не продавалось и не отчуждалось. Был издан приказ о расследовании притеснений, совершенных Робертом де Виром в бытность констеблем, и епископ Линкольнский получил разрешение добавить 60 акров к своему парку в Ладдингтоне, графство Ратленд, но в пределах леса, и обнести его каменной стеной. 1335-6 гг. мастер Уильям де Нассингтон был помилован и оштрафован на один балл за “нарушение порядка” и посягательство на 13 акров 3 прута в Калухи, занятых Джоном из Кинджсвуда, священником из Хэйкборна. 1336-7, Уолтер де Базли, королевский клерк, получил в дар от королевы два дуба в лесу и забрал четыре, за что находится в тюрьме. Джон де Вердон, констебль, должен освободить его под залог. Вердон занимал этот пост пожизненно по гранту королевы, выплачивая 80 фунтов стерлингов в год супруге короля при жизни, а после ее смерти - королю. В 1338-9 годах король принес дань уважения Хью, сыну и наследнику покойной Марджери де Невилл, за 6 акров пахотной земли, один из лугов и пастбищ, и арендную плату в размере 20 соток в Медборне, которую обеспечивала услуга вручения стрелы с зазубринами всякий раз, когда король приезжал в замок.

В 1339-40 годах должны были быть измерены лесные отходы, а два года спустя должны были быть проведены исследования в лесах Рокингема, Солси и Уичвуда. 1345-6, Томас Уэйк из Блисуорта получил лицензию на обработку 250 акров земли и пастбищ в лесу, за которые префект и братья, капеллан церкви Джона Гиффорда в Коттерстоке и их преемники должны ежегодно платить 1 доллар за акр. Они также платят штраф в размере 5 фунтов стерлингов. Эти земли “новые арендованные”. В 1347 году наместник Лондонского Тауэра должен отправить десять шотландских пленных Джону де Вердону, констеблю Рокингема, или его заместителю Томасу Стоуну. В 1348-9 годах Саймону Симеону разрешено огородить свой Графтонский лес небольшой канавой и низкой изгородью, а пять лет спустя он получил разрешение обнести его.

20 Эдуард III., 1346-7 гг., король, в помощь ремонту замка, “qui noviter dirutus est et prostratus”, предоставляет королеве 60 акров леса в своем парке Букелестроде в лесу в пожизненную аренду (Abb. Rot. Ориг.). Королева, однако, поступила не совсем по-своему, поскольку 1356-7 - это меморандум о том, что ее войска должны оставаться в лесу. В этом году настоятель Пайпвелла получил совет Геддингтона и должен вернуть королю его земли в Бенефилде.

1371-2, и снова в 1375-6 годах король подтверждает пожалование королевы Уолтеру де Райту травы, сухостоя, “копренео”, хвороста (cablicio), камышей (cirpos) и всех упавших веток в парке Бригсток, а также байлевикам из Геддингтона и Булея в Рокингемском лесу, также пожизненной древесины для парка pales for life по цене 10 фунтов стерлингов в год. 1371-2, Генри Малсо арендует на пять лет 42 фунта стерлингов в год за всю королевскую “арендную плату за Ассар” в лесу. 1375-1365 гг. Альмарик де Сент-Аман, рыцарь, получил замок и крепость по старой арендной плате в 80 фунтов стерлингов. 24 августа 1375 г. Брюггское перемирие между Англией и Францией было подтверждено Эдуардом, “Дон ностер шастель де Рокингем”.

В 1381 году сэр Джон де Клифтон заявил, что владеет поместьями Рокингем и Ваймандхэм благодаря службе дворецкого на коронациях, которая, как он жалуется, была узурпирована графом Арунделом.

Важность замка и исключительная ревность к посягательству на права лесничества теперь шли на убыль. Лесные массивы подвергались посягательствам как для создания частных парков, так и для возделывания, а замок был заброшен. Лесные конторы, однако, по-прежнему пользовались спросом и оставались таковыми в течение нескольких столетий. В 1387 году сэр Уильям де Торп пожизненно получил байлевики Брикстока, Геттингтона и Булея. В 1396 году Уильям Бранспат получил лордство Рокингем на двенадцать лет за 4,2 шиллинга 1 доллар. В то время он находился под властью герцогства Корнуолл.

Правление Генриха IV начинается для Рокингема с предоставления пожизненного права управлять парком Клайв, а в начале правления Генриха V. странствующие судьи назначаются для рассмотрения ходатайств в Рокингемском лесу.

1439-40 гг. Генрих VI предоставил магистру колледжа Фотерингей 20 акров пустыря в Шортвуде, недалеко от Саутвика, в Кингслифф-Бейлвике, на 3 4д., с разрешением на разборку. В 1440 году виноградник, упомянутый во времена правления Генриха I. сохранился и стоил 4 млн. фунтов стерлингов в год; а в 1442-3 годах сэр Роберт Росс, один из королевских резчиков по дереву (*trencheatorum*), много занимавшийся дипломатией, получил в наследство замок тейл Мале и лордство Рокингем, а также сенешальство над лесом от Стэмфорда до Оксендон-бриджес, должность управляющего приходом Бригсток, паннедж и др. в размере 75,16 шилл. 8 фунтов стерлингов в год, которым владел Генри, его сын. , в 1450 году. В 1445 году арендаторам Саутвик-мэнора разрешено пользоваться пастбищами в лесу. В 1450 году Ричард, герцог Йоркский, был пожизненно назначен судьей в Эйре, что в южных лесах, и в Рокингеме между мостами, и в королевских парках Клифф и Бригсток. Запись в "Inquisitiones ad quod damnum" показывает, что в период с 1448 по 1455 год "мужчины и арендаторы" города Нортгемптон занимали должность королевского эсхатора. В длинном списке доходов короны, приведенном в "Трудах парламента" от 28 июля 1450 г. Генриха VI, фермы, арендная плата, пастбища и прибыль от ассартов в Рокингемском лесу указаны в размере 26,3 шилл. фунтов стерлингов в год. В 1454 году Генрих поселился на королеве Маргарите со многими другими владениями: замком, светлостью, поместьем и лесом Рокингем с его имуществом, арендной платой и т. Д., виллом Бригсток и бейливиками Бригсток и Клифф и т. Д.

Эдуард IV. впервые появляется в лесу благодаря уступке в 1462-3 годах арендаторам его деревень Нассингтон и Ярвелл ежегодного налога, называемого Вудхоллмарком, взимаемого лесными служащими; он также предоставил им бесплатный выгул для своих животных в Севли и вообще в лесу.

В 1462-3 годах король предоставил Уильяму, лорду Гастингсу и Ральфу Гастингсу, Эсквайру, обширное разрешение быть констеблями замка и лесов Рокингема, а также судебными приставами Клива и Бригстока и т. Д. На всю жизнь; лорду Гастингсу также принадлежало поместье Сток д'Альбини. В 1467-8 годах Эдуард пожизненно передал поместье своей королеве Элизабет Уидвилл вместе с замком и лесом.

Один из старых лесных законов запрещал тем, у кого были собственные леса в пределах границы леса, огораживать их после вырубki древесины для защиты растущего леса более чем на три года. Король в парламенте 1482 года, 22 Эдуард IV., продлил этот срок до семи лет.

Генрих VII вскоре после своего восшествия на престол утвердил Джона, лорда Уэллса, в должности констебля и управляющего замком, светлостью и поместьем Рокингем, а также главного лесничего всех парков в лесу. Однако он, по-видимому, 4 марта 1498 года возложил все это на Елизавету, свою королеву на всю жизнь. В таблице, приложенной к королевской

декларации "pro hospitio Regis", 1485, 1 Генрих VII., доходы Клиффа, Бригстока, Геддингтона, Фореста, Корби и Греттона указаны в размере 208 фунтов стерлингов.

Эдуард VI в 1551-2 годах пожаловал поместье как часть герцогства Корнуолл Эдуарду, лорду Клинтону. 27 июня 1553 года происходит пожалование лорду Роберту Дадли и Уильяму Глейзуору многоквартирных домов в Рокингеме и в Эстоне, графство Лестер, бывшего участка земель покойного Уильяма лорда Парра и покойного Эдварда Уотсона. Это был сэр Эдвард Уотсон, который владел поместьем Рокингем, 28 Генрих VIII., и был отцом Генри Уотсона, ум. 16, 16 Генрих VIII. Вероятно, однако, это была субмарина, или мезне-мэнор, поскольку замок и поместье Рокингем находились во владении короны во времена правления Филиппа и Марии.

В 1570 году, 21 апреля, граф Нортгемптон сообщает Сесилу, что Совет потребовал от Эдварда Уотсона из Рокингема внести 100 марок в заем. Вероятно, это должно быть 1000, или 337,10 фунтов стерлингов, поскольку, добавляет он, по его мнению, от него следует требовать не более 50 фунтов стерлингов ("Государственные документы", Дом.).

В 1571 году сэр Уолтер Милдмей получил в дар участок лесных угодий, вероятно, недалеко от Апеторпа.

В 1592 году лорд-казначей Берли пожизненно управляет лесом, за исключением парков Большой и Малый Бригсток, как это было при покойном лорде-канцлере. Когда лорд Берли умер, в 1598 году должность хранителя была передана его сыну. С этого времени гранты bailliewicks, лесных прогулок, земель и лесных управлений стали очень многочисленными.

В 1601 году, 23 декабря, Елизавета безвозмездно передала лес в собственность поместья Хэмптон-Корт Эдуарду Уотсону и Уильяму Уайтоку за 96,1 шилл. 4д. фунтов стерлингов. Что означал этот грант, неясно: не весь лес, поскольку право его содержания было предоставлено лорду Берли, сэру Уильяму Сесилу и лорду Русу с правом выживания.

26 октября 1604 года оленей стало мало, и лорду Берли запретили убивать их в течение трех лет. В этом году инквизиция была направлена на лесные угодья, принадлежащие королевским арендаторам, причем интересами короны, очевидно, сильно пренебрегали.

В январе 1605 года было получено уведомление о том, что Джеймс намеревался посетить Рокингем, и заседали комиссары, вероятно, для проверки злоупотреблений, перед которыми 14 июня был вызван сэр Томас Трешем для его бесед о плохом управлении лесом при Эдуарде VI, Марии и Елизавете, вопросах, которые, как он надеялся, Джеймс исправит.

В 1609 году уполномоченные были готовы согласиться на предложения владельцев захваченных земель, за исключением, однако, Клиффа и, вероятно, некоторых других частей леса. Они также продавали лес, но поскольку из-за незаконной охоты количество дичи сократилось, было приказано в течение трех лет не предъявлять никаких претензий к оленям, кроме как в соответствии с инструкцией по вывеске. В то время сэр К. Хаттон был смотрителем прачечной в Бенифилде, в лесу.

29 октября 1609 года сэр Эдвард Уотсон написал лорду Солсбери, что королевские арендаторы в Котингеме и Миддлтоне желают приобрести эти земли, и он сам предлагает приобрести свой придворный участок и вид на франкпледж.

2 июня 1610 года Джон Браун выделил 170, 0 шилл. 4долл. фунтов стерлингов на ремонт домиков в Геддингтоне, Морхэе и Греттон-Вудсе.

В 1611 году, 19 сентября, сэр Льюис Уотсон из Рокингема получил разрешение на путешествие.

1615, 12 июня, генеральный прокурор возбудил против сэра Роберта Лейна уголовное дело за посягательство на лес.

В 1616 году сэр Эдвард Уотсон, чье изображение можно увидеть в церкви, вступил во владение поместьем Рокингем. В 1619 году, 20 июня, Джордж, маркиз Бекингемский получил в дар Рокингемский парк, который в том же году он передал сэру Льюису Уотсону; а в 1621 году, 23 марта, Бекингем, тогдашний лорд верховный адмирал, получил в дар 200 дубов с Уэсти-уок, которые должен был выбрать сам. В 1624 году, 14 мая, граф Эксетер, тогдашний лорд-смотритель леса, упоминает землю Мюри. как одна из главных прогулок. Вердюреры, по-видимому, были уважаемыми сельскими джентльменами по соседству; сэр Томас Трешем был одним из них. 20 июля Роберт Лейн, который был смещен из-за интересов Монтегю графом Эксетером, просит лорда Солсбери заменить его на посту хранителя Геддингтонского леса. В 1625 году, 23 марта, выдается ордер на ремонт главного домика в Корби Вудс, и разрешается использовать 16 фунтов стерлингов и 10 тонн древесины.

1628, 29 января, Джон лорд Мордонт получил должность лесничего Farming woods за 10 фунтов стерлингов в год со штрафом в 1150 фунтов стерлингов, а Эдвард лорд Монтегю - должность лесничего Geddington за 10 фунтов стерлингов со штрафом в 850 фунтов стерлингов. Вскоре после этого он купил древесину, и упоминается, что он получал доход от Рокингема Байлевика. Николас Пей и другие получили в дар от лордов Питерборо и Уэстморленда все древесные насаждения на аллеях Морхей, Уэсти и Фармеринг Вудс за 2000 фунтов стерлингов, а лорд Монтегю - на Геддингтон-уок за 1000 фунтов стерлингов. Он также получил грант на должность главного лесничего и хранителя Рокингемского байлевика на три жизни. Эти два лорда, по-видимому, были в фаворе у Карла I. и после смерти графа Эксетера в 1629 году управляли лесом в своих собственных интересах. В 1630-1630 годах Мэри, графиня Уэстморленд, добивается, чтобы ее сын вершил правосудие в Эйре в отношении леса, которым он передаст ей командование. В 1635 году сэр Кристофер Хаттон предъявил права на Греттон и Уэлдон Вудс в Лесном суде по гранту королевы Елизаветы, а сэр У. Трешем Геддингтон - по гранту Джеймса I. В этом году, 11 Карла I., был проведен "эйр" для Рокингем Форест. Некоторые арендаторы, по обычаю поместья, претендовали на "Люкс-Торнс" в дополнение к домам-ботам, хедж-ботам, воротам-ботам и общему пастбищу.

В 1637-1637 гг. 13 Карлом I. был издан приказ о новом перемещении, чтобы установить границы, которые были окончательно согласованы с границами 20 Якова I. и стали предметом Парламентского акта 17 Карла I. Вырубка глухих лесов была разрешена при разумном составе, только генеральный инспектор должен был выделить бейлевик Рокингема, Клиффа и Бригстока, который должен был быть сохранен для королевского спорта. Лорд-казначей Джуксон был президентом новой комиссии, которая заседала в Лондоне, в Лондон-Хаусе, в 1638 году. В то время Генри, граф Холланд, был судьей в Эйре, и, похоже, у него было много дел. Ричард Лейн был его заместителем. В 1638 году сэр К. Хаттон подал прошение об отпуске, чтобы срубить рощицу. Озеленители должны предоставить главному судье свидетельство о площади и о том, можно ли рубить лес без ущерба для дичи. Сертифицирующими являются сэр Льюис Уотсон и Чарльз Кокейн. Томас Дав, садовод, получил разрешение главного судьи на умеренную охоту на ястребов. Поступает много жалоб на браконьерство. В этом году Уильям, граф Солсбери, был освобожден от двух штрафов в размере 1400 и 6000 фунтов стерлингов, наложенных правосудием, вероятно, за

серьезные посягательства, а его парк в Бригстоке, который был открыт, подлежит повторной парковке. 1638-9, Джон Норвич из Брэмптона платит 400 фунтов стерлингов за посягательства, и Брэмптон лишен лесов.

В 1639 году начались беспорядки, и 29 июня поместье Рокингем было передано сэру Льюису Уотсону, который владел замком от имени короля. В 1643 году волна гражданской войны докатилась до Нортгемптоншира. 5 апреля замок был осажден и взят, и лорд Грей из Гроуби возглавил парламент. Он сильно укрепил его частоколом и укрыл в нем свои войска и некоторых недовольных священнослужителей. 7 мая в замке находился сильный гарнизон, который использовался для сохранения мира в округе. 19 мая сэр Льюис Уотсон был схвачен полковником Гастингсом и доставлен в Стоук-Альбини. Полковник действовал по всему лесу. 5 июня сэр Джон Норвич, парламентский губернатор замка, вступил в бой с королевской гвардией и разгромил ее. 9 июня 500 всадников появились перед замком, и отряд блокировал его, в то время как остальные поскакали в Уэлдон. Гарнизон, однако, был слишком силен и захватил в плен девять или десять высших офицеров короля, которые прибыли этим путем из Оксфорда. 29 декабря лорд Грей предложил уволить полковника Хорсмана, в то время отвечавшего за замок, но парламент поддержал его.

В 1645 году командовал Норвич, который захватил много пленных и разместил их в замке. Сэр Льюис, вероятно, отличился на поле боя, поскольку 1 июня ему было присвоено звание барона Рокингема из замка Рокингем. 7 Июня король выступил из Харборо в Давентри, а 14-го произошла битва при Нейсби, откуда в замок было отправлено много пленных.

В августе 1660 года, во время Реставрации, появляется лорд Рокингем и, обнаружив нехватку оленей, умоляет ограничить обычные ордера. В 1661 году, на коронации, Эдвард лорд Рокингем, будучи арендатором *в капитале* Литтл-Уэлдона, заявил, что является хранителем королевских собак. Это было передано королю. Поместье находилось в ведении службы содержания двадцати четырех гончих и шести харриеров. С Гражданской войной ценность замка как места силы упала, и он стал резиденцией семьи Уотсонов, какой и остался с тех пор.

Несколько лет назад покойный мистер Хартсхорн составил отчет о замке, который вместе с многочисленными замечаниями о его происхождении и связи с лесом был напечатан в первом томе "Трудов" Института. С тех пор преподобный Х. Дж. Бигдж, в течение многих лет настоятель Рокингема, уделял много внимания этому предмету и составил посвященные ему сборники, за использование которых автор настоящего сборника в большом долгу.

ОЛД-САРУМ, УИЛТШИР.

Уилтширский Эйвон, который разделяет это хорошо известное название со своей сестрой из Сомерсетшира и частично происходит из той же почвы, - тот "Восточный Эйвон", который

----хвалится и берет на себя

Быть единственным ребенком шейдфула Сэвернейка,—

это один из самых холодных и чистых ручьев на юге. Берет ли свой исток с возвышенности Девизес или с окраин Савернейка, она течет примерно в пятидесяти милях от моря в

Крайстчерче и на этом расстоянии сама или ее ближайшие притоки пересекают местность, очень богатую лесной красотой и изобилующую материальными следами древних обитателей этих земель и их жестокой борьбы в шестом веке с огненным потоком, который в конце концов смел их, но принес с собой те семена цивилизации, которые нигде не дали таких обильных плодов, как на берегах этого знаменитого ручья.

Большая часть верхнего течения Эйвона проходит через равнину Солсбери, где она рассекает это меловое плато долиной, полной неожиданных, но не лишенных изящества изгибов и укромных уголков, каждый из которых яркий и богат растительностью, и почти на каждом изгибе находится деревня с ее церковью, а последних насчитывается двадцать на такое же количество миль между впадением Эйвона в меловую зону у Бичинг-Стока и расширением его ущелья у Солсбери. Нижняя долина широкая и плоская, и воды свободно текут по множеству извилистых каналов. Низменности представляют собой богатые заливные луга, возвышенности, поросшие массивами дубов, вязов и буков, опушки прилегающего Нью-Фореста. Ничто не может быть более диким, более естественным и в то же время более обязанным труду и вкусу человека.

Что касается древностей, то каждая часть широкой меловой равнины усеяна следами человеческого жилья, военных действий или захоронений. Почти каждый мыс венчает лагерь, признанный британским по очертаниям, повторяющим неровности местности. На его северной границе можно увидеть Истон и Пьюси, Лидбери, Сидбери, Чизенбери, Кастерли, Бродбери и Брэттон; а на южной - Даррингтон, Эймсбери, Кворли, Огбери, Уинтерборн, Гроувли, Белбери и Олд-Сарум - лишь несколько, хотя и наиболее значительных оборонительных земляных укреплений. Ниже по долине и ближе к морю грунт несколько менее прочный, а земляные сооружения британской эпохи, возможно, менее многочисленны, но есть немало примеров большой площади и большой прочности, таких как Клирбери, Уичбери, Чизлбери, Тисбери, Винкелбери, и, еще южнее, Дадсбери, Бэдбери и Спеттисбери, которые остались лишь незначительно измененными. Стоунхендж, величайшее из британских сооружений древности и, вероятно, единственное в этом районе, не являющееся ни военным, ни погребальным сооружением, стоит на правом берегу Эйвона, всего в миле от его вод и всего в шести от крепости Олд-Сарум.

Римские руины в этом районе значительны и характерны для местных жителей. Они почти полностью состоят из дорог. Старый Сарум, хотя и несомненно британского происхождения, является центром нескольких больших дорог, которые расходились от него лучами к римским поселениям в Бате, Мальборо, Винчестере, Силчестере, Илчестере и Дорчестере, и на них и между ними находятся различные сооружения одного и того же народа, хотя их лагерь, редко защищаемые мощными земляными сооружениями и обычно располагающиеся на низкой и доступной местности, очень часто исчезали под лемехом плуга.

Англичане, бич позднейших бриттов, и их преемники по праву многих с трудом выигранных сражений на территории Уилтшира, несмотря на свою языческую свирепость, оставили следы, говорящие лишь о законе и порядке. Их драконьи зубы выросли не на вооруженных людях, как можно было бы ожидать, а на колышущихся кукурузных полях, огороженных пастбищах, границах приходов и тех различных подразделениях земли, само существование которых подразумевает мир и частную собственность. К этим более поздним захватчикам можно отнести такие земляные сооружения, как Даунтон, Девизес и Ладгершал, а также такие церковные фонды, как Уимборн и Крайстчерч. Нормандские останки в долине Эйвона и вокруг нее ничем в материальном отношении не отличаются от тех, что находятся в других частях Англии, будучи привиты, где это позволяли обстоятельства, к существующим

сооружениям. Таким образом, грандиозные земляные укрепления в Девизесе, в Мальборо, в Ладгершале, в Твинхеме, все, вероятно, английского происхождения, были увенчаны каменными башнями, как и центральный курган в Олд-Саруме, а на границах округа - очень любопытное сооружение в Уэйрхеме и естественный, но ранее заселенный холм в Корфе.

Старый Сарум - очень примечательное место; в некоторых отношениях самое примечательное в Британии. Выбранный в какой-то отдаленный период и укрепленный простыми приспособлениями, он является главной цитаделью района, очень богатого военными земляными сооружениями, и который когда-то был пристанищем жителей, чьи хижины и вигвамы, а также памятники их суеверий покрывали прилегающие холмы, и чьи надгробные памятники, восходящие к каменному веку, указывают по своему содержанию на древнее население, а по своей численности - на продолжительное время. Ранние и поздние бритты, кельтские или бельгийские племена, римляне и англичане, каждое из которых оставило здесь следы своего правления; кельты - частично в виде фрагментов древней номенклатуры, но главным образом в виде простых материальных произведений, действительно любопытных и величественных, но которые никоим образом не связаны с более поздними жителями страны; римляне - в виде тех чудесных общественных обычаев, многие из которых используются до сих пор; а англичане - в виде тех названий, границ и обычаев, которые связаны с нашей религией и нашей цивилизацией.

Тем не менее, курган Старого Сарума - это место, которым потомок бриттов, говорящих по-валлийски, имеет право гордиться. Все вокруг благоухает далекой древностью его расы. Нормандская крепость, город, кафедральный собор - все исчезло; сами их руины исчезли, и сведения об их устройстве были восстановлены только благодаря случайному без осадков лету. Даже следы проживания римлян и англичан на обширной территории неясны. В XIII веке были снесены резиденции духовной и гражданской власти, и военное господство просуществовало недолго. Политическая власть, действительно, по странной аномалии, просуществовала там до наших дней и спасена от забвения только благодаря своей случайной связи с именем Питта-старшего. Но и это тоже ушло в прошлое. Голые и изможденные берега и курганы, скелет прошлой жизни - вот и все, что осталось, и здесь, как и в Стоунхендже, память о британцах снова преобладает.

СТАРЫЙ САРУМ.

OLD SARUM.

N
Line of
S

To Salisbury

From Bath

To Winchester

Line of the Arching Ditch

S

SECTION NORTH & SOUTH, (dotted line on Plan.)

A Keep or Inner Ward.
B Outer Ward.
C Main Gate.
D West Gate.
E Cathedral and Cloisters.

1. Крепость или Внутренняя Палата.
2. Внешняя палата.

3. Главные ворота.
4. Западные ворота.
5. Кафедральный собор и монастыри.

Старый Сарум - грубо сделанное круглое и концентрическое земляное сооружение необычной высоты и площади, имеющее большую историческую известность, чем любой другой простой земляной вал в Британии, каким бы колоссальным он ни был. Более того, хотя Виндзор на самом деле такой же естественный меловой холм, как и Виндзор, его резкие очертания и явно искусственная отделка придают ему для обычного наблюдателя характер произведения рук человеческих и, таким образом, чрезвычайно усиливают восхищение, с которым на него обычно смотрят. Старый Сарум на самом деле представляет собой холм нижней и содержащей кремнь меловой серии, самая высокая и центральная часть которого была обособлена и превращена в крутую насыпь с плоской вершиной, вокруг которой вырыт внушительный ров, очень широкий и очень глубокий. За рвом находится широкая и сравнительно ровная кольцевая площадка, слегка отклоняющаяся от центра и, в свою очередь, опоясанная вторым и еще более внушительным рвом. Этот контркарп представляет собой крутой берег, за пределами которого находится естественный склон основания холма, образующий то, что, выражаясь военным языком, было бы гласисом этого места, и который с трех сторон спускается в обычные долины округа, но к западу продолжается вниз, пока не переходит в луга Стратфорда, ставшие яркими и густо поросшими лесом благодаря питательным водам Эйвона. Общая высота холма над рекой может составлять 300 футов и, возможно, 200 футов над другими долинами, а площадь укреплений превышает 27 акров, так что крепость обладает огромной силой и масштабом.

Начиная с внутренних помещений, центральная насыпь на вершине имеет около 500 футов в поперечнике. Склоны настолько крутые, насколько это возможно для щебнистой меловой почвы, и материал, снятый при откосе, по-видимому, был частично размещен на гребне откоса, чтобы приподнять край насыпи на искусственную насыпь, примерно на 20 футов над центральной платформой. Этот берег или парапет, ныне увенчанный колючим кустарником, находится примерно в 100 футах над дном рва и примерно на половине этой высоты над уровнем контрэскарпа. Ширина рва в самом широком месте составляет около 150 футов. Этот ров был внутренним рвом крепости и окружал ее цитадель, или внутренний двор, или собственно замок.

Кольцевое пространство за ним образовывало внешний двор, обхват которого составлял около 1500 ярдов, и внутри которого находились город и собор. Этот участок не совсем круглый, но протяженность от внутреннего до внешнего рва составляет в среднем около 370 футов. С северной стороны он разделен почти поровну насыпью, а с южной - насыпью и рвом, причем первый находится на восточной стороне. Они проходят в виде радиальных линий, но не достигают внутренней канавы, а поперечная канава не сообщается с внешней. На самом деле поперечный ров по своей ширине, глубине и неровности очень напоминает каменоломню и, весьма вероятно, был открыт для подачи материала для облицовки стен замка. Кроме них, есть еще один берег, обращенный к юго-востоку, так что вся местность разделена на три участка, два из которых лежат в восточной половине. Конечно, целью этих банков было закрыться в церкви и предотвратить захват всего внешнего прихода в результате *государственного переворота*. Все они, очевидно, являются дополнениями к циклическим работам и, вероятно, относятся к нормандскому периоду. За этими исключениями поверхность этого участка почти ровная, но по его внешнему краю проходит невысокий откос, а местами, в задней части, небольшая канава, без сомнения, образовавшаяся при сносе стены.

За пределами этого участка находится внешний ров глубиной около 106 футов от гребня и шириной около 150 футов. Насыпь, образующая внешний край этого рва, очевидно, образовалась из его содержимого. Он находится примерно в 40 футах над дном рва и примерно в 15 футах над уровнем моря снаружи, и он очень крутой. Это образует внешнюю линию обороны, и в современной войне это считалось бы слабостью, поскольку обеспечивало прикрытие нападающим. Таким образом, крепость состоит из внутреннего, или замкового, и внешнего, или городского, кварталов, каждый из которых защищен насыпью и рвом, а третий - за внешним рвом и на краю него. Внешний ров и насыпь приписываются Альфреду. Диаметр всего этого места составляет в среднем 1700 футов. Эти укрепления намного прочнее, чем в соседних лагерях; например, Барнбери и Эймсбери бэнкс составляют примерно половину их численности. Земляное сооружение, наиболее достойное сравнения со Старым Сарумом, находится в Бадбери, в Дорсете.

Есть два входа во внешнюю палату из ESE и W.N.W., почти напротив. Они образуются путем прямого поперечного прореза через внешний берег и засыпки канавы таким образом, чтобы проложить проезжую часть, которая входит во внешний участок вырубкой, в виде полого хода. У восточного или главного входа этот путь неглубокий и быстро обрывается, но у западного, называемого Задним входом, хотя и узкий, проезжая часть гораздо глубже и уходит далеко вглубь прихода. В каждом случае дорога разветвляется на внешнем берегу, и в углу находится земляной барбакан, своего рода кавалер, господствующий как над обоими ответвлениями дороги, так и над их сочетанием. Восточная работа почти прямоугольная, резко очерченная и имеет отдельный ров по направлению к полю. Вероятно, в своем нынешнем виде она нормандская. Первоначальные входы, по-видимому, были здесь, но нынешнее устройство, очевидно, более позднее и, возможно, полностью нормандское.

Во внутреннем отделении есть только один, восточный вход, противоположный входу во внешнее отделение. Это также образовано выемкой в откосе, канава засыпается, чтобы проложить пешеходную дорожку. Это место, должно быть, всегда было очень крутым. Очевидно, это всегда был вход, так как берег в других местах был необрезанным. Фрагменты каменной кладки показывают, что в его нынешнем виде дамбу заменил мост, который когда-то был входом в нормандский замок.

Помимо этих земляных работ, здесь есть определенные остатки каменной кладки, очевидно, части очень обширных и основательных сооружений нормандского периода.

У входа во внутренний двор, на откосе, находятся две груды мелово-кремневых обломков, с редкими блоками или глыбами сарсенского камня, очевидно, сердцевина сторожки и прилегающий к ней занавес, когда-то облицованный тесаным деревом. Окружавшая насыпь стена, по-видимому, охватывала ее со всех сторон, а нынешний берег образовывал за ней скат. На ограде, с северной стороны, видны линии фундамента, очевидно, основных зданий, а напротив - заметное углубление в почве, без сомнения отмечающее место колодца, который, должно быть, был глубоким и, возможно, большим. Засыпка канавы у входа явно выполнена современно. Этот центральный курган может быть оригинальным, но гораздо более вероятно, что британская постройка напоминала Бэдбери, в котором нет центральной цитадели, и что эта последняя была пристроена, а ров выкопан в восьмом или девятом веке, чтобы сделать укрепленную резиденцию английского лорда. Это, однако, всегда должно быть простым предположением. Кем бы ни была сделана насыпь, норманны нашли ее здесь и соорудили на ней оболочку, защитой которой служил ров, а внутренним берегом - скат. Если всю территорию рассматривать как замок, то это была цитадель, но если, что более вероятно, внешняя территория представляла город, то внутренняя часть была бы замком, который в этом случае должен считаться не имеющим крепости. Это вопрос только имен.

Другой кусок каменной кладки находится на линии стены городского округа, на северо-востоке. Это часть внешней стены города, толщиной около 10 футов, высотой 12 футов и длиной 25 футов. В нем проделаны два отверстия высотой 18 дюймов и шириной 12 дюймов, расположенные примерно в 6 футах друг от друга и в 8 футах от земли. Кажется, они несли две балки, с какой целью, бесполезно гадать. Фрагмент сложен из мелово-кремневого щебня с редкими цепочками грубо обработанного сарсенского камня. Внутренняя сторона стены сохраняет свою первоначальную облицовку из обработанного сарсенского тесана. Хотя размещенный, как и в самом деле, с таким грузом, он был предусмотрительным, на расстоянии 3 или 4 футов от края рва, он, очевидно, был частью общей *ограждающей* стены, описываемой как 12 футов толщиной и укрепленной двенадцатью башнями. Это сооружение не могло быть меньше 20 футов в высоту и около 1566 ярдов в длину - потрясающая работа, даже без учета радиальных стен, отделяющих город от собора. К сожалению, все эти стены были снесены до уровня почвы и в большинстве мест несколько ниже ее, поскольку материалы были необходимы для строительства нового города.

Помимо этих работ, в 1795 году был обнаружен любопытный подземный ход, который вел из северо-западной четверти внешнего квартала наружу, к восточному рву. Он был вырезан мелом шириной 7 футов и высотой от 7 до 10 футов, на нем были следы инструмента. У входа были колонны и дверные косяки, очевидно, нормандские; а крыша была круглой, вероятно искусственной, поскольку описывается, что она находилась всего на глубине около 2 футов под поверхностью. Там были ступени, вырубленные в мелу и почти не истертые. По ним прошли 114 футов и обнаружили, что они завалены мусором. Он был закрыт фермером, на чью землю вторглись, и, вероятно, до сих пор нетронут. Несомненно, это был частный потайной ход, выходивший на гласис или во ров, подобный тем, что существуют в Виндзоре и в других крепостях на мелу, и более сложного характера в Дувре и Арке. Все они, вероятно, нормандского происхождения.

Что касается внешних оборонительных сооружений, которые приписываются Альфреду, то можно заметить, что они имеют особенность в виде высокого откоса за пределами рва, что очень необычно в кельтских лагерях. Вероятно, все, что сделал Альфред, - это углубил этот ров и насыпал внешний берег; и, вероятно, также все рвы были снова насыпаны и углублены, когда была построена нормандская городская стена.

Во время продолжительной засухи 1834 года здесь было сделано очень интересное открытие. Внешняя стена в то время была покрыта дерном, и на ней коричневыми контурами был нанесен план старого собора. Он был расположен в северо-западном квартале между потайным ходом и западными воротами. План представлял собой простой крест, 270 футов в длину и 150 футов в ширину, с плоским восточным концом; а здание капитула было образовано дополнительным проемом в северном конце северного трансепта. К нефу, хорам и трансептам вели двойные проходы. При извлечении грунта были видны фундаменты, а в них углубление, вероятно, могила епископа Осмунда, основателя. На северной стороне хора находился квадрат в 140 футов, на месте монастырей. Здесь также были обнаружены захоронения духовенства и мирян.

Несомненно, что большая часть этих земляных сооружений доримского происхождения и что *Sorbiodunum* — это латинизированная форма британского названия - “*dun*” или “*dunum*”, обозначающая возвышенность; фигура, которая, как и Бэдбери, была названа правильным кругом, едва ли заслуживает этого названия, правильность, какая бы она ни была, очевидно, обусловлена естественными очертаниями холма; также берега и рвы ни в одном из сооружений не были проложены в соответствии с какими-либо правилами кастрации. Район переполнен произведениями искусства, многие из которых, безусловно, доримские, а

некоторые из близлежащих мест, такие как Уилтон, Даррингтон, Вербуд, Эймсбери и Эйвон, сохраняют британский элемент в своих названиях. Большинство из них построены на холмах неправильной формы, которые сами по себе очень неправильной формы, так что по сравнению с ними Олд-Сарум и Бэдбери кажутся правильными кругами. Дело в том, что все повторяют контур земли.

То, что крепость на этом месте удерживалась римлянами и является Сорбиодуном Антонина, действительно весьма вероятно. Он был описан как центр шести римских дорог, расходящихся лучами в сторону Дорчестера, Илчестера, Силчестера, Винчестера, Кунетио Мальборо и Акве Солис, или Бата. Из них два из Винчестера и Силчестера были прослежены до восточных ворот крепости; и, возможно, то же самое можно сказать и о Кунетио. Доктор Гест, однако, указывает только четыре дороги — на Винчестер, в Силчестер, западную дорогу к Северну, пересекающую лес Грейт-Ридж, и ту, что называется Ахлинг-Дитч, которая ведет прямо к Бэдбери-рингс близ Уимборна. Даже этот ограниченный вид показывает, что Сорбиодун был важной римской станцией, и в его окрестностях нет недостатка в земляных сооружениях прямоугольного плана, таких как Роллстоун и Бери-Хилл, хотя, находясь на низине и будучи незначительными, они не все показаны в Артиллерийской съемке 1817 года так, как они были бы на карте наших дней. Римляне больше полагались на дисциплину и частоколы, чем на тяжелые земляные работы: поэтому их следы лишь незначительны, их часто не замечают, и они исчезают под воздействием плуга. Однако очень любопытно, что, несмотря на все эти признаки римского владычества, сохранилось так мало остатков римского жилья. Внутри крепости вообще ничего не было найдено, и очень мало - в ее окрестностях.

Что белги делали с сорбиодуном в течение полутора веков своей оккупации, неизвестно. Этот период истории нашего острова малоизвестен, и все же мистер Фергюссон относит к нему соседний памятник Стоунхендж; произведение, по крайней мере в его нынешнем виде, народа, привыкшего использовать металлические инструменты и имеющего некоторое представление о строительстве и архитектурном эффекте.

Сорбиодун, записанный как Сеоресбириг, или Сирбириг, что, как довольно удачно предположил сэр Р. Хоар, может означать "сухой" или "безводный город", сыграл определенную роль в борьбе бельгийцев и саксов. В 552 году Кинрик, король Уэссекса, немалый лидер "рода асперов саксо", покорила здесь бриттов и, вероятно, утвердился на их территории. В 688-725 годах нашей эры он передал определенные земли церкви Святого Иакова в Солсбери, а его королева Этельбурха - церкви Святой Марии. Согласно заявлению в "Древнем Уилтсе", Альфред приказал Леофрику, графу Уилтсу, пристроить к крепости ров, который будет защищен частоколом, в котором все, кто жил в замке, и те, кто снаружи, должны были оказывать помощь. В 960 году Эдгар собрал здесь Совет, чтобы разработать средства сдерживания датчан: вполне оправданный шаг, поскольку в 1003 году Свейн, после сожжения и разграбления Уилтона, совершил аналогичные опустошения в Сеоресбириге по пути оттуда к своим кораблям. Наконец, это место, похоже, стало королевским владением Исповедника, о чем есть запись в "Страшном суде". Сэр Р. Хоар также цитирует монету этого короля, утверждая, что она была отчеканена Годредом в Саруме.

Нормандская история Старого Сарума - это захват старой крепости и основание раннего города. Захватчики старались как можно меньше нарушать существующий порядок проживания и границы; они заняли места, где располагалась английская собственность, и оттуда управляли старыми поместьями. Изменились только оборонительные сооружения. На смену плетеным стенам или грубой каменной кладке и частоколам из бревен пришли работы по основательной каменной кладке и все новоизобретенные приспособления нормандской

крепости. Во времена Судного дня Завоеватель получал здесь некоторую арендную плату; но поместье, большое, принадлежало епископу, очень важной персоне. К пяти епархиям, созданным в Западносаксонском королевстве в 905-9 годах н.э., вскоре после этого была добавлена шестая, епархия Уилтона или Уилтшира, епископская резиденция которой находилась в Рамсбери. После безуспешной попытки в 1055 году перенести это место в Малмсбери, епископ Герман Лотарингский в 1075-8 годах с согласия короля объединил Рамсбери с Шерборном и перенес резиденцию в Сарум. Здесь, во внешнем приходе, Герман в 1078 году заложил фундамент собора, который был завершен или почти завершен его преемником Осмундом де Сизом, графом Дорсетом и лордом-канцлером, который, будучи богатым бароном Англии и Нормандии, щедро одарил его хартией в 1091 году, за год до его освящения. Часть земли описана как “до порта кастелли серибериенсис террам с утра по пятницу в орторуме доморума, каноническая необходимость”. Упомянутые ворота ведут во внутренний двор, в то время как дома каноников находились с внешней стороны. Таким образом, через двадцать пять лет после Завоевания здесь стоял замок; но было ли это нормандское сооружение или то, что оставили англичане, неизвестно, вероятно, что-то из того и другого. Здесь же епископ Осмунд устроил знаменитый ординарий для “использования” Сарума. Говорят, что Роджер, его преемник, судья Англии и казначей, обнес внешнюю ограду стеной между 1102 и 1139 годами.

Одновременно с кафедральным собором и, вероятно, епископом был построен нормандский замок. Уильям лично побывал здесь в 1086 году и в Ламмастиде встретился со своим Витаном в знаменитом гемоте, который был в ярких выражениях описан великим мастером топографической истории. Здесь, на обширной открытой равнине вокруг крепости, собралось войско численностью в 60 000 человек, состоящее из “всех землевладельцев, имевших значение во всей Англии, кем бы они ни были, и все они подчинились ему, и были его людьми, и поклялись ему в верности, что будут верны ему вопреки всем другим людям”; клятва, с помощью которой великий король сломил промежуточную власть знати и с той проницательностью, которая была присуща ему интуитивно, избежал скалы, на которой двум великим монархиям Континента было суждено сойтись. кораблекрушение.

Мы можем предположить, что во время этой встречи Уильям находился на центральном кургане, где, без сомнения, стены внутреннего замка росли с такой же скоростью, как и стены внешнего собора. Но был ли он укрыт в неизменной английской резиденции или в растущей нормандской крепости, был ли хозяином Эдвард де Сарисбери, шериф Уилтса и великий человек в этом графстве, а также предок графов Солсбери, или епископ Осмунд исполнял обязанности кастеляна, здесь Уильям присутствовал, и здесь он совершил свое первое и самое важное дело лицом к лицу со своими новыми подданными.

Уильям Руфус был здесь в 1096 году, чтобы встретиться со своим Советом и принять решение о знаменитом пари о битве, в ходе которой Уильям, граф Ю, был убит и замучен до смерти. Генрих I. был здесь в 1106 и 1116 годах, когда его дворяне поклялись признать принца Уильяма своим преемником. В сводке этого правления, 1130-111 гг., записано обвинение в 20-ти годах. “in ostio faciendo ad cellarium turris Sarum”, так что это место находилось тогда в руках короля.

Епископ Роджер, занимавший престол с 1102 по 1139 год и увенчавший могучий курган Девизес и могучий холм Шерборн своими знаменитыми работами в области каменной кладки, вполне вероятно, завершил внутреннюю оболочку вверху, а также городскую стену внизу. Далее говорят, что он обнес стеной городской округ и внеплановый район за пределами города, заняв им более 72 акров. Сначала он поддержал Стефана, но вынужден был сдать замок, который брали и отвоевывали, и в конце концов сильно пострадал. Мод

создала Патрика, сына Эдварда де Сарисбери, графа Солсбери, и, вероятно, передала ему управление замком. Он умер в 1167 году. В 1154 году, когда замком владел Генрих II, он лежал в руинах. Генрих в первые годы своего правления санкционировал оплату (как указано в свитке) констеблю, привратникам и сторожам замка, а также за здания тюрьмы; а в 23 году Генрих II потратил 61 фунт стерлингов на ремонт там. В 1164-5 годах, когда был составлен Liber Niger казначейства, епископ был лордом поместья, и под его началом находились тридцать три рыцаря при старом статусе и трое при новом. Граф Патрик получил два рыцарских звания и третье - за то, что охранял замок.

Пока епископы владели замком самостоятельно или ради короны, положение собора было достаточно безопасным, но когда их место заняли миряне-кастеляны, которые были людьми достаточно могущественными, чтобы плохо обращаться со своими соседями, духовенство начало страдать и максимально использовать естественные недостатки столь высокого и незащищенного положения. Они страдали “от наглости воинствующих и от нехватки воды”. Петр из Блуа, сам каноник, говорит: “Есть дефект воды”. Дул сильный ветер, воды было много, и солдаты удерживали ворота даже городской стражи и зашли так далеко, что угрожали зданиям с их крепостных валов наверху и даже не пускали священнослужителей, когда те возвращались процессией по домам. Церковь называлась “castro comitis vicina”, и соседство было неприятным.

При епископе Герберте ле Поере, который унаследовал престол в 1194 году, эти споры достигли своего апогея, и он решил перенести собор на участок земли недалеко от слияния рек Вайли и Змеевика с Эйвоном, примерно в миле отсюда. Мерфилд, болотистая местность, но с отличным фундаментом, была пожалована Ричардом I. под строительство новой церкви. Епископ Герберт умер в 1219 году, но его преемник и родной брат (немец), Ричард ле Пер, получил наследство от Гонория III. булла, необходимая для перевода, в которой излагаются причины для этого. Это опасное положение домов духовенства в замке; незащищенность, временами ветер был настолько сильным, что духовенство не могло слышать голоса друг друга в хоре, и это вызывало постоянную необходимость ремонта; и, наконец, нехватка воды, которую приходилось добывать только за большие деньги и с разрешения кастеляна. Это последнее возражение, возможно, было преувеличено, поскольку, помимо колодца в замке, по словам Лиланда, было еще четыре колодца во внешнем дворе, и в настоящее время в садах, не намного ниже уровня собора, есть два не очень глубоких колодца. Однако, без сомнения, требовалось удаление:

Quid domini domus in castro, nisi fœderis arca

В храме Баалим? Carcer uterque locus.

Est ibi defectus aquæ, sed copia cretæ,

Sævit ibi ventus, sed philomela silet.

В начале 1219 года был основан новый собор. Его строили сорок лет, и он был освящен в 1258 году.

Rex largitur opes, fere præsul opem, lapidæ

Dant operam; tribus hic est opus, at stet opus.

И, наконец, Генрих III. в 1227 году подтвердил “перевод кастро ностро Саэрисберийского на низшее место” и объявил город “правителем новой Сарисбрии, sit libera civitas”. Таким образом, город следовал за собором по пятам. Налоговые отчеты времен правления Ричарда

и Иоанна показывают, что он был лишь умеренно густонаселенным, но, вероятно, потребовалось некоторое время, чтобы убрать его, поскольку это было 44 Генриха III., 1260, прежде чем новый город был пожалован королем епископу "in capite", как часть временных владений престола, граждане которого были людьми епископа.

От этого изменения в значительной степени выиграли все стороны. Новая церковь была построена в одно время и в очень чистом стиле и с тех пор считается гордостью Западных графств. Горожане сменили засушливое и бурное место на защищенное и плодородное, орошаемое слиянием трех ручьев и затененное лесными деревьями необычайного величия. У хозяев замка больше не было повода для их вечных споров с духовенством и бюргерами, и песнопения и процессии не мешали им нести вахту. Обстоятельства, однако, сделали замок как военный пост менее важным, чем раньше, и, хотя могущественные графы, носившие его титул, были даже более знатными, чем их предшественники, их отличие было лишь в малой степени связано с их замком, который постепенно пришел в упадок. Монтакуты, действительно, продолжали владеть им, но Невиллы сосредоточили свою власть в Мидленде и Северных графствах, и Уорик, Рэби и Миддлхэм были для них тем же, чем Сарум был для их предшественников по титулу. Наконец, когда оружие уступило место мантии и великий министр великой королевы при ее преемнике выбрал Солсбери для своего почетного титула, он больше заботился о процветающем городе или о величии, придаваемом этому названию, чем о разрушенной крепости, владельцем которой он даже не был.

Учитывая важность замка и могущество тех, кто носил его имя, удивительно, что о его истории известно так мало. Мистер Николс в превосходной статье, напечатанной в сборнике Археологического института Солсбери в 1851 году, рассказывает об истории графства и показывает, что, начиная с шерифа Завоевателя, который, должно быть, взял свое имя от этого места, был второй Эдвард де Солсбери, преемником которого был Уолтер, барон при короле Стефане, отец Патрика, первого графа, чей сын Уильям был наследником графства Солсбери. второй граф был отцом знаменитой графини Элы. Все эти лорды, похоже, держали замок под властью короны, сами назначая кастелянов.

Эла, наследница Уильяма Солсберийского, второго графа, заложила пятый камень нового собора. Она вышла замуж за Уильяма с Длинным Мечом, сына Генриха II., который стал графом по ее праву и владел замком. Он часто бывал за границей, и там проживал кастелян, его заместитель. Этим офицером во времена короля Иоанна был Роберт де Випон, и здесь содержались ирландские пленники. В 1208 году шериф Уилтса должен был отремонтировать мост, ров и дома в замке. В 1266 году король обращался к графу как к своему брату по вопросам, касающимся замка; и в правление Ричарда и Джона время от времени производились выплаты на ремонт и содержание находившихся там солдат. Упоминаются королевские дома в замке, а хранящееся там вино выдается Глостеру и Бристолу, сокровища оттуда отправлялись в Саутгемптон, а посуда - в Вестминстер для коронации. У короля Джона там был балистарий на жалованье в 9 утра. в день Випонту поставляли 100 свиней, а в 3 году Иоанна граф выделил тридцать марок на управление графством, городом и охрану замка; а Уолтер, сын Альбреды, выделил 76 шиллингов 8 пенсов на содержание тюрьмы. Граф (Уильям) в то время был шерифом, и ему разрешили потратить 29,6,8 фунтов стерлингов по приказу короля на работу в замке.

Граф Уильям умер в замке в 1226 году, когда опека над ним перешла к Эле, его вдове. Ее сын и внук, похоже, претендовали на графский титул, но так и не получили его, хотя, когда последний умер в 1256 году, его дочь Маргарет, вышедшая замуж за Генри де Лейси, графа Линкольна, была известна как графиня Солсбери, вероятно, после смерти графини Элы в 1261 году. В 39 году Генриха III, 1254 год, инквизиция заявляет, что замковая стража замка не

владеет никакими феодальными владениями; а в 52 году Генриха III мост внутри замка ремонтировался, и он, а также ворота были отремонтированы аббатисой Шафтсбери. В 3-м Эдуарде I замок и поместье принадлежали Короне, а два года спустя упоминается мельница рядом с замком, без сомнения, та же самая, что упоминается в Domesday, и до сих пор остается в Стратфорде.

В 5 Эдуарда III 1332 года король разрешил епископу, декану и капитулу Сарума снести стены собора и канонических домов в его замке Старый Сарум и использовать их для ремонта церкви и закрытия Нового Сарума. Без сомнения, в соответствии с этой лицензией весь материал был удален до уровня земли или даже ниже нее, и, вероятно, лицензия распространялась и на внешнюю стену. В то же время епископу и прочим было разрешено перестроить определенную часовню в части старого собора и использовать ее.

В 1337 году зять Эдуарда, Уильям Монтакут, был назначен графом Солсбери, а 15 Эдуарда III., 1341-2 гг., было проведено расследование относительно того, были ли графы схвачены во владениях, как в случае с замком и виллом Олд-Сарум, и как они их потеряли. Вероятно, это было связано с иском, поданным епископом Вайвилем против графа на основании судебного приказа о его праве собственности на замок. In this Inquisition we find the seizure of the castle, &c., by King Henry III. from Earl William, the son of the Countess Ela, thus described: “Et Juratores dicunt quod tempore ipsius Willielmi junioris, propter diversas discensiones motas inter Henricum Regem Anglie tercium proavum domini Regis nunc et predictum Willielmum juniorem, maxime pro eo quod idem Willielmus contra defensionem dicti Regis Henrici exivit regnum Anglie licencia Domini Regis non optenta, Dominus Rex Henricus seisure fecit in manum suam dicta castra villam et officium et ea in manum suam retinuit.” Сначала этот вопрос должен был решаться путем сражения, и каждая сторона называла чемпиона; но в конце концов все было решено путем компромисса: епископ заплатил 2500 марок, а граф навсегда покинул замок и отправился на престол. Это, вероятно, разорвало связь между графами и графским титулом в феодальном смысле.

Когда был демонтирован сам замок, неизвестно. Виды, которые иногда демонстрируются на нем, похоже, взяты с изображения Шерборна на меди епископа Вайвила в соборе. Во времена Лиланда руины были значительными; здесь находилась часовня богородицы, часть старого собора, приходская церковь Святого Креста и остатки часовни над восточными воротами. Также в восточном пригороде, за воротами, стояла часовня, остатки приходской церкви Святого Иоанна, а вокруг было разбросано достаточное количество колодцев с пресной водой, чтобы поставить под сомнение обоснованность части предполагаемых претензий духовенства. Вероятно, по мере расширения нового города ценность старого материала росла, и разрушение шло с ускоренной скоростью. Представляется вероятным, что с очень небольшим трудом можно было бы расчистить фундамент внутреннего ограждения и открыть колодец. Также вызывает большое сожаление тот факт, что внешнее ограждение оказалось под плугом. Потери при укладке его на дерн были бы незначительными, и еще не поздно сохранить оставшиеся неровности поверхности.

ЗАМОК СКАРБОРО.

На северо-восточном побережье Англии, где утесы Йоркшира вздымают смелый, хотя и изломанный фронт в сторону Германского океана, на полпути между Тисом и Хамбером, или, точнее, между Уитби и Фламборо-Хед, находится высокий, изрезанный и почти

изолированный скалистый мыс, который с незапамятных для истории времен носил соответствующее название Скарборо. Скаур, или скалистый утес, высокая вершина которого образует естественную крепость, отвесно возвышается примерно на 300 футов от морского пляжа и имеет на своей северной стороне небольшую бухту, противоположный рог которой образует Скальби-несс, а к югу - более глубокую и просторную бухту, на берегу которой, под защитой скаура, расположился древний портовый город Скарборо.

Ни в один период, когда жизнь и здоровье ценились и подвергались опасности, нельзя было упускать из виду преимущества Скарборо как места обитания или убежища. То, что искусство осуществило во Фламборо, Природа более смелой рукой предоставила здесь. Бухта давала возможности для рыбной ловли или занятий, связанных с морем, а наполовину изолированный утес обеспечивал безопасность от нападения с любой стороны. И все же нет никаких свидетельств того, что Скарборо регулярно населяли либо первоначальные бриганты, либо их римские захватчики. Соседние поля покрыты шрамами от ранних сражений, но они слишком холодные и бесплодные, чтобы содержать сколько-нибудь значительную популяцию, или вообще какую-либо популяцию, за исключением нескольких пастухов. Долина Дервента, ныне богатая и плодородная, во времена Римской Империи представляла собой цепь непроходимых болот и трясин, окруженных густыми и столь же непроходимыми лесами. Ни в Холдернессе, ни на юге Кливленда нет большого количества римских руин, и, по-видимому, не было никаких регулярных поселений этого народа между Дельговицией и Дервенцио (Миллингтон, Стэмфорд Бридж или Нью-Малтон) и восточным побережьем.

Тракт между реками Хамбер и Уитби-Эск был захвачен в VI веке племенем англов, которые из захватчиков превратились в поселенцев и, как это было свойственно тевтонским племенам, в конце концов объединились в королевство, ядро хорошо известной Дейры. То, что они населяли побережья Холдернесса и Кливленда, края и долины Вулдса, Пикеринга и прилегающую к ним равнину Йорк, является делом истории и подтверждается названиями их поселений и существующими особенностями речи людей, их потомков, а также очень заметным городищем Скипси, которое пережило все последующие пристройки; но скала Скарборо, хотя и является таким же мощным и почти таким же величественным природным объектом, как Бамборо, не зарегистрирована как дейранская крепость, а тем более как королевская резиденция, и на ней нет никаких надписей., на самом деле он не нуждался ни в одном из тех замечательных и четко очерченных земляных укреплений, которые указывают на более поздние жилища саксов. Его первое появление в истории, хотя и позднее, заслуживает похвалы. Когда в начале 1066 года Гарольд Хардрада и его союзник-предатель Тостиг опустошили и разграбили графство Моркере, жители Скарборо встретили захватчиков с оружием в руках и оказали храброе, хотя и бесплодное сопротивление.

Скарборо не назван в "Судном дне", хотя в нем записан сок из Уолсгриффа, или Фальсгрейв, частью которого он, по-видимому, являлся, и который затем принадлежал Уильяму де Перси, лорду восьмидесяти шести йоркширских лордств, и предку той Агнес, чьи потомки из Лувена взяли ее фамилию. Перси, однако, недолго удерживал это поместье, поскольку Эдо Шампанский, родственник и племянник завоевателя по браку, после ухода Дрого ле Бревера, предполагаемого основателя нормандских работ в замке Скипси, получил от Уильяма землю Холдернесс, а вместе с ней, вероятно, и прилегающее поместье Фальсгрейв. Их сын Стефан, помимо своего отцовского наследия Холдернесс, по материнской линии владел нормандской территорией Омарле, или Альбемарле, откуда его мать Аделиза носила титул "Комитисса де Альбамарла", а Стефан, умерший в 1127 году, носил тот же титул.

Его сын Уильям, второй граф, лорд Холдернесс и основатель аббатства Мо, принимал очень активное участие в английских делах и был в свое время самым могущественным бароном на севере. Он командовал в битве при Штандарте в 1138 году и получил от короля Стефана то, что Дагдейл называет графством Йоркшир. Он умер в 1179 году, будучи щедрым благотворителем многих йоркширских религиозных домов и, согласно Уильяму Ньюбургскому, который писал примерно в 1190 году, строителем замка Скарборо. Если это так, то это должно было произойти, когда Вильгельм вступил на престол графства, то есть вскоре после 1127 года, поскольку после восшествия на престол Генриха II в 1154 году Скарборо был одним из замков, выбранных для сноса, и, несмотря на сопротивление графа, сам Генрих после жестокой борьбы завладел им и, осознав ценность его положения, вместо того, чтобы разрушить, присоединил его к короне. Принимая все это во внимание и принимая во внимание материальные свидетельства, представленные остатками крепости и более старыми частями занавеса, наиболее вероятным выводом является то, что крепость графа Уильяма носила временный характер, а крепость (*arx magna et præclara*) и более старые части существующей каменной кладки являются работой короля Генриха более позднего периода.

В рулоне 4-го Генриха II. шерифу Йоркшира разрешено потратить 4 фунта стерлингов на работы в замке Скардебурк, и впоследствии Генрих предоставил или подтвердил городу учредительный договор, за ферму которого, 30 Генриха II, шериф предоставил отчет. Город продолжал процветать и время от времени вносил свой вклад в "*dona ad auxilium*", то есть в подсчет и утилизацию мусора. Король Иоанн нанес четыре визита в замок в 1201, 1210, 1213 и 1216 годах, пробыв там в общей сложности около девяти дней. В 1202 и 1204 годах констеблем был Джон де Буйли, а затем и в 1213 году там содержались военные заключенные. В 1208 году Буйли сменил Роберт де Во, а в 1215 году его снова сменил Джефффри де Невилл, королевский камергер, и в то время шестьдесят "сервьентов" и десять "балистариев", по-видимому, составляли гарнизон. То, что Джон ремонтировал замок, явствует из частых пособий на работы. Вино также присылали туда из Портсмута, и свинец для покрытия башни. Выплаты производятся "сервиентам", "балистариям" и другим работникам замка. Во время правления Джона, по-видимому, одно время Уильям де Дастон был главным и получил приказ принять Уильяма, графа Албемарла, и его спутников в замке. Это был Уильям де Фортибус, барон Великой хартии вольностей и граф Албемарль, по праву своей матери Хавиз, дочери и наследницы графа Уильяма ле Гро. Вероятно, он воспользовался трудностями Джона, чтобы возродить притязания на замок, которые, однако, он, похоже, не смог реализовать. В 1215 году Невилл снова занял свой пост и получил заказ на 100 марок "*ad opus—объявление каструм нострум де Скардебург муниендум*". Джон де Невилл, сын Джефффри, взял на себя управление замком при Генрихе III. в 1225 году, и крепость, похоже, ремонтировалась на протяжении всего этого правления. В 1252 году Генрих дал городу разрешение на строительство нового пирса.

Сильное и, в целом, справедливое правительство Эдуарда I. привело к пренебрежению такими замками королевства, которые не были необходимы для защиты границы, находящейся под угрозой, и среди них Скарборо, но при его сыне они снова приобрели значение, и Скарборо снова появляется в публичных архивах. Эдуард II. был здесь в 1312 году и оставил замок на попечение Гавестона, а сам отправился в Йорк. Он был атакован и взят графом Пембруком, но не штурмом, а голодной смертью. В 1318 году город был сожжен шотландцами, но они, похоже, не смогли взять замок. Шестьдесят лет спустя городу угрожал с моря шотландский авантюрист, который, однако, не смог взять его и впоследствии был взят в плен. В течение следующих трех столетий замок Скарборо приходил в упадок или ремонтировался лишь настолько, чтобы время от времени использоваться в качестве

тюрьмы. В 1536 году, в год Паломничества Благодати, Аске, уроженец Оттона на реке Дервент, повел против него своих недисциплинированных последователей, но безуспешно. Чуть позже, в 1553 году, во время восстания Уайатта, оно было захвачено, вероятно, врасплох, графом Стаффордом, но удерживалось всего три дня.

В ходе борьбы между Чарльзом и парламентом в семнадцатом веке Скарборо, как и многие другие более или менее разрушенные замки Йоркшира, принадлежал королю, и в июле 1645 года парламентские войска осадили его по всей форме. Батарея была установлена на крыше алтаря древней приходской церкви, примерно в 170 ярдах от внешних ворот замка, и вторая к северу от них, на краю утеса перед барбаканом. Замок был взят и удерживался в течение короткого времени, а в 1648 году, когда он снова принадлежал королю, он был атакован и взят во второй раз, и вскоре после этого в первом этаже крепости была заложена мина, вскрывшая ее восточную сторону. Вероятно, в то же время было разрушено переднее здание, прикрывавшее вход в цитадель.

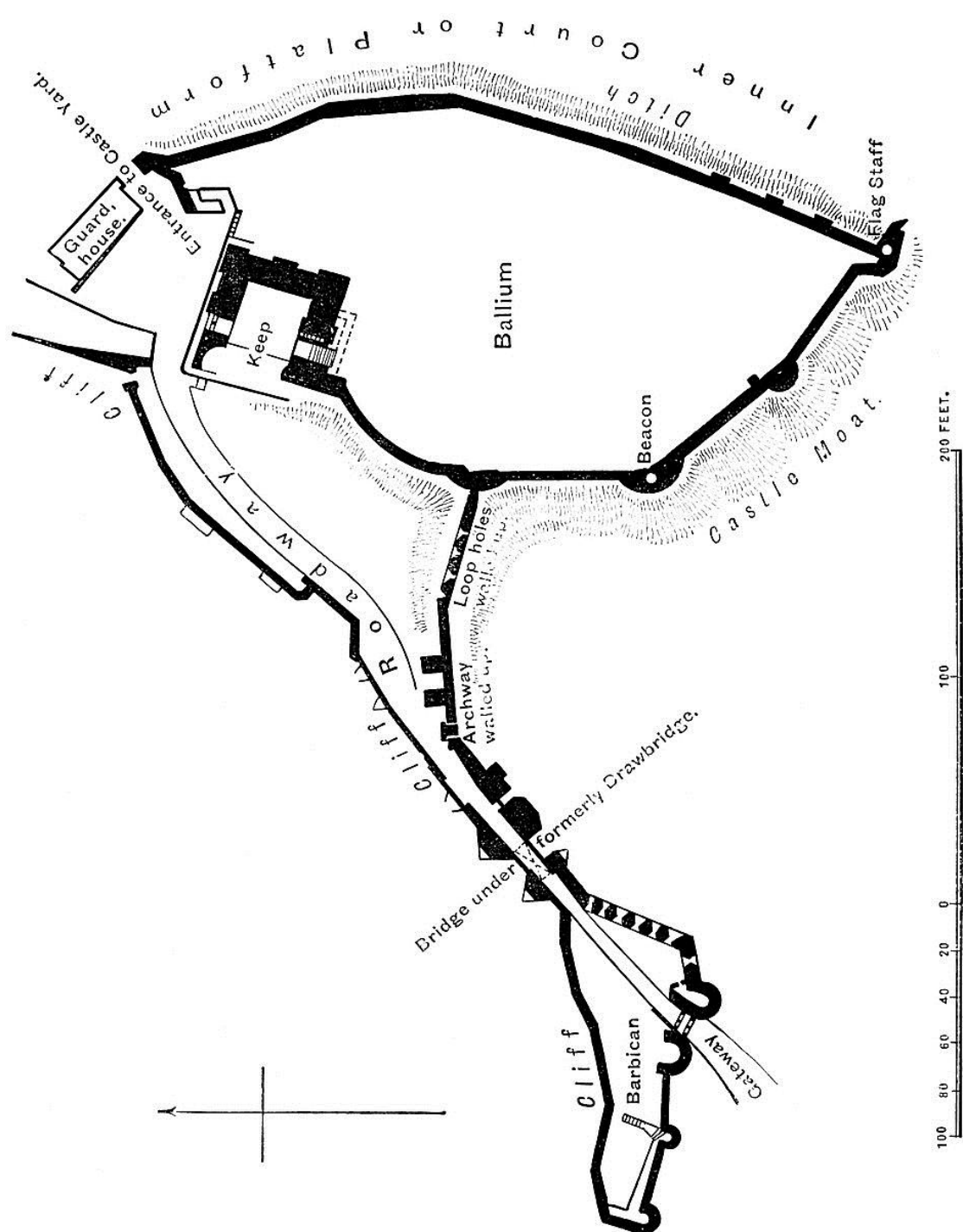
Город Скарборо был обнесен стеной с незапамятных времен. Лиланд говорит о берегах, рвах и фрагментах стен и упоминает о двух воротах, Ньюбурге и Олдбурге, или Анборо, одни из которых сохранились. Городской ров тянулся от замка барбакан вдоль возвышенности на юг, и на нем, в 550 ярдах от барбакана, находились ворота Анборо. В городе было три мужских монастыря и одна приходская церковь, посвященная Пресвятой Богородице и принадлежащая цистерцианцам. Это большое здание рядом с замком, алтарь которого, или часовня Богоматери, остается в руинах со времен первой парламентской осады. Платформа, занимаемая замком, является внепространственной, обычно церковной, а не военной привилегией.

ЗАМОК.

Платформа, ключом к которой является цитадель, представляет собой в плане ромбовидную форму длиной с севера на юг 600 ярдов и с востока на запад 300 ярдов, занимающую площадь около 19 акров, а ее столешница находится на высоте от 300 до 336 футов над уровнем моря. Два восточных, или обращенных к морю, склона, имеющие вместе около 700 ярдов в длину, круто поднимаются от морского пляжа и абсолютно неприступны. Северо-западный фасад, 300 ярдов в длину, обращенный в сторону северного залива и песков, ниже, но все еще обрывистый. Юго-западный фасад, также 300 ярдов в длину, обращен в сторону города. Хотя он и не обрывистый, но очень крутой, и у его основания между замком и городом проходит широкий овраг, известный как замковый ров. Часовня и кладбище раньше занимали обращенный к морю выступ скалы, а за ними находился Колодец Пресвятой Богородицы, источник, который считался неиссякаемым. Самым низким и единственным слабым местом платформы был обращенный к суше или западному углу, и здесь располагалась цитадель, от которой к северу и югу вдоль гребня смежных граней тянулась навесная стена. К северу эта стена имела в длину около 70 ярдов, обрываясь по мере того, как утес поднимался в высоту, и делая искусственную оборону ненужной. В южном направлении стена высотой от 20 до 25 футов тянулась по всему юго-западному фронту и была укреплена, либо первоначально, либо в более ранний период, десятью или двенадцатью полукруглыми башнями различных размеров. Шесть меньших были цельными, как в Конингсборо и Кнаресборо; большие, от 25 до 30 футов в диаметре, были полыми. Эти башни были частями кругов в плане и были сильно изуродованы. Вероятно, они были срублены и засыпаны землей во время осады 1640 года, когда на каждом из них, по-видимому, было установлено вертлюжное орудие *en barbette*. В настоящее время они открыты в ущелье и не выше прилегающего занавеса. Три петли все еще можно проследить на уровне их подвала, а две или три другие - там, где, должно быть, был первый этаж. За

стеной находится множество контрфорсов различных размеров, форм и датировок, некоторые из которых кажутся оригинальными и относятся к позднему нормандскому периоду. Самая большая из этих башен-бастионов известна как “Башня королевы”. Почти в центре этого фасада, за занавесом, находилось здание размером примерно 110 на 40 футов, называвшееся “Моссдейл”, или “Королевский зал”. Без сомнения, здесь располагались холл, кухня и другие помещения для размещения гарнизона. Нынешнее здание представляет собой современную казарму, построенную с обычным пренебрежением вкусом, которое издавна характерно для подобных зданий.

Там, где занавес юго-восточного фронта заканчивается на морском утесе, по-видимому, в древности стояла башня, известная как “Кокбилл”. Совсем недавно за стеной, на гребне склона, была построена небольшая батарея, перекрывающая ров и господствующая над частью гавани. Вероятно, эта батарея была возведена при подготовке к парламентской осаде, поскольку остатки башни над ней известны как “Башня Карла”. Хотя южный занавес был сильно поврежден и отреставрирован, а башни, бастионы и контрфорсы вошли в его состав, большая его часть старая и, вероятно, оригинальная.

ПЛАН ЗАМКА СКАРБОРО.

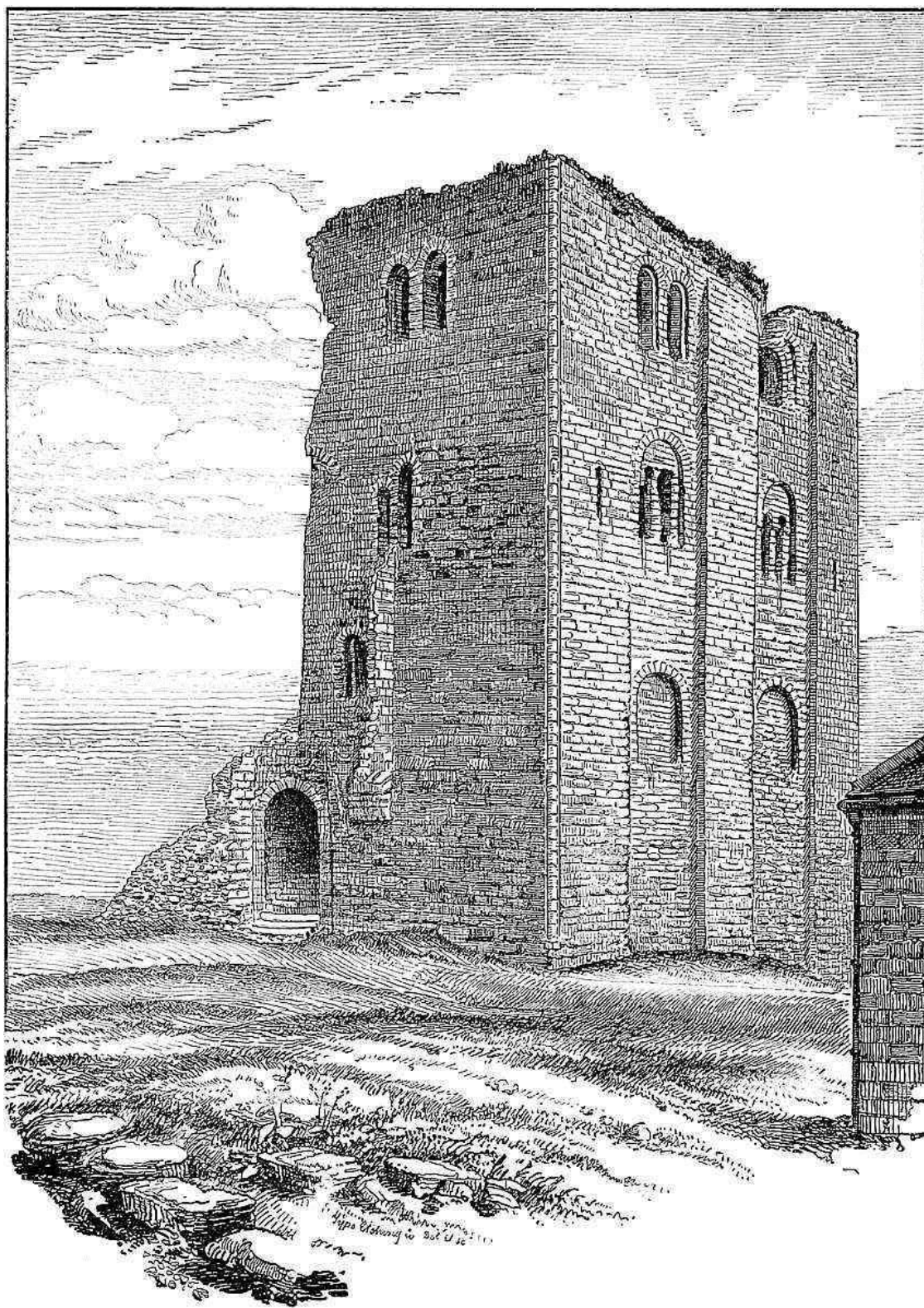
Для защиты крепости, как от наемников, которые в двенадцатом веке часто составляли гарнизон, так и от внешнего врага, продолговатое пространство в 112 ярдах к северу и югу и 573 ярдах к востоку и западу, было обнесено стеной в качестве основного двора или внутреннего двора. Он извлекается из платформы и включает в себя хранилище. Его внешняя, или западная стена - это внешняя стена замка, его противоположная, или восточная стена отделяет крепость от главной платформы, а у внешнего подножия этой стены и внутри платформы находится глубокий ров. Если рассматривать цитадель как центр крепости, то это ограждение является внутренним двором, но с точки зрения расположения главного входа платформа заслуживает этого названия. В целом, будет удобно зарезервировать название платформы для большой площади, а другую называть бейли. Вероятно, во внутреннем дворе первоначально располагался зал лордов, или кухня, часовня

и жилые помещения. Однако все их следы исчезли с поверхности. Расположение скважины отмечено углублением в газоне. Вход в замок располагался в ложбине внизу, а к западу и северу от цитадели он пересекал внутренний двор, расположенный непосредственно под крепостью, и выходил на платформу в том месте, где сейчас находится современное караульное помещение. Подход к замку, должно быть, всегда определялся особенностями местности. На самом деле существует только одна практически осуществимая линия - вдоль гребня между краем утеса, возвышающегося над северной бухтой, и началом рва между замком и городом. Этот гребень был укреплен с одной стороны, где высота утеса составляет около 240 футов, легкой стеной-парапетом, а с другой - гораздо более прочной стеной, которая ответвляется от занавеса двора и выходит к началу рва. Там, где они начинаются, две стены находятся примерно в 50 ярдах друг от друга, но они быстро сходятся, и в 70 ярдах от крепости их разделяет всего 12 футов, и таким образом они продолжают, образуя приподнятую дамбу, по которой осуществляется подход. Эта дамба пересекает углубление в земле у устья замкового рва с помощью своего рода виадука, высота которого в самом глубоком месте составляет около 25 футов, а длина от входа перед замком до его окончания в барбакане составляет около 70 ярдов. Он состоит из каменной кладки с боковыми парапетами и проезжей частью шириной 10 футов 6 дюймов. Недалеко от его центра находится мощный пирс, или, скорее, башня, шириной около 32 футов, угловая ниже проезжей части и закругленная выше. В этой башне есть проход, и она, по сути, является надвратной башней, имеющей для защиты зубчатый этаж над воротами, на который можно было подняться по узкой лестнице, расположенной в одном из столбов. Сохранились карнизы, на которых покоились зубчатые стены. С этой башни, похоже, были спущены два разводных моста, по одному в каждую сторону. Это падение наружу покрывало яму шириной 15 футов, теперь перекрытую постоянным мостом. Его место отмечено аркой на дамбе высотой около 20 футов. Стены и парапеты из шпандреля кажутся оригинальными, а мост между ними, что не было редкостью, можно увидеть в Годерих и у ворот констебля в Дуврском замке. Второй мост опускался внутрь, к замку. Здесь яма, по-видимому, была проломом в дамбе, а не проходящей через нее аркой. Этот мост также был заменен каменной кладкой. Каждый из этих подъемных мостов располагался на выступах между небольшими башенными контрфорсами, несомненно, предназначенными для усиления подхода и укрытия двух стрелков с арбалетами, которые могли отступить по мосту при приближении врага.

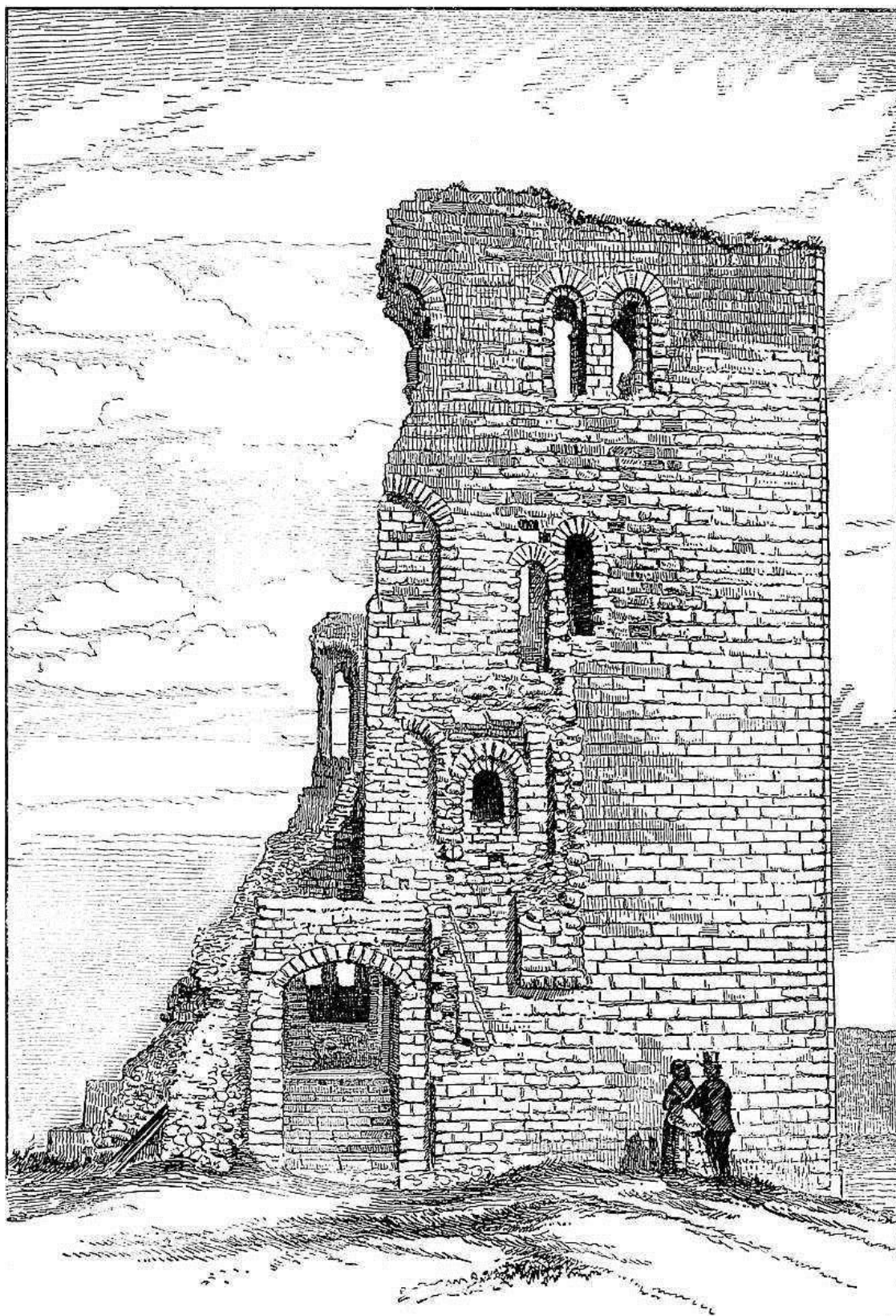
Барбакан, расположенный на внешнем конце дамбы, представляет собой простую оболочку из каменной кладки неправильной формы. Он занимает холм выше дамбы и имеет довольно крутой подъезд со стороны города. Ворота открываются между двумя полукруглыми башнями, под стрельчатой аркой, углубленной, но внутри внешней арки, над которой находится выступающий парапет, своего рода *каменная* кладка. Здесь нет ни опускной решетки, ни каких-либо следов подъемного моста или внешнего рва. Вход на дамбу находится в 15 ярдах за большими воротами, через полый ход, а стена между ними имеет шесть отверстий, выходящих в сторону главного рва. В задней части барбакан опирается на гребень утеса и имеет простой парапет. Она тянется на 30 ярдов вправо от ворот, к которым она, таким образом, примыкает, и укреплена в этом направлении двумя небольшими полукруглыми башенками. На некоторых участках дамбы есть петли, ведущие к главному рву, и дверной проем, вероятно, задний, давно замурованный. Дамба и барбакан построены позже, чем крепость и главный занавес, и, вероятно, относятся ко временам Генриха III, или, скорее, позже. Они были сильно переделаны и отремонтированы и, без сомнения, сыграли определенную роль в качестве внешних укреплений во время осады 1640 года.

За пределами естественного оврага, который образует главный ров, вдоль гребня его контрэскарпа была насыпана земляная насыпь, вероятно, маскирующая линию частокола, предназначенного для защиты от стрелков и от любых попыток взобраться на главную стену.

Цитадель, хотя и изуродованная, по-прежнему является главной достопримечательностью замка. Это прямоугольная башня площадью около 56 квадратных футов у основания и высотой около 70 футов над внутренним двором и примерно в 90 футах от внешней стороны, где земля находится примерно на 20 футов ниже. Толщина стен 11 футов, и такой же толщины до вершины. Западный фасад и несколько футов прилегающих к нему сторон исчезли, но фундамент остался, завершая площадь. Материал - песчаник темно-красного цвета. Камни имеют длину от 2 до 2 футов 6 дюймов и высоту в фут, почти квадратные, с довольно открытыми швами. Внутри, по-видимому, были подвал и три верхних этажа, но подвал частично засыпан землей, и на его существование указывает только разорванная петля, видимая примерно в 16 футах от земли на северном фасаде. На западной и северной или нижней сторонах крепость имеет мощное основание высотой от 15 футов до 8 или 10 футов. В этом не было необходимости на других поверхностях, где уровень почвы намного выше.

ЗАМОК СКАРБОРО. —ЦИТАДЕЛЬ.

ЗАМОК СКАРБОРО. —КРЕПОСТЬ—ЮЖНАЯ СТОРОНА.

Восточная сторона, самая совершенная, имеет обычные фланкирующие пилястры шириной 10 футов 6 дюймов и выступом в фут, которые непрерывно поднимаются к вершине и, без сомнения, поддерживают обычные угловые башенки, которые сейчас сняты. Угол, под которым сходятся смежные грани здания, является полым и занят жирным круглым выступом диаметром 12 дюймов; фактически, стержень в три четверти, но без основания или

капительницы. В центре фасада находится третья пилястра шириной 8 футов, довольно простая. С этой стороны цокольный этаж не имеет отверстий. Фактически, земля находится выше его уровня. Первый и второй этажи отмечены каждый двумя круглыми нишами шириной 7 футов и глубиной в фут, второй содержит пару узких высоких круглых окон с боковыми колоннами, а в центре - пару соединенных колонн, общих для обоих проемов. Колпаки рифленые, а оконные арки украшены смелой торообразной лепниной - единственным подобием орнамента во всем здании. На верхнем этаже нет ниш, но есть две пары маленьких высоких круглых окон с квадратными косяками и наличниками. Окна, составляющие каждую пару, находятся примерно в футе друг от друга. По бокам пилястр расположены две заостренные петли, соответствующие уровню второго этажа, и освещающие фресковые камеры.

Северная сторона, вероятно, соответствовала восточной, с добавлением двух петель из подвала, одна из которых сейчас закрыта, как и два окна над ней. Одна боковая пилястра этого фасада исчезла вместе с его западным концом.

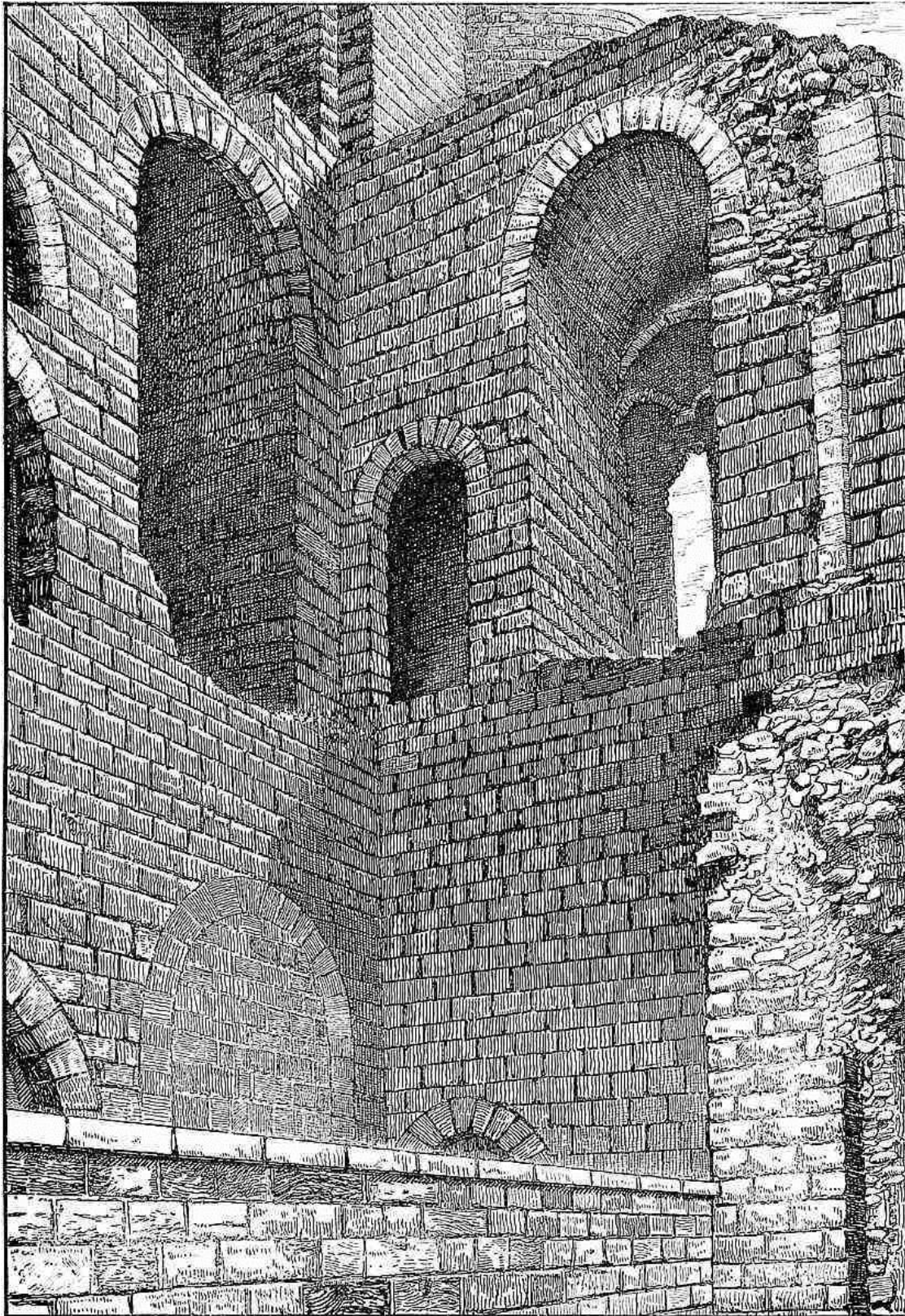
От южной стороны вест-энда не осталось и следа, но то, что осталось, представляет большой интерес, поскольку показывает, как был устроен вход. Фасад простой, без каких-либо правильных пилястр или цоколя. К его западному концу примыкает внутренний вход, сразу за которым из крепости вырастает стена внутреннего двора. Ширина этого входа составляет 7 футов, а глубина равна толщине стены. Проход закругленный и ребристый. Внутренний дверной проем закругленный, внешняя сторона сегментированная. Лестница в коридоре ведет на этаж первого этажа. Судя по короткой пилястре, несколькими выступающим камням и некоторым другим признакам на лицевой стороне стены, вход здесь был прикрыт небольшой пристройкой. Напротив фасада крепости был построен прямоугольный блок около 30 футов в длину и, возможно, 20 футов в ширину, заканчивающийся занавеской и примыкающий к ней. В нем был сводчатый проход, а над его внешним дверным проемом, в восточном конце, располагалось большое воронкообразное сооружение для его защиты. Внутри него подземелье продолжалось до тех пор, пока по правую руку в стене крепости не оказался уже упомянутый внутренний вход. Опускной решетки не было, но над дверным проемом было отверстие, или *мертриер*, с помощью которого вход можно было защитить от тех, кто мог бы взломать внешние ворота. Крепостные валы переднего здания находились на уровне второго этажа цитадели, и попасть в них можно было через небольшой узкий дверной проем, открывающийся из комнаты с фресками в южной стене. Ближе к востоку от нее находится еще одна маленькая дверь, немного выше, назначение которой не очень заметно, если только она не открывалась на клад или *кладовую* немного впереди каменного парапета. Немного западнее и ниже них находится третий, более короткий дверной проем, который, по-видимому, предназначен для работы *мертриера* над внутренней дверью. Она соединена с небольшой и очень узкой настенной лестницей.

Внутренняя часть крепости не только заполнена, чтобы скрыть цокольный этаж, но и ее восточная часть была превращена в пороховой склад и недоступна. Говорят, что журнал включает в себя четыре прямоугольных помещения с фресками, одно размером 14 на 5 футов в южной стене, два квадратных размером 6 футов и 7 футов в восточной стене и одно размером 5 на 6 футов в северной стене, но они не были исследованы. Первый этаж имел площадь около 32 квадратных футов, но был разделен на две почти равные части смелой аркой, идущей с севера на юг и отходящей от двух опор стены. Арка исчезла, но разрушенная стена показывает, что она была толщиной 4 фута 6 дюймов и несла на себе сплошную стену, которая разделяла вторую и заканчивалась у пола верхнего этажа. В

восточной стене первого этажа находится центральный камин высотой 7 футов с круглой головкой и без выступа, с круглой спинкой и вертикальным вентиляционным отверстием. С каждой стороны от него имеется глубокое углубление размером 6 футов 9 дюймов, открывающееся с круглой головкой и содержащее пару уже описанных соединенных окон. В северной стене есть два похожих углубления, по одному с каждой стороны поперечной арки, восточная из которых в настоящее время замурована, но, по-видимому, помимо окон имела небольшую боковую дверь, открывающуюся в темную комнату с фресками, которая занимала северо-восточный угол. Другая ниша, к западу от поперечной стены, открыта, и в ней сохранились два окна. В южной стене есть небольшой дверной проем, который ведет в комнату с фресками, занимающую юго-восточный угол, но сейчас недоступную. На другом конце этой стены находится входная дверь, а между ней и поперечной аркой крутая узкая лестница, ведущая к проему над входным проемом.

На втором этаже поперечная стена была прорезана небольшим дверным проемом у ее южного конца, от которого сохранился один косяк. На этом этаже также есть камин в восточной стене, похожий на тот, что внизу, но с сегментарной аркой, в то время как над ним, в стене, находится полукруглая рельефная арка. По обе стороны находится ниша со спаренными окнами с круглыми головками, фальцы ставней которых заострены. В северной стене есть два дверных проема, ведущих в комнаты с фресками, а в ее западном конце, как и прежде, ниша и двойное окно. В южной стене есть два проема; один - дверь, ведущая в комнату с фресками в юго-восточном углу, освещенная уже упомянутой петлей, а другой - большая ниша, внутри которой находятся два дверных проема, ведущих в переднюю часть здания. По другую сторону поперечной стены, над главной дверью, сохранились следы большой ниши со смежными окнами.

На верхнем этаже не сохранилось ни одного камина, который, по-видимому, был занят одной большой комнатой, имеющей в восточной стене две пары соединенных окон в глубоких круглых нишах, и такие же, вероятно, в северной и южной стенах. Возможно, в западной стене действительно был камин.

ЗАМОК СКАРБОРО.—ИНТЕРЬЕР КРЕПОСТИ.

Полы повсюду, похоже, были деревянными. Нет никаких следов настенной лестницы, ведущей с одного этажа на другой, но, возможно, таковая имелась в северо-западном или юго-западном углах. Также нет никакой галереи фресок, окружающей здание.

Во всех отношениях прискорбно, что замок Скарборо до сих пор считается военным постом. Здесь, как и в Дувре, никому не разрешается делать зарисовки или производить измерения на территории, хотя силы, задействованные для наблюдения за соблюдением этого порядка, делают его практически бессильным. Но пустой пороховой склад заперт и фактически препятствует тщательному осмотру крепости; если бы его убрать и раскопать подвал, можно было бы получить абсолютно правильный план крепости, что в настоящее время практически невозможно.

Графство, в пределах границ которого находятся замки Йорк и Ричмонд, все же может гордиться владением Скарборо, которое, хотя и не превосходит их, претендует на равное с ними положение. Без сомнения, обстоятельства у каждого из них разные. Расположение Ричмонда на Болоте, его древняя нормандская крепость, ранняя и любопытная часовня, а также значительные остатки его холла и других хозяйственных построек, не меньшие, чем ранг и воинственный характер его прежних лордов, придают ему особый и непревзойденный интерес. Замок в Йорке, просторный по площади и сильный, если не сказать поразительный по расположению, сыграл немалую роль в Нормандском завоевании; и хотя он окружен произведениями римлян и романизированных бриттов, он претендует на происхождение от наших тевтонских предков, чье имя воплощено в имени Англии. Претензии Скарборо на положение в обществе и славу носят иной, хотя и едва ли уступающий характер. Его положение над Северным океаном до крайности дико и величественно. Его территория, определенная и защищенная природой, рассчитана на размещение не гарнизона, а армии; и его крепость, сама по себе равная Ричмонду или большинству других нормандских сооружений, здесь является не цитаделью, а просто воротами и ключом к тому, что на самом деле является крепостью, и что возвышается на морском берегу над ней и позади нее.

ЗАМОК СКЕНФРИТ.

СРЕДИ многочисленных укреплений в Монмутшире, которые, судя по их характеру и расположению, были построены во время оккупации этой пограничной территории мерсийцами и англичанами в восьмом и последующих веках, Скенфрит занимает видное место. Более того, его судьба заключалась в том, что он, подобно Каэрлеону и Гроссмаунту, был перенят норманнскими захватчиками, которые возвели крепость на его древнем, хотя и незначительном холме и окружили его возвышенную платформу стенами и башнями значительной прочности, так что в двенадцатом и тринадцатом веках он приобрел еще большее значение, чем в предыдущие столетия. Он расположен в глубокой долине на берегу реки Мунноу, в пяти милях ниже замка Гросмаунт и в шести милях выше замка Монмут на той же реке, кроме того, он образует юго-восточную оконечность знаменитой Монмутширской трехсторонней комиссии, Гросмаунт и Уайткасл - две другие, столь прославленные в Пограничных войнах, и особенно в соперничестве между Генрихом III. и Маршалом, графом Пембрук. Черчилль пишет о них так:—

Три замка существуют, стоят на хорошей земле,

Гросмонт один, на холме он построен был;

Скенфрит следующий, в долине он найден,

Так развлекается там пепе.

Уит-Касл - третий, пользующийся заслуженной известностью,

Местность вокруг носит название Уит-Касл;

Величественное кресло, величественное княжеское место,

Чья красота придает простому сойлу некоторую грацию.

В отличие от возвышенных замков Чепстоу и Ладлоу, построенных на скалах, сила Скенфрита заключалась в низком и болотистом характере его расположения. Река Мунноу протекает в нескольких футах от его стен и разливается по обширным канавам, а в нескольких ярдах ниже замка находится мост, упомянутый Лиландом. Скенфрит знаменует собой точку соединения нескольких долин, и даже сейчас, несмотря на преимущество современных дорог, к нему отнюдь не легко подъехать. Вероятно, в какой-то мере по этой причине он мало пострадал от дополнений или изменений и так же мало от насилия. Время, величайший, но наименее жестокий из революционеров, было основным фактором произошедших изменений, и большим препятствием для изучения замка антикварием является богатая и излишняя мантия дружелюбного плюща, которой он увит.

Скенфрит принадлежит к тому семейству замков, английскими образцами которых являются Конингсборо и Лонсестон, а местными примерами - Брюнле и, в некоторой степени, Третауэр. Его цитадель представляет собой цилиндрическую башню с расширяющимся основанием, которому древние антиквары дали название Джульетта. Он находится внутри ограждения, образованного завесами и бастионными башнями, в данном случае образующими трапецию в плане, северная и южная стороны которой составляют 74 ярда и 71 ярд, а восточная и западная - 31 ярд и 59 ярдов. Диаметры территории, измеренные по всей крепости, составляют, северный и южный, 48 ярдов, а восточный и западный - 57 ярдов.

Цитадель стоит отдельно от занавесей и почти на центральной линии площади, примерно в десяти ярдах от ее восточного конца. Он венчает невысокий холм, высотой около 6 футов и шириной 50 футов наверху, очевидно искусственный. Если на холме когда-либо и был настоящий ров, то его давно засыпали. Высота башни сейчас около 40 футов, а возможно, была 5 футов или 6 футов больше. Это цилиндр диаметром 36 футов со стенами толщиной 7 футов. В десяти футах над землей находится жирная полукруглая веревка или кордон, ниже которого стена обрывается, а у основания имеет толщину 10 футов, увеличивая ее диаметр примерно до 42 футов. Нынешний вход находится с западной стороны, через дверной проем размером 5 футов 6 дюймов, с внутренней дверью, открывающейся внутрь, и, вероятно, когда-то была и наружная дверь, но дверной проем теперь представляет собой просто брешь в стене, с фрагментом откоса внутренней двери. Каменная кладка и отсутствие отверстий для перекладин показывают, что этот дверной проем не является оригинальным. Вероятно, он был открыт в украшенный период, когда пассивная сила была не столь важна, и вход на первый этаж был признан неудобным. Такие более поздние открытия обычны в крепостях с тесными подвалами. В Пембруке есть такой.

Подвальное помещение круглое, диаметром 22 фута 4 дюйма, а его пол находится на уровне земли. В нем есть две петли с плоскими вершинами, расположенные в углублениях, расширенных до отверстия в 3 фута, из которых ребра находятся в 3 футах от земли. Стена довольно простая, и нет никаких следов колодца. Эта комната была высотой 11 футов; без сомнения, это была кладовая, и, должно быть, в нее можно было попасть из комнаты наверху по лестнице.

Первый этаж такого же диаметра имел высоту 14 футов. Это была основная камера. Пол был из досок, опирающихся на четыре большие перекладины, уложенные поперек, к внешним перекладинам крепились концы нескольких более коротких бревен, уложенных к ним под прямым углом. Дверной проем направлен примерно на запад и частично находится над дверью в подвал. Он был шириной 5 футов, а его свод-проход был круглым, но облицовка из ясеня исчезла. От опускной решетки не осталось и следа. В стене есть квадратное отверстие, в котором, вероятно, когда-то находилась дубовая шпала, подобная той, что использовалась в Брюнле и Рочестере. Этот дверной проем, очевидно, был первоначальным и единственным входом в крепость. Справа от входа вторая дверь вела на настенную лестницу, фрагмент цилиндрической оболочки которой сохранился. Это привело ко второму этажу и зубчатым стенам. Для поддержки внешняя стена утолщена полукруглым контрфорсом, прочным внизу и поднимающимся к вершине. Дверь и лестница полностью разрушены. В этом этаже есть два оконных проема в плоских углублениях, по-видимому, круглой формы. Окна, вероятно, с большими петлями, выломаны, а облицовка ниш тесаным деревом исчезла, но выступающая арка в стене плоская и заостренная. Рядом с северной нишей находится Украшенный пояс, в 6 футах от пола.

Второй этаж, на который ведет винтовая настенная лестница, сильно зарос плющом. Пол был сделан из толстых досок, опирающихся на большую единственную поперечную балку, от которой сохранилась одна опора - широкий простой пояс; доски укладывались в грубый паз или канавку, а не в выступ в стене, толщина которого, следовательно, не уменьшилась. Изгиб этого этажа немного нарушен выступом, соединенным с лестницей: здесь есть своего рода ниша, которая, возможно, служила кухонным камином, поскольку приготовление пищи в этих башнях обычно производилось на верхнем этаже, как в Кастель-Кохе и Морле. На этом этаже было три окна, но из них мало что видно, как и из того, что может остаться от увитых плющом зубчатых стен. Первый этаж был оштукатурен, хотя и тонко. Очевидно, что полы всегда были деревянными. Основная сила башни такого типа была пассивной, петли и окна ничего не значили при обороне, но, без сомнения, зубчатые стены имели форму вала, и крыша, следовательно, была либо плоской, либо конической, выступающей, как в Коуси, Конингсбурге, Пембруке и башне Мартена в Чепстоу, из внутренней стены. Нет ничего более бессмысленного, чем, как это сделали некоторые современные архитекторы, покрыть эти башни конической крышей, выступающей из внешней стены, которую, таким образом, нельзя было защитить сверху единственно возможным для подобных сооружений способом.

Наружная стена единственного отделения, внутри которого находится эта крепость Джульетты, имеет толщину 8 футов и высоту от 30 до 40 футов, при этом закрытая территория находится на уровне от 6 до 10 футов выше внешней и, без сомнения, поднята искусственно. Четыре угловые башни были цилиндрической формы, внутренним диаметром 11 футов и толщиной стен 8 футов. У них нет внутреннего выступа, но угол в каждой из них пересечен и перекрыт стеной ущелья длиной 7 футов. Обе башни и занавес имеют внешнее основание высотой около 12 футов, сужающееся снизу до толщины 10 футов, но без ограждения. В каждую башню из ущелья можно попасть через дверь высотой 3 фута, а ее цоколь возвышается примерно на 4 или 5 футов над внутренним двором. В каждом из них есть три петли в углублениях глубиной 4 фута 5 дюймов и шириной 5 футов 8 дюймов. Лестниц нет, хотя, кажется, было два верхних этажа, самый высокий из которых возвышается над занавесом. Полы были деревянными. Арки бывают разные; у одних круглые, у других стрельчатые, у третьих заостренные. Петли с квадратными головками. Юго-западная башня была снесена, и нынешний вход в это место находится через пролом.

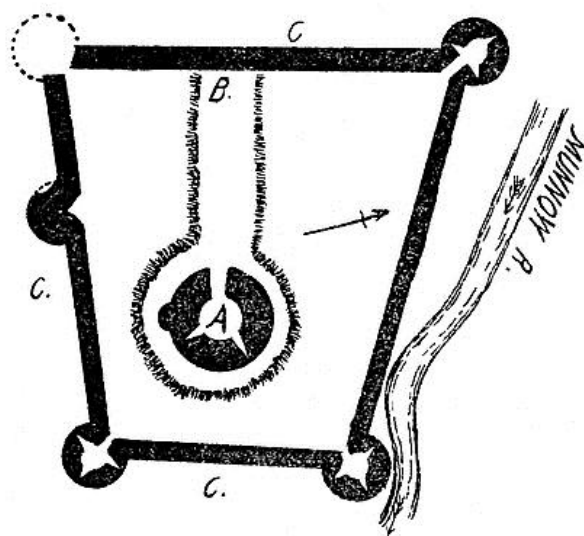
На южном фасаде, в 60 футах от западного конца, находится полукруглая контрфорсная башня без внутреннего выступа. Проломы на его внутренней и внешней поверхностях показывают, что он прочный. Напротив этой башни, в северной стене двора, находится дверной проем шириной около 6 футов, остроконечная арка которого видна как раз на уровне двора. Поскольку подоконник этого дверного проема должен находиться примерно на уровне Манноу, он, вероятно, был соединен с коротким каналом для пропуска лодки, подобным тому, что можно увидеть в замках Тонбридж и Лидс, а также в Кэрфилли. В этой же стене, но недалеко от северо-восточной башни, находится небольшое углубление с плоскими сторонами, служащее либо дверью, либо окном, и расположенное на высоте 6 футов над уровнем двора. Если это была дверь, то, должно быть, она предназначалась для подъема припасов с лодки по протекающему под ней руслу мельницы.

В этом дворе нет и следа обычной сторожки у ворот, но часть центральной части западной стены была перестроена некачественным образом и, вероятно, представляет собой вход. Этот вход, вероятно, был через простой дверной проем в занавесе без обычной сторожки, как малые ворота в Белом замке. Отсюда слегка приподнятая дамба, пересекающая двор, ведет прямо к центральной башне.

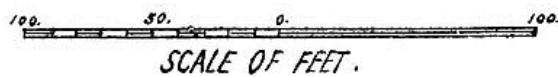
Стены относительно идеальны, но зубчатые стены были демонтированы, а верхние ярусы башен находятся в руинах. Примечательно, что фресковые башни не имеют лестниц, и в замке нет видимых фресковых залов или гардеробных, или, за одним сомнительным исключением, каминов. Материал - старый красный песчаник этого района, как и тесаный камень. Для изготовления используется обычный, но довольно хороший щебень, а строительный раствор крупно замешан и свободно используется. Мельничный лит и Манноу сразу за ним образуют линию обороны на северном фронте. Вдоль трех других фронтов тянулся широкий и глубокий ров, питаемый от реки, а теперь засыпанный. Поскольку грунт внутри стен на 6-10 футов выше, чем непосредственно снаружи, в этой степени они являются облицовкой. По внешнему виду довольно ясно, что первоначальная крепость представляла собой приподнятую платформу с насыпью в центре, а вокруг нее - мокрый ров, весь, без сомнения, сильно обнесенный частоколом.

ЗАМОК СКЕНФРИТ.

SKENFRITH CASTLE.

- A The Keep.
- B The Probable Entrance.
- C Ancient Ditches.

Wyman & Sons, G^t. Queen St. Лондон.

6. Крепость.

7. Вероятный вход.

8. Древние рвы.

Ни в плане, ни в деталях сооружения нет ничего от норманнского. Необычная форма местности может быть всего лишь приспособлением правильных линий к неровному земляному валу. Будь она римской, платформа вряд ли была бы поднята. Сторожевая башня явно относится к раннеанглийскому периоду правления короля Иоанна или к началу правления Генриха III. Окружающие стены и башни датируются той же датой.

История Скенфрита неясна, но очевидно, что он был построен просто для размещения небольшого гарнизона, а вовсе не как частная резиденция. В этом районе нет никаких следов зала, часовни или кухни. Не видно никаких линий фундамента, и какие бы жилища ни были возведены, они, вероятно, были деревянными, а крыши опирались на стену.

Говорят, что при входе норманнов в этот район Скенфрит принадлежал Баху, сыну Кадивора ап Гветвоя, который, как считается, является предком нескольких семей в Монмутшире и Восточном Гламоргане, и который или его отец, вполне вероятно, овладел им во время победоносной кампании Карадока-ап-Грифита в 1065 году. На свитке первого года правления Иоанна показано, что замки Скенфрит, Ллантейло или Уайт-Касл, Кинтон и Ледбери принадлежали королю; а в 1205 году (5 Иоанна) он предоставил Скенфрит, Ллантейло и Гросмаунт Уильяму де Бреосу, чтобы тот владел ими так же, как они принадлежали Хьюберту де Бургу, а Джеффри, графу Эссекскому, было разрешено 20 марок, которые он заплатил Де Бургу за их укрепление. Вероятно, это была дата нынешней кладки. Джон де Монмут, могущественный местный барон, имел некоторые права на эти замки, что было признано королем; но, тем не менее, в 1219 году Де Бургу было приказано захватить один из трех замков, конфискованных в результате дезертирства Уильяма де Бреоса. Наследником Вильгельма был Реджинальд де Бреос, у которого было слабое здоровье; он не согласился с решением королевского суда. В 1220 году они принадлежали Де Бургу. В 1223 году королю представился случай отправить гонца в Скенфрит, а в 1224 году шерифу Херефорда было приказано отправить туда Де Бургу 2000 куаррелов (наконечников арбалетных стрел), и так на протяжении всего беспокойного правления Генриха III. эти замки продолжали иметь большое военное значение. При заселении Уэльса его сыном им, вероятно, было позволено превратиться в руины. Вместе с большей частью прилегающих владений Скенфрит в конце концов перешел к герцогству Ланкастер. Еще во времена Якова I. местное жюри представило его как “разрушительный и пришедший в упадок, давно исчезнувший из памяти человечества”.

Приходская церковь, содержащая несколько фрагментов древнеанглийского или раннеукрашенного времени, стоит в нескольких ярдах к западу от замка. Здесь находится алтарная гробница с изображениями Джона Моргана, который умер 2 сентября 1557 года, и Энн, его жены, которая умерла 4 января 1564 года. Сбоку от гробницы изображены рельефные фигуры. Гербовые знаки —квартальные, 1 и 4, Барри из 9, на шести щитках, 3, 2, 1, столько же львиных копыт, 2 и 3, три башни, в номбрил-пойнт-кругляш. Очевидно, это герб Сесиля, и он указывает на связь, на которую претендует эта семья, с Уэльсом. На другом щите на шевроне изображены три веточки между тремя наконечниками копий; герб - рука, сжимающая ... Говорят, что Джон Морган был из Уэйна, в этом приходе.

ДРЕВНИЕ УКРЕПЛЕНИЯ САУТГЕМПТОНА.

В устье бухты, известной как Саутгемптон-Уотер, между двумя ее главными притоками Тестом, или Антоном, и Итченом, проходит значительный перешеек, или язык гравия, который, таким образом, ограничен водой с трех сторон и представляет собой позицию со значительной естественной силой, и тем ценнее, что из него открывается вид на прекрасный рейд, волнорезом которого является остров Уайт. Кем это место было занято первым, неизвестно. Выпь, несомненная римская станция под названием Клаузентум, находится почти в двух милях выше по течению Итчена, на противоположном берегу. Даже происхождение нынешнего названия города является предметом споров. Антон представляет собой заманчивый источник, но представляется наиболее вероятным, что это название означает просто “город южного обитания”, в отличие от Нортхэма, места недалеко от римского вокзала. Конечно, это название не имеет никакого отношения к Нортгемптону.

“Хамтунскир” упоминается в “Саксонской хронике” в 755 году н.э., и город был довольно известным саксонским поселением, чеканившим монеты во времена правления Ательстана и время от времени разграблявшимся датчанами. Канут удержал его, и, как говорят, его эксперимент с наступающим приливом был опробован в водах Саутгемптона.

Саутгемптон назван в “Судном дне”, и норманны сочли его удобным портом как для военных, так и для коммерческих целей. Его посещали и поддерживали монархи Плантагенетов, которые здесь собирали свои войска и отправляли их в Нормандию. Следовательно, город был укреплен с раннего периода, как по саксонскому, так и по нормандскому обычаю.

Стены окружали примерно прямоугольное пространство, в среднем около 370 ярдов к востоку и западу, по 770 ярдов к северу и югу, но фактически по контуру около 2200 ярдов, или 1 ¼ мили. Этот район разделен вдоль главной улицей, но западная часть является более крупной, отчасти потому, что на ней находится более старый замок, а отчасти из-за неправильного выступа на так называемом “оловянном берегу”. Северные и южные ворота выходили на главную улицу. Там были восточные и западные ворота, но вовсе не напротив друг друга, и дороги не были крестообразными. Нет никаких оснований приписывать умеренно прямоугольному плану римское происхождение. Вероятно, это было продиктовано общим рельефом местности.

Поверхность местности колеблется от 15 до 35 футов над уровнем прилегающего моря. Северная половина выше южной, западная - восточной. Таким образом, самая высокая площадка находится в северо-западном квартале, где находился замок.

Вследствие этого стена этого квартала, обращенная к западу, упирается в обрывистый берег и представляет собой облицовку высотой 30 футов, тогда как в других местах стена построена почти на ровном месте или, в лучшем случае, не выше 3 или 4 футов с внутренней стороны по сравнению с внешней. Кроме замка, здесь нет значительных земляных работ, и поэтому нет оснований относить оборону собственно города к периоду, более раннему, чем нашествие норманнов.

Земляные работы замка, однако, значительны. Естественная возвышенность была изрезана и несколько приподнята, а ближе к центру участка самая высокая точка была окружена круглым рвом, содержимое которого, сброшенное внутрь, превратило приподнятую платформу в искусственную насыпь. Это, вне всякого сомнения, была саксонская крепость.

Прямоугольная территория также была хорошо защищена. Она имела ров со стороны моря почти у подножия стены вдоль западного и южного фронтов. С востока вдоль подножия

стены тянулся широкий и глубокий ров, полностью искусственный и, по крайней мере, частично впадающий в море, отделявший город от полосы низменности, которая спускается к реке Итчен и теперь покрыта важным пригородом. Вдоль северного фронта поперек хребта был прорезан ров, также искусственный; говорят, что глубина его позволяла заполнять его с моря. Поскольку для этого потребовалась бы глубина около 40 футов при соответствующей ширине, традиция, вероятно, является преувеличением.

Северная и восточная стены, наименее подверженные каким-либо неровностям грунта и почти прямые, имеют длину около 318 и 790 ярдов. Южный и западный фасады изогнуты и ломаные в соответствии с рельефом местности и имеют длину около 320 и 650 ярдов. Юго-западный угол в значительной степени закруглен. Из зарегистрированных ворот были северные, или Бардл-гейт, которые все еще стояли; восточные ворота были сняты; отроговые ворота остались; южные, или водяные ворота, были сняты; западные ворота и задний вход сохранились; Биддлс, или Уздечные ворота, исчезли; и водные ворота замка были закрыты.

Фресковые башни были в основном барабанными, или полукруглыми. Северный фасад окружен двумя барабанными башнями, а к западу от Бара находится одна, а к востоку от нее две полукруглые. На восточной стене, к северу от восточных ворот, был один, а к югу от него - шесть, из которых сохранились один полукруглый и один прямоугольный. Под юго-восточным углом южная стена была продолжена на восток в виде ответвления-башни, прикрывавшей ров; это сохранилось. На южной стене было шесть башен, включая южную сторожку у отрога и, на противоположном фланге, Горновую башню. Все, кроме одной, полукруглые. Западная стена имела много контрфорсов и несколько башен. Там был один, где южная стена замка соединялась с городской стеной; а у северного конца находится прекрасная полукруглая башня — пристройка.

Переходя к деталям, отметим, что северные ворота, называемые Баром, представляют собой большое, красивое сооружение, около 60 футов в ширину и 60 футов в глубину в центре. Он состоит из двух ступеней, пронизанных внизу центральным и двумя боковыми проходами, и содержит наверху камеру длиной 52 фута и шириной 21 фут, используемую в общественных целях. В каждом крыле есть лестница. То, что на востоке, старое, то, что на западе, возможно, было таким. Боковые проходы современные. Они сообщаются с центральной дорогой двумя поперечными арками с каждой стороны, две из которых, следующие к северу, являются оригинальными и, вероятно, вели к фланкирующим башням. Осмотр центрального прохода показывает, что первоначальные ворота были поздненормандскими; по крайней мере, расположенный там портал с круглой головкой, вероятно, выполнен в этом стиле, хотя и имеет скорее декоративный вид. Затем, в раннее время Украшения, были добавлены две смелые полукруглые фланговые башни, которые сохранились до сих пор. В это время, вероятно, была переделана задняя часть, вставлены четыре окна и центральная ниша, увеличен зал заседаний и, вероятно, добавлена восточная лестница. В нормандской сторожке была верхняя комната, от которой сохранилась дверь с круглой головкой и листовым выступом. Затем, в Перпендикулярном периоде, спереди была добавлена жирная проекция - три стороны восьмиугольника. Ворота, выдвинутые таким образом вперед, обрамлены двумя рельефными узкими контрфорсами, которые заканчиваются очень рельефным карнизом с шестью выступами в центральной части и по три в каждой из наклонных боковых. Зубчатые стены хорошо расположены перпендикулярно и огибают город с тыла; одна амбразура занята набатным колоколом. Эти ворота сильно пострадали при реставрации. Задние проемы, арочные проемы и окна были переделаны, но они сохранили большую часть своего старого вида и имеют украшенный вид. Главный проход

был срезан и расширен, а пазы опускной решетки исчезли. Когда столетие назад засыпали ров впереди, все следы подъемного моста были потеряны. Похоже, что этот бар раньше был тюрьмой, и любопытные поперечные арки были частью устройства для этой цели.

К западу от Бара сохранилась большая часть стены, но она настолько загорожена домами, что ее не видно. В сорока шести ярдах от ворот находится полукруглая башня, за которой стена тянется по прямой до башни Арундел, названной так в честь сэра Джона Арундела, первого губернатора. Это барабан диаметром 22 фута, который венчает северо-восточный угол города. Эта башня имеет высоту от 50 до 60 футов и, кажется, возвышается из прямоугольной массы каменной кладки, возможно, добавленной для ее укрепления. Здесь внутренний уровень находится на 30 футов или более выше внешнего и, без сомнения, является частью старых земляных укреплений.

Продолжаясь вдоль западной стены, на высоте 763 ярдов, находится смелая полукруглая башня диаметром 20 футов и высотой 30 футов из превосходного необработанного ясеня со смелыми узорами на уровне прилегающего занавеса. Это Кэчколд Тауэр. Построенный на берегу, он выглядит цельным или похожим на бастион, но говорят, что он полый, хотя как туда попасть, не указано. Эта башня с примыкающей стеной на несколько футов, по-видимому, является перпендикулярным дополнением к тому, что кажется Украшенной стеной. За башней находится современный лестничный пролет, поднимающийся на 30 футов к вершине стены, которая является общей как для города, так и для замка. Затем стена проходит наискосок вперед, вероятно, для того, чтобы включить земляные укрепления замка. По сути, это нормандец. Выступ увенчан прямоугольным контрфорсом, полые углы которого с каждой стороны пересекаются низкими остроконечными арками, прорезанными в виде гардеробных, как в Порчестере. Эта башня-контрфорс украшена по последнему слову техники.

Затем следует примерно 134 ярда прямой стены, вероятно нормандской, высотой около 38 футов, до вершины засыпанной землей. На нем небольшой прямоугольный контрфорс отмечает соединение северной стены замка с городской стеной. Далее расположены пять прямоугольных контрфорсов различных размеров. Первые три, очевидно, являются пристройками к нормандской стене, остальные кажутся оригинальными. Часть стены здесь разделена на два этажа жирным горизонтальным бордюром. Ниже расположены два узких окна шириной около 18 дюймов, напоминающих большие петли, и у которых, по-видимому, были квадратные выступы. Вверху видны следы двух окон, по-видимому, с круглыми верхушками. Должно быть, там была внутренняя камера, сейчас закрытая. Центральный контрфорс широкий и плоский, и здесь сохранились следы старых водяных ворот замка, до которых, должно быть, можно было добраться по ступенькам, поскольку высота земли за ними превышает 30 футов. Недалеко к северу от этих водных ворот находится большое сводчатое помещение, построенное у городской стены и сейчас закрытое. Эта часть стены теперь заканчивается прямоугольным выступом, вероятно, основанием башни, и отмечает место соединения южной стены замка с городской стеной.

Отсюда стена низкая и тонкая, примерно на 33 ярда, отмечает конец замкового рва и выходит за рамки обычной линии, без сомнения, перестроенной в наше время. На возвышенности контрэскарпа замка находится основание еще одной квадратной башни, знаменующей возобновление обычной городской стены, которая затем поворачивается внутрь, чтобы защитить Биддлс или ворота Уздечки.

Эти ворота, ныне снятые, открывались на крутой и довольно узкий подъем под названием Симнелл-стрит, из которого с северной стороны выходит Касл-лейн, предположительно представляющий собой старый вход в замок.

У Биддлс-Гейт начинается очень любопытная часть стены, которая, вплоть до южной части, немного за задней дверью Блу-Энкора, не похожа ни на что, известное в Англии. Первоначальная стена, здесь около 30 футов высотой и 4 фута толщиной, с почти ровной почвой внутри и снаружи, по-видимому, служила не только городской стеной, но и стеной нескольких жилых домов внутри нее, двери и окна которых видны в стене, хотя сейчас они закрыты. Эти проемы показывают, что стена была нормандской и относилась к умеренно раннему периоду. Эта стена была признана недостаточно прочной для целей обороны, и снаружи против нее была возведена вторая стена, также толщиной в 4 фута. Но эта вторая стена была построена как акведук, в виде аркады, на высоких и стройных опорах шириной около 2 футов 2 дюймов, от которых на высоте 10 футов 6 дюймов отходили пружинящие арки, в основном полукруглые, но некоторые заостренные, и две очень плоские и, вероятно, гораздо более поздние, над которыми был парапет. Пролет арок составляет около 12 футов. В результате удалось увеличить вал до 5 футов, с парапетом в 2 фута и, вероятно, с задней стеной в 1 фут. Конечно, расположенная таким образом аркада обеспечивала отличное укрытие для тех, кто атаковал стену снаружи; но чтобы избежать этого, в то время как опоры касались стены, между аркой и стеной было оставлено пространство, подобное пространству для опускной решетки шириной около 2 футов, с помощью которого любой, стоящий у основания стены, мог быть эффективно поражен метательными снарядами или длинной пикой. От этой аркады сохранилось восемнадцать арок. Расположение очень любопытное и считается уникальным. Эта маска или внешняя стена может быть поздненормандской, но, возможно, раннеанглийской. Опоры сильно мешают более ранним дверям и окнам. Стена, двойная, имеет высоту 35 футов. За пределами части стены видны следы какого-то здания.

Дыра, пробитая в стене и ведущая на Синюю якорную верфь, показывает заднюю часть стены, а немного южнее находится задняя часть Синего якоря, оригинальная арка в стене, сильно обрезанная и расширенная, но от которой до сих пор сохранилась опускная решетка, выполненная с зубчатых стен, как в Фишергейте, Йорк. С заднего входа в город ведет очень крутой, извилистый узкий переулочек, между рядами старинных домов, два из которых, по одному с каждой стороны, рядом с воротами, нормандские. И то, и другое любопытно, но особенно любопытно с южной стороны. Это остов нормандского дома, возраст более старой части стены. На местном уровне его называют дворцом короля Иоанна, но на самом деле это обычный нормандский частный дом, причем довольно совершенный. Главная комната находилась на втором этаже. Крыши больше нет, но дверь и окна остались. Они соединенные, маленькие, с круглой головкой и разделены короткой колонной со слегка скульптурной капителью. Пространство внутри стен составляет 43 на 45 футов. Здесь есть хороший нормандский камин с вытяжкой и боковыми колоннами. На южной и части восточной стены находится галерея фресок. Дом на северной стороне переулочка имеет размеры 44 на 15 футов. В книге Паркера "Домашняя архитектура двенадцатого века", стр. 34, есть хороший вид на городскую стену и план двух домов.

К югу от задней двери стена перестает быть двойной и вся из одного дерева толщиной около 6 футов. В этой части находится плоская прямоугольная фресковая контрфорсная башня, сильно застроенная домами, но имеющая южный полый угол, пересеченный косой аркой с гардеробом. Рядом с ним находится высокий заостренный дверной проем, очевидно,

врезка, длиной 24 фута, ведущая в Коллиз-корт, а примерно в 60 футах дальше находится западная сторожка.

Это идеальная и простая прямоугольная сторожка глубиной 30 футов и шириной 24 фута, без контрфорсов, на одном уровне со стеной снаружи и со смелым выступом внутри. Он пронизан высоким остроконечным сводом с отверстием в 12 футов. Проход был сильно изуродован с целью его расширения. Ближе к центру находился хороший углубленный дверной проем, профиль верхней части которого до сих пор прослеживается в том месте, где он был грубо вырезан из стены. Между ним и внутренней гранью находятся две квадратные канавки для опускной решетки, а сразу за внутренним входом находится выемка шириной 18 дюймов над верхней частью арки. В хранилище, перед центральной дверью-футляром, есть девять отверстий площадью около 4 квадратных дюймов, три по линии макушки и по три вдоль каждого бедра. Эти последние сходятся к центральной линии.

В сторожке есть камера с опускной решеткой на первом этаже и второй этаж над ней. Открытая лестница с южной стороны ведет к зубчатой стене, из которой дверь-вставка открывается в камеру с опускной решеткой. Эти верхние комнаты оштукатурены и оклеены обоями, и в них ничего не видно.

К югу от этих ворот стена продолжается в довольно идеальном состоянии на протяжении 80 ярдов и, наконец, была снесена. Его можно проследить вплоть до того места, где стояла полукруглая башня, и некоторых остатков арки. За этим также можно проследить линию стены до места, где находится башня Горна, в 180 ярдах от западных ворот, и которая закрывает юго-западный угол города.

Южная стена почти полностью разрушена, а фундамент либо убран, либо скрыт широкой и красивой набережной, которая теперь находится между основанием стены и морем. Этот фасад был более или менее выпуклым, или, скорее, многоугольным, углы были увенчаны барабанными башнями. Сохранились некоторые следы южной сторожки. В задней части этой части стены находится больница Святой Марии Магдалины, а на Портер-лейн - то, что называлось дворцом Канута. Изображение южных ворот до 1784 года сохранил Гроуз. У него была низкая, широкая арка в эдвардианском стиле со смелыми машинколяциями наверху, а с востока он был защищен длинной боковой стеной, параллельной подходу к нему. Он был снят в 1830-40 годах.

В сорока ярдах от южных ворот находилась еще одна полукруглая башня, и оттуда стена тянулась прямо на восток на 83 ярда, доходя до юго-восточного угла города. За этой частью стены, на Уинкл-стрит, находится "Дом Божий", нормандская церковь, ныне очень плохо отреставрированная и превращенная во французское протестантское место поклонения.

В юго-восточном углу города, в конце восточной стены, есть ворота, называемые Воротами Божьего Дома, или Южными воротами, но их следовало бы называть Ответственными воротами, поскольку они открываются на сооружение такого класса. Эта сторожка прямоугольная, довольно простая, без контрфорсов, с двумя верхними этажами. Его размеры составляют 28 футов в ширину и 23 фута в глубину, а южный конец выступает как невысокий выступ из двух граней на южную стену, которая сейчас удалена. Проход перекрыт высокой остроконечной аркой шириной 12 футов. Как и у западных ворот, в нем был центральный углубленный дверной проем, сейчас сильно срезанный, и два паза для опускной решетки. Свод перед дверью опирается на два, а сзади - на три поперечных ребра. В целом, по сути, эта сторожка напоминает западные ворота и украшена очень рано. Возможно, его фасад был перестроен, когда была пристроена ответвленная башня.

Отрог выступает с северной стороны входа в сторожку примерно на 80 футов. Он состоит из своего рода высокой галереи, или занавеса, заканчивающегося прямоугольной башней площадью около 22 квадратных футов с контрфорсами, венчающими два восточных или внешних угла по диагонали. Он трехэтажный и построен поперек восточного рва, без сомнения, для сдерживания и защиты шлюза, сообщающегося с морем, который первоначально подходил к стене башни. На северной и восточной сторонах видны большие арки, которые выглядят так, как будто там был проход для лодок; но на самом деле это, по-видимому, были только строительные арки, предназначенные для того, чтобы перенести вес здания на углы, которые, вероятно, заложены более глубоко, чем занавес. На северной стороне также находится большая современная арка, реликвия канала, который должен был быть проложен под башней. Шпорное сооружение и сторожка долгое время использовались в качестве Брачного колодца. Все до сих пор носит следы этого унижительного занятия. Вся шпора хорошо перпендикулярна. Лиланд называет это южными воротами, а шпоровую башню - Кастеллетом. Гроуз показывает его примерно в 1770 году. От Шпорных ворот городская стена выглядит довольно безупречно до первой полукруглой башни в 60 ярдах. Отсюда стена простирается на 35 ярдов до плоского контрфорса шириной 14 футов и глубиной 3 фута, от которого сохранились некоторые остатки. За этим, на высоте 37 ярдов, находится прямоугольная башня шириной 30 футов и глубиной 24 фута. Говорят, что эти две пристройки времен Эдуарда VI. Они выглядят намного старше.

Отсюда до северо-восточного угла башни стена снесена, но ее линию можно проследить частично по случайным фундаментам, частично по материалам, которые использовались в домах, построенных на ее месте, и частично по направлению переулка, называемого "За стеной", который проходит вдоль ее тыла, и по параллельной дороге, которая проходит вдоль откоса рва и называется "Канальная аллея", из-за несостоявшегося канала, который был проведен вдоль линии рва в начале нынешнего столетия.

Восточные ворота выходили на Ист-стрит и были снесены в 1772 году. Гроуз дает их рисунок и относит их возведение к 1339 году 13 Эдуарда III. Между этими воротами и северо-восточным углом находилась одна фресковая полукруглая башня.

От башни Полнимонд, которая венчает северо-восточный угол, сохранились значительные остатки. Это башня в форме барабана в три четверти, диаметром около 28 футов. От него до бара, на расстоянии 160 ярдов, сохранилась стена или ее часть, но настолько застроенная зданиями, что она недоступна обычным посетителям. Здесь сохранились остатки двух полукруглых башен и пролом в стене, называемый Йоркскими воротами, который, вероятно, представляет собой задний ход.

Восточный ров отмечен углублением, частично из-за канала. Северный ров полностью уничтожен и застроен, а его ширина не зафиксирована и не была установлена путем зондирования. Если судить по его контрамарку Ганновер Билдинг, ширина его составляла 46 ярдов; но если, что гораздо более вероятно, его граница обозначена Колд-Харбором, то она составляла всего 24 ярда, что соответствует ширине вдоль восточного фронта.

ЗАМОК.

Скорее всего, замок был самым старым и, возможно, единственным пре-нормандским укреплением, связанным с городом. Он занимал почти всю северо-западную четверть обнесенной стеной территории, а также включал в себя самую высокую площадку. В плане это был грубый полукруг, хордой в 124 ярда служила городская стена, а дугой - около 300

ярдов. Однако на юго-востоке этого района также есть значительный холм диаметром около 45 ярдов, примерно половина которого находится за пределами изогнутого *ограждения*.

Это была цитадель. Лиланд называет это подземельем (донжон) и "величием замка". "Он, - говорит он, - и большой, и красивый, и очень крепкий, как по строению, так и по месту своего расположения"; а другие авторы описывают его как высокий холм. Как обычно, при создании подобных сооружений было использовано преимущество возвышенности, чтобы сделать ее основанием искусственного кургана, окруженного глубоким и широким рвом. Цитадель, без сомнения, представлявшая собой каменную оболочку, как и Арундел, возвышалась над остальными сооружениями. От изогнутой стены *ограждения* осталась часть к северу. Он был построен на опорах площадью около 8 квадратных футов и на расстоянии 9 футов друг от друга - круглой арке с уклоном в точку, соединяющую их. Вершины этих арок возвышались примерно на 12 футов над основанием опор, и на них опиралась стена, несущая зубчатую стену. Арки были зарыты в земляной насыпи высотой около 15 футов. Этот берег был снесен, чтобы позволить строить дома вплотную к стене, которая теперь, таким образом, стоит как римский акведук. Фундамент превосходный, так что этот план был принят исключительно для экономии материала и получения прибыли от более старого берега. Неровность кладки показывает высоту берега, над которой остающаяся стена возвышается примерно на 4 фута. Вызывает большое сожаление, что с этим любопытным фрагментом нормандской стены так плохо обращались. От нее сохранилось около 90 ярдов, включая восемнадцать арок. Он останавливается в Замковом переулке, где находились главные ворота замка, снятые в конце прошлого века.

Стена за воротами продолжалась вверх по насыпи до крепости и дальше, пока не достигла южных ворот, откуда продолжалась до тех пор, пока снова не уперлась в городскую стену. Таким образом, цитадель была возведена и, как обычно, составляла часть *окружения*. От южных ворот, также снятых в прошлом столетии, извилистая дорога, начинавшаяся от стены, вела вниз к Симнелл-стрит, в нескольких ярдах от заднего входа.

Рядом с замком, напротив городской стены и внутри нее, находится большое подземное хранилище, ныне закрытое; и, судя по отверстиям в стене, к югу от него находилось соответствующее хранилище.

Вся территория замка высокая, и большая ее часть была еще выше, насыпь была понижена, ров частично засыпан, а берег, по которому была построена стена, убран.

Судя по материальным свидетельствам, полученным в результате осмотра работ, может показаться, что замок представляет собой саксонское или датское земляное укрепление, вероятно, самое раннее укрепленное место, и состоял из усеченной насыпи, окружающего ее круглого рва и земляной насыпи, окружающей территорию, частью которой был курган или его часть: все это составляло крепость первого класса.

Норманны, вероятно, во времена правления Генриха I. обнесли замок и город прямоугольной стеной и вырыли восточный и северный рвы. Кроме того, замок был обнесен стеной, частично построенной на арках, а на плоской вершине кургана располагалась крепость-ракушечник. Стена замка, большая часть западной стены города и два дома на Блу-Энкор-лейн могут быть отнесены к этому периоду.

Затем возникла необходимость укрепить городскую стену, и это, вероятно, было сделано во времена правления короля Иоанна, который, по-видимому, перечислил горожанам 200

фунтов стерлингов из их арендной платы за ферму для ограждения их города и утолщения стены, и, возможно, в то время были начаты работы по возведению западных и боковых ворот.

Должно быть, многое было сделано с укреплениями во время правления Генриха III. или Эдуард I. К этой дате, вероятно, относятся более старые барабанные башни и большая часть стены, соединенная с ними, а также углубление в Баргейте и добавление примыкающих к нему башен.

Похоже, что город подвергся нападению пиратов и был разграблен в октябре 1338 года 12 Эдуардом III, и, как следствие, в следующем году он был укреплен. Южные и восточные ворота, возможно, относились к этому времени, как и отроговая башня и ее галерея, если только эта последняя, после завершения строительства Баргейта, не была работой Ричарда II. Этот король, кажется, много сделал для замка.

Хранилище, указанное на плане как находящееся с северной стороны водных ворот, в настоящее время полностью находится под землей, оно построено у внешней стены и внутри нее, его пол находится примерно на уровне основания стены. Свод имеет размеры 55 футов 3 дюйма к северу и югу, 19 футов 6 дюймов к востоку и западу и около 25 футов в высоту. Сэр Х. Энглфилд говорит, что он во многом напоминает часовню. Другие называют это караульным помещением у водных ворот. Часовня едва ли могла бы располагаться с севера на юг, а караульное помещение, особенно такое большое, каким бы необходимым оно ни было для главных ворот, было бы совершенно неуместно рядом с простым задним входом. В хранилище проникли несколько недель назад через давно заделанный проем в западной стене, но автору не удалось узнать, что тогда наблюдалось.

К югу от водяных ворот есть или было похожее хранилище, обозначенное отверстиями в стене, одно на высоте 3 футов, а другое на высоте 1 фута от земли, оба давно застроены. Вероятно, эти два были фундаментами двух зданий, которые составляли часть внешней стены и использовались под склады или подвалы.

Трудно переоценить масштабный план Саутгемптона, выполненный при сэре Х. Джеймсе, на котором линии старой стены и расположение других предметов старины показаны таким образом, что не оставляют желать лучшего.

ЗАМОК ТЭМВОРТ, УОРИКШИР.

ЗАМОК TAMWORTH стоит у слияния рек Анкер и Тейм, на правом берегу обеих рек, между городом и последней рекой, недалеко от моста Святой Марии. Он занимает позицию недалеко от восточной оконечности южной, или речной, части старого города, очертания которой все еще обозначены берегом и ровом, что показывает, что в плане он представлял собой параллелограмм, одна сторона которого опиралась на Таме, а восточная оконечность защищалась Анкером. Низменность у слияния рек, широкие луга на левом берегу Таме напротив и на обоих берегах ниже города, в их естественном состоянии представлявшие собой глубокое болото, должно быть, сделали это место почти недоступным с восточной, южной и западной сторон; и, без сомнения, привели к его превращению в безопасное место жительства в очень ранний период.

Поскольку земля поднимается от реки, город и его величественная старая церковь расположены несколько выше замка, который, должно быть, всегда был сухим, проветриваемым и, как следствие, целебным.

Линия обороны города с восточной стороны известна как Королевский ров, предположительно, в связи с мерсийской Оффой. Несмотря на отсутствие чего-либо похожего на четкость очертаний и использование в качестве питомника, работа ни в коем случае не уничтожена, и ее можно проследить почти от Анкера ниже Болбриджа примерно на 300 ярдов к северу. Он состоит из возвышенного берега, который образовывал террасу за стеной или частоколом, более или менее засыпанного рва, а за ним - склона, представляющего собой гласис, или пространство за пределами сооружений, которое с очень раннего периода было принято держать подальше от укрытий. Берег и ров имеют ширину около 45 футов. Рыночная улица пересекает линию обороны, и, поскольку она старая, вероятно, ее пересекала сторожка. На его северной стороне сохранилось несколько слабых и неопределенных следов каменной кладки. Дальше на север современная дорога обеспечивает хороший участок берега.

Эта сторона примыкает к северному фасаду под прямым углом, внутри которого находится что-то вроде холма, который запомнился как несколько больший и который выглядит так, как будто он отмечал место расположения фресковой башни или, возможно, кавалерийской или небольшой горы.

Оборонительные сооружения северного фронта огибают Личфилд и Поулсворт-роуд и прослеживаются почти до перекрестка с Секингтоном. За этим Дагдейл проследил линию, теперь застроенную садами или окруженную стеной, общей протяженностью 400 шагов до горы, отмечающей северо-западный угол, от которой линия проходила под прямым углом к югу, к реке. Это дало бы пространство примерно 300 на 400 ярдов в качестве ограждения города. За пределами западного фасада земля быстро переходит в луга, среди которых, на берегу реки, сразу за городом, находится Моут-Хаус, старая резиденция Комберфордов, все еще стоящая во всей своей сырости, хотя ров был засыпан.

Главный мост через Таме, расположенный недалеко от замка, известный как мост Святой Марии или Леди Бридж, современной постройки. Он пришел на смену средневековому сооружению, изображенному на табличке Шоу 1780 года, предшественником которого, вероятно, был мост или, возможно, брод саксонских времен. Во времена Лиланда на камне был изображен герб лорда Бассета из Дрейтона.

Боу, или Болбридж, пересекает Анкер и ведет к деревушке Болехилл и Нанитону.

Церковь представляет собой большое сооружение значительных достоинств, содержащее какие-то нормандские работы, очевидно, когда-то соединенные с центральной башней, и в которых можно увидеть следы кладки из селечной кости. К востоку от него находятся руины, известные как Благодичиние, часть которого, по-видимому, тоже нормандская. Рыночная площадь, хотя и сильно измененная, представляет собой древнее пространство, отведенное для торговых целей.

Тэмворт не имеет исторических претензий ни на британское, ни на римское происхождение. Британцы определили бы его по меньшему ручью. Самое раннее упоминание о нем есть в записях народа, на языке которого оно названо. Оффа, король Мерсии, в хартии от 781 г. н.э. объявляет себя “Ego Offa rex, sedens in regali palatio in Tamoworthige”, что свидетельствует о его отличии в то время и делает вероятным, что у него была более ранняя история. Сенвульф датирует хартию 816 годом н.э. “In vico celeberrimo qui vocatur Tomoworthig”, а другие

королевские хартии датируются на ее основе 841 и 854 годами. Так что в восьмом и девятом веках это уже была королевская резиденция и знаменитое место.

Датчане разорили его вместе с большей частью Мерсии в начале десятого века, а в 913-14 годах нашей эры он был восстановлен Этельфлед,

Elfleda potens! O terror virgo virorum!

дочь Альфреда, сестра Эдуарда Старшего и основательница Татбери, Уорика и многих других хорошо известных саксонских мест силы. Считается, что она воздвигла курган и разместила свою резиденцию на вершине. Она умерла здесь в 918-22 годах н.э.

Замок и половина города находятся в графстве Уорик; другая половина и церковь - в Стаффорд. В книге "Судный день" нет упоминания о замке.

После завоевания Тэмворт перешел в собственность Роберта Мармиона, который, по-видимому, укрепил его, поскольку подобные земляные укрепления были укреплены в Нормандии, и сделал его достаточно прочным, чтобы некоторое время спустя вызывать раздражение у короля Иоанна, который в 1215-16 годах приказал сровнять его с землей. При Генрихе III его лордом был другой Роберт, и Филип Мармион умер, захватив его в 1291-92 годах. От Мармиона он перешел к Фревайлу, оттуда к Феррерсу, оттуда с Энн Феррерс, в конце семнадцатого века он перешел в браке с домом Ширли, от которого через Комптон перешел к Тауншендам, представитель которых, маркиз Тауншенд, является шестнадцатым бароном Феррерсом по судебному приказу от 1299 года и владельцем замка Тамворт, в то время как граф Феррерс, наследник мужского пола Ширли, является виконтом Тамвортом по рождению в 1711 году.

От Нормандского завоевания до 20-го Эдуарда I. Замок переходил по наследству от пяти поколений Мармионов; оттуда до 7-го Генриха V., через шесть представителей дома Фревайлов, а оттуда до 1680 года через одиннадцать потомков фамилии Феррерс; с момента завоевания до 1680 года было двадцать два лорда. Король Яков и принц Чарльз поселились здесь в 1619 году.

Замок состоит из насыпи, платформы, зданий на насыпи, поднимающейся к ней навесной стены и остатков сторожки.

Курган полностью искусственный, около 50 футов в высоту, круглый и около 100 футов в диаметре на плоской вершине. Его стороны расположены на естественном склоне из смеси сухой земли и гравия, *обломков* нового красного песчаника в округе; а его основание может находиться примерно в 12 футах над рекой.

К юго-востоку от насыпи находится треугольная платформа, также более или менее искусственная, возвышающаяся примерно на 15 футов над рекой. Одна сторона прямая и обращена к воде. Та, что к востоку, в настоящее время представляет собой полый изгиб и, очевидно, была удержана стеной, у которой она образовывала террасу. Эта сторона простирается на север до разрушенной сторожки, указания на которой, по-видимому, указывают на то, что часть платформы была удалена и что первоначально она простиралась на несколько ярдов к востоку до нынешней пивоварни; так что этот фасад, без сомнения, был прямым, а не, как сейчас, вогнутым.

Третья сторона, или гипотенуза, платформы обращена к насыпи и частично огибает ее, и поэтому является вогнутой; а между ними находится ров. За исключением этой “возвышенной долины”, в настоящее время у подножия кургана нет никаких следов канавы.

Ниже южного фасада, между ним и Тамеей, недалеко от моста Святой Марии, находится замковая мельница, перестроенная в наше время. Им управляет Анкер, который, огибая юго-восточный фасад замка, служит мельничным леером. Над мельницей, между леером и линией стены, находится узкая полоска земли, ныне являющаяся садом и, вероятно, когда-то пастбищем под крепостной стеной.

К северу от платформы навесная стена тянется от сторожки вверх по насыпи, с вершиной которой она находится на одном уровне. Эта стена в плане угловатая или слегка выпуклая, обращенная к внешней стороне города. Он имеет толщину 10 футов и крепостную стену в 7 футов, парапет в 2 фута и поперечную стену в 1 фут. Аллея на валу была, вероятно, единственным путем от сторожки к вершине кургана. Она поднимается плавно, но без ступеней. Он имеет около 20 футов в высоту в центральной части, заканчиваясь на пустом месте. Это кладка из костей сельди, плоских камней, уложенных наклонно по краю, причем каждое блюдо разделено горизонтальной подушкой, иногда одинарной, иногда двойной, из мелких камней, напоминающих плоскую гальку. В самом глубоком месте имеется двадцать один ход. Кое-где поверхность заштопана, но в целом стена находится в своем первоначальном состоянии, очень шероховатая, но идеальная. Стыки очень открытые. Внешний фасад менее совершенен и, кроме того, скрыт неуклюжими контрфорсами, возможно, эпохи тюдоров или более ранней постройки. Структура из селедочной кости не видна на стене рере, которая, вероятно, является реставрацией, но она появляется на переднем парапете на фут или два выше дорожки, ведущей к крепостному валу. Это очень примечательная стена, и ее следует сфотографировать в деталях.

Продолжение стены, ведущей к верхней сторожке или сторожке у ворот со стороны города, частично старое, но более позднее, чем занавес. Сама сторожка в основном современная, но часть старая; с ней соединены остатки арочного косяка и паз для опускной решетки, вероятно, следы главного входа в замок. Через эти ворота короткий переулок ведет на рыночную площадь. Нижняя сторожка, или вход со стороны моста, была построена в 1810 году и вместе с прилегающей к ней стеной полностью соответствует этой дате.

Вершину кургана венчает многогранная стена толщиной около 9 футов и высотой от 30 до 40 футов. Частично эта стена очень старая. Основание поддерживалось современной облицовкой, которая сильно бьется и имеет высоту около 2 футов; но выше этого, на протяжении 6 или 8 футов, выложен щебень с открытыми швами, с камнями большого, но неправильного размера и формы. Квоины, однако, сделаны из ясеня, грубые, но добротные. Выше этого уровня, на высоту вала, стена, по-видимому, была перестроена в прежние времена лучшим образом, но как будто старые работы были оставлены там, где они сохранились, так что они сильно переходят друг в друга.

Верхние 10 футов стены, сплошь парапет, по-видимому, относятся к еще более позднему времени. Она зубчатая, а иногда и закольцованная на уровне вала. В юго-западной четверти есть петля примерно в 6 футах от земли и две другие выше, все они, по-видимому, того же возраста, что и стена, и, находясь рядом с колодцем, вероятно, освещали офисы. Эта стена сильно заросла плющом. Он был существенно изменен в двух местах; на южной стороне полностью перестроен на протяжении нескольких ярдов, чтобы сформировать внешнюю стену южных частных апартаментов; а на противоположной стороне одновременно были вставлены несколько больших окон в стиле позднего тюдора для освещения северных

апартаментов. Под этими последними находятся три массивные каменные кладки для поддержки балконов. Один из них датируется несколько более ранним периодом и имеет лучший дизайн, чем другие.

В контуре стены, к югу, возвышаясь над занавесом, находится башня площадью 24 квадратных фута, выступающая на 5 футов от стены. Его углы внутри простые, но те, что снаружи, обрамлены двумя узкими пилястрами, оставляющими свободный угол между ними. Эти полосы поднимаются примерно на 20 футов и неуклюже переходят в нечто вроде восьмиугольника, который на вершине башни превращается в цилиндр, и таким его можно увидеть на зубчатых стенах. Это, однако, могут быть изменения. Высота башни составляет около 40 футов, а толщина стен - 7 футов. Она несколько потрепана. На его внешней стороне расположены два окна в стиле тюдор; и примерно на полпути вверх струнный ход, заканчивающийся пилястрами, который в центре возвышается в виде полукруглой капли, вероятно, когда-то направлявшейся к нормандскому окну. Эта башня сложена из щебня того же возраста, что и стена, с пилястрами из тесаного дерева. В ее внешней стене очень серьезная трещина, которая, кажется, становится все хуже.

В нескольких футах к югу от башни, и, следовательно, недалеко от подъема на занавес, находится вход в цитадель. Он небольшого размера, с равносторонней аркой, простые квадратные косяки продолжают вверх через лепнину арки, которая очень простая, только угол закруглен. Капельница, если она там была, истлела. Этот дверной проем проходит через стену довольно наклонно. Внутренняя сторона имеет ребристую головку и две грани, вырезанные на ней рядом с пружиной. Здесь нет ни паза для опускной решетки, ни большого отверстия для перекладки. Защитой служила единственная дверь.

Между дверью и башней в ранний период было сооружено нечто вроде эркера, возможно, для защиты подхода. В настоящее время у него есть петля в подвале и два окна в стиле тюдор наверху, и его венчает небольшой фронтон того же времени.

У основания стены находится терраса шириной около 10 футов и высотой 8 футов, возвышающаяся над склоном насыпи. Подпорная стена частично старая и поддерживается короткими прочными контрфорсами, по-видимому, датированными временем. Эта стена была залатана и местами перестроена в тудоровские и более поздние времена, а ее низкий парапет, опоясывающий ее, в основном современный. Что это было и когда построено, неизвестно. Возможно, он имел низкий парапет, своего рода шемизетту, защищавшую основание крепостной стены, и предназначался для дополнения рва у подножия насыпи. В прошлом веке его пересекала с южной стороны стена с воротами, но это, вероятно, не было оригинальным.

Далее будут описаны здания внутри оболочки. Вход находится под чем-то вроде сторожки, построенной в том же стиле, что и другие здания, и имеющей справа двор с башней, а слева небольшой дворик, одной из сторон которого является внешняя стена, и в этой стене небольшой дверной проем, откуда настенная лестница поднимается, извиваясь вдоль стены, к зубчатым стенам. Внутренний вход, ведущий в частные апартаменты и холл, представляет собой довольно замысловатый дверной проем в стиле Якова I. Он ведет в коридор или вестибюль, справа от которого находится большой зал, слева - кладовая, или современная комната экономки, а впереди - путь на кухню.

Холл расположен на севере и юге и занимает почти центр ограждения. На каждом конце его расположены отдельные апартаменты, не имеющие прямого сообщения, кроме как через холл. На его восточной стороне находится башня и тауэр-корт; на западной стороне - кухня и кухонный дворик.

Зал имеет размеры 40 на 20 футов, почетный конец находится на севере. Входная дверь находится в середине южного торца. Северный конец пуст. С восточной стороны примерно южная половина занята большой дубовой оконной рамой с квадратными проемами, застекленными, достигающими примерно 5 футов в высоту до карниза крыши и выходящими во двор башни. В той же стороне, в северном конце, есть дверь, ведущая по лестнице в северные апартаменты и башню. На западной стороне, в центре, находится большой камин; к северу от него - окно, похожее на другое, но немного меньшего размера; а к югу - дверь, ведущая на лестницу, ведущую в южные покои.

Крыша зала ажурная, поддерживается двумя отдельно стоящими и двумя зацепленными опорами, по одной на каждом фронте. Каменный пол недавно заменили вагонкой. Три дверных проема округлые, эпохи Якова I. Вид зала мрачный, крыша тяжелая и неумелая, окна неприятные, а стены тонкие и из кирпича. Здесь есть четыре хороших кованых канделябра высотой около 6 футов.

Южные апартаменты на цокольном этаже, за упомянутым исключением, являются частными. На втором этаже расположены библиотека и гостиная, а также одна или две отдельные комнаты. Библиотека до карниза обшита дубовыми панелями, а вдоль верхнего яруса панелей нарисованы Феррерс и его спички. Камин очень красивый, а над ним большая статуэтка, вырезанная из черного дуба, с изображением Феррерса и его четвертаков, герба, сторонников и девиза. В гостиной, также обшитой панелями и более просторной, есть хороший камин. В каждой комнате есть большое окно в стиле тюдор, выходящее на юг, и она чрезвычайно жизнерадостна. Второй этаж не показан.

Северные апартаменты расположены между холлом и северной стеной, в которой пробиты окна. Подвал состоит из подвалов на уровне земли, выходящих из башни и кухонных дворики. На первом этаже находится большая гостиная и две боковые комнаты поменьше. Все они разобраны, без панелей и в ветхом состоянии. На втором этаже расположены спальни, которые также не используются. С этого этажа дверь открывается на вал *ограждающей* стены, где видно, что она имеет толщину 7 футов и парапет высотой около 10 футов. Ниже находится кухонный дворик, а у стены виден покатым уровень грунтовых вод, обозначающий крышу, вероятно, ранней кухни. На другом конце эти комнаты сообщаются с башней, этажи которой разрушены. В подвал башни можно попасть со двора. Лестницы повсюду представляют собой прямоугольные ступени, и каждая ступенька представляет собой тяжелое дубовое бревно.

Между прихожей и западной стеной находится кухня, оборудованная современной крышей и бытовой техникой, но, без сомнения, на старом месте. На одном конце его находится колодец диаметром около 5 футов, облицованный тесаным деревом и спускающийся до уровня реки. На другом конце находится кухонный дворик, в котором виден закрытый дверной проем, ведущий в подвал северных апартаментов. Оно может быть оформлено или датировано более ранним перпендикулярным периодом.

Глядя на прямоугольные и продолговатые очертания оборонительных сооружений, перекрестки дорог и позицию с одним открытым берегом реки, трудно не считать Тэмворт римским по происхождению или созданным по образцу римской оккупации. Икнилд-стрит на своем пути из Бирмингема в Личфилд проходит, правда, не ближе к Тэмворту, чем Уолл, древний Этоцетум, в шести милях от него, где ее пересекает Уотлинг-стрит; но эта последняя на своем пути к Атерстоуну или Мэнсеттеру проходит через Фазли, всего в миле к югу от Тэмворта; и если бы не значительный угол наклона к Уоллу, она проходила бы прямо через город. Тем не менее, римские города обычно обозначаются историей или традицией, или

остатками римской каменной кладки, или предметами домашнего обихода, и эти свидетельства, по-видимому, здесь совершенно отсутствуют.

Но каким бы ни было происхождение прямоугольного берега и рва, не может быть никаких сомнений в том, что насыпь и платформа замка были созданы Этельфлед или ее саксонскими предшественниками: одна служила опорой для обычной деревянной крепости саксонских танов, другая - для хижин и сараев их слуг и скота. Вероятно, ров включал в себя и насыпь, и платформу с трех сторон, обращенных к суше, и обе они, и берег реки были укреплены частоколом. Поскольку о городских стенах ничего не упоминается, несомненно, аналогичная защита окружала берег со всех сторон. Хорошо известно, что такое устройство было обычным как в Нормандии, так и в Англии в столетия, предшествовавшие Завоеванию, и хороший и гораздо более ранний местный пример этого был дан римлянами при Уолле, где несколько лет назад были обнаружены палисады, сохранившиеся в болоте, которое служило им защитой спереди.

Норманны, по-видимому, начали со строительства ограждающей стены, оставшаяся часть которой, безусловно, нормандская, вероятно, более древняя, чем крепость. Вероятно, сначала хозяйственные постройки находились ниже двора, у подножия кургана; впоследствии крепость, по-видимому, была застроена постройками. Главный вход, очевидно, находился через верхнюю сторожку со стороны города.

Навесная стена не может быть намного позже Завоевания. Ясно, что она никогда не проходила по вершине кургана, поскольку наклон ее вала указывает только на уровень вершины; вероятно, поэтому, когда она была построена, на кургане было какое-то сооружение. Также неясно, возобновлялся ли занавес на противоположном склоне насыпи и продолжался ли он вниз от нынешнего домика к мельнице, и в этом случае площадь замка была бы около 100 ярдов в поперечнике.

Нынешняя раковина на холме кажется более поздней, чем занавес. Входная дверь и средняя полоса стены кажутся пристройками одной эпохи, возможно, времен правления Иоанна или Генриха III. Терраса и самые старые части интерьера, вероятно, более поздние, возможно, времен Эдуарда I или II.

Лиланд, писавший во времена правления Генриха VIII, говорит: “Замок Тэмворт стоит на довольно высоком месте, в южной части тауна, прямо на берегу Анкера, в его устье. Нижний двор и большая палата замка полностью обветшали, а стена обвалилась, и теперь там находятся лишь служебные помещения без какого-либо примечательного здания. Темничный холм все еще стоит, и большая круглая башня из камня, в которой живет мистер Феррерс и сейчас ремонтирует ее.... Город Тэмворт весь построен из дерева”. — [Итин. iv. 122.]

Нижний двор, очевидно, был платформой, а большой двор, без сомнения, включал в себя всю территорию к югу от нынешнего занавеса и между насыпью и мельницей.

В восточном окне церкви висела картина, копия которой сохранилась у Дагдейла. На ней изображен Завоеватель, лишающий Роберта Мармиона замка. Король стоит перед внушительным зданием, фасад которого венчают две двухэтажные барабанные башни с коническими крышами, соединенные занавесом. В одной башне есть ворота, а за двумя в перспективе видны ступенчатый фронтон зала и остроконечная крыша прямоугольной башни.

Справа от короля и здания, вдалеке, находится курган, увенчанный стеной. Это, без сомнения, довольно преувеличенное изображение замка в том виде, в каком он стоял во времена поздних Плантагенетов.

Дагдейл, писавший после гражданских войн, говорит: “Нормандский замок стоял ниже, ближе к меркейт-плейс, где сейчас конюшни”. Сохранился меркейт-хаус, перестроенный во времена королевы Анны; конюшни перенесены на другую сторону, к мосту. Нормандский замок означает хозяйственные постройки.

13 Эдуард I, Филип Мармион совершил определенное “посягательство”, или вторжение, в ущерб королевскому рынку, по обе стороны от замка Тэмворт, шириной 8 футов и длиной 40 футов.

Мистер Феррерс, которого упоминает Лиланд, вероятно, был сэром Джоном Феррерсом (умер в 1576 году), который женился на Барбаре Кокейн; и стоящие сейчас хозяйственные постройки были его работой и, возможно, работой его сына и внука.

Что первоначально находилось внутри корпуса, неизвестно, вероятно, какие-то одноэтажные дома раннеанглийского периода с отделкой, которые были сняты или почти сняты для возведения нынешних сооружений. Эти последние работы выполнены в основном из кирпича с облицовкой из свободного камня и дверными наличниками.

ЗАМОК ТОНТОН.

ЗАМОК ТОНТОН представляет в глазах археологов интерес, который его нынешний вид и его нормандская история, возможно, не оправдывают, но который зависит от того факта, что он английского, а не нормандского основания, что он датируется периодом почти на два столетия раньше, чем любая другая крепость, упомянутая в саксонских хрониках, и не только приблизительно известна дата его постройки, но и существующие земляные укрепления, хотя и изуродованные, вне всякого сомнения, оригинальные.

Замок стоит на одном из многих невысоких холмов из гравия, часто с основанием из красного мергеля, которые поднимаются из обширных болотистых земель этого очень необычного района, и которые до того, как сельское хозяйство осушило болота, были еще более неприступными (выражаясь военным языком, это были более прочные земли), чем даже горные крепости верхней части страны. Тон, река, от которой город получил свое название, берет начало множеством обильных притоков на широком участке местности, на севере, западе и юге, и пересекает низменность, которая, хотя и не была такой влажной и обширной, как многие прилегающие уровни, все же была достаточно широкой и болотистой, чтобы служить любой цели обороны.

Считается, что здесь, на правом берегу ручья, обосновался Ине, знаменитый вождь и законодатель западных саксов, в 702 году, когда он был занят защитой своей границы от западных бриттов, которые под предводительством Герейнта все еще удерживали позиции на пересеченной местности к востоку от Тамар, в Эксмуре и среди холмов Брендон и Кванток, вероятно, располагая лагерями, которые сохранились до сих пор, но мало изменились по прошествии тысячи или одиннадцати сотен лет.

Так, по-видимому, возник город Тонтон, и здесь, на берегу одного из извилистых рукавов ленивой речки, Ине основал свой замок, насыпав земляные насыпи, опоясанные глубокими и грозными рвами и, без сомнения, дополнительно укрепленные частоколами из бревен или, в лучшем случае, стенами, качество изготовления которых едва ли заслуживало названия каменных. В таком виде он был разрушен, то есть сожжен, королевой Этельбурх в 722 году, которая, вероятно, однако, оставила земляные укрепления, лучшую часть обороны, такими, какими она их нашла.

Выбранное место, примыкающее к реке, покрыто петлей, которая была преобразована в мельничный ручей, работающий на мельнице, расположенной немного ниже замка. Эта река, или северный фронт, довольно прямая и имеет около 180 ярдов в длину. Западный фронт, протяженностью около 168 ярдов, образован тем, что, по-видимому, было притоком под названием Потуотер, который здесь впадал в реку почти под прямым углом. Южный и восточный фронты протяженностью 340 ярдов были образованы изогнутым водотоком, вероятно искусственным, который вторым соединением соединял приток с рекой и, таким образом, завершал контур обороны. Таким образом, ограждение представляло собой своего рода квадрант, река и ручей были радиусами, а изогнутый ров - дугой. Территория, огороженная таким образом, составляет около семи акров и находится между рекой и городом, который охватывает его восточную и южную стороны.

В пределах этой области, занимая ее северо-восточный угол и примерно четверть ее протяженности, находится внутренний двор или цитадель этого места, примерно прямоугольной формы, размером около 123 ярдов к востоку и западу, на 73 ярда к северу и югу. Его восточная и северная стороны упираются в главный ров и реку, а южная и западная стороны покрыты искусственным изогнутым рвом, который придает восточному внешнему рву вторую связь с рекой и отделяет внешний двор, называемый "Касл Грин", от внутреннего двора. Позиция была очень сильной: река, а за ней болото, с северной, или угрожаемой, стороны, а с южной - ров, частично двойной, всегда заполненный водой.

Внутренний двор далее разделен на две части, восточная половина из которых, по-видимому, была возведена в виде своего рода платформы, на которой, вероятно, располагалась настоящая резиденция Ине.

Покойный мистер Уорр, очень большой авторитет в сомерсетских земляных работах, говорит здесь о насыпи, но поскольку я не могу разобрать, есть ли какие-либо записи или предания о насыпи в техническом смысле, то есть о конической куче земли, вероятно, он называет этим именем очень значительный берег и прилегающую к нему платформу земли, большая часть которой видна до сих пор. Что здесь произошло, и кем было занято, или какие изменения произошли между правлением Ине и концом одиннадцатого века, неизвестно, но норманны, привыкшие, насколько это было практически возможно, занимать саксонские владения, вскоре осознали преимущества расположения и земляных работ в Тонтоне, и Уильям Гиффорд, который занимал пост епископа Винчестерского в правление Генриха I. Похоже, решил построить обычный замок. Его преемники, епископы Винчестерские, часто бывали здесь, и замок был значительно пристроен их руками, особенно в ранний украшенный период, более или менее значительные следы которого сохранились до сих пор. Внешний двор пересекает с востока на запад дорога, на которой стояли две сторожки, западная из которых до недавнего времени была представлена фрагментом стены и каменным мостом через ров. Следы барбакана в части древесины были обнаружены несколько лет назад при раскопках контрскарпа. Остатки восточной сторожки все еще значительны. Он был большого размера, входной проход имел глубину 60 футов, с порталами на каждом конце и на внешнем конце и большой квадратной канавкой для опускной решетки. На верхнем этаже

располагалась прекрасная комната, в северной части которой сохранились два окна в стиле раннего оформления, характерном для всей сторожки. Ворота были расположены прямо во рву, на противоположной стороне города, на которой несколько лет назад были заложены какие-то фундаменты, вероятно, барбакана. Стена внешнего двора исчезла, за исключением небольшого фрагмента в юго-западной части, также в этом районе не сохранилось ни одного древнего здания, в том числе школы епископа Фокса, старейшего из них, построенного позже того периода, когда защитные сооружения представляли большую ценность.

Защита и содержимое внутренней палаты менее несовершенны. Каменная кладка здесь фактически не доходила до реки, непосредственный берег которой, как и в Лестере, очень низкий, так что огороженный двор занимал лишь около двух третей всей территории, окруженной рвом. Обнесенная стеной часть имеет примерно треугольную форму, основанием является восточная сторона, а усеченная часть открыта на запад. Кроме того, эта территория, по-видимому, была разделена поперечной стеной на две части: крепость, холл и сторожка находились в западной части, а земляной вал - в восточной, что подтверждает предположение о том, что это была древнеанглийская цитадель. Эти земляные укрепления представляют собой два вала вдоль восточного и южного фронтов, расширяющиеся на их стыке в прямоугольную платформу размером примерно 80 на 120 футов. Берега использовались в качестве террас или пандусов, против них и вдоль края рва была построена нормандская стена. Эти берега имеют ширину от 18 до 24 футов и высоту около 10 футов. Вдоль восточной стороны примерно 150 футов первоначальной стены остаются относительно идеальными, а снаружи имеют высоту около 25 футов. Она возвращается вдоль реки или северного фасада, и рядом с углом находится заглубленная арка, в настоящее время невидимая, которая, возможно, была задней дверью или канализационным люком. С южной стороны стену недавно убрали. В юго-западном углу этого двора находится жилой дом, часть стены которого старая, то ли нормандская, то ли эдвардианская.

В меньшем, или западном, дворе находятся основные остатки каменной кладки, и из них наиболее примечательной является крепость. Это четко очерченная, хотя и изуродованная башня, стоящая на *ограждающей* стене, северо-западный угол которой она образует. Он прямоугольный, 50 футов к северу и югу, по 40 футов к востоку и западу, со стенами толщиной около 13 футов. Под землей нет помещения. Подвал перекрыт тяжелым бочкообразным сводом, по-видимому оригинальным, с круглой головкой. Снаружи расположены плоские узкие пилястры, уходящие в стену примерно на 30 футов. В стене сохранились следы нормандских петель, которые, возможно, были высотой 50 футов и, вероятно, включали в себя три этажа. В северо-восточном углу находится лестница-колодец, ведущая на зубчатые стены, вероятно, частично построенная в эдвардианскую эпоху. Вход, скорее всего, находился с южной стороны, без сомнения, на втором этаже, хотя не осталось ничего, что указывало бы на это.

Со стороны крепости, вдоль северного фасада, оригинальная, хотя и сильно изуродованная нормандская стена с ее плоскими пилястрами и косяком одного оригинального окна венчает возвышенность, как и в Лестере, примерно в 50 футах от реки, и, также как и в Лестере, очевидно, образует одну сторону зала. В конце стены, примерно в 140 футах от крепости, находится задняя дверь с сегментарной аркой, возможно, выполненной в нормандском стиле, хотя и изуродованной.

В центре южного фасада, но в юго-восточном углу этой его части, находится сторожка, прямоугольное сооружение с порталом в эдвардианском стиле и несколькими перпендикулярными пристройками, квадратными пазами для опускной решетки, воротами и

сторожкой. Спереди видны отверстия для цепей, поддерживающих подъемный мост, который теперь заменен постоянной конструкцией. Над входным проходом находится камера.

Справа и слева от сторожки занавес простирается примерно на 70 футов, незадолго до этого заканчиваясь жирными барабанными башнями, одна из которых исчезла, а другая закрывает юго-западный угол палаты и соединяет этот фасад с короткой завесой, ведущей в цитадель. У этой стены стоит ряд зданий, начиная с сторожки у ворот. Напротив, у северной стены, находится холл, современный по своей внутренней стене, отделке и крыше, но, очевидно, занимающий место первоначального нормандского холла и хозяйственных построек.

Юго-западная барабанная башня была перестроена или облицована, но, очевидно, представляет собой эдвардианские или ранние украшенные работы, пришедшие на смену старому нормандскому занавесу. Ров вдоль западного и части южного фасадов этого участка был недавно засыпан. Барабанные башни, занавес и цитадель стояли на его краю и образовывали уступ.

Итак, здесь мы имеем комбинацию земляных сооружений, датируемых началом восьмого века; стен и крепостных построек начала двенадцатого века; а также башен и сторожевых башен конца тринадцатого или начала четырнадцатого века. Епископ Лэнгтон произвел здесь некоторые пристройки в 1490 году и поместил свое оружие снаружи внутренней сторожки. В 1496 году замок был взят корнуолльскими повстанцами, восставшими против жесткого налогообложения Генриха VII, и здесь был убит мэр Пенрина. Епископ Хорн произвел здесь дальнейший ремонт в 1557 году.

Во время парламентских войн Тонтон сначала был занят парламентом, затем взят лордом Хартфордом для короля и, наконец, возвращен парламенту Блейком, который удерживал его против значительно превосходящих сил. Печально известный Джеффрис проводил “Кровавые слушания” в этом зале.

Считалось, что замок Ине располагался только во внутреннем дворе. Без сомнения, там был его крепкий дом, но вся территория не больше Фрамлингема или других саксонских владений.

Отсутствие насыпи довольно необычно, и примечательно, что норманны разместили эту крепость на самом низком месте. В целом, судя по его очень любопытным, хотя и скудным остаткам, и его очень древней истории, замок Тонтон представляет необычайный интерес, и к чести археологов Сомерсетшира во многом является то, что крепость была преобразована в музей, а стены и земляные валы стали украшением древнего города, которому, несомненно, положил начало замок.

ЗАМОК ТЕРНХЭМ, ГРАФСТВО КЕНТ.

ТУРНЕМ, называемый также из-за холма, на котором он стоит, замком Годара, недалеко от Мейдстона, представляет собой любопытный пример нормандского замка, расположенного на месте, очевидно, британского лагеря.

Лагерь располагался на вершине очень крутого отрога, который выступает между впадиной с одной стороны и небольшим глубоким гребнем с другой, на большом уступе нижнего мела, примерно в четырех милях к востоку-северо-востоку от Мейдстона. Земляные валы были образованы путем обрыва центрального холма и, возможно, очень небольшого его поднятия, чтобы образовать небольшую насыпь, и таким образом особенно укрепили его слабые стороны, расположенные ближе к корню отрога. На нижнем, или Тернхэмском, фронте оборона, естественно сильная, усилена рвом и насыпью, расположенными немного ниже по склону холма, намного ниже корпуса крепости, и предназначенными для контроля над дорогой, которая здесь вьется вверх по гребню от деревни и церкви Тернхэм, у подножия холма. Земля внутри этой внешней обороны была широко вскрыта для добычи мела и настолько изуродована кучами карьерного мусора, что о ее древнем расположении практически невозможно установить.

Нормандский замок занимал платформу недалеко к западу от кургана и, вероятно, входил в состав британского лагеря. Здесь находятся остатки ворот и внутреннего двора, но поскольку на насыпи все еще видны следы каменной кладки, возможно, она была включена в *ограждающую* стену, или на ней стояла одна из круглых или многоугольных башен-ракушек, которые иногда у норманнов заменяли обычную квадратную крепость, особенно там, где раньше был укрепленный курган.

Руины невелики. Они состоят из двух параллельных стен сторожки, имеющих по обе стороны две большие круглые ниши, разделяющие проход на два отсека, и, кроме того, на восточной стороне есть две маленькие двери сторожки, также с круглыми дверцами.

К западу от сторожки проходит низкая навесная стена высотой около 13 футов и толщиной 4 фута, протяженностью около 80 футов, заканчивающаяся широким плоским контрфорсом, возможно, основанием квадратной башни. Стену отсюда можно проследить на юг, вдоль края обрыва, откуда она, по-видимому, продолжалась к насыпи. Полый путь, вырубленный в мелу, вьется снизу, под этой стеной и близко к западу от нее, и, делая изгиб, входит в сторожку с севера. Следов тесанки нет. На большей части стены видна грань из обтесанного кремня. Возможно, это поздняя нормандская работа.

На вершине холма есть углубление в почве. Эта часть работы настолько покрыта густым кустарником ежевики и подлеском, что ее невозможно очень точно рассмотреть.

Турнхэм или Тернхэм встречается в Domesday и был одним из многочисленных поместий, подаренных Завоевателем епископу Одо и находившихся под его управлением при обследовании Ральфом Курбеспайном. Тогда в нем была церковь, и его исповедником был Сберн Бига.

Осенью 19 года до н.э., после смерти Одо, он был предоставлен Жильберу Мамино в качестве должности замковой стражи Дуврского замка. Холдеры при Мамино были рыцарской семьей, получившей свое название от этого места. Роберт де Тернхэм владел им *временно*. Генрих II., и основал Комбвеллский монастырь. Возможно, он построил замок. У Роберта был Роберт, который умер *с.п.* 13 Иоанна; и Стивен, который тоже умер *с.п.* 16 Иоанна.

В правление Эдуарда I. Тернхэм принадлежал сэру Роджеру де Нортводу, который умер 13 Эдуарда I., оставив Джона, который женился на Джоан де Бадлесмер и умер 14 Эдуарда II. Их сын Джон умер раньше своего отца, оставив Роджера, у которого был Турнем, и женился на Джулиане, дочери Джеффри де Сэя, главного лорда поместья. Их сын, сэр Джон, третий

барон, умер во времена Ричарда II; а его сын, Роджер де Нортвуд, которого так и не вызвали в парламент, оттолкнул Турнхэма и умер с.п., оставив брата.

Говорят, что здесь проживали Нортводы, но считается, что замок был демонтирован в ранний период. Замок Тернхэм не назван на карте боеприпасов.

ЗАМОК ТИКХИЛЛ, ЙОРКШИР.

ТИКХИЛЛ - место глубокой древности, и как до, так и в течение нескольких столетий после нормандского завоевания его значение как опорного пункта и главы обширной знати было очень значительным. Мистер хантер, точный и образованный историк округа, предлагает "Те-уикхилл", намекая на деревенскую гору, в качестве вероятной этимологии названия, и приводит "тандер-клифф", или "Под Клиффом", в качестве аналогичного случая. Кажется, рядом с замком Шеффилд была небольшая лужайка под названием "Уик-эр", а "Тикен-холл", недалеко от Бьюдли, был местом расположения ранней крепости.

Однако Тикхилл, хотя, очевидно, это раннее название, не упоминается в Domesday, но, как полагают, включен в Dadsley, название, все еще существующее в непосредственной близости. В "Дадеслее, Стантоне и Хельгели" Элси и Сивард владели восемью округами, а Роджер де Бюисли — семью в поместье; также был тридцать один гражданин, класс, присутствие которого, как считалось, указывало на бург или замок. Роджер де Бюисли был главным арендатором этих и других поместий, включавших Честь Тикхилла, подразделение, безусловно, основанное на более раннем гонораре, главным резидентом которого был Тикхилл. Орден Норманнов насчитывал шестьдесят пять и три четверти рыцарских гонораров и простирался от Йоркшира до графств Дерби, Линкольн, Ноттс и Лестер, включая одно поместье в Девоне. Тикхилл, который, кажется, иногда называли Блайт, что, однако, также было названием места в соседней части Линкольншира, был главной резиденцией могущественного дома де Бюисли во время их несколько короткой карьеры.

Роджер де Бюисли получил Тикхилл от Завоевателя, который воздал ему Честь в свою пользу. У Роджера был выбор в его обширных йоркширских владениях из трех старинных английских поместий: Лоутон-ан-ле-Мортен, Мексборо и Тикхилл. Он выбрал Тикхилл; а два других места сохранили свои английские земляные укрепления, неизменные нормандской каменной кладкой и измененные только временем. Лаутон, по-видимому, изначально превосходил даже Тикхилл, вероятно, как резиденция графа Эдвина, названная в обзоре "Судный день". Роджер сам, вероятно, укрепил Тикхилл каменной кладкой, сторожка у ворот и большая часть стены, по-видимому, были его работой. Фундаменты крепости выглядят несколько более поздними, но также могут относиться к этой дате. Он также был основателем монастыря Блайт в 1088 году. Он умер в 1098 году, и ему наследовал его сын Роберт, который умер бездетным в царствование Генриха I.

Спуск с Тикхилла теперь становится неясным. У Роджера был брат Эрнальд, который занимал шесть должностей при Тикхилле, и сестра Беатрикс, от которой произошли графы Ю. Однако после смерти Роберта Тикхилл перешел к Роберту де Белесму в качестве следующего наследника; и, поскольку он был могуществен и подкрепил свои притязания выплатой крупного штрафа или взятки, он унаследовал трон. Однако после его смерти

вмешался король Генрих и вступил во владение. Замок некоторое время, с небольшими перерывами, оставался во владении короны. Уильям Фиц-Годрик владел им в 1142 году, а Стефан, граф Ю, какое-то время. Ральф, граф Честерский, владел им в 1151-3 годах. Генрих II, по-видимому, возложил это на Элеонору, свою королеву, которая основала “Часовню святого Николая в крепостных стенах”.

Она перешла к Ричарду I, а в его отсутствие была захвачена принцем Джоном и осаждена в пользу Ричарда Падси, епископом Дарема. Когда Иоанн унаследовал его как король, он присоединил часовню своей матери к капитулу Руана. Иоанн часто бывал в Тикхилле, что примечательно, поскольку рядом с ним не было ни парка, ни Чейза. Он был здесь шесть раз с 1200 по 1216 год по меньшей мере на одиннадцать дней. Однако в начале правления Джона граф Ю, будучи могущественным, объявил Тикхилла мужем Алисы, наследницы Генриха, графа Ю, и представителем Беатрикс, сестры Роджера де Бюисли. Ральф де Иссудон, или Де Лузиньян, ее муж, граф по праву рождения в 1197 году, по-видимому, был сыном Джеффри де Лузиньяна, который должен был жениться на дочери короля Джона, вследствие чего король согласился вернуть Тикхилл Ральфу и его жене, а Джону де Бассингборну было приказано передать владение, которое было дополнено приказом с тем же эффектом, 1 Генрих III.

Тем временем появился еще один претендент в лице Идони, представительницы Эрнальда, брата Роджера де Бюисли, которая вышла замуж за Роберта де Випона, барона, много работавшего на Джона и нередко имевшего отношение к Тикхиллу. Таким образом, в 1204 году он был занят некоторыми ремонтными работами в замке, как и в 1206 году, которые включали сарай и конюшни. В 1207 году ему должны были заплатить за этот ремонт, и он также работал в королевских замках Ноттингем, Болсовер, Пик и Скарборо. В 1208 году ему должны были прислать в Тикхилл пять долей красного вина, такого, которое можно было бы сохранить, для короля. Идоней, жена Випонта, по происхождению удержала шесть гонораров в Тикхилле, а теперь претендовала на остальное у графини Алисы, 6 Генрих III. Алисе повезло больше; но в 9 Генрих III. она уехала за границу, вероятно, в свои нормандские поместья, и в результате Тикхилл, похоже, перешел во власть короны.

Генрих III, будучи королем, даровал его принцу Эдуарду, который в 1254 году передал его Элеоноре Кастильской, но в 1259-60 годах Эдвард де Лейси, констебль Честера, использовал фразу “Барония mea де Тайкехалл”, как абсолютный лорд. Принц Эдуард, однако, даровал его своему кузену Генриху, сыну Ричарда, короля римлян, в 1263 году.

В 1296 году Джон, граф Ю, возродил семейные права. Он был внуком Альфонсо (сына Иоанна, короля Иерусалимского) от дочери графини Алисы. Его претензии были быстро отклонены, поскольку он был иностранцем. Это было последнее утверждение права, но столетие спустя о нем вспомнили, когда Генрих V. присвоил Уильяму Буршье графу Ю и лорду Буршье из Тикхилла только титулы, не связанные с собственностью, которые остались в короне.

В феврале 1322 года замок был три недели осажден Томасом Ланкастерским, и эта осада была одним из обвинений, выдвинутых против него на суде: “Et misit homines suos ... ad obsidendum castrum domini Regis de Tikhull; et quædam ingenia, ad projiciendum petras grossas super castrum prædictum, et homines in eodem castro ex parte domini Regis existentes; qui quidem proditores castrum illud, per tres septimanus continuè insultando et debellando, obsederunt, et quosdam homines Regis ibidem interfecerunt.” Замок доблестно защищал сэръ Уильям де Энн, и его сменил лично король. Тикхилл снова перешел к королеве в лице

Филиппы, которая умерла в 1369 году. В 1362 году Эдуард обменял Тикхилл на Джона Гонта в обмен на честь Ричмонда, и он перешел к другим поместьям герцогства Ланкастер. В парламентской борьбе он отстаивал интересы короля, но сдался после Марстон-Мура и был демонтирован. При таком удержании его внешними укреплениями были ров и частокол на контрскарпе. Фундамент часовни был разрушен, 1 Эдуард VI. Сейчас замок принадлежит графу Скарборо.

Замок Тикхилл - отличный пример до-нормандского или английского земляного сооружения, состоящего из насыпи, рва и нижнего уорда, преобразованного в нормандский замок. Это точный пример того, как нормандские инженеры относились к земляным работам, подобным этому описанию, и как такие работы привели к появлению одного из двух великих типов нормандского замка - с башней-ракушкой. Тикхилл - это Лоутон в большем масштабе, с той лишь разницей, что ров насыпи не огибает его полностью, а сужается к прилегающей территории. Либо он никогда не был сформирован, либо, что не маловероятно, был засыпан при строительстве нормандских сооружений, либо, как в Кардиффе, в гораздо более поздний период. Нечто аналогичное этому, по-видимому, имело место в Кенилуорте.

При первоначальном строительстве этой крепости было использовано преимущество холма из мягкого песчаника, образовавшего основание насыпи. Здесь был насыпан уступ, вырыт ров и материал, использовавшийся для формирования верхних двух третей насыпи. Современная пещера сбоку показывает это естественное основание. Замок состоит из насыпи и двора, пристроенного к его западной стороне, весь окруженный рвом. Насыпь имеет коническую форму, около 60 футов в диаметре у столешницы и около 60 футов в высоту над палатой. Палата представляет собой округлую и более или менее круглую область, за исключением того места, где она соприкасается с холмиком, и включает в себя примерно четверть его окружности. Внешний ров повторяет очертания этого квартала и непокрытых трех четвертей насыпи: следовательно, в плане он чем-то напоминает цифру 8, и именно эта выемка в контуре делает вероятным, что когда-то насыпной ров был законченным, и две части крепости были, как и в Барвике, разделены. Хозяйственные постройки находились в нижнем приходе, на его западном краю, напротив холма, на котором находилась цитадель. Сторожка стоит на южном краю прихода, между хозяйственными постройками и цитаделью. Занавес опущен на востоке, но в других местах все сносно идеально. Ров засыпан с той же стороны, а его место занято огородом и конюшнями.

На вершине кургана видны основания крепости в виде десятиугольника, стороны которого в среднем составляют 16 футов 11 дюймов, каждый угол которого был перекрыт плоской пилястрой шириной 4 фута с очень небольшим выступом. Дверь, по-видимому, была направлена на юго-запад, открывалась на 4 фута 6 дюймов. Она находилась между двумя сторонами исключительной длины в 20 футов. Толщина стены в верхней части постамента, по-видимому, составляла 10 футов. Корпус, по-видимому, был облицован тесаным деревом. Все здание было с некоторой осторожностью снесено до верхней части цоколя, простой фаски, которая раньше возвышалась примерно на 6 дюймов над землей, а теперь покрыта до ее уровня. Таким образом, сохраняются фактические размеры плана, а также положение и ширина входа. Говорят, что в этом районе есть колодец, в нескольких футах от двери. Если это так, то в настоящее время он надежно скрыт.

В настоящее время к замку ведут семьдесят пять каменных ступеней по прямой линии с западной стороны. Возможно, таков был первоначальный подход. Если это так, то путь от начала лестницы должен, как и в Тамворте, проходить на 20 футов вокруг замка. Ступени заканчиваются внизу, под навесом. Два конца занавеса поднимаются на холм примерно на две трети его высоты. Вероятно, они были продолжены до вершины, но сейчас на уровне

башни не видно фундамента, а цоколь башни показывает, что там не было скрепления. Завесы, которые таким образом поднимались на эти холмы, редко крепились к замку и, похоже, никогда не поднимались на полную высоту. Напротив, они, по-видимому, поднялись только до уровня вершины кургана или до основания стен крепости, парапет, вероятно, был продолжен таким образом, чтобы перекрыть проход снаружи. Похоже, так было в Танбридже, Беркхэмпстеде и Тамворте. В Хавардене занавес примыкает к замку высотой около 10 футов, но без первоначального скрепления и с дверным проемом, выходящим за пределы основания замка.

Занавес, ограждавший нижнюю палату, имеет здесь толщину от 10 до 13 футов и высоту от 20 до 30 футов, с постаментом у внутреннего основания. Он возвышается над берегом, который образует пандус или террасу шириной 15 футов как с внешней, так и с внутренней стороны. Внутри этот пандус находится примерно в 8 футах над уровнем площадки. Снаружи она образует дорожку по всему периметру крепости, проходящую по мосту над воротами и ступенькой или выемкой огибающую склон насыпи. Занавес тянется от холма до жилого дома, примерно 240 футов, вдоль северного фасада, но на западе он скрыт домом, который представляет собой внутренние постройки замка. Он также остается от дома до сторожки и примерно в 50 или 60 футах за ней вдоль южного фасада. К юго-востоку пройдено около 300 футов, но последние 78 футов, где он снова поднимается на насыпь, сносно идеальны.

Там, где внешняя стена огибает насыпь, она образует облицовку высотой 6 футов, которая, возможно, была и выше, и увенчана парапетом для защиты этого фасада.

Внешний ров широкий и глубокий и частично содержит воду. Раньше он питался из соседнего ручья, который протекал вокруг него. За рвом была земляная насыпь, следы и фрагменты которой сохранились, особенно к северу. Трудно сказать, был ли там второй ров из-за затопления дорог и зданий.

Сторожка заслуживает особого внимания как оригинальное ранненормандское сооружение. Его площадь составляет 36 квадратных футов, толщина стен - 7 футов 6 дюймов, на каждом конце - круглые ворота с отверстием в 12 футов, с простой перекладиной для дверей, но без опускной решетки или фаски. Внутреннее пространство было обшито деревом, и там был верхний этаж. Возможно, он был частично перестроен; в стене над внутренней дверью есть большое окно в стиле тюдор, вероятно, вставка.

Лестницы нет. Конструкция очень напоминает Порчестер до перестройки. Она размещена на занавеске, со смелым внешним видом и еще более смелой внутренней проекцией. Внешний фасад первого этажа украшен четырьмя жесткими грубыми фронтонами, каждый из которых представляет собой прямоугольный треугольник, с грубой фигурой на вершине каждого и в углублении или желобе, соединяющем каждую пару. Тимпаны заполнены небольшими квадратными блоками, на каждом из которых вырезан неразвитый орнамент в виде собачьих зубов. Простая строка отмечает разделение двух этапов, и пока все в норме.

Но хотя верхняя часть осталась неизменной, нижняя часть была замаскирована украшенными воротами с пазом для опускной решетки и стрельчатой аркой, в то время как перед этой аркой и по бокам от нее две стены толщиной 6 футов выступают на 15 футов, а между ними находится подъемный мост. Над ними, скрывая верхнюю часть входной арки, находится низкий плоский мост, который ведет к внешней дорожке, или *chemin de ronde*, над входом, и из которого была сделана решетка. Если бы не этот мост и его украшенные примыкания, можно было бы предположить, что *chemin de ronde* была простой современной

прогулочной площадкой, тогда как ясно, что это была часть обороны, сооружение, прикрывающее подножие стены и, без сомнения, сильно обнесенное частоколом. Здесь нет и следа парапета.

Сторожка у ворот кажется ранненормандской, вероятно, большая часть занавеса выполнена Роджером де Бюисли до 1089 года. Замок выглядит гораздо более поздним, но, должно быть, он был частью оригинального дизайна, и, возможно, работы, начатые Роджером, были завершены его сыном. В украшенный период, вероятно, были сделаны значительные пристройки. Вероятно, когда замаскировали сторожку и перекинули через нее мост, занавес также починили, добавили новый парапет и образовали *chemin de ronde*. Лиланд говорит о зале, которого сейчас нет. Где стояла часовня, неизвестно. Дверной шкаф, который, возможно, принадлежал ему, был снят и установлен внутри сторожки, а снаружи находится старая дубовая дверь в стиле Якова I. На ней вырезаны слова:—

Мир и благодать

Будь в этом месте.

Входная дорожка теперь ведет к сторожке через современный мост, перекинутый через мокрый ров. К югу от этого места находится приток реки Торн или Thorne'a, которая прикрывала этот фронт.

Это один из самых любопытных замков Йоркшира не только из-за его чисто нормандской сторожки и нетронутого фундамента башни-ракушки, но и потому, что он показывает, как нормандские лорды пользовались английским престолом и как их архитекторы или инженеры приспособили свои укрепления к уже существующим земляным укреплениям. Его следует изучать совместно с Пикерингом для составления общего плана и нормандских работ, а также с Барвиком-ин-Элмите и Лоутон-ан-ле-Мортеном для определения общего сходства земляных работ. К сожалению, плана нет.

ЗАМКИ ТРЕТАУЭР, БЛЕН-ЛЛИФНИ И КРИКХАУЭЛ, БРЕКНОКШИР.

СРЕДИ перевалов, которые соединяют открытую местность верхнего Уска и Уай, в окрестностях Талгарта, Глэсбери и Хэя, с долиной нижнего Уска, есть два особенно опасных, и поэтому нормандским поселенцам было предписано охранять их с особой тщательностью. Это перевал Бвлч, расположенный между Баклендом и Цефн-Моэлем, и долина Рианголл. Полоса земли, граничащая с рекой Уск, которая течет недалеко к западу от Минидд Бакленда, очень узкая, и в дождливые сезоны раньше была труднодоступна; кроме того, ее в значительной степени охранял замок Блен-Ллифни, который был специально построен для защиты реки Булч, недалеко к северу от которой она расположена.

Рианголл берет начало в Cwm Catwg, глубокой темной впадине в Черных горах, и стекает вниз, чтобы впасть в Уск примерно в трех милях выше Крикхауэла. У его истока, где он обращен к северо-западу, его охранял горный замок Динас, а ниже - Третауэр. Еще ниже сам Уск защищен замковым холмом Крикхауэл, а еще ниже - холмом Абергавенни; так что между сеньориальными замками Блен-Ллифни, Динас и Абергавенни и частными постами Третауэр

и Крикхауэл вторжения валлийцев из Брекнока и Рэднора могли быть остановлены при их наступлении и полностью отрезаны при их отступлении.

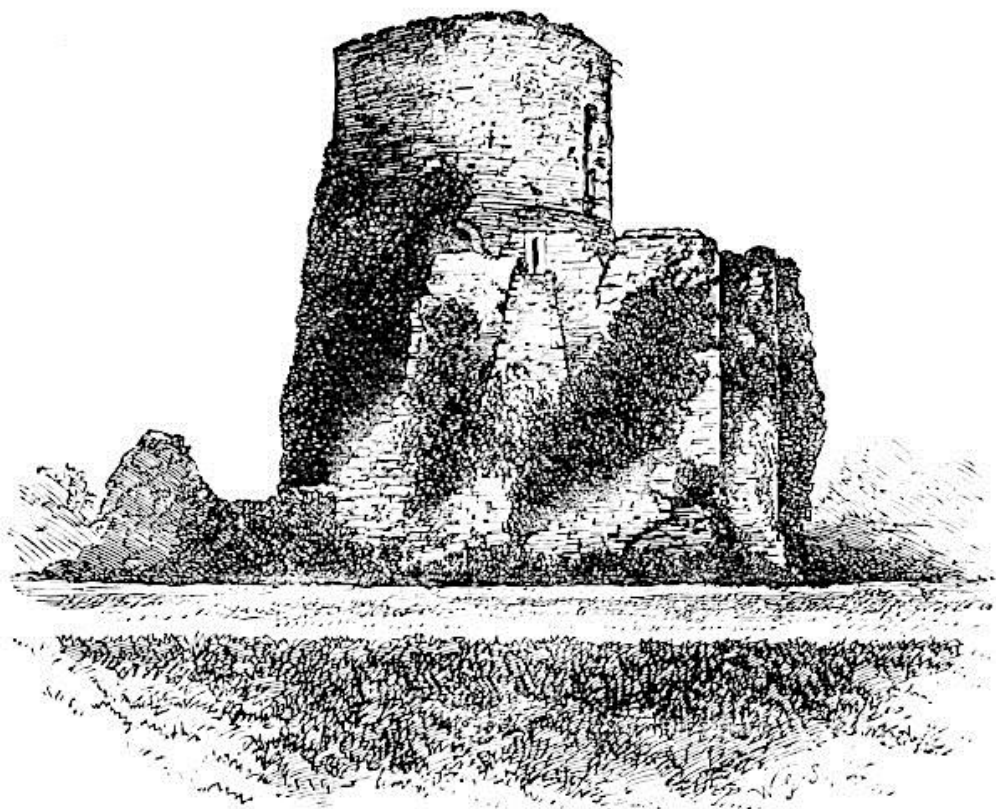
Третауэр стоит в лугах Рианголла, на левом берегу ручья, примерно в миле выше его впадения в Уск, в месте, где насыпь гравия возвышается на краю и немного выше общего уровня луга, когда-то, очевидно, непроходимого болого болота, и даже сейчас ни в коем случае не являющегося благоприятным образцом бреконширского земледелия. Луг пересекают несколько ответвлений ручья, здесь усиленных различными источниками и ручейками, что, в дополнение к естественной прочности почвы, сделало это место одним из самых труднодоступных, за исключением немного возвышенности на северо-востоке.

Третауэр - это часовня в приходе Лланвихангель, Cwm Du, и, по-видимому, это было частное поместье владельцев замка, которые, когда завоевания Эдуарда I заселили княжество, покинули маленькую и неудобную крепость ради дома побольше немного южнее, который сейчас занимает фермер и в котором сохранились некоторые следы украшенного стиля архитектуры.

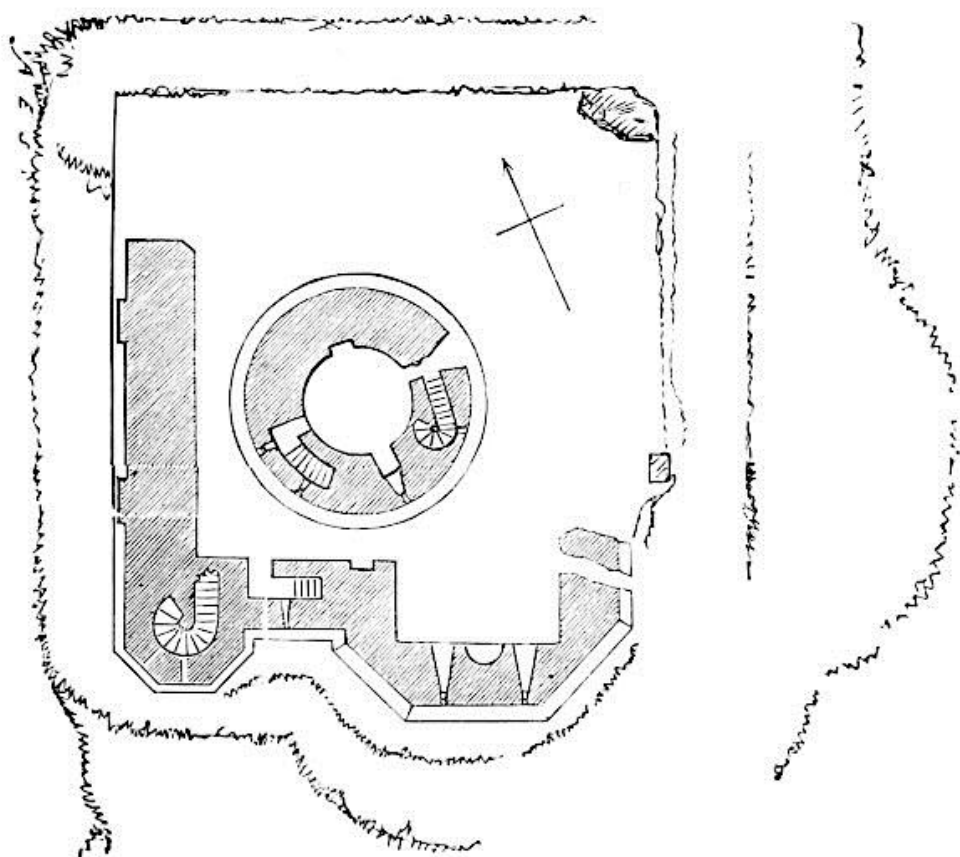
Замок представлял собой треугольную ограду с двумя круглыми башнями в северном и южном углах, или на концах своего основания, и цитаделью в западном углу, или на вершине. Длина каждой из двух сторон составляет около 60 ярдов, а основания - около 80 ярдов. Вход, вероятно, находился недалеко от центра основания или восточного занавеса, на линии нынешней дороги, ведущей к хозяйственным постройкам, которые занимают этот внешний двор. Сохранились фрагменты двух круглых башен и примерно половины северного занавеса. В ущелье южной башни, почти погребенной под землей, виден верх большой стрельчатой арки, которая, вероятно, вела в ее цоколь, хотя ее ширина необычна.

Внутренний двор, внутри или, скорее, за пределами которого находится цитадель, представляет собой квадрат размером примерно 23 ярда на 18 ярдов снаружи и 17 ярдов внутри, расположенный в вершине треугольника; так что три его стороны находятся снаружи, а одна внутри внешнего замка. Он был разрушен с северной и восточной сторон; но южная сторона идеальна, а западная почти такова. Фундаменты можно проследить по всей окружности. Этот участок занимает всю насыпь из гравия, возвышающуюся примерно на 12 футов над лугом, которая является его защитой с запада, юга и востока; и он построен так, что его нижняя часть служит откосной стеной, земля внутри находится примерно на 6 футов выше узкого берега или террасы снаружи. На двух северных углах не было башен, которые, по-видимому, были скошены с помощью своего рода расширяющегося или укрепленного основания. Из южной стены, на ее западном конце, выступает наполовину восьмиугольная башня, а на восточном конце - другая, гораздо большего размера. Они представляют собой всего лишь половину восьмиугольника и не имеют внутреннего выступа. Толщина стены составляла 8 футов, а высота до зубчатых стен - 25 футов. В остатках западной стены сохранились следы углубления, возможно, для петли, камина с неуклюжей ниспадающей аркой, а выше - окна в том же стиле. В их нынешнем виде они являются поздними вставками, но, вероятно, представляют собой оригинальные отверстия, поскольку снаружи имеется широкая плоская опора, предназначенная для крепления дымовой трубы. В ранний период эта стена была сильно разрушена. Южная стена чрезвычайно любопытна и, хотя, очевидно, сильно изменена, несет на себе большие следы своего первоначального стиля. У его западного конца, в углублении, находится небольшой дверной проем с круглой головкой, открывающийся в колодец-лестницу, которая вела к зубчатым стенам, но была завалена. К востоку от этого проема в стене (вероятно, на месте второй двери) виден лестничный пролет, спускающийся в стене к другой двери, тоже круглой, а теперь почти заглубленной. Лестница освещается с помощью внешней петли. Выше, на другом уровне, находится оконная ниша с

рельефными, тяжелыми, выступающими по бокам зацепленными опорами, выполненными зигзагообразно и поддерживающими фрагмент арочной лепнины, выполненной в том же шевронном узоре. Возможно, это было двойное окно или две арки аркады, поскольку фрагменты изголовья арки имеют примерно такой вид.

TRETOWER CASTLE.

TRETOWER CASTLE—GROUND PLAN.

ЗАМОК ТРЕТАУЭР.

ЗАМОК ТРЕТАУЭР—ПЛАН МЕСТНОСТИ.

Далее, к востоку от этого, на том же уровне, находится открывающийся дверной проем размером 4 на 6 футов, выполненный тем же способом и в том же стиле, что и окно, с зигзагообразными канавками и шевронной лепниной наверху. Работа грубая, а орнамент выполнен лишь частично. Все эти отверстия были замурованы ранней каменной кладкой. Восточная половина этой восточной стены занята прямоугольным выступом, образующим камеру глубиной 10 футов и шириной 18 футов, которая, возможно, была кухней, поскольку в ней находится камин с круглой спинкой, переходящий в цилиндрическую шахту, а на уровне земли находится водосток; также есть три круглых петли, из которых одна находится в западной стене, а в восточной стене есть небольшая круглая дверь шириной 2 фута 9 дюймов, открывающаяся во внешнюю комнату; у нее нет опускной решетки.

Проемы, следы которых сохранились в этой стене, по-видимому, показывают, что первоначально здание представляло собой прямоугольную нормандскую крепость с подвалом, первым и вторым этажами, обозначенными нижней дверью, входом на настенную лестницу, а также дверью и окном наверху. Южный выступ, вероятно, является оригинальным, как и маленькая дверь в его боковой части. Зубчатые стены, часть которых сохранилась на западной стене, без сомнения, являются реставрационными работами. Они состоят из широких зубцов с крестообразной петлей в каждом, при этом поперечина очень короткая.

Снаружи этого здания, недалеко от уровня земли, брешь в каменной кладке открывает полость площадью около 14 квадратных дюймов, которая проходит в стене параллельно ее граням. Очевидно, она была занята балкой, вставленной в качестве стяжки, как в Брунласе, где древесина также сгнила, а полость обнажилась, что породило ряд остроумных предположений. В центре этого квадратного ограждения, оставляя лишь пространство от 7 до 9 футов между его внешней стороной и центром каждой стороны, находится внутренняя цитадель. Эта крепость представляет собой цилиндрическую башню, у основания около 43 футов в диаметре, уходящую внутрь на высоту около 10 футов, где ее опоясывает очень смелый, скорее даже более чем полукруглый выступ или кордон, который отмечает вершину склона и уровень первого этажа. Здесь башня имеет около 38 футов в диаметре. Оттуда она продолжает разрушаться, хотя и незначительно, возможно, на 2 фута, до основания зубчатых стен, которые исчезли. Сейчас его высота составляет 70 футов от уровня земли, который первоначально, возможно, был на 5 футов ниже, а башня - на 5 футов выше, что составляет в общей сложности 80 футов. Примерно на полпути вверх находится ровный выступ примерно в 6 дюймов, уменьшающий диаметр башни на фут. За этим исключением внешний вид довольно простой. Нынешний вход в подвал или цокольный этаж находится с северо-восточной стороны, через современный сломанный вход, созданию которого способствовал вход на первый этаж, который находится непосредственно над ним, и частью которого он сейчас является. Башня состоит из подвала и трех этажей, а ее внутренний диаметр у основания и на первом этаже составляет 20 футов. Полы были деревянными и исчезли; а крыша, похоже, была плоской. Подвал, теперь заполненный примерно наполовину, был около 10 футов в высоту, а стена у его пола толщиной около 11 футов 6 дюймов. Он освещался двумя петлями на северо-западной стороне, выступающие углубления которых имеют квадратную форму, и, как в Кентерберийской крепости, их внутреннее отверстие закрыто сверху, так что петля находилась на уровне первого этажа. Эти петли заделаны снаружи, очевидно, очень ранней каменной кладкой. На юго-западной стороне находится

дверь, верхняя часть которой видна непогребенной, откуда лестничный пролет ведет в стене вверх и на юг, на этаж выше, и это, очевидно, был единственный вход на цокольный этаж.

Вход на первый этаж был также общим входом в крепость. Дверной проем, сильно разбитый, был 4 фута в ширину и 6 футов в высоту и примерно на 10 футов выше первоначального уровня земли. Над дверным проемом, снаружи, находится любопытный капельник или колпак, образующий равностороннюю арку, своего рода фронтоны; а по обе стороны от дверного проема есть два отверстия, у основания и ближе к вершине, которые, по-видимому, служили основанием деревянной конструкции, вероятно, прикрывавшей наружную лестницу. Опускной решетки нет. Дверь ведет в коридор со сводчатой аркой, который пересекает стену и ведет прямо ко второй двери, а именно на первый этаж. Из этого прохода слева дверь ведет на настенную лестницу шириной 3 фута 3 дюйма, которая поднимается по изгибу стены на верхние этажи.

Первый этаж имеет 20 футов в диаметре, а его стены - около 8 футов 6 дюймов в толщину; его пол опирался на две большие параллельные балки, проложенные с северо-запада и юго-востока. К северо-востоку и юго-западу расположены большие оконные ниши шириной 4 фута 6 дюймов, с ниспадающими скошенными арками и каменными сиденьями. В каждом было окно с одним источником света, открывавшееся примерно на 2 фута, с равносторонней аркой и скошенными краями. В южном косяке юго-западного окна находится дверь, заканчивающаяся лестницей, сводчатая, освещаемая двумя внешними петлями, о которой уже упоминалось как о поднимающейся с цокольного этажа. У северо-западной стены находится большой камин с ярким плоским каменным колпаком, уходящим в стену вверх, под смелой лепниной из бисера, а внизу опирающимся на две короткие колонны с колпаками-раструбами в строгом раннеанглийском стиле. Колонны внизу срезаны и фактически образуют карнизы. С обеих сторон расположены грубые круглые пояса, либо для крепления фонаря, либо, как в соборе Святого Бриавеля, для поддержки боковой тяги капота. Высота этого этажа 18 футов. Это была парадная комната.

Лестница, ведущая на второй этаж, после подъема по изгибу стены на несколько ступеней заканчивается лестницей-колодцем диаметром 6 футов, которая продолжает подъем на второй этаж и переходит к зубчатым стенам, как в Чепстоу, Карлайле, Ладлоу и Ньюкасле. Лестница ведет на второй этаж через небольшое углубление или вестибюль в толще стены, где дверь, теперь сломанная, открывается в главное помещение.

Второй этаж также был высотой 18 футов и имел два окна под ниспадающими арками, шириной около 2 футов и высотой 5 футов, с равносторонними арочными выступами, очень похожими на те, что внизу. Один открывается на юго-восток, а другой - на северо-запад. У последнего над внешним отверстием есть угловой выступ, или колпак, или фронтоны, подобный тому, что над большим входом внизу. Здесь также есть камин, расположенный точно над камином в нижней комнате и похожий на него, только косяки немного короче. Камень для очага опирался на своего рода брессуммер, образованный столом, выступающим примерно на 18 дюймов из стены внизу и выглядящим как резная лепнина в нижней комнате. На этом уровне имеется отступ около 6 дюймов для поддержки пола.

Поднявшись по лестнице на третий этаж, вы попадаете в вестибюль, похожий на тот, что находится ниже. Лестница освещена петлями, те, что ближе к основанию, имеют плоскую вершину, а те, что выше, - стрельчатые. Имеется одна длинная петля, разделенная фрамугой, которая образует часть откоса снаружи. На третьем этаже нет камина, но в нем есть два окна, похожие на остальные, выходящие на северо-восток и юго-запад. Крыша, по-видимому, опиралась на одну главную балку, укрепленную лонжеронами с обоих концов, опоры которых

сохранились в форме двух прочных простых каменных карнизов. Укрепленная таким образом платформа наверху могла бы выдержать двигатель практически любого веса. Толщина стены на вершине составляет около 8 футов 6 дюймов; ее толщина над кордоном, по сути, равномерна. Чтобы придать большую прочность каменной кладке вдоль лестницы и вестибюлей, стена утолщена изнутри чем-то вроде пилястры, острый край которой остается.

Третауэр - редкий, вероятно, единственный образец прямоугольной нормандской крепости, которая была разрушена, а ее центральную часть занимала раннеанглийская круглая башня. Пространство между башней и стенами крепости затем было перекрыто крышей, вероятно, в два этажа. Изменения во внешней нормандской стене, закрывающие двери, окна и т.д., вероятно, были сделаны при строительстве внутренней башни.

Материал крепости - твердая разновидность старого красного песчаника. Внутри оштукатурен хорошо обработанный щебень. Дверные и оконные проемы, а также каминны сделаны из ясеня, хорошо обработанного, хотя и простого, как и все здание. Арки дверей и оконных ниш ниспадающие. Окна равносторонние, а многие петли стрельчатые. Внутренняя башня полностью датируется одним годом, очевидно, поздним раннеанглийским периодом.

Говорят, что Третауэр был резиденцией валлийских лордов Брекнок до нормандской эры. Если это так, то их привлекла сухая гравийная насыпь, с трех сторон покрытая болотом. Нормандские оккупанты, по-видимому, построили квадратную башню или крепость на холме, имеющую с одной стороны внутренний двор, вероятно, также обнесенный стеной. В конце правления Генриха III нормандская крепость была разрушена, построена центральная каменная башня и треугольный внутренний двор, окруженный занавесом и башнями с фресками.

ЗАМОК КРИКХАУЭЛ.

Этот замок стоит в пригороде города Крикхауэл, между ним и рекой Уск, на левом берегу этой реки, примерно в фарлонге от приходской церкви.

Его главной и наиболее интересной особенностью является большой конический курган, полностью искусственный, высотой около 50 футов, диаметром 60 футов на севере и юге и 50 футов на востоке и западе. Этот курган был окружен рвом, следы которого сохранились с восточной, южной и западной сторон. С севера на него выходят пруд и несколько коттеджей. К насыпи, с ее восточной стороны и за пределами рва, примыкает ограждение неправильной формы, примерно прямоугольной формы, но закругленной к северо-западу, площадью около двух акров. Он расположен на низком берегу, внешний склон которого был обрывист и, по-видимому, спускался во внешний ров. Это был нижний двор или подопечная замка, а насыпь служила цитаделью. На южной стороне этого квартала, там, где берег примыкал ко рву кургана, находятся остатки двух соединенных башен, одной прямоугольной и одной круглой. Петлеобразные окна первого, очевидно, украшены очень давно, а две башни кажутся ровесниками. В северо-восточном углу квартала, на откосе рва кургана, находится часть круглой башни, которая, с несколькими кучами земли вокруг, по-видимому, является остатками сторожки крепости, которая также, вероятно, была соединена с защищенной лестницей, поднимающейся на курган, путь вверх по которой, должно быть, находился с этой стороны. Это единственные здания, фактически сохранившиеся на *территории* прихода, но очевидно, что по его краю была возведена стена, фундамент которой, вероятно, находится в банке и скрывает его. На рисунке Бака, сделанном в 1741 году, изображен этот занавес, а по трем его углам - три барабанные башни, одна из которых прикрывает внешний вход и находится напротив сторожки замка. Вершина кургана сильно разрушена, и есть

следы фундаментов зданий, которые раньше стояли здесь и которые, по-видимому, находились внутри круглой или многоугольной оболочки, из которой состояла крепость.

Очевидно, что Крикхауэл, как и Каэрлеон, Кардифф, Абергавенни, Брекон и Билт, представлял собой окруженный ровом холм с пристроенным к нему внутренним двором, на котором норманны, захватив поместье, построили замок. Самая ранняя каменная кладка, вероятно, датировалась Генрихом II, но была расширена и перестроена в правление Генриха III.

Замок Блен-Ллифни, или Блен-Ллевенни, в Брекнокшире, возвышается над рекой Ллифни, притоком озера Ллангорс. Он был выставлен для охраны важного перевала Бвлч, выше и немного в пределах которого он находится. В плане это был параллелограмм, заключенный в четыре навесные стены с башнями по углам и, по-видимому, с сторожкой на северо-востоке. Часть северной стены уцелела, но остальная часть представляет собой груды руин. Замок занимал естественную возвышенность; примерно в 20 футах над внешним уровнем, а вокруг него ров, местами влажный. Замок стоит на склоне, который к северу очень крутой и очень сильный. Он был построен нормандскими лордами Брекнока и долгое время принадлежал им, а при появлении наследника или меньшинства переходил в собственность короны; следовательно, он упоминается не только в местных преданиях, но и время от времени встречается в летописях королевства. Кажется, это эпоха Генриха III. или, возможно, несколько раньше. Во времена Бака, в 1741 году, сохранилась большая часть занавеса и части башни.

ЗАМОК ТАТБЕРИ, СТАФФОРДШИР.

Гористая местность Нидвуд-Форест, расположенная между реками Трент и Дав, заканчивается к востоку слиянием этих рек на границах трех графств Дерби, Стаффорд и Лестера. Примерно в пяти милях выше этого слияния, на правом, или Стаффордширском, берегу реки Дав, стоят город и замок Татбери, который, по словам Лиланда, когда-то был резиденцией саксонских лордов Мерсии и назван, как говорят, в честь бога Тота, правящего Вторником, и которому, как считается, поклонялись на территории замка. Эта этимология подтверждается Уэднесбери; но, как бы то ни было, Татбери, несомненно, был древней крепостью и обладает в этом отношении необычными природными преимуществами.

Замок венчает верхнюю часть или северное окончание значительного хребта из нового красного песчаника, который выступает с возвышенностей Хэнбери и Нидвуд и образует крутой мыс над широкими и ровными лугами Дав. С южной, или обращенной к суше, стороны холм частично отделен от своего родительского хребта поперечной долиной, внутри и около которой построен древний город Татбери, прославленный со времен Джона Гонта до конца прошлого века своей привязанностью к варварскому виду спорта - бегу с быками.

Естественное положение замка прочно и четко определено, оно учитывалось с очень отдаленного периода и существенно укреплено нормандским и преднорманнским искусством.

С западной, южной и восточной сторон вершина хребта была дополнительно защищена широким и глубоким ровом, который, таким образом, покрывает около двух третей его

окружности. К северу, где холм выступает на луга, канава заканчивается, и этот фронт, круто поднимающийся примерно на 100 футов, искусно сделан еще круче и дополнительно защищен широким пространством заболоченной земли, пересеченным очень древней и широкой мельницей и извилистым руслом Голубки.

На восточном и северо-восточном фронтах, где площадь мыса была неудобно большой, за пределами рва были оставлены два обширных полулунных пространства. Фактически, это крупномасштабные хозяйственные сооружения, полезные для выпаса скота в беспокойные времена, расположенные несколько ниже основных сооружений и находящиеся под их контролем; они прикрывают ров и обнесены уступом, хотя и не облицованы, по направлению к полю. Они разделены глубоким оврагом, вверх по которому с северо-востока поднимался главный подход к замку, в направлении Голубинового моста и, вероятно, более раннего брода. На этом, восточном фронте, содержимое рва было выброшено внутрь, увенчав уступ искусственной насыпью высотой около 15-20 футов.

На юго-западной и зап. стороне земля была использована для образования большой насыпи высотой около 40 футов и шириной 70 футов на усеченной вершине, что делает этот фронт почти неприступным.

Пространство между восточным берегом и западной насыпью, образующее южный фасад, занято зданиями замка, которые, построенные на естественной почве, венчают уступ рва и выходят окнами на город.

Напротив, также от берега до насыпи, находится северный фасад, почти отвесный и, следовательно, не защищенный ни рвом, ни насыпью. Огороженное таким образом пространство образует внутренний двор замка и занимает около трех акров. В плане это неправильной формы круг.

Лучший вид на эти великолепные земляные укрепления открывается с вершины кургана, который не только возвышается над двором замка на востоке, но и очень круто поднимается на запад примерно на 140 футов над лугами. Здесь видно, что контркарп канавы заканчивается на северо-западе, у основания насыпи резко очерченным соколиным гребнем.

Каменная кладка, которая была добавлена к этим более ранним укреплениям, состоит из группы зданий на южном фасаде, обрамленных завесами, которые тянутся, с одной стороны, на запад, к насыпи, а с другой - на восток, вдоль вершины берега, которым защищена эта сторона. Толщина этого занавеса в верхней части постамента составляет 6 футов, примерно в 6 футах от земли, до этого уровня он сейчас уменьшен. Есть свидетельства того, что он был около 20 футов высотой, с крепостным валом, доступным с примыкающих к нему башен, и двойным пролетом открытых ступеней изнутри. В одном месте находится свод большого гардероба, отмеченный на рисунке "Ветуста" башенкой бартизана. Этот восточный занавес прерывается высокой прямоугольной башней-фреской, от которой сохранилась только внутренняя стена с квадратной угловой башенкой, обращенная к повороту дороги, ведущей к замку, на противоположной стороне рва. Здесь был убран берег, так что башня построена на первоначальном грунте, а в ее цоколь можно попасть со двора на одном уровне. Эта башня имеет перпендикулярный стиль и, очевидно, была взорвана порохом.

На северном конце этого занавеса, в северо-восточном углу двора, находится большая сторожка, прямоугольное здание, пронизанное порталом и с боковыми ложами. Выше были другие помещения более привлекательного вида и большего размера. Эта сторожка почти полностью находится за стеной. Его южная сторона пересекает ров и имеет небольшой

выступающий балкон на уровне первого этажа, сообщающийся шахтой с подвальным помещением. Его северная сторона была обращена к Голубятне; сохранились только южная и восточная стены. У него не было фланкирующих башен, стена с одной стороны от ворот была прорезана петлей. К нему были пристроены снаружи, по бокам от ворот и перекрывая петлю, два толстых сплошных выступа стены, с передней стороны которых через ров перекинут подъемный мост. Сторожка, по-видимому, украшена поздно, ее оконные ниши имеют полукруглые выступы, а на окне над порталом все еще сохранилось что-то вроде узорчатого орнамента, грубо обозначенного на рисунке, приведенном в Памятнике Ветусты.” Портал имеет плоскую сегментарную арку, а снаружи это низкая сводчатая арка, часть пристроек. Детали подъемного моста, судя по отверстиям, вырезанным в камне, были своеобразными. Остались две канавки на опускной решетке.

Каменная кладка подъемного моста была демонтирована, а ров здесь основательно засыпан землей. Дорога снизу, ведущая к этим воротам, продолжается некоторое время вдоль гребня рва, в пределах досягаемости стен. Ниже ею командуют два полустанка. От сторожки к западу край крутого северного фасада был увенчан навесной стеной, вероятно, низкой и легкой, от которой сохранились незначительные следы.

На вершине кургана находится разрушенная круглая башня, очевидно, возведенная совсем недавно, вероятно, в качестве летнего домика или объекта, с которого открывается прекрасный вид. Говорят, что здесь было более раннее здание, разрушенное до правления Елизаветы, вероятно, Джоном Гонтом, и, вероятно, представлявшее собой многоугольную оболочку каменной кладки. Она называлась Башней Джулиуса, поскольку Джульетта была нередким названием для подобных сооружений.

Здания замка были разрушены, но то, что осталось, такое же острое и свежее, как будто его недавно построили. Внешняя стена и измененные окна сохранились от большого зала длиной 61 фут и шириной 29 футов и группы парадных апартаментов в восточном конце. Здесь находятся два очень красивых склепа, без сомнения, погребов, — подходящие сосуды для самых лучших напитков, — куда можно попасть со двора через красивые дверные проемы и шесть или восемь ступенек, спускающихся вниз. Они были перекрыты бочкообразными сводами, один из которых был ребристым поперечно-диагонально, с большими резными выступами, вероятно, времен Ричарда II. Над ними расположены красивые комнаты с заподлицо расположенными плоскими каминами, с лепниной, украшенной цветами и надписью “олень подал”, а также чем-то, что может быть обычным гранатом. Эти здания выполнены в лучшем и чистейшем перпендикулярном стиле, а профили и детали лепнины превосходно сочетаются с этим прекрасным, но иногда довольно рыхлым материалом, красным песчаником, который здесь очень высокого качества.

Во дворе есть глубокий колодец, которым до сих пор пользуются. В западном конце большого зала находится кирпичное здание, вероятно, работы какого-нибудь королевского управляющего или арендатора, примерно времен королевы Анны или Георга I.

Насколько можно судить, в замке нет и следа нормандской каменной кладки. Все сооружения, стены, башня, сторожка, холл и апартаменты почти или полностью датируются одним годом и, вероятно, являются работой Джона Гонты, который проживал здесь очень часто и в царственном состоянии. Это очень примечательно, потому что Татбери, упомянутый в книге "Судный день", был столицей очень важной нормандской чести и главной резиденцией великой нормандской семьи Феррарс, графов Дерби, от Завоевания до

их разорения в конце правления Генриха III., с тех пор он по большей части находится в герцогстве Ланкастер.

Шоу в своей “Истории Стаффордшира” приводит два наиболее преувеличенных изображения этого замка. Другой, более масштабный, вид с восточной стороны, сделанный во времена правления Елизаветы, выгравирован в “*Vetusta Monumenta*”, том i., стр. 39. На нем, среди множества абсурдных ракурсов, показаны сторожка и восточная башня, то, что может быть восточным окном часовни в государственных апартаментах, и круглая башня у восточного подножия кургана, встроенная в него, помимо западного занавеса с тремя башнями-фресками на нем.

Татбери принадлежал королю и был взят парламентом во время войн Карла I. Впоследствии по приказу Палаты представителей он был доведен почти до того состояния, в котором находится сейчас.

Можно упомянуть, что в дополнение как к обороне, так и к ресурсам замка был предусмотрен залив, известный как Блошиный, частично только искусственный канал, который выходит из Голубятни примерно в миле над замком, проходит под его стенами, где все еще работает большая и очень мощная мельница, и, наконец, возвращается в реку немного ниже, после параллельного течения примерно в три мили.

Хотя временные свидетельства великолепия дома Ферраров исчезли, память, как обычно, об их церковном благодеянии сохранилась. Приходская церковь Святой Марии, некогда бывшая церковью Феррарского аббатства Татбери, до сих пор стоит в двух шагах от крепостной стены и, по-видимому, в древности была включена во внешние укрепления. Он был основан Генри де Феррарсом во времена правления Руфуса и имеет нормандский неф, клерсторию и проходы; а его западный конец является одним из самых совершенных и богатых нормандских фасадов из всех существующих. Это сооружение, которым часто пользовались не по назначению, было, к счастью, передано под заботливую опеку мистера Стрит, который был нанят для реставрации нормандских элементов и пристройки большой полукруглой апсиды к алтарю. Вероятно, это часовня Святой Марии в замке, в которой (18 века Эдуарда I.) Эдмунд, граф Ланкастер, отслужил специальную мессу.

Мария, королева Шотландии, была заключена в замок Татбери под опеку Джорджа, графа Шрусбери, тогдашнего констебля.

ЗАМОК УРКВАРТ, ГРАФСТВО ИНВЕРНЕСС.

ПРИМЕРНО на полпути между двумя оконечностями озера Лох-Несс озеро внезапно уменьшается примерно на треть своей обычной ширины из-за выступающего с западного берега крутого мыса, под прикрытием которого долины Эркварт и Мористон выходят в озеро и впадают в него через болотистые отложения гравия и торфа своими соответствующими водами.

Мыс, который, таким образом, частично изолирован между этими водами и озером, умеренно высок и круто спускается к своей оконечности на северо-востоке, снова поднимается и, наконец, заканчивается овальным и неровным скальным холмом, который

возвышается на 50-100 футов как над водой, так и над прилегающей сушей. На этом холме и покрывающий его замок Эркварт, который, таким образом, является очень заметным объектом в Лохнесе и в значительной степени сочетает в себе естественные и искусственные защитные сооружения на своей *территории* и в пределах своей территории.

Скала, открытая с обоих концов и вдоль ее северо-восточной стороны по направлению к озеру, защищена со стороны суши глубоким и широким рвом, проложенным поперек горловины полуострова от берега до берега, правда, не до уровня воды, от 10 до 12 футов, а до глубины, которая в одном месте дает обрыв высотой от 30 до 40 футов над поверхностью, образующей ее уступ.

В общем плане замок, как и скала, на которой он стоит, представляет собой неправильный овал, уменьшенный до размеров песочных часов благодаря углублению в небольшой бухте недалеко от его центра. На северном, самом заметном конце находится прямоугольная крепость. С обращенной к суше стороны находится сторожка, а на противоположной стороне, по-видимому, была небольшая башня. *Окружение* завершается навесными стенами толщиной и высотой от 4 до 9 футов и от 20 до 40 футов, в зависимости от того, поддерживали ли они здания внутри или занимали слабые или сильные точки в обороне.

Вход осуществляется по каменной насыпи шириной 12 футов, с проезжей частью между парапетами и длиной около 80 футов от откоса до края рва. Примерно в 40 футах от контрэскарпа и в 6 футах от центра рва, там, глубиной 10 футов, находится отверстие в 20 футов, ранее занятое подъемным мостом, за которым парапеты выше и, вероятно, являлись частью каких-то передовых работ по управлению мостом и его защите. Эта часть обороны занимала оставшуюся часть собственно дамбы длиной около 20 футов, ширина рва здесь составляла 80 футов, а между концом дамбы и воротами располагалась платформа в 20 футов с подъемом на 6 футов.

Ворота отодвинуты примерно на 6 футов к югу от линии дамбы, чтобы предотвратить натиск на них. Это простой портал с круглой головкой высотой 9 футов, расположенный между двумя полукруглыми башнями, а над ним находится обычное маленькое смотровое окошко камеры с опускающей решеткой. Сразу за воротами находится квадратное углубление, в котором висела опускающая решетка, а за ним - бочкообразный свод с ребристыми промежутками для ворот, с дверью сторожки по левую руку. Проход заканчивается простыми, но хорошими круглыми воротами, наличники и кольцевые камни которых сделаны из превосходного тесаного дерева и которые установлены на внутренней стороне сторожки. Это прямоугольное здание с двумя полукруглыми башнями по бокам от внешнего входа, а по обе стороны от центрального прохода находится камера, также со сводчатыми стенами, но имеющая полукруглые и полукупольные западные концы. Одна из этих комнат, как уже упоминалось, выходит со своей стороны в коридор, а другая - с его конца, во двор. У сторожки был верхний этаж, тоже сводчатый, и, по-видимому, еще и второй, следы которого сохранились. Фрагменты дымовой трубы, упавшие с фасада, загромождают дамбу.

Выходя из сторожки, сразу бросается в глаза суровый характер интерьера. Справа есть тропинка между двумя скальными холмами; тот, что слева, умеренно высокий и не совсем простирается до водного занавеса; тот, что справа, высокий и крутой, и его перпендикулярная сторона образует обращенный к суше занавес, венчающий стену толщиной 9 футов. На юго-восточной оконечности, там, где соединяются два хребта, находится небольшое круглое возвышение, которое, возможно, служило маяком. Эта часть внешнего квартала сама по себе является крепостью, и на самом высоком ее месте

сохранились следы построек. Фрагмент занавеса, обращенного к воде, все еще имеет высоту около 30 футов и толщину 6 футов; но в этом квартале нет следов настенных башен.

Сторожка выходит в самую узкую часть прихода, где он разделен небольшой бухтой. Занавес был натянут вокруг этой бухты и содержал заднюю дверь, откуда тропинка вела вниз к воде, защищенной здесь утесом. В занавеске есть окно — часть, вероятно, здания для защиты задней двери и камбузов внизу.

Путь от сторожки налево ведет в цитадель. Он поднимается крутым изгибом между справа высокой стеной какого-то разрушенного здания, а слева - любопытным скальным холмом, круто обрывающимся в прямоугольную фигуру высотой около 30 футов, на вершине которой находятся фундаменты здания размером 15 на 30 футов, которое, должно быть, было высотой с верхний этаж сторожки и господствовало над прилегающим занавесом, от которого его отделяет узкий полый проход. Следуя по изогнутой дороге, мы достигаем поперечной стены, которая отделяет внутренний двор от внешнего и образует пристройку к крепости. Эта палата трехсторонняя, что—то вроде квадранта, крепость находится на вершине. Выступы с суши и воды образуют две стороны, а основание представляет собой неглубокий изогнутый ров, в котором построена стена, а напротив нее - два здания, похожие на казармы. Между их внутренними концами был вход. Этот приход был чрезвычайно мал, а теперь густо завален руинами.

Замок является прекрасным примером строгой прямоугольной шотландской крепости пятнадцатого века. Он имеет площадь около 40 квадратных футов, состоит из четырех ступеней и построен на крутом склоне, так что его цоколь находится над землей с внешней стороны и под ней со стороны внутреннего двора. Этот подвал имеет размеры 16 на 18 футов внутри, сводчатый, со стенами толщиной от 10 до 16 футов, с петлей, поднимающейся к свету со стороны суши. Очевидно, это была тюрьма. Дверь находится напротив петли и открывается в небольшой вестибюль, имеющий слева подножие лестницы-колодца, а впереди заднюю дверь шириной 4 фута с плоским верхом, закрытую дверью, которая открывалась на небольшой платформе примерно в 25 футах над озером, к которой ведет крутая извилистая тропинка. Магистральная лестница имеет 8 футов в диаметре и находится в северо-восточном углу башни, выходя на каждый этаж и, наконец, на зубчатые стены. Он не выступает наружу, но виден изнутри, срезая угол с каждого этажа. Подвал и самый верхний этаж - единственные сводчатые помещения.

Первый этаж освещен сегментарным арочным окном, выходящим во двор, и маленькими петлями с квадратными головками, обращенными к воде. Ширина проема в них варьируется от 6 дюймов до 2 футов, и чуть ниже каждого есть отверстие в подоконнике, которое открывается со стороны сиденья у окна. Камина не сохранилось, но разрушена восточная стена, в которой он, возможно, находился. В эту комнату, по-видимому, можно было попасть только по лестнице-колодцу.

На втором этаже также есть проемы под плоскими сегментарными арками, а с южной стороны находится главная дверь, открывающаяся примерно в 20 футах над землей, куда можно подняться либо по деревянным ступеням, либо каким-либо другим способом, ныне разрушенным.

Третий этаж, или четвертая ступень, отличается от остальных тем, что в юго-восточном углу находится небольшая комната, дверь в которую находится в южной стене, недалеко от ее восточного конца. Возможно, это была молельня, но, поскольку восточная стена цитадели исчезла, а вместе с ней и восточный конец этого помещения, который также недоступен, те детали, которые могли остаться, не были изучены. В западной стене главного зала находится

превосходная плоская сегментарная арка из ясеня, которая охватывает камин и окно, выходящее на озеро. Этот верхний этаж был перекрыт сводом, на западной стороне которого сохранились следы боковой арки, закрывавшей камин и окно. Большая часть главного свода обрушилась.

Похоже, здесь нет остатков каких-либо гардеробных. Парапета больше нет, но стену венчает смелая лепнина, а за ней, под каждым углом, находится ряд коротких карнизов, на которых, вероятно, стояли обычные бартизанские башенки. Над дверью, в верхней части стены, расположены четыре смелых выступа, на которых, очевидно, имелось приспособление для ее защиты.

Уркварт более обширен, чем большинство горных замков, и следы казарм показывают, что его территория была полностью освоена. В нем должен был находиться гарнизон численностью от 400 до 500 человек. Хотя каменная кладка грубая, она хороша, пропорции крепости превосходны, а тесаная кладка, используемая для дверных проемов, козырьков и оконных наличников, хорошо выполнена. Оставшиеся дуги округлые или сегментарные, а не заостренные. Под северо-восточным углом крепость имеет небольшой короткий контрфорс, установленный под углом, и еще один, тоже короткий, пилястрочного характера, с небольшим выступом, расположенный на западной стороне северо-западного угла. Занавеска спускается с башни, половина которой находится снаружи.

Уркварт - одна из цепи крепостей, протянувшихся через Грейт-глен от Инвернесса до Инверлохи, и с незапамятных времен использовалась для защиты страны и внушения благоговейного трепета. В некоторых источниках говорится, что он принадлежит коминам Баденоха, но достоверно известно, что когда Эдуард I был в Килдрамми, недалеко от Нэрна, в 1303 году, он отправил отряд, который осадил этот замок и с некоторым трудом взял его, предав мечу сэра Алена де Буа, его губернатора, и гарнизон. В 1334 году он был передан Балиолу сэром Робертом Лаудером из Куоррел-Вуда в качестве губернатора; и эта должность, по-видимому, передавалась по наследству, поскольку дочь Лаудера вышла замуж за Чисхолма, а их сын, сэр Роберт Чисхолм из Чисхолма, которому принадлежал Куоррел-Вуд, также занимал должность констебля Уркварта, тогда и, вероятно, всегда, королевского замка. Титул Чисхолма, однако, был ненадежен, поскольку в 1359 году Дэвид II передал баронство и замок Уильяму, графу Сазерленду, и Джону, его сыну.

После этого Урхарт находился под властью короны благодаря грантам Фреши, впоследствии Касл-Гранта, которые, будучи камергерами короны, получили во владение большую часть прилегающих земель. В 1509 году Яков IV в соответствии с Актом шотландского парламента предоставил три четверти титула лорда Уркварта и баронств Уркварт и Гленмористон Гранту Фрейчи и двум его сыновьям, от которых произошли гранты Гленмористона и Корримони. С тех пор замок остался в собственности семьи Грант и теперь является собственностью графа Сифилда, чей дом Балмакан находится в нижней части долины Уркварт.

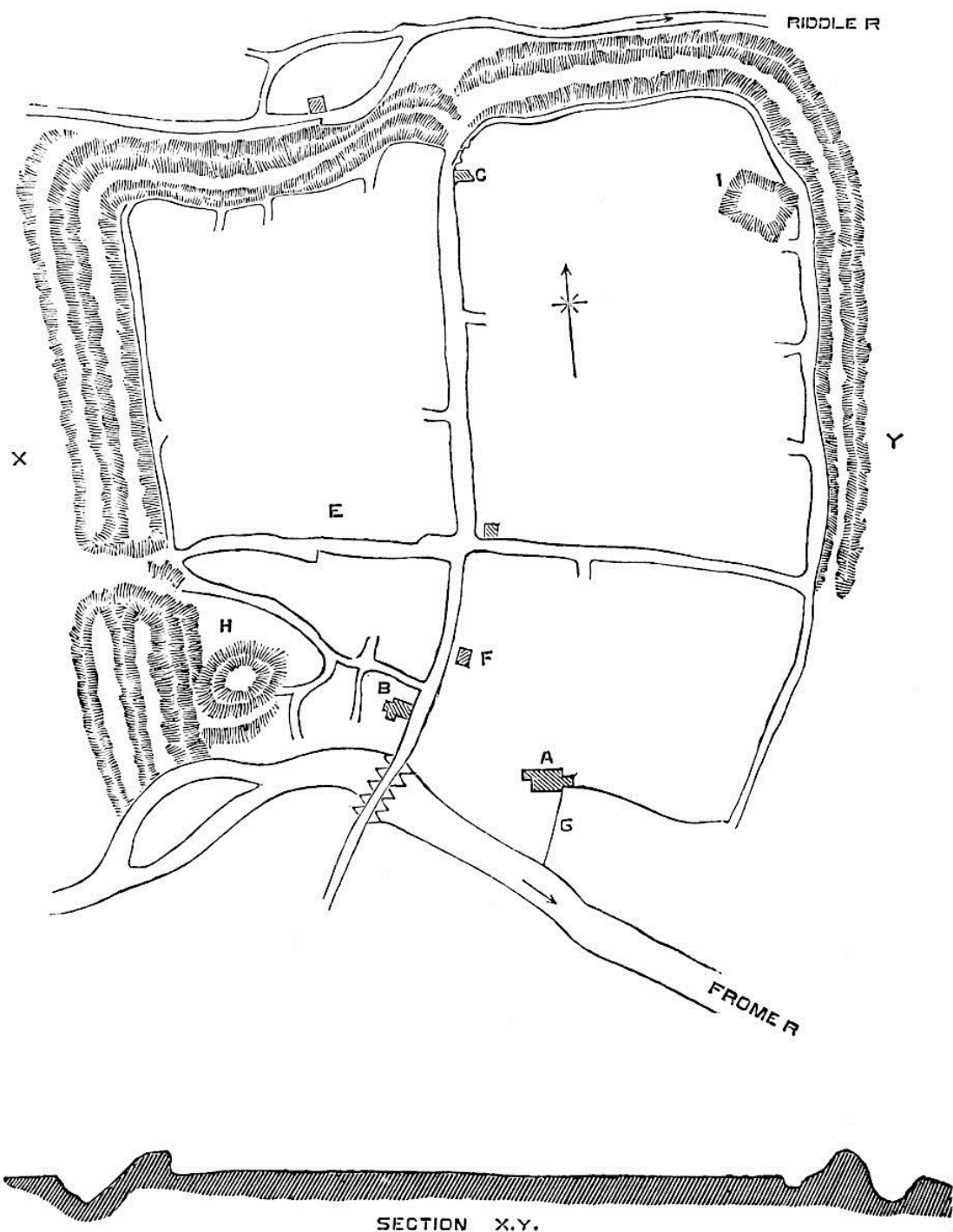
Похоже, что рыцари Храма обосновались в заливе и начали возделывать земли на его восточном берегу. Вероятно, они были констеблями замка. На ферме Финьянов до сих пор есть место под названием Темпл.

До окончания восстания 1745 года Глен Эркварт находился в очень беспокойном состоянии. Грант там не проживал, и люди постоянно подвергались нападениям со стороны членов клана из Гленгарри, Лохиэла и Кинтэйла.

Трудно установить с какой-либо точностью дату как раннего, так и нынешнего замка Уркварт. Ров, без сомнения, намного старше осады 1303 года. Остатки замка, стоящего сейчас, вряд

ли могут быть старше пятнадцатого века, и, вероятно, это был один из тех, что были построены примерно в середине его в соответствии с настоятельной рекомендацией, опубликованной Джеймсом I. по возвращении из плена в Англии.

Превосходный отчет об этой части Высокогорья и о происхождении собственности Эрквартов можно найти в “Новом статистическом отчете Шотландии по Инвернесс-шире”, стр. 43.

- 80. Церковь Святой Марии.
- 81. Троица.
- 82. Собор Святого Мартина.
- 83. Собор Святого Петра.

- 84. Собор Святого Николая.
- 85. Сент-Джонс.
- 86. Монастырь.
- 87. Замок.
- 88. Лужайка для боулинга.

УЭЙРХЭМ, ДОРСЕТШИР.

УЭЙРХЭМ, ДОРСЕТШИР.

УОРХЭМ и Корф - ключи от Пербека, или, скорее, Корф - крепость, а Уорхэм - мостовой выступ этого смелого мелового выступа Дорсета, южный мыс которого носит имя первомученика Англии и восточные оконечности которого образуют тройные отроги Дерлстона, Певерелла и Стадленда, каждый со своей бухтой, и в целом защищающий от преобладающих западных ветров большую полосу побережья между Пербеком и Нидлс, в бухте которой открывается гавань Пул, а восточные - три отрога Дерлстона, Певерелла и Стадленда. , под Хенгистбери-Хед, устьем ручьев-близнецов, которые когда-то дали название Крайстчерчу, еще до того, как на берегах Эйвона вырос замок или приорат.

Северянам эти мысы, заливы и реки были хорошо известны. Их длинные корабли нашли здесь приют, в то время как отважные моряки опустошали страну, сонаследниками которой им предстояло однажды стать. Хотя Пурбек, как и Шеппи и Портленд, называется островом, на самом деле он даже не полуостров. Если бы она действительно понизилась с 50 футов до 100 футов, над водой был бы виден только большой меловой хребет, который простирается от Лалворта до Стадленда, а низкая широкая долина, отмечающая русло Нижних Фром и Пиддл, была бы покрыта и образовала бы с Пул-харбором значительное устье. Даже сейчас речные долины низкие и влажные, а в восьмом и девятом веках, без сомнения, представляли собой непроходимое болото. Там, где природа сделала так много, от искусства осталось лишь немного, что требовалось, и, соответственно, военные остатки в Пурбеке скудны. Уорбарроу, укрепленный полукруглый лагерь на берегах и рвах, венчает крутой утес на одном конце большого хребта, а Корф, или Корф-гат, занимает проход или ворота недалеко от его центра, в то время как Уэрхем, расположенный со стороны болота и между двумя реками, эффективно охраняет подход с севера. Лагеря на прибрежных утесах обычно считаются делом рук тех, кто пользовался морем и вытаскивал свои галеры на берег; если это так, то Уорбарроу должен быть делом рук норманнов, хотя в любом другом месте он считался бы британским. Корф, вероятно, полностью английский порт; то, что представляет собой Уэйрхем, составляет предмет настоящего уведомления.

Уэрхэм, город, который все еще является парламентским районом, хотя один из его членов был лишен гражданства в великой борьбе за реформы, построен на меловом холме, восточной оконечности широкого невысокого хребта, который спускается и становится уже с запада и северо-запада и, наконец, опускается в низину немного восточнее города. Этот горный хребет разделяет долины Фром и Пиддл, главных рек Дорсета, и его окончание знаменует собой слияние вод, которые впадают в заводь Пул-Харбор. Пиддл находится к северу от хребта, а Фром - к югу. Город между ними имеет ширину около полумили, и их мосты соединены его главной улицей. На рисунке город почти квадратный, западная

сторона около 600 ярдов, северная - 650 ярдов, и территория довольно равномерно разделена главной улицей, которую пересекает вторая улица под прямым углом, таким образом, разделяя город по римскому обычаю на четыре квартала. Как и в Уоллингфорде и Тэмворте, очертания этой прямоугольной фигуры представляют собой земляной вал, внутри которого был построен город, и который сейчас слишком широк для его уменьшившегося процветания. Защита представляет собой простой берег и ров, содержимое последнего нагромождено, чтобы увеличить высоту первого; но поскольку территория, огораживаемая от природы, высокая, с крутым уклоном на север и восток, с этих двух сторон берег представляет собой только уступ, река на севере образует ров. К востоку местность не такая низкая, и реки там нет: следовательно, здесь есть канава. Северный уступ имеет высоту около 45 футов, с уклоном от полутора до двух к одному. Его гребень имеет ширину 15 футов и возвышается примерно на 15 футов над землей внутри и позади него. Ближе к западной оконечности этот берег неровный и угловатый; восточная половина очень однородна и, кажется, никогда не нарушалась.

Северная сторона прямая, или почти прямая; восточная имеет низкий выступ около центра. Эта сторона не выходит к реке. Здесь действительно есть углубление, которое, по-видимому, представляет собой ров, но на последних 200 или 300 ярдах берег отсутствует. Западный склон гораздо мощнее и совершеннее. Здесь берег в натуральную величину спускается к краю реки, а канава широкая и глубокая. Это была слабая сторона, внешняя сторона была высокой. Этот берег также сильно изрезан, и совершенно ясно, что в парламентских войнах атака, должно быть, была предотвращена с северо-запада, поскольку берег изрезан амбразурами для орудий, и есть различные небольшие насыпи, препятствующие попаданию в них бокового и обстреливающего огня. Ров также, вместо того, чтобы быть вырезанным по центральной линии, имеет V-образную форму, как обычно в средневековых укреплениях, и, как в случае с этим ровом у реки, широкий и с плоским дном, как будто его расширили и частично засыпали в соответствии с требованиями искусства обороны, практиковавшегося в семнадцатом веке.

Ни с южной, ни с обратной стороны нет земляных работ, к которым земля постепенно наклоняется. Несомненно, река служила защитой, как и на другом фронте, но отсутствие каких-либо специальных работ в южной и юго-восточной четвертях выглядит так, как будто те, кто строил это сооружение, пришли с моря и хотели защитить Пурбек, тогда как историческое предположение состоит в том, что Уорхэм, должно быть, был защищен от захватчиков и что это была британская крепость против саксов и английская крепость против датчан.

Из четырех довольно равных кварталов, на которые разделен район, юго-западный содержит более поздние вспомогательные укрепления, расположенные на берегу реки Фром и немного в тылу главной линии обороны. Это конический курган с плоской вершиной, возвышающийся примерно на 50 футов над рекой и около 60 футов в диаметре на вершине. У него есть собственный ров шириной около 60 футов, отделяющий его от основного берега, а к востоку и юго-востоку от него видны следы других, более низких земляных сооружений, которые, без сомнения, включали в себя базовые дворы или палаты, обычно пристраиваемые к таким насыпям. Весь этот участок, однако, чрезвычайно малоизвестен, поскольку разбит на переулки, дворы и сады, обнесенные стеной. Здесь стоял нормандский замок, построенный, как обычно, на земляных валах английской резиденции.

В северо-восточной четверти найдено еще одно земляное сооружение, также внутри и позже основного оборонительного сооружения. Это прямоугольное ограждение размером примерно 60 на 30 ярдов, внутри насыпи высотой около 4 футов с основанием 12 футов и

внешней канавой шириной около 6 футов. На одном конце есть вход, углы слегка закруглены, и, поскольку северо-восточный угол несколько поднимается вместе с хвостом соседнего берега, становится ясно, что это более поздняя работа. Это выглядит точно так же, как небольшой римский лагерь, хотя в таком месте он кажется совсем неуместным. Он называется боулинг-грин и, возможно, был разбит для этой игры. Трудно сказать, что это такое.

Из двух дорог, пересекающих Уэйрхэм, та, что идет на север и юг, является главной и ведет в Корф. Говорят, что мост Фром, по которому он проходит, заменяет мост, построенный во времена правления Уильяма Руфуса. Восточно-западная дорога является важным путем в одном направлении, поскольку она ведет из Дорчестера и, следовательно, вполне может быть римской. Дойдя до креста, она продолжается на восток, но это ответвление никуда не ведет из города.

Уэйрхэм, как и Уоллингфорд, был хорошо обеспечен церковными учреждениями: в его пределах было восемь церквей и монастырь. Монастырь, первоначально основанный, как говорят, Адхельмом, епископом Шерборна, умершим в 709 году, определенно существовал как женский монастырь до 876 года, когда город был взят датчанами. Церковь, посвященная Пресвятой Богородице, сейчас является главной церковью в этом месте, а Троицкая, которая сейчас используется как школа, вероятно, была часовней замка. Собор Святого Мартина - небольшая церковь на восточном краю глубокой выемки, через которую северная дорога входит в город. У него небольшая поздняя башня, но неф и часть алтаря, похоже, были построены в раннем нормандском стиле. Места указаны из часовен Святого Петра, святого Николая, святого Иоанна, Святого Михаила, Всех Святых и еще одного Святого Иоанна.

От каменной кладки замка не осталось ничего над землей, но прилегающие стены, очевидно, содержат много старого материала, и в одной из них находится старый нормандский дверной проем с рельефным шевроном вокруг изголовья, перемежающимся рядом кругляшей. Это, без сомнения, принадлежало замку.

Существует большое сходство в расположении и плане между Уоллингфордом и Тамвортом и, в некоторой степени, Кардиффом и Уэйрхемом. В каждом случае общее земляное сооружение имеет прямоугольную форму, рельефный профиль, имеет единственную канаву и расположено рядом с рекой, а с этой стороны не перекрыто берегами. У каждого также есть курган со стороны реки со своими надлежащими оборонительными сооружениями, и на каждом норманны разместили артиллерийскую крепость. Нет никаких свидетельств того, что римляне занимали какое-либо из этих мест, хотя дорога из Уэйрхэма в Дорчестер могла быть римской, и если бы была проложена линия Акбери-дитч от Сарума до Бэдбери, она проходила бы близко к западу от этого места. Возможно, прямоугольные оборонительные сооружения были работой романизированных бриттов, а курган был английской пристройкой девятого века. Это произведение никогда не было известно как "Честер".

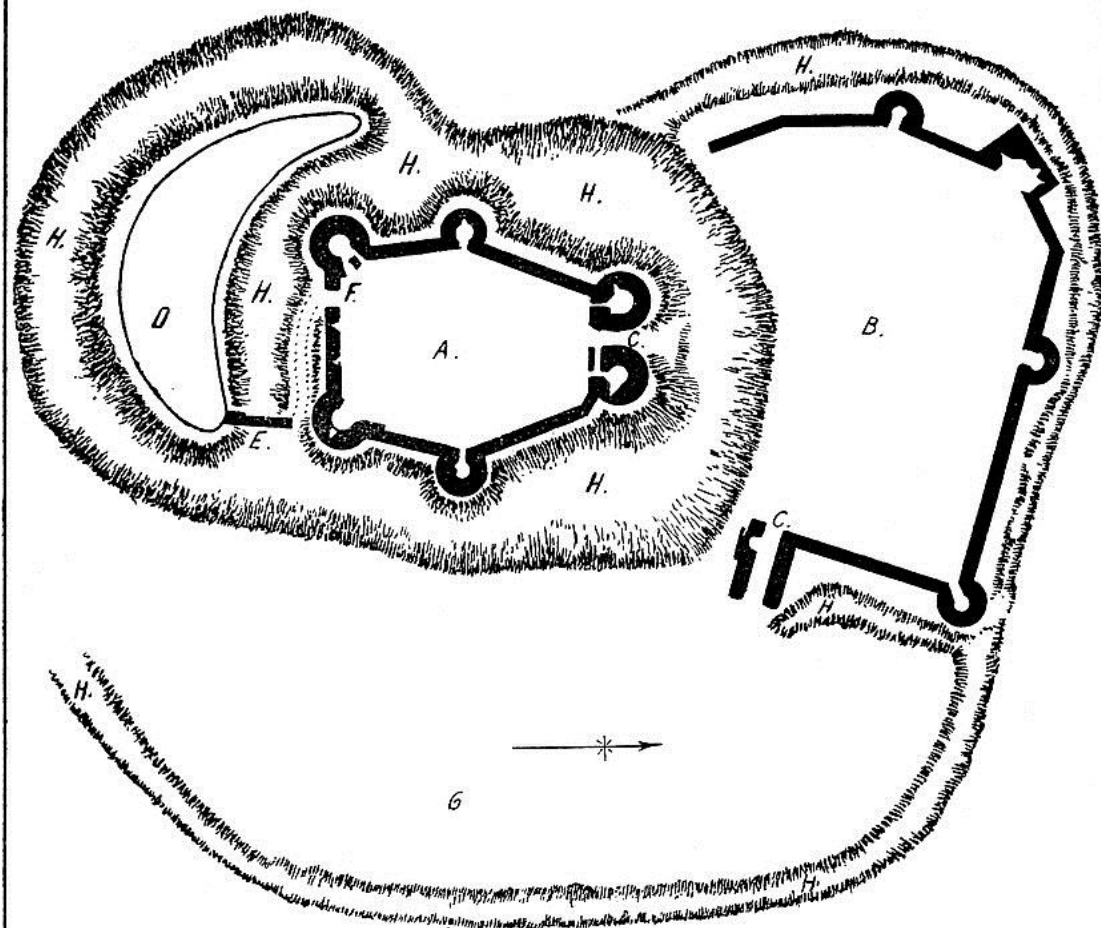
Уэйрхем был важным местом в западносаксонском королевстве. Король Беортрик, который женился на дочери Оффы и при котором датчане впервые высадились в Британии, был похоронен там в 800 году. В 876 году датчане атаковали и взяли Уэйрхем, но подчинились Альфреду и удалились в Эксетер. Florence says of the Danes:—"Castellum quod dicitur Werham intravit; ubi monasterium sancti-monialium inter duo flumina Fraw et Terente it in paga quæ Saxonice dicitur. Downseto, tutissimo situ terrarum situm est, nisi ab occidentali parte tantummodo, ubi contigua est terra." И именно на этой стороне укрепления самые сильные. Часть датчан покинула Уэйрхем морем, а часть - верхом. Однако в следующем году они снова были в Уэйрхеме, и их флот потерпел крушение у Суониджа, потеряв 120 кораблей. В это

время Уэйрхем стал штаб-квартирой Дании. Столетие спустя, в марте 978 года, король Эдуард, убитый при Корвесгейте или Корфе, был тихо похоронен в Уэйрхеме, чтобы впоследствии быть переведенным в Шефтсбери. В 982 году там умерла Вулфвин, настоятельница Уэйрхэма. В 998 году датчане снова были там, а в 1015 году Канут приплыл вверх по реке Фром, сжигая и грабя по пути. Судный день рассказывает, что Исповедник держал 143 лошади во владениях в Уэйрхеме. Там было два мастера монетного двора, но на момент обследования город находился в запустении, и многие дома были разрушены.

Замок упоминается в книге "Судный день": "Из поместья Чингстоун у короля есть одна шкура, в которой он построил замок Уэйрхэм, и за это он подарил церкви Святой Марии Гелингемскую церковь с ее пристройками стоимостью 40 шиллингов". Это единственный замок, упомянутый в округе. Чингстоун - поместье замка Корф, а Сент-Мэри - аббатство Шафтсбери. Роберт, герцог Нормандии, был какое-то время заключен в замке, как и Роберт де Белесм, который, как здесь говорят, уморил себя голодом. Город и замок были сожжены во время войн Стефана и Мод. Ее великий защитник, граф Глостер, сел здесь на корабль по пути в Анжу в 1142 году, а Уильям, его сын, был губернатором, когда город был взят Стефаном. Затем граф отвоевал его, замок сопротивлялся ему три недели. Именно в это время он взял Лалворт и, вероятно, построил замок "Лук и стрелы" в Портленде. Король Джон высадился в Уэйрхеме в 1205 году и посетил это место четыре раза, оставаясь около пятнадцати дней в 1209-12-15 и 1216 годах. Питер из Помфрета был повешен здесь в 1213 году. Тогда и долгое время спустя это был довольно известный морской порт, и уже в 1558 году к его причалам подходили корабли приличных размеров. "Замковая гора" была дарована Джеймсом I. Западный земляной вал долгое время носил название "Кровавый берег" из-за казни там жертв судьи Джеффриса.

БЕЛЫЙ ЗАМОК.

WHITE CASTLE.

A	Inner Ward.	D	Lesser Barbican.	G	Outwork.
B	Great Barbican.	E	Bridge.	H	Ditches.
CC	Gateways.	F	South Entrance.		

100. 50. 0. 100.
SCALE OF FEET.

Wyman & Sons, г. Куинс, Лондон.

- Айнер Уорд.
- Великолепный Барбикен.
- ПГУ.
- Длессер Барбикан.
- Эбридж.

- Южный вход.
- Подагра.
- Сучки.

Во время гражданской войны Уэрхэм был ареной ожесточенных боев, его много раз брали и отвоевывали. В 1642 году в нем находился парламентский гарнизон, затем он был взят королем, затем в 1643 году возвращен парламенту. В 1644 году роялисты взяли его штурмом. Именно в ходе этих войн западный берег был так сильно изменен, чтобы сделать его пригодным для оборонительной системы того времени.

БЕЛЫЙ ЗАМОК, МОНМУТШИР.

БЕЛЫЙ ЗАМОК, названный также по приходу, в котором он стоит, Ллантейло Крессени, а в записях “Album Castrum” стоит на очень высоком месте примерно в пяти милях к востоку от Абергавенни, и с него открывается обширный и совершенно панорамный вид на местность, в высшей степени характерную для старого красного песчаника. По широкой окружности раскинулись горы и холмы, зеленые до самых вершин, глубокие долины, дубы и вязы огромных размеров и в большом изобилии, а также пастбища необычайной плодородности. Не следует удивляться тому, что валлийцы, потеряв столь славное владение, стремятся вернуть его, или тому, что англичане и норманны, одержав победу, не жалеют труда и средств на строительство укрепленных пунктов, позволяющих им удержать его.

В отличие от Гросмаунта, Скенфрита, Гудрича и Чепстоу, а также других замков на реках Мунноу и Уай, а также побережья Ла-Манша, Уайт-Касл находится далеко от любых водотоков или рек, пригодных для обороны, и добраться до него можно только долгим и крутым подъемом. Он находится в пяти с половиной милях от Скенфрита и в пяти от Гросмаунта — Гросмаунт и Скенфрит разделяют четыре с половиной мили - и образует западную и наиболее открытую точку знаменитой трехсторонней комиссии. Его упадок вызван скорее временем, чем насилием, поскольку все его стены и башни устояли, и чего не хватает, так это тех частей, которые естественным образом поддавались бы дождям и заморозкам или время от времени удалялись для перестройки домов и коттеджей по соседству.

Белый замок также необычен по своему устройству, как и по своему расположению. У него нет крепости, и пока что он напоминает эдвардианский замок; но, в отличие от тех сооружений, типичными примерами которых являются Кэрфилли на Юге и Бьюмарис в Северном Уэльсе, его основные оборонительные сооружения ограничены одной линией, прикрытой, однако, у главного входа земляным валом или барбаканом, а у меньшего входа вторым и гораздо меньшим земляным валом, без каменной кладки или с небольшим количеством кирпичной кладки. Его рвы также имеют внушительные размеры как по глубине, так и по ширине и протяженности, и в целом, как по расположению, так и по деталям, он не уступает по прочности любому замку на Марше и, кроме того, является первоклассным по вместимости.

Он состоит из центрального корпуса, в целом шестиугольного, но продолговатого и несколько грушевидной формы, его внутренний диаметр, северный и южный, составляет 50 ярдов, а наибольший поперечный диаметр, восточный и западный, 37 ярдов. Северная оконечность имеет внутреннюю длину 15 ярдов, южная - 18 ярдов. Стороны, примыкающие к северной оконечности, имеют длину 27 ярдов, стороны, примыкающие к южной оконечности, 23 ярда и 26 ярдов. Толщина стены у основания составляет 10 футов, а наружный уклон достигает 7 футов при высоте 15 футов. В высоту она составляет около 30 футов до дорожки rampart walk или allure. Башни на двух южных углах имеют внутренний диаметр 18 футов, а стены толщиной 7 футов. Две средние башни имеют высоту 12 футов, две другие на северных углах образуют большую сторожку и имеют высоту 13 футов. Они достигают около 45 футов в высоту. Четыре южные башни имеют цокольный этаж немного ниже уровня двора с одной петлей; первый этаж с тремя петлями и второй этаж, откуда был выход на крепостные стены занавеса. Похоже, что здесь также был верхний или третий этаж. Все этажи были деревянными, и здесь нет лестниц или комнат с фресками. Стены ущелья двух южных башен разрушены, стены западной частично разрушены; стены восточной идеальны и содержат входной дверной проем шириной 3 фута. В сторожевые башни также можно попасть в ущелье со двора, но стена ущелья толще и содержит серию настенных лестниц, ведущих на вершину. Они не являются "магистралью" и не являются непрерывными, а начинаются заново на каждом этаже. Ворота, скрытые, за исключением фасада, необычно смелым выступом боковых башен, имеют проход шириной 10 футов и глубиной 8 футов. Бочкообразный свод сохранился, но тесаного камня на внутренних воротах больше нет, и о его прежнем существовании свидетельствует только отверстие в решетке. Во внешних воротах сохранились два отверстия для переключателей и фрагмент паза опускной решетки площадью 4 квадратных дюйма, размещенный снаружи ворот, так что решетка была полностью видна даже при поднятии, если, конечно, ее не скрывала деревянная решетка. Это было сделано с помощью механизма между башнями, ныне исчезнувшего. Фланговые башни без петель, к которым слева при входе из хранилища ведет узкий дверной проем. Если к этим воротам был прикреплен подъемный мост, то его опора должна была опираться на большой камень примерно в 10 футах впереди и на 6 футов ниже уровня портала. Ров в этом месте имеет почти 100 футов в ширину и от 30 до 40 футов в глубину. Очевидно, что в канаве не было каменных опор моста, так что проезжая часть, вероятно, опиралась на эстакады.

Противоположные и меньшие ворота находятся в южной стене, недалеко от ее западного конца, и, следовательно, с одной стороны примыкают к юго-западной башне. Похоже, это было простое отверстие в занавесе шириной около 10 футов. Сейчас это просто брешь, но отверстия для переключателей сохранились. Никаких признаков опускной решетки. Подход к этим воротам шел по краю рва, между ним и стеной, с востока, и контролировался двумя петлями в занавесе и юго-восточной башней.

Территория суда совершенно свободна от построек, но несколько куч мусора показывают, что на ней находились деревянные бараки с каменными подвалами, расположенные у оштукатуренных стен. Здесь нет и следа зала, часовни, кухни, колодца или постоянного жилья, и никаких украшений любого рода; ни лепнины, ни настенных росписей комнат или гардеробных, ни лестницы, кроме большой сторожки у ворот, и только два небольших камина на первом и втором этажах северо-восточной надвратной башни. Башни не только смелые и возвышенные, их высота составляет около 60 футов, но и внешняя половина их оснований вынесена на много футов вниз по склону рва, что придает им большую ширину основания и очень солидный и массивный характер.

Большой барбакан - очень примечательное сооружение, мало чем отличающееся от аналогичной обороны в замке Райзинг, которая там, однако, ограничена земляным валом, тогда как здесь защита осуществляется как земляными, так и каменными работами. Сооружение неправильной формы, вогнутое там, где оно опирается на контрэскарп главной канавы, — на других своих гранях выпуклое. В глубину, или с севера на юг, он имеет размеры около 56 ярдов; в ширину - 74 ярда. Он защищен рвом средних размеров, который сообщается с основным рвом на каждом конце, но едва достигает четверти его глубины. Навесная стена имеет очень неправильные очертания, западная сторона состоит примерно из четырех прямых пластин каменной кладки, сходящихся под разными углами. Передняя часть представляет собой длинную прямую стену, а восточная сторона, тоже прямая, переходит в нее под прямым углом. Толщина занавеса этого флигеля составляет около 5 футов, а высота - от 15 до 18 футов. На нем расположены четыре фресковые башни; три из них в форме барабана имеют внутренний диаметр 10 футов, с входами на первом этаже со двора. По высоте они возвышаются на целый этаж над занавесом. Они соединены петлей с полем, полы в них деревянные, а лестницы, похоже, были деревянными. Одна башня угловая и, очевидно, служила кухней, часть печи и очертания большого камина все еще видны.

Внешняя сторожка расположена в юго-восточном углу барбакана, заканчивает его стену и опирается на контрэскарп главного рва. Это грубая конструкция, состоящая из двух сплошных массивов или выступов стены, длиной 46 футов и толщиной 9 футов, закругленных на внешнем конце. Большая часть северной стены исчезла, а вместе с ней крыша или свод входного прохода и детали ворот. Такой вход между высокими и продолговатыми стенами есть в Конисборо и Беркхэмпстеде. Другой, или внутренний, конец стены барбакана, в юго-западном углу, резко обрывается и, вероятно, немного спускается вниз по откосу главного рва, чтобы предотвратить вход. В стене есть углубление шириной 6 футов 4 дюйма и глубиной 3 фута, которое, возможно, было общественным гардеробом, подобным тому, что в стене средней палаты замка Корф.

Малый барбакан прикрывает южный вход, путь к которому, однако, по-видимому, не пролегал через него. Он сделан только из земли, то есть не имеет стен, но обладает большой прочностью; по форме, да и по назначению, это люнет. Его диаметр в направлении от ворот наружу составляет 20 ярдов, а ширина - 100 ярдов. Она опирается на противоположный край главного рва, здесь шириной около 20 ярдов. Кроме того, спереди и по бокам у него есть собственный ров шириной около 20 ярдов, сообщаящийся с основным рвом. По-видимому, частично эта работа была облицована. Он был соединен с основным сооружением или корпусом замка узким мостом, который начинался с его восточного угла и следы которого сохранились. На этом конце, по-видимому, не было никакой внешней сторожки; вероятно, добраться туда можно было на лодке через ров или по дощатому мосту на эстакадах.

Помимо вышеописанных сооружений, есть еще одно, гораздо более крупное, хотя и менее прочное земляное укрепление, которое покрывает всю восточную сторону замка, а также фланги его барбиканов. Он имеет около 30 ярдов в ширину и выходит за пределы главного рва, на который опирается, и за пределы рвов барбиканов. Кроме того, по направлению к полю у него была своя канава, теперь превращенная в проселочную дорогу. Подход к обоим воротам замка с востока пролегал через эту надворную постройку, которая, вероятно, была обнесена прочным частоколом и предназначалась для того, чтобы дать умеренно безопасное убежище крестьянам и их скоту во время нашествий валлийцев.

Из общего дизайна, расположения и вместимости этого замка очевидно, что он не предназначался, подобно Керфилли, для размещения крупного военного барона, равно как и Морле или Кастелл Кох, для простого военного порта. Его центральная часть представляет

собой не что иное, как укрепленный район, подобный Фрамлингему, однако на этом месте, по-видимому, была, как и в Сен-Бриавеле, крепость. Здесь, конечно, ее не было. Это всего лишь оболочка, состоящая из прочного и высокого занавеса, настенных башен и сторожки у ворот. Похоже, что внутри большого замка не было ни одного из обычных зданий. Жилые помещения внутри стен, по-видимому, состояли из деревянных сараев, опирающихся на каменный фундамент и пристроенных к стенам. Таким образом, можно было бы разместить очень большое количество солдат.

Более того, возможность разместить большое количество войск не ограничивалась внутренним кварталом. Внешние укрепления также просторны и прочны и могли бы вместить небольшую армию или *элиту*, или, возможно, кавалерию крупного рогатого скота, помимо того, что в них можно разместить значительное стадо крупного рогатого скота и овец. Такое место было бы защищено от любого обычного вторжения валлийцев и поддерживалось бы столь же сильными, хотя и менее вместительными замками Гросмаунт и Скенфрит, не говоря уже о Чепстоу и Каэрлеоне, которые не всегда находились в дружественных руках, поэтому не только вход валлийской армии в Гвент был бы затруднен, но и ее отступление, оказавшись внутри линии, было бы почти невозможно.

Что касается возраста Белого замка, то об этом трудно говорить положительно. Земляные работы совсем не английского, а тем более валлийского характера. И, как правило, норманны никогда не возводили земляных работ такого огромного масштаба. Каменная кладка, вероятно, относится к эпохе Иоанна или, возможно, даже к эпохе Генриха III, современника Скенфрита или, возможно, немного позже, и земляные работы могут быть той же даты. Они, безусловно, спроектированы так, чтобы соответствовать каменному замку, а не простой обнесенной частоколом резиденции мерсийского тана. Они совсем не похожи на земляные сооружения, связанные с дамбой Оффы, или те, которые, как известно, были работой Этельфлэд или Эдварда. В целом, представляется более вероятным, что, учитывая чрезвычайную важность позиции, ранние норманнские захватчики превзошли обычный характер своих земляных работ и спроектировали и выполнили те, которые видны до сих пор.

Название Белый замок, — по-валлийски “Кастелл Гвин”, — как говорят, происходит от имени Гвина ап Гветвоеда, брата предполагаемого основателя Скенфрита и одного из валлийских лордов этого округа. Если это так, то он, должно быть, держал его во время смут, предшествовавших и последовавших за смертью Гарольда, но любые работы, которые он, возможно, нашел или выбросил, вероятно, были стерты работами из нынешнего замка. Замок удерживался вместе с замками Гросмаунт и Скенфрит, иногда семьей Де Бризов, иногда короной и, наконец, герцогами Ланкастерскими. Без сомнения, это объяснялось общим пренебрежением к пограничным замкам, то есть к таким, которые не были резиденцией ни одной баронской семьи. Во времена Якова I. это были руины, и такого не помнил человек.

УИТТИНГТОН, ШРОПШИР.

СРЕДИ баронских родов, поднявшихся на развалинах дома Монтгомери и владевших остатками той власти, которая, объединившись в руках графов Роджера и Роберта де Белесме, оказалась столь грозной, лорды Клюб, Освальдестре и Уиттингтон, де Сэй, Фиц-Алан и Фиц-Уорин занимали в северных частях великого графства и на границах Уэльса во многом главное место. Де Сэй действительно быстро, благодаря наследнице, был поглощен

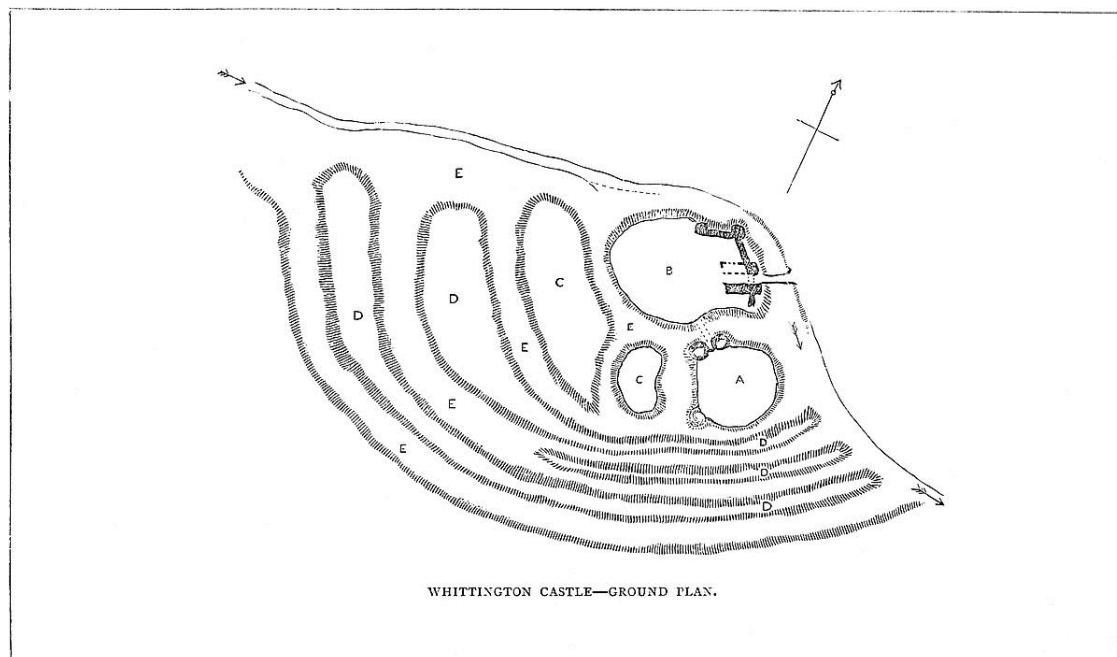
Фиц-Аланом, и, вероятно, таким же удобным способом, “Felix Austria nube” обширные земли Певерела были объединены в Фиц-Варине, так что лорды Освальдестре и Уиттингтон правили на Границах примерно на равных правах и одинаково подвергались попеременно посягательствам своего суверена, с одной стороны, и яростным нападениям валлийцев, с другой - опасностям, которые, вероятно, мешали им обратить оружие против одного из них. другой, так что они оставались энергичными и воинственными более двух столетий, хотя зубчатые стены их замков были хорошо видны друг от друга и находились всего в двух милях друг от друга.

Положение Освальдестре уже было описано. Уиттингтон лежал примерно в двух милях к северо-востоку и примерно в четырех с половиной милях в пределах или к востоку от дамбы Оффы, в то время как дамба Уотта простиралась между ними. Место расположения Уиттингтона, вероятно, было выбрано как центр плодородного поместья, а не из-за каких-либо очень заметных военных преимуществ, поскольку оно расположено низко и болотисто — особенностью, которой, однако, древний инженер в значительной степени и разумно воспользовался. Кем и когда была основана первоначальная крепость, совершенно неизвестно. Конечно, задолго до ее оккупации теми норманнскими захватчиками, которые отождествляли ее со своей славой. Поскольку, подобно Шрусбери, Клану и Освальдестре, его крепость располагалась на окруженном ровом холме, ее происхождение, как и их, вероятно, можно отнести ко времени правления Эдуарда Старшего или к началу десятого века и к свирепым мерсийским саксам, которые, по-видимому, обосновались вдоль границы с Уэльсом еще в середине седьмого века.

Центральный курган, который является главной особенностью этих и многих крепостей девятого и десятого веков, здесь полностью искусственный, около 30 футов в высоту и примерно 150 футов на 100 футов в диаметре на своей округлой, как стол, вершине. У подножия насыпи находится ров шириной от 40 до 60 футов, а за ним - три приподнятые платформы, что не было чем-то необычным. Первый из них расположен на севере и востоке и также окружен рвом. Поперек него находится главный вход с внешней дороги в крепость. С западной стороны находится вторая платформа, также окруженная рвом и по прочности соперничающая с самой крепостной насыпью. Третья платформа, намного превосходящая эти по площади и также окруженная рвом, расположена за ними, к северо-западу.

Группа из четырех островов, защищенных таким образом снаружи и друг от друга, покрыта с юга и запада тремя берегами и тремя рвами, расположенными концентрически и включающими в себя в пределах своей протяженности примерно треть большого круга радиусом в восемьсот ярдов, внутри которого примерно треугольной формы находится замок. Оборона на севере и востоке была образована не насыпями и рвами, а широким пространством того, что до сих пор является болотистой местностью и, должно быть, раньше было непроходимым болотом. Этот трактат был затоплен небольшим, но быстрым ручьем, который спускается с северо-запада, огибает концы рвов замка и снабжает их также водой. В настоящее время ручей огибает южный край старого болота и, протекая перед внешним входом, поворачивает на юго-восток, вероятно, снова сообщаясь со рвами замка на другом, или восточном, конце. Описанные таким образом земляные укрепления, обнесенные частоколом или даже окруженные прочной колючей изгородью вдоль внешних берегов, должны были обладать большой прочностью. Канавы, вероятно, все содержали воду, и болото стало бы еще более непроходимым, если бы воду спустили и его площадь заменила грязь. Что нашел или снабдил для обороны нормандский барон, получивший поместье, сейчас установить невозможно. Из сохранившейся ныне кладки нет ничего, что можно было бы отнести к более ранним временам правления Генриха III. Вряд ли это была первая

каменная кладка, использованная при обороне; и все же, если бы стены и башни были построены в правление Генриха II и Иоанна, они, несомненно, были бы прочными и заметными и вряд ли были бы снесены временем или рукой человека по прошествии столетия или полутора.

ПЛАН ЗАМКА УИТТИНГТОН—ПЛАН МЕСТНОСТИ.

Центральная насыпь была обнесена вертикально, вероятно, во времена Генриха III., и включена в облицовочную стену большой прочности высотой около 30 футов. По-видимому, она была увенчана парапетом и усилена рядом боковых башен, из которых сохранилась одна и часть двух других. Самый совершенный - цилиндрический, около 30 футов в диаметре, со стенками толщиной 10 футов. Его основание занято круглой ямой, вероятно, подземельем; и если это так, то мрачным и сырым, без единой петли или отверстия для воздуха. Пол находится на фут или два выше уровня дна рва, а покрывающая его деревянная платформа, пол первого этажа, находилась на одном уровне с вершиной насыпи. На этом этапе были две петли, крестообразные, с очень длинным нижним концом, заканчивающиеся ласточкиным хвостом. Они помещены в большие углубления, низко заостренные. Там был верхний этаж, от которого сохранились лишь фрагменты. В яму, вероятно, можно было попасть по лестнице, поскольку дверь, видимая в ее основании на востоке, является вставкой. Дверь на первый этаж представлена проломом на юго-западной стороне. Эта башня примыкала к внутренним воротам крепости. От соответствующей башни на западе сохранилась только часть. Он был того же размера и формы, и между ними было пространство в 12 футов, занятое воротами и подъемным мостом, от которых сохранилась яма.

Фрагмент основания похожей башни виден в юго-западном углу кургана, а к юго-востоку и северо-востоку были еще две или, возможно, три; но эта часть сооружения скрыта рыхлой землей и густой растительностью. В целом, похоже, что цитадель представляла собой насыпь, обнесенную мощной облицовочной стеной многоугольной формы, и каждый угол венчала высокая круглая башня, возвышающаяся над рвом. Говорят, что в юго-западном углу есть колодец, но сейчас его не видно. От внутренней сторожки мост пересекал внутренний ров и выходил на противоположный берег, в нескольких ярдах позади или к западу от внешней сторожки. Это было прямоугольное сооружение, имеющее на восточном или внешнем конце две трехчетвертные барабанные башни, соответствующие по размеру и

отделке тем, что примыкают к внутренним, как и к внешним воротам. Они скреплены крестообразными петлями и петлями в виде "голубинового хвоста", а между ними расположена вдавленная остроконечная арка простого рисунка, со скошенной фаской и внешним валиком. Говорят, что в стене над воротами есть накладка; но если это так, то она скрыта плющом. Вверху - столик с поясом, утыканным машинками. Половина этой сторожки, расположенная к югу от входного прохода, выглядит вполне сносно. В южной стене находится камера, в которой есть окно с тремя острыми прожекторами под остро заостренной головкой. Головки светильников имеют подпруги, а отверстия в головке - четырехгранные, все они украшены позднее. Говорят, что это окно было извлечено из старой приходской церкви при "реставрации". Северная половина сторожки почти полностью разрушена. Сохранилась часть навесной стены, идущей на юг от сторожки до края рва. Аналогичная стена с северной стороны проходит в обратном направлении по краю рва, и на ней находятся остатки двух круглых башен, соединенных с сторожкой. Остатки каменной кладки состоят из больших квадратных блоков красного песчаника. Вся старая часть, похоже, относится к периоду правления Генриха III и, без сомнения, является работой Фитц-Уорина. На нескольких платформах или берегах практически нет следов каменной кладки, за исключением того, что на одном берегу к юго-западу есть отметина облицовочной стены, которая может быть старой, а может и не быть. Вероятно, каменная кладка ограничивалась крепостной башней и похожей на барбакан платформой, занятой внешней сторожкой, которая включала в себя территорию для вполне достаточного гарнизона. Берега, как и в Беркхэмпстеде, узкие и едва ли выдержали бы стену. Все канавы были заполнены из ручья, с которым они сообщались на каждом конце.

Кажется, что замок был разбит как причудливый сад примерно столетие назад, поскольку здесь сохранились следы дорожек, выложенных галькой, и кое-где современная кирпичная кладка. Церковь была перестроена в начале нынешнего столетия и в целом соответствует ожиданиям. Недавно были вставлены некоторые арки в более изысканном нормандском стиле. Мистер Ллойд из Астона - хозяин поместья и владелец замка.

Уиттингтон встречается в "Судном дне" как "Вититон", когда им владел граф Роджер де Монтгомери с семьей с половиной береуиками. Им владел король Эдуард, но в его время он был заброшен. Этельред, отец Эдуарда, владел им как тремя поместьями, которые, кажется, были Мейсбери, Уиттингтон и Чирбери. Во времена графа Роджера это приносило 15,15 фунтов стерлингов. Бервики - более поздние поселки, включающие валлийский Франктон, Бергхилл, Дейвелл, Фернхилл, Хиндфорд, Хенлле, Эбнолл и половину Олд-Мартона. От графа Роджера Уиттингтон перешел к Роберту де Белесму, а после его конфискации перешел к Генриху I. Который, по-видимому, даровал его Уильяму Певерелу из Дувра, чей племянник, Уильям Певерел, отнял его у Стефана в 1138 году. Вторым Певерел умер бездетным. Последняя из его сонаследниц вышла замуж за Гуарина де Меца, шерифа Салопа, в 1083 году, но король, похоже, возобновил владение замком и даровал его в 1164 году Джеффри де Вере, который женился на Изабель де Сэй из Ключа. В следующем, 1165 году, Генрих возобновил его и передал валлийцу Роджеру де Поуйсу, который занимал должность в Южном Уэльсе. Он также был кастосом замка Фитц-Алан в "Дернио", который мистер Эйтон принимает за замок Эдейрнеон в Мерионете. В 1173 году Роджеру разрешили оказать помощь в его ремонте. Мередиту, сыну Роджера, наследовал престол, за ним последовал Мейрик, брат Мередит, который умер около 1200 года. Его звали Мейрик де Повис из Уэльса, и он заплатил пятьдесят марок королю Иоанну, чтобы тот получил Уиттингтон и Овертон. Должность Поуиса была "королевским посланником в Уэльсе".

Фиц-Уорины, похоже, всегда сохраняли свои претензии от своего предка Гуарина, хотя Ренок, сын Мейрика, унаследовал их и заплатил восемьдесят марок Джону за деревни и замки Уиттингтон и Овертон, но Фулк Фиц-Уорин, похоже, получил замок от принца Уэльского, чему Джон сначала негодовал, но, наконец, в 1204 году подтвердил Фулку свое “право и наследие”, заплатив 200 марок и двух “дестриеров”, и добился судебного решения по своему делу. услуга. 5 Генрих III. у него была лицензия на укрепление замка. Фиц-Уорины продолжали удерживать замок и поместье до тех пор, пока их старшая мужская линия не пресеклась смертью Фулька, одиннадцатого лорда, в 1420 году. Госпитальеры владели поместьем в Уиттингтоне благодаря услуге по поиску капеллана для часовни замка.

Незадолго до 7 Генриха III принц Ллевелин осадил замок, и он выдержал серьезную атаку валлийцев в пятницу, предшествующую середине лета 6 Генриха IV. Из запроса, датированного 1 января Генриха V., следовало, что Ричард II. передал замок, пока Фулк Фиц-Варин не достиг совершеннолетия, Ивиону Фиц-Варину, который продал опеку Элизабет, леди Ботро, дочери сэра Ральфа д'Обиньи, и она удержала его, когда на него напали. Вероятно, она ожидала, что нападение повторится, потому что в воскресенье после Иванова дня Томас, граф Арундел, с солдатами из Освальдестре принял командование на себя. Элизабет передала свою опеку Уильяму де Клинтону и Энн, его жене, и ее дочери.

Очень хотелось бы, чтобы кто-нибудь, проживающий в этом интереснейшем районе, затронул тему его земляных работ, которых здесь много всех возрастов, и некоторые из них не отмечены на карте боеприпасов. Многие земляные сооружения расположены по отношению к дамбам Оффы и Уатта таким образом, чтобы показать, относятся ли они к более ранней эпохе или после этих линий.

Среди наиболее любопытных из этих земляных сооружений есть одно во владениях Поркингтона, носящее древнее название Бругинтин. Это правильный круг, 50 ярдов или около того в поперечнике, заключенный в земляной насыпи высотой примерно 4-6 футов, за пределами которой находится канава. Центральная площадка была выровнена для площадки для боулинга, но, без сомнения, всегда была ровной, и хотя поперек круга и ниже него был проложен сугроб, а канава засажена и содержит современную дорожку, нет оснований предполагать, что характер работ был существенно изменен. В Ирландии его называли бы ратью; но в Ирландии он не венчал бы довольно крутое возвышение, а располагался бы посреди земли, которую можно было бы легко обрабатывать, чего здесь быть не могло. Совершенно ясно, что его фигура намеренно, а не случайно представляет собой круг, что отнюдь не часто бывает в валлийских лагерях.

ВИГМОР, ХЕРЕФОРДШИР.

Замок Вигмор, глава Сотни и Честь этого имени, главная резиденция великого Дома Мортимеров и центр той территориальной власти, которая сделала его лордов такими грозными для своих суверенов и в конце концов привела к их падению, стоит в северо-западном углу пограничного графства Херефорд, примерно в восьми милях от английской стороны дамбы Оффы. Это одна из цепи цитаделей, из которых непосредственно к северу от него располагались Клан, Хоптон и Брамpton Брайан, а к югу - Линген и Лайонс-Холл; в то

время как в его тылу располагались Крофт и замок Ричарда, обеспечивающие его гарнизону быстрое сообщение с большими центральными крепостями Ладлоу и Шрусбери.

Большинство этих замков относятся к древней эпохе, а их земляные укрепления свидетельствуют об интенсивности и постоянстве борьбы, которую вели валлийцы против посягательств колонии, основанной англичанами во второй половине VIII века, и защищены мощным сооружением, которое до сих пор носит имя Оффа. Эти следы вторжения из-за Северна все еще можно наблюдать вдоль пограничных рубежей княжества от Кардиффа до Хавардена, расположенных везде, где долины открывали внутренние районы страны; и по всей линии нет более грандиозного или сильного военного подвига, чем тот, которым прославился Вигмор задолго до того, как норманны пересекли Ла-Манш.

Но военные доблести, если не триумфы, валлийцев, отождествляемых с этим районом, восходят к периоду, предшествовавшему появлению в Британии даже общих предков англичан и норманнов, которые применялись, хотя и столь же тщетно, против еще более могущественного врага. Считается, что большие британские горные лагеря Коксуолл-Нолл, Кэр Карадок, Брэндон и Крофт-Амбри являются свидетельствами ожесточенной борьбы бриттов с римскими легионами, хотя параллельные линии Уотлинг-стрит и Дамбы, несмотря на то, что они в конечном итоге не увенчались успехом ни у римлян, ни у англичан, все еще дают молчаливое, но убедительное свидетельство того, насколько незначительным был успех ни у римлян, ни у англичан.

Вигмор, английское творение, носит английское имя. Впервые он упоминается в 921 году н.э., когда Саксонская хроника сообщает, что король Эдвард в дни Рогагии, то есть примерно 7 мая, “приказал построить бурх в Вайзингамере”. То, что этот приказ был выполнен очень быстро и полностью, ясно из факта, указанного тем же авторитетным источником, что в том же году, вероятно, в начале осени, датчане с большой армией осадили новый бурх, “окружили его со всех сторон, сражались с ним до поздней ночи и угнали скот; и, тем не менее, люди, находившиеся в нем, защищали бурх, а затем они (датчане) оставили бурх и ушли”. Укрепленное место, построенное за пять месяцев, не могло быть произведено каменной кладкой и вряд ли из сухих стен; но при наличии надлежащей силы людей земляные работы на насыпи и внутренней территории могли быть выполнены за это время. Но одни земляные работы не удержали бы армию активных датчан на расстоянии. Склоны, должно быть, были укреплены частоколом, чтобы защитить гарнизон и дать им возможность удерживать врага на умеренном расстоянии. Разводить огонь было практически невозможно, так как использованные дрова, должно быть, были зелеными. Более того, как бы усердно ни трудились солдаты Эдуарда, едва ли они смогли бы сделать больше, чем возвести собственно бург, или насыпь, и берега, содержащие меньшую территорию, прилегающую к нему, или подготовить частоколы для более крупного фронта, даже если бы он был сформирован. Нам рассказывают, что когда воины королевы Этельфлэд в 916 году нашей эры взяли штурмом Брекнанмер, или Брекнокнок, они захватили там жену короля вместе с тридцатью четырьмя людьми. Таким образом, городище Брекнок, вероятно, содержало лишь небольшой гарнизон; и его насыпь и внутреннее окружение, части, без сомнения, находившиеся тогда в обороне, по численности не превышают городища Вигмора, для которого, несомненно, сто пятьдесят-двести человек составили бы на короткое время достаточный гарнизон. Таким образом, именно пассивной силе этой позиции и ее узкому фронту они были обязаны своей безопасностью. Взятый скот, вероятно, пасся у подножия кургана и на верхней территории, в пределах того, что сейчас является нижней частью замка, тогда, без сомнения, лишь слегка защищенной.

О лордах Вигмора в течение столетия, последовавшего за нападением датчан, ничего не записано, но замок назван в Domesday, Ральф де Мортимер тогда владел Вигмором. Эдвард удерживал его. Там была половина хайда, внутри которого находился замок. Замок удерживал Ральф. Уильям, граф (Херефордский), сделал это на пустоши под названием Мерестун, которой Ганнент владел во времена короля Эдуарда. Там было два геринга. Во владениях Ральфа было две пашни и четыре крепостных. Тамошний бурх платил семь фунтов. Без сомнения, прежний замок был разрушен, то есть его разрушаемая часть, и Уильям Фиц Осберн восстановил его. Этот граф принимал активное участие в подавлении валлийского восстания 1068-109 годов, и в награду за услуги Ральфа де Мортимера в этом случае и за свержение Эдрика Леснического он получил грант, зарегистрированный в Domesday. Дагдейл говорит, что он фактически осадил Эдрика в замке и взял его, и таким образом заложил фундамент величия своей семьи как лордов Марша; но хотя Ральф де Мортимер сверг Эдрика, нет никаких свидетельств того, что последний когда-либо владел Вигмором или удерживал его.

Обладание такой сильной страной и в то же время такой открытой границей было секретом независимости Марша. Это была опасная власть, часто осуществляемая эгоистично, поскольку лорды часто объединялись с врагом общества для достижения своих личных целей против суверена. Кроме того, во все времена это препятствовало равному отправлению правосудия и сильно замедляло консолидацию империи.

К счастью для величия Англии, Эдуард I. не только понял это, но и, вступив на престол, первым делом позаботился об этом укреплении. Он понимал, что до тех пор, пока Уэльс остается повстанческой державой, участники Марша будут независимыми, и на них нельзя будет полагаться как на подданных; и с той смелой проницательностью, которая отличала его характер, он приступил не просто к подавлению восстания по мере его возникновения, но и к тому, чтобы отсечь его корни. Этого он достиг в 1276-1282 годах путем разрушения Ллевелина и возведения замков Флинт, Денби, Рутин, Конвей, Бьюмарис, Кернарвон и Харлех, а также восстановления замков Хаварден, Руддлан, Юло, Чирк, Бере, Динас Бран, башни Долбадарн и некоторых других.

Затем, при удобном случае, он урезал прерогативы Маршалов, очень запоминающийся пример чего произошел около 1292 года, когда он воспользовался мелкой войной между Де Клером и Де Боуном на границах Моргануга, чтобы конфисковать поместья обоих, которые он затем вернул, лишив их наиболее нежелательных привилегий. В то же время, участвуя в шотландских войнах, он привлек из Уэльса ее лучших людей и использовал их на службе Англии, а также открыл участникам Марша безопасное поле для их военной доблести.

Ральф, первый английский Мортимер, умер, завладев более чем ста тридцатью поместьями, из которых шестьдесят девять находились в Херефорде и Салоупе. Хью, его сын, владел также замками Клеобери и Бриджнорт и активно выступал против Генриха II, который осадил сразу три его замка и таким образом добился от него соглашения. Он умер в покаянии в качестве каноника аббатства Вигмор в 1185 году, подтвердив и значительно увеличив пожертвования своего отца. Он был похоронен перед главным алтарем. Считается, что лорд Хью построил замки Кэрмартен, Мапудрит и Симарон, какими бы ни были последние, в Южном Уэльсе, и, следовательно, вполне мог быть автором нормандской работы, которую до сих пор можно проследить во внешнем округе Вигмора.

Роджер, его сын, похоже, полностью посвятил себя усмирению валлийцев. Он умер в 1215 году, и ему наследовал его сын Хью.

Хью, четвертый лорд, был сторонником короля Джона. В свое время Ллевелин присутствовал на конференции в Вигморе. Он владел для короля замками Страттон-дейл и Холгот в Салопе. Он умер от ран, полученных на турнире в 1227 году, и ему наследовал его брат.

Ральф, пятый лорд, процветал в первой половине правления Генриха III, очень беспокойного на Марках. Он построил в Меленидде замки Кевентлес и Ноклас и добавил им социальной силы, женившись на дарк Гвладис, дочери Ллевелина, вдове Реджинальда де Браоза. Он умер в 1246 году.

Роджер, его сын, шестой лорд, взял на себя ведущую роль в делах Уэльса, но без особого успеха. Ллевелин захватил четыре его замка: Меленидд, Кевентлес, Рэднор и еще один. Он примкнул к Генриху, сражался при Нортгемптоне и был вынужден бежать из Льюиса. Он помог принцу Эдуарду бежать из Херефорда, доставил его в Вигмор, командовал в Ившеме и за свои услуги получил конфискованные поместья графства Оксфорд, выступая по этой причине против мудрой реставрации, предложенной Изречением де Кенилуорта. Именно он проводил в этом знаменитом замке знаменитый турнир, в честь которого, как считается, большая сторожка получила свое название Башни Мортимера. Предполагалось, что он перестроил замок Вигмор, но большая часть работ, которые мы сейчас видим, относятся к более позднему времени. Он умер в 1282-3 годах, и его эпитафия в Вигморе гласила:

Hunc dum viverat, vi Wallia tota timebat.

Эдмунд, седьмой лорд, старший из оставшихся в живых сыновей, преуспел и начал свою карьеру с нападения на валлийцев при Билте, а также получения и передачи головы Ллевелина королю. Поскольку некоторые подозрения были связаны с его лояльностью из-за его валлийской крови, он был особенно активен в подавлении беспорядков, последовавших за смертью принца, и именно при подавлении одного из них в 1303-4 годах, также при Билте, он получил рану, от которой вскоре скончался при Вигморе.

Роджер, восьмой лорд, именуемый лордом Мортимером Уигморовским, получил титул графа Марча в 1328 году; служил как в Ирландии, так и в Шотландии. Он был губернатором Билт-Касла, отобрал Кардифф у Хью ле Деспенсера и получил грант Клун. Он присоединился к партии Томаса Ланкастерского против Эдуарда II, едва избежал смерти, находясь в тюрьме, и в знак благодарности построил часовню Святого Петра во внешнем дворе замка Ладлоу. В 1322 году, после битвы при Бороубридже, он бежал во Францию, а король наложил арест на Вигмор, в результате чего хранитель Джон де Шерлтон составил опись его содержимого. Там были опорные пункты, артиллерия того времени, арбалеты, английские и восточные доспехи и оружие, шахматная доска и доска для игры в карты и шашки, пять павлинов во дворе, а также зерно и крупный рогатый скот в большом количестве. По возвращении графа последовала его близость с "французской волчицей", его приобретение огромного количества поместий в Англии, Уэльсе и Ирландии; его захват в Ноттингемском замке, его захват и его казнь через повешение в 1330 году. Представляется вероятным, что этот лорд перестроил замок, заменив нормандскую работу на ту, в том стиле оформления, который сохранился до сих пор.

Эдмунд, его сын, не вернул себе графский титул. Он умер молодым, через несколько месяцев после своего отца, в 1331 году, оставив несовершеннолетнего сына.

Роджер, десятый лорд, ставший преемником, получил ливрею замка Вигмор еще до достижения совершеннолетия. В 1352 году он добился отмены судебного решения и восстановления графства Марч. Он служил Эдуарду III во Франции, вернул себе большую часть валлийской собственности, включая Ладлоу и другие поместья, доставшиеся его

бабушке, наследнице Генвиля; и, наконец, умер в 1360 году, будучи в то время командующим английскими войсками в Бургундии.

Ему наследовал Эдмунд, одиннадцатый лорд и третий граф Марч, его сын. Его способности рано были оценены Эдуардом, который нанял его, когда он был еще несовершеннолетним, для ведения переговоров о мире с Францией, а затем в качестве наместника Ирландии. Он женился на Филиппе, наследнице Лайонела, герцога Кларенса, и таким образом сохранил древние почести и влияние своего имени. Он умер в Корке в 1381 году.

Роджер, его старший сын, стал четвертым графом Марчем. Он был рожден Ричардом II. Произведен в наместники Ирландии и по происхождению от герцога Кларенса объявлен наследником короны. Его служба проходила исключительно в Ирландии, где он был убит. За ним последовал Эдмунд, его сын.

К Эдмунду, пятому и последнему графу Марчу, Генрих IV относился с чрезмерной ревностью как к наследнику престола и во время его правления находился под наблюдением. Генрих V, однако, нанял его в Нормандии, и в следующее царствование он, как и его непосредственные предки, стал наместником Ирландии. Он умер в 1425 году в возрасте двадцати четырех лет, и вместе с ним оборвалась мужская линия Мортимера из Вигмора.

Среди замков, возвращенных ему после его смерти в Маршах, были Бленлевенни, Билт, Клиффорд, Динас Талгартом, Долверен, Денби, Ноклас, Кевенлес, Ладлоу, Монтгомери, Нортон, Нерберт, Рейдри, Рэднор, Уск и Вигмор.

Ричард, герцог Йоркский, как сын своей сестры, был наследником обширных поместий Мортимеров и передал их своему сыну Эдуарду IV, когда все они были объединены в корону. Именно благодаря Чести Вигмора Эдуард собрал большую часть силы, позволившей ему победить Оуэна Тюдора на небольшом расстоянии от замка и все еще ближе к Мортимерс-Кросс. Замок оставался во владении короны до тех пор, пока Елизавета не передала его в дар. В 1601 году он был куплен Томасом Харли, а в 1643 году демонтирован парламентскими силами, с тех пор он представляет собой постепенно приходящие в упадок руины.

ЗАМОК.

Участок высокогорной и лесистой местности, лежащий по направлению к границе Рэдноршира, между водами Тем и Лагг, сходится и спускается к востоку, пока не образует длинную косу или скальный отрог, который заканчивается холмом, ныне занимаемым приходской церковью Вигмора. Этот горный хребет — прямой, крутой и четко очерченный — ограничен с юга узкой долиной, по которой с возвышенности Вигмор-Роллс спускается ручей, впадающий чуть ниже церкви в ручей Олкокс. К северу хребет еще сильнее защищен широким пространством, которое, вероятно, дало название этому месту и до сих пор называется, путем удвоения, Вигмор-мур и Лейнтал-лейк; ранее, как следует из их названий, это были водные массивы, которые до сих пор попеременно осушаются и затопляются объединенными каналами Клан и Тем на пути в Ладлоу.

Низко на гребне холма, верхом на нем и занимая всю его ширину, находится то, что осталось от замка. Тех, кто выбрал это место, привлекла огромная впадина, четкая, резкая, и крутая, словно вырезанная искусно, которая здесь пересекает горный хребет и отсекает его восточную часть от более высокой и широкой местности на западе. На восточном краю этого оврага насыпан земляной холм конической формы высотой около 30 футов над его скалистым основанием, хотя и на высоте 100 футов или более над дном оврага. Насыпь имеет около 30 футов в диаметре на плоской вершине. Вероятно, что при его формировании

естественный овраг был слегка углублен, а с ближней стороны сделан круче с помощью техники.

Близко к востоку от кургана и более чем на 40 футов ниже его вершины находится примерно овальная площадка, примерно в 100 футах к востоку и западу на 50 футов к северу и югу, окруженная земляным валом, за пределами которого был ров, в который входил и сам курган, и, вероятно, это было сооружение, возведенное королем Эдуардом и так доблестно защищенное от датчан. Он очень сильный, земля круто обрывается во все стороны, особенно на север и запад. На кургане стояла нормандская раковинная крепость; овал, заключенный в стену, большая часть которой сохранилась, был внутренним двором. Курган и пристроенный к нему овал находились внутри и частично на краю гораздо большей территории, которая включала склоны и простиралась почти до основания холма на юг и юго-восток, и с этих сторон защищала цитадель. На севере и западе крутизна местности делала ненужной вторую линию обороны, и курган и его овал образовывали там часть внешнего *оцепления*. Эта вторая территория также была покрыта рвом, который спускался с южной стороны кургана и с северо-восточной части овала и, таким образом, образовывал внешнюю территорию замка, в которой, вероятно, пасся скот, угнанный датчанами. Норманны обнесли его также стеной. Этот участок был перекрыт глубоким и широким рвом, полностью искусственным; и это, опять же, в одном месте, вторым рвом через гребень, к югу. Внутри внешнего подворья, примыкающего к южному и юго-восточному склону внутреннего подворья, находилось ограждение средней площади, вынесенное, конечно, за пределы внешнего подворья. Земляные сооружения здесь незначительные, и, похоже, оно полностью нормандского происхождения и задумывалось как средняя палата.

Таким образом, первоначальное сооружение представляло собой насыпь с глубоким оврагом к западу и располагалось на краю и частично внутри овальной области к востоку от нее, вся окруженная общим рвом. Затем, как курган стоял на краю внутреннего квартала, так и курган и внутренний квартал вместе стояли на краю внешнего квартала, который прикрывал их с юга и востока и включал в себя действительно сильную территорию, но для защиты которой требовался значительный гарнизон. Самый внешний и частичный ров, а также средняя палата, вероятно, были построены позже.

Норманн, который первым завладел этими грозными сооружениями, очевидно, заложил свои дополнения к английским позициям, либо он, либо его преемник заменил деревянные частоколы каменными стенами. На вершине кургана он построил, как до сих пор видно из фундамента, круглую или многоугольную башню в качестве крепости. Оттуда с противоположных сторон поднималась навесная стена, окружавшая небольшую восточную часть, образуя внутренний двор. Стена была расположена так, что она стала облицовкой старого берега, который, таким образом, стал своего рода пандусом внутри территории. Вершина участка, то есть край, противоположный кургану, была увенчана чем-то, что, по-видимому, было круглой башней, от которой осталась лишь груда развалин. К северу от этого завеса, которая была внешней стеной, все еще считается довольно прочной. То, что осталось, имеет толщину около 6 футов и высоту 30 футов и укреплено снаружи квадратным настенным контрфорсом, или бастионом. На юге большой оконный проем и несколько поперечных стен указывают на бытовую постройку. В юго-западном углу, рядом с курганом, находится фрагмент высокой башни с лестницей-колодцем. Это место отмечает соединение одного конца внешней завесы со стеной внутреннего двора, как разрушенная круглая башня - со стеной другого ее конца. Рядом с этим, в южной стене, сильно заваленной мусором, находится проем с низкой стрельчатой аркой, некогда служивший воротами между внутренним и внешним кварталами, и который в сочетании с различными признаками,

которые можно наблюдать в сохранившихся фрагментах занавеса и его башни, показывает, что, какими бы ни были нормандские укрепления этого квартала, они были сняты и заменены тем, что сейчас можно увидеть в Украшенный период.

Башня, от которой сохранился высокий фрагмент на юго-западной стороне внутреннего двора, отмечает точку соединения стены этого двора, цитадели, и стены внешнего двора. Эта последняя стена, спускающаяся по крутому естественному склону, защищает внутренние ворота прихода с запада и показывает то, что, по-видимому, было задним ходом, а за ним - прямоугольную башню-фреску смелого выступа, отмеченную снаружи жирным кордоном над ее основанием. Очевидно, это оригинальная нормандская башня. За ней, у южной стены прихода, отчетливо видна нормандская работа. Стена находилась в процессе реконструкции, и очевидно ее несовершенное соединение с новой работой. Об этой более поздней дате свидетельствует любопытное большое прямоугольное здание со смелым выступом на стене, разделенное поперечной стеной на восточную и западную камеры. Он состоял из двух этажей, а под ними находился подвал, который в перпендикулярный период был перекрыт и снабжен наружными ступенями и дверными проемами. Само здание построено в раннем стиле и превосходно декорировано, о чем свидетельствует, в частности, форма и детали пары двухсветных окон. С этой башни занавес того же времени простирается до большой сторожки у ворот, расположенной на юго-востоке. Она сильно разрушена. Он прямоугольный, с порталным сводом внизу и двумя камерами наверху; одна предназначена для работы внешней, а другая - для работы внутренней опускной решетки. Сохранилось ребро центрального портала с ниспадающей аркой и квадратным пазом для опускной решетки. Во внутренней камере видна часть большого камина с хорошо декорированным колпаком. Сохранился только один портал-арка, но по его расположению довольно ясно, что их было три. Арка сильно завалена мусором. От большой сторожки занавес резко изгибается к северу, закрывая восточную сторону прихода. На нем возвышается смелая полукруглая башня, нижняя часть которой, хорошо видимая из рва и, вероятно, прочная, очень совершенна. Он поднимается только до уровня палаты. Оттуда занавес поворачивает за северо-восточный угол палаты к остаткам многоугольной башни или, что более вероятно, квадратной башни со смелыми скошенными углами; и от нее он поднимается по склону так, чтобы присоединиться к внутренней палате под ее северо-восточным углом, где упоминались следы большой и, вероятно, круглой башни; и таким образом завершается контур внешней палаты.

Среднюю палату проследить труднее. По-видимому, он был концентричен внешнему кварталу; подобно ему, примыкал к юго-восточной стороне внутреннего квартала, но имел гораздо меньшую площадь, и большую часть этой площади занимал крутой склон холма.

Наиболее значительные остатки его стены находятся на юго-востоке, и, вероятно, с этой стороны у него был собственный ров. Холл и другие хозяйственные постройки, по-видимому, стояли здесь, на ровной части, судя по очень грубым очертаниям фундамента.

Помимо этих оборонительных сооружений, вдоль восточного фронта укреплений внешнего рубежа проходит второй ров, проведенный поперек хребта, здесь очень низкий. Между двумя рвами находится платформа небольшой ширины, задняя часть которой образует контрэскарп внешнего защитного рва, в то время как передняя часть разделена на три прочных земляных полукруглых бастиона, за контуром которых следует контрэскарп внешнего рва. Рисунок этого земляного вала и свежесть вырубki показывают, что все это сооружение было построено позднее, вероятно, поздними мортимерсами, для прикрытия подножия внешней стены и, без сомнения, сильно обнесено частоколом. Опять же, впереди, примерно в ста ярдах по этому фронту, и ниже по склону, поперек гребня был прорублен

глубокий ров, и его содержимое было выброшено внутрь в виде высокого и крутого берега. Опять же, перед этой линией обороны холм на протяжении 60 или 70 ярдов изрезан другими земляными укреплениями неопределенного и второстепенного характера и назначения, но, очевидно, старыми.

В различных частях территории замка сохранилось много каменной кладки, и, без сомнения, основные фундаменты всей крепости можно было бы с небольшим трудом разоблачить. Хотя большая часть этой каменной кладки датирована временем, есть свидетельства того, что значительная ее часть построена по нормандским очертаниям; и, вероятно, если бы были проведены поиски, было бы обнаружено большое количество захороненных нормандских работ; и было бы показано, как, собственно, и сейчас, в некоторой степени, что нормандский замок занимал почти всю площадь нынешних работ.

За исключением упомянутых выше нормандской башни и стены, каменная кладка над землей, похоже, датирована и имеет превосходный характер. Сохранилось достаточно, чтобы показать, что, за уже упомянутыми небольшими исключениями, весь замок был перестроен в Украшенный период в начале четырнадцатого века. Работа носит очень основательный характер, и внешний вид замка, когда он был завершен, с его большой *оградой*, глубокими рвами и высоким внутренним двором и крепостной башней, должно быть, был величественным. Основной подход лежал с востока. Дорога ответвлялась от Уотлинг-стрит и проходила вдоль южной стороны хребта, между возвышенностью и ручьем, по своего рода уступу, над которым возвышались сооружения, расположенные вдоль хребта.

Очевидно, что самая ранняя крепость была ограничена курганом и небольшой территорией, непосредственно прилегающей к нему, но защитные сооружения внешней территории были быстро возведены, чтобы обеспечить пространство для стад и пастухов, а также для достаточного гарнизона. Оборонительные сооружения в такой густо поросшей лесом стране, вероятно, были бы деревянными.

Сомнительно, что самый ранний нормандский лорд возводил каменные сооружения; вероятно, нет. Вероятно, они были добавлены его преемником в конце одиннадцатого или начале двенадцатого века. Настолько защищенный, он, должно быть, был почти неприступен. Стены крепости и внутреннего двора были совершенно недостижимы для любой катапульты, тарана или временной деревянной башни из-за крутизны местности снаружи. Вероятно, также влажный характер низменности к северу и югу эффективно прикрывал бы эти фронты, как овраг прикрывал бы западный фронт. На востоке почва была твердой, а местность вокруг открытой, но здесь оборона ремесленника была многократно усилена.

Приходская церковь, без сомнения, была построена Мортимерами, хотя в ней нет упоминаний о них ни в надгробиях, ни в гербах, ни в надписях. Он большого размера, и большая часть северной стены нефа в его западном конце выполнена из каменной кладки из селечной кости, что является необычайно обширным примером такой кладки. Противоположная, или южная, стена, хотя и облицована изнутри и снаружи современной штукатуркой, представляет собой высоко расположенную нормандскую петлю и, очевидно, относится к той же, довольно ранней нормандской эпохе. Любопытно, что сельская церковь нормандского периода была построена с такими высокими стенами и таким значительным пролетом. Возможно, это место предназначалось для размещения религиозного дома, который Ральф, первый Мортимер, основал перед своей смертью и который был известен как аббатство Вигмор.

ОБОРОНА ЙОРКА.

Diruta prospexit mœnia sæpe sua.—Некхэм.

Как часто Время разрушало эти стены!

НИ один представитель английской расы, хоть сколько-нибудь знакомый с историей своей страны, не может въехать в город Йорк, не испытывая некоторого уважения к славному прошлому, которое все люди в большей или меньшей степени осознают и которое у более высокого и благородного рода людей служит стимулом к величию как в мыслях, так и в поступках. Возможно, действительно, что те, кто живет в городе или был знаком с ним с детства, менее осознают это чувство, чем те, кто посещает его как чужестранец и для кого благородная река, древние стены и почтенный собор выделяются вне связи с заботами повседневной жизни; но, с другой стороны, жители Йорка не могут не испытывать к месту своего рождения чего-то вроде любви детей к родителям, чего-то вроде гордости граждан небогатого города, чего-то от того тайного очарования, которым притягивается каждый человек, достойный этого имени. в свою родную землю. Ни сам Лондон, столица империи, ни Кентербери, резиденция другой митрополии нашей Национальной Церкви, не вызывают более разнообразных и ярких воспоминаний, чем те, которые неразрывно связаны с именем и титулом Йорка; связаны с судьбами той великой ветви Дома Плантагенетов, которая, хотя и безуспешно, но с таким непоколебимым упорством оспаривала корону Англии.

Заклинания такой силы не подвластны ни одному волшебнику

Ты в рамке в темной Фессалийской пещере;

ибо название города напоминает о длинной череде лучших и благороднейших людей страны, которые во время Войн Алой и Белой розы поставили жизнь и состояние на карту Дома Йорков; и нигде в пределах четырех морей Британии не найти города, который сочетал бы в себе с таким цветущим настоящим так много памятников прошлого, так много еще видимого глазу, так тесно связанного с теми веками, в течение которых создавались английское имя и нация. Ни один человек не может развернуть карту территории Нортумбрии или проникнуть в ее закоулки, не заметив, как обильны следы наших скандинавских предков. Эти названия

Которые обитают в дейле или пайни-маунтин,

Или лес, или быстрый ручей, или скалистая расщелина,

все еще звучат в наших ушах и понятны нашему пониманию. Они недвусмысленно напоминают нам о тех отважных моряках, которые пересекли Германский океан в поисках добычи, и чьи длинные корабли были известны и внушали страх в каждом заливчике и на каждой реке вдоль побережья Британии. Саксы и датчане, юты и англй, все без исключения оставили свои следы на широкой равнине Йорка, следы той долгой и кровавой борьбы, в ходе которой эти не столь отдаленные родственники сплавлялись с англичанином. Ни один англичанин, и прежде всего ни один йоркширец, не может забыть, что не от коренного британца и не от римского колониста, а от этих тевтонских и скандинавских морских королей, какими бы свирепыми и незаконными они ни были, мы унаследовали все те качества, которые сделали Англию великой нацией. История Йорка, действительно, и материальных укреплений, которыми он до сих пор окружен, на несколько столетий старше истории Англии и английского народа; и задолго до того, как мы доберемся до времен

скандинавских захватчиков, нам придется иметь дело с останками этих властителей мира, при которых этот город превратился, как выразился его собственный историк, во “второй Рим”; рынок и “средоточие обычных продуктов как на море, так и на суше”.

История метрополии северной Англии начинается со времен римской оккупации. Однако, когда римляне называли эту станцию Эборакум, они, очевидно, не использовали, как в Колонии или Конфлуэнтесе, новое и полностью латинское название, но, как в Медиолануме Иска, или Дуролипонсе, они латинизировали уже используемое название местного происхождения. До недавнего времени, как это ни странно, это был единственный положительный аргумент, и притом веский, в пользу доримского существования города. Однако недавно исследования могил вокруг города обнаружили несомненные британские захоронения ниже захоронений англичан и римлян; и таким образом, по мнению мистера Рейна, было установлено существование раннего британского поселения. Это открытие, вероятно, стоит особняком. Ни в пределах города, ни поблизости от него не обнаружено никаких земляных сооружений явно британского происхождения, и, действительно, за исключением древней реки, поблизости нет ни одного физического объекта страны, носящего явно британское название. Никакая часть огромных земляных валов, которыми окружен город, не может быть приписана бригантам. Хотя не все они датированы одной датой, все они, очевидно, относятся к более поздним эпохам и к классу произведений, сильно отличающихся от тех, что были найдены разбросанными по гребням холмов и обычно сохраняющих, даже сейчас, свои кельтские названия. Цезарь говорит нам, когда пишет о Веруламе, что британские города представляли собой мощные земляные укрепления в лесу, и мы можем предположить, что таким был Кэр-Эврак, найденный и захваченный римлянами, и по названию которого они построили Эборакум. Много, и в основном неудовлетворительного характера, было написано об этимологии этого самого раннего названия города. По-видимому, обычно считается, что оно связано с названием Юр, которое в настоящее время приурочено к великой реке Йоркшир, выше Бороубриджа, но которое раньше, как предполагается, могло быть связано со всем потоком, на котором был расположен Кэр-Эврак. Но, как бы то ни было, и независимо от того, было ли римское поселение основано путем усыновления, фактическое местоположение Йорка достойно людей, которые предложили захватить и удержать страну, а также поддерживать ее в рамках закона и порядка. Занимая центральное положение, он стоит на реке, впадающей в море, и, хотя местность вокруг была открытой и допускала пересечение дорогами во всех направлениях, сам город был защищен с одной стороны широкой и глубокой рекой, а с другой - ручьем, который, хотя и был меньшего объема, пересекал и насыщал дорогу в болотистой и труднопроходимой местности. Очевидно, своим происхождением Йорк обязан слиянию и характеру этих двух рек, ныне известных как Уз и Фосс. Римская станция занимала довольно ровную платформу, от 25 до 30 футов над Узом и примерно в 100 ярдах от его левого, или восточного, берега. Иногда, как в Лестере, эти станции, расположенные вблизи реки, расширялись до ее фактического края, и вода становилась защитой на этой стороне, но здесь, поскольку река была судоходной, такой план был бы небезопасен, и между укрепленным районом или лагерем и рекой оставлялось пространство. Точная дата основания римского поселения на реке Уз неизвестна. Из ранних полководцев Цезарь, вероятно, лишь немногим продвинулся за пределы Темзы или, самое большее, до гребня Чилтерн. Авл Плавтий, Клавдиан, Веспасиан и Осторий Скапула были заняты главным образом покорением севера и запада, причем последний простирался на территорию срединных земель и, вероятно, достигал Хамбера, где и в стране Бригантов Светоний Паулин, вероятно, основал поселение. Агрикола, высадившийся в 78 году н.э. и окончательно ушедший в отставку в 85 году н.э., завершил завоевание Северной Британии и, вероятно, разбил постоянный лагерь в Йорке. Конечно, поначалу такой пост представлял

бы собой всего лишь небольшое земляное укрепление, возведенное на римский манер и защищенное частоколом и дисциплиной гарнизона. От этого первого лагеря ничего нельзя отличить; но вполне вероятно, что, когда он был заменен укрепленной станцией, новые оборонительные сооружения были построены на старых линиях, где их все еще можно увидеть или проследить. Кем первоначально были построены римские стены, неизвестно, вероятно, во время второй кампании Агриколы, 79 г. н.э., после полного подчинения бригантов и в связи с большими военными дорогами, четыре из которых расходились от города, а впоследствии сообщались с целой сетью второстепенных или пересекающихся путей, многие из которых используются до сих пор. Между временами Адриана, который высадился в 120 году нашей эры и построил Нортумбрийскую стену от моря до моря; Лоллия Урбика, который двадцать лет спустя соединил аналогичным образом Ферт-оф-Форт и Клайд, и Севера, который в 207 году нашей эры восстановил римскую власть и укрепил стену Адриана, страна стала густонаселенной и богатой, было основано много укрепленных станций и соединенных городов, а остатки римских домов, разбросанные повсюду по стране, свидетельствуют о ее процветании и внутреннем мире. Птолемей, писавший во втором веке, упоминает Эборакум как штаб-квартиру 6-го легиона, о чем также свидетельствуют многие местные надписи. Он быстро превратился в большой город, “Альтера Рома”, столицу Севера; и со времен Севера до Константина, оба из которых умерли в Йорке, он был резиденцией правительства Британии и штаб-квартирой великой военной державы, находившейся там. Это был главный из двадцати восьми романо-британских городов и из двух, которые единственные носили титул муниципальных.

Крепость, или военная часть римского города, располагалась на левом берегу реки. Пригороды пересекали Уз и были широко вытянуты на юго-запад и север. Огороженный стеной участок имел длину 469 ярдов к северо-западу и юго-востоку, или вверх и вниз по течению ручья, и 550 ярдов в направлении под прямым углом. Главных ворот было четыре: те, что на северо-востоке и юго-западе, в центре соответствующих сторон, те, что на северо-западе и юго-востоке, несколько южнее реки или ближе к ней, чем в центре. Но следует отметить, что как первые ворота, находящиеся в центре, находились на расстоянии 234 ярдов от каждого угла, так и вторые находились также на расстоянии 234 ярдов от углов, обращенных к югу. Это выглядит так, как будто первоначальная территория, обнесенная стеной, представляла собой квадрат в 468 ярдов, и что впоследствии, когда здания приобрели постоянный характер, а линии больших дорог, ведущих к воротам, были закреплены жилыми домами вдоль них, было сочтено необходимым увеличить площадь, и что это было сделано путем добавления ширины в 82 ярда с северной стороны, что, конечно, на столько же отодвинуло северо-западный и юго-восточный входы от центра. Более того, если мы предположим, что вся стена площади была перестроена, когда было произведено это предполагаемое изменение, мы получим объяснение современного характера сохранившейся каменной кладки, которая, по мнению тех, кто знаком с римскими работами, относится к позднему периоду. Если это так, то чрезвычайно вероятно, что вся *обитель* была затем перестроена, поскольку столь важный город вряд ли остался бы без стен в предыдущие столетия своего процветания. Принимая во внимание величину, население и богатство римского Йорка, а также количество общественных зданий, которые неизбежно должны были накопиться за четыреста лет, прошедших с завоевания Клавдианом до конца римского владычества, и наличие некоторых из которых засвидетельствовано надписями и фундаментами, следует отметить, как очень мало памятников того периода сохранилось над землей, или, скорее, как полностью все, за одним или двумя исключениями, исчезло. Без сомнения, под 15 или 16 футами *обломков*, которые, как предполагается, покрывали римский город, и таким же слоем более поздней почвы, которая, по-видимому, накопилась с начала саксонского или английского периода, должно быть скрыто множество любопытных

останков римского, а также более позднего периодов. Некоторые из них время от времени обнажаются при образовании канализационных коллекторов, но непогребенные остатки римской постройки, по-видимому, ограничены одной башней и прилегающей стеной, а также фрагментами стены в другой части города. Многоугольная башня, образующая один из углов римской площади, представляет собой каменную оболочку, 42 фута в наружном диаметре и 20 футов в открытом ущелье. Она расположена не так, как в нормандских произведениях, чтобы просто перекрыть стык двух стен, которые должны были бы сходиться под прямым углом, но весь угол заменен, как в римских произведениях, изгибом радиусом 50 футов, и башня стоит в центре этого закругления, три четверти которого, представляющие девять граней, отсоединены. Башня и прилегающие стены имеют толщину 5 футов. Римская часть сооружения имеет высоту около 15 футов. Он сложен из щебня, облицован тесаным деревом, размеры блоков составляют примерно 4 дюйма на 5 дюймов или 6 дюймов, очень редко больше. Есть одна полоса из пяти рядов кирпича, которая прослеживается вдоль соседней стены, хотя вся она была сильно повреждена и залатана. Поверх римской работы был нанесен верхний слой из тесаного дерева толщиной около 3 футов и высотой 12 футов, пронизанный девятью крестообразными петлями, по одной на каждой грани, и вставленный в заостренное углубление, что является дополнением к раннеанглийской или раннеукрашенной дате. Стена, простирающаяся на юго-восток от башни на 53 ярда, построена в том же стиле и из того же материала. Обе они были частью оборонительных сооружений средневекового города. Противоположная стена, идущая на восток, была частично разрушена и теперь имеет высоту всего 4 фута, а на небольшом расстоянии уходит под землю на восточном берегу. Эта часть стены, очевидно, была разрушена до того, как был возведен земляной вал, поскольку она не только погребена под насыпью, но и более поздняя городская стена построена на расстоянии 4 футов перед ней. Следует отметить, что римская башня и стена, хотя и совершенны, совершенно не связаны с каким-либо берегом земли, а облицовка тесаным деревом, как внутри, так и снаружи, показывает, что так было всегда. Стена стоит на естественной поверхности земли и видна одинаковой высоты внутри и снаружи. Эта особенность римских укреплений не характерна для Йорка, но видна в Порчестере, Силчестере и других местах. Очевидно, что все земляные укрепления, которые являются столь важным элементом обороны Йорка, относятся к постримскому периоду. Другой фрагмент римской стены можно увидеть в частном саду [мистера Грея], где он был покрыт примерно 12 футами обломков, и недавно был открыт в месте недалеко от старых северных ворот. Здесь стена также лежит под земляным валом, на котором построена последняя стена. Третий фрагмент этой римской стены виден во дворе к востоку от Монк-Бара. Он около 6 футов в высоту, облицован тесаным деревом и до недавнего времени был засыпан земляным валом. Вероятно, большая часть этой стены все еще скрыта, поскольку считается, что уровень римского города находится здесь по крайней мере на 20 футов ниже. Хотя над землей видно так мало римской стены, она была прослежена в разных точках, так что можно считать установленным, что она включала в себя всю территорию; что там было четыре угловые башни и четыре главных ворот, одними из которых является Бутбэм-Бар, хотя никаких следов римской работы не видно в средневековом сооружении, которое, действительно, вероятно, стоит на гораздо более высоком уровне, чем его римский предшественник. Линия дороги от этого бара является римской и вела в Исуриум или Олдборо. Расположение трех других ворот было установлено путем раскопок. То, что находилось между баром "Монк" и садом мистера Грея, находилось на дороге, ведущей к Дервенцио или Стэмфорд Бридж. Другой был в Лоу-Питергейте, недалеко от Церкви Христа, на дороге, ведущей в Преториум или Броу-он-Хамбер. Эта дорога пересекает более поздний путь в баре Walmgate. Четвертые ворота находились у подножия Стоунгейт, перед Особняком, на пути, который пересекал место нынешней Ратуши, пересекал Уз в этом месте

по мосту и, проходя через место более позднего бара Миклгейт, шел по прямой в сторону Калькарии или Тадкастера. Помимо фрагментов стены, под нынешней поверхностью были обнаружены различные другие римские останки, все они показаны на замечательной антикварной карте города, составленной мистером Скаифом. За рекой и за пределами военного поста также были обнаружены другие остатки римских построек, и более конкретно можно упомянуть тротуар, проложенный прямо внутри бара Micklegate Bar, в переулке, ведущем к вокзалу. Это особенно важно, потому что оно находилось под земляным валом городской стены и доказывает, что и здесь этот вал является постримским. Помимо этих останков, расположенных либо в пределах римского укрепления, либо в районе более позднего города, были найдены и другие останки, разбросанные по более обширной территории. Из них наиболее важными являются кладбища, которые находятся в Клементхорпе, вдоль всей Тэдкастер-роуд и на участке между этой дорогой и Узом, где в настоящее время ведутся раскопки для предполагаемой железнодорожной станции. Кроме того, на северном берегу реки, напротив церкви Святой Марии и Олмери Гарт, есть следы захоронений, за раскопками на всей территории которых внимательно наблюдали мистер Рейн и другие; эти открытия создали и обогатили очень ценный музей Йоркширского общества. Что неопровержимо доказывается всеми этими открытиями, так это то, что римский Эборакум намного выходил за пределы военного поста и располагал пригородами во всех доступных направлениях далеко за пределами какой-либо военной защиты, показывая, что жители были многочисленны и богаты и жили совершенно без каких-либо опасений перед опасностью. Хотя Фосс, безусловно, является естественной рекой, а не, как когда-то предполагалось, римским руслом, судя по его названию, представляется вероятным, что римляне либо изменили ее русло, либо превратили в большой бассейн ниже города, чуть выше слияния с Узом. Более чем вероятно, что римляне получали здесь и хранили свои запасы зерна, и что большая часть торговли города в период его расцвета велась именно здесь. Не кажется невероятным, что большая часть низменности на левом берегу реки тогда была частью бассейна, хотя сейчас, после строительства замковой плотины, заилена и мелиорирована.

Римские армии были официально выведены из Британии в 426-430 годах н.э., и Эборакум, попавший в руки своих, но очень несовершенно романизированных британских жителей, снова стал Кэр-Эвраком. Несомненно, до того периода римские здания, общественные и частные, церкви, базилики и домашние жилища были совершенны, и маловероятно, что бритты, пропитанные римской кровью и привыкшие к римским обычаям, причинили бы им вред; но то, что они были разрушены и погребены глубоко в своих руинах до того, как были возведены существующие земляные укрепления, несомненно. Кем же тогда, в какой период и в качестве защиты от кого были возведены эти земляные укрепления? Чтобы ответить на этот вопрос, будет удобно, в первую очередь, описать их. Эти земляные сооружения, вероятно, относятся по крайней мере к двум периодам: к тем, что на правом и левом берегах Уза, и к тем, что за пределами Фосса или на нем, и именно с первым нам предстоит разобраться в первую очередь. Гребень или земляная насыпь высотой от 15 до 40 футов и соответствующей ширины была проведена вокруг большей части защищаемой территории, а у ее внешнего подножия был выкопан глубокий и широкий ров, содержимое которого образовало насыпь; и этот ров, где уровень был не слишком высок, снабжался водой из Уза. Это новое земляное сооружение включало в себя пространство, примерно в три раза превышающее площадь римской станции и, вероятно, такое же большое, как последнее расширение римского города. Новая территория, хотя и не была, в отличие от римской огады, строго прямоугольной, была более или менее такой и по большей части представляла собой прямые линии, сходящиеся под прямым углом или почти так. Поскольку стена и башня в юго-западном углу стояли более или менее безупречно, они были приняты

как часть новой обороны; но от стены до Уза насыпь и ров были проведены прямо к тому, что сейчас известно как башня Ландаль. В противоположном направлении, когда римская стена была разрушена, над ней была насыпана насыпь, и таким образом она продолжалась и, вероятно, до сих пор содержит ее вдоль края сада Декана до северо-западного угла. Оттуда насыпь, все еще прикрывающая остатки стены, продолжается примерно на 600 ярдов в направлении Монк-Бара и за его пределами. В двух местах, а именно в саду мистера Грея и во дворе, выходящем из бара, край банка был срезан, и под ним видна стена. Далее, недалеко от церкви Святой Елены, стена поворачивала под прямым углом и, без сомнения, имела угловую башню. Однако она исчезла. Таким образом, здесь земляной вал выходит за линию римской стены и продолжается отдельно на протяжении 144 ярдов, когда поворачивает наружу почти под прямым углом и заканчивается у Лайерторпа, на берегу Фосса. Земляные работы здесь прекратились, потому что в них больше не было необходимости. Тогда, как и много лет спустя, Фосс был не только широким и глубоким, хотя и медлительным ручьем, но и соединялся с обширным участком болота, не имевшим ни суши, ни воды, и само по себе служившим отличной защитой. Следовательно, окаменелость, по-видимому, была границей и защитой новой территории примерно на 900 ярдов, когда она течет в направлении Уза, включая длинный язык суши, ныне поле Святого Георгия, а затем болото, которое, конечно, осталось за пределами этой территории. Вероятно, насыпь возобновлялась у изгиба Фосса и проходила через место более позднего замка прямо к Уз, где до сих пор видно около 70 ярдов от нее, и таким образом, частично у римской стены, частично у земляного вала и частично у реки Фосс, были завершены оборонительные сооружения города к северу от Уз. К югу от этой реки берег снова начинается у Скеддергейта и доходит до угла Бишопсгейт, примерно в 244 ярдах, большая часть которого, однако, занята более поздним холмом Бейл. От этого угла она продолжается около 750 ярдов почти по прямой, а затем, поворачивая под углом, несколько превышающим прямой, продолжается двумя прямыми участками по 227 ярдов и 340 ярдов до реки напротив башни Лендал. Таковы земляные укрепления к северу и югу от Уза, от которых осталось около 3000 ярдов в длину. Каков их возраст и кем они были построены? Не римлянами, поскольку они покоятся на римских зданиях, которые были разрушены и более или менее погребены до начала земляных работ. Едва ли пиктами и скоттами, захватчиками с севера, которые время от времени приходили сюда силой, чтобы жечь и разрушать, но никогда не для того, чтобы селиться или строить. Вряд ли саксами или ранними англичанами, поскольку они редко, если вообще когда-либо, использовали прямые линии в своих оборонительных сооружениях и, конечно, никогда в таком большом масштабе. В целом, мне кажется наиболее вероятным, что после вывода римских легионов и нескольких разрушительных вторжений из-за северной границы романизированные бритты, которым еще многое предстояло защищать, приложили огромные усилия, чтобы окружить свой разросшийся город, и, хотя и не потрудились на такую большую кладку, соорудили земляной вал, который, как и следовало ожидать, представляет собой множество признаков римского кастрационизма. Если это предположение окажется обоснованным, оно объяснит не только эти сооружения, но и те, что в Уоллингфорде, Уэйрхеме и Тэмворте, которые имеют прямоугольную форму, но которые не находятся на каких-либо больших римских дорогах, не представляют следов римской оккупации, а насыпи и рвы которых имеют больший масштаб, чем это было принято у римлян, чьи временные сооружения были лишь незначительными, и которые использовали каменную кладку для сооружений более постоянного характера. Та же смесь британской крови и римских обычаев, которая сделала из Амброзия Аврелиана вождя смешанного происхождения, вполне могла проявиться в таких произведениях, как работы Йорка. О промежутке между уходом легионов и первым становлением Дейры как саксонского королевства известно около шестидесяти лет, но сохранилось мало записей. Это был

период, в течение которого слабеющая энергия бриттов один-единственный раз вспыхнула и под предводительством галльского Сен-Жермена одержала над пиктами и саксами знаменитую победу "Аллилуйя". Вероятно, примерно в это же время, в первой четверти пятого века, были выполнены эти земляные работы. Как продолжалось британское правление и какой уровень цивилизации сохранили романизированные аборигены, является скорее предметом догадок, чем доказательств. Столичное превосходство города, однако, сохранилось, поскольку о нем стало известно примерно в середине VI века, но уже не как о христианском центре, а как о языческой столице Дейры, находящейся под властью саксонской Эллы.

В седьмом веке Йорк все еще был процветающим городом, и в него снова проникла закваска христианства. Здесь Паулин в 626 году крестил основателя Эдинбурга, который засвидетельствовал здесь свою веру постройкой деревянной часовни, скромного предшественника великого собора Севера. Более ранние церкви с римскими храмами и базиликами, без сомнения, давно были разрушены. Йорк в полной мере пережил бедствия, которые залили землю кровью во время медленного становления Английского Содружества. Он был сожжен в 738 году во времена архиепископства Эгберта, брата Эдберта, короля Нортумбрии. В 867 году он был взят Ингуаром и Уббой, сыновьями датского Лодброга, которые жестоко отомстили за смерть своего отца на землях, орошаемых рекой Уз, вырезали жителей и разрушили город, который, хотя и был укреплен, похоже, не подвергался решительной обороне, и о замке ничего не упоминается. Считается, что Гудрума, датского вождя, который удерживал город во время отсутствия Ингуара и Уббы, до сих пор помнят из-за ассоциации его имени с главной улицей города. Именно к этому периоду, судя по материальным свидетельствам, единственным имеющимся свидетельствам, с наибольшей вероятностью можно отнести завершение земляных работ в том виде, в каком мы их сейчас видим, на юго-восточном фасаде города, на окаменелостях и за их пределами.

Опасности, которых Йорку приходилось больше всего опасаться в шестом, седьмом, восьмом и девятом веках, то есть с момента первого появления викингов на берегах Британии, приходили главным образом с востока и через реки Хамбер и Уз. Следовательно, защита города на этой стороне и от морского противника стала делом жизненно важной важности для первых саксонских поселенцев, которым позже пришлось защищаться от вывода из недр Севера, и обладавших всей той свирепостью, которой цивилизация более или менее лишила их предшественников. Первой целью была защита реки. Из саксонских хроник мы узнаем, что английский способ добиться этого состоял в том, чтобы насыпать два больших кургана, по одному на каждом берегу. Таким образом, в восьмом и девятом веках они защищали Ноттингем, и Хартфорд, и Стэмфорд, и Бекингем, и, таким образом, они, естественно, защищали Йорк, и это, несомненно, является источником Замковой горы на левом берегу и залива на правом берегу, которые, таким образом, могут быть отнесены к девятому веку. Эти курганы почти неизменно сопровождают английский аул, или главную резиденцию, и нигде их так много, как в Йоркшире. Даты многих из них зафиксированы в Саксонских хрониках, и близкая аналогия дает ключ к разгадке даты большинства других. Обычно они имеют круглую канаву, прилегающую к насыпи и перекрывающую ее, в то время как с одной стороны, также включенной в соответствующую канаву, находится базовая площадка. Тэмворт, дата которого зафиксирована, является прекрасным примером такой работы, как Тикхилл и, в меньшем масштабе, Барвик-ин-Элмет и Лоутон-ан-ле-Мортен. Йоркские курганы имеют тот же характер. До недавнего времени на Клиффордс-Хилл имелся свой собственный ров, питавшийся от Уз и отделявший его от нижнего округа, ныне изуродованного судами присяжных и тюрьмами, но в котором также были свои рвы, частью которых был и остается Фосс. Точно так же на холме Бейл был свой ров, ныне засыпанный, и

то, что он окружал холм и питался из окаменелости, очевидно для тех, кто внимательно изучит его и заметит углубление в более поздней стене, где она проходит через засыпанный ров, достигая склона насыпи. Но для завершения обороны города с этой стороны требовалось нечто большее. Датчане приплыли на своих собственных кораблях и должны были подняться по Рву и оттуда напасть на город. Таким образом, за Фоссом была прослежена местность, которая, прикрывая реку и обрамляя Уз с флангов, делала атаку на этой стороне делом опасным. Уолмгейт, как называется новая надворная постройка, укреплен изогнутым берегом на английский манер, протяженностью около 900 ярдов, упирающимся с одной стороны в болото острова Фосс, а с другой - в сам Фосс у Фишергейта. Взглянув на карту, вы увидите, насколько полностью этот фасад города был защищен укреплениями Уолмгейт за Фоссом, самим Фоссом, замком в его тылу, а также холмом Бейл и связанными с ним сооружениями за Уз. Примечательно, что такие саксонские остатки зданий, которые найдены в Йорке, находятся в пределах двух пригородов Уолмгейт и Миклгейт. По всему городу в большом количестве найдены саксонские захоронения, многие из которых расположены выше римских, а британские останки - ниже них. Пригород Уолмгейт был построен на римской дороге и через него проходила римская дорога, но в нем не было найдено никаких римских останков. Вероятно, он располагался слишком низко для жилья. Если, с одной стороны, эти укрепления, как правило, отталкивали врагов, то, с другой стороны, огромное богатство города служило еще большей приманкой для их привлечения. Несмотря на датские вторжения и разграбление, жизнеспособность города оставалась высокой. Алкуин, писавший в том же веке, в котором жили Ингуар и Убба, отмечает его богатство и величие, любовь к литературе (о чем свидетельствуют тома в библиотеке собора) и большое коммерческое процветание. В 923 году город пал перед Бэгналдом, северянином, а после середины одиннадцатого века, когда Дейра входила в Йоркшир, Йорк снова был потревожен притеснением Тостига, против которого восстала вся провинция, и в 1065 году здесь состоялся гемоте, на котором, по словам Фримена, были представлены представители как английской, так и датской крови. Целью собрания на самом деле был распад королевства, и провинциальному движению помогали мерсийцы и валлийцы. Однако, к счастью, возобладали более мудрые советы, мир был куплен уступкой, и Тостиг, против которого было направлено восстание, был изгнан. Перед вторжением норманнов предстояло еще раз испытать оборону Йорка. В роковом 1066 году Тостиг, ободренный своими союзниками-норманнами, пролетел над английским берегом и, объединившись с Хадрадой, вошел в Хамбер и поставил свои корабли на стоянку в Риккале, в 9 милях ниже города. Эдвин и Моркер покинули свои места в Лоутоне и Барвике и собрали свои силы в Йорке, и армии встретились в Гейт-Фулфорде, в двух милях вниз по реке. Два графа были разбиты, и Йорк сдался и согласился передать заложников на Стэмфорд Бридж, хотя фактическая передача, как полагают, произошла в Олдби, где курган и окаменелость до сих пор указывают на резиденцию королей Нортумбрии. Но хотя графы потерпели неудачу, Гарольд не отказался от своего долга. Несмотря на надвигающееся вторжение с юга, он сразу же двинулся на Йорк, не отдыхая ни днем, ни ночью. Он достиг Тэдкастера, когда город фактически капитулировал. Он вошел в Йорк без сопротивления, без промедления покинул его, сражался и выиграл битву при Стэмфорд Бридж. Он снова прошел маршем через Йорк и у Дервента поравнялся с норвежским резервом. Он обратил их в бегство; затем вернулся и, проведя два дня в Йорке, снова двинулся на юг, чтобы отдать свою жизнь за Англию в Гастингсе. Таким образом, Йорк был свидетелем последнего и благороднейшего усилия великого английского вождя освободить свою северную столицу от захватчиков, и поэтому, когда ее оборона была сильно разрушена, а военный авторитет невелик, она ожидала подхода норманнов. Нормандское завоевание показало, что Йорк был очень значительным городом, и если его военная репутация в то время была невысокой, события показали, что

это было связано скорее с отсутствием лидера, чем с отсутствием храбрости у его граждан. В то время город состоял из семи округов, называемых “графствами”, из которых один, содержащий внешний Бейл, принадлежал архиепископу. Здесь было 1800 “госпитальных домов”, то есть домов, в которых платили обычную арендную плату, и два замка. Уильям впервые посетил Йорк летом 1068 года. Горожане приняли его с покорностью, и, как обычно, он приказал построить замок, и таким же обычным местом был выбран курган на месте существующей крепости. Его строительство и защита были поручены Уильяму Мале, Роберту Фиц Ричарду и пятистам отборным рыцарям. Мале, который отличился в Гастингсе, был шерифом Йоркшира и крупным землевладельцем в графстве. В Йорке Уильям получил признание своего превосходства от Малькольма Шотландского, Этельвина, епископа Дарема, и Арчилла, великого нортумбрийского тана. Из “Судного дня” следует, что из семи графств одно было опустошено при строительстве замка, а количество домов сократилось с 1800 примерно до 1036. Вероятно, людям разрешили подойти ко рву с замком, и было необходимо расчистить эспланаду вокруг него. Покорность Йорка была вызвана обстоятельствами и была только кажущейся. В следующем, 1069 году, горожане восстали против нормандского гарнизона. К ним присоединились Эдгар и люди Нортумбрии, и замок был осажден. Конечно, мало что можно было сделать за столь короткое время для замены каменной кладки более легких английских сооружений, которые, вероятно, были деревянными или, в лучшем случае, представляли собой стены без раствора, и Мале, должно быть, ограничился укреплением уже существующих сооружений. Позиция, пусть и окруженная частоколом, была прочной, и Мале держался до тех пор, пока Вильгельм не пришел ему на помощь, не разорил город, не осквернил собор и не наказал горожан. Теперь он приказал построить второй замок на холме Байл. То, что это был простой частокол, ясно из того факта, что он был завершен за восемь дней, прежде чем он покинул город. Несмотря на то, что работы велись быстро, столб, должно быть, был очень прочным, так как насыпь была высокой и крутой, а рвы широкими и глубокими и заполнялись речной водой. Но хотя такие укрепления могли быть надежно удержаны несколькими решительными людьми, как при Вигморе, против целой армии, англичанам оборонительные сооружения были знакомы и не внушали им такого ужаса, как каменные и высокие крепости, которые норманны недавно начали возводить в Нормандии и которые Вильгельм начал строить в Лондоне. Уильяму Фиц Осборну было поручено строительство второго замка, который во многом напоминал недавно построенный в его собственном графстве Херефорд. Даже эта двойная уздечка не смогла обуздать свирепый дух англичан. После кратковременного восстания, которое было подавлено помощниками Уильяма, народ организовал последнюю и более серьезную атаку.

В сентябре 1069 года датский флот снова поднялся по реке Хамбер. К этим союзникам присоединились жители Нортумбрии и английские графы из Шотландии. Восстание угрожало трону Вильгельма. Он поручил Мале и Фитцу Гилберту твердо держаться и получил от них заверение, что в течение года они будут в безопасности. Они, должно быть, раскаялись в своем обещании, когда увидели, что все население города собралось перед замком густо, как осы. Гарнизон сразу же подожгли соседние дома, чтобы расчистить путь для обороны, и таким образом сожгли большую часть города, во время чего предприняли мощную вылазку. Они были перехвачены; говорят, что три тысячи человек были убиты; замок пал, а командующий был взят в плен. Новые укрепления были разрушены, вероятно, в результате пожара, и север снова был свободен. Численность сражавшихся показывает, что гарнизон занимал не только курган, но и нижний уорд. К несчастью для англичан, у них не было предводителя, способного сразиться с Уильямом в поле. Он двинулся на восток, встретился с вторгшимися датчанами, частично разгромил их и частично субсидировал в районах Линдси, и, внушая ужас своим именем, вошел в Йорк, не встретив сопротивления. Он снова приказал обновить замок, а затем было произведено то широкое и ужасное

опустошение северных графств, которое, возможно, было необходимо, чтобы позволить ему удержать Англию, но которое покрыло его имя позором. Выполнив свою ужасную задачу, он встретил Рождество 1069-70 годов среди почерневших руин Йорка.

На прошлое Рождество Уильям посетил Дарем, подавил значительное восстание в стране из-за Тиса и, после нескольких недель отсутствия, в последний раз вернулся в Йорк. То, что осталось в Йорке военного характера, можно отнести к Завоевателю или к периоду его правления? Вероятно, вообще ничего. Обычно предполагалось, что непосредственно по приказу Завоевателя здесь были построены крепость и стены, подобные тем, которые мы относим к нормандскому периоду. Но этот период архитектуры продолжался почти до 1200 года, и вполне вероятно, что лишь очень немногие из норманнских замков были ровесниками Вильгельма. Норманнам было чем занять их. Их каменщики, а иногда даже и материалы, были импортированы из Нормандии, и вполне вероятно, что в большинстве случаев, как, безусловно, и в Йорке, новые лорды воспользовались теми защитными сооружениями, которые оказались у них под рукой, и лишь очень медленно заменили их обычной кладкой. Из нынешних стен только внутренняя часть или сердцевина ворот и часть стены над задней дверью Лайерторпа имеют какие-либо отчетливые нормандские черты, и они кажутся скорее поздними, чем ранними в этом стиле. Очень трудно избежать вывода, что оборона Йорка, по крайней мере, в течение поколения после Завоевания, представляла собой линию частоколов вдоль гребня земляного вала, аналогичные сооружения вокруг замка и залива, глубокие рвы и сторожки, очень возможно, каменной кладки.

А теперь, после общего описания существующих стен, подводим итог этим замечаниям. Следует заметить, что стена повсюду повторяет линию насыпи, будучи возведенной на ней, и, следовательно, редко бывает какой-либо большой высоты, поскольку крутой внешний берег и ров считаются важной частью обороны. Канава, действительно, быстро становится делом истории. Несколько лет назад хороший пример этого покрывал фасад города от Уз до железнодорожной арки, но теперь работы на новой станции совершенно без необходимости затронули канаву, и часть ее уже засыпана. Любопытно также, что фундамент стены, по большей части, в некоторых местах очень неглубокий, конечно, не выше двух-трех футов. Действительно, большая часть стены Уолмгейта опирается на грубые, слегка заостренные арки; возможно, из-за плохого фундамента похожие арки видны под крепостной стеной Саутгемптона, предназначенные, как и эти, для маскировки. Следует также отметить, что толщина отдельных участков стены, особенно самой старой части в Лайерторпе, не превышает двух или, самое большее, трех футов, что исключает возможность обхода вала, без чего стена, конечно, была бы малопригодна для обороны. В Лайерторпе эту потребность восполнила внутренняя стена, построенная на арках и ведущая к дорожке rampart walk. У стены, на которой находится участок Святой Марии, предназначенной, очевидно, для обороны, на которую Эдуард II выдал лицензию., может показаться, что эта дорожка вдоль вала была внутренним сооружением или лесами из дерева. Там, где стена явно построена позднее, как, например, возле Лендала, она намного толще, и дорожка вдоль вала является ее неотъемлемой частью, хотя здесь каменные ступени, должно быть, были дополнены снизу либо бревнами, либо насыпью земли. Задняя часть Лайерторпа, по-видимому, имеет обычную сторожку, расположенную на внутреннем конце моста Фосса и образующую соответствующее окончание стены в этом направлении. Задняя дверь Фишергейта, дверной проем с опускной решеткой в стиле Генриха III. или Эдуарда I., похоже, была водяными воротами на Окаменелости. Соседняя квадратная башня, которой заканчивается занавес, частично датируется той же датой, но частично была перестроена в перпендикулярный период. Йорку повезло с его воротами, хотя с ними обошлись наиболее жестоко. В них находится оригинальная нормандская сторожка, небольшое прямоугольное здание с

круглыми порталами на каждом конце и плоской деревянной крышей между ними. Там был верхний этаж, теперь снятый, и петли для двойных ворот. Здесь нет опускной решетки - средства защиты, хорошо известного норманнам, но которым они особо не пользовались. В украшенный период эти сторожки были облицованы, добавлен внешний портал и установлена опускная решетка на одном или обоих концах. В Monk Bar порталый проход был сводчатым. Была добавлена высокая надстройка с башенками или бартизанами, выступающими по углам, и боковыми дверями, сообщающимися с соседними занавесками. Перед каждой сторожкой было прямоугольное ограждение или загон с укрепленными стенами и наружными воротами, открывающимися на дальней стороне рва. Две маленькие двери открывались с первого этажа сторожки в стенах этого сооружения, и таким образом был образован барбакан. Подъемный мост был сооружен внутри, над рвом. Сохранился только один из этих барбиканов, тот, что из Уолмгейта; но те, кто пожелает увидеть другие и более ранние образцы этого придатка, найдут один похожий тип в Карлайле и очень красивый в Олнвике. Стены были настолько залатаны и отремонтированы, что трудно составить мнение об их возрасте. В 1138 году они были достаточно сильны, чтобы сдержать шотландского короля Давида, который осадил Йорк во время состязания между Мод и Стефаном, незадолго до его поражения на поле Норталлертон; но, за уже упомянутыми небольшими исключениями, их старейшие части, по-видимому, относятся к Украшенному периоду, возможно, к правлениям Эдуарда I и II или даже к правлению Генриха III. Очаровательные маленькие вершушки петель в стене Уолмгейт вряд ли появились позже Эдуарда II. Большая часть надстройки появилась гораздо позже. Стены были отремонтированы по приказу Эдуарда III в июле 1327 года, перед битвой при Невилл-Кросс, и многое было сделано для них вплоть до наших дней.

Можно было бы предположить, что в замке Йорк, на который Завоеватель обратил свое особое внимание, должны были сохраниться некоторые памятники той эпохи. Однако это не тот случай. Стена в нижнем приходе на Окаменелости, возможно, частично относится к началу XII века, но круглые фресковые башни не могут быть построены ранее правления Генриха III. Башня Клиффорда, действительно, сторожевая башня крепости, представляет собой очень интересное сооружение. Круглые или многоугольные крепости, такие как Кардифф, или Арундел, или Пикеринг, часто относились к нормандскому периоду; но правильная круглая башня, или башня с четырьмя крыльями, завезенная в основном Филиппом Августом во Францию, нашла свое применение в Англии, и две основные разновидности замковой башни с рисунком в виде четырехлистника находились в Уорике, ныне удаленном, а эта - в Йорке. В плане он представляет собой четырехлистник диаметром 60 футов и 80 футов, со стенами толщиной 9 футов и высотой 40 футов, три угла над первым этажом заняты круглыми башенками с выступами, а четвертый - небольшим квадратным выступом, который содержит внизу вход, а сверху небольшую часовню с красивыми аркадами и украшен лепниной в виде собачьих зубов. У этой крепости был первый этаж, огибаемый со всех сторон, и второй этаж с соответствующими петлями. Вероятно, камеры были пристроены к стенам и опирались на столбы и балки, оставляя небольшой открытый дворик рядом с входом, вмещающий стену. Две винтовые лестницы ведут на второй этаж, а оттуда на зубчатые стены. Башня сильно пострадала в результате попыток сначала разрушить, а затем отремонтировать ее. Сама башня напоминает о правлении Ричарда или Иоанна. Часовня рассматривалась как пристройка, если это так, то она очень ранняя. Йоркский замок пользовался дурной славой во времена правления Ричарда I. Из-за ужасной трагедии, учиненной там евреями в 1189 году. Затем замок был сожжен, и нам говорят, что Осберт де Лонгшан, наместник короля, вступившийся за евреев, восстановил работу Руфуса в замке. Вероятно, сюда входила крепость, очень похожая на то, что мы видим сейчас. За

нынешней стеной замка был второй и очень узкий двор, увенчанный низкими барабанными башнями, по-видимому, времен правления Генриха III. или Эдвард I.

КОНЕЦ.

"ВАЙМАН И СЫНОВЬЯ", ТИПОГРАФИЯ, ГРЕЙТ-КУИН-СТРИТ, ЛОНДОН, ВАШИНГТОН

СНОСКИ:

[1] Дюканж дает "*Glorieta, edificiolum altius, nostris glorieta*". В римском де Партонопексе упоминается тонко раскрашенная *камбретка*, названная таким образом. In the Statutes of Milan, also, the following clause is found: "Si quis de cætero construere vel construi facere voluerit aliquam Baltrescham, ponticellum, vel Glorietam, in ejus domo, super muro proprio vel communi, per quam immediate prospici possit in domum vicini, hoc ei liceat," &c. Лакомб дарит "Глориетт: тюрьма, маленький дом роскоши, зеленый кабинет" и так далее. Любимый курорт недалеко от Доркинга с прекрасным видом известен как "Глори".

[2] Хатчинс, История. Дорсет, том первый, третье редактирование., стр. 487, 494. Арка. Journ., vol. xxii., стр. 215, 217.

[3] Там же, стр. 219.

[4] Монастырские здания, Церковь Христа, Кентерберри, Кантианская археология, том vii., стр. 105, 109.

[5] "Hæc est conventio inter Gundulfum episcopum et Eadmerum Anhœnde Burgensem Londoniæ."

"Dum idem Gundulfus, ex præcepto regis Willielmi Magni, præesset operi magnæ turris Londoniæ, et hospitatus fuisset apud ipsum Eadmerum quadam vice ipse cœpit episcopum rogare ut concedet sibi societatem ecclesiæ quam regebat, videlicet, S^{ti}. Андрей. Quod ei episcopus satis libenter concessit. Et ideo concessit Sancto Andreæ et fratribus ibidem Deo servientibus medietatem piscariæ quæ vocatur Niuue Uuere, quam diu viveret. Cum vero moreretur, totam eam ibidem concessit, et totam terram suam quam habebat in Lundonia, et domos tali pacto, ut ipse et uxor ejus ad Rouecestriam deferrentur et ibidem sepelirentur, omnique anno eorum anniversarium observaretur."—"Textus Roff.," Ed. Хирн, стр. 212.

[6] 1190 год н.э. "Sub his diebus W^s Eliensis Ep^s, Angliæ Justiciarius et Apostolicæ sedis legatus, fecit Turrim Londinensem fossato profundissimo circumcingi, sperans se posse Tamisiæ fluenta in urbem ducere. Sed post multos de fisco sumptus se laborare inutilita comprobavit."—M. Paris, Ed. 1646, p. 161.

[7] "Itaque spe frustratus, in arcem se regiam cum suis omnibus recessit; quorum tantus erat numerus, ut in stricti loci angustiis sua illis esset nocivior multitudo, quam hostium foris frementium multitudo. Æstuebat turris interius comprehensiore multitudinis inclusæ, cito evomitura quos prodendo magis quam tuendos suscepit. Denique post unam noctem egressus ad Johannem et obsessores cæteros. Ille paulo ante rhinoceros sed jam homo, humuli alloquio abeundi facultatem impetravit inclusis."—W. Хеминг: стр. 530.

[8] "Планшерииум" - это верхняя камера, вероятно, то, что здесь имеется в виду.

[9] "Per posticum quod de Turri plagam meridionalem respicit et fluvio contiguatur, legatum potenter eduxit, et ejus loco defensores idoneos intromisit, eductoque legato occupatores urbis

non immerito deridebat, et procedens usque Stratford ad tria miliaria prope London sine quolibet obice castra fixit.”—Chron. T. Wykes.

[10] Балиста была двигателем для метания дротиков, поскольку катапульта бросала камни и тяжелые вещества. И то, и другое приводилось в действие лебедками.

[11] В “Археологии”, том xxix., лист xliii., приведен план башни Одихам, но без описания и без даты. Она была представлена Обществу антикваров сэром Э. Хоумом в 1840 году.

Примечание переписчика:

- Удалены лишние страницы с заголовком и информацией о принтере.
- Пустые страницы удалены.
- Очевидные опечатки были незаметно исправлены.
- Информация о странице удалена из иллюстраций.
- Есть несколько ссылок на “Лиланда” и “Итина”, по-видимому, это “Маршрут антиквара Джона Лиланда”, под редакцией Томаса Хирна, 1744 год. Смотрите статью в Википедии о “Джоне Лиланде (антиквар)”.